

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

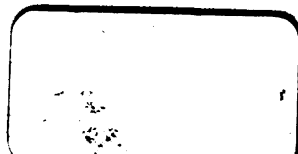
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191260 6

*QCA

2000

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

4447

МОСКВА

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ бульварѣ

1879

689

МАЛЬТІЙСКІЙ ОРДЕНЪ

И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ РОССИИ

Der Malteser Orden und seine Beziehungen zu Russland. Von Ernst v. Berg. 1879.

Судьба ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Основанный въ XII вѣкѣ онъ одинъ изъ всѣхъ рыцарскихъ орденовъ продолжилъ свое существованіе до начала нынѣшняго столѣтія. Все измѣнилось вокругъ него, а онъ сохранялъ свое прежнее устройство, являясь среди новаго времени какимъ-то страннымъ обломкомъ средне-вѣковой старины. Онъ оставался вполнѣ аристократическимъ учрежденіемъ до послѣдней минуты, даже когда демократическій потокъ уже сильно охватилъ европейское общество. Орденъ католическій и поставившій себѣ задачей борьбу со врагами христіанской вѣры, преимущественно съ мусульманами, онъ мало-по-малу долженъ былъ мириться съ мыслью что задача эта дѣлается анахронизмомъ для Европы, и кончилъ тѣмъ что подчинился государю который занималъ мѣсто во главѣ народа принадлежащаго къ восточной православнои церкви. Въ дѣятельности его можно отмѣтить различныя періоды—когда дѣятельность эта, исполненная самоотверженія, приносила пользу и когда находилась онъ въ

глубокомъ уладкѣ; но она одинаково поучительна хотя бы въ томъ отношеніи какъ отражалась на ней постороннія вліянія, ибо вловівъ самостоятельнаго значенія орденъ не могъ имѣть, а служилъ лишь орудіемъ католической церкви и европейской политики.

Особенно необычайнымъ событіемъ въ его судьбахъ привыкли считать то что императоръ Павелъ Петровичъ рѣшился оказать ему свое покровительство и принявъ титулъ его гроссмейстера, относясь какъ нельзя болѣе серьезно къ этому званію. Никто не хотѣлъ тутъ видѣть ничего кромѣ простой прихоти или страннаго увлеченія. Авторъ книги, заглавіе коей выписано выше—нашъ соотечественникъ, хотя сочиненіе его появилось на нѣмецкомъ языкѣ (оно издано въ Ригѣ), взглянулъ однако на вопросъ иначе. Онъ полагаетъ что событіе о которомъ идетъ рѣчь можетъ казаться вѣроятнымъ въ томъ лишь случаѣ если разсматривать его отдѣльно, безъ связи съ тѣмъ что ему предшествовало, но что оно вовсе не таково, если прослѣдить отношенія издавна установившіяся между Россіей и Мальтійскимъ орденомъ. Что касается этихъ отношеній, то и ихъ нужно разсматривать не иначе какъ въ связи съ отношеніями въ которыхъ находились рыцари, особенно начиная съ XVII вѣка, къ другимъ европейскимъ государствамъ. Тогда объяснится что орденъ не изъ чувства только самосохраненія искалъ опоры въ Россіи, но также потому что изъ всѣхъ державъ одна Россія являлась представительницей тѣхъ началъ которыя нѣкогда вызвали его къ жизни. Мы увидимъ что съ мыслию г. Берга можно согласиться лишь отчасти, но во всякомъ случаѣ онъ исполнилъ свою задачу весьма удачно. Если книга его не отличается особенно талантливимъ изложеніемъ, то она обнаруживаетъ основательное знакомство съ предметомъ и содержитъ обильный запасъ свѣдѣній дающихъ вѣрное понятіе объ одномъ изъ интереснѣйшихъ учрежденій.

I

Мы остановимся лишь въ краткомъ очеркѣ на первоначальной исторіи Іоаннитовъ. Не задолго до крестовыхъ походовъ нѣсколько богатыхъ купцовъ изъ Амальфи основали въ Іерусалимѣ, по близости съ Гробомъ Господнимъ, монастырь, а также госпиталь, гдѣ ухаживали за больными и

бѣдными пилигримами, кормили и поили ихъ, снабжали ихъ одеждой и даже деньгами. Госпиталь оказался чрезвычайно благотѣтельнымъ учрежденіемъ. Въ послѣдствіи предводитель крестовосцевъ Готфридъ Бульфонскій особенно покровительствовалъ ему, отвелъ ему земли въ Палестинѣ, и примѣръ этотъ встрѣтилъ подражаніе со стороны многихъ европейскихъ государей, такъ что въ непродолжительномъ времени обогатившійся госпиталь могъ расширить свою дѣятельность: приставища для пилигримовъ направлявшихся въ Святую Землю учреждены были въ С. Жиллѣ, Тарентѣ и Мессинѣ. Крестовосцы знатнаго происхожденія охотно принимали въ немъ на себя различныя обязанности и вскорѣ подчинились монашескимъ обѣтамъ. Въсѣтъ съ тѣмъ дано было имъ и особое одѣяніе—черное шерстяное платье съ узкими рукавами, изъ которыхъ на лѣвомъ былъ пришиваемъ бѣлый полотняный осмыконачный крестъ, а сверхъ этого черная же мантия съ остроконечнымъ калишономъ. Но рыцари посвятившіе себя такимъ образомъ подвигамъ милосердія и благотворительности не могли забыть о прежнемъ своемъ призваніи, а такъ какъ въ Палестинѣ и для того, и для другаго представлялось широкое полприще, то и возникала мысль соединить ихъ. Отсюда—учрежденіе духовнаго рыцарскаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, статуть коего былъ утвержденъ папой Пасхалиемъ II.

На основаніи его, званіе „рыцарей ордена“ давалось не всѣмъ кто принадлежалъ къ госпиталю, а только лицамъ благороднаго, даже знатнаго происхожденія. Но и изъ такихъ не могли пользоваться имъ тѣ о предкахъ коихъ было извѣстно что они занимались когда-нибудь торговлей или банкирскими дѣлами. Въ отношеніи отъ другихъ членовъ госпиталя, рыцарямъ предписано было носить красную одежду съ бѣлымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ и черную мантию, а на груди серебряный бѣлый крестъ (въ послѣдствіи форма его была измѣнена). Орденъ, получившій право избирать своего гроссмейстера, привлекалъ къ себѣ уже съ перваго времени своего учрежденія множество молодыхъ людей принадлежавшихъ къ извѣстнѣйшимъ фамиліямъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ, и вскорѣ число его членовъ такъ увеличилось что образовалось въ немъ нѣсколько отдѣловъ или какъ называли ихъ „языковъ“ (linguae). Было ихъ именно восемь: Провансъ, Овернь, Франція, Италия, Арагонія съ Каталоніей

и Наваррой, Кастилія съ Португаліей, Германія и Англія. Хотя всѣ рыцари одинаково принадлежали къ высшему сословію, но съ теченіемъ времени и между ними проведена была весьма замѣтная черта: къ такъ-называемымъ *cavalieri di giustizia* принадлежали тѣ которые могли доказать знатность своего происхожденія непрерывно въ нѣсколькихъ колѣнахъ, по большей части въ восьми,—отъ Нѣмцевъ почему-то требовалось впрочемъ шестнадцать, а отъ Испанцевъ только четыре; другіе такъ-называемые *cavalieri di grazia* вербовались изъ людей не столь знатныхъ, по большей части изъ такихъ отцы коихъ носили громкій титулъ, но матери были не дворянскаго рода.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ орденъ уже обладалъ значительными помѣстьями, находившимися не въ Палестинѣ только, но разбѣянными во всѣхъ европейскіхъ государствахъ. Сначала были они отдаваемы въ аренду, но такъ какъ этотъ способъ пользованія ими оказывался невыгоднымъ, то въ послѣдствіи управленіе означенными землями было поручаемо свѣдущимъ и надежнымъ рыцарямъ, которые носили различныя названія: прецепторовъ (*praesepiores*), если вмѣстѣ съ тѣмъ занимались они воспитаніемъ молодыхъ людей предвѣщавшихся для рыцарскаго званія, и командоровъ, которые не связаны были никакими посторонними обязанностями. Этотъ порядокъ вещей сохранился до позднѣйшаго времени и, какъ увидимъ, породилъ большія злоупотребленія: отъ членовъ ордена, о которыхъ идетъ рѣчь, требовалось чтобъ они непремѣнно вносили въ кассу установленную сумму, но такъ какъ помимо ея не малая часть доходовъ шла въ ихъ пользу, то командорства сдѣлались приманкой для многихъ членовъ ордена, которые не имѣли на нихъ никакихъ другихъ правъ кромѣ своей знатности и своихъ связей. Это относится уже впрочемъ къ XVII и XVIII вѣкамъ; въ началѣ же, когда благородныя и высокія стремленія одушевляли рыцарское сословіе, встрѣчалось мало примѣровъ чего-либо подобнаго. Нѣсколько командорствъ составляли пріорство, находившееся подъ надзоромъ и руководствомъ пріора. Кромѣ того, была еще важная должность такъ-называемыхъ бальи (отъ средне-вѣковаго латинскаго слова *bajulus*), раздѣлявшихся на три разряда и служившихъ главными помощниками гроссмейстера въ управленіи орденомъ. Всѣ эти лица—бальи, пріоры, командоры—составляли совѣтъ обсуждавшій важнѣйшія дѣла. Гросс-

мейстеръ пользовался большимъ почетомъ; рыцари относились къ нему какъ къ самостоятельному государю, преклоняли предъ нимъ колѣни, цѣловали его руку, должны были ежедневно поминать его въ своихъ молитвахъ. Само собою разумѣется что для Иоаннитовъ, какъ для монашескаго ордена, безбрачіе было обязательно.

Слава этихъ рыцарей распространилась одинаково на Востокъ и въ Европѣ. Вмѣстѣ съ рыцарями другихъ родственныхъ имъ орденовъ, мужественно боролись они противъ невѣрныхъ до тѣхъ поръ пока исчезла всякая надежда отстоять то что было создано крестоносцами въ Палестинѣ. Въ 1187 году было окончательнo завоевано Египетскимъ султаномъ Саладиномъ государство основанное Готфридомъ Бульфонскимъ и его сподвижниками. Иоанниты нашли себѣ пристанище въ Птолемаидѣ и оставались тамъ цѣлое столѣтіе, до 1291 года, когда въ свою очередь пала и Птолемаида. Затѣмъ переселились они на островъ Кипръ, а въ 1309 году удалось имъ завоевать островъ Родосъ. На этомъ островѣ оставались они до 1522 года и извѣстны были подъ названіемъ Родосскихъ рыцарей. Въ теченіе всего этого продолжительнаго періода времени не прекращались военные ихъ подвиги; повсюду встрѣчали они предъ собою мусульманъ и не задумывались наносить имъ удары съ такою же энергіей какъ одушевленная ихъ предковъ въ Святой Землѣ. Съ удаленіемъ изъ Палестины не поколебалось слѣдовательно значеніе ордена,—напротивъ, оно даже возрасло, если имѣть тутъ въ виду внѣшній блескъ, богатство и вліяніе. Орденъ Иоаннитовъ достигъ высшей стелени своего процвѣтанія въ самомъ началѣ XIV столѣтія, когда послѣ страшной катастрофы постигшей Тамплиеровъ, съ которыми такъ долго и такъ упорно онъ соперничалъ, пала Климентъ V передалъ ему значительную часть земель которыми владѣли Тамплиеры. Уже тогда впрочемъ можно было подмѣтить въ немъ признаки разложенія, но оно еще не достигло такихъ размѣровъ чтобы поколебать старинную его доблесть. Орденъ неоднократно имѣлъ случай обнаруживать ее съ самой блестящей стороны; особенно же напомнилъ онъ о себѣ Европѣ въ послѣднее время пребыванія своего въ Родосѣ, когда и это пристанище было наконецъ вырвано у него. Султанъ Солиманъ II принялъ твердое намѣреніе овладѣть островомъ; въ 1522 году онъ осадилъ его во главѣ многочисленнаго войска. Тщетно надвѣались

рыцари на помощь со стороны Европы, которой они служили въ былое время передовымъ отрядомъ; слышались только голоса соблазнованія, но никто не подалъ имъ руку, и съ горестью убѣдились они что должны разчитывать лишь на собственные силы. Осада длилась болѣе полугода; Иоанниты подъ предводительствомъ своего гроссмейстера Филиппа Виллье (Villiers de l' Isle Adam) обнаружили въ ней необычайное мужество и вынуждены были сдать лишь вслѣдствіе измѣны какого-то Албанца и врача изъ Евреевъ, которые къ страхамъ лускаемымъ имъ во вражескій лагерь прикрѣпляли письма съ точнымъ обозначеніемъ всего что происходило въ крѣпости. Впрочемъ, подозрѣніе въ измѣнѣ пало и на другое, несравненно болѣе важное лицо, а именно на канцлера ордена и великаго пріора Кастиліи Андрея Амарала, который въ негодованіи на то что не удалось ему быть избраннымъ гроссмейстеромъ вступилъ будто бы въ сношеніе съ Солиманомъ: если фактъ этотъ справедливъ (обвинителемъ Амарала явился лишь одинъ изъ его служителей), то онъ бросаетъ невыгодный свѣтъ на внутреннее состояніе ордена. Въ декабрь 1522 года состоялась капитуляція, на основаніи коей рыцарямъ дозволено было безпрепятственно удалиться изъ Родоса со всемъ своимъ имуществомъ и даже съ артиллеріей и другимъ оружіемъ.

Съ этой минуты начинается печальная одиссея безпріютнаго ордена. Съ престарѣлымъ своимъ гроссмейстеромъ отправился онъ на пятнадцать большихъ и малыхъ судахъ въ Европу, недоумѣвая какая судьба его ожидаетъ. Рыцари посѣтили Венецію, но встрѣтили тамъ холодный, хотя и вѣжливый пріемъ; лобывали въ Мессинѣ, откуда ихъ выгнала чума; затѣмъ явились въ Римъ, гдѣ папа Адрианъ VI устроилъ имъ торжественную встрѣчу, утѣшалъ различными обѣщаніями, но не исполнилъ ни одного изъ нихъ; вскорѣ этотъ первосвященникъ умеръ, а преемникъ его Каменъ VII удовольствовался тѣмъ что предложилъ рыцарямъ поселиться въ городѣ Витербо, флотъ же ихъ долженъ былъ оставаться въ Чивита-Веккіи. Конечно, подобная милость не представляла для нихъ ничего утѣшительнаго. На какую роль осудилъ бы себя орденъ еслибы избралъ своимъ пребываніемъ небольшой городокъ въ Римской области? Дѣятельность его въ теченіе долгаго періода времени съ тѣхъ поръ какъ удался онъ изъ Палестины происходила на морѣ; онъ привыкъ къ морю, рыцари

пріобрѣли себѣ репутацію отважныхъ и искусныхъ моряковъ; но проживая въ Витербо имъ пришлось бы почти совѣтъ отказаться отъ этого поприща. И затѣмъ развѣ это былъ удобный постъ для того чтобы вести борьбу съ невѣрными, которую попрежнему считали они своимъ призваніемъ. Вѣроятно всего что, согласившись на предложеніе папы, они превратились бы въ тѣхъ кондотьеровъ которыхъ и безъ того уже было не мало въ Италіи. Вообще съ самаго появленія своего въ Европѣ орденъ, многіе члены коего никогда до тѣхъ поръ не покидали Родоса и очутились теперь въ совершенно новомъ для нихъ мірѣ, должны были сознавать себя какимъ-то необычнымъ явленіемъ среди чуждаго ему общества. Поразительное зрѣлище представляла собою Европа первой половины XVI вѣка! Единство католическаго исповѣданія было поколеблено; дѣла государства отшатнулись отъ него и усвоили себѣ новыя религиозныя ученія; но даже и со стороны тѣхъ изъ нихъ которыя оставались вѣрны католицизму папская власть подвергалась невыносимымъ оскорбленіямъ; вскорѣ послѣ того какъ Іоанниты прибыли въ Италію войска императора Карла V вторглись въ Римъ, держали папу въ лѣтню и ознаменовали страшными неистовствами и безчистствами свое пребываніе въ столицѣ намѣстника Святаго Петра. О какомъ-либо общемъ предпріятіи противъ мусульманъ не было и помину; напротивъ, Европа начинала мало-помалу мириться съ тѣмъ что Оттоманская имперія заняла мѣсто имперіи Византійской, и одинъ изъ могущественныхъ государей, Франсискъ I, не задумался даже вступитъ въ союзъ съ султаномъ. Чѣмъ среди такого положенія дѣла могъ привлечь къ себѣ симпатіи орденъ? Въ комъ могъ онъ искать опоры—въ паллахъ или въ свѣтскихъ государяхъ? Но въ то время политическія отношенія до такой степени перепутались что каждый неосторожный шагъ порождалъ неисчислимый вредъ. Почти вся Европа распалась на два враждебные лагеря, во главѣ коихъ стояли императоръ Карлъ V и король Франсискъ I, и присоединиться къ одной изъ этихъ сторонъ значило навѣрно возстановить противъ себя другую. Все это испыталъ на себѣ гроссмейстеръ Филиппъ Виллье, не щадившій усилій чтобы обезпечить судьбу своего ордена. Онъ достигъ наконецъ того что Карлъ V предложилъ рыцарямъ островъ Мальту, но это не расположило къ нимъ папу, который только что заключилъ съ Англіей и Венеціей союзъ

противъ императора. Къ тому же Карлъ V обставилъ свое предложеніе тяжкими условіями: одно изъ нихъ было положительно невозможно: онъ требовалъ чтобъ орденъ призналъ его своимъ сюзереномъ, а другое обременительно: онъ хотѣлъ чтобы рыцари непремѣнно заняли на африканскомъ берегу принадлежавшій ему городъ Триполи, весьма важный пунктъ для обезпеченія безопасности его владѣній на Средиземномъ Морѣ отъ разбойничьихъ набѣговъ. Надо было отправиться къ нему въ Мадридъ и убѣждать его отказаться отъ этихъ требованій, но тутъ неосторожность едва не погубила все дѣло. Сестра Франсиска I, взятаго императорскими войсками въ плѣнъ въ битвѣ при Павіи, тоже отправлялась въ Испанію съ цѣлю ходатайствовать за своего брата и просила рыцарей перевезти ее туда. Филиппъ Виллье, который старался со всѣми быть въ хорошихъ отношеніяхъ, охотно согласился оказать ей услугу; но лишь только императоръ узналъ что флотъ ордена вступилъ въ одну изъ французскихъ гаваней какъ тотчасъ же, не осведомившись даже о причинахъ этого, приказалъ наложить секвестръ на всѣ орденскія помѣстья въ его владѣніяхъ. Явившись въ Мадридъ грессмейстеръ успѣлъ отстранить эту невзгоду и вообще произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на могущественнаго монарха, такъ что дѣло о Мальтѣ можно было считать почти улаженнымъ; но тутъ случилась новая бѣда. Генрихъ VIII Англійскій секвестровалъ помѣстья ордена, обидѣвшись что рыцари посвящали тѣхъ и другихъ европейскихъ государей и какъ бы забыли о немъ, и вотъ Филиппъ Виллье слѣзаетъ въ Лондонъ чтобъ умолилъ своего короля. Много дипломатическаго искусства требовалось отъ него чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, но онъ удачно исполнялъ свою задачу. Въ 1530 году, послѣ восьмилѣтнихъ непрерывныхъ усилій, рыцари получили наконецъ осѣдлость: въ небольшомъ городкѣ Кастельфранко, около Болоњи, Карлъ V подписалъ договоръ по которому уступлены были имъ на вѣчныя времена острова Мальта, Гоццо и Комино, а также Триполи, съ тѣмъ однако чтобъ означенныя владѣнія считались леномъ Сицилійской короны, хотя подобная зависимость долженствовала быть чисто номинальною и не выражалась ни въ какой осязательной формѣ.

Это было важное пріобрѣтеніе, хотя быть-можетъ и не такое какого желали бы Іоанниты. Долго не могли они

забыть о Родосѣ и мирился съ Мальтой лишь какъ съ печальною необходимостью. Дѣйствительно, островъ, почти голая скала, представлялъ жалкое зрѣлище: населеніе было немногочисленно и бѣдно; общественныхъ зданій почти никакихъ, укрѣпленія разрушены: все приходилось создавать вновь и рыцари энергически принялись за это дѣло, не щадя для него богатыхъ средствъ находившихся въ ихъ обладаніи.

II.

Еще въ то время когда шли переговоры объ уступкѣ острова Мальты ордену (отымѣвъ онъ былъ извѣстенъ въ публикѣ болѣе подъ именемъ Мальтійскаго), Карлъ V общался склонять палу къ тому чтобъ онъ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Турокъ. Въ сущности же ни онъ и никто другой не вѣрилъ въ возможность подобнаго предпріятія. Въ XVI столѣтіи, точно также какъ въ предшествовавшемъ ему, не разъ возникала объ этомъ рѣчь, но нигдѣ не встрѣчала отголоска; даже о знаменитомъ латѣ Эвезъ Сильвіи, который обращался къ государямъ со страстными воззваніями о походѣ, многіе думаютъ что онъ искалъ тутъ лишь повода для упражненія въ краснорѣчій. Европа была слишкомъ поглощена другими интересами чтобы серьезно помышлять о соединеніи своихъ силъ противъ невѣрныхъ. Поэтому никто и не возлагалъ столь широкую задачу на Іоаннитовъ при передачѣ имъ острова Мальты или же, вѣрнѣе, задача эта при измѣнившихся обстоятельствахъ была ограничена гораздо болѣе тѣсными предѣлами. Обязанностью рыцарей было отымѣвъ ограждать христіанскія государства на Средиземномъ Морѣ отъ разбойничьихъ набѣговъ со стороны мусульманъ господствовавшихъ на сѣверномъ берегу Африки, освобождать христіанъ попадавшихъ въ лѣвъ этимъ пиратамъ и заботиться о томъ чтобы плаваніе было по возможности безопасно для судовъ европейскихъ націй,—обязанность весьма серьезная и строгимъ исполненіемъ коей Мальтійцы могли приносить существенную пользу. Она была сопряжена для нихъ съ немалыми опасностями. Кромѣ того что мусульманскія государства на сѣверномъ прибрежьи Африки были сами по себѣ вовсе не такъ безсильны чтобъ орденъ былъ въ состояніи справиться съ ними, они находили поддержку

въ Турецкомъ султанѣ. Своими подвигами противъ нихъ орденъ могъ навлечь на себя войну съ Турціей. Слѣдовательно орденъ долженъ былъ разчитывать на содѣйствіе со стороны Европы, быть увѣреннымъ что въ критическую минуту Европа не оставитъ его безъ поддержки. Но и кромѣ того, во многихъ другихъ отношеніяхъ зависимость его отъ европейскихъ государствъ была самая тѣсная. Уже по своимъ помѣстьямъ разбѣваннымъ всюду онъ зависѣлъ отъ всѣхъ. Начинаясь ли война въ Европѣ,—стоило ему оказать малѣйшую услугу одной изъ сторонъ чтобы возстановить противъ себя другую. Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого укажемъ лишь на одинъ: въ XVII вѣкѣ, во время Тридцатилѣтней Войны, орденъ дозволялъ французскимъ судамъ укрываться въ его гаваняхъ отъ пресѣдовавшихъ ихъ испанскихъ кораблей; тотчасъ же Исламское правительство запретило вывозъ на островъ Мальту пшеницы, что породило тамъ голодъ. Налуганные этимъ рыцари отказали вѣскольکو лодыѣ въ пристанищѣ французскому флоту застигнутому бурей, и правительство Лудовика XIII валожило секвестръ на земли принадлежавшія ему во Франціи. Въ виду такихъ невзгодъ грессмейстеры старались держаться вдали отъ европейскихъ раздоровъ и строго запрещали рыцарямъ вмѣшиваться въ политику; но какъ будто это было возможно ордену! Развѣ былъ онъ настолько независимымъ государствомъ чтобы заставить уважать свой нейтралитетъ? Такъ какъ члены его принадлежали къ различнымъ національностямъ, то конечно они не въ состояніи были отказаться отъ симпатій условияемыхъ ихъ происхожденіемъ. Не удивительно что въ средѣ ордена не было единства; онъ распался на различныя партіи: французскую, италянскую, испанскую, постоянно интриговавшія одна противъ другой, и мы увидимъ что подъ конецъ зло это было одною изъ главныхъ причинъ его гибели.

Какъ бы то ни было, со времени поселенія ордена на Мальтѣ можно указать въ его исторіи не мало блестящихъ страницъ. Особенно въ началѣ онъ достойнымъ образомъ исполнялъ свое призваніе. Трудную задачу возложилъ между прочимъ на рыцарей императоръ Карлъ V, принудивъ ихъ занять Триполи, который имѣлъ великую важность въ его глазахъ, потому что былъ единственнымъ христіанскимъ владѣніемъ на африканскомъ берегу откуда удобно было

охранять приморскіе города Сициліи и Неаполя. Но по со-
сѣдству съ Триполи силы мусульманъ постоянно возрастали.
Опасѣннѣйшимъ врагомъ его сдѣлался Алжиръ, завоеванный
братьями Горукомъ Барбароссою и Хайреддиномъ, изъ коихъ
послѣдній, царствовавшій по смерти своего брата, отдался
подъ покровительство султана Солимана и былъ даже назна-
ченъ адмираломъ всего турецкаго флота. Онъ утвердился
также въ Тунисѣ и съ этой минуты опасность ежеминутно
угрожала Триполи. Такъ какъ судьба этого города особенно
интересовала Карла V, то рыцари естественно къ нему об-
рацались за помощію. Вместе съ нимъ два раза предприни-
малъ императоръ походъ противъ вѣрныхъ: первый изъ
этихъ походовъ, окончившійся завоеваніемъ Туниса, покрылъ
его славой, во второмъ потерпѣлъ онъ неудачу. Вообще же
задача представлялась неисполнимою: чтобъ удержать за хри-
стіанами Триполи, нужно было расширить владѣнія ихъ на
африканскомъ берегу, нужно было постоянно имѣть тамъ
значительную военную силу, для чего у Карла V не хватало
средствъ, а походы возобновлявшіеся отъ времени до вре-
мени не приносили пользы. Не станемъ излагать здѣсь по-
дробно событія этой борьбы, въ которой къ чести Мальтій-
скихъ рыцарей служило то что около двадцати лѣтъ сряду
оставались они на вѣрномъ имъ постѣ, никогда не имѣя
покоя и впусивъ даже противникамъ удивленіе своею отча-
янною храбростію. Все-таки вынуждены были они отказаться
отъ обладанія Триполи. На ряду съ этою войной орденъ велъ
цѣлый рядъ другихъ: то помогалъ онъ Генуэзцамъ, то со-
единялся съ Венеціанцами противъ Турокъ; въ теченіе XVI
и XVII столѣтій не было почти ни одного предпріятія на-
правленнаго противъ Оттоманской имперіи со стороны того
или другаго изъ европейскіхъ государствъ въ которомъ не
принимали бы участія Мальтійцы. Корабли ихъ постоянно
крейсеровали по Средиземному Морю и держали въ страхъ
африканскіхъ пиратовъ. Властество того и столкновенія съ
Турками были неизбежны. Особенно памятно одно изъ нихъ,
относящееся къ XVI вѣку, когда Турки были не то что те-
перь, когда заставляли они трепетать сосѣднія съ ними го-
сударства. Султанъ Солиманъ рѣшился разъ навсегда покон-
чить съ орденомъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ
соединялся съ его врагами и никогда не просилъ о мирѣ. Въ
1565 году, по приказанію его, Мустафа-паша явился предъ

Мальтой со 150 кораблями и съ сорокатысячнымъ войскомъ, а черезъ нѣсколько времени владѣтель Триполи Драгутъ присоединился къ нему съ двадцатью судами, на которыхъ находилось около 25.000 человекъ. Положеніе ордена было отчаянное. Онъ умолялъ о помощи различныя государства, но помощь не приходила, собственныя же его средства были крайне недостаточны. Восемьсотъ рыцарей и менѣе 9.000 солдатъ: вотъ все чѣмъ могъ онъ располагать для защиты острова. Покинутый всѣми онъ не упалъ однако духомъ. Оборона каждаго изъ укрѣпленій была поручена рыцарямъ принадлежавшимъ къ той или другой національности: Французамъ—Борго, Италіянцамъ—Ла-Санчль, Португальцамъ—Риккацоди, Нѣмцамъ—Сантъ-Анджело, и только въ Сантъ-Эльмо залерлись рыцари различнаго происхожденія; всѣми военными дѣйствіями руководилъ Лавалетъ (Jean Pariset de Lavalette), одинъ изъ самыхъ достойныхъ гроссмейстеровъ какими когда-либо обладалъ орденъ: мужественный воинъ, искусный политикъ, человекъ вполне заслуживавшій названіе рыцаря въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Доблести предковъ отражались въ немъ и время его управленія орденомъ занимаетъ самую блестящую страницу въ исторіи этого ордена съ тѣхъ поръ какъ утвердился онъ на Мальтѣ.

Турки веди осаду почти четыре мѣсяца сряду. Первые дѣйствія обращены были противъ укрѣпленія Сантъ-Эльмо. Немногочисленный гарнизонъ его защищался съ рѣдкимъ мужествомъ до тѣхъ поръ пока дальнѣйшая оборона оказалась невозможною: дважды просилъ онъ разрѣшенія сдать крѣпость непріятелю, но Лавалетъ отвѣчалъ отказомъ. Онъ хотѣлъ затянуть борьбу въ надеждѣ что придетъ наконецъ желанная помощь. Одно изъ его писемъ къ рыцарямъ отстававшимъ Сантъ-Эльмо противъ Турокъ было исполнено пропнїи и упрековъ; всѣ наличныя силы, говорилъ онъ, заняты дѣломъ на назначенныхъ имъ мѣстахъ, а потому нельзя подкрѣпить ими гарнизонъ; но можно обратиться съ воззваніемъ къ мѣстнымъ жителямъ, сформировать изъ нихъ отрядъ волонтеровъ, которому и предоставить оборону укрѣпленія; „вы же, братья, возвратитесь къ намъ, и живите среди насъ мирно, а мы будемъ заботиться о вашей безопасности; и для меня это спокойнѣе, ибо я увѣренъ что волонтеры не отступаютъ предъ непріателемъ.“ Этотъ укоръ воодушевлялъ гарнизонъ, который въ сущности не заслуживалъ ни малѣй-

шаго укора; онъ продолжалъ защищаться, хотя осадныя работы такъ приблизились къ стѣнамъ что вопросъ о сдачѣ Св. Эльмо былъ лишь вопросомъ времени; тѣмъ не менѣе, только послѣ трехъ отчаянныхъ штурмовъ удалось Мустафѣ овладѣть крѣпостью. Затѣмъ двинулся онъ къ замку Св. Анджело и къ форту Св. Михаила: дѣтолицы сохранили много любопытныхъ подробностей преимущественно о нападеніи на первое изъ этихъ укрѣпленій, когда не только женщины но даже дѣти показывались на стѣнахъ среди гарнизона. Еслибъ удалось турецкому полководцу овладѣть и этими твердынями, то Мальта была бы въ его рукахъ, но вдругъ, къ изумленію осажденныхъ, турецкія войска послѣдно отступили и стали садиться на корабли. Причиною того былъ распространившійся между ними ложный слухъ что изъ Сициліи двинулся наконецъ вспомогательный отрядъ на выручку рыцарей. Заблужденіе это продолжалось однако недолго: снова вернулся Мустафа и снова полилась кровь. Наконецъ помощь дѣйствительно явилась, и Турки окончательно покинули Мальту, оставивъ на мѣстѣ свою тяжелую артиллерію. Они потерпѣли постыдное пораженіе, потерпѣли его не взирая на огромное превосходство своихъ силъ единственно вслѣдствіе непоколебимаго мужества обнаруженнаго рыцарями. Но послѣ удаленія ихъ Мальта представляла въ высшей степени печальное зрѣлище: бѣлая часть укрѣпленій были разрушены, всѣ деревья по побережью выжжены, около половины рыцарей погибло во время осады. Нужна была вся энергія и предпріимчивость Лавалета чтобъ изгладить мало-маду слѣды этого опустошенія.

Мы упомянули объ одномъ изъ наиболѣе громкихъ подвиговъ Мальтійскаго ордена. Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе причинъ о которыхъ скажемъ сейчасъ, военная ихъ дѣятельность принимаетъ все болѣе скромныя размѣры. Долгое время орденъ не вступалъ ни въ какіе договоры съ Турціей, ибо это противорѣчило бы его-призванію, — онъ находился такъ-сказать въ состояніи вѣчной войны съ нею, но въ началѣ XVIII вѣка онъ впервые заключаетъ съ Портой мирный трактатъ, и это никому не показалось удивительнымъ. Нужно скорѣе удивляться тому что еще такъ долго выставлялъ онъ своимъ лозунгомъ принципъ къ которому западная Европа сдѣлалась совершенно равнодушною. Мирный трактатъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ ревностнымъ

стараніямъ Франціи и ея посланника въ Константинополь маркиза Бонака. Единственно для соблюденія приличій Мальтійцы настояли на томъ чтобъ это былъ не постоянный миръ, а перемиріе, которое возобновлялось бы чрезъ каждыя двадцать лѣтъ; они выговорили также для себя право преслѣдовать на Средиземномъ Морѣ африканскихъ морскихъ разбойниковъ. Порты тѣмъ охотѣе сдѣлала имъ эту уступку что уже порвана была связь между нею и нѣкоторыми мусульманскими государствами на сѣверномъ берегу Африки.

Упомянутое нами событіе было однимъ изъ наиболее осязательныхъ признаковъ упадка ордена. Упадокъ этотъ условливался различными причинами, между коими важную роль играютъ отношенія Мальтійскихъ рыцарей къ папской власти. Начиная съ XVI вѣка въ судьбахъ папства обнаруживается подъ вліяніемъ реформаціи важная перемѣна. Великія опасенія угрожаютъ ему, и оно употребляетъ всѣ усилія чтобы поддержать поколебанный свой авторитетъ. Для этого нужны ему новыя, болѣе надежныя орудія: инквизиція и орденъ іезуитовъ показали въ какихъ именно орудіяхъ ощущало оно потребность. Какую услугу могъ оказать ему орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго? Не борьба съ невѣрными, а борьба со враждебными ему элементами въ самомъ христіанскомъ мірѣ: вотъ что стояло для него на первомъ планѣ, вотъ что привлекало все его вниманіе. Вслѣдствіе того римскіе первосвященники все менѣе и менѣе обнаруживаютъ симпатіи къ ордену, который продолжалъ отстаивать свои старинныя статуты и старался сохранить за собой самостоятельное положеніе, отсюда цѣлый рядъ столкновеній между Мальтійцами и Римомъ. Папы требуютъ назначенія на различныя должности въ орденѣ лицъ вовсе не принадлежавшихъ къ нему, своихъ фаворитовъ никогда даже не посѣщавшихъ Мальты; они присваиваютъ себѣ право разпорядиться совершенно по своему усмотрѣнію пріорствомъ находившимся въ Римской области, а затѣмъ налаживаютъ руку и на командорства во всей Игаліи. Григорій XIII требуетъ чтобъ назначеніе гроссмейстера принадлежало ему: орденъ выступилъ съ единодушнымъ протестомъ противъ такого притязанія, но не успѣлъ вполнѣ его отстранить, а именно когда въ 1582 году, по смерти гроссмейстера Ля-Кассера собралось рыцаря для избранія ему преемника, то въ

среди ихъ появился нунцій съ буллою предписывавшею чтобы на будущее время выбору подлежали каждый разъ три кандидата предварительно утверждаемые папою. Въ половинѣ XVII вѣка дѣло дошло до того что папа Урбанъ VIII выражалъ настойчивое желаніе гроссмейстеру Ласкарису чтобы большой Мальтійскій крестъ былъ предложенъ сыну Тунискаго бея! Не краснорѣчивѣ ли всякихъ разсужденій свидѣтельствуетъ этотъ фактъ о томъ въ какомъ положеніи очутился орденъ? И у кого было ему искать защиты? Мы видимъ что противъ захватовъ папскоѣ власти нерѣдко искалъ оны покровительства у свѣтскихъ государей, но никто изъ нихъ не принималъ слѣшкомъ къ сердцу его интересы.

Во всѣхъ этихъ распряхъ съ Римскимъ престоломъ, иезуитамъ, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежало одно изъ видныхъ мѣстъ. Почтенные отцы явились на островѣ одновременно со введеніемъ тамъ инквизиціи и слѣдовали обычной своей политикѣ: сначала разыгрывать роль скромныхъ советниковъ, затѣмъ мало-по-малу выѣшиваться даже въ такія дѣла которыя отнюдь не касались вѣры, и это до той минуты пока наконецъ представлялась имъ возможность воспользоваться словами Тартюффа:

*C'est à vous d'en sortir,—vous qui parlez en maitre,
La maison m'appartient, je le ferai connaitre!*

Если и прежде были раздоры въ орденѣ, то никогда еще не доходили они до такой степени какъ съ появленіемъ иезуитовъ. Эти люди постоянно стремились къ тому чтобы возвысить свою власть въ ущербъ власти гроссмейстеровъ, и каждый изъ рыцарей недовольный своимъ непосредственнымъ главнымъ начальникомъ встрѣчалъ въ нихъ покровителей. Какъ было усмирить строптивыхъ когда за ними стояло могущественное общество Іисуса? Какъ было обуздать чвтриги когда иезуиты были главными виновниками этихъ чвтриговъ? Тотъ же самый папа Урбанъ VIII, о безцеремонномъ обращеніи коего съ орденомъ мы упоминали выше, настоялъ на томъ чтобы капитулъ собиравшійся для избранія гроссмейстера засѣдалъ подъ предсѣдательствомъ главнаго инквизитора служившаго орудіемъ иезуитовъ. При Григоріи XIII, когда въ 1711 году во главѣ инквизиціи на Мальтѣ поставленъ былъ иезуитъ Дельчи, вліяніе ихъ сдѣлалось почти безгранично. Казалось, наступило для нихъ время не стѣсняться ничѣмъ: однажды явились они въ госпиталь

ордена въ который воспрещалось безъ особаго разрѣшенія вступать кому бы то ни было кто не принадлежалъ къ нему и начали распорядиться тамъ полными господами. На этотъ разъ однако ихъ остановили и постулокъ ихъ былъ обжалованъ въ Римъ. Такъ какъ Лудовикъ XIV соблаговолилъ оказать поддержку ордену, то папа Григорій вынужденъ былъ выразить порицаніе іезуитамъ, но это отнюдь не послужило для нихъ урокомъ. Мы видимъ что черезъ нѣсколько времени послѣ того Дельчи началъ раздавать нѣкоторымъ рыцарямъ дипломы формально освобождавшіе ихъ отъ повиновенія грессмейстеру. Такимъ образомъ та самая церковь которая создала орденъ Іоаннитовъ систематически наносила ему одимъ ударъ за другимъ.

Было бы странно если бы среди всего этого сохранился онъ чистоту нравовъ и вѣрность тѣмъ строгимъ обѣтамъ о которыхъ гласилъ его статутъ. Онъ пережилъ самъ себя, и это обнаруживалось постепенно усиливавшимся разложеніемъ въ его средѣ. Военныя дѣйствія становились для него рѣдкостью, даже то преслѣдованіе африканскихъ морскихъ разбойниковъ которымъ такъ усердно занимался онъ служило для него подъ конецъ не столько исполненіемъ долга, сколько средствомъ пріобрѣтать добычу; зажиточность въ соединеніи съ праздною порождала крайнюю распущенность нравовъ. Грессмейстеры безпрерывно издавали постановленія противъ чрезмѣрной роскоши одежды, хотѣли чтобы рыцари на Мальтѣ жили въ одномъ общемъ зданіи, чтобы не предавались они азартнымъ играмъ; требовали чтобы богатѣйшіе изъ нихъ содержали на свой счетъ извѣстное число солдатъ, но все это оставалось мертвою буквой. Происходили такія явленія которыя были совершенно чужды въ прежнія времена. Такъ напримѣръ рыцари недовольные грессмейстеромъ Ласкарисомъ взбунтовались противъ него и посадили его въ темницу. Случилось даже что одинъ изъ нихъ, Португалецъ Фонсека, былъ казненъ за грабежъ и убійство, а пріоръ города Калуги Фоконъ приговоренъ къ пожизненному заключенію за то что присвоилъ себѣ значительныя суммы принадлежавшія ордену. Съ точки зрѣнія нравовъ Мальтійскіе рыцари представляли съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе привлекательное зрѣлище. На островѣ служившемъ имъ резиденціей они были суровыми и жестокими господами. Все показываетъ что туземное

населеніе терпѣло отъ нихъ тяжелую участь, а еще плачевнѣе была участь рабовъ-мусульманъ, рабовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, которыхъ у ордена было не малое число. Въ 1749 году они произвели страшное возстаніе. Родосскій паша, находившійся въ лѣтнюю, но проживавшій почти безо всякаго надзора, вступилъ въ сношенія съ невольниками и научилъ ихъ отравить въ день апостоловъ Петра и Павла хлѣбъ и воду въ домахъ всѣхъ рыцарей, у которыхъ находились они въ услуженіи. Одинъ изъ невольниковъ грессмейстера Пивто обѣщался въ то же самое время убить своего господина и выбросить его трулъ въ окно: это и долженствовало служить сигналомъ для мятежа. Заранѣе было рѣшено не давать лошадей никому изъ христіанъ. Заговоръ былъ однако открытъ за нѣсколько дней до уломанутаго праздника. Главный виновникъ его, турецкій паша, избѣгнувъ всякаго наказанія благодаря, тоже замѣчательная черта, эвергическому заступничеству Французскаго правительства, но сообщники его подверглись жестокимъ истязаніямъ. Урокъ этотъ прошелъ совершенно безслѣдно для рыцарей: не только не сочли они нужнымъ облегчить положеніе своихъ рабовъ, но еще ухудшили его, а именно постановлено было посылать этихъ несчастныхъ на работу не иначе какъ въ цѣляхъ, на ночь же не оставлять ихъ въ домахъ хозяевъ, а держать въ тюрьмахъ. Впрочемъ и свободное туземное народонаселеніе причиняло не мало безпокойствъ: въ 1773 году такъ сильно оно волновалось что правительство прибѣгло къ поголовному его обезоруженію. Мѣра эта оказалась однако не совсемъ дѣйствительною, ибо не далѣе какъ черезъ два года послѣ того вспыхнулъ бунтъ, въ которомъ наравнѣ съ чернью дѣятельное участіе принимало и низшее духовенство. Бунтовщики успѣли даже овладѣть укрѣпленіемъ Сантъ-Эльмо и другимъ, такъ-называемымъ Итальянскимъ бастиономъ; оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ штурму чтобы вырвать изъ ихъ рукъ оба эти пункта. Вообще же подавленіе мятежа сопровождалось страшнымъ кровопролитіемъ. Роль которую играло во всемъ этомъ низшее духовенство служило убѣдительнымъ доказательствомъ что неудовольствіе было сильно распространено въ различныхъ слояхъ населенія. Особенно крестьяне были подавлены тяжестью налоговъ: рыцари такъ мало довѣряли имъ и считали ихъ до такой степени

способными на все что одно время не осмѣивались показываться въ городскихъ стѣнъ безъ конвоя.

Г. Бергъ, внимательно изучившій литературу касающуюся Мальтійскаго ордена, справедливо жалуется что литература эта не достаточно богата для позднѣйшаго періода въ исторіи Іоаннитовъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ней принадлежитъ обширному труду аббата Верто, подъ заглавіемъ *Histoire des chevaliers hospitaliers de l'ordre de S. Jean de Jerusalem*, но Верто довелъ свой разказъ лишь до 1725 года; онъ пользовался для него богатымъ архивомъ ордена, а продолжать его трудъ, обращаясь къ тому же источнику, нельзя, потому что архивъ погибъ послѣ занятія острова Мальты Французами. При скудости свѣдѣній очень жаль что г. Бергъ не обратилъ вниманія на книгу Ломени о семействѣ Мирабо, въ которой помѣщены весьма любопытныя письма одного изъ членовъ этого семейства, барона Мирабо, о пребываніи его на островѣ. Нигдѣ еще не приходилось намъ встрѣчать столь рельефнаго изображенія того состоянія въ какомъ находился орденъ подъ конецъ XVIII вѣка: это былъ, говорить баронъ, своего рода банкирскій домъ въ обширныхъ размѣрахъ; всѣ его промыслы обращались лишь на то чтобъ извлекать какъ можно болѣе пользы изъ принадлежавшихъ ему помѣстій, которыми онъ положительно велъ торговлю, отдавая ихъ въ аренду знатнымъ и богатымъ людямъ, принимавшимъ для пользованія ими званіе рыцарей. Вступленіе въ орденъ сдѣлалось самымъ простымъ дѣломъ, какъ упоминаетъ о томъ и авторъ разбираемой нами книги, и столь же не трудно было достигнуть званій командора, пріора и барона. По статуту доступъ къ нимъ былъ открытъ лишь тѣмъ изъ рыцарей которые участвовали по крайней мѣрѣ въ четырехъ экспедиціяхъ противъ пиратовъ Алжира, Туниса и Триполи. Въ XVIII вѣкѣ экспедиціи эти превратились просто-напросто въ увеселительныя поѣздки къ берегамъ Италіи, гдѣ рыцари проводили время самымъ пріятнымъ образомъ въ избранномъ обществѣ, дѣлая только два выстрѣла: одинъ при вступленіи своемъ въ какую-нибудь италіянскую гавань, а другой предъ отплытіемъ изъ нея. Послѣ четырехъ такихъ подвиговъ они пріобрѣтали право на всякія почести и на соединенное съ ними, это самое главное, пользованіе землями. Во Франціи, Италіи, Германіи, было дѣломъ хорошаго тона принадлежать къ ордену и носить на груди Мальтій-

скій крестъ, а обязанностей съ этимъ не соединялось никакихъ. Бальи Мирабо подробно разказываетъ о томъ въ какой водоворотъ интригъ подалъ овъ очутившись въ Мальтѣ, какъ презрительно относились рыцари къ тамошнему населенію и какою ненавистью платило оно имъ за это.

Казаось въ исходѣ XVIII вѣка все было кончено для Мальтійцевъ, но въ послѣднюю минуту своего существованія они снова заставили говорить о себѣ, и вопросъ о нихъ сдѣлался европейскимъ вопросомъ. Обязанъ былъ этимъ орденъ между прочимъ Россіи. Необходимо поэтому взглянуть на отношенія его къ нашему отечеству.

III.

Въ началѣ царствованія Петра Великаго, а именно въ 1698 году, появился первый русскій путешественникъ на островѣ Мальтѣ, тогдашній намѣстникъ въ Ваткѣ, а въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Не задолго предъ тѣмъ Петръ овладѣлъ Азовомъ, помысламъ его были обращены на то чтобы стать твердой ногой на Черномъ Морѣ, а для этого овъ посылалъ выбранныхъ имъ лицъ изучать морское дѣло за границей. Шереметевъ, какъ говорится въ *Запискѣ* объ его путешествіи, издавнкой въ Москвѣ уже въ 1773 году, вѣхалъ черезъ Краковъ и Вѣну въ Венецію, Римъ и на островъ Мальту, мѣстопробываніе ордена прославившагося своими войнами противъ враговъ Святаго Креста. Приѣмъ ему сдѣланъ былъ самый почетный. Мальтійскій генералъ Сливона, стоявшій у береговъ Сициліи со своею эскадрой, тотчасъ же предоставилъ ему начальство надъ всю; при входѣ въ главную гавань Мальты салютовали Шереметеву изъ пушекъ и три старѣйшіе рыцаря назначены были состоять при его особѣ. Черезъ нѣсколько дней происходила торжественная аудіенція у гротсмейстера, причемъ было прочитано письмо царя, письмо въ которомъ кромѣ просьбы показать Шереметеву все что относилось до военнаго дѣла и дозволить ему участвовать въ экспедиціяхъ, если таковыя случатся во время пребыванія его на островѣ, содержалось и прямое приглашеніе ордену дѣйствовать сообща съ Московскимъ государствомъ противъ Турокъ. Гротсмейстеръ въ отвѣтной своей рѣчи выразилъ благодарность

за вниманіе оказанное царемъ „бѣднымъ монахамъ проживающимъ въ Мальтѣ“ и заключилъ ее словами что „относительно повелѣній его величества орденъ обнаружитъ ревностную покорность“. Не болѣе недѣли пользовался Шереметевъ оказаннымъ ему гостепріимствомъ, ибо боялся задержатъ отъѣздъ эскадры направлявшейся къ Моревъ. На прощаньи гроссмейстеръ пожаловалъ ему крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, украшенный брилліантами, дипломъ на рыцарское званіе, а также вручилъ письмо къ царю.

Съ этого времени установились сношенія Россіи съ Мальтійскимъ орденомъ. Всѣ гроссмейстеры, вступая въ должность, посылали официальные извѣщенія объ этомъ въ Петербургъ, а императрица Елисавета Петровна, чего кажется не дѣлали ея предшественники, уведомила гроссмейстера Пинто о своемъ воцареніи. Все это не шло однако далѣе обычныхъ вѣжливостей; но Пинто, человекъ умный и ловкій, впервые озаботился о томъ чтобы не ограничиваться только ими. Отъ прощательности его не ускользнуло постоянно усиливавшееся могущество Россіи, которое въ близкомъ будущемъ должно было обезпечить ей сильное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ, и онъ уже заранѣе разчитывалъ какія выгоды можетъ извлечь изъ этого ордена. Онъ задался мыслию установить болѣе постоянныя сношенія съ Русскимъ правительствомъ. Съ этою цѣлью отъ времени до времени посылалъ онъ въ Петербургъ различныхъ членовъ ордена въ качествѣ простыхъ туристовъ, поручая имъ всячески заискивать расположеніе тамошняго двора. Между ними особенное вниманіе обратили на себя графъ Гамильтонъ и кавалеръ Саграмазо: послѣдній изъ нихъ, очень понравившійся знатному петербургскому обществу, былъ принятъ въ частной аудіенціи Елисаветой, и гроссмейстеръ послѣдовалъ поблагодарить за это императрицу „заставившую всю Европу видѣть въ ней образецъ совершеннѣйшаго героизма“ (*le modèle du plus parfait héroïsme*).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины Второй отношенія Россіи къ ордену принимаютъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ чѣмъ прежде. До тѣхъ поръ орденъ, о которомъ гроссмейстеръ Делюи писалъ некогда императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, „обязанъ былъ и своимъ состояніемъ, и своими привилегіями единственно великодушію христіанскихъ монарховъ,“ всячески заискивалъ у Русскаго правительства,

а теперь и оно пришло къ мысли что можно извлечь изъ него пользу. Екатерина, являвшаяся во всемъ продолжательницею Петра Великаго, выступила и въ Восточномъ вопросѣ съ широкими планами, которыхъ по обстоятельствамъ не могъ осуществить знаменитый ея предшественникъ. Мы видѣли что уже онъ задумалъ привлечь орденъ къ совокульному образу дѣйствій противъ Турокъ,—и Екатерина остановилась на мысли что не слѣдуетъ пренебрегать орденомъ для той же цѣли. Въ 1763 году, не далѣе какъ черезъ годъ послѣ своего вцаренія, она вознамѣрилась открыть доступъ русскому флоту въ Черное Море. Приступила она къ этому дѣлу очень осторожно, чтобы не встревожить Европы, а именно: образована была какъ будто совершенно частная торговая компанія подъ фирмою купца Володимірова, но средства коей дарованы были казною и пожертвованіями нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Въ распоряженіе ея отданъ былъ фрегатъ подъ командой капитана Плещеева, и этотъ-то фрегатъ долженъ былъ отправиться въ дальнее плаваніе. Почти одновременно съ тѣмъ князю Голицыну, нашему посланнику при Вѣнскомъ дворѣ, было предписано осведомиться, не согласится ли орденъ Іоаннитовъ откомандировать двухъ слѣдующихъ своихъ рыцарей для русскаго флота: хотя сильно хлопоталъ объ этомъ и графъ Гамилтовъ, о которомъ мы упоминали выше, желаніе императрицы не могло быть исполнено, такъ какъ грессмейстеръ Пинто отозвался что онъ снаряжаетъ нѣсколько эскадръ къ берегамъ Африки и нуждается во всѣхъ находящихся у него валидо рыцаряхъ. Тогда императрица чрезъ того же Голицына обратилась къ нему съ вопросомъ, могутъ ли нѣсколько русскихъ офицеровъ прибыть на островъ Мальту и остаться тамъ болѣе или менѣе продолжительное время для усовершенствованія своего въ морскомъ дѣлѣ? На это послѣдовалъ отвѣтъ что означенные офицеры встрѣтятъ самый радушный приемъ, что не будетъ дѣлаемо ни малѣйшаго различія между ними и членами ордена, и что они могутъ оставаться на Мальтѣ сколько имъ заблагоразсудится. Въ октябрь 1765 года отправились туда шесть человекъ: Козляиновъ, Селифонтовъ, Скуратовъ, Мосоловъ, Коконцевъ и Рагозинъ. Пребываніе ихъ на островѣ продолжалось около четырехъ лѣтъ и они вернулись домой съ самыми лестными о нихъ отзывами грессмейстера и брата Бельмонте, подъ начальствомъ коего состояли.

Между тѣмъ подготовлялись событія великой важности. Вопросъ о диссидентахъ въ Польшѣ вовлекъ Россію въ войну съ Турціей. Война эта случилась для насъ весьма не кстати среди тогдашнихъ обстоятельствъ, но императрица была твердо намѣрена вести ее со всевозможною энергіей. Русскій флотъ подъ начальствомъ графа Алексія Ораова двинулся въ Средиземное Море чтобы направиться оттуда въ Архипелагъ и оказать помощь Грекамъ, на возстаніе коихъ разчитывало Русское правительство. Тутъ опять, и болѣе чѣмъ когда-нибудь, тѣсно сближается оно съ Мальтійцами. Еще прежде чѣмъ корабли наши вышли изъ Кронштадта между императрицей и грессмейстеромъ Пинто заключенъ былъ формальный договоръ по которому русская и мальтійская эскадры должны были дѣйствовать совместно, причемъ послѣдней изъ нихъ предоставлялось даже мѣсто въ авангардѣ. Уже грессмейстеръ назначилъ и начальника своей эскадры балъи барона Флахсландена, уроженца Альзаса, человека испытанной храбрости и участвовавшаго во многихъ экспедиціяхъ. Вообще орденъ обнаруживалъ полную готовность оказать намъ свое содѣйствіе, и начинавшаяся война была очень популярна въ его средѣ; но какъ ни старались съ той и другой стороны держать до извѣстнаго времени въ тайнѣ состоявшееся соглашеніе, оно очень скоро-сдѣлалось извѣстно всѣмъ европейскимъ дворамъ. Иначе не могло и быть, такъ какъ многіе изъ членовъ ордена находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ правительствами тѣхъ странъ къ которымъ принадлежали они по своей національности. И вотъ въ самую рѣшительную минуту является въ Мальтѣ уполномоченный Французскаго правительства, который отъ имени Людовика XV и министра его Шуазеля протестуетъ противъ соглашенія установившагося между Россіей и орденомъ и грозитъ что если рыцари примутъ какое-нибудь участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ султана, этого „самаго вѣрнаго и близкаго союзника Франціи“, то немедленно будетъ наложенъ секвестръ на всѣ ихъ помѣстья въ означенной странѣ. Христіанская держава, запрещающая почти самостоятельному государству, исключительно предназначенному для борьбы съ невѣрнымъ, облажать свой мечъ за угнетенныхъ христіанъ,—это одна изъ тѣхъ аномалій на которыя, особенно начиная съ XVIII вѣка, будетъ постоянно осуждена политика западной Европы въ Восточномъ вопросѣ! Протестъ Вер-

самаго двора поставилъ орденъ въ крайне затруднительное положеніе. Между тѣмъ прибылъ русскій флотъ, на которомъ находился и маркизъ Кавалькабо, назначенный состоять уполномоченнымъ при гротмейстерѣ. Онъ привезъ съ собою письмо императрицы, въ которомъ, указывая на справедливость своего дѣла, Екатерина выражала надежду что встрѣтитъ сочувствіе со стороны всѣхъ христіанскихъ государствъ, преимущественно же такого государства какъ орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго; она говорила что не стремится къ расширенію предѣловъ своей страны, не гонится за славою, но хочетъ наказать врага за вѣроломное нарушеніе имъ мира и сломить его гордыню, которая цѣлыя столѣтія сряду ниталась хищничествомъ и пролитіемъ христіанской крови. Въ письмѣ не выражалось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того что орденъ выполнить данное имъ обѣщаніе, но увы! гротмейстеръ долженъ былъ поневолѣ отказаться отъ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно было ему призваться что онъ поступаетъ такимъ образомъ изъ страха предъ угрозами. Пивто прибѣгнулъ къ уловкѣ: въ это самое время получено было извѣстіе что пираты изъ Трилоли захватили нѣсколько французскихъ торговыхъ судовъ и онъ объявилъ что мальтійская эскадра должна дѣйствовать противъ упомянутаго владѣнія, такъ какъ прямою и главною задачей ордена было наблюдать за безопасностью плаванія по Средиземному Морю. Впрочемъ, въ конфиденціальномъ письмѣ своемъ къ императрицѣ онъ не скрылъ отъ нея настоящей причины своего образа дѣйствій. „Назначеніе моего ордена, писалъ онъ, полное мое сочувствіе къ намѣреніямъ вашего величества и ревностное мое желаніе дѣйствовать заодно съ Россіей,— все это заставило бы меня оказать всевозможную помощь русскому флоту еслибы не воспрепятствовали тому различныя обстоятельства. Важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ что я долженъ сообразоваться съ политикою державъ считающихся локровительницами ордена.“ Но по крайней мѣрѣ рыцари всячески старались облегчить задачу нашей эскадры: Флаксланденъ снабдилъ ее необходимыми картами и планами, далъ ей много полезныхъ указаній, многимъ мальтійскимъ матросамъ разрѣшено было поступить волонтерами на эту эскадру и даже нѣкоторые кавалеры ордена стали подъ начальство графа Орлова.

Императрица Екатерина вошла въ затруднительное положеніе ордена и не думала сѣтовать на него за то что онъ

уложила отъ исполненія заключеннаго съ нимъ договора. Доказательствомъ этого служить покровительство которое она не переставала ему оказывать. Еще за нѣсколько времени до войны грессмейстеръ Пинто прибѣгнулъ къ ней съ просьбой о посредничествѣ въ давнишней распрѣ между ордемомъ и Польшей: сущность этого дѣла заключалась въ томъ что въ 1609 году Краковскій каштелянъ князь Янушъ Острожскій учредилъ такъ-называемую „ординацію“ изъ помѣстій принадлежавшихъ ему въ Волинѣ, между коими первое мѣсто занималъ городъ Острогъ, съ тѣмъ условіемъ что-бы по смерти его эта ординація перешла къ назначеннымъ имъ наследникамъ; если же отъ нихъ не будетъ потомства, то она должна была сдѣлаться достояніемъ какого-нибудь мальтійскаго кавалера польскаго происхожденія, который содержалъ бы на ея средства шестьсотъ солдатъ на турецкой границѣ. Съ теченіемъ времени дѣйствительно вымерло ближайшее потомство князя Януша, но явились другіе претенденты на ординацію, и отсюда возникъ безконечный процессъ, на подробностяхъ коего мы не будемъ останавливаться. Грессмейстеръ Пинто былъ убѣжденъ что только Екатерина, благодаря огромному вліянію ея въ Польшѣ, могла привести это дѣло къ благоприятному для ордена результату, и онъ былъ совершенно правъ; уже не при немъ, а при его преемникѣ грессмейстерѣ Жимевесѣ, Варшавскій сеймъ, вслѣдствіе неоднократныхъ совѣтовъ Русскаго правительства уладить распрю по возможности безобидно для обѣихъ сторонъ, постановилъ что лица владѣвшія Острожскими помѣстьями будутъ ежегодно вносить въ польскую казну по 300.000 гульденовъ на содержаніе одного полка, означенная же казна съ своей стороны улачивать ордену по 120.000 гульденовъ, изъ коихъ одна половина предназначалась на учрежденіе рыцарскаго пріорства, а другая на учрежденіе командорствъ, причемъ и пріорами и командорами были бы непременно Поляки; собственно мальтійская казна получала бы отъ владѣльцевъ Острожскихъ помѣстій одновременно 5.000 голландскихъ дукатовъ и отъ предполагаемаго пріорства ежегодно по 24.000 гульденовъ. Постановленіе такого рода кажется вполнѣ удовлетворило рыцарей, хотя вслѣдствіе дальнѣйшихъ событій дѣло оказалось еще далеко не рѣшеннымъ. По раздѣламъ Польши Россія получила между прочимъ Волинъ, причемъ и Острогъ очутился въ ея пре-

дѣлахъ, а это снова возбудило переговоры съ орденомъ, которые велись какъ подъ конецъ царствованія Екатерины, такъ и при Павлѣ Петровичѣ. Вообще же рыцари пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ чтобы заявлять свою признательность великой императрицѣ. Когда предприняла она путешествіе въ южную Россію, то гротсмейстеръ прислалъ ей въ великолѣпномъ букетѣ лавровую вѣтвь, „символъ безсмертной ея славы“, а императрица по окончаніи второй Турецкой войны отправила ему свой портретъ, на которомъ, надъ головою ея, видѣлась радуга, одинъ конецъ коей упирался въ Крымъ, а другой на островъ Мальту.

Въ описываемое время орденъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждался въ покровительствѣ. Тяжелыя тучи собирались надъ нимъ. Вспыхнула французская революція, такъ безлощадно объявившая войну всему что основывалось на историческомъ преданіи, и не было причины ожидать чтобы пощадила она такое учрежденіе какъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Ежеминутно должны были рыцари трелетать за помѣстьями принадлежавшими имъ во Франціи, а помѣстья эти были весьма значительны: состояли они, какъ уже упомянуто выше, изъ трехъ языковъ (*linguae*), шести приорствъ и нѣсколькихъ командорствъ; по общему отзыву всѣ эти земли находились въ очень удовлетворительномъ состояніи и могли даже служить образцами правильной системы земледѣлія. Со стороны народа вовсе не замѣтно было какого-либо враждебнаго отношенія къ ордену, и когда приступило къ своей дѣятельности конституціонное собраніе, то оны нашель въ средѣ его ревностныхъ защитниковъ. Депутаты Марселя и Ліона отзывались съ большимъ сочувствіемъ объ услугахъ оказываемыхъ имъ торговлѣ на Средиземномъ Морѣ; какъ нарочно именно тогда тунискіе пираты захватили нѣсколько судовъ принадлежавшихъ марсельскимъ купцамъ, но суда эти были отбиты рыцарями и возвращены ихъ владѣльцамъ безо всякаго вознагражденія. Новый порядокъ вещей отразился въ первое время на ордентъ только тѣмъ что наравнѣ съ другими привилегированными классами оны должны были нести на себѣ государственныя налоги и повинности, но продолжалось это не долго: за конфискаціей земель дворянства и духовенства послѣдовала, по предложенію депута Кампоса, и конфискація помѣстій принадлежавшихъ ордену; многіе изъ его членовъ очутились въ заточеніи и

поплатились жизнью на эшафотъ. Опаснѣе всего было для него то что революціонное движеніе проникло и на Мальту, что нѣкоторые изъ лицъ французскаго происхожденія занимавшихъ тамъ даже видныя должности присоединялись къ нему, особенно же нельзя было разчитывать на солдатъ-Французовъ, выбившихся изъ повиновенія и возбуждавшихъ народъ къ мятежу; въ 1791 году гротмейстеръ Роганъ вынужденъ былъ всѣхъ ихъ замѣнить Итальянцами. Пропаганда была такъ сильна и такъ сидѣлъ былъ страхъ какого-либо нечаяннаго нападенія со стороны Франціи что правительство принимало самыя энергическія мѣры на этотъ случай. При такомъ положеніи дѣлъ не далеко было до явнаго разрыва, и дѣйствительно онъ не замедлилъ наступить: когда въ 1793 году Англичане овладѣли Тулономъ, гротмейстеръ Роганъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ высшаго сословія Франціи и исполненный глубокой ненависти къ революціи, заявилъ адмиралу Гуду что Англичане могутъ разчитывать на всякое со стороны ордена содѣйствіе, какое только будетъ въ его средствахъ оказать имъ. Съ этой минуты Мальтійскіе кавалеры рѣшительно принимали на себя роль защитниковъ церкви и монархическаго принципа противъ революціонныхъ идей.

Между тѣмъ въ Россіи по смерти Екатерины Второй вступилъ на престолъ императоръ Павелъ, которому суждено было обнаружить столь значительное вліяніе на послѣднія судьбы ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Мы уже знаемъ какъ смотреть на это событіе авторъ книги о которой бесѣдуемъ съ нашими читателями. Не только не находитъ онъ его страшнымъ, но убѣжденъ что принявъ такъ близко къ сердцу интересы Мальтійскихъ рыцарей Павелъ I дѣйствовалъ въ духѣ преданій завѣщанныхъ ему его матерью, что подобное увлеченіе, ибо увлеченія нельзя тутъ отрицать, являлось лишь естественнымъ послѣдствіемъ всей обстановки среди которой протекала его молодость. То было время, говорить г. Бергъ, когда Восточный вопросъ былъ поднятъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; Россія наносила одинъ ударъ за другимъ Оттоманской имперіи, и могъ ли Павелъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ въ которыхъ его отечество преслѣдовало столь великодушныя цѣли и ознаменовало себя цѣлымъ рядомъ подвиговъ? Уже съ ранней его юности были подготовлены къ нимъ умъ и воображеніе

наслѣдника престола. Онъ читалъ много и однимъ изъ любимыхъ его чтеній была упомянута нами выше *Исторія* аббата Верто. Геройская борьба которую рыцари вели съ мусульманами сначала въ Св. Землѣ, затѣмъ на островахъ Родосъ и Мальтъ, борьба краснорѣчиво разказанная человекомъ близко стоявшимъ къ нимъ, льнула его духъ, сообщала его мыслямъ то рыцарское и романтическое настроеніе которыя осязательно проявлялись во многихъ изъ послѣдующихъ его дѣйствій и намѣреній. Даже позднѣе, продолжая г. Бергъ, когда держался онъ вдали отъ дѣлъ, не могъ онъ не знать плановъ императрицы; ему было извѣстно что она мечтала о совершенномъ изгнаніи Турокъ изъ Европы, что для осуществленія этого проекта необходимо было содѣйствіе русскаго флота, что русскій флотъ нуждался въ твердомъ пунктѣ на Средиземномъ Морѣ, и что такимъ образомъ естественно возникала мысль о сближеніи съ Мальтійскимъ орденомъ. Съ этой точки зрѣнія представлялось ему совершенно понятнымъ почему еще Петръ Великій искалъ дружбы ордена, почему преемники его не прерывали съ нимъ сношеній и почему при Екатеринѣ сдѣлались эти сношенія столь постоянными и прочными. „Будемъ ли удивляться, замѣчаетъ авторъ, что императоръ Павелъ вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ традиціонный взглядъ на важность острова Мальты для конечнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса? Для насъ несомнѣнно что не романтическіе помыслы, а ясное сознание интересовъ своего государства руководили имъ, ибо какъ скоро рыцари признали своею главою Русскаго монарха, Россія пріобрѣтала между прочимъ на Мальтѣ превосходную практическую школу для своихъ моряковъ.“

Не думаемъ чтобы можно было согласиться съ приведеннымъ нами мнѣніемъ. Императоръ Павелъ не литалъ ли малѣйшаго сочувствія къ политикѣ своей матери, и если авторъ захочетъ увѣрить что именно въ Восточномъ вопросѣ онъ намѣревалась идти по ея стопамъ, что Мальтійскій орденъ былъ ему нуженъ главнымъ образомъ для его плановъ относительно Турціи, то это нуждается не въ однихъ только предположеніяхъ, но въ точныхъ доказательствахъ. Любопытно что въ концѣ XVIII вѣка два католическіе ордена,—одинъ изъ нихъ уже утратившій свое значеніе, а другой пользовавшійся большимъ могуществомъ,—встрѣтили поддержку въ Россіи: Екатерина допустила пребываніе въ своемъ государствѣ

іезуитовъ, упраздненныхъ папой Климентомъ XIV, а императоръ Павелъ являлся ревностнымъ защитникомъ Мальтійцевъ въ то время когда въ Европѣ не хотѣли знать о нихъ. Но въ образѣ дѣйствій Екатерины и ея преемника была глубокая разница. Императрица покровительствовала іезуитамъ потому что они могли служить для нея полезнымъ орудіемъ, потому что она надѣялась заставить ихъ дѣйствовать въ областяхъ только что освобожденныхъ отъ польскаго владычества такъ какъ требовали выгоды этихъ областей, и она нисколько не ошибалась въ своихъ расчетахъ. У нея была въ виду вполнѣ практическая цѣль и она обладала всѣмъ что необходимо для достиженія этой цѣли. Но какую цѣль преслѣдовалъ императоръ Павелъ становясь во главѣ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго? Намъ говорятъ что его занимала мысль объ островѣ Мальтѣ какъ о чрезвычайно важномъ пунктѣ для русскаго флота на Средиземномъ Морѣ. Но, во первыхъ, при отдаленности Россіи и при томъ разложеніи которое господствовало въ средѣ ордена, было очень трудно удержать за собою этотъ пунктъ, — трудно потому что если другія державы не тревожились пока находился онъ въ рукахъ Мальтійскихъ рыцарей, то онъ взглянули бы на это дѣло совершенно иначе лишь только такая могущественная держава какъ Россія вознамѣрилась бы стать на немъ твердою ногою; а во вторыхъ, ровно черезъ полтора года послѣ воцаренія императора Павла, Мальта очутилась въ рукахъ Французовъ. Съ этой минуты было совершенно неосновательно ожидать чтобы была она возвращена ордену и чтобы Русское правительство могло осуществить свои планы относительно этого острова, еслибъ оно и дѣйствительно литало ихъ. Однако мы видимъ что упомянутое обстоятельство отнюдь не измѣнило отношеній императора Павла къ ордену; напротивъ, онъ еще горячѣе принимаетъ къ сердцу его интересы и еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ расточаетъ ему свои милости. Происходило это отъ того что въ глазахъ императора орденъ имѣлъ великое значеніе, но не то которое въ разбираемой нами книгѣ выставлено на первомъ планѣ. Онъ особенно цѣнилъ въ немъ ненависть его къ революціоннымъ идеямъ; онъ полагалъ что орденъ военный и вмѣстѣ съ тѣмъ духовный, обязанный, по крайней мѣрѣ по уставу, — хотя этотъ уставъ давно уже сдѣлался мертвою буквой, — соблю-

дать въ своихъ рядахъ строгую дисциплину, можетъ привести не малую пользу въ борьбѣ съ французскою республикой. Эта борьба, тотчасъ по воцареніи императора, поглощала всѣ его помыслы; она какъ нельзя болѣе согласовалась съ его романтическимъ настроеніемъ, и не удивительно что такому учрежденію какъ старинный рыцарскій орденъ онъ хотѣлъ отвести въ ней видное мѣсто.

Въ 1798 году страшный ударъ разразился надъ Мальтійцами: мы говоримъ о завоеваніи острова, такъ долго служившаго имъ убѣжищемъ, генераломъ Бонапарте,—завоеваніи которое подробно разказано въ книгѣ г. Берга. Гроссмейстеромъ былъ тогда баронъ Гомпешъ, первый изъ Нѣмцевъ удостоившихся этого званія со времени основанія ордена. Многие въ послѣдствіи считали его чуть ли не измѣнникомъ, но это несправедливо. Конечно, овладѣть Мальтой было для Французовъ дѣломъ далеко не легкимъ еслибы они встрѣтили хоть сколько-нибудь упорное сопротивленіе, ибо въ такомъ случаѣ Англичане узнали бы объ ихъ намѣреніи и не допустили бы ихъ захватить столь важную добычу. Но для этого нужно было, во первыхъ, чтобы во главѣ рыцарей находился человекъ мужественный и энергическій, чего никакъ нельзя сказать о Гомпешѣ. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы вполне на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ созданъ для борьбы съ выходящими изъ ряда вонъ затрудненіями. Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду что Гомпешъ занялъ свою должность лишь за годъ до нападенія Французовъ на островъ Мальту и что онъ нашелъ всѣ средства къ оборонѣ крайне залуценными. Когда уже не оставалось сомнѣнія въ томъ что Бонапарте сдѣлаетъ высадку, то назначены были начальники различныхъ укрѣпленій. „Всѣ эти начальники, говоритъ г. Бергъ, за исключеніемъ балъи Латура, оказались или людьми неспособными, или даже ненадежными, выжидавшими только удобнаго случая чтобы перейти на сторону непріятеля.“ Такимъ образомъ измѣна распространилась даже въ средѣ рыцарскаго сословія, а народъ давно уже жаждетъ выйти изъ-подъ власти ордена; въ ту самую минуту когда Французы вели атаку противъ главнаго города Лавалеты, въ городѣ этомъ распространилось возстаніе; солдаты почти не знали дисциплины. Все это было печальнымъ послѣдіемъ прежняго времени, все это подготавливалось цѣлыми десятками лѣтъ и нельзя въ виду такого положенія дѣлъ отно-

т. слѣп.

ситься черезчуръ строго къ Гомлешу. Въ юнѣ 1798 года Французы утвердились на островѣ, захвативъ почти весь флотъ Іованитовъ, тысячу двѣсти пушекъ, множество ручнаго огнестрѣльнаго оружія и обильные склады провіанта, а всѣ солдаты и матросы ордена, не исключая даже почетной стражи гротмейстера, перешли совершенно добровольно во французскую службу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ отъ которыхъ уже нельзя поправиться.

Казалось все было кончено и дѣйствительно это было такъ. Паденіе Мальты произвело значительный эффектъ только въ томъ отношеніи что этотъ островъ очутился въ рукахъ Французовъ, но судьба самого ордена не заинтересовала никого въ западной Европѣ. Напротивъ, всѣ какъ бы слѣшили заявить о своемъ безусловномъ къ нему равнодушіи. Пала Пій VII официально выразилъ свое намѣреніе не вмѣшиваться въ его дѣла; Неаполитанскій король приказалъ уполномоченному его выѣхать изъ своихъ владѣній и объявилъ всѣ орденскія помѣстья достояніемъ казны; точно такъ же поступили правительства Тосканы, Сардиніи и Испаніи. Вѣнскій дворъ не принялъ столь рѣшительныхъ мѣръ, но и онъ постановилъ что до тѣхъ поръ пока не разъяснится вопросъ о дальнѣйшей участи ордена, всѣ доходы съ принадлежавшихъ ему въ Австріи земель должны идти въ государственное казначейство. Словомъ, нельзя было и придумать болѣе жалкаго исхода для вѣковаго учрежденія, которое имѣло своею задачей борьбу съ мусульманами и не могло выполнять эту задачу не столько по своей волѣ сколько по вѣнѣ Европы....

Если ни одно изъ европейскихъ католическихъ государствъ не считало себя обязаннымъ ратовать за Мальтійскій орденъ, то ужъ на Россіи менѣе чѣмъ на комъ-либо другомъ лежала обязанность такого рода. Мы уже указывали выше что нельзя считать простою случайностью ту связь которая образовалась между нимъ и нашимъ отечествомъ, но связь эта могла существовать лишь до тѣхъ поръ пока орденъ представлялъ собою хоть какое-либо подобіе дѣйствительной силы, а послѣ 1798 года онъ превратился въ ничто. Какая же была польза въ немъ? Тѣмъ не менѣе императоръ Павелъ считалъ его дѣло своимъ собственнымъ дѣломъ. Еще прежде паденія Мальты онъ принялъ титулъ протектора ордена и началъ изливать на него свои благодѣянія: вопросъ объ Острожскихъ помѣстьяхъ получилъ окончательное рѣшеніе въ

томъ смыслѣ что прежнее польское пріорство было превращено въ русское; та сумма (120.000 гульденовъ) которую должна была выплачивать польская казна была увеличена до 300.000 и т. д. Извѣстіе о несчастіи постигшемъ рыцарей послужило лишь къ тому что императоръ не поколебался принять званіе ихъ гроссмейстера: „Императорскимъ нашимъ словомъ, говорилъ онъ въ манифестѣ по этому поводу, обѣщаемъ мы не только сохранить ордену все его учрежденія, привилегіи и почести, но все находящіяся въ нашей власти средства употребить на то чтобы помочь ему снова занять то высокое положеніе которое онъ занималъ на благо всему христіанству вообще и каждому благоустроенному государству въ особености.“ Павелъ мечталъ сдѣлать Мальтійскій орденъ однимъ изъ первыхъ военныхъ учрежденій въ Европѣ и привлечь въ его ряды дворянство всехъ странъ; разработывался между прочимъ планъ учебнаго заведенія въ Петербургѣ, въ которомъ не только русское, но и иностранное юношество подготовлялось бы въ духѣ рыцарскихъ добродѣтелей для поступленія въ орденъ, и все это въ виду задуманнаго крестоваго похода противъ революціи. Мусульмане забыты и даже самъ султанъ прислалъ письмо, въ которомъ говорилъ что вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ ничто не препятствуетъ Портѣ находиться въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ орденомъ. Пала обнаружившій столь поразительное къ нему равнодушіе начинать опять интересоваться имъ, но единственно потому что разчитывалъ съ его помощью достигнуть болѣе или менѣе важныхъ преимуществъ для католической церкви въ Россіи; впрочемъ и самые вліятельные изъ Мальтійцевъ въ Петербургѣ, начиная съ графа Литты, весьма дѣятельно преслѣдовали постороннія цѣли, а не ту которая прельщала воображеніе императора. Мы не останавливаемся подробно на этомъ періодѣ въ исторіи ордена, ибо о немъ уже было говорено не мало въ нашей литературѣ. Собственно это не столько исторія сколько романъ. Если у публики съ возникновеніемъ рыцарскихъ духовныхъ орденовъ въ Средніе Вѣка соединяется представленіе о чемъ-то необыкновенномъ и чудесномъ, то объ орденѣ Св. Іоанна Іерусалимскаго можно сказать что не только начало, но и конецъ его существованія былъ исполненъ странныхъ приключеній.

ВОЛОСТИ ПЕРВАГО МОЕГО УЧАСТВА*

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

VI.

Послѣ трехсуточного пребыванія въ мѣстечкѣ Овантахъ, я вернулся домой въ Оникшты. Какъ хорошо показалось мнѣ въ цвѣтущемъ садикѣ при моей квартирѣ на берегу свѣтлой, прекрасной Свенты! Но некогда было наслаждаться природой. Я пробылъ дома однѣ только сутки и отправился въ Свядосцьскую волость.

Дорога до мѣстечка Свядосце на семь двадцативерстномъ протяженіи не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Шла она все больше лѣсомъ, только и помню.

Въ мѣстечкѣ большій и хорошо выстроенный костель и довольно значительное населеніе какъ крестьянское, такъ и еврейское. Но дома, довольно правильно расположенные вдоль улицъ, были очень плоховаты, отнюдь не указывали даже на малую степень благосостоянія. На ту пору мѣстечко не казалось грязнымъ; но въ послѣдствіи осенью я видѣлъ въ немъ большую грязь, хотъ бы подѣ стать любой изъ грязныхъ слободъ въ губерніяхъ: Воронежской, Харьковской или Курской.

Свадосцькая волость, по населенію своему, довольно большая, почти какъ и Овантская. Но волостной сходъ ея, хотя и многочисленный, на половину былъ меньше чѣмъ въ Овантахъ. Онъ встрѣлъ меня безо всякой особой привѣтливости, но и не угрюмо.

Я вошелъ въ волостное правленіе, и оно мнѣ понравилось. Просторное, свѣтлое, съ высокимъ потолкомъ, съ большими окнами, оно было лучшимъ волостнымъ правленіемъ въ моемъ участкѣ. Въ немъ можно было легко заниматься даже при многолюдномъ сходѣ.

Повѣрочная коммиссія еще не была въ этой волости. Поэтому я ожидалъ что крестьяне, собравшіеся на сходъ къ моему прѣзду, будутъ подавать много жалобъ на скасованія съ участковъ и самоуправства господарисовъ; однакоже я ошибся въ моихъ ожиданіяхъ: всякихъ прошеній было подано очень мало. Оказалось въ послѣдствіи что тутъ рѣдко были скасованія, по крайней мѣрѣ сравнительно съ Овантскою волостью и даже съ другими нѣкоторыми волостями. Главный помѣщикъ въ Свадосцькой волости, на ту пору владѣлецъ и мѣстечка Свадосце, графъ Морикони, * человекъ весьма добрый и просвѣщенный, особенно мало скасовывалъ. И замѣчательно: примѣръ добраго помѣщика благотвельно дѣйствовалъ и на господарей его имѣнія; они тоже довольно рѣдко прогоняли отъ себя младшихъ членовъ своихъ семействъ; и вообще въ Свадосцькой волости батраковъ было не много, конечно, лишь въ сравненіи съ другими большими волостями моего участка. Стало-быть, оказывалось что тутъ мало дѣла мнѣ. Я таки порадовался этому; можно было въ скорости ѣхать дальше.

Какъ и вездѣ, я принялся за обыкновенные мои разспросы у волостнаго старшины и старостъ о волости и о сельскихъ обществахъ. Всѣ эти начальники, кромѣ одного старосты, отвѣчали плохо, почти ничего не знали. Староста же оказался смѣтливый и умный; только странное прозвище было у него: онъ прозывался Мѣшковскій. Эта форма фами-

* Фамилія графовъ Морикони, какъ видно уже по формѣ ея, италіянская. Морикони поселились въ Польшѣ еще при королевѣ Вонѣ. Кстати: многія преданія, живущія и теперь не только въ средѣ помѣщиковъ, но и въ народѣ, относятся къ королевѣ Вонѣ. Особенно много такихъ преданій въ Гродненской губерніи.

ліи у крестьянина, по наружности чистѣйшаго Литвина, а притомъ ухватками своими отнюдь не обнаруживавшаго чтобъ овъ былъ когда-нибудь официалистомъ на лавскомъ дворѣ, удивила меня, такъ-какъ у здѣшнихъ крестьянъ я встрѣчалъ до сихъ поръ всегда литовскія прозвища, всѣ оканчивающіяся на *исъ* да на *асъ*.

— Развѣ у Жмогусовъ бываютъ такія прозвища совершенно похожія на польскія? спросилъ я у старосты.

Онъ засмѣялся.

— Нѣтъ, у насъ не бываетъ,—а такъ прозываются лавъ приказалъ, когда я служилъ у него во дворѣ.

— А какъ же твое настоящее прозвище?

— Настоящее „прозвище“ Мѣшковскасъ*.

Я сказалъ старостѣ что по моему было бы лучше еслибъ овъ сохранилъ свое народное прозваніе. Онъ охотно согласился и тутъ же попросилъ волостнаго писаря завести его въ списокъ должностныхъ лицъ подъ фамиліей: Мѣшковскасъ.

Волостной старшина Браженасъ, волостной писарь Э. были довольно характеристичны по своей наружности.

Старшина, человекъ еще молодой, съ румянымъ, красивымъ лицомъ, щеголевато одѣтый въ короткіи сѣренькіи сюртукъ изъ камлота, имѣлъ однако же такую заспанную физиономію какой никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ у крестьянъ. И эта физиономія была заспанною не на тотъ лишь разъ какъ я впервые увидалъ ее, но и всегда, такъ что бывало дивился я на этого Браженаса. Впрочемъ овъ былъ хорошій человекъ, ни разу не возбуждившій малѣйшаго подозрѣнія начеть честности своихъ дѣйствій по волости. За то ужъ его влаость, нераспорядительность, несообразительность кака-то совершенно подходила къ его заспанной физиономіи. На бѣду крестьяне свядосцьскіе, хотя и смиренные всообще, но видно хорошо знавшіе его характеръ, мало его слушались, мало и уважали. Кажется и самъ овъ замѣчалъ это, и сносилъ терпѣливо. Только

* По-литовски: *мѣшкасъ*—медвѣдь, *мѣшкасъ*—дѣсъ, или на оборотъ: *мѣшкасъ*—дѣсъ, а *мѣшкасъ*—медвѣдь, теперь хорошо не помню и справиться не могу, потому что потерялъ свой списокъ литовскихъ словъ и фразъ; но кажется, первое вѣрнѣе. Кстати укажу на замѣчательное сходство одного нарицательнаго слова литовскаго съ русскимъ собственнымъ: рѣка по-литовски *уля*, въ Тульской же губерніи есть рѣка съ такимъ именемъ: *Уля*.

разъ онъ не вытерпѣлъ и пожаловался мнѣ въ горькихъ выраженіяхъ. Какой-то крестьянинъ крупою его выругалъ при многихъ свидѣтеляхъ, и выругалъ-то безпрічино. Добрый Браженасъ отнюдь не рѣшился самъ распорядиться со своимъ обидчикомъ, и несмотря на то что отъ обиды прошло не мало времени, ничѣмъ ему не отплатилъ. Конечно, я заступился за старшину; но такъ какъ обида послѣдовала не по служебнымъ отношеніямъ, то передалъ дѣло на волостной судъ. Судьи приговорили обидчика къ весьма незначительному денежному штрафу. Это еще болѣе увѣрило меня что Браженасъ не пользуется уваженіемъ ни у волостявъ своихъ, ни въ средѣ своихъ сослуживцевъ. Я старался узнать причину тому; но кромѣ темнаго намека, что Браженасъ, долго зачѣмъ-то жившій въ Петербургѣ, мало извѣстенъ въ волости, я ничего не узналъ. Итакъ, кажется что только вялость, нераспорядительность, сонливость этого человека были всему причиною. Впрочемъ однажды и Браженасъ оказалъ приткую распорядительность. Дѣло было такъ: на крестьянхъ Свядосцьской волости числилось много недоимокъ; мнѣ приходилось часто дѣлать выговоры за это и старшину, и старостамъ; и вотъ, Браженасъ прибѣгауль къ особенной мѣрѣ понужденія неплательщиковъ-господарей: онъ сталъ забирать въ волостное правленіе подушки съ ихъ постелей. Эта мѣра подѣйствовала. Жмогусы считаютъ чрезвычайно оскорбительнымъ нарушеніемъ ихъ домашняго порядка и спокойствія, если за долги, напримѣръ, отбираются у нихъ именно подушки. Я, конечно, узналъ такую распорядительность старшины.

Волостной писарь З., коренаой Русакъ изъ владимірскихъ семинаристовъ, человекъ еще очень молодой по возрасту, былъ крайне старообразъ на видъ. Отекшее, блѣдное лицо, тусклые, слезящіеся, моргающіе глаза, вкоченные волосы, хриплый голосъ, дрожація руки, какая-то развинченность въ движеніяхъ, а при всемъ этомъ и чрезвычайная небрежность въ одеждѣ, все обличало съ перваго же взгляда что бѣднякъ предается сильному пьянству. А между тѣмъ дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи, хоть и залущенное, показывало что писарь и умеетъ, и имѣетъ нѣкоторый навыкъ въ дѣлѣ. Мнѣ было жаль его, и особенно потому что эта блѣдность его лица, эти дрожація его руки, эти странныя его движенія приводили къ тому несомнѣнно-

му заключенію что онъ боленъ, даже опасно боленъ. Я постарался вытрезвить его. Но долго онъ доставлялъ мнѣ много хлопотъ. Такъ, однажды, въ сильномъ пьянствѣ своемъ, онъ вздумалъ стрѣлять изъ ружья близъ костела.. Дѣло затихло; но я перевелъ неугомоннаго писаря въ другую волость и онъ вдругъ какъ-то исправился. Въ послѣдствіи, года черезъ четыре, проѣздомъ въ городъ Тельши, я видѣлъ Э. случайно въ Россіенскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ тоже служилъ волостнымъ писаремъ: онъ былъ румявъ, здоровъ, хорошо одѣтъ, что называется свѣтелъ какъ стеклышко.

Затѣмъ о Свядосцьской волости осталось у меня мало воспоминаній. Волость была тихая, всегда исправно исполнявшая всѣ распоряженія (легко согласилась, между прочимъ, на обезпеченіе быта отставныхъ солдатъ); дѣлъ всегда немного. А впрочемъ эти немногія дѣла были мнѣ досадны: почти всѣ они возникали изъ-за порубокъ въ лѣсахъ графа Морикони. Одно время порубки стали было случаться черезчуръ часто и мнѣ пришлось прибѣгнуть къ довольно строгимъ мѣрамъ.

Но объ одномъ фактѣ стоить упомянуть съ нѣкоторою подробностью.

Въ мѣстечкѣ Свядосце проживало не мало Евреевъ. Кромѣ одного очень богатаго, кромѣ двухъ-трехъ достаточнаго состоянія, всѣ остальные здѣшніе Евреи были бѣдняки круглые, но потому-то можетъ-быть и особенно ловкіе въ добываніи средствъ на прожитокъ. И не далеко было имъ ходить за такою добычей: подъ рукой у нихъ были свядосцьскіе гослодарисы, которыхъ и эксплуатировали они всячески и чрезвычайно въ одномъ отношеніи. Почва въ Свядосцьской волости, не очень производительная для разныхъ хлѣбовъ, весьма пригодна къ посѣвамъ льна, и лень наиболѣе всего выручаетъ свядосцьскихъ крестьянъ. Но, разумѣется, сбытъ льна въ продажу постоянно происходилъ чрезъ Евреевъ; иныхъ покупателей рѣшительно не было; развѣ только какой-нибудь старообрядецъ случайно заѣдетъ да спроситъ: нѣтъ ли ленку на продажу, но это бывало рѣдко, да и крестьяне не любили имѣть дѣло съ „раскалами“ и „кацалами“, какъ называли они старообрядцевъ. Итакъ все дѣло по сбыту льна находилось въ рукахъ свядосцьскихъ Евреевъ, вели же они его самымъ недобросовѣстнымъ образомъ: не только не оплачивали крестьянамъ изъ года въ годъ немалую часть изъ

договоренной цѣны (а надо замѣтить что для лучшаго соблазна продавцовъ Евреи, скупщики льна, обыкновенно легко соглашались на запрашиваемыя цѣны), но иногда почти совѣтъ на разчитывались. И такъ случалось: Еврей-покупатель продавца же подражаетъ свести лень, напримеръ, въ Динабургъ, и тутъ не расплачивается ни за лень, ни за подводъ, подѣтъ тѣмъ предложомъ что будто бы и самъ не получалъ еще расчета отъ своего покупателя; или же продавецъ, чѣмъ-нибудь особенно соблазненный, сдавая покупщику свой лень, снабжалъ его еще собственными деньгами на наемъ подводъ для доставки товара въ Динабургъ; и, конечно опять тутъ не обходилось безъ обиды для продавца. Последнее обстоятельство казалось мнѣ даже невѣроятнымъ, въ виду вообще недобѣрчиваго, скулага характера Литвиновъ; но дѣло было дѣйствительно такъ. Фактъ объясняется именно скупою зѣвшими крестьянъ: кому не извѣстно что скудость всегда соединяется съ жадностью, а жадность такъ склонна къ соблазну. Евреи этимъ и пользовались.

На подобныя обманныя продѣлки Евреевъ поступало ко мнѣ много жалобъ отъ крестьянъ и, къ несчастію, почти ничѣмъ я не могъ имъ помочь, ибо дѣла такого рода были мнѣ неподсудны. Я долженъ былъ ограничиваться только совѣтми жалобщикамъ, направлениемъ ихъ съ жалобами куда слѣдуетъ, нѣкоторымъ со стороны влияніемъ на теченіе дѣла, а иногда и усовѣщиваніемъ отвѣтчиковъ-Евреевъ. Конечно, все это очень слабо помогало, пока не выдался случай прижательства подлежащей моему разбору. Случай этотъ былъ съ знатнѣйшимъ, такъ-сказать, лицомъ изъ свядосцьскихъ Евреевъ, купцомъ Юдеемъ Каганомъ, арендаторомъ имѣнія графа Морикони, человекомъ по богатству своему и по влиянію на нѣкоторыя дѣла въ околоткѣ слывшимъ подѣтъ именемъ *свядосцьскаго круля*.

Этотъ круль свядосцьскій нанялъ крестьянина-батрака въ пастухи къ своему скоту на нѣсколько весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ. * Пастухъ былъ усердный, дѣло свое

* Обыкновенно на пастыбу скота нанимаютъ отъ Юрьева дня (23го апрѣля) по Дмитріевъ день (15го мая); но время пастыбы зависитъ отъ погоды; въ сѣверо-западномъ краѣ теперь случается что можно гонать скотъ въ поле на пастбище и до половины декабря: отъ этого наниматели требуютъ нерѣдко чтобы пастыба продолжалась пастухами и послѣ Дмитріева дня все за ту же плату. Конечно, изъ того возникаетъ много споровъ.

исполнялъ исправно; но вотъ волостное правленіе въ началѣ ноября вытребовало его со службы, по той причинѣ что семейство къ которому онъ былъ приписанъ по ревизскимъ сказкамъ состояло на рекрутской очереди и изъ него только онъ, батракъ этотъ, и могъ быть назначенъ въ рекруты. Но батракъ не попалъ въ военную службу; чрезъ нѣсколько времени, помнится, недѣли чрезъ двѣ послѣ того какъ его вытребовали въ волостное правленіе, онъ вернулся на прежнюю службу, но Каганъ не принялъ его подъ тѣмъ предлогомъ что на мѣсто его нанялъ себѣ уже другаго пастуха. И этимъ „велемоцный“ пакъ-арендаторъ не ограничился: онъ задержалъ все оставшееся еще за нимъ жалованье батрака, на томъ основаніи что тотъ будто бы нарушилъ договоръ о наймѣ на работу.

Все это было еще въ 1864 году. Тогда обиженный пастухъ почему-то не жаловался, а можетъ и жаловался, да такъ жалоба прошла безслѣдно. Но наконецъ онъ надумался обратиться ко мнѣ. Я принялъ дѣло къ разбирательству, такъ какъ Каганъ въ качествѣ арендатора помѣщичьяго имѣнія и нанимателя сельскихъ рабочихъ былъ подсуденъ мнѣ. Онъ явился на разбирательство очень развязно, конечно, въ томъ убѣжденіи что останется правымъ. Но на судѣ дѣло выяснилось, какъ я выше разказалъ, и по рѣшенію моему батракъ признанъ ненарушившимъ договора о службѣ, ибо онъ оставилъ ее не самопроизвольно, а по требованію своего начальства, для выполненія общественной обязанности, Юдель же Каганъ напротивъ того признанъ нарушившимъ договоръ и потому повиннымъ уплатить своему сельскому рабочему не только договорную за службу цѣну (кажется, рублей до 18), но и довольно значительный штрафъ за неудовлетвореніе жалованьемъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ (на основаніи, помнится, 21 статьи Временныхъ Правилъ для разбора дѣлъ между нанимателями и сельскими рабочими).

Надо было видѣть ужасъ и ярость свядосцьскаго круая. Когда я объявилъ ему мое рѣшеніе, онъ какъ будто въ отчаяніи началъ обѣими руками дергать свой длиннополый кафтанъ, да такъ дергать что это напомнило мнѣ Ольриджа въ роли Шейлока, когда онъ въ послѣдней сценѣ изъ-за прикосновенія къ нему христіанина, объявляющаго что онъ будетъ его крестнымъ отцомъ, начинаетъ рвать на себѣ одежду оскверненную этимъ прикосновеніемъ.

Разумѣется, Юдель Каганъ принесъ жалобу мировому съѣзду; но съѣздъ, кстати замѣчу, разбиравшій дѣло въ присутствіи главнаго начальника края К. П. фонъ-Кауфмана, утвердилъ мое рѣшеніе единогласно. Въ послѣдствіи я узналъ что обиженный пастухъ не воспользовался такимъ исходомъ дѣла въ его пользу: Юдель Каганъ убѣдилъ его на мировую, заплативъ ему слодна только за службу, и прибавивъ къ тому какую-то мелочную сумму. Доходили до меня слухи что въ этой мировой не обошлось-таки безъ нѣкотораго посторонняго вліянія.

Вотъ съ этихъ-то поръ свядосцьскіе Евреи ужъ побаивались эксплуатировать на свой обыкчовенный ладъ странно-довѣрчивыхъ мѣстныхъ господарисовъ,—не знаю только на долго ли такъ было.

Я могъ бы на этомъ покончить разказъ о Свядосцьской волости, но мнѣ приходятъ на память еще два случая, какъ мнѣ кажется, не лишеныя интереса.

Случилось мнѣ однажды попать въ мѣстечко Свядосце въ большой праздникъ, помнится, въ Успеньевъ день. Когда я прѣѣхалъ, только что началась обѣда въ костелѣ; всѣ крестьяне собравшіеся на сходѣ были тамъ и я отправился въ костелъ.

Органъ, очень хорошій для деревенскаго храма, гремѣлъ торжественно и настраивалъ къ молитвѣ. Но вдругъ раздались перекатные, дикіе, какіе-то деревянные звуки. Я изумился. Звуки показались бы еще нестерпимѣе, еслибы вслѣдъ за тѣмъ не раздался хоръ мужскихъ голосовъ. Онъ пѣлъ стройно и такъ сильно что покрывалъ перекатный, дикій звукъ литавръ.

Я спрашивалъ потомъ мѣстнаго ксендза Савримовича о цѣли допущенія литавръ при богослуженіи въ Свядосцьскомъ костелѣ и спросилъ тоже употребляются ли литавры и еще гдѣ-нибудь.

Онъ отвѣчалъ сначала уклончиво что литавры употребляются не только при особенно торжественныхъ праздникахъ; а потомъ сталъ увѣрять что они служатъ сильнѣйшимъ средствомъ для возбужденія молитвеннаго чувства въ такихъ простыхъ людяхъ каковы вообще крестьяне.

Мнѣ стало досадно при такомъ объясненіи за мои Жмогусовъ, столь серьезныхъ по характеру, столь сосредоточенныхъ, столь искренно и глубоко преданныхъ своей религіи. Впрочемъ я воздержался отъ возраженій ксендзу.

А вотъ другой случай:

Какъ-то осенью, переночевавъ въ мѣстечкѣ Свядосце, я поѣхалъ куда-то дальше. Погода была прекрасная, дорога спокойная, а везъ меня подводчикъ молодой Жмогусъ, щеголевато одѣтый, какъ видно было, сынъ господариса, можетъ-быть старшій сынъ и наследникъ всего хозяйства; рядомъ съ нимъ сидѣлъ мой болтаивый лакей-Полячокъ, Адольфъ. Слышу: оба весело разговариваютъ по-литовски и вдругъ Адольфъ запѣлъ русскую солдатскую пѣсню (очень жалѣю что забылъ теперь слова ея, а пѣсня бойкая такая). Слышу тоже: Жмогусъ влодголоса подпѣваетъ.

— Что это за пѣсню ты распѣваешь? спросилъ я Адольфа.

— Вотъ вчера, на свадьбѣ, въ мѣстечкѣ пѣли, отвѣчалъ онъ посмѣиваясь.

— Какъ! на жмогусовской свадьбѣ?

— А такъ. Молодые хлопцы выучились у солдатъ, когда тѣ стояли на мѣстечкѣ. На свадьбѣ съ бубномъ пѣли. Хорошо было.

Адольфу трудно было вѣрить: онъ не отличался правдивостью; но затѣмъ я разузналъ что фактъ несомнѣнъ. Молодежь крестьянская въ Свядосце точно выучила русскую солдатскую пѣсню и пѣла ее точь въ точь какъ поютъ солдаты.

Стало - быть, подумалъ я послѣ того, этотъ мрачный, несообщительный народъ вовсе не такъ уже недоступенъ влиянью на него чужихъ людей, если только влияние это выражается въ чемъ-нибудь добромъ, веселомъ, пріятномъ.

VII.

При первомъ посѣщеніи мѣстечка Свядосце я пробылъ тамъ цѣлыя сутки: нашаось-таки довольно работы. На другой день довольно рано отправился въ Соллы.

Дорогой отъ самаго мѣстечка я сталъ присматриваться съ особеннымъ вниманіемъ къ полямъ по обѣ стороны дороги, къ осмотру и оцѣнкѣ которыхъ повѣрочная коммиссія должна была приступить, по расчету моему, въ скоромъ времени вслѣдъ за Овантскою волостью. Оно кстату было для меня какъ члена этой коммиссіи.

Поля были очень неприглядныя, съ почвой больше „гаива-тоу“, какъ здѣсь говорится.

— Это по землямъ какого же имѣнія мы ѣдемъ? спросилъ я письмоводителя У—скаго.

— По землямъ лава-графа Морикони, отвѣчалъ онъ и потомъ прибавилъ, пренебрежительно усмѣхаясь:—у лава-графа было прекрасное имѣніе Соллы, куда теперь ѣдемъ,—о, то имѣніе!.. А это, Свядосце, только и годится сдавать Жида-самъ въ аренду.

Письмоводитель У—скій часто бывалъ строгъ въ отзывахъ своихъ о мѣстныхъ помѣщикахъ; но такъ было при мнѣ; безъ меня, думаю, онъ отзывался совсѣмъ иначе.

Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ мѣстечка графъ Морикони выстроилъ себѣ большой и весьма затѣливый палацъ, съ башнями, галлерейми, балконами, террасами, фаягелями; все это было каменное, все это, конечно, не дешево стоило. И странно какъ-то: всѣ эти вычурныя постройки особенно не казисты были на той мѣстности гдѣ онъ находился, мѣстности совершенно некрасивой, ничѣмъ не оживленной.

Но и вообще дорога отъ мѣстечка Свядосце къ Солламъ, больше чѣмъ на половину всего протяженія, была чрезвычайно скучна: она тянулась все по бугристымъ мѣстамъ, съ тощею почвой, со скудною растительностью хлѣбовъ даже на тщательно воздѣланныхъ загонахъ; нерѣдко попадались мѣста и вовсе неразработанныя, должно-быть по совершенной ихъ непроизводительности; а притомъ на откосахъ бугровъ по большей части были не лѣса, а все тощія кустарники, поросшіе на мѣстѣ сведенныхъ лѣсовъ: это были, какъ здѣсь говорится, *дырѣны*.

Скучно, тяжело было мнѣ ѣхать по этимъ мѣстамъ; но спустившись съ одного крутаго холма я вдругъ увидалъ новую мѣстность.

Предо мной раскидывалась вправо и влево долина такъ широко и далеко что взоръ съ нѣкоторымъ трудомъ замѣчалъ холмы и лѣса ее ограничивающіе. Она была прекрасна, эта долина. Только скаты далекихъ холмовъ были покрыты загонами съ богатою растительностью, а то тянулись все луга и луга, такъ мною любимые. И какъ все это было свѣжо, зелено; на зелени же этой сверкала мѣстами вода—все въ лѣвой сторонѣ: тамъ были или небольшія озера, а то ледниковая рѣчка, текущая заводами, а можетъ-быть и болотца; но и болотца эти ярко блестящія на солнцѣ, среди луговыхъ пространствъ, были бы тутъ кстати. Да! Тутъ

были уже другія мѣста, совсѣмъ не похожія на тѣ чрезъ которыя я только-что проѣхалъ съ такою скукой: иная почва, иная растительность, иныя виды. Мало того, иныя порядки обнаруживались тутъ на самой дорогѣ. Въ цѣломъ уѣздѣ такой дороги нѣтъ; то было шоссе и очень хорошее (хотя довольно узкое), шоссе тянувшееся почти на десять верстъ. Оно было устроено владѣльцемъ имѣнія Соллы, графомъ Тызенгаузомъ (пишу фамилію по-польскому произношенію), самымъ богатымъ послѣ князя Витгенштейна помѣщикомъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ.

Богатѣйшая волость въ моемъ участкѣ, собственно по почвѣ, была именно Солльская. Не даромъ она близко примыкаетъ съ одной стороны къ лучшимъ землямъ Повневѣжскаго уѣзда, чуть ли не самаго богатаго по почвѣ въ цѣлоі Ковенской губерніи. Я навѣрное знаю, что въ Вилькомірскомъ уѣздѣ нѣтъ лучшей въ этомъ отношеніи волости чѣмъ Солльская. Оттого повѣрочная коммиссія дѣйствовавшая въ этой волости еще до меня (помнится, весной 1864 года) оцѣнила здѣшнія земли поступившія въ надѣлъ выше чѣмъ гдѣ-нибудь въ Вилькомірскомъ уѣздѣ, именно до 40 и даже до 45 рублей за десятину.

Итакъ, я находился теперь въ самой богатой по почвѣ волости моего участка, въ которой, я слышалъ, и крестьяне,—разумеется, господарисы,—были богатые. Однакоже деревни чрезъ которыя или мимо которыхъ пришлось проѣзжать, прежде чѣмъ добрался я до волостнаго правленія, вовсе не обличали общимъ видомъ своимъ ни богатства, ни даже небольшой зажиточности своихъ обитателей: жилища помѣщенія были прежалкія, тѣсныя и для малыхъ семействъ, а притомъ всѣ курныя; постройки надворныя и хозяйственныя тоже никуда-негодныя и изъ весьма плохаго дѣса, и тѣсныя, и крайне ветхія. Впрочемъ такой характеръ всѣхъ построекъ въ солльскихъ деревняхъ, довольно общій и въ деревняхъ прочихъ волостей, доказывалъ только одно: что крестьяне здѣшніе получали, за время крѣпостнаго права, при участкахъ своихъ весьма дурныя постройки; что при крѣпостномъ же правѣ, считая себя отнюдь необезпеченными во владѣніи участками, они вслѣдствіи, какъ бы по общему соглашенію, сторонились и отъ улучшенія построекъ, и даже отъ поправки ихъ; и что, наконецъ, въ настоящее время, по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, они

еще не успѣли обзавестись лучшими постройками, а дожи-
вали пока въ старыхъ. И точно, въ 1867 году мнѣ довелось
быть въ Виалькомірскомъ уѣздѣ, и я увидалъ что въ Удянской
и Вижуновской волостяхъ, гдѣ за время моей службы крестья-
нскія постройки тоже были весьма нехороши, новыхъ избъ,
гораздо просторнѣйшихъ и во всемъ лучшихъ чѣмъ прежнія,
было уже не мало. Что же касается состоянія соляскихъ
господарисовъ, то дѣйствительно почти всѣ они были заку-
точные, а нѣкоторые изъ нихъ могли считаться богачами.

За то эти богатые господарисы были самыми грубыми и
невѣжественными, самыми упрямыми изъ всего моего участ-
ка, а можетъ-быть и въ цѣломъ уѣздѣ. Начать съ того что
почти всѣ они не говорили по-русски и весьма многіе
изъ нихъ даже не понимали русской рѣчи. Изъ такихъ-
то неговорящихъ и не понимающихъ были: волостные судьи,
сборщикъ податей, самъ волостной старшина, сельскіе ста-
росты, кромѣ трехъ изъ послѣднихъ, говорившихъ кое-
какъ по-русски. Затѣмъ нигдѣ не встрѣчалъ я такого
грубого упрямства какъ именно въ Соляской волости.
Никакихъ улучшеній тутъ нельзя было сдѣлать; здѣшніе
Жмогусы ничему не внимали. Такъ на отрѣзъ отказались
они обезпечить быть своихъ отставныхъ солдатъ; такъ
не хотѣли они освободить безземельныхъ и бездомныхъ
батраковъ своихъ отъ сборовъ на общественные расходы и
отъ другихъ нѣкоторыхъ повинностей; не хотѣли они тоже
собрать хоть небольшую сумму на выстройку въ какой-
нибудь изъ своихъ деревень волостнаго правленія и школы,
отчего и правленіе и школа оставались въ скверномъ фли-
гелѣ на панскомъ дворѣ, что было протавно, ужъ не помню
теперь, какому циркуляру генераль-губернатора Муравьева;
не хотѣли даже производить мірскіе учеты по своимъ обще-
ственнымъ расходамъ и всякимъ съ нихъ сборамъ. Съ боль-
шимъ трудомъ удалось мнѣ заставить ихъ повѣрить на
сходѣ посемейный списокъ и составить о повѣркѣ надле-
жній приговоръ. Еще съ бѣльшимъ трудомъ учреждена была
у нихъ сельская школа; но и по учрежденіи ея довольно
долго существовала она, что называется, только на бумагѣ:
учениковъ не было, соляскіе господарисы не хотѣли посы-
лать въ школу своихъ дѣтей.

Надо замѣтить прежде всего что для существованія сель-
скихъ школъ вездѣ въ сѣверо-западномъ краѣ встрѣчается

немаловажное явленіе именно въ раскиданности селеній въ каждой волости, на пространствахъ не рѣдко чрезвычайно обширныхъ; селенія эти, какъ я выше указывалъ, обыкновенно очень небольшія, состояща изъ трехъ, двухъ десятковъ крестьянскихъ дворовъ, а то еще и меньше, не говоря уже объ односельяхъ и застѣнкахъ. Конечно, нечего и думать объ учрежденіи въ каждомъ такомъ селеніи особой школы: обыкновенно здѣсь на каждую волость бываетъ по одной школѣ, которая и находится всегда при волостномъ правленіи, иной разъ расположенномъ на краю волости. Стадо-быть ученикамъ приходится собираться въ школу изъ селеній по большей части весьма отдаленныхъ, и это именно въ зимнее время, когда стоятъ сильные морозы, когда бушуютъ частыя метели. Тутъ уже надо прибѣгать къ особому средству относительно учениковъ изъ отдаленныхъ селеній: прискивать для нихъ на все учебное время помѣщеніе тамъ гдѣ находится школа. Такъ было и въ Солдальской волости. Селенія ея были раскиданы по пространству не очень обширному, а все-таки многія изъ нихъ отстояли отъ волостнаго правленія, при которомъ, какъ водится, находилась и сельская школа,—версть на пять, на шесть и еще подалѣе. Понятно что здѣшніе господа рысы должны были затрудняться посылкой дѣтей своихъ для ученья, которое—нельзя не замѣтить и того—не могло быть имъ по праву какъ потому что оно производилось на русскомъ языкѣ, имъ самимъ незнакомомъ, такъ и потому что для обученія своихъ ребятишекъ молитвамъ по-польски и по-литовски они находили средства у себя подъ рукою: у ксендза своего, у его викарія, у органиста, наконецъ у костельныхъ дѣдовъ. * Но само собою разумѣется я долженъ былъ стараться чтобы Солдальская школа непременно имѣла учениковъ и такимъ образомъ существовала на дѣлѣ. Въ виду же характера здѣшнихъ крестьянъ я считалъ необходимымъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью. Я объяснялъ крестьянамъ, и не одинъ разъ, какъ важно, полезно для нихъ чтобы хотя современемъ чрезъ дѣтей своихъ обучившихся русскому языку, на которомъ писаны законы давшіе имъ свободу отъ крѣпостной зависимо-

* Бездомные старики, находящіе яриютъ въ сторожкахъ при костелахъ.

сти, ознакомились и сами они съ этими законами, да и жили ло вимъ, соблюдая порядки при которыхъ только и возможна жизнь спокойная, правильная, хорошая. Я объяснял это и по-русски и чрезъ письмоводителя У—скаго по-литовски; не довѣряя же нѣсколько ему, и чрезъ сельскихъ старостъ понимавшихъ русскую рѣчь. Но оказывалось что объясненія, настоянія мои были почти безплодны: каждый разъ, прѣзжая въ Солаы, я видѣлъ что школа если и не вовсе луста, то все-таки въ ней слишкомъ мало учениковъ, не болѣе пяти или шести.

Наконецъ я не вытерпѣлъ и строго потребовалъ отвѣта: отчего это, несмотря ни на какія приказанія, крестьяне не посылають дѣтей своихъ на учеье?

Всѣ въ одинъ голосъ сказали что нельзя посылать ребятшекъ въ школу, такъ какъ деревни отъ нея далеко, а теперь зима: холода стоятъ, метели метуть.

— Ну, такъ помѣстили бы дѣтей, хоть по два съ деревни, тутъ же въ Солаахъ, по домамъ здѣшнихъ хозяевъ; вотъ и ходили бы спокойно въ школу, сказалъ я.

— А какъ кормить-то ихъ въ Солаахъ? Дома они кормятся, а тутъ откуда имъ корму взять? возражали упрямые Жмогусы.

— Да вѣдь дома-то не сѣномъ же вы ихъ кормите, а хлѣбомъ, кашей, мясомъ; все это не трудно доставлять отъ васъ сюда на нѣсколько дней, такъ и доставляйте; а то договоритесь о прокормѣ ребятшекъ со здѣшними хозяевами, какъ и дѣлается въ другихъ волостяхъ...

Фраза о сѣнѣ озадачила Жмогусовъ. Они то улыбались, то переглядывались молча, то олятъ улыбались; потомъ разомъ всѣ заговорили и съ видимою серіозностью. Замѣтивъ впечатлѣніе на нихъ произведенное, я подумалъ что лучше дать имъ свободу поразговориться, посовѣтоваться между собой, и вышелъ изъ сборной горницы.

Возвратившись на сходъ, я услыхалъ отъ крестьянъ что они соглашаются на обученіе дѣтей своихъ въ школѣ, для чего пришають ихъ изъ каждой деревни и размѣстятъ ихъ у сельскихъ хозяевъ. Все это они въ точности исполнили. Съ тѣхъ поръ Солаьская школа не лустовала: правда, немного было въ ней учениковъ, не болѣе двадцати пяти, помнитса, но и то уже хорошо.

И странно, слово мое о сѣнѣ, невзначай сказанное, какъ будто очень понравилось соляскимъ Жмогусамъ. Они даже похваливали меня за него. Про это я узналъ отъ жены тамошняго землевладѣльца-старообрядца, Тихона Григорьевича Холстова. И вообще съ той поры какъ порѣшилось дѣло о наполненіи школы учениками, здѣшніе крестьяне стали отворачиваться ко мнѣ ласковѣе, довѣрчивѣе.

Я вѣхалъ, наконецъ, въ деревню Соламы (не мѣстечко, а просто деревня), по которой называлась и вся волость. То было селеніе маленькое, грязное. Оно находилось въ верстѣ отъ волостнаго правленія, помѣщавшагося, какъ я уже упоминалъ, въ ланской усадьбѣ. Вотъ и эта усадьба. У довольно большаго, съ низменными берегами, озера стоялъ палацъ, повидимому, весь каменный, палацъ красивый, просторный; главнымъ фасадомъ оный выходилъ на озеро, а съ противоположной надворной стороны былъ у него крытый подъѣздъ. Остальная усадьба: разные флигеля, разныя жилыя и нежилыя постройки,—всего такого было много—раскиданы, по польскому обыкновенію, крайне безпорядочно. За этими постройками и близко къ нимъ холмистая мѣстность... И даромъ что палацъ былъ красивъ, вся остальная усадьба, всѣ остальныя постройки показались мнѣ весьма непривлекательными.

Но всего хуже былъ тотъ флигель гдѣ помѣщалось волостное правленіе: темный, грязный, словно чѣмъ-то прокопченный, оный походилъ на самую скверную жидовскую корчму.

На волостномъ сходѣ, собранномъ къ моему пріѣзду, было немного народу, хотя волость Соляская была изъ большихъ въ моемъ участкѣ. Причина тому ясная: повѣрочныя дѣяствія локончены здѣсь уже давно; хозяева полныхъ участковъ, трехдесятишники, огородники переведены на выкупные платежи, и недоимокъ вовсе не было; стало-быть на сходѣ находились должностныя лица, да выборные, и то, конечно, не въ полномъ числѣ.

Какъ уже я говорилъ, сходъ встрѣтилъ меня крайне угрюмо и непривѣтливо. Да оно, пожалуй, и такъ: этимъ крестьянамъ какой же благостыни было ждать отъ моего пріѣзда? Но все-таки непривѣтливость, угрюмый видъ всего схода были для меня крайне неприятны.

Неприятное чувство еще усилилось во мнѣ когда я узналъ

что ни со старшиной, ни со старостами, ни съ волостными судьями, по причинѣ незнанія ими русскаго языка, нечего и пускаться въ разговоры объ ихъ обязанностяхъ. Однако, подумавъ, я рѣшился поговорить. Я считалъ нужнымъ чтобы повяли они хоть малую толику что волостное и сельское начальство должно знать свои обязанности возлагаемыя на него закономъ; что оно должно также знать о состояніи волости и сельскихъ обществъ и о правильномъ отправленіи всякихъ повинностей; что наконецъ оно должно умѣючи поддерживать во всемъ законные порядки. Эти рѣчи мои, хоть сколько-нибудь оправдывавшія причину моего пріѣзда, были переведены по-литовски У—скимъ и, кажется, вполне вѣрно. Я спросилъ: повяли ли всѣ про что говорю? Отвѣчали: какъ же, молъ, повяли.

Затѣмъ опять вопросъ съ моей стороны: нѣтъ ли жалобъ какихъ? Но жалобъ вовсе не оказалось ни отъ крестьянъ, ни на крестьянъ. Я зналъ и напередъ что жалобъ не будетъ: права всѣхъ на надѣлахъ уже давно разобраны, а батраки изобиженныя господарисами, еслибъ и провѣдали о моемъ пріѣздѣ въ волость, то не могли тогда явиться ко мнѣ съ жалобами, такъ какъ всѣ были на работѣ у помѣщиковъ или у господарисовъ; ихъ время для жалобъ должно было придти позднѣе. Впрочемъ, въ Солльской волости, какъ и въ Святосцѣской, было немного дѣлъ по жалобамъ батраковъ и младшихъ членовъ семей на господарскія притѣсненія. Причина тому въ обѣихъ волостяхъ одна и та же: добрый помѣщикъ мало скасовывалъ съ инвентарныхъ участковъ; и господарисы, говоря вообще, не заразились охотою прогонять отъ себя младшихъ членовъ своихъ семействъ. Но подобныя дѣла все-таки здѣсь были, и съ прискорбіемъ я долженъ замѣтить что мало, слишкомъ мало доводилось мнѣ помочь обиженнымъ: всѣ дѣла эти, какъ водится, поступали на волостной судъ, а въ Солльской волости окъ судилъ большею частью по своему, то-есть на основаніи народныхъ обычаевъ, при которыхъ господарисы, какъ бы ни изобидѣли своихъ братьевъ и прочихъ родичей, всегда почти остаются правыми.

Все дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи оказалось въ безпорядочномъ, въ какомъ-то неуклюжемъ видѣ. Писарь, Полякъ, былъ явно неумѣлый человекъ, а при томъ больной что ли, не то льяный. Я порѣшилъ про себя замѣ-

нить его при первой же возможности хорошимъ писаремъ, какой и нуженъ былъ для этой Солляской волости.

За всѣми занятіями на тогдашнемъ сходѣ прошло немного времени, не болѣе трехъ часовъ. Можно было немедленно уѣхать отсюда и добраться до мѣстечка Добейни еще за свѣтло. Какъ бы не порадоваться что такъ скоро отдѣлался въ большой волости. Но я не радовался. Мнѣ было даже досадно. „Ну, зачѣмъ думалось мнѣ, пріѣзжалъ я въ эту Солляскую волость? Не для того ли чтобы посмотрѣть на угрюмыя фізіономіи здѣшнихъ крестьянъ, да и имъ показать свою фізіономію съ невольнымъ отраженіемъ на ней непріятнаго чувства?“

Собственно о Солляской волости я все разказалъ, но по поводу ея есть у меня на памяти два случая болѣе или менѣе близко относящіеся къ жизни здѣшняго крестьянства вообще, почему я и хочу упомянуть здѣсь о нихъ.

Прежде всего разкажу о случаѣ прямо касавшемся солляскихъ крестьянъ, а потомъ послѣдствіями своими отразившемся на крестьянахъ и другихъ волостей Вилькомірскаго уѣзда.

Въ концѣ ноября 1865 года я былъ вызванъ въ Вильну для участія въ занятіяхъ особой комиссіи, долженствовавшей обсуждать вопросъ объ улучшеніи быта батраковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. На время моего отсутствія завѣдывали участкомъ моимъ два кандидата на должности мировыхъ посредниковъ, и они-то находились при назначеніи сходами рекрутъ и подставныхъ по предстоявшему въ февралѣ 1866 года набору. Возвратившись изъ Вильны, я отправился въ концѣ декабря по волостямъ для провѣрки рекрутскихъ назначеній. Дѣло это заботило меня особенно потому что рекрутскія назначенія производились въ моемъ участкѣ на новый ладъ, на основаніи посемейныхъ списковъ.

Пріѣхавъ въ Солляскую волость, я нашелъ на сходѣ только пятерыхъ рекрутъ да столько же подставныхъ, между тѣмъ какъ съ этой волости подлежало къ сдачѣ одиннадцать рекрутъ: стало-быть не доставало тутъ рекрутъ и подставныхъ ровно двѣнадцать человекъ. Я сталъ было выговаривать за несборъ къ моему пріѣзду всѣхъ молодыхъ людей назначенныхъ къ отбыванію рекрутской повинности, на которыхъ надо же было мнѣ взглянуть предварительно, дабы не допустить представленія въ рекрутское присутствіе людей

съ очевидными тѣлесными недостатками, каковое представленіе могло подвергнуть оштрафованію и сдѣлать, и волостнаго старшину. Но волостной писарь Качинскій, опытный и дѣловый, а потому нарочно переведенный мною въ Солдаскую волость, объяснилъ мнѣ что неявившіеся на сходъ рекруты, всѣ изъ господарскихъ семействъ, имѣють уже рекрутскія зачетныя квитанціи, почему волостное правленіе и призвало возможнымъ не собирать ихъ.

Обстоятельство о зачетныхъ квитанціяхъ удивило меня.

— Да откуда же достали квитанцій, когда онѣ еще не высланы изъ казенной палаты? спросилъ я.

— Отцы рекрутовъ купили ихъ у здѣшняго помѣщика К—скаго, отвѣчалъ писарь Качинскій.

— А К—скій гдѣ раздобылся?

— Того я не знаю; но сказывалъ онъ что скупають ихъ гдѣ-то во внутреннихъ губерніяхъ.

И это меня удивило, ибо мнѣ было извѣстно, по слухамъ, что К—скому вслѣдствіе его какой-то прикосновенности къ событіямъ мятежа (впрочемъ не доведшей его до особенной бѣды) запрещено было отлучаться изъ своего имѣнія. Мнѣ захотѣлось лучше провѣрить фактъ пріобрѣтенія квитанцій отъ такого помѣщика, и я потребовалъ чтобы мнѣ показали ихъ.

Но ихъ не было. К—скій только обѣщалъ доставить ихъ для за два до ставки рекрутъ. Изъ объясненій покушниковъ и писаря Качинскаго оказывалось еще что К—скій получилъ отъ крестьянъ въ задатокъ большія деньги, а покушникамъ выдалъ локуда росписки о запродажѣ квитанцій и о доставленіи ихъ вовремя.

Посмотрѣвъ я эти росписки и еще болѣе удивился: помѣщикъ продалъ зачетныя квитанціи черезчуръ дешево: кому за 450 рублей, кому за 430, кому даже дешевле 400 рублей. Просто онъ оказывался благодѣтелемъ какимъ-то для солдаскихъ крестьянъ: вѣдь зачетныя квитанціи, присылаемыя изъ казенной палаты на продажу по разверсткѣ между волостями, стоили гораздо дороже, а именно 570 рублей, а эта цѣна обуславливала ихъ стоимость въ продажѣ и изъ частныхъ рукъ. Какъ же это К—скій продавалъ ихъ дешевле даже 500 рублей? Да и какъ онъ могъ доставать ихъ гдѣ-то тамъ, во внутреннихъ губерніяхъ, когда ему отлучаться изъ дома невозможно?

Все это показалось мнѣ въ высшей степени сомнительнымъ.

Я остался ночевать въ Солдахъ и на другой день взглянулъ-таки на рекрутъ и подставныхъ наханунѣ не явившихся; тогда же я предлисалъ волостному правленію чтобъ оно строго наблюдало за неотлучкой ихъ изъ волости, а какъ настанетъ время для ставки представило бы ихъ въ рекрутское присутствіе, не взирая на то что у отцовъ будутъ уже въ рукахъ квитанціи отъ К—скаго. Затѣмъ, дабы усложнить покушниковъ квитанцій, я объявилъ имъ что приму всѣ мѣры и для разъясненія дѣла, и для понужденія К—скаго къ непремѣнному исполненію обязательства.

Въ Вилькомірѣ я тотчасъ же разказалъ военному начальнику о сомнѣніи моемъ насчетъ квитанцій купленныхъ крестьянами у К—скаго и попросилъ его посодѣйствовать со своей стороны къ обезпеченію слишкомъ доверчивыхъ моихъ Жмогусовъ отъ бѣльшаго обмана. Военный начальникъ (безъ котораго, надо замѣтить, нельзя было тогда и обойтись въ подобномъ дѣлѣ) обѣщавъ принять мѣры, и дѣйствительно принявъ, кажется даже очень энергическія. Я и усложился.

Ко времени ставки рекрутъ въ Солвской волости все обошлось, повидимому, благополучно. Наканунѣ ставки К—скій передалъ проданныя имъ квитанціи покушникамъ. Рекрутское присутствіе нисколько не усомнилось въ нихъ и приняло ихъ къ зачету, хотя я, не переставая все-таки сомнѣваться, говорилъ членамъ присутствія что надо бы обстоятельно справиться: откуда, когда и какъ именно добыты К—скій тѣ квитанціи. Но всѣ наши что никакихъ справокъ не слѣдуетъ дѣлать.

Однако вотъ что оказалось въ послѣдствіи, какъ я услышалъ, въ 1871 году, отъ вѣрнаго человека, пріѣзжавшаго изъ Вилькомира въ Бѣлостокъ, гдѣ я тогда служилъ.

Помѣщикъ К—скій все время послѣ моего выѣзда изъ Вилькомирскаго уѣзда велъ свою торговлю зачетными квитанціями уже на широкую руку. Онъ продавалъ ихъ не только въ своемъ уѣздѣ, но и по другимъ уѣздамъ Ковенской губерніи. Всего онъ выпродалъ ихъ слишкомъ на семьдесятъ тысячъ рублей. И все это вдругъ оказалось чистѣйшимъ подлогомъ. Квитанція распродаваемая К—скимъ были не фальшивыя, а настоящія; но дѣло въ томъ что

всѣ онѣ уже были зачтены своевременно, только о зачетѣ ихъ не было сдѣлаано одного весьма существеннаго распоряженія: онѣ, посаѣ принатія ихъ къ зачету, не перечеркивались какъ саѣдуетъ и къмъ саѣдуетъ. Вотъ такія-то квитанціи и добывалъ помѣщикъ К—скій. Разумѣется, у него были сообщники и, говорятъ, не въ маломъ числѣ... Назначено было саѣдствіе. К—скаго и нѣкоторыхъ его соучастниковъ посадили въ острогъ. А чѣмъ кончилось дѣло, про то мнѣ неизвѣстно. Слышалъ я только еще что многимъ русскимъ чиновникамъ: чаенамъ рекрутскихъ присутствій, мировымъ посредникамъ, свидѣтельствовавшимъ передачу квитанцій отъ продавца къ покупщикамъ-крестьянамъ, пришлось очень поплатиться штрафами. (Я же, къ счастью моему, саѣлки между К—скимъ и соляскими крестьянами не свидѣтельствовааъ.)

Перехожу теперь къ другому случаю. Это эпизодъ изъ послѣдняго польскаго мятежа. Буря мятежа задѣла, что называется, крымышкомъ здѣшнія мѣста, здѣшнихъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Въ Соляской волости проживааа старообрядческая семья, о которой слава была очень нехорошая. Глава семьи, уже старый человекъ, и шестеро его взрослыхъ сыновей, молодецъ къ молодцу, пускались, какъ о томъ не мало поговаривааа, въ черезчуръ дурныя и дерскія предпріятія, и живя посреди соляскихъ крестьянъ не мало ихъ обижали. На послѣднее обстоятельство я не могъ не обратить особеннаго вниманія. Я былъ крѣпко сердитъ на неугомонную семью. На мои глаза, она поступала хуже волковъ: тѣ не хищничаютъ у людей возаѣ которыхъ они живутъ и которые сами ихъ не трогаютъ. Я задумааъ увячь дерскихъ молодцовъ; но напередъ хотѣаъ попытаться подѣйствовать на нихъ нравственнымъ средствомъ.

Тутъ, по моему разчету, могло помочь вліаніе старообрядца же, кулца 2й гильдіи Тихона Григорьевича Холстова, постоянно жившаго въ Соляской волости, гдѣ онъ владѣаъ небольшимъ, но прекраснымъ имѣніемъ, фольваркомъ Громоловщиной. Т. Г. Холстовъ, старикъ уже семидесятилѣтній, былъ очень богатъ, что замѣчалось по всей его хозяйственной и домашней обстановкѣ; онъ занимался и земледѣліемъ, велъ тоже хлѣбную торговлю, а особенно широко торговалъ льномъ: во всѣхъ своихъ дѣлаахъ онъ былъ чрезвы-

чайно аккуратенъ и честенъ. Жена его была женщина премудрая, почтенная и, не даромъ уроженка рижская, — даже очень образованная; она дѣлательно и много помогала во всемъ своему мужу. Сыновья Тихона Григорьевича были тоже люди умные, хорошо-грамотные и дѣльные. Вообще вся семья Холстовыхъ пользовалась между старообрядцами большимъ уваженіемъ; особенное же вліяніе въ средѣ старообрядческой имѣли самъ старикъ Холстовъ и жена его: они считались какъ бы естественными покровителями всѣхъ своихъ единовѣрцевъ живущихъ въ Вилькомирскомъ уѣздѣ. Вотъ черезъ этого-то почтеннаго, вліятельнаго старика я и задумалъ подѣйствовать на нехорошую старообрядческую семью.

Это было раннею весной 1866 года, мѣсяца почти за четыре до перевода моего изъ Ковенской губерніи въ Гродненскую, когда я еще не былъ окончательно увѣренъ что оставляю совсѣмъ Вилькомирскій мой участокъ.

Побывавъ однажды какъ-то въ Солыскомъ волостномъ правленіи, я отправился, предъ вечеромъ, въ Громоловщизну, находившуюся не далеко въ сторонѣ отъ дороги въ мѣстечко Добейни. Я ѣхалъ въ Громоловщизну въ первый разъ: до тѣхъ поръ я не находилъ нужнымъ знакомиться съ Холстовыми, хотя слышалъ о нихъ много хорошаго.

Фольварокъ Холстовыхъ былъ поистинѣ прекрасенъ. Тогда было еще самое первое начало весны; деревья, кустарники еще не разгустились, засѣянные поля и дуга только что начинали зеленѣть, а красота мѣстности все же бросалась въ глаза. Какъ хорошо были обработаны поля, подходившія съ двухъ сторонъ къ усадьбѣ! Какіе дуга, кой-гдѣ еще покрытые вешнею водою и тянувшіеся предъ самою усадьбой ровною, широкою долиною, посреди которой излучисто протекала быстрая рѣчка! И притомъ какая усадьба!

Она стояла на высокой мѣстности, надъ луговою долиною. Что-то необыкновенно полное, дѣльное, законченное представляла она всѣмъ своимъ видомъ. Многочисленные надворныя постройки отапно выстроенныя у мѣста, подъ рукою; а дворъ кольцомъ замкнутый, просторный и чрезвычайно чистый. Домъ помѣщичій крытый черепицей, со свѣтлыми большими окнами, снаружи казался вовсе не великъ, но внутри былъ очень помѣстителенъ. Онъ раздѣлялся, по здѣшнему обыкновенію, на двѣ половины, и вездѣ чистота поддерживалась безукоризненная. А при всемъ этомъ такъ красиво

все улажено: помы отаично выкрашенные, обои очень хорошия, мебель не только приличная, но даже нарядная; на окнах гардины, цвѣты.

Но домъ имѣлъ и еще особенность: со второй же комнаты на лицевой главной половинѣ сразу можно было замѣтить кто здѣсь живетъ. Въ этой комнатѣ весь передній уголъ былъ занятъ старинными образами, въ серебряныхъ и вызолоченныхъ ризахъ; по обѣ стороны этого домашняго иконостаса лежали въ порядкѣ большія, конечно, старопечатныя книги въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ; сбоку стоялъ аналой, олять тоже съ книгами. Словомъ, все тутъ было какъ быть должно въ домѣ истаго старообрядца, строго соблюдающаго всю обрядность по своей вѣрѣ.

Старикъ Холстовъ и жена его приняли меня съ чрезвычайнымъ радушиемъ. Но особенно было мнѣ приятно что они говорили со мною обо всемъ, нисколько не дичась, вплоть откровенно, и оттого я узналъ отъ нихъ много новаго о положеніи старообрядцевъ не только въ моемъ участкѣ, но и въ цѣломъ Вилькомирскомъ уѣздѣ, даже во всемъ Северо-Западномъ краѣ.

Беседа ваша была довольно продолжительна. А между тѣмъ спустилась ночь, и не очень-то свѣтлая. Но я хотѣлъ было ѣхать далѣе, такъ какъ въ то время уже нечего было опасаться послѣдняго повстанца Оламыскаго; гостеприимные же хозяева мои рѣшительно не пустили меня. Я переночевалъ въ Громоловщизнѣ весьма спокойно.

Съ тѣхъ поръ я хорошо сблизился съ Холстовыми. Надо сказать что я жилъ тогда уже недалеко отъ Солляской волости, именно въ имѣніи Вижунахъ, откуда до Солля было верстъ 30, а до Громоловщизны не болѣе 25 верстъ, и это давало мнѣ возможность, при безпрерывныхъ моихъ разъѣздахъ по волостямъ, видаться съ Холстовыми довольно часто. Впрочемъ и старикъ заѣзжалъ ко мнѣ въ Вижуны.

И вотъ, однажды, когда я олять остался ночевать въ Громоловщизнѣ, старикъ и жена его вдругъ вспомнили что „объ эту самую пору весны“ поѣтила ихъ цѣлая „армія“ повстанская, подъ начальствомъ „воеводы на Литвѣ“ Сѣраковского. Вспомнивъ же, старики какъ-то перетревожились, начали вздыхать, креститься. Я не утерпѣлъ и попросилъ Холстова разказать мнѣ объ этомъ „посѣщеніи“ подробно, и онъ нисколько не уклонился. Разказъ его былъ чрезвычайно интересенъ

для меня; но мнѣ особенно понравились нѣкоторыя подробности, повидимому мелкія, а въ сущности важныя, которыя припомнила жена Тихона Григорьевича. Передаю все это вѣрно, потому что тогда же все записалъ себѣ на память.

Еще недѣли за двѣ до описываемаго случая, Холстовы начали замѣчать въ Сольской волости и въ сосѣднихъ съ нею мѣстахъ что-то необыкновенное, „не ладное“. Было вездѣ странное движеніе, совсѣмъ не похожее на то что выразилось здѣсь при извѣстіяхъ о начавшемся въ Польшѣ мятежѣ. Мятежъ былъ дѣло не новое: кое-что про затѣи повстанья уже было извѣстно, и не объ этомъ перекидывались теперь въ Сольской волости и въ сосѣднихъ мѣстахъ отрывочными, темными рѣчами. Нѣтъ! тутъ какъ будто вся окрестность сама къ чему-то готовилась. Напримѣръ, не даромъ, какъ сказывали Тихону Григорьевичу старообрядцы и намекали Евреи, шляхтичи, мелкіе арендаторы въ панскихъ имѣніяхъ и нѣкоторые крестьяне изъ Овикштѣ, а особенно изъ мѣстечка Ушполья, сбываютъ ленъ чуть не за безцѣнокъ, какъ будто нужда имъ крайняя съ долгами что ль расплатиться, не то собираются они въ дальнюю дорогу,—словомъ, явно готовятся къ чему-то. Затѣмъ, въ Громоловщизну стали появляться какія-то подозрительныя личности, подъ предлогами то продажи; то покупки льна, но явно не для того, а для высматриванья. Затѣмъ сосѣдіе Евреи уже не скрывали что грозить, дескать, опасность всѣмъ здѣшнимъ старообрядцамъ; а два или три Еврея потихоньку спрашивали у самого Холстова: „когда ланъ Цихонъ думаетъ уѣхать въ Вилькоміръ, не то и подальше куда-нибудь?“ Старообрядцы же изъ Добейской волости, а также изъ-подъ Овикштѣ и изъ-подъ Ушполья уже не намекали, а напрямки говорили что скоро надо ждать тутъ большихъ бѣдъ отъ мятежниковъ; только откуда появятся бѣды, и какъ быть и что дѣлать: никто какъ-то не могъ догадаться.

Положеніе Холстовыхъ посреди этого движенія, грозный характеръ котораго вообще былъ ясенъ, дѣйствительно представлялось опаснымъ. Люди богатые, весьма вліятельные промежь старообрядцевъ, и сами старообрядцы (которые такъ ненавистны Полякамъ), они могли бояться всего: и разграбленія всей своей усадьбы, и даже всякаго насилія надъ собою, надъ своими семейными. Но крѣпкій духомъ и раз-

судительный старикъ, не одинъ разъ посовѣтовавшись съ женой, рѣшился не покидать дома, оставаться въ немъ на волю Божию, припрятавъ только, въ крайнемъ случаѣ, сыновей съ ихъ женами и дѣтьми въ окрестныхъ лѣсахъ; для чего заблаговременно подыскали они надежныя мѣста, что было и не трудно сдѣлать при помощи старообрядцевъ, а также и при помощи тѣхъ лѣсныхъ стражниковъ изъ отставныхъ солдатъ про которыхъ съ достовѣрностью можно было предполагать что по доброй своей волѣ они отнюдь не приста-нутъ къ мятежникамъ.

Несомнѣнно что разумнымъ своимъ спокойствіемъ, твердостью въ рѣшеніяхъ, предусмотрительностью въ распоряженіяхъ старики Холстовы спасли и все свое достояніе, и себя самихъ отъ великой опасности.

Для за три до нашествія повстанской „арміи“ на Громоловщизну стало уже уясняться для Холстовыхъ что такое угрожаетъ имъ. Евреи суегаиво и таинственно намекали, старообрядцы же прямо сказывали что на Соллы, а стало-быть и на Громоловщизну, которая находится отъ Соллъ всего верстахъ въ пяти-шести, пойдутъ куда-то повстанскія шайки, и много-много шаякъ. Тогда Холстовы, ни мало не медля, спрятали въ лѣсахъ всѣхъ семейныхъ своихъ, объ отлучкѣ которыхъ изъ дома они заблаговременно распустили слухи, въ охрану же имъ дали нѣсколько благонадежныхъ людей не только изъ старообрядцевъ, но даже изъ Жмогусовъ, а сами остались дома съ простыми батраками да съ женскою прислугой. Потомъ, наканунѣ дня нашествия, пронесся еще болѣе грозный слухъ, что во главѣ всѣхъ шаякъ пойдетъ здѣсь самъ наибольшій довудца, воевода на всей Литвѣ, Сѣраковскій; что можетъ-статься онъ остановится въ Громоловщизнѣ и будетъ тутъ кого-то судить и казнить.

Между тѣмъ по всей окрестности разыгралось тогда олять какое-то новое, чрезвычайно суматошное движеніе. По деревнямъ, на дорогахъ, около лѣсовъ, стали показываться небольшія кучки людей, то конныхъ, то и лѣшихъ, снарядившихся какъ будто въ походъ, вооруженныхъ, кто только саблями, а кто и ружьями. По дорогамъ же летавулись откуда-то и куда-то тяжело-нагруженныя телѣги, съ шумно бранчивыми провожатыми. И всѣ эти походные люди, въ польскихъ чамаркахъ, въ „чалкахъ“ на польскій образецъ, въ высокихъ новыхъ сапогахъ, повидимому, были крѣпко навеселѣ, шумѣли,

ругались, озорничали, грозили... Холстовы, конечно, не выглядывавшіе изъ своего фольварка, были однако на слуху обо всемъ этомъ движеніи; и дивились они не мало что тѣ горлавы отнюдь къ нимъ не заглядывали, хотя иной разъ можно было замѣтить что они приглядываются издали къ Громоловщизнянской усадьбѣ.

Въ самый день нашествія, равнымъ-радо Холстовы, по какому-то предчувствію всю эту ночь не спавшіе, увидали изъ оконъ что отъ Солдъ, по направленію къ ихъ фольварку, таетя уже настоящее войско: идетъ оно довольно правильными рядами, какъ надо быть войску, и бѣлая часть людей въ рядахъ вооружена ружьями. Замерло сердце у бѣлыхъ стариковъ: имъ почему-то вообразилось что этотъ отрядъ ужъ никакъ ихъ не минуетъ. Однакожь онъ миновалъ, и по какому-то шумному приказу начальника, шумному должно-быть потому что было замѣтно какъ нѣкоторые вооруженные люди лорывались изъ рядовъ зайти въ фольварокъ. Дивились всему этому старики, и видѣли не только съ удивленіемъ, но и съ испугомъ что шумливый начальникъ, пропуская дальше свой отрядъ, оставилъ прямо на-супротивъ воротъ ихъ усадьбы кучку людей очевидно для стражи.

Затѣмъ прошелъ и еще отрядъ тоже рядами, но гораздо меньше перваго и хуже вооруженный: врядъ ли и треть людей въ немъ имѣла ружья. Весь этотъ отрядъ прошелъ мимо безо всякихъ видимыхъ покушеній заглянуть въ Громоловщизну.

Наконецъ, часу въ десятомъ утра, показалась отъ Солдъ третья партія, больше двухъ первыхъ, на много и лучше ихъ вооруженная: впереди ея и по сторонамъ находились конные люди, и судя по костюму, по лошадямъ на которыхъ они ѣхали, по всему ихъ виду, то были начальники. Партія эта направлялась олять-таки на Громоловщизну. Почему-то Холстовы, какъ только увидѣли этотъ отрядъ, тотчасъ подумали что онъ-то ужъ никакъ ихъ не минуетъ. И точно: вдругъ отдѣлилась кучка конныхъ людей и прямехонько направилась въ фольварокъ.

Холстовы послѣдили выйти для встрѣчи на крыльцо.

— Надѣюсь, Тихонъ Григорьевичъ, проговорилъ я, признаюсь, довольно необдуманно, — надѣюсь что вы хлѣба-соли не подносили?

Старикъ взглянулъ на меня сердито и вдругъ замолчалъ. Жена его однако не разсердилась и стала услокаивать мужа.

— А что жь, Тихомъ Григорычъ, сказала она,—вѣдь бѣда-то была предъ нами немалая... Со стороны очень можно подумать, пожалуй и погрѣшили тутъ Холостовы чтобы спастись хоть отъ лютой смерти. Ты же старикъ старый, а я женщина, такъ отъ насъ и нельзя твердости ожидать...

— Какъ нельзя ожидать? возразилъ онъ горячо,—да потому-то что старикъ, а и не долженъ былъ покривить душой... Такихъ-то встрѣчать съ хлѣбомъ-солью? Хлѣбъ-соль—святое дѣло...

Я извинился предъ почтеннымъ старикомъ и затѣмъ просилъ его продолжать разказъ.

— Ну, мы и встрѣтили непрощенныхъ гостей, продолжалъ онъ.—А какъ встрѣтили? извѣстно, поклонились, да и визенько. Это иная статья, мы и поклонились... А какъ старшій промежду нихъ прошелъ прямо въ домъ, кто-то изъ ихнихъ проговорилъ мнѣ сквозь зубы что это самъ генералъ. Я послѣ того и величалъ его: „пане-генарале“. Говорилъ тоже я съ нимъ по-польски, потому, давно проживая съ ними, ихній языкъ знаю.

То пожаловалъ въ Громоловщизну самъ воевода Сѣраковскій. Съ нимъ была свита, но небольшая. Изъ сопровождавшихъ его Холостовы особенно замѣтили двоихъ. Одинъ былъ ксендзь, черезчуръ тепло одѣтый, а съ виду пресердитый; другой—молодой человекъ, очень блѣдный и какъ будто печальный: то былъ К—скій, адъютантъ Сѣраковского*.

Войдя въ первую же комнату, Сѣраковскій остановился посрединѣ ея. Черезъ растворенныя настежь двери онъ увидалъ описанныя мною характеристическія принадлежности другой комнаты, и вдругъ къ великому изумленію Холостовыхъ, сталъ креститься на образа истымъ старообрядческимъ крестомъ.

Старикъ тотчасъ же рѣшился спросить:

* Я зналъ въ Вилькомирѣ отца этого молодого человека, увлеченнаго въ матажъ, какъ мнѣ разказывали, вслѣдствіе стеченія странныхъ и роковыхъ случайностей... Помню, бывало старикъ-отецъ играетъ въ вистъ, и вдругъ руки его начинаютъ дрожать чрезвычайно, а самъ онъ какъ бы разбирая карты, погружается въ тоскавую задумчивость... Всѣ мы неволью притихали...

— Панъ-енаралъ нашей вѣры?

— Нѣтъ, я не вашей вѣры, отвѣчалъ онъ,—но вашу старую вѣру я глубоко уважаю. Она настоящая православная, и вы всѣ, кто держитесь ея крѣпко, настоящие православные, а не раскольники, какъ осмѣиваются называть васъ тѣ другіе инославные.

Это Страковскій проговорилъ по-русски, а потомъ уже польски началъ говорить и о положеніи старообрядцевъ, во всемъ де утѣсняемыхъ инославными (значение этого слова было извѣстно ему хорошо), и о томъ какъ Поляки, взявшись за оружіе противъ Русскаго правительства, имѣютъ между прочимъ цѣлю избавить старообрядцевъ отъ всяческихъ утѣсненій. „Панъ-енаралъ“ говорилъ много объ этомъ, онъ былъ „больно рѣчистъ“, по замѣчанію Тихона Григорьевича.

Но Страковскій еще болѣе говорилъ о томъ какъ Поляки будутъ воевать съ Москвитянами. По словамъ его, на каждомъ шагѣ ожидали Поляковъ и побѣды и полныя во всемъ успѣхи: скорехонько повстанскія *арміи* должны были очистить отъ Москалей Вильну, Ковно и прочіе губернскіе города всего „забранаго“ края, не въ долгомъ времени займутъ не только Кіевъ со всею Украиною, но и Смоленскъ, старинный польскій городъ, и тамъ, по всей вѣроятности, еще въ нынѣшнемъ же году доберутся и до самой Москвы, до которой уже не одинъ разъ доходили Поляки побѣдоносно.

Последнее предположеніе сильно взводило Ходстова. Онъ опять не вытерпѣлъ и замѣтилъ:

— Пане-енарале! до Москвы далеко... Какъ-таки можно!...

— Глухой старикъ! ну что ты смыслишь? вскричалъ Страковскій, но вдругъ слохватившись началъ говорить уже сдержанно, и казалось желалъ убѣдить обруганнаго имъ старика въ справедливости своихъ словъ.

По этимъ словамъ его успѣхъ польскаго возстанія былъ уже и теперь обезпеченъ: Москаля уже выгнаны изъ Варшавы, вездѣ разбиты, и только малые остатки ихъ кое-какъ еще держатся въ двухъ крѣпостяхъ, гдѣ конечно не долго продержатся; а Польскій народъ весь возсталъ какъ одинъ человекъ; денегъ, вооруженія, продовольствія, всего довольно даже съ запасомъ; но кромѣ того на помощь возставшей Польшѣ скоро придетъ всегдашній другъ ея Французъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ еще сильная помощь не только со стороны Англичанина, который теперь живетъ душа въ душу

съ Французомъ, но и со стороны стариннаго недруга, а тепершняго друга Австріака; правда, недругомъ тоже Полякамъ отъявится „Пруссъ“, но съ Пруссомъ легко будетъ раздѣлаться, за что уже и берется самъ лавъ Мѣрославскій; наконецъ извѣстно что помощь найдется и промежь самихъ Москалей, такъ какъ чрезвычайно многіе изъ нихъ всѣмъ недовольны.

— Диковина!... Самъ на себя дивлюся телерича, замѣтилъ Тихомъ Григорьевичъ, послѣ передачи рѣчей Стравковскаго:— вотъ, когда онъ такъ-то хвастался про свою польскую силу, съ которою вездѣ-то они любѣдили нашихъ, съ которою до самой Москвы думаютъ добратся, — слушалъ я все это такъ себѣ, словно и ничего: вѣдь знаю я ихній нравъ прегордый, заносчивый, да пожалуй и дѣло ихъ такое что надо же было и себя приободрять похвалдой; а какъ сталъ прибавлять про помощь стариннаго этого благопріятеля Француза, да отъ этихъ новыхъ друзей, Англичанина и Австріака, а подъ конецъ еще прибавилъ что надѣются тоже на помощь отъ измѣны нашихъ, — на сердцѣ у меня закипѣло, какъ полагаю, и въ молодыхъ годахъ 'не бывало... Спасибо вотъ ей (онъ указалъ на жену), она удержала, а то не миновать бы висѣлицы, умеръ бы безъ покаянія во грѣхахъ по обряду христіанскому: взглянулъ я на нее вдругъ, а она словно говоритъ глазами: „Стерпи, молъ, стерпи...“

Старикъ былъ сильно взволнованъ воспоминаніемъ. Онъ всталъ съ мѣста и молча походилъ по комнатѣ. Потомъ продолжалъ:

— Я вѣдь что хотѣлъ ему сказать: „Ну, что ты такъ хвастался предо мной, старикомъ, истовымъ русскимъ человекомъ; грѣшно это тебѣ, грѣшно и стыдно... Ну, какъ же, молъ: хвастаешь что всего-то у васъ предовольно на войну, и съ вашими-то вездѣ справились, и сила у васъ такая что до самой Москвы какъ разъ доберетесь, а вотъ, все посторонней помощи ждете? Да еще какой? Отъ измѣны! Мало вамъ того что сами измѣнили, а еще хотите расплодить измѣну и у насъ... Какой ты генераль, ты просто измѣнникъ и предатель!“

Я не сомнѣваюсь что эти мысли килѣли тогда въ головѣ крѣпкаго духомъ старика, что укорительныя слова чуть бы-ло не сорвались съ языка его, что конечно имѣло бы для него роковыя послѣдствія...

Сѣраковскій со всѣмъ своимъ штабомъ весь тотъ день оставался въ Громоловцизнѣ и тутъ же заочевалъ.

Чрезвычайно много хлопотъ было Холстовымъ изъ-за этого нашествия на ихъ домъ. Надо было широко продовольствовать повстанскій штабъ и самыми лучшими кушаньями, какія только можно было изготовить, и всякими винами, ихъ же впрочемъ всегда у Холстовыхъ было въ запасѣ не мало. Конечно, никакихъ своихъ запасовъ они тогда не жалѣли. Они даже рады были что приходилось имъ самолично распорядиться насчетъ продовольствія не только главнаго штаба и караула у воротъ усадьбы, который съ появленіемъ въ нее Сѣраковского, былъ значительно усиленъ, но и еще какихъ-то, случайно появившихся повстанцевъ: эти хлопоты отвлекали ихъ, Холстовыхъ, отъ несноснаго для нихъ выслушыванья похвальныхъ рѣчей „папа-енарала“, а притомъ они чувствовали что это невольное ихъ гостепріимство обезпечиваетъ ихъ до нѣкоторой степени отъ лютой участи, которою грозилъ имъ намеки Евреевъ.

Ночь прошла крайне-безпокойно для Холстовыхъ. Правда, весь штабъ Сѣраковского и какіе-то еще начальники, поваѣхавшіе къ ночи въ Громоловцизню, довольно рано поужинали и рано распорядились о ночлегѣ своемъ въ главной половинѣ дома, которую всю-таки заняли, а затѣмъ освободили своихъ хозяевъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ; но хозяева, помѣстившіеся на другой половинѣ, всю ночь напролетъ не спали. Да и какъ было спать? И своя тревожная дума мѣшала: бѣда далеко еще не прошла, даже вся тутъ была, и Богъ-вѣсть что могло случиться завтра. Много мѣшали поуспокоиться и со стороны: сначала прислуга повстанскихъ начальниковъ приставала съ разными нахальными требованіями; а какъ и она угомонилась, стали заходить къ Холстовымъ, уже поздно ночью, простые повстанцы, повидимому все батраки, и просили-молили „папа Цихѣна“ чтобы снабдилъ: кого ружьемъ, кого порохомъ и пулями, кого хоть какимъ-нибудь вооруженіемъ.

— Да какъ же вы это? собрались куда-то, на войну что ли, а оружья нѣту... Коли на войну идете, чѣмъ же воевать будете? говорилъ имъ не очень-то осторожно, Тахомъ Григорьевичъ, разумѣется всѣмъ отказывая въ просимомъ, ибо у него дома никакихъ военныхъ снарядовъ тогда не было (что и имѣлось прежде, то все онъ отдалъ дѣтямъ, а самъ

весьма предусмотрительно остался, какъ есть, съ голыми руками).

— А такъ. Собралися и пойдемъ... Нельзя не идти: велѣно... да и нужда наша... отвѣчали эти горемычные повстанцы.

Великая жалость брала Холстовыхъ, глядя на этихъ несчастныхъ, и особенно потому что имъ хорошо было извѣстно отъ какой горькой доли бѣгутъ они на бѣду, соблазненные не столько обѣщаніями сколько собственными своими соображеніями что авось-либо послѣ всего этого станетъ полегче, получше...

На другой день утромъ бѣда стала сваливать изъ усадьбы Холстовыхъ. Сѣраковскій, видимо съ утра чѣмъ-то озабоченный, уже нисколько не обращалъ вниманія на своихъ хозяевъ и даже не простившись съ ними довольно рано выѣхалъ со всемъ своимъ штабомъ. Онъ долженъ былъ договаривать свою „армію“. Предъ отъѣздомъ онъ самъ понаблюлъ чтобы весь караулъ стоявшій у воротъ усадьбы отправился въ походъ разомъ, что уже окончательно избавляло Холстовыхъ отъ опасности.

Кстати, Тихонъ Григорьевичъ сказывалъ мнѣ что около Солаъ соединились тогда пять повстанскихъ шаекъ: самого Сѣраковского, ксендза Мацкевича, Колышки, Лютгайлы и кажется Паць-Помарнацкаго, бывшего мирового посредника (но о последнемъ не могу утверждать навѣрное, и вообще о тогдашнемъ соединеніи всѣхъ вышеназванныхъ шаекъ подъ Солаами я говорю съ разказа объ этомъ старика Холстова).

Извѣстно что повстанцы, подъ главнымъ предводительствомъ Сѣраковского, направились отъ Солаъ къ мѣстечку Биржи, въ Поневѣжскомъ уѣздѣ (мѣстечко это находится отъ Громоловщины верстахъ въ пятидесяти, не болѣе), гдѣ и были разбиты на голову генераломъ Ганецкимъ. Участъ Сѣраковского, взятаго тогда въ плѣнъ со всемъ своимъ штабомъ, тоже извѣстна...

(До слѣдующаго №.)

С. СЛАВУТИНСКІЙ.

ОТЪ ГОРЪ КАВКАЗА

ДО ФОРТОВЪ ЭРЗЕРУМА

ВОСПОМИНАНІЯ О ДѢЙСТВІЯХЪ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА
КАВКАЗСКОЙ АРМІИ ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877—78
ГОДА

Печатаю воспоминанія объ Эриванскомъ отрядѣ, руководствуюсь единственно убѣжденіемъ что чѣмъ больше частныхъ лицъ опубликуютъ свои записки, письма, дневники тѣмъ болѣе прольется свѣта на великія событія послѣдней войны, тѣмъ вѣрнѣе общество оцѣнитъ сильныя и слабыя стороны нашей арміи, военной администраціи и т. п. Официальные корреспонденты необходимо стѣснены своимъ положеніемъ, военныя сочиненія объ истекшей войнѣ появятся еще не скоро, да и прочтутся-то весьма немногими изъ невоенныхъ. Дневника я не велъ, а записывалъ пережитое иногда по прошествіи небольшихъ періодовъ, какъ позволяло время. Претензіи на совершенную непогрѣшимость свѣдѣній, занимательность, игривость слога или популярное изложеніе не имѣю; „безъ гнѣва и пристрастія“: вотъ девизъ которому слѣдую, а затѣмъ чѣмъ богаты тѣмъ и радъ.

I.

Въ 1876 году я служилъ въ одномъ изъ полковъ Кавказской арміи, стоявшемъ въ Ставрополѣ. 19го сентября 1876 года назначена была моя свадьба, и такъ какъ я долженъ былъ жениться въ К. я собрался 11го сентября непремѣнно выѣхать изъ Ставрополя и получилъ уже на то отпускъ. Наканунѣ моего выѣзда, я получилъ слѣдующую бумагу изъ госпиталя къ которому былъ прикомандированъ:

„Вслѣдствіе предписанія кавказскаго военно-медицинскаго инспектора предлагаю немедленно вашему—дію отправиться съ полученіемъ сего въ лагерь подъ городомъ Майколомъ въ Крымскій полкъ (къ мѣсту штатнаго служенія), слѣдующій въ городъ Тифлисъ и т. д.“

Это предписаніе поразило меня какъ громомъ. Необходимо было въ теченіе пяти дней данныхъ мнѣ на сборы распорядить все что пришлось пріобрѣсти для свадьбы, увѣдомить невѣсту, позаботиться о судьбѣ матери остающейся безъ пріюта и средствъ къ жизни. Зачѣмъ полкъ идетъ въ Тифлисъ, на долго ли,—вотъ вопросы которые мучили меня ужасно. Слухи о предстоящей войнѣ съ каждымъ днемъ усиливались, и я конечно старался утѣшать и себя и другихъ что это передвиженіе только временное. Ясно что не безъ причины происходило это передвиженіе войскъ съ сѣвернаго Кавказа въ Закавказье. Но дѣлать было нечего, приходилось покориться необходимости.

Прежде всего необходима было извѣстить невѣсту о своемъ неожиданномъ назначеніи. Сколько можно было выразить въ телеграммѣ, я извѣщалъ о случившемся въ успокоительномъ духѣ. Помню что отсылая эту телеграмму я залакалъ какъ ребенокъ. Все что я дѣлалъ въ душѣ и чѣмъ такъ радостно думалъ обставить свою жизнь, все полетѣло прахомъ.... Я былъ глубоко убѣжденъ что цѣль передвиженія войскъ происходившаго тогда на Кавказѣ была далеко не мирнаго свойства, и что, расставаясь со своею уютною квартирой и съ престарѣлою матерью, я рискую не возвратиться....

Наскоро распродавъ все что было возможно, я рѣшилъ отправить мать въ городъ В., гдѣ жила моя замужняя сестра, которая тогда гостила у меня. Срокъ моего отъезда приближался.

Никогда не забуду того памятнаго дня который пришлось пережить мнѣ въ своей дорогой семьѣ наканунѣ отъезда.

Моя довольно большая квартира какъ-то олуствовала, и казалось эти оставшіеся стулья, столы и другія принадлежности мебелировки вмѣстѣ со мною грустили о томъ что завтра они будутъ двинуты съ тѣхъ мѣстъ гдѣ имъ такъ хорошо и уютно стоялось до сихъ поръ. Погода была отвратительная, шелъ мелкій осенній дождь и обдавалъ проходящаго насквозь провизывающею сыростью.

Было 7 часовъ вечера. На столѣ стоялъ самоваръ и у стола я и мать, блѣдная, страдающая, но желающая скрыть свои страданія, и сестра съ сыномъ лѣтъ пяти. Разговоръ не клеился. Каждому было тяжело до боли, до отчаянія. Маленькій мой племянникъ что-то болталъ, поминутно обращаясь къ намъ. Но намъ было не до шутокъ.

— А дядя скоро на войну пойдетъ? началъ мальчикъ. — Бабушка, онъ скоро вернется?

У матери глаза наполнились слезами. Я почувствовалъ и себя очень не ловко, и подъ предлогомъ взять папирозъ пошелъ въ свой кабинетъ.

Въ кабинетѣ все стояло еще по старому. Кабинетную мебель и все его устройство мнѣ особенно жаль было продавать. Я все еще боролся и ласкалъ себя надеждой, авось скоро вернусь. На письменномъ столѣ стоялъ портретъ моей невѣсты. Счастливая улыбка, любящее выраженіе свѣтились у нея на лицѣ, когда она снимала этотъ портретъ, зная для кого и не предугадывая что должно постигнуть насъ. Взглянувъ на портретъ я содрогнулся. Мысль что все мною задуманное разомъ порвалось и исчезло какъ облако дыма сдавила мнѣ грудь.

Я старался сколько возможно сдерживаться, шутилъ, дѣлалъ успокоительныя предположенія, но все выходило какъ-то натавуту, и всѣмъ становилось еще болѣе тяжело и скучно. Когда мы разошлись по своимъ комнатамъ, намъ всѣмъ наединѣ со своими думами вѣроятно сдѣлалось легче. Едва ли кто изъ насъ спалъ въ эту ночь.

Какъ только стало разсвѣтать, мать пришла будить меня. Я не спалъ, но притворился спавшимъ. Не стану описывать минуты прощанія. Помню только что какъ можно скорѣе хотѣлось уѣхать чтобы не слышать этихъ раздражающихъ душу рыданій и не видѣть этого бессильнаго, безпомощнаго страдавія.

Подъѣхалъ экипажъ; я еще разъ простился и вскочилъ въ него. Бывнувъ въ послѣдній разъ рыдающей матери, взглянувъ еще на сестру, я велѣлъ трогаться.

Мать осталась допродать остальное имущество, съ тѣмъ чтобы немедленно выѣхать въ В. До Майкопа я долженъ былъ ѣхать съ моимъ товарищемъ докторомъ С—вымъ, а потому предварительно долженъ былъ заѣхать за нимъ на его квартиру, гдѣ къ семи часамъ утра стояли готовыми почтовые лошади.

Въ семь часовъ утра мы оставили Ставрополь. Мы выѣхали пораньше, такъ какъ предстояла убійственная дорога, и могли разчитывать только къ вечернему поѣзду добраться до станціи желѣзной дороги. Мы не ошиблись. Было уже около шести часовъ вечера когда мы выѣхали на равнину гдѣ расположена станція, и бѣгающія сторожевыя будки указали намъ направленіе полотна желѣзной дороги.

Мы ѣхали по равнинѣ минутъ десять какъ вдругъ услышали свистъ паровоза; мы невольно оглянулись и не мало перепугались, думая что опоздали на поѣздъ. Оказалось впрочемъ что поѣздъ былъ не нашъ. Подъѣзжая ближе, мы увидѣли что вагоны заняты батареей 41й артиллерійской бригады, стоявшей въ Ростовѣ и направлявшейся теперь въ Тифлисъ. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпило меня въ мысли что не простая караульная служба вызываетъ нашъ полкъ въ Тифлисъ.

Еще полчаса, и мы на станціи Невинномысской. Все уже готово къ приходу владикавказскаго поѣзда который долженъ доставить насъ до станціи Армавиръ. На станціи я вспомнилъ, увидя дымившіяся блюда на столѣ, что еще ничего не ѣлъ. Минутъ черезъ пять послѣ нашего пріѣзда, ко крыльцу станціи подкатила коляска, изъ нея вышелъ генералъ, сзади котораго носильщики тащили не малое количество мѣшковъ и другихъ принадлежностей дороги. Я сейчасъ же узналъ его. Это былъ генералъ Б—овъ, въ домѣ котораго я бывалъ часто

въ Ставрополѣ и съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Скажу объ немъ нѣсколько словъ. А. А. Б—овъ человекъ не молодой, но еще очень бодрый; ближайшіе подчиненные его говорятъ о немъ: Б—овъ справедливъ и добръ до безконечности. Его девизъ быть всѣмъ полезнымъ и никогда никого не обижать. Дѣйствительно, вспоминая этого человека, невольно останавливаешься на этой личности съ полною любовью и полнымъ уваженіемъ. Въ служебномъ отношеніи онъ извѣстенъ за отличнаго начальника, храбраго офицера и полезнаго дѣятеля.

Войдя въ залу вокзала, Б—овъ увидѣлъ меня.

— А! здравствуйте, *doctissime*, какъ онъ всегда называлъ меня, обратился онъ ко мнѣ своимъ симпатичнымъ голосомъ. — Что, закусываете? Отличное дѣло, и я сейчасъ къ вамъ припжну.

И уложивъ свои вещи, онъ принялся вмѣстѣ съ нами закусывать.

— Ну что, скучаете? спросилъ онъ меня.

— Да, генералъ, не веселы всѣ эти передвиженія.

— Я самъ ихъ терпѣть не могу, хотя мнѣ лора бы и привыкнуть; ужь не въ первый разъ, говорилъ генералъ, съ удовольствіемъ прихлебывая кахетивское изъ граненаго хрустальнаго стакана.

— Скучаю я не отъ передвиженія, отвѣтилъ я, — а отъ неизвѣстности того что насъ ожидаетъ въ будущемъ. Идемъ ли мы въ Тифлисъ надолго, или это только будетъ временное пребываніе?

— Объ этомъ сказать что-нибудь рѣшительное трудно. По моему мнѣнію, едва ли что-нибудь будетъ серьезное. Приготовленія, конечно, необходимы; но если и будетъ что, то не ранѣ весны, какъ-то услоконительно прибавилъ генералъ.

— Какъ?! и до весны это неопредѣленное положеніе? спросилъ я съ невольною тоской. — Неужели на цѣлые годы мы разстанись со свободой и локосемъ?

— Очень можетъ быть, равнодушно отвѣтилъ Б—овъ. — Да что объ этомъ говорить: что будетъ, то будетъ; мнѣ и самому думать не хочется объ этомъ.

Черезъ часъ мы уже сидѣли въ вагонѣ. Смерклось. Въ купе нашемъ были только Б—овъ, я и С—овъ. Мѣрное покачиванье вагона, тишина и однообразный шумъ поѣзда располагали

сильно ко сну. Впечатлѣнія дня ярче и ярче воскресали въ памяти, образы дорогихъ лицъ проносились въ воображеніи съ особенною ясностью, припоминались отдѣльныя фразы, моменты прощанія, слезы и отчаяніе матери, и сердце болѣзненно сжималось и ныло. Наступившія сумерки окутали всѣ окрестности непроницаемою тьмой, и на свѣтавшемъ еще фонѣ окна неясно обрисовывался силуэтъ дремающаго генерала, который сидѣлъ въ углу противъ меня. Наконецъ, все слилось въ одну общую неясную картину, и генералъ, и окно, въ которое врывался чуть замѣтный свѣтъ угасающаго дня, все исчезло, и я заснулъ.

„Станція Армавиръ!“ слышу кричить кто-то на платформѣ. Я вскочилъ. Генералъ сладко спалъ. С—овъ тоже прикурнулъ. Я ихъ разбудилъ.

Шумъ, толкотня, движеніе; яркій свѣтъ залитой огнями залы неприятно рѣзалъ глаза привыкшіе къ темнотѣ вагона.

Отъ Армавира до Майкопа сто двадцать верстъ по почтовому тракту. Намъ всѣмъ хотѣлось выѣхать сейчасъ же; но лошадей сейчасъ на станціи не оказалось. Пришлось волей-неволей ждать до утра. Всѣмъ это очень не понравилось. Армавиръ—третьеклассная станція. Отдѣльныхъ комнатъ не имѣлось. Пришлось располагаться на ночлегъ въ общей залѣ. Кое-какъ устроивъ импровизованныя постели, мы наконецъ умѣстились въ пріятной увѣренности что завтра намъ уже несомнѣнно удастся наконецъ двинуться въ Майкопъ. Но ваши ожиданія не сбылись; пришлось переждать еще день, пока наконецъ какія-то отвратительныя полуголодные клячи не двинули насъ по грязной убійственной дорогѣ въ направленіи къ дивизионному лагерю подъ городомъ Майкопомъ.

Описывать дорогу отъ армянскаго селенія Армавиръ до города Майкопа вѣтъ надобности. Пустынная на безконечное пространство раскинутая степь, изрѣдка лишь прерываемая богатыми и красиво обстроенными ставицами Кубанскихъ льготныхъ казаковъ, вотъ и вся особенность цѣлаго Кубанскаго края. Ни рѣчки, ни пригорка. Нѣкоторыя изъ ставиць, напримѣръ, Лабинская, по своему общему виду и обширности могутъ соперничать со многими уѣздными городами обширной Россіи.

Къ этой ставицѣ, находящейся въ шестидесяти верстахъ отъ Армавира, съ невыразимыми усилиями, по невылазной

грязи, едва успѣли мы дотащиться къ глубокой ночи. Какъ нарочно была страшная темень и погода стояла дождливая. Множество огней разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ бросались намъ въ глаза. Было около 8 часовъ вечера. Среди тишины свойственной всякому заходустью въ позднюю пору, раздался неумолкаемый концертъ дворовыхъ собакъ, рас-тревоженныхъ бряцаньемъ почтовой таратайки по невыразимо изрытымъ улицамъ. На крыльцѣ постоялаго двора появился фонарь, и кутаясь въ какое-то тряпье отъ осенней непогодицы стояла фигура съ голою шеей и протирала сонные глаза.

Какъ легко вздохнули мы очутившись въ теплой просторной комнатѣ послѣ цѣлаго дня дождя и грязи! Не прошло и десяти минутъ послѣ нашего пріѣзда, какъ вновь задребезжало что-то на улицѣ, и вслѣдъ затѣмъ въ ту же комнату вошелъ и нашъ слутникъ, генералъ Б—овъ. Эту ночь пришлось намъ провести опять вмѣстѣ: другой комнаты не имѣлось, и на утро снова та же тряска, то же мученіе вплоть до самаго Майкола.

II.

Вотъ уже конецъ другаго дня. Давно смерклося. Погода прояснилась. Выглянула изъ-за хребта горъ окружающихъ Майколъ полная луна и освѣтила бѣлую полосу дивизионнаго лагеря растянувагося на нѣсколько верстъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ лагерю, тѣмъ яснѣе доносились до насъ говоръ, шумъ и движеніе военного люда. Взвилась ракета и загудѣла разомъ вечерняя зоря. Нѣсколько хоровъ музыки въ разныхъ мѣстахъ лагеря играли: *Коль славенъ...* Затѣмъ общій хоръ солдатъ поющій *Отче нашъ*, вновь хоры музыки и гимнъ *Боже, Царя храни*, послѣдніе сигналы горнистовъ и общая тишина. Все было для меня ново. Мой слутникъ С—въ, знавшій хорошо расположеніе нашего полка, направилъ ямщика къ указанному мѣсту. Нѣсколько офицеровъ стояло вмѣстѣ когда мы подѣвхали. Я представился имъ какъ новое лицо прибавившееся къ общей полковой компаніи. Начались любезныя, почти дружескія рукопожатія и обмѣны привѣтствій. Здѣсь же мы рѣшили сойтись чрезъ полчаса за ужиномъ въ офицерскомъ *table d'hôte*, а пока насъ проводили въ назначенную намъ палатку. Меня интересовало все что дѣлалось въ лагерѣ. И палатки, и размѣ-

щеніе хозяевъ этихъ спеціально военныхъ жилищъ, наконецъ самыя личности офицеровъ. Кое-какъ приведя свой дорожный костюмъ въ порядокъ, мы съ С—вымъ отправились ужинать.

Офицерскій table d'hôte—обширный полотняный наметъ, вмѣщающій въ себѣ весь налицыный составъ офицеровъ полка. Столъ разставляемый во всю длину палатки былъ уже почти весь занятъ, когда мы съ С—вымъ вошли въ столовую. Офицеры любезно предложили намъ мѣсто на самомъ концѣ стола, что означало извѣстнаго рода почетъ, такъ какъ это мѣсто иногда занималось командиромъ полка. Шумъ, оживленный говоръ, смѣхъ. Началось угощеніе. Приготовлено было всего вдоволь и порядочно. Импровизованные официанты, то-есть деньщики, носились въ разныя стороны, едва успѣвая удовлетворять ежесекундныя требованія: то еще жаркаго, то водки, то кахетинскаго вина. Офицерство отдыхало и кефовало. Много говорилось о предстоящемъ походѣ, многое предполагалось, многое обсуждалось. Въ одномъ углу шла оживленная бесѣда о чисто полковыхъ интересахъ дая, въ другомъ кто-то отчаянно защищалъ доброкачественность маркитантской водки.

Картина была для меня новая и занимательная. Я присматривался ко всему съ особеннымъ интересомъ. Я зналъ что жить такую же жизнь придется и мнѣ, а потому приходилось вглядываться и по-своему прикидываться къ условіямъ военной обстановки. Комфортъ, удобство и покой должны были быть забыты, а взамѣнъ являлись на сцену всѣ невзгоды походной жизни.

Бесѣда была въ полномъ разгарѣ, количество согревающей жидкости уже достаточно туманило головы, все оживилось, болтало, смѣялось безъ умолку, какъ вдругъ появился полковой адъютантъ и громкогласно объявилъ что завтра въ 8 часовъ утра полкъ выступаетъ послѣ молебна въ Тифлисъ. Это извѣстіе положило конецъ нашей общей бесѣдѣ. Всѣ съ шумомъ поднялись со своихъ мѣстъ, каждый къ своему вочаегу, имѣя въ виду предъ выступленіемъ отдохнуть въ вою. Вошелъ и я въ свою палатку. Тѣсно, холодно и далеко не удобно. Впервые въ жизни приходилось такимъ образомъ проводить долгую осеннюю и довольно прохладную ночь, подъ закрытіемъ лишь одного слоя почти сквознаго полотна. Нечего дѣлать, пришлось, дрожа и ежась

отъ провизывающаго холода, улечься на походную койку и накрывшись спасительною буркой предаться отдохновенію. Издалека уже доносились звуки сладкаго храла; рядомъ кто-то еще изъ неутомившихся допекалъ своего деньщика, не догадавшася на дорогу (про которую онъ по свойственной всѣмъ деньщикамъ неапаобознательности до сихъ поръ ничего еще не слыжалъ) взять у маркитанта лишнюю бутылку водки. Наконецъ все стало стихать, и общая ночная тишина нарушалась лишь мѣрными шагами часовыхъ да завываньемъ псовъ, необходимыхъ слутчиковъ военнаго люда.

Ровно въ шесть часовъ послышались звуки утренней зори. Началось движеніе въ лагерь. Укладывался полковой обозъ, поемному свивались палатки, слышны были отовсюду крики офицеровъ. Кто умывался, кто откашлявался, кто уже одѣтый спокойно покуривалъ, запуская клубы дыма чаемъ или кофе. Все волновалось и двигалось. На лицѣ каждаго явлася было нетерпѣніе. Въ такомъ томительномъ ожиданіи сигнала къ сбору прошло болѣе часу. Наконецъ все утомилось, послышался сигналъ, а затѣмъ сдержанный крикъ, полудиспуганный, полуудивленный: начальникъ дивизіи, начальникъ дивизіи! Разомъ все какъ будто замерло, каждый на своемъ мѣстѣ, каждый при своемъ посту и вытянувшись въ строевомъ порядкѣ. Издали на бѣлой лошади скакалъ генералъ С—евъ со своимъ штабомъ. „Здорово братцы“, грянулъ его могучій голосъ и въ отвѣтъ какъ волна покатилося солдатское: „здравіе желаемъ ваше—ство“. Генералъ обратился съ рѣчью къ солдатамъ, смыслъ которой былъ приблизительно тотъ что предстоящая полку дѣятельность слишкомъ важна и онъ надѣется что первый подкъ его дивизіи не посрамить себя и залистетъ свое имя на страницахъ военной исторіи и т. д. Голосъ генерала невольно дрогнулъ, и онъ отвернулся.... Слапшная масса преклонила колѣна у подножія походнаго аналая, предъ которымъ дивизіонный благочинный въ полномъ облаченіи совершалъ валутственный молебенъ. Горячо крестились солдатскія руки, низко и низко склонялись ихъ облаженныя головы внимаая словамъ Св. Евангелія.... И думалось многое въ тѣ минуты русскому солдату. Все молилось горячо какъ бы прощаясь на вѣки со всѣмъ дорогимъ; все затихло и замерло въ этой массѣ, лишь мѣрное чтеніе благочиннаго разносилось въ затихшемъ воздухѣ. Наконецъ послышалось возглашеніе: „Христулюбивому

войству многая лѣта!“ и все разомъ оживилось, воспрянуло и заволаговалось. Масса колыхнулась и чрезъ полчаса вытянулась въ походномъ порядкѣ.

Генералъ С—евъ на прощанье крикнулъ полку: „Ну съ Богомъ въ дорогу!“ и круто повернувъ лошадь быстро помчался въ направленіи къ городу. Послѣ говорили что этотъ суровый съ виду, но добрейшій душою генералъ не могъ пересилить своего волненія при проводахъ полка своей дивизіи и... заплакалъ.

Томительно грустное настроеніе, въ которомъ находилось все во время молебна, скоро разсѣялось. Въ переднихъ рядахъ колонны послышались звуки бубна и захватская визгающая мелодія солдатской лѣсни пронеслась въ сыроватомъ воздухѣ. Эту мелодію живо подхватили и задніе ряды и все слылось въ живую, игривую и безшабашную музыку, созданную русскимъ молодецествомъ и удаалью.

Первый нашъ ночлеги былъ за двадцать верстѣ. Въ первый разъ въ жизни приходилось мнѣ двигаться такимъ медленнымъ шагомъ за колонной. Благодаря любезности командира полка мы, врачи, не имѣвшіе конечно лошадей, размѣстились не безъ удобствъ въ покойной, просторной полковой коляскѣ, но несмотря и на это благо все-таки томительно долго показался этотъ первый переходъ, такъ какъ приходилось двигаться черепашьимъ шагомъ вслѣдъ за полкомъ, не отставая и не заѣжая впередъ. Уже почти стемнѣло когда вдали стала обрисовываться въ неясномъ туманѣ ставица Кужорская, гдѣ должны мы были расположиться на ночлеги. Квартиру намъ съ С—вымъ отвели очень приличную. Въ нашу компанію попалъ также и нѣкто Б., адъютантъ 1го баталіона, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ, воспитанныхъ и пріятныхъ собесѣдниковъ въ общемъ составѣ офицеровъ Крымскаго полка. Съ нимъ я часто встрѣчался еще во Ставрополѣ. Тамъ онъ въ обществѣ показывался чаще другихъ своихъ товарищей, самыя за перваго танцора, прекраснаго дирижера и очень интереснаго кавалера въ дамскомъ обществѣ.

Когда мы устроились на ночлеги, начались между нами за самоваромъ нескончаемые разговоры. Уже поздно, совсѣмъ за полночь, мы наконецъ успокоились съ тѣмъ чтобы завтра продолжать вновь наше однообразное лутешествіе.

Такимъ образомъ, и на все будущее время союзъ между нами тремя былъ заключенъ, и у насъ завелось свое походное

хозяйство, распорядителемъ котораго выбранъ былъ Б. Шли мы до Армавира, откуда уже должны были двигаться до Владикавказа по желѣзной дорогѣ безъ особенныхъ приключеній. Для сѣвернаго Кавказа стояла уже осень. Былъ сентябрь. Воздухъ былъ уже довольно свѣжъ. Небо заволоклось свинцовыми, низко нависшими тучами, дала немилосердный дождь и солдаты вязли въ растворенной жидкой грязи, вязли въ своихъ легкихъ шинеляхъ, болѣли и оставались на дорогѣ. Только на шестой день похода увидели мы издали крѣпкія стѣны форштадта надъ селеніемъ Армавиръ. Этотъ форштадтъ называется Прочноокопскимъ — штабъ-квартира 1й батареи 19й артиллерійской бригады. Вызвувъ, въ небольшой лоцинѣ, обрисовалось наконецъ грязное, но большое разбросанное армянское селеніе Армавиръ, съ желѣзнодорожною станціей того же имени, гдѣ недѣлю тому назадъ пришлось промучиться намъ томительнымъ ожиданіемъ лошадей для отправления въ лагерь. Размѣстили насъ по грязнымъ армянскимъ хатамъ и потянулась скучная однообразная жизнь, безъ дѣла, безъ интереса, оживляемая лишь слабою надеждою авось желѣзнодорожное начальство благоволитъ поскорѣе вытянуть насъ изъ этого грязнаго гнѣзда, пропитаннаго запахомъ шапалака и бурдюка.

Для перевозки всего полка со всеми тяжестями и обозомъ требовалось немного времени. Необходимо было сварядить четыре поѣзда для каждаго баталіона отдѣльно и кромѣ того поѣздъ подъ полковой обозъ и лошадей. Мы волей или неволей должны были провести въ этомъ пріятномъ ожиданіи отъѣзда четыре дня въ скучнѣйшемъ и грязнѣйшемъ Армавирѣ.

Наконецъ, 24 сентября, назначенъ и сваряженъ былъ первый поѣздъ, на которомъ отправлялись бригадный командиръ генералъ К., командиръ полка полковникъ А.—скій со своимъ штабомъ и весь первый баталіонъ, а съ нимъ и нашъ слутникъ и сожитель Б. Поѣздъ этотъ отходилъ въ два часа ночи. Слѣдующій поѣздъ для 2го баталіона шелъ утромъ въ 8 часовъ. Для 3-го—въ 2 часа дня и для 4го, съ которымъ по распоряженію старшаго врача полка назначенъ былъ ѣхать и я, на третій уже день въ 8 часовъ вечера.

Предъ отходомъ перваго поѣзда собрались мы всѣ на станціи для проводовъ 1го баталіона. Всѣмъ намъ пріятнѣе казалось провести ночь въ теплой и освѣщенной комнатѣ

вокзала, несмотря на невообразимую тѣсноту, чѣмъ въ грязной и дымной армянской хатѣ, гдѣ и такъ мы чуть было не задохлись въ эти четыре дня. Ждали поѣзда изъ Невинномысской станціи (ближайшей къ Ставрополю). Съ этимъ поѣздомъ должны были пріѣхать нѣкоторые офицеры нашего полка, отпущенные раньше еще изъ Майкопа въ Ставрополь на два, на три дня проститься со своими семьями.

Въ этотъ день утромъ я получилъ письмо отъ матери изъ Ставрополя, въ которомъ она извѣщала меня что, распродавъ за безцѣнокъ все брошенное мною въ Ставрополѣ, она выѣхала оттуда въ В*. По разчету времени на этомъ ожидаемомъ сейчасъ поѣздѣ я долженъ былъ встрѣтить и ее. Я не ошибся. Лишь только подошелъ поѣздъ къ платформѣ, я встрѣтилъ мать. Бѣдная старушка, распродавъ все что было у насъ накоплено за этотъ годъ жизни въ Ставрополѣ, ѣхала въ В*, гдѣ жили наши родственники, съ тоской и болью въ сердцѣ, въ чужой уголь.

Наше свиданіе продолжалось всего минутъ десять. Какъ и слѣдовало ожидать, намъ въ этотъ короткій промежутокъ времени ни о чемъ переговорить не удалось. Раздался третій звонокъ, свистнулъ паровозъ, тронулся поѣздъ, унесъ съ собой рыдающую мать. Какъ тяжело мнѣ было въ ту минуту!

Пришлось еще цѣлый день прождать того момента когда наконецъ усадили и насъ, то-есть послѣдній 4й баталіонъ полка, и шила и лытя тронулся наконецъ паровозъ со станціи Армавирь. Было уже восемь часовъ вечера. Приходилось позаботиться о спокойномъ отдохновеніи. Но спать эту ночь почти не пришлось. Первое время я еще какъ-то не успѣлъ хорошенько оглядѣться и познакомиться съ компаніей въ которой очутился. Съ офицерами этого баталіона я почти не былъ знакомъ. Войдя въ вагонъ я помѣстился въ самомъ дальнемъ и темномъ углу и уже приготовился устроить себѣ постель и забыться ото всѣхъ впечатлѣній дня. Не тутъ-то было. Офицерство было черезчуръ весело. Начальства не имѣлось, и всякій пользовался свободой по своему. Въ одномъ углу, уместившись весьма комфортабельно, накрывъ деревянные диваны (намъ отпущена 3й классъ) походными коврами, освѣтивъ эту часть вагона своими свѣчами, возсѣдалъ за тралезой председатель пиршества лоручикъ Д—въ. Радужная, открытая физиономія, лысая почти голова и солидная дородность тѣла какъ-то сразу къ нему

располагали. Онъ видимо давалъ тонъ своему банкету, и все умѣстилось около него. Методически и съ любовью бралъ онъ въ руки бутылку и выразительно кракнувъ наливалъ одну рюмку за другою вывода густымъ басомъ извѣстный всѣмъ наливъ: „подноси сосѣдъ сосѣду, сосѣдъ любить пить вино“. Рюмка переходила изъ рукъ въ руки. Я молча и съ любольпствомъ созерцалъ эту картину. Я чувствовалъ себя особнякомъ и боялся что своимъ присутствіемъ нарушаю общую гармонію праздника. Вскорѣ меня вывели изъ моего немного неловкаго положенія. Видя что я сижу одинъ въ темномъ углу вагона и можетъ-быть не прочь заснуть, чего я исполнить при звукахъ радужныхъ угощеній не могъ, поручикъ Л — къ обратился къ лубайкѣ.

— Господа, тише! Попросимъ-ка доктора раздѣлить нашу компанію и съ нами познакомиться ближе. Докторъ, вѣдь мы теперь соединены съ вами надолго... Кто знаетъ что насъ тамъ ожидаетъ. Будемъ же дѣлать съ этой минуты и горе, и радость вмѣстѣ. Вы думаете я не видалъ какъ горько вамъ было сегодня прощаться съ матушкой. Все видѣлъ... все чувствовалъ. Не вы одни.... Вотъ здѣсь въ этой компаніи вы думаете все одиноцы.... ничего не теряющіе.... нѣтъ, докторъ, у всѣхъ насъ есть свои привязанности.... свои печали, да Богъ съ ними! Все равно ужъ какъ тамъ вы печалься, а помни одно: „страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за Царя, за Русь“, проревѣлъ онъ густымъ басомъ и въ заключеніе протянулъ мнѣ руку.

Я пожалъ поручику руку, поблагодарилъ его за радужное привѣтствіе и присоединился къ компаніи.

Мы и не замѣтили какъ прошла эта первая ночь нашего путешествія по желѣзной дорогѣ. Разговоры дились неудержимо. Кто-то затануль изъ *Жизни за Царя*: „Не томись, родимый“, да такъ задущебно, такъ тепло и мягко дились эти звуки. Взгрустнулось всѣмъ при этой лѣснѣ. Дились звуки неудержимо, съ энергіей, съ выраженіемъ. Все смолкло. Лысый поручикъ какъ-то безцельно олустилъ свою голову и крѣпко задумался. Все остальное такъ и замерло въ той позѣ въ какой застали каждаго начальные звуки этой мелодіи. Оказалось послѣ что въ полку былъ не одинъ такой лѣвецъ. Музыку тамъ любили и любили многие. Когда затихли послѣдніе звуки, восторгу не было конца. Пѣснь смѣнялась пѣснью, хоръ хоромъ, и мы

только тогда вспомнили о свѣѣ когда неясные лучи осенняго поздняго разсвѣта стали пробиваться въ стекла вагона и смѣшвали собою едва мерцающій тусклый блескъ догорѣвшихъ за ночь свѣчъ.

III.

На третій только день, въ полдень, нашъ поѣздъ, двигавшійся со черепашею медленностью, остановился у станціи во Владикавказѣ. Множество люда встрѣтило насъ на станціи. Пока высаживался и выравнивался нашъ баталіонъ я остановился въ нерѣшимости и не зналъ куда мнѣ ѣхать? Мнѣ хотѣлось найти моихъ сожителей по походу, С—ова и Б., которые уѣхали изъ Армавира съ первымъ эшелономъ. Пока я раздумывалъ, время уходило, и я оставался все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Я рѣшился наконецъ ѣхать въ первую попавшуюся гостиницу и затѣмъ отправиться на поиски моихъ пріятелей.

— Вы докторъ Л? слышу сзади себя голосъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ какой-то юноша туземнаго тѣла.

— Да, я; а что вамъ отъ меня нужно?

— Пожалуста, идите за мной, говорилъ мой чичероне съ рѣзкимъ грузинскимъ акцентомъ. — Одинъ офицеръ сказалъ мнѣ: найди здѣсь доктора и веди ко мнѣ въ гостиницу гдѣ я остановился.

По разспросамъ оказалось что Б. позаботился отыскать номеръ въ гостиницѣ, что стоило не малаго труда въ виду громаднаго наплыва войскъ слѣдующихъ черезъ Владикавказъ въ Закавказье. Затѣмъ къ приходу нашего поѣзда онъ высадилъ за мной мальчика изъ гостиницы, съ помощью котораго я и прибылъ въ заранѣе приготовленное помѣщеніе моихъ сожителей.

Номеръ оказался довольно приличнымъ, хотя баснословной дороговизны. Меня встрѣтилъ Б. и объявилъ что на завтра назначена здѣсь дневка, а потому совѣтовалъ воспользоваться временемъ и осмотрѣть Владикавказъ.

Владикавказъ — прелестный уголокъ, расположенный на равнинѣ съ трехъ сторонъ окруженной цѣпью горъ главнаго Кавказскаго хребта. На первомъ фасѣ при взглядѣ на общій

Кряжъ сѣвѣгоаго хребта возвышается такъ-называемая *Столовая* гора, имѣющая верхушку какъ бы срѣзанную на подобіе стола. Гора эта въ лѣтнее время снѣгомъ не покрыта, но лишена всякой растительности. Тотчасъ же за ней на общемъ планѣ картины выдвигается сѣдая угрюмая голова Казбека, который несмотря на сорокъ верстъ разстоянія кажется очень близко. Это главный фасъ картины. По обѣимъ сторонамъ Владикавказа тянутся уже меньшія горы, всѣ покрытыя зеленью и наряду со снѣговымъ Казбекомъ и цѣлю остальныхъ горъ блестящихъ на голубомъ фонѣ осенняго неба производить эффектъ поразительный. Самый городъ обидаетъ зеленью въ видѣ бульваровъ и отличается очень красивыми постройками.

Улицы города очень чисто и хорошо вымощены. Тилъ — отчасти хорошаго російскаго уздааго городка, съ азіатскимъ отбѣнкомъ. Гостилицы содержатся довольно роскошно и прилично, хотя не безъ нѣкоторой грязи, столь дорогой восточному населенію.

Вечеромъ въ день нашего прихода во Владикавказъ мы съ Б. отравились въ клубъ. Несмотря на довольно холодныя ночи, владикавказскіе жители еще веселились по лѣтнему положенію. Клубъ еще находился въ саду въ прекрасно-устроенной для этой цѣли ротондѣ. Стройный оркестръ Терскаго казачьяго войска исполнилъ различные оперныя отрывки подъ управленіемъ своего капельмейстера. Этотъ вечеръ провели мы не дурно, такъ какъ у меня былъ тамъ одинъ знакомый Dr. К., занимающій очень видное мѣсто и познакомившій меня со всею владикавказскою аристократіей. Dr. К. (областной врачъ Терской области) пригласилъ меня на другой день обѣдать и я провелъ у него весь день.

На слѣдующее утро назначено было выступленіе въ Тифлисъ.

Мы выступили двумя эшелонами. 1й и 2й баталіоны ушли вчера. Я отправился съ 3 и 4 баталіономъ. Значитъ я долженъ былъ совершать этотъ походъ вплоть до Тифлиса съ тою же почти компаніей въ средѣ которой провелъ двѣ ночи на желѣзной дорогѣ. Впрочемъ, на половинѣ дороги, въ мѣстечкѣ Пассанауръ мы должны были нагнать 1й эшелонъ, имѣющій тамъ дневку, и затѣмъ уже полкъ долженъ былъ двигаться вплоть до Тифлиса въ полномъ составѣ.

Какъ только втянулись мы въ первое ущелье, разомъ закрывающее отъ взоровъ Владикавказъ и степную мѣстность Терской области со стороны Моздока, начались чисто горные виды. Погода была туманная, сѣрая. Массы облаковъ носились въ воздухѣ, задерживаясь на вершинахъ острокопечныхъ горъ и закрывая перспективу дальнѣйшей картины. Но пока мы дошли до Балты (первая станція), туманъ разсѣялся, показалось солнце и разомъ освѣтило чудную картину дикаго ущелья съ нависнувшими надъ головами скалами, съ непривычки производящими неприятно тяжелое впечатлѣніе. По правому берегу шумнаго, лѣвнящагося Терека, со страшною быстротою бѣгущаго изъ Дарьяльскаго ущелья, тянется ровное, гладкое шоссе, имѣя съ лѣвой стороны цѣлый рядъ выдолбленныхъ скалъ, такъ что поднявъ голову видишь надъ собой куполъ каменныхъ громадъ, и еслибы не открытый слускъ къ Тереку справа, то можно думать что тянется тоннель. При взглядѣ на эти громады висяція надъ головою сердце сжимается и хочется поскорѣе пройти это ущелье которое тянется на протяженіи около двухъ верстѣ. Наконецъ ущелье кончается и открывается плоскость, по срединѣ которой стоитъ старинная каменная крѣпость, служащая въ настоящее время жильемъ для постовыхъ казаковъ. Тамъ и сямъ по горамъ разбросаны аулы, отчасти разоренные и давно покинутые жителями, памятники давно уничтоженнаго грузинскаго владычества. Затѣмъ опять бѣлая полоска шоссе терется изъ виду и втягивается въ горныя ущелья и проходы вплоть до старой грузинской крѣпости Ларсъ, гдѣ и назначенъ былъ нашъ первый ночлегъ въ небольшой деревушкѣ того же имени. На завтра предстояла дорога по знаменитому Дарьяльскому ущелью, восплѣтому не разъ нашимъ незабвеннымъ Лермонтовымъ. Съ именемъ Дарьяла неразрывно связывался и повѣстическій образъ красавицы Тамары, и ея очаровательное обиталище. Невольно припомнились слова:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мгаѣ,
Старинная башня стояла,
Чертя на темной скалѣ.

• • *

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила
Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла.

Съ дикимъ ревомъ и шумомъ бѣжить по камнямъ и уступамъ мутный Терекъ, уводящая силою своихъ волакъ все попадающееся на пути. Голыя сѣрыя скалы подвинулись вплотную и такъ сжали ущелье что только клочокъ неба виденъ. Солнце сюда не проглядываетъ. Ни растительности, ни жилья, а только камни да скалы. Но этимъ-то и грандіозно, и поразительно это мѣсто. Направо отъ дороги красуется старинный развалившійся мостъ, отъ котораго остались лишь каменные арки да своды. Для чего и въ какія времена служилъ этотъ мостъ, неизвѣстно. Нѣсколько дальше ущелье расширяется и на небольшой равнинѣ олять старинная крѣпость и шлагбаумъ. Вблизи жилья, духанъ (родъ трактира) съ неизбѣжнымъ осетинскимъ сыромъ и кахетинскимъ виномъ. Вправо знаменитая мрачная скала и остатки замка Тамары.

Эльбрусъ и Казбекъ, эти два великана, очень разнятся между собою. По моему, Эльбрусъ величественнѣе и выдается рельефнѣе на общемъ фонѣ картины. Эльбрусъ виденъ отовсюду на всемъ Кавказѣ. Казбекъ болѣе сжатъ окружающими горами, и отъ этого эффектъ его величія теряется. Но и онъ очарователенъ, особенно во время заката, когда угасающіе лучи солнца окрашиваютъ его сѣдую голову предельнымъ розоватымъ свѣтомъ. Въ селѣ Казбекѣ большая станція съ прекрасными буфетомъ и нумерами. Тамъ мы и расположились на ночлегъ.

За Казбекомъ слѣдующая станція Коби, преддверіе къ знаменитому перевалу черезъ Кавказскія горы. Коби—маленькое селеніе лежащее у подножія главнаго Кавказскаго хребта при истокѣ Терека, берущаго здѣсь свое начало со снѣговыхъ громадъ горы Казбека. Станція Коби замѣчательна присутствіемъ вблизи ея двухъ кислыхъ желѣзныхъ источниковъ необыкновенно пріятнаго вкуса. Всякій проезжающій считаетъ долгомъ попробовать этой освѣжающей воды. Мы выступили изъ Коби рано утромъ при прекрасной теплой, точно лѣтней погодѣ, но при взглядѣ на обнесенныя уже снѣгомъ громадныя горы, черезъ которыя

вьется бѣлою ленточкой шоссе и которыя сегодня приходилось перевалить чтобы спуститься въ чудесную долину рѣки Арагвы (въ самое сердце Грузіи), приходилось запастись терпѣніемъ и ожиданіемъ порядочно померзнуть на высотѣ восьми тысячъ футовъ на Гудаурскомъ перевалѣ. Дѣйствительно, поднявшись до самой высшей точки хребта, гдѣ стоитъ казарма (въ зимнихъ путешествіяхъ она служитъ мѣстомъ отогреванія подчасъ совсѣмъ замерзающихъ путешественниковъ), мы увидѣли наверху казармы надпись высоты перевала: „7.819 фут. надъ поверхностью моря“. Вблизи казармы находится столбъ съ висящимъ на немъ колоколомъ. Этотъ колоколъ служитъ спасательнымъ маякомъ для замерзающихъ путешественниковъ и на звукъ его къ казармѣ въ случаѣ сильной метели собираются рабочіе для подаванія помощи погибающимъ. Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, на одной изъ горъ этого перевала, вслѣдствіе метели, погибло семейство молодой женщины, жены какого-то майора, причѣмъ она сама была завалена огромною глыбой снѣга. Съ тѣхъ поръ и гора эта носитъ названіе Майорши. Теперь же конечно цивилизація проникла и сюда, и возможность заносовъ предупреждается искусствомъ инженеровъ; тѣмъ не менѣе не обходится ни одного года безъ какой-нибудь катастрофы на этомъ ужасномъ мѣстѣ или зимой, или въ оттепель когда тающіе снѣга всею массою обрушиваются съ вершинъ окружающихъ горъ на узкое шоссе и на вѣки хоронятъ несчастныхъ путешественниковъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ. Мы прошли этотъ перевалъ благополучно, и къ вечеру спустились въ долину рѣки Арагвы, берущей начало съ этого снѣговаго хребта и сопровождающей Грузинское шоссе почти вплоть до Тифлиса.

Здѣсь уже совсѣмъ другая природа: тепло, благоуханно и привѣтливо выглядываютъ совсѣмъ еще зеленыя поля, дѣсистыя горы и населенныя аулы. Здѣсь кажется зимы и быть не можетъ. Такъ ярко свѣтятся солнцемъ снѣжныя поля, несмотря на октябрь, что послѣ суроваго пейзажа перевала невольно съ любовью отдыхаешь при взглядѣ на красиво извивающуюся змѣйкой Арагву и окрестныя зеленящія виды. Природа Грузіи даже въ октябрѣ восхитительна. По обѣимъ сторонамъ шоссе мелькаютъ частыя красивые аульчики пріютившіеся гдѣ-нибудь на самомъ верху сплошь убранной зеленью горы. Казалось бы на видъ что по этой крутизнѣ и

добраться до нихъ нельзя, а между тѣмъ тамъ жили и живутъ люди и гдѣ-нибудь на вышинѣ имѣютъ и свои ластыща, и свое полное хозяйство.

Мы вышли изъ Млетъ (первая станція послѣ перевала) въ 9 часовъ при прекрасной солнечной погодѣ. Ночлегъ нашъ и дневка предстояли въ Пассанаурѣ (мѣстечко особенно славащееся своею природою по всему Военно-Грузинскому тракту). Дѣйствительно, лучше и живописнѣе этого мѣста я не видѣлъ до сихъ поръ ничего. Въ глубокомъ красивомъ ущельѣ, у подошвы зеленѣющихъ горъ, раскинулась небольшая слободка съ очень красивыми зданиями и новенькою церковью. Пассанауръ — лѣтнее мѣстопребываніе многихъ тифлисскихъ жителей. Здѣсь есть мѣстная команда, госпиталь (Гудомокарскій), живутъ военные инженеры и начальники дистанціи отъ Тифлиса до Пассанаура. Арагва бѣжитъ здѣсь съ особенною силою; ея свѣтлыя пѣнящіяся волны оживляютъ мѣстность. Я съ удовольствіемъ провелъ нѣсколько времени на ея берегу вечеромъ, когда взошла полная луна и озарила своимъ яркимъ блескомъ шумящую и бурлящую Арагву и всѣ окрестныя горы, точно закодванныя въ вѣчномъ свѣтѣ и гармонирующія со всею окружающею природою.

Слѣдующая за Пассанауромъ, станція Анауръ замѣчательна лишь по старинному грузинскому монастырю древняго стила. Мѣстность здѣсь нѣсколько хуже. Арагва круто поворачиваетъ влѣво отъ дороги въ ущелье по такъ-называемой Военно-Осетинской дорогѣ. Въ тринадцати верстахъ отъ Анаура находится городъ Душетъ гдѣ намъ вновь предстояла дневка.

Душетъ стоитъ въ долинѣ окруженной съ трехъ сторонъ горами. Съ одной стороны открывается видъ на дальній хребетъ, не знаю его названія. Собственно построекъ въ этомъ городѣ нѣтъ. По среднѣй большой площади красуется грузинскій соборъ, начатый застройкою, какъ говорятъ, очень давно, но до сей поры онъ такъ и остается недоковченнымъ, покрытый весь лѣсами. Вокругъ собора небольшой тощій садикъ и ротонда, гдѣ, говорятъ, душетская аристократія въ лѣтніе вечера предается танцевальному искусству.

Какъ танцевать на этомъ полусгнившемъ неровномъ полу, надо спросить у душетскихъ танцоровъ. Мнѣ казалось это

невозможнымъ. Противъ собора большое каменное зданіе, бывшій военный госпиталь въ видѣ цитадели, нынѣ со-всѣмъ оставленный и служащій лишь казенными квартирами для безпрестанно проходящихъ по Грузинскому шоссе войскъ. Здѣсь и отведены намъ были квартиры. Остальные зданія всѣ въ грузинскомъ вкусѣ, то - есть грязныя, необдѣ-ланныя и безо всякаго намека на архитектурное иску-ство, за исключеніемъ развѣ красивыхъ галлерей, составля-ющихъ необходимую принадлежность каждаго дома чуть-чуть зажиточнаго Грузина. Дальше этой роскоши, необходимой въ палатцѣй зной южнаго лѣта, Грузинъ не пойдетъ. Что бы ни было внутри или снаружи дома, какая бы грязь и вонь тамъ ни господствовали, но о галлерей онъ заботится и со-держитъ ее въ чистотѣ. Эта галлерей съ установленными на ней тахтами (родъ дивана, но безъ спинки) покрытыми ков-рами служить мѣстомъ кейфа и отдыха въ палатцѣ лѣтніе дни для грузинскаго семейства.

Дневку въ Душетѣ мы провели большую часть за кар-тами, не особенно интересуясь осмотромъ этого горо-дшка. Да и смотрѣть-то было нечего. Хотѣлось поскорѣе дойти до Тифлиса и отдохнуть отъ непрерывнаго почти движенія. Оставалась только одна ночевка во Мцхетѣ, быв-шей столицѣ Грузіи. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, во вре-мена распространенія христіанства Св. Ниной, столь чтимую Грузинами, Мцхетъ былъ центромъ образованія въ грузин-скомъ мѣрѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣсколько древнѣй-шихъ монастырей. Мцхетъ, теперь уже почти измѣнившій свой древній характеръ и обратившійся въ простой грузин-скій аулъ, расположенъ на довольно красивой мѣстности какъ разъ у впаденія рѣки Арагвы въ рѣку Куру, совер-шенно подъ прямымъ угломъ. Цвѣтъ воды въ этихъ двухъ рѣкахъ совершенно различный: чистыя, прозрачныя какъ хрусталь воды быстрой Арагвы смѣшиваются здѣсь съ жел-тою, мутною и лавно текущею Курой. Правый берегъ Куры есть отрогъ довольно высокаго хребта, по вершинамъ кото-раго разсѣяны то тамъ, то сямъ старинныя лещеры, мѣсто убѣжища въ древнія времена христіанъ отъ звѣрскихъ набѣ-говъ горцевъ. У подножія этого хребта, совершенно параллельно ему тянется полотно Поти-Тифлисской желѣзной дороги, со станціей здѣсь же во Мцхетѣ, не подалеку отъ почтовой. Въ самомъ городѣ замѣчательнъ грузинскій соборъ, построенный

въ первыхъ вѣкахъ по Рождествѣ Христовѣ. Соборъ этотъ и до сихъ поръ содержится очень хорошо и въ стѣнахъ своихъ хранитъ останки всѣхъ грузинскихъ царей. Старый грузинскій священникъ обошелъ съ нами весь монастырь, указавъ намъ всѣ примѣчательности. Обширныя каменные плиты на полу собора и въ стѣнахъ его указываютъ на того или другаго погребеннаго здѣсь царя. Явились на иконахъ хотя старая, но хорошаго стиля. Обширное тропное мѣсто до сихъ поръ осталось на правой сторонѣ собора. Старикъ священникъ съ любовью и грустью вдавался въ воспоминанія далекаго прошлаго и хотя довольно плохо объяснялся по-русски, но мы всѣ понимали его, и я осмотрѣвъ этой святой древности былъ очень доволенъ. Кромѣ того, во Мцхетѣ есть и женскій монастырь, но осмотрѣть его не удалось за недостаткомъ времени.

Назавтра предстояло вступленіе въ Тифлисъ (20 верстъ отъ Мцхета), надлежало выйти въ четыре часа утра. Когда уже совсѣмъ стемнѣло и мы собирались на ночлегъ, пришло вдругъ приказаніе по полку выстроиться завтра къ полудню на Мцхетской желѣзнодорожной станціи для встрѣчи Намѣстника и Главнокомандующаго Кавказскою арміею, слѣдующаго изъ Боржома (своего дѣтняго мѣстопребыванія) въ Тифлисъ. Итакъ, слѣдовательно, мы оставались еще одинъ день во Мцхетѣ. Ровно къ двѣнадцати часамъ собрался покъ на станціи желѣзной дороги и я не безъ нетерпѣнія ждалъ приѣзда Его Высочества, такъ какъ еще ни разу его не видалъ. Намъ пришлось ждать не долго. Въ двѣнадцать съ четвертью часовъ донесся издали со стороны Боржома сигнальный свистокъ и сейчасъ же изъ-за угла горъ показался несущійся на всѣхъ парахъ поѣздъ Намѣстника. Все встрепенулось, вытянулось въ струнку и словно замерло. Музыка приготовилась играть встрѣчный маршъ, и только поѣздъ началъ убавлять паръ и подходить къ платформѣ, она грянула. Поѣздъ остановился. Изъ послѣдняго изъяснаго открытаго вагона съ навѣсомъ вышелъ Великій Князь и привѣлъ отъ командира полка ралпортъ.

Вслушавъ его Намѣстникъ махнулъ рукою чтобы музыка остановилась и пошелъ по ряду офицеровъ. Онъ былъ въ артиллерійскомъ вице-мундирѣ съ Георгіемъ 2й степени на шеѣ. „Здорово, Крымцы!“ громко крикнулъ Великій Князь.

Въ отвѣтъ грянуло и прокатилось привѣтствіе. Его Высочество обошелъ всѣ ряды офицеровъ, у нѣкоторыхъ кое-что спросилъ и подойдя къ нашей группѣ врачей освѣдомился сколько было и есть за дорогу больныхъ; затѣмъ, повернувшись къ командиру полка, поблагодарилъ его за полный порядокъ въ какомъ полкѣ ему представился и, сказавъ: „до завтра, въ Тифлисъ“, вошелъ въ вагонъ. Музыка вновь заиграла. Вывизгулъ домокотивъ и лока не скрылась изъ виду лѣвѣе, Великій Князь стоялъ приложивъ руку къ козырьку на платформѣ вагона, прощаясь съ нами.

IV.

Ясный, тихій день, одинъ изъ тѣхъ чудныхъ осеннихъ дней (было 8 октября 1876 года) которыми такъ богатъ климатъ Грузіи въ октябрѣ и ноябрѣ. Нашъ полкъ къ первому часу дня въ полномъ составѣ уже подошелъ къ Тифлису и близъ предмѣстья его расположился на отдыхъ. Отдаю приказаніе переодѣться въ походную форму (т.-е. въ мундиры съ ботфортами) для встрѣчи Его Высочества.

Изъ города пріѣхали впередъ посланные адъютанты, привеза известіе что мы въ скоромъ времени идемъ вновь въ Эривань, въ формирующійся тамъ отрядъ того же имени подъ начальствомъ генерала Тергукасова. Когда кончилась отдыхъ и полкъ какъ будто принарядился въ новой своей одеждѣ (на лѣтяемъ еще положеніи, то-есть въ бѣлыхъ кели и въ бѣлыхъ брюкахъ), дано знать что ѣдетъ командиръ бригады генералъ К—евъ. Ему сдѣлана была официальная встрѣча и генералъ объявилъ что весь полкъ со всѣми обозами, лазаретными фурами и т. д. вытается по Головинскому Проспекту. Вслѣдъ за тѣмъ велѣно было двинуться. Черезъ полчаса Головинскій Проспектъ былъ уже занятъ съ одной стороны вытянувшимся по правую сторону лоротно полкомъ, а съ другой стороны многочисленною наблюдающею публикой. Мнѣ пришлось въ качествѣ дежурнаго врача быть вѣрхомъ близъ лазаретной фуры.

Ровно въ два часа со стороны дворца показался адъютантъ Великаго Князя и замахалъ платкомъ. Музыка грянула встрѣчный маршъ, сигналисты затрубили, барабанщики заколотили.

Съ одного, праваго конца лодка посыпался слонной гуть. Это встрѣчное ура Великому Князю, этотъ гуть, мало-по-малу перекатываясь, дошелъ и до нашего конца. На прекрасной арабской лошади скакалъ Великій Князь, окруженный многочисленною свитой. Рядомъ на маленькомъ лони скакалъ одиннадцатилѣтній сынъ Намѣстника, Великій Князь Александръ Михайловичъ, шефъ Крымскаго лодка. Поравнявшись со мной, Намѣстникъ что-то спросилъ о больныхъ, но я не разслышалъ, такъ что командиръ лодка, скакавшій съ нимъ рядомъ, отвѣтилъ за меня.

Обѣхавъ весь лодкъ Великій Князь отдалъ приказаніе двинуться церемоніальнымъ маршемъ по Головинскому Проспекту въ назначенныя казармы. Лишь только лодкъ прошелъ Проспектъ и повернулъ къ Авлибару, я оказался свободнымъ и крикнувъ извозчика поѣхалъ прямо въ гостиницу. Мы, всѣ врачи, остановились въ одной гостиницѣ, именно въ „Америкѣ“, довольно грязной и плоховатой, но все-таки лучшей изъ второстепенныхъ тифлисскихъ отелей. Отдохнувъ немного и пообедавъ довольно скверно, я первымъ долгомъ счелъ озаботиться насчетъ театра, такъ какъ въ Тифлисѣ итальянская опера. Уже когда совсемъ стемнѣло, я освѣдомился гдѣ театръ. Оказалось что онъ очень близко. Я вышелъ на улицу вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ нашего же лодка К., бывавшимъ въ Тифлисѣ, и мы отправились. Ночь была чудная, чуть прохладная и ярко звѣздная. Такъ пріятно было послѣ такого долгаго похода чувствовать себя въ чистомъ бѣльѣ, въ новомъ платьѣ, обмывшимся и очистившимся отъ всей походной грязи. Кромѣ того, большой городъ, тротуары, магазины, множество спящихъ экипажей,— все это дѣйствовало пріятно. Наконецъ и театръ лѣтній, въ которомъ несмотря на его тѣсноту давались оперныя представленія, такъ какъ Большой Театръ въ Тифлисѣ сгорѣлъ.

На подѣздѣ театра висѣли афиши гласящія что сегодня идетъ опера *Фаустъ*. Я былъ очень радъ. Это моя любимая музыка. Я боялся что какъ въ Петербургѣ предъ началомъ представленія не найду билетовъ. Но опасенія мои были напрасны. Билетовъ оказалось въволю. Не входя въ театральную залу я пошелъ въ фойе. Нѣсколько группъ мужчинъ, преимущественно военныхъ, размѣстилось въ разныхъ частяхъ небольшой комнаты. Изъ фойе выходила дверь въ освѣщенный садъ.

Мы съ К. вошли туда и ушли на первую свободную скамейку.

Вблизи насъ шла оживленная бесѣда какихъ-то цивилизованныхъ Грузинъ, одѣтыхъ по модѣ, хотя мѣшковато. Я прислушался о чемъ такъ горячо спорять.

— Я говорю тебѣ, чуть не задыхался какой-то цилиндръ,— что ей не слѣтъ такъ Маргариту какъ она поетъ въ *Rigo-letto*.

— А я тебѣ говорю, отозвался какой-то военный, но тоже съ грузинскимъ акцентомъ,— что Луэ вездѣ будетъ на мѣстѣ. Это, братъ, такой талантъ. Жаль ее видѣть рядомъ съ остальною дрянью, право.

И споръ возобновился.

Изъ него я понялъ что Луэ примадонна, любимица публики. Мнѣ хотѣлось провѣрить вкусъ тифлисскихъ жителей и я ждалъ съ нетерпѣніемъ начала спектакля.

— А вѣдь скверно, обратился я къ К.,—если намъ не дадутъ здѣсь отдохнуть, а погонять опять на дняхъ въ Эривань.

— Я завтра узнаю, отвѣтилъ онъ,—у меня въ окружномъ штабѣ есть знакомый. Онъ мнѣ сообщитъ когда мы пойдемъ.

Я на этомъ успокоился.

Раздался звонокъ предъ началомъ спектакля. Когда я вошелъ въ маленькую, неприглядную театральную залу, она произвела на меня неотрадное впечатлѣніе. Тутъ лѣтъ не трудно, подумалъ я, оглядывая небольшую залу, очень бѣдно отдѣланную, и принялся осматривать тифлискую публику. Первый рядъ весь почти сплошь былъ занятъ военными элементами. Тутъ было нѣсколько старичковъ генераловъ, полковниковъ въ адъютантской полной формѣ и другихъ представителей высшего военного люда Тифлиса. Всѣ посматривали на лѣвую закрытую транспарантомъ нижнюю ложу. Въ театрѣ ожидали Великаго Князя и потому представленіе еще не начиналось. Два яруса ложъ сплошь были заняты дамами исключительно грузинскаго элемента. На головахъ дамъ особаго рода украшенія въ родѣ шалочки, кругомъ обернутой тюлемъ. Изъ-подъ шалочки на плечи у каждой спускаются два длинные докона. Весьма небольшой процентъ составляли европейскіе костюмы дамъ.

Увертюра исполнена была донельзя плохо. Несмотря на

усиленные старанія капельмейстера, его жезлу не очень повиновались, и съ особеннымъ эффектомъ выдавались трубы и барабанъ. Первой скрипки за этимъ гамомъ было не слышно. Поднялся занавѣсъ. Жидевскій текарокъ исполнялъ роль Фауста; начальный речитативъ онъ прогаотилъ и только на высокихъ нотахъ старался кричать насколько хватало силы. Явился Мефистофель. Но, Боже, что это за Мефистофель! „Ну, подумалъ я, если и примадонна такая, то жаль что пошелъ въ театръ“. Наконецъ открылась картина изображающая Маргариту за прялкой. Я усиленно сталъ смотрѣть въ бинокль. Дѣтская наивная фигурка если не особенно красивая, то очень симпатичная. Общій обликъ влоанъ подходилъ къ Гретхенъ. Занавѣсъ упалъ, скрылась Маргарита и начались опять жалкія завыванія Фауста и Мефистофеля, и я радъ былъ когда наконецъ это дѣйствіе окончилось.

Наконецъ и второе дѣйствіе. Какъ разъ предъ началомъ его въ ложу вошелъ Великій Князь. Въ партерѣ все засуетилось и встало. Великій Князь сдѣлалъ знакъ чтобы всѣ сѣли. Начался второй актъ. Предъ выходомъ Маргариты всѣ какъ-то встреленулись. Изъ-за кулисъ вышло маленькое изящное созданіе. Это была Луэ. Продолжительныя рукоплесканія встрѣтили ее. Она видимо сконфузилась и залѣла. Голосъ ея дрожалъ немного, но былъ прелестенъ. Не очень сильный, но чрезвычайно пріятный грудной сопрано еще съ дѣтскимъ почти оттѣнкомъ звучалъ чистымъ и необыкновенно пріятнымъ тембромъ.

Въ третьемъ актѣ она была особенно хороша. Арія съ подарками исполнена прекрасно. Обработка голоса превосходная, игра обдуманная и серьезная. По всему было видно правильное музыкальное образованіе и нервная, страстная натура молодой лѣвицы. На видъ ей было не болѣе 20 лѣтъ. Въ четвертомъ и пятомъ дѣйствіи она оказалась слабѣе. Того высокаго драматизма который характеризуетъ послѣдніе дни Маргариты уже не доставало. Пѣла она очень хорошо, но игра была значительно слабѣе. Въ общемъ, несмотря на слабость остальной труппы, я остался спектаклемъ доволенъ и рѣшилъ посмотрѣть Луэ въ другихъ, болѣе подходящихъ ей таланту роляхъ.

Всѣми нами ожидаемое скорое выступленіе въ Эриванъ къ счастью не сбылось. Скоро стало извѣстнымъ что мы пробудемъ въ Тифлисѣ неопредѣленное время. Многіе дѣлали

себя надеждою что авось тѣмъ нашъ походъ и окончится. Можно было думать что пожалуй подъ страхомъ вмѣшательства Россіи, Турція изъяснитъ согласіе даровать своимъ вассальнымъ Славянамъ тѣ реформы которыхъ отъ нея требуютъ. На этой послѣдней мысли многіе изъ насъ услокоились. Поселясь на болѣе или менѣе долгое время въ Тифлисъ, мы должны были разстаться съ гостиницей и поселиться на квартирѣ. Таковая нашлась въ незавидной и грязной части Тифлиса, въ Чугуретахъ. Квартирка сама по себѣ была очень порядочная, состоявшая изъ двухъ комнатъ съ передней, причѣмъ пріемная выходила двумя большими окнами кота на грязную, но суетливую Чугуретскую улицу, какъ разъ на берегу Куры, съ прекраснымъ видомъ на большую часть Тифлиса. Спальня наша, гдѣ мы помѣщались вчетверомъ, была довольно темна, но обширна. Отъ центра Тифлиса, то-есть отъ Головицкаго Проспекта, наша квартира находилась въ десяти минутахъ ходьбы; театръ также близко. Но главное удобство состояло въ томъ что рядомъ съ нами, въ великолѣпномъ частномъ домѣ, помѣщалось Военное Собраніе, гдѣ мы и рѣшили имѣть столъ, и гдѣ проводили ежедневно вечера за отсутствіемъ знакомствъ.

Въ Военное Собраніе допускались всѣ носящіе мундиръ на правахъ членовъ, съ платой помѣсячно: штабъ-офицерамъ 2 р., а оберъ-офицерамъ 1 р. 25 коп. Кромѣ этого удобства, столъ очень порядочный за 12 руб. въ мѣсяцъ. Помѣщеніе прелестное, отдѣланное съ большимъ вкусомъ и простотой. Намъ всѣмъ такъ понравилось это мѣсто что мы почти ежедневно, за исключеніемъ когда бывали (все-таки компаніей) въ театрѣ, проводили вечера здѣсь, кто играя въ карты, а кто пользуясь обширною и богатою библіотекою. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ концѣ октября, нѣсколько офицеровъ нашего полка зашли за мной, и мы вмѣстѣ отправились въ клубъ съ цѣлью сыграть лудку. Лудка устроилась, и мы принялись за занятіе. Въ половинѣ вечера въ залу клуба вошелъ какой-то штабъ-офицеръ, высокій, красивый мужчина въ мундирѣ Крымскаго полка. Наскоро оглядѣвшись и протеревъ запотѣвшее ринсе-пез, онъ быстро подошелъ къ нашему столу.

— Господа, здравствуйте, произнесъ онъ пріятнымъ грудымъ теноромъ.—Надѣюсь, не ожидали видѣть.

Играющіе въ карты офицеры всѣ вскочили.

— Сергѣй Петровичъ, дорогой, откуда? какими судьбами? Пока встрѣтившіеся мѣнялись отрывочными привѣтствіями, я постарался подробнѣе рассмотреть вновь вошедшаго.

Сергѣй Петровичъ, какъ называли его офицеры, былъ въ майорскихъ погонахъ и съ академическимъ знакомъ на груди. Его штабъ-офицерство особенно бросилось въ глаза потому что онъ на видъ былъ очень молодъ, хотя и лысъ порядочно. Такихъ молодыхъ армейскихъ майоровъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Все въ немъ дышало порядочностью, образованіемъ и свѣтскостью. По его манерамъ, разговору и движеніямъ, не трудно было узнать только что воротившагося изъ Петербурга. Высокій лобъ, казавшійся еще болѣе отъ значительной не по лѣтамъ лысины, умные глаза, общая необыкновенная симпатичность въ разговорѣ, сразу располагали къ нему. Послѣ обильна привѣтствій насъ познакомили. Я съ удовольствіемъ пожалъ ему руку.

— Ну, господа, сказалъ Сергѣй Петровичъ, — играйте и кончайте. Я буду ждать васъ, а за ужиномъ мы поговоримъ. Я вѣдь хорошо знаю что значить перервать пудьку. До свиданья пока! Я пойду въ бібліотеку.

И съ этими словами онъ скрылся.

Изъ отрывочныхъ фразъ его товарищей по его уходѣ я могъ только узнать что Сергѣй Петровичъ два года тому назадъ уѣхалъ изъ полка въ Юридическую Академію и теперь, судя по значку на груди, кончилъ курсъ. Зачѣмъ онъ опять вернулся въ строй, всѣ недоумѣвали. Когда мы кончили пудьку, всѣ пошли за Сергѣемъ Петровичемъ и усѣлись за столъ. Каждому хотѣлось сѣсть къ нему ближе, и изъ этого я позналъ что онъ очень любимъ товарищами.

— Ну, расскажите же, дорогой, какъ вы опять къ намъ попали? Вѣдь конечно вы кончили курсъ? Почему же вы не остались по своей специальности?

— Войны хочу, подушутливо, полусерьіозно отвѣтилъ онъ. — Я совсѣмъ было уѣхалъ въ Сербію не кончивъ экзамена, да не пустили. Въ Петербургѣ я узналъ что полкъ въ Тифлисѣ, и прямо, кончивъ экзаменъ, сюда. Меня главный военный прокуроръ очень оставалъ, но я рвался сюда скорѣе. Вотъ если войны не будетъ, то по окончаніи ея я опять возьмусь за юриспруденцію, а пока воевать, воевать непремѣнно.

Начались вопросы, какое мнѣніе господствуетъ въ

Петербургъ насчетъ войны. Сергій Петровичъ сказалъ что общее настроеніе за войну. Мы еще долго разговаривали, и чѣмъ болѣе я знакомился съ этимъ человѣкомъ тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравился, и я рѣшилъ сойтись съ нимъ поближе. Говорятъ, первое впечатлѣніе очень важно. Это правда, оно меня не обмануло.

Исторія его жизни—одинъ изъ вариантовъ на извѣстную тему неудавшагося сулужества, съ послѣдующею затѣмъ ломкой живей, страстной и богато одаренной натуры какова была и у Сергія Петровича.

Грустную исторію своей семейной жизни, кончившуюся тѣмъ что онъ разошелся съ женою, Сергій Петровичъ тщательно скрывалъ это всѣхъ; я узналъ его печальную повѣсть далеко въ послѣдствіи, когда наши отношенія стали очень коротки и когда мы жили уже вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ въ Эривани.

Уже послѣ перваго же знакомства, мы стали сходить съ каждымъ днемъ ближе и ближе. Случилось такъ что онъ нанялъ квартиру очень близко отъ насъ и каждое утро заходилъ гулять по Головинскому Проспекту, гдѣ въ прекрасный полдень собиралось ежедневно все тифлисское общество. Сядемъ бывало на скамейку (на лавеляхъ противъ магазиновъ стоитъ ихъ для публки множество) и начнемъ разбирать по косточкамъ гуляющихъ, преимущественно дамъ. Къ нашей компаніи скоро присоединился еще товарищъ Сергія Петровича по Академіи, артиллеристъ П — скій, чахоточный, больной субъектъ, высланный изъ Петербурга въ Тифлисъ для поправленія здоровья. Прекрасная тоже личность была и П — скій.

Всѣ мы сошлись большіе любители музыки. Сергій Петровичъ еще въ оперѣ не былъ и я все совѣтовалъ ему послушать Луэ. Онъ относился недовѣрчиво къ моимъ о ней похваламъ, никакъ не предполагая встрѣтить на тифлисской сценѣ что-нибудь изрядное.

Разъ зашли мы въ кондитерскую Кельбера выпить по чашкѣ кофе. Тамъ мы увидали афишу что сегодня въ первый разъ идетъ *Травиата* съ Луэ въ роли Виолетты. Сейчас же рѣшили заластись билетами. И вечеръ нашъ не пропалъ даромъ. Столько жизни, страсти и умѣнья вложила Луэ въ роль Виолетты, такъ горячо и верно исполнила эту

роль глубоко изстрадавшейся, оловоревной женщины, что невольно дрожь пробирала въ тѣ минуты когда ея высокій, чистый сопрано выражалъ всю горечь и отраву ея наболѣвшей души. Въ четвертомъ актѣ сцена смерти съ артистической стороны была исполнена съ совершенствомъ. Сергій Петровичъ былъ въ восторгѣ. Весь остатокъ вечера мы провели въ разговорахъ о пѣвицѣ и рѣшили что въ Тифлисѣ она находка. Съ этой минуты мы стали ея горячими поклонниками. Много разъ сряду шла *Травиата*, и я не пропустилъ ни одного представленія.

Чтобы имѣть понятіе о тифлисскомъ обществѣ и его времяпровожденіи, рѣшили мы разъ цѣлою компаніей отправиться въ лучшее собраніе Тифлиса, въ такъ-называемый Кружокъ. Этотъ Кружокъ славится по своему дѣйствительно великолѣпному и оригинальному помѣщенію. Всѣ гостинныя, читальня, биллиардная и игральныя комнаты отдѣланы въ восточномъ вкусѣ, за исключеніемъ танцевальной залы и залы для спектаклей любителей. Особенно эффектна и богата одна комната, сплошь съ зеркальными стѣнами, полуосвѣщенная китайскимъ фонарикомъ спускающимся съ потолка. Кругомъ стѣны разставлены скамьи (тахты) покрытыя краснымъ бархатомъ. Эта комнатка, какъ я въ послѣдствіи узналъ, служитъ всегда мѣстомъ уединенныхъ бесѣдъ и объясненій влюбленныхъ парочекъ. Обширная читальня заключаетъ въ себѣ всевозможныя русскія, иностранныя, грузинскія и армянскія газеты, множество иллюстрацій и періодическихъ изданій. Знакомыхъ мы не имѣли, и намъ пришлось проскучать и большую часть вечера просидѣть въ библіотекѣ. Впрочемъ, посмотрѣли на танцы, на дамъ. Та же безвкусица и пестрота нарядовъ царица и здѣсь, какъ и въ театрѣ. Тѣмъ не менѣе подъ конецъ вечера мы нѣсколько осмотрѣлись, отдали должную дань буфету и кухнѣ, и разъѣхались не особенно жалѣя о вечерѣ.

Молодежь постоянно живущая въ Тифлисѣ, съ которою пришлось познакомиться въ Военномъ Собраніи, съ особеннымъ восторгомъ говорила о маскарадахъ бывающихъ въ Кружкѣ. Одинъ изъ каковыхъ предстоялъ на дняхъ. Мы рѣшили тамъ побывать. Въ назначенный день, Сергій Петровичъ, въ новомъ съ иголочки мундирѣ, считомъ лучшимъ петербургскимъ лортовымъ, въ густыхъ зполетахъ, бле-

стаций, красивый и изящный зашелъ за мной и я, облачившись наскоро въ свой скромный лѣкарскій мундирчикъ, послѣдовалъ за нимъ. Было уже около двѣнадцати часовъ когда мы вошли въ залу. Маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ. Масокъ было множество. Не предполагая чтобы хотя одна изъ нихъ рѣшилась подойти къ намъ, мы съ Сергѣемъ Петровичемъ одиноко и довольно робко осматривали общество. Спустя нѣсколько минутъ послѣ нашего прихода, одна очень изящно одѣтая маска быстро подошла къ моему другу, и слегка тронувъ его вѣтромъ попросила слѣдовать за нею.

Вотъ что значатъ наружность и изящество, подумалъ я; вѣдь я увѣренъ что маска его не знаетъ, а предъстала его вѣдностью.

Отъ нечего дѣлать направилъ я въ библіотеку. Но тамъ читать было невозможно. Масса свующихъ ларь, говоръ, смѣхъ, все это мѣшало и развлекало. Я снова вошелъ въ залу и избравъ уединенный уголокъ забился въ него и сталъ наблюдать.

— Ты вѣрно или безнадежно ждешь кого-нибудь, или страшно скучаешь, вдругъ услышалъ я справа голосъ. Я обернулся. Предо мной стояла маленькая граціозная фигура не особенно старательно замаскированная. Судя по ея голосу, манерамъ и окладу совершенно открытаго подбородка можно было заключить что это очень молодая особа.

— Ты не ошиблась въ своемъ второмъ предположеніи. Я скучаю, и если ты въ состояніи разогнать эту скуку, я буду тебѣ очень благодаренъ.

— Постараюсь, хотя не ручаюсь, отвѣтила она и сѣла на сосѣдній стулъ.—Я давно ждала этого маскарада. Я знала что ты будешь здѣсь. Мнѣ хотѣлось видѣть тебя... Знаешь ли, я давно, давно свѣжу за тобой, съ тѣхъ поръ какъ разъ встрѣтила тебя на Головинскомъ. Я знаю кто ты, гдѣ ты живешь, какъ проводишь время, словомъ ты видишь хорошо что я... интересуюсь тобой.

Вотъ неожиданное признаніе, подумалъ я. Но впрочемъ вѣдь на то и маскарады... чтобы говорить всякой вздоръ.

— Хотя ты и молода, однако, повидимому, искусилась въ маскарадномъ дѣлѣ. Но повѣрь что я не въ первый разъ говорю съ маской и сумѣю отличить правду отъ интриги.

— Правду отъ интриги, какъ-то тоскливо повторила она, и

голосъ ея задрожалъ.—Въ такомъ случаѣ лучше не говорить ничего. Ты не ошибся что я молода; можетъ, благодаря этой молодости, я такъ неосторожна. Но я рѣшилась высказать тебѣ подъ маской что я чувствую. Можетъ ты никогда меня не узнаешь... но знай что въ Тифлисѣ ты оставишь для меня много воспоминаній... Прощай!

И съ этими словами она встала, порывисто схватила мою руку и хотѣла идти.

— Пстой, сказалъ я.—Если правда все то что ты говорила, сними въ концѣ вечера маску, и мы познакомимся.

Самъ не зная почему я сдѣлалъ ей подобное предложеніе.

— Ты этого хочешь? Зачѣмъ? Вѣдь все равно: черезъ недѣлю, двѣ, ты уйдешь въ походъ и забудешь о моемъ существованіи. Но чтобы доказать тебѣ что я не *маска*, я сниму ее и безъ маски скажу тебѣ то же самое.

Съ этимъ словами она исчезла.

„Обманеть“, подумалъ я, и началъ вновь разглядывать проходящихъ. Проходило мимо много свободныхъ масокъ, поглядывая на меня, вѣроятно сожалѣя обо мнѣ какъ о скучающемъ среди общаго веселья и шума, и нѣкоторыя рѣшались подойти, но всѣ были крайне неинтересны. По первымъ словамъ обращеннымъ ко мнѣ видно было что онѣ меня не знали и, вѣроятно, тоже скуки ради рѣшались заводить разговоръ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Все это мнѣ надоѣло и я уже думалъ идти искать пропавшаго гдѣ-то въ гостиныхъ моего товарища, какъ вдругъ пробилъ часъ, и многія сняли маски. Я уже и забылъ о моей знакомкѣ и направился въ гостиную. Въ дверяхъ какая-то молоденькая миловидная дѣвочка (на видъ ей было лѣтъ шестнадцать) протягивала мнѣ руку. Я взглянулъ на костюмъ и узналъ мою маску. Я былъ сконфуженъ. Полчаса тому назадъ эта дѣвочка сдѣлала мнѣ чуть не признаніе, а теперь знакомится сама. Прошла минута неловкаго молчанія.

— Я (она назвала свою фамилію) исполняю свое слово и подхожу къ вамъ безъ маски. Можетъ-быть съ моей стороны это слухкомъ.... смѣло, но я объ этомъ забываю. Я желала вашего знакомства, но общихъ знакомыхъ у насъ нѣтъ, и я рѣшила познакомиться съ вами сама.

„Ну, барышня, подумалъ я. Чуть не ребенокъ, а дѣйствуетъ черезчуръ смѣло.“

— Значитъ все то что говорилось подъ маской прикажете вычеркнуть изъ памяти какъ маскарадную болтовню? спросилъ я чтобы завязать разговоръ.

— Вовсе нѣтъ! отвѣтила она, да такъ рѣшительно что я вновь сконфузился.

Отъ роли искателя приключеній я былъ слишкомъ далекъ; изучать явленія американской свободы обращенія на тифлисской почвѣ вовсе не желалъ и потому обрадовался Сергѣю Петровичу, который, освободившись отъ своей маски, искалъ меня и объявилъ что сейчасъ уѣзжаетъ. Я обрадовался этому случаю и сталъ прощаться.

— Что же мы увидимся еще? спросила эксцентричная особа глядя на меня взглядомъ, въ которомъ я, признаюсь, прочелъ нѣжность.

— Непременно. пробормоталъ я и раскланялся.

„Что за странная дѣвочка“, подумалъ я передавая моему пріятелю всю эту исторію.

V.

Въ началѣ декабря слухи о нашемъ скоромъ выступленіи въ Эривань все болѣе и болѣе усиливались. Ждали новаго командира полка.

Наконецъ онъ прибылъ. Всю жизнь свою (ему было за шестьдесятъ лѣтъ) онъ служилъ на Кавказѣ. Въ послѣднее время онъ командовалъ линейнымъ баталіономъ гдѣ-то въ Дагестанѣ и получилъ полкъ. Командовать шефскимъ полкомъ, заслужившимъ въ Кавказскую войну боевую славу, ему послѣ баталіона казалось особенною честью.

Малоросъ отъ природы, онъ сохранилъ хохлацкій акцентъ. Онъ былъ упрямъ, настойчивъ и самолюбивъ, но въ то же время доброй и честной души. Спорить съ нимъ было трудно, убѣдить еще труднѣе. Тѣмъ не менѣе, иногда онъ сознавалъ что былъ неправъ и соглашался съ разумными доводами. Былъ такой случай: когда онъ принялъ полкъ, то дѣлалъ смотръ; на смотру онъ сдѣлалъ какое-то неправильное замѣчаніе командиру баталіона. Тотъ предъ фронтомъ, конечно, смолчалъ. Но когда кончился смотръ, онъ взялъ Уставъ и отправился на квартиру къ полковнику. Тотъ его принялъ очень любезно, и когда баталіонный командиръ

объяснилъ причину своего постыженія, полковникъ охотно согласился себя провѣрить. Оказалось что баталіонный командиръ былъ правъ вполнѣ. Тогда полковникъ попросилъ у него извиненія, и съ тѣхъ поръ этотъ командиръ былъ у него на самомъ лучшемъ счету.

Вскорѣ получилося приказаніе о выступленіи нашей бригады въ Эривань. Прощай Тифлисъ, прощай Луз и маскарады! Эривань представлялась моему воображенію въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Предъ выступленіемъ (16 декабря 1876 года) полкъ нашъ въ полномъ походномъ порядкѣ выстроился вновь на Головинскомъ, въ ожиданіи Великаго Князя. Было 9 часовъ утра и прекрасное чисто весеннее утро. Всѣ напряженно глядѣли въ направленіи ко дворцу, ожидая пріѣзда Намѣстника. Вскорѣ забарабанили барабанищники, грянула музыка, и Великій Князь, опять въ сопровожденіи своего сына, шефа полка, и блестящей свиты, прибылъ. Осмотрѣвъ полкъ и оставшись имъ вновь очень доволенъ, Великій Князь собралъ всѣхъ офицеровъ, сказалъ нѣсколько напутственныхъ словъ; затѣмъ пожелалъ намъ счастливаго пути, спросивъ фамилію каждаго изъ присутствовавшихъ. Подъ звуки марша, полкъ двинулся къ Эриванскому шоссе.

Я ѣхалъ въ концѣ колонны верхомъ, сзади лазаретной фуры. Въ ожиданіи пока колонна вытянется, я остановился и закурилъ папиросу.

Вдругъ на противоположной лавели мелькнуло мнѣ чье-то знакомое женское лицо. Вглядѣвшись попристальнѣе я узналъ мою маскарадную знакомку. Она стояла прислонясь къ фонарному столбу. Никого кругомъ ея не было. Она провожала глазами полкъ и ловидимому искала кого-то. Вдругъ ея взглядъ встрѣтился съ моимъ. Я быстро повернулъ голову и сдѣлалъ видъ что не замѣчаю ея. Она стояла на одномъ мѣстѣ, не перемѣняя позы. Двинулся полкъ, двинулась и моя лазаретная фура; сѣлъ я верхомъ и поѣхалъ, а она все стояла въ той же позѣ пока скрылась изъ виду.

Была ли это случайная встрѣча или она непремѣнно желала со мной проститься? Во всякомъ случаѣ эта дѣвочка показала мнѣ еще страннѣе прежняго.

Отъ Тифлиса до Эривани проложено на всемъ пути шоссе, но оно содержится несравненно хуже и небрежнѣе чѣмъ Военно-Грузинское. Ызды между Тифлисомъ и Эриванью не-

сравненно меньше чѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ, и инженеры, повидимому, особеннаго вниманія на правильное содержаніе дороги не обращаютъ.

По Эриванскому тракту за наше двухнедѣльное путешествіе намъ пришлось переместить не мало всяческихъ неудобствъ. Ночлеги наши сначала были назначены въ двухъ татарскихъ аулахъ, отстоящихъ отъ шоссе верстѣ на десять. Мы свернули съ шоссе именно потому что на станціяхъ (первыхъ двухъ отъ Тифлиса) не было мѣста для помѣщенія двухъ баталіоновъ. Въ этихъ татарскихъ землянкахъ не мало мы натерпѣлись безпокойствъ. Кромѣ міриады всевозможныхъ насѣкомыхъ, цѣлую ночь не дававшихъ покоя, насъ обыкновенно въ одну саклю набивалось человекъ восемнадцать, такъ что и воздуха не хватало. Наконецъ мы выбрали на третій день похода на шоссе и ночевали въ эталнныхъ дворахъ. Тамъ все-таки было лучше. Огромныя свѣтлыя казармы давали намъ возможность ставить свои походныя койки на нары и пользоваться свѣтомъ и воздухомъ, чего въ татарскихъ жилищахъ мы были лишены. Придя рано на ночлегъ мы обыкновенно располагались пить чай, а потомъ составляли лульки, и такимъ образомъ время короталось.

Природа и окрестности по дорогѣ не особенно бросались въ глаза. Когда мы миновали Тифлискую губернію и, какъ значитъ на пограничномъ столбѣ, вступили въ Елисаветпольскую, то на пограничной рѣкѣ увидѣли старинный, но прочно построенный каменный мостъ именуемый Краснымъ. Преданіе говоритъ что вблизи теперешняго, конечно обновленнаго, моста былъ мостъ построенный еще Александромъ Македонскимъ во время его побѣдоснаго шествія въ глубь Скиѳіи. И дѣйствительно, вѣво отъ моста видѣются каменные устои бывшаго, но Богъ знаетъ съ какихъ вѣковъ разореннаго моста. За этимъ мостомъ начинается степная, пустынная мѣстность Елисаветпольской губерніи вплоть до такъ-называемаго Делижанскаго ущелья, гдѣ уже природа мѣняется и значительно улучшается. Ущелье это тянется верстѣ сорокъ. Внизу вьется и шумитъ рѣчка Делижана, а кругомъ громады, покрытыя растительностью горы, придающія ущелью прелестный видъ. Такъ какъ мы шли зимой, то зелени уже не было, и потому общій тонъ картины значительно терялся. Ущелье это кончается мѣстечкомъ Делижана (бывшая штабъ-квартира Дербентскаго вѣхот-

наго полка, ушедшаго теперь въ Александропольскій отрядъ). Мѣстечко это довольно населенное; есть госпиталь, много лавокъ, а населеніе смѣсь Армявъ съ молочанами. Отсюда идетъ шоссе на Александрополь, а потому въ этомъ пунктѣ вѣчное движеніе вслѣдствіе массы проѣзжающихъ на Эривань и Александрополь, особенно въ послѣднее время когда начали двигаться войска къ этимъ пограничнымъ пунктамъ.

Въ Делижанѣ пришлось намъ встрѣтить праздникъ Рождества. Въ этотъ же день, при ясной, теплой, какъ бы весенней погодѣ, мы двинулись дальше и начали подниматься въ гору. Отсюда именно и начинается такъ-называемый перевалъ черезъ Малый Кавказскій хребетъ.

Чѣмъ даѣе подвигались мы, тѣмъ ощутительнѣе становился холодъ. Начали видѣться снѣговые вершины горъ замыкающія перевалъ. На самой высшей точкѣ перевала, въ снѣгу и постоянномъ туманѣ, пріютилась небольшая раскольничья слободка Семеновка, гдѣ и былъ нашъ отдыхъ и ночлегъ.

Въ просторной русской избѣ, предназначенной мнѣ и Сергѣю Петровичу для ночлега, мы застали всю семью хозяина. Самъ хозяинъ, высокій плотный мужикъ лѣтъ пятидесяти, очень чисто по-русскому одѣтый, встрѣтилъ насъ низкимъ поклономъ. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, онъ обратился къ намъ:

— Чтò, видно скоро воевать придется? Дай Богъ всякаго успѣха русскому войству для покоренія врага. И вамъ, ребятушки, возвратиться здоровыми и невредимыми.

Мы поблагодарили.

На печкѣ, занятая какимъ-то тряпьемъ, сидѣла жена хозяина, молодая и довольно красивая женщина, съ двумя маленькими дѣтьми игравшими около нея. Она и глазъ не поднимала и казалось вся ушла въ свое занятіе. Когда хозяинъ вышелъ, она какъ будто легче вздохнула, бросила тряпье и принялась за дѣтей. Видя что вся окружающая обстановка нисколько не напоминала о сегодняшнемъ праздникѣ, мы обратилась къ ней съ вопросомъ:

— А развѣ у васъ сегодня не праздникъ?

— Какой праздникъ? какъ бы съ недоумѣніемъ спросила она и потомъ сейчасъ же пояснила:—вѣдь мы субботаки, еврейскій законъ признаемъ.

— И большая ваша секта? вновь спросили мы.

— Прежде мало было, а теперь почитай очень много въ Эриванской губерніи въ нашу вѣру перешли. Вонъ въ Еленовкѣ (сѣдующая слобода за озеромъ Гокча) тамъ больше молоко да хмысты. У меня дочь тамъ замужемъ.

— Какъ дочь? спросилъ я изумленно.—Сколько же тебѣ лѣтъ? Вѣдь ты еще очень молода.

— У насъ рано выдаютъ; по четырнадцатому году. Я сама четырнадцати вышла, да вотъ дочери теперь шестнадцатый пошелъ, а она уже голъ замужемъ.

— И не холодно вамъ жить здѣсь? Вѣдь здѣсь небось никогда тепла не бываетъ? спросили мы, взглянувъ на неприглядный окружающій сѣвжмый видъ изъ окна.

— Никогда, отвѣтила она,—тепла здѣсь нѣту. Либо снѣгъ, либо дождь. И лѣтомъ-то и то холодно страсть какъ. Да ничего, привыкли, прибавила она улыбу.

— А озеро далеко? спросили мы, заранѣ собираясь любоваться этимъ оригинальнымъ озеромъ, лежащимъ на высотѣ семи саишкомъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

— Нѣтъ, сейчасъ, какъ изъ Семеновки выйдете, увидите отвѣчала хозяйка,—версты четыре, не больше.

Такъ проговорили мы еще и стало уже смеркаться. Мы принаались за чай; вскорѣ пришелъ хозяинъ, и у насъ начался ужинъ. Буи они хорошо и сытно. Повидимому, во всемъ былъ достатокъ. Наконецъ началось и общее раздѣванье: и мы, и хозяева должны были провести ночь въ одной хатѣ, хотя это было для насъ не особенно пріятно.

Утромъ рано мы вышли изъ Семеновки по направленію къ озеру Гокча. Еще издали завидѣли мы это бесконечно тянущееся озеро, окруженное почти со всѣхъ сторонъ сѣдыми и угрюмыми высотами, представляющими рѣзкій контрастъ съ синими какъ бирюза и прозрачными какъ хрусталь покойными и тихими водами озера. Не вдалекѣ отъ берега, по которому вьется шоссе, въ верстѣ не болѣе, возвышается островъ, на которомъ построенъ Севанскій монастырь, бѣдный, угрюмый, нѣчто въ родѣ нашего Соловецкаго монастыря. Сообщеніе монастыря съ міромъ только на лодкахъ. Какъ строился этотъ монастырь, какъ перевозился матеріалъ съ версту по глубокому озеру, неизвѣстно. Мы поинтересовались заглянуть въ этотъ уголокъ: наняли лодку и подѣхали къ острову.

Съ колокольни посыпалась дребежащій, надтреснутый

звонъ колоколовъ, и навстрѣчу намъ вышелъ настоятель въ полномъ облаченіи съ братіей, привѣтствуя насъ крестнымъ знаменіемъ и рѣчью на армянскомъ языкѣ. Старикъ-монахъ, Армянинъ, съ трудомъ говорившій по-русски, вызвался показать намъ весь монастырскій міръ, и мы отправились за нимъ, положивъ при этомъ каждый по рублю на тарелку находившуюся въ рукахъ у одного изъ братіи. Бѣдное, ветхое зданіе и самаго монастыря и келій, тощая рощица вокругъ, небольшое хозяйство и огороды, вотъ все что мы могли видѣть. По осмотрѣ, монахи попросили насъ откусать знаменитой форели, какой нигдѣ кромѣ Гокчи не водится. Рыба дѣйствительно очень вкусная, и ловля ея доставляетъ выгоду монастырской братіи. Распростившись съ монахами, мы догнали нашу колонну и съ нею вступили въ село Еленовку, расположенное на берегу одного изъ рукавовъ этого красиваго озера въ шестидесяти верстахъ отъ Эривани.

Въ Еленовкѣ пришлось познакомиться съ другою сектой, прыгунами.

Замѣтивъ что мы интересуемся ихъ житьемъ-бытьемъ и нравами, хозяйка у которой мы остановились, довольно пожилая, очень неглупая женщина, предложила намъ вечеромъ пойти въ ихъ моленную и посмотрѣть на ихъ службу. Мы согласились.

Въ довольно обширной, опрятной комнатѣ, освѣщенной висячею керосиновою лампой, было уже почти все полно народомъ когда мы вошли. Съдой какъ луиъ старикъ съ весьма благообразною физиономіей приостановилъ свое чтеніе, всталъ, и за нимъ встала вся публика, и затѣмъ отвѣсилъ намъ низкій поклонъ. Мы отвѣтили тѣмъ же. Старикъ молча указавъ намъ мѣсто и опять принялся за чтеніе. Онъ читалъ съ увлеченіемъ (повидимому это былъ патріархъ секты), изрѣдка поглядывавъ на насъ съ выраженіемъ отчасти гордости, отчасти фанатическаго упоенія. Что онъ читалъ, трудно было хорошенько распознать. Было что-то о бѣдомъ ковѣ на которомъ совершались всадникомъ какіе-то подвиги, но кто былъ тотъ всадникъ, такъ и осталось для меня неразъясненнымъ. Долго продолжалось чтеніе и уже начинало надоедать. Вдругъ голосъ старика смолкъ, и онъ гордо и съ достоинствомъ, сложа ветхую книгу, всталъ со своего мѣста. Разостлали коврикъ и старикъ сталъ на него. Интересуясь что будетъ дальше, мы стали наблюдать. Вотъ подо-

шелъ къ старику другой старикъ, поклонился ему въ ноги и три раза поцѣловался, затѣмъ сталъ рядомъ съ нимъ. За этимъ старикомъ подошелъ слѣдующій, также кланялся въ ноги, цѣловался уже съ обоими и становился рядомъ съ предыдущимъ и т. д. вся лубайка. Когда общее цѣлованіе кончилось, наступила минутная тишина. Вдругъ какой-то молодой парень, замѣчательно красивый и рослый, прекраснымъ груднымъ голосомъ запѣлъ какую-то лѣсню.

Сначала, судя по мотиву, мнѣ показалось что моленіе окончилось и началась забава, но я ошибся: парень пѣлъ что-то духовное, но на мотивъ ляссовой.

Невдалекѣ отъ меня сидѣлъ мужикъ лѣтъ тридцати пяти и по мѣрѣ продолженія лѣсни все болѣе и болѣе суетился на мѣстѣ, наконецъ вскочилъ, и его какъ-то конвульсивно передернуло. Я съ изумленіемъ поглядывалъ на него. Мужикъ началъ судорожно дергаться и подпрыгивать на мѣстѣ. Поощему стали вторить, и образовался лодный весьма стройный хоръ. „Духъ находить“, шелкулъ мнѣ вдругъ старый сектантъ сидѣвшій не подалеку отъ меня, съ выраженіемъ какого-то благоговѣнія указывая на прыгающаго и трясущагося собрата. Пѣсня раздавалась громче и громче, за однимъ начало передергивать и другихъ. И въ концѣ концовъ всѣ, и мужчины и женщины, вскочили со своихъ мѣстъ и все слилось въ одну общую неистовую адскую ляску съ прыганьемъ и судорожными тѣлодвиженіями.

Наконецъ этотъ адскій бадетъ кончился, патріархъ молча поклонился намъ и далъ знать этимъ что лора намъ удалиться. Чтò было дальше въ моленнѣ, мы не были уже конечно свидѣтелями; но говорятъ будто финалъ этой комедіи обыкновенно очень соблазнительнъ, чѣмъ конечно и привлекается такая масса послѣдователей этой вредной и безправственной секты, прикрывающей религиозными формами сама животныя побужденія человѣческой натуры.

На другой день мы вышли изъ Еленовки. По дорогѣ насъ обогналъ начальникъ 1й бригады генералъ Б—скій, который командовалъ когда-то Крымскимъ полкомъ и котораго всѣ Крымцы любили. Встрѣча ему сдѣлана была горячая, задуманная.

VI.

Какъ разъ подъ новыи 1877 годъ вступили мы въ Эривань. Еще не доходя четырехъ верстъ до Эривани мы остановились на отдыхъ въ селеніи Киникиры, чтобы нѣсколько привести себя въ порядокъ послѣ такого долгаго похода. Навстрѣчу намъ выѣхалъ адъютантъ генерала Б—скаго изъ Эривани. Мы обступили его и начали разспрашивать о городѣ. Немногимъ онъ насъ утѣшилъ. Тутъ же онъ передалъ что эриванскій губернаторъ генералъ Р—евъ просить всѣхъ офицеровъ встрѣтить у него Новый Годъ. Это насъ порадовало. Мы, конечно, всѣ съ удовольствіемъ на это согласились.

Къ Эривани, начиная отъ Гокчи, тянется спускъ, а самый городъ стоитъ совсѣмъ подъ горой. Онъ налѣживается собою громадный аулъ. Вступивъ въ него, мы все искали города, хотя были почти въ центрѣ его. Глиняные дома съ плоскими крышами, нѣсколько армянскихъ церквей и наконецъ тощій бульваръ, вокругъ котораго нѣсколько каменныхъ домовъ, вотъ и вся Эривань. Впрочемъ, на бульварѣ бросились намъ въ глаза два дома: одинъ домъ губернатора, другой гостиница Европа. Размѣстившись по отведеннымъ квартирамъ мы предались отдыху, особенно въ виду того что вечеръ должны будемъ провести у губернатора. Сборъ назначенъ былъ въ девять часовъ вечера въ квартирѣ командира полка. Выспавшись въ волю послѣ обѣда и приведя свой костюмъ и фizioномію въ приличный видъ, мы около девяти часовъ большою компаніей направились къ гостиницѣ гдѣ остановился командиръ полка. Тотъ въ полной формѣ, въ орденахъ, встрѣтилъ насъ очень любезно и объявилъ что, несмотря на желаніе губернатора устроить танцевальный вечеръ, это ему не удалось такъ скоро, и многія эриванскія барыни, за отсутствіемъ бальныхъ туалетовъ, отказались принять участіе въ предполагаемомъ вечерѣ. Когда всѣ собрались, мы какъ бы подъ командой полковника отправились къ дому губернатора, отстоявшему отъ квартиры командира полка въ нѣсколькихъ шагахъ. Домъ былъ заатъ огнями. У подъезда стояло нѣсколько экипажей. Офицантъ отворилъ

дверь, и мы вошли всѣ гурьбой въ залу, которая была совершенно еще пуста. Навстрѣчу намъ изъ кабинета губернатора вышелъ генералъ Б—скій въ походной формѣ, поздоровался съ нами и объявилъ что генералъ Р—евъ, то-есть хозяинъ, сейчасъ выйдетъ. Мы всѣ выстроились въ кругъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ гостиной показался сѣдой генералъ съ весьма симпатичною и добродушною физиономіей.

— Господа, благодарю васъ за честь которую вы оказали мнѣ вашимъ посѣщеніемъ. Позвольте мнѣ, какъ старому воину, провести этотъ вечеръ и встрѣтить Новый Годъ въ средѣ васъ, готовящихъ себя на важный подвигъ. Я счастливъ что въ моей родной военной средѣ я встрѣчаю этотъ Новый Годъ. Съ своей стороны я употреблю всѣ старанія чтобы вы у меня не скучали. А теперь, полковникъ, познакомьте меня съ господами офицерами.

Началось представленіе; когда же официальная церемонія кончилась, я сталъ съ любопытствомъ осматривать губернаторское помѣщеніе: своимъ убранствомъ и изяществомъ оно превосходило ожиданія.

Такъ пріятно было послѣ грязи походныхъ жилищъ видѣть себя въ теплой, надушенной и залитой свѣтомъ залѣ. Впечатлѣніе было рѣзкое. Огромная зала съ прекраснымъ паркетомъ поддразнивала къ танцамъ. Нашъ полковой оркестръ (онъ былъ въ очень хорешемъ видѣ) уже грянулъ какой-то торжественный маршъ. Всѣ смотрѣли какъ-то особенно празднично, послѣ той грязи въ которой пришлось пробывать во время двухдѣльного похода. Вскорѣ насъ пригласили къ десерту и чаю. Въ небольшой комнатѣ, отдѣланной совершенно въ восточномъ вкусѣ, въ родѣ Тифлисскаго „Кружка“, стояли два стола: на одномъ серебряный самоваръ и всѣ принадлежности чаепитія, на другомъ буквально цѣлыя горы дорогихъ плодовъ, конфетъ, вареній и т. л.

Хозяинъ пригласилъ желающихъ поиграть въ карты. Играющимъ предложено было отправиться на другую половину этого громаднаго помѣщенія, гдѣ было можно курить и пользоваться всеми стоявшими здѣсь налитками и закусками.

Вскорѣ послѣ того какъ мы усадились за карты, кто-то пришедшій изъ залы объявилъ что пріѣхалъ генералъ Тергукасовъ (начальникъ отряда) и сейчасъ войдетъ сюда.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи

генераловъ Б—скаго и Р—ева, въ комнату вошелъ Тергукасовъ. Мы всѣ встали.

— Здравствуйте, господа, почти крикнулъ онъ намъ въ отвѣтъ на наше приподнятіе съ мѣста.—Садитесь пожалуйста, я не мѣшаю вамъ, я только хотѣлъ съ вами немного познакомиться. Михаилъ Ивановичъ, обратился онъ къ хозяину, — если вы хотите чтобъ я у васъ встрѣтилъ съ молодежью Новый Годъ, такъ ужъ снимите вашъ мундиръ, мнѣ право совѣстно.

И онъ указалъ на свой вицмундиръ. Р—евъ въ знакъ согласія поклонился.

Я принялся разсматривать генерала Тергукасова. Небольшаго роста, толстый, коренастый и плотный, онъ на первый взглядъ не производилъ особаго впечатлѣнія. Но взглянувъ ближе, особенно въ его прекрасные яркіе черные глаза, выдѣляющіеся особенно рѣзко при его сдвинутъ, невольно къ нему располагаешься. Онъ былъ въ вицмундирѣ безо всякихъ орденовъ, кромѣ Георгія въ петлицѣ. Обращеніе его было самое простое и дружелюбное. Когда мы кончили карты, было уже близко къ двѣнадцати часамъ. Во всю длину залы былъ расставленъ столъ для ужина. Въ залѣ и въ гостиной группами сидѣли гости, между которыми была только одна дама. Она сидѣла въ гостиной, окруженная генералами. Рядомъ съ нею сидѣлъ господинъ въ черномъ фракѣ и съ орденомъ Льва и Солнца. Оказалось что это нашъ русскій посланникъ въ Персію, возвращающійся съ женой оттуда по окончаніи срока своей службы, и проѣздомъ чрезъ Эривань остановившійся у губернатора. Около двѣнадцати часовъ Р—евъ подошелъ къ женѣ посланника и предложивъ руку просилъ ее украсить своимъ присутствіемъ холостой ужинъ. Рядомъ съ нею онъ оставилъ мѣсто для себя, а по другую сторону пригласилъ Тергукасова. Когда всѣ усѣлись, раздался бой двѣнадцать часовъ. Всѣ стали чокаться; начались обычные тосты и пожеланія. Многіе изъ тостовъ принимались горячо, особенно тѣ которые имѣли какую-либо связь съ ожидающимъ насъ будущимъ. Уже въ срединѣ ужина всталъ Тергукасовъ и обвелъ всѣхъ глазами. Наступила тишина.

— Господа, мы пили за многое что насъ интересуетъ въ данное время. Но мы были большими эгоистами, предлагая другъ за друга тосты; мы забыли о томъ что въ эту же минуту, въ отдаленныхъ уголкахъ обширнаго отечества, встрѣчаютъ грустно и одиноко этотъ важный день оставленные нами можетъ-

быть надоело наши семейства. Пожелаемъ же имъ дожидаться съ поля битвы дорогихъ имъ мужей, братьевъ, сыновей! Выльемъ за нашихъ женъ, сестеръ и матерей, ура!

Такого огулашительнаго сочувственнаго ура какое было отъѣтомъ на это теплое слово я еще никогда не слыживалъ. Какъ кстати, какъ умѣстемъ былъ этотъ радушный тостъ и какъ онъ сразу рисовалъ Тергукасова какъ челоѣка! Въдмы знали хорошо что онъ былъ совсѣмъ одинокъ, и потому предавая этотъ тостъ, онъ про себя забывалъ, а желалъ доставить возможность другимъ мысленно перенестись на мгновеніе въ родные уголки, гдѣ оставлено у каждаго столько близкаго и дорогаго.

Вечеръ кончился очень шумно и весело. Отъ души и искренно благодарили мы любезнаго хозяина, доставившаго намъ возможность встрѣтить Новый важный для насъ Годъ такимъ семейнымъ, радушнымъ образомъ, при такой прекрасной обстановкѣ.

Съ приходомъ нашего полка рѣшено было что мы впредь до особаго распоряженія остаемся въ Эривани.

Ставропольскій же полкъ, другой полкъ нашей бригады входящей въ составъ отряда, направленъ былъ на стоянку къ русско-турецкой границѣ, въ селеніе Игдырь, пріобрѣтшее въ послѣднее военное время извѣстность, ибо вблизи его стоялъ, по возвращеніи изъ Турціи, весь нашъ отрядъ.

Эриванскій губернаторъ, въ виду стоянки нашего полка въ Эривани, предложилъ всѣмъ офицерамъ устроить нѣчто въ родѣ военнаго клуба, для устройства котораго онъ предлагалъ какъ помѣщеніе въ одномъ частнмъ домѣ, такъ и свои услуги объѣздить весь городъ и пригласить дамъ на воскресенье на вечеръ въ клубъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующее воскресенье все эриванское общество собралось въ клубъ. Губернаторъ перезнакомилъ многихъ танцоровъ съ эриванскими дамами, и балъ начался. Мы съ Сергѣемъ Петровичемъ усѣлись за карты и лишь въ концѣ вечера вышли въ залу. Тамъ лодъ звуки нашего оркестра кружились лары. Жаръ, духота и тѣснота. Несмотря на эти неудобства, офицерство кружилось и веселилось до самозабвенія. Эриванскія барышни давно уже, а нѣкоторыя можетъ-быть и никогда еще по своей молодости, не испытывали такихъ веселыхъ и счастливыхъ минутъ, что видно было по ихъ оживленнымъ сіяющимъ лицамъ. Танцоры веселились чуть не до утра, и съ тѣхъ поръ рѣшено было, пока полкъ

въ Эривани, собираться каждое воскресенье. Къ несчастію, спустя мѣсяцъ поакъ нашъ велѣно было за недостаткомъ помѣщеній и всадствоіе какихъ-то другихъ причинъ вывести изъ Эривани и расположить въ молотанскихъ слободахъ которыя лежатъ по берегу озера Гокчи, то-есть Еленовкѣ и другихъ, гдѣ мы были недолго предъ тѣмъ во время похода. Офицеры лишены были возможности, къ великому огорченію эриванскаго прекраснаго пола, посѣщать такъ часто эти вечера, и многимъ изъ влюбленныхъ пришлось разстаться. Я отсталъ отъ полка. Такъ какъ въ полку было кромѣ меня два врача, а это считалось вполнѣ достаточнымъ, то я былъ откомандированъ, къ великому моему неудовольствію, въ Кавказскій стрѣлковый баталіонъ для исправленія должности старшаго врача. Баталіонъ этотъ входилъ въ составъ нашего отряда и расположенъ былъ въ селѣ Кульпы, Эриванской губерніи, отстоящемъ отъ Эривани во ста верстахъ на восточной границѣ Турціи.

Селеніе Кульпы замѣчательно по залежамъ каменной соли въ громадныхъ окружающихъ его горахъ. Самое селеніе, довольно обширное, съ армянскимъ населеніемъ, расположено въ котловинѣ и на видъ очень невзрачно. Приискавъ себѣ хату для жилья и ознакомившись съ офицерами баталіона, я рѣшился начать осмотръ соляныхъ копей, гдѣ кипитъ самая оживленная работа. Соляной промыселъ на подрядѣ у одного богатаго армянскаго кулца изъ Эривани, и соль сбывается преимущественно въ Закавказье и Турцію. Доставка ея крайне затруднительна. Соляныя глыбы навьючиваются на верблюдовъ и только такимъ образомъ транспортируются въ разныя стороны. Соляныя шахты представляются въ видѣ длиннѣйшихъ корлузовъ, поддерживаемыхъ толстыми столбами, выдолбленными изъ тѣхъ же каменныхъ соляныхъ громадъ. Сотни рабочихъ Армянь съ молотами трудятся надъ выдѣлываньемъ кубическихъ глыбъ болѣе или менѣе правильной формы, необходимой для навьючиванья на верблюдовъ. Работа кипитъ горячая; по отзывамъ многихъ, эти копи такъ богаты что еслибы лучшіе пути сообщенія и болѣе искусное управленіе, то кульпинской соли достало бы на продовольствіе цѣлой Россіи съ избыткомъ. Подрядчикъ взявшій эти копи имѣетъ громадныя выгоды. Да и мало ли есть скрытыхъ сокровищъ

въ земляхъ всего Кавказа до которыхъ еще не дотронулась опытная и искусная рука дѣльнаго инженера!

Жизнь въ Кульлахъ текла тихо, скучно и однообразно. Былъ уже мартъ мѣсяць. Почти всё томилось страшнымъ бездѣйствіемъ и ожиданіемъ рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ. Чуть сходился два-три офицера, разговоръ начинался объ одномъ и томъ же. Все томилось, ждало и прислушивалось какъ къ общественнымъ толкамъ, такъ и къ направленію газетъ.

Въ такомъ ожидательномъ положеніи пробыли мы до 7го апрѣля 1877 года, томясь неизвѣстностью.

Наканунѣ этого дня я сидѣлъ у одного изъ офицеровъ баталіона съ которымъ я успѣлъ сойтись. Меня влекла къ нему его удавая, открытая и честная натура. Препятствій и затрудненій оны ни въ чемъ не зналъ. Роту свою держалъ такъ что она была готова идти за него въ огонь и въ воду. Его любили и уважали. Онъ заранѣе, до объявленія еще войны, говорилъ что со своею ротою пойдетъ всюду, и доказалъ это въ послѣдствіи. Это было не хвастовство, а увѣренность. Если прибавить ко' всему сказанному симпатичность, честность и прямоту этого офицера, то ясно что оны долженъ былъ сразу расположить къ себѣ.

Итакъ, наканунѣ 7 апрѣля я сидѣлъ у него, какъ вдругъ фельдфебель принесъ приказъ по баталіону что завтра, въ восемь часовъ утра баталіонъ выступаетъ подъ селеніе Игдырь, гдѣ будетъ общій отрядный лагерь. Не оставалось сомнѣнія что сборъ всего отряда въ одномъ мѣстѣ что-нибудь значитъ. Близость объявленія войны чулась и предполагалась невольно. Мы искренно этому порадовались.

На другой день стало извѣстно что отъ начальника отряда былъ присланъ ординарецъ съ приказаніемъ немедленно двинуться въ Игдырь, куда долженъ былъ собраться весь отрядъ къ 10 апрѣля. 7 апрѣля мы выступили изъ Кульль, и 8го пришли на мѣсто въ селеніе Сардаръ-Абадъ, гдѣ и расположились лагеремъ. Остальныя части отряда стояли вблизи окрестныхъ же селъ тоже лагеремъ, въ разстояніи версты или двухъ другъ отъ друга.

Была прелестная лунная ночь. Лагерь уже построился совершенно, офицеры группами двигались и стояли вблизи своихъ палатокъ. Было тихо такъ что слышались издали доносившіеся изъ кавалерійскаго лагеря топотъ и ржаніе лошадей.

Вечерняя зора только что окончилась. Солдаты располагались уже на ночной отдыхъ. Я оглянулся кругомъ выйдя изъ палатки: вѣтвь угрюмый сѣдой дѣдъ Араратъ, весь облитый сияніемъ полной луны; вдали бѣлая пята лагерья того или другаго полка, вблизи журчаніе и глухой гулъ довольно широкой и глубокой проточной канавы, проведенной изъ рѣки Аракса. Большинство въ лагерьѣ уже спало. Разостлавъ бурку, я легъ вблизи своей палатки. Вскорѣ ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ.

— Слышали, докторъ? спросили они меня. — Говорятъ на дняхъ война будетъ объявлена.

— Почему вы знаете, спросилъ я, — это можетъ-быть догадки?

— Нѣтъ, это вѣрно. Вы увидите, не сегодня-завтра это будетъ извѣстно. Помните наше слово.

Въ ночь съ 12 на 13 апрѣля дѣйствительно по всему лагерью съ быстротою молніи повнеслась вѣсть: война объявлена!...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Л—СКІЙ.

О РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНѢ

Народы арийскаго племени населявшіе въ доисторическое время восточный Иранъ говорили, какъ извѣстно, на одномъ общемъ языкѣ; но кромѣ того они, живя вмѣстѣ, естественнымъ образомъ успѣли выработать себѣ опредѣленную форму семейнаго и общественнаго быта и достигли довольно значительной степени развитія. Когда наконецъ они отдѣльными частями стали покидать свою первоначальную азіатскую родину, то бѣльшая часть ихъ направилась въ Европу: въ Азію поселились недалеко отъ восточнаго Ирана только три племени: Индусы, Персы съ Афганами и т. д. и Армяне. Раньше всѣхъ, повидимому, отдѣлились тѣ племена которыя въ послѣдствіи населили юго-западную Европу: Кельты, Италийцы и Греки. Послѣ нихъ, вѣроятно, двинулись тѣ племена которыя заняли сѣверъ и востокъ Европы: Германцы, Литовцы и Славяне. (Переселеніе этихъ племенъ продолжалось даже до Среднихъ Вѣковъ.) Всѣ они, очевидно, должны были сохранить слѣды своего первобытнаго арийскаго существованія не только въ своемъ языкѣ, но также и въ своихъ бытовыхъ формахъ и духовныхъ воззрѣніяхъ.

Эти-то древніе остатки доисторической эпохи послужили для каждаго племени основаніемъ на которомъ оно создало своеобразную сущность своей національности.

Такъ какъ древне-арійскіе, доисторическіе элементы лежащіе въ основаніи славянской народности до сихъ поръ еще мало изслѣдованы наукой, то настоящая статья имѣетъ главною цѣлью обратить особое вниманіе на эту доисторическую основу Славянскаго племени вообще, а Русскаго народа въ особенности.

Важнѣйшимъ представителемъ современнаго Славянства является, безъ сомнѣнія, Русскій народъ, который кромѣ того отличается отъ всѣхъ прочихъ Славянъ еще тѣмъ что онъ лучше ихъ сумѣлъ сохранить древне-арійскую основу какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ своемъ быту; мало того, Русскій народъ сохранилъ эту основу въ такой полнотѣ и въ такой подлинности что онъ въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ современныхъ арійскихъ народовъ занимаетъ въ глазахъ науки самое первое мѣсто.

Такъ напримѣръ въ современномъ русскомъ языкѣ насъ поражаютъ въ особенности *два* формы отличающіяся такою явною первобытностью что съ ними не могутъ сравняться соответствующія формы не только новыхъ, но и древнихъ, даже древнѣйшихъ языковъ,—это такія формы которыми лингвистъ, такъ-сказать, не можетъ налюбоваться. Поэтому, хотя я уже два года тому назадъ имѣлъ случай обратить вниманіе ученыхъ на эти замѣчательныя сокровища русскаго языка, я тѣмъ не менѣе позволю себѣ еще разъ вкратцѣ указать на нихъ.

Въ основаніи глагольной системы всѣхъ арійскихъ языковъ лежитъ, какъ извѣстно, различіе спряженій глаголовъ оканчивающихся въ Имъ лицѣ настоящаго времени на *ti* или *amī* и глаголовъ оканчивающихся въ томъ же лицѣ на *ajamī*. Та особенность которою русскій языкъ въ этомъ отношеніи отличается отъ всѣхъ прочихъ современныхъ арійскихъ языковъ, имѣетъ чрезвычайную важность. Правда, всѣ эти языки различаютъ, на основаніи этой общей всѣмъ двойственности спряженій, два рода глаголовъ, которые Гриммъ назвалъ *сильными* и *слабыми*. Но своеобразное окончаніе слабого спряженія (на *ajamī*) сохранилось въ неприкосновенности лишь въ санскритскомъ языкѣ и языкѣ иранскомъ (то-есть въ языкѣ Зендъ-Авеста и клинообразныхъ надписей персидскихъ царей), тогда какъ въ греческомъ языкѣ окончаніе *ajamī* уже успѣло утратить свою самую характеристическую полугласную *j*, вслѣдствіе чего *ajamī* перешло въ *aw*, *ew*, *ow*,

а эти окончанія, въ свою очередь, сократились въ одну гласную *o*. Нѣчто подобное видимъ мы и въ латинскомъ и древнегерманскомъ языкѣ, даже литовскій языкъ, отличающійся, впрочемъ, именно въ спряженіи удержаніемъ древнихъ формъ, испыталъ въ образованіи своего слабого спряженія ту же самую судьбу. Изъ всѣхъ мертвыхъ языковъ, кромѣ санскритскаго и древне-иранскаго, *j* удержалось только въ церковно-славянскомъ. Индо-иранскому *ajati*, *ajasi* здѣсь соответствуетъ *a - ж*, *a - ж - ши*, тогда какъ окончанія этихъ двухъ лицъ въ греческомъ и латинскомъ языкѣ представляются намъ только въ видѣ *o* и *as*: *τιμῶ*, *τιμῶς*, *ατο*, *ατας*.

Большинство современныхъ славянскихъ языковъ, какъ напримѣръ сербскій, чешскій, подвергли подобно латинскому и греческому языку свое слабое спряженіе сокращенію, сохранивъ первоначальную форму съ *j* только въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, вслѣдствіе чего въ этомъ лицѣ у нихъ стоитъ краткое *a*, тогда какъ во всѣхъ прочихъ лицахъ они имѣютъ *a* долгое:

серб.	<i>igrām</i>	чешск.	<i>kópām</i>
	<i>igrāsh</i>		<i>kópāš</i>
	<i>igrā</i>		<i>kópā</i>
	<i>igrāmo</i>		<i>kópāme</i>
	<i>igrāte</i>		<i>kópāte</i>
	<i>igrājū</i>		<i>kópājū</i>

Одинъ только русскій языкъ какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малороссійскомъ нарѣчій отличается отъ греческаго, латинскаго и древне-германскаго тѣмъ что онъ подобно санскритскому, древне-иранскому и церковно-славянскому удержалъ *j* во всѣхъ лицахъ настоящаго времени. Для лингвистики это—прекраснѣйшее украшеніе русскаго языка, которымъ онъ можетъ гордиться предъ современными родственными языками и которое возвышаетъ его даже надъ греческимъ и латинскимъ языкомъ. Предположеніе будто это *j* искусственнымъ образомъ перенесено изъ церковно-славянскаго языка въ русскій литературный языкъ, не имѣетъ, очевидно, никакого основанія, такъ какъ это *j* ясно слышится и въ народныхъ говорахъ Великой и Малой Россіи. Вѣдь не стануť же утверждать что Чехи научились говорить въ третьемъ лицѣ множественнаго числа *igrāji* только потому что познакомились съ этою формою въ церковно-славянскомъ языкѣ.

Такъ какъ они въ произношеніи различаютъ *долгое* и *короткое* *a*, то мы видимъ въ этомъ самое ясное доказательство что звукъ *j* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа есть звукъ органическій, принадлежащій непосредственно народному языку, а не заимствованъ искусственнымъ образомъ изъ другаго, хотя и родственнаго языка. Во всякомъ случаѣ Русскій можетъ смотрѣть на свое спряженіе на *аю* какъ на одно изъ самыхъ первобытныхъ, драгоценныхъ сокровищъ своего языка, возвышающее его не только надъ родственными славянскими языками, но даже, какъ сказано выше, надъ греческимъ и латинскимъ языкомъ.

Другое, можетъ-быть еще болѣе драгоценное сокровище русскаго языка, встрѣчающееся однако и въ другихъ славянскихъ языкахъ, это спряженіе на *ѣји*. Я два года тому назадъ уже объяснилъ что эти глаголы на *ѣтъ*, какъ *блѣтъ*, *чертъ*, должны по своему происхожденію рассматриваться какъ *страдательные* залого *винсловныхъ* (*каузативныхъ*) глаголовъ. Въ санскритскомъ языкѣ мы находимъ подобное же отношеніе каузативнаго глагола *bodhajati* (certiorem facit) къ своему страдательному залогу *bodhjatē* (certior fit). Но русское окончаніе *ѣтъ*, напримѣръ въ *блѣтъ*, отличается болѣе первобытнымъ характеромъ чѣмъ окончаніе *jatē* въ санскритскомъ *bodhjatē*: санскритскій языкъ утратилъ въ этой страдательной формѣ каузативнаго глагола тотъ элементъ который именно образуетъ каузативную форму глагола и утратилъ ее предъ окончаніемъ которымъ выражается страдательный залогъ; полная неизмѣненная форма должна была бы быть *bodhaj-jatē* или *bodhai-jatē*. Вотъ эта-то именно основная форма, утраченная въ санскритскомъ языкѣ, сохранилась неприкосновенною въ такой русской формѣ какъ напримѣръ *блѣтъ*, то-есть *belaj-jati*. Человѣку незнакому съ лингвистикой, конечно, покажется неслыханнымъ, чудовищнымъ, преувеличеннымъ, если мы станемъ утверждать что глагольная форма принадлежащая доисторическому арійскому языку сохранилась до настоящаго времени въ живомъ русскомъ языкѣ въ болѣе неприкосновенной чистотѣ и полнотѣ чѣмъ въ санскритскомъ языкѣ; тѣмъ не менѣе наше утвержденіе относительно окончанія переходнаго начивательнаго глагола *ѣтъ* вполне правильно и основательно. Правда что узнать эту форму можетъ только проникательный взоръ строгой научной лингвистики.

Подобныя примѣры стойкаго сохраненія древне-арійскихъ формъ представляются намъ однако не только въ русскомъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ видахъ русскаго народнаго быта; и эти примѣры вполнѣ очевидны и убѣдительны даже для человѣка не посвященнаго въ науку древне-арійской филологіи. Я выше указалъ на то что древніе Аріиды, живя вмѣстѣ въ Азіи, приобрѣли себѣ не только общій довольно выработанный языкъ, но и главнѣйшія формы семейнаго и общественнаго быта. Мы это можемъ заключить изъ того что находимъ у различныхъ арійскихъ племенъ одни и тѣ же общенародныя учрежденія.

Такъ напримѣръ, одна изъ особенностей римскаго семейнаго права заключалась, какъ извѣстно, въ неограниченной отцовской власти, такъ-называемой *patria potestas*. Римскій гражданинъ, *civis romanus*, до тѣхъ поръ былъ *alieni juris*, а не *sui juris*, пока былъ въ живыхъ его отецъ, или дѣдъ, или одинъ изъ его асцендентовъ, то-есть родственниковъ по восходящей линіи. Этотъ послѣдній имѣлъ отцовскую власть надъ всѣми своими десцендентами, то-есть родственниками по нисходящей линіи. Лишь по смерти всѣхъ своихъ асцендентовъ римскій гражданинъ дѣлался *sui juris*, и тогда только онъ могъ приобретать себѣ вполнѣ личное имущество *ex jure Quiritium*, тогда только онъ приобреталъ полную правоспособность и могъ совершать такіа юридическія дѣйствія какъ напримѣръ, *mancipatio*, или *in jure cessio*, или *usucapio* тогда только онъ могъ начать предъ судомъ такое судебное дѣйствіе которое онъ заключалъ словами: „*Hanc ego rem ex jure Quiritium meam esse ajo.*“ Пока еще жилъ какой-либо асцендентъ, ему принадлежало все чтѣ приобретали десценденты: *quicquid acquiritur per filium, patri acquiritur*. Но это право отцовской власти существовало только для настоящихъ римскихъ гражданъ; имъ не могли пользоваться ни *peregrini*, ни *dediticii*, и римское право особенно зорко наблюдало за тѣмъ чтобы никто изъ провинціаловъ не получившихъ полнаго гражданства не присвоивалъ себѣ свойственной римскому гражданину *patria potestas*. Дионисій Галикарнасскій признается что современныя ему Греки не имѣли ни малѣйшаго понятія о такомъ учрежденіи какимъ была *patria potestas*; онъ говоритъ это съ нѣкоторою досадою, даже съ видимою завистью къ римскимъ властителямъ роднаго ему Эллинскаго народа; онъ относится съ величайшимъ уваже-

ніемъ къ этому римскому учрежденію, которому Римъ обязанъ былъ своимъ величіемъ, такъ какъ *patria potestas* была тою почвой на которой Римлянинъ приучался повиноваться законамъ. На ряду съ безумищественностью Римлянина, подчиненнаго отцовской власти, стояло и ограниченіе его индивидуальной воли во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ: *pater familias* былъ естественнымъ судьей, который могъ приговорить къ смерти каждаго изъ подчиненныхъ его власти людей и предать ихъ казни чрезъ посредство собственныхъ рабовъ. Мы встрѣчаемъ не мало такихъ примѣровъ которые намъ доказываютъ что даже въ позднѣйшее время государство приводило въ исполненіе смертныя приговоры произнесенныя отцомъ семейства. Этотъ отецъ могъ даже продать свое дитя, если желалъ отдѣлаться отъ него, и если это дитя, проданное другому гражданину, отлучалось этимъ послѣднимъ на волю, то съ этого мгновенія вступала снова въ силу *patria potestas* роднаго отца. Онъ могъ совершить эту продажу три раза, и только послѣ третьяго раза дитя совершенно освобождалось отъ власти своего отца.

Ученые первой половины нашего столѣтія напрасно пытались отыскать источникъ этого исключительно римскаго учрежденія. Римскій народъ считался еще по повятію этихъ ученыхъ народомъ смѣшаннымъ; а потому составныя части этого смѣшаннаго народа должны были принять на себя отвѣтственность за всѣ различныя учрежденія Римскаго народа. Считая латинскій языкъ какою-то смѣсью пелазгическаго языка съ греческимъ, ученые могли естественнымъ образомъ подумать будто учрежденіе отцовской власти слѣдуетъ приписать древнимъ Сабинянамъ, получившимъ будто бы въ Римѣ право гражданства, и подобныя вышѣ не доказанныя предположенія до сихъ поръ еще встрѣчаются въ видѣ несомнѣнныхъ аксіомъ въ сочиненіяхъ современныхъ юристовъ. На самомъ же дѣлѣ какъ возникновеніе римскаго языка такъ и учрежденіе римской *patria potestas* оказывается, вопреку увѣреніямъ названныхъ ученыхъ, нѣсколькими тысячаletіями древнѣе самаго основанія Рима.

Patria potestas возникла на почвѣ семейнаго быта жившихъ въ Азіи аріискіхъ предковъ Римлянъ. Въ историческомъ Римѣ она тѣсно была связана съ твердо устоявшимися основными законами о частной собственности. Эти законы на первый взглядъ кажутся такими же древними какъ и само

римское право; а тѣмъ не менѣе мы имѣемъ довольно ясное свидѣтельство о такомъ времени когда въ Римѣ не было еще ни частной собственности, ни наследственнаго права, а между тѣмъ были уже ясно опредѣляемые римскіе законы. Такъ напримѣръ поземельная собственность (*praedia*) навѣрное не могла быть въ это время такимъ частнымъ имуществомъ которое по позднѣйшему римскому гражданскому праву причислялось къ *res mancipi*.

Время о которомъ мы говоримъ римскіе историки называютъ временемъ Ромула. Въ это именно время древняя римская *res publica* дѣлилась на тридцать курій, которыя въ послѣдствіи утратили даже свои имена, такъ какъ намъ только извѣстны названія семи курій. Онѣ соответствовали аѳинскимъ фратріямъ и даже обозначались по-гречески словомъ фратра. Діонисій (II. 7) разсказываетъ о Ромулѣ: „διελών τήν γήν εἰς τριάκοντα κλήρους ἴσους ἕκαστῃ φράτρη κλήρος ἀπέδωκεν ἕνα.“ Первоначально слѣдовательно, по свидѣтельству этого историка, земля Римскаго государства была раздѣлена на тридцать равныхъ частей, по одной на каждую курію. Имя *Curia* есть сокращенная форма вмѣсто *co-viria*, точно также какъ *prudens* сократилось изъ *pro-videns*, и поэтому означаетъ собственно *сожужье, братство, товарищество, дружина, община*. Отъ того же самаго слова, *co-viria*, происходитъ и несокращенная форма *Quirites*; квиритами слѣдовательно назывались римскіе граждане въ юридическомъ смыслѣ какъ *товарищи по куріямъ*. Участваніе въ курію было дѣйствительно особымъ преимуществомъ въ первые времена римской исторіи, такъ какъ римскіе граждане подавали свои голоса по куріямъ, когда дѣло шло объ объявленіи войны, или заключеніи мира, когда нужно было избирать царя, или издавать какіе-нибудь законы. Все это происходило въ такъ-называемыхъ *comitia curiata*, въ которыхъ имѣли право появляться и подавать свои голоса только члены курій, *квириты*. Что касается поземельной собственности каждой куріи, о которой говоритъ Діонисій, то оказывается преимущественно изъ свидѣтельства *Феста* (*de significatione verborum*) что такая земля принадлежавшая курію называлась *ager centuriatus*, и что поэтому слово *centuria* въ самомъ древнемъ римскомъ государственномъ правѣ имѣло одно значеніе со словомъ *curia*; древняя община гражданъ была слѣдовательно первоначально *согнью*, такъ какъ названіе

centuria произошло очевидно изъ *centuria*. Каждый *ager centuriatus*, по свидѣтельству Феста, содержалъ въ себѣ двѣсти югеровъ земли, и каждая семья владела двумя югерами.

Итакъ въ первоначальномъ Римѣ курія или центурія представляла собою общину полноправныхъ гражданъ, къ которой принадлежало сто семействъ, имѣвшихъ сообща кромѣ своихъ *sacra privata* еще и свою землю, свой *ager centuriatus*. Мы ясно видимъ что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь не было еще насѣдственной частью поземельной собственности. Но уже со временъ Сервія Туллія центурія, правда, составляла еще общину полноправныхъ гражданъ, но она уже успѣла утратить значеніе сотни семействъ и общее землевладѣніе стало прекращаться. Но такъ какъ община, подававшая вмѣстѣ свои голоса, составляла также и сражавшуюся вмѣстѣ дружину въ войскѣ, то слово *centuria* обозначало также опредѣленную часть легіона, даже въ позднѣйшую эпоху императорскаго Рима.

Со временъ Нибура у нашихъ историковъ вошло въ моду говорить о Ромулѣ какъ о древнемъ мифическомъ существѣ, и смотрѣть на всѣ учрежденія которыя приписываются ему древними историками какъ на дѣтскія сказки; такъ напримѣръ въ исторіи Моммсена едва можно найти хоть одно признанное имъ имя римскаго царя, а новѣйшіе историки почти совсѣмъ не упоминаютъ ни объ *ager centuriatus*, ни о какихъ-либо относящихся къ нему подробностяхъ. Это однако не помѣшало Нибуру, который и знать не хотѣлъ о фактахъ сообщаемыхъ римскими историками, измѣнить ихъ разказъ, придавъ ему такую форму которая болѣе соответствовала его вкусу; на этомъ основаніи онъ составилъ совершенно новую исторію о римскихъ царяхъ, имѣвшую весьма мало общаго съ тою которую намъ передали Ливій и Діонисій Галикарнаскій. Въ первоначальномъ Римѣ, говоритъ онъ, была только одна знать, *patricii*; одни патриціи жили въ куріяхъ, они одни подавали голоса въ куріятскихъ сходкахъ. Плебеи появились де въ Римѣ позднѣе, и лишь Сервію Туллію учредилъ *comitia centuriata*, то-есть такое народное собраніе которое содержало въ себѣ и патриціевъ и плебеевъ. Всѣ эти предположенія вошли, какъ я сказалъ, въ моду и выдаются за подлинную римскую исторію, вмѣсто того что намъ передаютъ Діонисій и прочіе римскіе историки.

Можно пожалуй допустить что изъ первобытнаго времени

не сохранилось ни одного подавннаго царскаго имени, что и всѣ разказы о войнахъ предпринятыхъ царями представляются намъ только въ видѣ лѣгической фикціи. Ко всему этому можно относиться съ подозрѣніемъ, и я всего этого защищать не стану. Но совершенно иначе должны мы относиться къ тѣмъ древнимъ учрежденіямъ о которыхъ разказываютъ намъ историки. Эти учрежденія не были скоропреходящими явленіями, они существовали въ Римѣ цѣлыя столѣтія и отличались такою стойкостью и такою тѣсною связью съ религиознымъ и общественнымъ бытомъ что даже исчезнувшія въ послѣдствіи учрежденія не могли такъ легко забыться какъ можетъ-быть забылись имена царей и битвъ. Отнести эти учрежденія къ числу мифическихъ вымысловъ, на это мы не можемъ рѣшиться, несмотря на всѣ подозрѣнія высказанныя Нибуромъ.

И вотъ достовѣрность древнихъ римскихъ авторовъ получила твердую, непредвидѣнную Нибуромъ, опору изъ дальней Азіи, въ сравнительной наукѣ арійскихъ языковъ и учрежденій. Противоположеніе патриціевъ и плебеевъ цѣлыми тысячелѣтіями древнѣе самого Рима, оно образуетъ двигательный элементъ въ исторіи всѣхъ арійскихъ народовъ, не только Римлянъ, а также Грековъ, Германцевъ и Индусовъ, и вездѣ это противоположеніе имѣло такой же видъ какъ и въ Римѣ, вездѣ одна знать имѣла извѣстныя три права: *архонаи, іерархонаи и диаконей*, которыя Діонисій приписываетъ римской знати времени Ромула.

Нужно дѣйствительно обладать по меньшей мѣрѣ большою смѣлостью чтобы залосозреть римскихъ авторовъ въ неправдѣ, если они намъ передаютъ что въ Римѣ съ самаго начала жили вмѣстѣ патриціи и плебеи, что древнія курии состояли не изъ однихъ только патриціевъ, а патриціевъ и плебеевъ, и что наконецъ въ древнемъ Римѣ не было частной поземельной собственности. Тутъ я не могу не упомянуть объ одномъ ученомъ составлявшемъ исключеніе изъ всѣхъ выше упомянутыхъ знатоковъ римскихъ древностей; я говорю о покойномъ председателѣ нашего Общества * П. М. Леонтьевѣ. Въ своей прекрасной рѣчи „о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ“, произнесенной имъ въ 1861 году на торжественномъ актѣ Московскаго Университета,

* Настоящая статья *О русской пѣснѣ* читалась въ одномъ изъ заседаній Московскаго Отдѣленія Общества Классической Филологіи и Педагогика.

онъ, правда, слѣдуетъ еще авторитету Нибура относительно существованія однихъ только патрициевъ въ первоначальномъ Римѣ; но за то онъ уже смѣло и категорически заявляетъ что „древнѣ Ромуловскіе участки не были предметомъ полной личной собственности патрициевъ“ (стр. 15), и это вполнѣ научное предположеніе блистательнымъ образомъ оправдалось благодаря услѣхамъ современной науки, обнаружившей что *поле принадлежащее цѣлой общинѣ* представляетъ намъ характеристическое явленіе собственное почти всѣмъ аріискимъ народамъ. Для подтвержденія этого мнѣнія намъ нечего даже обращаться къ древнимъ Индусамъ: мы находимъ достаточно свидѣтельствъ въ Цезарѣ (*De bello gallico*) и въ Тацитѣ (*Germania*). Цезарь разказываетъ о Свебахъ, то-есть о первомъ германскомъ племени съ которымъ онъ ближе познакомился, что у нихъ не было частной поземельной собственности, но что ежегодно князья назначали имъ лашни изъ общественной земли. Въ послѣдствіи Цезарь передаетъ намъ то же самое и о германскихъ племенахъ вообще (о Свебахъ: 4,1: *Sed privati ac separati agri apud eos nihil est neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet.* О Германцахъ вообще: 6,22: *neque quisquam agri modum certum aut finis habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribunt atque anno post alio transire cogunt*). А Тацитъ намъ разказываетъ что каждая сотня получала одну общую лашню, и что эти сто человекъ составляли и на войнѣ одно общее цѣлое, слѣдовательно точь-въ-точь какъ *curia* и *centuria* время Ромула. Такой порядокъ существовалъ нѣкогда у всѣхъ аріискіхъ народовъ; точно также видимъ мы и въ неограниченной отцовской власти учрежденіе первобытное. У Эллиновъ какъ тотъ такъ и другой обычай выказалъ наименьшую стойкость; однако мы находимъ слѣды первоначальнаго общаго поземельнаго владѣнія и у Дорическихъ Спартацевъ; они подвергали свои поля періодическимъ передѣламъ на равныя части, и этимъ очевидно пытались возвратиться къ первоначальному состоянію, которое еще смутно у нихъ оставалось въ памяти. У Индусовъ періодическій передѣлъ общественной земли существуетъ и до настоящаго времени. То же самое видимъ мы и у Афганцевъ. У Бельтовъ общность полей продолжается до сихъ поръ, на примѣръ въ такъ называемыхъ *каанахъ* Шотландіи и Ирландіи. Въ первой изъ

этихъ странъ членъ такой общины называется *хель*, во второй—*керне*. Слѣды общиннаго землевладѣнія встрѣчаются, какъ извѣстно, и во Франціи и въ Швейцаріи. У Славянъ существуетъ неограниченная отцовская власть въ связи съ общиннымъ землевладѣніемъ преимущественно у двухъ племенъ: у Хорватовъ австрійской Военной Границы и у Великоруссовъ; у Малороссовъ же общность поземельнаго имущества уже исчезла. Какъ извѣстно, крестьяне великорусской сельской общины имѣютъ одну общую землю, не принадлежащую никому изъ нихъ въ частности; они выбираютъ изъ своей среды старосту, облеченнаго весьма обширною властью, но исполняющаго свою должность безвозмездно; земля дѣлится на столько частей сколько въ селѣ женатыхъ мужчинъ, и этому раздѣлу подвергается не только лѣсна, но и лѣсъ, и луга, и огороды, причемъ принимаются въ разчетъ и уравниваются качество земли и разстояніе ея отъ двора; вообще же каждая семья имѣетъ право на одинаковый участокъ земли. По истеченіи опредѣленнаго и обыкновенно трехгодичнаго срока всѣ права основанныя на предшествовавшемъ раздѣлѣ прекращаются, выбирается новый староста и производится новый раздѣлъ участковъ. Русскій староста соответствуетъ слѣдовательно римскому *куріону* (*curio*), но можно полагать что русскій староста и русская сельская община снабжены болѣе обширными правами нежели римскія куріи и куріоны. Какъ римскій гражданинъ, такъ и русскій подданный освобождены государственными законами отъ тѣлеснаго наказанія, но староста можетъ, опираясь на большинство голосовъ своей общины, а иногда и на своемъ личномъ усмотрѣніи, нарушать государственные законы отмѣнившіе тѣлесныя наказанія. Для наказанія наложеннаго сельскою общиною, какъ извѣстно, не существуетъ апелляціи и судебная власть вмѣшивается въ дѣла общины только въ случаѣ явнаго преступленія. О бытѣ и правахъ древней римской куріи временъ Ромула намъ ничего не извѣстно, кромѣ выше названнаго *ager centuriatus*, но, на основаніи великорусской сельской общины нашего времени, мы можемъ себѣ составить довольно ясное понятіе о различныхъ условіяхъ названнаго римскаго учрежденія, несмотря на то что насъ отдѣляютъ отъ него два тысячелѣтія и что даже римскіе историки имѣли весьма смутныя понятія о Римѣ временъ Ромула. Древнія римскія куріи, ведущія слѣдовательно свое начало съ доисторическихъ арій

скихъ временъ, исчезли при Сервіи Тулли, у Германцевъ онѣ существовали вѣроятно еще долго послѣ Цезаря и Тацита, у Кельтовъ и Хорватовъ онѣ приняли вѣсколько иной видъ и характеръ, у одного только Великорусскаго народа онѣ сохранились до нашихъ временъ въ полной и первобытной чистотѣ, несмотря на безконечный рядъ столѣтій, несмотря на всѣ религіозныя и политическія перевороты, несмотря на всѣ крестьянскія и судебныя реформы.

Мы видѣли сѣдовательно до сихъ поръ съ какою стойкостью Русскій народъ сумѣлъ удержать различныя древнеарійскія формы какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ своемъ общественномъ быту. Подобныя же примѣры стойкости мы находимъ однако и въ его народной литературѣ.

До Гомера существовало три рода греческой поэзіи, не оставившихъ никакихъ сѣдовъ въ литературѣ древнихъ Эллиновъ; за то мы находимъ аналогичныя виды этой поэзіи у другихъ родственныхъ народовъ арійской семьи. Такъ для самаго перваго и самаго древняго вида, а именно для богослужебной поэзіи, носившей у греческихъ историковъ названіе кивародическаго номоса, представителями которой называются такіе люты-жрецы какъ Хрисоемидъ и Филаммонъ, можно найти параллель въ древнѣйшей богослужебной поэзіи Индусовъ, въ вѣдійскихъ гимнахъ. Для втораго вида до-Гомеровской поэзіи, а именно для эпическихъ κλέα ἀνδρῶν, мы находимъ параллель у одного германскаго племени въ эпическихъ лѣсняхъ древней Эдды. Наконецъ, третій видъ до-Гомеровской поэзіи представляетъ намъ родъ лирики, которая, правда, также стоитъ въ связи съ религіей и культомъ подобно номосу, но за то уже не ограничена въ своемъ исполненіи какимъ-нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ посвященнымъ богослуженію, а принадлежитъ скорѣе къ категоріи свѣтской поэзіи.

Два событія въ человѣческой жизни прославляются лѣснями, по свидѣтельству *Иліады* и *Одиссеи*, *смерть* и *вступленіе въ бракъ*; имъ въ поэзіи соотвѣтствуютъ *похоронныя* и *свадебныя пѣсни*.

Поэмы Гомера даютъ намъ два примѣра похоронной лѣсни въ послѣдней книгѣ *Иліады* и въ послѣдней книгѣ *Одиссеи*. Описаніе въ *Одиссеи* (XXIV, 60) короче. Похоронный плачь о героѣ Ахиллѣ валяется въ уста девяти музамъ, которыя своими звонкими лѣснями наполняютъ влагой всѣ очи

Ахелъ; семнадцать дней и семнадцать ночей продолжались эти жалобы, эти пѣсни и этотъ плачь, пока наконецъ не послѣдовало сожженіе трупа. Гораздо подробнѣе описываются похоронныя пѣсни при погребеніи Гектора въ *Илиадѣ* (XXIV. 720—803). Эта похоронная пѣсня распределена между тремя женщинами: Андромахой, Гекубой и Еленой. Хотя все мѣсто это, по мнѣнію Бергка, прибавлено позднѣйшею рукою, тѣмъ не менѣе оно содержитъ въ себѣ несомнѣнно подлинную древнюю поэзію. Сперва пѣвцы начинаютъ печальными звуками плачевную пѣснь Ἐρῆνος, къ которой затѣмъ присоединяются и женщины: ἐπι δὲ στενάχοντο γυναῖκες. Послѣ этого хороваго Ἐρῆνος'a раздается жалобная пѣснь Андромахи, Гекубы и Елены, которую онѣ поютъ каждая въ свою очередь, и, по окончаніи каждой изъ этихъ трехъ пѣсней, снова поютъ хоромъ всѣ прочія женщины. Очевидно это описаніе похороннаго плача заимствовано изъ живой дѣйствительности: хоровая пѣснь мужинъ, затѣмъ три монодическія жалобы пѣвцовъ отдѣленныя другъ отъ друга хоромъ женщинъ. Я уже разъ имѣлъ случай указать на то что мы здѣсь имѣемъ типъ для формы Ἐρῆνος'овъ въ греческой трагедіи. Очевидно, элическій поэтъ здѣсь ясно сознаетъ что онъ вступаетъ въ область лирики, такъ какъ онъ навѣрно не безъ намѣренія вложилъ въ уста Гекабы 4×3 стиха, притомъ такъ что всякій разъ съ третьимъ стихомъ кончается мысль, и не безъ намѣренія слѣдующая затѣмъ пѣснь Елены построена по совершенно одинаковой схемѣ. Каждая поетъ четыре трехстишія; мы слѣдовательно имѣемъ здѣсь самый древній примѣръ греческой лирики въ *Илиадѣ*. Къ этой же самой категоріи похоронныхъ пѣсней принадлежитъ и такъ-называемый *Λίνος*, который упоминается въ *Илиадѣ* на щитѣ Ахиллеса (XVIII, 570), гдѣ его поетъ при сборѣ винограда подъ звуки кивары одинъ мальчикъ: λίνον δ' ὑπὸ καλὸν αἶειδεν λεπταλή φωνή. *Λίνος* была весьма распространенная жалобная пѣснь которую Геродотъ (II, 79) находитъ и у другихъ народовъ и отъ которой до насъ дошло нѣскольکو стиховъ:

Αἶ, αἶ Λίνε πάσι θεοῖσιν
 Τετιμένε, σοὶ γάρ ἔδωκαν
 Πρώτῳ μέλος ἀνθρώποισιν
 Φω. αἰς λιγυραῖς δέισαι.
 Φοῖβος δὲ κότῳ σ' ἀναιρεῖ,
 Μοῦσαι δὲ σε θρηνησοῦσιν.

Эта печальная пѣснь исполнялась безъ опредѣленнаго повода. У Гомера ее поютъ даже не по случаю чьей-либо смерти, а напротивъ того, во время веселаго винограднаго сбора хоръ сопровождаетъ поющего мальчика радостнымъ пѣніемъ, ликованіемъ и пляской. Но мы знаемъ что и на веселомъ праздникѣ на человѣка иной разъ находятъ грустное настроеніе. Даже въ наше время народъ среди веселья обращается вдругъ къ весьма грустнымъ пѣснямъ. Прекрасный отрокъ Лявъ, похищенный Фебомъ, почитаемый людьми и оплакиваемый Музами, представляетъ намъ въ сущности олицетвореніе льва, синій цвѣтъ котораго красивѣе всѣхъ прочихъ весеннихъ цвѣтовъ. Прекрасный весенній отрокъ Лявъ лишь короткое время живетъ въ цвѣтущемъ счастьи, скоро его топятъ въ водѣ, жгутъ на солнцѣ, подвергаютъ ужаснѣйшимъ пыткамъ до тѣхъ поръ пока онъ снова не воскресаетъ въ видѣ благаго полотна. Старинная греческая пѣснь оплакивавшая смерть прекраснаго Льва не представляетъ намъ настоящаго *ἔρνος*, а скорѣе поэтическое изліаніе горя о бренности и непостоянствѣ всего прекраснаго.

Въ *Иліадѣ* же мы встрѣчаемъ короткія упоминанія о *свадебной пѣсни* (XVIII. 490.) Именно на щитѣ Ахиллеса изображенъ городъ со свадебнымъ праздничнымъ лиромъ. При сіяніи факеловъ, молодыхъ невестъ ведутъ черезъ городъ; громко раздается свадебная пѣснь, сопровождаемая свирѣлями, формингами, подъ звуки которыхъ юноши предаются пляскѣ. За то въ позднѣйшей лирической поэзіи всего чаще встрѣчаются *гимены* и *эпикалми*. Особенною славою пользовались свадебныя пѣсни Салфо, которыя дошли до насъ въ отдѣльныхъ безсвязныхъ стихахъ. Къ счастью Катудалъ сдѣлалъ попытку передать въ свободномъ переводѣ Салфической гименѣй въ своей 62 пѣснѣ. Рядомъ съ этою греческою свадебною пѣсней онъ изобразилъ намъ въ своей 61 одѣ національную римскую свадебную пѣснь, которая служить намъ главнымъ источникомъ для изученія римскихъ брачныхъ обрядовъ.

Кромѣ вышесказанныхъ остатковъ древняя похоронная и свадебная лирика Грековъ для насъ утрачена, такъ какъ *ἔρνος* греческихъ буколикъ едва содержатъ какія-нибудь первобытныя черты, а представляютъ намъ скорѣе обращикъ лоблекшей александрійской поэзіи.

Въ неимоверно богатой лирикѣ Русскаго народа занима-

ютъ какъ извѣстно самое видное мѣсто похоронныя и свадебныя пѣсни. О первыхъ въ послѣднее время писали А. Н. Веселовскій (*Russ. Revue*, Bd. III) о вторыхъ I. Гросличъ (тамъ же Bd. VI). Римскіе и греческіе свадебные обряды, состоявшіе въ тѣсной связи съ поклоненіемъ хтоническимъ божествамъ, имѣютъ свою основу еще въ древне-арійскомъ мірѣ, какъ это доказалъ Россбахъ изъ сравненія римскихъ свадебныхъ обрядовъ съ индусскими, греческими и древне-германскими. (Россбахъ: *Исслѣдованія о римскомъ бракѣ.*) Жаль что этотъ ученый не былъ знакомъ съ формами и обычаями русской свадьбы и съ сопровождающими ее пѣснями. Въ этомъ случаѣ Россія представила бы самое лучшее доказательство для опредѣленія древне-арійской основы въ римскихъ свадебныхъ обрядахъ.

Особенно высокій интересъ представляетъ намъ та часть русской сельской свадьбы которая извѣстна подъ именемъ *дѣвишника*. Это тотъ самый актъ свадебной драмы который у Россбаха происходитъ въ родительскомъ домѣ невесты и на который указываетъ Катулъ въ ст. 31—75 своей 61 пѣсни. И вторая свадебная пѣснь Катулъ, возвращаясь въ кругу греческаго міросозерцанія, представляетъ намъ много параллельныхъ мѣстъ, чего мы и въ правѣ были ожидать при тождественности брачнаго обряда у арійскихъ народовъ.

Дѣвишникъ, какъ извѣстно, послѣдній вечеръ проводимый невестой въ родительскомъ домѣ. Ея товарки, подружки, называемыя Катулломъ *integrae virgines*, собиравшіяся у нея каждый вечеръ со дня обрученія, отлучаютъ ее изъ своего круга для передачи жениху, *novus maritus*. Русскій крестьянскій бытъ сохранилъ изъ первобытнаго арійскаго времени въ полной жизненной свѣжести и естественности тѣ черты которыя у Катулъ на первый взглядъ имѣютъ видъ чрезмерной повѣстической гиперболы, въ особенности этотъ страхъ жалоба плачущей невесты, съ ужасомъ думающей о томъ какъ ее силой разлучаютъ съ милыми родными и отдадутъ чужому человѣку какъ лѣвяницу врагу:

Natam complexu avellere matris,
Complexu matris retinentem avellere natam,
Et juveni ardenti castam donare puellam;
Quid faciunt hostes capta crudelius urbe?

Тѣ же самыя черты древне-римскаго свадебнаго обряда вызвали сказаніе о похищеніи Сабиянокъ и составляютъ

въ иудейскомъ законѣ Ману лятую форму вступленія въ бракъ, которая совершается похищеніемъ (уводомъ) и называется бракомъ *raptus*. Вотъ почему въ русской сельской свадьбѣ со дня обрученія подружки невесты, *innuptae virginis*, собираются каждый вечеръ какъ бы для охраны невесты, шьютъ на нее одежду и за шитьемъ поютъ жалобныя пѣсни, которыя невеста сопровождаетъ то тихимъ плачемъ, то громкимъ рыданіемъ; подружки стараются успокоить и утѣшить ее; какъ и у Катудла онѣ говорятъ: *flere desine*. Русскую свадьбу можно прямо назвать музыкальною драмой, состоящею изъ нѣсколькихъ дѣйствій съ разнообразными хоровыми пѣснями, которыя на дѣвически поются дѣвцами, а въ самый день бракосочетанія дружками жениха. Что касается поэтическаго текста этихъ хоровыхъ пѣсней, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ поэзіей, которая въ эстетическомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ иудо-европейской литературѣ. Правда, мы иногда встречаемъ въ ней мѣста стоящія даже ниже посредственности, вслѣдствіе соединенія часто лотворяющихся поэтическо-риторическихъ фразъ, сдѣлавшихся достояніемъ народной пѣсни; мало того, мы даже встречаемъ нѣкоторыя грубыя черты, наломивающія намъ *locutio fescennina* свадебной пѣсни Катудла, не могущую имѣть притязаній на поэтическое значеніе. То же самое относится и къ русскимъ похороннымъ пѣснямъ. Но за то неизмѣримо велико обиліе русскихъ народныхъ пѣсней, и какъ ничтожно въ сравненіи съ нимъ число тѣхъ пѣсней которыя мы только-что признали посредственными и лишеными поэтическаго достоинства. Поразительно громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсней какъ свадебныхъ и похоронныхъ, такъ и всякихъ другихъ, представляетъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, вѣчной поэзіи, чисто поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму что литературная эстетика, принявъ разъ русскую народную пѣсню въ кругъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій, непременно назначить ей безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земнаго шара. И нѣмецкая народная пѣсню представляетъ намъ много прекраснаго, задушевнаго и глубоко прочувствованнаго, но какъ узко теченіе этой пѣсни въ сравненіи съ широкимъ потокомъ русской народной лирики, которая не менѣе нѣмецкой поражаетъ

наше впечатлѣніе, но за то далеко превосходить ее своею несравненною законченностью формы. Развѣ русская народная лирика не создала себѣ собственнаго, опредѣленнаго канона поэтической риторики, который въ результатѣ приводитъ насъ къ тѣмъ же тропамъ и фигурамъ которыя выработала себѣ искусственная поэтика и риторика Грековъ? Едва ли можно найти въ канонѣ составленномъ греческими риториками на основаніи ихъ поэтической и риторической литературы хоть одну фигуру для которой мы не могли бы найти многочисленныхъ примѣровъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ этомъ мы видимъ явное доказательство высокаго поэтическаго дарованія Русскаго народа. Философія исторіи имѣетъ полное право вывести изъ этого дарованія самыя свѣтлыя заключенія для будущности русской исторіи. Не только русскій крестьянинъ наслаждается своими пѣснями, но и образованный русскій человѣкъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, ощущаетъ невыразимое, глубокое чувство наслажденія при первыхъ звукахъ или словахъ своей родной національной пѣсни, тогда какъ въ Германіи люди какъ Арнимъ и Brentano должны были пробудить искусственнымъ образомъ любовь къ народной пѣснѣ. Русскій народъ, повидимому, съ самаго начала своего существованія во всѣхъ своихъ сословіяхъ выросъ среди магическаго обаянія этихъ народныхъ пѣсней. Онѣ носятъ на себѣ несомнѣнную печать первобытной старины, хотя текстъ ихъ въ теченіи времени подвергся многимъ, разнообразнымъ измѣненіямъ. Даже теперь еще пѣвцы и пѣвицы прибавляютъ къ стариннымъ пѣснямъ свои импровизаціи, но вѣроятно весьма значительный цѣкъ пѣсней несомнѣнно принадлежитъ самой глубокой старинѣ, и болѣе подробное изученіе, такъ сказать филологія русской народной поэзіи навѣрное найдетъ критерій для распознаванія и отдѣленія болѣе древняго текста отъ позднѣйшаго. Лучшее ядро русскихъ свадебныхъ и похоронныхъ пѣсней отличается такою древностью что онѣ стоятъ на одной ступени съ самыми ранними произведеніями древне-арійской народной поэзіи, о которыхъ до насъ дошли извѣстія только благодаря Гомеру, то-есть съ гимнеями и *ᾠρῳσῶσι* Греческаго народа. Кто вмѣстѣ съ нами прослѣдилъ тѣ многочисленныя характеристическія черты который русскій, въ особенности сельскій народъ, сохранилъ съ безпримѣрнымъ постоянствомъ цѣлыя тысячелѣтія отъ

древне-арійскаго до нашего времени въ своемъ языкѣ, въ своихъ семейныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, которыя мы попытались перечислить въ первой части нашей статьи, тому конечно не покажется страннымъ то положеніе и значеніе которое мы приписываемъ народной лѣснѣ русскихъ крестьянъ.

Никогда не было и вѣдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ поэзіи или музыки о ритмикѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе какъ приложивъ къ ней мѣрило греческой ритмики. Народъ Эллиновъ отличается въ исторіи искусства именно тѣмъ что у него какъ пластика, такъ и ритмика доведены до такой неизмѣримо высокой степени совершенства что все позднѣйшее искусство должно обращаться въ этомъ отношеніи ко Грекамъ, какъ къ учителямъ, отъ которыхъ оно далеко еще не всему научилось. Какъ ритмика, такъ и пластика находятся во взаимной связи между собой; мы можемъ сказать что онѣ представляютъ собой одинъ и тотъ же моментъ, но только въ двухъ различныхъ искусствахъ, отличающихся особою природою и сущностью своихъ произведеній.

Грекамъ также принадлежитъ раздѣленіе искусствъ по сущности ихъ произведеній, а именно раздѣленіе на образовательныя и на музыкальскія искусства, или какъ говорятъ сами Греки на τέχνη ἀποτελεστικά, къ которымъ принадлежитъ пластика, архитектура и живопись, и на τέχνη μουσικά, заключающія въ себѣ поэзію, музыку и оркестрику. Эта вторая художественная триада носитъ также имя практикѣ τέχνη, то-есть активныя искусства, такъ какъ, по объясненію древнихъ, художественныя произведенія ваянія, архитектуры и живописи разъ навсегда принимаютъ свой окончательный видъ вслѣдствіе творческаго акта художника и разъ навсегда создаются для наслажденія зрителя (поэтому и има этихъ искусствъ ἀποτελεστικά), тогда какъ художественныя произведенія поэзіи, музыки и оркестрики нуждаются не только въ творческомъ актѣ художника, но еще въ дѣятельности, въ представленіи или исполненіи актера, пѣвца, виртуоза или танцора для того чтобы произвести художественное наслажденіе въ зрителѣ или слушателѣ и это-то исполненіе и подразумѣвается подъ понятіемъ πρῶτα въ названіи практикѣ τέχνη. И дѣйствительно слова какого-нибудь стихотворенія можно, правда, понять и посредствомъ чтенія, точно также

какъ опытный музыкантъ можетъ создать въ своемъ воображеніи звуки посредствомъ чтенія нотъ или партитуръ, но во всякомъ случаѣ наслажденіе поэзіей и музыкой дѣлается гораздо интензивнѣе благодаря живой рѣчи декламатора, ролсода или актера, благодаря живымъ звукамъ пѣвца или виртуоза, чѣмъ посредствомъ простаго беззвучнаго чтенія словъ и нотъ.

Эта система искусствъ, передаваемая намъ древними Греками (ее можно прослѣдить до Луція Таррсакаго, во всякомъ случаѣ она принадлежитъ школѣ великаго перипатетика), эта система, говорю я, гораздо вѣрнѣе чѣмъ всѣ системы искусствъ составленныя новѣйшими философами и эстетиками: Гегелемъ, Ф. Э. Фишеромъ и др. Она основана на томъ что прекрасное представляется художникомъ или въ покоѣ пространства, или въ движеніи времени; поэтому можно также назвать ваяніе, архитектуру и живопись искусствами покоя и пространства, а поэзію, музыку и оркестрику—искусствами движенія и времени.

Къ этому относится то что называется *пластичностью* въ искусствѣ и то что мы называемъ *ритмомъ*; ритмъ однимъ словомъ можно опредѣлить какъ *внятный для слушателя порядокъ въ отдѣлахъ времени, наполненного какими-нибудь музыкальнымъ произведеніемъ искусства*.

Такъ какъ ритмика была такимъ важнымъ элементомъ въ искусствѣ древнихъ, то весьма естественно что одни Греки составили вполне законченную теорію ритма. Составитель этой теоріи принадлежитъ также къ школѣ Аристотеля, это—Тарентинецъ Аристоксень, непосредственный ученикъ Аристотеля и товарищъ по ученію Александра Великаго. Теоретики нашей новой музыки обратили такое неуклонное вниманіе на гармоническую часть музыки что почти упустили изъ виду ритмическую ея часть; Ж. Ж. Руссо хотя и занялся съ большимъ стараніемъ изученіемъ ритмическаго элемента въ музыкѣ, но добытые имъ результаты и сравнить нельзя съ тѣмъ что ученикъ великаго Аристотеля создалъ для ритмики.

Исходная точка Аристоксена заключается въ *единствѣ ритма музыкальнаго и ритма поэтическаго*. Какъ поэтическія слова текста, такъ и звуки музыки Аристоксень называетъ *ритмическими*, то-есть матеріаломъ способнымъ подчиниться ритму. Природа различіе словъ и звуковъ обуслов-

ливаеть, конечно, и различіе ритмической формаціи, но основныя ритмическія формы тождественны какъ для поэзіи, такъ и для музыки.

Эти основныя формы составляютъ именно то что мы должны назвать ритмическими отдѣлами времени, въ которыхъ проявляется, какъ говоритъ Аристоксенъ, τῆς χρόνων. Этихъ формъ всего четыре, причеъ онѣ другъ другу подчинены, такъ что самый большой ритмическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные; мы называемъ эти четыре формы, начиная съ самой меньшей: 1) *стопой*, 2) *стихомъ* или *колоннѣ*, * 3) *періодомъ*, 4) *системой* или *строфой*.

Эти четыре ритмическіе отдѣла принадлежатъ, какъ мы уже сказали, поэзіи, лѣвию и инструментальной музыкѣ. Главное отличіе ритма нашей поэзіи отъ ритма вокальной и инструментальной музыки относится къ той формѣ ритмическихъ отдѣловъ которую мы назвали стопами. Это отличіе мы должны непремѣнно уяснить себѣ, тѣмъ болѣе что послѣдняя статья г. Шафранова о размѣрѣ русской народной лѣви (въ Ж. М. Н. Пр.), вслѣдствіе своей неясности именно въ этомъ отношеніи, не могла достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ и должна считаться неудавшеюся.

Такъ какъ стопа принадлежитъ къ тѣмъ ритмическимъ отдѣламъ въ которыхъ, какъ говоритъ Аристоксенъ, проявляется τῆς χρόνων, то очевидно необходимо чтобы стопа и ея части имѣли опредѣленную мѣру времени, и предѣлы этого времени, какъ нарочно упоминаетъ о томъ Аристоксенъ, должны ясно быть слышными; а этого мы можемъ достигнуть только тѣмъ что одной изъ принадлежащихъ стопѣ временныхъ частей придадимъ болѣе сильное напряженіе голоса; напряженіе это мы, новѣйшіе, называемъ *ритмическимъ акцентомъ*.

Въ поэзіи мы ясно различаемъ акцентированную часть стопы, или повышеніе, отъ неакцентированной, или отъ пониженія. Но при декламации трудно, можетъ-быть невозможно, назначить опредѣленную мѣру времени для этихъ двухъ ритмическихъ отдѣловъ; мы уже удовлетворены если стихъ, или если періодъ содержитъ въ себѣ опредѣленное число

* Такъ мы передаемъ по примѣру г. Шафранова (Ж. М. Н. П. 1878, ноябрь) греческій терминъ κῶλον, хотя, если не ошибаемся, κῶλονъ въ русскомъ народномъ лѣвии называется кѣто иное.

ясно слышимыхъ повышеній, сколько же времени тратится на произношеніе каждаго изъ нихъ, на это мы не обращаемъ вниманія. Мы охотно допускаемъ и даже видимъ особое преимущество выразительной и изящной декламациі, если декламаторъ больше останавливается на такихъ слогахъ которые особенно важны для логического смысла (все равно, посредствомъ ли болѣе протяжнаго произношенія, или посредствомъ паузы), и для насъ совершенно безразлично, въ какихъ мѣстахъ являются эти паузы, въ концѣ ли стопы и стиха, или въ ихъ серединѣ. Но какъ скоро поэзія поется въ вокальной музыкѣ, то продолжительность повышеній и пониженій * подчинены опредѣленной мѣрѣ времени, и встрѣчающіяся тутъ паузы составляютъ неотъемлемую составную часть ритма.

Въ числѣ родственныхъ намъ языковъ есть четыре такихъ которые регулируютъ слоги каждой стопы сообразно ихъ количеству, то-есть по существующему въ языкѣ различію долгихъ и краткихъ слоговъ. Этими они придаютъ, правда, стопѣ опредѣленную мѣру времени, основанную на природномъ качествѣ слоговъ, но по отношенію къ ритмическому акценту, принадлежащему стопѣ, мы встрѣчаемъ въ этихъ языкахъ полную независимость отъ какой бы то ни было особенности языка, напримѣръ независимость отъ *этимологическаго акцента*, который въ другихъ языкахъ сдѣлался носителемъ ритмическаго ударенія.

Эти четыре языка одни только имѣютъ количественную поэзію въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это: 1) греческій языкъ, поэзія котораго съ самаго начала была поэзіей количественною, 2) латинскій языкъ, поэзія котораго сдѣлалась количественною лишь вслѣдствіе подражанія греческой поэзіи, тогда какъ первоначально она не имѣла этой особенности, 3) санскритскій языкъ, поэзія котораго въ вѣдійскій періодъ употребляетъ количественный слоговой принципъ лишь для конца стиховъ, а въ позднѣйшее время, подобно греческому языку, проводитъ этотъ принципъ по всѣмъ частямъ стиховъ; наконецъ, четвертый языкъ, персидскій, имѣетъ количественную поэзію начиная съ десятаго христіанскаго вѣка

* Разумѣется, эти термины слѣдуетъ понимать не въ строгомузыкальномъ смыслѣ, въ которомъ эти части такта было бы вѣрнѣе назвать сильными и слабыми. *Примѣч. переводчика.*

и до нашихъ времявъ. Для персидскаго стихосложенія, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія арабская поэзія, но связь между греческими и персидскими размѣрами довольно очевидна. Изъ всѣхъ четырнадцати размѣровъ которыми пользуется поэтъ Гафизъ, лишь одинъ можетъ-быть арабскаго происхожденія, тогда какъ двѣнадцать навѣрно заимствованы у Грековъ, такъ какъ они въ этомъ именно видѣ находятся въ метрическомъ руководствѣ Александринаца Гепестіона; я уже имѣлъ случай доказать это въ своей греческой метрикѣ, замѣтивъ тамъ же что для времявъ Гассанидовъ нужно предположить тѣсное знакомство Персовъ съ греческимъ искусствомъ, а слѣдовательно и съ греческою поэзіей и метрикой.

Но для нашей цѣли вопросъ о томъ какимъ образомъ Персы и Индусы дошли до своей количественной поэзіи не имѣеть особой важности; у Грековъ же появленіе клицественной поэзіи несомнѣнно имѣеть свое основаніе въ тѣсной связи существовавшей между поэзіей и музыкой: у Грековъ съ самаго начала поэзія была назначена для лѣннія и поэтому греческая стопа съ самаго начала имѣла опредѣленную мѣру времени.

Существуетъ четыре рода стопъ, отличающихся другъ отъ друга всею продолжительностію: *дактилическая стопа* или четырехвременная (тетράσημος), какъ ее называетъ Аристоксенъ, *трохаическая* или трехвременная (τρίσημος), *пэоническая* или лятивременная (πεντάσημος) и наконецъ *ионическая* или шестивременная стопа (ἑξάσημος).

Каждая изъ этихъ трехъ, четырехъ, пяти или шести мѣръ или времявъ называется въ системѣ Аристоксена χρόνος πρῶτος (первоначальное или основное время). Въ поэзіи этотъ χρόνος πρῶτος проявляется въ видѣ короткаго слога; время которое онъ занимаетъ въ музическомъ искусствѣ Грековъ—недѣлимо: его мѣсто слѣдовательно не могутъ занять ни два слога, ни два звука, ни два знака (σημεῖα) орхестики; онъ представляетъ собою самую малую частицу времени и потому именно и называется χρόνος πρῶτος. Ритмика Аристоксена, полагая въ свое основаніе этотъ χρόνος πρῶτος, получаетъ удивительную ясность и наглядность. Одинъ слогъ обнимающій нѣсколько первоначальныхъ времявъ называется у Аристоксена χρόνος σύνθετος. Когда Мендельсонъ писалъ свою музыку къ *Антигонъ*, онъ думалъ что поступалъ совершенно въ духѣ

древнихъ Грековъ, придавая каждому слогу только по одному звуку, и Готфридъ Германъ съ Августомъ Бэкомъ поэтому именно и привѣтствовали *Антигону Мендельсона* какъ музыку написанную въ чисто греческомъ вкусѣ, но это было ошибкой Мендельсона и его друзей-филологовъ: мы навѣрное знаемъ изъ свидѣтельства Аристоксена и согласно съ нимъ также изъ остатковъ греческихъ мелодій какъ напримѣръ изъ гимна Месомеда, что греческая музыка, подобно нашей, съ охотою соединяла нѣсколько звуковъ подъ однимъ и тотъ же слогъ, лишь бы только этотъ слогъ не былъ кратокъ то-есть не былъ основнымъ временемъ.

Такъ какъ это основное время служило единицей ритмической мѣры, то по числу его называлась не только стопа, но и весь стихъ или колѣно. Каждая отдѣльная стопа, по Аристоксену, представляетъ намъ простой тактъ (*πρὸς ἄσυνθετος*) но стихъ или колѣно состоящій изъ нѣсколькихъ стопъ называется у него составнымъ тактомъ (*πρὸς σύνθετος*). Такъ напримѣръ дактилическая тетраподія, состоящая изъ четырехъ дактилическихъ стопъ, — *υυ—υυ—υυ—υυ*, называется 16-временнымъ дактилическимъ тактомъ (*πρὸς ἑκκαίδεκάσημος δακτυλικός*).

Ученіе о тактахъ Аристоксена, благодаря этому, получаетъ совершенно прозрачную ясность, тогда какъ современное ученіе не обладаетъ этимъ преимуществомъ; и именно то что древніе называли *χρόνος πρῶτος* въ новѣйшей музыкѣ выражается то $\frac{1}{16}$ ноты, то $\frac{1}{8}$, то $\frac{1}{4}$, причемъ основанія для предпочтенія того или другаго способа выраженія въ высшей степени сбивчивы и произвольны.

Изъ композиторовъ христіанской новой музыки великій І. С. Бахъ всего болѣе слѣдуетъ въ своей ритмикѣ тѣмъ нормамъ которыя соблюдались и греческими музыкантами и поэтами и которыя описаны Аристоксеномъ. Музыка Баха не знаетъ только пѣоническаго пятивременнаго размѣра, который вообще не встрѣчается въ новѣйшей музыкѣ; кромѣ этого размѣра едва ли существуетъ какая-нибудь форма греческой ритмики которой не воспроизвелъ бы и Бахъ. Моцартъ и Бетховенъ, какъ ритмики, въ сравненіи съ Бахомъ довольно бѣдны. Бахъ умѣетъ обращаться и съ ритмическою формой ямбическаго триметра и притомъ съ точностью соблюдаетъ употребленныя здѣсь Греками цезуры. Но Бахъ, очевидно, не заимствовалъ своихъ ритмическихъ формъ у

древнихъ Грековъ, которыя ему совершенно не были знакомы: вѣтъ, его душѣ присуще было то же самое ритмическое чувство побуждавшее его къ тѣмъ же самымъ произведеніямъ искусства какія во время оно творили греческіе представители ритмическаго искусства. Малѣйшія частныя совпаденія греческой ритмики съ ритмикой Баха поистинѣ поразительны. Величайшую важность представляетъ при этомъ та особенность что Бахъ въ своихъ фугахъ для фортепіано и для органа, принадлежащихъ къ самымъ изящнымъ его твореніямъ, соблюдалъ тотъ строгій законъ Грековъ который требовалъ недѣлимости основнаго времени; Бахъ позволяетъ себѣ отступленіе отъ этого закона лишь для особыхъ звуковыхъ эффектовъ.

Сходство существующее между Бахомъ и древними, объясняющееся лишь сходствомъ генія, граничитъ почти съ чудомъ; но еще поразительнѣе покажется всѣмъ интересующимся музыкой фактъ касающійся Россіи,—фактъ который является результатомъ собранія русскихъ народныхъ лѣсенъ въ изданіи Юлія Николаевича Мельгунова. Благодаря этому изданію, музыка русскихъ народныхъ лѣсенъ будетъ имѣть неизмѣримо важное значеніе какъ вслѣдствіе ритма самихъ мелодій, такъ и въ особенности вслѣдствіе ихъ особой самобытнѣй гармонизаціи, не созданной на почвѣ какой бы то ни было гармонической доктрины. Такихъ гармоній мы не встрѣчаемъ ни у одного народа. Понять ихъ—дѣло акустики и основаннаго на акустикѣ природнаго свойства скалы; что же касается ритмическихъ формъ этихъ народныхъ лѣсенъ, то это, такъ-сказать, для насъ старые знакомые изъ ритмики Грековъ и Баховыхъ фугъ.

Кто находитъ въ Мендельсоновской *Антигонѣ* идеалъ музыки и ритмики въ греческомъ вкусѣ, тому русскія народныя лѣсны представляются совершеннымъ контрастомъ греческихъ лѣсенъ, такъ какъ довольно часто одинъ и тотъ же слогъ растягивается на нѣсколько звуковъ. Но мы уже замѣтили что это вовсе не противорѣчитъ греческому вкусу; греческій законъ требуетъ только чтобъ основное время постоянно оставалось недѣлимымъ. А именно относительно основнаго времени и всѣхъ вытекающихъ отсюда особенностей, ни одна музыка, кромѣ Баховыхъ фугъ, не подходитъ такъ близко къ греческой, какъ русская народная лѣсня.

Собственно говоря, всякая музыка, какал бы она ни была,

тогда лишь доступна нашему пониманію въ своей ритмической формации, если мы поставимъ единицей ея мѣры греческій *χρόνος πρῶτος*. Это относится и къ музыкѣ Моцарта, Бетховена, къ нововой италіанской и даже къ музыкѣ Вагнера. Но ни въ одной изъ этихъ музыкъ мы не видимъ чтобы соблюдался законъ недѣлимости основнаго времени, благодаря которому музыка только и можетъ получить характеръ цѣломудренной сдержанности. Нѣмецкая лѣсня, которой обыкновенно любятъ приписывать это свойство, ничего не знаетъ о соблюденіи этого древняго закона и не знала о немъ уже въ XIII и XIV столѣтіи, какъ это ясно можно видѣть изъ мелодій Тангейзера и другихъ миннезэнгеровъ которыя хранятся въ драгоценной рукописи Іенской бібліотеки. Единственно этой особенності, состоящей въ недѣлимости основнаго времени, мы обязаны ясной прозрачностью ритма русской народной музыки.

Иностранцы, даже довольно образованные музыканты, ничего не знаютъ и не хотятъ знать о ясности русской народной ритмики, и ни за что не рѣшаются признать за ней эту славу. Теперь, по изданіи сборника г. Мельгунова, господствующее мнѣніе ихъ объ этомъ предметѣ, вѣроятно, измѣнится. Пока русскія народныя лѣсни были извѣстны только по своимъ налѣвамъ, произвольно гармонизованнымъ самими издателями, до тѣхъ поръ было весьма трудно уяснить себѣ опредѣленнымъ образомъ предѣлы ихъ ритмическихъ частей. Для различенія этихъ частей необходимо было именно знаніе свойственной Русскому народу подлинной, самобытной гармонизаціи этихъ налѣвовъ. Съ помощью этой гармонизаціи теперь можно легко и безошибочно опредѣлить границы каждаго ритмическаго отдѣла, каждаго колѣна и пр.; благодаря гармонизаціи, мы можемъ ясно различить, принадлежитъ ли часть какого-нибудь такта къ предыдущему колѣну, или же мы должны видѣть въ ней начало новаго. Но для того чтобы освоиться съ ритмомъ русскихъ народныхъ налѣвовъ, необходимо еще вѣчто иное. Ритмы этихъ налѣвовъ слишкомъ отдалены отъ ритмовъ Западной Европы и такъ чужды уху привыкшему къ ритму италіанской, нѣмецкой и французской оперы что они представляются ему чѣмъ-то неловкатымъ и страннымъ. Для того чтобы ихъ понять, необходимо приблизиться къ нимъ съ готовыми схемами греческой и отчасти Баховой ритмики. Кто близко знакомъ съ

этими ритмическими схемами, тотъ всегда легко отыщеть форму къ которой подходятъ русскія народныя лѣсны по своему ритму, и тотъ никогда не найдетъ ихъ странными, веритмическими, а напротивъ того встрѣтитъ въ нихъ лишь прекрасную, пріятную и вполне удовлетворяющую музыку. Вѣдь такъ бываетъ это и въ другихъ искусствахъ. Художественнымъ произведеніемъ пластики можетъ наслаждаться только тотъ у кого нѣтъ недостатка въ соотвѣтствующей научной подготовкѣ; въ противномъ случаѣ онъ останется равнодушнымъ предъ памятникомъ пластическаго искусства, еслибы даже онъ былъ произведеніемъ Фидіевой школы.

Качество столь изъ которыхъ составлены колѣна музыкальнаго произведенія обуславливаетъ родъ ритма (*γένος ῥυθμικόν*) каждаго сочиненія. Современная музыка знаетъ не четыре рода ритма, какъ греческая, а всего три: дактилическій, трохаическій и юнический. Въ первомъ столы четырехвременныя, во второмъ трехвременныя, въ третьемъ шеставременныя. Какъ въ западной музыкѣ, такъ и въ русской народной лѣснѣ дактилическій родъ самый употребительный. Простейшая и древнѣйшая строфа во всѣхъ родахъ ритма у всѣхъ народовъ двухстишная (дистихическая). Она содержитъ въ себѣ четыре колѣна изъ которыхъ каждыя два составляютъ высшую тоическую и ритмическую единицу; мы называемъ ее по примѣру древнѣйшихъ греческихъ техниковъ періодомъ. По числу колѣнъ періодъ бываетъ двухчленный, трехчленный (колѣнный) и т. д.: *περίοδος*, *δίκλωος*, *τρίκλωος*, *τετράκλωος*. Въ двухколѣнномъ періодѣ первое колѣно называлось у древнихъ *κῆλον ἀριστερόν*, то-есть лѣвое колѣно, а второе — *κῆλον δεξιόν*, то-есть правое колѣно. Въ первомъ колѣнѣ періода тоны отъ начала къ концу усиливаются, во второмъ наоборотъ, отъ начала къ концу слабѣютъ. Первому колѣну свойственно *crescendo*, второму — *diminuendo*. Ту же разницу (*crescendo* и *diminuendo*) мы замѣчаемъ при произношеніи и въ грамматическомъ періодѣ, состоящемъ изъ предыдущаго (*protasis*) и послѣдующаго (*apodosis*). * Поэтому выраженія *предыдущее*, или *protasis*, и *послѣдующее*, или *apodosis*, можно примѣнять и къ колѣнамъ музыкальнаго періода.

Древнѣйшая поэзія и музыка всѣхъ народовъ соединяетъ

* Эти двѣ части періода и въ грамматикѣ называются иногда *повышеніемъ* и *пониженіемъ*

по два періода, состоящихъ изъ предыдущаго и послѣдующаго, въ одну двустихиую систему, по окончаніи которой налѣвъ повторяется. Эти повторяющіяся системы называются строфой и антистрофой. Простѣйшій складъ состоитъ въ томъ что всѣ строфы стихотворенія отъ первой до послѣдней по налѣву тождественны. Это такъ-называемыя монострофическія лѣсны (форма монострофіка). Такъ были построены древнѣйшія стихотворенія у Грековъ, а именно каждая система составляла, какъ сказано, строфу, состоящую изъ двухъ періодовъ. Древнѣйшимъ періодомъ въ дактилическомъ родѣ ритма былъ у Грековъ такъ-называемый ἑξάμετρον δακτυλικόν, состоящій изъ шести четырехъвременныхъ стопъ, по три въ колѣнѣ. Въ гексаметрѣ первое колѣно было дактилическое, второе анапестическое, что представляло въ поэзіи слѣдующую слоговую схему:

$$- \cup \cup - \cup \cup - | \cup \cup - \cup \cup - \cup \cup -$$

или

$$- \cup \cup - \cup \cup - \cup | \cup - \cup \cup - \cup \cup -$$

Слѣдующій за этимъ стихомъ второй періодъ двустихиой строфы со времени стихотворцевъ Каллима и Архилоха получаетъ обыкновенно особенный видъ по слѣдующей слоговой схемѣ:

$$- \cup \cup - \cup \cup - | - \cup \cup - \cup \cup -$$

то-есть во второмъ періодѣ двустихиой строфы въ концѣ каждаго колѣна выдерживается двухъвременная пауза. Второй періодъ на дѣлѣ тоже гексаметръ, какъ и первый, только ἑξάμετρον δικατάληκτον, то-есть гексаметръ съ двумя паузами или каталексами, но позже этотъ второй періодъ стали неправильно называть не гексаметромъ, а пентаметромъ, а вся строфа изъ двухъ періодовъ называется элегическимъ двустихіемъ (дистихомъ). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ что во время доисторическое, предшествующее древнѣйшимъ памятникамъ греческой поэзіи, оба періода древней дактилической строфы были въ метрическомъ отношеніи одинаковы, то-есть второй періодъ былъ не дикаталектическій, а точно такой же какъ первый. Поэзія александрійскаго времени возвращается иногда къ этой простѣйшей формѣ дактилическаго двустихія, напримѣръ Θεокритъ 10, 23.

Въ русскихъ народныхъ лѣсняхъ дактилическаго склада дактилическая строфа изъ двухъ гексаметровъ встрѣчается

довольно часто. Мы заимствуемъ изъ сборника г. Меальгунова лѣсню „Ночка, моя ночка, | ночка темная.“ Народная лѣсня, которая вообще любитъ повторенія, образуетъ въ данномъ примѣрѣ дактилическія строфы посредствомъ постоянного повторенія словъ втораго періода, причемъ они становятся первымъ періодомъ сабадующаго двустипія. Въ помѣщенномъ ниже текетѣ тѣ шесть гласныхъ каждаго гексаметрическаго періода, на которыя падаетъ ритмическое удареніе, мы обозначаемъ курсивомъ. Чтобы показать наглядно отаичіе этихъ музыкальныхъ удареній отъ грамматическихъ мы позволяемъ себѣ разставить на словахъ и ихъ грамматическія ударенія.

1. Ночка, мой *ночка*, | *ночка темная*,
ночка темная, | (да) *ночь осенняя*,
2. Ночка *темная*, | (да) *ночь осенняя*,
ночь осенняя, | (да) *не последняя!*
3. Ночь *осенняя*, | (да) *не последняя!*
молодка моя | (да) *молоденькая*,
4. Молодка мой | (да) *молоденькая*,
голова твоя | *побѣдненькая!*
5. Головка твоя | *побѣдненькая*,
не съ кѣмъ мнѣ молодѣть | *мнѣ спать-ночевать*,
6. Не съ кѣмъ мнѣ *молодѣть* | *мнѣ спать-ночевать*,
лягу спать одна | *безъ милая дружка*,
7. Лягу спать одна | *безъ милая дружка*,
безъ милая дружка | *обулаа грусть-тоска*,
8. Безъ милая дружка | *обулаа грусть-тоска*,
грусть-тоска беретъ: | *далеко милой живѣтъ*,
9. Грусть-тоска беретъ: | *далеко милой живѣтъ*,
далеко далече— | *на той сторонѣ*,
10. Далече далече— | *на той сторонѣ*,
на той на сторонѣ, | *не бауко ко мнѣ*,
11. На той на сторонѣ, | *не бауко ко мнѣ*.
идѣтъ мой милой | *тою стороной*,
12. Идѣтъ мой милой | *тою стороной*,
машетъ мой милой | *правою рукой*,
13. Машетъ мой милой | *правою рукой*,
ручкой правою, | *шляпой черною*,
14. Ручкой правою, | *шляпой черною*:
„перейди, сударушка, | *на мою сторонушку*,

15. Перейди, сударушка, | на мой сторонушку^а.
„я бы рада перешла, | да переходу не нашаа;
16. Переходъ нашаа— | жёрдочка тонка,;!
жёрдочка тонка, | да рѣчка гамбока,
17. Жёрдочка тонка, | да рѣчка гамбока,
рѣчка гамбока, | вода холодна,
18. Рѣчка гамбока, | вода холодна.
на этой на рѣчкѣ | купался бобёръ,
19. На этой на рѣчкѣ | купался бобёръ
купался, купался— | не выкупался,
20. Купался, купался— | не выкупался,
не выкупался— | да весь вымарался,
21. Не выкупался— | да весь вымарался,
на горку взомелъ— | отряхивался,
22. На гору взомелъ— | отряхивался,
отряхивался, | охорашивался.
23. Хотятъ бобра бить, | хотятъ застрѣлать,
хотятъ шубу шить, | бобрѣмъ обложитъ.

Легко замѣтить что ритмическія ударенія напѣва плохо согласуются съ грамматическими удареніями текста. Въ послѣднемъ періодѣ третьяго двуступня грамматическія ударенія располагаются такъ:

молодка моя | (да) молоденькая,

а напѣвъ даетъ этимъ словамъ слѣдующія ударенія:

молодка моя | (да) молодецькая.

Только въ послѣднемъ словѣ перваго колѣна каждаго періода нѣтъ противорѣчія между музыкальнымъ и грамматическимъ удареніемъ, но во всѣхъ остальныхъ пяти столпахъ мы его находимъ.

Точно такъ же объемъ четырехвременной стопы независимъ и отъ долготы или краткости слога. Имѣя въ виду только слова логическаго текста, а не напѣвъ, такой размѣръ называютъ обыкновенно трохаическимъ, такъ какъ подъ трохею въ нашей поэзіи, основанной на слоговомъ удареніи (тонической), разумѣется стопа изъ двухъ слоговъ, изъ которыхъ первому придано значеніе тезиса (усиленія) второму — арсиса (ослабленія); у Грековъ же такъ называлось сочетаніе двухвременной долготы съ одновременною краткостью. Въ приведенной нами пѣснѣ первый

изъ двухъ слоговъ представляетъ тезисъ, второй—арсисъ, но въ налѣвѣ одинъ слогъ такъ же долготъ какъ другой—оба въ два времени, и цѣлая стопа должна быть названа четырех-временнымъ слогомъ.

Однако гексаметрическій періодъ нашей лѣси по своему ритмическому качеству не тождественъ съ древнимъ ἑξαμετρον σπονδαίων: онъ не

$$\dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \text{ —}$$

а помимо окончанія, которое въ нашей лѣсѣ является обыкновенно каталектическимъ, стопы по нотамъ налѣва получаютъ слѣдующее колѣно:

$$\dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \text{ — } | \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \dot{-} \text{ — } \text{ —}$$

причемъ стопою $\dot{-} \text{ — } \dot{-}$ въ началѣ cadaго колѣна мы обозначаемъ то что изъ двухъ слоговъ, составляющихъ четырех-временную стопу, первый вдвое долготъ втораго. Для такой стопы мы не находимъ другаго имени кромѣ того, которое встрѣчается и въ ритмикѣ Аристоксеа—τριπλάσιος (трегубая, тройная). Вторая четырехвременная стопа того и другаго колѣна есть такъ-называемый прокелевзматикъ; въ русской народной лѣсѣ онъ происходитъ обыкновенно такимъ образомъ что на первый изъ двухъ слоговъ четырехвременной стопы въ лѣвнн приходятся три первоначальныхъ времени, а на второй—одно (четвертое). Итакъ здѣсь въ русской лѣсѣ мы находимъ то что, какъ было сказано выше, въ терминологіи Аристоксеовой ритмики называется χρόνος σύνθετος (сложное время), то-есть слогъ на который приходится нѣсколько нотъ.

По смыслу словъ Аристоксеа греческій гексаметръ акаталектиченъ, то-есть онъ оканчивается на слогъ имѣющій значеніе арсиса. Напротивъ въ русской лѣсѣ дактилическій гексаметръ часто слагается изъ каталектическихъ колѣвъ, которыя подобно колѣнамъ такъ-называемаго греческаго пентаметра оканчиваются на слогъ стоящій въ тезисѣ. Но при этомъ мѣсто слѣдующее за конечнымъ тезисомъ колѣна выполняется не паузой, какъ въ соответствующемъ греческомъ періодѣ, а однимъ изъ тѣхъ малозначащихъ словечекъ которыя любитъ и русская и всякая народная лѣсна, напримеръ междометіемъ *ага* или старинною, почти ужь только лѣсенною частицей *да*. Бываетъ и такъ что заключитель-

ная гласная первого колѣна стоящая въ тезисѣ повторяется въ началѣ втораго въ качествѣ анакрузы (Anfakt). При помощи такого приѣма, который также относится къ категоріи Аристоксенова χρόνος σύνθετος, равно какъ и посредствомъ вставки словечекъ въ родѣ *ахъ* и *да*, рядомъ съ дактилическимъ колѣномъ образуется аналестическое, и сходство дактилическаго гексаметра русской народной пѣсни съ гексаметромъ греческимъ тѣмъ еще увеличивается, такъ какъ и на послѣдній вслѣдствіе его сѣченія (цезуры) надобно смотрѣть какъ на соединеніе дактилической триподіи съ аналестическою.

Въ видѣ примѣра того же шестистолпаго дактилическаго ритма мы приведемъ народную пѣсню „Во лузяхъ, | во лузяхъ“. И эта пѣсня состоитъ изъ двустихныхъ строфъ, но относительно метрической формы текста эти строфы сильно отличаются отъ разобранныхъ выше двустихій. Первый періодъ начинается постоянно тезисомъ и такимъ образомъ представляетъ размѣръ дактилическій, а оба колѣна втораго періода начинаются аналестическою анакрузой. При этомъ слѣдуетъ замѣтить еще одну особенность обоихъ сходныхъ другъ съ другомъ колѣнъ перваго періода: въ томъ и другомъ на гласную начальнаго слога приходится два музыкальныя или ритмическія ударенія (опять примѣръ Аристоксенова χρόνος σύνθετος). Этотъ случай мы означаемъ удвоеніемъ гласной.

Воо лузяхъ, | воо лузяхъ,
во лузяхъ, во зелѣныхъ лузяхъ, | во лузяхъ, во зелѣныхъ
лузяхъ

2. Разцвѣтай,—разцвѣтай,
разцвѣтай цвѣтѣ лазоревые, | разцвѣтай цвѣтѣ лазоревые,
3. Разпошай,—разпошай,
разпошай духи малиновыя, | разошай духи малиновыя.
4. Ужь я въ тоой травѣ, | ужъ я въ тоой травѣ,
ужъ я въ той травѣ выкормлю коня, | ужъ я въ той травѣ
выкормлю коня,
5. Ужь я выкормлю, | ужъ я выкормлю,
ужъ выкормлю, выглажу его, | ужъ я выкормлю, выглажу его,
6. Поведу, | поведу,
поведу я коня къ бѣтющкѣ, | поведу я коня къ бѣтющкѣ:
7. „Государь, | государь,
государь ты, мой бѣтющка, | государь ты, мой бѣтющка,
8. Тыя прійми,—тыя прійми,
ты прійми-ка слово ласковое, | ты прійми-ка слово ласковое,

9. *Нез отдай, | нез отдай,
не отдай меня за стараго замужъ, | не отдай меня за стара-
го замужъ:*

10. *Я стараго, | я стараго,
ужь я стараго до смѣрти не люблю, | ужь я стараго до смѣрти
не люблю“.*

Съ тѣхъ поръ какъ появился сборникъ г. Мельгунова, существованіе шестистолпныхъ стиховъ дактилическаго ритма въ русской народной пѣснѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (г. Мельгуновъ обозначаетъ этотъ ритмъ по примѣру Баха тактомъ $\frac{3}{4}$). Этотъ фактъ тѣмъ знаменательнѣе что гексаметрическій ритмъ, бывшій въ большемъ ходу у Грековъ, въ новѣйшей музыкѣ Запада можно сказать неизвѣстенъ. Правда, великій Іоаннъ-Себастьянъ Бахъ часто употреблялъ его въ своей инструментальной музыкѣ, но кромѣ этихъ случаевъ едва ли возможно надѣяться найти его въ западной музыкѣ. Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ едва ли могутъ доставить хоть одинъ примѣръ его употребленія. Вокальной музыкѣ онъ былъ бы совершенно чуждъ еслибъ онъ не встрѣчался въ первой аріи Глюковой *Ифигеніи въ Тавридѣ*: здѣсь Глюкъ придалъ довольно длинному мѣсту своего французскаго текста непрерывный трехстолпный дактилическій ритмъ:

*Grands dieux, soyez-nous secourables, | détournez vos
foudres vengeurs,
Tonnez sur les têtes coupables, | l'innocence habite en nos
sœurs,
L'innocence habite en nos sœurs.*

Шесть такихъ пятиколонныхъ системъ слѣдуютъ у Глюка одна за другою. Еслибы Гораціи своей строфѣ

*Diffugere nives, | redeunt iam gramina campis
arboribusque comae*

предпочелъ еще одну гексаметрическую систему, вышелъ бы какъ разъ ритмъ пятиколонной Глюковской строфы. Во всѣхъ прочихъ новѣйшихъ олерахъ Запада нечего искать шестистолпаго дактилическаго ритма. Итакъ западная музыка не обнаруживаетъ почти никакого вкуса къ любимой Греками формѣ. Пѣсня русскаго мужика оказывается и въ этомъ случаѣ болѣе греческою, чѣмъ искусственная музыка Запада. Очевидно здѣсь нѣтъ подражанія греческой ритмикѣ: это только доказательство того что Русскому народу не

чужда та простота и естественность, которая создала у Греков изящную форму гексаметра, тогда какъ ритмическій вкусъ Запада бывалъ относительно этой формы среденъ греческому только въ лицѣ величайшихъ художниковъ.

Гораздо обыкновеннѣе 3-стопныхъ 4-стопныя колѣна. И такія встрѣчаются у древнихъ. Два 4-стопныя колѣна, какъ въ дактилическомъ, такъ и въ трахаическомъ родѣ, образуютъ *περίοδος δίκυλος* (2-колѣнный періодъ), причемъ первое колѣно представляетъ предыдущее (повышеніе), второе—послѣдующее (пониженіе), то и другое въ четыре стопы. Древніе называютъ такой періодъ тетраметромъ, то-есть періодомъ изъ четырехъ дилодій или двустопій. Примѣръ дактилическаго тетраметра:

πέμπει εἰν ὄρι καὶ χερὶ πράκτορι | θούριος ὄρις Τευκρί δ' ἐπ' αἶαν.

Гораздо чаще дактилическихъ попадаются у Грековъ анапестическіе тетраметры, начинающіеся анакрузой.

Русская народная лѣсня въ своихъ стихахъ изъ 4-временныхъ стопъ отдаетъ предпочтеніе тетраметрамъ безъ анакрузы, начинающимся тяжелою частью такта. И здѣсь мы находимъ двустопныя строфы по четыре колѣна въ каждой:

1. Вѣрный нашъ колѣдезь, | вѣрный нашъ глубокій,
а что въ тебѣ водѣ нѣтъ, | а что въ тебѣ водѣ нѣтъ?
2. Ковъ вѣду выливалъ, | ковъ вѣду выпивалъ,
копытами выбивалъ, | копытами выбивалъ.
3. Нашего хозяина,—нашего молодого,
дѣла не случилось, | дѣла не случилось.
4. Уѣхалъ нашъ хозяинъ, | уѣхалъ молодой богатый
въ Рязань городъ погулять, | въ Рязань городъ погулять.
5. Привезетъ нашъ хозяинъ, | привезетъ молодой,
какую-нибудь вѣсточку, | какую-нибудь вѣсточку,
6. Вѣсточку лѣвую, | вѣсточку лѣвую,
Рязанскую ѳмницу, | рязанскую ѳмницу.
7. Рязанскую ѳмницу, | рязанскую ѳмницу
выведу на ѳлицу, | выведу на ѳлицу.

Эти семь строфъ повторяются затѣмъ два раза съ измѣненными именами, и такимъ путемъ здѣсь образуется то что мы вмѣстѣ съ греческими метриками называемъ первою, второю и третьею перикопами (перикопі), по семи двустопныхъ строфъ въ каждой. За этимъ слѣдуетъ въ видѣ заключенія четвертая перикопна въ четыре двустопныя строфы:

1. Рязанскá умница, | рязанска умница,
стеаи мнѣ постеляюшкѣ, | стеаи мнѣ постеляюшкѣ.
2. Питерска(я) умница, | питерска умница,
каади въ изголовьице, | каади въ изголовьице.
3. Московска умница, | московска умница,
сбери мнѣ постеляюшкѣ, | каади мнѣ шаяпушкѣ.
4. Спасибо, дѣвужки, | спасибо, дѣвужки,
на мягкой постеляюшкѣ, | на мягкой постеляюшкѣ.

По тексту 4-временная стопа и въ тетраметрѣ имѣть лишь два вида: или стопа состоитъ изъ двухъ слоговъ и въ такомъ случаѣ соответствуетъ греческому слондею, или она односложна, то-есть одинъ слогъ протягивается до сбѣема цѣлой 4-временной стопы. Последнее особенно употребительно въ конечной стопѣ 4-стопнаго колѣна, но полагается и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ первой стопѣ. Греческими знаками мы могли бы изобразить схему этой двустопной строфы такъ:

$$\begin{array}{c} \bar{\text{—}} \text{—} \text{—} \text{—} \bar{\text{—}} \text{—} | \bar{\text{—}} \text{—} \text{—} \text{—} \bar{\text{—}} \text{—} || \\ \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \bar{\text{—}} | \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \bar{\text{—}} || \end{array}$$

то-есть первый тетраметръ 12-сложный изъ двухъ 6-сложныхъ колѣвъ, а второй—14-сложный изъ двухъ 7-сложныхъ колѣвъ.

Но при распредѣленіи нотъ по слогамъ происходятъ и другія формы четырехвременной стопы, какъ и въ дактилическихъ гексаметрахъ. Кромѣ двухъ приведенныхъ формъ, которыя состоятъ изъ несложныхъ временъ въ Аристоксеновомъ смыслѣ, именно:

1. $\bar{\text{—}}$ односложная стопа.

2. — — слондей,

встрѣчаются еще слѣдующія четыре формы со сложными временами:

3. $\bar{\text{—}} \cup \cup \cup \cup$ прокелевзматикъ.

4. $\text{—} \cup \cup$ дактиль.

5. $\text{—} \cup$ трипласій.

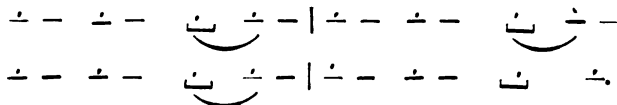
6. $\bar{\text{—}} \cup$ — дактилическій анапестъ.

Четыре послѣднія формы были возможны и въ дактилическомъ тетраметрѣ Грековъ, хотя мы и не можемъ показать на примѣрахъ употребленіе каждаго изъ нихъ, такъ какъ музыка къ такимъ періодамъ у Грековъ не дошла до насъ. Я приведу еще одну народную пѣсню изъ дактилическихъ

четырёхстолныхъ двустихій, въ которой нѣсколько разъ оди́въ сло́въ выходитъ по своему объёму за предѣлы четырёхвременной стопы и такимъ образомъ протягивается изъ одной стопы въ другую.

1. Зелѣная рѣоща | всею ночь шумѣла,
а я молодёзнька | всею ночь не спала,
2. А я молодёзнька | всею ночь не спала,
не спала, не спала, | сидѣла я, прѣла,
3. Не спала, не спала, | сидѣла я, прѣла,
сидѣла я, прѣла, | на меня лѣнь напала,
4. Сидѣла я, прѣла, | на меня лѣнь напала,
напала, напала, | тоска обула,
5. Напала, напала, | тоска обула;
меня въ гости звала | къ сосѣду въ бесѣду,
6. Къ сосѣду во бесѣду, | къ милому на свадьбу.
мой милой хорошій, | бѣлый, кудреватый,
7. Бѣлый кудреватый, | холостъ, не женатый,
на коня садился, | подъ имъ конь бодрится.

Метрическую схему этой двустихной строфы можно изобразить такъ.

Здѣсь мы выразили протяженіе увеличенныхъ долготъ въ начало слѣдующей стопы посредствомъ ѳ' ѳv (соединительнаго знака), который не только въ нашемъ новѣйшемъ нотномъ писъмѣ, но и въ древне-греческомъ означаетъ legato, о чемъ я привелъ необходимыя свѣдѣнія въ свой греческой ритмикѣ и гармоникѣ.

Приведенныхъ примѣровъ шестистолнаго и четырехстолнаго дактилическаго размѣра въ народныхъ пѣсняхъ будетъ на первый разъ довольно. Способъ выраженія столь словами логическаго текста и тонами напѣва для всѣхъ формъ сочиненія въ народныхъ пѣсняхъ тотъ же самый какой обнаружился изъ приложенныхъ примѣровъ. Несомнѣнно то что ни въ одной народной пѣснѣ нельзя пытаться по однимъ словамъ текста опредѣлить размѣръ и ритмъ; если нѣтъ возможности воспользоваться помощью напѣвовъ, опредѣленіе размѣра немислимо. Точно также слѣдуетъ признать что

простая запись пѣтвѣ отнюдь недостаточное подспорье для опредѣленія ритма и что въ этомъ случаѣ никакъ нельзя обойтись безъ знакомства съ гармоніей, происходящею изъ различія между голосами хора. Достаточныя пособія имѣются лишь настолько, насколько появилось изданіе г. Мельгунова, выходящее отдѣльными тетрадами.

Поэтому я еще не рѣшаюсь высказать свой взглядъ на ритмическое качество трохайческихъ и іоническихъ народныхъ пѣсень. Вышедшая часть сборника г. Мельгунова содержитъ въ себѣ еще слишкомъ мало такихъ пѣсень, и потому я долженъ оставить въ сторонѣ и то что приблизительно соответствуетъ Аристоксеновымъ второстепеннымъ родамъ ритма, особенно элитритическому расчлененію, повидимому, верѣдному въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, и леону *ἐπιβάτος*. Къ тому же въ нынѣшней западной музыкѣ эти ритмическія расчлененія и даже разница между іоническимъ и трохайческимъ родомъ до сихъ поръ еще не признаны, и я долженъ дожидаться появленія моей книги о музыкальномъ ритмѣ со времени Баха прежде чѣмъ говорить объ аналогическихъ формахъ русской народной пѣсни съ надеждою что меня поймутъ правильно. Поэтому я прибавлю только вѣсколко замѣчаній общаго характера.

Я, конечно, далекъ отъ предположенія чтобъ изъ пѣсень русскихъ мужиковъ хоть одна могла похвалиться такимъ же древнимъ происхожденіемъ, какъ ихъ древне-арійскія учрежденія—*patria potestas* и общинное землевадѣніе; и изъ свадебныхъ русскихъ народныхъ пѣсень ни одна не можетъ сравниться въ давности со свадебными обрядами, которые подаютъ поводъ къ пѣнію этихъ пѣсень, такъ какъ эти обряды представляютъ большую частію остатки той же старины которой принадлежитъ устройство семейной и общинной жизни у крестьянъ. Языкъ пѣсень относится вообще къ позднѣйшему времени, многіе тексты сложились лишь въ послѣднія столѣтія, многое присочинено или, по крайней мѣрѣ, передѣлаво въ самое недавнее время, и то-то именно и прекрасно и похвально въ Русскомъ народѣ что его пѣсня остается въ непрерывномъ живомъ теченіи, что его великое лютическое дарованіе сохранилось въ такой неприкосновенности до нынѣшняго дня. И въ сборникѣ г. Мельгунова рядомъ съ бесспорно старымъ и подлиннымъ есть много новѣйшаго, что мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать неологами и ни-

чтожными поэтическими напосами; между прочимъ въ русскія лѣсни зашла, Богъ вѣсть какими путами, и нѣкоторые западные отголоски. Текстъ лѣсенъ, повидимому, заслуживаетъ обстоятельной филологической разработки, которая при осмотрительной критикѣ и безкорыстной преданности дѣлу должна вести къ различенію отдѣльных періодовъ творчества.

Но если русскія лѣсни не унаслѣдовали ничего въ отдѣльности отъ первобытныхъ временъ, то по крайней мѣрѣ общая ихъ форма, вѣроятно, относится къ глубокой древности. При этомъ я разумѣю прежде всего метрическія особенности текста. Размѣръ въ немъ есть, какъ несомнѣнно оказывается изъ сказаннаго мною выше. Но это размѣръ не количественный (метрическій), какъ у Грековъ, Римлянъ, древнихъ Индійцевъ и нынѣшнихъ Персовъ, однакоже и не качественный (тоническій, акцентуирующий) въ строгомъ смыслѣ слова, гдѣ удареніе стихотворное обуславливается грамматическимъ, какъ въ нынѣшней искусственной русской поэзіи и почти у всѣхъ западныхъ народовъ, не только у германскихъ, но въ меньшей степени и у романскихъ. Правда, и въ русскихъ народныхъ лѣснахъ замѣчается нѣрѣдко совпаденіе ритмическихъ удареній съ грамматическими. Профессоръ Коршъ обращаетъ мое вниманіе на такое согласіе между грамматикой и ритмикой въ народныхъ лѣснахъ, сложенныхъ въ тетраметрахъ опредѣленнаго рода. Дѣло въ томъ что тетраметръ имѣетъ особенно въ своемъ предыдущемъ (protasis) извѣстныя главныя ритмическія ударенія которыя падаютъ или на первую или на послѣднюю половину дилодіи предыдущаго. Поэтому въ новѣйшей западной музыкѣ тактовая (раздѣлительная) черта ставится или послѣ первой стопы колѣна или послѣ первой ея половины. Эти способы я обозначаю техническими выраженіями заимствованными у греческихъ ритмиковъ: первый я называю геси-хастическимъ порядкомъ удареній, второй — діастальтическимъ (ближайшія свѣдѣнія объ этихъ выраженіяхъ можно найти въ моей греческой ритмикѣ и гармоникѣ). Профессоръ Коршъ указываетъ на то что когда въ русскомъ народномъ тетраметрѣ главное ритмическое (или музыкальное) удареніе падаетъ на вторую половину дилодіи, тотъ слогъ который находится подъ этимъ удареніемъ носитъ на себѣ и грамматическое удареніе; короче — при діастальтическомъ порядкѣ удареній русская народная лѣсня слагается тоническія.

Дальнѣйшее изслѣдованіе этого въ высшей степени любопытнаго исключительнаго случая я долженъ предоставить другимъ. Говорю: „исключительнаго“, потому что онъ долженъ оказаться такимъ, будучи ограниченъ діастальтическимъ складомъ тетраметра. Уже въ гексаметрическомъ ритмѣ мы не находимъ согласія между грамматическимъ и ритмическимъ удареніемъ и точно также въ тетраметрѣ, если налѣвъ указываетъ не на діастальтическій, а на гесихастическій порядокъ удареній. Большинство случаевъ говоритъ въ пользу того предположенія что въ русской народной лѣвнѣ ритмическое удареніе, независимо отъ грамматическаго, приблизительно также какъ въ греческой поэзіи. Греки—наши лучшіе учителя для пониманія роли на которую имѣеть право прозаическое удареніе въ поэзіи. Они, особенно Діонисій Галикарнасскій, разъясняютъ намъ что гласныя съ удареніемъ произносятся выше чѣмъ не имѣющія на себѣ ударенія; по Діонисію, гласная подъ удареніемъ звучитъ чуть ли не на квинту выше тѣхъ на которыхъ нѣтъ ударенія, а въ рѣчи страстной и взволнованной голосъ поднимается при гласной съ удареніемъ, вѣроятно, на еще высшій музыкальный интервалъ. Легко пріучить себя къ такому чтенію на примѣръ греческаго гексаметра или триметра чтобы рядомъ съ ритмическими удареніями слышались и грамматическія, потому что первыя относятся къ напряженію голоса при сильныхъ частяхъ такта, а послѣднія — къ большей высотѣ тона. Иными словами, вполнѣ возможно произнести ритмическій тезисъ ниже, а ритмическій арсисъ — выше и наоборотъ. Въ греческихъ стихотвореніяхъ предназначенныхъ для лѣвнѣи, на примѣръ у Пиндара и въ драматическихъ хорахъ, рецитация съ соблюденіемъ удареній была бы бесполезна потому что Греки въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, которыя писались только для лѣвнѣи, замѣняли грамматическія ударенія, то-есть данныя самимъ языкомъ, естественныя повышенія и пониженія, другими не естественными, а искусственными повышеніями и пониженіями, чередованіемъ которыхъ опредѣляется налѣвъ. Тотъ же Діонисій Галикарнасскій показываетъ на первомъ хорѣ Эврипидова Ореста что высшіе тоны налѣва часто ладали на слоги безъ ударенія. Итакъ можно сказать что въ лирической поэзіи, въ лѣвнѣи, естественная разница повышеній и пониженій принадлежащая языку отстуетъ предъ искусственными налѣвами.

Въ языкахъ новѣйшихъ народовъ къ высотѣ грамматическаго ударенія присоединяется другой моментъ, благодаря которому слогъ съ удареніемъ ставится способнымъ быть носителемъ ритмическаго ударенія основаннаго на различіи сильнаго и слабаго. Въ германскихъ языкахъ грамматическое удареніе по отношенію къ своему мѣсту отличается тою особенностью что оно лежитъ всегда на коренномъ слогѣ слова; исключеніе изъ этого правила составляютъ развѣ въ просительныхъ выраженіяхъ. На коренномъ слогѣ лежитъ и сильнѣйшее логическое удареніе, или, другими словами, оно произносится сильнѣе прочихъ. Отсюда легко объясняется то обстоятельство что въ германской поэзіи какъ древней, такъ и новой, для тяжелой части стопы избирается по возможности коренной слогъ, какъ носитель сильнѣйшей гласной. Это начало само по себѣ также разумно и естественно, какъ количественное въ греческомъ стихосложеніи, которое объемъ стопы и ея частей поставяетъ въ зависимость отъ количественности слоговъ, а ритмическія ударенія столь распредѣляетъ на основаніи искусственной свободы, не обращая вниманія на ударенія слоговыя. Такимъ образомъ въ германской поэзіи, именно въ древней, стихосложеніе совершенно независимо отъ количественности слоговъ относительно объема тактовъ, но относительно ритмическаго ударенія съ болѣею или меньшею строгостью придерживается ударенія прозаическаго. Это лучше всего выяснять два древне-германскіе примѣра—изъ Геліанда и изъ Беовульфа:

Mánega wáron, | the sia ūrō mōd gespōn
that sia bigýnnun | wó-ord gódes

Hvát! we yeárdena | in yeárdagým
hu dha aéthelíngas | éllen frémedon.

Эти древне-германскіе стихи древне-саксонскаго и англосаксонскаго нарѣчій сложены какъ разъ тѣмъ же размѣромъ, какъ приведенные выше дактилическіе тетраметры русскихъ пѣсень, но въ своемъ строѣ отличаются отъ русскихъ стиховъ тѣмъ что коренные слоги съ удареніемъ, за исключеніемъ въ некоторыхъ для насъ неважныхъ случаяхъ, необходимо являются въ качествѣ ритмическихъ тезисовъ. Замѣтимъ что растяженіе гласной *o* во второмъ стихѣ до объема цѣлыхъ двухъ столь составляетъ въ русскихъ пѣсняхъ самое обыкновенное явленіе.

Въ прочихъ новѣйшихъ языкахъ, стихосложеніе которыхъ основано на удареніи, слоговое удареніе отнюдь не пользуется двойнымъ значеніемъ высшаго и въ то же время сильнѣйшаго тона. Это объясняется тѣмъ что въ нихъ оно не ограничивается кореннымъ слогомъ, какъ въ германскихъ языкахъ, и часто падаетъ на флективные окончанія, которыя для логическаго смысла предложенія нередко лишены почти всякаго значенія. Такъ въ романскихъ языкахъ—во французскомъ и въ итальянскомъ. Поэтому тоническое начало стихосложенія является въ нихъ обязательно только въ концѣ колѣна или періода, а внутри и въ началѣ стиха ритмическое удареніе совершенно независимо отъ грамматическаго и распределеніе его предоставляется произволу поэта. Такъ какъ во французскомъ языкѣ стопы всегда двусложны, читатель отсчитывая такія стопы къ началу отъ тонически-опредѣленнаго конца добирается до того какіе слоги онъ долженъ снабдить ритмическимъ удареніемъ. Потому ему приходится читать стихъ не съ тѣми удареніями съ которыми онъ читалъ бы тѣ же слова въ прозѣ, не говоря уже о томъ что и въное *e* онъ долженъ произносить какъ полую гласную:

Je chante ce héros qui regna sur la France
Par le droit de conquête et le droit de naissance.

Поэтому Германецъ можетъ читать стихи своихъ поэтовъ безъ спеціальнаго изученія метрической декламации, а Французъ не имѣетъ на это возможности: онъ не понимаетъ ритма своихъ поэтовъ если онъ ему не показанъ особо. Въ бѣльшей или мѣньшей степени всѣ Романцы въ такомъ положеніи. Изъ арійскихъ языковъ Европы ново-греческій занимаетъ приблизительно то же мѣсто что романскіе: слоговое (силлабическое) стихосложеніе опредѣляемое концомъ стиха.

На прочіе славянскіе языки, которыхъ стихосложеніе зависитъ отъ ударенія и притомъ не только въ концѣ стиха, мы можемъ здѣсь не обращать вниманія. Насколько можно обозрѣть этотъ вопросъ, кажется несомнѣннымъ что всѣ арійскіе языки слѣдующіе теперь тоническому стихосложенію стояли прежде на ступени стихосложенія количественнаго; такъ древне-греческій языкъ предшествовалъ ново-греческому, латинскій—романскимъ нарѣчіямъ, Санскритъ—

выѣшшимъ индѣйскимъ, которые также пользуются удареніемъ для стихосложенія. Напротивъ германскіе языки держались въ поэзіи, конечно, искони тоническаго начала; (ср. мою греческую метрику ч. 2 § 2 и слѣдующіе 2го изданія). Метрическую точку зрѣнія русской народной лѣсни, очевидно, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенія русской лѣсни опредѣляются только наѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправданно предположеніе что русская лѣсня опиралась вѣкогда на другое основаніе. Намъ чуть ли не остается одно — поставить стихосложеніе русской лѣсни на одну доску со стихами Авесты. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ я замѣтилъ что одна изъ книгъ составляющихъ Авесту, именно Ясны, написана не вольною прозою, а мѣрнымъ поэтическимъ языкомъ. Изъ двухъ знаменитыхъ ориенталистовъ съ которыми авторъ былъ тогда знакомъ Ротъ въ Тюбингенѣ не повѣрилъ этому открытію, а Гильдемейстеръ, въ то время находившійся въ Марбургѣ, охотно допустилъ въ Ясны метрическую форму и призналъ въ этомъ важное подспорье къ правильному установленію текста Ясны. Тогда же (въ 1852 году) появилось кромѣ Шлигелева изданія Зендъ-Авесты новое на основаніи старѣйшихъ и лучшихъ рукописей. Это было изданіе великаго датскаго ориенталиста Н. Л. Вестергорда. Авторъ къ своей великой радости замѣтилъ что въ этомъ изданіи часть Ясны по старѣйшимъ и лучшимъ рукописямъ была раздѣлена на стихи и строфы. Дальнѣйшее разслѣдованіе оны предпочелъ предоставить специалистамъ по Зенду. Но только Мартинъ Гаугъ (Haug) въ своемъ переводѣ Гать Заратустры обратилъ вниманіе на вопросъ о стихосложеніи Авесты. Лишь когда я увидѣлъ что выводы Мартина Гауга о стихѣ Авесты существенно отличаются отъ результатовъ моихъ изслѣдованій 1850 года, я счелъ нужнымъ обнародовать свое собственное открытіе. Я исполнилъ это намѣреніе въ Куновомъ журналѣ для сравнительнаго языковѣдѣнія (*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*) т. 9 1860; здѣсь я показалъ особенности стихосложенія Авесты преимущественно на одномъ отдѣлѣ Ясны напечатанномъ въ изданіи Вестергорда, какъ и въ прежнихъ, въ видѣ прозы. Размѣры Авесты оказались въ существенныхъ чертахъ тождественны съ размѣрами индѣйской Веды.

Ведійскіе стихи какъ и позднѣйшіе санскритскіе относятся къ количественному началу, но отличаются тѣмъ что въ нихъ только конечнымъ слогаъ стиха дается опредѣленная просодія, а въ предшествующей части стиха количество слоговъ безразлично. Въ позднѣйшей санскритской поэзіи обыкновенный размѣръ элоса остался на старинной ведійской ступени; это такъ-называемая слока (śloka-s), известная въ ведійской поэзіи подъ названіемъ ануштуба (anushtubh). Этотъ размѣръ въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ представляетъ двухколенный періодъ изъ 16 слоговъ съ обязательною цезурой послѣ осьми. Періодъ оканчивается всегда двойнымъ ямбомъ (діамбомъ), а прочіе слоги безразличны, но позднѣйшій санскритъ любитъ антиспастическія стопы и кромѣ того прилагаетъ нѣкоторыя болѣе частыя правила, тогда какъ Веда не знаетъ этихъ частностей для предшествующей доли періода и развѣ только предъ цезурой отдають несомнѣнное предпочтеніе двойному ямбу. Такимъ образомъ складъ ведійскаго ануштуба можно представить слѣдующею схемой, въ которой просодически безразличные слоги означаются точками:

или

$$\begin{array}{c} \dots, \dots | \dots, \text{—} \cup \text{—} \\ \dots, \text{—} \cup \text{—} | \dots, \text{—} \cup \text{—} \end{array}$$

Итакъ каждое колено двучленного періода состоитъ изъ двухъ дилодій, ритмъ которыхъ суда по окончанію сводится къ діамбу. Два такіе періода образуютъ двустипную строфу.

Этотъ знаменитый эпическій размѣръ Ведъ и позднѣйшаго Санскрита встрѣчается и въ Ясая, именно въ осьмомъ отдѣлѣ, очень древнемъ, сохранившемъ въ себѣ образчикъ сказаній и поэзіи изъ временъ арійской старины. Онъ послужилъ исходною точкой для изученія метрики Авесты; изданіе Вестергорда даетъ его въ видѣ прозы, но мои доказательства въ Куновомъ журналѣ не оставляютъ, надѣюсь, никакого сомнѣнія въ томъ что это древнее эпическое стихотвореніе въ формѣ строфы изъ слоговъ. Каждое колено состоитъ изъ восьми слоговъ со строго наблюдаемою цезурой; два колена образуютъ періодъ съ которымъ оканчивается самостоятельное предложеніе. До сихъ поръ мы видимъ полное тождество съ ануштубомъ. Разница заключается въ томъ что каждый слогъ въ каждомъ колѣнѣ совершенно безразли

чень въ количественномъ отношеніи. Итакъ мы можемъ построить такую схему:

.... | ||
 | ||

О грамматическомъ удареніи въ языкѣ Авесты мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ положенія одного и того же слова въ разныхъ стихахъ то на томъ, то на другомъ мѣстѣ слѣдуетъ заключить что мѣсто словъ и слоговъ не зависитъ и отъ слоговаго ударенія и что, слѣдовательно, стихосложеніе Авесты такъ же равнодушно къ ударенію, какъ и къ количеству гласныхъ.

Итакъ въ стихосложеніи Зендъ-Авесты мы находимъ ту же самую точку зрѣнія что въ русской народной пѣснѣ. Объемъ стопы и ея частей не опредѣляется количествомъ слоговъ, ритмическія ударенія стопы и колѣна не состоятъ ни въ какой связи со слоговыми. Оба ритмическіе момента, продолжительность и ритмическое удареніе, зависятъ исключительно отъ нагѣва къ которому приааживаются слова текста. Только что объясненный размѣръ Авесты представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образецъ для простѣйшей формы дактилическаго тетраметра русской пѣсни. Мы говоримъ: „для простѣйшей формы“, потому что та форма русской стопы когда одинъ слогъ наполняетъ собою время цѣлой стопы и болѣе, въ стихѣ Авесты не встрѣчается: въ немъ каждая стопа выражена двумя слогами изъ которыхъ одинъ приходится на тезисъ, другой на арсисъ, а каталексъ ни внутреннйхъ, ни конечныхъ нѣтъ. Въ савскритской слогѣ конечный дямбъ указываетъ на то что ритмъ всего стиха дямбической состоящій изъ ямбовъ подобныхъ или греческимъ, то-есть трехвременныхъ, или новѣйшимъ, которые музыкально могутъ быть выражены и четырехвременными стопами. Тетраметръ Авесты не даетъ въ своемъ окончаніи никакихъ указаній на расположеніе ритмическихъ удареній. Поэтому въ немъ можно признать первый слогъ періода и за тезисъ. На это мы имѣемъ такое же право какъ и на приаатіе анакрузы, такъ какъ въ такомъ случаѣ двустопная строфа древней элической части Ясны оказалась бы какъ нельзя болѣе близкою къ русской народной строфѣ изъ двухъ дактилическихъ четырехстопныхъ стиховъ:

/ . / . / . / . | / . / . / . / . ||
 / . / . / . / . | / . / . / . / . || .

Подъ разставленными въ этой схемѣ удареніями мы разумѣемъ ударенія ритмическія.

Тождественность стиха Авесты съ ведійскимъ ануштубомъ и связь этого размѣра съ древне-германскимъ, которую я объяснилъ подробно въ своей греческой метрикѣ, можно понять лишь при такомъ предположеніи что этотъ размѣръ четырехъ арійскихъ племенъ представляетъ лишь видоизмѣненія одного и того же первоначальнаго арійскаго размѣра. Приводя этотъ размѣръ русской лѣски въ связь съ его формами у родственныхъ народовъ, мы должны прибавить что русскій размѣръ первоначальное и старинное древне-германскихъ тоическихъ размѣровъ: по своему образованію и вмѣстѣ съ тѣмъ по времени своего возникновенія онъ занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ размѣровъ Авесты.

РУДОЛЬФЪ ВЕСТФАЛЬ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ТРАКІИ*

VII.

При Ступинѣ было учреждено русское вице-консульство въ Филиппололѣ. Политическое значеніе Филипполола чрезвычайно важно. Ступинъ это сейчасъ же повялъ и намелъ немедленно человѣка способнаго занимать съ успѣхомъ этотъ постъ. Человѣкъ этотъ былъ молодой Болгаринъ нѣкто Найдень Геровъ. Онъ обучался въ Россіи (кажется въ Одесскомъ лицей), и возвратившись на родину съ русскимъ паспортомъ, занялъ мѣсто учителя въ болгарской школѣ въ Филиппололѣ. Турецкое правительство, естественно, не могло благопріятно смотреть на подобнаго рода людей; очень понятно что оно подозрительно относилось и къ тѣмъ Грекамъ-учителямъ которые долго жили въ свободныхъ Аѳинахъ и къ тѣмъ юго-Славянамъ которые обучались въ Россіи. Слѣдить внимательно какъ за духомъ преподаванія христіанскихъ наставниковъ, такъ и за дѣйствіями и политической пропагандой ихъ въ школахъ, было Туркамъ вообще очень трудно; но когда христіанинъ-учитель былъ *райя*, то турецкое начальство могло все-таки разчитывать на страхъ его, на опасеніе какой-нибудь административной расправы. Выгнать изъ училища, сдѣлать

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3 и 5.

сюргуна, какъ говорится въ Турціи, то-есть изгнать изъ страны; заморить даже въ тюрьмѣ, все это можно было сдѣлать съ учителемъ *своимъ* подданнымъ. Пришелъ бы къ лашѣ русскій консулъ, пришелъ бы греческій, сдѣлали бѣ они дружественное и конфиденціальное замѣчаніе, пришелъ бы можетъ-быть и англійскій и посовѣтовалъ бы быть „ло осторожнѣе“... И только. Иногда русскій консулъ, не находя удобнымъ почему-нибудь входить въ подобное дѣло самъ, умѣлъ кстату „натравить“ Француза. Французъ кричалъ, гремѣлъ противъ варварства, не потому чтобъ онъ сострадалъ учителю или бы желалъ политическаго преуспѣванія христіанамъ; но потому что Франція — „передовая нація, представительница великихъ принциповъ 89 года“, и потому что съ другой стороны Турція необходима „противъ Россіи“, и Турки не должны „скададализовать“ общественное мнѣніе... Вотъ и все.

Но съ учителемъ имѣющимъ паспортъ эллипскій, а тѣмъ болѣе русскій—что дѣлать? Онъ пользуется *официальною* защитой консула; его можно только развѣ удалить изъ училища, но уже изъ порога изнать безъ согласія консула невозможно, *незаконно* по духу договоровъ. Въ случаѣ рѣзкаго и неправильнаго обращенія съ иностранными подданными, нерѣдко всѣ консула были заодно и находили что лаша этимъ подрываетъ вообще принципъ консульскаго авторитета.

Такимъ образомъ учителя изъ мѣстныхъ жителей, добывшихъ себѣ иноземные паспорта, особенно русскіе и греческіе, были очень Туркамъ непріятны.

Не надо было допускать ихъ въ школы... Разумѣется, Турки всячески и старались соблюсти это правило. Но что прочно въ государствѣ разстроенномъ, гдѣ каждый губернаторъ окруженъ пятью-шестью иностранными привилегированными и вліятельными „соглядатаями консулами“!

Какой-нибудь поворотъ въ мѣстной политикѣ; какое-нибудь личное сильное впечатлѣніе... кака-я-нибудь дерзость Француза и неловкое фанфаронство его, оскорбительное для лаши; кака-я-нибудь тулая важность Англичанина, наводящая на Турка тоску... и вотъ большею частью любезный, веселый, вѣжливый или добродушный лично, хотя и „зловѣрный Москвитъ“ выигрывалъ... *Русскаго* учителя допускали въ школу; его оставляли въ покоѣ.

И Найдень Геровъ былъ допущенъ въ Филиппопольскую

школу. Но вдругъ одинъ лаша взбѣленился за что-то на него и не только захотѣлъ удалить его изъ школы, но даже *изгналъ* его внезапно изъ города. Хотя многіе меня считаютъ *греко-филомъ*, но я готовъ предполагать что тутъ была противъ Геровакакая-нибудь греческая интрига. Филиппополь уже тогда становилась мало-по-малу тѣмъ чѣмъ онъ сталъ поздѣе такъ рѣзко, то-есть главнымъ очагомъ болгарскаго анти-греческаго движенія, самымъ крупнымъ изъ тѣхъ утесовъ, о которыхъ суждено было разбиться воздушному кораблю валино-византийскихъ мечтаній.

Болгаръ въ Филиппополь было много; они богатѣли, крѣпли съ каждымъ годомъ, ихъ община была тамъ несравненно вліятельнѣе чѣмъ въ Адрианополь, городъ болѣе греческомъ чѣмъ болгарскомъ, если не по крови большинства, то по духу и преданіямъ вліятельныхъ кружковъ.

И вотъ въ этомъ городѣ, пріобрѣтающемъ со дня на день все больше и больше значенія среди этой возрастающей болгарской общины, является молодой Болгаринъ; умный, обученный въ Россіи, но выросшій *здѣсь*, въ Турціи, знакомый съ бытомъ, хитрый и дѣятельный какъ десять Грековъ (вообще Болгары очень дѣятельны и очень хитры), другъ и protégé Стулина, всемогущаго въ главномъ городѣ Эракии! Изгнать его!

Изгнали. Но къ чему же привела эта энергическая выходка?

Къ тому что въ этомъ „опасномъ“ Филиппополь, гдѣ до тѣхъ поръ русскаго консульства не было, взвился русскій флагъ, и подъ этимъ флагомъ врозь навсегда въ землю этотъ самый скромный учитель Болгаринъ, Найдень Геровъ. Его сдѣлали русскимъ вице-консуломъ въ этомъ турецкомъ *Филибѣ*, въ этомъ греческомъ *Филиппополистѣ*... и онъ сталъ на своихъ донесеніяхъ и нотахъ надписывать: *Пловдивъ*, такого числа.

Хотя, отдѣляя строго эстетическій мой вкусъ отъ политическихъ дѣлъ, я и нахожу что славянское это имя очень неблагозвучно и напоминаетъ некстати что-то съѣстное въ родѣ лава (ловъ), тогда какъ греческое имя величаво, а турецкое *Филибѣ* очень изящно и рѣзко, но политика идетъ, особенно въ наше время, не справляясь съ законами изящнаго — и въ тотъ день когда Стулинъ достигъ удовлетворенія и вознесъ въ русскіе консулы оскорбленнаго лашой

болгарскаго педагога, было уже рѣшено въ книгѣ судебъ что *Филибѣ* ставеть *Пловдивомъ*.

И это было дѣло Стулина.

Директоромъ Азіатскаго Департамента былъ въ то время Ковалевскій, человекъ горячій, любившій поддерживать энергическихъ консуловъ. Консулы обыкновенно посылали въ Петербургъ копіи съ своихъ донесеній посланнику, и не лишены были, конечно, и права прямо писать директору Азіатскаго Департамента. Сверхъ того, я слышалъ отъ адриано-польскихъ старшинъ, близкихъ къ Стулину, что онъ состоялъ въ частной перепискѣ съ Ковалевскимъ. Можетъ-быть этимъ объясняется то истинно блистательное удовлетвореніе (*satisfaction éclatante*), которое дала намъ на этотъ разъ, благодаря неускусной выходкѣ филлиполскаго паши, эта давно уже не блистательная Порта....

Надо замѣтить, такъ это постоянно случалось съ Турками. Большою частію они были до невѣроятія терпѣливы съ консулами и даже нерѣдко съ собственными подданными, которые тоже далеко не ангелы во плоти; тогда, выигрывая время, они поправляли немного свои дѣла; но каждый разъ какъ просыпалась въ нихъ гордость, быть-можетъ горькая память ихъ прежней грозы и могущества, каждый разъ когда увлекаясь гнѣвомъ они хотѣли обнаружить старую энергію свою, дѣло кончалось для нихъ поражениемъ.

Такъ было и въ большихъ и малыхъ дѣлахъ. Не изгони во время Стулина Турки съ такою первобытною рѣшимостью болгарскаго учителя изъ этого *Филибѣ*, не сдѣлаеса бы именно этотъ *Болгаринъ* тамъ консуломъ; болгарскій церковный вопросъ, при вліятельномъ русскомъ человекѣ въ *Филибѣ*, безъ Герова пошелъ бы медленнѣе или иначе какъ-нибудь. Церковная распря съ Греками, которую такъ усердно и даже такъ искусно раздували турецкіе министры, приучила дотолѣ неподвижный Болгарскій народъ къ движению и броженію; расколъ, то-есть неправильное *по формѣ* рѣшеніе церковнаго вопроса, котораго такъ желали Турки, объединилъ Болгарь, придавъ имъ незнакомую имъ дотолѣ самоуверенность и гордость.... Эта небывалая смѣлость привела въ ярость мусульманъ.... Ярость эта перешла далеко за черту разумныхъ и общепринятыхъ мѣръ усмиренія.... Болгарскія села вокругъ главнаго очага болгарскаго движенія обогрились потоками крови и русскія войска перешли свой вѣковой

Рубиковъ — не „синій“, какъ сказалъ Хомяковъ, а напротивъ того мутный и желтый, увымый Дунай...

У меня могутъ спросить, однако, какова же была собственно *политическая идея* Ступина? Какая идея руководила его энергическою дѣятельностью во Эракии?

Мнѣ могутъ язвительно замѣтить что расправиться съ мудромъ, ходить по улицамъ въ русской шалкѣ съ десяткомъ вооруженныхъ людей, сидѣть патриархально у порога христіанской хижины, строить въ Демердевѣ болгарскую церковь и даже наказывать дерзость филипполовскаго паши везалнымъ превращеніемъ ничтожнаго болгарскаго учителя въ русскаго консула, что все это не политика, а развѣ только *престижъ* для поддержанія и укрѣпленія въ странѣ извѣстной политической идеи.

На это я могу отвѣтить вотъ что. Строго говоря, отъ консула и не требуется самостоятельныхъ политическихъ идей, слишкомъ большая самостоятельность политическаго агента, второстепеннаго *по рангу*, но чрезвычайно важнаго по независимому и безконтрольному *одиночеству* своему, въ средѣ всегда напряженной и впечатлительной, могла бы быть иногда очень вредна. Вездѣ очень мало найдется натуръ настолько смѣлыхъ и глубокихъ которыя сумѣютъ и въ безконтрольномъ положеніи единственнаго поста строго проводить такія идеи начальства своего противъ которыхъ иногда протестуютъ личныя убѣжденія. Для этого нужно чтобы почти *мистическое* почтеніе къ государственной іерархіи брало въ сердцѣ постоянно верхъ надъ личнымъ взглядомъ на вѣдѣмую политику той державы которой служить политическій агентъ. Поэтому никто никогда и не требовалъ чтобы консулъ былъ непременно какой-то публицистъ на практикѣ. На практикѣ, въ дѣятельности своей мѣстной, въ образѣ вліанія на власти, на жителей, въ отношеніяхъ своихъ къ иностраннымъ сослуживцамъ консулъ долженъ являться только смѣшленнымъ исполнителемъ общихъ предначертаній своего министерства. Никто, разумѣется, не запрещалъ ему разсуждать отчасти и о „вышей политикѣ“ въ своихъ секретныхъ отношеніяхъ къ начальству; здѣсь онъ могъ иногда давать волю даже политическимъ фантазіямъ своимъ. Въ то время когда я служилъ и когда Ступинъ наводилъ Эракию слухами о своей энергіи, „идеи“ изложенныя на бумагѣ цѣпились у насъ; и развѣ оградивъ себя обычными фразами бюро-

кратическаго смиренія въ родѣ „мое *posильное* мнѣніе“, „а осмѣлюсь почтительнѣйше замѣтить“, или „если я не ошибаюсь“, или наконецъ, „почтительнѣйше прошу извинить смѣлость съ которою я позволяю себѣ“, русскій консулъ могъ конечно предлагать все что ему угодно, онъ могъ предложить и временный союзъ съ Турками, и возстаніе всѣхъ православныхъ разомъ, если не прямо, то по крайней мѣрѣ тонкими намеками; одинъ консулъ могъ возмущаться до глубины души „грязными интригами *Фанариотовъ*“, а другой восклицать съ чувствомъ: „вѣковая связь Россіи съ Константинопольскимъ вселенскимъ престоломъ, священнымъ для нашего православнаго народа“ (то-есть съ этими самими *Фанариотами* которыхъ интриги такъ ужасны). Все это допускалось и у насъ и у консуловъ другихъ, конечно, націй. Многіе помнятъ, я думаю, одно донесеніе г. Лонгворта (генеральный англійскій консулъ въ Сербіи), обнародованное въ *Синей Книжкѣ*; въ этомъ донесеніи Лонгвортъ совѣтовалъ мусульманскому простонародью свершить именно *тѣ избиенія* которыя вызвали послѣднюю войну. Существовалъ, напримѣръ, еще *проектъ возстанія въ Албаніи противъ султана*, проектъ составленный, если я не ошибаюсь, уже умершимъ теллеръ французскимъ консуломъ Геккаромъ. (Эта записка, по случайности, попала въ наши руки и еще разъ доказала до чего была всегда притворна, запутана и пуста французская политика на Востокѣ).

Я говорю что никакое правительство не воспрещало своимъ агентамъ въ Турціи имѣть „идеи“ и даже высказывать ихъ отъ поры до времени; но ни одно, конечно, и не *требовало* этого. Наше начальство требовало отъ насъ постоянно двухъ вещей: 1) *знать* хорошо что дѣлается и даже думается въ странѣ и вовремя доносить объ этомъ и 2) держать себя въ странѣ такъ чтобы помнили что *есть на свѣтѣ Россія*, единовѣрная христіанамъ. Общая же наша политика послѣ Парижскаго мира была такова: поддерживать и защищать гражданскія права христіанъ и умѣрять насколько возможно естественный пылъ ихъ политическихъ стремленій.

Надо согласиться что правильнѣе и умѣреннѣе этого нельзя было ничего придумать. Съ этою прямою и ясною цѣлью и было открыто по всей Турціи столько новыхъ русскихъ консульствъ послѣ неудачной для насъ Восточной войны пятидесятыхъ годовъ.

Итакъ, вопросъ: соответствовалъ ли Ступинъ тому двойственному идеалу политическаго агента о которомъ я сейчасъ говорилъ? Многаго объ этомъ сказать не могу. Во время моей службы во Оракіи, я изучая архивъ консульства читалъ между прочимъ и его довенія, но по многимъ причинамъ вынужденъ былъ обращать на нихъ гораздо меньше вниманія чѣмъ на дѣятельность, на воззрѣнія и такъ-сказать на „методу“ моихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, гг. Шашкина и Золотарева. Времени было мало: нужно было въ одно и то же время и самому дѣйствовать, и учиться; нужно было судить, рядить, *смыять*, не ошибаться по возможности, нужно было скорѣе понять и страну вовсе незнакомую, и людей непривычнаго намъ Русскимъ духа. Многія дѣла начатыя Золотаревымъ (который вдругъ уѣхалъ въ отпускъ, пробывъ со мной въ Адрианополь не болѣе четырехъ дней) надо было продолжать, надо было поддерживать нѣкоторыя предпріятія его чтобы не уронить ни консульства въ глазахъ населенія, ни себя въ глазахъ начальства; надо было знать что такое тутъ случилось *недавно*, за годъ, за два, много за три до моего пріѣзда. Мнѣ говорилъ напримѣръ какой-нибудь мѣстный политикъ съ таинственнымъ видомъ:

— Я вчера видѣлъ діакона *такого-то*, онъ ученикъ *Пантелеймона*.—*У нихъ* теперь въ *такомъ-то* предмѣстіи—въ родѣ маленькаго монастыря... Что вы объ этомъ думаете?

„Что я думаю? Я объ этомъ еще ничего не думалъ! Я думалъ со страхомъ: Кто это такое *Пантелеймонъ*? Кто это? Боже мой! Я ничего не знаю... Какое предмѣстье?... что за дьяконъ?“

Или мнѣ докладывали:—Дядя *этой Фатъме* опять прішелъ за деньгами. Онъ грубитъ, подозреваетъ что эти деньги задерживаютъ въ консульствѣ.

— Какъ онъ смѣетъ грубить? Позвать его.

„Но, однако, что я ему, этому *дядѣ*, скажу? Кто такое эта *Фатъма*? Зачѣмъ эта мусульманка требуетъ денегъ. Какія деньги?.. Что ей до насъ! Что намъ до нея?“

Или еще мнѣ разказываютъ:

— Вообразите, этотъ негодный *архимандритъ Пахомій* не удовольствовался тѣмъ что сталъ унитомъ, онъ теперь *потурчился*. Какъ мы съ Золотаревымъ старались уговорить, удержать его!.. Имѣли даже съ нимъ тайное свиданіе. И

ошь насъ обмануль! Чтò за ужасный человекъ, и чтò за лицо у него; какіе разбойничьи глаза!..

Кто этотъ ужасный архимандритъ? И зачѣмъ Золотаревъ такъ занимался имъ?.. Для чего? Когда это было? Это можетъ-быть очень важно...

Нужно было мнѣ знать скорѣе что *Пантелеймонъ, епископъ*, претой болгарскій священникъ, который хотѣлъ какъ-то по-своему очистить православіе и возвратиться къ первымъ вѣкамъ христіанства; надо было понять что его раскольниковыя ученіе не имѣло никакой связи съ обще-болгарскимъ церковнымъ движеніемъ.

Нужно было знать что эта *Фатиме* маленькая дѣвочка, крымская Татарка, очень миленькое дитя, въ желтыхъ съ узорами шароварахъ, сирота, которая должна получить изъ Крыма 800 р. насажденства; надо было съ одной стороны обуздать дядю ея чтобы не смѣлъ дурно думать о консульствѣ, а съ другой требовать настойчиво отъ таврическаго губернатора эти 800 р. Оказалось что эти деньги давно лежали въ цѣлости въ шкафахъ посольства, забытыя секретарями.

Надо было ознакомиться покорооче съ приключеніями архимандрита Пахомія (положимъ я имя забылъ), перешедшаго сперва въ учитство, а потомъ надѣвшаго чалму турецкаго улема; узнать какъ дѣйствовалъ Золотаревъ въ подобныхъ неприятныхъ случаяхъ и почему онъ самъ столь искусный и счастливый въ дѣлахъ на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу.

Мсьё Ишуа прибилъ хлыстомъ Вольницера! Ишуа и Вольницеръ оба Евреи, но Ишуа драгоманъ Камерлохера, австрійскаго вице-консула: Еврей усатый, рослый, съ кривою кавалерійскою саблей, которою онъ въ большіе праздники гремитъ по полу и по дѣвствамъ, дѣлая пашѣ и консуламъ визиты. А бѣдный Вольницеръ не мсьё, онъ просто портной, нашъ подданный изъ Варшавы; добрый, честный, прекрасный Еврей. Австрійскій мсьё и нашъ простой Еврей заспорили о чемъ-то, въ чьей-то лавкѣ. Ишуа воскликнулъ: „Русскіе всѣ сволочь!“ (что-то въ этомъ родѣ.) Добрый Вольницеръ считаетъ себя Русскимъ; отвѣчаетъ: „Австрійцы всѣ подлецы!“ ударъ хлыстомъ. (Это было еще до отъезда Золотарева.) Международная полемика между Золотаревымъ и Камерлохеромъ. Обмѣвъ горячихъ воть. Но оба консула, и нашъ и Австріецъ, уѣхали въ отлукъ; и теперъ при мнѣ обвиняемый драгоманъ самъ себя

судья; онъ управляетъ Австрійскимъ консульствомъ; онъ мнѣ товарищъ. Я негодую въ душѣ что мнѣ, кадуцкому дворянину и т. д., приходится дѣлать визиты этому Ишуа съ саблей; но что дѣлать!..

Самъ всемогущій Золотаревъ, котораго западные консулы очень уважали, не могъ добиться никакого удовлетворенія по этому дѣлу! а я только „управляющій“, векиль, халява на часъ.

Утѣшаюсь философіей. Правды на землѣ не было, нѣтъ, не будетъ и не должно быть; при человѣческой правдѣ люди забудутъ божественную истину! Да!.. Бѣдный Вольницеръ! Я не заступаюсь за тебя, несмотря на твои большіе, добрые и черные глаза, несмотря на честность свою и даже на то что ты недавно пожертвовалъ четыре золотыя лиры на пострадавшихъ отъ наводненія... Гораздо болѣе меня, потому что я свою лепту вывелъ въ счетъ чрезвычайныхъ по консульству издержекъ...

Боже мой! какъ это все сложно! когда же мнѣ изучать Ступицкіе архивы?.. Старыя дѣла не кончены; а новыя дѣла, тяжбы и событія вырастаютъ и рождаются со всѣхъ сторонъ. Жизнь не хочетъ знать что я еще не успѣлъ изучить страну, людей, обычаи, законы....

Поданныхъ русскихъ здѣсь не мало; всѣ они торгуютъ, продаютъ, покупаютъ, даютъ займы и занимаютъ... Маноллаки живмя живетъ въ тиджарет!.. Полименъ, Кеворкъ, Киркоръ, Новаковъ, Боеджіа, Москоровъ - Саломонъ... Этотъ благородный Вольницеръ..... Ихъ много! у Полимена пропала буйвола; Новаковъ ссорится съ тещей; рубить какую-то дверь топоромъ, а самъ жалуется на „иго Фавариотовъ“.

Всѣхъ ихъ надо удовлетворить, урезонить, разсудить, утѣшить, наказать...

А между тѣмъ жалобы на Турокъ слышатся по обыкновенію со всѣхъ сторонъ; болгарскіе крестьяне должны много денегъ русскимъ поданнымъ; всѣ эти горожане Кеворки и Бояджи. Ампарцумы и Новаковы даютъ займы селянамъ деньги на уплату податей съ ужасными процентами... Приходитъ срокъ; у Болгаръ можетъ - быть деньги есть *зарытыя въ землю*, а можетъ - быть и нѣтъ... Они не платятъ, просятъ, плачутъ... Наши подданные предъявляютъ правильныя расписки... Что дѣлать? Кому вѣрить?.. Кого цапать?.. Кого карать?.. У всѣхъ здѣшнихъ жителей такіа

хитрыя лица; они такъ значительно молчатъ, такъ подозрительно подмигиваютъ на кого-то и на что-то, такъ зло улыбаются что становится страшно и за себя, и за Россію!..

Пропаганда католическая не дремлетъ; она кипитъ въ селахъ около Малко-Тырнова. Въ городѣ польскіе священники выписанные нарочно по совѣту Француза консула, отпустили себѣ бороды, надѣли черныя рясы и прямые клобуки русскихъ монаховъ и служатъ, какъ слышно, очень правильно православную литургію въ болгарскомъ предмѣстіи Киречь-Хане... Извѣстій скорыхъ нѣтъ изъ деревень; дожди проливные, ужасные, нѣтъ сообщеній. Франція, Австрія... Я одинъ на всю Фракію!..

Сама природа вызываетъ меня на борьбу! Рѣка Марица выступаетъ изъ береговъ. Всѣ низменные кварталы Адрианополя затоплены. Греческій *Ильдыримъ*, Болгарскій—*Киречь-Ханъ*.... Вода все растетъ и растетъ.... Со всѣхъ сторонъ слышны ружейные и пистолетные выстрѣлы, извѣщающіе населеніе объ опасности.... Бѣдные жители предмѣстій спускаются въ верхніе этажи, на чердаки своихъ жилищъ. Вода обступаетъ ихъ. Морозъ. Люди остаются безъ хлѣба, безъ свѣчь, безъ угля для мангаловъ. Богатые христіане кое-что послали; но папа, митрополитъ, французскій консулъ Гизъ, греческій Менардо, австріискій Жидъ съ саблею, всѣ бездѣйствуютъ.... Бланта нѣтъ; братъ его Джорджаки, за него управляющій дѣлами Британіи, дитя; онъ служитъ у меня же по распоряженію Золотарева номинальнымъ лицомъ за четыре лиры и только скачетъ очень красиво верхомъ..

Распорядиться!.. Беру расходы на свой страхъ!..

Ѣдутъ лодки; ѣдутъ и другія, съ другой стороны. Съ одной стороны, распоряжаются какіе-то черные монахи; съ другой, начальствуетъ высокій Турокъ въ лунцовой одеждѣ.

Въ лодкахъ везутъ хлѣбъ, везутъ и уголь и сальные свѣчи.

Не вѣдно дѣлать различія племени и вѣры, а вѣдно сморѣть на нужду...

— Кто-же послалъ лодки? Кто это помогаетъ намъ въ несчастіи? говорить народъ.

— *Польскіе іезуиты и Русское консульство!* Католическая проповѣдь и православный отпоръ!

Все остальное самое вліятельное въ городѣ оломилось лодкою.

Все это, положимъ, очень трудно и пріятно; мучительно и весело.... Это не просто служба, это какой-то восхитительный водворотъ добра и зла, поэзіи и сухости, строгаго формализма и свободной находчивости, тончайшей интриги и офицерской лихости, европейской вѣжливости и татарскаго размаха, водворотъ за ловкое обращеніе въ которомъ даютъ кресты и шлютъ благодарности...

Все на этой службѣ мнѣ ужасно нравится...

Еще разъ спрашиваю, когда-же мнѣ было по источникамъ изучать состояніе страны при Стулинѣ и вникать въ его доведенія?

Однако помню я что-то читалъ и изъ Стулинскихъ архивовъ; но что именно, теперь не могу сказать...

Общее же впечатлѣніе у меня осталось такого рода что въ странѣ и при немъ были тѣ же политическіе элементы какіе были и при мнѣ; все та же „почва“, тѣ же Турки и христіане, тѣ же злоупотребленія и жалобы, тѣ же Греки и Болгары, тѣ же православные и католики.... Все это точно также перекрещивалось и путалось одно съ другимъ; также взаимно парализовалось одно другимъ... такая же сложная и смѣстая съ тѣмъ какая-то нерѣшительная почва; ни чисто болгарская, какъ въ Русчукѣ или Тырновѣ; ни чисто греческая какъ въ Критѣ или Янинѣ, гдѣ наши русскія задачи были такъ ясны и просты. Многое при Стулинѣ (тогдашъ послѣ Крымской войны и до 60—61 года) не выяснилось, не разраслось; болгарское движеніе противъ патріархіи было еще слабо; многіе Болгары сами еще не знали чего имъ ждать, чего желать.

Желанія ихъ были или очень скромны, или напротивъ того слишкомъ грандіозны и мечтательны. Большинство Грековъ въ Адрианополь было тогда русской партіи, какъ я уже сказалъ. Съ Французами было у насъ именно во времена Стулина дружеское соглашеніе, разстроившееся во время польскаго мятежа. Но настоящаго французскаго консула не было въ его время, былъ вѣроятно какой-нибудь „consul honoraire“ изъ мѣстныхъ католиковъ.

Пропаганда была во времена Стулина несравненно слабѣе чѣмъ стала поздѣе при насъ съ Зодотаревымъ. Турки были все тѣ же Турки: только они были попроче во времена. Стулина; въ 1866 и 1867 годахъ начали въ Турціи учреждать

вилаеты, учрежденія стали поопредѣляемѣе и посложнѣе; съ каждымъ годомъ прибывало то тамъ, то самъ по нѣскольку болѣе прежняго образованныхъ людей.. Именно при Стулинѣ, подъ самый конецъ его службы во Эракии, одинъ за другимъ были назначены въ Адрианополь дѣйствительные консула: эллинскій (г. Доско), французскій (г. Тиссо); позднѣе англійскій вице-консулъ, знаменитый теперь своею враждой къ Россіи и Славянамъ Блонтъ, и австрійскій вице-консулъ, энергическій оригиналъ Камерлохеръ. Справиться мнѣ теперь изъ глубины Калужской губерніи невозможно, но мнѣ кажется однако что Блонтъ и Камерлохеръ самого Стулина уже не застали; изъ всѣхъ Стулинскихъ донесеній я помню только одно его замѣчаніе. Оно осталось у меня въ памяти именно потому что было невѣрно.

Дѣло шло объ иновѣрныхъ западныхъ пропалагдахъ во Эракии. Разказавъ обо всѣхъ возможныхъ недуховныхъ средствахъ къ которымъ прибѣгала уже и въ то время католическая пропалагда въ средѣ Болгаръ, недовольныхъ греческимъ церковнымъ начальствомъ своимъ, Стулинъ переходитъ къ характеристикѣ миссіонеровъ протестантскихъ, хвалить ихъ добросовѣстность, ихъ хорошія нравственныя качества и сравнительную прямоту ихъ пріемовъ, и въ заключеніе прибавляетъ нѣчто въ этомъ родѣ: „но отсутствіе пышности и благолѣпія въ протестантскомъ богослуженіи всегда будетъ не привлекательно для пылаго воображенія южнаго чловѣка“...

Это невѣрно. Пылаго воображенія ни у Болгаръ, ни у Сербовъ нынѣшнихъ, ни даже у ново-Грековъ вовсе незамѣтно. Напротивъ того, наблюдательнаго Русскаго прежде всего поражаетъ на христіанскомъ Востокѣ слабость фантазіи и замѣчательная трезвость ума до сухости доведенная. На это есть историческія причины; главное занятіе христіанъ подъ властію Турокъ цѣлые вѣка была торговля и торговля. Понятно что это для развитія фантазіи не особенно благопріятно. И если Болгары не поддавались на проловѣды протестантскихъ миссіонеровъ, то это потому именно что на всемъ христіанскомъ Востокѣ вовсе нѣтъ того искреннаго релігіознаго броженія умовъ, того исканія, той боли сердца по Богѣ, которое всегда было и есть у насъ въ Россіи... Тамъ всѣ, или почти всѣ, или неподвижные консерва-

торы или скептики по европейскимъ образцамъ, посвящающіе храмъ православному по національному чувству или изъ политическихъ цѣлей. Этого рода сухая трезвость умовъ имѣеть, конечно, и хорошія и худыя стороны, но объ этомъ нельзя говорить слегка... И потому я это здѣсь оставаю и вернусь къ этому вопросу поздѣе.

Я хотѣлъ только сказать между прочимъ что донесенія Ступина особенно поучительны были для меня не могли, и въ памяти не остались. Онъ писалъ не очень хорошо, не выразительно; и учиться этому надо было не у него, а у г. Шшквина. Г. Шшкинъ, его преемникъ, писалъ превосходно и по-русски и по-французски. Это былъ истинно образцовый политическій редакторъ. Онъ этимъ справедливо славился. Ясно, кратко, вѣрно, дѣльно и изящно.

Что касается фактовъ собственно, то разумѣется факты въ донесеніи Ступина были. Къ несчастію, чего не помню, того не помню.

Что касается идей, то были у него кажется двѣ идеи; но я думаю что объ эти идеи были внушены ему такъ-называемою средой. Лучшіе люди изъ городскихъ Грековъ и Болгаръ постоянно и мнѣ твердили объ этихъ двухъ политическихъ мысляхъ.

Одна мысль этихъ людей была слѣдующая:

„Фракія въ случаѣ распада Турціи должна стать особымъ княжествомъ съ Русскимъ (непремѣнно съ Русскимъ) княземъ на тронѣ. Не надо ее давать ни Болгарамъ, ни Грекамъ... Эта Фракія должна войти въ большой союзъ мелкихъ государствъ, съ Россіей во главѣ: Фракія должна быть подъ прямымъ русскимъ начальствомъ какъ преддверіе Константинополя. Константинополь присоединить къ Россіи необходимо; иначе тутъ станетъ гораздо хуже чѣмъ теперь, при Туркахъ. При Туркахъ есть надежды, безъ Турокъ и безъ Русскихъ не будетъ и надеждъ, все разстроится и все сдѣлается добычей Запада.“

Такъ говорили и мнѣ лучшіе люди Адрианополя. Они же говорили мнѣ что Ступину нравилась эта мысль примиренія Грековъ съ Болгарами во Фракіи безъ затѣй, посредствомъ почти прямого подчиненія Россіи. Подъ Фракіей въ этомъ случаѣ разумѣлась вся южная Забалканская область отъ Чернаго Моря до Македоніи на западъ и до Эгейскаго и Мраморнаго моря на югъ. Босфоръ и ближайшія окрестности

его исключались изъ этого княжества, греко-болгарскаго по населенію, полурусскаго по главному управленію.

Сѣверная Болгарія должна была стать почти тѣмъ же чѣмъ теперь. Забалканская часть (Тракія), гдѣ по селамъ и на сѣверѣ живутъ исключительно Болгары, а въ городахъ, особенно приморскихъ, и вообще на югѣ преобладаютъ Греки, должна болѣе подчиниться полурусскому правленію съ Русскимъ княземъ на престолѣ, а Босфоръ и ближайшія его окрестности должны были захвачены Россіей во что бы то ни стало, хотя бы цѣною самыхъ страшныхъ жертвъ. Фидиллополь отъ Адрианополя не отдѣлялся; онъ былъ ему подчиненъ. Такъ думали въ шестидесятыхъ годахъ умные и вліятельные старшины Адрианополя. Изъ нихъ большинство были Греки, но были и Болгары (напримѣръ умершій нынѣ, весьма вліятельный и богатый докторъ Найденовичъ, Россіи до фанатизма преданный).

Этимъ людямъ, и Грекамъ, и Болгарамъ, одинаково не нравилась и завывшая уже свою лустоту аѳинская демагогія, и загадочное еще въ то время освобожденное Болгарство. Свободную Элладу они не уважали, будущую вполнѣ свободную Болгарію не могли ясно себѣ представить. Имъ нравилась русскій монархизмъ, ихъ восхищала русская дисциплина, русское братство, съ одной стороны, и русское покровительство и простота, съ другой. Они думали даже что и мѣстнымъ Туркамъ несравненно будетъ пріятнѣе и выгоднѣе зависѣть отъ Россіи чѣмъ отъ нихъ, отъ вчерашнихъ рабовъ своихъ; они находили даже, что Россія въ случаѣ удачнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса найдетъ себѣ сильнѣйшую опору въ мѣстномъ мусульманствѣ что эти ослорѣлые безъ султана Турки всегда лучше поймутъ Блага Царя и его генераловъ, чѣмъ ладату какихъ-то фразчиковъ, смѣлыхъ только на словахъ и вичѣмъ ивымъ не внушительныхъ.

Эти люди представляли себѣ Россію, изболтавшуюся нынѣ Россію, Россіей серіозною и консервативною, не совсѣмъ благопріятно смотрѣли даже на большую часть нашихъ реформъ и были въ политикѣ болѣе Русскими чѣмъ мы сами... Имъ приходилось иногда у нихъ учиться русскому охраненію, русскому политическому эгоизму такъ-оказать, который они считали для будущаго Востока болѣе сласительнымъ чѣмъ безкорыстіе или излишнее довѣріе даже и къ

самимъ христіанамъ. „Не надо разчитывать на одну популярность или на благодарность въ будущемъ. Прежде всего нужны страхъ и сила“, говорили эти люди.

Въ какомъ смыслѣ надо понимать возможность сближенія русскаго консула съ мѣстными эракіеками мусульманами? Мнѣ это объяснили преданные Россіи адрианоупольскіе *архонты*. Вотъ въ какомъ:

Христіанское населеніе Эракіи, за немвогими исключеніями, неспособно само отстаивать свою независимость оружіемъ. Оно робко. Завоеваніе здѣсь давнее, подчиненіе глубокое, даже привычка къ зависимости отъ Турокъ велика. Страна открытая, не гористая, большею частию безлѣсная, неудобная для партизанской войны. Положимъ, Русское правительство искренно не хочетъ ускорять разрушеніе Турціи и оно право въ этомъ, ибо лучше оставлять все какъ есть чѣмъ допускать дальше извѣстной мѣры вмѣшательство Залада. Все это такъ; но какъ сберечь государство которое само разрушается? Христіане (вообще не въ одной Эракіи) умножаются, богатѣютъ, учатся все болѣе и болѣе европейскому свободолобію и гордости: стыдятся зависимости отъ Турокъ даже и тогда когда Турки сносны и снисходительны. Постепенно отъ бѣльшаго знакомства съ Европой возрастаетъ презрѣніе ко всему турецкому, и не только къ турецкому, но къ своему дѣдовскому, старинному, похожему на турецкое. Чувство это не во всѣхъ областяхъ распространено равномерно, не у всѣхъ христіанъ равносильно, но оно растетъ, а мусульманство слабѣетъ. Въ высшихъ слояхъ мусульманскаго общества слабѣетъ религиозное чувство, не исполняются обряды и уставы Пророка съ прежнею строгостью; въ турецкой семьѣ расладеніе и развратъ; населеніе турецкое въ Европѣ вымираетъ. Въ Адрианоуполѣ и другихъ городахъ закрываются мечети,—некому въ нихъ молиться; пустѣютъ кварталы,—некому жить въ нихъ. Воинская повинность падаетъ всею тяжестью на однихъ мусульманъ; христіанъ въ войско по недовѣрію къ нимъ не берутъ: боятся приучать ихъ къ оружію. Старыя матери остаются безъ поддержки; молодыя жены которыхъ мужья идутъ въ солдаты вытравиваютъ себѣ дѣтей чтобы сохранить дольше красоту для вторичнаго брака или для проституціи. Правительство слабо, непопулярно, денегъ нѣтъ.... Державы гнетутъ его со всѣхъ сторонъ. Ихъ антагонизмъ

не спасаетъ Турцію отъ медленнаго изнеможенія. При такихъ условіяхъ какъ же можетъ Россія предохранить Турцію отъ распада, еслибъ и желала того? Хотя бы Турки были ангелы во плоти, и тогда бы христіане жаловались на нихъ изъ принципа. Простой народъ почти не замѣчаетъ разницы между управленіемъ лаша даровитаго и управленіемъ лаша неспособнаго; плохой, нерадивый лаша часто считается у христіанъ наилучшимъ. Образованные православыя положительно опасаются умныхъ лашей и хорошихъ беевъ. „Не дай Богъ намъ хорошихъ беевъ!.. Съ ними Турція простоитъ дольше, потому что они меньше будутъ раздражать народъ...“ Турція должна ластъ, и ластъ скоро. Надлежитъ это помнить.

Нельзя ли переманить на сторону христіанъ (или Россіи что все равно въ подобномъ случаѣ) мусульманское населеніе Эракіи? Духовенство, беевъ и рабочій классъ? Можно попробовать. Надо привлечь ихъ долгими усиліями хоть настолько чтобъ они не оказывали сопротивленія христіанамъ когда Россія силой самихъ обстоятельствъ будетъ вынуждена обнажить мечъ на защиту своихъ единовѣрцевъ.

Такъ думали тѣ христіанскіе политики которыхъ *руссизмъ* былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильнѣе нашего. Мы были почти все осторожнѣе, умѣреннѣе ихъ; мы меньше какъ-то вѣрили въ силу нашу чѣмъ они. Эти ли люди внушали Ступину мысль о сближеніи съ мусульманами, или, напротивъ того, онъ самъ дошелъ до нея и проповѣдывалъ эту идею вліятельнымъ христіанамъ, не могу сказать. Знаю только что попытки были, и что Ступинъ мѣстнымъ Туркамъ нравился. Чѣмъ? Многимъ. Храбростью, видомъ суровымъ, гостепріимствомъ, душевною простотою, азіатскими привычками внѣшняго эффекта, многолюдною стражей, мѣховымъ коллакомъ, умною бесѣдой въ ихъ духъ и т. д.

Разговаривая объ этомъ съ незабвеннымъ *Меттернихомъ* нашимъ, Манолаки Сакелларіо, я удивлялся смѣлости этой мысли и полагалъ что для подобнаго сближенія нѣтъ элементовъ. Но Манолаки былъ политикъ даже до лозіи, и ему хотѣлось вѣрить въ возможность чего-то подобнаго. Въ быту турецкомъ ему многое было привычно и по сердцу: европейской цивилизаціи онъ не любилъ; Россію считалъ лучшемъ чѣмъ она есть, предполагалъ ее болѣе самобытною, болѣе своеобразною чѣмъ она на самомъ дѣлѣ; мнѣ кажется

что нашъ европеизмъ (столь искренній, столь младенчески-гаулый иногда и столь гибельный) онъ считалъ лишь маской искусно-расписанною и ловко надѣтою до поры до времени. Онъ не зналъ Россіи либеральной и прогрессивной, и выдумалъ свою Россію, по преданію и разнымъ отрывкамъ... Искренній въ общей идеѣ своей, онъ при видѣ простодушія въ политикѣ ложималъ плечами. Онъ желалъ чтобы мы больше интриговали и меньше уважалъ насъ когда мы ему казались равнодушными или робкими. Онъ хотѣлъ вездѣ и во всемъ найти лицу русскому честолюбію, считая его вполнѣ законнымъ и умѣстнымъ въ этихъ странахъ.

Относительно мѣстныхъ мусульманъ онъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

— Они недовольны своимъ правительствомъ, недовольны реформами, помнятъ анычарскія времена, ненавидятъ Французовъ и Англичанъ, считаютъ ихъ болѣе вредными для мусульманства чѣмъ Русскихъ. Россію какъ государство они уважаютъ. Въ ихъ древнихъ преданіяхъ Россія смѣшивается иногда съ Византіей. Простые старики и даже ходжи (священники) разказываютъ охотно слѣдующій анахронизмъ изъ первыхъ временъ мусульманства. Магометъ (Пророкъ) разослалъ всемъ иновѣрнымъ царямъ письма, приглашая ихъ принять мусульманство. Всѣ западные цари отвѣсили грубо къ этому воззванію; только одинъ Русскій царь поступилъ почтительно. Онъ принялъ посла хорошо, читалъ письмо Пророка стоя на ногахъ у трона своего, прочтя письмо поцѣловалъ его, приложилъ ко лбу и сказалъ: „Еслибы мы прежде не приняли православія, то сочили бы за счастье стать мусульманами; но теперь это невозможно!“ Мусульмане опасаются Россіи, но они ее уважаютъ какъ государство. Царь для нихъ повятнѣе и уважительнѣе всякихъ парламентовъ. Они слышали также и отъ пѣвниковъ прежнихъ войнъ и отъ переселяющихся изъ Крыма въ Турцію Татаръ что религія ихъ пользуется покровительствомъ въ Россіи, знаютъ что татарскіе моллы награждаются и поддерживаются Русскимъ правительствомъ, что ходжи кричатъ на высокихъ минаретахъ точно также какъ въ Турціи. Они слышатъ что и народъ въ Россіи къ мусульманамъ не питаетъ того презрѣнія которое замѣтно въ обращеніи Европейцевъ. Есть и свѣжія, почти

вчерашня преданія. Русскіе въ 1829 году вступили въ Адрианополь врагами и побѣдителями; Французы въ 1854мъ вошли въ него союзниками, и несмотря на всю эту разницу Русскіе веда себя въ городѣ лучше союзниковъ. Ряспоряженія Дибича * оставили здѣсь глубокое впечатлѣніе, онъ требовалъ отъ солдатъ своихъ уваженія къ мусульманской святынѣ. Напротивъ того, французскіе начальники (кажется Боскѣ) позволяли подчиненнымъ своимъ дѣлать всякія безчинства. Зуавы приходили въ мечети во время молитвъ; Турки, судя по восточной одеждѣ ихъ, принимали ихъ за алжирскихъ магометанъ и продолжали спокойно молиться. Зуавы сначала стояли чинно, но потомъ, выждавъ время когда колѣнопреклоненные Турки падали ницъ, они сзади хватали ихъ за ноги и роняли на полъ. Французскіе солдаты взбирались на минареты, кричали оттуда, дѣлали на этихъ минаретахъ и еще худшія дѣла.... они стучались въ гаремы, оскорбляли мушьявъ, смѣялись всачески надъ Турками, презирая ихъ. И когда Турки приходили жаловаться, то генералы французскіе говорили: „Большая важность что солдатъ позабавился! Мы за васъ идемъ подъ русскія пули.“

Ни генералы русскіе, ни консулы, ни даже русскіе простолюдины этого презрѣнія къ мусульманамъ никогда не оказываютъ. Сверхъ всего этого, надо замѣтить что Турки стараго духа (а ихъ еще много) считаютъ западныхъ христіанъ народами безкнижными, *китабсизъ*, то-есть не имѣющими настоящихъ священныя книгъ. Богъ людямъ далъ только три священныя книги: Ветхій Заветъ Муссъ (Моисею), Коранъ Магомету и Евангеліе Пророку Иссъ (Иисусу). Коранъ новѣе и выше всѣхъ, но и тѣ отъ Бога; поэтому книжныхъ народовъ только три: мусульмане, Евреи и *Роми* (православные). Франки (западные христіане) исказили Евангеліе; у нихъ нѣтъ книги.

Такъ толковалъ мнѣ Маюлаки Сакелларіо.

Этотъ невзрачный, сѣролицый, сѣроглазый, приземистый Фракіецъ Маюлаки Сакелларіо, всегда такъ скверно одѣтый, въ домашнемъ быту своемъ, но правдѣ сказать, злой и лукавый, былъ чрезвычайно даровитъ, вѣренъ и твердъ въ

* Въ то время когда я служилъ въ Адрианополь многие еще живо помнили Дибича и его внезапное появленіе подъ Адрианополемъ.

лахъ и политикѣ. Положеніе его было скромное; поприще узкое; но способности его были удивительныя...

Я расположень думать что мысль о сближеніи съ мусульманами принадлежала болѣе ему чѣмъ самому Ступину.

Мы прежде всего и можетъ-быть уже слишкомъ часто и слишкомъ доверчиво заботились о томъ чтобъ угодить Славянамъ, и гдѣ возможно, то и другимъ христіанамъ. Они, эти мѣстные люди, мечтали прежде всего объ укрѣпленіи русской власти на Босфорѣ и въ его окрестностяхъ. Мы больше ихъ вѣрили въ силу популярности, въ силу благодарности народовъ, мы вѣрили больше ихъ въ ту любовь которую вослѣдовалъ такъ изящно Тютчевъ; и они были не прочь отъ этой любви, отъ популярности, но подобно Бисмарку тверже вѣрили въ право и пользу силы.

Мнѣ очень жаль что я не успѣлъ узнать и запомнить побольше подробностей о тѣхъ пріемахъ которые Ступинъ употреблялъ для привлеченія къ себѣ мусульманъ. О нѣкоторыхъ, извѣстныхъ мнѣ, я упоминалъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить что въ его время все это было легче, чѣмъ стало нѣсколько лѣтъ поздѣе. И мѣстные Турки измѣнились очень скоро. Они стали осторожнѣе съ иностранцами; рѣдкіе шли даже на простое знакомство съ консулами. Они стали бояться своего начальства, которое, вѣроятно, не скупилось на подобающія внушенія.

Новые паши становились все довѣе и довѣе, соединяя очень умно въ дѣйствіяхъ своихъ европеизмъ съ азіатствомъ...

Къ тому же во времена Ступина не было въ Адрианополѣ ни англійскаго, ни французскаго настоящихъ консуловъ. Былъ кажется только Австріецъ.

Не могу сказать въ точности до какой мѣры популярности достигъ Ступинъ въ средѣ адрианопольскихъ Турокъ; знаю только что именно эта популярность, и особенно одинъ случай, въ которомъ она рѣзко выразилась, возбудила противъ него, наконецъ, въ высшей степени и оттоманскія власти, и всемогущую тогда французскую дипломатію.

Жилъ въ то время въ Адрианополѣ одинъ молодой Турокъ. Звали его, если я не ошибаюсь, Али. Онъ былъ сынъ паши. Паша умеръ, а сынъ скитался безъ должности и пропитанія. Онъ просился на службу; его не принимали; никто не хотѣлъ ему помочь. На зло турецкой бюрократіи,

онъ пошелъ къ Стулину и наваяса у него въ простыя кавасы.

Эта горькая каля, разказывали мнѣ, переполнила чашу зависти и досады.

Противъ Стулина составилаь коалиція.

XXI.

Я сказалъ уже прежде что при началѣ дѣятельности Стулина въ Адрианополѣ консулы другихъ державъ въ этомъ городѣ были только по имени, не имѣвшіе надежащаго вѣса и значенія.

Позднѣе стали одинъ за другимъ назначаться настоящіе консулы, консулы, „присланные“, а не мѣстные.

Видная ли роль русскаго дѣятеля встревожила державы, или вѣрнѣе всѣ другія правительства просто пожелади, подобно Русскому, имѣть вліятельныхъ политическихъ агентовъ въ странѣ столь важной какъ Фракія, не знаю. Только консуловъ присылали въ Адрианополь одного за другимъ.

Первый, если не ошибаюсь, прибылъ г. Дѣско, эллинскій консулъ, родомъ Болгаринъ, чрезвычайно хитрый человекъ, про котораго его же эллинскіе сослуживцы говорили:

— Онъ совершенно неправильно и лутами исключительными втерся на коронную службу Греческаго королевства... Онъ былъ не автохтонъ * Элады, а пришлецъ славянской крови... Онъ вошелъ не въ дверь, и даже не въ окно, а разобравъ крышу и потолокъ, спустился куда ему желалось...

Не помню также когда пріѣхалъ г. Дѣско, раньше поступления турецкаго бея, генеральскаго сына Али въ кавасы къ Стулину, или позднѣе... Кажется раньше, но это и не важно.

Важно было то что единовѣрный Стулину и всѣмъ намъ политическій дѣятель ѣхалъ во Фракію съ яввою цѣлю бороться въ этой странѣ противъ панславизма.

Стулинъ, желая вѣроятно показать что онъ принимаетъ г. Дѣско за союзника, а не за врага, самъ съ помощію нѣкоторыхъ греческихъ старшинъ приготовилъ для православ-

* Не мѣстный уроженецъ.

наго товарища хорошее помѣщеніе и выѣхалъ встрѣчать его почетно за городъ, по восточному обычаю, для выраженія своего уваженія и радости.

Низевскій, смуглый, курчавый, сладкорѣчивый и чрезвычайно лукавый г. Дѣско отвѣчалъ любезностями на любезности, но тотчасъ же по прѣздѣ своемъ въ городъ объявилъ Грекамъ что вліаніе русскаго консула опасно для „великой валивской идеи“, и что онъ, Дѣско, намѣренъ противостать ему.

Борьбу свою противъ Россіи, одицетворяемой Стуливымъ, г. Дѣско началъ довольно оригинально.

Въ адрианопольской митрополичьей церкви (по нашему говоря въ соборѣ), кромѣ архиластырскаго трона съ навѣсомъ, есть еще три почетныя сѣдалища. Одно изъ нихъ находится по правую руку отъ митрополита, поближе къ иконостасу: оно обито краснымъ сукномъ съ небольшимъ золоченымъ двуглавымъ орломъ на спинкѣ; два другія полпроще напротивъ. На этихъ двухъ послѣднихъ изображены гербы Молдавіи и Валахіи, одноглавый орелъ и рогатая воловья или бычачья голова. Каждый гербъ на особомъ сѣдалищѣ. На мѣстахъ этихъ становились и садились когда-то молдо-валахскіе господа-фанариоты. Назначаемые въ княжество Портой они сухимъ путемъ съ большою пышностью проѣзжали черезъ Адрианополь и, отдыхая въ городѣ, конечно, успѣвали посѣщать митрополию и присутствовать при литургіи.

Что касается большаго сѣдалища обитаго краснымъ сукномъ по правую руку епископскаго трона, то подобныя ему встрѣчаются во многихъ большихъ церквахъ Европейской Турціи. Не могу сказать утвердительно для кого собственно они сѣдалища, какое именно важное лицо имѣли въ виду христіане, когда устраивали это почетное мѣсто въ своихъ соборахъ. Двуглавыи небольшой орликъ, робко притаившійся въ тѣни на спинкѣ кресла, заставляетъ думать что имѣлся въ виду византійскій или иной православный императоръ.

Но обыкновенно за отсутствіемъ царственной особы православнаго исповѣданія, на это мѣсто становились русскіе консулы или греческіе. Однажды даже (въ Янинѣ) я видѣлъ на этой пурпуровой стасидіи рядомъ съ митрополитомъ черное и непріятное лицо Армянина Костана-эфенди; онъ былъ тогда дипломатическимъ чиновникомъ при янинскомъ генералъ-губернаторѣ Ахмедъ-Рассимѣ, а потомъ самъ сталъ

лашой; его имя часто встрѣчалось въ газетахъ за послѣднее время; онъ исполнялъ многія важныя порученія Турецкаго правительства въ Герцеговинѣ, Албаніи и другихъ частяхъ, кажется, западной Турціи.

Русскіе консулы не всегда и не вездѣ становились на это мѣсто. Изъ преднамѣренной скромности они часто становились въ менѣе важныя стасидіи, напротивъ митрополита, у лѣваго ряда тѣхъ колоннъ безъ которыхъ нельзя вообразить себѣ ни греческой, ни болгарской церкви. Такъ большею частію дѣлалъ и Стулинъ въ Адрианополѣ, желая вѣроятно придать какъ можно больше значенія въ глазахъ народа красной стасидіи съ двуглавымъ орломъ: онъ становился напротивъ, ужь не могу сказать на которое, на молдавское или на валахское мѣсто; положимъ хоть на молдавское... Малолетній Дѣско, какъ только узналъ по пріѣздѣ своемъ въ городъ объ этомъ обстоятельствѣ, тотчасъ же рѣшилъ что Стулинъ гораздо выше его и что онъ, Дѣско, будетъ много терять въ глазахъ народа, если, ставъ рядомъ съ нимъ въ церкви на одной высотѣ, будетъ казаться гораздо ниже его. Сообразивъ это, Дѣско послалъ въ митрополию плотниковъ и приказалъ имъ возвысить подножіе валахскаго сѣдалища какъ разъ на столько чтобы голова его въ уровень съ головою Стулина возвышалась надъ толпой молящихся единовѣрцевъ.

Такою оригинальною и даже если угодно наивною выходкой ознаменовалъ г. Дѣско начало борьбы „великой владисской идеи“ противъ „Стулинскаго панславизма“!

Боже! какъ этотъ ужасный Дѣско, о которомъ мистеръ Блоятъ не могъ говорить иначе какъ о какой-то гремучей змѣѣ, — какъ этотъ Дѣско смирился лотомъ предъ нами! Какъ онъ былъ милъ и обязателенъ!... Какъ онъ съ панславизмомъ мирился во время нашего съ Зодотаревымъ управленія!..

Я его жалѣлъ и любилъ даже и теперь вслѣдствію о немъ, право, съ большимъ удовольствіемъ.

Съ такими-то людьми, лично любезными и вѣжливыми, но по службѣ дѣлательными и на все готовыми, на все способными, даже на политическую свирѣлость, подобными Дѣско и Блояту, было чрезвычайно пріятно служить!..

Знаешь что этотъ человекъ, который съ тобой такъ милъ и простъ, свое политическое и національное дѣло дѣлаетъ неустанно.... Дѣлай и ты; онъ бодрствуетъ, бодр-

ствуй и ты! Вотъ въ чемъ задача! И право мы, Русскіе, рѣшали ее, эту задачу, не дурако... по крайней мѣрѣ тогда. Кстати я помню въ одной петербургской газетѣ была въ шестидесятыхъ годахъ статья въ которой жаловались что англійскіе консулы имѣютъ гораздо больше вліянія чѣмъ наши. Это неправда, мы всегда были вліятельнѣе ихъ. Въ статьѣ этой было сказано что наши консулы можетъ-быть очень честные люди и исполнительные чиновники, но будто они не имѣютъ на Востокѣ ни малѣйшаго вѣса!.. „Вотъ Англичане—это другое дѣло“...

Можетъ-быть мнѣ измѣняетъ память (но, кажется, что нѣтъ), въ этой статьѣ было еще сказано что великобританскіе консулы все люди коммерческіе, а на Востокѣ все покупается за деньги... и т. п. Все это не такъ. Во-первыхъ, нигдѣ нельзя всего купить за деньги... Это фраза. А во-вторыхъ, русскіе консулы того времени вовсе не были похожи на то что обыкновенно называется исполнительными чиновниками; большинство ихъ въ то время были люди смѣлые, предприимчивые, изобрѣтательные, ловкие огля... Можетъ-быть иногда, подобно Стулину, ужъ слишкомъ лыкіе и слишкомъ предприимчивые. Англійскіе же консулы, съ другой стороны, вовсе не были коммерсантами; они были такіе же чиновники какъ и мы и вовсе не деньгами приобрѣтали вліяніе, а точно такъ же какъ и мы, то давленіемъ на мусульманскія власти и соглашеніемъ съ ними по тому или другому дѣлу, то умѣемъ приобрести расположеніе христіанской интеллигенціи; расположеніе же это обыкновенно было лишь временное и притворное; оно основывалось на сознаніи общегосударственной силы Англіи, которая „намъ, православнымъ Грекамъ или Болгарамъ, нужна теперь, временно для достиженія какой-нибудь опредѣленной мѣстной или національной цѣли,“ а никакъ не той стихійной, органической связи въ которой состоитъ Россія со всѣми христіанами Востока, связи живой и реальной... Силу этой связи нерѣдко со скрежетомъ зубовъ вынуждены признавать даже тѣ изъ Грековъ, Сербовъ, Болгаръ и Румынъ которые считались и считаются самыми лютыми врагами Россіи. Эта органическая связь съ Россіей парализуетъ всѣ мечты нашихъ недруговъ въ средѣ восточныхъ христіанъ и дѣлаетъ ихъ безсильными всякій разъ какъ только событія начинаютъ принимать грозный и рѣшительный характеръ. Всѣ эти греческіе Трикулы, болгарскіе

Чомаковы (извѣстный туркофилъ и вождь болгарскій во все время долгой борьбы ихъ противъ патріарха Царьградскаго кончившейся расколѣмъ), всѣ эти офранцузенные Румыны на тонкихъ ножкахъ и цивилизованные Сербы на ногахъ толстыхъ, всѣ они принуждены волеи-неволеи считаться въ трагическія минуты народной жизни съ этою досадною и неотвратимою силой всевосточнаго единовѣрчества...

Около того же времени какъ г. Дѣско велѣлъ плотникамъ подвысить себѣ стасцію въ соборѣ, пріѣхалъ и г. Тиссо, французскій консуль. Я его видѣлъ мелькомъ въ Константинополѣ и говорилъ съ нимъ; онъ показался мнѣ человѣкомъ благовоспитаннымъ и очень тонкимъ.

Его хвалили многіе; даже друзья Ступина отдавали справедливость его личной порядочности. Онъ явился, говорятъ, ко Ступину съ визитомъ, щеголемъ, въ свѣжихъ перчаткахъ. „А бѣдный мѣсь Ступинъ (разказывали мнѣ съ какимъ-то радостнымъ смѣхомъ единовѣрцы) принялъ его въ своемъ военномъ *ямурлыкѣ*...“ Вѣроятно, это было строе, обыкновеннаго военнаго покроя пальто или шинель въ родѣ солдатской. *Ямуръ*—значить дождь по-турецки, *ямурлыкъ*—одежда отъ дождя. О чемъ говорили Тиссо и Ступинъ, я не знаю; но это и не важно. Дѣло въ томъ что въ городѣ составилаь противъ Ступина коалиція; союзниками были: мѣстная турецкая власть, французскій консуль, всѣ мѣстные почетные консулы, изъ католическихъ кулцовъ Водетти и Вернацца, о которыхъ я уже не разъ упоминалъ, и греческій консуль Дѣско. Блонта, кажется, тогда еще не было.

Должно-быть въ это самое время французскій посолъ получилъ отъ г. Тиссо донесеніе въ которомъ Ступинъ былъ изображенъ въ самомъ гауломъ видѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ вреднымъ (конечно для Франціи, для Европы). Онъ будто бы, говорилось въ донесеніи, послѣ завтрака всегда уже пьянъ и въ странной одеждѣ ходитъ или ѣздитъ по городу и воюетъ... „Русское консульство больше похоже на казарму чѣмъ на консульство...“ Въ этомъ родѣ.

Въ одеждѣ Ступина ничего не было особенно страннаго: въ холодное время, зимой, онъ носилъ вѣрно одну изъ тѣхъ боярокъ которыя носятъ у насъ въ Россіи давно уже; можетъ-быть запросто, не съ официальнымъ визитомъ, ходилъ иногда въ поддевки или въ томъ полувоенномъ *ямурлыкѣ* въ которомъ онъ принялъ г. Тиссо. Почему же мы по

зимнимъ двамъ, когда и въ Турціи бываетъ холодно, должны носить непремѣнно этотъ цилиндръ, который вѣрно былъ на Тиссо; почему не ходить запросто въ русскою поддевку?

Въ посольствѣ нашии что это все не по-европейски, que ce n'est pas comme il faut: „Вообразите, говорили,—Ступинъ дерется тамъ.“ Кроме того, взведены были на Ступина обвиненія въ злоупотребленіяхъ какія онъ будто бы допускалъ.

Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ всего этого присланъ былъ въ Адрианополь секретарь посольства чтобъ отстранить Ступина отъ должности.

Увѣженный такъ всевародно Ступинъ собралъ кое-какія деньги и уѣхалъ въ Петербургъ.

Всѣ друзья Россіи, самые умѣренныя христіанскіе старшины, множество православныхъ людей простаго званія, даже цыне Турки съ глубокимъ сожалѣніемъ провожали его... Многие давали ему денегъ взаймы на эту поѣздку въ Петербургъ.

Враги, особенно мѣстные католическіе буржуа, ликовали, кричали по всему городу, будто посланникъ велѣлъ заковать Ступина и вѣрнаго драгомана его Манолаки Сакелларіо въ цѣли и въ этомъ видѣ отправить въ Петербургъ на судъ и расправу.

Въ Петербургѣ, впрочемъ, Ступинъ былъ оправданъ и награжденъ.

Ему очень хотѣлось вернуться съ торжествомъ въ Адрианополь; но этого утѣшенія онъ не дождался и былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Персію. Тамъ онъ умеръ въ 1866 году внезапно отъ холеры.

Кто-то изъ семейныхъ его послѣшилъ сообщить эту печальную вѣсть его вѣрнымъ адрианопольскимъ друзьямъ и почитателямъ, которые тотчасъ же пришли ко мнѣ съ просьбой сказать, если можно, въ память его какую-нибудь рѣчь на греческомъ языкѣ во время заупокойной обѣдни, которую они закажутъ за городомъ, въ построенной имъ Демердешской сельской церкви...

Я согласился.

Я написалъ рѣчь по-французски, а драгоманъ Манолаки Сакелларіо перевелъ ее по-гречески. Конечно, я хвалилъ Ступина точно въ томъ же духѣ въ какомъ хвалю и здѣсь. Говорилъ между прочимъ что хотя *Θρακiα* страна и смѣшанная, но для русскаго агента нѣтъ на востоку ни

Сербовъ, ни Грековъ, ни Валаховъ, ни Болгаръ... есть только православные.

Католиковъ мѣстныхъ я, конечно, не называлъ прямо, а говорилъ о жалкихъ врагахъ нашихъ, кричащихъ безсильно на насъ и т. д. О турецкихъ властяхъ отзывался я почтительно и говорилъ что Стулинъ оттого и успѣвалъ дѣлать столько добра мѣстнымъ христіанамъ что, свискивая расположеніе мусульманъ, онъ видѣлъ отъ нихъ всякаго рода уступки.

Заулокѣнную обѣданію служилъ въ селѣ Демердешъ самъ адрианопольскій митрополитъ Кириллъ (Грекъ), но въ церкви кромѣ Болгаръ демердешскихъ и избранныхъ адрианопольскихъ друзей Стулина (и русскаго консульства вообще) не было никого лишняго. Всѣ остались довольны; одинъ только Грекъ, братъ нашего драгомана, Костаки Сакелларіо, продавецъ галактерейныхъ товаровъ и яростный приверженецъ „великой эллипской идеи“ распространенія Греціи до Балканъ, остался недоволенъ. Онъ говорилъ что вся моя рѣчь направлена противъ эллинизма. Не могъ уже я въ самомъ дѣлѣ увѣрять хоть бы этихъ самыхъ демердешскихъ мужиковъ, которые тутъ же молились за душу Стулина въ своихъ шалкахъ на полубритыхъ головахъ, что они Эллины!..

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вернулся Золотаревъ и принималъ отъ меня консульство. У меня было тогда готово черновое донесеніе о лавнихидѣ ло Стулинѣ и о прекрасной памяти которую оставила въ Адрианополѣ его дѣятельность; при донесеніи былъ приложенъ русскій переводъ моей греческой рѣчи.

Золотаревъ прочелъ и донесеніе, и рѣчь. Донесеніе исправилъ по-своему, сократилъ, сдѣлалъ его менѣе хвалебнымъ, нѣсколько охладилъ тонъ, переписалъ самъ набѣло и отправилъ отъ своего имени въ Константинополь. Что касается рѣчи моей, то онъ возвратилъ мнѣ ее, говоря: „лучше не посылать ея. Вы прекрасно сдѣлали что здѣсь сказали ея, но въ посольствѣ многіе Стулина не любятъ и будутъ вамъ недовольны.“

Черезъ мѣсяцъ я самъ былъ въ отпуску въ Царьградѣ, а Золотаревъ остался въ Адрианополѣ пока одинъ, безъ секретаря. Надо было и мнѣ отдохнуть послѣ двухлѣтнихъ почти непрерывныхъ трудовъ.. Я сидѣлъ разъ въ канцеляріи посольства и спорилъ съ однимъ изъ вліятельныхъ при

посольствѣ лицъ. Тотъ напалъ на Золотарева, а я защищалъ своего молодого консула.

— Вотъ вамъ примѣръ его необразованности и безтактности, воскликнулъ мой собесѣдникъ:—его послѣднее донесеніе о Ступицѣ... Хвалить какого-то Держиморду, который сокрушалъ всѣмъ зубы чтобы доказать величіе матушки-Россіи!

Я засмѣялся и сказалъ:

— Безтактный и необразованный человѣкъ этотъ я! Нельзя иногда не сокрушать зубы...

Я разказалъ тогда всю исторію донесенія; сказалъ даже прямо что говорилъ и рѣчь въ церкви и нахожу что сдѣлалъ прекрасно.

Собесѣднику моему на это нечего было возразить; меня онъ не только глупымъ и необразованнымъ не считалъ, но, напротивъ того, какъ нарочно ддя за два предъ этимъ онъ говорилъ мнѣ: „Хорошо бы еслибы всѣ консулы у насъ были такіе какъ вы: люди привычные къ умственному труду и научно-образованные..“

И тотчасъ же, входя въ роль чиновника посольства, замѣтилъ мнѣ не безъ внушительной вѣжливости:

— Я кажется старался объяснить вамъ, Константинъ Николаевичъ, что когда дѣлають надпись въ углу, вѣзду официальныхъ писемъ, то ставятся два эгцетера, а три ставятся только въ случаѣ письма къ особамъ царской крови.

Надо замѣтить что между посольскими чиновниками и консулами постоянно замѣчается тотъ родъ антагонизма какой бываетъ въ арміяхъ между штабными и командирами отдѣльных дѣйствующихъ частей: полковъ, ротъ и т. п. Антагонизмъ этотъ вполне естественъ и есть неизбежное слѣдствіе разницы въ положеніяхъ; впечатлѣнія окружающей среды совершенно иныя. Консулы соприкасаются прямо съ народомъ; секретари посольствъ ни съ кѣмъ не имѣютъ дѣла кромѣ министровъ той державы при которой аккредитованъ ихъ начальникъ; когда секретарь идетъ по столицѣ, его никто не замѣчаетъ и не знаетъ; когда консулъ идетъ по улицѣ провинціального города, часовые турецкіе отдають ему честь; многое множество людей въ городѣ его знаетъ въ лицо и здоровается съ нимъ; если его толкнуть нарочно или оскорбить иначе какъ-нибудь, весь народъ смотритъ, тревожится и хочетъ знать что онъ теперь сдѣлаетъ, смѣлъ ли онъ самъ, или не слаба ли стала держава которую онъ представляетъ въ городѣ...

Секретари трудятся при посольствахъ иногда очень много, нередко гораздо больше консуловъ; но у секретарей рѣже затрогиваются тѣ живыя струны патріотизма которыя связаны, по самому существу вещей, съ личнымъ самолюбіемъ нашимъ; секретари индифферентнѣе и, надо правду сказать, часто благоразумнѣе консуловъ; консулы имѣютъ свои пороки; и нельзя не сознаться что положеніе ихъ таково что они слишкомъ расположены „лѣзть на стѣну“ и затруднять своими требованіями и жалобами посольство. Не разъ случалось что посольскій чиновникъ, получивъ независимый постъ, невольно возвышалъ свой тонъ и начиналъ „поклоняться тому“ что онъ „сжигалъ“ въ столицѣ такъ небрежно, насмѣшливо и мило. Когда же наоборотъ слишкомъ лыкій консулъ получалъ мѣсто въ Константинополѣ, то онъ невольно отрезвлялся и стылъ...

И Стулина можно было бы конфиденціально попросить понизить свой тонъ, если въ то время всѣ эти Лавалетты и Тувенелы были намъ уже такъ нужны.. Но едва ли требовалось унижать этого способнаго и смѣлаго русскаго дѣятеля.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ЗМЪИНЫЙ ДЪДЪ

РАЗКАЗЪ

Лѣтомъ 1867 года довелось мнѣ провести нѣсколько времени въ одномъ изъ прелестныхъ глубоко-мирныхъ уголковъ Екатеринославской губерніи, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, у однихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, имѣніе которыхъ раскинулось на привольныхъ мѣстахъ, богатыхъ и роскошнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ берега рѣки Донца, и тучными лажитями, и красивыми холмами, а отчасти даже и небольшими скалами, которыя въ вертикальныхъ своихъ плоскостяхъ обнаруживаютъ латвіяковыя, аспидныя и гранитныя наслоенія. Охоты въ этихъ мѣстахъ тоже недурныя, въ особенности по Донцу, и такъ какъ дни стояли прекрасные, то я довольно часто отпраплялся бродить съ ружьемъ по прибрежнымъ тѣнистымъ зарослямъ.

Въ верстѣ разстоянія отъ господской усадьбы, среди цвѣтушихъ сочныхъ луговъ, подъ сѣнью небольшой, но старорослой ольховой и чернокленовой рощи, пріютилась небольшая ласѣлка съ соломеннымъ куренемъ и глиняною мазанкой, приспособленною для житья зимой. Здѣсь была криница съ чисто студеною водою, и благочестивая рука стараго ласѣчника утвердила надъ этою криницей на стволѣ древняго дуба маленькій досчатый кіотъ, въ родѣ навѣса, гдѣ

ломѣщался старинный потемнѣлый образъ Св. Зосимы, покровителя пчеловодства. Въ жаркій полдень или вечернею порой, утомясь жаждой и продолжительною ходьбой на охотѣ, я нерѣдко захаживалъ на ласѣвку освѣжить пересохшее горло кривичною водою.

Но еще болѣе чѣмъ эта вкусная вода привлекала меня въ свой укромный уголокъ самъ ласѣвникъ, всегда встрѣчавшій меня съ большимъ радушіемъ.

Это былъ высокій, мускулисто-сухощавый старикъ, съ длинными повисшими усами и щетинистою бородой, которую, несмотря на свои весьма и весьма почтенные, даже ветхія годы, онъ все-таки продолжалъ „годить“, то-есть брить подъ большіе праздники. Человѣкъ былъ интересный. По его собственному счету, ему уже стукнуло девяносто четыре года; но на взглядъ, по наружности, никто не далъ бы старому Остапу болѣе шестидесяти лѣтъ, до такой степени былъ онъ еще бодръ и крѣпокъ какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Весь съдой какъ лунь, съ лицомъ и грудью которыя подъ лучами южнаго солнца давнымъ-давно уже приняли темно-бронзовый оттѣнокъ, дѣдъ производилъ своею наружностью эффектъ чрезвычайно выгодный для живописца, если бы перевести на полотно его характерныя черты и краски. Сдвинутая на затылокъ барашковая шалка, — одна и та же для зимы и лѣта, — бѣлая холщевая рубаха съ вѣчно разстегнутымъ большимъ воротомъ, такіе же штаны, по-чумацки пропитанные дегтемъ и стянутые ремненнымъ поясомъ, да башмаки на босу-ногу: таковъ былъ лѣтній костюмъ дѣда Остапа. На бронзовой „волохатой“ груди его висѣлъ мѣдный „киевскій“ крестъ довольно солидныхъ размѣровъ; но чего-чего не ломѣщалось только на его кожаномъ поясѣ, который былъ усаженъ рядами разныхъ металлическихъ, преимущественно военныхъ луговницъ! Подстегнутые и подвѣшенные на разныхъ ремешкахъ и „мутузочкахъ“ тутъ у него болтались „люлька“, ножъ въ чехлѣ, гребешокъ, „красало“, то-есть огниво, игла для прочистки люльки, кisetъ съ табакомъ курительнымъ, рожокъ съ табакомъ нюхательнымъ, кожаная сумочка для денегъ и еще какіе-то невѣдомые маѣ инструменты по пчеловодной спеціальности. Дѣдъ держался вѣскольکو сутуловато и ходилъ степенно-медлительно, но бодрою походкой, опираясь на длинный самодѣльный посохъ. Память у него была превосходная, но въ особенности отчет-

диво и ясно помнилъ онъ годы своей молодости, про которые не прочь былъ порой и поразказать кое-что далеко не безынтересное. Этимъ-то преимущественно и сталъ онъ мнѣ достолюбезенъ. Достаточно сказать что дѣдъ Осталя хорошо помнилъ „Очаковскую зиму“ (1788 года). Его отецъ былъ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ въ этотъ край изъ Бѣлгородскаго намѣстничества, и въ эту-то „Очаковскую зиму“ Осталя, тогда еще лятнадцатилѣтній мальчишкѣ, вмѣстѣ со своимъ „батькомъ“ гонялъ гурты и ходилъ съ обозомъ въ нашъ лагерь подъ Очаковъ; видѣлъ тамъ и „свитайшаго“, то-есть князя Потемкина, видѣлъ и Суворова; по его разказу это была зима столь суровая что подобной въ Новороссійскомъ краѣ не заломнать старожилы ни до, ни послѣ того времени.

— Було такъ що птыця летыть-летьть, та й владѣ на свигъ, якъ каминь зъ неба, разказывалъ Осталя.

Разказывалъ онъ и про то какъ „на самаго Миколу“, то-есть на 6е декабря, лалъ наконецъ Очаковъ подъ нашими штыками; какъ во время пристула „свитайшій“ стоялъ „коло гармать“ (на батарей) и „гласно сливалъ молибны“, а потомъ какъ онъ уѣхалъ „до матушки-царици“ и какъ крестьяне ему по ночамъ всю дорогу кострами освѣщали и кричали ура. Помнилъ Осталя и многое другое: помнилъ какъ Сѣчь Запорожскую на Кубань переводили, какъ „Вонналарь-автыхристъ“ шелъ на Россію „зъ невирными царями“, какъ „Ермолай-гѣнераль“ на Калкази орудовалъ; помнилъ какъ гробъ царя Александра везли изъ Таганрога и при этомъ толпы крестьянъ и все лавство стекались на большую дорогу поклониться праху государя, и по ночамъ тоже освѣщали весь путь кострами.

У Осталя было въ запасѣ много и много житейской мудрости почерпнутой имъ изъ долгодѣтнаго опыта. Онъ умѣлъ, напримѣръ, кровь заговаривать и лѣчить разныя болѣзни на людяхъ и на скотѣ, зналъ свойства многихъ цѣлебныхъ травъ и корешковъ, которые въ большемъ запасѣ хранились въ его хаткѣ-мазанкѣ, въ мѣшечкахъ на образной локтѣ, или подвѣшивались лучечками подъ потолочную балку. Былъ на селѣ такой слухъ что у стараго ластѣчника и дѣвѣга таки водится, только невѣдомо гдѣ ее въ землю зарываетъ, боится де чтобы не обокрали. Толковалъ народъ и лустыя басни, будто Осталя владѣеть тайной заклинать и откры-

вать клады и что кабы онъ только захотѣлъ, то могъ бы сейчасъ же сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ на всю губернію, такъ какъ ему вѣдомы всакіе клады, и турецкіе, и татарскіе, и казацкіе.

Осталь только ухмылялся въ отвѣтъ на такія рѣчи, да многозначительно помахивалъ, кура свою люльку-носогрѣйку; ему кажется было даже пріятно что въ народѣ его за колдуна почитаютъ, дескать, пускай себѣ думаютъ что хотятъ; отъ этого худа не будетъ, а еще добро, такъ какъ иной человѣкъ, разумѣя его колдуномъ, въ иной часъ можетъ быть и поостережется сдѣлать старику какое ни на есть зло, обокрасть или даже убить его на удивенной ласкѣ, подмываемый на злое дѣло слухами о деньгахъ, будто бы здываемыхъ Остапомъ гдѣ-то тутъ по близости.

Любилъ я порою разговориться съ нимъ про старыя годы, вызвать его на воспоминанія, и разъ что старикъ самъ незамѣтно увлечется ими, тихая рѣчь его текла плавно и мѣрно, какъ старая сказка.

Каждый разъ бывало что придешь къ нему онъ отрѣжетъ кусокъ пшеничнаго короваля, принесетъ свѣжихъ огурцовъ да мисочку душистаго отстойнаго меду и умѣститъ все это предо мною на старой опрокинутой колодѣ, служившей вѣкогда ульемъ. „Кушайте съ Богомъ, ланочку, на здоровье!“ А затѣмъ, мало-по-малу, слово за словомъ, начинаются какіе-нибудь разказы. Дашь ему подъ конецъ бесѣды двадцать или тридцать колѣбекъ въ подарокъ за угощеніе, и старикъ видимо останется очень доволенъ, неторопливо отстегиваетъ мѣдную луговку своей кожаной сумочки и бережно опускаетъ туда монету. Любилъ-таки приколоть денежку! Разъ было спросилъ я его, дѣлаетъ ли онъ какое-нибудь употребленіе изъ своихъ денегъ?

„А якъ же-жъ!“ отвѣчалъ онъ и, поведя меня въ хатку, показалъ тамъ „бирку“, гладко выстроганную лпаночку, на которой разными крестиками и зарубками, понятыми лишь ему одному, были отмѣчены всѣ его денежныя прибыли. „Нехай у церковь Богу на масло, та на выщу братью доставутся, на поминъ души, пояснилъ Осталь и прибавилъ что уже сдѣлалъ распоряженіе на случай своей смерти“.

Однажды поѣхалъ я верхомъ вереть за двадцать въ степное село, ко знакомому мировому посреднику, и незамѣтно

засидѣлся въ гостяхъ до вечерней зари. Оставляли было почевать, но я предпочелъ добраться домой по ночному холоду, вмѣсто того чтобы тащиться завтра по жарѣ, на солнышкѣ, а жара въ эти дни уже съ семи часовъ утра давала таки себя чувствовать самымъ исправнымъ образомъ. Вхалъ я ровною стелью. По глубокосинему небу кое-гдѣ мигали рѣдкія звѣзды; за то луна среди легкихъ дымчатыхъ облачковъ играла лопатымъ блескомъ, озаряя бѣлые султаны степнаго ковыля и темные клубки перекати-поля. Изрѣдка, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, вырисовывался слабо-освѣщенный силуэтъ большой дрофы, которая и не думала лугаться и отлетать при гуломъ звукѣ копытъ моей лошади, а напротивъ, какъ бы съ нѣмымъ удивленіемъ встрѣчала и провожала поворотомъ головы непривычное для нея въ такую пору появленіе одинокаго всадника. Вся окрестность вблизи и вдали звенѣла однимъ непрерывнымъ музыкальнымъ звукомъ, который то ослабѣвалъ, то плавно усиливался, но не обрывался ни на единый мигъ. Этотъ звукъ производятъ мириады кузнечиковъ своимъ стрекотаньемъ, что начинается у нихъ послѣ солнечнаго заката и непрерывно дается вплоть до утренней зари. И странное впечатлѣніе производитъ эта безконечная, нѣсколько тоскливая нота: такъ и кажется будто сама стель звучитъ, и поетъ, и стонетъ изъ глубины своихъ необъятныхъ пространствъ, какъ нѣчто живое, одушевленное... Вотъ вдали виднѣется костерокъ, и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ нему тѣмъ яснѣе начинаетъ различать ухо что къ ночнымъ звукамъ стели присоединяются еще и мелодическіе звуки деревянной свирѣлки, на которой артистсамоучка наигрываетъ популярнѣйшую въ то время по всему Новороссійскому краю лѣсеню:

И жить будемъ, и гулять будемъ,
А смерть прійде, помырать будемъ.

Куда бы ни направилася бывало, только эти звуки и услышишь на степи и въ поселкахъ, среди дня и глубокой ночи. Эту лѣсенку повсюду и пѣвали, и на дудочкахъ наигрывали пастухи и деревенскіе ребятишки. Подъѣзжаю къ костерку еще ближе и ближе, тянетъ уже дымкомъ на встрѣчу и доносится вкусный запахъ кулеши съ галушками, что килить-послѣваецъ въ казанкѣ на треногѣ. Это чабаны

расположились на ночь съ громадною отарой; овцы тутъ же разбрелись по степи и тихо пасутся, оберегаемая со всѣхъ сторонъ умными собаками-овчарками. Костерокъ такъ привѣтливо манитъ къ себѣ прикурнуть въ кружокъ выветъ съ чабанами и такъ весело трещитъ его пламя у подножія стелнаго кургана, трепетно озаряя порою каменную „бабу“, которая уже много и много вѣковъ одиноко торчитъ на вершинѣ этого кургана, сложивъ на груди свои каменные руки и будто сфинксъ загадочно глядя въ безконечность... Этотъ идолъ—нѣмой свидѣтель эпохи великаго переселенія народовъ, а быть-можетъ и еще болѣе отдаленнаго времени.

Разспросилъ я у чабановъ о дорогѣ; хоть и надѣешься на свою ламатливость, а все-таки какъ-будто повѣряе будетъ когда разспросишь, и поскакалъ далѣе.

Вхалъ я все время бойкою, крулкою рысью. Вотъ уже скоро и дома: видны вдали по косогору бѣлыя стѣны деревенскихъ хатъ, озаренныя луннымъ свѣтомъ; тамъ кое-гдѣ два-три огонька въ низенькихъ оконцахъ мигаютъ; дворовыя собаки всю окрестность оглашаютъ раздвистымъ лаемъ. Вотъ и роца дѣда Остала надвигается все ближе и ближе, словно разлегшійся по землѣ гигантскій круглоголовый призракъ; ужъ теперь не болѣе двухъ верстъ остается.

Конь мой усталъ и взмылился отъ быстрого бѣга. Не желая задавать конюху лишняго труда вываживать лошадь, я соскочилъ съ сѣдла, ослабилъ подпруги и повелъ ее въ поводу. Судя по звѣздамъ, уже было около двѣнадцати часовъ ночи. Курить мнѣ смерть какъ хочется, но такая досада въ портсигарѣ, какъ на зло, ни одной спички не оказывается. Знаю что путь мой лежитъ какъ разъ мимо самой ластѣки,—значитъ, у дѣда закурить бы, да вѣдь ужъ спитъ давнымъ-давно, поди-ка!... Нечего дѣлать, придется потерпѣть до дому.

Минутъ пять спустя я уже шель вдоль жердяной ластѣчной изгороди, густо и красиво обвитой лобѣгами дикаго хмѣля и лавоємъ, бѣлые цвѣтки котораго, раскрывъ свои рыльца, глядѣли на мѣсяцъ, словно бы жѣдно уливаясь его лучами, что протянулись какъ дачныя нити и разсыпались мелкою сѣтью между высокимъ бурьяномъ, крапивою и кудрявыми вѣтвями черноклена. Вотъ и знакомая калитка въ изгороди.

Только что жъ это такое?... Никакъ дѣдъ-то не спитъ... Вглядываюсь пристальнѣе, и точно шагахъ въ двадцати¹ отъ

меня, на лужайкѣ предъ мазанкой, ясно вырисовывается на ночномъ фонѣ зелени его высокая фигура, вся облитая луннымъ свѣтомъ. Дядь сосредоточенно занятъ какимъ-то дѣломъ и, кажись, даже вовсе не слышалъ звука копытъ моей лошади; не замѣчаетъ и того что я остановился у калитки. Онъ тихо посвистываетъ, какъ-будто зоветъ кого-то и какъ-то странно разводитъ простертыми впередъ руками, какъ бы заманивая или призывая къ себѣ какія-то невидимыя существа, невѣдомыя тайныя силы.

Старый кудластый пестъ его, почувявъ присутствіе посторонняго человека, разразился хриплымъ лаемъ, но Осталь и на это не обратилъ вниманія,—продолжаетъ все то же занятіе. Но вѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кого это онъ манитъ? Вокругъ никого и ничего не видно. Колдуетъ что ли или можетъ-быть Богу молится? Однако же движенія эти не похожи на молитву. Порою дядь наклоняется, внимательно всматриваясь вокругъ себя, точно бы ищетъ чего-то по землѣ. Вотъ онъ подвѣлъ что-то и положилъ предъ собою подъ разостланное по землѣ широкое полотенце, и опять выпрямился, опять посвистываетъ и дѣлаетъ эти странныя движенія руками, которыя отчасти напомнили мнѣ „пасы“ употребляемые магнетизерами при ихъ сеансахъ. „Блады заклинаеть!“ мелькнуло у меня въ умѣ. „Неужели же справедливы народныя толки?“

Я наконецъ рѣшился окликнуть его и громко произнесъ:

— Дяду!

Собака залаяла еще громче и заѣе. Осталь встрепенулся, подвѣлъ голову и въ недоумѣніи повелъ вокругъ себя глазами, словно бы затрудняясь еще дать себѣ отчетъ, точно ли его окликнулъ кто или ему только такъ почудилось?

Я повторилъ свой возгласъ.

Старикъ щиткомъ приставилъ ладонь къ бровямъ и вглядчиво уставился глазами по направлению къ калиткѣ.

— Кто се тамъ? слышался его недовольный и отчасти раздосадованный голосъ:—акогось биса тамъ кому треба одъ мѣне? Ходы соби, чоловіче, мимо, колы ты добріи!

Я назвалъ себя по имени и попросилъ огня закурить сигару.

— А!... Се вы, паночку!... Такъ бы и казали! заговорилъ онъ уже боѣе ласково, хотя, какъ показалось мнѣ, отчасти смущеннымъ тономъ.—Почекайте трѣшку, заразъ выкрасу.

Я захлестнулъ трензельный поводъ за одинъ изъ колевъ забора и пошелъ въ калитку.

— Стойте тамъ! неидите бо сюды! послѣшилъ предупредительно крикнуть мнѣ старикъ; но, грѣшный человекъ, не осилилъ я въ себѣ любопытства: больно ужъ захотѣлось узнать что такое онъ тутъ продѣлывалъ въ такой таинственной обстановкѣ, и потому, не послушавшись его предостереженія, шелъ себѣ далѣе.

— Дай ужъ заодно, голубчикъ, и напиться мнѣ, оказалъ я чтобы хоть этимъ предлогомъ оправдать въ его глазахъ свое движеніе впередъ вопреки его волѣ.

— Та я бѣ вамъ и туды принисъ, пожалъ онъ плечами.

— Ну, все равно, коли ужъ я къ тебѣ и самъ пришелъ... Только пожалуста поскорѣе воды и огня! Смерть какъ и пить, и курить хочется!

— Заразъ, прощѣдилъ онъ сквозь зубы и, раздумчиво почесавъ поясницу, лѣвивымъ шагомъ побрелъ въ свой курень за глинянымъ кувшиномъ.

— Что это ты не слышь, Осталь? спросилъ я его тѣмъ часомъ.

— Сва не маю, отвѣтилъ онъ нехотя и подалъ мнѣ воду:— лійте зъ Богомъ, на здоровье!

— И что же ты дѣлаешь, когда тебѣ не спится? продолжалъ я.— Вотъ теперъ, напимѣръ, чѣмъ ты занимаешься?

Старикъ не безъ подозрительности оглядѣлъ меня пытливо и внимательно, какъ бы стараясь разгадать, ради чего, съ какою цѣлью задаетъ ему „лавычъ“ такіе вопросы?

Я напился прямо изъ горлышка и поставилъ кувшинъ на землю; но, опуская его, вдругъ нечаянно замѣтилъ что подъ бѣлымъ полотенцемъ, разостланнымъ тутъ же по землѣ, какъ будто что-то шевелится. Вглядываюсь—и впрямь шевелится. Я попыталъ было откинуть хлыстомъ коонецъ полотенца какъ вдругъ старикъ быстро схватилъ и отвелъ мою руку.

— Не замайте! промолвилъ онъ отрывисто и строго.

— А что тамъ?

— Э, Боже жъ мой! нетерпѣливо и досадливо мотнулъ онъ головой.—Хиба жъ я на смихъ кажу вамъ, чи що?... Який вы, лавычу!... Натѣ вамъ огвя, та ѣ ходыть соби зъ Богомъ до дому!... Бидна коняка ваша и то вже зморылась, и слаты

и ясты хоче. Богъ зъ вами! ... А якъ хотите, то завтра приходять до ласици,—побалакаймо... Добра-ночь!

Старикъ видимо торопился поскорѣе выпроводить меня съ ласѣки. Наставать далѣе было бы не деликатно, и я, простившись съ нимъ, направилась по тропинкѣ къ калиткѣ гдѣ фыркала и терлась о плетень мордой моя усталая лошадь. Осталъ пошелъ провожать меня. Но не успѣлъ я сдѣлать пяти-шести шаговъ, какъ вдругъ стремительно отшатнулася назадъ, подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ невольнаго инстинктивнаго испуга. Поперекъ дорожки, вытянувшись во всю свою длину, лежала змѣя аршина въ полтора величиною: ея склизкое тѣло слабо отсвѣчивалось стальнымъ блескомъ подъ лучами мѣсяца.

— Не бойтесь, ланочку! успокоительно взялъ меня за руку ласѣвчикъ:—шагайте скрозь! Вонъ вамъ ничо́го не зроби́ть. Тильке часомъ не наступить ногою...

Я однако не рѣшался послѣдовать этому совѣту. Отъ такого шага удерживало и чувство боязни, и чувство отвращенія. Осталъ, видя мою трусость, пожелалъ убѣдить меня нагляднымъ примѣромъ и спокойно перешагнулъ черезъ змѣю впередъ и затѣмъ второй разъ обратно...

— Ну, ось вамъ! бачите?... Кажу що ничо́го не зроби́ть!... У мѣне на ласици гадюки не жалать.

И точно, змѣя лежала какъ очарованная, почти не шевелась; только легкое, медлительное колебаніе ея кольчататаго тѣла обнаруживало въ ней признаки жизни.

Я наконецъ превозмогъ свое неприятое чувство и, намѣтя себѣ самый широкій шагъ, быстро, но осторожно переступилъ черезъ отвратительную гадюку. Нечего и говорить что нѣсколько шаговъ оставшихся мнѣ до калитки прошелъ я глядя во всѣ глаза на тропинку,—все такъ и думалось что вотъ-вотъ опять подвернется подъ ноги подобная же мерзость. Однако, ничего; пріятный сюрпризъ не повторился, и я, простясь съ Остапомъ, уже безо всякихъ приключеній добрелъ себѣ до дому, доставивъ лишь деревенскимъ собакамъ поводъ къ одному лишнему въ эту ночь безпокойству или развлеченію, встрѣтить и проводить меня долго не смолкавшимъ лаемъ.

На другой день, часу въ шестомъ вечера, зашелъ я гуляя, къ Остапу. Усѣлись мы съ нимъ на лавальной колодѣ и ведемъ неторопливые разговоры, какъ вдругъ замѣчаю я что

ло травѣ что-то ползеть, пробирается прямо къ нашему сидѣнью. Трава тутъ была мелкая, низенькая, но густая. Смотрю—гадюка. Опять вскочилъ я какъ оларенный, такъ что даже самъ Остапъ вздрогнулъ отъ неожиданности этого движенія и воззрился на меня удивленными глазами.

— Что се зъ вами?!

Я молча указалъ взглядомъ и рукой на приближавшуюся гадюку.

Остапъ усмѣхнулся.

— Ну, и що жъ? Горпынка и бильшь ничого! пожалъ онъ плечами:—я вже вчѣра казавъ, що бы вы не лякались, бо у мене ни Горпынки, ни Марьянки не жалять. Ось, вона зъразъ буде тутъ, на ладѣнці. Хотите?

И дѣдъ какъ сидѣлъ на колодѣ такъ и остался, только протянулъ къ гадюкѣ свою правую руку.

— Ну, ну... ходы, ходы сюды, Божа гадюва, ходы! заговорилъ онъ благодушнымъ ласковымъ тономъ, какъ обыкновенно говорятъ маленькимъ дѣтямъ, и началъ тихо подманывать змѣю пальцами.—Не бійсь бо, ходы, кажу!... Ну, Горпынко.... Ну же, ну?!

Вилера слегка приподняла головку, поводила ею изъ стороны въ сторону и, точно бы противъ собственной воли подчиняясь обаявшей ее магнетической силѣ, медленно всползла къ старику на ладонь и браслетомъ обвилась вокругъ его кисти и запястья. Дѣдъ бережно развилъ ее и взялъ обѣими руками за хвостъ и шейку, вытянувъ во всю длину красиво испещренное тѣло вилеры.

— Ну, ось вона вамъ! Дивитесь! Отъ яка!... И рѣги надъ очима, бачите? То сама що ни найлютііша, бо зъ рогами, и яка пожалдыть, то смерть.... Отъ яки зубы, говорилъ дѣдъ, разинувъ гадюкѣ пасть:—выначъ акъ голаки колючи!

И затѣмъ, свернувъ змѣю въ комокъ, онъ преспокойно засунулъ ее къ себѣ за пазуху:

— Нехай погріється трошку коло серця.

Послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, дѣдъ раскурнулъ полулотухшую люльку и возвратился къ своему прерванному разказу.

Но мнѣ, признаюсь, было ужъ недо разказовъ. Съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ ужаса, любопытства и суевѣрнаго благоговѣнія, во всѣ глаза глядѣлъ я на Остапа. Все что продѣлалъ онъ сейчасъ предо мною было такъ неожиданно,

такъ поразительно и странно, чуть не сверхъестественно... Я почти не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, а между тѣмъ змѣя несомнѣнно лежала у дѣда за лазухой. Невольно пришла мнѣ на умъ разказы про индійскихъ и японскихъ заклинателей змѣй, причемъ припомнилось вычитанное гдѣ-то свѣдѣніе что азіатскіе фокусники предварительно выдѣргиваютъ у змѣй ядовитые зубы; но здѣсь предо мною былъ налицо фактъ совсѣмъ противоположный: несомнѣнно что гадюка подползала къ намъ влопая случайно, ибо Осталь настолько самъ былъ занятъ своимъ разказомъ что въ ту минуту, конечно, позабылъ про всѣхъ гадюкъ на свѣтѣ; равнымъ образомъ несомнѣнно для меня было и то что зубы вилеры находились въ совершенной цѣлости, да и Осталь наконецъ не былъ профессиональнымъ фокусникомъ. Все что продѣлалъ онъ теперь со змѣей было съ его стороны такъ безыскусственно, даже наивно-просто и все это очевидно являлось для него такимъ зауряднымъ, привычнымъ дѣломъ что я ни на единый мигъ не могъ залодозрить старика въ желаніи поразить меня фокусническимъ эффектомъ.

Минуть около пяти подержавъ змѣю за лазухой, онъ досталъ ее оттуда и лустилъ на траву.

— Гуляй соби, Божа гадыва, лѣка Богъ грихамъ твоимъ тѣрлыть! Быстро соскользнувъ съ ладоки, вилера юркнула въ сторону и скрылась гдѣ-то подъ ближайшимъ долушникомъ.

— Какъ ты это дѣлаешь? спросилъ я Остала, все еще не влопая оправясь отъ ошеломляющаго впечатлѣнія.

Дѣдъ пожалъ плечами.

— То мену одѣ Бога такъ... Таланъ такіи маю.

— И тебя онъ ни разу не кусали?

— Горлипки? Никоды!... Вовы не сміють, отвѣчалъ старикъ съ увѣренностью незыблемаго убѣжденія.

Добро бы въ Индіи, въ Китаѣ, но у насъ на Руси, признаюсь, не ожидалъ я подобнаго дива, и есаубы не видѣлъ его собственными глазами, то не повѣрилъ бы.

Подъ свѣжимъ и спавнымъ впечатлѣніемъ этого случая возвратился я домой въ усадьбу и за вечернимъ чаемъ разказываю о немъ моимъ хозяевамъ.

— А вы развѣ не знали? отвѣчаютъ мнѣ:— да это что еще!.. Онъ у насъ и не такія штуки иногда выкидываетъ! Скла-

каетъ, напрымѣръ, къ себѣ на ластку всѣхъ гадовъ со всего околodka и въ рѣшетѣ ихъ держать до перваго праздника.

— Такъ стало-быть вотъ чѣмъ занимался онъ этою ночью! domeкнулся я и кстату разказаалъ о моемъ ночномъ посѣщеніи Остапа.

— Ну, такъ! воскликнулъ мой хозяинъ:—это онъ навѣрное змѣи скаликалъ! Онъ у него всѣ поды особыми лаичками, по породамъ и возрастамъ: которая Марьянка, которая Горлина, Оксана и разныя тамъ другія... Завтра къ тому же воскресенье,—вотъ онъ ихъ и подготавливаетъ къ празднику.

Я поинтересовался узнать, зачѣмъ именно къ празднику.

— А видите ли, объяснилъ мнѣ:—старикъ любить иногда крючокъ водки въ праздникъ хватить, но денегъ ему жаль на это, скуленекъ-таки, не любитъ тратить на лустов, вотъ, змѣи и добываютъ ему водку.

— Это какимъ же образомъ? изумился я.

— Да вотъ подите завтра послѣ обѣдни къ корчмѣ, сами увидите.

Послѣ этого мой цнтересъ и любопытство къ дѣду Остапу не то что удвоились, а удесятерились, и я съ нетерпѣннѣмъ ожидалъ завтрашняго утра.

Наконецъ оно настало.

Обѣдня только-что кончилась, и народъ въ своихъ праздничныхъ уборахъ повалилъ изъ церкви на площадь, „на погулянку“. Въ церковь поваходило и поваѣхало на возахъ много прихожанъ изъ сосѣднихъ хуторовъ и деревушекъ. Изъ пѣшиходовъ наиболѣе обстоятельные люди, еще у ограды снимавъ съ ногъ свои новые смазные чоботы, позабирали ихъ въ руки или поваѣсили на дорожные посохи и побрели по-добру по-здорову во свояси; но большинство, и въ особенности молодежь обоего пола, оставалось пока еще въ селѣ „на погулянкахъ“.

Тутъ же на сельской площади помѣщалась и гостепрнмная корчма. У ея порога, подъ навѣсомъ, на „призвѣтѣ“ уже расположилась бродячая цыганская музыка, приглашенная ради праздника предусмотрительнымъ корчмаремъ. Убогая скрилица, свирѣль и бубень шумно наигрываютъ забористаго „голака“. Дивчата и молодухи въ лестрыхъ ситцевыхъ „слодницахъ“ съ цвѣтными яркими „хустками“ на головахъ уже схватились между собой за руки, стали въ кру-

жокъ и готовятся начать „горлицу“. Между тѣмъ мужики и нѣкоторыя бабы отправаляются въ корчму хватить малую толику ради праздника и „побалакать“ со знакомыми; тамъ батрачка, наймытка уже чуть не сбилась съ ногъ и мечется во всѣ углы какъ угорѣлая, нацѣживая изъ бочекъ и разнося гостямъ налитку—тому крючокъ водки, этому кварту лива, а шинкаръ Янкель и его „мадамъ“ только поспѣваютъ обирать выручку и давать сдачу, уже заранѣе логирая руки отъ предвкушенія хорошихъ барышей; ихъ замурзанные Жиденята въ ермоокахъ и далсардакахъ съ наслажденіемъ грызутъ и сосутъ свои праздничные бублики... Уже довольно-таки народу скопилось и внутри корчмы, и около, какъ вдругъ съ надворья раздались чьи-то предупреджающіе визгивые крики:

— Гадючій дѣдъ иде! Горлики несе!... Дѣдъ!... Ховайтеся, добри люде,—дѣдъ змѣиный!

Въ толпѣ тотчасъ же обнаружилось особенное волненіе. И вотъ дѣйствительно идетъ черезъ площадь старый Осталя, опираясь на посохъ. Поверхъ чистой сорочки на его плечи накинута сѣрая суковная свита. Мимоходомъ онъ савовито кланяется тому-другому промежъ народа и переступаетъ порогъ корчмы. Дѣдъ ничего еще не успѣлъ ни сказать, ни сдѣлать, а дѣвчата и дѣти уже съ визгомъ кинулись отъ него во всѣ стороны, сопровождаемыя веселымъ смѣхомъ лѣробковъ. Вотъ онъ сѣлъ въ корчмѣ на лавку, тихо слустивъ съ плечъ свою свитку—и вдругъ съ его шеи поползла Горлики, Марьянки, Оксанки... Все что было въ горницѣ гурьбой ударилось бѣжать вонъ, тиская и давя другъ друга. Поднялся визгъ неистовый. Мадамъ-шинкарка, съ крикомъ „киндеръ а-векъ!“ слѣшитъ убраться со своими Жиденятами въ другую комнату и захопнуть за собою дверь; самъ Янкель въ ужасѣ вскакиваетъ на стойку, и воля подбираетъ лоды своей хламиды, а змѣи дѣда Осталя расползаются во всѣ стороны, вьются въ кольца, изгибаются, чуть не прыгаютъ какъ бѣшенныя, шипятъ и разѣваютъ ласти, показывая трепещущія жала, межъ тѣмъ какъ самъ дѣдъ, съ полузакрытыми глазами, словно утомленный, спокойно и неподвижно сидитъ себѣ на лавкѣ, прислонясь къ стѣнѣ спиной. Янкель начинаетъ слезно умолять его чтобъ онъ „кушалъ сибѣ“ сколько хочетъ водки, только бы убралъ поскорѣе своихъ Горликовъ. Осталя подходитъ къ бочкѣ, нацѣживаетъ себѣ

Крючокъ, затѣмъ обращаясь съ поклономъ къ Явкелю, поздравляетъ его съ праздникомъ и медленными глотками, не отрываясь отъ крючка, выпиваетъ здоровую порцію водки. Краквувъ отъ удовольствія и обтеревъ усы рукавомъ сорочки онъ садится на прежнее мѣсто и начинаетъ тихо посвистывать.

И вотъ, въсколькo мгновеній спустя, змѣи вдругъ прекращаютъ свои порывистыя, судорожныя движенія. Силой ли этихъ магическихъ посвистовъ или чѣмъ инымъ усложненнымъ, онѣ впадаютъ въ состоянiе сонливой апатiи и тогда начинаютъ медленно сползаться изъ всѣхъ угловъ къ дѣду Остапу. Тутъ онъ беретъ ихъ одну за другою обѣими руками и, перебрасывая черезъ голову на затылокъ, надѣваетъ себѣ на шею, совершенно такъ какъ дѣлаютъ бабы съ мотками нитокъ. Черезъ минуту все это живое ожерелье уже спрятано у него подъ накинутою на плечи свиткой и дѣдъ съ поклономъ удаляется во свояси.

— Слассыби вамъ, добри люде! Гуляйте соба зъ Богомъ!

Повято что дѣдъ Остапъ вкушалъ толькѣ суевѣрный ужасъ къ своей особѣ и не даромъ слылъ въ народѣ за колдуна подъ характерною кличкой „Змѣиного дѣда“. И замѣчательно вотъ что: за весь его долгій вѣкъ не было примѣра чтобы при подобныхъ добыванiяхъ праздничной выпивки кто-нибудь былъ ужаленъ Горлинками дѣда Остапа: при немъ онѣ положительно были безвредны.

Послѣ этого послѣдняго случая въ корчмѣ, которому я былъ личнымъ свидѣтелемъ, еще болѣе захотѣлось мнѣ вывѣдать, какимъ образомъ достигаетъ онъ такой власти, такого обаянiя надъ ядовитыми змѣями? Почему онѣ безусловно покоряются его волѣ и становятся въ его рукахъ окончательно безвредными?

Дѣдъ на это толькo усмѣхнулся.

— Я зъ ими що хѣчу, то и робляю, отвѣчалъ онъ:—воны у мене на послугахъ, и якъ я закажу имъ на якого человека, то и того человека не посмѣють вжалыть по выкъ.

— А можешь сдѣлать и такъ чтобы укусили? спросилъ я.

— Могу, подтвердилъ змѣиный дѣдъ, но прибавилъ: того я никды не робляю, бо грихъ великій.

— А если кого укуситъ, ты можешь вылѣчить? продолжалъ я.

— Эге! мотнулъ онъ утвердительно головой:— тильке не зильями и не оліями, а просто зъ нащелту. Слово заловидне, заговоръ такий маю, одъ батькѣ доставсь мени, а батьку ще ѝ одъ прадицовъ, изъ вика у вискъ лереходыть...

Я предлагалъ Осталу деньги и деньги для него весьма не малыя за открытіе мнѣ его секрета, но онъ не согласился.

— Ни, лавочку; не можно, бо не продаже, а заловидне, кажу вамъ. И кабы выраты малъ, то предъ смертью я бъ вамъ и такъ сказаъ, за дармо, а за грѣши не можно, бо увса сыла одыѣде, ц ни вамъ, ни мени зъ того добра не буде.

Нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ что Осталь умеръ на девяносто шестомъ году отъ рожденія и умеръ тихо, безъ страданій, не бывъ даже ничѣмъ боленъ и работая у себя на ластѣкъ еще за день до смерти, которая пришла къ нему такъ естественно и спокойно какъ легкій сонъ къ утомленному человѣку. Но открылъ ли онъ кому свое „заловидное слово“, или унесъ его тайну съ собою въ могилу—не знаю.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

НА ГОРАХЪ *

ХСІІІ.

На другой день послѣ того какъ Марко Данилычъ поладилъ съ оренбургскимъ „баемъ“ на счетъ лѣвнаго брата, съ раннаго утра поднялась сильная буря. Забывались на Ока и Волгѣ снѣжки-бѣлячки, ** захлестали валы о приставы, и громко скрипя закачались суда, барки, бѣляны, иныя даже съ якорей сорвались. Съ каждымъ часомъ буря лютуетъ лучше и лучше, на лѣсныхъ пристаняхъ разбиваетъ лоты уженскіе и немдинскіе *** и по широкому волжскому лону разноситъ строевыя деревья. Расплываются по могучей рѣкѣ дрова изъ разбитыхъ барокъ, захлестываетъ волнами дощаники и лодки, нанеситъ на песчавыя мели шитики, тихвики, кладнушки. **** Такая страшная, такая грозная буря размыглась что такой и старожилы не запомнятъ.

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 5 и 10 1875, №№ 8 и 10 1876, №№ 5, 6, 7, 9 и 10 1877, №№ 1, 5, 8 и 10 1878.

** *Снѣжки*, а также *бѣлячки* зовутъ бѣлые пѣнистые верхи вояль.

*** Строевой лѣсъ сплавляется преимущественно изъ притоковъ Волги (въ Костромской губерніи) Унжи и Немды.

**** *Шитикъ*—небольшое судно крытое округлою палубой. *Тихвикъ*—такого же устройства судно, поднимающее отъ двухъ до двѣнадцати тысячъ пудовъ груза. *Кладнушка*—судно съ палубой шире бортовъ, поднимаетъ до восьми тысячъ пудовъ груза.

Нельзя бѣжать на пароходѣ и Марко Давидычъ поѣхалъ во-свои си сухимъ путемъ на лошадахъ... Пріѣхалъ домой; на дворѣ пусто, на крыльцѣ его встрѣтила грустная, печальная Дарья Сергѣевна.

— А Дуяшкка? быстро спросила она, когда весь прозябшій и до костей промокшій Марко Давидычъ, лоухивая и покракивая, медленно выѣзжалъ изъ тарантаса.

— Нешто она у Макарья была? отрывисто, съ видимою досадою отвѣчалъ сумрачный Смолокуровъ.—А я было чаялъ дома ее найти. Такъ полагалъ, что Марья Ивановна ужъ привезла ее.

Ни словечка Дарья Сергѣевна не молвила, но двѣ слезы заструились по бѣлымъ щекамъ ея. Недоброе что-то почуяло любящее сердце ея. Изныла она, изболѣла душой по Дуяшккѣ, и не съ кѣмъ было раздѣлить ей неутѣшнаго горя. Три мѣсяца одна одинешенька выжила она въ обширномъ и пустомъ Смолокуровскомъ домѣ, не съ кѣмъ ей было слова перемолвить, не съ кѣмъ было размыкать гнетущее горе, некому разказать про печаль свою. Только глухая старушка стрялка Степановна, да разбитная, быстроглазая молодка Матрена, что приставлена была къ горницамъ, видали Дарью Сергѣевну. Всѣ дни проводила она либо на молитвѣ, либо за чтеніемъ Ефрема Сирина.

Молча вошелъ въ домъ Марко Давидычъ, молча шла за нимъ и Дарья Сергѣевна. Положивъ уставной семиполоканный начѣлъ передъ родительскими иконами, оглянулъ онъ пустыя комнаты и сказалъ въ полголоса Дарья Сергѣевнѣ:

— А я было думалъ что Дуяя домой воротилась. Пора бы ужъ кажется. Дѣвннадцату недѣлю гостить. Самому придется ѣхать за ней.

— Пора бы ужъ, давно бы пора воротиться, съ глубокимъ вздохомъ промолвила Дарья Сергѣевна.—Ужъ не приключилось ли чего съ ней? Оборони Господи, грѣхомъ не захворала ли?

— Нѣтъ, этого нѣтъ слава Богу, отвѣтилъ Марко Давидычъ.—Недѣлю двѣ тому получилъ я отъ нея лисьмецо не-великое. Пишетъ таково весело, извѣщаетъ что жива и здорова, и что Марья Ивановна зачала сражаться въ дорогу... А вотъ что мнѣ на умъ пришло, продолжалъ Марко Давидычъ и кликнулъ въ окно:

— Фадѣевъ!

— Чтò угодно вашей милости? отвѣчалъ прикащикъ.

— Свѣжую тройку залречь въ тарантасъ. — Въ Фатьянку поѣдемъ.

— Въ какую Фатьянку? робко спросилъ Василій Ѡадѣевъ у хозяина.

— Дурова голова! закричалъ зычнымъ голосомъ Марко Давиловичъ. — Тебя же вѣдь я посылаалъ туда какъ съ Низу воротился. Тебя вѣдь посылаалъ узнавать не у тамошней ли барышни гостить Авдотья Марковна.

— Возлѣ Миршѣни-то? догадался Василій Ѡадѣевъ.

— Ну, да... возлѣ Миршѣни. Новый поселокъ у ручья въ долинѣ, сказалъ Марко Давиловичъ. — Тутъ она Фатьянка и есть. Туда поѣдемъ. Тамошняя помѣщица Марья Ивановна, что на Троицу гостила у насъ, надо думать телерича въ Фатьянкѣ, а съ ней должна прѣхать и Авдотья Марковна. Такъ ты поводи Авдотью-то Марковну, да скажи ей отъ меня: татенька, молю, только сяди отъ Макарья прѣехали, ѣхали, молю, на лошадахъ, потому де маленько приустали, лисьма не лишуть, а велѣли на словахъ вашей чести доложить чтобы, дескать, на сихъ же самыхъ лошадахъ безотмѣнно домой пожаловали... Понялъ?

— Какъ не понять?... сказалъ Василій Ѡадѣевъ. — Поладу ли только я на барской-отъ дворъ. Въ тотъ разъ не лустили, насилу отвѣта-то добился.

— Олѣсятея, промовилъ Марко Давиловичъ. — Люди новые, переселенцы, а мѣсто глуховато. Ежели Марья Ивановна въ Фатьянкѣ, тебя тотчасъ лустать. Да нечего балы-то точить—сражайся... Эй вы!... Черти!... Чтѣ тарантасъ-отъ не закладаете? Ждать мнѣ что ли васъ, анаемскіе разбойники?... Смотри у меня!... Шевелись, пошевеливайся!.. Нешто забыли расправу!.. Ироды!..

И еще крѣпче выругавшись, тихими стопами отошелъ домоладыка отъ косяcata окна.

Тутъ подошла къ нему Дарья Сергѣевна и такую рѣчь ему повела:

— Послушайте глулаго слова моего, Марко Давиловичъ. Какъ же это у насъ будетъ? Какъ голубушка наша одна съ Васильемъ поѣдетъ? Да еще даль такую, да еще ночью. Хорошо ли это, сами извольте разсудить. А л-мѣому не хорошо, даже больно не хорошо. Какъ молодежкой двѣцифъ ночью съ мущиной одной ѣхать! Долго ль до грѣха?

— Смѣть оя! хватаясь за ручку кресла, не своимъ голосомъ векрикнулъ Марко Давиловичъ. Потемнѣло суровое

лицо, затряслися заобой губы, а изъ грозныхъ очей ровно каменные уголья посылались. Самъ задрожалъ, голова ходенемъ пошла.

— Не о томъ я вамъ, Марко Давидычъ, докладываю, олустья глаза и лобѣдѣвъ луце прежняго трепетнымъ голосомъ промовила Дарья Сергѣвна. — О томъ хочу сказать вамъ какъ отцу, какъ родителю, что послѣ этого какъ разъ пожалуй слетки да худыя розказни пойдуть по сосѣдству. Чужи языки на цѣль не прикуешь. Окрикомъ да грозой ничего тутъ не подѣлаете, луце еще пожалуй смотники зачнутъ языки чесать. Дѣвущино дѣло обидливое, а сами вы знаете сколько здѣсь недобрыхъ людей. Превознесъ васъ Господь передъ всакимъ другимъ, а превознесенному отъ людей зависть и заоба!

Больше прежняго нахмурился Марко Давидычъ, но на словомъ ни видомъ не возразилъ на слова Дарьи Сергѣвны. Мало подумавъ сказалъ овъ:

— Василий дорогу знаетъ, его на козлы, а Степановну либо Матрону въ тарантасъ. Вмѣстѣ съ Думюшкой и прїѣдутъ. Не будетъ тогда гаулыхъ рѣчей, не изъ чего будетъ анаемамъ поганые языки разнуздывать.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, Марко Давидычъ, гнѣвайтесь вы на меня, не гнѣвайтесь, а того что вы вздумали сдѣлать тоже никакъ невозможно, горячо вступилась Дарья Сергѣвна. — Какъ можно Думюшкѣ съ гаухой тетерей Степановной вѣхать? А Матрена не заграда. Про нее про самое, и правды и неправды много летутъ. Вѣхать съ ней нашей голубушкѣ пожалуй еще хуже чѣмъ съ однимъ Васильемъ. Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, а я сама съѣзжу. Тотчасъ сберусь, не успѣютъ коней запрячь какъ буду готова.

Подумалъ Марко Давидычъ и моваиль:

— Пожалуй такъ-то лучше будетъ. Только ужъ Богомъ васъ прошу, Дарья Сергѣвна, не мѣшкайте — пожалуста какъ можно скорѣй ворочайтесь. Не терлится, скорѣй хочется взглядѣться на мою неваглядную. Прїѣдете въ Фатьянку, тѣмъ же часомъ и обратно выѣзжайте. Ежели у Думюшки ложитки какіе не собраны, сберутъ безъ нея, а я завтра же за ними подводу пошлю. Лишняго бы не хлопотала, скажите ей отъ меня... А ежели въ Фатьянкѣ ихъ еще нѣтъ, тоже часу не медлите, скорѣй домой оборачивайте... Ежели не прїѣхали, тогда завтра же придется самому за Думюшкой вѣхать.

Лошадей заложили и Дарья Сергѣвна съ Васильемъ

Фадѣевымъ доѣхала въ Фатьянку. Налившись чаю, Марко Давылычъ пошелъ хозяйство осматривать: обошелъ прядильни и дѣсопильни, погреба и сараи, садъ и огороды. Въ конюшню зашелъ лошадокъ навѣстить, на скотномъ дворѣ поглядѣлъ на коровушекъ, въ овчарню завернулъ, въ свинной хлѣвъ, въ птичникъ, даже на голубятню слазилъ и любимыхъ турмановъ * маленько погонялъ. А на душѣ какъ-то все у него не спокойно—смотреть на хозяйство, глядить въ тазъ съ водой ** любясь какъ турманъ кувыркаются въ поднебесьѣ, а ровню ничего не видитъ. Не о томъ теперь дума. Никогда еще въ голову ему не прихаживало чтобы замѣ люди чистую, белорочную Душошку осмѣлились позорить слетнями. Дарья Сергѣевна своими разговорами возбудила въ немъ незнаемое до тѣхъ поръ чувство. „Все могутъ, все могутъ ананасы, думаетъ онъ... Всякую пакость смогутъ сдѣлать... А главное никого не дощешься—некому будетъ головы свернуть.... Ну да попробуй они океаные!... Первому встречному такую встряску задамъ что во вѣки вѣковъ не забудеть... Охъ, не роди васъ на свѣтъ мать сыра земля!..“

Подъ конецъ дня Дарья Сергѣевна доѣхала до Миршеня и тамъ не останавливаясь своротила въ Фатьянку. Еще не совсемъ наступила ночь, когда Фадѣевъ остановилъ коней у воротъ усадьбы Марьи Ивановны. Полный мѣсяцъ разливалъ серебристый свѣтъ по долину, сверкалъ въ струйкахъ Святаго Ключа и озарялъ новыя, бѣлыя еще постройки. Людей не было замѣтно, а въ избахъ не видно огня, все будто вымерло. Ворота въ помѣщичью усадьбу были заперты изнутри, и сколько ни стучался въ нихъ Василий Фадѣевъ не было отклика, только собаки заливаясь въ пять либо въ шесть голосовъ лаяли, рычали и визжали на дворѣ, просовывая злобыя, оскаленныя морды въ низкую подворотню. Наконецъ послышался тихій сдержанный людской говоръ. Василий Фадѣ-

* *Турманъ*—голубь, который кувыркается въ воздухъ. Одни турманъ перекидываются черезъ голову, другіе ничкомъ черезъ хвостъ, третьи бокомъ черезъ крыло.

** Голубятники на летъ голубей смотрятъ не прямо (такъ отъ свѣта глазъ не выносить), а въ мѣдный тазъ со свѣжей водой. Въ ней какъ въ зеркалѣ отражается голубиный полетъ.

есть громче прежняго сталъ стучать и кричать. То бранился онъ да чемъ свѣтъ стоитъ, то умильно просилъ отпереть ворота либо подойти поближе и дать какой-нибудь отвѣтъ. Но отвѣта нѣтъ. А между тѣмъ ночь наступаетъ и тучки начинаютъ заволакивать западный вскрай небосклона. Потануло свѣжимъ вѣтромъ, мѣсяцъ прячется за облака, а на западѣ то и дѣло вслыхивается. То не зарница хлѣбъ зарить, а грозовая туча надвигается. Пошелъ вдоль по леселку Фадѣевъ: у одного дома постучится, у другаго покричитъ въ источникъ голосъ—вездѣ ровно мертвые.

— Что жъ теперь намъ дѣлать, Дарья Сергѣевна? отчаяннымъ голосомъ спросилъ Василий Фадѣевъ.—Гроза!.. Не почевать же подъ дождемъ.... Пожалуй еще воаки набѣгутъ.... По здѣшнимъ мѣстамъ этого вѣтра много.

— Дѣлать нечего, Васильюшка, поѣдемъ на село, сказала Дарья Сергѣевна.—Должно-быть онъ еще не прѣвзжали. На селѣ узнаемъ. Да врядъ ли прѣвзхать—во всемъ дому темнеховко.

Поѣхали въ Миршенъ. Крупныя капли дождя дробно стучали по крышкѣ тарантаса, когда они подѣвзжали къ селу. Блеснула и ослабила яркая молнія, грянули трескучіе раскаты грома.

Стоитъ на краю села большая, но ветхая, убогая изба. Взглянуть только на нее такъ замѣтно что въ ней пріютились голя да нищета. А было время, и не очень чтобы давнее, когда эта изба была лучшимъ и богатѣйшимъ домоу по всей Миршенѣ. Кой-гдѣ еще видѣлась прежняя домовитость—теперь полустигившая изба строена высокѣ, и широкѣ, а поросшая сѣровеленымъ мохомъ крыша была крыта въ два теса. Ставки въ старыя годы были выкрашены, а теперь краска облѣзла съ нихъ, ворота на бокъ покосились, а въ крайнихъ окнахъ вмѣсто стеколъ промасленная бумага да грязныя тряпки. Ясно что какая-то невзгода разразилась надъ хорошимъ, исправнымъ домоу и превратила его исподоволь въ развалину. Такъ и на самомъ дѣлѣ было. Во время оно жилъ въ томъ домѣ богатый, домовитый крестьянинъ Степанъ Мutowкинъ. Мельницу имѣлъ, торговымъ дѣломъ занимался, говядиною по базарамъ промышлялъ, барыши биралъ хорошіе и жилъ съ семьей прилѣваючи. Да не въ мѣру горячь онъ былъ—ушелъ туда гдѣ соболей ловять, а слѣдомъ за нимъ и двое взрослыхъ сыновей туда же пошло.

Осталась ни вдова ни мужья жена Аграфена Ивановна Mutowкина съ шестерыми дѣтьми малъ мала меньше.... Под-

вимаала ихъ мать одного за другимъ на ноги, но какъ только подростеть работничекъ, смерть тотчасъ прійдетъ къ нему. Осталась Аграфена съ двумя дочерьми и пошло бабѣ хозяйство въ рознь да мимо.

Въ окнахъ Аграфенина дома свѣтъ еще виденъ былъ. Постучался кутовищемъ подъ окномъ Ѳадѣевъ. Отворилось оконце, выглянула пожилая женщина. Добрымъ, ласковымъ голосомъ спросила она:

— Чего вамъ надо, добры люди?

— Въ дорогѣ, тетушка, залоздали, отозвался Василій Ѳадѣевъ.—А вотъ дождикъ прилустилъ, гроза поднимается. Пусте на ночлегъ, родимая.

— Да кто вы сами-то будете? спросила Аграфена.

— Проѣзжаетъ по своему дѣлу кулчиха Дарья Сергѣевна. Слышали можетъ про Смолокуровыхъ, про Марка Давидыча—изъ его семьи будетъ, отвѣчалъ Василій Ѳадѣевъ.

— Куда мнѣ съ вами, батюшка! ловысивъ голосъ сказала Аграфена Ивановна.—Мнѣ ль убогой такихъ гостей принимать?... И подумать нельзя! И не приборно-то у меня, и голодно. Поѣзжайте дальше по селу, родимые,—много тамъ хорошихъ домовъ, и богатыхъ, въ каждый васъ съ великимъ удовольствіемъ лустятъ, а не то на площади, супротивъ церкви постоялый дворъ. Туда въѣзжайте—хорошій постоялый дворъ, чистый, просторный и тамъ во всемъ вамъ будетъ уваженъе. А съ меня сироты чего взять? Съ корочки на корочку, любезный, перебиваемся.

— Нѣтъ ужъ пожалуста, матушка, позвольте намъ у васъ грозю обождать. Сдѣлайте такое одолженіе, выхода изъ тарантаса сказала Дарья Сергѣевна.—Женщина видится вы добрая, очень бы хотѣлось мнѣ у васъ пристать. Не въ примѣръ было бы мнѣ спокойнѣе, чѣмъ на постояломъ дворѣ.

— Да какже это будетъ, сударыня?... Мнѣ вѣдь и поподчивать вашу милость нечѣмъ и изба-то у васъ не приборна, возразила Аграфена Ивановна.—Дѣло наше убогое, сиротское. Сама одна съ двумя дочками дѣвцами. Какое ужъ тутъ хозяйство?

— Никакого, матушка, угощенья мнѣ не надобно, и убранства не надобно. Пустите только Бога ради, укройте отъ непогоды.

Подумала Аграфена Ивановна и на просьбы мокнувшей подъ дождемъ Дарьи Сергѣевны сказала:

— Изъ двѣать нечего.... Подъ Аннушка отопри каалитку-то, да посвѣти гостѣя ло крыльцу пройти, чтобъ грѣхомъ какъ-нибудь не зашиблась.

Молодая дѣвушка рѣдкой красоты съ зажженной лучиной въ рукѣ встрѣтила Дарью Сергѣевну и проводила ее въ избу. То была первая миршенская красавица, сердечная зазноба удалаго молодца, отецкаго сына Алеши Мокеева, старшая дочка убогой вдовы Аграфены Мутовкиной.

„Экая красавица. Ровно Думяшка голубушка“, подумала Дарья Сергѣевна. Больше такой похвалы она придумать не могла.

Василій Фадѣевъ растворилъ ворота и поставилъ тарантасъ съ лошадьми на крытомъ дворѣ. Овесь былъ взятъ изъ дома задалъ онь его ло гарницу каждой лошаdkѣ, завалился спать въ тарантасѣ.

— Добро пожаловать, милости просимъ, сударыня, встрѣчая въ сѣняхъ Дарью Сергѣевну, радушно привѣчала ее Аграфена Ивановна.—Только ужъ вы не обезсудьте на нашихъ недостаткахъ. Было, матушка, время и насъ изъ хорошихъ людей не выкидывали, и мы въ достаткѣ жилали, и у насъ домъ полная чаша былъ, да вотъ Господь горемъ посѣтилъ насъ. Согрѣшили передъ Нимъ окаянные. Въ разоръ телерь пришли.... Божья воля да царскій указъ—супротивъ нихъ не пойдешь?... Сиротствуемъ, обливаемся слезами, а ролтать не ролцнемъ—хранилъ Богъ отъ такого грѣха. Ему Батюшкѣ Свѣту извѣстно чтѣ съ коимъ человѣкомъ надо подѣлать... Святая воля!... Скорбѣть скорбимъ, а ролотомъ, далъ Господь—не согрѣшали.

И лоникла головой и тяжелымъ вздохомъ облегла грудь свою.

— Садитесь, матушка, обметая передникомъ лавку въ красномъ углу подъ иконами сказала Аграфена Ивановна.—Садитесь, сударыня—гостяя будете. Аннушка, возьми-ка тамъ въ чуланѣ личекъ да сострялай личекку.

— Зачѣмъ это? Помяоте пожалуста! Совсѣмъ этого не нужно, сказала Дарья Сергѣевна.

— Какъ же можно, сударыня? Нельзя безъ того. Мы вѣдь тоже люди крещенные, святъ законъ ламатуемъ: „суцаго въ пути малой, накорми, безъ хлѣба, безъ соли изъ дома своего не лусти“, сказала Аграфена.

— Нѣтъ, пожалуста, не халочите, матушка. Напрасно только утруждаете себя, возразила Дарья Сергѣевна.—Лучше

вотъ что: скажите моему кучеру поискалъ бы у кого-нибудь на селѣ самоварчика. Чай сахаръ есть у меня и вы бы со мной искѣшали.

— Охъ, самоварчикъ, самоварчикъ! скорбно вздохнувъ проговорила Аграфена Ивановна, и слезы даже навернулись на глазахъ ея.— Два у насъ было самовара; сударыня, раза по три, да по четыре на два-то чаи распивали. Бывало кто изъ стороннихъ только переступить порогъ въ избѣ, сейчасъ самоваръ на столъ... Дарѣнушка! кликнула въ сѣни Аграфена Ивановна и на зовъ ея вошла молодая дѣвушка такая же стройная какъ и Аннушка, такая жъ какъ и сестра ея была бы она и красивая, да осла лицо попортила.—Сбѣгай, родная, къ Родивону Захарычу, покупься у него самоварчика. Гостей-моль Господь къ намъ прислалъ—чайку испить гостямъ желательно.

Не говоря ни слова схватила Дарѣнушка съ печи занятый шунувъ и накрывшись имъ съ головы пошла по материнскому приказу. Какъ-ни уговаривала ее Дарья Сергѣвна не ходить въ такую непогоду, она пошла таки.

— Вонъ какая грязь, а дождикъ такъ и хлещетъ? говорила Дарья Сергѣвна.

— Не сахарная, не растаетъ, сказала на то Аграфена Ивановна. Олять же и недалече, всего черезъ два двора—не залаутается.

— Что жъ у васъ за несчастье случилось, матушка?... Отъ чего вы лишились достатковъ? съ участьемъ спросила у Аграфены Ивановны Дарья Сергѣвна, только что вышла Дарѣнушка.

— Охъ, сударыня!... Великое наше несчастье!... со слезами сказала на то Аграфена Ивановна.—Такое несчастьеце намъ выпало что горше его на свѣтѣ нѣтъ. Двадцать годовъ теперь ужъ прошло какъ хизнулъ богатый нашъ домъ. Хозяина да двухъ сыновъ работниковъ: одному-то было двадцать, другому девятнадцать лѣтъ, женить обоихъ собирались—по царскому указу въ Сибирь на поселенье сослали.

И разказала Аграфена Ивановна про ссоры и драки Миршенцовъ съ Якимовскими изъ-за Орѣхова поля, изъ-за Рязановой ложки, изъ-за Тимохина бора и про то разказала что мужъ ея съ сыновьями въ тѣхъ дѣлахъ всегда первыми бывали зачинщиками, и каждый разъ начальству бывали ослушниками.

— Мѣру хотѣли лорадѣть, мѣру послужить, а вонъ оно куда пошло, пригорюнясь молвила Аграфена Ивановна.—Шестеро

осталось тогда на рукахъ у меня—четыре мальчика, да Аннушка съ Дарёнушкой, эти были самыя маховыя. Аннушкѣ-то восемь мѣсяцевъ было когда нашихъ сослали, а Дарёнушку привезла я черезъ двадцать недѣль послѣ мужниной ссылки. Ни одинъ изъ четырехъ паренковъ не дожидѣлъ до возраста, одинъ вслѣдъ за другимъ на логостъ ушли. А мое-то дѣло женское, какъ безъ большака, безъ семейной головушки станешь хозяйствомъ заправлять? И дошло у насъ до бѣдноты, до того дошло, сударыня, что въ домѣ теперь хоть шаромъ локати.

— Хоть бы дочекъ-то пристроить вамъ, Аграфена Ивановна, послѣ недолгаго молчанья сказала Дарья Сергѣевна.— Обѣ невѣсты. Кажись бы какъ не найдись женихамъ...

— Эхъ, сударыня! съ горькой улыбкой отвѣчала Аграфена Ивановна.— Не такіе новыя годы чтобы замужъ выходить безприданницамъ. Чтѣ у господъ, чтѣ у кулцовъ, чтѣ по-нашему крестьянству въ телерешни времена все на деньгу пошло. Ну лущай Аннушка, та лущивомъ по крайности взяла, а Дарёнушка и тѣмъ отъ злой судьбы обижена. Пяти годковъ была какъ ослѣ любила ее; не любей, она тоже была бы красивая. За кого жь ей рабенькой замужъ-отъ идти? За вдовца развѣ за какого-нибудь на чужихъ на малыхъ дѣтей, а не то за пьянчугу урѣзнаго?... По нашимъ мѣстамъ, сударыня, народъ промысловой, потому и давай здѣшнему жениху дѣвку красивую да еще съ деньгами. Здѣсь не то что по мѣстамъ хлѣболащеннымъ. Тамъ берутъ не жену, а работницу, а по нашимъ мѣстамъ такую чтобъ и собой была пригожа, и въ ларцѣ бы у нея побракивало. А безъ денегъ хоть волюкомъ вой новыя съ дѣвками. Вотъ взять Аннушку мою—полюбила одному паренку, третій годъ сохнетъ сердечный по ней и олричь ея ни на какой дѣвушкѣ жениться не желаетъ, да и моя-то пожалуй не прочь бы отъ него. Одинъ сыновъ у отца, а отецъ богатѣй—двѣ мельницы-точильни у него и залежныхъ денегъ достаточно. Какъ сыновъ отца ни упрашиваетъ, какъ онъ его ни умадиваетъ, заадила старый одно: „кладѣ невѣста триста рублевъ на столѣ, въ такомъ разѣ хоть сегодня вѣнчайтесь“. А гдѣ такія деньги взять? Была бы прежняя лѣра—вдвое, втрое бы мы выложили, а теперь не изъ земли же триста-то рублевъ копать. Такъ сиротки мои бѣдненькія въ дѣвкахъ видно и засидатся, такъ и локочать жизнь гдѣ-нибудь въ кельяхъ. Онѣ жь грамотѣ обучены.

Сама-то вѣдь я за Волгой въ скитахъ росла, слодобилъ меня Господь грамотѣ. Вотъ святому дѣлу и дочушекъ обучила.

— А въ какомъ скиту вы учились, Аграфена Ивановна? спросила Дарья Сергѣевна.

— Въ Комаровскомъ, сударыня, отвѣчала Аграфена Ивановна.

— А въ которой обители? еще разъ спросила Дарья Сергѣевна.

— Въ Манешиной, сударыня, отвѣтила Аграфена.—Возлѣ самаго Каменнаго Вражка.—Много ужъ тому времени. Двадцатый теперь годъ какъ услали хозяина, да десять лѣтъ съ нимъ жила замужемъ. Тридцать годовъ стадо-быть тому какъ я изъ обители.

— Уходомъ? улыбнувшись спросила Дарья Сергѣевна.

— Знаю, уходомъ, также улыбнувшись отвѣтила Аграфена Ивановна.—Нешто изъ обители дѣвку честию можно отпустить? Не полагается такъ, сударыня.

— А какая мать при васъ въ игуменьяхъ сидѣла? спросила Дарья Сергѣевна.

— Матушка Екатерина, отвѣчала Аграфена Ивановна.—Строгая была старица, разумная, благочестивая. Всякимъ дѣломъ умѣла управить. И предобрая была—какъ есть ангелъ во плоти, даромъ что на видъ сурова и ровно бы недоступная. Настоящая всѣмъ мать была. И необидчивая—всѣ у ней бывали равны, что богатыя, что бѣдныя, къ бѣднымъ-то еще пожалуй милостивѣй была.

— А нынѣшнюю игуменью знаете? спросила Дарья Сергѣевна.

— Какъ же мнѣ не знать матушку Манею? сказала Аграфена Ивановна.—При мнѣ и въ обитель-ту поступила. Въ бѣличествѣ ее звали Матрешей Максимовной, прозванье забыла. Какъ не знать матушку Манею? Въ послушницахъ у матери Платониды она жила. Отецъ у ней горлащивой торговалъ, темный богачъ былъ, гремѣлъ за Волгой въ свое время.... много отъ него пользовалась Платонидушка.

— А еще кого изъ теперешнихъ обительскихъ знаете? спросила Дарья Сергѣевна.

— Многихъ знала, всѣхъ отъ первой до послѣдней знала я, сударыня, сказала Аграфена Ивановна.—Не знаю только въ живыхъ ли онѣ теперь. Знала матушку Таифу, матушку Аркадію, матушку Виринею-келаря даже очень близко знала, а живы ль онѣ теперь того ужъ не знаю. Digitized by Google

— Живы, молвила Дарья Сергѣевна.— Въ три живы.

— А кешто вы бывали въ скитахъ-то? съ живостью спро
сила Аграфена Ивановна.

— Больше шести годовъ у матушки Мансѣи выжила я въ
обители, отвѣчала Дарья Сергѣевна.— Сродница моя, дочка
кулца Смолокурова, обучалась тамъ, такъ я при ней жила.
Всѣхъ знаю: и матушку Таифу, теперь она въ казначехъ, и
установицу мать Аркадію и Вирикю, эта попрежнему все
кедарицаетъ.

— Ну вотъ, сударыня, до чего мы съ вами договорились.
Такъ впрямь и въ Комаровѣ живади и матушекъ тамошнихъ
знаете, молвила Аграфена Ивановна.— А матушка Неонилла
здравствуетъ ли? Подруга мнѣ была самая ближняя, самая
любимая, Натальей Васильевной въ бѣдичествѣ-то ее звали.

— Лѣтъ пять тому какъ преставилась, сказала Дарья Сергѣевна.— Я застала еще ее въ обители. Хворая такая была,
вемоощная, сама бывало у Бога просить чтобы прибралъ ее
поскорѣи съ сего свѣта.

— Эхъ Натальюшка, Натальюшка! съ глубокимъ вздохомъ
промолвила Аграфена Ивановна и вставъ съ лавки положила
семилоконный началъ передъ иконами за улокой души рабы
Божіей инокіи Неониллы.

Пока шли у хозяйки съ гостьей разговоры про Мансѣину
обитель, воротилась съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ
Дарѣнушка, въ то же время и Аннушка пришла изъ зад-
ней избы съ яичницей. Дарья Сергѣевна съ хозяйкой и съ ея
дочерьми сѣли за чай.

— Что жъ вы, сударыня, въ дальній путь отправляетесь,
ааь неподалеку куда отсель ѣдете? спросила у гостьи Аграф-
фена Ивановна.

— Сюда было ѣхала, матушка, да выходитъ кажется что
повалрасну. Толка никакого не могла добиться, отвѣтила
Дарья Сергѣевна.— Утишится, Богъ дастъ, гроза, пройдемся
на небѣ, обратно поѣду домой. Мы вѣдь не дальніе—нашъ-отъ
городъ всего верстъ сорокъ отсюда.

— Такъ вы только до Миршеніи? спросила Аграфена Ива-
новна.

— Не до Миршеніи, а по близости отъ васъ, отвѣтила
Дарья Сергѣевна.— Рядомъ тутъ поселокъ есть новый Фать-
якой прозывается.

Отставивъ недопитую чашку чая Аграфена Ивановна при-
т. счлш.

стально поглядѣла на гостю. И Аннушка съ Дарёнушкою тоже стали смотрѣть съ удивленьемъ на Дарью Сергѣевну.

А Дарья Сергѣевна свое продолжала:

— Думали мы не воротилась ли въ Фатьянку тамошняя помѣщица Марья Ивановна. У сродниковъ гостить она въ Рязани и кажется пора бы ей воротиться...

— Не слышать чтобы прѣехала, сдержанно и сухо промолвила Аграфена Ивановна.—А у васъ дѣло какое есть до нея?

— Дѣла особеннаго нѣтъ, сказала Дарья Сергѣевна,—а гостить въ тѣхъ же мѣстахъ, въ Рязанской губерніи, дочка сродника моего Марка Данилыча Смолокурова... Марья Ивановна Фатьянская-то помѣщица общала ее въ наши края привести. Вотъ и полагаемъ мы не въ Фатьянкѣ ли она теперь. Марко Данилычъ у Макарья былъ въ ярманкѣ, и только что воротился, тотчасъ меня за дочкой послалъ, безъ малаго три мѣсяца съ ней не выдался... Прѣехали мы въ Фатьянку—въ барскомъ дому ни огонька, ворота изнутри залерты, частоколъ высокій, прывысокій. Стучались мы, стучались, больше часа стучались, такъ и не добились никакого отвѣта. Послышались было людскіе голоса и кучеръ громче сталъ кричать, а все-таки отвѣта не было. Поѣхали по дворамъ—и тамъ ни въ одномъ огонька не видать, а еще не больно поздно было. Такъ и не добились мы отвѣта. А тутъ гроза собралась, дождикъ пошелъ, мы къ вамъ въ Миршенъ и поѣхали—здѣсь хоть не узнаемъ ли воротилась въ Фатьянку Марья Ивановна или нѣтъ еще.

— Это у нихъ, у фатьянскихъ, такъ всегда, немного погоды молвила Аграфена Ивановна.—Богъ ихъ знаетъ что это за люди. Вотъ почитаи ужъ полгода какъ они въ сосѣдство къ намъ поселились, а ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ словомъ даже не перемолвились. Чудныіе!... Только и видно ихъ что иной разъ на базаръ придуть—хлѣба аль другаго чего искулить. А барыни въ Фатьянкѣ еще нѣтъ. За вѣрное говорю вамъ, сударыня. Ежели бъ прѣехала, безпремѣнно бы прислала за чѣмъ-нибудь на село, на счетъ съѣстнаго тамъ что ли, али чего другаго. Дѣло-то у нея еще на новѣ, хозяйства пока мѣсть еще нѣтъ никакого, запасеннаго нѣтъ ничего. Хоть за калустой, аль за огурцами прислала бы.

— Въ лѣсъ по грибы я сегодня ходила, молвила раба Дарёнушка.—Всю долину исходила вдоль и поперекъ. Въ бар-

скомъ дому окошки всё до единого скрыты*. Должно-быть не прѣвѣжала еще барыня. И никакого знаку чтобы домъ былъ жилой.

— Рѣдно что не прѣвѣжала, подтвердила слова дочери Аграфена Ивановна.—На этотъ счетъ будьте спокойны, сударыня.

— Кузнецъ Вахрамей говорилъ въ воскресенье, прибавила Аннушка,—что къ нему на кузницу приходилъ изъ Фатьянку какой-то тамошній покузнецить что-то такое, такъ онъ слышь поминалъ что ихня барыня раньше Покрова въ Фатьянку не будетъ. А зиму слышь здѣсь будетъ жить—конопатчиковъ ужъ навимаали домъ-отъ конопатить. Хотѣли было и штукатурить, да время-то ужъ позднеенько, да къ тому жъ и домъ-отъ еще не осылъ.

— До Покрова не будетъ, говоришь ты, красавица? молвила въ раздумьѣ Дарья Сергѣвна.

— До Покрова. Такъ Вахрамей сказалъ, отвѣтила Аннушка.

— Господи милостивый! въ полголоса проговорила тоскливо Дарья Сергѣвна.

— На счетъ самой барыни я вамъ ничего не скажу, сударыня, потому что вовсе не знаю ея, сказала Аграфена Ивановна.—А что крестьяне у нея и дворовые что при домѣ живутъ—самые чудавые люди. Ни сами ни къ кому, ни къ нимъ никто. Только и видишь ихъ на селѣ что въ базарные да воскресные дни. А въ церковь ходятъ всё отъ мала до велика. Здѣшній церковный полъ ими не ухвалится—не пропустятъ ни одной праздничной службы, будь проливной дождикъ, будь грязь по колѣна, они безпремѣнно въ церковь идутъ. Богомольны, надо правду говорить, оченно даже богомольны. А всё тремя перстами молятся, по Никонову значить новшеству. И барыня тоже слышь богомольная, и она въ церкви кажинный праздникъ бываетъ, а теперь вотъ не видно ея, стало-быть еще не прѣвѣжала. И то взять, ежели ѣхать въ Фатьянку, нашего села не миновать, съ какой стороны ни поѣдъжай, другой дороги нѣтъ. А барыню изъ сельскихъ никто не видалъ чтобъ она проѣвѣжала.

— А что у васъ слышно про нее, про барыню-то? Да не барыня она впрочемъ, а старая барышня, сказала Дарья Сергѣвна.

— Мало ее у насъ знаютъ, отвѣчала Аграфена Ивановна.—Хоть сначала и проживала она на селѣ. У Мокея Сергѣича

* Ставнями закрыты.

жила въ дому, человекъ онъ большой, зажиточный, домъ полная чаша, на міру воротило — что на сходѣ ни молвить, тому такъ и быть. Кажись бы добрая она. Всѣхъ оударилъ, парнишки да дѣвчата особаиво ея довольны остались — пряниковъ бывало, орѣховъ, стручковъ, другаго всякаго лакомства чуть не каждый день покупаетъ имъ бывало. Даже изъ сосѣднихъ деревень ребятишки стаями въ Миршёнъ къ ласковой барынѣ прибѣгали. И нашихъ сельскихъ дѣвушекъ къ себѣ иной разъ зазывала, подчивала ихъ всѣмъ хорошимъ, и была привѣтливая такая что ровно бы и не барскаго рода, а изъ простыхъ. И все добру учила ихъ, какъ жить дѣвкамъ по хорошему, да и то признаться еще имъ говаривала: „не ходите замужъ, лташечки, живите на всей своей волѣ“. А сама великая постыца—ни мяснago, ни вина, ни лива въ ротъ не беретъ и другимъ не совѣтуетъ, за то въ постные дни и молоко хлебаетъ и яйца ѣстъ. Такая чудная, а добрая. А въ церковь къ службѣ обо всяку пору. Церковнымъ лспамъ съ первоначалу-то это не больно въ охоту было, потому что у нихъ по буднямъ-то одни колокола службу-то правятъ, а полъ съ дьячкомъ да и причетники спятъ либо бражничаютъ, а не то каждый при своемъ дѣлѣ. А тутъ мельзя, надо служить. Барыня не рядовая, изъ знатныхъ, родовитая, генеральская дочь, архіерею скажетъ про половскую неисправность, такъ космы-то затрясутся. Однакожь по времени и полы ея остались довольны—богатую благостыню имъ подаютъ.

— А люди-то ея что въ Фатьянкѣ подѣлываютъ? спросила Дарья Сергѣвна.

— А кто ихъ знаетъ что они тамъ дѣлаютъ, отвѣчала Аграфена Ивановна.—А должно-быть у нихъ нѣ съ проста что-нибудь.... Недоброе что-то на Фатьянкѣ-то кроется, потому что доброму человеку съ какой же стати хорониться отъ людей? А они хоронятся. Завсегда на зарпѣ, днемъ ли, ночью ли никого къ себѣ не луцаютъ. Мудреные!...

Приздумалась Дарья Сергѣвна. „А что какъ и Марья Ивановна такая же?... А что какъ и Дунышка?“ подумала она и облілось кровью сердце ея.

— А по ночамъ все слышь глѣсни поютъ. Вѣрные люди прѣ это сказывали, сказала Аннушка.—Идутъ на селѣ разговоры что они по ночамъ у Святаго ключа собираются всѣ въ однихъ бѣлыхъ рубахахъ. И поютъ надъ ключемъ и пляшутъ вокругъ.

— Такъ ли это, вѣрно ли? спросила Дарья Сергѣевна.

— Завѣрю васъ, сударыня, молвила Аппушка.—Самовидцы соворають. Пляшуть и мірскія лѣсаи поють, а словъ разобрать нельзя, потому что далеко. Охаютъ, кричатъ, иные визжатъ. И чтò такое у нихъ дѣлается, не знаетъ никто.

— Говорать старики что въ прежніе годы, дѣтъ съ сотню назадъ, въ той же самой долинь у того же Святаго ключа такія жь бывали дѣла, сказала Аграфена Ивановна.—Тоже слышь по ночамъ въ бѣлыхъ рубахахъ лѣсни распѣвали, тоже слышь лаясаи и кружились вокругъ Святаго ключа ровно бѣшеные. Годовъ лятнадцать, пожалуй и больше такъ велось у нихъ, потомъ ихъ накрыли, сковали и Богъ знаетъ куда увезли. Говорили что въ сибирскую ссылку, говорили и то что ихъ по монастырямъ въ заточенье разослали. Господь знаетъ какая имъ въ самомъ-то дѣлѣ судьба была.

— Чтò жь такое у нихъ было? Какъ о томъ говорятъ у васъ старики? спросила Дарья Сергѣевна.

— Никому доподлинно ихнее дѣло невѣдомо, отвѣчала Аграфена Ивановна.—И тогдашнихъ-то людей теперь никого не осталось. Былъ у насъ древній старикъ Маркель Пименычъ, безъ малаго сто годовъ прожилъ онъ, древній былъ надревній, всего только лять дѣтъ какъ преставился. Такъ онъ сказывалъ что въ тѣ поры какъ были тѣ люди въ Миршеніи, онъ еще маховькимъ ларвишкой сельскихъ коней на ночное ганивалъ, и слышалъ ихнія лѣсни и видалъ ихъ въ бѣлыхъ рубахахъ, въ длинныхъ по щиколку, ровно бы женскія, а надѣвали тѣ рубахи и бабы, и дѣвки, и мушцины. И плясали они, сказывалъ Маркель Пименычъ, и охали, и кричали не благимъ матомъ, и визжали, и лѣсни лѣли, все одно какъ вотъ теперь Фатьянскіе переселенцы.

— Чтò жь про тѣхъ людей толковали? Какъ говорилъ о томъ Маркель Пименычъ? спросила Дарья Сергѣевна.

— Разно, говорилъ онъ, тогда толковали про нихъ, отвѣчала Аграфена Ивановна.—Кто полагалъ что они колдуютъ; кто думалъ что у нихъ особая тайная вѣра.

— Тайная вѣра? быстро поднявъ голову, спросила Дарья Сергѣевна.

— Кто ихъ тамъ знаетъ? И вѣру-то называлъ онъ, да я залапатовала, молвила Аграфена Ивановна.—Вы дѣвицы не помните ль?

— Фармазовы слышь какіе-то были, промолвила Дарѣвушка.

— Фармазоны!.. Такъ вотъ оно что!.. прошелтала Дарья Сергѣевна.—А тепере.. нихъ фатьянскихъ тоже фармазонами зовутъ?... прибавила она, обращаясь къ Аграфенѣ Ивановнѣ.

— Не слышало этого, отвѣчала та.—Фатьянскими зовутъ, а то еще Алымовскими. А что лотаенные они, такъ въ самомъ дѣлѣ лотаенные. Ни къ себѣ никого, ни сами ни къ кому. Чудные, право чудные. Кажись какъ бы человѣку не жить на людяхъ?... И думать, такъ не придумать что за люди такіе... Мудревые!..

Между тѣмъ гроза миновалась, пересталъ и дождикъ. Разсѣяныя тучки быстро неслись по небу, лишь изрѣдка застилая полный мѣсяцъ. Скоро и тучки съ неба сбѣжали, стало совсѣмъ свѣтло.. Дарья Сергѣевна велѣла Василию Оадыеву лошадей запрягать. Какъ ни уговаривали ее Аграфена Ивановна остаться до утра, какъ ни упрашивали ее о томъ и Аванушка съ Дарѣвушкой, она не осталась. Хотѣлось ей скорѣй домой воротиться и обо всемъ что узнала разказать Марку Данилычу.

XCIV.

Когда Дарья Сергѣевна домой воротилась, Марко Данилычъ давно ужъ съ постели всталъ. Сидѣлъ у окна, пристально глядя на дорогу, а самъ все про Душошку думалъ. „Коль не бывала въ Фатьянку, надо будетъ мнѣ ѣхать въ Луповицы. А то пожалуй и до зимы ее не дождешься. И дернуло жъ меня тогда отлустить ее съ Марьей Ивановной... Вотъ теперѣ жди да погоди.“

Разказала ему Дарья Сергѣевна что въ Фатьянкѣ они не могли достучаться, что застала ихъ въ дорогѣ гроза съ ливнемъ, и что укрылась она въ Миршенѣ у вдовы Аграфены. И про то разказала что узнала про Фатьянку и про тамошнихъ поселенцевъ.

— Да что жъ это за люди? досадливо вскрикнулъ Марко Данилычъ.—Что они въ залерти-то фальшивы деньги куютъ, аль разбойную добычу хоронятъ? Исправникъ-отъ со ставовымъ чего смотрять? Доброе дѣло скрытности не любить, одно только худое всѣми мѣрами коровить отъ чужихъ глазъ укрыться...

— Нѣтъ ли тутъ чего на счетъ вѣры, Марко Данилычъ? въ полголоса сказала Дарья Сергѣевна, робко поднимая глаза на хмурого Марка Данилыча.

— Какъ на счетъ вѣры? быстро спросилъ удивленный Марко Давидычъ.

— Какая-то, слышь, у нихъ особая тайная вѣра есть, сказала Дарья Сергѣевна. — И въ старину, слышь, на ту же долину обирались люди по ночамъ и тоже вокругъ Святаго камня распѣвали пѣсни, плясали, скакали, охали и визжали. Неподобныя дѣла и каичи тутъ бывали у нихъ. А прозывались они фармазонами...

— Фармазонами! чуть слышво промовилъ Марко Давидычъ и крѣпко задумался.

— И тѣхъ фармазоновъ по времени начальство изловило, продолжала Дарья Сергѣевна. — И разослали ихъ кого въ Сибирь, кого въ монастырь въ заточенье. Безъ малаго теперь сто годовъ тому дѣлу и съ той поры не слышво было въ Миршени про фармазоновъ, а теперь они олять объявились — а вывезла тѣхъ фармазоновъ изъ Симбирской губерніи Марья Ивановна и на томъ самомъ мѣстѣ поселила гдѣ въ старину тайныя фармазонскія сборища бывали....

— Нешто и теперешніе тоже фармазоны? спросилъ Марко Давидычъ, облокотясь на столъ и склонивъ на ладони пылавшее лицо.

— Видится что такъ, Марко Давидычъ, отвѣтила Дарья Сергѣевна. — По всѣмъ примѣтамъ такъ выходитъ. И вынѣшніе какъ въ старину на тотъ же камень по ночамъ сходятся, и какъ тогда и мужчины и женщины въ однѣхъ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ. И тоже пляшутъ, и тоже кружатся, мірскія пѣсни поютъ, клучуть, визжать ровно безумные или бѣсноты, охаютъ во всю мочь, стонуть, и къ себѣ близко никого не подпускаютъ.

— Врадьё можетъ-быть, протяжно проговорилъ Марко Давидычъ, а самъ лучше прежняго задумался.

— И смеется мнѣ, Марко Давидычъ, что сама-то Марья Ивановна не заодно ли со своими переселенцами, продолжала Дарья Сергѣевна. — И тѣ тоже не ѣдятъ мяснаго, и не пьютъ ни вина, ни лива, ни даже браги, а молочное разрѣшаютъ въ постные дни — все одно какъ и Марья Ивановна. И какъ она также въ черномъ всѣ ходять. Сумѣнье беретъ меня. Сердитесь вы на меня не сердитесь, Марко Давидычъ, а по любви моей къ Дуяшкѣ все что на есть у меня на душѣ я открою вамъ теперь. Не мало я дорогою-то въ это утро надумалась, на волосокъ не задремала, все про Дуяшку раздумывала.

— Что жь вы думали про нее столько времени? съ нахмуреннымъ видомъ промовилъ Марко Данилычъ. Тиха была теперь рѣчь его, но видно было что въ душѣ у него грозная буря бушевала.

— Помните ли вы какъ на Духовъ день сказывала я вамъ что подслушала разговоръ Марьи Ивановны съ Думюшкой? сказала Дарья Сергѣевна.—Говорила я вамъ тогда что смущаетъ она нашу голубушку, про какую-то вѣру толкуетъ, а вы и повѣрить мнѣ тогда не захотѣли. Думала я тогда что Марья Ивановна хочетъ ее въ великороссійскую привести. Хоть тутъ хорошаго и не много, хоть каждому человеку должнъ помереть въ чемъ родился, однако жь великороссійская все-таки не отступая отъ Господа. А вы ежели Марья-то Ивановна про фармазонскую говорила ей? Кто ее знаетъ, можетъ она съ фатьянскими въ одномъ согласъ?... Что у ней за тайна такая сокровенная про которую Думюшкѣ она говорила? Что за безгрѣшные такіе люди?... Какъ это въ нихъ Самъ Господь пребываетъ? Тутъ есть что-нибудь, вѣрите моему слову, Марко Данилычъ.

— Вы ужь и не-вѣсть чего нагородите, выходя изъ комнаты сумрачно и досадливо сказалъ Марко Данилычъ и крѣлко хлопнулъ за собой дверью.— А самъ рѣшилъ какъ можно скорѣй вѣхать за Дунай.

Въ досадѣ на Марью Ивановну и даже на Дунаю, въ досадѣ на Дарью Сергѣевну, даже на самого себя пошелъ Марко Данилычъ хозяйство осматривать. А у самого сердце такъ и кипитъ... Охъ, узнать бы обо всемъ повѣрше! И ежели есть правда въ рѣчахъ Дарьи Сергѣевны, да попалдись ему въ руки Марья Ивановна, не посмотрѣлъ бы что знатнаго она роду, генеральская дочь—такую бы ческу задалъ что своихъ бы не узнала... И теперь ужь руки чешутся.

И рветъ и мечетъ, на кого не взглянетъ, всякъ виновать. Пришелъ въ работную, и потолокъ и стѣны новой избы ровню сажа. Развоевался на работниковъ, будто она виноваты что лечи дымятъ. Кричить, лютуетъ, то на того, то на другаго кидается съ бранью, съ руганью, а самъ рукава засучаетъ. Но теперь не весна, работники окрысились, зашумѣли, загадѣли, и только что крикнулъ хозяинъ: „сейчасъ вею всѣхъ со двора долой,“ они повскакали и закричали задорно въ одинъ голосъ: „разчетъ давай, часа не хотимъ работать у облая.“

Отъ того работники такъ отвѣтили хозяину что теперь по сельщичь-деревенщичь новый хлѣбъ послѣлъ, и всякій овощъ дозрѣваемъ въ огородахъ, значитъ нѣтъ больше голодухи. Весной во время безхлѣбья любого работника колоти сколько вздумается, даже своимъ судомъ вылори — ничего, а въ осеннее хлѣбное время послѣдному наймиту лишняго слова молвить нельзя. Тѣмчасъ стачка, тѣмчасъ всѣ работники гурьбой со двора. Придетъ опять весенняя безкормица и густыми толпами повалять они къ тому же хозяину, слезно стануть просить и молить о работѣ, въ ногахъ будутъ у него валяться и всѣми святыми себя закливать что и тихи они, и смиренны, безотвѣтны, а придетъ новая осень — и сиволалый ужъ баринкомъ глядитъ не подступайся къ нему. Но не больно угрожали на этотъ разъ работники Марку Давидычу — на прядильняхъ снасти почти допражены, на пристави тоже дѣло къ концу идетъ. Недѣли черезъ три и безъ того пришаось бы распускать лѣтнихъ работниковъ.

На приставь пошелъ изъ работной избы Марко Давидычъ, а тамъ лѣсники развалясь на плотахъ слять себѣ пригрѣтые солнышкомъ. Ставъ ихъ хозяинъ будить суковатой козмодемьянской палкой. Тѣ повскакали и въ брань. Расходился Марко Давидычъ, лицо точно красивымъ кумачомъ подернуло, губы задрожали, и запылали злобныя очи какъ раскаленные угли. Пошла работать козмодемьянка, а лѣсники ровно стая слугауныхъ птицъ съ крикомъ, съ гикомъ, съ хохотомъ повесались вверхъ по крутой горѣ. Марко Давидычъ за ними въ погоню, но какъ тяжелому на ходьбу старику догнать быстрого молодежь?... Кричить въ источникъ голосъ, задыхается, на каждомъ шагѣ слотыкается. Не добѣжавъ до вѣнца горы грохнулся о земь Марко Давидычъ.

Пластомъ лежитъ на голой землѣ. Двинуться съ мѣста не можетъ, голосу не въ силахъ подать, лежитъ одивъ-одинохонекъ прелекаемый полуденными лучами солнца. Ни на горѣ, ни подъ горой нѣтъ никого, только стая галокъ съ громкимъ крикомъ носится въ высотѣ надъ головой миллионника. Лежитъ гордый, своенравный богачъ безпомощея, лежитъ всѣми покинутый, и слова промолвить не можетъ. Тускнѣеть у него въ очахъ, мутится въ головѣ, ни рукой, ни ногой шевельнуть не въ силахъ. Забытье нашло на него...

Долго бы лежать тутъ Марку Давидычу, да увидѣла его соседка Акулина Прокудина. Шла Акулина съ ведрами ло

воду близь того мѣста гдѣ упалъ Марко Данилычъ. Вглядѣлась... „Батюшки свѣты!... Самъ Смолокуровъ лежитъ“. Окаликнула—не отвѣчаетъ, въ другой, въ третій разъ окаликнула—онъ ни словечка въ отвѣтъ. Поставила Акулина вѣдра, подошла: недвижимъ, безгласенъ, ротъ на сторону, а самъ глухо хрипитъ. Перепугалась Акулина, взяла за-руку Марка Данилыча—рука не владѣетъ.

„Господи! Что это?.. Что это ему попритчилось? думаетъ Акулина. Домашнихъ надо повѣстить, всяко можетъ случиться! Еще къ отвѣту пожалуй притянуть.“

И покинувъ вѣдра на горѣ, поднимая подола бѣгомъ побѣжала Акулина къ дому Марка Данилыча.

По вѣстамъ ея прибѣжала Дарья Сергѣевна, прибѣжали всѣ домашніе—прикащики и прислуга. Прибѣжали и работники поглазѣть-поглядѣть что приключилось съ бравымъ, драчливымъ хозяиномъ. Обступили домашніе кругомъ Марка Данилыча, стоятъ, охаютъ да молитву творятъ, а работники межъ собой шепчутся: „а кто жъ теперь насъ будетъ разчитывать?“

Первая Дарья Сергѣевна нашлась.

— Васильюшка, сказала она Фадѣеву.—Бѣги родной за лѣкаремъ. Онъ въ городу—давича сама я видѣла какъ съ исправникомъ мимо насъ шелъ.

Пошелъ Василій Фадѣевъ, хоть и не такъ слѣшно, какъ хотѣлось Дарьѣ Сергѣевнѣ. Идетъ, а самъ съ собой разсуждаетъ: „Кто жъ теперь станетъ дѣлами заправлять? Дочь молода, умомъ не вышла; развѣ что Дарья Сергѣевна? Да не бабѣ это дѣло... Дай-ка Господи чтообъ не очнулся!... Пять сотъ рублей у меня на рукахъ, а oprичъ его никто про это не знаетъ.“

Лѣкаръ жилъ на самой набережной. Случилось что онъ былъ дома, сидѣлъ за обѣдомъ. Ни за какія бы коврижки не оставилъ онъ неконченную тарелку жирныхъ лѣнивыхъ щей съ чеснокомъ еслибъ позвали его къ кому-нибудь другому, но теперь дѣло иное—самъ Смолокуровъ захворалъ; такого случая не скоро дождешься, тутъ столько отваять что въ три года съ дѣлаго уѣзда не получишь. Наскоро сбросивъ халатъ и надѣвъ сюртукъ, толстенскій, приземистый врачъ побѣжалъ къ Марку Данилычу.

— Маркеловъ!... на бѣгу крикнулъ онъ городовому, штовлашшему рубаху, сидя на чурбанѣ возлѣ развалившейся

будки.—Живѣй къ фельдшеру! Тащилъ бы все съ собой, и банки, и лѣвки, все, все до калѣвки. Подъ гору тащилъ бы. Да забѣги въ аптеку, скажи тамъ: ежиди Карло Хрестьяновичъ кудиковъ страдаетъ, на слѣхъ бы бѣжали за нимъ, отперъ бы аптеку и лѣкарство готовъ былъ дѣлать.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, съ отъѣвкомъ досады отъѣвчалъ уноса въ будку рубаху лѣвниый, полусовный стражъ богослассаемаго града.

— Послѣшай! крикнулъ лѣкаръ, быстро удаляясь отъ будки.—Зайди потомъ на дворъ къ Смолокурору, хорошему на водку получишь, а тамъ скажу. Самъ захворалъ.

Оживѣлъ городской, слѣшно залеръ будку и скорымъ шагомъ пошелъ исполнять приказанье лѣкаря. Съ кѣмъ по дорогѣ на встрѣтитса, всякаго извѣщаетъ что съ Маркомъ Давидычемъ случилось что-то недоброе: подъ горой вонъ казначейства безъ памяти лежить. И каждый о томъ же лывѣчалъ встрѣчаго и попереваго и опрометью всѣ бѣжали подъ гору—каждому было лестно поглядѣть какъ пришибло, слѣсиваго миллионщика. Бѣжали какъ на пожаръ и вскорѣ больше сотни людей стоалилось вкругъ лежавшаго безъ чувствъ Марка Давидыча. И городскія власти пришли: городничій, исправникъ съ засѣдателемъ, стражничій, секретари, чуть не всѣ приказные, пришелъ и штатный смотритель училища, а за нимъ стая ребятишекъ, только-что раслуценныхъ изъ класса, послѣшала подъ гору и отецъ протоіерей, чтобъ еще разокъ щегольнуть передъ горожанами только-что полученною камиллавокъ. Ковылая на всякій случай прилаеда хромой столаръ Пивкратычъ—не ловадобится ль дескать гробъ сколотить. Геродскія вѣстовщицы тоже прибѣжали поглядѣть на рѣдкостное и еще не бываое въ ихнемъ городѣ зрѣище. Тутъ и чиновница Ольга Пивфиловна и уставщица Красноглазика. Всѣ шушукать, каждый думаетъ и говоритъ про Марка Давидыча по-своему.

— Гослодъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать, стоя въ сторонкѣ назидательно говорилъ отецъ протоіерей.—Наказующій персть Божій, того ради коснулся сего прегордаго, что ревнуя богомерзкому расколу всю жизнь свою чуждался онъ святой церкви. Притомъ же хотя и раскольникъ, однакожь все-таки долженъ былъ привимать къ себѣ въ домъ духовныхъ лицъ со святынею. А вашъ причтъ отъ него мѣдваго гроша никогда не выдывалъ.

— Вотъ что значить съ никовіанами-то водиться!... строго и учительно говорила уставщица Красноглазиха.— Повелся съ еретиками, за одной съ ними тралевой насыщала, изъ одной ливалъ посудины, себя сквернилъ и соблазны чинилъ христіанамъ древлаго благочестія.

— Вотъ всякій гяди да кáзнись, тараторила разбитная приживалка чиновница Ольга Панфиловна.— Всякимъ добромъ ублагодворялъ мерзкихъ ласкудъ, какъ вонъ эта злоязычица Аниська Красноглазиха... Ни чѣмъ другимъ, а этимъ самымъ и навелъ онъ на себя гнѣвъ Господень. И осетрины-то ей бывало, и бѣлаужины, и икры, и дровъ, и муки, и всякой всячины. Чѣмъ бы настоящимъ бѣднымъ подать, тѣмъ что въ нищетѣ проводятъ жизнь благородную, онъ только этой гадилъ. А лешарь-ка въ коробѣ у проклятой Аниськи, увидишь сколь бѣдна она.

А у самой на умѣ: „А ну какъ помретъ, прощай тогда и рыбка, и мучка, и дровешки... Хоша непутный былъ, и самый непостоянный человекъ, а все-таки продалъ ему вѣку Господи.“

И не одна Ольга Панфиловна такія думы думала. И городничій, и стряпчій, и другіе чиновные люди не на шутку были озабочены тѣмъ, будетъ ли Смолокуровская наследница попрежнему ихъ икрой да рыбой награждать. И всѣ жалѣли Марка Данилыча. Одинъ протопопъ изъ-подъ новенькой камиллавки злобно на него логалядывалъ.

Осмотрѣвъ больного, лѣкарь крѣлко ущипнулъ ему правую руку. Марко Данилычъ хоть бы глазомъ моргнулъ. Тогда лѣкарь посвистѣлъ только. Бросилась къ нему Дарья Сергѣвна.

— Чтѣ съ нимъ, батюшка? Скажите на милость!... Сдѣлайте такое ваше одоженіе, говорила она, обливаясь слезами. И другіе чтѣ тутъ были тоже на перерывъ другъ передъ дружкой лѣкаря спрашивали чтѣ такое случилось съ Маркомъ Данилычемъ.

— Не мѣшайте, съ важностью въ осанкѣ и голосѣ сказалъ толстенькій лѣкарь, а потомъ попросилъ городничаго велѣлъ бы онъ всѣмъ отойти отъ больного подальше.

Повелъ рукой градоначальникъ, ругнулся въ полголоса, и почтительно отхлынула разнородная толпа. Возлѣ Марка Данилыча остались Дарья Сергѣвна да еще чиновные люди и прикащики.

Сталъ дѣкаръ на колѣни, вынулъ изъ кармана ящикъ съ инструментами, однимъ ланцетомъ ловко разрѣзалъ рукавъ, другимъ кровь пустилъ. Тихо потекла изъ ранки совѣзмъ почти черная кровь.

— Скверно! шепнулъ дѣкаръ наклонившемуся къ нему городничему.—Надо бы его домой перенести. Носилки бы какія-нибудь, прибавилъ онъ, обращаясь къ прикащикамъ.

Василій Фадѣевъ и еще трое пошлн за носилками. Городничій спросилъ ставшаго на ноги дѣкаря:

— Чтѣ съ нимъ?

— Кондрашка! равнодушно отвѣтилъ врачъ, укладывая ланцеты.—Федуловъ, сказалъ онъ, обращаясь къ фельдшеру,—стулай въ домъ пациента, тамъ и осянешься, будешь дежурить у кровати... А что Карло Хрестьянычъ дома?... спросилъ онъ потомъ у будочника Маркелова, пришедшаго на мѣсто не столько ради дорядка, сколько изъ любопытства.

— Съ лягавой сухой, съ Динкой, на заводъ къ Окѣ отбыть изволили, буркнулъ чуть не во все горло городской.

Городничій поднялъ кулакъ и примолвилъ своему подначальному:

— Чтѣ горло-то развязалъ? Скотина!... На пожарѣ что ли ты?

Оторопѣлъ будочникъ, сталъ въ тулукъ и вытянулся въ струнку передъ начальствомъ.

Привесели носилки, чтѣ дѣланы были для переноски дровъ. Василій Фадѣевъ догадался навалить на нихъ побольше треланой левки, помагче бы было лежать хозяину. Бережно положили на носилки Марка Давилыча и тихо понесли въ домъ. Густой толпой повалилъ народъ за носилками, пошлн и чиновные люди. Дорогой они разошлись однако, каждый пошелъ во свояси. Дѣ дому проводили больнаго только дѣкаръ да городничій. За ними двинулась было на Смолокуровскій дворъ толпа горожанъ и рабочихъ людей, но бдительный градоначальникъ туда не пустилъ ея. Поставивъ у воротъ Маркелова, строго-настрого онъ приказалъ ему не дозволать входить на дворъ никому изъ стороннихъ, oprчъ чиновныхъ людей. Толпа остановилась передъ домою Марка Давилыча, а мѣщанскіе ларнички съ учениками уѣзднаго училища вѣззли на заборъ чтѣ стоялъ напротивъ Смолокуровскаго дома и какъ ворбны разсѣлись на немъ. И того не потерпѣлъ градоначальникъ.

— По домамъ! крикнулъ онъ такимъ голосомъ, какимъ командовалъ ротъ въ сраженіи подъ Остроленкой, гдѣ раненъ въ руку, за что и получилъ мѣсто городничаго...—А васъ, лащелки, прибавилъ онъ, обращаясь къ мальчишкамъ—всѣхъ велю забрать въ полицію, да такихъ горячихъ засылаю тамъ что вѣкъ будете поминать меня. Слѣзли съ забора мальчишки и разбѣжались въ разсыпную. Разошлись и взрослые что отъ нечего дѣлать все еще глазѣли на домъ Марка Давидлыча ровно на какую диковину.

— Слушай-ка ты, любезный, сказалъ городничій Василью Оаѣеву, побѣждавшему было въ алтеку яи лѣкарствомъ.—Ты вѣдь прикащикъ Марка Давидлыча?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, почтительно скинувъ картузь, вытянувъ шею и самодовольно улыбаясь отвѣтилъ Оаѣевъ.

— Такъ вотъ что: сейчасъ же распорядись чтобы улицу противъ дома и противъ всего двороваго мѣста соломою устлали, продолжалъ городничій.—Это для порядка. Во всѣхъ хорошихъ городахъ и въ самомъ даже Петербургѣ такъ дѣлается, ежели заведомо знатный или богатый человекъ, потомъ замѣтилъ градоначальникъ стоявшему возлѣ лѣкаря.—Чтобъ сейчасъ же устлали, прикрикнулъ онъ Василью Оаѣеву.—А ежели черезъ полчаса мое приказанье не будетъ исполнено, розгачей отвѣдаешь. Шутить не люблю.... Смотри жь, любезный, распорядись.

— Да я вотъ въ алтеку прежде сбѣгаю, началъ было Оаѣевъ, но городничій громко крикнулъ на него.

— Не умничать. Дѣлай что начальство приказываетъ. Въ алтеку поспѣешь, алтекаръ за кудиками еще охотится. Сію минуту распорядись—нельзя безъ соломы, это для порядка требуется!

И устлали соломою улицу, хоть она травой поросла, и въ цѣлый день по ней развѣ двѣ либо три телѣги бывало проѣдутъ.

Нѣтъ лучше Марку Давидлычу. Правая сторона совсѣмъ отвалилась, ротъ перекосяло, языкъ онемѣлъ. Хочетъ что-то сказать, но только мычить да чуть-чуть маячить здоровой рукой. Никто однако не можетъ ловить чего онъ желаетъ. Лѣкаръ объявилъ Дарьѣ Сергѣевнѣ что ежели и будетъ ему

облегченъе, все-таки съ постели не встанеть онъ и до смерти безъ языка останется.

Нежданно, негаданно, нагрянула бѣда на Смолокурова. Какой еще горше бѣды? Какое богатство на долю человѣка ни выпадетъ, какое ни будь у него изобиліе, а нагрянетъ недугъ да приведетъ съ собой какачество, такъ и несмѣтное богатство выйдетъ хуже нищеты и всякой нужды. Пропалъ Марко Давидычъ, лиши его вонъ изъ живыхъ.

А въ домѣ и по хозяйству въ рознь все лѣхало. Правду говорятъ старыя люди: „хозяинъ лежитъ—весь домъ лежитъ, хозяинъ съ постели—всѣ на ногахъ“. А тутъ приходится лежать хозяину до той поры пока его въ могилу не уложатъ.

Всю жизнь Марко Давидычъ никому вполнѣ не довѣрялъ, ни на кого не полагался и въ торговыхъ и въ другихъ дѣлахъ. Отъ прикащиковъ и прислужниковъ только и ждалъ что обмановъ да воровства. И былъ въ томъ правъ. Такъ какъ никто не любилъ его, никто не былъ ему преданъ, то каждый только и коровилъ поживиться на счетъ его кармана. Подозрительный въ каждой мелочи, ко всѣмъ недоувѣрчивый, самъ онъ велъ даже торговая книгу, никогда не бывало у него конторщика, самъ все записывалъ, самъ и переписку велъ. Въ какомъ положеніи остались у него дѣла никто не зналъ. Никто не зналъ и о томъ сколько у него наличнаго капитала, сколько и на комъ денегъ въ долгахъ, сколько самъ онъ долженъ другимъ. Тяжко было Дарьѣ Сергѣевнѣ—за всѣмъ гляди, всѣмъ распорядись, все управь, охрани и за все будь въ отвѣтъ. А тутъ прикащики просятъ распорядковъ, рабочіе расчетовъ требуютъ, а у нея на рукахъ и денегъ столько нѣтъ чтобъ со всѣми раздѣлаться. Къ сумдуку съ деньгами и бумагами безъ Дуни она не смѣетъ прикоснуться, а Дуна Богъ еще знаетъ ее когда домой воротится. Послала къ ней Дарья Сергѣевна эстафету съ извѣстьемъ о внезапной болѣзни отца... Но съ кѣмъ поѣдетъ она, и какъ пройдетъ такую даль по незнакомымъ мѣстамъ неопытная дѣвушка и чего ни встрѣтитъ ей на пути?... Въ конецъ растерялась Дарья Сергѣевна. Обратиться не къ кому, никто не любилъ Смолокурова, а теперь каждый еще того опасался что ежели подниметь его Богъ съ одра болѣзни, тогда пожалуй добромъ съ нимъ и не раздѣлаешься—скажетъ что обокрали его во время болѣзни, дѣла въ разстройство привели. Къ кому въ городѣ ни обращалась Дарья Сергѣевна за помощью, всѣ уклонялись.

Ужь послѣ отправки къ Дуни письма вспомнила Дарья Сергѣевна про Аграфену Петровну. Хотя въ послѣднее время Дуна и переѣздила къ своему „другу любезному“, стала къ ней холодна и почти совсѣмъ избѣгала разговоровъ съ ней, однако зная доброе сердце Аграфены Петровны Дарья Сергѣевна послала къ ней нарочнаго. Слезно просила ее прійхать къ больному вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьичемъ и со всѣми дѣтками, самой съѣздить за Дуной, а Ивана Григорьича оставить для распорядковъ по дѣламъ Марка Давидычъ...

ХСV.

Въ самый тотъ день когда Марку Давидычу болѣзнь приключилась, за Волгой, у Патапа Максимыча было шумное, веселое пируванье. Принесла Прасковья Патаповна перваго сыночка Захарушку, перваго внука Патапу Максимычу. Свѣтель, радощень заводскій тѣслячнкъ, радовался онъ великою радостью.

Когда бабушка-ловитуха показала ему новорожденнаго младенца, дѣдушка благословилъ его и въ слухъ всѣмъ промолвилъ:

— Рости Захарушка, выростай мой родимый, будь матери умнѣй, будь отца дѣльнѣй!

Василій Борисычъ тутъ же былъ. Не по праву были ему слова тестевы, но вѣдь онъ изъ его рукъ смотрѣлъ, а потому лишнихъ словъ не развода, вздохнулъ и только промолвилъ въ погодоса:

— Охъ, чужестиніе!

Подетѣли отъ Патапа Максимыча посланцы по всѣмъ сторонамъ, и въ Нижній, и въ Городецъ и въ Красную Рамень созывать друзей-пріятелей на крестины, а самъ онъ лѣхалъ за „прѣзжающимъ попомъ“ жившимъ безотлучно при Городецкой часовнѣ. Много гостей наѣхало въ Осиповку— много навезли они Прасковьѣ Патаповнѣ родильныхъ пироговъ и коровайчиковъ, * Аграфена Петровна пріѣхала съ мужемъ и съ дѣтками, пріѣхалъ перелеливый охотникъ удѣльнѣй голова Михайло Васильичъ въ своемъ жалованномъ кафтанѣ, прикатилъ изъ Нижняго дружокъ Патапа Максимыча

* Родильницѣ знакомыя замужнія женщины приносятъ либо посылаютъ сладкіе пироги, или сдобные коровайчики въ родѣ пасхальныхъ куличей.

Колышкивъ, со всѣхъ сторонъ пожаловали гости званые, почетные; не пріѣхала, не пожаловала одна только матушка Мавееа. Ни слова не сказала она посланному, пріѣзжавшему въ Комаровъ звать ее на крестины новорожденного внука, но когда тотъ вышелъ съ вичѣмъ изъ игуменьиной кельи, въ сѣняхъ остановила его мать уставщица Аркадія и гнѣвно ему выговаривала что дескать видно онъ съ ума спятилъ, затесавшись съ такимъ зовомъ къ игуменьѣ.

— Нешто не знаетъ твой Паталъ Максимычъ что инокинямъ на свадьбахъ да на кстинахъ быть не подобаетъ?... не въ мѣру распалившись кричала она на всю обитель.— Съ ума что ли вы сошли со своимъ хозяиномъ!.. На смѣхъ что ли онъ послалъ тебя? Вонъ, сейчасъ же вонъ изъ обители!... Чтобы духомъ твоимъ не пахло здѣсь!..

И выгнала. Добродушная мать Виринея позвала было посланнаго къ себѣ въ келарю угостить дорожнаго человека какъ слѣдуетъ, но мать Аркадія и того не допустила. Досталось отъ нея и Виринеи и всѣмъ подначальнымъ матери-келарю послушницамъ. Такъ расходилась дебѣлая старца что еще долго по уходѣ изъ обители не солоно хлѣбавшаго посланца не вдругъ успокоилась. И отчитала жь Аркадія Патала Максимыча. Думать надо что долго и много икалось ему.

Привезли въ Осилровку пола городецкаго, окрестилъ онъ въ Чалуринской молельной младенца Захарія. Въ кумовьяхъ былъ Иванъ Григорычъ съ женой удѣльнаго головы, а знаменитая повариха Никитишна за бабушку ловитуху была.

Тотчасъ послѣ крестинъ подавъ былъ крестильный обѣдъ. Сошлись въ большой горницѣ, всѣ кромѣ потаеннаго пола, родильницы, да больше года хворавшей и рѣдко когда выходившей изъ боковуши Аксины Захаровны. Повариха Никитишна тоже не вышла къ обѣду, много было ей хлопотъ и въ стралящей и у больныхъ. Проѣзжающаго пола тотчасъ послѣ крестинъ прикрывъ рогожкой * спроводили обратно въ Городецъ. На всякій случай Паталъ Максимычъ отложилъ сколько надо денегъ ради умягченія консисторскихъ сердець, на случай ежели бъ свибловскій полъ Сушило подалъ заявленіе что дескать повѣн-

* Такъ обыкновенно старообрядцы возили бѣглыхъ отъ церкви половъ, чтобъ не попались они въ руки полиціи.

чаный имъ въ церкви кулець Василій Борисовъ купно со своимъ тестемъ торгующимъ по свидѣтельству перваго рода крестьяниномъ Паталомъ Максимовымъ Чалуринымъ, главѣйшимъ коноводомъ зловреднаго раскола, окрестили новорожденнаго младенца въ домѣ означеннаго Чалурина въ недозволенной правительствомъ моленной, при дѣйстви тайно проживающаго при Городецкой часовнѣ бѣлаго священника Іоанна Бенажавскаго. Девежки предусмотрительнаго Патала Максимыча пошли куда слѣдуетъ, и отвели бурю воздвигнутую было враждебнымъ яполомъ Сушилой.

За столомъ хозяйничала богоданная дочка Патала Максимыча Аграфена Петровна. И кругомъ стола за каждой леремѣной кушанья она обхаживала, и гостей она улащивала не обезсудила бы хлѣбъ-соль хозяйскую, кушали бы что на столъ ни поставлено, не безчестили бѣ усерднаго угощенья чѣмъ Богъ послалъ. И все то старозавѣтными приговорками она приговаривала, безъ которыхъ наши правды куска хлѣба бывало въ гостяхъ не съѣдать, пока не услышатъ ихъ изъ ласковыхъ устъ хлѣбосольныхъ хозяевъ.

— Садитесь, гости дорогіе, за скатерти брѣвья, за налитки пьяные, за хлѣбъ за соль, за крестильную каму да за курничекъ, проговаривала Аграфена Петрова, усаживая гостей за обѣденный столъ.

— Уговоръ дороже денегъ, подхватилъ Паталъ Максимычъ, когда услыхъ все.—Слушайте хозяина дорогіе гости—на собаку покидайте однѣ кости, остальное сами доѣдайте, чтобъ на столъ у меня было все чистехонько. Телерича воля не ваша, а моя да хозяйшкина. Сами вы знаете что по старому святому завѣту гость хозяину не укащикъ—что поставятъ лередъ нимъ, то и кушай, да хозяевъ во всемъ слушай. Ваше дѣло ѣсть да пить, а наше дорогихъ гостей подчивать. Клааняйся зятекъ да за гостями приглядывай, лили бы хоть ломаньку да вылили все.

Курникъ на столъ поставили. Отлащилась Дарья Никитишна—такой слекла что чѣмъ больше ѣшь тѣмъ больше хочется. Ходитъ вкругъ стола Аграфена Петровна, ласковыя слова гостямъ приговариваетъ:

— Кушайте гости, локушайте! Залросто безъ чиновъ чѣмъ Господь послалъ. Прикевольтесь еще маленечко по другому кусочку курничка-то скушайте. Что перестали? Аль хозяйскаго хлѣба-соли вамъ жаль стало?

— Распредовольны, сударыня Аграфена Петровна, молвилъ ей на отвѣтъ удѣльный голова, отирая бороду.

— А ты дружище Михайло Васильичъ хозяйкѣ-то не супротивничай, ѣшь, доѣдай, крохи не покидай, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Нельзя, любезный другъ, видитъ Богъ не въ моготу. Все-го у тебя не переѣшь, не лерельешь, тяжело отдуваясь промолвилъ голова.

— А тебѣ бы, Михайло Васильичъ, да и всѣмъ вамъ дорогимъ гостямъ распоясаться, кушаки-то бы по колѣчкамъ развѣсить, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Зятекъ! Василій Борисычъ! Сымай съ гостей кушаки, вѣшай по колѣчкамъ. Ну, архіерейскій посолъ, живѣй поворачивайся.

Сняли гости кушаки и всѣмъ облегчало. Сызнова лошю угощенье. И гости веселы и хозяйвъ радощень. А уху какую сварила Дарья Никитишна, буженину какую состряпала гусей да индюшекъ какъ зажарила— за какой хочешь столъ подавай. Каждый кусокъ самъ въ ротъ просится. На славу вышелъ крестильный лиръ: и ядносятъ частенько и бесѣда ведется умненько.

Манеѳа къ слову пришаась, и повелась за тѣмъ бесѣда про обители.

— Какъ слышно?.. Чтѣ скитскія дѣла? спросилъ Сергѣй Андреичъ Колышкинъ у Патала Максимыча.

— Ничего лока неизвѣство, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.—Думать надо все по старому останется. Видно только полугала матерей чтобы жили лѣсмирнѣй. А то ужъ лаче мѣры возлюбилъ онѣ житіе пространное. Вотъ хотъ бы сестрица моя родимая—знать никого не хотѣла, въ усъ не дула никому, вотъ за это ихъ маленько и шугнули. Еще не такъ бы надо. Чтѣ живутъ? Только небо колтять.

— А вѣдь я до сихъ поръ хорошенько не знаю чтѣ сдѣлалъ генералъ чтѣ изъ Петербурга въ скиты наѣзжалъ, сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Только страху задалъ, а больше ничего, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.—Пачпорты спрашивалъ, часовни описывалъ, иконы чтѣ тамъ поставлены, строенья обительскія—а больше ничего.

— Матери-то убаготворили видно?... спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Ни-ни! отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.—Подѣзжали

было онѣ къ нему, первая сестрица моя любезная, да онѣ такого имѣ лару задалъ что у нихъ языки чуть не отнялись. Нѣтъ, пришло видно время что скитамъ больше не откупаться. Это вѣдь не исправникъ, не правитель губернаторской канцеляріи. Дѣло тутъ шло на чистоту.

— А послаѣ его отъѣзда такъ-таки ничего и не вышло? олять спросилъ Колышкинъ.

— Ровнеховько ничего, oprичъ того что воспретили шатуньямъ со сборными книжками шаяться, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Да этихъ чернохвостницъ одной бумагой не уймешь; въ острогъ бы котору-нибудь такъ не въ примѣръ бы лучше было.

— Ну ужъ и въ острогъ! вступился удѣльный голова.

— А дай чего жъ не въ острогъ? возразилъ Паталъ Максимычъ.—Вѣдь онѣ дармоѣдницы, мірскія обираемы, ханжи, да къ тому жъ слетницы и смотницы. За такія художества ихнюю сестру не грѣхъ и въ острогъ поморить.

— Богу молятся онѣ за міръ христіанскій, замѣтила жена удѣльнаго головы.—Намъ-то самимъ какъ Господу молиться?.. Дѣло не привычное, не умѣлое. У насъ и дѣла, и заботы, и все, а лучше всего не сумѣть намъ Бога за грѣхи умолить, а матушки, Христосъ ихъ спаси, на томъ ужъ стоять—молятся какъ слѣдуетъ и тѣмъ творять дѣло нашего спасенія.

— Молятся! Какъ-же!... Держи карманъ!... Знаю я ихъ въ досталь! сказалъ на то Паталъ Максимычъ.—Одна только слава что молятся. У нихъ Богъ—чревс... Вотъ чтѣ... Давно бы пора въ лорядокъ ихъ привести.... Чтѣ молчишь затѣкъ?... съ лукавой улыбкой обратился Паталъ Максимычъ къ Василью Борисычу.—Изрочи словечко—ихнее дѣло тебѣ за обычай. Молви гостямъ, правду аль нѣтъ говорю?

— Трудно нѣ это что-нибудь сказать, робко, уклончиво, сквозь зубы проговорилъ бывшій архіерейскій лосоль.—Съ какой стороны посмотрѣть...

— Гляди прямо и толкуй прямо, возвыся немного голосъ и слегка нахмурясь сказалъ Паталъ Максимычъ.—Чего вертѣться-то? Прямо сказывай безъ отлыниванья, безъ обидяковъ...

— Оно конечно, ихней сестры много шатается, перемывалась заговорилъ было Василій Борисычъ.—Однакожь ежели взять...

— Чего еще тутъ „однако, да однако“? вслышалъ на него Паталъ Максимычъ.—Тебя до сихъ лоръ еще хорошенько не провѣтрило. Все еще Рогожскимъ, да скитами тебѣ видно

отрыгается. Никуда брать ты не годенъ—развѣ что въ игуменьи тебя поставитъ.... Хочешь на теткинѣ мѣсто, на Манеичинѣ?

— Охъ, искушеніе! въ лѣголосо, олуская глаза въ тарелку молвилъ Василиій Борисычъ.

— А право знатная бы вышла изъ тебя игуменья, смѣясь продолжалъ Паталъ Максимычъ.—Сталъ бы ты въ обители-то какъ сыръ въ маслѣ кататься! Тамъ бы тебѣ разъ по десяти на году-то пришлось крестины справлять. Право..

И раскатился Паталъ Максимычъ громкимъ хохотомъ на всю горницу.

И всѣ мужчины хохотали, а женщины лотуливши глаза молчали. Василиій Борисычъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и полными кручины глазами одво твердитъ:

— Охъ искушеніе!

— Ей Богу, продолжалъ свои глумленья развеселившійся Паталъ Максимычъ.—А вотъ мы отобѣдавши тебя въ игуменьи поставимъ. У кановницы инокство на прокатъ возьмемъ и какъ слѣдуетъ обрядимъ тебя.... Бородишку-то платкомъ завяжи, невеличка выросла, упрятать можно...

Пожалѣлъ Колышкинъ Василя Борисыча, перервалъ рѣчи Патала Максимыча, спросилъ у него какъ скитницы, что перевезли строенья изъ скитовъ въ городъ, распорядятся теперь, ежели нечего имъ бояться выговки.

— Каждая по своему распорядилась, отвѣчалъ Паталъ Максимычъ.—Сестрица моя любезная три дома въ городу-то построила, ни одного не трогаетъ, ни ломать, ни продавать не хочетъ. Ловкая старица. Много такого знаетъ, чего никто не знаетъ. Изъ Питера да изъ Москвы въ недѣлю раза по два письма къ ней приходятъ. Есть у ней что-нибудь на умѣ коли не продаетъ строеній. А покуатели есть, и выгодныя цѣны даютъ, а она и слышать не хочетъ. Что-нибудь смѣкаетъ. Она вѣдь лишняго шагу не ступитъ, лишняго слова не скажетъ. Хитрая!

— А другія какъ? спросилъ Сергѣй Авдreichъ.

— Однѣ продали, другія назадъ въ скиты перевезли, иныя отдали въ наймы, отвѣчалъ Паталъ Максимычъ.—Оленевская мать Минодора подъ кабакъ кельи-то отдала, наша выгоднымъ. И теперь игуменьи отъ первой до послѣдней ругательски ругаютъ Манею что смутила ихъ, залукала петербургскимъ генераломъ и уговорила загода перевозить

изъ скитовъ строенья. „Раззорила, разстроила вась Мамею Комаровская“, въ одинъ голосъ кричатъ онѣ. Ну вотъ тебѣ и весь сказъ. А теперь разкажи-ка ты мнѣ, Сергѣй (Андреичъ, не слыжалъ ли чего про Алешку Лохматого? Давно ничего про него я не слыхивалъ.

— Въ Самару на житье переѣхалъ, отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Дѣла повелъ на широкую руку—теперь у него четыре, либо пять пароходовъ, да олричь того салотелевный заводъ. Барановъ въ стели закулаетъ, рѣжетъ ихъ въ Самарѣ и сало выталливаетъ. По первой гильди торгуетъ, скоро слышь въ городскіе головы попадетъ.

— Вотъ какъ! промовилъ Чалуруинъ. — А что про Марью Гавриловну слышко?...

— Что Марья Гавриловна? Житье ея самое послѣднее дѣло, сказалъ Колышкинъ. — За душой мѣдной подушки не осталось. Все забралъ муженекъ... Ситцевое платьишко сшить понадобится, такъ мѣсяца полтора клянчить у него о какихъ-нибудь трехъ рубашкахъ... Мало того, въ горничныя попала она къ мужниной любовницѣ.

— Мамошкой значить обзавелся? замѣтилъ удѣльный голова.

— Много ихъ у него. И самъ не перечтеть сколько ихъ перебивало, съ легкой усмѣшкой сказалъ Колышкинъ. — А наибольшая одна... И красавица же!... Мало такихъ на свѣтѣ видаво.

— Откуда жъ онъ добылъ такую краю? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Въ приданство Марья Гавриловна принесла, отвѣчалъ Сергѣй Андреичъ. — Молоденькая дѣвчонка, Татьяной Михайловной звать.

— Не та ли ужъ что у Марьи Гавриловны въ Комаровѣ жила? спросила Аграфена Петровна.

— Она самая, молвилъ Колышкинъ.

— Какъ же это? вскрикнула Аграфена Петровна. — Да вѣдь она души не чаяла въ Марьѣ Гавриловѣ. Въ огонь и въ воду готова была за нее идти... Еще маховькой взяла ее Марья Гавриловна на свое полеченье, выростила, воспитала, любила какъ дочь родную! Говорила что по смерти лодовину имѣнья откажетъ ей. И вдругъ такое дѣло!... Господи! Господи!... Что жъ это такое?... Да какъ рѣшилась она?

— Зачались дѣла еще кажется съ той лоры, какъ только замужъ вышла Марья Гавриловна, сказалъ Сергѣй Андреичъ. —

Сначала Татьяна отъ Алексѣевыхъ приставивъ къ дому хотѣла уйти, утопиться либо удавиться, а Марья Гавриловна не говорила что за причина тому. А тотъ не отстаётъ и денегъ не жалѣетъ. Крѣпилась, крѣпилась Татьяна Михайловна, покорилась наконецъ. Какъ у нихъ это сдѣалось знаютъ они одни. А между тѣмъ Лохматовъ до послѣдней нитки все перевелъ на свое имя, и только перевелъ, во всей красѣ и развернулся. Марья Гавриловна ни колѣйки, а Татьяна шелковыя платья да бархатные салопы на собольемъ мѣху. А Марья Гавриловна хоть бы словечко на то промолвила, хоть бы слезинкой на мужа пожаловалась...

— Какъ же это? Какъ же это такъ? Какъ могла Таня рѣшиться на такое дѣло, дрожащимъ отъ волненья голосомъ заговорила Аграфена Петровна.—Ну, не смогла устоять, не угасила постомъ да молитвой демонскихъ стрѣляній, такъ какъ же можно было ей такъ обидѣть свою благодѣтельницу, столько горя ей принести?..

— А вино-то на что? перервалъ ея рѣчи Колышкинъ.—Сперва шампанское да венгерское, потомъ сладенькіе ликеры, а потомъ дошло дѣло и до коньяка... Теперь не дошло ли ужъ и до хлѣбной слезы, что подъ тынъ чловѣка кладеть... Совсѣмъ скружилась дѣвка, и стыдъ и совѣсть въ винѣ утопила, а передъ Марьей Гавриловной въ угоду любовнику стала дерзка, завосчива, обидлива. Терпитъ Марья Гавриловна, пьетъ чашу горькую!

— Такъ-таки и прислуживаетъ Танякъ? Такъ-таки и живетъ Марья Гавриловна въ своемъ дому какъ работница? волнуясь говорила Аграфена Петровна Сергѣю Андрѣичу.

— Совсѣмъ какъ есть, отвѣтилъ Колышкинъ.—И одѣваетъ ее, и самоваръ приноситъ, и кофей варить и постель стелеть мужу съ Татьяной. Совсѣмъ какъ есть работница. Удивительно еще какъ бѣдная Марья Гавриловна изъ ума не выступила. Богу слышь только молится, а говорить — ни съ кѣмъ не говорить.

— Бѣдная, бѣдная! промолвила Аграфена Петровна.

— А я такъ полагаю что глупая она бабенка и больше ничего, вставилъ свое слово удѣльный голова.—Подвернулся вдовѣ казистый молодецъ, крѣпкій, здоровенный, а она съ дуру-то и растаала и капиталъ и все что было у нея отдала ему... Свѣчь бы за это—не дури... Вотъ теперь и казнись—ло дѣломъ вору и мука, сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ.

— Грѣхъ осуждать ее, вступилась Аграфена Петровна.— Нешто знала она что будетъ впереди? Ежели бѣ знала, не такъ бы дѣломъ повела... Изъ любви все дѣлала и не взыщутся грѣхи ея. Въ Писаніи-то что сказано?.. Сказано что любовь много грѣховъ покрываетъ. Дастъ Богу отвѣтъ одинъ Алексѣй.

— Такъ-то оно такъ, отвѣчалъ голова,— а по человѣчески судя такъ бы ей поступать не слѣдовало. Что теперь она?.. Была богачка—стала нищая, была женщина почтенная, всѣми уважаемая, теперь хуже послѣдней судомойки!.. Плоть-то ужъ больно распалила она тогда — вотъ что... Отъ того и попала въ кабалу негодному человѣку. И хоть бы что-нибудь хорошаго было въ немъ! Такъ вѣдь нѣтъ ничего. Въонъ теперь онъ сворованными у жены сотнями тысячъ ворочаетъ, а отцу съ матерью нечего поѣсть. Не разъ Христомъ Богомъ старикъ Трифонъ просилъ сына о помощи. Отвѣта даже не выслалъ. А семья въ раззоръ раззорилась, дѣвки загуляли, сколько разъ ворота у нихъ дегтемъ мазали. * Саввушка у Трифона меньшей сынъ былъ — добрый былъ паренекъ, смышляемый, по всему хорошій, и тотъ по недостаткамъ родителей мертвую залилъ, теперь сыны въ солдаты нашивается. А непутный Алексѣй тысячами швыряетъ, и горя ему нѣтъ что родная семья въ конецъ раззорилась и изъ честнаго родительскаго дома вышелъ Содомъ и Гоморь... Не потерлитъ Богъ ему. Нельзя тому быть чтобъ не покараалъ Онъ его въ семь вѣкъ и въ будущемъ.

Ни слова не сказалъ Патакъ Максимычъ, слушая рѣчи Михайлы Васильевича. Безмолвно сидѣлъ онъ облокотясь на столъ и склонивъ на руку сѣдую голову. То Настю покойницу вспоминалъ, то глумленье Алешки надъ нимъ самимъ, когда былъ онъ у него по дѣлу о векселяхъ. Хватилъ бы горячимъ словомъ негодая, да языкъ не ворочается: слѣшь претитъ при всѣхъ вымолвить какъ принялъ его Алешка послѣ своей женитьбы, а про Настю намекнуть, оборону Господи и помилуй!

* Повсемѣстный почти деревенскій обычай—мазать дегтемъ ворота того дома, гдѣ живетъ зазорнаго поведенія дѣвушка. Это у крестьянъ считается величайшимъ оскорбленіемъ для всей семьи, а для дѣвушки особенно. Ту у которой мазаны ворота замужъ никто не возьметъ.

Вдругъ передъ честной бесѣдой явилась знаменитая повариха, а телерь и бабушка ловитуха Дарья Никитишна. Въ полушелковомъ темноокрасномъ сарафанѣ, въ гарнитуровомъ холодникѣ, въ коричневомъ платкѣ съ затканными серебряными цвѣточками на головѣ, лавой вылапыла она въ горлицу съ уместнымъ горшкомъ пшенной каши. Съ низкимъ локловомъ поставила она его передъ Васильемъ Борисычемъ, и такія рѣчи примолвила ему по старинному, по уставному:

— Что туманъ на полѣ, такъ сынку твоему помолвенному, покрещенному счастье-таманъ на весь вѣкъ его! Дай тебѣ Богъ сынка воспоить, воскормить, на коня посадить! Кушай за здоровье сынка, свѣтъ родитель батюшка, опростай горшечекъ до послѣдней крошечки—жить бы сынку твоему на бѣломъ свѣтѣ подольше, смолоду отца съ матерью радовать, на локовъ жизни лопить, кормить, а помрете когда—ломивки творить!

Взялъ ложку Василій Борисычъ. А каша-то крутымъ накруто насолена, перцу да горчицы въ нее понакладено. Съѣлъ ложку родитель, закашлялся, а бабушка Никитишна не отстаетъ отъ него:

— Изволь государь-батюшка скушать все до капельки, не мочи, свѣтъ родитель, оставлять въ горшкѣ ни малаго зернышка. Кушай, докушивай, а ежели не докушаешь, такъ бабка ловитуха съ руками, да съ ногтями, не доѣшь—глаза выдеру. Не захочешь докушать, моего приказа послушать—рукамъ волю дамъ. Старый отецкій уставъ не смѣи нарушать—изстари такъ дѣдами прадѣдами уложено и на вѣки ими уставлено. Кушай же, родитель свѣтъ, докушивай, чтобы дво было нагодо, а въ горшкѣ не осталось крошекъ и мышенку лоскрестъ.

Хоть бѣжать, такъ въ ту же пору Василью Борисычу. Да бѣжать-то некуда—горница полна людей и всѣ надъ нимъ смѣются весело. Съ одной стороны держитъ его Никитишна, а съ другой—самъ Патазь Максимычъ стоитъ, ухвативши за плечо зятя любезнаго.

— Умѣлъ выкрасить жену, умѣлъ и сынка родить, доѣдай же телерь бабуку кашу, всю доѣдай безъ остатка, съ хохотомъ говоритъ Патазь Максимычъ.

Кашляетъ Василій Борисычъ, что ни ложка, то поперхнется. Давится, охаетъ и шелчетъ любимое свое: „охъ, искушение!“

А гости смѣются, сами приговариваютъ:

— Ъшь кашу, родитель свѣтъ, кушай, докушивай! Жуй да глотай бабину кашу на ростъ, на вырость, на долгую жизнь сынка! Все дождай до капельки, не то сынокъ у тебя рѣбой выростеть.

Три лота слидо съ Василья Борисыча, покамѣсть не справилса онъ съ крестильной кашей. Ни живъ, ни мертвъ сидитъ за столомъ, охаетъ громче и громче, хоть въ слезы, въ рыданья такъ въ ту же бы лору. Но Богъ не оставилъ его, помогъ совладать съ горшкомъ.

— Телерь, свѣтъ родитель, ложку изволь выкупать, сказала Никитишна, поднося Василью Борисычу подносикъ.

Выкупилъ ложку Василій Борисычъ, положивши бабункѣ лятишницу.

Пошла Никитишна вкругъ стола, сбросила гостей кашею, только не пшениною, а пшени сарачинскаго, не съ перцемъ, не съ солью, а съ сахаромъ, съ вареньемъ, со сливками. И гости бабу-повитуху обдаривали, на подносъ ей клали сколько кто производилъ. А Патапъ Максимычъ на подносъ положилъ пакетецъ, что было въ немъ, никто не зналъ, а когда послѣ обѣда Никитишна вскрыла его, нашла пятьсотъ рублей. А на пакетецъ рукой Патапа Максимыча было написано: „бабкѣ на масло“.

Съѣли кашу и не выходя изъ-за стола принялись за лолойку. Женщины пошли въ заднія горницы, а мужчины разсѣлись вкругъ самовара пунши расливать. Пили за все и про все, чтобы умникомъ росъ Захарушка, чтобы далъ ему здоровья Господь, продлилъ бы вѣку ему на сто годовъ, чтобы во всю жизнь было у него столько добра въ дому, сколько въ Москвѣ на торгѣ, былъ бы на ногу легокъ да ходокъ, чтобы всякая работа въ рукахъ у него спорилась.

— А тебѣ, Василій Борисычъ, обратился къ родителю свѣту удѣльный голова,—пошли Господь столько сынковъ сколько въ полѣ леньковъ, да столько дочекъ сколько на болотѣ кочекъ, и дай вѣзмъ вамъ Господи чтобы добро у васъ воть этакъ лилось.

И выплеснулъ стаканъ лунта на полъ.

— Зачѣмъ же столько? въ смущеньи и замѣшательствѣ тихо и робко промовилъ Василій Борисычъ.—Этакъ-то ужъ не очень ли много будетъ?..

— А за каждаго ребенка тебѣ по сту палокъ, прибавилъ къ желаньямъ головы маленько лѣдгулявшій Патапъ Максимычъ.

— За что жь это? сталъ было говорить въ защиту Василя Борисыча Михайла Васильичъ.

— Дураковъ не плоди. И безъ того отъ нихъ на свѣтъ Господнемъ проходу нѣтъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Вѣдь сывъ по отцу—значить дураковъ сывъ и самъ дуракъ будетъ... А нашъ лѣвунъ развѣ не дуракъ?... Къ какому дѣлу онъ пригоденъ? Пѣтъ, да въ моленной читать, да еще за дѣвками гоняться, только и есть у него; на другое, на что не годится. Прасковья-то плоха у меня, дрыхнуть бы ей только, да и она хоть и сонная дура, а раза четыре драла мужу глаза за дѣвокъ-то. По моему выстегать бы его хорошенько чтобъ ума прибыло бы. Да ужъ когда-нибудь онъ у меня дождется.

Всѣ захохотали, а Василий Борисычъ только вздыхаетъ да подъ носъ шепчетъ себѣ:

— Охъ искушеніе!

— Нѣтъ, посудите въ самомъ дѣлѣ, гости дорогие, продолжалъ Патапъ Максимычъ, поставивъ локти на столъ и положивъ на ладони бороду.—Думалъ я съ первоначалу что ларень онъ толковый. Помните какъ онъ при вашей бытности, на сорочинахъ покойницы Насти, расписывалъ про народныя нужды и промыслы по разнымъ мѣстамъ?... Любо дорого послушать было. Помнишь, Михайло Васильичъ, при тебѣ тогда я его уговаривалъ дѣломъ заняться — на Горахъ разводить промыслъ. Денегъ давалъ и во всемъ полную довѣренность, бросилъ бы только чернохвостницъ, да наплевалъ бы на своихъ лосковныхъ архіереевъ. И согласился было онъ, шесть недѣль только сроку выпросилъ. Такъ нѣтъ, келейницы-то видно ужъ больно тянули его къ себѣ. А какъ женился и пришлось ему лошабашить и со скитами, и съ Рогожскимъ кладбищемъ, и съ шатущими архіереями, подумалъ я тогда: „слава Тебѣ Господи — выльываетъ человекъ на вольную воду, дуности покидаетъ, за разумъ берется“. Не тутъ-то было. Языкомъ мы съ нимъ города беремъ, а подойдетъ дѣло, сейчасъ и отлынивать. Вышло на ловѣрку что мой Василий Борисычъ ни на что не годенъ — только и знаетъ что съ дѣвками лѣтъ, да по лѣсочкамъ межъ кусточковъ съ ними валаваться. Кажись бы маленькій, да приземистый, и слабенекъ, и жиденекъ что ивовый пруть, поглядѣть кажись бы не на что, а по женской части ходокъ. Ни одной проходу не дастъ. На что работница Матрена и раба и неуклюжа, вотъ что кушанья-то носила сюда, —

на чорта больше чѣмъ на дѣвку лохожа, и ту не оставилъ въ локоѣ. Теперь запаалъ ему въ скиты-то ходъ, а то бы у него по чествѣмъ обителямъ и въ самомъ-дѣлѣ было сынковъ что леньковъ, а дочекъ что кочекъ. Правду аль нѣтъ говорю я тебѣ, зять ты мой любезный Василій Борисычъ?

И лукаво прищуривъ глаза, поглядѣвъ насмѣшливо Патапъ Максимычъ на Василья Борисыча, а подъ тѣмъ стулъ ровно желѣзный да каленый. Такъ бы и вскоцилъ, такъ бы и побѣжалъ изъ горницы, да какъ убѣжишь? И сталъ безотвѣтенъ онъ.

Тестъ изъ зятя только веревокъ не видѣ, былъ у него Василій Борисычъ во всей власти, и на всей его волѣ. И ни-коимъ образомъ нельзя было Василью Борисычу себя высвободить. Уйти изъ тестева дома все одно что руки на себя наложить. Послѣ вѣчанья у лола Сушилы изъ прежнихъ друзей-пріятелей никто къ дому близко его теперь не подпуститъ и всякъ будетъ радехонекъ какую-нибудь лакомсть ему сдѣлать. Нечего дѣлать, покарайтся судьбѣ, терпи полпреку отъ теста, безотвѣтно принимай издѣвки и насмѣшки, а самъ и рта разинуть не смѣй. Давно клянетъ себя Василій Борисычъ за сладкую ночку въ дѣсоукѣ Улангерскомъ, и ругательски ругаетъ Петра Степаныча съ Фленушкой, за то что ради потѣхи своей окрутилъ его чуть не насильно съ Праксковьей Паталовной.

XCVI.

Колокольчикъ послышался.

— Кого это дѣшій несетъ? съ гнѣвомъ, съ досадою неистово вскрикнулъ Чалуринъ.— Не исправникъ ли почуялъ что мы луншикомъ здѣсь забавляемся, аль не къ тебѣ ль изъ удѣльной конторы, Михайло Васильичъ?

— Некому меня разыскивать, отвѣтилъ голова.— Къ тебѣ должно-быть заловдамый гость.

— Некому быть-то ко мнѣ, да еще съ колокольцами, молвилъ Патапъ Максимычъ.— Мои гости всѣ налицо. Должно-быть кто-нибудь незванный непрошенный. Испортитъ онъ бесѣду нашу океанный.

Телѣжка запряженная почтовыми лошадьми остановилась у воротъ Патапа Максимыча. Бросились къ окнамъ—нѣтъ, не исправникъ пріѣхалъ, не изъ удѣльной конторы, а какой-то никому незнакомый человекъ въ синей сибиркѣ съ бора-

ми назадъ и въ суконномъ картузѣ. Не то городской мѣщанинъ, не то купецъ небожикаго полета.

— А что старичокъ почтенный, спросилъ прїѣхавшій у сидѣвшаго возлѣ воротъ Павтелея, — здѣсь что ли будетъ Аграфена Петровна изъ Вихорева?

— Здѣсь, отвѣчалъ Павтелея, — а тебѣ ее на что?

— Письмецо есть, сказалъ прїѣзжій. — Изъ Смолокуровскаго дома отъ Дарьи Сергѣевны. На слѣхъ посланъ. Несчастье случилось у насъ.

— Какое? вскрикнулъ изъ окна Паталя Максимычъ. — Съ кѣмъ?

— Съ самимъ. Съ хозяиномъ значить съ нашимъ, съ Маркомъ Давидычемъ, отвѣчалъ посланный.

— Померъ? спросилъ Паталя Максимычъ.

— Помереть не померъ, а близко того, сказалъ посланный. — Рука, нога отянулись, ротъ перекосяс, слова сказать не можетъ.

— Стулай въ горницу, сказалъ Паталя Максимычъ, и посланный пошелъ на зовъ.

Аграфена Петровна изъ задней пришла, и стала читать письмо.

— Ахъ Господи, Господи! Вотъ бѣда-то!.. Бѣдая ты моя Дулюшка! говорила она, читая.

— Ты любезный стулай покажѣсть въ подкѣвъ, сказалъ посланному Паталя Максимычъ. — Съ дороги-то и выпить и закусить не лишнее. Стулай — тамъ напоить и накормить тебя.

Когда тотъ вышелъ Аграфена Петровна передала письмо мужу и тотъ прочелъ его вслухъ.

Извѣщая о болѣзни Марка Давидыча Дарья Сергѣевна лилася о своей безпомощности и о томъ что Дуля все еще не бывала изъ Рязанской губерніи отъ Луловицкихъ, и когда воротится никто не знаетъ. Молила, просила Дарья Сергѣевна Аграфену Петровну съѣздить за ней въ Луловицы, слегка намекнувъ объ опасности для Дули, у тѣхъ де господъ завелась какая-то тайная вѣра, та что въ народѣ слыветъ фармазонскою и боязно ей чтобы Дулю туда не своротили. Ивана Григорыча просила Дарья Сергѣевна прїѣхать къ безгласному, недвижимому Марку Давидычу вступиться въ его дѣла, а ее научить какъ чѣмъ распорядиться и какъ въ домѣ порядокъ держать, чтобы Дуля убытковъ не потерлѣть. „Всѣ отъ большаго до малаго только и норовятъ по сторонамъ добро

тащить—каждому лакомо поживиться достатками Марка Данилыча. И прикащики, и рабочіе, и городничій съ городскимъ головой, и стражчій съ секретарями, всѣ у кого совѣсти вѣтъ всячески стараются обогреть сироту^а. Отвѣтъ Дарья Сергѣевна просила прислать съ тѣмъ же посланнымъ, написала бы только Аграфена Петровна придутъ они или вѣтъ и ежели согласны Дуаѣ порадовать, такъ сколь возможно послѣшадли бы.

Прочелъ письмо Иванъ Григорычъ. Всѣ молчатъ, приадувались, неожиданное извѣстье озадачило всѣхъ. Каждый подумалъ: „всѣ лодѣ Богомъ ходимъ, со всякимъ можетъ то же случиться.“

Долгое было молчанье. Наконецъ Паталъ Максимычъ такую рѣчь повелъ:

— Дѣло такое что надо слѣшать. Вѣра тамъ какая-то тайная, городничій съ секретарями—все это вздоръ да лутяки, женскія выдумки. Главная причина тутъ—болѣзнь Марка Данилыча. Судя по тому какъ отписываетъ Дарья Сергѣевна, кровяной ударъ ему приключился, по-просту говоря пострѣломъ его лошибло. Онъ же такой плечистый, короткошея, съ такими людьми это часто бываетъ. Безъ языка, ни рукой ни ногой шевельнуть не можетъ,—наврядъ поанаться ему. Не молвивъ ни словечка такъ и покончится. Страшенъ этотъ недугъ—человѣкъ все видитъ, все слышитъ, все понимаетъ, а не можетъ слова сказать. Подумайте, каково ему, ежели видитъ онъ въ домѣ беспорядокъ, понимаетъ что добро его врозь тащутъ, а самъ ни языкомъ, ни рукой двинуть. Хуже смерти, особенно такому горячему человѣку какъ Марко Данилычъ. И ко всему этому дочери еще дома вѣтъ. А онъ-то всю жизнь работалъ и трудился для нея только... И тутъ на его глазахъ можетъ-быть станутъ грабить скопленное ей имѣнье!.. Такой муки пожалуй и на томъ свѣтѣ не будетъ. Пожалѣть его надо по человѣчеству. Безпремѣнно поѣзжай, Иванъ Григорычъ, завтра же чѣмъ свѣтъ поѣзжай.

— Нельзя мѣя, Паталъ Максимычъ, никакъ невозможно, отвѣчалъ Иванъ Григорычъ. — Приспѣли неотложныя дѣла. На той недѣлѣ поарокъ ко маѣ привезутъ, надо будетъ самому принять его, безъ своей-то бытности какъ разъ обуютъ въ лапти. А вѣдь это на цѣлый на годъ. Самъ разсуди.

Замолчалъ Паталъ Максимычъ. Гости судятъ да рядятъ какъ бы помочь Смолокурову, а онъ никому ни словечка.

Долго ль, коротко ли гости межъ собой разговаривали, а Патапъ Максимычъ нахмурившись какъ осенній дѣвъ сидѣлъ въ сторонѣ у окошка, молчалъ и не слушалъ разговоровъ, свою думу думая.

„Жаль бѣднягу!... Въ живѣ, а не жилецъ. Растащутъ пожалуй его добро. И будетъ онъ все видѣть, а сдѣлать ничего не сможетъ. Вотъ мука-то!... Дарья Сергѣевна что сдѣлаетъ? А такая бѣда вѣдь до всякаго можетъ дойти. И со мной можетъ случиться и со всякимъ—всѣмъ лодѣ Богомъ, всѣмъ надо помереть, избави только Господи отъ такой кончины... И подумать страшно.. Ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... Конечно, доведись до меня—есть у меня и друзья и пріатели. Хоть на зятя надежда и плоха, за то Иванъ Григорычъ есть, Сергѣй Андреичъ, Михайло Васильичъ. Въ обиду домашнихъ не дадутъ, сохранять все какъ слѣдуетъ. А у него хоть бы одна душа. Пріателей пожалуй и много, да друга нѣтъ, а безъ друга человекъ что сирота. На пиръ, на бражку пріателей что мухъ налетитъ, а при горѣ при бѣдѣ одинъ другъ придетъ... Надо помочь Марку Давидычу. Друзьями мы съ нимъ не бывали, а знакомство водили. Ивану Григорычу нельзя отлучиться, такъ я самъ лоду. Груню прихватчу, лучай ѣдетъ за Авдотьей Марковной.“

А межъ гостями разговоры про Марка Давидыча идуть да идуть. Всякъ бы радъ помочь ему, да кому недосужно, кому нездоровится, а кто мало имѣетъ знакомства со Смолокуровымъ.

— Груня, сряжайся, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Завтра утромъ лодешь со мной. Ребятишки останутся съ отцомъ, а буду при болящемъ, а ты лоджай за Авдотьей Марковной. Такъ дѣла быть.

— Тебѣ-то что? моваиль удѣльный голова.—Тебѣ-то изъ-за чего беспокоиться?

— Изъ того что онъ безпомощенъ? По человечеству, Михаилъ Васильичъ, надо, поднявъ голову и выпрямась всѣмъ станомъ сказалъ Патапъ Максимычъ.—А ежели и мнѣ Господь такую же участь сготовилъ? Горько будетъ, когда обросятъ меня и никто не придетъ ко мнѣ ни съ добрымъ словомъ, ни съ добрымъ дѣломъ!..

— Въ такомъ разѣ посаалъ бы прикащика, а то ни съ того, ни съ сего самому трясись... проговорилъ сквозь зубы удѣльный голова.

— А развѣ онъ не лотащитъ чего-нибудь на свою долю? сказалъ Паталь Максимычъ.—Всѣ прикащики на одну колодку работы—что мои, что твои, что Марка Давылыча. Не улустать случая, не безпокойся.

— Да у тебя и Анисья Захаровна въ болѣзнь, и дочь въ постели лежитъ. Какъ тебѣ можно домъ покинуть? продолжалъ Михайло Васильичъ.

— Зять дома останется, сказалъ Паталь Максимычъ.— На столько-то хватить его чтобъ больныхъ сторожить. Опять же Марко Давылычъ не за морями—всегда отсюда можно вѣсточку дать. Да что переливать изъ лустаго въ порожнее? Сбирайся Груня... А гдѣ ловариха наша разлюбезная?... Эй, сударыня, Дарья Никитишна, подавай-ка, голубушка, холодненькаго.... А вы, гости дорогие, чару выпивать, а друзей не забывать.... Подъ, Грунюшка, сряжайся—сборы твои вѣдь бабья, значить не короткія, не то что у нашего брата—обулся, одѣлся, Богу помолился, да и въ кибитку.

Ни слова не сказала даже Аграфена Петровна, съ мужемъ словечкомъ не перекинулась. Тятенькинъ приказъ ей все одно что царскій указъ. Молча пошла она въ заднія горницы укладываться.

Принесла Дарья Никитишна холодненькаго, разлила его по стаканчикамъ.

— Дай Богъ нашему дитяти на ножки стати, дѣдушку величати, отца съ матерью почитати, расти да умѣть, ума-разума дослѣть. А вы гости лейте, полейте, бабушкѣ кладите по колѣбкѣ, было бѣ ей на чемъ съ крещеннымъ младенчикомъ васъ поздравлять, словомъ веселымъ да сладкимъ пойломъ утѣшать.

Такъ проговорила Никитишна старорусскую крестьянскую поговорку, а проговоривъ низко поклонилась на четыре стороны.

А послѣ того стада вино разносить. Сначала поднесла молчавшему Василью Борисычу, потомъ дѣдушкѣ новорожденнаго, а затѣмъ гостямъ по ихъ старшинству. И опять на подносъ деньги ей клали, хоть и не столько какъ за кашу. Олорожили гости стаканчики, хозяину мало того.

— Наливай, еще наливай, старый вѣрный другъ, неизмѣнное ты мое кольцо Дарья Никитишна, говорилъ Паталь Максимычъ бабушкѣ-ловарихѣ.—Наливай, хозяйскаго добра не жалѣючи—седни загуляю, завтра въ луть-дороженьку!.. Само-

варчики бы теперь хорошо да еще бы луншика!.. Стулай затекъ—не по твоему разуму бесѣда здѣсь идетъ, подь-ка лучше въ подкавтѣ да самоваръ раздувай—спасиба отъ теста дождешься за то.

— Охъ, искушение! молвилъ тиховько Василій Борисычъ и склонивъ головушку медленными столами пошелъ творить тестеву волю. Съ той поры какъ Паталъ Максимычъ увѣрился что отъ рогожскаго посла все одно что отъ козла—ни шерсти, ни молока, Василій Борисычъ кромѣ насмѣшекъ ничего отъ него не слышалъ. И не смѣлъ онъ пикнуть предъ властнымъ тестемъ.

XCVII.

На другой день послѣ крестинъ не совсѣмъ еще обутрѣло и бѣлою пеленой осенній туманъ еще разстиался по полямъ, по лугамъ и болотамъ, какъ Паталъ Максимычъ, налившись съ гостями чаю и закусивши разставленными Никитишной сивѣдами, въ путь отправился. Въ то же время выѣхали изъ Осиповки удѣльный голова съ женой, Сергѣй Андреичъ Колашкинъ и другіе гости. Остались Иванъ Григорычъ съ дѣтьми да Никитишна. Провода жену, Иванъ Григорычъ за счетныя книги сѣлъ въ боковушѣ, а въ переднихъ горницахъ остался одинъ Василій Борисычъ. И грустно ему было и досадно. Давно ли кажется все старообрядство почитало его за великаго человѣка, давно ли въ самыхъ богатыхъ московскихъ домахъ бывалъ онъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ, давно ли вездѣ, куда онъ ни являлся, не знали какъ ему угодить и какъ доставить все нужное въ обиходной жизни, и вдругъ—посмѣшищемъ стать!.. Бывало считали его однимъ изъ умнѣйшихъ людей, а теперь онъ—шутъ, скоморохъ. Бывало слово онъ вымолвить и дивятся собесѣдники знаніямъ его и мудрости и лѣ людямъ пойдетъ сказанное слово, а съ нимъ вмѣстѣ слава о немъ какъ о надеждѣ древяго благочестія, и вдругъ—даже тестевы токари и красильщики надъ нимъ теперь насмѣхаются. Попавъ въ среду трудовыхъ людей, красноглазый рогожскій витія почувалъ себя чуждымъ для нихъ и совсѣмъ лишнимъ человѣкомъ. И обула его тоска, такая тоска что хоть руки на себя наложить. Бѣжать, воротиться къ старымъ друзьямъ и поклонникамъ?.. Но запади пути въ среду

прежнюю, тѣ люди что недавно его на рукахъ носили клянутъ теперь какъ отступника, какъ измѣнника. До воротъ его не допуститъ никто... Прискорбна душа у Василя Борисыча. Одинъ - одишешекъ бродитъ онъ по просторнымъ горящамъ, распѣваетъ въ подгѣлоса *Всемирную славу*, да иной разъ идя мимо стола, гдѣ еще стояли графинчики да бутылочки, съ горя да съ печали пропуститъ красовулю. *

Гости Паталя Максимыча одинъ за другимъ по сторонамъ разѣхались. Одинъ Колышкинъ доѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ до губернскаго города. Тамъ у него и присталъ Паталя Максимычъ съ Груней, тамъ и утра дождалася, когда шедшій вверхъ по Окѣ пароходъ долженъ былъ отваливать.

Жена Колышкина дома была. Только что воротилась она отъ вятскихъ сродниковъ, гдѣ часто и подолгу гащивала. Впервые еще увидѣлась съ ней Аграфена Петровна. Не больше получаса поговорили онѣ и стали старыми знакомыми, давнишними подружками... Скоро сходятся хорошіе люди, а у нихъ у обѣихъ—у Марѣи Михайловны и Аграфены Петровны одна забота, одинъ полеченья: мужа услекоить, дѣтокъ разуму научить, хозяйствомъ управить, да бѣдному по силѣ помощь подать.

— Гляжу я на Паталя Максимыча, сказала Марѣи Михайловна.—И весель онъ кажется и разговорчивъ, а у него ровно что на душѣ лежитъ. Горе ль крушитъ, али забота сушитъ?..

— Не видится горя, а много заботъ, отвѣтила Аграфена Петровна.—Теперь вотъ къ Марку Давидычу ѣдемъ. При смерти лежитъ, надо дѣлаамъ порядокъ дать, а тятенька дѣлъ его не знаетъ. Вотъ и заботно.

— Давича говорилъ онъ объ этомъ, и про то говорилъ что вамъ куда-то далеко надо за дочкой Смолокурова съѣздить, молвила Марѣи Михайловна.—Что жъ эти Смолокуровы сродники будутъ?

— Нѣтъ, отвѣтила Аграфена Петровна.—Ни родства, ни свойства, да и знакомы не очень коротко. Но при больномъ нѣтъ никого присмотрѣть за дѣлами. Потому и поѣхалъ тятенька.

— Какой онъ добрый, какой славный человекъ! вскрик-

* *Красовуля*—монастырская чаша, стопа, большая кружка.

вуда Марѳа Михайловна.—Вотъ и намъ сколько добра онъ сдѣлалъ, когда Сергѣй Андреичъ пустился было въ казенны подрады; изъ бѣды насъ выводилъ *. Тогда еще въ новѣ я здѣсь была, толькo что прїѣхала изъ Сибири, хорошенькo и не понимала какое добро онъ намъ дѣлаетъ... А теперь каждый день Бога молю за него. Безъ него идти бы намъ съ дѣтками по міру. Добрый онъ человѣкъ.

— Да, примолвила Аграфена Петровна.—Вотъ хотъ и меня къ примѣру взять. По десятому годочку осталась я послѣ батюшки съ матушкой. Оба въ одинъ день отъ холеры въ больницѣ померли, и осталась я въ незнакомомъ городѣ одна одишенькa. Сижу да плачу у больничныхъ воротъ. Подходить тятенька Паталъ Максимычъ. Взялъ меня, вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ наравнѣ съ родными дочерями, и мало того что сохранилъ мое родительское имѣнье, а выдавши меня замужъ такое же приданое пожаловалъ какое и дочерямъ сготовлено было.

И засверкали слезы на рѣсницахъ Аграфены Петровны. Эти слезы и простой, безхитрый расказъ про „добраго человѣка“ растрогали Марѳу Михайловну. Не знала еще она чтѣ сдѣлалъ Паталъ Максимычъ для богоданной своей дочки. „Хорошо на Твоемъ свѣтѣ, Господи, подумала Марѳа Михайловна, ежели есть такіе люди на немъ.“

Вечеромъ долго сидѣли за чайнымъ столомъ. Шли разговоры веселые, велась бесѣда шутливая, задушевная. Зашла рѣчь про скиты, и Паталъ Максимычъ на свой конекъ полалъ—ни конца ни краю не было его затѣйнымъ расказамъ про матерей, про бѣлицъ, про „дѣшихъ пустынныхъ“, про бродячихъ и сидячихъ старцевъ ** и про ихъ похождения съ бабами да съ дѣтками. До упаду хототалъ Сергѣй Андреичъ слушая расказки крестнаго; молчала Аграфена Петровна, а Марѳа Михайловна сказала дѣтямъ:

— Прощайтесь-ка, дѣтушки, ложитесь спать. Пора.

Старшіе, почти ужъ подростки, вздумали маленькo поспорить, говорили что еще рано и что спать имъ не хочется, но Марѳа Михайловна съ доброй, кроткой, улыбкой любя-

* *Вызволить*—выручить, освободить. Слово сибирское.

** „*Лышми пустыниками*“ зовутъ бѣгловъ, живущихъ по заводскимъ, вятскимъ и пермскимъ лѣсамъ, подъ видомъ исканія отшельнической жизни и съ цѣлю душевнаго спасенія.

щей матери, строго на нихъ посмотрѣла и молча пальцемъ угрозила. Съ грустнымъ видомъ стали дѣти прощаться. А больно имъ хотѣлось еще послушать смѣшныхъ расказней Паталя Максимыча.

— Этого слушать имъ не годится, скромно улыбаясь молвила Марее Михайловна по уходѣ дѣтей.—Телерь говорите, Паталя Максимычъ, мы изъ дѣтей вышли, а я съ Аграфеной Петровной не красныя дѣвушки, ушки золотѣмъ у насъ не завѣшены, обѣ ыли на Божьемъ судѣ *. А все-таки вы ужь не очень...

— Вотъ тѣ и на! Вотъ и полая ершь въ вѣршу... А мнѣ признаться и не въ домекъ, вскрикнулъ Паталя Максимычъ. — Ну, не взыщите на старикъ, матушка Марее Михайловна. Ни впредь ни послѣ не буду. А что поначалили меня, за то вамъ великій поклонъ.

И поклонился ей въ поясъ.

— Полноте, Паталя Максимычъ. Я вѣдь это только для дѣточекъ, сказала Марее Михайловна. — Молоды еще они, соблазновъ пока не разумѣютъ. Зачѣмъ прежде поры-времени знать имъ про эти дѣла?.. Пускай подоальше въ ангельской чистотѣ остаются. По времени все узнаютъ и всего на-терпятся. А память о добромъ дѣтствѣ и на старости иной разъ спасаетъ отъ худого.

— Вѣрно ваше слово, Марее Михайловна, сказалъ Паталя Максимычъ и обратясь къ Сергѣю Андреичу примовдвлялъ:— Ну ихъ къ бѣсамъ старцевъ шатуновъ, да скитскихъ матерей. Зачѣи про нихъ говорить, какъ разъ наскочишь на грѣхъ. Ей Богу.

— Какъ же это, крестный, ты говоришь объ нихъ такъ непочтительно и готовъ всегда надъ ними надругаться, а самъ ихней вѣры держишься?.. спросилъ его Сергѣй Андреичъ.

— Человѣкъ въ чемъ родился, въ томъ и помри, сказалъ на то Паталя Максимычъ. — Вѣру перемѣнить не рубаху смѣнить. А ежели до Бога, такъ я такихъ мыслей что по какой вѣрѣ Ему ни молись, услышитъ Онъ создаанье рукъ Своихъ. На что Жиды — лаутъ на лаутъ, и тѣхъ Господь манвой кормилъ. Безъ конца милосердъ Онъ.

— А ежели ты держишься того въ чемъ родился, зачѣмъ же издѣваешься надъ духовнымъ своимъ чиномъ? спросилъ Сергѣй Андреичъ.

* „Принять законъ“, „идти на судъ Божій“—вѣнчаться.

— Дай того что дураки они набитые, отвѣчалъ Паталъ Максимычъ.—Ежели правду сказать, умаго межъ ними еще и не бывало. Да къ тому—каждый изъ вора кроёвъ, изъ луты шить, мошенникомъ подбить; въ руки имъ не попадайся, оплетутъ какъ лить дадутъ, обмшуютъ, ошукуютъ *. Телые ребята, надо правду говорить.

— Коли луты такъ не дураки; замѣтилъ Сергѣй Андреичъ.—Плутѣвъ дураковъ не бываетъ.

— Этого не скажи, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Не мало есть на свѣтѣ людей что плутовства и обманства въ нихъ цѣлая горы, а ума и съ наперстокъ нѣтъ. Много такихъ.... Изъ самыхъ даже первостатейныхъ да изъ знатныхъ бываютъ. У цного пожалуй умъ-отъ и есть, да не втолкавъ весь. Вотъ что дружище!

— Значить и изъ вашихъ духовныхъ сколько-нибудь умныхъ наберется же? молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Мало, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.—Возьми хоть моего зятка. Гремѣль, по разуму считался первымъ человекомъ. А раскуси его — дуракъ дуракомъ. Что на уставахъ съвяз собаку, такъ что жь тутъ добраго да полезнаго? Пустошь, болѣ ничего. *Прологъ* да *Коржчя*, *Златоусты* да *Маргариты*, а лошади запречь не умѣеть, рожь отъ овецъ не отличить. А на дѣло и не спрашивай. Дармоѣдъ, тунеядецъ, больше ничего. И всѣ они такіе. Сестрицу мою возьми Манею—славять умницей, а а грѣха на душу не возьму, этого не скажу, потому что знаю ея вдоль и поперекъ. Ловка, хитра—это такъ, хозяйка домовитая, и это такъ, а чтобъ ума палата у ней была—это братъ шалишь-мамонши! Лукава, а лукавство ея умомъ считаютъ. А что лукава, такъ лукава; одни уста и теплецомъ и холодемъ дышать, глаза заразъ смѣются и плачутъ. Подъ кого подѣхать, кому маслянымъ блиномъ въ ротъ залѣзть, угодить угодному и не-угодному—на это ее взять, тутъ она великая мастерица. Такъ развѣ это умъ? Что *Миней*-то знаетъ наизусть отъ доски до доски, такъ и это не умъ. Умъ, Сергѣй Андреичъ, въ томъ чтобы жить по добру да по совѣсти и къ тому жь еще съ пользой для людей. А что они? Богу что ли въ самомъ дѣлѣ служить? Какъ бы не такъ! Слушай—то у нихъ—

* „Обмшуютъ“—обмануть, обчитать „ошукать“—обманомъ кого провести.

работа ради прибыли, доходное ремесло и больше ничего. Какъ бондарь долбиломъ — такъ полы да матери кадиломъ деньги себѣ добываютъ. Всякъ изъ нихъ спасается, да больно кусается—попадись только въ лалы. Вериги на плéчахъ, а чортъ на шеѣ... Ну ихъ къ шути!... Не хочу и говорить... Не люблю ласкудныхъ!...

— А скажи ты мнѣ, крестный, по совѣсти: какъ ты нашу вѣру разумѣешь? Какъ разсуждаешь объ ней, ежели ужъ такъ про свою говоришь? немного погода спросилъ у Чапурина Сергѣй Андреичъ.

— Про великороссійскую то-есть? моавилъ Паталъ Максимычъ.

— Да, про нашу, про великороссійскую, сказалъ Коышкинъ, пристально гаяда ему въ глаза.

— По правдѣ тебѣ сказать, по совѣсти? понизивъ голосъ началъ было говорить Паталъ Максимычъ, но тотчасъ же смодкъ и немного призадумался. Потомъ, съ минуточку помолчавъ, такъ продолжалъ:—Видишь ли, Сергѣй Андреичъ, хоша я не богословъ и во Святомъ Писаніи большой силы не имѣю, однакожъ я такъ думаю что вѣра Христова и у насъ, и у васъ—одна. Обѣ чисты, обѣ непорочны и спасительны. И намъ грѣхъ хулу наносить на великороссійскую, и вамъ не слáсеяе нашу хулить. А признаться: сдается мнѣ что ваша-то маленько поправеднѣй будетъ. Это такъ. Чтò наши полы да скитницы ни толкуй, а я говорю вѣрно. Да и разница-то у насъ вѣдь только въ обрядѣ. Такъ али нѣтъ?

— Конечно все несогласье въ обрядѣ, сказалъ Сергѣй Андреичъ. — А какъ по твоему обрядъ-отъ гдѣ правильнѣй?

— Обрядъ-отъ? Да вѣдь обрядъ не вѣра. Чтò человѣку одѣжа, то вѣрѣ обрядъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Кто къ какому обряду съ измыльства обыкъ того и держись. Такъ выходитъ по моему разсужденью.

Мало погода, онъ продолжалъ:

— По душѣ я сказалъ тебѣ, Сергѣй Андреичъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ, что великороссійская праведнѣй нашей.—Церковь, слышь, говорю, а не вѣра; вѣра у насъ одна. Много у васъ слабостей по церковному дѣлу, не меньше ихъ и у насъ. У васъ люди слабоваты, у насъ покрѣпче. Про господъ поминать не стану, а возьми по кулечеству, даже изъ нашего брата ивыхъ — изъ крестьянъ кои лобогаче... Ежели слѣдуетъ онъ великороссійской, постъ ли нарушить, Богу ли не помолитъся

возставъ отъ сна или на сонъ грядущимъ, въ праздникъ ли у службы не побывать ему вилочемъ. А у насъ не такъ; есть по-жалуй и въ нашемъ согласъ что въ пятницу молока не хлѣбнуть, а молочницу и въ Велику Субботу не пропустятъ, а все-таки насчетъ устава и они крѣпки. Половь взяты: вашихъ за то не любятъ что больно ужъ жадны и притязательны; за нашими этого много поменьше, за то съ перваго до послѣдняго пьавицы. Ваши попы бракъ честно содержатъ, про ихъ безобразія по этой части почти вовсе не слышно, а нашимъ безъ сударушекъ равно и жить невозможно. Теперь вотъ у насъ завелась архіереи и съ первыхъ же годовъ пошла между ними вражда. Аваемами, отлученьями, да изверженьями другъ на друга такъ и сыплютъ; у васъ архіереи тоже не съ неба, такіе же человѣки, а этого не бываетъ. А отчего? Ну-ка скажи, отчего?

— Оттого, отвѣчалъ Сергій Андреичъ,—что ваши люди неученые, а у насъ неучеваго не то что въ архіереи, въ попы не поставятъ.

— Все не то, возразилъ Патавъ Максимычъ.—Въ томъ сила что у васъ надъ духовными есть законная власть? У васъ если кто чуть замуаркалъ—въ Соловки его, либо въ Суздаля, а нашихъ кто и въ кое мѣсто сошлетъ? Безначаліе—вотъ гдѣ бѣда. До чего ни доведись, до духовнаго ль, до мірскаго ль, изъ безначалія да своевольства толку никогда не будетъ. Поставили бы надъ нами крѣпкую власть, и у насъ бы пошло по хорошему. Одного только—законной власти намъ желательно. Безъ нея все стало ни на что не похоже: проклинають другъ дружку, аваеми предають, и каждый въ свою жуду дуетъ... На секты отъ того пошла дѣлаться, на толки, да на согласы, и не стало въ старообрядствѣ ни любви ни едивенья.. Всякъ умствуеть по своему, и до какой челухи ни дойдетъ все-таки отыщеть себѣ учениковъ, да такихъ что на костерь, либо на плаху пойдуть.... И располазис вотъ теперь во всѣ стороны что сѣные кутята отъ матери. До того дошло что въ иконой избѣ по двѣ да по три вѣры—отецъ одной, мать другой, дѣти третьей—у каждаго свои иконы, у каждаго своя посуда—ни въ нищѣ, ни въ литѣ, ни въ молитвѣ не сообщаются, а ежели про вѣру разговорятся тотъ-часъ проклинать другъ дружку. А все отъ того что власти нѣтъ.

— Да какой же вамъ власти? Двери въ церковь гдѣ она есть открыты, сказалъ Сергій Андреичъ.— А ежели есть

сомнѣнье на счетъ обряда, стулай въ единовѣріе, тамъ обрядъ вашъ твердо соблюдается.

Не отвѣтилъ на это Паталь Максимычъ и послѣ того разговоръ больше не ладился. Какъ ни старался Колышкинъ своротить бесѣду на другое, Чалуриновъ отвѣтитъ двумя, тремя словами, да потомъ и смолкнетъ опять. Ужинать подали и за ужиномъ все время молчалъ.

На другой день рано по утра уѣхалъ онъ отъ Колышкина, торопясь, не опоздать бы на пароходъ.

XCVIII.

Безгласенъ, недвижимъ лежалъ Марко Давидычъ, когда разувшись чтобъ не стучать сапогами вошелъ осторожно въ его спальню Паталь Максимычъ. Узналъ его больнои, чуть-чуть протянулъ здоровую руку, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его исходило одно дикое, бессмысленное мычанье. Взялъ его Паталь Максимычъ за руку и показалось ему, что она маленько вздрогнула и больнои чуть замѣтно пожалъ его руку. Устремленный на пріятеля здоровый глазъ сверкалъ радостью, и слезы изъ него сочилась. Здоровой рукой и взглядомъ указалъ Смолокуровъ Паталу Максимычу на стоявшій возлѣ желѣзный сундукъ и послѣ того себѣ подъ подушку. Смекнулъ Чалуриновъ что тамъ ключи у него спрятаны.

— Одинъ я не вскрою, громко Паталь Максимычъ сказалъ.— Дѣло другое коли будетъ налицо Авдотья Марковна.. И тогда надо будетъ вскрыть при стороннихъ, а еще бы лучше при комъ изъ начальства, послѣ бы навітокъ не было.

Больнои показалъ недовольство такимъ рѣшеньемъ Патала Максимыча, но тотъ продолжалъ:

— Самъ не хуже меня знаешь, Марко Давидычъ, какковы нынѣ люди. Конечно Авдотья Марковна ни слова не скажетъ, а развѣ не същется людей что зачнутъ сорочить будто мы хоть бы вотъ съ Дарьей Сергѣевной милліоны у тебя выкрали?... Нѣтъ, безъ стороннихъ нельзя вскрывать. Подождемъ Авдотью Марковну. Груня сегодня жъ поѣдетъ за ней.

— Нельзя мнѣ ждать, Паталь Максимычъ, промолвила тихо Дарья Сергѣевна.— Рабочіе разчетовъ требуютъ, а у меня всего на все тридцать рублей. Какъ можно дожидаться Дуношкы?..

И то работники бунтъ было подялаи, еще слашибо городничему—присмирить—таки ихъ.

— Не говорите, шелкуль ей Паталь Максимычъ.—Онъ вѣдь все слышитъ и ловимаеть.

— Да какъ же безъ денегъ-то, Паталь Максимычъ?—Вѣдь у меня послѣзавтра въ дому колѣйки не останется, на каждомъ словѣ всхаливая чуть слышно промолвила Дарья Сергѣевна.

— Не безлокоитесь, сказалъ Чалуриивъ.—Будуть деньги. Не къ тому я суддукъ ловимааь, чтобы деньги вынимать, а надо бы звать кому сколько платить, съ кого получить и въ какіе сроки.—Да мало ль какихъ дѣловъ тамъ найдется — а нужно чтобы все на описи было.

Марко Давилычъ видимо тронуть былъ неожиданнымъ пріѣздомъ Патала Максимыча. Много и сильно чувствовалъ онъ, но ни мыслей ни чувствъ не могъ передать. Одинъ лишь слезящійся глазъ говорилъ что большой все понимаетъ.

Выйдя изъ спальни Паталь Максимычъ съ Груней и съ Дарьей Сергѣевной сѣлъ въ горницы гдѣ въ обычное время хозяева чай пили и обѣдали. Оттуда Марку Давилычу не слышно было разговоровъ.

Столъ уставленъ былъ кушаньями, большей частью рыбными, стояли на немъ и бутылки съ винами и съ той самой вишневкой что посылалъ Марко Давилычъ Бухарскому царю ради выручки брата изъ плѣна.

— Какъ это вздумали вы погостить насъ при такихъ нашихъ горестяхъ? говорила Дарья Сергѣевна, съ любовью и благодарностью глядя на гостя.

А онъ въ первый разъ еще былъ въ домѣ у Марка Давилыча, да и Марко Давилычъ ни въ Осиповкѣ, ни въ Красной Раменѣ у Чалуриива не бывалъ никогда. Были въ знакомствѣ, но такихъ знакомствъ у Патала Максимыча было много множество.

— Въ гости пріѣхалъ, съ улыбкой промолвилъ Чалуриивъ.— Груня была у меня, когда получила ваше письмо. Крестины справляли, мнѣ внука Господь даровалъ. Вы звали Ивана Григорыича, ему никакъ невозможно. Замѣсто его я и поѣхалъ. Выхожу гость незванный, авось не буду хуже Татарина.

— Благодаритель вы нашъ, отвѣчала ему ласчущая, взволнованная Дарья Сергѣевна.—Нежданный—этъ гость лучше жданныхъ двухъ, а вы къ намъ не гостить, а съ Божьей милостью

пріѣхали. Мы до васъ было думаали что Маркъ-отъ Давилычъ ничега не понимаетъ, а вы только подошли и за руку-то васъ взялъ, и радостно таково посмотрѣлъ на васъ и слѣзыньки-то у него показались. Понимаетъ значитъ, сердечный, разумъ-отъ значитъ остался при немъ. Челомъ до земли за ваше неоставленье!

И вставъ со студа низко поклонилась Паталу Максимычу.

— Перестаньте, сказалъ тотъ поднимая Дарью Сергѣевну.— Чтò это вы? Я по человечеству — со всякимъ то же можетъ случиться. Со мной бы случилось, развѣ Марко Давилычъ ко мнѣ не пріѣхалъ бы?.. Сказано: „другъ друга тяготы носите и тѣмъ исполните законъ Христовъ.“

Замолчала Дарья Сергѣевна, а сама про себя подумала: „заболѣла-ка Паталъ ли Максимычъ, другой ли кто, Маркъ-отъ Давилычъ лальцемъ не двинулъ бы.“

— Покушайте, угощайтесь чѣмъ Богъ послалъ, подчивала гостей Дарья Сергѣевна.— Осетринки-то скушайте — хорошая, на выборъ для дому на Низу на ватагахъ выбирали. Вотъ и хрѣнокъ, вотъ и уксусъ, и огурчики грядные—рѣдкѣ теперь ужъ становятся: у насъ къ Усленью солили, такъ всѣ обрали почти. А водочки-то, гость дорогой?.. Искушайте, сдѣлайте такую вашу милость. Аль вина не жаждаете ли? А которымъ подчивать надо, того я ужъ и не знаю. Былъ бы въ добромъ здоровьѣ Марко Давилычъ, сумѣлъ бы гостя угостить, а на мнѣ, Паталъ Максимычъ, не взыщите—не мастерица я вина-то разачать. А вотъ это наши русскія, не заморскія наливки значитъ. Откушайте-ка.. Сама дѣлаю; вотъ сливовочка, вотъ рябиновая, а вотъ и малиновая. Вишневочки не угодно ли? Всѣ похваляютъ ее, четвертый годъ на новыя ягоды наливаю, а косточки въ стулѣ толку да тоже въ бутылки кааду. У васъ при домѣ вишенки-то есть ли?

— Какія у насъ, матушка, вишни? Олричь рябины, малины, да черники съ гонобоблемъ ничега и въ заводѣ нѣтъ, отвѣчалъ Паталъ Максимычъ, принимаясь за звено жирной, сочной осетрины.

— Да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, молвила Дарья Сергѣевна.— Когда я въ вашей сторонѣ жида, здѣшнихъ ягодъ и не видывала—ни вишень у васъ въ лѣсахъ, ни клубники, ни шпанской малины; какая ягода крыжовникъ, и той даже нѣтъ. Брусника да клюква, черника да земляника и все тутъ. Такова ужъ видно земля у васъ.

— Земля холодная, не родимая, къ тому жь все лѣто стоять туманы, да падаютъ холодныя росы. На чтѣ яблоки и тѣ не родятся. Не разъ пытался я того, другаго развести, денегъ не жалѣлъ, а не добился ни до чего. Вотъ ваши мѣста такъ истинно благодать Господня. Чего только нѣтъ? Вѣдь а сюда на пароходѣ, глядѣлъ на ваши береговныя горы: все-то вишенъе, все-то яблоки, да разныя ягодныя кусты. А у насъ просиди въ лѣсахъ свой вѣкъ, не лобывай на горахъ, ни за что не поймешь какова на землѣ бываетъ Божья благодать.

— Ушки-то покушайте, подчивала Дарья Сергѣевна.—Стерлядки свѣженькія, сейчасъ изъ прорѣзи браты, рыбки мѣрныя. * Печенокъ-то налимыхъ извольте на тарелочку взять... Грумяшка, а ты что же сложа руки сидишь. Покумай ушки-то, матушка—дай-ка я тебѣ сама положу... Сяди вѣдь середь—рыбнымъ подчую дорогихъ гостей, а завтра дослѣбемъ и гусятки, и поросятки, уточекъ домашнихъ ежели въ угоду, и барашка можно зарѣзать, али курочку. Не то буженики изъ свинины скушать не пожелаете ль?

— Благодарю покорно, матушка, премного довольны остаемся на вашемъ угощеньи. Много объ насъ не хлопочите, чтѣ на столѣ тому и рады, сказалъ Паталя Максимычъ.—Лучше теперь про дѣла лотокуемъ. Помянули вы что работники расчета требуютъ. Нешто лѣтнія работы кончены?...

— Ничего, благодѣтель, не знаю, никогда до этого не доходила, отвѣчала Дарья Сергѣевна.—Гдѣ бы кажись кончить?... Въ прежніи годы къ Покрову да на Казанскую работниковъ отлускали, а теперь еще и Въдвиженъе не пришло, и хлѣбъ съ поля на гумно еще не двинулся. Поговорите съ прикащикомъ, съ Васильемъ Фадѣевымъ, онъ долженъ знать. Сегодня же везу ему побывать къ вамъ.

— Ладно, лотокуемъ съ Васильемъ Фадѣевымъ, сказалъ Паталя Максимычъ,—а работникамъ, напередъ говорю, не дамъ своевольничать. На этотъ счетъ у меня ухо держи вострымъ, не могу терпѣть потачекъ да лоблажекъ. Будьте, матушка, спокойны, вздорить у меня не стануть, управляюсь. Поговора съ прикащикомъ, деньги кому слѣдуетъ отдамъ, а забываетъ ежели кто усмирю. Въ городу-то у васъ начальство есть?

* *Прорѣзь*—живорыбный садокъ на Волгѣ и на низовьяхъ Оки. *Мѣрная* стерлядь—отъ глаза до пера аршинъ и больше.

— Есть-то оно есть, благодѣтель, какъ начальству не быть? сказала Дарья Сергѣевна.—Только начальныя-то люди лотаковщичики да поворовщичики. Нѣтъ чтобы дѣлать дѣла по справедливости. Много бился съ ними Марко Давылычъ.

— Можетъ ладить не умѣлъ, уныбаясь молвила Паталя Максимычъ.—Матушка!... Вѣдь у начальства-то четыре полы да восемь кармановъ, а каждый карманъ на свою долю просить. А карманъ у полиціи что поповское брюхо — сколько туда ни клади, поладно не будетъ. Въ полиціи нельзя не давать, безъ поджога дрова не горять. Нужень тебѣ подъячій — сушь какачъ горячій, нужень судья — вина сулея, да не простаго, а заморскаго, что не хмѣльнѣ, да разымчато. Понадобился самъ воевода, гляди ему въ оба, да съ задняго крыльца тащи хоть мертвеца, лишь бы золотцомъ посылавъ былъ. Въ такомъ разѣ и благо ти будетъ, и какое у тебя хотѣнье, такое выйдетъ и рѣшенье. Не свои рѣчи говорю, отъ дѣдовъ отъ пращуровъ онѣ дошли до насъ... А какъ при нихъ бывало, видно такъ и до насъ дошло. Только въ томъ и разница что теперъ берутъ лоцкуснѣ—иглочки не подточить. За то и дороже. Къ тому говорю что надо будетъ подмаслить здѣсь кого нужно... Что дѣлать-то? Не нами началось, не нами и кончится.

— А ежели не явить начальство помощи, что тогда дѣлать? пригорюнившись молвила Дарья Сергѣевна.

— Были бы денежки святыя, помощь грѣшная будетъ. Не безпокойте, не тревожьте себя. Потремъ начальству очи золотцомъ — все какъ слѣдуетъ будетъ, сказалъ Паталя Максимычъ.

— Денегъ-то такихъ нѣтъ, благодѣтель, при мнѣ, начала было Дарья Сергѣевна.

— И не надо, перебилъ ее Паталя Максимычъ.—Безъ нихъ управимся. А вотъ покаместъ до пріѣзда Авдотьи Марковны извольте-ка отъ меня получить на домашнее хозяйство, сказалъ Паталя Максимычъ.—Да не жалѣйте денегъ-то, чтобы все шло попрежнему. А прикащику сейчасъ же велите пріѣхать. Да лошадокъ-то готовили бы, Грунѣ ѣхать пора. Изготовьте что нужно на дорогу Авдотьи Марковны.

— А сундукъ-отъ какъ же? спросила Дарья Сергѣевна.—Марко Давылычъ самъ подъ подушку указывалъ вамъ—ровно бы говорилъ чтобы вскрыли....

— Покаместъ не пріѣдетъ Авдотья Марковна сундука и

кому тронуть не дамъ, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Паталя Максимычъ.—Покажите же поскорѣй прикащика.

Дарья Сергѣевна пошла изъ комнаты.

Послѣ того чрезъ четверть часа Паталя Максимычъ съ глазу на глазъ бесѣдовалъ съ Васильемъ Фадѣевымъ.

Съ того часу какъ пріѣхалъ Чалуруинъ, въ безначальномъ до того домѣ Марка Давидыча само собой все въ порядокъ пришло. По прядильнямъ и на пристани пошелъ слухъ что заправлять дѣлами пріѣхалъ не то сродникъ, не то пріятель хозяина, что денегъ у него куры не клюютъ, а своевольничать не дастъ никому и подумать. И все присмирѣло, и каждый за своимъ дѣломъ, а дѣло въ рукахъ такъ и горитъ. Еще въ глаза никто не видалъ Паталя Максимыча, а властная рука ужь чулась.

— Чтѣ за начальство такое проявилось? заговорили было самые задорные изъ пильщиковъ.—Генералъ что ли онъ какой, аль архіерей? Всякихъ видали... Ежели артель положить не уважать его, въ жизнь никто не уважить.

— Экой ты прыткой, Маркель Аверьянычъ! сказалъ молодому пильщику, ларню лѣтъ двадцати пяти, пожилой, бывалый работникъ Абросимъ Степановъ. Не разъ онъ за Волгой въ лѣсахъ работалъ, о Чалуруинѣ много слышалъ тамъ.—Поглядѣть на тебя, Маркелушка, продолжалъ Абросимъ,—орелъ ты орломъ, а ума что у тетерева. Борода стала велика, а смыслу не хватаетъ на лыко.

Услышавъ потѣшныя рѣчи Абросима артель покатиалась со смѣху. Маркель молчалъ и ровно волкъ въ засадѣ со злобы да съ досады зубами только постукивалъ. Величался онъ въ артели высокоуміемъ—но смѣхъ и не таковскихъ уложить въ лоскъ.

— Много слышалъ я про Чалуруина, обращаясь къ артели продолжалъ Абросимъ Степановъ.—Опрічь хорошаго слова про него ничего нельзя сказать. Не одна тысяча людей отъ него кормится—кто на токарняхъ, кто въ красильняхъ, кто въ Красной Рѣмени на мельницѣ, кто на Низу—тамъ у него возлѣ Иргиза большое хлѣболашество. Слуску не дастъ никому, всяко лыко у него въ строку, у него глади въ оба да оглядывайся, не то сейчасъ расправа, а иной разъ и своей латерней раздѣляется за провинность. Горячій человекъ.

Нашего пожаауй горячѣе. Только отъ него не то чтобъ сойти кому своего дѣла не додѣлавши, ааь сдѣлать что супротивное, либо сказать ему наперекорь; нѣтъ, этого никогда не бываетъ... Ежели кого онъ прогналъ, тотъ мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ, и по времени къ нему же плакаться придетъ взявъ бы олять въ работники... Сила большая!... Съ губернаторомъ знакомство водить, мелкое начальство ему ни по чемъ... Одно слово властный человекъ... Что ни скажеть, все по его будетъ. А самъ стоитъ на правдѣ, сроду никого не обидѣлъ, а добра много дѣлаетъ. Ни отчетовъ, ни обмѣровъ и не слыхано у него, обманства и въ помышленьи ни у кого не бываетъ, все идетъ по правдѣ да по Божьей истинѣ.

Еще долго разказывалъ Абросимъ Степановъ про заводскаго тысячника и по однимъ словамъ его артель возлюбила Паталя Максимыча, и уважать стала его и побаиваться. „Вотъ какъ бы явилъ онъ милость, да протурилъ бы Ваську Ѡадѣва съ Корюшкой Прожженнымъ, можно бы тогда было и Богу за него помолиться и винца про его здоровье испить“, говорили объ артели—прядильная и дѣсовая.

Пришелъ къ Пталу Максимычу Василій Ѡадѣвъ, шепотомъ читая псаломъ Давида на умягченіе злыхъ сердець. Сдавалось ему что пріѣзжій тысячникъ либо знаетъ, либо скоро узнаетъ про всѣ его лаутни и каверзы. Не заплакаться бы сленой тогда, не угодить бы на казенную квартиру за рѣшетку. Вытянувъ гусиную шею робко вошелъ онъ въ горницу и покуривъ голову сталь у притоаки.

— Ты будешь Василій Ѡадѣвичъ? ласково спросилъ у него Пталь Максимычъ.

— Такъ точно-съ, съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ Ѡадѣвъ, а самъ диву дался отъ чего это Чалуриня не кричитъ на него, не ругается. „Должно-быть ничего еще ему неизвѣстно“, думаетъ онъ самъ про себя.

— Садись, Василій Ѡадѣвичъ, указывая возлѣ себя на стулъ, еще ласковѣй сказалъ ему Пталь Максимычъ.—Вотъ сюда садись къ столу-то.

— Можемъ и постоять, отвѣчалъ смущенный нешривычнымъ для него обхожденьемъ Ѡадѣвъ. И еще лучше дивится—сколько годовъ живетъ у Марка Давилыча, а тотъ ни разу его не саживалъ.

— Садись же сдѣлай милость, Василиій Ѡадѣвичъ, настаивалъ Паталъ Максимычъ, — а то вѣдь и мнѣ придется на ногахъ стоять предъ тобой, а я съ дороги-то приусталъ, старые мои ходуны * слокоя просятъ.

И тутъ не согласился сѣсть Василиій Ѡадѣвъ и не сѣлъ бы еслибы Чалуричъ не взялъ его за плечи и насильно не усадилъ. Присѣлъ на краешкѣ стула Ѡадѣвъ, согнулся въ три погибели, вытянулъ шею, а самъ не смигаючи работѣливо глядитъ на Чалурина.

— Ты здѣсь главнымъ прикащикомъ? спросилъ Паталъ Максимычъ.

Заморгалъ глазами, ровно на солнышко взглянулъ Ѡадѣвъ. Вытянувъ шею длиннѣй прежняго, робко и тихо отвѣтилъ онъ:

— Не то чтобы главный, а имѣлъ иной разъ хозяйскія порученности по заведеніямъ, и по дому иной годъ и на рыбныхъ караванахъ бывалъ.

— А кто книги велъ и счета сводилъ? спросилъ Чалуричъ.

— Марко Давилычъ сами этимъ распоряжаются, намъ не довѣряютъ, заикаясь, медаенно проговорилъ Ѡадѣвъ.— Ни книгъ ни счетовъ до меня никогда не доходило.

— Да вѣдь онъ бывалъ въ догахъ отлучкахъ. Кто жъ безъ него распоряжался?... спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Дарья Сергѣвна, чуть слышно промолвилъ Ѡадѣвъ.

— То-есть чѣмъ же она распоряжалась? На счетъ литья да вды, да на счетъ другаго домашняго хозяйства?

— Такъ точно-съ, еще тише прошепталъ Василиій Ѡадѣвъ.

— А расчеты кто съ рабочими велъ? Деньги въ артель на припасы кто выдавалъ? Съ почты деньги кто получалъ, али за товаръ съ покупателей? продолжалъ расспросы Паталъ Максимычъ.

Василиій Ѡадѣвъ молчалъ.

— Не Дарья же Сергѣвна, не Авдотья же Марковна. Я самъ не одинъ разъ слышалъ отъ Марка Давилыча что онъ обѣ въ эти дѣла у него не входятъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.— Кто-нибудь распоряжался же, у кого-нибудь были же деньги на рукахъ?

— У разныхъ бывали-съ. Чаще всего у Корнея Евстигнѣича, заливаясь на каждомъ словѣ, чуть слышно проговорилъ Ѡадѣвъ.

* Ходуны—ноги.

— А кто таковъ этотъ Корней Евстигнѣвичъ? спросилъ Чалуриуъ.

— Самый первый и довѣренный прикащикъ, болѣе прежняго промовилъ Ѡадѣевъ.—Онъ больше другихъ про хозяйскія дѣла знаетъ.

— А гдѣ онъ?

— Надо быть ему на Ужѣ теперь. Марко Давидычъ лѣса тамъ на срубъ купилъ и по веснѣ около Троицына дня туда отправилъ его.

— Надо будетъ послать за нимъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.— А когда Марко Давидычъ въ послѣдній разъ у Макарья былъ, кто изъ васъ здѣсь оставался?

— Я-съ, весь какъ вареный ракъ красный, прошелталъ Василий Ѡадѣевъ.

— Счетъ велъ? строго спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Велъ-съ.

— Подать на просмотръ... Сейчасъ же, строже прежняго приказалъ Чалуриуъ.

Совсѣмъ смѣшался Ѡадѣевъ. Едва слышно проговорилъ онъ:

— Счетъ у Марка Давидыча. Были ему представлены на другой день какъ съ арманки воротились.

— Хорошо. Посмотримъ когда вскроемъ сундукъ. Они вѣдь тамъ?

— Не могу знать-съ. Намъ до хозяйскихъ дѣловъ доходить не доводится? сказалъ Василий Ѡадѣевъ.

— Сколько теперь у тебя валяцо хозяйскихъ денегъ? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Самая малость, вниманія даже не стоить. Работниковъ нечѣмъ разчитать, отвѣчалъ Ѡадѣевъ, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Сколько однакожь? спросилъ Чалуриуъ.

— Какъ есть пустаки-съ. Пятидесяти рублей не наберется, сказалъ Ѡадѣевъ.—А работникамъ на плохой конецъ надо больше трехсотъ цѣлковыхъ уплатить.

— Составъ списокъ работникамъ поименно, отмѣтъ за сколько кто подряженъ, сколько кому уплачено, сколько кому уплатить остается, вставая съ мѣста сказалъ Паталъ Максимычъ.—Сегодня же къ вечеру изготовь, а завтра по утра рабочиыхъ сбири. Ступай, теролись.

Ни слова не говоря Ѡадѣевъ поклонился въ поясъ и трепет-

но вышелъ изъ горницы. „Этотъ нашему не чета, подумалъ онъ. Съ виду хоть ласковъ и ловадливъ, а мягко стелеть да жестко спать!..“

Въ тотъ же день вечеромъ послали на Унжу эстафету. Дарья Сергѣевна писала Прожженому что Марко Давидычъ внезапно заболѣлъ и велѣлъ ему оставя дѣла сейчасъ же ѣхать домой съ деньгами и счетами. Она не помянула, по совѣту Паталя Максимыча, что Марку Давидычу приключился ударъ. „Ежели о томъ узнаетъ онъ, говорилъ Чапуринъ, деньги-то подъ ноготокъ, а самъ махъ черезъ тынь и поминай его какъ звали.“ Въ тотъ же вечеръ и Аграфена Петровна за Дуной поѣхала.

Василій Ѡадѣевъ, узнавъ что Паталя Максимычъ былъ у городничаго и видѣлся съ городскимъ головой и со стряпчимъ, почувялъ недоброе и хоть больно не хотѣлось ему перелисывать рабочихъ, но дѣлать нечего, присѣлъ за работу, и боясь чиновныхъ людей писалъ вѣрно, безъ поддѣлокъ и подлоговъ. Утромъ работники собрались на широкой луговины, гдѣ аѣтомъ леньковую пряжу сучать. Вышелъ къ нимъ Паталя Максимычъ съ листомъ бумаги; за нимъ смиреннымъ, неровнымъ шагомъ выступалъ Василій Ѡадѣевъ, сзади шли трое стороннихъ мѣщанъ.

— Здравствуйте креценые, многолѣтствуйте люди добрые! Жить бы вамъ Божьими милостями, а намъ вашими!.. громко крикнувъ Чапуринъ артели рабочихъ и снявъ картузъ поклонился.

— На добромъ словѣ благодарны. Съ пріѣздомъ проздравляемъ!.. Всякаго добра пошла тебѣ Господи!.. Жить тебѣ сто годовъ съ годомъ!.. Богатѣе еще больше, изъ каждой колѣвки сто рублей тебѣ! весело и привѣтливо заголосили рабочіе.

— Вашего хозяина Господь недугомъ посѣтилъ, сказалъ Паталя Максимычъ.— Болѣзнь хоша не смертная, а дѣлами Марку Давидычу нельзя заниматься. Теперь ему всего лучше нуженъ покой, потому и позвалъ онъ меня чтобы дѣлами его распорядиться. И только мы съ нимъ увидѣлись первымъ его словомъ было чтобы я разчиталъ васъ и заплатилъ бы каждому кому что доводится. Вотъ я и велѣлъ Василью Ѡадѣичу списочекъ составить сколько изъ васъ кому

денегъ слѣдуетъ залапать. Кого клакву, подходи.... Пимень Семеновъ!...

Выступилъ изъ толпы молодой, широкоплечій парень, волосомъ черенъ, нравомъ бранчивъ и задоренъ. Всѣмъ взялъ, ростомъ, дородствомъ, шелковыми кудрями, взялъ бы и очами соколицыными, только они у Пимена подбиты завсегда бывали. Подошелъ онъ къ Чалуруину, шалку снялъ, а глядитъ бирюкомъ — коли молъ что не такъ, такъ у меня наготовѣ кулакъ.

— За девять рублей радиася? спросилъ у него Паталя Максимычъ.

— За девять рублей въ мѣсяцъ, отвѣтилъ нахально Пимень Семеновъ, глядя въ упоръ на Чалурина.

— Разчету за послѣдній мѣсяцъ не дано?

— За мѣсяцъ съ тремя днями, сказалъ Пимень, и сталъ брюхо чесать.

— Значить тебѣ слѣдуетъ девять рублей девяносто копѣекъ? спросилъ Паталя Максимычъ.

— Такъ видно будетъ, нѣскольکو помягче отвѣчалъ Пимень Семеновъ.

— Праздниковъ не вычитаетъ, зашптали въ артели,— не то что Смолокуровъ. У того праздники изъ счету вошь, а въ субботу, если пойдешь въ баню попариться, вычешь за половину дня.

— Да вѣдь это не самъ онъ, а вотъ эта апаема—Васька Оадѣевъ, заговорили было иные.

— Одинъ чортъ на дьявола, на одномъ бы суцкѣ обоихъ повѣситъ, громко сказалъ пильщикъ изъ самыхъ задорныхъ. Съ крикомъ на него всѣ накинулись.

— Максимка, чортъ ты ѣдакой, дурова твоя голова! Дяче доброму дялу мѣшаешь? Аль языкъ-отъ у тебя что вѣдьмиво помело, зря мететь?

А у самихъ на умѣ: „услышитъ Чалурина не будетъ такой добрый“. Шелнули Максимкѣ про то, Максимка смекнулъ и больше ни гугу.

— Получай, отдавая деньги Пимену, сказалъ Паталя Максимычъ.—Вѣрно ли?

— Вѣрно, процѣдилъ сквозь зубы Пимень Семеновъ и пошелъ къ сторонѣ.

— Будьте свидѣтелями честнаго господя что Пимень Семеновъ деньги слодна получилъ, а ты, Василій Оадѣичъ, изволь записать.

Такъ подзывая рабочихъ одного за другимъ Паталъ Максимычъ разчитывалъ ихъ.

Иные получивъ деньги прочь было пошли. Давненько не пивали они зеленà вина, каждаго тянуло въ кабакъ, но Паталъ Максимычъ сказалъ чтобъ они локуда оставались на мѣстѣ, что ему еще надо съ ними потолкѣвать, и ежели хоть одинъ кто уйдетъ онъ другимъ денегъ раздавать не станетъ. Всѣ остались, и тѣ до кого не дошла еще очередь раздачи зорко караулили чтобъ кто-нибудь не задавалъ тягу.

Кончилась расплата. На вынесенномъ столикѣ Василій Оадѣвъ написалъ росписку, грамотные сами росписались, за неграмотныхъ одинъ изъ мѣщанъ-свидѣтелей руку приложилъ.

— Ну, добрые люди, сказалъ тогда работникамъ Паталъ Максимычъ, — вотъ про что поговорить хочу я съ вами, ло душѣ поговорить, ло правдѣ, ло совѣсти. Рядились вы кто до Покрова, кто до Казанской, иные даже до Михайлова дня. А телерь, какъ слышу, съ того дня какъ захворалъ Марко Данилычъ лодовина васъ не работаетъ, а вѣсть-пьеть хозяйское. Праведно ли такое дѣло, сами посудите. Конечно, могъ бы я на васъ пожаловаться и начальство васъ ло головкѣ не логладило бы, только этого дѣлать не хочу, ло моему не въ при-мѣръ лучше локончить дѣло добрымъ порядкомъ. Оставайтесь-ка каждый до срока, на какой кто рядиася, да работайте какъ слѣдуетъ, а не такъ чтобъ черезъ лень колоду валить.

Загадѣли было рабоче. Ругательства на Василья Оадѣва слышались, онъ де обсчитываетъ да обманываетъ. Слышались жалобы и на Марка Данилыча, безъ пути дескать драться охочь—чуть что не такъ тотчасъ въ зубы.

— А вы не всяко лыко въ строку, хладнокровно и спокойно сказалъ на это Паталъ Максимычъ.—За то вѣдь и не оставляетъ васъ Марко Данилычъ. Сейчасъ заходилъ я въ вашу стрялущую, лосмотрѣлъ чѣмъ васъ кормятъ. Такую пищу, братцы, не у всякаго хозяина найдете. Въ деревнѣ-то живучи лоди чать такой пищи и во связъ не видали... Полноте лустое-то городить... Принимайтесь съ Богомъ за дѣло, а дай ради моего прѣзда и лерваго знакомства вотъ вамъ красненькая. Пошабашивши, исleyте вицда. Такъ-то будетъ лучше.

Красненькая лодѣйствовала, рабоче согласились отработать свои сроки и хваламъ заволжскому тысячнику конца у нихъ не было.

XСІХ.

Аграфена Петровна слѣшила въ Луловицы. Хранила она благодарную память о Марьѣ Ивановнѣ, спасшей ея ребенка отъ неминуемой смерти, во разговоры съ Дарьей Сергѣевной и свои замѣчанья надъ Дуней, пристрастившейся, по указанью Марьи Ивановны, къ какимъ-то страннымъ и непонятнымъ книгамъ, и въ ней возбуждали подозрѣнье не кроется ли тутъ и въ самомъ дѣлѣ неладнаго чего-нибудь. И про миршенскіе толки узнала она отъ Дарьи Сергѣевны, но не могла придумать что это за фармазоны такіе, что это за секта.... Въ дѣсахъ за Волгой про нихъ слыхомъ не слыхать.

Не спокойно ѣхала Аграфена Петровна по незнаемымъ дорогамъ, робко и недоувѣрчиво встрѣчалась она съ людьми незнакомыми, много безпокойства и тревоги до того неизвѣстныхъ ей перенесла она во время пути. Все было ей ново: и невиданная за Волгой черная какъ уголь земля, и красныя либо полосатыя лопавы вмѣсто темносинихъ заводжскихъ сарафановъ и голое безлѣсье что куда ни посмотри ни кустика, ни прутика нѣтъ. Чуть не цѣлу недѣлю провела она въ дорогѣ, наконецъ подъ вечеръ мрачнаго, дождливаго дня ямщикъ указалъ ей крутовищемъ на каменный ломѣщичій домъ, на сады съ вѣковыми деревьями, на большую церковь и сотни на полторы маленькихъ, невзрачныхъ, свѣжей соломой покрытыхъ домішекъ. „Вотъ и Луловицы!“ сказалъ онъ подстегнувъ пристяжную.

Темнѣло. Хмурыя, будто свинцовыя тучи со всѣхъ сторонъ облегли небосклонъ, мелкій дождикъ при холодномъ северкѣ моросилъ какъ сквозъ сито когда кибитка Аграфены Петровны по густой, клейкой по самую ступицу грязи подѣхала къ Луловицамъ. А дождикъ все лучше да лучше, а вѣтеръ порывистѣй и сильнѣе. Сипать и воетъ нѣлогода; видно что подходитъ затяжное осеннее ненастье. „Гдѣ же мнѣ остановиться?“ тутъ только пришло на мысль заводжской тысящицѣ. И прежде приходило это ей въ голову, но зная что въ Луловицахъ больше полтораста дворовъ и судя по заводжскому, гдѣ нѣтъ такихъ большихъ селеній, она была увѣрена что найдетъ въ селѣ не одинъ постоялый дворъ. Но въѣзжая въ село, узнала она отъ ямщика что въ

Дуловицахъ постоянныхъ дворовъ нѣтъ, народъ хлѣбопашецъ, ни базаровъ, ни сѣздовъ, ни ярманокъ нѣтъ, отъ того и постоянныхъ дворовъ не заводятъ. На барскій дворъ не хотѣлось вѣхать, тамъ мерещились Аграфенѣ Петровнѣ фармазоны. Дѣлать нечего, надо пристать гдѣ Богъ приведетъ, провѣдать про Дувию, и ежели не уѣхала позвать ее къ себѣ.

— Гдѣ жъ остановиться? спросила она у ямщика.

— Не знаю, тотъ отвѣчалъ. — У крестьянъ вѣдь избы-то не больно приборны. Невзрачно живутъ, съ телятами, съ поросятами, избенки маховыя, тѣсныя, а лѣсу ни пруточка. Вовища одна чего стоить!

— Гдѣ же мнѣ пристать-то? тревожно спросила Аграфена Петровна.

— У лопа развѣ. Домшко у него все-таки пригляднѣй крестьянскаго, сказалъ ямщикъ.

— А каковъ полъ-отъ? спросила Аграфена Петровна.

И на мысли никогда не впадало ей чтобы пришлось когда-нибудь искать пріюта у лопа никоніанскаго. Претило ей, во все-таки полъ лучше фармазонавъ.

— Ничего, полъ хорошій, отвѣчалъ ямщикъ на ея вопросъ. — Обстоятельный, хвалить его. До денегъ охочъ, да ужъ это дѣло половское, на томъ всѣ они стоятъ. У нихъ вѣдь толстый карманъ святѣ всякихъ угодниковъ. Обойди весь вольный свѣтъ—безсребренника межъ полами не сыщешь. А здѣшняго похваляютъ — добрый слышь.

— Вдовецъ онъ или семейный? спросила Аграфена Петровна.

— Семейство при немъ — матушка поладыя еще въ живѣ, да три дочери, одна-то за здѣшнимъ же дьякономъ, двѣ въ дѣвкахъ еще сидятъ. Ихъ тоже похваляютъ, добрыя половны, рукодѣльницы...

— Вези къ полу, рѣшилась наконецъ Аграфена Петровна. — Какъ его звать-то?

— Отецъ Прохоръ будетъ, отвѣтилъ ямщикъ.

— Вези къ нимъ, вези, сказала Аграфена Петровна.

Хлестнулъ ямщикъ лошадокъ и хотъ шибко онѣ пріустанли, двѣнадцать верстъ протацивъ по размокшему червозему грузную кибитку, однакожь бойко подкатили къ половскому двору. Тамъ всѣ привѣтливо встрѣтили Аграфену Петровну. Она сказала что ѣдетъ на богомолье въ Кіевъ.

— Доброе дѣло, спасённое дѣло, притомъ же весьма благо-

честивое и душѣ много спасительное, сказалъ отецъ Прохоръ, прибирая уютную горенку, гдѣ по стульямъ и на обветшаломъ диванѣ разбросаны были домашнія вещи. — И мы вотъ съ матушкой которой ужь годъ теперь собираемся къ лечерскимъ угодникамъ, да все недосуги да недостатки. Опять же по нашему званію отлаучки отъ прихода, особливо въ чужія епархіи, крайне затруднительны. Степанидушка! обратился онъ къ старшей дочери, — поставь-ка, родная, самоварчикъ, гостѣв-то съ дороги отогрѣться надо.

Окинула Аграфена Петровна свѣтленькую, чистенькую горенку. Все было старенько, но держалось въ порядкѣ. — У оконъ стояло двое ялеецъ, одна половна вышивала воздухи для церкви, другая широкій поясъ къ отцовскимъ именинамъ. На окнахъ висѣли бѣлыя, чистыя занавѣски и стояли горшки съ бальзаминомъ, стручковымъ перцемъ и розмелью, по угламъ большія кадки: въ одной росъ огромный, поднавшійся до потолка жасминъ, въ другой фига. Все у отца Прохора понравилось Аграфенѣ Петровнѣ, а матушка поладья, полуслѣпая и плохо слышавшая старушка, показала ей такую добрую и ласковую что она полюбила ее съ перваго раза. Дочери отца Прохора тоже понравились Аграфенѣ Петровнѣ. Какъ всѣ половны на Руси, были онѣ изъ себя некрасивы, но дѣвушки добрыя, скромныя и тихія. Манеевна воспитанница и ревностная старообрядка забыла даже про ихъ никоніанство и посаѣ долгаго, задушевнаго разговора за самоваромъ рѣшилась сказать отцу Прохору что она прѣхала въ Луловицы за Дуней Смолокуровой. Но не вдругъ, не сразу заговорила она съ нимъ объ этомъ, повела прежде рѣчь издали, напередъ бы у отца Прохора вывѣдать про житье-бытье Луловицкихъ. „Можетъ-быть, она думала, я узнаю отъ него что это за фармазонская вѣра такая.“

— Вѣдь здѣсь помѣстье господъ Луловицкихъ? спросила она у отца Прохора.

— Такъ точно, отвѣчалъ онъ. — Нераздѣльное имѣнье двухъ родныхъ братцовъ, Андрея Александрыча и Николая Александрыча. А съ того края села домовъ до сороку принадлежить ихней двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Марьѣ Ивановнѣ Алымовой, дочери покойнаго генерала Алымова. По службѣ находилась онъ въ воинскихъ чинахъ, теперь ужь болѣе тридцати годовъ какъ преставился. Тамъ, на томъ концѣ села

у Марьи Ивановны и усадебка невеликая есть, только некогда она тамъ не проживаетъ. У нея въ другихъ губерніяхъ находятся большія и хорошія вотчины, прїѣзжаетъ она сюда въ нарочитое токмо время и тогда проживаетъ у двоюродныхъ братьевъ....

— И село Луловицы, и помѣщики тоже Луловицкіе, замѣтила Аграфена Петровна. — Должно-быть они по селу прозвались.

— Нѣтъ, вы неправильно заключать изволите, отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — Совершенно противоположно. Предки господъ Луловицкихъ основали и своимъ коштомъ выстроили наше село, по сей причинѣ и назвали его именемъ своего рода. Ихъ родъ весьма старинный. Недалеко отсюда Князь-Хабаровъ монастырь находится. Сей святой обители основаніе положилъ князь Федоръ Іоанновичъ Хабаровъ еще во дни царя Михаила Феодоровича; а тотъ князь Хабаровъ, основатель и строитель монастыря, приходился ближайшимъ сродникомъ жившимъ въ тѣ отдаленныя уже теперь времена боярамъ Луловицкимъ. Наше же село всего еще съ небольшимъ сто лѣтъ получило основаніе свое отъ господъ Луловицкихъ, именно жь отъ генераль-поручика и кавалера Стефана Феодоровича Луловицкаго, бывшего въ царствованіе блаженныя и вѣчностойныя памяти Екатерины Алексѣевны Первыя въ важныхъ государственныхъ должностяхъ. Такъ и въ церковныхъ записяхъ значится у насъ. Да-съ, родъ господъ Луловицкихъ старинный и даже весьма древній. Столбовые, родовитые дворяне, не то что другіе, которые государственной службой приобрѣли себѣ дворянское званіе....

— Усердны къ вашей церкви они? спросила Аграфена Петровна.

— Очень даже усердны, весьма усердны, съ одушевляемъ отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — По нынѣшнимъ временамъ, при всеобщемъ, съ прискорбіемъ можно сказать, паденіи благочестія, господа Луловицкіе, равно какъ и сестрица ихъ Марья Ивановна могутъ служить назидательнымъ примѣромъ какъ для господа дворянъ, такъ равно и для поселянъ. Весьма привержены къ церкви Божіей и христіанскія обязанности исполняютъ съ достоудобнымъ благоговѣніемъ и неупустительно. Каждый годъ не токмо во святую великую четырехдесятицу, но и въ каждый изъ четырехъ церко-

вію установленныхъ постовъ Святимъ божественнымъ Тайнамъ Тѣла и Крови Господней приобщаются. Правда, что разрѣшеніе грѣховъ не отъ моего недостойства приемятъ, а въ монастырѣ что здѣсь неподалеку. Не Князь-Хабаровъ, а другой, Ясовскимъ называется. Монастырь тотъ весьма богатъ, икона въ немъ есть Пресвятая Богородицы Троеручицы, и отъ нея много изцѣленій по вѣрѣ бываетъ. Въ лѣтніе мѣсяцы много богомольцевъ притекаетъ на поклоненіе... На Пасху, на Рождество Христово, на Богоявленіе Господне, на Происхожденіе честныхъ древъ Животворящаго Креста, а также на Успеніе Пресвятая Богородицы, храмъ у насъ въ этотъ день, и на два памяти преподобнаго отца нашего Стефана Савваита и священномученика Θεодора, архіепископа александрійскаго, придѣламъ симъ угодуикамъ Божиимъ устроены при нашемъ храмѣ—во всѣ оныя праздники здѣшніе помѣщики господа Луловицкіе принимаютъ насъ съ животворящимъ крестомъ и со святой водой съ достоуднымъ благоговѣніемъ и можно сказать даже съ радостью. И каждый разъ въ тѣ нарочитые дни даютъ они всему церковному причту предостаточное даваніе и угощаютъ обѣдомъ. И моихъ семейныхъ и дьяконовыхъ и причетниковъ приглашаютъ тогда трапезовать; старушка, дьяконица вдовая въ просфорныхъ состоитъ при нашемъ храмѣ, и ту даже приглашаютъ. Съ поствой молитвой а на освященіе плодовъ земныхъ также постоянно ходимъ къ нимъ въ домъ и oprичъ того въ первое число каждаго мѣсяца поемъ молебное пѣніе съ акаѣстомъ и водосвятиемъ. Ну, и мучки, и крулки, и сѣнца, и овсеца и прочаго по хозяйству потребнаго господа Луловицкіе жертвуютъ преизобильно. И потому долгомъ обязуюсь сказать что господа они очень, даже очень усердые. Богадѣльня у нихъ есть при домѣ—ну, да это особое дѣло.

— Какъ особое дѣло? спросила Аграфена Петровна, удивленная тѣмъ что помянувъ про богадѣльню отецъ Прохоръ понизилъ голосъ и нахмурился.

— Такъ, отрывисто и сдержанно отвѣтилъ онъ.—Не намъ судить, Господь разсудить.

И круто повернулъ разговоръ на другое.

Пошли обычные деревенскіе разговоры: какая лѣтомъ стояла погода, каковъ былъ урожай, каковы были наливы и пробные умолеты, и про ягоды рѣчь была ведена, и про то

что яблоковъ мало въ этомъ году уродилось, а все отъ тенетника — по веснѣ онъ еще въ цвѣту погубилъ яблоки, да и вишнямъ досталось, за то грибовъ было изобильно и огурцы хорошо уродились.

Вдругъ разговоръ оборвался. Молчанье настало: либо тихій ангелъ пролетѣлъ, либо дуракъ родился. Послѣ недолгаго молчанья Аграфена Петровна сказала:

— Бѣжавши сюда ночевала я въ одномъ селѣ — забыла какъ оно называется. Разговорила съ хозяевами — люди они простые, хорошіе. Зашла у насъ рѣчь про ваши Луловицы. И они говорили, правду или нѣтъ этого я ужъ не знаю, будто здѣшніе господа особую какую-то вѣру втайнѣ содержатъ.

— Ничего на это сказать не могу, склонивъ голову и опустивъ глаза, едва слышно промолвилъ отецъ Прохоръ. — Не знаю... Не намъ судить, единъ Господь все разсудить на праведномъ судѣ Своемъ.

Опять дуракъ родился. Опять никто ни слова.

— А дѣвно въ послѣдній разъ были вы у господъ Луловицкихъ? послѣ недолго продолжавшагося молчанья спросила Аграфена Петровна у растерявшагося отца Прохора.

— Да вотъ на Успеневъ день со святыней ходили къ нимъ.... и трапезовали у нихъ, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.

— Не далѣко отъ насъ, въ ловоджскихъ мѣстахъ живутъ у меня знакомые, сказала Аграфена Петровна. — Богатый кулець, миллионщикъ, Марко Давыдычъ, чуть ли не самый первый по всей Россіи рыбный торговецъ — Смолокуровымъ онъ прозывается. Дочка у него есть молоденькая, Дунашей звать. Сказывали мнѣ что гоститъ она у господъ Луловицкихъ, у здѣшнихъ помѣщиковъ. Марья Ивановна Алымова завезла слышь ее сюда еще около Троицына дня. Не видали ль вы эту дѣвицу?

— Какъ не видать?... Всѣ мы видѣли, за однимъ столомъ сиживали во время обѣдовъ. Бѣлокуренькая такая она, голубые глаза, стройная, вѣжная и по видимости весьма кроткаго нрава.

— И теперь она у нихъ? спросила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, отрывисто сказалъ отецъ Прохоръ.

— Уѣхала? По письму должно-быть. Письмо къ ней недавно было послано отъ домашнихъ ея съ эстафетой. — Отецъ у нея при смерти, молвила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, кажется не къ отцу она поѣхала.... А впрочемъ Богъ ее знаетъ, можетъ-быть и къ отцу, медленно проговорилъ отецъ Прохоръ.—Эстафета точно что приходила, только это было уже дня черезъ четыре послѣ того какъ она дѣвица оставила Луловицы.

— Гдѣ жь она? быстро поднявшись и опершись о столъ дрожащими руками, вскрикнула Аграфена Петровна.

— Пропала безъ вѣсти, сказалъ отецъ Прохоръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ПРОРОКЪ*

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ

Злой гевій

Осени мрачнымъ туманомъ покрыты всѣ Мюнстера ба-
шни;

Вѣтеръ съ деревьевъ срываетъ послѣдніе желтые листья.

Какъ и погода, и время мѣняются вѣчно, такъ точно

И настроеніе души человѣка. Въ печальномъ раздумьѣ

Янъ, во дворцѣ, изъ окна глядитъ, какъ шумяція липы

Листья роняютъ свои. Онъ о Гиллѣ теперь вспоминаетъ

И безпокойство о ней его сердце смущаетъ неволью.

Въ эту минуту, какъ будто затѣмъ чтобъ съ чела госу-
даря

Мрачную думу согаать, появился Ванъ Штратенъ весе-
лый.

„Какъ поживаешь?“ спросилъ его Янъ, „твой духъ не мра-
чить ли

Эта погода?“— „О вѣтъ,“ отвѣчалъ ему шутъ, „мнѣ напро-
тивъ

Теперь веселѣе: съ тѣхъ поръ какъ не стало гарлемскаго
старца,

Пѣнье псалмовъ пріутихло, не слышно восторженныхъ во-
плей;

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 5, 6 и 8.

Только порою толпа черномазыхъ трабантовъ Дивары
Тѣшитъ народъ и себя. Вѣдь въ Сіонѣ еще остается
Много мечтателей мрачныхъ,—приверженцевъ прежнихъ
пророка,

Сильно враждуютъ они съ этой шумной, веселой ватагой,
Только не знаютъ того что вдова Матиссона лѣгнчилась
Лейденскимъ юношей Яномъ и сильно за нимъ ударяетъ.
Впрочемъ, по правдѣ сказать, здѣсь не видно сіонскаго
мира:

Всюду раздоръ и вражда. Крикуновъ еще много осталось!
Слушай-ка, Янъ, отъѣли-ка овецъ ты отъ козацкъ нечи-
стыхъ!“

„Я позабочусь объ этомъ,“ отвѣтствовалъ Янъ: „я
съ судьбою

Смѣло бороться начну и препятствія всѣ одолѣю.

Все мнѣ покорствуешь здѣсь, такъ чего же могу я стра-
шиться?

Козки коварныхъ враговъ я въ зародышѣ ихъ уничтожу;
Мюнстеръ въ Эдемъ обращу, но прежде должно совер-
шиться

То, что на сердцѣ лежитъ у меня какъ тяжелое бремя.

Да, лишь разсвѣтаетъ страхъ о судьбѣ дорогаго созданья,

Вновь я тогда оживу, и со мной все кругомъ оживится.

Добрыя вѣсти ко мнѣ ужъ доходятъ: ужъ къ Мюнстеру
идутъ

Сорокъ тысячъ воителей ревностныхъ, анабаптистовъ,—

Этого войска достаточно чтобъ уничтожить тотъ поясъ

Чтѣ окружаетъ нашъ городъ, и если мы сбросимъ осаду,

Знамя Сіона тогда понесу я въ германскія земли.“

Такъ онъ сказалъ. Вдругъ предъ нимъ три курьера
предстали съ докладомъ.

Первый привезъ изъ Голландіи вѣсть: „Государь! на под-
могу

Къ Мюнстеру вышелъ недавно отрядъ перекрещенцевъ
сильный

И на пяти корабляхъ изъ гавани поплылъ; но скорѣ

Былъ онъ настигнуть врагами и близъ Воленгоа потоп-
ленъ.

Болѣе сильный отрядъ, числомъ въ двадцать тысячъ, близъ
Цволле

Взялъ монастырь и, въ твердыню его обративъ, укрѣ-
пился,

Долго штатгаальтеръ его осаждалъ безъ успѣха; но, сдѣлавъ

Приступъ послѣдній, его разгромилъ и всѣхъ, кто остался Живъ, перерѣзалъ злодѣй, а вождей его всѣхъ перевѣшалъ.

Такъ двадцать тысячъ погибло, ихъ кровь всѣ ручьи обограла“...

Вѣстникъ второй доложилъ: „Государь! изъ двѣнадцати мужей,

Посланныхъ въ разныя страны тобою, половина погибла: Тѣ что отправились въ Цузену и въ Оснабрюкъ продолжаютъ

Дѣло усердно свое, возвѣщая ученье Сіона; Тѣ же которые путь въ Козсфельду направили, были схвачены въ станѣ епископа, гдѣ ихъ немедля казнили. Трое достигли Варвдорфа и приняты были сначала Тамъ благосклонно народомъ, и вдругъ возгорѣлось возстанье

Противъ правителя, быстро оно разилось; но печаленъ Вышелъ конецъ отъ измѣны: апостолы предавы были Въ руки свирѣлыхъ враговъ и погибли на плахѣ въ мученьяхъ;

Ихъ обезглавили всѣхъ и потомъ къ колесу пригвоздили“... Третій гонецъ возвѣстилъ что изъ лагеря прибыли люди

И принесли королю отъ епископа-князя подарокъ: Четверо ящичъ несутъ, объявивъ что дано приказанье Вскрыть его только при немъ.

Вотъ вошли два посла, а за ними Слѣдомъ четыре ландскнехта внесли осторожно покрытый Черной половою ящичъ и на полъ его опустили. По мановенью царя, они съ ящича сняли полону: Это былъ гробъ, и когда они крышку его приподняли, Явъ увидалъ въ немъ холодное тѣло лѣтвительной дѣвы. Тусклыми очи открыты, въ груди бѣлоснѣжной зияетъ Страшная рана, и кровь изъ нея обограла все платье. Явъ ее тотчасъ увидалъ и со стономъ улакъ передъ гробомъ,

Онъ прикоснулся къ очамъ и къ зияющей ранѣ и вскрикнулъ,

Глѣвомъ вспылалъ: „Это вы умертвили ее?“ Но спокойно

Старшій изъ присланныхъ воиновъ Яну отвѣтилъ: „Не нами
Женщина эта убита: сама на себя наложилла

Руку она за простулукъ, въ которомъ себя укоряла:

Сердце провила свое она тѣмъ же кинжаломъ который
Былъ отъ нея предназначенъ для сердца епископа-князя.“

Язъ головою поникъ и рукою далъ знать удаваться
Всѣмъ изъ लोकеевъ его,—и въ молчаньи всѣ вышли изъ
залы.

Съ мертвою Гиллою оставшись, онъ пристальный взоръ
устраиваетъ

На ея ликъ любившій, какъ будто желая проникнуть
Страшную тайну усопшей, и съ горькой улыбкой воскликнулъ:

„Дѣва! зачѣмъ на меня устремляешь ты взоръ неподвиж-
ный?“

Очи отверсты твои какъ и рана... Ахъ, было бы лучше,
Еслибъ открыла уста и позѣдала мнѣ роковую
Тайну послѣднихъ минутъ...“

Онъ склонился надъ нею и вздрогнулъ.

Вдругъ въ головѣ его мысль какъ зарница блеснула. Отъ
гроба

Онъ отскочилъ и воскликнулъ: „О, Гилла! ея ты любила,
Да, ты любила его, потому и сразить не рѣшилась;

Ты ему мстить не могла и себя покарала за слабость!

Не отъ раскаянья въ томъ что убійство свершить ты хо-
тѣла

Ты умертвила себя; но за то что свершить не дерзнула.

Не за убійство и мечь,—за любовь ты себя покарала!

Бѣдная Гилла! Какъ низко упала ты съ выси небесной

Въ грязную тину земную! О, мръ! ты достоинъ презрѣнья!

Ахъ! я мечталъ что достигъ уже высшаго счастья земнаго!

Но огненными словами судьба начертила на лысыхъ

Стѣнахъ дворца: „Будь ничтожевь! будь равенъ другимъ,
кто проводитъ

Жизнь здѣсь въ юдоли земной, пресмыкаясь во прахъ!“
Уже ли

Долженъ страдать я за то что я вѣрилъ въ блаженство
земное,

Что я готовъ былъ бороться съ завистливо-жадной судь-
бою?“

Такъ онъ скорбѣлъ; но внезапно въ немъ бодрость
опять пробудилась,

Гордо онъ подвѣлъ чело и сказалъ: „Для чего мнѣ въ кар-
тивѣ

Собственной доли своей видѣть образъ судьбы всего міра?
Пусть мое счастье разбито, но я не отстаю отъ дѣла,
Буду бороться съ судьбой, чтобъ достигнуть возвышенной
цѣли—

Благо людей утвердить, имъ доставить свободу и въ мірѣ
Правду и миръ водворить! Это карканье злосе, что вынѣ
Самшааь отъ вѣстниковъ я, не смутитъ моей думы тре-
вогой,

Нѣтъ, оно только подниметъ мой духъ для борьбы неост-
ступной!

Пусть вызываетъ на бой меня рокъ! Я готовъ! Эта дѣва
Не увлечетъ за собою меня въ свою ночь, не отниметъ
Жизни златой у меня! О, Гилла! меня предала ты,
Сердце разбила мое. Презираю тебя, отвергаю,
Какъ я отвергнулъ Дивару!“

Онъ всталъ и позвалъ своихъ стражей.
„Прочь этотъ трюль унесите!“ сказалъ онъ. Они приоту-
лили;

Но его взоръ еще разъ устремился на блѣдный, но милый
Ликъ въ золотыхъ волосахъ, озаренный спокойствіемъ
смерти,

Съ сладостно-грустной улыбкой на сжатыхъ устахъ, и не-
волью

Вспомнилась келья ему, въ которой узналъ онъ блажен-
ство...

Вновь охватило его томительно вѣжное чувство,
Онъ отстранялъ подошедшихъ и снова улааь передъ гро-
бомъ.

„Гилла! вскричалъ онъ,—несчастливая мою избран-
ная дѣва!

Съ миромъ покойся! прости навсегда! я съ тобой прими-
ряюсь,—

И никогда, никогда не забуду тебя! предо мною,
Гилла; ты будешь сіять въ небесахъ лутеводной звѣздой!
О, дорогая! прими подѣлу мой послѣдній, прощальный!
Усть твоихъ онъ не согрѣетъ какъ вѣкогда въ кельѣ ле-
чальной!

Очи твои я закрою моимъ подѣлуемъ... ахъ еслибъ
Могъ я закрыть имъ и рану!“

Сказалъ и подъялся, и снова
 Сталъ королемъ и героемъ. Народу велѣлъ возвѣстить съ
 Подвигъ и участь несчастной. Потомъ ея тѣло велѣлъ
 онъ

На катафалкъ поставитъ, роскошно украсивъ цвѣтами,
 Чтобъ его видѣли все, и свершить съ торжествомъ погребенье.

Снова какъ въ день коронаціи ожили стогны Сіона
 И потянулась процессія. Язъ для усопшей невесты
 Мѣсто могилы назначилъ подъ свѣтью собора, который
 Противъ дворца возвышался,—чтобъ тамъ ежедневно изъ
 оконъ

Видѣтъ то мѣсто онъ могъ, гдѣ сокрытъ ея прахъ драгоценный.

Все еще строго храня завѣтъ Матиссона, граждане
 Каждый день къ часу обѣда собирались на площадь собора,
 Гдѣ между липъ размѣщались столы для ихъ общей трапезы.

Были тутъ старцы, и дѣти, и жены съ мужьями; мужчины
 Все на особыхъ столахъ отдѣльно отъ женскаго
 пола.

Только младенцы грудные да хворые люди остались
 Дома въ приматахъ своихъ, а тѣмъ что стояли на стражѣ
 Подлѣ воротъ городскихъ посылали обѣдъ ихъ на мѣсто.
 Площадь обширная вся установлена тѣсно столами.

А чтобъ солнца лучи или дождь не мѣшали сидящимъ,
 Въ видѣ шатровъ раставили полотно надъ всеми столами.
 Въ нижнихъ этажахъ окружныхъ строеній устроены кухни,
 Гдѣ въ испанскихъ котлахъ варилась и жарилась пища
 И подавалась къ столамъ, а изъ бочекъ и жбановъ громныхъ

Всѣмъ раздавалось по кружкамъ ячменное свѣжее пиво;
 Были и столы съ виномъ, но оно лишь немногимъ давалось.

Небо туманно и сѣро. Сіонцы сидятъ за обѣдомъ.
 Что за смѣшенье племенъ представляетъ все общество
 гражданъ!

Въ это тревожное время, какъ листья съ деревьевъ отъ
 вихря,

Въ Мюнстеръ свесло отовсюду Германцевъ различныхъ
сословій:

Были тутъ странники съ Эльбы, и съ Альпъ, и изъ Шти-
ріи дальней,

Были голландскіе выходцы, были изъ Бергена мужи.

Всѣхъ ихъ стремленье одно сначала было воедино,
Но этотъ жаръ охладѣлъ, и мечтатели стали держаться

Отъ равнодушныхъ поодаль, а пришлые также особо

Отъ обывателей города; имъ и уставы Сіона

Стали казаться смѣшными, они ихъ порою нарушали;

Слышались часто межъ ними насмѣшки и споры о вѣрѣ.

Такъ вотъ и нынѣ мечтатели молча сидѣли, нахму-
рясь.

А равнодушные громко вели разговоръ и шутили.

Тутъ изъ Альзаса Гансъ Эйлеръ сказалъ, обратившись къ
сосѣду:

„Кажется мнѣ что запасы хорошаго мяса изсякли.“

Съ нимъ согласился сосѣдъ его, Бьяно, Саксонецъ, при-
молвивъ:

„Мнѣ ужъ давно опротивѣла эта сіонская кухня:

Пучить животъ отъ нея и во рту отзывается скверно.“

Мельхиоръ Шеффель, изъ Швабии, къ нимъ обратившись,
примолвилъ:

„Пища по мнѣ ничего, да ужъ лойло-то очень противно:
Этой кислотной можно желудокъ себѣ лишь испортить.
Жалкая здѣсь сторона: ни горъ, ни садовъ виноградныхъ,
Только болото кругомъ, гдѣ привольно однимъ лишь ля-
гушкамъ.“

„Да, сторона не казиста, замѣтилъ одинъ изъ Валлійцевъ,
Да ужъ и люди по ней: все народъ непривѣтный и мрач-
ный,

Добраго слова не скажетъ.“— „Ну да, они всѣ грубіяны!

Всякаго рады облаять, замѣтилъ другой, вы слышали ль,
Братцы, сказанье о томъ, какъ ихъ создалъ Господь? Не
слышали?

Ну, такъ я вамъ разкажу, какъ слыхалъ это въ дѣтствѣ
отъ дѣда.

Въ древніе годы Господь нашъ Христосъ, обходя эти
страны

Съ учениками Своими, увидѣлъ пустынную мѣстность,
Лѣсомъ дремучимъ покрытую, въ ней, жолудями питаюсь,

Свиньи одѣ только жили. Тогда ко Христу приступили съ просьбой аlostолы всѣ, чтобъ людьми населить Овъ пустыню.

Просьбу исполвилъ Овъ ихъ: Овъ коснулся ногою чурбана, Чтѣ на дорогѣ лежалъ, и сказалъ ему: „будь человекѣмъ!“ Тотчасъ подвѣлся съ земли человекѣкъ и сердито промовилъ:

„Что жъ Ты толкаешься?“ Вотъ какъ чурбанъ этотъ грубый отвѣтилъ

Господу Богу за то что овъ сдѣлалъ его человекѣмъ! Вотъ таковы-то ло немъ и всѣ жители Мюнстера вышли!“

Кончилъ разказчикъ, и всѣ иноземные гости остались Очевъ довольны преданьемъ и стали трунить громогласно Надъ молчаливой угрюмостью гражданъ; ихъ злыя насмѣшки Крестьянъ, сѣдившій поодаль, внимательно слушалъ и тихо

Локтемъ толкнувъ Книллердоллингъ, такъ ему на ухо промовилъ:

„Слышишь ли, братъ, какъ надъ вами трунятъ эти пришлые гости?“

Какъ они край вашъ поносятъ и гражданъ Сіона ругаютъ! Иль не найдется межъ вами того кто заткнулъ бы имъ глотку?“

„Чтѣ?“ закричалъ Книллердоллингъ, дрожа отъ досады, (онъ сильно

Былъ отуманенъ виномъ) „кто смѣетъ ругаться надъ нами? Эта ли пришлая сволочь, которую мы приютили?“

Эти ль бродяги и нищѣ носъ поднимаютъ предъ нами?

Эта голландская голъ и голодные Швабы, которыхъ

Гостеприимство мы приняли, давши и кровь имъ, и плцу!“

„Слышите, какъ расходился нашъ Бернъ Книллердоллингъ!“ замѣтилъ

Съ злобною улыбкой одинъ изъ Голландцевъ,—„вѣдь есть поговорка

Что у себя на дворѣ и собака сердитѣе лаетъ:

Такъ вотъ и овъ горячится и насъ, чужеземцевъ, ругаетъ;

А забываетъ безумецъ о томъ что безъ помощи нашей

Плохо бы всемъ имъ пришлось и давно бы скрутилъ ихъ елисколъ!“

Новою бранью отвѣтилъ ему Книллердоллингъ; Голландецъ

Тоже въ долгу не остался, и межъ чужеземцевъ и гражданъ

Ссора готова была обратиться въ кровавую драку;
Къ счастью нашлись между ними разумные, чтимые люди!
Вида бѣду, они бросились между враждующихъ съ крикомъ:

„Такъ-то вы держите клятву, что дали при новомъ крещеньѣ,

Жить межъ собою какъ братья, однимъ остиенные духомъ;
Проклять да будетъ злодѣй разсѣивающій сѣмя раздора
Между сынами Сиона, какъ врагъ человѣка коварный!“

Такъ восклицали разумные, и присмирѣла ватага
Буйныхъ, строптивыхъ головъ, и вражда поемному затихла.
Лишь Книппердолингъ и Крехтингъ, ворча, продолжали
бесѣду,

Тихо ругая завосчивость гордыхъ голодныхъ пришельцевъ.
Крехтингъ ему безпрестанно вина подаивалъ и старался
Больше его раззадорить. Онъ, храбрость его восхваляя,
Въ уши ему налѣвалъ что по всей справедливости пра-
вить

Мюнстеромъ должно ему.

„Не ты ли здѣсь первый изъ гражданъ?“

Такъ говорилъ онъ ему, — „не ты ли былъ первый побор-
никъ

Новой религіи въ Мюнстерѣ? Воля твоя и вліяніе
Были здѣсь сильны дотолѣ, пока не пришли иноземцы,
Эти Голландцы и Фризы, и всѣмъ завладѣть изловчились!
Чѣмъ же тебя наградили за службу священному дѣлу?
Чѣмъ отличилъ тебя избранный вами король? неужели
Можно считать за награду что далъ тебѣ въ руки „мечъ
власти“?

То-есть, другими словами, тебя въ палачи произвелъ онъ!
Вотъ такъ почетная должность! Не даромъ господствуетъ
мнѣнье

Что межъ своими пророкъ никогда не достигнетъ зна-
ченья:

Такъ вотъ и Мюнстеръ пророка досталъ для себя изъ Гар-
лема,

А короля взялъ изъ Лейдена! Странное дѣло; ужели
Только они лишь одни и умѣютъ вѣщать и пророчить?

Ты вѣдь не хуже ужь ихъ проповѣдывать могъ бы на-
роду:

Святъ и великъ нашъ Сіонъ! Покайтесь, любезные братья!
Духомъ и ты обладаешь не меньше другихъ и сумѣлъ бы
Одушевить имъ народъ, еслибъ толькo хотѣлъ попы-
таться.“

Бернтъ Книппердолингъ внимательно слушалъ лу-
кавыя рѣчи,

И ольгалии онъ какъ вино его мысли и чувства.

Онъ ужь теперь презиралъ свою должность, которою
прежде

Такъ дорожилъ и гордился; въ душѣ его вдругъ пробуди-
лась

Независть къ Яну, къ которому прежде питалъ уваженье
И безграницную преданность. „Да, братъ, со мною ло-
ступили

Скверно,“ сказалъ онъ вздыхая, „неблагодарностью чер-
ной

Мнѣ отплатили за все что я сдѣлалъ для этихъ пришель-
цевъ!

Кто ихъ сюда пригласилъ какъ не я? Кто ихъ привалъ
радушнo

Въ домѣ своемъ какъ не я? Этотъ лекарь гарлемскій и
этотъ

Лейденскій выходецъ Янъ, скоморохъ, какъ друзья доро-
гіе,

Вли, и лица, и спали со всею своею ватагой

Въ домѣ моемъ. А теперь черезъ нихъ я совсѣмъ раззо-
рился:

Съ этимъ раздѣломъ имущества все потерялъ я! Да, ни-
щимъ

Сталъ я теперь, и за это какая же мнѣ благодарность?

Чѣмъ наградилъ меня Янъ, этотъ юноша, мною любимый?
Я былъ привязанъ къ нему всей душою какъ къ сыну род-
ному!

Сталъ онъ потомъ королемъ, и теперь я его ненавижу.

Пусть онъ мнѣ дастъ что подучше: мнѣ этотъ „мечъ вла-
сти“ не нуженъ!“

Такъ говорилъ онъ, а Крехтингъ межъ тѣмъ подаи-
валъ ему въ кубокъ;

А простодушный кутила, прельщенный коварною лаской

Хитраго лаута, довѣрчиво сердцемъ къ нему привязался
И полюбилъ его такъ же какъ нѣкогда юношу Яна.

„Да, твоя правда,“ сказалъ ему Крехтингъ съ лукавой
улыбкой,

„Овъ сопровителемъ долженъ тебя своимъ сдѣлать. Не
такъ ли,

Граждане, я говорю?“ обратился овъ къ ближе сидѣвшимъ.
„Догадъ справедливости требуетъ, чтобъ съ королемъ-ино-
земцемъ

Рядомъ сидѣлъ на престолѣ одинъ изъ своихъ, раздѣлая
Власть королевскую съ нимъ, а не то васъ совѣтъ одо-
лѣють

Эти Голландцы и Фризы! Да какъ же вы терпите это?

Вамъ измѣнить это нужно и вы это можете сдѣлать!“

Граждане всѣ подъ влiяніемъ ссоры недавней охотно
Слушали эти слова и сочувственно ихъ одобряли;

Говоръ прошелъ по толпѣ и готовилось вспыхнуть вол-
ненье.

Вдругъ передъ ними явился король, окруженный от-
рядомъ

Стражниковъ. Овъ въ часъ обѣда верѣдко ходилъ между
гражданъ,

Просьбы выслушивалъ ихъ, узнавалъ ихъ желанья и нужды.

Нынѣ овъ блѣденъ и мраченъ. Къ столу, гдѣ сидѣлъ Книппер-
пердоллингъ,

Овъ подошелъ, чтобъ узнать о причинѣ волненья и шума.

Беритъ, увидавши его, приподнялася вдругъ съ мѣста ша-
таясь,

Сталъ передъ нимъ и сказалъ, языкомъ черезъ силу вла-
дѣя:

„Янъ.... нѣтъ не такъ.... Государь! потому.... ты король
вѣдь, не такъ ли?

Ну, какъ король ты и царствуешь... Только зачѣмъ же
одинъ ты

Царствуешь въ Мюнстерѣ?... Это, братъ, нужно испра-
вить...

Этакъ нельзя.... Вотъ они всѣ хотятъ, чтобы вмѣстѣ съ
тобою

Царствовалъ я, Книппердоллингъ, такъ Богъ мнѣ открылъ
въ сводѣньѣ,

Такъ говорить вотъ и Крехтингъ, и всѣ. Чѣмъ же хуже
тебя я?...

Старше тебя я и опытѣй, ну, да и гражданивъ здѣшній,
А не голландскій пришаецъ... Проловѣдывать людямъ,
пророчить

Я ужь сумѣю.... и чудо могу сотворить если нужно!...
Богъ и меня просвѣтилъ.... И къ народу воззвать ужь мо-
гу я:

Святъ и великъ нашъ Сіонъ! Покайтесь, любезные братья!
Духомъ и я обладаю не меньше другихъ и сумѣю
Одушевить имъ народъ.... Эй, зеленый колакъ! подожди-ка,
Братецъ, ко мнѣ, я тебя освящу моимъ духомъ!.. Смот-
рите,

Какъ покачнулись дома и грозятъ раздавить васъ... По-
кайтесь,

Братья! вменяйте вѣщанію Бога моими устами!“

Такъ, изъ себя представляя пророка, безумствовалъ
льняной

Бернть Книллердоллингъ. Король, съ величавымъ слокой-
ствіемъ къ стражѣ

Вдругъ обратившись, сказалъ: „Возьмите его и заprite
Чтобъ не мутилъ онъ народа, и пусть онъ въ тюрьмѣ про-
трезвится!“

Стража немедля его окружила. Бауждающимъ взоромъ
Онъ озираетъ друзей, не найдетъ ли у нихъ онъ защиты;
Но они всѣ отшатнулись предъ юношей блѣднымъ и мрач-
нымъ:

Всѣхъ поразилъ его видъ,—никогда онъ такимъ не являлся.
Тщетно боролся со стражей неистовый Бернть Книллер-
доллингъ;

Тщетно защиты онъ ждалъ! Побѣжденный, осилевный,
сталъ онъ

Кротокъ и смиренъ какъ агнецъ, и слезы изъ глазъ пока-
тились.

Онъ къ королю обратился и съ горькимъ упрекомъ вос-
кликнулъ:

„Явль! что со мною ты одѣлалъ? Тебя я любилъ такъ без-
умно!

Съ первой минуты свиданья всѣмъ сердцемъ къ тебѣ при-
лѣпился...

Безпрекословно какъ рабъ исполняя я всегда твою волю...
Всѣмъ говорилъ о тебѣ что ты послалъ къ намъ Госпо-
домъ Богомъ,

Всѣхъ увѣрялъ что по мудрости вѣтъ тебѣ равнаго въ
мѣрѣ!.

Явѣ! ты обидѣлъ меня, своего престарѣлаго друга!“

Такъ онъ взывалъ въ сокрушенѣ, лока, увлекаемый
стражей,

Съ площади былъ удаленъ. Тогда, недовольный и мрачный
Явѣ обратился къ народу: „Не адскій ли демонъ освѣтилъ
Ваши умы и стремится затмить своей мглою таетворной
Свѣтъ благодатной зари, просіявшей недавно въ Сіонѣ?
Гдѣ духъ единства и мира, царившій дотола межъ вами?
Въ стадо ягнать, какъ я вижу, проникли лукавые волки;
Но мнѣ извѣстны они и я истребить ихъ сумѣю!

Видю что нужно принять мнѣ тутъ болѣе строгія мѣры,
И я приму ихъ, пока отъ волковъ не избавится стадо!“

Такъ говорилъ имъ король, и кругомъ одобрительный
говоръ

Былъ подтвержденъ тому что Сіонъ его духъ сохра-
няетъ.

Но лишь ушелъ онъ со свитой и скрылся отъ взоровъ на-
рода,

Какъ предъ толпою олять появилась горбуна безпокойный,
Крехтингъ, и мня о себѣ что его призываетъ Израиль
Новое дѣло свершить, онъ, сверкая косыми глазами,
Голосомъ рѣзкимъ воскликнулъ: „Вы слышали, мужи Сіона,
Строгія мѣры онъ хочетъ принять! Развѣ мало стѣсненья
Терлимъ телерь мы во всемъ? Гдѣ жь наша права и сво-
бода?

Только услѣли мы сбросить послѣднее иго тирана,

Какъ ужъ грозить намъ другое, не менѣе тяжкое! Пусть
онъ

Царствуетъ здѣсь какъ король; но пусть онъ хранитъ свою
калату:

Я вѣдъ своими ушами все слышалъ тогда, какъ покалася
Онъ и сполнать и блюсти всѣ желанья и волю народа.

А еще много осталось чего пожелать намъ! Впередъ же,

Братья и мужи Сіона! впередъ! не храните молчанья!

Требуйте прямо и твердо чего ваше сердце желаетъ!

Слушайте, братья, вчера мнѣ одинъ изъ мужей вдохновен-
ныхъ

Сонъ свой чудесный повѣдалъ. Онъ долго, усердно молился,
Чтобы Господь указалъ ему какъ утвердить и возвысить

Царство Сіона и чѣмъ его вѣрныхъ число приумножить.
Съ этою мыслью уснулъ онъ и видитъ два поля обшир-
ныхъ,

Но ихъ поверхность вся въ кочкахъ и только мѣстами ло-
щинка;

Два земледѣльца при каждомъ стоятъ и готовятся сѣять.
Святель первый пошелъ и все сѣмя извелъ на лощинку,
Но свое поле другой все усѣялъ кругомъ сѣменами;
Вскорѣ взошелъ и посѣвъ; но у перваго былъ онъ ничто-
женъ,

А у другаго все поле покрылось богатою жатвой.
Вотъ что онъ видѣлъ во снѣ. Мы думали долго, стараясь
Сонъ этотъ чудный понять, какъ одинъ изъ внимавшихъ
воскликнулъ:

„Я вамъ его объясню: въ этомъ снѣ есть для насъ ука-
занье:

Всѣ мы должны поступать какъ тотъ святель умный, ко-
торый

Поле засѣялъ кругомъ и собралъ благодатную жатву!
Чтобъ приумножилось племя Сіона сыновъ, подобаетъ
Намъ подражать Аврааму, Иакову и Исааку.
Да, не съ одною женой, а со многими пусть производитъ
Каждый потомство свое, и сіонскій народъ расплодится!“
Такъ объяснилъ онъ намъ сонъ. Что вы скажете, братья,
на это?“

Выслушавъ рѣчь горбуна, перекрещенцы долго въ раз-
думьѣ

Молча качали главою; но вотъ изъ среды ихъ раздался
Голосъ что небо всрѣдкѣ намъ вѣщія сны посылаетъ,
Что черезъ нихъ намъ Господь указанье Свое сообщаетъ.
И не однимъ сластолюбцамъ понравился древній обычай:
Онъ одобренье нашелъ и межъ строгихъ реввителей вѣры.
Многіе впрочемъ сказали: „мы Ротмана спросимъ объ
этомъ;

Онъ это лучше рѣшить“. Но Крехтигъ послѣшно от-
вѣтилъ:

Нечего спрашивать вамъ угрюмаго книжника, братья!
Онъ удалился отъ міра и въ кельѣ своей углубился
Въ новый трактатъ о Сіонѣ; оставьте жъ его вы въ покоѣ!
Онъ не идетъ вѣдь впередъ, ни на шагъ не подвинулся
дальше!

Пусть его въ кельѣ корпитъ! Теперь каждый день произ-
водить
Новыхъ пророковъ у насъ. Изберите мужей, чтобъ со
мною
Вмѣстѣ пошли къ королю и вступили бы съ нимъ въ со-
вѣщанье.“

Такъ онъ сказалъ и совѣтъ его тотчасъ былъ принять
толпою:

Крехтингъ вляянье большое себѣ приобрѣлъ у народа.
Только Дивара одна имѣла предъ нимъ превосходство,—
Онъ лишь казался орудіемъ женщины этой; и если
Вмѣстѣ порою они появлялись межъ гражданъ Сіона,
То и улыбка красавицы, и зубоскальство нахала
Противорѣчили рѣзко всеобщему строгому чину
Анабалтистовъ восторженныхъ: ихъ обольщала улыбка,
Полная нѣги и страсти, а нагаая, злая усмѣшка
Крехтинга ихъ возмущала и холодомъ ихъ обдавала:
Въ той былъ экватора зной, а въ этой морозъ леденящій.

Въ пышномъ дворцѣ короля царило уныніе. Мрачный
Явъ по чертогу ходилъ, погруженный въ тяжелыя думы.
Но вотъ предсталъ предъ нимъ съ депутатами Крехтингъ
лукавый,

Чтобы ему сообщить послѣднюю волю народа.

„Много осталось еще, что намъ нужно исправить въ
Сіонѣ“,

Такъ онъ сказалъ королю: „при раздѣлѣ имуществъ общимъ.
Мы и условія брака должны измѣнить по примѣру
Ветхозавѣтныхъ отцовъ: имъ законъ дозволялъ много-
женство,

Лишь черезъ это размножится племя избранныхъ въ Сіонѣ.
Это потребность природы. Мущина плодитъ постоянно,
Женщина жь плодъ свой приноситъ одинъ только разъ
ежегодно.

Женщины цвѣтъ увядаетъ равнѣ цвѣта мущины!
Подлѣ жены постарѣвшей супругъ, полный силы, скучаетъ.
Сколько чрезъ это напрасно теряется силъ плодотворныхъ!
А потому, чтобъ размножилось племя Сіона, намъ должно
Древнимъ отцамъ подражать: это разума намъ указанье!“

Но со спокойнымъ достоинствомъ дерзкому Явъ
отвѣчалъ:

„Свѣтъ развѣ конскій заводъ? Развѣ только ватѣмъ чтобъ
плодиться

Жизнь человѣку дана? Не ссылайся напрасно на разумъ:
Разумъ одинъ указанье не можетъ давать человѣку:
Сердце и чувства его имѣютъ такое же право
Руководить его въ жизни. И если любовь ты изгонишь,
То ты увидишь чрезъ это достоинство женщины въ мирѣ.
Стодитъ ли послѣ того размножать человѣчества племя?“

Такъ онъ сказалъ; но въ отвѣтъ ему Крективгъ
вскричалъ недовольный:

„Гаулая страсть не должна быть доступна разумному
лолу!

Женщина слѣшкомъ давно ужъ господство свое проявляетъ:
Прихоти всѣ и капризы ея исполняютъ мушцима.

Этого быть не должно! Рабою ей быть подобаешь,
Какъ это въ древности было по слову Святаго Писанья!
Сердце и чувство не нужны: пусть разумъ одинъ руко-
водитъ

Въ жизни дѣлами людей къ тому что имъ пользу при-
носить,—

Все остальное лишь гаулая бредни мечтателей юныхъ!“

„Другъ!“ отвѣчаетъ король, „ты приличія долгъ за-
бываешь!

Есть ли въ Сионѣ еще, кто подобныя мысли литаешь?“

„Многіе думаютъ такъ! отвѣчаетъ горбушь, „и въ
народѣ

Многіе такъ говорятъ, но тебѣ лишь не смѣютъ повѣдать:
Ихъ устрашаетъ твой взоръ. Ты владѣешь таинственной
силою

Взоромъ и словомъ своимъ подчиняетъ себѣ волю народа,
Такъ что взглянувъ на тебя, никто изъ толпы не дер-
заетъ

Иначе думать чѣмъ ты. Но, владѣя таинственнымъ даромъ,
Употреблять ты не долженъ во зло его силу надъ нами,
Если не хочешь прослыть за тирана во мнѣньѣ народа!
Развѣ тиранъ только тотъ кто господствуетъ кровъ про-
ливаая?

Нѣтъ, но и тотъ кто своей сверхъестественной силою
духа

Давитъ народную волю и держитъ ея въ цѣлѣнѣньѣ!

Гражданамъ лишь предоставь спокойно рѣшить, что имъ

И ты узнаешь тогда настроеніе мыслей въ Сіонѣ.
 Вспомни священную клятву что далъ ты, вѣнецъ принимая:
 „Гласу народа внимать и чтить его волю!“ Спокойно
 Выслушавъ эти слова, король предстоявшимъ отвѣтилъ:
 „Мужи Сіона! сильна моя воля и мужество крѣпко,
 Гдѣ я покорности требовалъ,—все мнѣ всегда покорялось.
 Но не на власти единого зиждется царство Сіона,
 И не единою волей монарха оно сохранится:
 Стоить угаснуть той силѣ—и царство тогда распадется,
 И ужъ ни деспота жезлъ и ни мечъ лапача не возмогутъ
 Царство спасти отъ ладенья! Охотно я вѣрю, о Крехтингъ,
 Что гласъ народа—гласъ Божій, и въ сердцахъ своемъ со-
 храняю

Мысль о свободѣ я глубже, чѣмъ тотъ кто кричитъ о ней
 всюду.

Крехтингъ! народъ собери—тотъ народъ котораго небо
 Къ высшему благу избрало и чудомъ своимъ просвѣтило.
 Пусть въ немъ число равнодушныхъ еще не совѣмъ ис-
 требилось,

Пусть въ безмятежное стадо вторгаются хищные волки,—
 Но еще живъ въ немъ и силенъ божественный духъ, про-
 свѣтившій

Сердце и умъ большинства,—и ему я вполнѣ довѣряюсь!“
 Съ этимъ король отпустилъ представителей гражданъ Сіона.

Крехтингъ немедленно сталъ собирать къ совѣщанію
 гражданъ.

Онъ имъ сказалъ что король подчиняется гласу народа,
 Что онъ ему довѣряетъ рѣшить, не полезно ли будетъ,
 Чтобы умножилось племя избранныхъ въ Сіонѣ, дозволить
 Жить мужчинамъ со многими женами въ брачномъ союзѣ.
 Граждане этотъ вопросъ обсудили, и каждый свободно
 Голосъ свой подавъ; потомъ, когда всѣ голоса сосчитали,
 То большинство ихъ рѣшило что должно ввести много-
 женство.

Это рѣшеніе народа тотчасъ королю сообщили.

Онъ, услышавъ, лобзѣдывалъ и въ раздумьѣ лоникъ головою:
 Имъ овладѣла досада на міръ, и съ улыбкою горькой
 Онъ произнесъ самъ себѣ: „Посмотри, блѣднлицыи меч-
 татель,

Какъ фанатическій пылъ и разсудка холоднаго смѣты
 Съ грозною похотью вмѣстѣ сошлись и сдружились въ

О, человѣческій родъ! Какъ солнце своимъ поцѣлуемъ
 Вешней порой изъ луговъ вызываетъ цвѣты, изъ болотъ же
 Только миазмы чумы: такъ высокія мысли сіяютъ
 Въ чистой душѣ лучезарно; но въ тинѣ гнилой и тлетворной
 Грязнаго сердца онѣ производятъ одно лишь броженье!
 Точно проклятье лежитъ на всемъ что высоко и чисто!
 Даже и чистое пламя земное, пылая, рождаетъ
 Дымъ, свое мрачное чадо, летящее къ вѣчному небу! —
 Ясно я вижу теперь, какъ съ первыхъ же дней возрожденья
 Врагъ - возмутитель коварный проникъ въ сонмъ избран-
 ныхъ Сіона.

Древле пророкъ Моисей, исполненный сладкой надежды,
 Съ горной вершины Сивая спускался съ сіяющимъ взоромъ,
 Радостно несъ онъ даръ Божій—святыя скрижали закона;
 Но, увидавъ свой народъ предъ тельцомъ золотымъ на ко-
 лѣнахъ,

Съ гнѣвомъ скрижали разбилъ, не желая ихъ дать недо-
 стойнымъ.

Такъ отвернусь же и я, негодуя, отъ сонма безумныхъ,—
 Пусть ихъ творятъ что хотятъ, они лишь презрѣнья до-
 стойны!

Еслибы я и рѣшился противиться имъ, то едва ли
 Смогъ бы я ихъ удержать: не трудно вести за собою
 Тѣхъ, кто стремится впередъ, но назадъ обратитъ увас-
 ченныхъ

Нѣтъ человѣческихъ силъ! Такъ ослабленный, духомъ улад-
 шій,

Я одинокій стою!... Ахъ, давно ли такъ пылко и храбро
 Былъ я готовъ предпринять титаническій бой съ цѣлымъ
 міромъ?

Но мою душу теперь омрачаетъ туманъ непроглядный,
 Онъ тяготѣетъ на ней съ того роковаго мгновенья,
 Какъ я лишился того что мнѣ было такъ дорого въ мірѣ!
 Но еще въ ней остается упорство бороться съ судьбою,
 Съ грозными силами ада и свѣтъ презирать недостойный!"

Два уходила за днями, а Янъ недовольный и мрачный
 Не выходилъ изъ дворца. Какъ однажды вечерней порою
 Страннаго вида пришлецъ вдругъ явился предъ нимъ:
 червокудрый,
 Смуглый лицомъ и съ глазами горящими точно два угля.

Онъ объявилъ королю что онъ вѣстника высшего вѣстника

И если хочеть онъ знать, что повѣдалъ пророкъ олочившій
Въ часъ свой предсмертный и что ожидаетъ Сионъ обнов-
ленный,

То пусть не медя за нимъ онъ идетъ въ сокровенное мѣсто.
Странными Яну казались слова незнакомца; сомнѣнье
Въ душу закралось его, но отвага его подстрекнула
И онъ рѣшился идти. Онъ закуталъ лицо, завернулся
Въ плащъ и пошелъ за вожатымъ по улицамъ мѣсте люд-
нымъ.

Такъ они шли черезъ городъ, достигли до берега Аа —
И, перейдя черезъ мостъ, направили луть свой на сѣверъ,
Гдѣ на валу городскомъ возвышалась старинная башня —
Мрачное черное зданье, о коемъ ходило въ народѣ
Много недѣльныхъ разказовъ и страшныхъ преданій. Вожа-
тый

Съ Яномъ вошелъ въ ворота, на которыхъ изваяны были
Рожи различныхъ страшилащъ, и темнымъ, извиластымъ
ходомъ

Дальше пошли они оба и вскорѣ вступили подъ своды
Залы обширной и мрачной, едва освѣщаемой лампой.
Здѣсь удалился вожатый, оставивъ смущеннаго Яна.
Влажные стѣны кругомъ облепала растенья; межъ листьевъ
Красныя ягоды рдѣлись, какъ будто кровавыя капли;
Камни различныхъ цвѣтовъ торчали изъ стѣвъ и со свода,
Будто ладенъемъ грозя. Когда Янъ къ темнотѣ пригля-
дѣлся,

То увидалъ по угламъ запасы различныхъ оружій,
Ворохи латяевъ цвѣтныхъ и уборовъ блестящихъ и цѣн-
ныхъ.

А въ углубленіи залы на ложѣ, покрытомъ коврами,
Вдругъ увидалъ онъ Дивару: какъ нѣкогда въ Давертѣ
мрачномъ

Снова съ теорбой въ рукахъ сидѣла она, улыбаясь,
Такъ же блестяція пряди волосъ ея вились, какъ змѣи;
Тѣмъ же зловѣщимъ огнемъ ея черныя очи горѣли.

Но вотъ она поднялась, подошла къ королю и сказала:
„Юноша мудрый! прими благодарность что ты не отверг-
нулъ

Зова Дивары: она лишь одна тебѣ можетъ повѣдать

Что завѣщалъ Маттиссонъ, знаменитый пророкъ и учитель.“

Явль съ омраченнѣмъ челоу и со вздохомъ глубокимъ
отвѣтилъ:

„Ахъ! онъ счастливъ уже тѣмъ что онъ лалъ, не доживъ
до ладеья

Чудной Сіона звѣзды, не доживъ до несчастья видѣть,
Какъ чистота бѣлоснѣжная мыслей небесныхъ грязнится
Черною тиноу земли!“ Такъ сказалъ онъ. Дивара на ложе
Тихо его привлекла, а сама какъ рабыня локорно
Паала предъ нимъ и со взоромъ исполненнѣмъ страсти
сказала:

„Брось эти мысли, о Явль, если ими не могъ осчастливить
Грѣшнаго міра! Къ чему предаваться напрасной лечали?
Не отвергай того счастья, какое тебя ожидаетъ!

Щедра судьба одарила тебя: наслаждайся дарами!
Жизнь скоротечна, а юности годы еще скоротечнѣй,
Но скоротечнѣй всего минуты блаженства. Слѣши же,
О мой король! насладиться тебѣ посылаемъ счастьемъ!
Милый! довѣрься лишь мнѣ, и я научу тебя жизни!
Совъ золотой твой исчезъ и блаженства мечты разлетѣ-
лись;

Но я тебѣ возвращу что утрачено въ жизни тобою;
Съ лервой минуты свиданья я сердцемъ къ тебѣ привя-
залась,
Не отвращай отъ меня твоихъ взоровъ съ холодноу
гордой:

О, пусть растаетъ оно какъ снѣгъ въ моихъ жаркихъ объ-
ятяхъ!

Сдѣлай подругой своеу пророка жену, предъ которой
Благоговѣетъ народъ, называя ее героинеу,
Храброу дщериу Сіона. Ты этимъ исполнишь желанье
Гражданъ и волю пророка, которую мнѣ онъ повѣдалъ
Прежде чѣмъ вышелъ на бой, положившій конецъ его жизни.
Хочешь, изъ царства тѣней я вызову духъ его снова?
О, я могу это сдѣлать: я чары великія знаю..“

Съ горькой усмѣшкой презрѣнья король ей отвѣтилъ:
„Дивара!

Чары твои, отъ которыхъ грозила мнѣ прежде оласность,
Стали безсильны съ тѣхъ поръ какъ ношу я на сердце

Онъ изъ-за лазухи вынулъ засохшую почечку розы,
 Сорванной нѣкогда имъ въ его первое съ Гиллою свиданье,—
 Ссохлась въ комочекъ она и сдѣлалась шарикомъ твердымъ.
 „Видишь-ли,—онъ продолжалъ,—эта роза увяла, засохла;
 Но она мнѣ дорога и я съ ней никогда не разстанусь!“
 И онъ прибавилъ потомъ: „не надѣйся напрасно, Дивара,
 Чтобы Сиона король тебѣ посвятилъ свое сердце
 И раздѣлилъ свой престолъ со вдовою гарлемскаго старца!“
 Гнѣвомъ при этихъ словахъ сверкнули глаза у Дивары,
 Быстро вскочила она и вскричала съ улыбкою злобной:
 „Ты презираешь вдову гарлемскаго лекаря, гордый,
 И завѣщанье пророка! но ты ужъ того не измѣнишь,
 Что прорицатели нѣкогда этой вдовѣ предвѣстили!
 Знай, лицедей и фигляръ, что я древняго, знатнаго рода,
 И благородная кровь течетъ въ моихъ жилахъ!“ Тутъ
 громко

На языкѣ незнакомомъ она позвала, и мгновенно
 Вышелъ изъ мрака и сталъ передъ нею дрожащій и ветхій
 Старецъ и, руки скрестивъ на груди, преклонился глубоко.
 Онъ передъ нею стоялъ какъ рабъ предъ своей госпожею.
 Старцу сказала Дивара: „Повѣдай, старикъ, что свершилось
 Въ Боркенѣ, въ здѣшней странѣ, за семьдесятъ лѣтъ предъ
 тобою,
 Въ полночь на площади града, при факеловъ свѣтѣ кро-
 вавомъ.“

Старецъ ловикъ головой и блуждающій взоръ устремивши
 Въ темную даль и дрожа, какъ будто онъ снова тамъ ви-
 дить

То что случилось давно, разказывать съ ужасомъ началъ:
 „Вижу я площадь... подмостки... летятъ облака и скры-
 вають

Мѣсяца свѣтъ... но вся площадь въ огняхъ; тѣснясь у под-
 мостковъ,

Черные люди стоятъ и зажженные факелы держатъ.
 Но на подмосткахъ... о горе! стоитъ, преклонивши колѣна,
 Нашего племени князь, величавый, прекрасный и гордый!
 Вотъ преклонилъ онъ главу; его длинныя, черныя кудри
 Пали на плаху волной... Вотъ падачъ въ зеленой одеждѣ,
 Руки скрестивъ на мечѣ обнаженномъ, стоитъ ухмыляясь...
 Факеловъ свѣтъ освѣщаетъ костявые желтыя лица...

Чу! на башнѣ часы ударяютъ размеренно полночь.

Вотъ и послѣдній ударъ! и сверкнувъ будто молнія, взвился
 Мечъ падача и упалъ.... и глава чернокудрая князя
 На земь скатилась въ крови... глаза ея черные бѣсуютъ,
 Будто убійцамъ грозятъ и требуютъ мести кровавой!..
 Это нашъ Горканъ, нашъ князь баагородный, прекрасный
 и гордый...

Ахъ! нашъ послѣдній властитель, прославленный въ стра-
 нахъ Востока,

Чтимый какъ Богъ между нами.... И вотъ голова его пала
 Въ Боркенѣ въ полночь, при свѣтѣ огней отъ меча супо-
 статовъ,

Бритоголовыхъ злодѣевъ въ коричневыхъ расахъ! Убили
 Нашего князя оми; но гласъ прорицателей мудрыхъ
 Намъ возвѣщаетъ что внука убитого князя сторицей
 Внукамъ убійцъ отомстить, что послѣдняя отрасль Гор-
 кана

Въ Мюнстерѣ будетъ сидѣть въ коронѣ златой на пре-
 столѣ...

Такъ прорицатели нашего племени намъ возвѣстили...

Это свершится должно, ибо время уже наступило!"

Старецъ умоакъ. Къ королю обратившись, Дивара
 сказала:

„Это послѣдній свидѣтель кончины послѣдняго князя,
 А предъ тобою стоить послѣдняя отрасль Горкана:
 Знай что на мнѣ, его внука, свершится должно предвѣ-
 щанье!

Видишь: таинственный рокъ прие ль меня самъ въ этотъ
 городъ;

Здѣсь собрался мой народъ чтобъ привѣтствовать внуку
 монарха.

Днемъ героиней Сіона я дѣйствую между твоими,
 Ночью я здѣсь въ этой башнѣ въ кругу моихъ поддан-
 ныхъ вѣрныхъ;

Здѣсь возложивъ на себя вѣнецъ мой, наслѣдіе дѣда,
 Я принимаю привѣтъ отъ толпы независимыхъ міра
 Съ клятвой кроваваго мщенья за смерть ихъ послѣдняго
 князя.

Часто меня называютъ волшебницей люди Сіона;

Да, волшебница я, ибо тайныя чары присуци

Жизни свободныхъ сыновъ свободной природы! Я вижу

Ты сомнѣваешься, Янъ! Ты Сіона король, хорошо-же,—

Нынѣ какъ гостя тебя угостить королева Дивара.“

Вдругъ по ея мановенью вся зала локрылась мракомъ;

Вскорѣ однакожь лотомъ она вновь освѣтилась; но чудно
Вся измѣнилась она, какъ будто волшебною силой.

Плашки и лампы громаднаыя вдругъ запылали и камни
Темнаго свода и стѣны загорѣлись цвѣтными огнями,
И въ фантастическомъ плащѣ, среди своихъ смуглыхъ
трабантовъ,

На разукрашенномъ ложѣ явилась предъ Яномъ Дивара.

Черныя кудри ея какъ кольцо охватила корона,

Въ ней драгоценныя камни сверкають, играя цвѣтами;

Смуглую шею и грудь украшаютъ карбункулы и жемчугъ,

А на колѣняхъ лежитъ неразлучная съ нею теорба.

Въ чашкахъ и кубкахъ златыхъ красивыя дѣти разносятъ

Сладкій, душистый напитокъ,—всѣ смуглы и чернокудравы,

И точно жемчугъ блестятъ у нихъ зубы въ коралловыхъ
губкахъ.

Вотъ загремѣлъ тамбурины, зазвучали цимбалы, и дѣвы

Начали дикую пляску, кружась передъ ложемъ Дивары;

Вотъ вереницей онъ понесся и, вертась передъ Яномъ,

Въ кругъ свой замкнули его, погруженнаго въ мрачныя
думы,

И, граціозно танцуя, съ улыбкою нѣжной подносятъ

Кубокъ ему золотой съ искрометной, шипящею влагой,—

Воздухъ пропитанъ кругомъ ея ароматомъ тяжелымъ,

Чувства и умъ одуряющимъ; звуки теорбъ и цимбаловъ

Съ громомъ тимпановъ саиваются въ гулъ потрясающей
нервы.

Дѣвы, танцуя, все болѣе стѣсняють свой кругъ передъ
Яномъ;

Черныя волосы ихъ разметались и вьются какъ змѣи,

Хлещутъ по смуглымъ плечамъ и лорюю касаются Яна,

Очи ихъ страстью горять.... Но вотъ самая смѣлая дѣва,

Быстро скользя близъ него, движеніемъ ловкимъ и дерзкимъ

Съ груди его похищаетъ завѣтный цвѣтокъ его, розу,

И, хохоча, перебросивъ его на колѣни Дивары,

Дальше несется, танцуя. „Отдай мнѣ цвѣтокъ!“ закри-
чалъ онъ,

Гнѣвно глазами сверкнувъ. Но Дивара на это съ улыбкой,

Полною чаръ, отвѣчаетъ: „Отдай мнѣ корону Сіона,

Юноша милый! отдай: она мнѣ назначена рокомъ!
 Такъ возвѣстали воаквы и пророка послѣднее слово,
 Да и Сіонскій народъ, восхваляя супругу пророка,
 Втайнѣ питаетъ давно эту мысль: О, мой другъ благо-
 родный!

Дай мнѣ корону Сіона, и я возвращу тебѣ розу!
 Развѣ не стою вѣнца по дѣламъ я своимъ и по мыслямъ?
 Какъ родилась ты чтобъ быть королею, такъ и я — коро-
 левой!“

Пристальнымъ взоръ устремивъ на красавицу, Янъ от-
 вѣчаетъ:

„Да, по дѣламъ и по мыслямъ высокимъ вѣнца ты достойна!
 Ты себя въ правѣ считаешь чтобъ вѣнцѣ послѣдняго князя
 Вашего племени я предоставилъ корону Сіона,
 Чтобы съ женою пророка и съ дочерью храброй Сіона
 Я раздѣлилъ свою власть и судьбу что меня ожидаетъ.
 Волю исполню твою: ты властвовать въ мірѣ достойна...
 Нѣтъ, я не то говорю: ты достойна носить лишь корону!
 Пошло, ничтожно, презрѣнно все стало въ Сіонѣ, Дивара!
 Только одна ты стоишь предо мной какъ явленіе силы,
 Не отвращеніе во мнѣ, но таинственный трепеть рождая!
 Внука властителя! завтра оставь свою мрачную башню
 И появишься предъ народомъ со святой своей королевской:
 Пусть онъ объявитъ тебя королевой; но не надѣйся
 Быть для меня чѣмъ инымъ какъ подругою только на
 тронѣ!“

Сердце мое занято. Ты порой развлекать меня будешь
 Звукомъ теорбы своей. Испытай надо мной свои чары!
 Пусть для меня начинается снова борьба роковая
 Съ демономъ мощнымъ твоимъ, какъ нѣкогда въ Давертѣ
 мрачномъ!

Но никогда не удастся тебѣ одолѣть содроганье,
 Что возбуждаетъ во мнѣ очей твоихъ мрачное пламя!“

Такъ онъ сказалъ и ушелъ. На утро граждане Сіона
 Вдругъ увидали торжественный поѣздъ, идущій отъ башни
 Къ площади главной собора. Дивара въ вѣнцѣ королев-
 скомъ

Вдетъ верхомъ подлѣ Яна, сіяя чудесной красотою;
 Съ кликомъ восторга народъ привѣтствуетъ въ ней коро-
 леву,

Храбрую дочь Сіона, вдову Маттиссона, пророка.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ

Новая жизнь.

Снова поля зеленѣютъ, а войско епископа-князя,
 Мюнстеръ кругомъ обложивъ, пребываетъ въ бездѣйствии
 праздномъ,
 Только заботясь о томъ, чтобъ въ него не проникли под-
 возы.

Въ самомъ Сионѣ межъ тѣмъ уже адскій лосѣвъ созрѣва-
 етъ:

Съ новымъ условіемъ брака вся жизнь горожанъ измѣни-
 лась,

А безпокойный горбунъ продолжаетъ злое дѣло:

Мутить, волнуетъ народъ, измышляя все новыя козни.

Всюду мушны и жены ихъ ссорятся между собою,

Женщины зрѣлыхъ ужъ дѣтъ преслѣдуютъ ревностью млад-
 шихъ;

Старыхъ, невзрачныхъ мушны отвергаютъ невѣсты съ
 презрѣніемъ,

Въ каждомъ семействѣ раздоры и брань, и укоры, и слезы.

Самъ Книппердоллингъ, который такъ дружно съ своею
 женою

Жилъ, окруженный дѣтьми, вліянію друга поддавшись,

Ввелъ къ себѣ въ домъ молодую жену; но жестоко за это

Былъ онъ наказанъ: жена его старшая съ горькимъ упре-
 комъ

И, обливаясь слезами, его оттолкнула; но теща,

Всѣмъ управлявшая въ домѣ, вскричала: „О, льяница гнус-
 ный!

Бога и честь позабывшій! зачѣмъ ты привелъ эту дѣвку?

Вотъ до чего ужъ дошло: вторую жену ты заводишь!

Вотъ какъ освѣтилъ тебя этотъ Крехтингъ, горбатый пога-
 нецъ!

Мало того что тебя онъ спомалъ, что съ утра и до ночи

Съ нимъ по шивкамъ ты кутишь, онъ тебя, дурака, соблаз-
 няетъ

Сдѣлаться вѣроотступникомъ, Туркой, азычникомъ гнус-
нымъ!

Какъ? и ты въ честный мой домъ, гдѣ половѣка живу я и
праваю,

Гдѣ я взростила дѣтей въ благочестіи, въ страхѣ Господ-
немъ,

Вводишь безлутную дѣвку, наложницу! Ты не стыдишься
Передъ женой и дѣтьми позоръ свой показывать явно!

Вотъ твой послѣдній младавецъ,—когда-то онъ былъ твой
любимецъ

(Вынувъ его изъ кровати, она поднесла его къ зятю);
Бѣдный малютка! за что ты лишить его матери хочешь?
Видишь какъ бьется несчастная! Ей не снести этой муки!
Сердца нѣтъ видно въ тебѣ что спокоевъ ты такъ и без-
чувственъ!

О, нечестивый гуляка! Уйди! ты не долженъ отнынѣ
Жить въ моемъ домѣ. Стулай! убирайся отсюда негодный,
Я не хочу тебя видѣть! Иль думаешь что люблюсь я
„Власти меча“ твоего? Да я выброшу васъ за ворота:
Дѣвку твою и тебя, да и власти твой мечъ на придачу!“

Такъ изливала старуха свой гнѣвъ на преступаго зятя,
А наконецъ и угрозу свою привела въ исполненье:

Выгнала изъ дому вонъ Квиллердоллинга съ новой женою
И съ его „власти мечомъ“. Онъ въ смущеніи ей локорился:
Съ давнихъ ужъ лѣтъ пріобыкъ онъ ее уважать и бояться.
Онъ удался безмолвно съ досадою, въ душѣ затаенной,
Къ Крехтингу въ гнѣвъ пришелъ и открылъ ему что съ
нимъ случилось.

Выслушалъ Крехтингъ его и сказалъ: „погоди, я устрою“.
Тотчасъ, собравши клеветовъ, онъ въ домъ его съ ними
явился,

Тамъ приказалъ заковать онъ жену Квиллердоллинга съ
тещей

И, заключивши въ темницу, отдать ихъ лодѣ судѣ за уло-
ство.

Кончивъ все это, онъ ввелъ Квиллердоллинга точно въ
тріумфъ

Въ домъ его вмѣстѣ съ невѣстой, и тутъ началось лированье
Съ цѣлою ватагой веселыхъ друзей, и Цыганъ, и фигляровъ.
Помня слова короля что въ Сионѣ должно быть веселье,
Крехтингъ лукавый по своему ихъ толковалъ, возбуждая

Пьяныхъ гостей веселиться и тѣшилъ ихъ грубыя страсти.
Свадебный лиръ обратился въ безумную оргію. Съ гикомъ
Въ пляскѣ, подъ звуки цимбаловъ, носились Цыгане, Цы-
ганки,

Крехтингъ мушницъ подстрекаль, осмѣивалъ въ женщинахъ
робость,

Если ее замѣчалъ, и принявъ вдохновеннаго обликъ,
Такъ говорилъ имъ, кривляясь: „Любезные братья и сестры!
Васъ на духу увѣщаютъ полы что постомъ и смиреньемъ
И умерщвленіемъ плоти вы льва любите, который
Сидится васъ проглотить; но я укажу вамъ другое
Лучшее средство къ тому, чтобы льва грѣшной плоти осу-
лить!

Все запрещенное, тайное васъ соблазняетъ сильнѣе,
И красота подъ покровомъ сильнѣе волнуетъ въ васъ похоть:
Такъ уничтожимъ все тайное, все запрещенное, братья!
И разрѣшенное все потеряетъ всю силу соблазна;
И красота обнаженная станетъ для насъ безопасна!
Будьте разумны, смотрите на все какъ на жажду и голодъ:
Полное всѣмъ наслажденье одно притуляетъ ихъ муку!
Каждый продавецъ сластей на товаръ свой глядитъ равно-
душно,

Ибо пресытился ими. Да, полное всѣмъ наслажденье
Лучше смирить нашу похоть, чѣмъ всяческихъ благъ от-
реченье!

Братья! разрушимъ всѣ чары, которыя такъ соблазняютъ
Благочестивыхъ аскетовъ и страшны такъ набожнымъ лю-
дямъ!“

Такъ развивалъ онъ софизмы свои предъ толпой полу-
льняной;

Такъ и всегда говорилъ онъ въ собраніяхъ гражданъ Сіона,
Спясь въ сердцахъ ихъ убить разсудка холоднаго властью
Всякое вѣжное чувство и чистыя духа стремленья.
Многимъ не нравилось это, но многіе были довольны
Новымъ ученьемъ пророка, какимъ его чтили въ Сіонѣ,
И увлекались соблазномъ рѣчей его хитрыхъ и гнусныхъ.

Такъ этотъ дьяволъ горбатый, растаивши сердца окру-
жавшихъ,

Сталъ убѣждать ихъ что грѣхъ облекать свое тѣло въ
одежду,

Что возвратиться имъ должно къ природѣ, что только во
мракѣ

Дѣйствуютъ чувства свободнѣй... Тогда всѣ сердца разгорѣлись;
 Точно всѣ адскія силы ворвались въ среду лировавшихъ;
 Бѣшено всѣ предались удовольствіямъ оргіи гнусной.—
 Лампы погасли...

Но вдругъ въ это время снаружи раздаѣся
 Грохотъ могучихъ ударовъ въ дубовую дверь, и невольно
 Вздрогнули всѣ безобразники. Кто этотъ дерзкій, кто ночью
 Ломится въ окна и въ дверь?—

Давно уже тайно въ Сіонѣ
 Негодованье кипѣло межъ гражданами серьезныхъ и че-
 стныхъ

На непотребства, какія возникли въ послѣднее время
 Между согражданами, и вотъ они тайный союзъ заключили
 Силою зло уничтожить. Толпа этихъ гражданъ сегодня
 Ратушей въ ночь овладѣла и бросилась къ дому, гдѣ Крех-
 тингъ

И Квиллердоллингъ кутили съ толпою Цыганъ и фигляровъ.
 Имъ безъ труда удалось овладѣть этой льняной ватагой,
 Всѣхъ ихъ они разогнали, а Квиллердоллингъ и Крех-
 тингъ

Были закованы въ цѣли и брошены въ яму темницы.

Но между тѣмъ и другая часть гражданъ схватила
 оружие,

Чтобы возстанье смирить и толпу недовольныхъ раз-
 сѣять,

И закинула межъ ними по стогнамъ кровавая схватка.

Но она кончилась скоро: возставшіе были разбиты,

Ратуша снова взята, Квиллердоллинга съ Крехтингомъ
 тотчасъ

Вывелъ народъ изъ тюрьмы, но за то заключилъ онъ въ
 оковы

Главныхъ зачинщиковъ бунта и бросилъ ихъ въ ту же те-
 мницу.

Гордый своею побѣдой народъ съ ликованіемъ встрѣтилъ
 Освобожденныхъ мужей, а лѣнненныхъ клая и ругая,
 Требовалъ смертной ихъ казни, какъ гражданъ враждеб-
 ныхъ Сіону.

Вдругъ на бѣломъ конѣ явился король между ними,
 И все затихло кругомъ. Всѣ взоры свои устремили
 На омраченное душой лицо короля молодого.

„Мужи Сіона!—сказалъ онъ:—вы помните ль что мы стремились

Царство такое создать въ которомъ должно безъ насилья

Право господствовать мирно для всѣхъ безразлично, въ которомъ

Мечъ палача не царилъ бы, и люди въ согласіи братскомъ
Жили бы мирной семьей озаренной святымъ вдохновенъ-емъ!

Но что я вижу теперь? Кровожадный раздоръ возмущаетъ
Мира святаго юдолю! Кровавое мщенъе волнуетъ

Этотъ нашъ избранный городъ! Опомнитесь, мужи Сіона!

Правда что воля народа должна быть закономъ народа,

Воля жь донынѣ моя была съ вашею волей согласна;

Полный надежды, я думалъ что всѣ ваши мысли и чувства

Тѣмъ же проникнуты духомъ, стремящимся къ благу и праву,

Какъ и мои, и въ сознаниіи этомъ считалъ себя силь-нымъ:

Съ вашею силой и волей мнѣ давныя силы и воля

Въ тѣсномъ союзѣ могли бы достигнуть желанной по-бѣды...

Но, если въ вашихъ сердцахъ угасла священная искра,

То вы себя изрекли приговоръ,—и Сіонъ лотрасенный,

Рухнувъ, всѣхъ насъ погребетъ! Сіонъ есть царство сво-боды,

Но онъ и царство любви, чистоты совершенной и правды!

Такъ пробудите же снова въ сердцахъ своихъ духъ благо-родный

И да замолкнуть на вѣкъ кровожадныя мщенія крики!“

Такъ увѣщавъ ихъ король и толпа съ одобренъемъ
внимала,

Многіе были готовы исполнить совѣтъ благодатный;

Но какъ ужасенный вспрынулъ неистовый Крехтингъ взы-вая:

„Горе свободѣ святой и вождямъ благороднымъ Сіона!

Горе всѣмъ намъ, если здѣсь безнаказанно будетъ измѣна

Сѣмя свое разсѣвать! Кто же началъ кровавое дѣло?

Кто въ заговорѣ преступномъ мятежъ произвелъ, отвер-гая

Новый порядокъ, когда большинствомъ онъ одобренъ и

принятъ?

Кто обагрилъ свои руки въ крови своихъ братьевъ - согражданъ?

Что жь, неужели должны мы мятежнымъ врагамъ подчиниться?

Мало ихъ развѣ у насъ и извѣй за стѣной городской?

Такъ неужели жь еще и внутри мы должны ихъ бояться?"

Крехтинга дерзкое слово нашло и въ толпѣ отголосокъ;

Громче чѣмъ прежде вокругъ короля раздались восклицанья:

„Не отнимай, государь, у насъ права суда и рѣшенья,

Что предоставлено намъ на собраніи гражданъ Сіона!"

Молча и съ горькой улыбкой король отъ толпы отвернулся

И недовольный и мрачный оставивъ ее, удалился.

„Малости тутъ не достало,—промолвилъ озабленный Крехтингъ,—

Чтобы онъ слова всѣхъ васъ околпачилъ своими словами;
Этотъ смазливый прищалецъ, этотъ жевцакъ любимецъ ку-
дрявый!

Ну, да оно и понятно,—онъ всѣхъ красотою чаруетъ.

Гдѣ съ нимъ равняться такому, какъ Крехтингъ горбатый, уроду!

Но вы не вѣрьте ему: онъ тиранинъ этотъ лейденскій щеголь,

Онъ васъ свободы лишитъ, или прямо еписколу выдастъ,
Иль захвативъ всѣ сокровища, самъ улизнетъ восвояси.

Не доверяйте ему! берегитесь рѣчей его сладкихъ!

Слушайте честнаго Крехтинга! Знаете-ль, братья, кто можетъ

Лучшимъ вождемъ быть для васъ? Только тотъ, кто всегда
говоритъ вамъ:

„Братья! идите впередъ!" Но тотъ, кто въ трусливомъ
раздумьи

Будетъ удерживать васъ, говоря: „мы не можемъ, не смѣемъ

Дальше идти!" тотъ измѣнникъ, котораго нужно повѣсить!

Долго ли будутъ водить васъ мечтатели гаульные за носъ?

Пусть руководитъ васъ лучше холоднаго разума слово!

Стыдно покорствовать вамъ передъ пошлымъ фиглярномъ-тираномъ!

Да и не сами ли вы королемъ его сдѣлали, братья?

А потому вы и можете сами лишить его власти!"

Долго еще говорилъ, возбуждая гражданъ противу Яна, злой и коварный горбуны, и гнѣвъ его все разгорался.

Небо межъ тѣмъ заволакивать стали зловѣщія тучи;

Грома раскаты порой загаушали хулящія рѣчи

Дерзкаго лаута, какъ будто и небо на нихъ негодуеть,

Вдругъ изъ нависнувшихъ тучъ при ужасномъ раскатѣ сверкнула

Молнія и предъ ногами его ударила въ землю, и ужась

Всею толпою овладѣвъ; раздались голоса: „посмотрите,

Небо грозить ему карой за дерзкую брань государя!"

Лишь услышавъ это Крехтингъ, какъ бѣшенство имъ овладѣло,

Съ лѣвою у рта, сверкая косыми глазами, онъ крикнулъ:

„Олухи робкіе вы и такими останетесь вѣчно!

Не испугаетъ меня ваше небо своими громами!

Пусть мнѣ грозить оно сверху,—я снизу грозить ему буду!

Громы и молніи есть у меня и не хуже небесныхъ!

Вотъ посмотрите, трусишки, какъ я отвѣчать ему буду!"

И какъ безумный вскочилъ онъ и бросился къ лучшѣ огромной

И, приказавъ пушкарямъ жерло ея къ небу направить,

Самъ взявъ фитиль смоляной и затраву поджегъ, и мгновенно

Съ грохотомъ выстрѣлъ раздался и къ небу ядро полетѣло...

Все задрожали невольно, одна лишь ватага Дивары

Съ крикомъ и хохотомъ дикимъ скакала кругомъ въ изступленьѣ.

Янъ между тѣмъ во дворцѣ, погруженный въ тяжелыя думы,

Дни проводилъ одинокій. Его пригнетенная воля

Въ сердцахъ его бушевала, какъ левъ въ западнѣ заключенный,

Изрѣдка только онъ валъ обходилъ и являлся межъ гражданами

На площадь, чтобъ усмирять ихъ раздоръ и враждебныя вспышки;

Все остальное же время одинъ, молчаливый и мрачный,
Онъ проводилъ во дворцѣ, наблюдая опасными очи
Смуглаю Дивары, иль слушая шутки веселаго шута.

Вотъ и теперь онъ вошелъ и сказалъ королю, улыбаясь:
„Слушай-ка, Янъ, прикажи ты казнить эту дерзкую сводочь,
Что надо мною трунить что старухой своей я доволенъ
И не женюсь на другой. Чтобы я къ моей вѣрной подругѣ
Ввелъ молодую жену, да вѣдь это скандалъ вопиющій!
Крехтингъ наемщи ко мнѣ подослалъ одного изъ клевер-

товъ,

Вотъ онъ и сталъ говорить мнѣ о новыхъ порядкахъ въ
Сіонѣ,

Сталъ увѣрять что у насъ уничтожены прежніе браки,
И что теперь я могу сочетаться съ другою дѣвицей.
Это жена услышала и сильно на то разсердилась,—
И на порядкахъ ему за совѣтъ ищаранала рожу,
Такъ что онъ выбѣжалъ вонъ, какъ оципаный ястребомъ
колчицъ.

Вотъ какъ по вкусу пришелся старинный библейскій обы-
чай

Нынѣшнимъ женамъ, особенно если ихъ когти въ порядкѣ!
Даже и нашъ Книппердоллингъ, который, ты помнишь, какъ
мирно

Жилъ, окруженный семьею, и съ лѣсками нянчилъ сы-
ночка,

Далъ одурачить себя боатовнею горбатаго лаута

И на себѣ испыталъ удовольствіе новаго брака.

Но не всегда помогаетъ царананье женъ и кусанье!

Всюду теперь всѣ орутъ: „растите и множитесь, братья!“

Это ихъ новый законъ и единственный дозугъ Сіона.

Старыя дѣвы радехоньки, да и монахики тоже,

Тѣ что бѣжали изъ келій: теперь ихъ ласкаетъ надежда

Мужа достать, потому что въ невѣстахъ большой недо-
статокъ.

И до того ужъ дошло что теперь и двѣнадцатилѣтнихъ
Дѣвочекъ въ жены берутъ...”

Такъ разказывалъ честный Ванъ Штратенъ,

Юноша слушалъ его безмолвно и съ горькой улыбкой.

Вдругъ передъ ними предсталъ изможденный, угрюмый
и блѣдный

Роттманъ, который давно не являлся на сходкахъ на-

Въ келью свою удаляясь, онъ сидѣлъ за обширнымъ трактатомъ,

Листъ за листомъ онъ писалъ, все мечтая о царствѣ Сіона,
Царствѣ свободы и правды, не зная что въ этомъ Сіонѣ
Все измѣнилось давно, что онъ сдѣлался нынѣ Содомомъ.
Вотъ онъ принесъ съ торжествомъ королю свою новую
книгу

„О красотѣ и величіи царства Господняго въ мірѣ“.
Книгою этой мечталъ онъ возвысить духъ гражданъ Сіона.

Съ грустной улыбкой король посмотрѣлъ на него и на
книгу.

„Бѣдный мечтатель“, сказалъ онъ:—„въ твоёмъ вдохновенномъ трактатѣ

Живъ еще новый Сіонъ во всей чистотѣ первобытной,
Но ужь для насъ его нѣтъ: онъ затмился, исчезъ какъ видѣнье!“

Въ эту минуту послышались страшные крики и вопли
Съ площади передъ соборомъ. Король подозвалъ мановеньемъ

Роттмана къ аркѣ окна и внизъ на воденье народа
Молча ему указалъ: тамъ одинъ изъ восторженныхъ гражданъ,

Руки воздвѣвъ къ небесамъ, кричалъ, и скакалъ, и кривлялся,

Былъ ли онъ точно въ экстазѣ, или только упился чрезъ мѣру?

Но, закативши глаза, онъ къ народу взывалъ вдохновенно:

„Вижу небесную славу и свѣтъ лучезарный!“... Но тутъ же,
Взоръ устремивъ къ небесамъ, зацѣпился ногою за камень
И, повалившись, заснулъ, какъ убитый, на улицномъ сорѣ.

„Вотъ, сказалъ Роттману Янъ, — предъ тобою эмблема
Сіона:

Такъ въ ольяненъи восторга и мы, созерцая, мечтали
Видѣть отверстее небо; но пали позорно и въ кучѣ
Праха земнаго лежимъ! О, Роттманъ! Сбылось изреченье:
„Слово днесъ плотію стало“; но въ падалъ та плоть обратилась!“...

Роттманъ ловикъ головой и ушелъ, пораженный и мрачный.

Чу! отъ базара вдали загремѣли вдругъ выстрѣлы ружей.
Янъ, услыхавъ ихъ, спросилъ: „Это что тамъ такое творится?“

„Такъ, ничего“, отвѣчалъ ему шутъ, „тамъ творится рас-
права

Съ бунтовщиками, которыхъ на смерть осудили граждане:
Ихъ тамъ поставили въ рядъ на стѣнѣ городской; передъ
вами

Ровъ окружающій городъ; лишь только въ нихъ выстрѣ-
лятъ залпомъ,

Всѣ они свалятся въ ровъ, гдѣ ихъ тотчасъ же тутъ и за-
роютъ.“

Вслыхнули гнѣвомъ глаза короля; то краснѣлъ, то
блѣднѣлъ онъ.

Лилсъ, улыбаясь лукаво, къ нему подошелъ и промовилъ
„Янъ, вѣдь тебя здѣсь народъ королемъ называетъ, не
такъ ли?“

„Да, отвѣчалъ ему юноша съ горькой улыбкой,—владѣю
Я и короной, и скиптромъ, и множествомъ разныхъ со-
кровищъ,

Но королемъ меня здѣсь признаетъ только эта вотъ пара,“
И онъ рукой указалъ на двухъ лсовъ исполинскаго роста,
Мирно лежащихъ въ угау—„лишь они мнѣ покорны, лишь
ими

Распоряжаться могу, какъ король, не прося разрѣшенья.
И, если время придетъ, что ворвутся сюда, торжествуя,
Воины князя-елискола, то не одинъ я погибну,
Всѣми покинутый здѣсь: эти двое ужъ мнѣ не измѣнятъ!“

„Янъ! — возразилъ ему Лилсъ, — по правдѣ скажу, ты
достойнъ

Быть королемъ: вѣдь я слышалъ, какъ ты отличился въ
сраженьи,

Гдѣ смертоносныя пули и ядра летали со свистомъ,
Люди валялись кругомъ и отъ крови земля размягчилась.
Да, въ королѣ ты годишься, но только не здѣсь твое мѣсто:
Лучше ступай къ дикарямъ, чтобъ устроить у нихъ коро-
левство;

Здѣсь тебѣ нечего дѣлать.... Здѣсь можешь ты властвовать
только

Надъ королевой одной, да и это трудненько: Дивара,
Такъ какъ и ты, не такая, чтобъ власти чужой подчиняться.
Янъ! берегись ты ея! вѣдь пожалуй тебѣ не придется
Быть королемъ и надъ ней“....

Такъ трунилъ надъ задумчивымъ Яномъ

Лилъ и ушелъ, погрозивъ ему пальцемъ съ луковой уыбкой.
 „Честный Вавъ Штрагенъ! ты правъ, — сказалъ себѣ
 Янъ въ размышленьи:

Властвовать любить Дивара и тайныя чары имѣть
 Гордую волю опутать! Но какъ этихъ чаръ избѣжать мнѣ?
 Я полагаалъ что одна лишь любовь подчиняетъ мужину
 Женщинѣ, милой ему; но вижу что есть и другая,
 Адская сила у женщинѣ, съ которою трудно бороться....
 Это совсѣмъ не любовь: я ея никогда не любилъ бы
 Такъ, какъ я Гиллу любилъ! О, нѣтъ, я ее ненавижу—
 Страстную эту смугляку съ ея огненными глазами!
 Мнѣ она кажется только какой-то чудесной загадкой,
 И чѣмъ усерднѣе буду разгадывать смыслъ ея тайный,
 Тѣмъ ощутительнѣй будетъ и ужасъ внушаемый ею!“...

Въ эту минуту предъ нимъ, съ лицомъ недовольнымъ
 и мрачнымъ,

Вдругъ появилась Дивара и молча ему поклонилась.
 Онъ посмотрѣлъ на нее и спросилъ: „Что съ тобою, Ди-
 вара?

Что ты такъ мрачно глядишь? Тебѣ быть веселой бы
 должно,

Чтобы разсѣять меня. Возьми, какъ бывало, теорбу:
 Пусть ея звуки расторгнутъ тоску моею тяжкія узы!“

Но она молча и мрачно въ отвѣтъ потрясла головою.
 Онъ продолжалъ недовольный: „Дивара! теперь ты вла-
 дѣешь

Всѣмъ что желалось тебѣ: ты теперь королева въ Сионѣ.
 Чѣмъ же еще недовольна? Чего пожелать еще можешь?“

„Ты презираешь меня!—отвѣчала она,—ты Дивару
 Сдѣлалъ подругой своею на тронѣ, въ видѣмъ королевскимъ
 Голову ей увѣнчалъ, воздаешь ей почетъ королевскій,
 Но презираешь жену: для тебя я чужда, какъ и прежде,
 Чуждо мнѣ ложе твое... Какъ снести мнѣ такое презрѣнье?“

Янъ ей отвѣтилъ: „Ты мнѣ говорила что волею рока
 Ты по рожденью, по мужеству духа, по мыслямъ высокимъ—
 Быть королевой должна; но въ какомъ изъ созвѣздій на-
 шла ты

Вѣсть что и сердцемъ моимъ тебѣ суждено обладанье?“

Краскою гнѣва покрылись ланиты надменной Дивары,
 Вспыхнули очи какимъ-то зеленымъ огнемъ, и съ усмѣшкой
 Яну сказала она: „Въ какомъ изъ созвѣздій нашла я

Сердцемъ твоимъ обладаешь? Въ томъ самомъ которое
съ неба

Въ ночь ту сіяло, когда у каскада ты принялъ крещенье.
Въ мигъ тотъ, когда вы стояли при свѣтѣ луны на утесѣ
И поклялись основать на землѣ благодатное царство
Истинны и чистоты, тогда я въ глубинѣ у подошвы
Той же скалы поклялась что достигну желаемой цѣли.
Развѣ до вашихъ ушей не достигъ въ ту минуту мой
хохотъ?

Впрочемъ, въ священномъ восторгѣ вы вѣрно его не
слыхали.“

Такъ говорила она и ея угрожающій образъ
Вдругъ будто выросъ предъ нимъ. Но вотъ снова она
принимаетъ

Видъ обольстительный свой: на пурпурныхъ устахъ за-
играла

Снова улыбка пріятная, зубы сверкнули какъ жемчугъ,
Къ Яну она подошла и обвивъ его шею рукою,
Нѣжно сказала ему: „Для чего вопрошать тебѣ звѣзды,
Милый герой? неужели моей ты боишься угрозы?

Нѣтъ! ты боишься другаго: боишься любви моей пылкой!“

Янъ улыбнулся въ отвѣтъ и, какъ будто въ раздумьѣ,
промолвилъ:

„Дочь бродячаго племени! ты о любви говоришь мнѣ!
Знаешь ли ты это чувство? скажи мнѣ, и могутъ ли эти
Знойныя, черныя очи горѣть настоящей любовью?

Иль это похоть одна? Половину сокровищъ Сіона
Я бы тому подарилъ, кто мнѣ этотъ вопросъ разрѣшилъ бы.

Самъ я понять не могу, отчего такъ мой духъ завивается

Эта загадка. Клянусь что всѣ тайны подземнаго міра,

И недоступной морской глубины, и небснаго свода

Менѣ манятъ меня, чѣмъ души твоей тайны, Дивара!

Право, я былъ бы готовъ поступить и съ тобою какъ
древле

Рима тиранъ поступилъ со своею прелестной рабыней:

Онъ, уловивъ виномъ и лылая безумной любовью,

Вскрыть ея грудь приказалъ чтобъ увѣриться, есть ли въ
ней сердце!—

Прочь эти мысли!—Послушай, Дивара, возьми-ка теорбу

И усыли во мнѣ звуками думу объ этой'загадкѣ!“

Онъ ее за руку взялъ. Но она отвѣчала съ улыбкой:

„Помнишь ли ночь ты, когда у костра мы сидѣли на стражѣ?
Помнишь ли, какъ оттокнувъ отъ себя ты съ холоднымъ пре-
зрѣваемъ

Голову женщины спящей?“ И съ этимъ отвѣтомъ проворно,
Точно змѣя, ускользнувъ отъ него, она удалилась.

Краской стыда и досады лицо короля заливалось.

„Вотъ до чего ужь дошло!—сказалъ онъ себѣ недовольный:
Сила ея демоническихъ глазъ и игра на теорбѣ

Сердце олутали мнѣ до того что меня раздражаетъ
Эта холодность ея и притворная скромность! Уже ли
Та, для которой въ душѣ моей только презрѣнье осталось,
Можетъ меня побѣдить? Вѣдь она никогда не могла бы
Счастье такое мнѣ дать, какое дала бы мнѣ Гилла!

Нѣтъ, только мучить меня и смущать эта женщина мо-
жетъ!—

Иль эти адскія силы, сгубивши цвѣтъ юный Сіона,
Нынѣ меня самого на рѣшительный бой вызываютъ?
Что жь? я бороться готовъ! мнѣ нисколько не страшны
ихъ козни!

Я слѣшкомъ силенъ и гордъ чтобъ локорно носить ихъ
оковы!—

Но этой женщиной я отомщу за мое униженье!

Пусть неприступной и гордой себя предо мной она ка-
жетъ,—

Я ее снова смирю! О, Дивара! пусть снова начнется
Та роковая борьба что возникла давно между нами,
И ты увидишь сама что соперникъ твой лодовъ отваги!
Скрою глубоко въ груди своей всякое нѣжное чувство;
Пусть противъ гордой жены, посмѣявшейся такъ надо
мною,

Будеть служить мнѣ оружіемъ—маска насмѣшки холод-
ной!“

Въ эту минуту вернулась Дивара, и Янъ, улыбаясь,
Къ ней обратился съ вопросомъ: „Одумался дикій мой ле-
бедь?

Видно рѣшился утѣшить мнѣ сердце своею игрою?“

„Самъ ты одумался видно,—сказала съ усмѣшкой Ди-
вара,—

И мнѣ отдашь наконецъ, чѣмъ владѣть мнѣ назначено
свыше?“

Такъ издѣвались взаимно Дивара и Янъ. Въ это

Въ залу дворца къ королю явилось посольство: то были
 Жены Сіона, желавшія съ просьбой къ нему обратиться.
 Явѣ ихъ привѣтливо приваля. Тутъ были и юныя жены,
 И пожилая матроны. Изъ пестраго сонма ихъ вышла
 Рослая, стройная женщина, смѣлая, съ бойкою рѣчью
 И, подойдя къ королю, сказала ему поклонившись:
 „Выслушай насъ, государь! Собраніе гражданъ Сіона
 Голоса намъ не даетъ: такъ поѣтому мы и рѣшились
 Нынѣ явиться къ тебѣ, повелитель Сіона, и прямо
 Высказать все предъ тобой что на сердцѣ у насъ наку-

лѣло,

Высказать мнѣніе наше о новыхъ условіяхъ брака.
 О, государь! уничтожь эту гнусность! она намъ противна!
 Мы проклинаемъ ея! съ отвращеньемъ глубокимъ мы ви-

димъ

Что христіане мушны живутъ какъ поганые Турки
 Съ многими женами вдругъ.... Запрети, уничтожь эту га-
 дость!

Мы жениховъ и мужей своихъ нѣжно любили, теперь же
 Мы ненавидѣтъ ихъ стали, готовы въ глаза имъ вцѣ-
 литься.

Только любовь за любовь, только вѣрность за вѣрность
 дается.

Собственность мужа—жена; но и она ея собственность
 также!

Вы о свободѣ кричите и всѣмъ вы даете свободу;
 Но для чего же хотите вы женщину сдѣлать рабою?
 Вы лишь хотите отъ насъ, чтобъ дѣтей мы вамъ больше
 рожали,

Вы теперь ищете въ насъ не сердечной любви, а при-
 лода;

Но правосудное небо отомститъ вамъ за насъ и накажетъ
 Грѣшное ваше безумство, лишивъ васъ семейнаго счастья!
 Вы на библейскихъ отцовъ указываете: на Авраама,
 Многихъ имѣвшаго женъ; но мы Библию тоже читали,
 Знаемъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ страдали несчастныя
 жены.

Видимъ Агари примѣръ, которая съ сыномъ малюткой
 Въ дикой пустынѣ скиталась, гдѣ мужъ ее бросилъ суро-
 вый...

Нѣтъ, не хотимъ подчиняться мы этимъ библейскимъ уставамъ!

Правъ не уступимъ своихъ, пока языкомъ мы владѣемъ!“

„Нѣтъ, мы терпѣть не хотимъ увиженья, вдругъ
вставила слово,

Выступивъ смѣло впередъ, одна пожилая гражданка:—

Я двадцать лѣтъ жила съ мужемъ въ яду, а теперь онъ
находитъ

Что для него не гожусь я! А я и свѣжа, и здорова,

Даже свѣжѣй и виднѣй, чѣмъ когда выходила я замужъ.

Что же тогда и была я? дрянная, худая дѣвчонка!

А вотъ теперь онъ меня промѣнялъ на какую-то куклу,

Въ домъ ее ввелъ какъ жену и правами равняетъ со мною!

Нѣтъ! это сверхъ нашихъ силъ; мы терпѣть не намѣрены
долтъ!“

Такъ говорила гражданка, за нею одна изъ юнѣй-
шихъ

Женщинъ сказала: „Для васъ, ужъ пожиршихъ не мало на
свѣтѣ,

Адскія муки души едва ли чувствительны столько,

Сколько для насъ, молодыхъ. Насъ насильно берутъ и при-
водятъ

Къ мужу въ чужое семейство, гдѣ старшая правитъ хо-
зяйка,—

И отъ нея мы встрѣчаемъ упреки, и брань, и гоненье;

Мужа привѣтливый взглядъ возбуждаетъ въ васъ ревность
и злобу;

Многимъ изъ насъ и лобомъ отъ васъ достаются, и мужа,

Какъ бы онъ ни былъ хорошъ, мы любить не должны и
не смѣемъ,

Еслибы даже хотѣли! Такъ это ли радости брака?“

Выслушавъ жалобы ихъ, Янъ отвѣтилъ съ лукавой
улыбкой:

„Сколько я могъ васъ понять,—ваше сердце лишь ревность
терзаетъ:

Каждая хочетъ изъ васъ обладать для одной себя мужемъ,

А не дѣлиться съ другою. Но можетъ ли мужъ, обладая

Только одною женою, на вѣрность ея положитьсь?

Зная и вѣря что мужъ безраздѣльно одну только любитъ,

Что ей соперницы нѣтъ,—она сердцемъ къ нему холодѣетъ;

Но постоянная ревность, тревога и зависть, волнуетъ

г. снпн.

Женское сердце, питаютъ въ немъ жаръ и любовь возбу-
ждаютъ.

Эта тревога ее заставляетъ быть ласковой къ мужу,
Чтобъ его сердце привлечь, а не мучить его, оскорбляя
То равнодушія видомъ, то вспышкой негѣлой калриза.
Такъ подчинитесь уставу, а если вамъ это противно,
То обратитесь къ тому кто теперь самовластень въ Сионъ.“

Такъ говорилъ имъ король. Въ это время изъ сонма
смущенныхъ

Вышла прелестная женщина, пышная, стройная ставомъ,
Съ цвѣтомъ лилейнымъ лица и съ волнами волосъ золо-
тистыхъ.

Голосомъ тихимъ, дрожащимъ, съ румянцемъ стыда на
лавитахъ,

Яну сказала она: „Государь! если просьбу замужнихъ
Внѣ твоей власти исполнить, то мы, не замужнія, моимъ
Милость твою окажи намъ: веди чтобы насъ не тѣснили,
Не принуждали къ замужству, которое сердцу противно.
Выборъ свободный дозволяемъ намъ, по чувству любви, по
влеченью!“

Вотъ я о чемъ, государь, умоляю тебя! По рожденью
Рода высокаго я и донынѣ въ довольствѣ и вѣгѣ
Въ домѣ каноника-дяди жила я, зѣницей ока
Тамъ для него я была и онъ взялъ меня въ лагерь съ собою.
Но роковое влеченье томило меня: я стремилась
Въ градъ осажденный проникнуть и ночью бѣжала изъ
стана,

Нѣсколько дней лишь тому.... ахъ! меня заманилъ сюда
образъ,

Сердце лѣвившій мое... Оттого мнѣ теперь и противень
Каждый мущина иной... Государь! умоляю: позволь мнѣ
Здѣсь въ тишинѣ оставаться свободной гражданкой Сиона!
Я удовольствуюсь тѣмъ что хоть издали буду порою
Видѣть того кто мнѣ дорогъ, пока онъ меня не замѣ-
титъ!“

Такъ говорила красавица. Янъ, удивленный при-
знаемъ,

Пристальный взоръ устремилъ на нее и спросилъ ее:
„Кто ты,

Дѣва, скажи мнѣ, и кто твоимъ сердцемъ избранный въ
Сионъ?“

Думаю что и тебѣ покорить его сердце не трудно.“

Вспыхнула дѣва въ смущеньѣ и, очи потуливъ, сказа-
зала:

„Я—Габріэла фонъ-Отвицъ; герой мое сердце лѣтнвшій,
Прежде чѣмъ я увидала его, для котораго, бросивъ
Дядю и лагерь епископа, тайно сюда я бѣжала,
Это—ты самъ, государь! О, прости мнѣ мое увлеченье!“

Всѣхъ изумили слова Габріэла фонъ-Отвицъ. Въ
раздумьѣ

Янъ посмотрѣлъ на нее и внезапно въ немъ мысль пробу-
дилась:

„Я отомстить ей поклялся,—сказалъ онъ себѣ,—за ко-
варство,

За оскорбленье, которое я потерпѣлъ отъ надменной:

Вижу, не трювъ лишь одинъ раздѣлять она хочетъ со
мною,—

Хочетъ супружескихъ правъ, чтобъ меня подчинить своей
волѣ.

Ну, хорошо, мы посмотримъ. Довольна ли будетъ Дивара,
Если и я, исполняя Сіона уставъ, изъ красавицъ

Выберу нѣсколько женъ и дамъ имъ съ ней равное право.“

И, обратясь къ Габріэлу, сказалъ ей съ пріятной улыбкой:

„Что опустела глаза? подними ихъ прелестная дѣва!

Знай что не даромъ судьба ко мнѣ привела тебя нынѣ:

Самъ я рѣшился избрать изъ сойма дѣвъ юныхъ Сіона

Нѣсколько женъ, чтобъ онѣ королевами были въ Сіонѣ,

Чтобъ со вдовою пророка онѣ всѣ права раздѣляли;

Ты же изъ нихъ, о, прелестная, будешь мнѣ самою близкой!

И мнѣ пріятно теперь что въ этомъ собраньѣ прекрасныхъ

Вижу я много такихъ что не связаны узамъ брака

И по своей красотѣ достойны вѣнца и престола.“

Все это слышитъ Дивара; она поняла его мысли

И какъ стрѣлой ядовитой пронзила его своимъ взоромъ.

Но предстоящія дѣвы съ бичіемъ сердца внимали

Яна словамъ, даже тѣ которыя такъ осуждали

Новый обычай Сіона, мушкетъ проклиная съ презрѣньемъ,

Стали теперь помышлять, какъ привлечь имъ вниманье и
ласку

Этого дивааго юноши, столь дорогаго ихъ сердцу,

Общаго идола ихъ. И улыбки, и нѣжные взгляды

Всѣ обратили къ нему, съ любовью, со сладкой надеждой:

Каждой хотѣлось изъ нихъ пріобрѣсть его руку и сердце.
Взоромъ внимательнымъ Янъ озираетъ красавицъ Сіона
И избираетъ изъ нихъ двухъ прелестныхъ сестеръ, изъ
которыхъ

Старшая видомъ была какъ разцвѣтшая пышная роза,
Стройная, станомъ высокая, съ томнымъ чарующимъ взоромъ,

Младшая жь—въ первой весѣ, какъ цвѣтокъ лишь недавно разцвѣтшій,

Съ блѣдностью нѣжной лица, но съ глазами горящими страстью.

Янъ узнаетъ что онъ обдѣлѣвшаго знатнаго рода,
Что сироты онъ обѣ, что старшая, бросивъ обитель,
Гдѣ она долго монахиней Богу служила, вернулась
Въ свѣтъ, увлеченная новымъ, дремавшимъ въ груди ея
чувствомъ,

Но пробудившимся вдругъ и всей силой ее охватившимъ.

Младшая—Эльза была беззаботна, игрива, тщеславна;

Сердце свое лишь недавно она жениху подарила,

Нынѣ-жь, польщенная тѣмъ что ее удостоилъ избравшемъ

Въ жены Сіона король молодой и прекрасный, шалунья

Клятвы свои жениху позабыла, прельстившись короной.

Янъ, принимая съ намѣреньемъ видъ беззаботно веселый,

Чтобы сильнѣй уязвить самолюбіе гордой Дивары,

Къ избраннымъ тремъ обратившись, спросилъ ихъ съ
улыбкой: „Скажите

Прямо, при всѣхъ, вы согласны ль принять добровольно
избранье?“

И, когда всѣ подтвердили съ сіяющимъ радостью взоромъ,

Онъ продолжалъ: „Такъ подите, а завтра герольдъ всенародно

Волю объявить мою что вы вмѣстѣ съ Диварой займете

Тронъ королевскій и васъ съ надлежащимъ почетомъ и
свитой

Завтра введутъ во дворецъ мой въ богатомъ вѣнчалномъ
убрѣ.“

Такъ отпустилъ онъ собраніе женъ и онъ удалились
Съ чувствомъ досады одна и съ сердечнымъ восторгомъ
другія.

Янъ обратился тогда съ лукавой усмѣшкой къ Диварѣ.

„Ну, отчего же,—спросилъ онъ,—все сумраченъ дикій мой
лебедь?“

Или тебѣ неприятна блестящая новая свита
Первыхъ красавицъ Сіона, подругъ твоихъ избранныхъ
мною?

Я вѣдъ и самъ недоволенъ обычаемъ новымъ Сіона,
Но его требуетъ воля народа и я подчиняюсь.
Да почему же и мнѣ, послѣ всѣхъ неудачъ и лишеній,
Не поискать утѣшенія въ обществѣ милыхъ красавицъ?
Я поступаю какъ тотъ у котораго домъ загорѣлся
И онъ, спасая его, и хлопочеть, и бьется; но видя
Что его трудъ ужъ напрасенъ, рѣшился у пламени грѣться.“
Такъ издѣвался король надъ Диварой, стараясь боль-

нѣ

Сердце ея уязвить, и она ему молча внимала;
Но на лицѣ ея блѣдномъ всѣ муки страстей отразились,
Сердце волнующихъ ей, и глаза ея грозно сверкнули
Тѣмъ же зеленымъ огнемъ, какъ у той раздраженной ехидны,
Что на тропикѣхъ лѣсной передъ Яномъ въ лескѣ извивалась
Въ Давертѣ мрачномъ, когда онъ впервые увидѣлъ Дивару
Но лишь ушелъ онъ, какъ вновь измѣнились черты ча.
родѣйки:

Снова на нихъ появилась улыбка презрѣнья, и гордо
Голову вскинувъ, она прошептала: „Кичись, дерзновенный!
Смѣйся теперь надо мною, но я тебя крѣпко связала
И не удастся тебѣ мои тайныя чары осилить,
Чары, которыми я еще въ Даверта темной труппой
Волю овязала твою при сбираниѣ лѣсной земляники!
Эти красивыя куклы съ румянцемъ ихъ рожницъ смазливыхъ
И даже делеть любовный племянницы бѣглою прелата
Не помѣшаютъ свершиться побѣдѣ моей надъ тобою
И не удержатъ Сіонъ отъ лапавья предъ новою силой.
Да, ужъ оно началось: ужъ мой духъ воцарился въ Сіонѣ!
Я и дружина мнѣ вѣрныхъ господствуютъ здѣсь; я свершила
Ужъ половину побѣды,—я, мести обѣтъ исполняя,
Цѣли моей достигаю: явила себя героиней,
Царскіи вѣнецъ получила; теперь мнѣ одно лишь оста-

лось:—

Право жемы пріобрѣсть и, стропливаго юноши волю
Власти своей подчинивъ, стать владычицей полной въ
Сіонѣ!“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

КНИГА СЕДЬМАЯ

А Л Е Ш А

1.

Тлетворный духъ.

Тѣло усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ погребенію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и схимниковъ, какъ извѣстно, не омываютъ. „Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ), то учивенный монахъ (то-есть для сего назначенный) отираетъ тѣло его теплою водою, творя прежде губою (то-есть греческою губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ и на ногахъ и на колѣнахъ, вѣще же ничтоже.“ Все это и исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ отиранія одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантию; для чего по правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее чтобъ обвить крестообразно. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крестомъ. Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ же усопшаго закрыли чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спасителя. Въ такомъ видѣ къ утру переложили его во гробъ (уже прежде давно заготовленный). Гробъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5 и 8.

же вознамѣрились оставить въ кельи (въ первой большой комнатѣ, въ той самой въ которой покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на весь день. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахомъ, то надъ нимъ слѣдовало іеромонахамъ же и іеродіаконамъ читать не Псалтирь а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ послѣ лавнахиды, отецъ Іосифъ; отецъ же Паисій, самъ пожелавшій читать потомъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень занятъ и озабоченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо вдругъ стало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, и въ монастырской братіи и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ гостиницъ и изъ города толпами мірскихъ вѣчто необычайное, какое-то неслыханное и „нелодобающее“ даже волненіе и нетерпѣливое ожиданіе. И настоятель и отецъ Паисій прилагали всѣ старанія по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободяло, то изъ города начали прибывать вѣкоторые даже такіе кони захватили съ собою больныхъ своихъ, особенно дѣтей,—точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уловая на немедленную силу исцѣленія, какая, по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И вотъ тутъ только обнаружилось до какой степени всѣ у насъ приобыкли считать усопшаго старца еще при жизни его за несомнѣннаго и великаго святаго. И между прибывающими были далеко не изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе вѣрующихъ, столь послѣшво и обнаженно выказываемое и даже съ нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу Паисію несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго имъ предчувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ его ожиданія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ инокѣвъ отецъ Паисій сталъ даже выговаривать имъ: „Такое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго“, говорилъ онъ, „есть легкомысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ же нелодобающее“. Но его мало слушали, и отецъ Паисій съ безпокойствомъ замѣчалъ это, несмотря на то что даже и самъ (если ужъ все вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того же чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно неприятны были иныя встрѣчи,

возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предчувствію, большія сомнѣнія. Въ тѣснѣвшейся въ кельи усолнаго толпѣ замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за которое самъ себя тутъ же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ракитина, или далекаго гостя обдорскаго цюка, все еще пребывавшаго въ монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-то счелъ подозрительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣтить въ этомъ же смыслѣ. Цюкъ обдорскій изъ всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суевающимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шелтаася съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ. Выраженіе же лица имѣлъ самое нетерпѣливое и какъ бы уже раздраженное тѣмъ что, ожидаемое столь долго не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ оказалось потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому порученію госпожи Хохаковой. Сія добрая, но безхарактерная жевщина, которая сама не могла быть долущена въ скитѣ, чуть лишь проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ прониклась столь стремительнымъ любопытствомъ что немедленно отрядила вмѣсто себя въ скитѣ Ракитина, съ тѣмъ чтобы тотъ все наблюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно въ каждые полчаса, о *всемъ что произойдетъ*. Ракитина же считала она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго человѣка—до того онъ умѣлъ со всѣми обойтись и каждому представиться сообразно съ желаніемъ того, если только усматривалъ въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный и свѣтлый и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились около скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма, равно какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитѣ отецъ Паисій вдругъ вспоминалъ объ Алешѣ и о томъ что давно онъ его не видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ о немъ какъ тотчасъ же и примѣтилъ его въ самомъ отдаленномъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ одного древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ цюка. Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и какъ бы прятался за памятникъ. Подойдя влоть отецъ Паисій увидѣлъ что онъ закрывъ обѣими ладонями лицо, хотя и безгласно но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ рыданій. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.

— Полаю, сыне милый, полагаю другъ, почувствованаю произнесъ онъ наконецъ,—чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь что сей день есть величайшій изъ дней *его*? Гдѣ онъ теперь, въ минуту сію, вслѣдствіи-ка лишь о томъ!

Алеша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ слезъ какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ же, ни слова не вымолвивъ, отвернувся и снова закрылся обѣими ладонями.

— А пожалуй что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдумчиво,—пожалуй и плачь, Христось тебѣ эти слезы послалъ. „Умилительныя слезки твои лишь отдыхъ душевный и къ веселію сердца твоего милаго послужать“, прибавилъ онъ уже про себя, отходя отъ Алеши и любовью о немъ думая. Отосеялъ онъ впрочемъ поскорѣе ибо почувствовалъ что и самъ пожалуй глядя на него заплачетъ. Время между тѣмъ шло, монастырскія службы и панихиды по усопшемъ продолжались въ порядкѣ. Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца Иосифа у гроба и снова прервалъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло и трехъ часовъ полудни какъ совершилось нѣчто, о чемъ упоминалъ я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того важнѣе у насъ неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему улованію что, повторяю, подробная и суетная повѣсть о семъ происшествіи даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостію воспоминается въ нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ, прибавляю еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоминать объ этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущности же самомъ пустомъ и естественномъ, и я конечно выпустилъ бы его въ разказѣ моемъ вовсе безъ уломиновенія, еслибы не повѣяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на душу и сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разказа моего, Алеши, составивъ въ душѣ его какъ бы переломъ и переворотъ, потрясшій но и укрѣпившій его разумъ уже окончательно, на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ къ разказу: Когда еще до свѣту положили уготованное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его въ первую, бывшую пріемную комнату, то возникъ было между находившимися у гроба вопросъ: надо ли отворить въ комнатѣ окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимоходомъ и мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ,—развѣ лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкто-

рше изъ присутствующихъ лишь въ томъ смыслѣ что ожиданіе тѣвня и тлетворнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая неаѣльность, достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), относительно малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопреку сей. Ибо ждали совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости послѣ полудня началось нѣчто, сначала принимаемое входившими и выходившими лишь молча и про себя, и даже съ видимою боязнью каждого сообщить кому-либо начинающуюся мысль свою, но къ тремъ часамъ полудни обнаружившееся уже столь ясно и неопровержимо что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло весь скитъ и всѣхъ богомольцевъ-посѣтителей скита, тотчасъ же провикло и въ монастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, а наконецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и взволновало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ. Невѣрующіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись иныя изъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрующихъ, ибо „любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его“, какъ изрекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій своихъ. Дѣло въ томъ что отъ гроба сталъ исходить мало-по-малу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, къ тремъ же часамъ полудни уже слышкомъ явственно обнаружившійся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не бывало и даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнuzданнаго, а въ другомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой обнаружился тотчасъ же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими даже иноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иныя разумныя иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробности, удивлялись и ужасались тому какому это образомъ соблазнъ могъ достигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случалось что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коихъ была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между тѣмъ и отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, естественно какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе не производило же соблазна и даже малѣйшаго какого-либо волненія. Конечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, воспоминаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ и останки коихъ, по преданію, не обнаружили тѣвня, что уми-

лительно и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ памяти ея какъ нѣчто благолѣливое и чудесное и какъ обѣтованіе въ будущемъ еще бѣльшей славы отъ ихъ гробницъ, если только волею Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно сохранялась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, знаменитомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, преставившемся уже давно, еще въ десятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, таинственно упоминая при семъ о нѣкихъ великихъ надеждахъ. (Это та самая могила на которой отецъ Паисій засталъ утромъ сидящимъ Алешу.) Кроме сего древле-почившаго старца жива была таковая же память и о преставившемся сравнительно уже недавно великомъ отцѣ іеросхимонахѣ, старцѣ Варсанофій,— томъ самомъ отъ котораго отецъ Зосима и привалъ старчество и котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь богомольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохранялось въ преданіи что лежали они въ гробахъ своихъ какъ живые и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже лица ихъ какъ бы просвѣтляли въ гробу. А нѣкіе такъ даже вспоминали настоятельно что отъ тѣлесъ ихъ осязалось явственно благоуханіе. Но несмотря даже и на столь внушительныя воспоминанія сіи, все же трудно было бы объяснить ту прямую причину по которой у гроба старца Зосимы могло произойти столь легкомысленное, нелѣпое и и злобное явленіе. Что до меня лично, то полагаю что тутъ одновременно сошлось и много другаго, много разныхъ причинъ заодно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, напримѣръ, была даже самая эта закоренѣлая вражда къ старчеству, какъ къ зловредному новшеству, глубоко таившаяся въ монастырѣ въ умахъ еще многихъ цвоковъ. А потомъ, конечно, и главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сильно установившейся при жизни его что и возражать какъ будто было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекалъ къ себѣ многихъ, и не столько чудесами сколько любовью, и воздвигъ кругомъ себя какъ бы цѣлый міръ его любящихъ, тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ же самымъ породилъ къ себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и ожесточенныхъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ, и не только между монастырскими, но даже и между свѣтскими. Никому-то,

напримѣръ, онъ не сдѣлалъ вреда, но вотъ: „Зачѣмъ де его считаютъ столь святымъ?“ И одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породилъ наконецъ цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ почему и думаю я что многіе, засышавъ тлетворный духъ отъ тѣла его, да еще въ такой скорости,—ибо не прошло еще и дня со смерти его,—были безмѣрно обрадованы; равно какъ изъ преданныхъ старцу и доселѣ чтившихъ его нашихъ тотчасъ же таковыя чѣты были симъ событіемъ чуть не оскорблены и обижены лично. Постепенность же дѣла происходила слѣдующимъ образомъ.

Лишь только начало обнаруживаться тѣніе, то уже по одному виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ можно было заключить зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго и выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, толпою ожидающимъ извѣстїя. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали главами, но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, явно сіявшей въ ослабленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не укорялъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что было даже и чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ монастырѣ все же большинство; но ужъ такъ видно самъ Господь допустилъ чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келью такими же соглядатаями и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простаго же народу входило мало, хотя и столпилось много его у вратъ скитскихъ. Несомнѣнно то что именно послѣ трехъ часовъ приливъ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно вслѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ кои бы можетъ и не прибыли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь нарочно прїѣхали, между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ бы не замѣчая совершавшагося, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но вотъ и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. „Знать судъ-то Божій не то что человѣческій!“ засышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вымоавилъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, человекъ уже пожилой и сколь извѣстно было о немъ весьма набожный, но вымоавивъ вслухъ повторилъ лишь то что уже давно промежъ себя повторяли иноки другъ

другу на ухо. Тѣ давно уже вымогали сіе безнадежное слово, и хуже всего было то что съ каждою почти минутою обнаруживалось и возрастало при этомъ словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ однако и самое даже благочиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали себя въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. „И почему бы сіе могло случиться“, говорили нѣкоторые изъ иноковъ сначала какъ бы и сожалѣя,—„тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ костямъ присохшее, откуда бы тутъ духу быть?“ „Значить нарочно хотѣлъ Богъ указать“, послѣшню прибавляли другіе и мнѣніе ихъ принималось безспорно и тотчасъ же, ибо опять-таки указывали что еслибъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усолшаго грѣшнаго, то все же изомель бы поздаѣе, не съ такою столь явною послѣшностью, по крайности чрезъ сутки бы, а „этотъ естество предупредилъ“, стало-быть тутъ никто какъ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе сіе поражаемо неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ, бібліотекаръ, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать нѣкоторымъ изъ злословниковъ что „не вездѣ вѣдь это и такъ“ и что не догмать же какой въ православіи сія необходимость нетлѣвія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ самыхъ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ напримѣръ, духомъ тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣвіе тѣлесное считается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежать уже многіе годы въ землѣ и даже устаѣютъ въ ней, „и если обряжутся кости желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ что прославилъ Господь усолшаго праведнаго; если же не желты, а черны обряжутся, то значить не удостоилъ такого Господь славы,—вотъ какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушимо и въ свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе“, заключилъ отецъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ внушенія и даже вызвали отпоръ насмѣшливый: „это все ученость и новшества, нечего и слушать“—порѣшили про себя иноки. „У насъ по старому; мало ли новшества теперь выходить, всѣмъ и подражать?“ прибавляли другіе. „У насъ не менѣе ихняго святыхъ отцовъ было. Они тѣмъ подѣ Туркой сидятъ и все перезабыли. У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ у нихъ нѣтъ“, присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосифъ отошелъ съ горестію, тѣмъ болѣе что и самъ-то

высказалъ свое мнѣніе не весьма твердо, а какъ бы и самъ ему мало вѣруя. Но со смущеніемъ проводилъ что начинается вѣчто очень неблаговидное и что возвышаетъ главу даже самое непослушаніе. Мало-по-малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ голоса разсудительныя. И какъ-то такъ сошлось что всѣ любившіе покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ принимавшіе установленіе старчества страшно чего-то вдругъ испугались и встрѣчаясь другъ съ другомъ робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Враги же старчества, яко новшества, гордо подняли голову. „Отъ покойнаго старца Варсонофія не только духу не было, но точилось благоуханіе“, злорадно напоминали они, „но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ что и самъ праведенъ былъ.“ А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося старца посылались уже осужденія и самыя даже обвиненія: „неоправедливо училъ; училъ что жизнь есть великая радость, а не смиреніе слезное“, говорили одни, изъ наиболѣе безтолковыхъ. „По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не признавалъ“—присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣ. „Къ посту былъ не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, вареніе вишневое ѣлъ съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику ли чай расливать?“ слышалось отъ иныхъ завистующихъ. „Возгордась сидѣлъ, съ жестокостью припоминали самыя злорадныя, за святаго себя почиталъ, на колѣнѣки предъ нимъ повергались, яко должное ему являвалъ.“ „Таинствомъ исповѣди злоупотреблялъ“, злобнымъ шепотомъ прибавляли самыя ярые противники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и суровыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчаливниковъ, замолчавшихъ при жизни усолшаго, но вдругъ теперь отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно вліяли словеса ихъ на молодыхъ и еще не установившихся иноковъ. Весьма выслушивалъ все сіе и обдорскій гость монашекъ отъ святаго Сильвестра, глубоко вздыхая и покивая главою: „Нѣтъ, видно отецъ-то Ферапонтъ справедливо вчера судилъ“, подумывалъ онъ про себя, а тутъ какъ-разъ и показался отецъ Ферапонтъ; какъ бы именно чтобы усугубить потрясеніе вышелъ.

Упомянувъ уже я прежде что выходилъ онъ изъ своей деревянной келіи на ласкѣхъ рѣдко, даже въ церковь по долгу не являлся и что получали ему это якобы юродивому, не

связывая его правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то получалось ему все сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо стоить великаго постника и молчальника, дни и ночи молящагося (даже и засыпая на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже и зазорно было действительно обременять общимъ уставомъ, если онъ самъ не хотѣлъ подчиниться. Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и исповнуетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу—"сказали бы тогда иноки, „а что въ церковь не ходитъ, то значить самъ знаетъ когда ему ходить, у него свой уставъ.“ Ради сего-то вѣроятнаго ропота и соблазна и оставляли отца Ферапонта въ покоѣ. Старца Зосиму, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Ферапонтъ чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келью донеслась вдругъ вѣсть о томъ что „судъ-то Божій значить не тотъ что у человѣковъ и что естество даже предупредилъ“. Надо полагать что изъ первыхъ сбѣгалъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и во ужасѣ отъ него вчера отшедшій. Упомянулъ я тоже что отецъ Паисій, твердо и неизменно стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать и видѣть что происходило въ кельи, но въ сердцѣ своемъ все главное безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Смущенъ же не былъ, а ожидалъ всего что еще могло произойти безъ страха, пронзающимъ взглядомъ слѣдя за будущимъ исходомъ волненія уже представлявшимся умственному взору его. Какъ вдругъ необычайный и уже явно нарушавшій благочиніе шумъ въ снѣгахъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась настежь и на порогѣ показался отецъ Ферапонтъ. За нимъ, какъ примѣчалось, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось внизу у крылечка много монаховъ сопровождавшихъ его, а между ними и свѣтскихъ. Сопровождавшіе однако не вошли и на крылечко не подвинулись, но остановясь ждали что скажетъ и сдѣлаетъ отецъ Ферапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, несмотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ онъ не даромъ. Остановясь на порогѣ отецъ Ферапонтъ воздѣлъ руки и изъ-подъ правой руки его выглянули острые и любопытные глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взбѣжавшаго во слѣдъ отцу Ферапонту по лѣсенкѣ изъ-за преевликаго своего любопытства. Прочіе же кромѣ него, только что съ шумомъ отворилась настежь дверь, напротивъ потѣснились

еще боѣе назадъ отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ отецъ Ѳералонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ же началъ, обращаясь во всѣ четыре стороны попеременно, крестить стѣны и всѣ четыре угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ѳералонта тотчасъ же повяли сопровождавшіе его; ибо знали что и всегда такъ дѣлалъ куда ни входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ прежде чѣмъ не изгонить нечистую силу.

— Сатана изыди, сатана изыди! повторялъ онъ съ каждымъ крестомъ. — Извергая извергну! возопилъ онъ олять. Былъ онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанной вервиемъ. Изъ-подъ лоскутной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая сѣдыми волосами. Ноги же совсѣмъ были босы. Какъ только сталъ онъ махать руками, стали сотрастаться и звенѣть жестокія вериги которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ Паисій прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ въ ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочиніе нарушаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговорилъ онъ наконецъ строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како вѣруеши? прокричалъ отецъ Ѳералонтъ юродствуя, — притѣкъ здѣшнихъ вашихъ гостей изгонять, чертей логаныхъ. Смотрю много-ль ихъ безъ меня накопили. Вѣвникомъ ихъ березовымъ выметать хочу.

— Нечистаго изгоняешь, а можетъ самъ ему же и служишь, безбоязненно продолжалъ отецъ Паисій, — и кто про себя сказать можетъ: „святъ есть“? Не ты ли отче?

— Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхожу себѣ аки идолу локлоненіи! загремѣлъ отецъ Ѳералонтъ. — Нынѣ люди вѣру святую губять. Покойникъ, святой-то вашъ, — обернулся онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ, — чертей отвергалъ. Пурганду отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у васъ какъ пауки по угламъ. А днесъ и самъ проворялъ. Въ семь указаніе Господне великое видимъ.

А это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни отца Зосимы. Единому отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ и на яву представляться нечистая сила. Когда же онъ, въ величайшемъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посоветовалъ ему непрерывную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посоветовалъ, не оставляя поста

и молитвы, принять одного аѣкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ собой покивая главами,—лучше же всѣхъ отецъ Ѳералонтъ, которому тотчасъ же тогда послѣдили передать нѣкоторые хулители о семъ „необычайномъ“ въ такомъ особливомъ случаѣ распоряженіи старца.

— Изыди отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій,— не человекѣ судять, а Богъ. Можетъ здѣсь „указаніе“ видимъ такое, коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди отче и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

— Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и указаніе вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! не удамался расходившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣрь.—Канфетою прельщался, барыви ему въ карманахъ привозилъ, чаемъ сладобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наводная, а умъ помышленіемъ надменнымъ.... Посему и срамъ претерпѣлъ...

— Легкомысленны словеса твои отче! возвысилъ голосъ и отецъ Паисій,—посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непостоянный и младоумный. Изыди же отче, повелѣваю тебѣ, прогремѣвъ въ заключеніе отецъ Паисій.

— Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳералонтъ, какъ бы нѣсколько и смутившись, но не покидая озлобленія своего,—учевые вы! Отъ большого разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотевъ, а здѣсь что и зналъ забыть, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня маленькаго защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Отецъ Ѳералонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорючившись и приложивъ правую ладонь къ щекѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на гробъ усолшаго старца:

— Надъ нимъ завтра „Помощника и Покровителя“ станутъ лѣтъ—канонъ пресаавный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь „Кая житейская сладость“—стихирчикъ малый, * проговорилъ онъ слезно и сожалительно.—Возгорди-

* При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и послѣ отпѣванія, изъ церкви на каадбище) монаха и схимонаха, поются стихиры: „Кая житейская сладость....“ Если же почившій былъ іеросхимомомъ, то поютъ канонъ: „Помощникъ и Покровитель...“

лись и вознеслись, пусто мѣсто сіе! завопилъ онъ вдругъ какъ безумный и, махнувъ рукой, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенькамъ съ крылечка внизъ. Ождавшая внизу толпа заколебалась; чины лошаи за нимъ тотчасъ же, но чины замедлили, ибо келья все еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцомъ Фералонтомъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся старикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать онъ вдругъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздвѣя надъ собою обѣ руки и, — какъ бы кто подкосилъ его, — рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

— Мой Господь любѣдилъ! Христосъ любѣдилъ заходящу солнцу! неистово прокричалъ онъ воздвѣвая къ солнцу руки и павъ лицомъ ницъ на земаю, зарыдалъ въ голосъ какъ малое дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по землѣ руки. Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались восклицанія, отвѣтное рыданіе.... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! вотъ кто праведенъ! раздавались возгласы уже не боязненно, — вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибавляли другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ.... Самъ отвергнетъ.... не посаужитъ проклятому новшеству... не станетъ ихнимъ дурчествамъ подражать, тотчасъ же подхватили другіе голоса, и до чего бы это дошло трудно и представить себѣ, но какъ-разъ ударилъ въ ту минуту колоколь, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали креститься. Поднялся и отецъ Фералонтъ и ограждая себя крестнымъ знаменіемъ лошелъ къ своей кельѣ не оглядываясь, все еще продолжая восклицать, но уже вѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ потекли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало расходиться послѣдняя къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе отцу Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ онъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрустило и затосковало о чемъ-то особливо, и онъ почувствовалъ это. Онъ остановился и вдругъ спросилъ себя: „Отъ чего сія грусть моя даже до уладка духа?“ и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ же что сія внезапная грусть его происходитъ повидимому отъ самой малой и особливой причины: дѣло въ томъ что въ толпѣ, тѣснившейся сейчасъ у входа въ келью, запри- мѣтилъ онъ между прочими волнующимися и Адему, и вспло-

мнилъ онъ что увидавъ его тотчасъ же почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ бы вѣкую боль. „Да неужто же сей младый столь много значить вынѣ въ сердцѣ моемъ?“ вдругъ съ удивленіемъ спросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ бы послѣшая куда-то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какаа въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемена.

— Или и ты соблазвился? воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій,—да неужто же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ горестно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на отца Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ къ землѣ. Стоялъ же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда же послѣшаешь? Къ службѣ благовѣстать, спросилъ онъ вновь, но Алеша олатъ отвѣта не далъ.

— Ади изъ скита уходишь? Какъ же не спросясь-то, не благословясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно вскинулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того кому вѣрилъ его умирая бывший руководитель его, бывший владыка сердца и ума его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все полпрежнему безъ отвѣта, махнулъ рукой, какъ бы не забывая даже и о почтительности, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ вовъ изъ скита.

— Возвратись еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря во слѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

Отецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ что его „милый мальчикъ“ снова воротится, и даже можетъ-быть (хотя и не вполнѣ, но все же прозорливо) провикъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе признаюсь откровенно что самому мнѣ очень было бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой странной и

неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разказа. На горестный вопросъ отца Паусія, устремленный къ Алешѣ: „Или и ты съ маловѣрными?“—я, конечно, могъ бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: „Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными.“ Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно отъ того что онъ много вѣровалъ. Но смущеніе все же было, все же произошло и было столь мучительно что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считала этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если же спросить прямо: „Неужели же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойти лишь потому что тѣло его старца, вмѣсто того чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось напротивъ того раннему тѣвнiю“, — то отвѣчу на это не обинуясь: „Да, дѣйствительно было такъ.“ Попросилъ бы только читателя не слышать еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ же я не только не намѣренъ просить за него прощенья, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру его юнымъ возрастомъ, налримеръ, или малыми успѣхамивъ яроидевныхъ имъ прежде наукахъ и пр. и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія цной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тѣло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужъ, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ бы того что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ право почтѣннѣе поддаться цному увлеченію, хотя бы и неразумному, но все же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддаться ему. А въ юности тѣмъ лаче, ибо неблагонадеженъ слишкомъ ужъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна ему—вотъ мое мнѣніе! „Но,—воскликнуть тутъ, пожалуй, разумные люди,—нельзя же всякому юношѣ вѣровать въ такой предрасудокъ и вашъ юноша не указъ остальнымъ.“ На это я отвѣчу олять-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и нерушимо, но я все-таки не прошу за него прощенья.

Видите ли: хоть я и заявилъ выше (и можетъ-быть слишкомъ послѣшно) что объясняться, извиняться и оправдывать героя моего не стану, но вижу что нѣчто все же необходимо

уяснить для дальнѣйшаго пониманія разказа. Вотъ что скажу: тутъ не то чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ терпѣннн было тутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжденій какихъ-либо понадобилась тогда чудеса Алешѣ (это-то уже вовсе нѣтъ), не для идеи какой-либо прежней, предвзятой, которая бы восторжествовала поскорѣй надъ другою,—о нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ мѣстѣ стояло предъ нимъ лицо, и только лицо,—лицо возлюбленнаго старца его, лицо того праведника, котораго онъ до такого обожанія чтилъ. То-то и есть что вся любовь, таившаяся въ молодомъ и чистомъ сердцѣ его ко „всѣмъ и вся“, въ то время и во весь предшествовавшій тому годъ, какъ бы вся временами сосредоточивалась, и можетъ-быть даже неправильно, лишь на одномъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ въ сильнѣйшихъ порывахъ сердца его,—на возлюбленномъ старцѣ его, теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго стояло предъ нимъ какъ идеалъ безспорный, что всѣ юныя силы его и все стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ этому идеалу исключительно, а минутами, такъ даже и до забвенія „всѣхъ и вся“. (Онъ вспоминалъ потомъ самъ что въ тяжелый день этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ такъ заботился и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже съести отцу Илюшечки двѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался исполнить тоже наканунѣ.) Но не чудесъ опять-таки ему нужно было, а лишь „вышей справедливости“, которая была, по вѣрованію его, нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было поражено сердце его. И что въ томъ что „справедливость“ эта, въ ожиданіяхъ Алеша, самимъ даже ходомъ дѣла, приняла форму чудесъ, немедленно ожидаемыхъ отъ праха обожимаго имъ бывшаго руководителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и всѣ въ монастырѣ, тѣ даже предъ умомъ которыхъ преклонялся Алеша, самъ отецъ Паисій напримѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа себя никакими сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту же форму, въ какую и всѣ облекли. Да и давно уже это такъ устроилось въ сердцѣ его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и сердце его взяло уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жаждалъ, справедливости, а не токмо лишь чудесъ! И вотъ тотъ который долженъ бы былъ, по уловаціямъ его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ,—тотъ самый, вмѣсто

славы ему подобавшей, вдругъ низвержень и опозорень! За что? Кто судилъ? Кто могъ такъ разудить—вотъ вопросы которые тотчасъ же измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ вывести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго что праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое и злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпѣ. Ну, и пусть бы не было чудесъ вовсе, пусть бы ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое,—но зачѣмъ же объявилось безславіе, зачѣмъ попустился позоръ, зачѣмъ это лоспѣшное тлѣніе, „предупредившее естество“, какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это „указаніе“, которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ теперь вмѣстѣ съ отцомъ Ферапонтомъ и зачѣмъ они вѣрятъ что получили даже право такъ выводить? Гдѣ же Провидѣніе и перстъ Его? Къ чему сокрыло оно свой перстъ „въ самую нужную минуту“ (думалъ Алеша) и какъ бы само захотѣло подчинить себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?

Вотъ отъ чего точилось кровью сердце Алеши, и ужъ конечно, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо возлюбленное имъ болѣе всего въ мірѣ и оно же „опозоренное“, оно же и „обезславленное“! Пусть этотъ ролоть юности моего былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но олять-таки, въ третій разъ повторяю (и согласенъ впередъ что можетъ-быть тоже съ легкомысліемъ): я радъ что мой юноша оказался не столь разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда придетъ время у человѣка неглупаго, а если ужъ и въ такую исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ юноши, то когда же придетъ она? Не захочу однакоже умолчать при семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и мгновенно, но все же обнаружившемся въ эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и медлкнувшее *нѣчто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ впечатлѣніи отъ неустаяно припоминавшагося теперь Алешей вчерашняго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно теперь. О, не то чтобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основныхъ, стихійныхъ, такъ-сказать, ея вѣроваій. Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ него незыблемо, хотя и возропталъ было на Него внезапно. Но все же какое-то смутное, но мучитель-

ное и злое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйти наверхъ ея. Когда уже стало сильно смеркаться, проходившій сосною рошею изъ скита къ монастырю Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу лежавшаго подъ деревомъ лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ бы спящаго. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто же ты... произнесъ бымо онъ удивленный, но не докончивъ остановился. Онъ хотѣлъ сказать: „Неужто же ты *до того дошелъ?*“ Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ догадался что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что съ тобой? продолжалъ онъ удивляться, но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя иду уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ отсюда. Да что ты тутъ дѣлаешь? Какія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня-то...

Алеша подвѣлъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во взорѣ видѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ впрочемъ не на Ракитина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кротости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого что ли? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все попрежнему не глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные стали локриковать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ ты меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему здѣсь не удивляюсь. Вѣдь я все же тебя за образованнаго человѣка почиталъ...

Алеша наконецъ поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, точно все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только отъ того что твой старикъ провозилъ? Да неужели же ты вѣрилъ серьезно что онъ чудеса отмачивать начнетъ? воскликнулъ Ракитинъ, олять перехода въ самое искреннѣе изумленіе!

— Вѣрилъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать, ну чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу чортъ, да этому тринадцатилѣтній школьникъ теперь не вѣрить. А впрочемъ чортъ... Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, взбунтовался: чиномъ дескать обошли, къ празднику ордена не дали! Эхъ вы!

Алеша дивно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ на Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... но не озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только „мира Его не принимаю“, криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это мира не принимаешь? калельку подумалъ надъ его отвѣтомъ Ракитинъ.—Что за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: вѣдъ ты сегодня?

— Не помню... вѣдъ кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпиться, судя по лицу-то. Состраданіе вѣдъ на тебя глядя беретъ. Вѣдъ ты и ночь не спалъ, я слышалъ, засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и мазня... Всего-то антидорцу кусочекъ надо-быть пожевать. Есть у меня съ собой въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ на всякій случай, сюда направляясь, только вѣдъ ты колбасы не станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! такъ ты вотъ какъ! Значитъ совсѣмъ ужъ бунтъ, баррикады! Ну братъ этимъ дѣломъ пренебрегать нечего. Зайдемъ ко мнѣ... Я бы водочки самъ теперь талпуалъ, смерть усталъ. Водки-то небось не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно братъ! дико посмотрѣлъ Ракитинъ.—Ну да такъ или этакъ, водка иль колбаса, а дѣло это лихое, хорошее и улускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракитинымъ.

— Видѣлъ бы это братъ Ваицка, такъ какъ бы изумился! Кстати, братецъ твой Иванъ Федоровичъ сегодня утромъ въ Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ мелькнулъ у него въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и хоть напомнилъ что-то, какое-то дѣло спѣшное котораго уже нельзя болѣе ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не

произвело никакого на него впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминалъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ванюшка изрекъ про меня единожды что я „бездарный либеральный мѣшокъ“. Ты же одинъ разикъ тоже не утерпѣлъ и далъ мнѣ понять что я „безчестенъ“... Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончилъ это Ракинъ уже про себя, шепотомъ). Тыфу, слушай!—заговорилъ онъ снова громко,—минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм. Мнѣ бы кстати надо къ Хохлаковой зайти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запиской, карандашомъ (ужасно любить записки писать эта дама) что „никакъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца какъ отецъ Зосима—*такого постылка!*“ Такъ вѣдь и написала: „постылка!“ Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы все! Постои!—врезално прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и придерживая Алешу за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь Алешка,—пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, весь подъ впечатлѣніемъ врезалной новой мысли вдругъ его осіявшей, и хоть самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь выговорить вслухъ эту новую врезалную мысль свою, до того онъ все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ неожиданному настроенію въ которомъ видѣлъ теперь Алешу,—Алешка, знаешь куда мы всего лучше бы теперь пошли? выговорилъ онъ, наконецъ, робко и искатеельно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дрожа отъ робкаго ожиданія, изрекъ наконецъ Ракинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ же отвѣтилъ Алеша, и ужъ это было до того неожиданно для Ракина, то-есть такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отпрыгнулъ назадъ.

— Ну!.. вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ, крѣпко подхвативъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь что въ томъ исчезнетъ рѣшимость. Шли молча, Ракинъ даже заговорить боялся.

— А рада-то какъ она будетъ, рада-то... пробормоталъ было онъ, но опять примолкъ. Да и вовсе не для радости Гру-

шемякиной онъ влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человекъ серьезный и безъ выгодной для себя цѣли ничего не принималъ. Цѣль же у него теперь была двойная, во-первыхъ, мстительная, то-есть увидѣть „позоръ праведнаго“ и вѣроятное „паденіе“ Алеши „изъ святыхъ во грѣшники“, чѣмъ онъ уже заранѣе упивался, а во-вторыхъ, была у него тутъ въ виду и вѣкоторая матеріальная, весьма для него выгодная цѣль, о которой будетъ сказано ниже.

„Значить такая минутка вышла, думалъ онъ про себя весело и злобно,—вотъ мы стало-быть и изловимъ ее за шиворотъ, минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая.“

III. Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города, близъ соборной площади, въ домѣ кулеческой вдовы Морозовой, у которой наивмала на дворѣ небольшой деревянный фагелъ. Домъ же Морозовой былъ большой, каменный, двухъ-этажный, старый и очень неприглядный на видъ; въ немъ проживала удивленно сама хозяйка, старая женщина съ двумя своими племянницами, тоже весьма пожилыми дѣвками. Отдавать въ наемъ свой фагелъ на дворѣ она не нуждалась, но всѣ знали что пустила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре назадъ) единственно въ угоду родственнику своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю. Говорили что реввивый старикъ, помѣщая къ Морозовой свою „фаворитку“, имѣлъ первоначально въ виду зоркій глазъ старухи чтобы наблюдать за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма скоро оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ что Морозова даже рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не надѣдала ей лодъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ какъ старикъ привезъ въ этотъ домъ изъ губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую, застѣчивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную, и съ тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой дѣвочки знали впрочемъ у насъ въ городѣ мало и сбивчиво; не узнали больше и въ послѣднее время, и это даже тогда когда уже очень многіе стали интересоваться такою „раскрасавицей“ въ какую превратилась въ четыре года Аграфена Александровна.

Были только слухи что семнадцатилетнею еще девочкой была она кѣмъ-то обманута, какимъ-то будто бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ же имъ брошена. Офицеръ де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а Грушенька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили впрочемъ что хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ старикомъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила какъ-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго діакона или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ въ четыре года изъ чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полновѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, гордая и нагая, понимавшая толкъ въ деньгахъ, пріобрѣтательница, скулая и осторожная, правдами или неправдами, но уже услѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить свой собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣждены: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ и что кромѣ старика, ея покровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре года, который бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности высказывало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два года. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ иекателей принуждены были отретироваться даже съ комическою и зазорною развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со стороны характерной молодой особы. Знали еще что молодая особа, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то что называется „гешефтомъ“, и что съ этой стороны она оказалась съ чрезвычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе прозвали ее сущюю Жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ ростъ, но извѣстно было напримѣръ что въ компаніи съ Федоромъ Павловичемъ Карамазовымъ она въ некоторое время дѣйствительно занималась скулкою векселей за безцѣнокъ, по гривеньяку за рубль, а потомъ пріобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей по рублю на гривеньякъ. Большой Самсоновъ, въ послѣдній годъ лишившійся употребленія своихъ раслухшихъ ногъ, вдовецъ, тиранъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ, человѣкъ скаредный и неумолимый, подпалъ однакоже подъ сильное вліяніе своей протеже, которую сначала было держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, „на лостномъ маслѣ“, какъ говорили тогда зубоскалы. Но Гру-

шенька успѣла эманципироваться, внушивъ однакоже ему безграничное довѣріе касательно своей ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой дѣлаецъ (теперь давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, главное skulls и твердъ какъ кремьнь, и хотъ Грушенька поразила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (въ послѣдніе два года, напримѣръ, это такъ и было), но капиталу большаго, значительнаго онъ все-таки ей не отдавалъ, и даже еслибъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда бы остался неумолимъ. Но отдавалъ зато капиталъ маалый, и когда узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. „Ты сама баба не промахъ, сказавъ онъ ей, отдавая ей тысячъ съ восемь, сама и орудуй, мо знай что кромѣ ежегоднаго содержанія попрежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдаю.“ Такъ и сдержавъ слово: умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь державъ при себѣ наравнѣ какъ слугъ съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенкѣ даже и не упомянулъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно въ послѣдствіи. Совѣтами же какъ орудовать „своимъ собственнымъ капиталомъ“ онъ Грушенькѣ помогавъ не мало и указывавъ ей „дѣла“. Когда Федоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально съ Грушенькой по поводу одного случайнаго „гешефта“, кончилъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ что влюбился въ нее безъ памяти и какъ бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладонѣ, сильно подомѣивался. Замѣчательно что Грушенька была со своимъ старикомъ за все время ихъ знакомства вполнѣ и даже какъ бы сердечно откровенна, и это кажется съ единственнымъ человекомъ въ мірѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ своею любовью и Дмитрій Федоровичъ, старикъ переставъ смѣяться. Напротивъ, однажды серьезно и строго посоветовавъ Грушенькѣ: „Если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбирай старика, но съ тѣмъ однакоже чтобы старый подлецъ безпрѣмьно на тебѣ женился, а предварительно хотъ нѣкоторый капиталъ отписалъ. А съ капиталомъ не якшайся, пути не будетъ“. Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго сластолюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть свою, и впрямъ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Замѣчу еще мелькомъ что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали тогда про нелѣпое

и уродливое соперничество Карамазовыхъ, отца съ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, но настоящаго смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ старикау и къ сыну, мало кто тогда понималъ. Даже обѣ саужанки Грушеньки (послѣ уже разразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) показали потомъ на судѣ что Дмитрія Федоровича принимала Аграфена Александровна изъ одного лишь страху, потому будто бы что „убить грозилса“. Саужанокъ у нея было двѣ, одна очень старая кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, большая и почти оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ двадцати, Грушенькина горничная. Жила же Грушенька очень скупо и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во флигелѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древнею, краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда вошли къ ней Ракитинъ и Алеша были уже поздныя сумерки, но комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у себя въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со спинкой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно уже истершеюся и продырявшеюся. Подъ головой у ней были двѣ бѣлыя луховыя подушки съ ея постели. Она лежала навзничъ, неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. Была она приодѣта будто ждала кого—въ шелковомъ черномъ платьѣ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая очень къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная косынка, приколотая массивною золотомъ брошкой. Именно она кого-то ждала, лежала какъ бы въ тоскѣ и въ нетерпѣннѣи, съ нѣсколько люблящимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, кончикомъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана. Чуть только появились Ракитинъ и Алеша какъ произошелъ было маленькій перепологъ: слышно было изъ передней какъ Грушенька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно прокричала: „Кто тамъ?“ Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ же откликнулась барыня.

— Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

„Что бы у ней такое?“ пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу за руку въ гостиную. Грушенька стояла у дивана какъ бы все еще въ испугѣ. Густая прядь темнорусой косы ея выбилась вдругъ изъ-подъ накладки и упала на ея правое плечо, но она не замѣтила и не поправила пока не взглянулась въ гостей и не узнала ихъ.

— Ахъ, это ты, Ракитка? Ислугалъ было меня всю. Съ кѣмъ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привезъ! воскликнула она, разглядѣвъ Алешу.

— Да веди подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ развязнымъ видомъ самаго короткаго знакомаго и близкаго человека, имѣющаго даже право распоряжаться въ домѣ.

— Свѣчей... конечно свѣчей... Оея, принеси ему свѣчку... Ну, напелъ время его привести! воскликнула она опять кивнувъ на Алешу, и оборотясь къ зеркалу быстро начала обѣими руками вправлять свою косу. Она какъ будто была недовольна.

— Ахъ не потрафилъ? спросилъ Ракитинъ мигомъ почти обидѣвшись.

— Ислугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что, обернулась Грушенька съ улыбкой къ Алешѣ.— Не бойся ты меня, голубчикъ Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный. А ты меня, Ракитка, ислугалъ: я вѣдь думала Митя ломится. Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взяла чтобы мнѣ вѣрилъ, а я нагала. Сказала ему что къ Кузьмѣ Кузьмичу, къ старику моему, на весь вечеръ уйду и буду съ нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ нему ухожу на весь вечеръ очеты сводить. На замокъ заперся: онъ на счетахъ постукиваетъ, а я сижу — въ книгу вписываю — одной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ что я тамъ, а я вотъ дома заперлась — сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ Оея впустила! Оея, Оея! бѣги къ воротамъ, отвори и огляди кругомъ, нѣтъ ли гдѣ калитана-те? Можетъ спрятался и высматриваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ оглянула, я и въ щелку подхожу гляжу поминутно, сама въ страхъ-трепетъ.

— Ставки заперты ли, Оея, да занавѣсь бы опустить — вотъ такъ! Она сама опустила тяжелыя занавѣсы, — а то на огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Митя, брата твоего, Алеша, сегодня боюсь. Грушенька говорила громко, хотя и въ тревогѣ, но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдомилса Ракитинъ, — кажется съ нимъ не пугаива, по твоей дудкѣ длашать.

— Говорю тебѣ вѣсти жду, золотой одной такой вѣсточки, такъ что Митеньки-то и не надо бы теперь вовсе. Да и не

повѣрила оя мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу пошла. Должно-быть сидѣть теперь тамъ у себя, у Федора Павловича на задахъ въ саду, меня сторожить. А коли тамъ заснѣлъ значитъ сюда не придетъ, тѣмъ и лучше! А вѣдь къ Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь сбѣжала, Митя же меня и проводилъ, сказала до полночи просижу и чтобъ оя же меня безпрѣмѣнно пришелъ въ полночь домой проводить. Оя ушелъ, а я минутъ десять у старика посидѣла, да и олять сюда, ужъ боялась—бѣжала чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой челець на тебѣ люболытаый?

— И ужъ какой же ты самъ люболытаый, Ракитинъ! Говорю тебѣ такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскачу—полечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь, скоро состарись.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видѣла такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Чтò жъ мнѣ, Ракитка, съ тобой что ли разговаривать когда тутъ такой князь стоитъ. Вотъ такъ гости! Алеша, голубчикъ, глажу я на тебя и не вѣрю; Господи, какъ это ты у меня появился! По правдѣ тебѣ сказать, не ждала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила чтобы ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а страхъ я тебѣ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяць ты мой молодой. Право я еще какъ-будто и не соображусь... Эхъ ты, Ракитка, еслабы ты его вчера али третьяго дня привелъ!... Ну да рада и такъ. Можетъ и лучше что теперь, подѣ такую минуту, а не третьяго дня...

Она рѣзво подѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, и гладѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И дѣйствительно была рада, не лгала говора это. Глаза ея горѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Оя встрѣчалъ ее до вчерашняго дня мало, составилъ объ ней устрашающее понятіе, а вчера такъ страшно былъ

потрясенъ ея злобною и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и былъ очень удивленъ что теперь вдругъ увидать въ ней совсѣмъ какъ бы иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ придавленъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманiемъ. Всѣ манеры ея какъ бы измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не было этой вчерашней слащавости въ выговорѣ почти вовсе, этихъ изнѣженныхъ и манерныхъ движенiй... все было просто, простодушно, движенiя ея были скорыя, прямыя, довѣрчивыя, но была она очень возбуждена.

— Господи, зкiя все вещи сегодня сбываются право, залетала она опять.—И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сама не знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну ужъ и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракитинъ.— Прежде-то зачѣмъ-нибудь приставала же ко мнѣ: приведи да приведи его, имѣла же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то прошло, не такая минута. Подбивать я васъ стану, вотъ что. Я теперь подобрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь? Аль ты ужъ съѣлъ? Небось Ракитишка себя не забудетъ. Вотъ онъ теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ васъ да и обижается: зачѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ обидчивъ у меня Ракитка, обидчивъ! засмѣялась Грушенька.— Не заись Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустивъ сидишь, Алешечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой заглянула она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробосилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пролахъ.

— Какъ пролахъ? Вздоръ ты какой-нибудь мелешь, скверность какую-нибудь хочешь сказать. Молчи дуракъ. Пустить меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ! И вдругъ она мигомъ привскочила и прыгнула смѣясь ему на колѣни, какъ ласкающаяся кошечка вѣжаю правою рукой отхвативъ ему шею:—Развеселю я тебя, мальчишкы ты мой богомошный! Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у тебя посидѣть, не осердишься? Прикажешь я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ боясь шевельнуться, онъ слышалъ ея слова: „прикажешь—я соскочу“, но не отвѣтилъ,

какъ-будто замерь. Но не то въ немъ было чего могъ бы ждать и что могъ бы вообразить въ немъ теперь напримѣръ хоть Ракинъ, лютяно наблюдавшій со своего мѣста: Великое горе души его поглощало всѣ ощущенія какія только могли зародиться въ сердцѣ его, и если только могъ бы онъ въ сію минуту дать себѣ полный отчетъ, то и самъ бы догадался что онъ теперь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и искушенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю смутную безотчетность его душевнаго состоянія и на все угнетающее его горе, онъ все же дивился невольню одному новому и странному ощущенію раждавшемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта „страшная“ женщина не только не лугала его теперь прежнимъ страхомъ, страхомъ зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о женщинѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но напротивъ эта женщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него на колѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ теперь совсѣмъ иное, неожиданное и особенное чувство, чувство какого-то необыкновеннаго величайшаго и чистосердечнѣйшаго къ ней любольства, и все это уже безо всякой боязни безъ малѣйшаго прежняго ужаса,—вотъ что было главное и что невольню удивляло его.

— Да лодво вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракинъ,— а лучше шампанскаго лодавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

— Вправду долгъ. Видъ я, Алеша, ему за тебя шампанскаго сверхъ всего обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шампанскаго, и я стану пить! Оея, Оея, неси намъ шампанскаго, ту бутылку которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хотъ и скупаа, а бутылку лодамъ, не тебѣ Ракинка, ты грибъ, а онъ князь! И хотъ не тѣмъ душа моя теперь лодва, а такъ и быть вылью и я съ вами, дебоширить хочется!

— Да что это у тебя за минута, и какаа такаа тамъ „вѣсть“, можно спросить, аа секретъ? съ любольствомъ свернудо олатъ Ракинъ, изо всей силы дѣлая видъ что и вниманія не обращаетъ на щелчки которые въ него летѣли безпрерывно.

— Эхъ не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно проговорила вдругъ Грушенъка, повернувъ голову къ Ракину и отклониась немного отъ Алеши, хотъ все еще продолжая сидѣть у него на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею,—офицеръ ѣдетъ, Ракинъ, офицеръ мой ѣдетъ!

— Слышала я что идетъ, да развѣ ужь такъ близко?

— Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда естафетъ пришагетъ, такъ самъ написалъ, давеча письмо подучила. Сужу и жду естафета.

— Вона! Почему въ Мокромъ?

— Долго разказывать, да и довольно съ тебя.

— То-то Митенька-то теперь,—уй, уй! Онъ-то знаетъ, а мы не знаемъ?

— Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ такъ убилъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я теперь его ножа. Молчи Ракитка, не поминай мнѣ о Дмитріи Федоровичѣ: сердце онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу я ни о чемъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ объ Алешечкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу.... Да усмѣхнись ты на меня, голубчикъ, развеселись, на гаупость-то мою, на радость-то мою усмѣхнись.... А вѣдь улыбулася, улыбулася! Ишь ласково какъ смотреть. Я, знаешь, Алеша, все думала что ты на меня сердиться за третьеводнишнее, за барышню-то. Собака я была, вотъ что.... Только все-таки хорошо оно что такъ произошло. И дурно оно было и хорошо оно было, вдумчиво усмѣхнулась вдругъ Грушенька и кака-то жестокая черточка мелькнула вдругъ въ ея усмѣшкѣ.— Митя сказывалъ что кричала: „Плачьми ее надо!“ Разбѣла я тогда ее ужь очень. Завала меня, побѣдить хотѣла, шоколатомъ своимъ обольстить.... Нѣтъ, оно хорошо что такъ произошло, усмѣхнулась она опять.—Да вотъ боюсь все что ты осердишься...

— А вѣдь и впрямь, съ серьезнымъ удивленіемъ свернулъ вдругъ Ракитинъ.—Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ дѣлѣ боится, цыпаенка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпаенокъ, вотъ что.... потому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я видишь, я люблю его душой, вотъ что! Вѣришь Алеша что я люблю тебя всею душой?

— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебя, Алексѣя, объясняется!

— А что жь, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по бабьему выходитъ!

— Не заи меня, Ракитка, горячо подхватила Грушенька,—одна, а это другое. Я Алешу по цвѣму люблю. Правда,

Алеша, была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я низкая, я вѣдь нецетовая, ну а въ другую минуту я бывало, Алеша, на тебя какъ на совесть мою смотрю. Все думаю: „вѣдь ужъ какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ.“ И третьяго дня это думала какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно я тебя замѣтила такъ Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ Митя такъ понимаетъ. Вѣришь-ли иной разъ право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всеё себя стыжусь.... И какъ это я объ тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не помню....

— Вошла Оля и поставила на столъ подносъ, на немъ откупоренную бутылку и три налитые бокала.

— Шампанское принесла! прокричалъ Ракитинъ,—возбуждена ты, Аграфена Александровна, и вишь себя. Бокалъ выльешь, танцовать пойдешь. Э-эхъ; и того не сумѣла сдѣлать, прибавилъ онъ разглядывая шампанское.—Въ кухнѣ старуха разлила, и бутылку безъ пробки принесла, и теплое. Ну давай хоть такъ...

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бокалъ, вылилъ заломъ и махнулъ себѣ другою.

— На шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ облизываясь,—нутка Алеша, бери бокалъ, покажи себя. За что же намъ лить? за райскія двери? Бери Груша бокалъ, пей и ты за райскія двери.

— За какія это райскія двери?

Она взяла бокалъ, Алеша взялъ свой, отпилъ глотокъ и поставилъ бокалъ назадъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо! улыбулся онъ тихо.

— А хвалился! крикнулъ Ракитинъ.

— Ну и я коли такъ не буду, подхватила Грушенька,—да и не хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выльетъ Алеша, и я тогда вылью.

— Телячьи вѣжности пошли! подразнилъ Ракитинъ.—А сама на кофѣнкахъ у него сидитъ! У него положимъ горе, а у тебя что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

— Что такъ?

— Старецъ его померъ сегодня, старецъ Зосима, святой.

— Такъ умеръ старецъ Зосима! воскликнула Грушенька,—Господи, а я того и не знала!—Она набожно перекрестилась.—Господи, да что же я, а я то у него на кофѣнкахъ

теперь сижу! вскинулась она вдругъ какъ въ испугъ, мигомъ соскочила съ кофѣвъ и пересѣла на диванъ. Алеша даивно съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее и на лицѣ его какъ-будто что засвѣтилось.

— Ракитинъ, проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо,—не дразни ты меня что я противъ Бога моего взбунтовался. Не хочу я злобы противъ тебя имѣть, а потому будь и ты добрее. Я потерялъ такое сокровище какого ты никогда не имѣлъ, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видѣлъ какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда заую душу найти—такъ ваекло меня самого къ тому, потому что я былъ подлый и злой, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище—душу любящую.... Она сейчасъ пощадила меня.... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ возетавовила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ остановился.

— Будто ужъ такъ и спасла тебя! засмѣялася Ракитинъ злобно.—А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька,—молчите вы оба. Теперь я все скажу: ты Алеша молчи, потому что отъ твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я злая, а не добрая,—вотъ я какая. А ты Ракитка молчи потому что ты лжешь. Была такая подлая мысль что хотѣла его проглотить, а теперь ты лжешь, теперь вовсе не то... и чтобъ я тебя больше совѣмъ не слыжала Ракитка! Все это Грушенька проговорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошилѣлъ Ракитинъ съ удивленіемъ разсматривая ихъ обоихъ,—какъ помѣшанные, точно я въ сумашедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоудво, плакать сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! приговаривала Грушенька,—онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда того впредь не забуду! Только вотъ что, Ракитка, я хоть и злая, а все-таки я луковку подала.

— Какую такую луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣшались!

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обидчиво злился, хотя и могъ бы сообразить что у обоихъ какъ разъ сошлось все что могло потрясти ихъ души такъ, какъ случается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій весь-

на чувствительно ловимать все что касалось его самого, былъ очень грубъ въ ловиманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ своихъ,—отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, нервно размѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракиткѣ похвалялась что луковку подала, а тебѣ не похваляюсь, а тебѣ съ иной цѣлью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, а ее, еще дитей была, отъ моей Матрены, что теперь у меня въ кухаркахъ служитъ, слышала. Видишь какъ это: „Жила-была одна баба злоющая-презюющая, и померла. И не осталось послѣ нея ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ огненное озеро. А Ангелъ-Хранитель ея стоитъ да и думаетъ: какую бы мнѣ такую добродѣтель ея припомнить чтобы Богу сказать. Вспомнилъ и говоритъ Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку выдернула и нищекѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми жъ ты, говоритъ, эту самую луковку, протани ей въ озеро, пусть ухватится и таетеся, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то пусть въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться бабѣ гдѣ теперь. Побѣждалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей луковку: на, говоритъ, баба, схватись и таясь. И сталъ онъ ее осторожно таять, и ужъ всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ озерѣ, какъ увидали что ее таятъ вонъ, и стали всѣ за нее хвататься чтобы и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была злоющая презюющая, и почала она ихъ ногами брыкать: „Меня таятъ, а не васъ, моя луковка, а не ваша.“ Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И утала баба въ озеро и горитъ по сей день. А Ангелъ заллакалъ и отошелъ. Вотъ она эта басня, Алеша, наизусть заломвила, потому что сама я и есть эта самая баба злоющая. Ракиткѣ я похвалялась что луковку подала, а тебѣ иначе скажу: *все-то* я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай меня доброю, зная я, злоющая-презюющая, а будешь хвалить, въ стыдъ введешь. Эхъ, да ужъ покаюсь совсѣмъ. Слушай Алеша: я тебя стою желала къ себѣ залучить и стою при-ставала къ Ракиткѣ что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко мнѣ приведетъ. Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами подошла къ столу, отворила ящикъ, вынула лортмонѣ, а изъ него двадцатипятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! восклицалъ озадаченный Ракитинъ.

— Принимай, Ракитка, давай, не бошь не откажешься, самъ просилъ.—И швырнула ему кредитку:

— Еще-бъ отказаться, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфузившись, но молодцовато прикрывая стыдъ,—это намъ весьма на руку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному человѣку.

— А теперь молчи Ракитка, теперь все что буду говорить не для твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не любишь ты насъ и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже злобы, огрызнулась Ракитинъ. — Двадцатипятирублевую кредитку онъ сунулъ въ карманъ и предъ Алашей ему было рѣшительно стыдно. Онъ рассчитывалъ получить плату лосаѣ, такъ чтобы тотъ и не узналъ, а теперь отъ стыда озлился. До сей минуты онъ находилъ весьма политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ несмотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился:

— Любить за что-нибудь, а вы что мнѣ сдѣлали оба?

— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алаша любить.

— А чѣмъ онъ тебя любить, и что онъ тебѣ такого показалъ что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ и въ голосъ ея слышались истерическія нотки.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у насъ! И не смѣй ты мнѣ впредь такъ говорить, не хочу тебѣ позволять, и съ чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ уголъ и молчи какъ мой лакей. А теперь Алаша всю правду чистую тебѣ одному скажу чтобы ты видѣлъ какая а тварь! Не Ракиткѣ, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алаша, правда это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла что Ракитку деньгами подкупила чтобы тебя привелъ. И изъ чего такого я такъ захотѣла? Ты, Алаша, и не зналъ ничего, отъ меня отворачивался, пройдешь—глаза опустишь, а я на тебя сто разъ до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лицо твое у меня въ сердцѣ осталось: „Презираетъ онъ меня, думаю, посмотреть даже на меня не захочетъ.“ И такое меня чувство взяло подъ конецъ что сама себѣ удивляюсь: чего я такого мальчика боюсь? Прогаоуч его всего

и смѣяться буду. Обозидлась совсѣмъ. Вѣришь ли тому: никто-то здѣсь не смѣетъ сказать и подумать чтобъ къ Аграфейвѣ Александровнѣ за худымъ этимъ дѣломъ придти; старикъ одинъ только тутъ у меня, связана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, за то изъ другихъ—никто. Но на тебя глядя положила: его прогложу. Прогложу и смѣяться буду. Видишь какая я заяя собака, которую ты сестрой своею назвааь! Вотъ теперь прѣйдемъ этотъ обидчикъ мой, сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь чѣмъ былъ мнѣ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма,—такъ я сижу бывало, отъ людей хоронюеь чтобъ меня не видали и не слышали, тоненькая, глуленькая, сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю—думаю: „И ужъ гдѣ жъ онъ теперь, мой обидчикъ? Смѣется должно-быть съ другою надо мной, и ужъ я жъ его, думаю, только бы увидѣть его, встрѣтить когда: то ужъ я жъ ему отплачу, ужъ я жъ ему отплачу!“ Ночью въ темнотѣ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю: „Ужъ я жъ ему, ужъ я жъ ему отплачу!“ Такъ бывало и закричу въ темнотѣ. Да какъ вслomnia вдругъ что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мной смѣется теперь, а можетъ и совсѣмъ забылъ и не помнить, такъ кинусь съ постели на полъ, заляюсь безсильною слезой и трясусь-трясусь до разсвѣта. Потру встану заѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что жъ ты думаешь: стала я калитааь колить, безъ жалости сдѣлаалась, растолстѣла,—поумаѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все также какъ и дѣвченкой, пять лѣтъ тому, лежу иной разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: „Ужъ я жъ ему, да ужъ я жъ ему,“ думаю! Слышааь ты это все? Ну такъ какъ же ты теперь понимаешь меня: мѣсяцъ тому приходитъ ко мнѣ вдругъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повидаться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да вдругъ и подумала: а прѣдетъ да свистнетъ мнѣ, позоветъ меня, такъ я какъ собаченка къ нему полползу битая, виноватая! Думаю это я и сама себя не вѣрю: „Подлая я аль не подлая, любѣгу я къ нему аль не любѣгу?“ И такая меня злость взяла теперь на самое себя во весь этотъ мѣсяцъ что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ тому. Видишь ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая я яростная, всю тебѣ правду выразила!

Митей забавлялась чтобы къ тому не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, думала, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узвать что у меня въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ чтобы она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ свѣтѣ каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я можетъ-быть сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...

И вымолвивъ это „жалкое“ слово, Грушенька вдругъ не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диванъ въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ мѣста и подошелъ къ Ракитину.

— Митя, проговорилъ онъ, — не сердись. Ты обиженъ ею, но не сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души человека столько спрашивать, надо быть милосердаѣе...

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему надо было высказаться и онъ обратился къ Ракитину. Еслибъ не было Ракитина, онъ сталъ бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ поглядѣлъ насмѣшливо и Алеша вдругъ остановился.

— Это тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь ты своимъ старцемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька Божій человекъ, съ ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.

— Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про покойника: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ голосъ прокричалъ Алеша. — Я не какъ судья тебѣ всталъ говорить, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я предъ нею? Я шель сюда чтобы погибнуть и говорилъ: „пустъ, пустъ!“ и это изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ мѣки, только-что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ — все простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зоветъ ее, и она все прощаетъ ему и слѣзится къ нему въ радости, и не возьметъ ножа, не возьметъ! нѣтъ, я не таковъ. Я не знаю таковъ ли ты, Митя, но я не таковъ! Я сегодня, сейчасъ этотъ урокъ получалъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ ли ты отъ нея прежде то что она разказала теперь? Нѣтъ, не слышалъ; еслибы слышалъ, то дзвно бы все понялъ... и другая обиженная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ коль узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... въ душѣ этой можетъ-быть сокровище...

Алеша замолкъ потому что ему перестало дыханіе. Ракитинъ, несмотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеша такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее что ли? Графяна Александровна, вѣдь постыжкѣ-то нашъ и впрямь въ тебя влюбился, любѣдила! прокричалъ онъ съ наглымъ смѣхомъ.

Грушенька подвѣла съ подушки голову и поглядѣла на Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вдругъ раслушемъ отъ сейчасныхъ слезъ лицѣ.

— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь онъ какой, напелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, обратилась она къ Ракитину, — хотѣла было у тебя прощенія попросить за то что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Алеша, поди ко мнѣ, сядь сюда, махнула она его съ радостною улыбкой, вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла его за руку и заглядывала ему улыбаясь въ лицо), — скажи ты мнѣ: люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или нѣтъ? Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сердце: люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша, время пришло, что положишь такъ и будетъ. Простить мнѣ его или нѣтъ?

— Да вѣдь ужъ простила, улыбаясь проговорила Алеша.

— А и впрямь простила, вздумчиво произнесла Грушенька. — Экое вѣдь подабе сердце! За подлое сердце мое! схватила она вдругъ со стола бокалъ, разомъ выпила, подвѣла его и съ размаху бросила на полъ. Бокалъ разбился и зазвенѣлъ. Какая-то жестокая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь можетъ еще и не простила, какъ-то грозно проговорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна сама съ собой говорила. — Можетъ еще только собирается сердце простить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь Алеша, слезы мои пятнадцатая страхъ полюбила... Я можетъ только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ! прошилѣлъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракита, никогда въ его кожѣ не будешь. Ты мнѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое дѣло употреблю, а такой какъ я тебѣ никогда не видать. Да и ему можетъ не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? Эхидно поддразнивалъ Ракитинъ.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчас сорву, сию минуту, звонко прокричала она.— Не знаешь ты для чего этотъ нарядъ, Ракитка! Можетъ выйдѣ къ нему и скажу: „Видалъ ты меня такую, аль нѣтъ еще?“— Вѣдь онъ меня семнадцатилѣтнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду къ нему, да оболящу, да разожгу его: „Видалъ ты какова я теперь, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый государь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!“— вотъ вѣдь къ чему можетъ этотъ нарядъ, Ракитка, закончила Грушенька со злобнымъ смѣшкомъ.— Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и разрѣжу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь куда и ни къ кому, захочу завтра же отошаю Кузьмѣ все что онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. Думаешь не сдѣлаю я того, Ракитка, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣлать, не раздражайте только меня... а того проговю, тому шить покажу, тому меня не видать!

Послѣднія слова она истерически прокричала, но не выдержала олять, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и олять затряслась отъ рыданій. Ракитинъ всталъ съ мѣста:

— Пора, сказалъ онъ, — поздно, въ монастырь не пропустятъ.

Грушенька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто жь ты уходить, Алеша, хочешь! воскликнула она въ горестномъ изумленіи;— да что жь ты надо мной теперь дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь, олять мнѣ одной оставаться!

— Не вочевать же ему у тебя? А коли хочеть—лусть! Я и одинъ уйду! язвительно подшутилъ Ракитинъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Грушенька,— никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ какія онъ мнѣ пришелъ сказать.

— Что онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно проворчалъ Ракитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ... Пожалѣлъ онъ меня первый, единственный, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, улала вдругъ она предъ нимъ на колѣни какъ бы въ изступленіи.— Я всю жизнь такого какъ

ты ждала, знала что кто-то такой придет и меня простить. Вѣрила что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ!...

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ? умиленно улыбаясь отвѣчалъ Алеша, нагнувшись къ ней и вѣжливо взявъ ее за руки,— луковку я тебѣ подаю, одну самую малую луковку, только только!...

И проговоривъ самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ спальнѣ вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю; Грушенька вскочила какъ бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Феня.

— Барыня, голубушка, барыня, естафетъ прискакала! восклицала она весело и запыхавшись.—Тарантасъ изъ Мокраго за вами, Тимошей ямщикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошадей переложать... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время пока кричала махала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, вѣскольکو строкъ, въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнула! прокричала она вся блѣдная съ перекосившимся отъ бодръственной улыбки лицомъ,—свистнула! Ползи собачонка!

Но только мигъ одинъ простояла какъ бы въ нерѣшимости; вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки огнемъ.

— Вду! воскликнула она вдругъ.—Пять моихъ лѣтъ! Прощайте! Прощай Алеша, рѣшена судьба... Стулайте, стулайте, стулайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!... Полетѣла Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лугомъ и ты, Ракитка. Можетъ на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная!

Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

— Ну ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракитинъ.—Идемъ, а то пожалуй опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надоѣли ужъ мнѣ эти слезные крики...

Алеша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ тарантасъ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ отворенныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли Алеша и Ракитинъ съ крыльца какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ Алешѣ:

— Алешечка, покайся своему братцу Митенькѣ, да скажи ему чтобы не помнилъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да передай ему тоже моими словами: „Подлецу досталась Грушенька, а не тебѣ благородному!“ Да прибавь ему тоже что любила его Грушенька одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и любила,—такъ чтобы онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева помнилъ, такъ дескать Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..

Она закончила голосомъ полнымъ рыданіемъ. Окно захлопнулось.

— Гм, гм! промышлялъ Ракитинъ смѣясь, — зарѣзала братца Митеньку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое плотоядіе!

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слышалъ; онъ шелъ подлѣ Ракитина скоро, какъ бы ужасно слѣша; онъ былъ какъ бы въ забытьѣ, шелъ машинально. Ракитинъ вдругъ что-то укололо, точно ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того ждалъ онъ давеча когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ иное случилось, а не то чего бы ему очень хотѣлось.

— Полякъ онъ, ая офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять сдерживаясь,—да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ таможенѣ чиновникомъ въ Сибири служилъ гдѣ-то тамъ на Бутайской границѣ, должно-быть какой Поляченочекъ мозгавенькій. Мѣсто говорятъ потерялъ. Просыпалъ теперь что у Грушеньки капиталъ завелся, вотъ и вернулся,—въ томъ и всѣ чудеса.

Алеша опять точно не слышалъ. Ракитинъ не выдержалъ:

— Что жь, обратилъ грѣшницу? заобла засмѣялся онъ Алешѣ.—Блудницу на луть истинны обратилъ? Семь бѣсовъ изгналъ, а? Вотъ они гдѣ наши чудеса-то давешнія, ожидаемыя, совершились!

— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешнихъ „презираешь“? Продалъ дескать истиннаго друга. Да вѣдь ты не Христосъ, а я не Иуда.

— Ахъ, Ракитинъ, утѣряю тебя я и забылъ объ этомъ, воскликнулъ Алеша,—самъ ты сейчасъ напомнилъ...

Но Ракитинъ озялся уже окончательно.

— Да чортъ васъ дернъ всѣхъ и каждаго! завопилъ онъ

вдруг,—и зачѣмъ я, чертъ, съ тобою связался! Знать я тебя не хочу больше отседова. Пошелъ одинъ, вонъ твоя дорога!

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ Алешу одного во мракъ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ по-демъ къ монастырю.

IV. Каѳа Галилейская.

Было уже очень поздно по монастырскому когда Алеша пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробыло уже девять часовъ,—часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго дня всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паусія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника Порфирія, утомленнаго вчерашнею ночью бесѣдой и сегодняшней суетой, и славшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельи никого не было. Отецъ Паусій, хоть и слышалъ что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣлялось саишкомъ сказывааясь, напротивъ одно вытѣсняло другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу было сладко и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять видѣлъ онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ драгоценнаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Одно окно кельи было отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый,—„значить духъ сталъ еще сильнѣе коли рѣшились отворить окно“, подумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и безславною, не подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго негодованія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ же гасли смѣняясь другими, но за то царило въ душѣ что-то

цѣлое, твердое, уютное, и она создала это сама. Иногда она пламенно начинала молитву, ему такъ хотѣлось благодарить и любить... Но начавъ молитву переходилъ вдругъ на что-нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву и то чѣмъ прерывалъ ее. Сталъ было слушать что читалъ отецъ Паисій, но утомленный очень мало-по-малу началъ дремать...

„И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейской читалъ отецъ Паисій, и бѣ Мати Иисусова ту. Званъ же бысть Иисусъ и ученицы его на бракъ.“

— Бракъ? Что это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умъ Алены,—у ней тоже счастье... поѣхала на пирь... Нѣтъ, она не взяла ножа, не взяла ножа... Это было только „жалкое“ слово... Ну... жалкія слова надо прощать, непременно. Жалкія слова тѣшатъ душу... безъ нихъ горе было бы слишкомъ тяжело у людей. Ракининъ ушелъ въ переулочъ. Пока Ракининъ будетъ думать о своихъ обидахъ онъ будетъ всегда уходить въ переулочъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея... А?... что читають?

„.....И не доставшу вина, глагола Мати Иисусова къ Нему: вина не имуть“... слышалось Аленѣ.

— Ахъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю: Это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ это чудо, ахъ это милое чудо! Не горе, а радость людскую посылалъ Христосъ въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помочь... „Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любить“... Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, говорить Митя... Да, Митя... Все что истинно и прекрасно всегда полно всепрощенія,—это опять-таки онъ говорилъ...

„.....Глагола ей Иисусъ: что есть Милъ и тебѣ жеено; не у прииде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите“.

— Сотворите... Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей... Ужъ конечно бѣдныхъ коли даже на свадьбу вина не достало... Вонъ лишутъ историки что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другаго вели-

каго существа бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. „Не пришелъ еще часъ Мой,“ онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непрерывно улыбуясь ей кротко).. Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ... Ахъ онъ олять читаетъ:

„.....Глагола и мѣ: Иисусъ: наполните водоносы воды, и наполниши ихъ до верха.

„И глагола и мѣ: почерпите нынѣ и принесите архитриклинови, и принесоша.

„Якоже вкуси архитриклинъ вина бывшаго отъ воды, и не видяше откуду есть: слуги же видяху почерпшии воду: пригласи жениха архитриклинъ.

„И глагола ему: всаки человекъ прежде доброе вино полагаетъ, и звезда уныютъ, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино досель.“

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ да... вѣдь это бракъ, свадьба... да конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ и веселая толпа и... гдѣ же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Олять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большаго стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!...

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющийся. Гроба ужъ нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ какъ и вчера сидѣлъ съ ними когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сияютъ. Какъ же это, онъ стало-быть тоже на лирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздастся надъ нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда схоронился что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ же не онъ колъ зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колыбѣ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичокъ,—льемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь сколько

гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитрикликъ, вино новое пробуетъ. Чего дивиться на меня? Я луковку подаю вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только малелькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты тихій и ты кроткій мой мальчикъ и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алучшей. Начинай милый, начинай кроткій дѣло свое!... А видишь ли Солаце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошелталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ вами, ужасенъ высотой Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви улодобилася и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ непрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то налодило его вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнувъ и проснулся...

Опять гробъ, открытое окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ что читаютъ. Страшно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а телерь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ влооть ко гробу. Даже задѣлъ лещомъ отца Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе подвѣлъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, ловявъ что съ юношей что-то случилось страшное. Алеша глядѣлъ съ подминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконою на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ круто повернувшись вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоилася еще неясный Млечный Путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты въ каумбахъ около дома заснули до

утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ для чего обвинялъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои...“ прошепело въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ которыя сіяли ему изъ бездны и „не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ мировъ Божиихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трелетала „соприкасясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просить“, прошепело опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ свѣтъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Паль онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“, говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему „пробывать въ міру“.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ө. ДОСТОЕВСКІЙ.

МОГАРЬ МЛАДШИЙ *

РОМАНЪ АНДРЕЯ ТӨРИЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

XIV.

— Господинъ Этьевъ, вашъ супъ готовъ!

Когда равнымъ утромъ это восклицаніе Терезы доносило съ двора въ свѣтелку чрезъ открытое окно освѣщенное листьями фигового дерева, Этьевъ Могарь сходилъ въ кухню гдѣ огонь весело пылалъ на очагѣ. На столѣ уже стояла миска; мышица снимала крышку, и вкусный запахъ капусты, картофеля и овощей распространялся въ комнату по мѣрѣ того какъ паръ поднимался къ потолку. Этьевъ наливалъ себѣ полную тарелку супа и съ аппетитомъ принимался завтракать, наблюдая въ то же время за Терезой, которая то входила въ комнату, то уходила изъ нея.

Со дня праздника жатвы Этьевъ сдѣлался постояннымъ гостемъ на мызѣ ла-Жубардьеръ. Онъ свискалъ доброе расположение сулруговъ Байларжонъ нарисовать ихъ портреты; поразительное сходство послѣднихъ погрузило добрую

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣст.* №№ 6, 7 и 8.

чету въ изумленіе и восторгъ. Его веселый нравъ и непринужденное обращеніе сдружили съ нимъ всѣхъ обитателей мызы; онъ работалъ на открытомъ воздухѣ и въ изобиліи находилъ модели; случалось что молодой человѣкъ на три и на четыре дня покидалъ свою квартиру въ Прессиньи и оставался все это время на мызѣ, гдѣ онъ щедро платилъ свою долю расходовъ. Никогда еще онъ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ какъ здѣсь, на этомъ небольшомъ уголкѣ земли: онъ жилъ теперь тою же жизнью какъ и Тереза.

Тереза была душою мызы. Она присматривала за всѣмъ и во всемъ помогала. Проворная, сильная, здоровая, она какъ бы озаряла старую мызу свѣтлымъ сіяніемъ молодости и веселья. Чета Байларжоновъ, давно уже потерявшая дѣтей, перенесла на Терезу всю свою привязанность. Старики безъ памяти любили ее и тѣмъ охотнѣе повиновались желаніямъ своей приемной дочери, чѣмъ болѣе они сознавали какъ полезны для благоденствія мызы ея совѣты и ея дѣятельность. По мѣрѣ того какъ Этьенъ ближе видѣлъ Терезу, онъ все болѣе цѣнилъ и понималъ ее. Въ первые дни своего прибытія въ Прессиньи, молодой человѣкъ почувствовалъ состраданіе при мысли о томъ что дѣвица Дерошъ, принадлежавшая прежде къ среднему и сравнительно образованному классу Сень-Клемантена, обречена теперь на утомительный трудъ и на постоянное общеніе съ совершенно невоспитанными людьми. Буржуазные предрасудки, всосавшыя имъ съ молокомъ матери, заставляли его смотрѣть на такую перемѣну какъ на что-то унижающее. Всмотриваясь ближе, онъ мало-по-малу замѣтилъ что онъ ошибался. Эта жизнь не составляла для Терезы униженія; молодая дѣвушка только возвратилась въ свою настоящую среду. Говоря правду, она чувствовала себя чужою какъ въ монастырскомъ пансіонѣ, такъ и въ своемъ домѣ въ улицѣ Лудовика XIII. Вслѣдствіе ея независимаго характера и ея потребности дѣятельности, дамы и дѣвицы сень-клемантенскаго общества смотрѣли на нее какъ на дикарку. Возвращенная обстоятельствами въ деревенскую среду гдѣ она была воспитана, Тереза снова стала сама собою; личность ея выигрывала, развивалась здѣсь на просторѣ и безъ стѣсненій. Самый изящный дѣсной цвѣтокъ кажется безцвѣтнымъ и ничтожнымъ если пересадить его въ каумбу садовыхъ цвѣтовъ, ставшихъ маховыми благодаря культурѣ. Для того чтобъ онъ явился

въ своей настоящей красотѣ, ему необходима рамка лѣсныхъ деревьевъ, необходимъ зеленоватый свѣтъ отражаемый роскошною листвою, необходимо сельское небо проглядывающее сквозь вѣтви. То же было съ Терезой. Этьенъ никогда не видывалъ ее такою привлекательною какъ среди деревенской обстановки въ ла-Жубардьеръ.

Онъ чувствовалъ что и его умъ становится шире и могуче съ той поры какъ онъ перемѣнилъ узкую среду городка Прессиньи на вольный воздухъ, на привольную деревенскую жизнь. Когда наблюдаешь очень маленькіе предметы, линія дба и зрачки глазъ сжимаются, весь человѣкъ какъ бы становится меньше подъ усиліями этого мелочнаго вниманія. Напротивъ, при созерцаніи широкаго пейзажа, грудь расширяется, глаза раскрываются какъ бы для того чтобы наполниться величіемъ зрѣлища. Такъ преображала сердце и мысли Этьена жизнь которую онъ велъ въ ла-Жубардьеръ; онъ замѣчалъ что среди этого здороваго и чистаго воздуха талантъ его приобретаетъ простоту и силу.

Когда онъ при первомъ крикѣ лѣтуча отворялъ свое окно, видъ долины еще погруженной въ прозрачный туманъ наполнялъ всѣ его чувства чарующею свѣжестью. Мало-по-малу легкая дымка тумана поднималась къ прозрачному голубому небу; изъ-за тополей начинали видѣться двѣ башни Прессиньи и сѣрая крыша домовъ; серебристое сверканье обозначало теченіе рѣки промежду ветлей; среди мирнаго утренняго свѣта крестьяне по одиночкѣ направлялись каждый на свою ежедневную работу... Они шли медленно, тяжелымъ шагомъ сильнаго и терпѣливаго животнаго. Позади изгородей мелькало то здѣсь, то тамъ метааллическій блескъ косы; въ гуакомъ воздухѣ раздавалось ржаніе лошади или грузный ритмъ повозки катившейся по замощенной дорогѣ. Солнце вставало, и со всѣхъ сторонъ начиналъ подниматься шумъ рабочаго дня: шумѣли косы, стукали цѣпы, поселяне кричали на своихъ волахъ. Въ жаркій часъ полудня надъ долиной разливалась дремота и умокала всякій шумъ. Лучи солнца прямо ладали на поля, на крыши, на лѣса голубоватыхъ сосенъ; въ этомъ яркомъ свѣтѣ слышно было только острое стрекотаніе кузнечиковъ и мягкій звукъ полета голубей. Солнце начинало склоняться, работы возобновлялись. Съ наступленіемъ сумерекъ какъ бы возвращалось оживленіе господствовавшее утромъ; въ немъ только было что-то болѣе мягкое; полные

звуки смѣнялись лолутонами. Распрѣянные волны возвращались на мызы; ластухи звали животныхъ, слегка и какъ бы нараслѣвъ поднимая голосъ; повозки нагруженные снопами овса тянулись вдоль ломеркнувшаго берега; за стеклами домовъ видѣлся красноватый свѣтъ огней, на порогахъ домовъ звучалъ дѣтскій смѣхъ. Ночь опускалась, молчаніе мирно исходило на опустѣвшія поля вмѣстѣ съ спокойнымъ сіяніемъ свѣздъ. Замиралъ всякій звукъ; только время отъ времени издалека доносился лай собаки, блеяніе овцы, да постоянное и ровное гудѣніе двухъ рѣкъ саввавшихъ свои свѣжія воды ловерхъ мельницы.

Это существованіе повторялось изо дня въ день, и крестьяне не находили его однообразнымъ. Потребность въ волненіи, увлекающая цивилизованныхъ людей въ вихрь измѣнчивыхъ ощущеній, есть признакъ уладка и слабости. Крестьянину необходима болѣе сильная энергія, болѣе твердая увѣренность въ своихъ силахъ для того чтобы не утомиться постояннымъ общеніемъ съ одними и тѣми же людьми, постояннымъ обращеніемъ съ одними и тѣми же предметами, чтобы терпѣливо начинать съ начала все тѣ же работы и въ теченіе цѣлой долгой жизни отвѣчать все тою же улыбкой на улыбки сосѣдей. Эти люди, думалъ Этьенъ, славнѣе и крѣпче насъ! Мы больны, мы волнуемся; у нихъ твердая и ясная воля въ крѣпкомъ тѣлѣ; прикосновеніе къ землѣ даетъ имъ энергію которая постоянно возобновляется.

Онъ былъ благодаренъ Терезѣ за то что понавля эту истину. Онъ удивлялся здравому смыслу и энергической волѣ этой дѣвушки которая отважилась отказаться отъ привычекъ и предрасудковъ буржуазной жизни чтобы смѣло полаты противъ теченія, чтобы освѣжиться въ жесткомъ; но здоровомъ и укрѣпляющемъ родникѣ сельской жизни.

Тереза никогда не оставалась праздною и принимала участіе во всѣхъ сельскихъ работахъ которыя слѣдовали одна за другою, каждая образуя рамку для ея простой и гармонической красоты. Разъ вечеромъ, во время покоса, Этьенъ, яредшій цѣлую недѣлю на мызѣ, спустился на лугъ чтобы проститься съ молодою дѣвушкой предъ своимъ возвращеніемъ въ Прессиньи. Луга были скошены начисто, Байларжона и ея мужъ только что ушли домой, Тереза собирала граблями остатки травы. На желтѣющей зелени луга ея силуэтъ выдѣлялся въ формѣ движущейся черной чедовѣче-

ской фигуры. Можно было различить только общія очертанія тѣла, увеличенныя и упрощенныя разстояніемъ и теллымъ сумеречнымъ свѣтомъ линіи непокрытой годовы, бюста обтянутаго полотняною сорочкой, и шерстяной юлки. При глухомъ звукѣ шаговъ по дугу она обернулась, увидала Этьена и улынулась. Она бросила на колну еще двѣ - три кучки травы, и отряхнула травинки залутавшіяся въ ея волосахъ:

— Готово, сказала она.—Сѣно высохло, завтра можно будетъ его свозить.

Тереза уронила грабли и сѣла на колну.

— Ахъ, продолжала она, вздыхая и скрещивая руки на груди,—я сегодня хорошо поработала; теперь пріятно будетъ отдохнуть.

— Я удивляюсь вамъ, воскликнулъ Этьенъ;—вы постоянно въ движеніи, постоянно раньше всѣхъ за работой и всегда кончаете ее послѣднемъ.

— Какъ же иначе?... Байларжонъ старѣется, матушкѣ и безъ того много дѣла на мышѣ. Впрочемъ, я не могу оставаться бездѣятельною, движеніе и воздухъ необходимы мнѣ какъ хлѣбъ.

Этьенъ сѣлъ подлѣ нея.

— Вы отличная хозяйка, прошепталъ онъ.

— Вы находите? Признайтесь что мнѣ было не мѣсто оставаться въ Сенъ-Клемантевѣ и заниматься тамъ вышиваньемъ у залертаго окна!

— Можетъ-быть, еслибы вы остались въ дѣвушкахъ. Но еслибы вы вышли замужъ?

— Замужъ! А кто бы захотѣлъ жениться на такой полудикаркѣ какъ я? Нѣтъ, я навѣрное осталась бы въ дѣвушкахъ и умерла бы отъ скуки.... Все что произошло оказалось къ лучшему.

Этьенъ молча качалъ головой и съ восторгомъ глядѣлъ на черные глаза своей сосѣдки и на ея плечи обрисованныя полотномъ сорочки, натянувшейя скрещенными на груди руками. Смеркалось. Вокругъ нихъ разливался острый аромат свѣже-скошенныхъ травъ. Подъ вліяніемъ этого сладострастнаго аромата Этьенъ чувствовалъ какъ въ сердцѣ его олять заговариваетъ нѣжность; сама Тереза казалось подчинялась этому ольпяющему запаху свѣжаго сѣна. Любовь олутывала ихъ своими чарами, невидимыми и въ то же время

ощутительными; присутствие ея было замѣтно въ ихъ опущенныхъ глазахъ, въ колеблющихъ ваволнованной груди, въ самомъ ихъ молчаніи.... Тереза первая лоняла все смущающее и оласное въ этомъ молчаніи, и сдѣлала усиліе чтобъ его прервать.

— Вы покидаете насъ сегодня вечеромъ? внезапно спросила она.

— Да, маѣ нужно посмотрѣть у себя дома не случилось ли чего во время моего отсутствія. Но я скоро вернусь.... вернусь какъ можно скорѣе, если только я не надоѣлъ здѣсь на мызѣ.

— Что вамъ за мысль пришла? Старики васъ любятъ и всѣ на мызѣ толькo и дѣлаютъ что хвалить васъ.

— А вы, Тереза?

— Я? сказала она смѣясь,—я разумѣется подтягиваю ихъ лѣсенку.

Она подняла свои грабли, безъ сомнѣнія чтобы скрыть отъ Этьена краску разлившуюся по ея лицу, и вдругъ встала:

— Однако совсѣмъ стемнѣло. Мнѣ нужно готовить ужинъ. Прощайте, господинъ Этьенъ!

Онъ всталъ въ свою очередь и взялъ ея руку.

— Тереза, началъ онъ,—я.. Онъ не договорилъ и поднесъ къ губамъ ея маленькую загорѣлую руку.—До скорого свиданья! отрывисто воскликнулъ онъ и быстро удалился по направленію къ Прессини, оставивъ Терезу нѣсколько смущенною.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, Этьенъ ходилъ по своей мастерской приводя въ нѣкоторый порядокъ этюды во множествѣ прислоненные къ стѣнамъ. Въ дверь осторожно постучали. Вошелъ Марціалъ Броссаръ.

— Наконецъ-то мнѣ удалось застать васъ, господинъ художникъ! воскликнулъ онъ слегка ироническимъ тономъ.—Я на этой недѣлѣ два-три прикладывалася къ вашимъ дверямъ, но птичка все была выпорхнувши.. Гдѣ вы это пропадаете?

— Я прожилъ цѣлую недѣлю на мызѣ ла-Жубардьеръ и много тамъ работалъ.

— Съ натуры? спросилъ Марціалъ съ усмѣшкой все болѣе и болѣе ироническою.

— Да, отвѣтилъ Этьенъ.—Чему вы смѣетесь? Я дѣлалъ этюды на открытомъ воздухѣ, и почти доволенъ ими.

— Еще бы не быть довольнымъ! Съ такою-то натурщицей!

— Чтò? чтò вы хотите сказать?

— Ничего, я кажется говорю ясно. Вы хотѣли со мною секретничать, но меня провести трудно.

Онъ подошелъ къ Этьену, взявъ его руку, и съ комическою важностью потрясъ ее.

— Злодѣй! прошепталъ онъ ему на ухо,—поздравляю! Она прелестна, эта молодежькая мызница!

Этьенъ покраснѣлъ.

— Чтò это значить? съ трудомъ проговорилъ онъ.—О комъ вы говорите?

— О комъ?... О, лаутъ! Разумѣется не о старухѣ Байларжонъ!

— Господишь Броссаръ! Ваши шутки переходятъ границу!

— Не горячитесь, возразилъ Марціалъ развязно-добродушнымъ тономъ и положилъ руку на плечо живолнца.—Ваша скрытность, вотъ чтò превосходитъ всякія границы! Могли бы вы кажется хоть со мною-то не секретничать... Развѣ я съ вами сталъ долго ломаться? Развѣ я не признался вамъ сразу въ какихъ отношеніяхъ я нахожусь съ тою дамою чтò живетъ напротивъ?

— Но вѣдь это уже изъ рукъ вонъ! воскликнулъ Этьенъ вѣ себя.—Не думаете ли вы уже что мадемуазель Тереза?...

— Что она въ связи съ вами? Разумѣется думаю. Да и чтò же въ этомъ за бѣда? Но если это государственная тайна, шутиво прибавилъ сборщикъ, поворачиваясь на каблукахъ,—не будемъ болѣе про это говорить!... Только я долженъ предупредить васъ что это секретъ извѣстный уже всему городу. Мнѣ уже недѣлю тому назадъ рассказали все госпожа Дювиньио и ея сестра.

— Онъ солгали вамъ... Это нехлѣбая слетня.

— Позвольте. Если все это ложь, то сознайтесь что вы сдѣлали все чтобы придать ей видъ истины. Волервыхъ, вы обманули меня въ первый же вечеръ нашего знакомства, помните, когда мы укрылись отъ дождя на мызѣ ла-Жубардьеръ... Вы уже въ то время были знакомы съ этою госпожей; говорятъ даже что вы и въ Прессиньи-то пріѣхали только за тѣмъ чтобъ опять ее увидеть. Потомъ, вы наняли квартиру у Миника, и сейчасъ же уѣхали на мызу Байларжонъ. Вы проводите тамъ цѣлыя недѣли, живете дверь

о дверь съ хорошенькою дѣвушкой за которою нѣтъ никакого присмотра... и которая, вдобавокъ, служитъ вамъ натурщицей... Пожадите! да кто же тутъ устоитъ! Вы никого не убѣдите...

— Довольно! повелительнымъ голосомъ перебилъ его Этьенъ. — Дѣвица Дерошъ честная дѣвушка. Я уважаю ее и прошу васъ громко сказать это всѣмъ кто на нее клевететь.

— Съ удовольствіемъ, возразилъ сборщикъ нѣсколько обиженнымъ тономъ и съ незамѣтнымъ пожатіемъ плечъ.—Если вамъ угодно, я буду разглашать это вездѣ съ трубнымъ звукомъ.. Только, будьте увѣрены, никто этому не повѣритъ. Вы кажется опять хмурите брови?... Съ вами нѣтъ возможности шутить... Прощайте, я уйду!

Онъ удалился. Этьенъ слышалъ какъ стулѣни дѣстаицы скрипѣли подъ его мѣрнымъ и тяжелымъ шагомъ, и какъ онъ нагнѣвалъ:

La danse n'est pas ce que j'aime,
Mais c'est la fille à Nicolas;
Lorsque je la tiens par le bras,
Alors mon plaisir est extrême....
Et puis nous nous parlons tout bas,
Tout bas... tout bas!

Молодой Могаръ оставался неподвижнымъ среди своей мастерской, кусая себѣ губы и комкая въ рукахъ листъ бумаги. Было очевидно что сборщикъ говорилъ правду. Въ глазахъ жителей Прессиньи, ладкихъ на всякаго рода скандальныя происшествія и судившихъ только по вѣншности, его поселеніе въ этомъ городкѣ естественно должно было казаться простымъ предлогомъ для того чтобъ отыскать Терезу. Его частыя посѣщенія мызы ла-Жубардьеръ должвы были подтвердить подозрѣнія; гослосжа Дювиньио и ея сестра разумѣтся не затруднились ни на одно мгновение истолковать эти посѣщенія по-своему. Такимъ образомъ, по его вѣнѣ, Тереза была предана на всеобщее посмѣяніе, была жестоко скомпрометтирована. Ужели ему предназначено было судьбой постоянно, безъ малѣйшаго намѣренія съ его стороны, примосить несчастіе этой молодой дѣвушкѣ?... На этотъ разъ по крайней мѣрѣ онъ могъ пособить бѣдѣ. Онъ посмотрѣлъ на часы: было четыре. Ему еще оставалось время до наступленія ночи послѣтъ на мызу. Онъ быстро отправился въ путь, не ста-

раясь даже укрыться отъ проническихъ и любопытныхъ взглядовъ Марціала Броссара, который курилъ трубочку подъ окномъ своей конторы и провожалъ его глазами до самаго поворота дороги. Прибывъ на мызу, Этьенъ узналъ что Тереза ушла помогать старику Байларжону въ сборъ картофеля на полянѣ возаъ олушки лѣса. Молодой человѣкъ немедленно направился туда же.

Онъ скоро различилъ за пожелтѣвшими лугами и темными кивами оставленными въ парѣ поля съ картофелемъ принадлежавшія мызѣ. Свѣже вскопанная земля была покрыта зияющими отверстіями усѣянными почернѣвшею ботвой и позабытыми клубнями. Небо было покрыто мелкими бѣлыми облачками; на песчаную земаю, на посаляхъ занятыхъ этою послѣдней осеннею жатвой, на отдаленные контуры голубоватыхъ холмовъ падалъ ровный и мягкій полусвѣтъ. Мѣшки наполненные картофелемъ были разставлены прямыми линиями на извѣстныхъ разстояніяхъ; медленно горѣли огни разведенные изъ еловыхъ шишекъ и сухой ботвы; тонкіе столбы дыма перпендикулярно поднимались къ небу. Слышались дружескіе оклики работавшихъ, переключавшихся между собой; весь этотъ меланхолическій октябрьскій пейзажъ былъ погруженъ въ одишь смутный и неопредѣленный кодеръ.

Почти на самой олушкѣ лѣса Тереза высыпала въ мѣшокъ корзину наполненную картофелемъ. Ея внимательный профиль выдѣлялся на темной зелени сосенъ; вечерній вѣтерокъ поднималъ складки ея бѣлой косынки. Этьенъ прямо направился къ молодой дѣвушкѣ. Удивленная и вѣскольکو сконфуженная, она бросила на него вопросительный взглядъ, между тѣмъ какъ сдвинутыя брови придавали ея лицу строгое выраженіе.

— Какъ? сказала она, — это вы? мы васъ сегодня не ожидали.

— Я возвратился, отвѣтилъ Этьенъ, — онъ остановился и перевелъ дыханіе, — я возвратился единственно для того чтобы сказать вамъ одну вещь которую я не осмѣлился сказать вчера, но которую все-таки долженъ вамъ сообщить... Есть у васъ время меня выслушать?

— Я слушаю васъ, прошептала она, бросая корзинку и облакачиваясь на мѣшокъ. — Въ чемъ дѣло?

— Тереза, продолжалъ молодой человѣкъ, — помните вы тотъ день когда мы отъ дождя укрылись съ вами на мызу близъ *Fontaine des Ages*?

Она наклонила голову.

— Да, сказала она со вздохомъ,—день этотъ кончится для меня слишкомъ печально для того чтобъ я могла его позабыть.

— Помните вы нашъ разговоръ который мы вели въ то время какъ дождь лилъ ручьями?... Мы находили мызу очень бѣдною, а я вамъ говорилъ что буду однако счастливъ ведя на ней вмѣстѣ съ вами жизнь простаго крестьянина.

— Помню, сказала она и положила голову.

— Тереза, я не передумаю... я также бѣденъ какъ мызникъ близъ *Fontaine des Ayes*: хотите выйти за меня замужъ и вести вмѣстѣ со мною простую и мирную жизнь крестьянъ?

Тереза, вся взволнованная, машинально перебирала картофель насыпанный въ мѣшокъ.

Она взглянула ему прямо въ лицо:

— Вы не подумали объ одномъ, сказала она.—Я измѣнила мое положеніе, вы остались чѣмъ были прежде. У васъ уже не одинъ и тѣ же привычки, мы иначе думаемъ и иначе говоримъ.... придетъ день когда вы можете покрасѣть за меня... нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Зачѣмъ буду я красѣть за васъ? Потому что вы работаете въ землѣ?... Только одна праздность постыдна и унижительна, Тереза... Вы дѣвушка съ возвышеннымъ сердцемъ и возвышенными чувствами, а это качества которыя прежде всего нужно искать въ женщинѣ когда желаешь на ней жениться.

— Да, прошептала она, и снова опустила голову;—но по крайней мѣрѣ нужно чтобъ эта женщина принесла своему мужу незалатанное имя, имя которое дѣйствительно принадлежитъ ей. Мнѣ очень трудно говорить вамъ это, но... но у меня есть мать, вы знаете ея исторію, не такъ ли?

— А я? развѣ у меня нѣтъ отца? съ грустью возразилъ Этьенъ.—Повѣрьте мнѣ, Тереза, мы не ловимы въ ихъ простулкахъ; если намъ суждено красѣть за нихъ, соединимъ наши несчастія: намъ вмѣстѣ будетъ легче ихъ переносить.

— У васъ есть занятіе принуждающее васъ жить среди общества въ которомъ я была бы не на своемъ мѣстѣ.... Я испорчу вамъ жизнь.

— Вы вездѣ будете на своемъ мѣстѣ. Мое занятіе хорошо тѣмъ что позволяетъ мнѣ жить гдѣ я захочу, въ городѣ или въ деревнѣ. Впрочемъ, а не прошу васъ чтобы вы сейчасъ же

вышли за меня замужъ. Обѣщайте мнѣ только что будете моею женой. Мнѣ нуженъ годъ времени; тогда я буду ясно видѣть мою будущность, я приду напомнить вамъ ваше обѣщаніе... Скажите да, и я удовольствуюсь этимъ. Вы не отвѣчаете! Ужели вы болѣе не свободны? Ужели вы любите другого?

— Я! воскликнула она стремительно.— О! Боже мой, нѣтъ!

— Если такъ, Тереза, то знайте: я люблю васъ и только прошу чтобы вы позволили мнѣ васъ любить.

Она все молчала, облокотившись на мѣшокъ съ картофелемъ, ломая руки, устремивъ взоръ на голубоватый дымокъ огня, на смутное пространство обнаженныхъ полей гдѣ крестьяне все продолжали свою работу. Глаза ея были влажны, губы раскрылись какъ бы для отвѣта, но не произносили его. Еще минута, и этотъ отвѣтъ послѣдовалъ бы, участь Этьена была бы рѣшена, какъ вдругъ на концѣ поля послышался рѣзкій голосъ, голосъ заставившій молодого Могара вздрогнуть съ ногъ до головы.

— Господиъ Этьень! кричалъ кто-то,—господиъ Этьень!

Они обернулись. На красномъ фонѣ вечерняго неба выдѣлялась высокая и сухая фигура Целестина Тиффенд. Онъ бѣжалъ къ нимъ, руководимый маленькимъ подпаскомъ съ мызы ла-Жубардьеръ.

— Ахъ! воскликнулъ онъ едва переводя дыханіе,—ахъ, господиъ Этьень, насилу-то я васъ нашель. Послушайте, умница, мнѣ нужно поговорить съ господиномъ Могаромъ...

Внезапно онъ узналъ Терезу и всплеснулъ своими длинными руками.

— Мадемуазель Дерошъ! Ахъ, Господи, сколько дѣлъ-то случилось! Думалъ ли я увидать васъ сегодня вечеромъ!

— Целестинъ, взволнованнымъ голосомъ перебилъ его Этьень,—что произошло? Какъ вы попали сюда?

Целестинъ отеръ себѣ лобъ.

— Васъ зовутъ въ Сенъ-Клемантеъ, господиъ Этьень.— Для большей вѣрности вашъ батюшка послалъ меня за вами, я рыскаю со вчерашняго дня. Часъ тому назадъ я былъ въ Прессиньи: тамъ есть одинъ господиъ который видѣлъ какъ вы прошли, вотъ я васъ и нашель.

— Развѣ отецъ боленъ? спросилъ Этьень, отводя Целестина въ сторону.

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ тѣломъ онъ здоровъ. Боленъ—бавкъ. Кто бы могъ это подумать, скажите Бога ради? Та-

кой солидный домъ, такая сила! Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ всѣ безпрестанно берутъ у насъ обратно свои вклады, а это, вы сами знаете, къ хорошему не ведетъ. Вчера господи́нъ Могаръ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Прихожу. Ходить тамъ точно левъ по своей кавѣткѣ. Закричалъ: ступай, отыщи моего сына,—самъ мнѣ бумажку даетъ съ вашимъ адресомъ,—скажи ему что дѣло нужное и привози его ко мнѣ не теряя времени. Нужно мнѣ его, слышишь ли ты, или я ни за что не поручусь! У самого глаза такъ и выкатились Я любѣжалъ, простился съ женой, любѣжалъ сначала въ дилжансѣ, потомъ по желѣзной дорогѣ, потомъ взялъ подводу. Поѣдемте, господи́нъ Этьенъ!

— Сейчасъ, сказалъ молодой человекъ измѣнившимся голосомъ,—сейчасъ, еще одну минуту.

Онъ возвратился къ Терезѣ, которая оставалась неподвижною и съ безпокойствомъ смотрѣла на нихъ.

— Тереза, заговорилъ онъ опять,—я принужденъ тотчасъ же ѣхать въ Сель-Клемантенъ. Меня зовутъ туда, и я опасаясь что буду присутствовать при катастрофѣ которой давно опасался. Какъ знать при какихъ условіяхъ я возвращусь? Но я возвращусь. Дайте мнѣ вашу руку, это придастъ мнѣ силы.

Она повиновалась.

— Мужайтесь, сказала она.—До свиданья!

Целестинъ въ свою очередь пожалъ руку Терезы, извиняясь какъ могъ въ томъ что не узналъ ея съ перваго раза. Тереза только покачала головой, но не могла произнести ни слова. Они уѣхали. Она видѣла какъ они удалялись; глаза ея затуманились слезами, и она принуждена была закрыть ихъ рукой. Когда Тереза отняла руку отъ лица, Этьенъ и его спутникъ уже исчезли въ туманѣ поднимавшемся надъ долиной.

XV.

Заложивъ руки на слину, съ безпокойнымъ взоромъ и сжатыми губами, Симонъ Могаръ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Банкиръ постарѣлъ. Его могучія плечи сторбились, волосы обстриженные щеткой стали почти бѣлыми, цвѣтъ лица принялъ зловѣщіе кирпичные тоны. Не измѣнились только его суровая физіономія, равно какъ и

угрюмый видъ рабочаго кабинета. Полицьявшія зеленыя занавѣски еще нѣсколько болѣе пожелтели, обои еще болѣе разорвались, кожа стульевъ стала еще гляцивѣе; другихъ перемѣвъ не произошло. Стекла, потускнѣвшія отъ пыли и мухъ, пропускали все тотъ же мутный полусвѣтъ; часы все тѣмъ же надтреснутымъ звукомъ пробили девять часовъ утра. Могарь остановился на мгновеніе чтобы прислушаться къ ихъ бою, и вздохнулъ съ видомъ облегченія. Онъ соображалъ что въ эту минуту поѣздъ изъ Пуатье пріѣзжаетъ на станцію и, продолжая расхаживать, въ десятый разъ принимался рассчитывать время нужное Целестину и Этьеру чтобы прибыть изъ Прессиньи въ Сень-Клемантеъ. Если Тиффенъ, прибывъ въ Прессиньи наканунѣ вечеромъ, всталъ тамъ Этьера, онъ вѣроятно немедленно же отправился вмѣстѣ съ нимъ въ луть. Они должны были вхатъ теперь въ омнибусъ со станціи и чрезъ часъ прибыть въ Сень-Клемантеъ. Этотъ послѣдній часъ казался банкиру самымъ несноснымъ послѣ цѣлой бессонной ночи. Его была лихорадка. По временамъ, утомившись ходьбой по узкой комнатѣ, онъ садился, бралъ связку бумагъ и пытался думать о другомъ чтобъ обмануть свое нетерпѣніе; но безпокойство овлаждало имъ вновь и онъ снова начиналъ порывисто ходить взадъ и впередъ по кабинету.

Вдругъ онъ остановился и началъ прислушиваться. На мостовой слышался глухой звукъ колесъ и звонъ бубенчиковъ. Это былъ омнибусъ. Еще пять минутъ, и Симонъ Могарь долженъ былъ выйти изъ неувѣренности. Онъ не могъ долѣе владѣть собой и опустился въ кресло, собирая всю свою энергію и пытаясь возвратитъ хладнокровіе чтобы показаться сыну спокойнымъ. Въ кабинетѣ настала минута глубокой тишины; потомъ закричѣли стулени маленькой лѣстницы. Могарь всталъ точно подъ толчкомъ электрическаго тока, и въ то же мгновеніе дверь быстро распахнулась и въ ней показались Этьеръ и Целестинъ, всѣ покрытые пылью.

— Наконецъ ты пріѣхалъ! воскликнулъ банкиръ осиллымъ голосомъ.

Отецъ и сынъ въ смущеніи смотрѣли другъ на друга въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Они были взволнованы и растроганы свиданіемъ при подобныхъ обстоятельствахъ, но не настолько позабыли однако свои взаимныя неудовольствія чтобы броситься въ объятія одинъ другому.

— Вы звали меня, я явился, сказалъ Этьенъ.—Что случилось?

Банкиръ колебался одно мгновение. Потомъ, подавивъ свою гордость, онъ схватилъ руку Этьена и увлекъ его къ окну. Онъ испытывалъ потребность прикоснуться къ этому сыну, который былъ теперь его единственною точкою опоры, и какъ бы матеріально убѣдиться въ томъ что онъ еще можетъ ухватиться за него.

— Поди сюда, прошепталъ онъ.—Проголодался ты? Хочешь ты что-нибудь съѣсть?

Этьенъ отвѣтилъ что онъ и Целестинъ позавтракали на дорогѣ.

— Хорошо, сказалъ Могаръ,—слѣдовательно мы можемъ сейчасъ же поговорить о дѣлѣ... Целестинъ, оставь насъ!

Тиффенъ поклонился и исчезъ. Этьенъ сѣлъ; банкиръ въ свою очередь откинулся на спинку кресла, обдумывая какъ начать разговоръ, и въ то же время машинально приводя въ порядокъ бумаги раскиданныя по конторкѣ.

— Я нуженъ вамъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, я счелъ необходимымъ на словахъ познакомить тебя съ моимъ положеніемъ.... Целестинъ ничего тебѣ не говорилъ?

— Онъ сказалъ мнѣ по секрету что банкъ идетъ плохо и что у васъ денежныя затрудненія.

— О! эти затрудненія минутныя, съ живостью вскричалъ банкиръ,—но они дѣйствительно существуютъ... Видишь, я сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ спекуляцій, это можетъ случиться съ самымъ ловкимъ человѣкомъ... Императоръ повторялъ вездѣ: „Имперія есть миръ“... Я повѣрилъ ему на слово... Я купилъ земли въ Пуатье, я выстроилъ тамъ дома, цѣлый кварталъ, *not de jour!* Я разчитывалъ что торговля вся сосредоточится близь станціи желѣзной дороги и что я перепродамъ свои постройки на вѣсь золота; но эта проклятая Крымская война подѣвкала мнѣ руки и ноги. Я хотѣлъ поправиться спекуляціями на биржѣ, и сталъ играть на пониженіе, а черезъ день взяла Малаховъ Курганъ... Несчастіе дьявольское! Я потерялъ большія суммы, про это свѣдали, кредитъ мой пошатнулся. Потомъ—у меня есть враги—начали сплетничать, начали клеветать... Вотъ каковы люди! Кто идетъ въ гору, тотъ въ ихъ глазахъ великій человѣкъ; случись съ кѣмъ неудача, они считаютъ того за лоддея! Публика ислугалась, кинулась ко мнѣ въ кассу какъ стадо барановъ... На этомъ дѣло теперь

остановилось. Если лавика будетъ продолжаться и отъ меня вдругъ потребуютъ всѣ тѣ милліоны которые я разсозалъ по всѣмъ угламъ департамента, я буду лишень возможности вылолвить всѣ мои обязательства; я должевъ буду постыднымъ образомъ приступить къ разорительной для меня ликвидаціи чтобъ удовлетворить всѣхъ этихъ трусовъ и выдать имъ обратно ихъ деньги.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу и поднялся, произнося проклатіе:

— *Nom de nom!* Когда подумаешь что черезъ полгода я былъ бы у цѣли!... Я уже касался ея, какъ касаюсь теперь этой стѣны! Я выступилъ бы официальнымъ кандидатомъ на выборахъ предстоящихъ этою зимой. Меня поддерживали бы префектъ, поддерживало бы духовенство, я прошелъ бы сразу, и сѣлъ бы въ законодательное собраніе!... И вдругъ все сыплется, точно лѣса которые дурно выстроены!... Нужно же случиться такому несчастію! Но я еще не сказалъ своего послѣдняго слова. У меня еще здоровыя руки и лаещи... Я все еще могу поправить, если только ты мнѣ поможешь.

Этьенъ слушалъ своего отца сначала съ нѣкоторымъ недоумѣемъ, потомъ все съ большимъ и большимъ вниманіемъ и волненіемъ. Когда банкиръ разказывалъ про свои неудачи, молодой человекъ неволью чувствовалъ себя растроганнымъ при видѣ этого человека, столь гордаго и деспотическаго, вынужденнаго теперь несчастіемъ обнаруживать всѣ свои страданія, всѣ раны нанесенныя его самолюбію. Въ глазахъ его блеснулъ лучъ сочувствія, между тѣмъ какъ Симонъ Могаръ сядилса олять въ свое кресло.

— Вы имѣли полное основаніе разчитывать на меня, сказаль онъ почти ласковымъ тономъ.—Какъ только дѣло касается чести нашего имени, я не имѣю ни въ чемъ для васъ отказа. Банкъ Могара не должевъ прекращать свои платежи. Я предоставилъ вамъ управленіе наслѣдствомъ послѣ моей матери; располагайте имъ какъ вашими собственными деньгами. Продавайте земли, продавайте бумаги, я предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій!... Когда увидать что вы платите наличными деньгами, довѣріе возстановится и вашъ кредитъ олять упрочится.

Отвѣчая такимъ образомъ, Этьенъ думалъ что онъ предупреждаетъ желанія своего отца; но подыавъ глаза онъ замѣтилъ что Симонъ Могаръ казалса далеко не восхищеннымъ

такимъ предложеніемъ. Банкиръ сжималъ кулаки и смотрѣлъ на Этьена съ выраженіемъ презрѣнія и гнѣва.

— Это все что ты выдумалъ чтобы поправить дѣло? возразилъ онъ.—Спасибо! Я не поздравляю тебя съ этою выдумкой. Продать имѣніе твоей матери?... Не продать ли кстати ужъ и мое, благо они общія?... Несчастныи! вѣдь это будетъ капля въ морѣ. Какъ только узнаютъ что я вынужденъ продавать мою недвижимость, сейчасъ же произойдетъ стачка чтобы покушать мои земли по дешевой цѣнѣ. Отъ такой операциі кредитъ мой не поднимется; напротивъ, это нанесетъ ему окончательный ударъ... Нечего и говорить про такія гаупости. Если я разчитываю на тебя, то разчитываю на болѣе дѣйствительную помощь. Я имѣю сдѣлать тебѣ ивыя предложенія.

— Я слушаю, сказалъ Этьень, внезапно расколовенный.

— Мнѣ нужно телерь одно, заговорилъ опять банкиръ,— нужно брать смѣлостью... Когда увидятъ что люди извѣстные въ Сень-Клемантевѣ, люди высшаго полета презираютъ слетни моихъ враговъ и соглашаются протягивать мнѣ руку, тогда довѣріе возстановится опять. Твоя бѣдная мать тысячу разъ была права постоянно повтораю мнѣ что намъ нужно прежде всего уваженіе. Она была права разчитывая что ты породнишься съ какою-нибудь изъ хорошихъ фамилій въ нашей мѣстности... Вотъ въ чемъ заключается настоящее-то дѣло, и вотъ чѣмъ ты можешь оказать мнѣ помощь.

— Я васъ не ловимаю.

— Въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ Могаръ, пронизывая своимъ взглядомъ глаза своего сына,—въ такомъ случаѣ я разкажу тебѣ все по складамъ... Здѣсь есть очень вліятельное семейство: Буассегены. У нихъ, правда, нѣтъ состоянія, но они близкіе родственники президента Сурдевала и епископа въ Пуатье. Въ семьѣ три дочери: двѣ старшія перезрѣли и уже не думаютъ о замужествѣ, но послѣдней, Христианѣ, только двадцать одинъ годъ. Она хороша собою, умна, слитъ и видитъ только бы выдти замужъ. Кажется она имѣетъ слабость къ художникамъ; кажется ты ей нравишься. За тебя ее отдадутъ охотно, тебѣ стоить только посвататься; въ тотъ самый день какъ объявятъ вашу свадьбу, банкъ Могара будетъ спасенъ.

Банкиръ не слускалъ глазъ съ своего сына; лицо Этьена оставалось безстрастнымъ и непроницаемымъ.

— Виновать, возразилъ онъ наконецъ,—вы кажется сейчасъ говорили что состояніе моей матери окажется недостаточнымъ чтобъ удовлетворить вашихъ кредиторовъ?

— Да, еслибы мы были принуждены продавать нашу собственность; но если ты жевшись, дѣло повернется совсѣмъ иначе. Дурные слухи прекратятся, довѣріе востановится, мы станемъ тверже нежели когда-нибудь.

— Но вѣдь семейство Буассегеновъ должно знать ваше положеніе. Мнѣ кажется невѣроятнымъ чтобъ оно согласилось породниться съ нами при такихъ условіяхъ.

— Ба! они знаютъ что ты владѣешь состояніемъ къ которому мои кредиторы не могутъ прикоснуться... Я все это предусмотрѣлъ... Кромѣ того отецъ и мать люди очень небожные; я имѣю за себя духовенство, у котораго лежитъ много капиталовъ въ моемъ банкѣ: оно заинтересовано въ томъ чтобъ предупредить его паденіе; въ случаѣ надобности они подѣйствуютъ на Буассегеновъ чтобы...

— Чтобъ ихъ обмануть! перебилъ Этьенъ.

— Какъ? пробормоталъ банкиръ.—Это еще что такое?

— Очевидно что здѣсь будетъ обманъ, холодно повторилъ молодой человекъ.—Они будутъ думать что выдаютъ дочь за богатаго человека, а она окажется женой бѣдняка.. Неужели вы думаете, воскликнулъ онъ,—что въ случаѣ какого-нибудь несчастія я соглашусь осларивать у вашихъ кредиторовъ состояніе моей матери? Вы можете быть увѣрены что я отдамъ имъ все до послѣдней монеты... Слѣдовательно бракъ этотъ не можетъ состояться, и не состоится.

— Ты слѣдовательно предпочитаешь видѣть меня разореннымъ, обезчещеннымъ?

— Не стыдъ быть бѣднымъ. Ваша честь мнѣ пострадаетъ отъ моего отказа, нежели отъ моего согласія на ваше предложеніе.

— Нѣтъ, пострадаетъ: я еще не все тебѣ сказалъ! возразилъ Могаръ, понижая голосъ.

Онъ еще договаривалъ послѣднія слова, какъ кто-то постучалъ въ маленькую дверь. Банкиръ всталъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ, отперъ дверь, и отступилъ увидавъ красноватое, гладко выбритое лицо господина Ландюре, судебного пристава при Сенъ-Клемантенскомъ судѣ.

— Извините, господинъ Могаръ, пробормоталъ судебный приставъ,—извините что я васъ беспокою... Вотъ у меня тутъ

есть для васъ повѣсточка... вызовъ въ судъ по дѣлу Берлокева. Дай, думаю, передамъ ужъ вамъ ее въ собственныя руки. Волервыхъ, этого и обязанность моя требуетъ, а вотъ торыхъ, оно знаете и поскрытыве будетъ: что жъ такой бумажкѣ по конторѣ-то вашей валяться.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу сложенную вчетверо и протянулъ ее банкиру. Тотъ быстро ее пробѣжалъ. Судебный приставъ принялъ между тѣмъ разсѣянный видъ и смотрѣлъ по сторонамъ какъ человѣкъ совершенно незнающій о чемъ идетъ дѣло.

— Хорошо, проворчалъ Могаръ самымъ надменнымъ своимъ тономъ,—благодарю васъ. Вы можете идти.

Судебный приставъ поклонился, исчезъ, и дверь тихо затворилась. Тогда Могаръ обратился къ своему сыну и бросилъ ему бумагу:

— Я еще не все сказалъ тебѣ, повторилъ онъ отрывисто,— читай!

Этьенъ прочиталъ въ свою очередь повѣстку, которую банкиръ Симонъ Могаръ вызывался къ слѣдственному судѣ по обвиненію въ лихоимствѣ совершавшемся совместно съ Жаккомъ Берлокевомъ, каковой проступокъ предусмотрѣнъ... здѣсь слѣдовало обозначеніе статей уголовного кодекса.

Молодой человѣкъ долго держалъ бумагу въ своихъ трепещущихъ рукахъ. Строки прыгали въ его глазахъ; краска бросилась ему въ лицо. Предчувствія не обманули его: предстояла катастрофа которой онъ опасался. Глава дома Могаровъ привлекался на скамью подсудимыхъ... Онъ положилъ повѣстку на столъ и подвѣлъ на отца скорбный взоръ.

— Ужели правда что здѣсь написано?

Симонъ Могаръ пожалъ плечами.

— Этотъ дуракъ Берлокевъ надѣлалъ глупостей и скомпрометтировалъ меня, вотъ что правда, отвѣтилъ онъ.—Можетъ-быть мы не правы со строго законной точки зрѣнія, но вѣдь всѣ знаютъ что въ торговомъ дѣлѣ нельзя брать такіе проценты какъ опредѣлено въ законѣ... Это было бы нечѣпно!... Юридически я выиграю дѣло, но я выйду изъ него вѣскольکو замараннымъ, и было бы лучше совсѣмъ его затушить... Ты понимаешь теперь почему нужно дѣйствовать не медля. Сурдевалъ дядя дѣвцы Буассегень: если ты женишься на ней, ясно что онъ не станетъ идти противъ человѣка котораго его племянница будетъ называть отцомъ... Въ этихъ

такъ - называемыхъ диквенныхъ дѣлахъ все зависитъ отъ взгляда суда: сѣдственному судѣ дадутъ понять этотъ взглядъ, дѣло затухать, и я выйду изъ него бѣлымъ какъ снѣгъ... Но для этого нужно чтобы ты сегодня же вечеромъ просилъ руки Христины де-Буассеженъ чрезъ посредство нашего приходскаго кюрэ... Все зависитъ отъ тебя; ты можешь меня спасти, можешь и погубить.

Голосъ его слегка дрожалъ; взглядъ искалъ глаза Этьена, но молодой человекъ отвернулъ голову. Сквозь запыленные стекла онъ смотрѣлъ на садъ, гдѣ вѣтеръ качалъ деревьями. Желтые листья какъ стая бабочекъ летали по туманному воздуху; далеко за предѣлами сада Этьенъ видѣлъ какъ-будто въ маревѣ поля мызы ла-Жубардьеръ, и среди нихъ честное лицо Терезы.

— Ты не отвѣчаешь? сказалъ наконецъ банкиръ.

— То что вы требуете—невозможно.

— Невозможно! вспыльчиво повторилъ Симонъ Могаръ,— послѣ всего что я тебѣ сказалъ?

-- Особенно послѣ того что вы мнѣ сказали.

— Слѣдовательно, воскликнулъ онъ съ бѣшенствомъ,—ты предпочитаешь погубить меня?... Меня могутъ приговорить къ тюремному заключенію. Сурдевалъ не станетъ меня цадить если ты не женишься на его племянницѣ. Тебѣ ничего не значитъ видѣть отца разорваннымъ, обезщеченнымъ, посаженнымъ въ тюрьму?

— Поймите меня, батюшка, я готовъ сдѣлать для васъ все что только можно сдѣлать честнымъ образомъ... Мое состояніе и мой трудъ принадлежатъ вамъ. Располагайте ими. Объявите сегодня же продажу вашихъ домовъ и земель; предоставьте выручку вашимъ кредиторамъ... Такой способъ дѣйствій расположитъ судей въ вашу пользу и облегчитъ вамъ защиту.

— Ты хочешь чтобы я сталъ нищимъ?

— Лучше добровольно лишиться состоянія, нежели потерять его по судебному приговору.

— Но я не хочу лишаться его ни такъ, ни иначе... Ничего этого не случится, если ты согласишься на бракъ который я тебѣ предлагаю.

— Никогда! Въ вашемъ предложеніи есть что-то постыдное что возмущаетъ мнѣ душу и совѣсть.... Я не допускаю этого способа подкупать правосудіе и оставлять безо всего

жертвы вашихъ спекуляцій; я не гожусь для такихъ дѣлъ... Не будемъ болѣе про это говорить.

— Я не знаю на что ты годишься, возразилъ банкиръ глухимъ и бѣшеннымъ голосомъ,—но навѣрное ты не мой сынъ...— Онъ порывисто принялся ходить по кабинету.—Мальчишка для котораго я все сдѣлалъ! воскликнулъ онъ.—Да знай же наконецъ: если я работалъ не разгибая спины, если я всего лишилъ самъ себя и былъ неуемимъ къ другимъ, если я занимался спекуляціями, за которыя меня упрекаютъ и которыя ввели меня теперь въ бѣду, то вѣдь все это я дѣлалъ для тебя! Я хотѣлъ полюбоваться какъ ты со временемъ будешь долатой грести золото и бросать его не считая на твои прихоти... Вотъ почему я никогда не хотѣлъ имѣть еще другихъ дѣтей... И вотъ мнѣ теперь награда! Еслибъ я далъ тебѣ братьевъ, между ними нашелся бы можетъ-быть хотя одинъ который понималъ бы меня и посвятилъ бы себя моимъ интересамъ. А ты что? Ты дурной сынъ... Ты всегда только перечилъ мнѣ, а теперь, когда я въ бѣдѣ, ты покидаешь меня какъ неблагодарный... Да, какъ низкій и неблагодарный сынъ, слышишь ли ты меня?

— Я не только не покидаю васъ, но предлагаю вамъ все что имѣю. Ликвидируйте все, покиньте Севъ-Клемантенъ, уѣжайте со мною. Я буду работать. Вы не будете терпѣть никакой бѣдности, даже уступивъ все ваше состояніе.

— Да я его уступать-то не хочу, тысяча проклятіи!... Ты развѣ не понимаешь что всѣ эти земли, эти дома, эти билеты которые я приобрѣлъ въ потѣ лица, что все это плоть отъ плоти моей, что все это куплено моею кровью, что въ *этомъ* заключается все мое существованіе!... Мнѣ нужны деньги и власть. Я цѣлую жизнь работалъ чтобы сдѣлаться богатымъ, а ты какъ дуракъ предлагаешь мнѣ выбросить мое состояніе за окно! Весь округъ преклонялся предо мною: а ты хочешь чтобы я какъ нищій шелъ вѣсть чужой хлѣбъ!... Вѣдь это смѣхъ!... Открой мнѣ жилы, убей меня сразу, мнѣ будетъ легче!... Нѣтъ! и еще разъ—нѣтъ! я не выпущу изъ рукъ ни одной монеты, ни одного клочка земли. Я выдержу натискъ моихъ враговъ: они увидятъ что у Симона Могара клювъ остеръ и на пальцахъ есть ногти!

Онъ какъ бѣшенный метался по комнатѣ. Лицо его стало багровымъ, жилы на лбу надулись, глаза наполнились кровью, губы дрожали, видъ его сдѣлался дикимъ. Этьенъ, весь

блѣдный и страшно взволнованный этою тяжелою сценою, стоялъ около письменнаго стола и не говорилъ ни слова. Источивъ все свое бѣшенство, банкиръ остановился измученный, едва переводя дыханіе. Мало по малу онъ сталъ опять спокойнѣе, и быстро подошелъ къ сыну:

— Послушай,—голосъ его былъ уже не такъ надмѣвнень,— ты долженъ понять меня, ты человѣкъ умный. Будь разсудителемъ. Я говорилъ съ тобою сейчасъ слишкомъ жестко; я былъ не правъ; позабудь что было сказано. Я обвинялъ тебя въ эгоизмѣ: это неправда. Напротивъ, я знаю что у тебя доброе сердце и что ты великодушенъ. Докажи это. Будь моимъ спасителемъ. Въ сущности, что я отъ тебя требую? Жениться на дѣвушкѣ красивой собою, молодой, изъ хорошей фамиліи. Кажется это не трудная вещь. Это не можетъ ни повліять на твою будущность, ни стѣснить твою независимость. Дѣловые браки тоже самое что браки изъ политическихъ расчетовъ: это одна формальность. Ты можешь потомъ слѣдовать первому твоему капризу, если только явится такой. Подумай, дѣло идетъ о чести твоего отца, о твоей собственной чести. Это стоить легкой жертвы... Привнеси ее для меня, я тебя прошу!

Онъ взявъ его за руки, говорилъ почти ласкающимъ голосомъ.

— Будь добрымъ сыномъ, умоляю тебя всѣмъ что есть для тебя самаго священнаго, именемъ твоей матери!.. Хочешь— я улажу къ твоимъ ногамъ, я буду просить тебя на коленяхъ?

Голосъ банкира звучалъ мольбой. Онъ пробуждалъ въ складкахъ полинялыхъ занавѣсокъ, въ трещинахъ перегородокъ, въ пыли бумагъ какъ бы эхо той мольбы съ которою Этьенъ когда-то на этомъ самомъ мѣстѣ обращался къ отцу, мольбы оставшейся неслышанною.

— Спаси меня отъ тюрьмы, спаси меня отъ разоренія! продолжалъ Могаръ, хватаясь за своего сына. — Послушай! вѣдь у тебя не камень же на мѣстѣ сердца... Еслибы ты просилъ меня о томъ же, я вынулъ бы твоей просьбѣ, я не остался бы непреклоннымъ!

— Я помню день, отвѣтилъ Этьенъ, — когда на этомъ же мѣстѣ я васъ умолялъ... и вы меня не хотѣли слушать. Я помню это, и все-таки готовъ былъ бы принести вамъ теперь жертву, еслибы вы требовали отъ меня возможнаго... Вы требуете отъ меня нечестнаго поступка, и несмотря на все мое

желаніе сласти васъ, несмотря на всё мои страданія, я признуденъ сказать вамъ—вѣтъ!

Банкиръ подвѣлъ голову и взглянулъ прямо въ лицо своему сыну. Вѣроятно съ прочелъ на немъ непоколебимую рѣшимость. Онъ внезапно вынулъ руки Этьена и оттянулъ назадъ.

— А! прошелталъ онъ,—ты болѣе жестоко вежели я когда либо былъ.. Уходи, я жалю что призывалъ тебя... Ты всегда былъ и всегда будешь помѣхой въ моей жизни... Ступай назадъ откуда ты пришел!

— Нѣтъ, отвѣтилъ молодой человекъ твердымъ голосомъ,—вѣтъ, что бы вы ни думали обо мнѣ, но я не покину васъ въ такую минуту. Я останусь здѣсь. Я буду податъ васъ въ судъ... я буду податъ васъ послѣ суда чтобы помочь вамъ въ вашемъ несчастіи.

— Мнѣ не нужно твоей помощи, я самъ справляюсь съ людьми и съ чертями! закричалъ банкиръ въ бѣшенствѣ.—Я покажу вамъ всё что я такое, какого я закала... Уходи! твой видъ раздражаетъ меня... я не хочу имѣть предъ глазами дурака который ни на что не годенъ... Уходи.. или..

Онъ толкалъ его изъ комнаты. Кулаки его были сжаты, глаза сверкали. Этьенъ, разбитый и растерянный, смотрѣлъ на него съ выраженіемъ болѣзненного сожалѣнія. Наконецъ банкиръ отворилъ дверь въ сѣни и вытолкнулъ сына, произнося послѣднее проклятіе. Потомъ, оставшись одинъ, онъ возвратился къ своему письменному столу, упалъ въ кресло и испустилъ крикъ бѣшенства походившій на рыканіе.

Все было кончено. Онъ чувствовалъ какъ послѣдняя опора сейчасъ сломилась въ его рукахъ. Теперь онъ могъ разчитывать только на свои собственные силы чтобы плыть противъ теченія, грозныя волны котораго уже шумѣли въ его ушахъ. Онъ присутствовалъ при многихъ крушеніяхъ, банкротствахъ, несчастіяхъ; онъ доводилъ до отчаянія не одну сотню людей, и ни разу на глазахъ его не наворачивались слезы. Теперь онъ испытывалъ въ свою очередь каково лишаться послѣдней надежды. Въ этомъ завоѣщемъ и темномъ кабинетѣ, среди этихъ четырехъ грязныхъ стѣнъ, онъ внезапно почувствовалъ себя несчастнымъ и покинутымъ какъ нищій который съ наступленіемъ вечера видитъ что послѣдніе дома селенія заливаются при его приближеніи, который остается среди мрака ночи съ глазу на глазъ съ пустынною, темною и безпривѣтною равниной.

XVI.

Съ наступленіемъ ноябрьской сессіи дѣло Берлокеа и Могара было уже совершенно окончено слѣдствіемъ и назначено къ слушанію въ судѣ. День былъ пасмурный; но несмотря на мелкій и унырый дождь орошавшій почернѣвшія вѣтви липъ на половину уже лишенные листьевъ, густая толпа съ утра стояла уже на площади предъ скромнымъ зданіемъ Сень-Клемантенскаго суда. На это число какъ разъ пришелся рыночный день, и, всѣ крестьяне такъ или иначе пострадавшіе отъ Могара собрались чтобы насладиться своею долей возмездія ненавистному имъ банкиру. Мелкая буржуазія и лавочники Сень-Клемантена въ свою очередь не хотѣли пропустить такого рѣдкаго случая. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ Симонъ Могаръ саашкомъ притѣснялъ ихъ для того чтобы они не почувствовали особаго наслажденія присутствовать при паденіи человѣка который еще вчера былъ въ городѣ тиранномъ въ миниатюрѣ. Торговцы покидали магазины, методическіе обыватели равне обыкновеннаго требовали завтракъ чтобы только увидѣть какъ поведутъ на скамью подсудимыхъ гордаго и надмѣннаго Симона Могара. Среди толпы видѣлись сюртуки, жакетки, блузы, куртки; каждый хотѣлъ завять хорошее мѣсто чтобы видѣть все до малѣйшихъ подробностей; зрители равне были безплощадны къ главному обвиняемому; слышно было какъ въ отдѣльныхъ группахъ раздавались клики—кричавшіе не старались даже скрыть своей радости—многое людей пошло черезъ него въ судъ, пусть теперь онъ самъ посидитъ на позорной скамьѣ!

Женщины, даже и тѣ явились на засѣданіе. Высокіе челки мызницъ и работницъ разнообразили своею матовою бѣлизной темную массу круглыхъ шляпъ съ широкими полями. Избранное общество Сень-Клемантена точно также пожелало присутствовать на зрѣлищѣ паденія Могаровъ. Всѣ жены чиновниковъ и властей цѣлую недѣлю вели интриги чтобы получить у Сюрдевала отдѣльныя мѣста въ залѣ засѣданія, и президентъ выбился изъ силъ чтобы удовлетворить всѣ обращенныя къ нему просьбы. Неизмѣнно предупредительный къ дамамъ, онъ равне всѣхъ прибылъ въ

зданіе суда для того чтобы тайкомъ провести представительницъ прелестнаго пола черезъ маленькую каалитку общавшуюся съ садомъ префектуры. Онъ самъ провожалъ ихъ по дождю съ таинственнымъ видомъ человѣка счастливаго назначеннымъ ему любовнымъ свиданіемъ. Онъ былъ восхищенъ этимъ случаемъ пожать руку и шелнуть complimentъ болѣе молодымъ женщинамъ, показывая имъ дорогу по темнымъ и узкимъ корридорамъ. Онъ провожалъ ихъ черезъ комнату судебныхъ совѣщаній и размѣщалъ со множествомъ любезныхъ предосторожностей на скамьяхъ обыкновенно занимаемыхъ адвокатами и лицами судебного вѣдомства.

Дамы шумно разсаживались. Ихъ нѣсколько удивлялъ эффектъ производимый нарядными платьями на темномъ фонѣ высокихъ скамей изъ орѣховаго дерева. Зала суда наводила на нихъ сначала нѣкоторую робость; онѣ чувствовали себя не на своемъ мѣстѣ, и съ почтительнымъ страхомъ смотрѣли на возвышенное полукружіе изъ котораго черезъ три высокія окна, задернутыя полупьялыми завѣсками, проликалъ слабый дневной свѣтъ, на большое Распятіе изъ чернаго дерева висившее позади судейскихъ креселъ, на зеленый судейскій столъ, на мѣста прокуроровъ и адвокатовъ, на пустое пространство предназначенное для публики. Мало-по-малу дамы начали свыкаться съ этою обстановкой. Онѣ поправляли завязки у своихъ шляпъ, приглаживали волосы, дѣлали другъ другу привѣтствія глазами и жестами, или же церемонно раскланивались съ женой президента, торжественно воссѣдавшею въ первомъ ряду съ тремя дѣвицами де-Буассегень. Наконецъ всѣ начали веселе болтать и послышавъ серебрястый смѣхъ, особенно странно звучавшій среди суровой и строгой пустоты судебной камеры.

Прошло одиннадцать часовъ. Швейцаръ распахнулъ обѣ половинки дверей въ глубинѣ залы, и публика бросилась въ нее съ такимъ же шумомъ какой производитъ вода вырывающаяся изъ шлюза. Изумленные дамы всѣ разомъ поднялись со своихъ мѣстъ, оборотились назадъ, и съ испуганными лицами начали смотрѣть на волны человѣческихъ головъ жавшихся одна подаѣ другой, на толпу съ каждымъ мгновеніемъ становившуюся все болѣе густою и шумною. Мужчины бравались, женщины кричали; два жандарма, поставленные по обѣ стороны главнаго прохода, едва могли

поддерживать порядокъ и не допустить смѣльчаковъ проникнуть за рѣшетку отдѣляющую помѣщеніе для публики отъ мѣстъ предназначенныхъ для лицъ судебного вѣдомства. Въ продолженіи этого времени адвокаты и повѣренные въ своихъ черныхъ одеждахъ старались искусно пробраться между криклинами и ухѣститься на очень ограниченномъ пространствѣ которое было имъ оставлено. Врезално среди шума толпы, среди шелота и смѣха дамъ слышался рѣзкій голосъ:

— Господа! Судъ идетъ!

Шумъ смѣнился глухимъ ролотомъ, и мало-по-малу установилась тишина.

Группа черныхъ маѳій появилась въ полукружіи черезъ дверь устроенную въ его глубинѣ. Впереди шелъ президентъ Сюрдеваль, съ раскрасѣвшимся ушамъ и лицомъ, на цѣлую голову возвышааясь надъ двумя невзрачными, съжившимися судьями; за нимъ шествовалъ прокуроръ съ своимъ товарищемъ, оба худые и строгіе; въ заключеніе двигался, переваливаясь съ ноги на ногу, толстый секретарь, лутааясь въ своей давящей одеждѣ, которая отъ времени и употребленія стала изъ черной зеленоватою. Почти въ то же самое время судебный приставъ вводилъ черезъ дверь предназначенную для свидѣтелей Симона Могара, сопровождаемого Целестиномъ и Этьеномъ, Жана Берлокена и двухъ адвокатовъ.

Всѣ головы вытянулись чтобы лучше рассмотреть главныхъ актеровъ драмы. Нѣкоторыя дамы захватили съ собою лорнетки и безъ церемоніи направили ихъ на Могара и на его сына. Банкиръ, въ сюртукѣ застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ ленточкой Почетнаго Легіона въ петлицѣ, стоялъ одно мгновеніе вытянувшись во весь ростъ, надменный, гордый, съ поведительнымъ и жесткимъ видомъ выдерживая обращенные на него взгляды. Лицо Этьена было блѣдно и осунуто; вокругъ глазъ видѣлась синева; можно было подумать что онъ являлся обвиняемымъ, а не его отецъ. Что касается до Берлокена, то онъ былъ еще приближеннѣе, еще тоньше и гибче чѣмъ обыкновенно; онъ проскользнулъ на свою скамью съ движеніями ящерицы, и прижался на своемъ мѣстѣ, время отъ времени кидая на судей умилый косвенный взглядъ.

Засѣданіе открылось рядомъ неинтересныхъ маленькиихъ дѣлъ. По совладному равнодушію судей и по той быстротѣ съ которою они рѣшали эти дѣла можно было замѣтить

какъ они слышали перейти скорѣе къ главному предмету. По всемъ присутствующимъ пробѣжала какая-то дрожь, нѣчто подобное тому какъ вѣтеръ проносится черезъ поле открытое высокими колосьями, когда еудейный приставъ прокричалъ своимъ фальцетомъ:

— Дѣло по обвиненію прокурорскимъ надзоромъ Берлокеа и Могаръ!

— Симонъ Могаръ! встаньте и подойдите сюда, сказалъ президентъ Сюрдеваль сухимъ тономъ, который обыкновенно бывалъ ему чуждъ.

Банкиръ подошелъ, высоко поднявъ голову, снялъ перчатку чтобы принять присягу, и отчетливымъ, твердымъ голосомъ отвѣтилъ на предварительные вопросы. Президентъ началъ спрашивать его объ операціяхъ которыя прокуратура считала лихвенными. Могаръ съ большимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ что прокуроръ ошибается относительно характера операцій его банка. Онъ утверждалъ что никогда не требовалъ отъ своихъ кліентовъ болѣе шести процентовъ, допускаемаго закономъ размѣра роста. Президентъ перебилъ его и началъ перечислять факты установленные обвиненіемъ: тутъ были и фиктивные продажи для прикрытія незаконныхъ сдѣлокъ, и соуды денегъ изъ которыхъ заемщики получали лишь незначительную сумму въ денежныхъ знакахъ, а остальное товарами,—Берлокевъ перекупалъ ихъ менѣе нежели за треть ихъ дѣйствительной стоимости,—были лихвенныя операціи замаскированныя посредствомъ камбіо и рекамбіо, были однимъ словомъ всѣ хитростями и обманныя уловки изобрѣтенныя ростовщиками для прикрытія взимаемыхъ ими лихвенныхъ процентовъ.

Симонъ Могаръ разбиралъ всѣ заявленія президента одно по одному съ изумительною ясностію и презрительною самоувѣренностію. Онъ побѣдоносно доказалъ что къ торговымъ сдѣлкамъ не могутъ быть прилагаемыя требованія закона въ наиболѣе узкомъ ихъ смыслѣ. Онъ отражалъ доводы обвиненія чрезвычайно остроумными практическими доказательствами; въ этомъ единоборствѣ между судьей и дѣловымъ человѣкомъ побѣда не всегда оставалась на сторонѣ президента. Заключившая долпросъ, г. Сюрдеваль не безъ нѣкотораго волненія уломывалъ о ссудѣ въ 30.000 франковъ сдѣланной доктору Дерошъ чрезъ посредство Берлокеа, и упрекнулъ банкира въ томъ что онъ имѣлъ въ виду при этой ссудѣ получить за безцѣнокъ имѣніе ла-Феникардьеръ.

— Гдѣ доказательства? смѣло спросилъ Могарь.

Президентъ принужденъ былъ сознаться что судъ основывается въ этомъ случаѣ на однихъ предположеніяхъ, и что поэтому прокуроръ не поддерживаетъ этой части обвиненія.

— Намъ недостаетъ показанія заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороны, строго сказалъ онъ обвиняемому;—вы лучше другихъ знаете почему докторъ Дерошъ не можетъ дать такого показанія.

— Не будутъ ли ужь обвинять меня въ его смерти? дерзко спросилъ банкиръ.

Этотъ отвѣтъ возбудилъ въ публикѣ такой шумъ негодованія что судебный приставъ принужденъ былъ напомнить о соблюденіи тишины, а президентъ пригрозилъ распорядиться очищеніемъ залы. Симонъ Могарь съѣлъ; начался допросъ Берлокева.

Берлокевъ оказался столь же униженнымъ сколько его хозяинъ былъ гордъ и рѣзокъ. Онъ слезливымъ и заискивающимъ голосомъ просилъ судъ о свисхожденіи и милосердіи, ссылаясь на свое незнаніе и на свою бѣдность. Одна нужда заставила его служить Симону Могарю; господа судьи должны были понять что онъ лично былъ ни при чемъ во всѣхъ этихъ шашняхъ. Гдѣ было ему взять большія суммы, ему который иной разъ сиживалъ не обѣдавши? Онъ никогда не давалъ никому въ долгъ ни одной монетки; онъ только былъ посредникомъ, подписывалъ не читая что подсовывалъ ему Могарь, вотъ и все. Еслибъ онъ зналъ что его заставляютъ совершать такіа беззаконныя дѣянія, онъ скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, нежели согласился подписать хотя бы одну какую-нибудь бумажонку; Могарь все напередъ уже обдѣлывалъ въ своемъ банкѣ, а ему, Берлокеву, оставалось только поддакивать да слушаться...

— Вы слышите? сказалъ президентъ обращаясь къ Симону Могарю,—что вы можете возразить на это?

— Ничего, холодно отвѣтилъ банкиръ.—Этотъ человѣкъ лжетъ для своей защиты, это его роль. Судъ самъ оцѣнитъ насколько вѣроятно чтобы человѣкъ бывший прежде судебнымъ приставомъ сталъ подписывать бумаги не читая ихъ.

Приступили къ допросу свидѣтелей, и потянулася рядъ жертвъ Симона Могара. По большей части это были бѣдные крестьяне въ родѣ дяди Жакъ. Желаніе купить поле или

дугъ приводили ихъ въ залы банкира. У всѣхъ была одинаковая повѣсть: они выдавали векселя Берлокену. Могаръ учитывалъ и возобновлялъ эти векселя за огромные коммиссионные проценты, которые постоянно увеличивались при каждой отсрочкѣ; потомъ начинались вызовы, получались повѣстки, являлись судебные пристава, производилась опись, и наконецъ за безцѣнокъ продавалась земля кулевная первоначально за сумму втрое или вчетверо бѣльшую. Всѣ эти несчастные, озадаченные и смущенные обстановкой суда, короткими вопросами президента и прокурора, вертели въ рукахъ свои шляпы, съ недоумѣемъ и страхомъ смотрѣли на судей и казалось все еще трепетали предъ банкиромъ, хотя и видѣли его на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ робко давалъ свои показанія, многое умалчивая, на многое указывая лишь намеками, нарочно запутывая и затемняя свои отвѣты чтобы какъ можно менѣе скомпрометтировать самихъ себя.

Всѣ эти подробности коммерческихъ сдѣлокъ мало занимали лублику, вниманіе которой, напряженное въ продолженіи четырехъ часовъ, начинало утомляться. Нѣкоторыя дамы зѣвали, закрывшись вѣерами; другія вынули изъ кармановъ фрукты и пирожки. Онѣ безъ церемоніи начали подкрѣплять свои силы на глазахъ судей, очевидно скандализованныхъ такою непринужденностью. Дамы разстилали на колѣнахъ платки, съ аппетитомъ кушали груши, утирали себѣ ротъ, и улыбались смотря на судѣ. Защищаясь противъ свидѣтелей, противъ судей и прокурора, не уступая имъ ни ляди, Симонъ Могаръ слышалъ позади себѣ раздражающій шумъ хрустѣнья плодовъ на зубахъ, шелестъ бумажекъ, сдержанный смѣхъ. Въ глубинѣ залѣ нетерпѣливо шевелилась толпа; жара становилась удушливою. Надъ головами присутствующихъ въ густомъ воздухѣ залѣ лодымался тяжелый паръ; дамы нюхали спиртъ и соли. Интересъ пробудился лишь когда прокуроръ поднялся со своего мѣста чтобы произнести обвинительную рѣчь.

Это былъ еще молодой человѣкъ, державшій себя со строгимъ достоинствомъ, говорившій серьезнымъ и доктринернымъ тономъ. Сравнительно онъ оказался снисходительнымъ къ Симону Могару. Поддерживая обвиненіе, онъ не былъ ни рѣзокъ, ни вызывающъ. Онъ недавно пріѣхалъ въ Сень-Клемантеръ, не вставалъ еще въ мѣстныя симпатіи и антипатіи; онъ зналъ что банкира поддерживаетъ профектура и

духовенство, и поэтому считалъ благороднымъ щадить его. Прокуроръ потребовалъ примѣненія закона, но потребовалъ мягко, со сдержанностью выходящею изъ привычекъ обвинительной власти.

Услыхавъ его снисходительное заключеніе, Симонъ Могаръ перевелъ дыханіе, а Этьенъ почувствовалъ что у него становится легче на душѣ. Лица судебного вѣдомства, хорошо знавшіе отгѣнки и рубрики судебного краснорѣчія, мысленно истолковали это сдержанное обвиненіе желаніемъ оправданія. Толпа слушателей также поняла что она рискуетъ обмануться въ своихъ надеждахъ на отмщеніе банкиру. Слесарь проворчалъ на ухо своему сосѣду:

— Волки другъ друга не тронуть. Могаръ на этотъ разъ еще улизнетъ!

Сами судьи были изумлены снисходительностью прокурора, и президентъ съ видомъ досады кусалъ себя ногти.

Но болѣе всѣхъ оказался разочарованнымъ защитникъ котораго Могаръ нарочно вылисывалъ изъ Пуатье. Этотъ орелъ провинціальной адвокатуры хотѣлъ удивить своимъ краснорѣчіемъ маленькій судъ Сель-Клемантена и сообразно съ этимъ подготовилъ заранее свою рѣчь. Неожиданная снисходительность прокурора подѣкла ему всѣ его эффекты; онъ былъ однако не такой человекъ чтобы выдти изъ засѣданія не одержавъ маленькаго ораторскаго триумфа. Начавъ свою рѣчь, онъ съ первыхъ же словъ ввелъ въ пренія элементъ страстности, немедленно коснувшись политики. Широковѣщательный, болтливый, задирающій, адвокатъ Могара безъ всякаго такта возвелъ своего кліента на пьедесталъ и представилъ его оплотомъ партіи порядка въ Сель-Клемантенѣ. Онъ изобразилъ банкира какимъ-то избранникомъ Провидѣнія и патетически перечислялъ всѣ оказанныя имъ заслуги, его преданность династіи, его громадныя предпріятія, успѣхъ которыхъ долженъ былъ отразиться на всемъ департаментѣ. Слушая его можно было подумать что всѣ обвиненія возбужденныя противъ Могара были дѣломъ партій и интригой опасныхъ либераловъ, которые, не осмѣливаясь вступить въ оппозицію съ правительствомъ, низкимъ образомъ вымещали свою злобу на человекѣ пользовавшемся его довѣріемъ. Желая во что бы то ни стало произвести эффектъ, ораторъ провелъ мысль что даже самая магистратура не сумѣла съ достаточною энергіей противо-

стоять коварному вліанію политическихъ враговъ Симона Могара. Онъ упрекнулъ обвинительную власть въ томъ что она внесла въ преслѣдованіе банкира чувство раздраженія, которое, въ глазахъ благонамѣренныхъ людей, можетъ быть принято за пристрастіе. •

Пока провинціальныи Цидеронъ изукрашалъ свою защиту цвѣтами краснорѣчія и подбиралъ громкія фразы, время все шло, сѣрый ноябрьскій день клонился къ концу. Изъ оконъ въ залу засѣданія падалъ мертвенный, сумеречный свѣтъ. Головы судей были погружены въ тѣнь, фигуры прокурора и секретаря казались простыми черными силуэтами. На высокихъ орѣховыхъ скамьяхъ занятыхъ дамами нельзя уже было различить цвѣта платьевъ: все слилось здѣсь въ тяжелую сѣрую массу, въ которой лишь изрѣдка замѣтны были колыханіе вѣтра или блескъ чьихъ-нибудь глазъ. Въ глубинѣ залы головы тѣсно сжавшейся толпы образовали темную и смутную поверхность, по которой пробѣгали какія-то таинственныя движенія. Среди надвигающагося мрака адвокатъ, закинувъ голову и засучивъ рукава своей мантіи, все продолжалъ защиту Симона Могара, выставляя его жертвой противниковъ правительства.

Онъ гремѣлъ на всю залу, не замѣчая какое дурное впечатлѣніе производитъ своею рѣчью на судей, утомленные и недовольныя лица которыхъ не видны были ему въ темнотѣ. Онъ точно глухой разилъ направо и налево, между тѣмъ какъ прокуроръ кусалъ себѣ губы и нервно шевелился на своемъ креслѣ. Наконецъ онъ кончилъ свою несчастную рѣчь, съѣлъ, перевелъ дыханіе, отеръ себѣ лицо, и съ самодовольнымъ видомъ обратился къ банкиру и къ Этьену.

Привесли лампы. Ихъ желтый свѣтъ вырѣзался пятнами среди темноты нагололившей залу. Лица судей казались въ этомъ свѣтѣ блѣдными и выдѣлялись какъ-то зловѣще и странно; сухоощавая фигура прокурора какъ-будто вдвое выросла, когда онъ поднялся для отвѣта.

Съ первыхъ же его словъ всѣмъ стало понятно что рѣчь защитника раздражила его и что онъ будетъ безплоденъ. Магистратура второй имперіи имѣла большія претензіи на независимость и не охотно сносилла когда касались этого щекотливаго вопроса. Прокуроръ началъ протестомъ противъ странныхъ насивуацій защиты; потомъ, перехода къ разбору того насколько правительство солидарно съ предпріятіями

Могара, онъ объявилъ что намѣревъ разъ навсегда разъяснить этотъ вопросъ. Онъ сознался что было время когда банкиръ явился лоборникомъ верховной власти; но въ то же время онъ доказалъ что этотъ спекуляторъ сталъ во главѣ партіи порядка лишь въ узкихъ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, лишь для того чтобы удовлетворить чувству своей личной мести. „Ахъ, воскликнулъ прокуроръ оживляясь, правосудіе видить ясно. Оно можетъ различить сквозь свою лязвку недостойные происки маклера замаскировавшагося политическимъ дѣятелемъ. Есть ложные друзья общественнаго блага: къ нимъ принадлежитъ и Симонъ Могарь.“ Онъ показалъ затѣмъ какъ банкиръ злоупотреблялъ авторитетомъ своей власти, какъ онъ угнеталъ людей ему подчиненныхъ, какъ онъ залугивалъ свои жертвы для того чтобы помѣшать имъ возвысить голосъ, какъ онъ вырывалъ у рабочихъ ихъ сбереженія, у крестьянъ—землю, у торговцевъ—ихъ барыши, какъ онъ увеличивалъ свое состояніе всѣмъ что доставляли ему крушенія людей подготовленные имъ самимъ же: „и съ этими-то награбленными деньгами онъ предавался постыднымъ спекуляціямъ!“

Рѣчь прокурора сдѣлалась остра какъ лезвіе бритвы; она падала бичомъ на репутацію Могара, не оставляла на ней ни одного живаго мѣста, разбивала ее съ каждымъ новымъ ударомъ. Толпа, холодно слушавшая метафоры адвоката, начала телерь оживляться. Глаза сверкали во мракѣ, чувствовалось что слушатели находятся въ нервномъ общеніи съ ораторомъ. Публика не осмѣливалась рукоплескать, но продолжительный шелоть ободренія указывалъ какъ нельзя яснѣе что на этотъ разъ прокуроръ являлся вѣрнымъ выразителемъ общественнаго негодованія и озлобленія.

Симонъ Могарь извивался и глухо стоналъ подъ этимъ жестокимъ бичеваніемъ. Лицо его сдѣлалось багровымъ, въ ушахъ звенѣло. Онъ чувствовалъ что все для него потеряно, но пытался еще протестовать лорывистыми жестами. Адвокатъ съ трудомъ могъ удержать его на мѣстѣ, съ трудомъ помѣшалъ ему перебить рѣчь прокурора. Глаза Могара выкатились изъ своихъ орбитъ, губы искривились, жилы на абу напряглись точно веревки.

Не заботясь о мученіяхъ своей жертвы, прокуроръ продолжалъ свою безплощадную рѣчь.

„И этотъ человѣкъ былъ осыпанъ милостями главы госу-

дарства! И онъ носитъ на своей груди знакъ Почетнаго Легиона!... Но правительство возникшее изъ всенародной подачи голосовъ смилкомъ цѣнить рабочій классъ для того чтобы даѣе позволить обманывать себя эксплуататору который высосалъ лучшія силы крестьянъ и рабочихъ. Оно изгонитъ его изъ всѣхъ должностей, такъ недостойно занимаемыхъ имъ, оно публично подвергнетъ его лишенію чести. И когда будетъ отнять у него весь этотъ ложный авторитетъ, когда вся эта фантазмгорія разсѣется подъ грознымъ дыханіемъ правосудія, тогда только сдѣлается очевиднымъ сколько безчестнаго, сколько извращеннаго, испорченнаго и скандальнаго собрано въ гнѣздѣ преступленій называемомъ — банкъ Могара!“

Прокуроръ сѣлъ на свое мѣсто. Могаръ вскочилъ какъ будто подъ давленіемъ пружины и сдѣлалъ знакъ что хочетъ говорить.

— Господинъ президентъ, началъ онъ хриплымъ голосомъ, — господа, я... я протестую...

Онъ поднесъ руку ко лбу; казалось, память покинула его; онъ пролеталъ еще нѣсколько безсвязныхъ звуковъ, зашталса, и улялъ какъ бездушная масса на свою скамью.

— Доктора! скорѣе доктора! воскликнулъ Целестинъ Тиффендъ.

Настала минута шумнаго смятенія. Дамы испугались, всѣ протягивали головы чтобы увидѣть банкира который шатался на ногахъ и казалось находился въ полубезсознательномъ состояніи, между тѣмъ какъ Тиффендъ и Этьенъ поддерживали его и увлекали по направленію къ маленькой двери свидѣтелей. Президентъ отложилъ произнесеніе приговора и послѣдилъ закрыть засѣданіе. Тогда медленно расходилась черезъ двери растворенныя настежь, и съ глухимъ шумомъ выходила на площадь уже покрытую вечернимъ мракомъ.

Въ залѣ оказался докторъ. Онъ выбѣжалъ въ корридоръ гдѣ Симонъ Могаръ лежалъ на каменномъ полу, а Целестинъ разстѣгивалъ ему жилетъ и снималъ съ него галстукъ. Докторъ объявилъ что больнаго немедленно сдѣдуетъ перенести домой; на дворѣ суда нашлись носилки забытыя рабочими; на нихъ положили банкира. Онъ раскрылъ глаза, увидалъ носилки, съ любопытствомъ оцупалъ ихъ и сдѣлалъ усиліе припомнить что-то... Въ этомъ мозгу, гдѣ все теперь перелутывалось, на поверхность всплыли только ювошескія впе-

чатавнѣя бывшаго каменьщика; по странному сочетанію понятій онъ вообразилъ что живетъ еще въ то время когда онъ лазилъ по дѣсамъ, а видъ носидокъ сочетался у него съ мыслью объ ужасномъ паденіи. Онъ обвелъ помутившимися глазами людей наклонившихся надъ нимъ, и тихо покачалъ головой.

— Упалъ! неясственно произнесъ онъ,—упалъ!..

Два носильщика сопровождаемые Этьеномъ и Целестиномъ унесли его по боковымъ, пустыннымъ и темнымъ улицамъ въ банкъ. Рабочій кабинетъ находился прямо подлѣ стѣны. Могара подошелъ въ этомъ кабинетѣ по совѣту доктора, который казалось быдъ пораженъ быстрымъ развитіемъ болѣзни и послѣдно писалъ рецептъ... Но его карандашъ напрасно леталъ по бумагѣ: смерть летѣла еще скорѣе. Часы съ надтреснутымъ звукомъ не успѣли еще пробить семи, какъ внезапное восклицаніе Этьена отвлекло доктора отъ его рецепта. Могаръ бился на своемъ матрацѣ; глаза его встрѣтились съ глазами сына; онъ приподнялся на обѣихъ рукахъ, зрачки его приняди странный цвѣтъ:

— Упалъ! повторилъ онъ,—упалъ!

И дѣйствительно: онъ упалъ, и болѣе уже не поднимался.

— Алоплексія была почти мгновенная, флегматично прошепталъ докторъ, складывая свой карманный наборъ.—Все кончено..

Да, все кончено. Мрачный и негостепріимный кабинетъ открылъ на этотъ разъ свои двери посѣтительницѣ которая никого не умоляетъ и не слушаетъ никакихъ моленій,—посѣтительницѣ глухой и молчаливой, водворяющей молчаніе всюду куда она является. Маятникъ на часахъ не будетъ болѣе бить тактъ рыданіямъ жертвъ банкира; подиавшіе занавѣсы и пыльные картоны не услышатъ болѣе безжалостныя угрозы и отчаянныя мольбы. Все кончено. Торговцы въ Сель-Клемантенѣ могутъ теперь думать о своихъ платежахъ безъ замиранія сердца; крестьяне могутъ съ миромъ сѣять свой хлѣбъ. Симонъ Могаръ умеръ.

XVII.

Вечеръ. Въ своей мастерской, освѣщенной одною затопленной лечью, машинально ходитъ взадъ и впередъ Этьенъ Могаръ, два дня тому назадъ возвратившійся въ Прессиньи. По временамъ онъ останавливается, прислоняетъ лобъ къ стеклу и меланхолически созерцаетъ поля уснувшія подъ холоднымъ сияніемъ полной ноябрьской луны. Вокругъ дома господина Мирика вѣтеръ крутится точно бѣшеный; онъ дуетъ въ окна, свиститъ подъ дверями, скрилитъ флюгеромъ, холодаетъ слабо прикрѣпленными ставнями. Иной разъ явственно слышится шумъ рѣки который приноситъ съ собою вихрь; черезъ мгновеніе тотъ же вѣтеръ далеко, далеко въ другую сторону увоситъ опять эти звуки. На мостовую падаютъ узкія тѣни отъ облетѣвшихъ тополей; небо покрыто легкими бѣлыми облачками; они все бѣгутъ, и такъ быстро сдвигаются одно за другимъ что луна какъ будто летитъ между ними. Вотъ она закрылась на мгновеніе; вотъ появилась опять, и уснувшій пейзажъ какъ будто внезапно пробуждается. Луга и воды надъ которыми носится туманъ, вдругъ озаряются свѣтомъ. Въ тихивѣ ночи слышатся крики совъ и пѣсни крестьянъ. Потомъ луна снова погружается въ облака, и снова все замолкаетъ и темнѣетъ.

Этьенъ съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждетъ этихъ возвратовъ свѣта и звука. Ему хотѣлось бы чтобъ эти отдавленные голоса были шумнѣе и громче, чтобъ этотъ вихрь никогда не улегался, такъ онъ боится остаться одинъ съ самимъ собою среди ночнаго молчанія.

Каждое мгновеніе онъ въ какой-то галлюцинаціи видитъ судей въ черныхъ мантияхъ, прокурора подавляющаго банкира своею рѣчью, заобную и шумную толпу въ глубинѣ залы. Онъ видитъ Симона Могара лежащаго на носилкахъ, видитъ темныя улицы по которымъ его несутъ, видитъ какъ онъ лежитъ мертвый въ гробу, какъ его хоронятъ, вечеромъ, послѣднѣю, точно казненнаго. Возмездіе было страшно, паденіе болѣе ужасно нежели онъ думалъ. Въ настоящую минуту банкъ Могара въ полномъ разложеніи, и Целестину поручено ликвидировать его запутанныя дѣла. Уязвая, Этьенъ далъ ему полную довѣренность и приказалъ ему продать все до

последняго стула чтобъ удовлетворить жертвъ Симона Могара. Смерть банкира остановила теченіе правосудія, и позоръ публичнаго приговора не поразилъ има Могаровъ; но если судъ не имѣлъ времени произнести этотъ приговоръ, то общественное мнѣніе успѣло уже произнести свое рѣшеніе, и произнесло его безжалостнымъ образомъ. Вѣсть о процессѣ банкира разнеслась, была разказана газетами. При своемъ возвращеніи въ Прессиньи Этьенъ замѣтилъ по извѣстнымъ признакамъ что въ городѣ знали чей онъ сынъ и какъ окончилъ свою жизнь его отецъ. Марціалъ Броссаръ сталъ сдержаннѣе и почти церемоннымъ; нотаріусъ Дювиньо кланяется ему теперь съ такимъ достоинствомъ которое граничитъ съ презрѣніемъ; даже Миникъ разговариваетъ съ нимъ приторно сладкимъ голосомъ, и въ тонѣ его слышится соблазнованіе, которое раздражаетъ Этьена.

Этьенъ не можетъ болѣе обманывать себя иллюзіями: исторія его отца извѣстна всюду, а имя его стало страшно тяжело носить, такъ тяжело что молодой человекъ опасается даже мысли предложить какой-либо жещинѣ раздѣлить съ нимъ эту тяжесть. Онъ думаетъ теперь о Терезѣ не иначе какъ съ горькимъ чувствомъ отреченія. Симонъ Могаръ до конца оказалъ свое пагубное вліяніе: онъ увелъ въ свою могилу послѣднія мечты своего сына о счастіи. Сквозь бѣловатый туманъ заволакивающій горизонтъ Этьенъ слѣдитъ за линиями полей и лѣсовъ: онъ отыскиваетъ мѣсто гдѣ возвышаются крыши мызы ла-Жубардьеръ. Тереза тамъ; можетъ-быть въ эту самую минуту она думаетъ о томъ днѣ когда молодой художникъ явится возобновить разговоръ начатый въ октябрьскій вечеръ на полѣ близъ опушки лѣса. Этьенъ убѣжденъ что въ этотъ вечеръ просьба его была бы принята, что Тереза готовилась сказать да, когда явился Тиффенд. Но теперь, дала ли бы она тотъ же самый отвѣтъ, узнавъ что произошло между тѣмъ? Онъ не хочетъ узнавать этого отвѣта, не хочетъ даже подать поводъ думать что онъ требуетъ исполненія полуобѣщанія сдѣланнаго въ такое время когда имя его еще не было публично обезчещено. Ему отвратительно оказать тяготѣніе на рѣшимость Терезы, быть обязаннымъ ея сожалѣнію тѣмъ что онъ хотѣлъ получить исключительно отъ ея любви.

— Нѣтъ, говорить онъ, порывисто отходя отъ окна,—я не могу теперь быть мужемъ этой дѣвушки; я долженъ поза-

быть эту мечту о тихой семейной жизни среди деревенской природы, какъ забывается прелестный клочекъ земли мелькнувшей предъ окномъ вагона въ то время какъ поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ.... Довольно мечтать! Нужно приняться за скучную дѣйствительность практической жизни; нужно бороться чтобы зарабатывать насущный хлѣбъ и выловить приватна на себя обязательства.

Картина заказанная Шварцемъ еще не начата, и Этьенъ упрекаетъ себя въ томъ что живетъ на деньги полученные за неисполненную еще работу. Въ продолженіе своихъ осеннихъ экскурсій онъ, правда, сдѣлалъ много этюдовъ, собралъ много драгоценныхъ наблюденій; но картина еще неясно задумана, сюжетъ ея еще носится въ его головѣ какъ смутный эмбрионъ. Пора перейти отъ мечтаній къ дѣйствительности, къ исполненію. Нужно мужаться! Нужно работать!

Этьенъ зажигаетъ лампу, беретъ большой листъ рисовальной бумаги, очисываетъ уголь и задумывается. Звуки на улицѣ замолкаютъ. Дилижансъ проѣхалъ, Прессинья засыпаетъ. Одинъ только вѣтеръ продолжаетъ крутиться вихремъ вокругъ дома господина Миника. Онъ звенитъ стеклами, воетъ около дверей, напояняетъ корридоръ своими пронзительными и заунывыми жалобами: онъ какъ будто рассказываетъ про утраченное счастье, про радостные дни безвозвратно минувшіе, про любовь навсегда скороневную.... Подъ впечатлѣніемъ этой грустной лѣсни Этьенъ съ жаромъ работаетъ. Бѣлый листъ начинаетъ покрываться черными линиями, сначала смутными, потомъ все болѣе и болѣе отчетливыми. Пять или шесть разъ молодой человекъ стираетъ свой рисунокъ и опять принимается рисовать сызнова. Часы летятъ; онъ все сидитъ склонившись надъ бумагой, не слыша даже вѣтра который все воетъ и все скрипитъ флюгеромъ. Огонь давно погасъ въ каминѣ; лампа догораетъ. Наконецъ Этьенъ бросаетъ уголь и поднимается. Голова его горитъ, ноги оледѣли. Онъ кончилъ эскизъ своей картины. Она будетъ называться: *Похороны въ деревнѣ.*

На слѣдующее утро онъ собираетъ свои рисовальныя принадлежности, и отправляется на мѣсто которое онъ избралъ чтобы писать свою картину на открытомъ воздухѣ. Мѣсто это въ двухъ миляхъ отъ Прессинья, въ противоположной сторонѣ отъ мызы ла-Жубардьеръ; это маленькая деревня на берегу рѣки Бриньонъ; она называется Лешателль.

Лешателлье состоитъ изъ двадцати хижинъ расположенныхъ полукругомъ вокругъ остатковъ стариннаго замка XVI вѣка, остатковъ превратившихся съ теченіемъ времени въ простую ферму. Изъ стрѣльчатыхъ каменныхъ воротъ бывшаго замка дорога поднимается въ гору и ведетъ къ церкви, черепичатая крыша которой видѣется надъ круглыми вершинами оршниковъ. Этьенъ поселился въ деревенской гостиницѣ и прежде всего познакомился съ деревенскимъ кюрэ. Прельщенный обѣщаніемъ получить картину для своей церкви, кюрэ предоставилъ въ распоряженіе живописца своего сакристана, своихъ пѣвцовъ и прислуживающихъ въ церкви дѣтей, разрѣшивъ имъ служить моделями для живописца. Съ утра до вечера Этьенъ работаетъ предъ остатками замка въ Лешателлье, къ великому изумленію крестьянъ которые толпой останавливаются вокругъ его картины. Короткіе зимніе дни бѣгутъ теперь слишкомъ скоро; картина поглощаетъ молодаго художника, приводитъ его въ лихорадочное состояніе. Каждую ночь онъ видитъ во снѣ свѣтовые эффекты и краски которыя ему еще не удалось передать. Онъ живетъ съ лицами своей картины, и въ этой страстной борьбѣ исполненія сѣрыя недѣли ноября и декабря текутъ быстрее нежели вода рѣки.

На мызѣ ла-Жубардьеръ, напротивъ, дни кажутся слишкомъ длинными. Работы въ полѣ кончены. Старикъ Байларжонъ, ставшій домохозяиномъ съ наступленіемъ первыхъ холодовъ, сидитъ на низкомъ стулѣ подлѣ печи, тепло закрывшись бараньею шкурой; онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ здѣсь, курить и плюетъ на зольникъ, что очень раздражаетъ Байларжону. Она ни на минуту не остается въ покоѣ и суетится съ утра до вечера, своя точно челнокъ изъ кухни на дворъ, изъ сарая въ погребъ. Осенняя стирка кончена; прачки принесли бѣлье и развѣсили его сушить на огородѣ. Тереза каждый вечеръ носить его оттуда цѣлыми ворохами въ свою комнату: она взяла на себя лочинку и складываніе бѣлья. Съ утра она садится подлѣ окна; въ ногахъ у нея стоитъ корзина гдѣ сложены сорочки и простыни; Тереза шьетъ и смотритъ сквозь зеленоватая стекла на туманные холмы тянущіеся по направлению къ Прессиньи. Нивы оставленныя подъ паромъ приняли темнофіолетовый оттѣнокъ; озими начинаютъ всходить, и зеленоватыми квадратами вырѣзываются среди темнаго фона полей. Темносѣрыя тучи

бѣгутъ по небу и направляются къ видѣющимся издалека башнямъ Прессиньи: ихъ какъ будто гонитъ какая-то таинственная сила. Стая воронъ носится по воздуху, то здѣсь, то тамъ опускаясь на засѣянные поля...

Тереза думаетъ объ Этьенѣ. Она задаетъ себѣ вопросъ какія печальныя событія могутъ задерживать его въ Сенъ-Клемантенѣ; она начинаетъ удивляться его долгому отсутствію. Со времени отъѣзда молодого человѣка она только одинъ разъ была въ Прессиньи, въ праздникъ, у обѣдни. Во взорахъ и въ улыбкахъ людей собравшихся въ церкви она,—ей такъ казалось,—олять встрѣтила то выраженіе любопытства, прони и насмѣшки отъ котораго она уже разъ такъ страдала, на вечерѣ у президента. Вздохнувшая и разстроенная она вернулась очень печальною на мызу, и болѣе уже не ходила въ Прессиньи.

Она не сомнѣвается въ Этьенѣ, но она нелюбопытна. Каждое утро она встаетъ съ замираніемъ сердца, говоря самой себѣ: можетъ-быть онъ придетъ сегодня! Часы медленно тянутся до вечера, и мыза засыпаетъ; ни одинъ посѣтитель не нарушаетъ ея спокойствія и уединенія. Осенью въ ла-Жубардьеръ было такъ весело, такъ ясно сіяло солнце, такъ дружно звучали лѣсны; теперь мыза походитъ на мѣгилу. Тереза уже не такъ жива какъ прежде, она не поетъ за своимъ шитьемъ. Она блѣдна, брови ея сдвигаются съ мрачнымъ выраженіемъ безпокойства. Она лишилась аппетита; смотря на то какъ она едва прикасается къ пищѣ старикъ Байларжонъ качаетъ головою, а Байларжона приходитъ въ отчаяніе.

Такъ проходитъ весь ноябрь, потомъ наступаетъ декабрь со своими свѣтлыми морозными днями, когда небо бываетъ голубымъ, а поля бѣлыми отъ инея. Мыза такъ уютно запряталась между холмомъ и лѣсомъ что до нея не доходятъ никакіе городскіе слухи; газеты здѣсь неизвѣстны, прохожіе бываютъ раза четыре въ годъ. Сообщенія съ сосѣдями не часты даже и лѣтомъ; зимой они почти совсѣмъ прерываются. На мызѣ ничего неизвѣстно о катастрофѣ Симона Могара; тамъ не знаютъ даже о возвращеніи Этьена и объ его внезапномъ отъѣздѣ въ Лешателье. Но какое-то скорбное предчувствіе постоянно волнуетъ умъ Терезы. Онъ угадываетъ что въ Сенъ-Клемантенѣ вѣроятно произошло что-нибудь важное; она боится что

Этьевъ задержанъ тамъ болѣзнію или трауромъ, и вотъ однажды вечеромъ она рѣшается написать Целестину Тиффенд. Она знаетъ скромность Целестина и его преданность семьѣ Могаровъ; она увѣрена что онъ не выдастъ ея тайны и сообщитъ ей всю правду. Отправивъ письмо, она снова запирается въ своей свѣтлѣ, опять прижимается за уголъ, и ждетъ. Она ждетъ со страхомъ и тревогой, разчитывая съ каждымъ стежкомъ часы и минуты нужные для того чтобы письмо дошло въ Севъ-Клемантевъ, чтобы былъ написанъ, отосланъ и полученъ на него отвѣтъ.

Приближается Рождество; картина Этьева почти окончена; по крайней мѣрѣ окончено все то что должно было быть исполнено на открытомъ воздухѣ и на самомъ мѣстѣ. Картина прибыла теперь въ домъ господина Миника. Прежде чѣмъ заняться послѣдними подробностями, Этьевъ разсматриваетъ теперь свою картину при болѣе трезвомъ и ровномъ свѣтѣ мастерской. Картина удалась и оставляетъ именно то впечатлѣніе которое художникъ хотѣлъ передать. Это похороны молодой дѣвушки. Четыре крестьянина несутъ гробъ покрытый бѣлою простыней. Кортежъ выходитъ изъ подъ каменныхъ, поросшихъ мхомъ сводовъ церковной паперти, и тянется по дорогѣ мимо остатковъ прежняго замка въ Лешателле. Впереди всѣхъ три дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ идутъ подлѣ бѣлой хоругви съ изображеніемъ Пресвятой Дѣвы; хоругвь вышита матовымъ серебромъ. За ними слѣдуютъ священникъ и лѣвцы; они въ облаченіи. Кадильницы сверкаютъ и дымятся въ рукахъ прислуживающихъ священнику мальчиковъ; надъ ихъ головами тихо колеблется въ воздухѣ серебряное Распятіе. Зажженные свѣчи бросаютъ желтовато-блѣдный свѣтъ вокругъ носильщиковъ; позади гроба, въ тѣни паперти, собралась траурная группа родственниковъ и друзей. Бѣлый кортежъ медленно движется по землѣ слегка усыпанной сѣнгомъ, между тополями сверкающими подъ ивеемъ; строения Лешателле поднимаются темными лѣніями и лѣтнами на свѣтломъ небѣ; блѣдное зимнее солнце кидаетъ матовый свѣтъ сквозь бѣлые облака мягко облегиша небосводъ, точно горностаевая мантия. Лица крестьянъ серьезны; общее впечатлѣніе меланхолическое, безъ всякой примѣси сентиментальности. Вдали, между деревьевъ, выгладываетъ черепичная кровля церкви; кажется что серебряный звонъ ея колокола сейчасъ долженъ

довестись сюда сквозь туманный воздухъ въ который погружены люди и предметы. Симпатичная гармонія этого пейзажа покрытаго инеемъ, и этого блага траура по дѣвственницѣ глубоко трогаетъ зрителя. Плачутъ не одни люди; есть вещи, есть сочетанія предметовъ которыя производятъ впечатлѣннѣ слезъ и рыданія. Такіе предметы особенно сильно трогаютъ наше сердце: они какъ бы служатъ краснорѣчивымъ символомъ таинственнаго родства между человекомъ и природой. Смотра на картину Этьена зритель говоритъ себѣ что художникъ сумѣлъ передать эту таинственную связь, что онъ глубоко прочувствовалъ ее, глубоко былъ тронутъ ею самъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Этьеномъ не разъ овладѣвала жгучая тоска въ то время какъ онъ работалъ надъ своею картиной. Развѣ онъ не носилъ также трауръ по своей любви, по лучшимъ мечтамъ своей юности? Въ бѣлые декабрьскіе дни онъ также плакалъ по своимъ умершимъ надеждамъ, также на вѣкъ прощался съ любимою дѣвушкой. Онъ излил свою душу въ этой картинѣ, и вотъ почему слезы подступаютъ къ глазамъ каждаго кто останавливается предъ нею. Глубокая грусть овладѣваетъ самимъ художникомъ когда онъ смотритъ на свое произведеніе при холодномъ свѣтѣ мастерской. Онъ думаетъ о томъ что нужно поставить крестъ на счастливые дни юности, что нужно опять вступить въ борьбу, очутиться опять въ неизвѣстности, не имѣя возлѣ себя любимой женщины, энергической и честной Терезы, вѣжностъ которой поддержала бы его...

На одно мгновеніе мужество покидаетъ Этьена. Ему хочется бѣжать изъ дома господина Миника, летѣть на мызу ла-Жубардьеръ чтобы въ послѣдній разъ увидать Терезу и объяснить ей причины которыя принуждаютъ его удалиться. Но одна гнетущая мысль приковываетъ его къ мѣсту. Если онъ явится на мызу, то можетъ показаться что онъ обращается къ чувству жалости Терезы, что онъ старается оказать давленіе на волю той которую онъ любитъ, и все это для того чтобы вынудить отъ ея добраго сердца словечко да, которое она можетъ-быть не произнесла бы будучи предоставлена самой себѣ. Нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого. Онъ молчаливо удалится; потомъ, уѣхавъ, онъ напишетъ ей письмо, гдѣ объяснить ей все въ послѣдній разъ. Завтра вечеромъ онъ будетъ въ Парижѣ, и восемьдесятъ лѣтъ лягутъ между нимъ и мызою ла-Жубардьеръ...

Онъ снова садится предъ своею картиной; глаза его останавливаются на фигурѣ молодой дѣвушки которая несетъ хоругвь: голова ея нарисована съ этюда набросаннаго въ ла-Жубардьеръ съ дѣвицы Дерошъ. Да, это Тереза, съ ея матовымъ цвѣтомъ лица и темнорусыми волосами выбивающимися изъ-подъ складокъ высокаго бѣлаго челчика; это ея улыбка и добрыя губы, ея глаза со зрачками блестящими какъ двѣ черныя вишни; это она, прелестная и вѣсколько дикая дѣвушка которую онъ такъ любилъ. По временамъ ему кажется что она оживаетъ; закрывъ на половину глаза Этъень думаетъ о томъ времени когда онъ жилъ подлѣ нея на мызѣ. Все тихо. Воскресенье. Господина Мишика нѣтъ дома. Воскресная тишина обнимаетъ городокъ; въ холодномъ воздухѣ слышится только однообразный и усыпаящій звукъ колоколъ благовѣстающаго къ вечернѣ. Все болѣе и болѣе погружаясь въ мечты, закрывъ совсѣмъ глаза, Этъень отдается убаюкивающему впечатлѣнію этого медленнаго, мирнаго звона. Внезапно ему кажется что кто-то отворилъ дверь мастерской скрываютую отъ него картиной. Онъ приподнимаетъ вѣки, и вдругъ вскакиваетъ. Это уже не фигура нарисованная на полотнѣ; сама Тереза стоитъ предъ нимъ.

— Тереза!

Алые губы раскрываются доброю улыбкой, черные глаза обращаютъ на Этъена свой чистый и спокойный взглядъ.

— Давно ли вы воротились? спрашиваетъ молодая дѣвушка, сжимая съ головы своей калоръ.

Этъень въ замѣшательствѣ; героизмъ покидаетъ его, и онъ заливаясь отвѣчаетъ:

— Только вчера.

— Лгунъ! восклицаетъ Тереза, и съ угрозой поднимаетъ палець.

Онъ склоняетъ голову и не находитъ что ему сказать.

— Вы здѣсь уже двѣ недѣли, продолжаетъ она, —почему вы не приходили на мызу?

— Я не оставался въ городѣ, отвѣчаетъ наконецъ Этъень, — я работалъ въ Лешеталле и нарисовалъ вотъ эту картину. И онъ показываетъ ей *Погороны*.

Дѣвица Дерошъ внимательно разсматриваетъ картину, брови ея сдвигаются, губы принимаютъ скорбное выраженіе; вдругъ въ глазахъ ея появляется влажный блескъ.

— Ахъ, шелчетъ она слегка дрожащимъ голосомъ, —одна изъ этихъ дѣвушекъ похожа на меня!

Наступаетъ минутная пауза. Тереза заговариваетъ снова.

— Это очень хорошо, хотя сюжетъ слишкомъ печаленъ... Я понимаю что эта работа взяла у васъ много времени, но все-таки вы очень виноваты въ томъ что не дали о себѣ никакой вѣсти... Увѣжая, вы обѣщали мнѣ не то!

— Тереза! восклицаетъ Этьенъ, — я не возвратился къ вамъ потому что долженъ былъ бы сказать вамъ слишкомъ печальныя вещи... Я лучше хотѣлъ написать вамъ... Еслибы вы знали что произошло въ Сень-Клементавѣ!

— Я знаю. Целестинъ писалъ мнѣ.

— Вы все знаете? повторяетъ онъ краснѣя и потупляя глаза.

— Я знаю что вы теперь также несчастны какъ была я. Но я не вижу почему ваше несчастіе могло помѣшать вамъ спросить у меня отвѣта на предложеніе которое вы сдѣлали мнѣ тогда, въ полѣ... Помните?... Жить вдвоемъ простою жизнью крестьянъ?

— Ахъ! восклицаетъ онъ дрожащимъ голосомъ который обрывается при каждомъ словѣ, — я не могу, я не долженъ болѣе дѣлать вамъ это предложеніе... Я слишкомъ несчастенъ!... Я хочу страдать одинъ!

— Вы слишкомъ горды. Я... я не такъ горда какъ вы. Вы не рѣшались придти къ намъ: я сама пришла сказать вамъ что принимаю ваше предложеніе, потому что вы меня любите и потому что...

— Тереза!

Онъ приблизился къ ней и схватилъ ея руки.

— Потому что я васъ люблю! договариваетъ она, падая къ нему на грудь.

Они долго остаются такъ, прижавшись другъ къ другу, предъ большою нѣмою картиной. Домъ все молчитъ и какъ будто дремлетъ. Только вдали колоколъ продолжаетъ медленно и тихо звонить къ вечернѣ.

XVIII.

Лѣтніе дни возвратились. Серебристый свѣтъ прекраснаго июльскаго утра разливается по лѣсу, по холмамъ, по долинамъ. На мызѣ ла-Жубардьеръ, на томъ мѣстѣ гдѣ кончается огородъ и начинается лугъ, сидитъ Этьенъ и работаетъ за

своимъ мольбертомъ; у ногъ его, на густой травѣ, катаются два мальчика трехъ и пяти лѣтъ, его сыновья, здоровые и веселые мальчуганы. Сквозь вѣтви плодовыхъ деревьевъ солнце брызжетъ золотистыми искрами по ихъ кудрявымъ головкамъ, освѣщаетъ ихъ загорѣлая лица, отражается въ ихъ большихъ и ясныхъ глазахъ. Этьенъ сталъ теперь хозяиномъ и владѣльцемъ мызы. Черезъ годъ послѣ его свадьбы ликвидація банка Могаръ окончилась благодаря усердію Целестина Тиффендъ; за полнымъ удовлетвореніемъ кредиторовъ осталась еще сумма въ двадцать тысячъ франковъ и множество долговыхъ обязательствъ сомнительнаго происхожденія, которыя сынъ банкира послѣшилъ немедленно уничтожить. Что касается до этихъ двадцати тысячъ франковъ, составлявшихъ приблизительно капиталъ принесенный его матерью въ приданое, то Этьенъ употребилъ ихъ на покулку мызы отдававшейся въ аренду Байларжонамъ, и поселился тамъ съ Терезой и обоими стариками, которые мирно доживаютъ тамъ свой вѣкъ. Успѣхъ картины *Похороны въ деревнѣ* на выставкѣ 1858 года доставилъ молодому художнику золотую медаль и множество заказовъ позволяющихъ ему вести спокойную и независимую жизнь въ ла-Жубардьеръ. Онъ проводитъ въ Парижѣ не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ въ году; все остальное время онъ живетъ въ деревнѣ, гдѣ ему лучше работается и гдѣ онъ весь отдается жонѣ и дѣтямъ.

Его мальчуганы всосали здоровье и силу на лонѣ матери природы. Этьенъ глядитъ какъ они валяются въ травѣ и лѣбуется на нихъ. Вокругъ него все свѣтло и радостно. Высокая трава луговъ колышется и какъ будто хочетъ потопить собою стволы плодовыхъ деревьевъ. Шумъ рѣки, гудѣніе ваекѣмыхъ, свистъ иволги, мычаніе коровъ и лѣвніе лѣтучихъ сливаются въ веселую и освѣжающую музыку. На лугу алѣетъ макъ; цвѣты, посаженные на куртинкахъ огорода, распускаютъ на солнцѣ свои душистыя чашечки. Запахъ гвоздикъ сливается съ ароматомъ зрѣющей клубники. Алыя ягоды малины выглядываютъ изъ-подъ листьевъ; вишневая деревья обсыпаны плодами. Вездѣ чувствуется изобиліе и довольство.

Песокъ заскрипѣлъ подъ легкими шагами; кусты малины раздвинулись, и появилась Тереза, вся облитая солнечнымъ свѣтомъ среди окружающей ее зелени. Мальчуганы, завидѣвъ

мать, поднимають радостный крикъ, точно маленькія птицы въ своемъ гнѣздѣ. Тереза одѣта крестьянкой; она сохранила мѣстный головной уборъ, кисейныя складки котораго приподнимаются ея густыми волосами. Волнистыя и мягкія линіи стана какъ будто указываютъ на то что двое перворожденных не будутъ еще послѣдними, что радости материнства не утомляютъ здоровую и сильную супругу Этьена. Ея черные глаза сіяютъ влажнымъ блескомъ, бѣлые зубы сверкаютъ въ улыбкѣ, матовый цвѣтъ лица подернутъ нѣжнымъ розовымъ оттѣнкомъ. Въ полуобнаженныхъ рукахъ она держитъ корзину со свѣже собранными ягодами.

Этьенъ въ восторгѣ кладетъ палитру чтобы полюбоваться на свою жену. Ихъ любящіе взоры встрѣчаются въ улыбкѣ. Среди благословенной растительности своей мызы, подъ мягкимъ голубымъ небомъ, лицомъ къ лицу съ этимъ лугомъ усѣяннымъ цвѣтами, съ этими зрѣлыми плодами, съ этими загорѣлыми дѣтьми катающимися по травѣ, съ этою молодою и цвѣтущею супругой, Этьенъ чувствуетъ себя счастливымъ какъ царь. Онъ глядитъ на свою жену, и одва и та же мысль заставляетъ вздыматься ихъ грудь и увлажаетъ ихъ глаза: ихъ страшитъ полнота этого счастья. Ими овладѣваетъ то таинственное безлокойство которое иногда испытывается въ дѣтствѣ, когда, наканунѣ воскресенья, съ невольною грустью думается о томъ что завтра, въ это же самое время, праздникъ будетъ почти оконченъ и чаша радости почти исчерпана до дна.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Миросичъ, историческій романъ въ трехъ частяхъ Григорія Данилевскаго. Вѣстникъ Европы 1879 года.

Современному читателю рѣшительно некуда дѣваться отъ историческаго романа. Произведеніями этого рода наполняется большая часть журналовъ, они кидаются въ глаза въ газетныхъ фельетонахъ, въ окнахъ книжныхъ лавокъ. Имъ посвящаютъ перо писатели съ громаднымъ художественнымъ дарованіемъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, писатели талантливые, какъ графъ Саліасъ, и еще больше писатели совсѣмъ безталантливые, сдѣлавшіеся въ послѣдніе годы главными поставщиками исторической беллетристики въ журналы, въ еженедѣльные иллюстрированныя изданія и въ газеты. Для послѣдней категоріи авторовъ историческій романъ является сущою находкой. Готовый матеріалъ, извлеченный изъ книжекъ *Русскаго Архива* или *Русской Старины*, возмѣщаетъ скудость авторскаго изобрѣтенія, готовый смыслъ фактовъ снимаетъ упрекъ въ пустотѣ романической фабулы, готовые историческія лица приглашаются раздѣлить съ авторомъ обвиненіе въ его собственной несостоятельности. Историческая мантия прикрываетъ собою все то что безъ этого при-

критія поразило бы своею пошлостью, безцвѣтностью и безцѣльностью. Романъ изъ современной жизни требуетъ, кромѣ знанія этой жизни, извѣстаго ума и таланта. Приобрѣсти знаніе историческое несравненно легче—его можно почерпнуть изъ книгъ, гдѣ писатель легко находитъ готовые краски и аксесуары, готовую обстановку. Знаніе современной дѣйствительности дается гораздо труднѣе, при помощи непосредственной наблюдательности, житейскаго опыта, разнообразія личныя впечатлѣній, умѣнья выражать наблюдаемое словесными образами. Мысль автора въ современномъ романѣ тоже нуждается въ гораздо большемъ подъемѣ. Она обязана сообщить ежедневнымъ фактамъ извѣстное значеніе, тогда какъ въ историческомъ повѣствованіи факты отвѣчаютъ сами за себя. Читатель ожидаетъ отъ современнаго романа нѣкотораго такъ-сказать философскаго отношенія къ жизни, тогда какъ въ исторіи такое философствованіе уже исполнено наукой. Однимъ словомъ въ современномъ романѣ авторъ принужденъ дать нѣчто „изъ себя“, и притомъ нѣчто настолько приподнятое чтобы совлечь съ наблюдаемой будничной дѣйствительности покровъ незначительности и пошлости, подъ которымъ она является взгляду людей о бока съ нею живущихъ. Въ посредственномъ историческомъ романѣ эта мудреная работа „изъ себя“ можетъ отсутствовать, и большинство читателей не замѣтитъ пустоты, задрапированной широкими складками исторической мантіи.

Авторы не надѣленные ни художественнымъ дарованіемъ, ни дѣятельнымъ воображеніемъ, ни подъемомъ мысли очень хорошо поняли преимущества историческаго романа, и пользуясь распространеннымъ въ публикѣ вкусомъ къ историческому чтенію, создали какъ бы особый видъ литературной производительности чисто ремесленнаго характера. Критика, сколько можно замѣтитъ, относится къ этой новой отрасли промышленности весьма свисходительно, разсуждая въ томъ смыслѣ что лучше обогащать публику кое-какими историческими свѣдѣніями, чѣмъ давать ей читать обыкновенныя пошлости изъ современной жизни. Согласиться съ такою точкой зрѣнія пожалуй и можно было бы, еслибъ историческое знаніе приобретаемое изъ бездарныхъ романовъ ваушало довѣріе; но къ сожалѣнію романисты говорятъ обыкновенно лишь за анекдотическою стороною событій и преимущественно за такими историческими фактами на которыхъ лежитъ

печатать нѣкагого запрета; помято что интересъ публики къ фактамъ именно такого характера вовсе не свидѣтельству-етъ объ ея исторической любознательности. За то несомнѣн-но что привычка обращаться къ роману съ тѣми или други-ми запросами, посторонними задачамъ искусства, очень ве-благоприятно вліяетъ на литературные вкусы публики, дѣла-етъ ее все болѣе равнодушною къ интересамъ художествен-нымъ. Повтому едва ли мы будемъ неправы, считая общіе плахи романовъ на исторической подкладкѣ однимъ изъ признаковъ нашего литературнаго ладенія, тѣмъ болѣе что романы этого рода окончательно приблизились къ ремеслен-ному типу. Ихъ уже стали писать à-propos, по заказу, во столько-то печатныхъ листовъ; на примѣръ ветлянская чума вызвала разомъ два историческіе романа, и говорятъ уже го-товится романъ à-propos послѣднихъ экспедицій въ Средней Азии, героемъ котораго будетъ Бековичъ... Выработались даже два отдѣльные рецепта, одинъ для романовъ изъ до-Петров-скаго періода, другой для послѣ-Петровскаго; тотъ и другой заключаетъ въ себѣ извѣстный образцовый сценарій, извѣ-стные типы и амблуга. Въ до-Петровскомъ романѣ должны быть казаки, монахи, бояре, боярскія дочери и сѣвныя дѣ-вушки; въ послѣ-Петровскомъ—гвардейскіе офицеры (боль-шею частью съ неподходящими чинами), раскольники, По-темкинъ, Нѣмцы, кровопійцы-помѣщики и злоумышляющіе дворовые. Все вмѣстѣ рутинно и фальшиво, какъ мазя на провинціальныхъ театральныхъ декорацияхъ и безпредѣльно скучно для всякаго мало-мальски взыскательнаго ума.

Безъ сомнѣнія сказанное не относится къ историческимъ романамъ обладающимъ въ авторѣ умъ и талантъ. Самъ по себѣ историческій романъ представляетъ весьма серіозный литературный родъ, и примѣръ *Войны и Мира* графа Л. Н. Толстаго показываетъ сколько въ такой романъ можетъ быть вложено художественнаго мастерства, какое богатство идей, красокъ и образовъ можетъ онъ заключать въ себѣ. Но талантъ графа Толстаго представляетъ такую выдающуюся изъ ряда величину, которая не можетъ служить даже при-близительнымъ мѣриломъ для текущей литературной произ-водительности.

На этотъ разъ мы предполагаемъ дать отчетъ объ истори-ческомъ романѣ, который хотя не можетъ быть рассматри-ваемъ въ качествѣ цѣльнаго художественнаго произведенія,

но по крайней мѣрѣ обладаетъ весьма существеннымъ достоинствомъ: онъ читается со значительнымъ и неослабвающимъ до конца интересомъ. Въ русской беллетристикѣ, вообще не блистающей высшимъ мастерствомъ композиціи и разказа, такое качество само по себѣ выдвигаетъ произведение изъ ряда посредственностей и выгоднымъ образомъ отмѣчаетъ его между рутинно-ремесленными и тенденціозно-скучными поставками литературнаго подряда.

Романъ этотъ, озаглавленный по имени главнаго дѣйствующаго лица: *Мировичъ*, и имѣющій предметомъ извѣстную попытку 1764 года къ освобожденію изъ Шлиссельбургской крѣпости Іоанна Антоновича, принадлежитъ перу писателя давно уже подвизающагося на беллетристическомъ поприщѣ, хотя и не занимающаго въ нашей литературѣ опредѣленнаго мѣста. Г. Григорій Давилевскій выступилъ въ печати если не ошибаемся въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и изданное имъ недавно собраніе сочиненій представляетъ четыре тома значительныхъ размѣровъ, не включая посаднаго романа. Имя г. Давилевского уже много лѣтъ знакомо читающей публикѣ, а нѣкоторыя изъ его произведеній, напримѣръ *Бѣлме въ Новороссіи* и *Новый Мѣста*, при своемъ появленіи возбуждали замѣтный интересъ. Но критика мало занималась г. Давилевскимъ, и какъ мы сказали выше, не указала ему до сихъ поръ опредѣленнаго мѣста въ нашей литературѣ. Мы полагаемъ что точно также и въ публикѣ, знающей г. Давилевского за талантливаго разказчика, едва ли однакожь сложилось вполнѣ ясное и отчетливое представленіе о его литературной физиономіи. Безъ сомнѣнія въ этомъ виноватъ самъ г. Давилевскій и именно тѣмъ что его литературная физиономія обладаетъ измѣнчивостью совладающею съ безхарактерностью. Прочитавъ четыре большіе тома его сочиненій (въ которые, какъ замѣчено, не вошелъ *Мировичъ*) выносишь впечатлѣніе довольно легко проведеннаго времени—исключеніе составляетъ впрочемъ положительно-скудный романъ *Девятый Валъ*, но за этимъ впечатлѣніемъ не остается ни ясно сформированныхъ и оживотворенныхъ образовъ, ни точнаго понятія о взглядахъ и идеяхъ автора. Притомъ даже во время самаго чтенія и образы и замыслы постоянно и досадливо напоминаютъ что-то очень знакомое, а искусство съ какимъ

авторъ мѣняетъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ тонъ переговаривая то Гоголя, то Дала, то Григоровича, те современныя романистовъ, въ концѣ концовъ внушаетъ недоуміе.

Съ удовольствіемъ торопимся сказать что новый романъ г. Давилевскаго принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній этого автора и въ значительной степени свободенъ отъ упомянутыхъ недостатковъ. Въ *Мировичъ* г. Давилевскому удалось явиться самимъ собою, причемъ онъ вполнѣ воспользовался сильными сторонами своего дарованія—умѣемъ заинтересовать читателя живостью и иногда живописностью разказа, и дать произведенію весьма тщательную литературную отдѣлку. Правда, являясь „самимъ собою“ авторъ не только не скрылъ, но отчасти даже усугубилъ присущіе ему недостатки; на эти недостатки мы укажемъ ниже.

Романъ начинается съ воцареніемъ Петра III, ближайшимъ результатомъ котораго былъ крутой поворотъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Пруссіи. Въ арміи, только-что завоевавшей королевство Фридриха Великаго, знали образъ мыслей новаго императора и предвидѣли непрочность блистательныхъ успѣховъ пріобрѣтенныхъ русскимъ оружіемъ. Графъ Панинъ, принявшій начальство надъ нашими войсками, попытался представить новому императору о необходимости не уступать завоеваній и закрѣпить окончательно сдѣланныя пріобрѣтенія. Съ этимъ представленіемъ онъ послалъ въ Петербургъ молодого офицера Мировича. Тотъ изъ сдѣланнаго ему въ Петербургѣ болѣе чѣмъ равнодушнаго пріема тотчасъ убѣдился что идеи Панина не встрѣчаютъ при новомъ дворѣ ни малѣйшаго сочувствія и что миссія его въ смыслѣ карьеры вполнѣ неудачна. На послѣдній мотивъ авторъ вначалѣ не указываетъ и даже заставляетъ своего героя говорить мысленно: „себя не пожалѣю, всю правду докажу. Личь бы отечеству польза....“—но изъ дальнѣйшаго развитія этого характера мы въ правѣ заключать что именно въ безуспѣшности миссіи Мировича съ точки зрѣнія карьеры лежитъ психологическая завязка романа, исходная точка къ которой примыкаютъ всѣ послѣдующія событія.

Замѣчаніе это обязываетъ насъ остановиться надъ личностью Мировича чтобъ опредѣлить точнѣе отношенія къ

нему автора и оценить затраченные на него довольно значительные силы живописи и психологического анализа.

Намъ случилось слышать что герой новаго романа г. Данилевскаго вышелъ блѣденъ, что въ немъ много противорѣчій происходящихъ отъ авторской несостоятельности. Лично мы съ этимъ не можемъ согласиться. Герой романа обыкновенно рѣдко удовлетворяетъ читателя. Публика хочетъ чтобъ онъ слишкомъ подавлялъ всѣхъ остальныхъ лицъ, чтобъ онъ постоянно въ каждой главѣ являлся центромъ всей эпопеи и драмы, чтобъ онъ представлялъ совершенно цѣльный словно изъ бронзы вылитый образъ. Публика въ этомъ случаѣ до крайности преувеличиваетъ законъ перспективы, и если не встрѣчаетъ въ героѣ романа громадныхъ размѣровъ (будетъ ли это громадное величiе, или громадная порочность, или громадная лошаость—все равно), то остается неудовлетворенною и говоритъ что герой не удался. На самомъ же дѣлѣ въ этихъ случаяхъ чаще всего виновата сама публика, отъ пониманiя которой нерѣдко ускользаетъ много тонкаго, артистическаго. Въ наше время романъ есть по преимуществу изображенiе общества, среды, а не индивидуальности; онъ теперь захватываетъ обыкновенно огромную массу лицъ, между которыми герой хотя сохраняетъ центральное положенiе, однако не въ томъ смыслѣ какъ въ старинномъ романѣ, стремившемся всего болѣе за человѣческой индивидуальностью и распредѣлявшемъ всю драматическую фабулу между тремя-четырьмя лицами. вмѣстѣ съ тѣмъ новый романъ, поставивъ своею главною задачей въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ достиженiе наибольшей правдивости, наблюденiе наиболѣе тонкихъ отблнковъ человѣческой натуры, долженъ былъ поступиться идеаломъ цѣльности и такъ-называемой героичности, производящей столь сильное, здоровое и чарующее впечатлѣнiе въ созданiяхъ старыхъ авторовъ. Новая жизнь, болѣе сложная, болѣе дробящаяся, болѣе философствующая, производитъ и характеры сложные, раздробленные, рефлективные. Въ этой жизни нѣтъ мѣста Агамемнонамъ и Ахилламъ гомерической эпопеи, и лишью цѣльными красками, прямолинейными штрихами въ новомъ романѣ произведо бы очень фальшивое впечатлѣнiе. У г. Данилевскаго Мировичъ задуманъ очень сложно, можетъ-быть даже сложнее чѣмъ онъ является въ исторiи. Это вполнѣ новый характеръ, отличающiй той странной безпривратвен-

ной, наполненной противорѣчивыми броженіями и одѣтой въ какія-то маскарадныя краски эпохъ, въ которую ему привелось дѣйствовать. Онъ человѣкъ вполне безнравственный и безпринципный, но не сознательно, а потому что природа надѣлила его инстинктами и аппетитами не получающими легальнаго удовлетворенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень ничтожный человѣкъ, и это ничтожество не позволяетъ ему сдѣлаться грандіознымъ, хотя бы въ его безлутномъ честолюбіи, не позволяетъ ему принять размѣры такого „героя“, какихъ любитъ средній читатель. И еще замѣчательная черта очень вѣрно подмѣченная авторомъ: будучи въ сущности холоднымъ эгоистомъ съ самыми хищническими инстинктами, Мировичъ постоянно воспламеняется гражданскими идеями, заботуется на дурное правительство, ждетъ спасительнаго для отечества переворота. Онъ даже подогрѣваетъ въ себѣ чувство состраданія къ личному положенію Іоанна Антоновича, возмущается жестокостью его судьбы. Всѣ эти кажущіяся противорѣчія въ сущности совершенно правдоподобны. Еще со временъ Катилины мы знаемъ типъ безнравственнаго хищника соединяющаго самое безлутное честолюбіе и жажду личнаго стяжанія съ мечтами о политическомъ переустройствѣ въ интересъ общаго блага. Еслибы великій художникъ взялъ Катилину героемъ широкой эполеи, очень можетъ быть что онъ надѣлилъ бы его капризами сострадательнаго сердца. Мировичъ—это маленькій Катилина на подкладкѣ петербургскаго авантюриста XVIII вѣка, съ закваской кадетскаго воспитанія и легкою подмѣсью масонства.

Предки Мировича принадлежали къ украинской казацкой знати. У одного изъ нихъ Петръ I за политическую провинность отобралъ въ казну все имѣнье; сыновья его въ послѣдствіи тоже по политическому дѣлу были сосланы въ Сибирь, но затѣмъ помилованы и возвращены на родину. Сынъ младшаго изъ нихъ, Василій Яковлевичъ, герой романа, мальчикомъ былъ привезенъ отцомъ въ Петербургъ въ ученье. Вотъ какъ изображенъ у автора пріѣздъ Украинцевъ въ новую столицу:

„Изъ Малороссіи въ Петербургъ, на парѣ воловъ и на простомъ мужицкомъ возу, пріѣхалъ лутвикъ—высокій костлявый, дѣтъ за пятьдесятъ. Онъ былъ въ доуголодой черной свитѣ и въ сѣрой барашковой шляпѣ. Самъ сѣдъ, а черные глаза, какъ

угли, свѣтились изъ-подъ насулаенныхъ бровей. На возу у него сидѣлъ мальчикъ лѣтъ тринадцать съ небольшимъ. У воза шла строй лохматая собака. Ъхали они проселками, продовольствовали воловъ на подножномъ корму, сами питались сухарями. Отправившись изъ дому въ срединѣ апрѣля, прибыли въ Петербургъ въ началѣ июня. Въ дорогѣ, сѣдовательно, находились почти два мѣсяца. То были Яковъ Ивановичъ Мировичъ и его смѣхъ Василій.

„Остановившись они на отдыхъ на обширномъ поросшемъ густою зеленою травой Адмиралтейскомъ лугу (выѣзжая Исакиевская площадь, съ новымъ садомъ). Выпрягли воловъ, умылись въ Невѣ, Богу помолились и закусили. Мальчикъ, болтая босыми ногами въ рѣкѣ, примѣтилъ подъ бастіонами крѣпости (на мѣстѣ нынѣшняго Адмиралтейскаго бульвара) стадо ласшихся на травѣ придворныхъ коровъ и подогналъ къ нимъ своихъ круторогихъ. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу, долго думалъ надъ ней, сувулъ ее опять на мѣсто, и съ кнутомъ въ рукѣ пошелъ кого-то отыскивать по Невской „першпективѣ“.

„Мальчикъ тѣмъ временемъ вышелъ съ собакой на площадь и сталъ разглядывать городъ. Все занимало его: красота и обширность зданій, пушки на бастіонахъ, шумъ уличной ѣзды и суета рабочихъ, съ криками и лѣснами выгружавшихъ въ то время съ канала, у нынѣшней разводной дворцовой площадки, послѣдній камень, кирпичъ, громадные бревна и доски для постройки тогда заложенаго Растреллиемъ нынѣшняго Зимняго Дворца. Залюбовался мальчикъ и золотыми, арко-горѣвшими на солнцѣ плитами Адмиралтейства, Петропавловскаго собора и прежней Исакиевской церкви, стоявшей близъ того мѣста гдѣ теперь ламатникъ Петру. Обернулся мальчикъ назадъ: предъ нимъ въ безконечную даль тянулась, вся въ яркой зелени густыхъ, въ четыре ряда, высокихъ липъ, Невская першпектива. А по ней шли нарядные господа, скакали верхомъ военные, мчались цугомъ раззолоченныя кареты.

„Яковъ Ивановичъ, со словами: а будьте ласковы, скажите, гдѣ тутъ?.. снималъ шалку чуть не предъ каждымъ прохожимъ. Всѣ дивились на него, на его рѣчь, одежду и на лохматое отъ зноя, съ свѣдыми усами лицо. Прохожіе пожимали плечами и шли далѣе. Горожанамъ было не до него, да Украинца рѣдко кто и ловилъ.“

Къ счастью попался навстрѣчу старому Мировичу землякъ, служившій на поварнѣ у графа Разумовскаго, известнаго временщика и покровителя всѣхъ заброшенныхъ въ Петербургъ Украинцевъ. Землякъ привелъ его ко графу, который, узнавъ что онъ пріѣхалъ изъ Малороссіи на волахъ, долго не могъ удержать обуявшаго его смѣха. Тѣмъ же мѣсте онъ взялся хлопотать о возвращеніи Мировичамъ ото-

бравыхъ Петромъ I имѣній и пристроить мальчика. Императрица однако отказала въ просьбѣ объ имѣніяхъ, но Васю безъ труда сдали въ корлусъ.

Кадетская жизнь прошла для Мировича не совсемъ безсладно. Сумароковъ устраивалъ въ корлусѣ домашніе спектакли, во время которыхъ Мировичъ влюбился въ хорошенькую камеръ-медхемъ императрицы, Поликсеу Пчелкину. Дважды онъ поймалъ ее врасплохъ за кулисами, обаялъ за талию, и страстно припадая къ ея розовымъ, съ ямочками, набѣлѣваннымъ и обѣлѣваннымъ мущками щекамъ, вѣжно прошепталъ изъ своей роли:

Когда жь бѣдняжку-пастуха,

Когда жь полюбишь ты, пастушка?

Пчелкина вырвалась отъ него, оправала смятыя блонды и ленты, и сдѣлавъ вздохателю реверансъ, съ насмѣшливою важною отвѣтила также стихами разыгранной пасторали:

Когда ты будешь богачомъ,

Вельможей, а не пастухомъ,

Чтобъ не въ убогой жить намъ хатѣ,

А въ развоченной палатѣ.

Любовь вслѣхнувшая въ сердцѣ восемнадцатилѣтняго кадета оказалась не мимолетнымъ калризомъ, а серьезною страстью повліявшею на всю его жизнь. Поликсева, гордая, своевольная, романтическая, являлась на его пути въ самые драматическіе моменты, дразня его тайные инстинкты и роковымъ образомъ толкая его къ трагической развязкѣ.

Отвергнутый за кулисами кадетскаго театра, Мировичъ сталъ раздражителемъ, мраченъ, ушелъ въ себя. Длеть онъ сочинялъ стансы къ гордой красавицѣ, а „вечеромъ, въ корлусномъ дортуарѣ или въ душномъ служительскомъ чуланѣ онъ рѣзался съ богатыми товарищами въ *ла-муиз* и въ *фараонъ*. Жажда выиграть, разбогатѣть тянула его къ себѣ, и онъ, къ собственному удивленію, выигрывалъ. Сперва серебро, а потомъ и золото завелось у кадета“. Слухи о его счастья дошли до начальника корлуса князя Езулова, который пожелалъ лично удостовѣриться въ искусствѣ молодого игрока. Мы находимъ въ романѣ сцену, въ правдоподобности которой можно усомниться, но которую авторъ разсказываетъ очень живо и колоритно. Разспросивъ кадета во что и почему онъ играетъ, Езуловъ велѣлъ ему придти на другой день.

„— Ну, сядемъ въ барибѣ, скажутъ вельможный начальникъ, кладя карты на столъ: — огурчики-огурцы, пошли въ дѣло молодцы!.. такъ ли? ну-ка, сивая, пойдемъ въ походъ!.. деньги есть?

„Кадетъ показалъ дукаты. Езуловъ поставилъ возлѣ себя ларецъ. Они стали играть. Мать Пресвятая Владычица Казанская, помоги! думалъ Мировичъ: что если выиграю у него не то что сотню, полъ-тысячи, тысячу рублевъ?.. Онъ богатъ, въ игрѣ, слышно, зарывается, неотходчивъ... Тогда... о! тогда Подиксева моя.

„И онъ дѣйствительно сталъ выигрывать.

„Когда стемнѣло и подали свѣчи, серебро, а потомъ и золото изъ ларца Езулова на половину перешли въ шаялу кадета. Руки князя дрожали, брови удивленно шевелились, старческое, алоплексически красное лицо покрылось бѣлыми пятнами. Онъ не переставалъ сыпать любимыми поговорками.

„— И начала она сомѣваться! и начала! возмущалъ онъ, судорожно хлопая картой по картѣ: — ура, сивая, не отставай, окунулся по уши, валай и по маковку туда жь...

„Ларецъ Езулова олуствѣлъ.

„— Эй, вина! венгерскаго! выльемъ, братъ! забывшись крикнулъ начальникъ: — что-то душно.

„— Не лью-съ, прошепталъ блѣдный, взволнованный услѣхомъ Мировичъ.

„— Вздоръ, приложись! у меня, братъ, старое...

„Подали бутылки и рюмки. Князь выпилъ, валялъ и партнеру, выпили и еще; труна надъ своею неудачей, распахнулъ окно въ аражжерею, а дверь залеръ на ключъ, досталъ изъ лузатого, выложеннаго бронзой, бюро горсть коралловъ и нѣсколько ювелирныхъ вещицъ, и началъ удвоивать ставки.

„— Ахъ вы, Самки-кашатки мои, куда дѣли подтяжки мои? шутилъ онъ щелкая картами по столу.

„Къ полночи Езуловъ выбился изъ силъ и откинулся на спинку кресла. Все вынутое было вновь проиграно. Глаза князя лихорадочно сверкали, на углахъ губъ проступила пѣна.

„— Ты магъ, кудесникъ! прохрипѣлъ онъ, въ охмѣленіи глядя на кадета и срывая съ горла обшитый лунанъ-де-шланнами платокъ: — не вывезла, сивая усомнилась!.. отстала!.. Уходи теперь братецъ какъ есть, будто не игралъ... иначе, прибавилъ вдругъ Езуловъ: — а тебя за карточную игру подъ судъ...

„Мировичъ помертвѣлъ.

„— Ваше сіятельство, князь! вы шутите? проговорилъ онъ, заикаясь.

„— Не шучу, не шучу... Иди по-добру, по-здорову... Не то я тебя, кавалья, выпровожу... не чисто, знать, играешь...

„— Какъ смѣете! вскрикнулъ вскакивая Мировичъ: — вы забылись... Такія слова природному дворянину... Мои предки не меньше вашихъ вельможами были...

„На Мировичѣ не стало лица. Руки и подбородокъ его

дрожааи. Онъ какъ льняной шатался, стоя чрезъ столъ въ угрожающемъ положеніи противъ князя. Глаза его застлала леденой.

— Вонъ, молокососъ, вонъ! закричалъ Езуловъ, также поднимаясь съ кресла и толстыми прыгающими пальцами загребая снова въ ларецъ лежавшія на столѣ деньги, кораллы и ювелирные вещицы:—я тебя, сударь, только пыталъ. Аля не догадался? Вижу вонъ, какова ты птица... Езулова, братъ, князя не проведешь.

„Свѣтъ окончателно померкъ въ глазахъ Мировича.

„Онъ опрокинулъ столъ съ картами и съ виномъ, рванудся къ князю, выбилъ у него ларецъ и ухватилъ его за руки. Борьба между сильнымъ, тучнымъ старикомъ и ловкимъ дерзкимъ юношей началась отчаянная. Огромный парикъ князя слетѣлъ подъ софу, часы были обрваны въ схваткѣ и растолтаны подъ ногами, рубаха и манжеты изорваны въ клочки. Сильно досталось и кадету. Съ отхваченнымъ лацканомъ кафтана, долнувшимъ по швамъ камзолу и съ развитою косой, онъ въ рукопашномъ бою нечаянно далъ выскользнуть солѣвшему въ его объятіяхъ князю, получилъ отъ него мѣткій ударъ чѣмъ-то тяжелымъ въ голову, но изловчился, опять поймалъ его за каминкомъ въ углу, и съ крикомъ: молись! теперь тебѣ, извергъ, капуть! тощими пальцами изо всѣхъ силъ ухватилъ его за жирное горло.

„Мировичъ задушилъ бы князя Езулова, но изъ прихожей къ кабинету, на возгласы ихъ и возню, сбѣжались слуги. Въ дверь стали стучать. Мировичъ оломялся, выпустилъ князя. Езуловъ, задыхаясь, молча указалъ ему окно въ тѣлицу, откуда былъ особый выходъ въ садъ. Тотъ медлялъ. Князь, злобно хрипя и лотирая горло, отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Мировичъ схватилъ шляпу и выскочилъ.

„Езуловъ пришелъ въ себя. Не отворяя двери, онъ крикнулъ что никого не звалъ и чтобъ его оставили въ покоѣ, привелъ въ порядокъ свою одежду, мебель и вещи, и закрылъ окно. Олутивъ гардины, онъ выпилъ чѣмъ-то графинъ воды, крестясь и охая, прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ и сѣлъ писать къ фавориту государыни, Ивану Ивановичу Шувалову, давнее письмо.

„Чрезъ недѣлю послѣ этого казуса, кадета Мировичъ, за лѣтство, а также за продерзостное и кутежное поведеніе, не кончивъ курса, былъ отосланъ солдатомъ въ пѣхоту, въ заграничную армию, гдѣ въ два года дослужился до подпоручика.

„Езулова разбилъ параличъ. Послѣ долговременнаго управленія кадетскимъ корпусомъ, онъ былъ уволенъ отъ этой должности и вскорѣ скончался. Онъ словесно предъ смертью пожелалъ выслать за границу исключенному кадету крупную сумму денегъ. Но ближніе его посмотрѣли на это какъ на издѣльную поблажку, и приказа его не исполнили.“

Мы приведем эту сцену какъ одну изъ болѣе сильныхъ въ романѣ, съ цѣлю познакомить читателя съ обращеніемъ авторской живописи. При нѣкоторой грубости и отчасти даже несообразности приведенной сцены, въ ней нельзя не признать извѣстнаго размаха кисти и бойкости рисунка. Замѣтимъ вообще что сцены сатирическія и даже каррикатурныя, сцены человѣческой пошлости и глупости, лаутовства и разврата, удалась г. Данилевскому гораздо болѣе чѣмъ сцены съ высокимъ драматическимъ содержаніемъ. Точно также и самыя лица взятая со стороны отрицательной вышай неизмѣримо живѣе, характернѣе чѣмъ лица другой категоріи—Екатерина, Ломоносовъ, Державинъ, Новиковъ. Объ этихъ совершенно неудавшихся фигурахъ мы еще скажемъ подробнѣе, а теперь чтобы кончить съ „живописью“ г. Данилевскаго приведемъ изъ первыхъ главъ романа изображеніе вѣдшей физиономіи тогдашняго Петербурга, какъ образецъ описательнаго таланта автора.

„Петербургъ въ 1762 году былъ все тотъ же; въ зимніе мѣсяцы грязный, а въ лѣтніе пыльный, малоосвѣщенный, до крайности разбросанный и на двѣ трети бревенчатый, чуховско-нѣмецкій городокъ. Жителей въ немъ тогда считалось съ небольшимъ сто тысячъ. Воды его были безъ набережныхъ, съ навозными площадями и деревянными мостами; ухабы зимой по улицамъ чуть не по поясъ человѣка. Въ сто улицъ, вдоль линій Васильевского острова шла, какъ въ Венеціи, канава съ разводными мостами на перекресткахъ проспектовъ. Кучи навоза и всякой брошенной драны загромождали тротуары и углы перекрестковъ, валялись, и испускала вредныя испаренія, тѣла на площадяхъ. Соръ, грязь и мертвечину съ улицъ и пустырей очищали колодайки. Бездомныя, одичалыя собаки, наводя страхъ на лѣшихъ и конныхъ, бродили стаями по городу, бѣснлись и кусали людей. Отъ нищихъ, калѣкъ и всякихъ попрошаекъ не было проходу.

„Въ девять часовъ смолкалъ весь Петербургъ. Раздавался по городу только безконечный лай цѣльныхъ и праздничныхъ собакъ, да оклики на стѣнахъ Адмиралтейства и крѣпости часовыхъ, которыхъ для безопасности швей разъ ставили и на перекресткахъ. Все помнилъ еще недавнее время, когда петербургскія улицы, изъ-за поджигателей, грабителей, воровъ и всякихъ непотребныхъ людей, на ночь наглухо запирались рогатками, такъ какъ назначаемыя для обхода по городу „пристойныя партіи фузилеровъ и драгунъ“ оказывались недостаточными. Еще въ присутствіи государыни дѣло городского благоприличія шло кое-какъ. Во время же ея отъѣздовъ въ Москву—а она тамъ жила по полугоду и болѣе—

улицы Петербурга приходили въ окончательное залуствіе и поростали травой. Городскія австеріи, гдѣ Петръ I по праздникамъ любилъ чинно выпивать, среди матросовъ и шкиперовъ, чарку тминой водки, обращались въ притоны буйства и дикаго разгула.

„Въ грязь по Петербургу не было проходу. Городскихъ извожиковъ состояло (?) въ то время весьма не много. Петръ III завелъ съ нихъ сборъ по два рубля въ годъ и далъ имъ особые кожаные ярдыки. Люди средняго сословія въ тѣ поры ходили болѣе лѣшкомъ. Богатые и знатные, особенно гвардейскіе офицеры, ѣздили въ своихъ экипажахъ или верхомахъ. Модные щеголи и щеголихи то и дѣло давали лѣшеходовъ. Разъ они чуть не до смерти смяли фельдмаршала Миниха. За то доставалось и барамъ: уличныя мальчишки на Гороховой, Луговой (то-есть Морской) и даже по Невскому, несмотря на объявленія полиціи, пускали бумажныхъ змѣевъ и тѣмъ пугали и бѣсиди рѣзвыхъ вельможныхъ (вельможескихъ?) рысаковъ. Генераль-полицеймейстеръ Корфъ, съ скакавшими у его кареты адъютантами, не сплывалъ являться туда, гдѣ оказывались безпорядки. Нерѣдко, среди бѣлаго дня, на рынкахъ или у новаго оканчиваемаго постройки Зимняго Дворца, между необруанныхъ еще хибарокъ, избушекъ, шалашей и всякихъ сарайчиковъ, раздавались отчаянные крики подравшейся черни: караулъ! грабить, рѣжутъ!

„Невская першпектива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосиныхъ ланталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ шелковыхъ фракахъ, съ огромными лорнетами, а когда было холодно—съ кувыми и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми въ видѣ ось таліями, весли на головахъ хитро-устроенныя прически, на манеръ рыцарскихъ замковъ, цвѣточныхъ корзинокъ, китайскихъ бѣсѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура, или у магазина модъ госложи Такѣ, не обращая вниманія на разраженыхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ растанувшись по тротуару избитый въ кровь и съ разодранными портами мертвецки-лѣяный матросъ. Верховой конно-гвардеецъ, съ громкою бранью и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ, у чьего-то дома стегалъ хлыстомъ чужаго налудреннаго и важнаго кучера за то что тотъ не свернулъ раззолоченной съ кожными занавѣсами кареты, и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшеюся красавицей.“

Въ этомъ очень тщательно составленномъ описаніи Петербурга за сто лѣтъ назадъ нельзя не признать начитавности, обдуманности, старанія собрать какъ можно больше красокъ; но конечно не только художественности, а и на-

стоящаго беллетристическаго мастерства здѣсь нѣтъ. Описаніе очевидно составлено по книжному матеріалу, компилированнымъ порядкомъ, не вызвавъ въ воображеніи автора такой картины о которой можно сказать что она принадлежитъ самому художнику: матеріалъ вошелъ въ романъ дѣликомъ, не облекшись въ самостоятельные образы, не расцвѣтившись красками съ собственной палитры автора. Оттого въ описаніи слышны книжные обороты, отъ него вѣетъ статистикой и календарною справкой. Вообще надо замѣтить что *языкъ* и *тонъ* составляютъ камень преткновенія для г. Данилевскаго, и въ этомъ отношеніи колоритъ у него рѣдко гдѣ выдержанъ: начавъ какъ сабдуеть, онъ вдругъ заставитъ дѣйствующее лицо заговорить языкомъ самого автора или вложить въ его уста такую витиеватую фразу которая и въ книжкѣ нестерпима, не только въ разговорной рѣчи. Для примѣра укажемъ хотя бы на первую главу романа. Мировичъ, только-что пріѣхавъ въ Петербургъ, отыскиваетъ старую знакомую, Бавыкину, къ которой еще мальчикомъ ходилъ изъ корлуca по воскресеньямъ. У воротъ прежней ея квартиры онъ освѣдомляется о ней у какого-то мѣщанина. И вдругъ этотъ мѣщанинъ, на обращенный къ нему простѣйшій вопросъ, отвѣтствуетъ такою изумительною фразой: „Рухнулъ древній, крѣпкій стоабы, и она, властная, сократилась; изъ домохозяйки жилицей стала....“ Подобнымъ языкомъ едва ли разговаривали между собой псаломщики, но ужь никакъ не петербургскіе мѣщане съ офицерами.

Но обратимся къ герою романа.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Мировичъ разочарованный холоднымъ пріемомъ со стороны военнаго начальства принялся отыскивать все также страстно любимую имъ Подиксеву. Оказалось что по смерти Елисаветы Петровны она лишилась мѣста при дворѣ и находилась въ настоящее время въ Шлиссельбургѣ у князя Чурмантѣва, приставленнаго стеречь Ивана Антоновича. Мировичъ ѣдетъ въ Шлиссельбургъ. Подиксена, польщенная тѣмъ что онъ такъ пламенно стремился съ нею увидѣться, встрѣчаетъ его ласково. Въ своемъ телерешнемъ положеніи она не можетъ пренебрегать его искательствами. Отъ нея онъ узнаетъ что Чурмантѣвъ на время передѣлокъ въ крѣлости перевелъ принца въ свою собственную квартиру, а такъ какъ онъ повредилъ ногу и не могъ встать съ постели, то не довѣряя

лостороннимъ, поручилъ Поликсенъ лично ухаживать за царственнымъ узникомъ и носить къ нему пищу. Сношенія съ заключеннымъ возбудили въ Поликсенъ живое участіе къ его несчастной судьбѣ и внушили ей мысль обратиться къ новому императору съ безыменнымъ письмомъ, чтобы описать жалкое положеніе узника призвать сердце государя къ состраданію. Мировичъ взялся доставить письмо по назначенію и отвезъ его въ Петербургъ. Результатомъ этой попытки было свиданіе Петра III съ Іоанномъ Автоновичемъ въ Шлиссельбургѣ, очень живо разказанное г. Данилевскимъ. Свиданіе осталось безъ результата, и облегченіе участи „несчастворожденнаго“ было отложено до болѣе благопріятнаго времени.

Между тѣмъ дѣла въ Петербургѣ принимали оборотъ при которомъ мало оставалось надежды чтобы о Іоаннѣ Автоновичѣ скоро вспомнили. При дворѣ ясно обозначались двѣ партіи—Петровская и Екатериненская; событія 28 іюля близились. Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ подробномъ разказѣ о знаменитомъ „петербургскомъ дѣствѣ“, но приведемъ изъ него одну картинку:

„Екатерина была одѣта въ преображенскій старой формы кафтанъ калитава Петра Федорыча Талызина; Дашкова—въ такой же кафтанъ лейтенанта Андрея Федорыча Пушкина. Придворные рейткнехты подвели ко крыльцу бѣлаго, въ темныхъ яблокахъ, и свѣтло-гвѣдаго коней.

„Садитса, садитса верхомъ! пронеслось въ толпѣ:—откушала, пресвѣтая, у оконъ-то съ улицы было видно....—Да куда-жь это?—Въ походъ видно....—Въ какой?—Отстаньте, что вы, право!

„Екатерина сѣла на бѣлаго, Дашкова на гвѣдаго коня. Обѣ отъѣхали нѣсколько шаговъ къ Невскому и остановились. Волосы Дашковой были подобраны подъ шлягу. Развитыя свѣтлорусыя косы Екатерины густыми волнистыми прядями ладали изъ-подъ треугола на зеленый съ краснымъ воротомъ кафтанъ. Черезъ плечо императрицы была надѣта андреевская голубая лента.

„Слушай! на краулъ! раздались слова команды. Ружья звякнули. Войско отдало честь государымъ.

„Екатерина съ улыбкой глянувъ на Дашкову ловко вынула изъ коженъ шлягу, хотѣла ее поднять и смѣшилась. Краска залила ей лицо. Шляга оказалась безъ темляка. Темлякъ, темлякъ! пронеслось въ ближнихъ рядахъ.

„Изъ передней шеренги конногвардейцевъ, на большомъ, раскормленномъ ворономъ конѣ, вылетѣлъ и подскакалъ къ императрицѣ молодой и какъ дѣвушка застѣнчивый, близо-

рукій, круглолицый вахмистръ. Она слязъ съ собственнаго пашаа темлякъ и приподнявъ шляпу дрожащею рукой лютительно подавъ его государынь.

— Благодарю! сказала Екатерина, сдержавъ лошадь и ласково кивнувъ ему черезъ плечо.

— Кто это? кто? заговорили въ рядахъ.

— Батюшки свѣты! произнесъ, всплеснувъ руками, Фомвизинъ:—да вѣдь это нашъ кандидатъ въ архіереи...

— А ты нешто его знаешь? спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ не знать! за лѣность и повсядневное нехождение въ классы вмѣстѣ съ Новиковымъ исключень изъ нашихъ московскихъ студентовъ!... а теперъ массовъ и другъ Орловыхъ.

Кандидатъ въ архіереи въ эту минуту былъ въ большомъ затрудненіи. Его молодой вороной, ставъ рядомъ съ бѣлымъ конемъ императрицы, рѣшительно не хотѣлъ отъѣзжать прочь. Онъ тронулъ его шпорами—конь подаеся впередъ, фыркнулъ, но помня манежную ѣзду, замоталъ головой и осѣлъ назадъ. Онъ далъ ему шенкеля, конь взвился на дыбы, и олять ни съ мѣста.

— Не судьба, сударь! желая ободрить растерявшагося вахмистра, съ улыбкой сказала Екатерина:—ваша фамилія?

— Потемкинъ! вслыхнувъ по-уши и заморгавъ большими, близорукими глазами, отвѣтилъ съ рукой у треугола бѣлолицый и чернобровый вахмистръ.

Екатерина прикрѣпила темлякъ, подняла шляпу и смѣло, ободрительно-привѣтливо взглянула на окружающихъ, на лублику и генералитетъ.

— Это была уже не жалкая, въ траурномъ платьѣ, гонимая женщина, а величавая, гордая орлица, готовая взмахнуть крыльями и подняться въ недосягаемую высь. Она, глядя все также смѣло и привѣтливо, какъ бы салютуя, повела шляпой, тронула поводомъ и шагомъ двинулась вправо по Невскому. Свита, волеуясь разнообразными мундирами, лентами и звѣздами, верхами лосѣдовала за нею.⁴

Мы остановились на этой сценѣ, потому что рекоменду талантъ автора какъ разкащика, она вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ одинъ изъ самыхъ досадныхъ его недостатковъ—злоупотребленіе историческими лицами. Въ сценѣ, какъ мы видимъ, выступаютъ словно на подборъ все знаменитыя личности: Екатерина, Дашкова, Потемкинъ, Ломоносовъ, Фомвизинъ. Очень недалеко поставлены и Державинъ съ Новиковымъ. Первые три лица—Екатерина, Дашкова и Потемкинъ были дѣйствительно соединены въ этотъ часъ самою исторіей; но и тутъ авторъ присочинилъ совершенно ненужную аллегорію, заставивъ лошадь Потемкина разыграть какую-то пророческую роль и вложивъ въ уста Екатерины совершенно

несоответствующее замѣчаніе о „судьбѣ“, придуманное конечно лишь затѣмъ чтобы лучше объяснить аллегорію. Позволительно думать что гвардейскій вахмистръ, хотя бы и изъ дворянъ, сумѣлъ бы скорѣе справиться со страннымъ капризомъ фронтоваго коня, да и самые капризы эти случаются у лошадей только тогда если онѣ встрѣчаются со знакомою уже лошадыю. Что же касается Ломоносова и Фонвизина, то они введены въ сцену рѣшительно безо всякой надобности, просто по привычкѣ автора злоупотреблять историческими именами, такъ-сказать рисоваться ими предъ читателемъ. И, что всего непріятнѣе, Ломоносовъ и Фонвизинъ оказываются въ этой сценѣ, какъ и во всемъ романѣ, самыми глупыми изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и ихъ разговоръ совершенно равняется перекалканью черни въ началѣ сцены: „сидится, сидится верхомъ.... Да куда жъ это? Въ лохотъ видно.... Въ какой?— Отстаньте, что вы, право!“ Эта манера выводить каждую минуту знаменитыхъ людей для того чтобы заставить ихъ спрашивать другъ у друга новости и говорить лошаости— очень досадная манера, и въ ней главная причина не вполне удовлетворительнаго впечатлѣнія выносимаго изъ романа.

Мировичъ въ знаменательныхъ событіяхъ 28 іюня не принимаетъ прямаго участія, но онъ тутъ, онъ вертится, хлопочетъ, кидается то въ одну сторону, то въ другую, зудитъ какъ назойливый комаръ ищущій своей личной лживы. Вся безпринципная хищность его натуры сказывается въ этотъ день. Занятый все одною и тою же мыслью—сласти Іоанна Антоновича и свискать у него большія и богатая милости, онъ, повинувась Поликсенѣ, въ то же время скачетъ въ Ораниенбаумъ предупредить Петра III о событіяхъ въ Петербургѣ, и, не успѣвъ въ этой дѣли, спасаетъ Екатерину отъ несчастной случайности, обративъ вниманіе Орлова на потерянную у колеса гаіку въ то время какъ они мчались изъ Петергофа въ Петербургъ. Въ ту минуту онъ не знаетъ, кому оказалъ эту случайную услугу, но въ послѣдствіи ему явилась мысль серьезно требовать себѣ вознагражденія. Съ этою претензіей онъ имѣлъ наглость являться и къ Разумовскому, и къ Орлову, хотя очень хорошо зналъ что его попытка предупредить Петра III была извѣстна новому двору. Вообще положеніе нестерпимое, способное довести безпутнаго авантюриста до бѣшенства. Событія какъ-будто

дразнили его, смѣялись надъ нимъ. „Мировичъ, объясняетъ авторъ, всѣмъ что такъ неожиданно-негаданно произошло съ нимъ и вокругъ него былъ ошеломленъ, раздавленъ. Всѣ планы, надежды, всѣ его смѣлыя предположенія были опрокинуты, разбиты въ дребезги. Ему не удалось, какъ онъ ни смѣло и ловко это задумалъ, предупредить печальной участи бывшего императора, отъ милостей котораго онъ столько ждалъ. Принцъ Иоаннъ, свобода котораго повидимому была такъ осуществима, близка и образъ котораго „мстящій фантомъ“, какъ казалось Мировичу, было такъ легко вызвать изъ мрака въ общей сумятицѣ и грозно, во-очію народа предъ всѣми поставить въ тылу лоббидителей, этотъ несчастный узникъ былъ снова и уже теперь вѣроятно безвозвратно и навсегда увезенъ, скрытъ и заточенъ. И во всемъ томъ—Мировичъ чувствовалъ это улово и противъ воли сознавалъ—онъ одинъ былъ виною: невольно спасъ Екатерину отъ гибели, при ея вѣздѣ въ Петербургъ, не умѣлъ лично и въ должный моментъ сообщить самому Петру Федоровичу о затѣваемыхъ противъ него ковахъ, не услѣлъ наконецъ и съ послѣдней услугой принцу, котораго увезли съ острова отъ Гудовича обратно въ Шлассельбургъ. Доля ты моя каторжная, злая! въ бессильномъ негодованіи и бѣшенствѣ повторялъ и клялъ себя Мировичъ: да когда жъ ты будешь ласковою матерью, а не бьющею, злою мачихой?“

Поликсена, такая же хищная натура какъ и онъ, безъ состраданія корила и язвила его. „Пять сряду дней, безъ устали, вы ничтожный картежникъ, вертопрахъ, играли въ карты и все вы погубили, все! Какъ назвать это? какъ васъ считать? Единой услуги—помните ли?—я ждала отъ васъ и вамъ ее указала. Какъ вы ее исполнили? Были у дворца, видѣли государя и не отдали ему своей бумаги! Ее нашли у Гудовича, и васъ, безтолкового, неумѣлаго, зовутъ теперь на расправу. Слабый, ничтожный и ни къ чему не пригодный человекъ! а я на васъ понадеялась, отъ васъ ждала.... Мнѣ бы самой летѣть тогда безъ памяти.... Что молчите, смотрите? Женщина, дѣвушка васъ укоряетъ. Долгъ службы; подданного, любимую вами, все забыли вы въ картежномъ вертелѣ.... да вы и не любите, не любили! такъ ли любятъ? о, не знала я, не знала!“

Мировичъ вскорѣ затѣмъ покинулъ Петербургъ. Онъ уѣхалъ въ состояніи болѣзненнаго, злобнаго раздраженія, про-

клиная свою неудавшуюся судьбу, считая себя бесконечно обиженнымъ всѣми тѣми кого выдвинули событія 28 іюня и кто не хотѣлъ признать его знаменитой услуги въ тотъ день. Въ слѣдующемъ году мы его видимъ на родинѣ, гдѣ онъ проводитъ на хуторѣ одинокіе, скучные дни, полые заобыхъ мечтаній, тоски неудовлетвореннаго честолюбія. По ночамъ ему снились тревожные сны. „Народное ликованіе, стрельба изъ пушекъ и во всѣхъ концахъ колокольный набатъ. Многолюдная, радостная толпа—мѣщане, солдаты, чернь и саво-ники—несутъ на рукахъ отбитаго изъ тюрьмы узника. Принцъ Іоаннъ блѣдный, съ кроткою сіяющею улыбкой, сидитъ на носилкахъ. Голова его въ коронѣ; въ рукахъ разбитыя цѣли и листъ бумаги. Замена вѣуть. За криками не слышно чтò онъ говорить. А онъ машетъ цѣлами и бумагой, кланяется и счастливыми сіяющими глазами ищетъ кого-то въ толпѣ. Вотъ онъ, вотъ твой освободитель! кричать, указывая ему Мировича;—впередъ его, впередъ.... хартію ему, хартію!“—„Горе, горе вамъ, мытари, фарисеи! воздвигну мертвую тѣль, призракъ.... сотворю судъ пришельду!—задыхаясь повторялъ Мировичъ мстительныя, торжествующія слова.“

Въ декабрѣ того же 1763 года Мировичъ вернулся въ Петербургъ, а весной перешелъ на службу въ Смоленскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Шлиссельбургѣ. Вскорѣ совершилось извѣстное покушеніе.... Г. Данилевскій очень умно рассказываетъ драматическія подробности дѣла. Мировичу не трудно было обманувъ солдатъ своею роты авторитетомъ вымышленнаго манифеста, заставить ихъ идти противъ крепостнаго гарнизона. Малочисленная стража пробовала оказать сопротивленіе, но когда Мировичъ приказалъ подвести пушку, принуждена была сдаться. Тогда во внутренности каземата разыгралось кровавое дѣло. У приставленныхъ къ принцу караульныхъ офицеровъ Ваасьева и Чекина имѣлась старая неотмѣненная цвструція, въ силу которой имъ возбранялось въ подобномъ случаѣ выдавать узника живымъ.

„Ваасьевъ взялъ у часоваго палашъ, отперъ дверь. Въ душной, со спертымъ воздухомъ, комнатѣ уже можно было разглядѣть предметы. Въ рѣшетчатое, закоптѣлое окно чуть брезжилъ разсвѣтъ. Принцъ тихо спалъ за перегородкой. На скамьѣ лежало его платье—матросская куртка и шаровары; возлѣ стояли столтанные башмаки. У изголовья висѣло полотенце.

„— Ну что ж? обнаживъ ладанъ и обернувшись къ Чекину, сказалъ Власевъ:—именемъ статута приказываю...

„Чекинъ также обнажилъ шпагу. Онъ видѣлъ какъ коротконогий, головатый Власевъ несмѣло шагнулъ за перегородку и какъ бы разгадывая славшаго нагнулся и сталъ шарить. Секунды двѣ его голова и лапы видѣлись въ дверь лереборки. И вдругъ онъ взмахнулъ рукой.

„Радзалея ударъ стѣли о что-то мягксе, быстрый порохъ чего-то навалившася, ладающаго, и страшный дикій крикъ:— ахъ, Боже! да что жъ это?—Чекинъ безъ памяти бросился къ двери и въ торолахъ не могъ найти замка.

„Что-то стремглавъ выскочило изъ-за перегородки. Среди комнаты обозначился рослый, крѣлко сложенный, окровавленный человекъ, въ одромъ бѣльѣ и съ разсѣченнымъ наискось лбомъ. Кровь струилась по его блѣдному искаженному страхомъ и недоумѣнiемъ лицу. Красное пятно ширилось и съ боку рубахи. Онъ сломалъ ранившій его клинокъ, быстро обхватилъ Власева, и повторяя:—Иуда, убивецъ—силая его повалить.

„— Шпагу, лоручикъ.... штыкъ отъ солдата! крикнулъ хрипла Власевъ.

„Чекинъ услышалъ голоса на дворѣ, толотъ подбѣгавшихъ къ лѣстницѣ солдатъ, и протянулъ шпагу Власеву.— Услыютъ, помѣшаютъ, подумалъ онъ. Въ сѣняхъ замелькали тѣни. Онъ выскочилъ за дверь.

„За его спиной раздался новый отчаянный крикъ. Что-то толкнулось о стѣну, рванулось къ двери и глухо рухнулось на полъ. Чекинъ въ темномъ проходѣ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему ясно олять представилася уживъ принца, ихъ разговоръ...

„— Гдѣ государь? гдѣ? крикнулъ, подбѣгая къ каземату, Мировичъ.

„Онъ задыхался. Солдаты толпились за нимъ.

„— У насъ императрица, а не государь, отвѣтилъ, стуливъ изъ каземата, Чекинъ.

„— Иди, негодяй, отмыкай дверь и кажи намъ государя, сказалъ, схвативъ его за воротъ и толкнувъ въ затылокъ, Мировичъ:—другой тебя, каналью, давно бы закололъ.

„Онъ бросился съ ружьемъ по лѣстницѣ. Дверь каземата была настежь. На ея порогѣ стоялъ Власевъ. Нахлынувшiе солдаты толпились въ сѣняхъ и на галлерей. Мировичъ вошелъ въ казематъ. Тамъ было темно.

„— Огня, свѣчу, закричалъ Мировичъ:— что ты, злодѣй, тутъ дѣлаешь въ лотьмахъ? кинулся онъ къ Власеву:—наемные душегубы, мерзавцы! уже всѣмъ вамъ будетъ расчетъ!

„Привнесаи фонарь. Всѣ вошли въ затхлый, мепитическiй казематъ.

„На его полу, навзничъ, лежало бездыханное тѣло принца Иоанна.

„— Ахъ вы, злодѣи окаянные, безсовѣстные! вскрикнулъ, т. схиш.

отступая въ ужасѣ Мировичъ:—боитесь ли Бога? Какъ смѣли пролить кровь столь великаго, неповиннаго человѣка?

„Онъ бросился къ трулу.—Императоръ нашъ бывшій, императоръ! кричалъ онъ, дѣлая руки и ноги убитаго.

„—Не знаемъ кто онъ былъ, отвѣтилъ Ваасъевъ;—вина не наша; что сдѣлано, токмо по указу.

„— Въ штыки ихъ, изверговъ, въ клочки! раздалися крики солдатъ.

„— Пользы не будетъ! колоть не надо! оставилъ ихъ Мировичъ;—и теперь они правы, а мы виноваты... Я вспомнилъ слово, явился, сказалъ онъ, глядя въ мертвое лицо узника:—вотъ нашъ государь, Іоаннъ Антоновичъ. Ему быть бы на престолѣ, стоять во главѣ войска! Отбивался вѣдъ онъ одинъ, безоружный, противъ вооруженныхъ. Помните и передайте въ роды родовъ, вы его видѣли. Теперь мы несчастны и я болю васъ всѣхъ. Одинъ отвѣчу, за всѣхъ потерплю. Несите, прибавилъ онъ, громко зарыдавъ;—вашему величеству отдастъ долгъ послѣдній вѣроплотдаваемый.

„Тѣло покойнаго, въ лосковой бѣлой рубахѣ и въ портахъ изъ грубого мужицкаго холста, прикрыли знаменемъ и на кровати вынесли на фруктовое мѣсто, во дворъ, гдѣ ужъ разсвѣло. Всѣ заглядывали въ блѣдное, будто озабоченное величьемъ рѣковаго событія лицо убитаго, съ русою бородой. Мировичъ велѣлъ барабанщику бить утревной побудокъ, выстроилъ отрядъ шеренгами, положилъ къ ногамъ принца свою шляпу, шарфъ, и скомандовалъ, въ честь скончавшагося, на караулъ. Барабанщикъ билъ полный походъ.“

Прибывшій вполыхахъ командиръ Смоленскаго полка тотчасъ арестовалъ Мировича.

Такъ печально окончилась дерзкая попытка, роковымъ образомъ развязавшая двѣ неудачныя жизни — злополучнаго принца и его безумнаго заступника.

На судѣ Мировичъ держалъ себя дерзко и надменно, и на вопросъ: какъ онъ могъ рѣшиться? отвѣчалъ: „Я предпринялъ лишь то что удалось вамъ самимъ и что васъ поставило моими судьями, а меня подсудимымъ. Я шелъ по вашимъ столамъ; удайся же мое дѣло, вы всѣ говорили бы инымъ языкомъ.“

Судъ приговорилъ Мировича къ смертной казни. Поликсена, жившая въ то время уже въ Оренбургѣ, пріѣхала въ Царское Село молить императрицу о помилованіи. Она назвала себя единственною сообщницею и подстрекательницею преступной попытки, откровенно объяснила свои отношенія къ Мировичу. Екатерина общала что въ минуту казни фельдъегерь привезетъ помилованіе. Но посланный олоздалъ на роковыя пять минутъ, и казнь совершилась. „Палачъ за

русые, длинные волосы поднявъ отрубленную, блѣдную, окровавленную голову казненнаго, въ глазахъ котораго въ это мгновеніе вдругъ завертѣлось все окружающее: фронтъ солдатъ переносился на крыши домовъ, уличный фонарный столбъ былъ на мѣстѣ аудитора, опрокинутая церковь ладла, съ ужасающею быстротой, во что-то страшное, бездонное... Площадь ахнула...“

Мы довольно полно обозрѣли существенную часть новаго романа г. Данилевскаго, именно все то что непосредственно связано съ личностью и судьбой героя—такъ какъ въ этой-то существенной части автору удалось самымъ выгоднымъ образомъ воспользоваться своимъ дарованіемъ. По нашему крайнему разумѣнію, фигура Мировича вполне удалась г. Данилевскому, и насъ не только не смущаютъ нѣкоторыя рѣзкости и противорѣчія въ личности Мировича, но напротивъ все въ рисунокѣ и въ колоритѣ этой фигуры представляется намъ вѣрно и тонко обдуманнѣе и исполненнѣе не безъ мастерства. Безпокойная, хищная, безлутно-порывистая и въ основаніи совершенно ничтожная натура авантюриста проходить чрезъ романъ какъ осязаемый образъ, интересуа читателя не только вслѣдствіе его соприкосновенія съ драматическими событіями эпохи, но и со стороны психологической, разработанной весьма тщательно преимущественно въ третьей части романа. Героинѣ своей, Поликсенѣ Пчелкиной, авторъ удѣлилъ гораздо менѣе мѣста, и читатель выносить о ней менѣе обстоятельное представленіе; но существенныя черты этого типа намѣчены довольно твердо, и что рѣдко бываетъ у современныхъ русскихъ беллетристовъ, въ рисунокѣ этого романтически-хищнаго образа есть нѣкоторая красота, что не оскорбляетъ вашего нравственнаго чувства, потому что личность Поликсены остается мало-симпатичною, но удовлетворяетъ основному условію романа какъ продукта артистическаго.

Рядомъ съ этими центральными фигурами, мы находимъ въ романѣ цѣлый рядъ лицъ очерченныхъ болѣе или менѣе удачно, именно тѣхъ лицъ къ которымъ авторъ отнесся преимущественно съ отрицательной стороны. Между такими лицами, Петръ III весьма бойко очерченъ въ немногихъ, но характерныхъ сценахъ. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ онъ при своемъ первомъ появленіи, въ сценѣ такъ-называемаго

„шлессельбургскаго свиданія“. Онъ даже имѣетъ въ романѣ свой собственный языкъ—преимущество выпавшее на долю не всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Не дурны также окружающіе его придворные, предводители голштинской партіи, какъ въ упомянутой сценѣ „шлессельбургскаго свиданія“, такъ и во время катастрофы 28 іюня. Въ числу удачныхъ фигуръ можно отнести и героя Елисаветинскаго царствованія, гетмана Разумовскаго, который опять-таки вполнѣ хорошъ тамъ гдѣ авторъ относится къ нему полу-иронически, и гораздо менѣе хорошъ въ сценѣ съ Воронцовымъ, гдѣ онъ долженъ изобразить собою нѣкое величіе души. Наконецъ къ немаловажному достоинству романа слѣдуетъ отнести искусную группировку матеріала, беллетристическую ловкость, съ какою авторъ поддерживаетъ интересъ къ быстро развертывающейся полу-исторической картинѣ.

И за всѣмъ тѣмъ—хотя читатель быть-можетъ мало ожидаетъ такого заключенія — *Мировичъ* производитъ впечатлѣніе не вполнѣ удовлетворительное, даже вызываетъ недоумѣніе и досаду. Виною такого неблагоприятнаго результата являются главнымъ образомъ двѣ причины. Во-первыхъ, отношеніе автора къ исторической эпохѣ чрезвычайно странно. Въ предѣлахъ романа сходитъ со сцены Петръ III, послѣдній представитель того темнаго полу столѣтія когда въ русской жизни, послѣ неумоврнаго напряженія, вызваннаго гениемъ и энергіей великаго Петра, настала продолжительная уладокъ силъ, когда величавую фигуру Преобразователя засловили отроки-императоры, женщины-правительницы, Бироны, Долгорукіе, когда Петербургъ сдѣлался ареной придворныхъ интригъ, иноземныхъ домогательствъ, злодѣяній личной мести и личныхъ интересовъ, когда національныя задачи, намѣченныя и наполовину уже осуществленныя величайшимъ изъ государей, казались потерянными въ наставшихъ послѣ него потемкахъ. Съ Петромъ III этотъ періодъ навсегда кончается, русская жизнь снова вступаетъ въ свое широкое русло, русская политика, озаренная блескомъ необычайныхъ побѣдъ, снова устремляется къ своимъ національнымъ задачамъ. Первые годы Екатерининскаго царствованія являются годами величайшаго воодушевленія, подъема, лучшіе русскіе люди чувствуютъ по первымъ шагамъ новой императрицы что наступаетъ новая весна, новый разсвѣтъ. Г. Данилевскій не только ничего этого не отразилъ въ сво-

емъ романъ, но онъ облекъ воцареніе Екатерины въ какой-то тусклый мракъ, сообщилъ ему что-то давящее, что-то разрушающее какія-то надежды, что-то наводящее хандру и безпокойство. Смыслъ событія какъ-то странно связывается съ личными интересами героя романа, читателя заставляютъ чувствовать какъ разрушаются надежды Мировича, причемъ отъ него заслоняется то обстоятельство что въ это самое время оживаютъ надежды Россіи. Мы сомнѣваемся чтобы таковъ былъ собственный взглядъ автора на Екатерининскую эпоху, но благодаря какой-то странной ошибкѣ въ композиціи, впечатлѣніе получается именно то на которое мы указываемъ. Въ тонъ съ нимъ звучать на послѣдней страницѣ и послѣднія слова Ломовосова, этого вѣчнаго и—надо прибавить — несноснаго истолкователя всего происходящаго на сценѣ: „Нѣтъ, государыня, не я нездоровъ и грустенъ, больна и грустна моя душа.“ Кстатизамѣтить что и сама Екатерина, дающая первыя аудіенціи и принимающая первыя доклады, является у автора фразистою, скучною резонеркой, выражающеюся невообразимымъ семинарскимъ языкомъ. Читатель не только не чувствуетъ чтобы эта женщина могла вызвать воодушевленіе, надежды, но онъ невольно начинаетъ раздѣлять какую-то необъяснимую хандру, овладающую дѣйствующими лицами романа.

Вторая причина къ которой надо отнести неудовлетворительность производимаго романомъ впечатлѣнія отчасти намъ уже извѣстна. Она заключается въ злополучной манерѣ автора поминутно выводить на сцену такихъ лицъ какъ Ломовосовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Новиковъ, и заставлять ихъ говорить гаулости и лошлости. Происходитъ это конечно вопреки намѣреній автора, который очевидно изъ всѣхъ силъ старался вложить въ уста этихъ знаменитыхъ людей самыя умныя рѣчи; но намѣреніе осталось недостижимымъ, и нѣтъ чувства болѣе непріятнаго какъ то которое испытываетъ читатель каждый разъ какъ выступаетъ на сцену та или другая литературная знаменитость XVIII вѣка. Мы замѣтили уже выше что вообще типы и фигуры положительные, а тѣмъ болѣе идеальныя, рѣшительно не удаются г. Данилевскому. Екатерина является у него лишенною всѣхъ тѣхъ очаровательныхъ признаковъ которыми она такъ легко любѣждала окружавшихъ ее, и съ которыми образъ ея живетъ въ исторіи, въ поэзіи, въ мемуарахъ и письмахъ

современниковъ, наконецъ въ ея собственныхъ произведеніяхъ. У автора не нашлось ни красокъ, ни воодушевленія чтобы вызвать этотъ образъ во всей его привлекательной опредѣленности, такъ что самый успѣхъ „петербургскаго дѣйствія“ 28 іюня остается для его читателей какъ бы загадкой. Но еще болѣе пострадала подъ перомъ г. Данилевскаго величавая фигура Ломоносова. Заполучный поэтъ и ученый слово на казнь и пошваніе выведетъ въ романѣ. Занимая въ немъ огромное мѣсто, онъ валопяетъ десятки страницъ невообразимую болтовней, выражаемую такимъ дикимъ языкомъ отъ котораго на читателя просто столбнякъ находить. Болтовня эта повидимому представляется автору чрезвычайною умною и язвительною; о чемъ свидѣлствуютъ неудобоваримыя ругательства, обильно пересылающія рѣчь маститаго академика; но въ сущности все что говоритъ Ломоносовъ или крайне элементарно, или просто гауло. На первыхъ же страницахъ романа онъ стоакнувшись съ никогда не виданнымъ имъ Мировичемъ вдругъ раздражается сѣдующими ласкостями противъ Нѣмцевъ:

„Рвань поросащья! Каины! Черти особые, ихъ же и крестъ россійскій не беретъ! Иродовы души! Травка гнусная фѹфарка! Бѣсъ шелъ съять на болото всякія лавеаы и дрянъ, да и просыпалъ нечаянно это зелье—фѹфарку; ну, изъ него и отродилася весь нѣмецкій синклитъ, самъ старый лукавецъ Фрицъ, его генералы Гальзенъ и Циттенъ, и съ ними и наши доморослые колбасники, Бироны, Тауберты, Вицгеймы, и вся братія... И ихъ еще не ругать? Вздоръ! Не церемонюсь я съ весытыми въ аичной злобѣ проходимцами, и потому у нихъ не въ авантажъ. Таковъ, сударь, моей натуры чинъ и складъ. Ахъ, дерзости! Ахъ, нескончаемая лютость, поправшая всякій естества законъ!“ и т. д.

Неужели г. Данилевскій не догадывается что это говорятъ не Ломоносовъ, а пьяный миргородскій пономарь?

А вотъ образецъ Ломоносовскаго ума, когда великій чело-вѣкъ не ругается, а „увѣтаиво“ бесѣдуетъ съ женой:

„Лучше сидѣть съ работой или съ умною книгой дома, въ далинѣ отъ шума и отъ всякихъ людскихъ дразгъ, чѣмъ—Богъ мой!—имѣть обхождение съ пустыми комедіантами и вредными штатателями, да пересудчиками. Съ ними въ семьѣ вкрадываются дурныя упражненія, расколы, колобродства и всякія враки... Я противъ нихъ, противъ нихъ! Да и вы,

фрау профессоринъ, согласитесь, не наживете гипохондрию въ хозяйствѣ, въ заботахъ о своихъ нуждахъ и о своемъ углѣ.“

Или вотъ Фонвизинъ явившійся съ визитомъ къ Ломоносову и заговорившій о Москвѣ: „Правду изволили сказать—развѣченій премного-съ! Знаете, въ Москвѣ такъ весело, столько родныхъ... и подъ Москвой тоже... у бабушки. Маланья Ивановна, моя бабушка, старенькая, а пребѣдовая—на арфѣ играетъ, любить веселости и васъ всего наизусть знаетъ.“

Заставить Фонвизина говорить языкомъ Митрофанушки, а Ломоносова языкомъ Скотинина, вывести двухъ умнѣйшихъ русскихъ людей чтобы они лобесѣдовали предъ читателемъ о бабушкѣ Маланьѣ Ивановнѣ, это въ самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ куріозно.

Прибавимъ что всѣхъ этихъ патріарховъ русской литературы, не въ добрый часъ притянутыхъ къ роману, авторъ надѣлилъ самыми неприличными, суетливыми и сплетническими ролями. Они какъ-то всюду толкуются, хватаютъ и передаютъ новости, подглядываютъ, подслушиваютъ, сплетничаютъ, разказываютъ, и высказывая какъ маріонетки при каждой исторической сценѣ, съ глухимъ азартомъ Бобчинскаго и Добчинскаго подталкиваютъ другъ друга и восклицаютъ: „каковы событія-то! какво яроисшествіе-то! Видѣли? вотъ бы вамъ въ стихкахъ описать!“ Въ особенности Ломоносову авторъ придалъ столько юркости что невольно поминутно спрашиваетъ себя: да за что же? за что?

А.

II.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки. И. Гончарова. (Русская Рѣчь. Іюль 1879.)

Не часто въ нашей литературѣ, да и въ другихъ литературахъ, являются такіа интересные замѣтки. Это не болтовня фельетониста, не разсужденія записнаго критика, почерпающаго мудрость свою изъ третьихъ рукъ, о томъ какъ лишутся, или должны писаться романы, что чувствуетъ, или долженъ чувствовать авторъ. Высокодаровитый, опытный

художникъ, писатель замѣчательный не только по таланту, но и по внутреннему смыслу, по характеру своихъ произведеній, рассказываетъ намъ откровенно и просто, какъ создавались эти произведения, выражаетъ свое собственное мнѣніе о нихъ, даетъ намъ „ключъ“ къ своимъ романамъ. „Я отнюдь не выдаю этотъ анализъ своихъ сочиненій за критическій непреложный критерій, говоритъ Гончаровъ, не навязываю его никому, и даже предвижу что во многомъ и многіе читатели, по разнымъ причинамъ, не раздѣляютъ его. Сообщая его я только желаю чтобъ они знали какъ я смотрю на свои романы самъ.... Ежели читатели найдутъ этотъ мой ключъ къ моимъ сочиненіямъ невѣрнымъ, то они вольны подбирать свой собственный.“ Не одна лишь благовоспитанная скромность, но и глубокое пониманіе дѣла скрывается въ этихъ словахъ. Дѣйствительно, взглядъ самого автора на свои произведения далеко не всегда бываетъ вѣренъ, и вовсе не по пристрастію къ себѣ, какъ можно бы предположить. Напротивъ, именно даровитѣйшіе писатели весьма часто оказываются къ себѣ несправедливыми, не умѣющими цѣнить по достоинству то что сама создали. Съ равнодушнымъ пренебреженіемъ отворачиваются они отъ истинно прекраснаго и старательно выставляютъ на видъ слабое, наименѣе удачное. Это любопытное психологическое явленіе. Объясняется оно тою особенностью художественнаго творчества, которая такъ ярко выступаетъ въ замѣткахъ Гончарова, и къ сожалѣнію такъ непонятна для большей части нашихъ критиковъ. Человѣку собственно дорожить всего болѣе тѣмъ что болѣе всего стоило ему труда. Къ доставшемуся легко, къ явившемуся само собою, какъ бы ни было оно хорошо, мы легко и относимся. Но достоинство художественнаго произведенія вовсе не измѣряется количествомъ потраченнаго на него труда. Мы цѣнимъ достигнутый результатъ, не справляясь о томъ долгое или короткое время, много или мало работалъ художникъ. Для художника же работа важнѣе, дороже самаго результата. За исполненіемъ своимъ онъ видитъ невольно то что хотѣлось ему исполнить, въ изображенномъ ищетъ того что намѣревался, стараясь изобразить. Здѣсь поводъ къ двойной ошибкѣ. Авторъ можетъ или впадать въ свои произведения такой смыслъ какого они не имѣютъ для публики, или, напротивъ, не цѣнить достаточно принадлежащее имъ несомнѣнно зна-

ченіе; можетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало читать въ своихъ собственныхъ словахъ. Такъ и бываетъ весьма часто въ дѣйствительности. Почти всегда является нѣкоторое разногласіе въ оцѣнкѣ художественнаго, литературнаго произведенія между самимъ авторомъ его и со стороны смотрящимъ критикомъ. Но при такомъ разногласіи слѣдуетъ, однако, осмотрительно взвѣсить на чьей сторонѣ ошибка. Трудно быть увѣреннымъ что понимаешь другаго человѣка лучше нежели онъ самъ себя понимаетъ. Трудно, основываясь на одной лишь теоріи, утверждать что знаешь дѣло лучше нежели мастеръ этого дѣла, посвятившій ему годы труда и доказавшій свое искусство замѣчательными произведеніями. Теорія выводится изъ фактовъ, подтверждается, оправдывается фактами, а факты въ данномъ случаѣ убѣдительно говорятъ въ пользу автора. Но еслибы, дѣйствительно, ошибка оказалась на его сторонѣ, что, повторяемъ, нерѣдко случается, самыя ошибки эти въ высшей степени интересны и поучительны. Не придирайтесь къ нимъ слѣдуетъ съ какимъ-то смѣшнымъ сознаніемъ своего превосходства, а внимательно вглядываться въ нихъ, выискать въ ихъ причину. Онѣ открываютъ намъ важную истину. Какъ въ самомъ дѣлѣ объяснить себѣ что авторъ невѣрно толкуетъ свое собственное произведеніе, что художникъ не понимаетъ вполне, не цѣнитъ по достоинству имъ же созданныхъ образовъ? Это, очевидно, было бы невозможно, еслибы все что дало ему способность создать ихъ было всегда въ его распоряженіи, еслибы и прежде и послѣ онъ стоялъ на томъ же уровнѣ, на той же высотѣ какъ и во время творчества. Ремесленникъ можетъ когда угодно объяснить вамъ въ точности свою работу, можетъ тутъ же при васъ сдѣлать то что сдѣлалъ недѣлю, мѣсяцъ, годъ тому назадъ; но художникъ этого не можетъ. Онъ не обладаетъ постоянно тѣми свойствами какія обнаруживаются въ его произведеніи, не располагаетъ во всякое время всеми условіями своей работы. Не всегда найдете вы въ авторѣ то что поражаетъ васъ въ его книгѣ. Откуда же берется оно? Какъ можетъ человѣкъ показать вамъ то чего самъ не видитъ, сказать больше нежели знаетъ, и вовсе не то что хотѣлъ? Не вынуждены ли мы по необходимости признать въ немъ дѣйствіе силы превышающей его умъ, подчиняющей себѣ его волю, возводящей все его способности на высшую степень, дѣлающей минутами доступ-

вымъ недоступное для него ни прежде ни послѣ? А если такая сила очевидно и несомнѣнно проявляетъ себя въ дѣлѣ художника, въ правѣ ли мы отрицать что она можетъ проявить себя и въ другихъ человѣческихъ дѣлахъ, что въ каждомъ изъ насъ, невѣдомо намъ самимъ, живетъ извѣстная доля ея? Вопросъ о сознательномъ или безсознательномъ творествѣ, какъ выражается Гончаровъ, гораздо обширнѣе, гораздо ближе касается самыхъ жизненныхъ интересовъ нашихъ нежели кажется съ перваго взгляда. Рѣшить его можно только прислушиваясь къ словамъ самихъ художниковъ, случая ихъ мнѣнія съ ихъ произведеніями. Другаго способа нѣтъ. Вдуматься въ процессъ творческой работы незнакомый съ нею на дѣлѣ не можетъ. Никакое теоретическое образованіе, никакое отвлеченное мышленіе не откроетъ намъ тайну искусства, если художникъ самъ не выдастъ ея. Выдаетъ же онъ ее иногда намѣренно, откровеннымъ призваніемъ, иногда, и едва ли не чаще, помимо воли своей, разницей, если можно такъ выразиться, между собой и своими произведеніями, между словомъ и дѣломъ своимъ. Что бы ни говорилъ художникъ о себѣ, справедливымъ ли оно кажется намъ, или ошибочнымъ, все драгоцѣнно для насъ, ибо такъ или иначе, онъ говоритъ намъ то чего никто другой намъ не скажетъ: изъ его словъ, прямо или косвенно, мы узнаемъ истину которую не можемъ не дорожить, и которой другимъ путемъ не можемъ узнать. Нѣтъ для критики болѣе интересной задачи какъ разобрать, растолковать, оцѣнить по достоинству эти слова, опредѣлить отношеніе теоретическихъ понятій художника къ его произведеніямъ. Мы ждали такой оцѣнки замѣтокъ Гончарова, ждали можетъ-быть слишкомъ долго, и ждали напрасно. Появилось, правда, нѣсколько бѣглыхъ отзывковъ: въ одномъ фельетонѣ, помнится, довольно рѣзко побранили писателя „не знающаго самъ что пишетъ“; въ другомъ похвалили его, приведя для чего-то тутъ же совѣтъ Гоголя переписывать по нѣскольку разъ свои сочиненія. Тѣмъ дѣло и кончилось. На недостатокъ у насъ серьезной, толковой критики Гончаровъ самъ указываетъ въ своихъ замѣткахъ съ неволью прорывающимся скорбнымъ чувствомъ, какъ не можетъ не скорбѣть объ этомъ недостатокѣ любящій свое дѣло писатель. „Напрасно я ждалъ, говорить онъ, что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками, и полюбитъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидитъ что именно говорить это цѣ-

ное. Но этого не было.... Критика, какъ и само искусство, отъ крупнаго, мыслящаго и осмысливающаго синтеза перешла къ мелкому анализу... Не находили или не хотѣли находить въ моихъ образахъ и картинахъ ничего кромѣ болѣе или менѣе живо нарисованныхъ портретовъ, пейзажей, можетъ-быть живыхъ копій съ правыхъ—и только... Больше ничего не видѣли, и замолчали... Хорошо еще что хвалили за колоритъ, за вѣрность лицъ, за живость пейзажей—и то слава Богу!“ Въ этихъ словахъ, которыя мы позволили себѣ извлечь и солоставить, не слышится ли нѣкоторая горечь, горечь поневолѣ закрадывающаяся въ душу писателя, когда вмѣсто серьезной оптики онъ встрѣчаетъ лишь поверхностные толки о своихъ произведеніяхъ, неосновательную брань и незаслуженныя похвалы, касающіяся постоянно второстепеннаго, а не главнаго. Не то горько писателю что его бранятъ, горько что бранятъ безъ толку, за ничтожное, не имѣющее значенія въ его глазахъ, вовсе не обращая вниманія на существенное, что пристально вглядываются въ букашекъ, а слова упорно не замѣчаютъ. И похвала такого рода горше брани. Художникъ положилъ на свою работу лучшія силы свои, выразилъ въ своемъ произведеніи что вынесъ изъ жизни интереснаго, дорогаго, истиннаго—онъ хочетъ знать удалась ли работа, дорожать ли другіе тѣмъ что дорого ему, интересуются ли тѣмъ что его интересуеетъ, истинное для него истинно ли и для другихъ? Слишкомъ близокъ ему его трудъ; онъ чувствуетъ что не можетъ смотрѣть на него такъ какъ посмотрятъ другіе. Съ горячимъ нетерпѣніемъ, съ невольною тревогой ждетъ онъ: какъ посмотрятъ они? Увидать ли тѣ достоинства, тѣ недостатки, какіе видитъ онъ самъ, или найдутъ еще и такіе какихъ онъ не видитъ, научать ли какъ можно было избѣгнуть этихъ недостатковъ, съ которыми не сумѣлъ онъ справиться? Критика необходима художнику, какъ свѣжій воздухъ послѣ душной рабочей комнаты, какъ общество людей послѣ уединеннаго, напряженнаго труда,—критика, уясняющая то что неясно ему самому, останавливающаяся на томъ что его самого останавливало, различающая и достоинства замысла, и трудности исполненія. Пусть найдетъ она ошибки и въ томъ и въ другомъ, лишь бы только растолковала эти ошибки. Пусть строго, сурово судятъ писателя, лишь бы указали законы на которыхъ основанъ при-

говоръ. Но когда о сущности его дѣла вѣтъ и рѣчи, когда въ вину или въ заслугу ему ставятъ лишь то въ чемъ самъ онъ не можетъ, по совѣсти, видѣть ни серьезной вины, ни серьезной заслуги, когда произведенія въ которыя вложилъ онъ часть души своей служатъ предметомъ не внимательнаго обсуждения, а легкой, праздною болтовни—скорбь пошевола овладѣваетъ художникомъ, пошевола колеблется вѣра въ себя и въ то дѣло которому посвятилъ онъ свою жизнь. Если общее равнодушіе къ этому дѣлу не заражаетъ наконецъ его самого, если еще дороги ему создаваемые имъ образы, идеи которыя онъ старался выразить въ нихъ, естественно является у него желаніе, является потребность растолковать самому значеніе этихъ образовъ, самому указать на эти идеи, которыхъ никто не умѣетъ или не хочетъ понять. Такая свойственная художнику потребность вызвала и замѣтки Гончарова. „Пишу, говоритъ онъ, прежде всего для тѣхъ, не составляющихъ уже теперь большинства въ обществѣ, любителей художественной литературы которые еще вѣрѣдко продолжаютъ въ разговорахъ со мною обращаться къ *Обрыву*, и среди которыхъ найдется болѣе сочувствія и, слѣдовательно, болѣе чуткости, опредѣлительности и безпристрастія въ оцѣнкѣ и самихъ образовъ и того что они выражаютъ, если они выражаютъ какой-нибудь другой смыслъ кромѣ портретнаго сходства и яркости кисти. Если и они не найдутъ ничего, тогда я уже и самъ, послѣ опыта, перестану находить ключъ къ моимъ сочиненіямъ.“ Писатель призываетъ критику; но и на этотъ призывъ критика не отозвалась. Существенное содержаніе замѣтокъ осталось неопцѣненнымъ по достоинству. А содержаніе ихъ глубоко интересно. „Съ объясненіемъ внутренняго значенія моихъ картинъ, говоритъ Гончаровъ, объяснится само собою и то въ чемъ собственно состоитъ заслуга романиста, если онъ художникъ.“ Эти-то общія характеристическія черты истиннаго художника ярко выстулающія въ отдѣльномъ примѣрѣ и составляютъ главный интересъ замѣтокъ Гончарова. Разказывая съ привлекательною откровенностью какъ самъ работаетъ, онъ объясняетъ намъ самую сущность художественной, творческой работы. „Рисую, говоритъ онъ, я рѣдко знаю въ ту минуту что значить мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ предъ собою—и смотрю вѣрно ли я ри-

сую; вижу его въ дѣйствии съ другими—свѣдательно вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впередъ, по плану романа, не предвида еще вполне какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ пока разбросанныя въ головѣ части цѣлаго. Я слышу чтобы не забыть набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ—и иду впередъ, какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомѣ) и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дорогу куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ и по дорогѣ я нечаянно захватываю что попадется подъ руку, то-есть что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока олять не упрусь въ стѣну. Работа между тѣмъ идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристають, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговора, и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только надо смотреть и вдумываться.“ За эти повныя живою правды слова пробовали, кажется, погаумиться надъ Гончаровымъ. Нельзя достаточно благодарить его за нихъ. Вотъ она, тайна художника, которую никто кромѣ его самого не можетъ открыть намъ, и которую рѣдко кто изъ художниковъ захочетъ или сумѣетъ открыть такъ искренно и просто. Эти строки даютъ намъ больше положительнаго, опредѣленнаго знанія нежели цѣлые томы теоретическихъ разсужденій. Мы видимъ наглядно какую роль играетъ въ искусствѣ логически дѣйствующій умъ, и какую не свѣдующая приемамъ логики фантазія; что зависитъ отъ воли художника, и что отъ нея не зависитъ. Какой-нибудь характеръ, какой-нибудь мотивъ данный жизнью, узванный опытомъ, наблюдениемъ, заинтересовываетъ художника. Онъ вдумывается въ этотъ характеръ, составляетъ планъ какъ развить этотъ мотивъ, и приступаетъ къ работѣ по этому плану. Можно, свѣдательно выполняя обдуманное, опредѣленное напередъ, тщательно отдѣливая и прилаживая одну къ другой части цѣлаго, сочинить красивое, удовлетворяющее формальнымъ требованіямъ произведеніе. Это дѣло ума, навыка, подлежащее правиламъ, дѣло которому можно научиться и научить. Но художникъ не остается доволенъ такою работой, она утомляетъ его, недоѣдаетъ ему. Бѣдными кажутся

ему подобранныя черты, скучными развиваемыя по программѣ подробности. Онъ хочетъ сдѣлать лучше и не можетъ, сколько ни думаетъ, какъ ни напрягаетъ волю. Онъ чувствуетъ что уперся въ стѣну. И предъ этою стѣной онъ остановится, онъ броситъ начатую работу, если фантазія не создастъ того чего умъ создать не въ силахъ. Вызвать въ себѣ дѣятельность фантазіи не зависитъ отъ художника. Всѣ попытки возбудить ее искусственно ни къ чему не ведутъ. Она пробуждается помимо его воли, неизвѣстно отчего, внезапно, неожиданно. „Вдругъ хлынетъ свѣтъ“ и все что было тускло, холодно, мертво, освѣтится ярко, согрѣется, оживетъ. Чего не удалось сочинить, то теперь является само собою, приступаетъ такъ-сказать къ художнику. Онъ видитъ лица которыя хочетъ изобразить, они „не даютъ покоя, пристають, лезутъ въ сцены“; онъ слышитъ ихъ разговоры. Составленныя напередъ рамки раздвигаются, въ первоначальный планъ вторгаются неотразимо новые мотивы, новые образы. Придумывать не нужно и нельзя, нужно и можно только воспроизводить что видишь и слышишь. Чувство безсилія смѣняется сознаніемъ силы. Нѣтъ мѣста колебанію и сомнѣнію. Создаваемые фантазіей образы и звуки имѣютъ для художника всю яркость живой дѣятельности. „Мнѣ часто казалось, говорить Гончаровъ, что все это носится въ воздухѣ около меня.“ Когда прерывается дѣятельность фантазіи, также внезапно какъ и началась, художникъ опять упирается въ стѣну, не можетъ дальше идти. Но созданное фантазіей остается его достояніемъ; оно тутъ, налицо. Сцены, характеры написаны, набросаны „на листкахъ, клочкахъ“. Требуется ихъ отдѣлать, размѣстить, расширить основной планъ соответственно новому богатству содержанія, привести частное въ отношеніе къ общему. Это уже опять дѣло ума и навыка. Ясно стало-быть что въ художественномъ произведеніи первоначальная тема, построеніе цѣлаго, окончательная отдѣлка опредѣляется умомъ, образованіемъ, олытностью художника; самое же содержаніе, индивидуальный образъ, характеристическое выраженіе общаго въ частномъ создается фантазіей. Первое обуславливается волей, второе такимъ состояніемъ духа, въ которое лишь временно и произвольно приходитъ художникъ. Прежде, бывало, это состояніе духа любии называли вдохновеніемъ. Словомъ этимъ много злоупотребляли. Теперь въ немъ слышится что-

то вышедшее из моды, что-то ледантически напыщенное, съ отгѣнкомъ смѣшнаго. Можно, пожалуй, избѣгать его, можно придумать другое, какое угодно, выраженіе, менѣе русское и болѣе соответствующее современному вкусу. Самый фактъ несомнѣнно, неопровержимо существуетъ въ дѣйствительности. Какъ бы ни проходили мы его молчаніемъ, какъ бы ни старались его игнорировать, онъ повторяется постоянно, и не въ одной только области художественнаго творчества. Какъ художнику внезапно дается то чего напрасно искалъ онъ, точно также и на другихъ поприщахъ дѣятельности мы видимъ нерѣдко что въ рѣшительныя минуты пробуждаются въ человѣкѣ такія способности, какихъ ни самъ онъ не сознавалъ въ себѣ, ни другіе въ немъ не предполагали, непонятное ему внезапно дѣлается понятнымъ, недостижимое, казалось, доступнымъ. Въ общественной, политической и государственной жизни, въ наукѣ также какъ и въ искусствѣ наиболѣе великое совершенно не холоднымъ расчетомъ, а живою силою вдохновенія. Для историческаго дѣятеля, также какъ и для художника „вдругъ хлынетъ свѣтъ“, онъ видитъ что должно дѣлать, слышитъ въ себѣ что слѣдуетъ говорить въ эту минуту. Любопытно что мы находимъ это обиднымъ. Какъ нѣмецкій философъ въ Гётевскомъ *Фаустѣ*, мы требуемъ чтобы духи исчезли потому что, по нашей теоріи, они не могутъ существовать. Мы хотимъ вездѣ и во всемъ сознательной дѣятельности. Вотъ, поистинѣ, слово причинившее и продолжающее причинять немалый вредъ. Сознательно учатъ насъ читать въ школахъ, то-есть объясняютъ методически что доска имѣетъ четыре угла, а комната четыре стѣны, полъ и потолокъ; сознательно работаютъ наши современные литераторы, и пускаютъ въ публику такія произведенія надъ которыми гораздо лучше было бы не работать вовсе; сознательно думаютъ относиться къ жизни несчастные губящіе безъ смысла себя и другихъ. Право очень не мѣшало бы намъ нѣкоторое количество безсознательности. И какая заслуга отыскивать то что бросается въ глаза, добиваться того что само дается, объяснять ясное до очевидности, увѣрять себя въ томъ въ чемъ сомнѣваться не можешь? Стремиться къ званію, къ разумнѣю окружающей дѣйствительности и себя самого — одно изъ благороднѣйшихъ, лучшихъ свойствъ человѣка; но если это знаніе это разумнѣе достигнуто не медленнымъ,

систематическимъ трудомъ, а внезапнымъ вдохновеніемъ — терять ли ово цѣну? Если я говорю вамъ истину, изображаю вамъ красоту, хуже ли онъ отъ того что эту истину я ощущаю всѣмъ существомъ моимъ, а не вывожу умозаключеніями, что эту красоту я вижу предъ собою въ живомъ образѣ, а не составляю систематически по частямъ?

Что значитъ работать сознательно или бессознательно? Мы позволяемъ себѣ замѣтить что это выраженіе, подвернувшееся Гончарову по своей улоотребительности, не точно передаетъ то что онъ очевидно хочетъ сказать. Когда художникъ работаетъ „живо, бодро“, когда его „рука едва успѣваетъ писать“, онъ сознаетъ несомнѣнно что пишетъ именно то что нужно и именно такъ какъ нужно, что въ образахъ которые онъ видитъ, въ звукахъ которые слышитъ заключается искомая имъ правда и красота. Сознаніе этой правды, этой красоты въ немъ ясное, полное въ это время чѣмъ когда-либо. Этою ясностью, полнотой сознанія художественное творчество отличается съ одной стороны отъ горячешнаго бреда, съ другой — отъ разсудочнаго пониманія. Въ бреду представляется то чего нѣтъ, чего не можетъ быть; разсудокъ говоритъ что можетъ, что должно быть. Во время творчества художникъ видитъ то что есть; видитъ такъ живо, такъ отчетливо какъ самъ не видалъ прежде, пока не хлынулъ на него свѣтъ, и не увидитъ послѣ когда этотъ свѣтъ померкнетъ. Не бессознательностью стало-быть, а высшею противъ обыкновеннаго степенью сознанія отличается его работа. Приступая къ ней, художникъ не знаетъ заранее что ему откроется, какъ расширится, разовьется первоначальная тема, въ какихъ образахъ воплотятся общія истины которые онъ понимаетъ умомъ. Это именно и хочетъ сказать Гончаровъ. Онъ выразился бы точнѣе и яснѣе еслибы художественной творческой работѣ противопоставилъ не сознательную, а разсудочную работу.

Какое же, однако, отношеніе имѣютъ къ дѣйствительности тѣ образы которые видитъ предъ собой и воспроизводитъ художникъ? Мы сказали что онъ видитъ то что есть. Но гдѣ оно? Подлежитъ ли чувствамъ каждаго? Можемъ ли мы встрѣтиться на улицѣ, познакомиться въ обществѣ съ тѣми лицами которые изобразилъ художникъ? Здѣсь мы приходимъ опять къ вопросу объ идеализмѣ и реализмѣ. Мы не разъ уже имѣли случай высказаться о немъ и не считаемъ необходимымъ

снова теперь вдаваться въ него, повторять, развивать сказанное прежде. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести взглядъ самого Гончарова на этотъ вопросъ, взглядъ обнаруживающій въ художникѣ рѣдкое сочетаніе теоретическаго пониманія съ даромъ творчества. „Конечно, говорить онъ, реализмъ есть одна изъ капиталныхъ основъ искусства, но только не тотъ реализмъ который проповѣдуетъ новѣйшая школа за границей и отчасти у насъ. Кто же отвергаетъ рекомендуемое ею стремленіе къ правдѣ и въ искусствѣ и въ жизни?... Надо слѣдовать одной природѣ, не нужно вымысловъ небывалаго, преувеличеній ходуль, натажекъ, словомъ никакой ажи, провозглашаютъ нео-реалисты. И конечно они правы, если подъ вымысломъ разумѣютъ выдумки небывалаго или невозможнаго въ природѣ и въ жизни. Но то же самое говорили и дѣлали и до нихъ... Чего же еще хотятъ новые реалисты, присваивая себѣ господство въ искусствѣ и въ этомъ и чуть ли не во всѣхъ послѣдующіе вѣка? Они, сколько можно понять, кажется, претендуютъ на тѣ же приемы и пути какими изслѣдуетъ природу и идетъ къ истинѣ наука, и отрицаютъ въ художественныхъ поискахъ правды такія пособія какъ таличность, юморъ, отрицаютъ всякіе идеалы, не признаютъ нужною фантазію и т. д.

„Вотъ до чего договорились!

„Пиши одну природу и жизнь какъ онѣ есть! говорятъ они. Но вѣдь стремленіе къ идеаламъ, фантазія—это тоже органическія свойства человеческой природы. Вѣдь правда въ природѣ дается художнику только путемъ фантазіи!... Нео-реалисты пробуютъ приложить свою теорію къ искусству и даютъ намъ иногда и въ живописи и въ искусствѣ слова свои снимки будто бы съ природы и съ жизни, сдѣланные „умомъ“: но эти попытки пока ограничились сухими, блѣдными и скучными произведеніями, пожалуй, ума, но никакъ не искусства, если не разумѣть подъ искусствомъ одну технику. Эти снимки никогда не замѣняютъ картинъ освѣщенныхъ лучами фантазіи, полныхъ огня, трепета и горячаго дыханія жизни. Писать художественныя произведенія только умомъ—все равно что требовать отъ солнца чтобъ оно давало только свѣтъ, но не играло лучами въ воздухѣ, на деревьяхъ, на водахъ, не давало бы тѣхъ красокъ, тоновъ и передивовъ свѣта которые сообщаютъ красоту и блескъ природѣ. Развѣ это реально?... Природа слишкомъ сильна и своеобразна чтобы

взять ее, такъ-сказать, цѣликомъ, помѣриться съ нею ея же силами и непосредственно стать рядомъ; она не дастся. У нея свои слухомъ могучія средства. Изъ непосредственнаго снимка съ нея выйдетъ жалкая, бессильная копія. Она позволяетъ приблизиться къ ней только путемъ творческой фантазіи. Иначе было бы слухомъ просто быть художникомъ. Стоило бы только, по совѣту одного лица въ *Разъездѣ* Гоголя, сѣсть у окна да записывать что дѣлается на улицѣ и вышла бы комедія или повѣсть.“

Не находимъ нужнымъ что-либо прибавлять къ этимъ словамъ, выражающимъ сущность дѣла яснѣе и лучше нежели мы сумѣли-бы ее выразить. Мы хотѣли оставить вниманіе только на общей части замѣтокъ Гончарова, на той характеристикѣ романиста-художника которую такъ наглядно и вѣрно представляютъ онѣ. Въ этомъ, повторяемъ, по нашему мнѣнію, главный ихъ интересъ, существенное ихъ значеніе. Еслибы мы вдались въ провѣрку взглядовъ автора на свои романы, попытались бы разобрать эти романы и опредѣлить насколько предлагаемый ключъ дѣйствительно подходитъ къ нимъ—пришлось бы написать цѣлую книгу.

Не можемъ не сказать, по крайней мѣрѣ, что если не во всемъ согласны мы съ Гончаровымъ, если онъ какъ критикъ не вловитъ вѣрно, кажется намъ, цѣнить то что создалъ какъ художникъ, если содержаніе, значеніе его романовъ недостаточно опредѣляется, не исчерпывается его объясненіями, во всякомъ случаѣ эти объясненія имѣютъ въ нашихъ глазахъ высокую цѣну для каждого кто видитъ въ искусствѣ не одно лишь ремесло или прелрожденіе времени. Не можемъ не выразить искренной признательности художнику за данный намъ въ руки ключъ къ вопросамъ гораздо болѣе общимъ, гораздо болѣе важнымъ нежели оцѣнка отдѣльнаго, какого бы то ни было романа. Лучше, дѣйствительно, несравненно лучше поздно, чѣмъ никогда.

И. П.

III.

Нью-Йоркское Общество Исторіи, поставившее себѣ задачей издавать историческія сочиненія и матеріалы касающіеся этого города и штата, открыло предполагаемую серію, напечатать недавно рукопись Томаса Джонса, хранившуюся съ 1788 года у родственниковъ покойнаго автора: *Исторія Нью-Йорка во время войны за независимость* 2 т. Томасъ Джонсъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, занималъ должность судьи въ верховномъ судѣ Нью-Йоркской провинціи и зналъ лично выдающихся дѣятелей. Онъ сочувствовалъ не отложившимся колоніямъ, а метрополіи, стоялъ за цѣльность великобританскихъ владѣній, хотя не одобрялъ дѣйствій англійскаго министерства. Въ 1781 году, еще за годъ стало-быть до заключенія мира, онъ побѣжалъ въ Англію лечиться на Батскія воды. Когда миръ былъ заключенъ, Нью-Йоркское законодательное собраніе обвинило его повиннымъ смертной казни, какъ измѣнника, и конфисковало его имѣнія. Онъ остался въ Англіи, гдѣ написалъ свою исторію и умеръ въ 1792 году. „Трудъ этотъ весьма интересенъ и важенъ, говоритъ *Атеней*, изъ него больше можно узнать о тайной исторіи возстанія, кончившагося независимостью Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, нежели изъ какого-либо издавнаго до сихъ поръ сочиненія.“

Въ наше, надо признаться, неловтическое время нельзя не обратить вниманія на появленіе въ лондонской, какъ привыкли повторять, торговыми, промышленными интересами Англіи, поэмы озаглавленной: *Свѣтъ Азии или Великое Отреченіе*, Эдвина Арнольда (Трюбнеръ и К^о). Содержаніемъ этой поэмы служатъ жизнь, духовные подвиги и ученіе основателя буддизма Сакіа-муни. Основная мысль—преобладаніе духа надъ плотію, идеи надъ матеріальною силой. Разказывается извѣстное, само-по-себѣ лонтическое, преданіе о царскомъ сынѣ, внезапно пораженномъ страданіями людей на землѣ. Царь Суддодана, опасаясь чтобы сынъ его Сидарта, обнаруживающій уже мальчикомъ рѣдкое благородство мыслей, рѣдкую вѣжность и впечатлительность, видя преобладающее на свѣтѣ горе и зло не предался аскетизму, заключающаго его въ пышный дворецъ окруженный роскошными садами, охраняемый непрестанно бдительною стражей. Тамъ всѣ

блага земныя веселятъ и радуютъ царевича. Онъ привыкаетъ думать что весь міръ состоитъ изъ такихъ же дворцовъ и садовъ. Разъ онъ выходитъ на волю и скорбная дѣйствительность открывается ему во всей потрясающей наготѣ своей. Сиддарта рѣшается

Одѣться желтымъ платьемъ бѣднака,
 Вѣтъ скудный нищенскій кусокъ,
 Какой случайно бѣднаку дають.
 Не буду въ колесницѣ я нестись
 Къ побѣдамъ отъ побѣдъ, чтобъ на землѣ
 Оставить по себѣ кровавый слѣдъ.
 Хочу по ней съ терпѣніемъ идти
 Ногою чистой, спать въ ямы и жить
 Въ глухихъ пустыняхъ...

Ночью онъ покидаетъ украдкой красавицу-жену, не останавливаясь даже чтобы благословить ее на прощанье:

Остановлюсь—измѣнить сердце мнѣ,

думаетъ онъ, и уходитъ на одинокое странствіе. Подъ деревомъ Боди посвѣщаетъ его наконецъ „просвѣтленіе“. Затѣмъ излагается поэтически ученіе „Нирваны“.

Вышли V, VI и VII томы статей Гладстона подъ заглавіемъ *Отголоски прошлыхъ годовъ* (Gleanings of past years. By the Right Hon. W. E. Gladstone, M. P.) Изъ тридцати шести напечатанныхъ до сихъ поръ статей двадцать посвящены религиознымъ вопросамъ. Онѣ предвзначены, какъ говоритъ авторъ, служить матеріаломъ для исторіи религіи въ критическій періодъ. „Не многіе одинаково выдающіеся государственные люди новаго времени, замѣчаетъ *Атеней*, принимали такое постоянное, непосредственное участіе въ церковныхъ и религиозныхъ дѣлахъ, какъ Гладстонъ, съ самаго начала его политическаго поприща... Эти статьи имѣютъ біографическій интересъ, объясняютъ многое что было бы иначе непонятно въ дѣйствіяхъ и теоретическихъ взглядахъ Гладстона... Какъ ни старается онъ говорить тономъ хладнокровнаго критика, увѣрить и себя и читателя что разсматриваетъ факты лишь съ научной точки зрѣнія, усердный сынъ церкви невольно проявляетъ себя и критикъ превращается въ горячаго адвоката. Высокоцерковныя убѣжденія его такъ же непоколебимы теперь какъ были въ 1843 году.“

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ скончалась въ Балтиморѣ, въ Америкѣ, девяноста четырехъ лѣтъ, женщина заставившая когда-то говорить о себѣ всю Европу, видѣвшая воцареніе Наполеонова дома, едва не дожившая до гибели послѣдняго его наследника, и носившая сама громкое имя Бонапартъ. Любопытная исторія этой женщины разказана въ только что вышедшей книгѣ Эжена Дидье: *Жизнь и письма эжи Бонапартъ*. Звали ее Елизавета Паттерсонъ. Она была дочь разбогатѣвшаго въ Америкѣ ирландскаго выходца. Наслѣдовавъ отъ отца практической умъ, ловкость въ дѣлахъ, упорную силу воли и разчетливый эгоизмъ, она съ первой молодости поставила себѣ цѣлью играть въ свѣтѣ видную роль. Въ 1803 году, когда Жеромъ Бонапартъ былъ въ Америкѣ, она сумѣла, 18-ти лѣтъ, лавчить его, и вышла за него замужъ. Наполеонъ, тогда первый консулъ, слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ, приказалъ Жерому возвратиться немедленно во Францію, а женѣ его запретилъ показываться въ Европу. Распоряженіемъ сената было воспрещено гражданскимъ чиновникамъ Франціи вносить въ списки этотъ „мнимый бракъ“. Жеромъ явился въ Парижъ уговаривать брата. Елизавета Бонапартъ попыталась высадиться въ Лисабонѣ и потерпѣвъ неудачу отправилась въ Амстердамъ. Но и тамъ встрѣтили ее два военные корабля и препроводили въ Англію. Общее любопытство и желаніе видѣть ее было возбуждено до такой степени что министръ Питтъ послалъ солдатъ охранять отъ напора толпы мѣсто гдѣ она должна была выйти на берегъ. Французскій государственный совѣтъ объявилъ бракъ Жерома незаконнымъ, не имѣющимъ силы. Много лѣтъ спустя бывший король Вестфальскій осматривая съ королевой своею картинную галлерейю во Флоренціи, встрѣтился съ Елизаветой Бонапартъ. Они не сказали другъ другу ни слова, но король шепнулъ на ухо королевы: „это моя американская жена“. Елизавета Бонапартъ до конца сохранила свою красоту и свое тщесавіе. Она постоянно носила съ собой въ мѣшечкѣ свои драгоценности, любила пересматривать свои наряды и припоминать свои прежніе успѣхи. Послѣ нея осталось состояніе въ полтора милліона долларовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20 сентября 1879.

Утихшее было въ послѣднее время представленіе драматическихъ сценъ на политической аренѣ возобновилось въ теченіе минувшаго мѣсяца съ особою энергіей и отличалось не малымъ разнообразіемъ. Свиданіе Императоровъ въ Александровѣ и князя Бисмарка съ графомъ Андраши въ Гаштейнѣ; разговоръ корреспондента французской газеты *Soleil* съ княземъ Горчаковымъ и откровенія герцога Деказа о событіяхъ 1875 года, когда вмѣшательство Россіи избавило Францію отъ новой войны съ Пруссіей; лѣзненіе несчастнаго чернаго короля Сетевато и кровавое избіеніе всего англійскаго посольства въ Кабулѣ; безкровныя побѣды Австрійцевъ надъ дружественною Турціей посредствомъ занятія принадлежащаго ей Ново-Базарскаго санджака, и пріѣздъ князя Бисмарка въ Вѣну для созданія союза противъ... „вигилізма и панславизма“; безконечный разладъ по соглашенію Порты съ Греціей, вообще по исполненію всѣхъ пунктовъ постановленій Берлинскаго конгресса и таинственное локушеніе на жизнь Абдуль-Гамида, учиненное какимъ-то Грекомъ или Румыномъ, унесшимъ въ могилу исторію своего поступка... Бракъ короля Испаніи съ Австрійскою принцессой и новое возмущеніе на островѣ Кубѣ; возвращеніе Китайцамъ Кульджи и проектъ союза Германіи съ Богдыханомъ противъ Россіи. Словомъ, полное изобиліе, и хроникамъ предстоитъ рѣшительный *embarras de richesses*.

О свиданіяхъ, разоблаченіяхъ, бракосочетаніяхъ и локушеніяхъ мы много говорить не будемъ, интересъ ихъ больш-

шею частью скоропреходящій и исчерпанъ въ ежедневныхъ газетахъ; для насъ, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, самое важное въ числѣ приведенныхъ выше эпизодовъ это катастрофа въ Кабулѣ и результатъ пребыванія „честнаго маклера“ въ Вѣнѣ.

Графу Беконсфильду въ теченіе короткаго времени выпали на долю два блистательныя торжества: первое при возвращеніи съ Берлинскаго конгресса, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ Россіей въ Европѣ, и второе при заключеніи Гандамаккаго трактата съ миромъ Афганскимъ, Якубъ-ханомъ, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ Россіей въ Азій. Но судьба капризна и счастье измѣнчиво! Берлинская побѣда оказывается далеко не такъ плодотворною для Британіи какъ казалась съ перваго раза и, не говоря уже о внутреннихъ затрудненіяхъ, вслѣдствіе ирландскихъ волненій, застоя въ торговлѣ и нищетѣ рабочихъ классовъ, послѣдствія побѣды рисуютъ Англіи впереди не мало усложненій, затрудненій, а главное—расходовъ. Основной принципъ на которомъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, министерство Беконсфильда строило весь лаанъ своихъ дѣйствій въ Восточномъ вопросѣ былъ цѣлостъ и независимость Оттоманской имперіи; но всакому не совсѣмъ наивному человѣку ясно что никогда еще цѣлостъ и независимость державы султана не были такимъ мѣромъ какъ именно послѣ рѣшеній Берлинскаго конгресса; мало того, никогда еще положеніе „больнаго человѣка“ не грозило такою близостью катастрофы какъ теперь и никогда еще Европа не находилась такъ—сказать на вулканѣ грозящемъ ежеминутно начать изверженія какъ въ настоящее время, то-есть вслѣдъ за увѣреніями матадоровъ европейской дипломатіи что въ Берлинѣ обезпеченъ миръ!

Что всѣ (или почти всѣ) желаютъ мира, по крайней мѣрѣ отсрочки неизбѣжныхъ столкновеній, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; выиграть время, значитъ выиграть многое, тѣмъ болѣе что никто не считаетъ себя вполнѣ готовымъ и запаасаивымъ; но что никто не можетъ поручиться за миръ, а тѣмъ болѣе за время когда сила обстоятельствъ нарушить его, въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣній. Въ январѣ 1878 года, Россія не воспользовалась случаемъ разрубить побѣдоноснымъ мечомъ узелъ Восточнаго вопроса и поставить Европу въ необходимость считаться съ совершившимся фактомъ; въ юнѣ того же

года засѣдавшая въ Берлинѣ Европа, вмѣсто окончательнаго рѣшенія вопроса и освобожденія всѣхъ отъ угрожающаго Дамоклова меча, занялась интригами, разными узко понятыми своекорыстными разчетами и болѣе всего враждебными противъ Россіи замыслами. Благопріятные моменты разъ улучшаемые не легко возвращаются; мало того, судьба какъ бы мститъ за такое улучшение выдвигая массу новыхъ, непредвидѣнныхъ прелятствій, усложненій, вызывая на новыя усиленныя напряженія и жертвы.

Англія въ лицѣ своего беллетриста-премьера хотѣла разыграть роль залпвалы во всемірныхъ политическихъ дѣлахъ, возстановить блескъ своего международнаго положенія, якобы помраченнаго предшесшими либеральными режимами Гладстона, и дать первенство „британскимъ интересамъ“ надо всѣми другими. Для отвода глазъ наивнымъ массамъ, такому образу дѣйствій была присвоена кличка: „защита свободы и цивилизаціи Европы“; для понимающихъ же дѣло, все это было, съ одной стороны, самое обыкновенное желаніе цалать и захватывать гдѣ и сколько возможно; съ другой, желаніе удовлетворить своему широкому власто- и честолюбію. Повидимому, все это сопровождалось успѣхами и, какъ уже сказано, графъ Беконсфильдъ вступилъ въ Лондонъ триумфаторомъ. Но прошелъ годъ со времени торжества, и декорации рѣзко измѣнились. Все что считалось побѣдой, доказательствомъ англійскаго могущества и преобладанія, превратилось въ матеріалъ броженія, безлокойства, общаго неудовольствія, въ источникъ смутной неопредѣленности и тревоги вызывающей всеобщія вооруженія, расходы, застои въ экономическомъ развитіи Европы. Къ чему привелъ протекторатъ надъ Малою Азіей и захватъ Килра, разсѣченіе Болгарскаго народа и одураченіе Греціи—въ Европѣ, война съ Зулу—въ Африкѣ и Гандамакскій договоръ, съ пресловутою научною границей—въ Азіи? Къ справедливой глубокой враждѣ Россіи, славянскихъ племенъ и Грековъ, къ священнои войнѣ Афганцевъ и дрожанію за индіискія владѣнія, къ кровопролитіямъ, затратамъ денегамъ въ настоящемъ и еще большимъ въ будущемъ, потому что все совершенное за послѣднія нѣсколько лѣтъ по почиву Англіи есть только зародышъ грядущихъ бѣдствій.

Das ist der Fluch der bösen That

Dass sie stets Böses muss gebären!...

Руководители націи снлающейся увѣрять весь свѣтъ въ гуманности, свободолюбіи, въ самоотверженной защитѣ высокихъ культурныхъ принциповъ и борьбѣ повсюду за права угнетенныхъ, сѣдовали все это время политикѣ прямо противоположной, явно преслѣдовавшей цѣли ничево общаго съ гуманностью и свободой не имѣющія. Ловко пользуясь традиционными предубѣжденіями Европы противъ Россіи, подкулаченными и обезьямствующими публицистами, сѣтлеленіями множества интересовъ другихъ странъ полагающихъ нужнымъ вредить Россіи, словомъ, средствами столько же соответствующими борьбѣ за „свободу и цивилизацію“, сколько ввозъ оліи въ Китай соответствуетъ развитію благосостоянія Небесной Имперіи, графъ Беконсфильдъ и его товарищи вызывали почти во всей Европѣ рукоплесканія своими дѣйствіями и злорадѣйшіе восторги нашимъ неудачамъ... Но туманъ наконецъ разсѣялся и теперь уже не мало голосовъ и въ Италиі, и во Франціи, и въ самой Англии, голосовъ независимыхъ и солидныхъ посылающихъ по адресу недавнихъ триумфаторовъ вѣскіе упреки и беспощадные приговоры. „Лучше бы намъ не снѣать чѣмъ получить подобную жатву“, восклицаютъ одни; „намъ нужно другое министерство, хоть бы олять консервативное, съ лордомъ Дарби во главѣ, если мы хотимъ избѣжать еще бблльшихъ катастрофъ и бѣдствій“, говорятъ другіе.

Мы съ своей стороны прибавимъ только: „не рой ближнему ямы, а то самъ въ нее попадешь“. Яма эта—Кабуль. Оставить недавнюю рѣзню и избіеніе посольства безъ послѣдствій нельзя, а идти наказывать виновныхъ, имя коихъ Афганистанъ, значитъ начинать войну, срокъ исхода коей опредѣлить весьма трудно. Въ первомъ случаѣ престижъ Англии во всей Азии былъ бы окончательно подорванъ и Индія, чего добраго, повторила бы попытку 1857 года, быть-можетъ съ бблльшимъ успѣхомъ. Во второмъ, предстоитъ огромная издержки, не малая потеря людей и, въ концѣ концовъ, занятіе всего Афганистана англійскими войсками, что равносильно значительному увеличенію бюджета не истощенной Индіи, а самой Англии, и неизбѣжному столкновенію съ Россіей, которая не можетъ же доводить своего государственнаго благодушія до „подставленія правой лавиты“... Нѣкоторые англійскіе органы печати увѣряютъ что войскамъ генерала Робертса снладуетъ только войти въ Кабуль и наказать винов-

ныхъ за нападеніе на миссію, но что завоеваніе и присоединеніе самаго Афганистана было бы крайнею ошибкой, которой мудрое правительство и не сдѣлаетъ. Но это пустыя слова, и разъ Англія затѣяла держать Афганцевъ въ своей зависимости до того что эмиръ не имѣлъ права получить письма отъ туркестанскаго генералъ-губернатора и долженъ былъ сноситься чрезъ своего олекуна индійскаго вице-короля, разъ Афганистанъ избранъ опорнымъ пунктомъ для враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи въ Средней Азіи, Британское правительство уже не можетъ ограничиться бумажными договорами и наблюденіями чрезъ агентовъ, подвергающихся печальной участи майора Каваньяри. Оно должно или утвердиться въ странѣ прочно, сѣдовательно занять Кабулъ, главнѣйшіе города и пути сообщеній достаточною военною силою, оставивъ эмиру призрачную власть вассальнаго правителя, или же совсѣмъ отказаться отъ своего плана, уйти назадъ въ Пешаверъ и возвратиться къ *statu quo ante*, какъ было условлено между княземъ Горчаковымъ и лордомъ Клаarendономъ десять лѣтъ тому назадъ. Повидимому, сила обстоятельствъ толкаетъ ее на первый путь и, зачѣмъ намъ скрывать это, мы душевно радуемся такому обороту дѣлъ и вообще всякой неудачѣ, всякому пораженію своего заклатаго противника. Мы можемъ искренно сожалѣть о гибели майора Каваньяри и его храбрыхъ товарищей, какъ о людяхъ безвременно погибшихъ на чужбинѣ, но объ участи *англійской миссіи* и еще болѣе о вызываемыхъ ею послѣдствіяхъ проливать намъ слезы было бы слишкомъ смѣшно и глупо. Въ Англіи, при первыхъ извѣстіяхъ о катастрофѣ, наши газеты заявившія подозрѣнія что все это дѣло есть результатъ русскихъ интригъ, работы русскихъ агентовъ въ Гератѣ, Балхѣ и т. д. У насъ послѣдшила негодовать по поводу такихъ подозрѣній и отрицать ихъ вѣрность. Увы, последнее, то-есть невѣрность обвиненія, не подлежитъ сомнѣнію... Въ Англіи правительственные лица и редакція газетъ знаютъ очень хорошо и безъ нашихъ увѣреній что всѣ эти рассказы о русскихъ интригахъ и агентахъ—враки придумываемыя только для облегченія собственной вины и возбужденія противъ Россіи ненависти въ массахъ, что можетъ пригодиться когда понадобится поддержка общественнаго мнѣнія при разрѣшеніи парламентомъ кредитовъ; а у насъ принимаютъ клеветы за звонкую

монету и въ вѣчномъ оласеніи не навѣчь на себя въ Европѣ упрека за *безчестный* образъ дѣйствій увѣрають въ своей невинности, жалуясь на клевету. Еслибы мы хоть въ десятой долѣ подражали тѣмъ европейскимъ цивилизаторамъ, клеветы коихъ такъ насъ огорчаютъ, мнѣніемъ коихъ мы такъ дорожимъ, и въ дѣлахъ вѣдшей политики не доводили бы щелетильности до крайнихъ предѣловъ, еслибы мы также поменьше брезгали средствами и вообще не забывали бы что „съ волками жить, по-волчьи выть“, повѣрьте, дѣла прицали бы другой оборотъ, съ нами совсѣмъ иначе бы говорили и даже клеветать стали бы меньше. Международная политика самая неподходящая почва для сентиментально-правственныхъ тенденцій; интересы общегосударственные не могутъ, подобно интересамъ частнаго лица, зависѣть отъ разныхъ щелетильныхъ соображеній и наклоностей. Не споримъ, во всемъ должна быть мѣра, средства для достиженія цѣлей не должны доводиться до той крайности когда они вызываютъ рѣшительное негодованіе, какъ доводить ихъ наши клеветники, но исключительно прямой луть, обязательный для порядочнаго человѣка въ частныхъ отношеніяхъ, былъ бы по меньшей мѣрѣ чистѣйшею наивностью. Еслибы дѣйствительно вражда Афганцевъ противъ Англичанъ, ихъ волненія и т. д. были произведены благодаря нашимъ агентамъ, развѣ въ этомъ заключалось бы средство вызывающее негодованіе? Помилуйте, что же долженъ сказать европейскій Западъ если онъ захочетъ быть хоть капельку безпристрастнымъ по поводу дѣйствій агентовъ Англіи противъ Россіи во все время недавнихъ событій на Востокѣ, да и послѣ этихъ событій. Но мы не видимъ негодованія по этому поводу въ органахъ общественнаго мнѣнія Европы, потому что тамъ нѣтъ безпристрастія и есть убѣжденіе что и всѣ прочіе не безъ грѣха. Что же мы то такъ хлопочемъ объ этомъ „что скажутъ въ Европѣ“? Въ данномъ случаѣ, то-есть въ отношеніяхъ нашихъ къ Англіи собственно на дальнемъ Востокѣ, гораздо важнѣе позаботиться о томъ „что скажутъ въ Азіи?“ Прошлагодня дѣла, посольство къ Ширъ-Али, его бѣгство изъ Кабула и печальный конецъ не могли не произвести тамъ впечатлѣнія для насъ крайне невыгоднаго, и только неожиданная катастрофа съ посольствомъ Каваньяри нѣкоторымъ образомъ уравнила насъ съ Англіей, лишивъ ее прибрѣтеннаго послѣднемъ войной и миромъ въ Гавдамакѣ престижа. Если телерь Бри-

тавское правительство употребить энергическія мѣры и ему удастся занять не только Кабулъ, но и другія важнѣйшія мѣстности въ Афганистанѣ, а пожалуй и самый Герать (все это возможно, по крайней мѣрѣ не выходитъ изъ области возможнаго), то потерянное катастрофой въ Кабулѣ будетъ съ избыткомъ вознаграждено и наше положеніе въ Средней Азіи стало бы дѣйствительно крайне шаткимъ, тѣмъ болѣе что мы и въ вопросѣ о Кульджѣ уступчивость явили обыкновеную... Мотивы этой уступчивости намъ пока неизвѣстны, а выгоды приобретаемыя въ обменъ отъ Китайцевъ могутъ развѣ обнаружиться въ далекомъ будущемъ, пока же онѣ представляются весьма проблематическими, какъ это весьма наглядно доказано нѣсколькими статьями, очевидно лица компетентнаго, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Во всякомъ случаѣ, Англіи уже нѣтъ возможности теперь удовлетвориться *научными* границами, или говоря лояльнѣе, косвеннымъ вліяніемъ на Афганистанъ посредствомъ резидентовъ. Ей приходится включить и эту страну въ число индійскихъ владѣній, занявъ ее достаточными силами. Какъ отнесется Россія къ такому измѣненію положенія въ Афганистанѣ и къ сближенію силы противника съ нашими владѣніями? Неужели пассивно? Невѣроятно, и Ахаль-Текинская экспедиція отчасти какъ бы служить отвѣтомъ на вопросъ, хотя ближайшія цѣли ея намъ неизвѣстны. Что движенія войскъ въ этой мѣстности неминуемо должны встрѣтить большія препятствія, что людямъ придется вывести немало трудовъ и лишеній и казны крупныя расходы, это несомнѣнно; но въ этомъ нѣтъ ничего непредвидѣннаго, къ этому саѣдоваало готовиться, пользуясь прежде бывшими опытами для возможнаго облегченія предстоящихъ трудностей. Весь вопросъ сводится къ результату предпріятія: если онъ парализуетъ противника, если онъ заставитъ его призадуматься надъ своимъ положеніемъ и поумѣритъ враждебный пылъ, съ такою настойчивостью насъ преслѣдующій, если къ тому же удастся открыть водный луть изъ Каспійскаго моря въ центръ Азіи, обезпечивъ отъ хищныхъ Туркменъ свободное движеніе торговца, да скрѣпить отношенія наши къ Персіи какъ можно прочнѣе, то никакія жертвы и труды не должны быть щадимы. Событія здѣсь не заставятъ себя долго ждать. Можетъ-быть графу Беконсфильду придется сдать наконецъ

въ архивъ избитыя фразы, еще недавно повторенныя имъ на банкетѣ въ Эйлсбери, что „англійская армія призвана, если къ тому представится случай, защищать независимость Европы, которую она уже не разъ защищала“, и доставить этой арміи болѣе дѣйствительную роль—подавленіе независимости Афганистана и попытокъ къ независимости нѣкоторыхъ индійскихъ раджей.

Въ предыдущемъ политическомъ обозрѣніи (см. *Русскій Вѣстникъ* августъ) мы замѣтили какъ въ настоящее время все быстро совершается и какъ различными разоблаченіями, для которыхъ въ прежнія времена очередь наступала черезъ десятки лѣтъ, теперь достаточно иногда десяти мѣсяцевъ или даже недѣль. Пребываніе князя Бисмарка въ Вѣнѣ послужило поводомъ къ раскрытію нѣкоторыхъ, повидимому довольно правдивыхъ эпизодовъ изъ только-что минувшей эпохи. Во-первыхъ, по поводу разговора князя Горчакова съ корреспондентомъ *Soleil*, гдѣ князь заявлялъ о никогда неизмѣнявшейся его симпатіи ко Франціи и убѣждавъ что для блага Европы необходимо чтобы Франція была могущественна, что онъ совѣтуетъ ей быть сильною и т. д., въ *Journal des Debats* было сказано что въ 1871 году, при переговорахъ Тьера съ Бисмаркомъ объ условіяхъ мира, Тьеръ разчитывалъ на поддержку Россіи, но Бисмаркъ его разочаровалъ, показавъ ему русскія депеши совершенно противоположнаго характера и Тьеру не осталось ничего больше какъ сдаться. Вспоминая великую услугу оказанную тогда Россіей Пруссіи и известную депешу императора Вильгельма, признавашаго предѣльнымъ свѣтомъ сколько онъ обязанъ Россіи, *Journal des Debats* весьма сомнѣвается чтобы вообще серьезный разрывъ между двумя старыми друзьями былъ возможенъ. На всякій же случай французская газета въ свою очередь совѣтуетъ намъ „быть сильными...“ Происходилъ ли разговоръ нашего канцлера съ корреспондентомъ *Soleil*, вѣрно ли онъ передавъ въ газетахъ, показывалъ ли князь Бисмаркъ Тьеру русскія депеши, — мы не знаемъ; можетъ-быть все это фантазію; но совершенно соглашаемся съ сущью статьи *Journal des Debats* что въ политикѣ на сентиментальныхъ пожеланіяхъ далеко не увидишь, что тутъ требуется всегда нѣчто реальное; и затѣмъ благодаримъ ее за совѣтъ „быть сильными“. Мы много разъ говорили уже что намъ нужно работать и работать, не засыпать опустивъ руки, а собираться съ силами внутри и вѣнѣ

чтобы не быть захваченными врасплохъ. Пользуемся случаемъ еще разъ повторить это. Да, будемъ сильны нравственными и матеріальными силами, единодушіемъ, сознаниемъ своего долга, своихъ обязанностей, своею любовью къ отечеству, стоимъ за его честь и достоинство, и къ намъ придуть за союзами; да тогда едва ли въ нихъ и надобность окажется...

Восторжъ, какъ бы желая оправдаться предъ раздраженнымъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, офціозный органъ князя Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, на дняхъ разрѣшился довольно смѣлымъ разоблаченіемъ. Дѣло касается довольно интереснаго обстоятельства, и потому мы посвятимъ ему нѣсколько строкъ. Въ *National-Zeitung* была напечатана корреспонденція изъ Петербурга подъ заглавіемъ „Россія и Австро-германское соглашеніе“, гдѣ сказано: нѣтъ вопроса что Россія не была бы вынуждена согласиться на майскій (1878 года) меморандумъ есlibы графъ Шуваловъ во время его извѣстной поѣздки въ Петербургъ могъ найти поддержку велико-болгарскому плану; за отсутствіемъ же таковой поддержки, Россія пришлось капитулировать и князь Горчаковъ, говорятъ, въ то время выразился что: „теперь омы съ Германіей квитъ“. По поводу этой статьи, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* возражаетъ что графъ Шуваловъ никогда не искалъ поддержки Германіи велико-болгарскому плану; ни оны, ни другой русскій дипломатъ не имѣли на этотъ счетъ порученія отъ своего правительства. Только съ Англійскимъ правительствомъ предстояло графу Шувалову вести переговоры о томъ согласится ли Англія, и до какого предѣла, на созданіе новой Болгаріи; не нагодя въ томъ повода къ войнѣ. Предѣломъ этимъ была балканская граница и ея дополненіе Восточною Румеліей. Лишь послѣ того какъ между Россіей и Англіей состоялось соглашеніе относительно этой программы, какъ возможной основы конгресса, Россія стала вести переговоры въ связи съ Германіей, и тогда Берлинскій кабинетъ могъ созвать конгрессъ только на основѣ помянутого англо-русскаго соглашенія, обезлечивъ себя въ принципѣ еще и согласіе Австріи. Послѣ такого хода дѣлъ, согласнаго съ актами, невозможно де чтобы князь Горчаковъ заявлялъ неудовольствіе на отсутствіе поддержки Германіи велико-болгарскому плану; такой поддержки Россія никогда де не требовала, а еслибы потребовала, то Германія, въ своихъ собственныхъ интересахъ, едва ли имѣла бы осно-

ваніе оспариваетъ мысль о великой Болгаріи, хотя едва ли бы стала вести изъ-за этого войну; да впрочемъ на военную поддержку Россія вовсе и не разчитывала и никогда не требовала даже мирнаго дипломатическаго содѣйствія. Россія вела переговоры непосредственно съ Англіей и только съ нею одной и вообще предъ конгрессомъ со стороны Россіи велись переговоры въ Берлинѣ мало, въ Вѣнѣ недостаточно и только въ Англіи основательно; никогда не выяснялось: не было ли бы продаеніе русской оккупациі поддержано въ Берлинѣ; Русскій кабинетъ объ этомъ не спрашивалъ. Конгрессъ созванъ былъ по желанію Россіи, и на немъ, при поддержкѣ Германіи, исполнена программа условленная еще до конгресса между Россіей и Англіей.

По поводу приведенной выписки можно бы сказать многое, но... это завело бы насъ далеко за предѣлы „обозрѣнія“; впрочемъ, въ прошлагоднихъ статьяхъ нашихъ по поводу конгресса и тогдашнихъ дѣлъ читатель можетъ найти вѣчто въ родѣ предусмотрѣнія...

Обратимся однако къ текущимъ событіямъ.

Князь Бисмаркъ, не ограничиваясь свиданіемъ съ графомъ Андраши въ Гаштейнѣ, и какъ бы съ цѣлью нѣкотораго ослабленія значенія свиданія Монарховъ въ Александровѣ, отправился въ Вѣну, пробылъ тамъ три дня, былъ принятъ съ высокими, почти царственными почестями, велъ весьма дѣятельный образъ жизни, руководя „неоцѣнимую руку“ тономъ офиціозной печати Берлина и даже Вѣны, сылавшей все это время тенденціозными статьями.

Что пріѣздъ германскаго канцлера имѣлъ важное политическое значеніе и останется не безъ послѣдствій для международныхъ отношеній Европы, не можетъ подлежать сомнѣнію. Вопросъ въ томъ: какая главнѣйшая специальная цѣль этой поѣздки и каковъ результатъ ея? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать въ настоящую минуту только самъ Бисмаркъ; всѣ же сообщенія и разсужденія газетъ на эту тему можно считать болѣе или менѣе остроумными догадками основывающимися на смыслѣ офиціозныхъ, заведомо высшими дѣятелями внушаемыхъ, статей. Нельзя однако сказать чтобы разборъ и оцѣнка этихъ статей были однимъ лишь переливаніемъ изъ лустаго въ порожнее: онѣ дѣйствуютъ на образованіе общественнаго мнѣнія въ извѣстномъ направленіи, а съ этимъ мнѣніемъ къ

нашу злоху приходится считаться даже и „железнымъ“ канцлерамъ, и еще одно: онѣ иногда дѣйствуютъ на самихъ великихъ мастеровъ политическихъ дѣлъ до того что тѣ прибѣгаютъ къ откровеннымъ разъясненіямъ, какъ мы видѣли выше въ замѣткѣ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*.

На всемъ политическомъ маневрѣ (иначе нельзя считать поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну) лежитъ густой туманъ, искусственно и искусно налущенный для отвода глазъ. Чтобы Французы не думали что тутъ затѣвается что-нибудь противъ нихъ, князь Бисмаркъ не довольствуется газетными завѣреніями, но посѣщаетъ лично французскаго посла въ Вѣнѣ и не щадитъ успокоительно-дружескихъ фразъ. Онъ также хочетъ показать что и противъ Россіи ничего враждебнаго не затѣвается, *такъ какъ она честно исполняетъ условія Берлинскаго трактата*, но за то „панславизму“, насильственно сопряженному съ нигилизмомъ, „приходится со скрежетомъ удалиться въ уголь и если онъ вздумаетъ шевельнуться, то встрѣтитъ Австро-Венгрію и Германію рука въ руку, плечо въ плечо.“ Нельзя сказать чтобъ это былъ удачно придуманный отводъ: платоническій панславизмъ, въ родѣ исканія общей азбуки для всѣхъ славянскихъ нарѣчій или стремленій къ единству литературнаго языка, едва ли можетъ внушать такой страхъ двумъ сильнымъ великимъ державамъ, чтобъ имъ нужно было, забывъ всякіе свои счеты, слотиться въ одинъ духъ и одно тѣло; да противъ нашествія *такого* панславизма борьба возможна развѣ полицейско-административными мѣрами. Если же рѣчь идетъ о панславизмѣ политическомъ, якобы угрожающемъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, то развѣ какое-либо дѣйствіе въ этомъ направлеиіи возможно безъ инициативы и помимо Россіи какъ государства? Очевидный абсурдъ; но онъ происходитъ только отъ недостаточной ясности фразы: безъ сомнѣнія хотѣтъ сказать что противъ Россіи, каковою она была долгое время, не сознававшей своихъ національныхъ интересовъ, а слѣдовавшей незамѣтно для себя на буксирѣ враждебнаго и ей и всему славянству Запада, ни Вѣна ни Берлинъ никакихъ союзовъ заключать не станутъ; но противъ той которая, наконецъ (о, давно, давно пора было это сдѣлать!) сбросивъ съ себя искусственно навязанный ей индифферентизмъ къ собственному національному интересу и достоинству, хочетъ проводить *свою* политику

для себя, не особенно заботясь правится ли это другимъ, противъ такой Россіи (а таковою въ послѣднее время стала она оказываться въ обществѣ и въ печати и въ высшихъ кругахъ,—хотя и не безъ исключеній еще) мы—Вѣна и Берлинъ—станемъ де плечо къ плечу. Повнимаемъ и принимаемъ къ свѣдѣнію. Но даже и при такомъ ловидимому общемъ для Австріи и Германіи архивраждебномъ настроеніи противъ русской національной политики, мы позволяемъ себѣ сомнѣваться чтобъ онѣ искренно и надолго могли лопти рука въ руку и плечо къ плечу. Не ходя за примѣромъ къ 1864 году въ Шлезвигъ-Голштейнъ, возьмемъ ближайшій: говорить же князь Бисмаркъ что Германія ничего не имѣла противъ идеи велико-болгарской, то-есть противъ Болгаріи начертанной Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, и еслибы къ нему обратились за поддержкой, то онъ бы не отказалъ въ ней. Но развѣ и Австро-Венгрія такого же мнѣнія?.. Все фразы и фразы!...

А это соединеніе панславизма съ нигилизмомъ съ цѣлью произвести послышѣе впечатлѣніе! И кого только хотятъ дурачить такими средствами?..

Если однако союзъ нуженъ князю Бисмарку въ виду возможныхъ случайностей съ Франціей и новыхъ взглядовъ Россіи, могущей въ другой разъ уже отказаться отъ роли охранителя тыла, то онъ всегда найдетъ удобную почву на которой можно соблазнить Австрію нуждающуюся въ поддержкѣ для упроченія захваченныхъ уже и имѣющихъ быть еще захваченными турецкихъ провинцій. Очевидное стремленіе замѣнить собою почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ разрушающуюся Турцію ставить Австрію въ прямо враждебное Россіи и частію Италіи положеніе, сдѣдовательно соглашеніе съ могущественнымъ сосѣдомъ ей можетъ быть только на руку, хотя бы въ душѣ преобладали совсѣмъ другія чувства.

Для Россіи и славянскихъ княжествъ во всякомъ случаѣ отъ такого союза добра ожидать нечего и какъ бы тамъ ни старались маскировать, а, очевидно, дѣло можетъ быть направлено только противъ нихъ, если не въ смыслѣ наступленія, то прелятствованія ея неизбѣжнымъ дѣйствіямъ для правильнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса. Теперь остается знать, состоялся ли этотъ австро-германскій союзъ и кто правъ, тѣ ли что говорятъ: „Бисмаркъ сдѣлалъ все что ему

нужно было въ Вѣнѣ; теперь Россія изолирована, лавсла-визму, то-есть честолюбивымъ замысламъ Россіи, положенъ предѣлъ, вліяніе ея на Балканскомъ полуостровѣ уничтожено и переходитъ къ Австріи, миръ въ Европѣ обезпеченъ“ и т. д., или же другіе, говорящіе не менѣе положительнымъ тономъ: „Бисмаркъ потерпѣлъ въ Вѣнѣ fiasco, отъ союза съ нимъ отказались, не пожелали идти въ политическую и экономическую кабалу къ человеку уже надѣлавшему столько зла Австріи; при всемъ желаніи имѣть поддержку противъ Россіи, въ Вѣнѣ не желаютъ ни малѣйшей тѣни бросить на дружественныя отношенія къ Франціи, стремящейся давно къ тройственному союзу—франко-австро-англійскому“ и т. д. И опять никто кромѣ самого Бисмарка на это вѣрнаго отвѣта дать не можетъ; хотя, вчитываясь въ послѣднія статьи такихъ офиціозныхъ газетъ какъ *Pester Lloyd* или *Presse*, выходитъ будто и въ самомъ дѣлѣ пребываніе въ Вѣнѣ германскаго канцлера не увѣнчалось блестящимъ для него успѣхомъ, вслѣдствіе чего и берлинская печать вдругъ умѣрила свои враждебныя выходки противъ Россіи. Но мы полагаемъ что и на такіе симптомы не слѣдуетъ слишкомъ полагаться: хитросплетенія политическихъ престижигитаторовъ такъ разнообразны что разобратъя гдѣ правда, гдѣ обманъ—очень трудно. Если принимать за звонкую монету все что съ такою авторитетною важною провозглашаютъ разные офиціозы и вообще тонъ задающіе публицисты, то пришлось бы постоянно попадать въ весьма незавидное положеніе одураченныхъ. Въ томъ же Берлинѣ гдѣ говорилось на всѣ лады что Германія никакихъ интересовъ на Востокѣ не имѣетъ, теперь утверждается что интересы на Балканскомъ полуостровѣ у нея есть, чуть ли не важнѣе чѣмъ у самой Австріи. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно.

Наша французская газета, по поводу разнорѣчивыхъ толковъ о дѣлѣ и результатѣ поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну, говоритъ: „Мы считаемъ обязанностью придерживаться того двойкаго разъясненія которое сообщено *Сѣверо-Германскою Всеобщою Газетою*, именно: что германскій канцлеръ счелъ своимъ долгомъ лично дать себѣ отчетъ о значеніи замѣщенія графа Андраши съ точки зрѣнія сношеній обѣихъ монархій и воспользоваться случаемъ чтобы подготовить между ними болѣе тѣсныя коммерческія отношенія чѣмъ существующія въ настоящее время.“

Хорошо; пусть будетъ такъ. За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, можно ограничиться и такою оговоркою.

Что же однако остается дѣлать Россіи, въ виду всѣхъ этихъ комбинацій, такъ или иначе ей враждебныхъ? не вѣдать ихъ, сложить руки и по совѣту нашихъ „миролюбцевъ во что бы то ни стало“ махнуть на все что не связано съ домашними дѣлами? Пуститься на поиски союзниковъ? Едва ли то или другое соответствуетъ интересамъ и достоинству великаго государства. Оно въ себѣ самомъ должно искать и создавать нужныя силы, работать наусердѣйшимъ образомъ надъ доведеніемъ ихъ до внушительныхъ размѣровъ, надо всѣмъ что даетъ полное право считать себя *готовымъ, не на бумагу, а на самомъ дѣлѣ*. Не вызывая никого, но и не мирволя никому, Россія должна стоять такъ чтобы сознавали силу съ которою нельзя не считаться, *даже и при союзахъ*, ибо въ такомъ только случаѣ и у нея явятся союзы. Представителямъ ея политики подобаетъ отказаться наконецъ отъ устарѣвшихъ традицій и понять что только вполнѣ національная политика внушаетъ къ себѣ уваженіе другихъ націй; пора прекратить расшаркиванья и неудержимую готовность къ уступкамъ... Будемте сильны, тверды и послѣдовательны. А какимъ покажетъ себя Русское государство въ случаѣ надобности защитить и отстоять свои кровные интересы, свою честь и достоинство, распространяться нечего: въ исторіи достаточно есть тому примѣровъ давнишнихъ и новѣйшихъ.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сель-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фойбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

АНДРЕЙ ТОВЯНСКІЙ *

ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНІЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

ПО НОВЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

III.

Товянскій въ Бельгіи. — Свиданія съ нимъ ксендза Семененко и Мицкевича. — Отъездъ въ Швейцарію. — Сношенія съ Ротшильдомъ. — Знакомство со швейцарскимъ философомъ Лебромъ. — Отъездъ въ Римъ и письмо къ папѣ. — Изгнаніе изъ Рима и возвращеніе въ Швейцарію. — Мысли о необходимости сближенія Поляковъ съ Россіей. — Променіе императору Николаю I: великая будущность Россіи, какъ славянской державы; заблужденія Поляковъ; императоръ Николай I „величайшее орудіе Бога на землѣ“. — Сношенія съ парижскимъ кружкомъ. — Воззваніе къ Швейцарцамъ. — Пребываніе Товянскаго въ Швейцаріи. — Назначеніе Ружицкаго „вождемъ“ кружка. — „Бесѣда“ съ Ружицкимъ. — Отношенія товянщиковъ къ эмиграціи. — Товянскій проповѣдуетъ союзъ Поляковъ съ Французами и Англичанами. — Поляки должны произвести политическій переворотъ въ Россіи и во всей Европѣ. — Соціально-политическая пропаганда Мицкевича. — Отношенія эмиграціи и товянщиковъ къ государственному перевороту во Франціи въ 1848 году. — Манифестъ Мицкевича. — Мицкевичъ въ Италиі. — Новое столкновеніе товянщиковъ съ эмигрантами. — Товянскій въ Парижѣ и вторичное изгнаніе его изъ Франціи. — Сближеніе Товянскаго съ ксендзомъ Дунскимъ. — Брошюра ксендза Семененко противъ Товянскаго. — Послѣдніе годы жизни Товянскаго.

19го іюля 1842 года Товянскій выѣхалъ изъ Парижа въ Бельгію. Пробывъ до 30го числа въ Senlis ** съѣзъ отправился далѣе въ Брюссель, откуда 5го августа послалъ Мицкевичу

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2й и 5й.

** *Współdział A. Mickiewicza w sprawie A. Towiańskiego* ¹, 35 и сл.
т. схлш.

инструкцію для „братевъ, слугъ дѣла Божія“. Въ Брюсселѣ Товянской прожилъ почти безвыѣздно цѣлый годъ, только въ сентябрѣ находимъ его въ Остенде. Поддерживая постоянную переписку съ Мицкевичемъ, онъ зналъ обо всемъ что его интересовало въ Парижѣ, и руководилъ занятіями своихъ учениковъ, но о себѣ почти ничего не сообщалъ; поэтому намъ извѣстно очень мало о жизни его въ Брюсселѣ. Изъ письма Мицкевича къ г-нѣ Гуттъ отъ 23го октября 1842 года узнаемъ что наканунѣ этого дня одинъ изъ товянщиковъ R., отличававшійся мягкостью характера и скромностью, легко воспламеняющійся и столь же легко остывающій, преданный дѣлу, но лѣнивый, отправился въ Брюссель къ Товянскому за совѣтами. Черезъ мѣсяцъ послѣ того Товянской, возбуждаемый Мицкевичемъ, имѣлъ свиданіе съ проживавшимъ въ Брюсселѣ Лелевелемъ, извѣстнымъ историкомъ и эмиграционнымъ дѣятелемъ, и велъ съ нимъ какой-то горячій споръ, послѣ котораго Лелевель, уходя отъ него, сказалъ: „знаю что меня ожидаетъ, если не покорюсь“. Можно догадываться что Товянской хотѣлъ завербовать Лелевеля въ число своихъ послѣдователей. Наконецъ въ томъ же году около праздниковъ Рождества Христова посѣтилъ Товянского уже извѣстнымъ читателямъ ксендзъ Семененко. * Находясь еще въ Римѣ, въ 1841 году онъ получалъ отъ своихъ парижскихъ друзей извѣстіе о предсказаніяхъ Товянского и тогда же рѣшилъ лично познакомиться съ нимъ; но, принужденный ѣхать изъ Рима въ Берлинъ, онъ могъ осуществить свое желаніе только въ концѣ 1842 года. Въ это время онъ успѣлъ уже изучить *Besedy* Товянского и сравнить ее съ ученіемъ католической церкви. Какъ по собственному желанію, такъ и по просьбѣ своихъ друзей, на пути изъ Берлина въ Парижъ онъ нарочно заѣхалъ въ Брюссель чтобы повидаться съ Товянскимъ и потребовать отъ него нѣкоторыхъ объясненій. Около праздниковъ Рождества Христова Семененко отправился къ Товянскому „съ недоумѣніемъ къ собственнымъ своимъ силамъ“, какъ самъ говоритъ въ подробномъ описаніи ихъ свиданія, „потому что зналъ о *магическомъ альянсіи* Товян-

* Свиданіе свое съ Товянскимъ Семененко описалъ въ брошюрѣ *Towiański et sa doctrine jugés par l'enseignement de l'Eglise* Польскій переводъ въ *Przeegl. Pozn.* XXV, 168—172.

скаго на лицѣ которыхъ съ нимъ сблизались.“ Послѣ нѣкотораго ожиданія вышелъ къ нему Товянскій. Съ перваго же взгляда на него, съ первыхъ же его словъ Семененко призналъ въ немъ *шарлатана*. Товянскій началъ разговоръ съ громкихъ фразъ о торжественности наступившей минуты, которая должна быть записана въ книгѣ вѣчности и т. л. Семененко прервалъ его и въ немногихъ словахъ объяснилъ ему поводъ своего посѣщенія.

— Ты утверждаешь, говорилъ онъ, — что посланъ свыше чтобы открыть волю Божію и возвѣститъ новое ученіе; ты требуешь отъ людей чтобы они вѣрили тебѣ и шли за тобою; нѣкоторые уже такъ и сдѣлали, и въ числѣ ихъ находятся мои знакомые и друзья; поэтому я считаю своею обязанностью относительно Бога и ближнихъ предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ и попросить у тебя отвѣта на нихъ.

Получивъ согласіе отъ Товянскаго, Семененко сказалъ ему:

— Я заранѣе приготовилъ вопросы; всѣ они происходятъ изъ одного источника—изъ твоей *Бесѣды*, а потому прежде всего позволь спросить тебя: признаешь ли ты ее своимъ сочиненіемъ?

— Да, это мое сочиненіе, отвѣчалъ Товянскій,—но я не имѣлъ намѣренія обнародовать его.

— Было ли это твоимъ намѣреніемъ, не стану разбирать, говорилъ Семененко, — заявляю только какъ о фактѣ что *Бесѣда* обнародована. Ученіе которое въ ней содержится, по моему мнѣнію, совершенно противно догматамъ церкви.

— Нѣтъ, возражалъ новый пророкъ съ нѣкоторою торжественностью,—въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего противнаго Евангелію или ученію церкви: оно даетъ только высшее пониманіе Евангелія и подробнѣе развиваетъ ученіе церкви.

— Такъ ты утверждаешь, но обрати только вниманіе на то что я скажу тебѣ. Одно ученіе не можетъ быть развитіемъ другаго, если во всѣхъ пунктахъ гдѣ одно говоритъ *да*, другое говоритъ *нѣтъ*, и наоборотъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Ты говоришь вездѣ *нѣтъ* гдѣ католическое ученіе говоритъ *да*, и *да* гдѣ оно говоритъ *нѣтъ*. Мой взглядъ вѣрнъ, и ты его не отвергнешь. Выслушай же теперь доводы.

Тогда Семененко принялся перечислять догматы церкви, сопоставляя ихъ съ мыслями Товянскаго. Тотъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и безо всякихъ возраженій. Доказавъ что ученіе Товянскаго противорѣчитъ Евангелію и ученію

церкви, Семеновко потребовалъ отъ него объясненій. Товянскій ему отвѣтилъ:

— Нечего мнѣ объяснять, и никакихъ объясненій не дамъ. Сочиненіе о которомъ ты мнѣ говорилъ предназначалось не для публики, а для одного только частнаго лица. Этому лицу я далъ всё нужныя объясненія, а давать таковыя публикѣ я вовсе не обязанъ.

— Ты долженъ дать объясненія, сказалъ Семеновко;—иначе ты утверждаешь что есть иная правда для частныхъ лицъ и иная для публики.

Товянскій упрямъ стоялъ на своемъ и никакихъ объясненій не хотѣлъ давать. Напрасно Семеновко дѣлалъ всё усилія чтобы вызвать его на объясненія. Наконецъ Товянскій оказалъ что онъ найдетъ объясненія въ другихъ его трудахъ которые готовятся къ печати; потомъ началъ развивать цѣлую систему о Богѣ, Христѣ, обществѣ и отечествѣ: живыми красками изображалъ величіе Христа; обѣщалъ церкви великую будущность; превозносилъ народъ, его терпѣніе, его заслуги, его способности и предсказывалъ побѣду демократіи; обоготворялъ отечество и называлъ его словомъ Божиимъ; кѣроче употребилъ всю свою діалектику чтобы повліять на Семеновка. Наконецъ, видя что не успѣлъ подѣйствовать на его сердце, Товянскій сталъ искушать его, возбуждая въ немъ самолюбіе:

— Ты великій умъ, говорилъ онъ,—ты совершишь великія дѣла! ты раздѣлишь со мною тяжесть моей миссіи, тяжесть, которую безъ тебя я одинъ долженъ двигать!

При этихъ словахъ Семеновко разсмѣялся, и, обиженный его смѣхомъ, Товянскій не хотѣлъ продолжать разговоръ. Семеновко его успокаивалъ что онъ пришелъ не съ тѣмъ чтобы надъ нимъ смѣяться, но что его слова невольно возбуждали смѣхъ въ немъ какъ въ христіанинѣ.

— Все это ложное смиреніе! когда мы велики, мы должны сознать свое величіе; но ты пришелъ съ земнымъ, продолжалъ пророкъ, давая иной оборотъ разговору,—и вотъ почему ты меня не понимаешь.

— Не знаю чтò ты называешь земнымъ; знаю только что сегодня утромъ я отслужилъ мшу за успѣхъ нашего свиданія, приобщился тѣла и крови Христовой и со Христомъ пришелъ сюда.

— Все земля! все земля!

— Какъ такъ? Ты называешь землею тѣло и кровь Христову?

— Братъ! нужно чтобы ты принесъ жертву духа.

И, показавъ при этомъ Семененку образъ Св. Иоанна Евангелиста съ орломъ у ногъ и съ тучею и молніями надъ головою, Товянскій воскликнулъ:

— Вотъ жертва духа! вся суть въ жертвѣ духа! Возвысься до жертвы духа! Нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ.

— Такъ, отвѣчалъ Семененко,—сдѣдуетъ чтить Бога въ духѣ и истинѣ; но прежде всего нужно знать какой это духъ и какая это истина.

— Нѣтъ, возражалъ Товянскій,—прежде всего нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ, и только потому мы не можемъ согласиться между собою что не соединились въ духѣ предъ начатиемъ нашей бесѣды.

— Но какъ же ты хотѣлъ чтобы я соединился съ твоимъ духомъ, если я не знаю впередъ какой это духъ?

— Твое чувство должно было сказать это тебѣ.

— Но вѣдь чувство не ведетъ къ познанію истины. Единственный къ тому путь—вѣра, почерпнутая въ ученіи церкви, *fides ex auditu*. Прежде чѣмъ чтить Бога въ духѣ и истинѣ, нужно имѣть истинную вѣру, которая показала бы намъ какой это духъ и какая истина, а вѣра исходитъ только изъ ученія церкви. Это прежде всего.

— Прежде всего, вновь повторилъ пророкъ,—нужно чтить Бога въ духѣ и истинѣ, какъ должно было указать тебѣ твое чувство.

— Прежде всего, возражалъ ему опять Семененко,—сдѣдуетъ знать какъ чтить; прежде всего нужна вѣра, почерпнутая въ ученіи, *fides ex auditu*.

Въ это время они говорили стоя. Вдругъ пророкъ принялъ величественную позу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, закинулъ голову, протянулъ руки и началъ кричать торжественнымъ голосомъ:

— Братъ, взываю къ тебѣ, услышь гласъ Божій! Ты отдашь Богу отчетъ въ томъ что сдѣлаешь. Богъ повелѣваетъ тебѣ идти за мною. Настоящій часъ бьетъ для тебя въ вѣчности, припомнится онъ тебѣ на смертномъ одрѣ.

Потомъ онъ сталъ самымъ настоятельнымъ образомъ убѣждать Семененка чтобы онъ сдѣлался его ученикомъ; но видя что тотъ стоитъ неподвижно, вперивъ въ него глаза,

незамѣтно понизилъ тонъ и окончилъ чѣмъ-то очень обыкновеннымъ.

Пора была разставаться, и Семеновъ обратился къ нему со слѣдующими словами:

— *Мнѣ* слѣдуетъ говорить тебѣ отъ имени Бога. Я Его священникъ, и въ этомъ качествѣ имѣю миссію. Итакъ, я долженъ объявить тебѣ что ты находишься на ложномъ пути, на томъ самомъ который избралъ Лютеръ и его послѣдователи, порацаемые тобою столь энергически; между ними и тобою въ томъ только разница что они основывали свою вѣру на разумѣ, а ты на чувствѣ. Господь Богъ отдалъ дѣла вѣры одной только церкви. Ученіе церкви, а не чувство или разумъ указываетъ намъ во что должны мы вѣрить. Повторяю: ты находишься на ложномъ пути. Слѣдовательно вся твоя доктрина — ложь и джи ты учишь. Отсюда слѣдуетъ что ты губишь души и губишь на вѣки, начиная съ собственной. То что я говорю тебѣ въ настоящую минуту, дѣйствительно исходитъ отъ Бога, въ чемъ могу тебя увѣрить, ибо Богъ далъ мнѣ право на то чтобы мои слова действительно припомнились тебѣ въ моментъ смерти и звучали весь вѣкъ твой. Я исполнилъ свой долгъ: ты услышалъ правду, и тебѣ ничего другаго не остается какъ поступать по ней.

Пока Семеновъ говорилъ, Товяскій принималъ видъ сначала серьезный, потомъ сосредоточенный и наконецъ сокрушенный; все ниже и ниже склонялъ голову, скрестилъ руки на груди, весь наклонился и слушалъ въ смиренной позѣ. Когда Семеновъ кончилъ, Товяскій поцѣловалъ ему руку и съ нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ:

— Если такъ, отче, то молись за меня.

Такъ кончилось свиданіе Семеновъ съ Товяскимъ.

Нѣтъ сомнѣнія что Товяскій занимался пропагандой своего ученія въ Бельгіи и что ему усердно помогалъ въ этомъ докторъ Гуттъ. Въ началѣ лѣта 1843 года онъ получилъ отъ бельгійскаго правительства приказаніе удалиться изъ предѣловъ Бельгіи; но отложилъ свой выѣздъ до свиданія съ Мицкевичемъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля Мицкевичъ прибылъ въ Брюссель, а 3го августа выѣхалъ оттуда обратно въ Парижъ. Онъ отдалъ Товяскому отчетъ въ состояніи Парижскаго кружка, получилъ отъ него инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій и вѣроятно убѣдилъ его ускорить отъѣздъ въ Римъ. Товяскій уже давно обѣщалъ лично представить

на судъ латы свое ученіе; но постоянно откладывалъ свое путешествіе въ Римъ, чѣмъ пользовались польскіе ксендзы въ Парижѣ для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ товянщиковъ. Положеніе Мицкевича и цѣлаго кружка становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и онъ, собравъ три тысячи франковъ на путешествіе Товянскаго, долженъ былъ ускорить его отъѣздъ. И дѣйствительно, въ августѣ онъ выѣхалъ изъ Брюсселя въ Швейцарію, а въ началѣ сентября былъ уже въ Лозаннѣ, куда вскорѣ прибылъ и Мицкевичъ. Выѣстъ они путешествовали по Швейцарію, всячески распространяя новое ученіе. На простой народъ они дѣйствовали примѣромъ, строго разчитывая каждый шагъ, каждый незначительнѣйшій поступокъ; интеллигенцію и людей вліятельныхъ они старались вовлечь въ свой кружокъ силой убѣжденія, лестию и хитростью. Особенныя старанія прилагалъ въ это время Товянскій къ уловленію въ свои сѣти франкфуртскаго банкира Ротшильда. На пути изъ Брюсселя въ Швейцарію онъ остановился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, видѣлся съ Ротшильдомъ и говорилъ съ нимъ. Аудиенцію у Ротшильда онъ получалъ, вѣроятно, вслѣдствіе письма къ нему отъ 15го августа. Оно начинается такими словами: „Богъ услышалъ плачь и моленіе Израиля во вѣки. Поставилъ Богъ избавить Израиля отъ нужды и униженія. Кто великъ предъ Нимъ тому предназначилъ быть великимъ на землѣ. Для спасенія Израиля Богъ заключаетъ перемиріе съ Израилемъ. Отъ принатія воли Божіей зависитъ спасеніе Израиля. Вскорѣ услышитъ Израиль гласъ Господа своего, и съ того времени долженъ готовиться къ великому своему моменту.“ За тѣмъ Товянскій обращается къ Ротшильду какъ къ избраннику Божію: „Мысль Божія почла на родѣ твоемъ. По мысли своей Господь возвысилъ родъ избранный... Члены избраннаго рода не знали донынѣ мысли Божіей, и многообразныя жертвы и доблести не были исполненіемъ мысли Божіей. Умершіе страдаютъ и ждуть искушенія отъ живыхъ, а только исполненіе мысли Божіей живыми спасаетъ мертвыхъ. Возвѣщаю это тебѣ по велѣнію свыше, дабы ты приготовлялъ духъ свой къ великому моменту когда Господь позоветъ тебя на службу.“ Наконецъ, изложивъ въ туманныхъ выраженіяхъ свое ученіе о готовящемся всемірномъ переворотѣ, Товянскій заключаетъ письмо словами: „*Призванный волею Божіею къ дѣлу милосердія Господня, я воз-*

вѣщаю тебѣ волю Бога и тѣмъ исполняю свою обязанность.“ По прїѣздѣ въ Швейцарію Товянскій отправилъ къ Ротшильду „одного брата изъ Израиля, котораго Богъ рано призвалъ на Свою службу и который своимъ израильскимъ духомъ исполнялъ многочисленныя службы на пользу дѣла Божія“ (это былъ уже извѣстный намъ Рамъ). Съ этимъ братомъ, „который долженъ былъ сослужить службу“ Ротшильду, Товянскій писалъ о „скоромъ наступленіи великихъ дней Израиля“, „о великой будущности Израиля на землѣ“, и объ избраніи Ротшильда „орудіемъ Божиимъ въ дѣлѣ спасенія Израиля“. * Это письмо и рѣчь Рама, если вѣрить Товянскому, произвели сильное впечатлѣніе на Ротшильда, и онъ „смирился предъ волею Божіею“. Раму помогали въ его миссіи двѣ сестры, Амалия и Анна, которыя „освободили Ротшильда отъ злаго духа“. Въ послѣдствіи впрочемъ пришлось Товянскому разочароваться въ надеждахъ которыя онъ возлагалъ на Ротшильда.

Въ Лондонѣ Товянскій познакомился со швейцарскимъ философомъ Лебромъ (Lèbge), сотрудникомъ *Revue des Deux Mondes* (умеръ въ Парижѣ 26го марта 1844 года), ** и произвелъ на него сильное впечатлѣніе, какъ видно изъ его дневника. ***

Лебръ называетъ Товянскаго *человѣкомъ чрезвычайнымъ* (un homme extraordinaire), прибавляя что *въ немъ воплотились всѣ идеи вѣка*. „Онъ волаощенный духъ вѣка; всѣ инстинкты вѣка вмѣщаются въ его великомъ сердцѣ; онъ обладаетъ сильнымъ словомъ, высокимъ умомъ“. Лебръ называетъ *сверхчеловѣческими* (surhumaines) познанія, проникаемость и силу слова Товянскаго, говоритъ что его энтузіазмъ всемогущъ, что его умъ проникнуть героическою добротой (d'une bonté héroïque), что въ его сердцѣ раздается побѣдная лѣсня и радостное осанна. Даже наружность Товянскаго произвела на Лебра чрезвычайное впечатлѣніе: „какія величественныя манеры, какой вѣрный взглядъ, какое

* Ibid. 196—8.

** Сочиненія Лебра изданы въ Лозаннѣ и Парижѣ въ 1856 году Маркомъ Дебри подъ заглавіемъ *Oeuvres d' Adolphe Lèbge recueillies et publiées par M. Marc Debrit*.

*** *Współudział* II, 189—191.

спокойствіе, какая сила, какая любовь, какая дѣвственная скромность, какое царственное величіе!“ Такимъ, по словамъ Лебра, долженъ бы быть человѣкъ безгрѣшный. Лебръ сомнѣвался только, христіанинъ ли Товянскій. Если онъ не христіанинъ, то поколеблетъ христіанство болѣе чѣмъ всѣ филозофскія системы. Онъ отвлечетъ отъ Креста миллионы.

Когда Лебръ спросилъ Товянскаго что онъ думаетъ о грѣхопаденіи, тотъ былъ удивленъ и потребовалъ объясненій. Лебръ сказалъ что онъ чувствуетъ въ себѣ внутреннюю силу враждебную Богу, силу которая влечетъ его къ постыднымъ поступкамъ, которая уничтожаетъ лучшія его намѣренія, которая преслѣдуетъ его въ самыхъ важнѣйшихъ привязанностяхъ, въ наукѣ, искусствѣ, молитвѣ. „Что же это за сила которая, вопреки мнѣ, вооружаетъ меня противъ Бога?“*—Товянскій отвѣчалъ что грѣхъ есть то что унижаетъ, а добродѣтель то что возвышаетъ, что добродѣтель низшей души можетъ быть большимъ грѣхомъ для высшей, что единственное общее правило состоитъ въ экзальтаціи и постоянномъ возвышеніи къ Богу. „Но экзальтація не всегда свята“, возразилъ ему Лебръ: „это доказываетъ любовь; она умножаетъ всѣ наши великодушныя силы и скрываетъ однако въ себѣ такой эгоизмъ что при встрѣчѣ съ прелестіемъ все приносится въ жертву страсти, и въ увлеченіи человѣкъ забываетъ человѣчество и Бога чтобы спасти только свою любовь. Этузіазмъ даетъ намъ крылья; но онъ можетъ лишить насъ неба и низвергнуть въ адъ.“ Товянскій на это замѣтилъ что такой энтузіазмъ хочетъ упорно остановиться на пути и не окончить своего лѣта къ Богу. Эта мысль показалась Лебру весьма глубокою, достойною размышленія. Онъ заключаетъ свои замѣтки о свиданіи съ Товянскимъ слѣдующими словами: „Возможно ли вѣрить чтобы постулки человѣка въ этой кратковременной жизни, столь мало отъ него зависящей, могли рѣшать о вѣчности,** и чтобы эта вѣчность для огромнаго большинства была самымъ страшнымъ несчастіемъ? Эта мысль безбожна; на ней нельзя остановиться. Съ другой стороны, возможно ли блаженство для порочной души? Единственный исходъ не есть ли метемпсихозъ?... Нашъ вѣкъ слишкомъ лалъ чтобы человѣкъ могъ помочь ему. Нужна

* Ibid. 196—8.

** Ibid. I, 189.

помощь Божія: будемъ ждать чуда, будемъ молить о чудѣ. Вѣра поколеблена до самыхъ основаній своихъ. Только новое откровеніе можетъ возвратить ее человѣку.“

Въ октябрѣ Товянскій отправился въ Римъ—„возвѣститъ“ папѣ Григорію XVI „волю Божію, отдать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и потомъ получить отъ него благословеніе согласно волѣ Божіей“; но прежде чѣмъ успѣлъ испросить аудіенцію у папы, былъ удаленъ полиціей изъ Рима. Полагаютъ что виновниками его изгнанія изъ папской столицы были польскіе ксєвдзы, которые успѣли въ свое время довести объ его походженіяхъ въ Парижѣ. Виноватъ былъ также, по крайности отчасти, самъ Товянскій, обратившій на себя вниманіе полиціи страннымъ своимъ поведеніемъ: онъ ѣздилъ по городу на бѣломъ конѣ или ходилъ по улицамъ *гуськомъ* со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, въ такомъ порядкѣ: сначала онъ, потомъ дѣти, а за ними шурины и сестра; когда онъ останавливался, останавливались всѣ они; когда онъ шелъ, никто изъ нихъ не отставалъ отъ него*.

Проживъ въ Римѣ только нѣсколько дней, Товянскій получилъ приказаніе удалиться изъ него въ теченіе 24 часовъ. Онъ уѣхалъ въ близъ лежащій городокъ Ромчиньоне, откуда 25 октября послалъ съ Рамоу письмо къ папѣ. ** Оно писано на французскомъ языкѣ. Такъ какъ оно весьма важно для характеристики Товянскаго, то мы сообщимъ его въ переводѣ.

„Вотъ уже четвертый годъ какъ я покинулъ родину по велѣнію Господа, открытому мнѣ недостойному, дабы возвѣститъ волю Божію народамъ и отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ имѣеть изаутѣся нынѣ милосердіе Божіе, обѣщанное роду человѣческому столько вѣковъ тому назадъ.

„И къ тебѣ, отче, первому представителю Господа на землѣ, я имѣю самую священную миссію.

„Богъ воленъ избирать самыхъ ничтожныхъ людей для исполненія Своей воли на землѣ. Богъ воленъ посылать Своего послѣдняго слугу къ Своему первому представителю.

„Повинаясь Богу, я въ первый разъ ослушался своего

* Ibid. II, 199. *Przeegl. Pozn.* XXV, 173.—L. Gołembіowski, 68.

** *Współudziat* II, 198—201.

природнаго правительства, ибо несправедливо повиноваться людямъ боже чѣмъ Богу.

„Во Франціи, опираясь на обѣщанное Господомъ милосердіе, я, слабый, имѣлъ смѣлость въ парижскомъ соборѣ, подкрѣпившись таинствомъ святаго причащенія, возвѣстить предъ Господомъ начало дѣла милосердія. Этотъ актъ совершень 27 сентября 1841 года.

„Потомъ я изложилъ волю Божію моимъ братьямъ изгнанникамъ; я ихъ пригласилъ на грядущіе великіе дни, я имъ объяснилъ какъ поступать чтобы лучшій изъ отцовъ пересталъ удручать несчастный народъ, я имъ показалъ тщету всѣхъ человѣческихъ усилій.

„Благословеніе Божіе было съ нами, и благодать Божія была плодотворна. Есть люди которые пылаютъ любовью къ волѣ Божіей и святымъ желаніемъ жертвовать собою ради этой любви, доставляя торжество знамени Христову въ частной и политической жизни человѣка.

„Я вѣрю что та же благодать которая произрала въ небольшомъ кружкѣ произрастетъ въ сердцахъ милліоновъ и что никакія человѣческія усилія не оставоватъ боже теченія воли Божіей.

„Это было мое первое дѣло, отче!

„Французское правительство, не выслушавъ меня, приказало мнѣ покинуть Францію. Я повиновался.

„Я далъ отчетъ предъ Богомъ. А ты, отче, какъ первый представитель Господа на землѣ, ты долженъ произнести свой возвышенный приговоръ. Человѣчество ждетъ такого приговора отъ тебя.

„Настало время исполнить мою миссію при святѣйшемъ престолѣ. Я прибылъ въ Римъ почтить мысль Божію въ тебѣ, отче, возвѣстить тебѣ волю Божію, отдать тебѣ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ и потомъ получить твое благословеніе по волѣ Божіей.

„Орудіе слашкомъ слабое, когда я собирався съ силами испрашивая необходимую помощь Божію, я получилъ отъ правительства приказаніе немедленно покинуть Римъ. Отдѣлая твою волю, отче, отъ приказанія твоего правительства, я могъ прибѣгнуть только къ тебѣ; но мнѣ отказали въ твоемъ дворцѣ въ милости которой я просилъ, позволить мнѣ искать у ногъ твоихъ твоего покровительства лично или письменно.

„Я считалъ долгомъ своимъ дать объясненіе твоему правительству, но меня также отвергли, отказали мнѣ въ словѣ, повторили мнѣ приказаніе покинуть Римъ.“

„Воля Божія терпитъ преслѣдованія повсюду, но рано или поздно она восторжествуетъ.“

„Я повиноваался и покинулъ Римъ. Но такъ какъ это приказаніе правительства не можетъ лишить меня воли Божіей, а одинъ только Богъ можетъ освободить меня отъ ея исполненія, и такъ какъ я боюсь оставить на своей совѣсти великую отвѣтственность въ великомъ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго, то, едва удалившись изъ Рима, слѣшу изложить тебѣ, отче, письменно столь великое дѣло.“

„Когда отняты у человѣка всѣ средства заявить волю Божію предъ святѣйшимъ престоломъ, Богъ возлагаетъ на твою совѣсть, отче, исполненіе обязанностей которыя по волѣ Его лежатъ нынѣ на святѣйшемъ престолѣ. Богъ будетъ ждать отъ тебя, отче, результатовъ Своей воли, и съ тѣхъ поръ какъ это заявленіе сложено у столь твоихъ, отче, ты отдашь отчетъ Богу.“

„Настало время когда воля Божія, послѣ многолѣтнихъ уклоненій рода человѣческаго, совершится. Родъ человѣчскій будетъ повиноваться Его любви или силѣ Бога. Слово Божіе будетъ жить, будетъ торжествовать на землѣ, отче: мнѣ дана власть возвѣстить это тебѣ.“

„Боже всемогущій! Ты видишь что я, самый слабый и недостойный изъ смертныхъ, старался исполнить велѣнія Твои. Возложи волю Свою на Своего представителя, Боже мой, и да будетъ воля Твоя!“

„Прости по милосердію Своему многочисленныя мои прегрѣшенія и дай совершить мнѣ эту часть миссіи!“

„Въ молитвѣ и уничиженіи буду ждать велѣній Твоихъ, и буду взывать къ милосердію Твоему, дабы современемъ, обожая мысль Твою, я могъ облобызать ноги Твоего представителя, котораго Ты предназначилъ для нашего спасенія, исполнить данную мнѣ Тобою миссію при святомъ престолѣ и облегчить тяжесть которая лежитъ на немъ въ эти великіе дни.“

„Боже мой, внуши Твоему первому представителю ту любовь и милость въ которыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не отказывалъ грѣшникамъ, дабы эта любовь и

милость дали мнѣ силы принести плоды моей преданности согласно Твоей волѣ.

„Отврати, лучший изъ Отцовъ, усилія зла, и прости тѣмъ которые, руководимые зломъ, противодействуютъ волѣ Твоей на землѣ; ибо милосердіе Твое простирается на весь родъ человѣческій и на всѣ вѣка.

„Да преисполнитъ милосердіе Твое, Отче нашъ, Твоего первого представителя благодатью Твоею и вѣчнымъ блаженствомъ!

„Отче! Черезъ нѣсколько часовъ я буду вѣ твоихъ владѣній; мысленно падаю къ ногамъ твоимъ, не имѣя возможности сдѣлать это физически.

„Чту въ тебѣ мысль Божію и умоляю, если найдешь меня достойнымъ того, благослови меня на тяжелый путь мой.

„Отче! Богъ взираетъ на насъ. Богъ судитъ насъ. Отче! Ты признаешь чистоту мою, если не въ этой жизни, то смѣю сказать, на судѣ Божіемъ!

„Повергаю прошеніе мое къ столамъ твоимъ чрезъ посредство одного Израильянина, которому я даю почувствовать его заблужденія, исполняя миссію мою въ отношеніи Израиля; онъ прибылъ изъ Парижа въ Римъ облобызавъ ноги твои и испросить благословенія твоего на дѣло обращенія его братьевъ, которое онъ предпринялъ, слѣдуя внушенію внутреннего своего голоса.“

Подъ этимъ письмомъ подпись: „Андрей Товянскій, Полякъ изъ Литвы.“ О послѣдствіяхъ этого письма ничего неизвѣстно. Неизвѣстно даже дошло ли оно до папы.

Остановившись на пути только въ Маренго, Товянскій проѣхалъ прямо въ Швейцарію и 23 ноября прибылъ въ Лозанну, откуда на другой день послалъ Мицкевичу свое письмо къ папѣ для прочтенія въ кружкахъ польскомъ и французскомъ. Онъ счелъ также нужнымъ отправить въ Парижъ доктора Гутта якобы „въ помощь“ товянщикамъ „въ ихъ трудахъ *.“ Въ Лозаннѣ Товянскій оставался не долго: въ январѣ 1844 года онъ былъ уже въ Солерѣ (Soleure). Причину своего переселенія изъ Лозанны въ Солерѣ онъ такъ объясняетъ въ письмѣ къ Мицкевичу отъ 27 числа того же мѣсяца **: „Я покинулъ Лозанну; тамъ ужасная нравственная

* Ibid. 128.

** Ibid. 130.

атмосфера: какъ въ Лондонѣ, истинное движеніе задержано, но въ Лондонѣ великое ложное движеніе, гигантская не христіанская жизнь; этой широкой жизни неудачно подражаютъ въ Лозаннѣ: дѣти передразниваютъ богатырей. Эта замѣна высшаго христіанскаго движенія земнымъ движеніемъ распространилась изъ источника заразы по всему міру и коснулась нашихъ славянскихъ хуторовъ. Я счелъ долгомъ своимъ представить предъ отъѣздомъ правителямъ Лозанны причины моего отъѣзда и указать имъ, какая мысль Божія почіеть на Швейцаріи и сколько провинилась Швейцарія предъ Богомъ. Иная атмосфера въ Солерѣ: жизнь не широкая, но за то христіанская; всеобщая симпатія къ намъ; мы—какъ дома.“

Около этого времени Товянскій „почувствовалъ“, какъ выражается, „обязанность *сильнѣе поддѣйствовать на Россію*“. Онъ написалъ по-польски вселодданнѣйшее прошеніе императору Николаю I; Мицкевичъ переводилъ на французскій языкъ и совѣтовался съ Товянскимъ насчетъ перевода нѣкоторыхъ выраженій; Товянскій дѣлалъ замѣчанія и объясненія и предлагалъ свой переводъ, но выражался неправильно и непонятно по-французски; Мицкевичъ возражалъ и исправлялъ; наконецъ сообща они составили окончательную редакцію прошенія, которое было подано въ Русское посольство въ Парижѣ 15 августа. Интересны объясненія Товянскаго по этому поводу. 18 іюля онъ писалъ Мицкевичу: „Довынь израильскій духъ его (императора Николая) былъ не затронуть. Никто еще не говорилъ его духу. Онъ бьетъ такимъ полнымъ тономъ, какъ никто изъ государей, и покорится только нашему полному тону, и вѣроятно удастся намъ привлечь его къ нашему дѣлу“. А обращаясь къ Мицкевичу, онъ говоритъ: „Ты знаешь духъ русскій, ты съ нимъ много разъ сталкивался; если почувствуешь необходимость въ измѣненіи формы для облегченія пониманія, прошу тебя, измѣняй. Въ Россіи много зависитъ отъ формы“. Позже онъ писалъ: „Я служилъ вѣрно Россіи. Былъ чистъ предъ Богомъ. Богъ призвалъ меня на Свою службу. Всевышняя воля была для меня всѣмъ. Я избралъ новый луть, потому что на прежнемъ не былъ бы чистъ предъ Богомъ... Благо чело-вѣчества и вмѣстѣ благо Россіи заключается въ прогрессѣ, въ исполненіи заповѣди данной въ словѣ Божіемъ. На

этомъ пути сила и счастье Россіи необходимы для исполненія на землѣ слова Божія. Заслуга Россіи предъ Богомъ и предъ людьми вѣрными Богу состоитъ въ неоприцаніи простоты духа. Богъ жадеетъ правдиваго союза между вѣтвями едиааго древа Божія: въ этомъ союзѣ, стремящемся къ исполненію общихъ для всего племени мыслей Божіихъ, заключается прочное величіе и сила народа. Прошлое, взаимные счеты и обиды заловѣдуемаго братства будетъ судить Богъ, а человекъ, который не есть судья брата своего, долженъ показать невѣдомую донынѣ любовь, братскую искренность и взаимную помощь для взаимной пользы. На служеніе этому дѣлу заловѣданному словомъ Божиимъ я принесъ присягу Богу предъ человекомъ котораго Богъ назначилъ видимымъ органомъ своего слова. Я не призываю къ братскому союзу съ Австріей и на новомъ пути жадею усердѣе и вѣрнѣе служить Россіи. Богъ видитъ мой намѣренія; Онъ знаетъ что въ глубинѣ души моей я жадею добра Россіи по мысли Божіей. Русское правительство отдастъ отчетъ Богу въ употребленіи чистѣйшихъ жертвъ многихъ изъ моихъ братьевъ, воодушевленныхъ тѣмъ же духомъ по велѣнію Божію. Оно узнаетъ братскую чистоту, если не на землѣ, то тамъ гдѣ земные интересы не будутъ мутить симпатій духа между отраслями едиааго племени Божія.“

Эти же самыя мысли, и даже нѣкоторыя выраженія, повторены въ прошеніи на имя императора Николая *. Въ этомъ обширномъ документѣ, составленномъ въ обычныхъ Товянскому туманнымъ выраженіяхъ, изъ его велѣной доктрины выдѣляются двѣ свѣтлыя мысли: одна о всемірно-историческомъ призваніи Россіи, какъ державы славянской, и другая о величіи характера императора Николая.

Объясняя что призванный служить Богу не можетъ служить государю, податель прошенія (графъ Северинъ Пильховскій) говоритъ: „Я услышалъ слово Божіе. Нынѣ оно развивается, реализуется. Я видѣлъ человека назначеннаго быть органомъ слова (т.-е. Товянскаго). Лучъ правды лора-

* Жадеа какъ можно ближе и понятнѣе передать мысли Товянскаго, мы постоянно сличали польскій и французскій тексты; первый напечатанъ въ I т., стр. 180 — 188, а второй во II т., стр. 222—229.

зилъ меня своею силой. Я помялъ этотъ божественный призывъ и посвятилъ себя службѣ наивысшей“...

Перехода къ изложенію „предназначенія Славянъ“, онъ восклицаетъ: „Никто на землѣ, смѣю это утверждать, не можетъ такъ интересоваться познаніемъ воли Божіей, какъ ты, великій монархъ!“

Воля Божія въ теченіе восемнадцати вѣковъ, по его выраженію, „была предметомъ размышленія, а не исполненія на землѣ,—слово было только теоріей безъ практики“; но настали времена когда она должна быть осуществлена въ жизни частной и общественной.

„Россія сохранила донынѣ первичную простоту своей души, и мысль Божія лочіетъ на ней; только реализаціей этой мысли Россія, вѣрная Господу, можетъ стать могущественною и счастливою въ грядущіе дни Господни. Вѣковое предназначеніе этого великаго народа—въ рукахъ Его.

„Всѣ народы славянскаго племени одарены Божиимъ сокровищемъ простоты, и искра Христова, угасшая или затмившаяся на землѣ, хранится только у Славянъ. Это—единственное племя на землѣ характеръ котораго составляетъ душевная теплота, эта искра Христова; проистекающее изъ этого характера его предназначеніе велико. Тогда какъ иныя племена, болѣе развитыя и болѣе свободныя, идутъ впередъ и освѣщаютъ путь успѣха, славянскому племени, этому центру воинства Господня, ввѣрено знамя Христово, и знамя это несомое народомъ избраннымъ Богомъ должно современемъ развѣваться на всемъ земномъ шарѣ.

„Но этотъ зародышъ славянской души не имѣлъ до сихъ поръ своей собственной жизни, не могъ обнаружиться, или, если проявлялъ какую-нибудь жизнь, проявленіе это было во вредъ его жизненному началу. Все что только на землѣ славянской возвышалось надъ народомъ, столь великимъ своею простотою, теряло, возвышаясь, эту народную простоту, дозволяло искажаться первичной природѣ искры Божіей. Часто даже преслѣдовали эту искру въ тѣхъ которые ее сохраняли, чтобъ угасить ее повсюду; ибо простые люди, истинные Славяне, были живымъ укоромъ среди выродившагося общества, и богатство ихъ душъ напоминало обнищавшимъ душамъ ихъ грѣхъ, источникъ ихъ нравственной гибели.

Глубина души славянской оставалась всегда христианскою; но жизнь, дѣянія Славянъ были языческія.

„Но Богъ услышалъ воли Славянъ... Слово, которое снова дадо себя слышать, призываетъ славянскіе народы къ ихъ обязанностямъ. Всѣ вѣтви славянскаго древа должны расположиться и развиваться по первичной мысли Божіей. Всѣ славянскіе народы должны начать свою великую жизнь, а эта жизнь должна быть развитіемъ драгоценнаго ихъ зародыша, должна быть только жизнью слова, реализаціей слова. Корни этого древа Божія не идутъ изъ земли, и только вопреки волѣ Божіей это древо выросло, черпая свою силу изъ земли. Этотъ народъ, избранникъ слова, не будетъ уже жить сплоскобомъ противнымъ своей природѣ, своему предназначенію.

„Вѣтви славянскаго древа выросшія изъ одного ствола жили каждая особою жизнью, часто враждебною основанію ихъ великаго организма; онѣ не могли имѣть той силы достичь которой призваны; не могли принести плодовъ которыхъ Богъ ожидалъ отъ нихъ. Уже прошлое Славянъ, обремененное взаимными обидами этихъ народовъ, представало предъ Богомъ. Воспоминаніе о нихъ изглаживается на землѣ и должно исчезнуть изъ нашихъ душъ. Братъ не можетъ судить брата. Пришло время когда всѣ они, слитые въ одно чувство любви какой еще не бывало ни въ понятіяхъ людей, ни въ жизни, должны соединить свои усилія въ одномъ великомъ и общемъ интересѣ, для достиженія цѣли какую Богъ назначаетъ имъ отнынѣ.

„Каждому народу, какъ и каждому человѣку, предопредѣлено поприще его дѣятельности. Кто неидетъ добровольно, кто останавливается на своемъ пути, того Богъ посылаетъ впередъ. Это насильственное движеніе есть единственный источникъ бѣдствій человеческихъ, единственная причина его рабства. Поляки остановились и были насильственно двинуты впередъ, а когда они въ этомъ движеніи снова уклонялись отъ пути предписаннаго Богомъ, Богъ, не переставая ихъ карать, допустилъ побѣду братнаго оружія, дабы заблагодѣи дѣти Его потерпѣли болѣе подъ давленіемъ руки собственныхъ братьевъ. Возстанія не удалась Полякамъ, они обратились противъ нихъ же самихъ...

„Человѣчество въ своемъ движеніи впередъ встрѣчало препятствія и уклонялось отъ пути предначертаннаго Богомъ; отъ этого пути уклонился и Наполеонъ, носитель мысли

Божіей, и былъ побѣжденъ; но воля Божія совершилась: идея союза религіи съ политикою созрѣла на землѣ. Миссія Наполеона не прекратилась съ его смертію: духъ его продолжаетъ дѣйствовать на землѣ. Новое поприще открылось для слова. Новое орудіе слова—императоръ Николай.“

Къ нему обращается Товянскій устами Пильховскаго со слѣдующимъ воззваніемъ:

„Душа твоя, государь, велика. Великая душа не создается въ краткомъ пространствѣ одной жизни, она только развивается. Твоя душа въ великихъ дѣяніяхъ тобою совершенныхъ еще не развила; она еще не жила полною жизнью, она еще не вкусила вполнѣ этого счастья. Только на пути нынѣ открытомъ Богомъ человѣку полная твоя жизнь, полное твое счастье. Тебѣ, государь, вѣрною спасеніе милліоновъ людей. Предводительствуя столькими славянскими народами, подчиненными твоему скипетру, ты въ настоящее время—величайшее орудіе Бога на землѣ. Если ты, государь, услышишь призывъ Божій, твои подданные, вѣрные Богу, посвящая себя мысли Божіей въ тебя вооженой, посвящаютъ себя твоему величію, твоему счастью.“

„Этими новыми чувствами славянскими, чувствами преданности Богу и искренней любви къ братьямъ вашимъ Русскимъ и къ особѣ вашего величества уже прониклись нѣкоторые люди, а именно тѣ изъ польскихъ эмигрантовъ которые приняли слово Божіе. Приготовленные долгими несчастьями, они первые были призваны къ принятію слова и къ передачѣ его своимъ братьямъ. Таковы они теперь, таковыми будутъ милліоны вскорѣ....“

Прошеніе оканчивается воззваніемъ къ императору не пренебрегать жертвой „новаго славянскаго характера“, приносимую Поляками для блага человѣчества, братскаго народа и самого государя.

Это странное прошеніе было задержано посольствомъ нашимъ въ Парижѣ, и потому графъ Пильховскій рѣшился ѣхать въ Россію въ качествѣ „посла дѣла Божія“. По дороге онъ долженъ былъ захватить къ Товянскому за благословеніемъ и инструкціями.

Хваленый Солеръ лодъ конецъ измѣнилъ Товянскому. „Послѣ долгой погоды наступила въ концѣ августа буря“, какъ пишетъ онъ Мицкевичу. „Сердца чиновниковъ отвернулись отъ него, и ему было приказано ѣхать“; но по болѣзни

жены его Каролины было дозволено ему остаться въ Солерѣ до 15 октября. Когда же въ назначенный день Товянскій сталъ собираться въ дорогу, всеобщее сочувствіе къ нему смягчило начальство, и ему было частнымъ образомъ сообщено что онъ можетъ спокойно жить въ Солерѣ, подъ условіемъ обратиться съ просьбой объ этомъ въ правительственный совѣтъ. И Товянскій просилъ совѣтъ о четырехмѣсячной отсрочкѣ выѣзда, но получилъ отказъ и долженъ былъ выѣхать изъ Солера.

Предъ отъѣздомъ, 6го ноября, онъ обратился съ посланіемъ къ базельскому епископу, къ членамъ маалаго совѣта Солерскаго кантона, префектуры и муниципія города Солера. Оно начинается словами: „Правительство Солерскаго кантона воспретило мнѣ пребываніе въ Солерѣ. Повинуясь властямъ, покидаю Солерѣ.“ Онъ благодаритъ за гостепріимство и проситъ только дозволить его семейству пребыть еще нѣсколько дней въ этомъ городѣ. Покидая Швейцарію, онъ считаетъ долгомъ своимъ сказать нѣсколько словъ братьямъ Швейцарцамъ.

„Въ эти великіе дни возрожденія человѣчества“, говоритъ онъ, „человѣкъ долженъ вступить въ новую эпоху которую слово Божіе предназначило ему искони; онъ долженъ получить болѣе обширный свѣтъ слова; долженъ подняться на самую высокую ступень своего успѣха, своего шестія къ Богу.

„Послѣ вѣковыхъ уклоненій, Богъ призываетъ человѣка на путь предначертанный для него воплощеннымъ Словомъ, Онъ призываетъ его къ исполненію слова, Своей воли отвергнутой и пренебреженной.

„Швейцарцы, преисполненные милостей Божіихъ, должны быть послушны этому призыву Бога. Предохраненные отъ горестей и бѣдствій которыя пробуждаютъ другіе народы и толкаютъ ихъ впередъ по пути прогресса, они должны сами пробудиться и идти впередъ изъ любви своей къ Богу, къ прогрессу. Слово требуетъ отъ Швейцарцевъ болѣе жизни внутренней, болѣе чувства, болѣе любви, болѣе подражанія Христу въ самоотверженіи; но Швейцарецъ не возбуждаемый извнѣ неподвиженъ. Усыпленный довольствомъ и счастіемъ, онъ постоянно отвергаетъ призывъ который дѣлаетъ ему Богъ къ жизни внутренней, къ свободѣ внутренней; онъ погрѣбаетъ свой умъ въ землѣ и въ этой смерти отказыв-

вается отъ драгоценнаго зародыша который таится въ немъ.“

Товянскій грозитъ Швейцарцамъ бѣдствіями и рабствомъ, если они не послушаются призыва Божія. Тяжкая отвѣтственность, по его словамъ, лежитъ на Швейцарцахъ за изгнаніе невиннаго Товянскаго, добровольно обречшаго себя на изгнаніе изъ отечества.

Когда именно Товянскій выѣхалъ изъ Солера неизвѣстно; въ началѣ ноября онъ былъ еще тамъ, а въ первыхъ числахъ марта 1845 года находимъ его въ Рихтерсвилѣ. Мы знаемъ только что въ ноябрѣ онъ собирался уѣхать изъ Солера и что Мицкевичъ предполагалъ съ нимъ встрѣтиться въ Келѣ (Kehl) или Брюсселѣ; но изъ напечатанной ихъ переписки не видно когда онъ уѣхалъ изъ Солера и гдѣ находился до марта 1845 года.

Изъ Рихтерсвила Товянскій уѣзжалъ на короткое время въ мартѣ мѣсяцѣ въ Эйнзидельнъ, гдѣ видѣлся съ Пильховскимъ и далъ ему инструкціи для миссіи въ Россію. Изъ Эйнзидельна же онъ послалъ наставленія парижскому кружку о томъ какъ готовиться къ принятію св. причащенія. Въ началѣ апрѣля Товянскій снова былъ въ Рихтерсвилѣ, гдѣ получалъ извѣстіе отъ Мицкевича что Пильховскій не только не уѣзжалъ еще въ Россію, но что даже посольство наше въ Парижѣ не отправляло еще его бумагъ въ Петербургъ, „собирая пока нужныя свѣдѣнія“.

Въ іюлѣ Товянскаго посѣтилъ Мицкевичъ, который по возвращеніи въ Парижъ нашелъ большія перемѣны въ кружкѣ товянцевъ. Между ними образовалась партія враждебная Мицкевичу, и во главѣ ея былъ именно Северинъ Пильховскій. „Позавчера былъ у меня Северинъ въ самомъ дурномъ настроеніи,“ писалъ Мицкевичъ Товянскому 27 іюля. „Холодный, скрытный, онъ искушалъ меня разными способами. Показывалъ небывалое сочувствіе ко мнѣ, говорилъ что я человекъ міровой, а на дѣлѣ хотѣлъ взбунтовать меня противъ тебя, можетъ-быть безсознательно. Между прочимъ онъ говорилъ что кто чисто вошелъ въ кружокъ, тотъ можетъ чисто выйти, что твоего письма не понимаетъ. Спрашивалъ въ шутку ли ты называешь его *паномъ*, или же въ самомъ дѣлѣ признаешь его своимъ *паномъ*. Говорилъ что сомнѣнія которыя имѣлъ прежде о нашемъ дѣлѣ теперь вернулись, что его вѣра въ тебя поколебалась, что твой товъ

съ нимъ былъ несоответственный, что ты не поступилъ съ нимъ такъ какъ онъ съ Каменскимъ.... Словомъ, я видѣлъ его въ полномъ бунтѣ; онъ замышляетъ только планъ какъ-бы выйти съ честью. Вчера было съ нимъ нѣсколько лучше, но вижу что, исправившись на минуту, онъ становится лотомъ гораздо хуже. Говорилъ что *весь кружокъ долженъ слѣдовать за нимъ ѣхать въ Россію*, что онъ издастъ прокламацію; о Франціи и братьяхъ Французахъ говорилъ съ презрѣніемъ.“

Пильховскій не хотѣлъ ужь ѣхать въ Швейцарію и признавался что чувствуетъ сильное раздраженіе противъ Товявскаго. Онъ помышлялъ только объ одномъ—какъ бы покинуть эмиграцію.

О дальнѣйшей дѣятельности Пильховскаго можно получить понятіе изъ письма Мицкевича, отъ 27 августа 1846 года, въ редакцію газеты *Demokrata Polski*.

„Северинъ Пильховскій, который уже давно прервалъ всякія officialныя со мною сношенія, пишетъ Мицкевичъ, явился нѣсколько дней тому назадъ въ мою квартиру и представилъ копію своихъ писемъ къ брату вождю (К. Ружицкому) оставленныхъ безъ отвѣта. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія на счетъ этихъ писемъ.

„Изъ нихъ я узналъ что Северинъ Пильховскій намѣренъ предаться Русскому правительству чрезъ посредство русскаго посольства, полагая что онъ поступаетъ такъ въ духѣ дѣла Божія, для служенія польскому народу.

„Я отвѣчалъ что намѣреніе Пильховскаго считаю противнымъ народному чувству и неприязненнымъ дѣлу Божію, что способъ которымъ онъ намѣренъ привести въ исполненіе это намѣреніе не чистъ, потому что бросаетъ тѣнь на дѣло Божіе и саугъ его, съ которыми онъ уже давно прервалъ сношенія.

„Я пригласилъ его переговорить объ этомъ со мною.* Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ у меня и устно объявилъ что предается Россіи и готовъ перейти изъ лона католической церкви въ греческую схизму.

„Припоминаніемъ подробностей этого разговора или его повтореніемъ не могу марать себя и земляковъ.

* Письмо Мицкевича къ Пильховскому отъ 14го августа 1846 года.

„Еще разъ я пригласилъ Пильховскаго обдумать свое намѣреніе, и онъ мнѣ общалъ это. Теперь новымъ письмомъ онъ подтверждаетъ что окончательно рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе.

„Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Святополькъ - Мирскій призывалъ польскую эмиграцію къ религіозному и политическому отступничеству, мы тогда же официально и публично осудили его поступокъ.

„Это осужденіе наше отступниковъ распространяется въ полной силѣ на всѣхъ которые стали или стануть подъ его знаменемъ.

„Я увѣренъ что этими словами выражаю чувства всѣхъ братьевъ, слугъ дѣла Божія, и всѣхъ земляковъ-эмигрантовъ, на какой бы дорогѣ они ни служили дѣлу польскаго народа.“

Три года (1845—1848) Товянскій прожилъ въ Швейцаріи, перѣзжая изъ одного города въ другой во избѣжаніе пресѣдованій со стороны полиціи: въ іюлѣ 1845 года онъ былъ въ Базель, въ концѣ августа въ Кель, въ началѣ сентября въ Лозаннѣ, а въ концѣ этого мѣсяца въ Эппенсальдѣ; въ послѣднихъ числахъ октября находимъ его въ Цюрихѣ; откуда въ ноябрѣ вернулся въ Базель; но здѣсь онъ не могъ долго оставаться, и снова долженъ былъ пуститься въ странствіе по Швейцаріи: съ декабря 1845 по начало іюня 1846 года онъ жилъ въ Цюрихѣ, а потомъ, до 1го мая 1847 года, въ Рихтерсвилѣ, откуда на короткое время, въ половинѣ іюня 1846 года, ѣздилъ въ Базель; съ 1го мая 1847 по мартъ 1848 года онъ прожилъ въ Цюрихѣ; въ мартѣ 1848 года находимъ его въ Бивингенѣ, а въ августѣ уже въ Парижѣ.

Отмѣтимъ нѣкоторые факты изъ дѣятельности Товянскаго за это время.

Особенно было важно посвященіе Товянскаго Ружицкимъ. На собраніи „братьевъ“ Французовъ и Поляковъ въ Цюрихѣ 29 октября, Товянскій говорилъ о „союзѣ“ этихъ двухъ народовъ для жизни одною жизнью слова Божія и пожаловалъ Ружицкаго въ „вожди“ парижскаго кружка, въ помощники Мицкевича. Введеніе Ружицкаго въ эту должность должно было происходить въ Парижѣ торжественно, по приказанію Товянскаго: „собраніе братьевъ на которомъ братъ Карлъ займетъ свою должность есть эпоха въ дѣлѣ Божі-

емъ, есть низведеіе дѣла Божія на землю“, писалъ Товявскій Мицкевичу. Этому собранію должны предшествовать „реколлеція“ и молитва въ костелѣ Св. Северина; а на собраніи Ружицкій долженъ занять мѣсто „подъ хоругвію дѣла Божія“, по лѣвую сторону Мицкевича, и прочесть братьямъ написанную для него *Бесѣду*. Это торжественное собраніе кружка товьявцевъ происходило 30 ноября, а наканунѣ, въ день годовщины польскаго возстанія, „братья“ вмѣстѣ съ эмигрантами были въ костелѣ Св. Рока.

Ружицкій привезъ съ собою письмо Товявскаго къ Мицкевичу и посланіе его къ кружку. Товявскій укоряетъ Мицкевича въ упадкѣ духа и возбуждаетъ его къ новой энергической дѣятельности; восхваляетъ Ружицкаго и польскій народъ, „принявшій зерно Христово духомъ своимъ, а не землей своею, благословенный Христомъ, стоящій на чистой христіанской почвѣ“. Къ посланію приложена сочиненная Товявскимъ молитва, называемая имъ свѣтѣйшею, правдивою, величайшею. Это—пародія на Молитву Господню: Товявскій обращается къ Богу Отцу съ благодарностью за то что Онъ открылъ ему волю Свою, просвѣтилъ его и укрѣпилъ его „силою духа и любви“; проситъ „указать ему путь спасенія его и вѣреннаго ему народа“; о томъ же онъ проситъ Богородицу, „воеводу дѣла святаго имени Господняго,“ „Пресвятую Олекуншу земли“. Эта молитва, по своему тону и содержанію, напоминаетъ извѣстный монологъ Кюврата въ *Дзядзахъ* Мицкевича.

Для Ружицкаго Товявскій написалъ вторую свою *Бесѣду*, напечатанную въ Парижѣ Мицкевичемъ въ январѣ 1846 года подъ заглавіемъ „*Besiada z bratem Karolem*“. Неизвѣстно былъ ли изданъ одновременно съ подлинникомъ французскій переводъ, какъ того желалъ Товявскій.

Бесѣда съ братомъ Карломъ помѣчена горой Эзелъ въ кантонѣ Швицъ 1го октября 1845 года. Привыкшіи разчитывать на эффекты, Товявскій выбралъ мѣстомъ написанія *Бесѣды* гору Эзелъ по слѣдующей причинѣ, имъ самимъ объясненной: „На этомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ за десять вѣковъ предъ симъ положено чистое основаніе христіанства великимъ мужемъ для великихъ жертвъ Богу, Св. Мейнардомъ, отдаю честь исполненной въ тебѣ (Ружицкомъ) мысли Божіей,—чистой жертвѣ духа, чистой основѣ твоей, братъ мой!... Во имя Божіе соединяю тебя со Св. Мейнардомъ...“

Беспѣда начинается словами: „Братъ Карлъ! Настало время, пробилъ для тебя часъ смотра Господняго (przeeglądu Pańskiego). Благодаря милосердію Божию, ты исполнилъ что было потребно для полноты мысли Божіей въ тебѣ, а предо мной открылась звѣзда твоя дотола видимая въ тѣни.“ Далѣе Товянскій называетъ Ружицкаго „воиномъ подъ знаменемъ слова Божія“, говоритъ что „знамя слова Божія возносится, Христосъ торжествуетъ“, что „на лутѣ воли Божіей въ словѣ Божіемъ черный крестъ снимается съ земли, а подается бѣлый крестъ духа, жертвы духа...“ что „съ тропинокъ христіанскихъ онь (Ружицкій) вступилъ на луть полнаго христіанства, легко и скоро ведущій ко Господу легионовъ“, что „по этому лутѣ ему (Ружицкому) предназначено вести народъ польскій...“ Товянскій взываетъ къ Ружицкому чтобы со знаменемъ Христовымъ онь прошелъ по всей землѣ на триумфъ Христа, чтобы „онъ соорудилъ святыню Бога“ и возвѣщаетъ что „Богъ услышалъ вѣковыя моленія человѣка“, что отнынѣ будетъ исполняться воля Его, что отнынѣ водворятся на землѣ правда, справедливость, братство и свобода духа и человѣка. Въ этомъ родѣ продолжается воззваніе къ Ружицкому. Трудно уловить какую-нибудь связь между отрывочными выраженіями, которыя были непонятны конечно и самому Товянскому: среди этого хаоса всякой бессмыслицы встрѣчаемъ упоминанія о Наполеонѣ I, „богатырь живаго слова Божія“, о прогрессѣ человѣчества, объ отечествѣ,—слова выхваченныя изъ *Дядовъ* и ничѣмъ не связанные ни между собою, ни съ предыдущимъ и послѣдующимъ (*miłość Ludów, Lud Ludów, Trud Trudów*). Потомъ говорится о двухъ великихъ мужахъ Польши, лѣвцѣ (Мицкевичѣ) и вождѣ (Ружицкомѣ), которые должны дѣйствовать согласно и по одному лутѣ вести Поляковъ—неизвѣстно куда и зачѣмъ.

Беспѣда оканчивается обращеніемъ ко Христу и къ *великимъ душамъ*, диктовавшимъ ее—эту бессмысленную *Беспѣду*.

Подъ ней подписи: Андрея Товянскаго, написавшаго ее „въ общеніи нашихъ душъ“, и Карла Ружицкаго, „сообщающаго ее съ Божіею помощію всѣмъ братьямъ доброй воли.“

Это было первое произведеніе Товянскаго напечатанное и распространенное съ его согласія и по его желанію. Послѣ неудачи съ генераломъ Скржывецкимъ онь былъ осторожнѣе, и только послѣ долгаго испытанія написалъ вторую *Беспѣду* для Ружицкаго.

1846 годъ Товянскій провелъ сначала въ Цюрихъ (до іюля), потомъ въ Базель (до августа) и наконецъ въ Рихтерсвилъ. Полпрежнему онъ переписывался съ парижскимъ кружкомъ своихъ послѣдователей, поддерживая въ нихъ вѣру въ лучшее будущее и проповѣдая союзъ Поляковъ съ Французами и Англичанами. „Англія, говорилъ онъ собравшимся у него 17 марта братьямъ, по низкому, Франція по нервному тону могутъ наводнить землю и возстановить Польшу. Англія способна пролить кровь за Польшу...“ Отношенія польской эмиграціи къ Французамъ Товянскій такъ изображаетъ въ письмѣ къ Мицкевичу изъ Базеля отъ 23 іюля: „Что бы ни дѣлалось во Франціи, братья не должны возбуждать къ дѣлу и начинать дѣло: этого Богъ ожидаетъ исключительно отъ Французовъ. Инаго ожидаетъ Богъ отъ тѣхъ кого назначилъ своимъ орудіемъ для Француза: польскіе эмигранты, іереи живаго слова Божія, въ полнотѣ своей жертвы христіанской должны видѣть, чувствовать и носить въ себѣ мысль Божію, лочіющую на Францію.... Они предоставляютъ самимъ Французамъ дѣйствовать, и въ каждое мгновение и на каждомъ пунктѣ показываютъ какимъ долженъ быть Французъ, по подобию Господа, который, показавъ какимъ долженъ быть человекъ, за человекъ не дѣйствуетъ.“ Короче, польскіе эмигранты должны быть учителями и наставниками Французовъ, а Французы — ихъ послушными учениками; польскіе эмигранты должны проповѣдывать, а Французы дѣйствовать. Польша, говоритъ Товянскій въ другомъ посланіи къ Г., можетъ быть спасена только эмиграціей, а родъ человѣческой будетъ спасенъ только Польшей. Въ этомъ дѣлѣ спасенія человечества будетъ участвовать также Литва — родина Товянскаго и Мицкевича: „Литва угнетенная, безъ торговли, безъ ремеселъ, безъ изобрѣтеній (*wynalazków*), нищаетъ, ничему не отдаетъ души: отсюда простота безъ жизни и чистоты, отсюда сердце свободное къ воспріятію зерна Божія. Иные народы горды торговлей, богатствами, но имѣютъ душу занятую.“

Замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ жизни Товянскаго въ теченіе 1846 года было собраніе братьевъ въ Рихтерсвилѣ 10 октября. Собраніе это происходило въ полночь на горѣ Эзелъ „въ память *Бесѣды* съ братомъ вождемъ дѣла Божія, происходившей на томъ же самомъ мѣстѣ ровно годъ тому назадъ.“ Сначала было принесено „благодараніе Господу леги-

оно въ за милосердіе оказанное назначеніемъ Карла Ружицкаго вождемъ святаго дѣла и призваніемъ его къ распространенію на землѣ царства Христова, къ пробужденію жизни слова Божія на путяхъ человѣка частныхъ и публичныхъ, къ сооруженію этою жизнью святилища Бога Живаго, къ спасенію этою жизнью Польши и человѣчества отъ бѣдствій, отъ неводи духа и земли“; потомъ „учитель“ Товяскій пристулилъ „къ исполненію службы сестрѣ Целинѣ (Мицкевичъ)“, прибывшей изъ Парижа по порученію мужа. Эту службу онъ началъ чтеніемъ воззванія къ парижскому кружку, воззванія въ которомъ онъ восхваляетъ Целину Мицкевичъ за то что она всецѣло и самоотверженно посвятила себя на служеніе мужу своему въ дѣлѣ Божіемъ; потомъ онъ оказалъ дивнѣйшую мистическую рѣчь, въ которой говорилъ о призваніи Поляковъ сласти родъ человѣчскій.

1847 годъ не богатъ событіями въ исторіи товьянизма. Товяскій продолжалъ жить въ Рихтерсвилѣ, откуда весной намѣревался ѣхать куда-нибудь на воды, по болѣзни; но этого намѣренія кажется не исполнилъ потому что съ 1 мая находимъ его въ Цюрихѣ. Отсюда въ письмѣ къ Мицкевичу Товяскій припоминалъ ему о службѣ его на пользу товьянизма: „Ты первый возвѣстилъ Польшѣ дѣло Божіе и слугу Божія. Нѣчто чрезвычайное и удивительное видѣла въ тебѣ Польша: это былъ первый лучъ новой эпохи, исходившій отъ пророка Польши; и, признавая и любя въ тебѣ этотъ лучъ Божій, Польша готовилась къ принятію солнца высшей эпохи слова Божія. Въ теченіи времени ты возбуждалъ вдохновеннымъ словомъ польскихъ эмигрантовъ, возвѣщая имъ приближающуюся эпоху и слугу ея, а увидѣвъ предъ собой этого слугу, ты не поколебался признать въ немъ волю Божію и покориться этой волѣ Божіей.“

Въ началѣ марта Станиславъ Ружицкій, кажется вмѣстѣ съ Карломъ, собирался выѣхать изъ Парижа къ Товянскому; а 7 июня отправился къ нему генералъ Гедройцъ съ женой и помѣшаннымъ сыномъ. Мицкевичъ надѣялся что Товяскій его излѣчитъ при содѣйствіи находившагося при немъ доктора Гутта. 27 сентября Товяскій съ бывшими при немъ братьями праздновалъ седьмую годовщину „возвѣщенія дѣла Божія на землѣ“, и сказалъ по этому случаю коротенькое слово, въ которомъ увѣщевалъ своихъ послѣдователей „подтвердить дѣломъ, жизнью практическою,

частью и лубличною, слово Божіе, бывшее до тѣхъ поръ въ ихъ духѣ, и сдѣлать слово мертвое живымъ на землѣ“.

Это воззваніе къ практической дѣятельности составляетъ эпоху въ исторіи товянизма. Такимъ же практическимъ духомъ проникнуто и письмо Товянского къ какой-то сестрѣ, въ которомъ онъ говоритъ объ эманципаціи женщины, объ ея равноправности съ мужчиной.

Такой поворотъ въ направленіи Товянского произошелъ по вліянію Мицкевича, которымъ только и держался кружокъ товянцевъ. Положеніе этого кружка становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Онъ окончательно потерялъ подъ собою почву, разорвалъ всякую связь съ міромъ и обществомъ, очутился въ какомъ-то пустомъ пространствѣ безо всякаго содержанія, безо всякой жизни. Долгія выжиданія какого-то чуда, какого-то міроваго переворота обещаннаго Товянскимъ, привели къ разочарованію, къ уtratѣ вѣры въ него и въ его миссію, къ сознанію необходимости выйти изъ невыносимаго положенія чрезъ сближеніе съ людьми живыми и дѣйствующими. На такую утрату вѣры не только въ Товянского, но и во все будущее, на бессодержательность жизни кружка, на его замкнутость, на сознаніе собственного ничтожества, на внутреннія терзанія и вообще на траги-комическое его положеніе, Мицкевичъ жалуется въ письмѣ къ Товянскому отъ 12 мая; а въ рѣчахъ, которыя онъ часто произносилъ въ этомъ году на собраніяхъ кружка, указывается на необходимость возвращенія къ дѣйствительной жизни, сближенія съ эмиграціей „даже путями земными“, пролагандированія между Французами польскихъ революціонныхъ идей. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей имѣютъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ нихъ Мицкевичъ касается иногда социально-политическихъ вопросовъ и отношеній Польши къ Россіи и Славянству. Приведемъ нѣсколько выдержекъ.

„Прошли вѣка“, говорилъ Мицкевичъ на собраніи кружка 27 февраля, „и честнымъ человѣкомъ стали пренебрегать, стали его копировать.... Польша, несмотря на свои недостатки, отличилась честнымъ характеромъ и потому была растерзана (gozdragana). Самы Москалы говорятъ о Полякахъ что это народъ честный, но безмозглый“... Правды Христовой, по словамъ Мицкевича, нѣтъ ни въ Польшѣ, ни въ Россіи. Польша будетъ восстановлена только путемъ правды Христо-

вой, при помощи Франціи, которую Поляки полюбилъ какъ собственное отечество и за которую готовы положить жизнь и душу. „Мы съ Россіей ничего не сдѣлаемъ говоря ей о славянствѣ, о любви, о саятіи Славянъ; нужно Русскимъ показать что нынѣ въ Польшѣ томъ болѣе чистый и болѣе высокій чѣмъ въ Россіи.“ Русскій народъ слишкомъ привязанъ къ своей вѣрѣ и мало занимается политикой. Онъ думаетъ только о *показѣ*, да о бракѣ; новыхъ политическихъ институтѣй онъ не сумѣетъ дать себѣ: для этого нужна помощь Поляковъ. Но не только Русскимъ, а также Французамъ, они должны показать новую дорогу...

Для пробужденія кружка къ новой усиленной дѣятельности необходимо участіе *женщины*. О положеніи женщины въ древнемъ и новомъ мірѣ Мицкевичъ рассуждалъ такъ. Женщина израильская была въ порабощеніи у мужчины. Даже въ синагогѣ было назначено ей отдѣльное мѣсто въ сторонѣ отъ него. „Христосъ проповѣдывалъ свободу женщины, ходилъ окруженный женщинами, что было прежде не видало и не слышано въ Израилѣ, бесѣдовалъ съ Самарянкой у колодца и далъ ей слово къ Самаріи... Св. Павелъ нѣсколько поднималъ значеніе ветхозавѣтной женщины, но, руководясь постоянно идеей администраторскою, не смѣлъ дать ей всѣхъ льготъ. Еще не настало для того время. Вѣдь нужно знать что не все что писали апостолы происходило отъ Духа Божія; Божіе только то что сказалъ Христосъ. Учитель (Тованскій) говорилъ что Св. Павелъ много претерпѣлъ за то что часто падалъ и, проповѣдуя ложныя идеи о власти, о женщинѣ, далъ ложное направленіе людямъ. Позже женщина начала неправымъ способомъ добиваться свободы; въ нѣкоторыхъ сектахъ она исполняетъ даже обязанности священника, но нигдѣ еще не приобрѣла своего настоящаго положенія....“

Неволя женщины, по словамъ Мицкевича, находится въ связи съ гоненіемъ на дары Божіи въ (католической) церкви. „Тотъ только можетъ одѣнать и поддержать даръ пророчества кто самъ имъ обладаетъ; тотъ только можетъ признать высшее призваніе женщины кто понимаетъ его важность въ обществѣ. Что же нынѣ считается самымъ высшимъ въ женщинѣ? Ее хвалятъ за то что она хорошая управительница, порядочная хозяйка. И такія качества восхваляютъ только люди чистые, богобоязненные; ибо матеріалисты стоятъ еще

ниже—хвалять вся физическія прелести....“ Женщина должна найти поддержку въ церкви, но не той которая смѣется надъ пророками и выталкиваетъ ихъ за двери. Призваніе женщины состоитъ не въ томъ чтобъ она была слугой дома. Когда Марфа хлопотала чтобъ угостить Христа, а Магдалина, подруга всѣхъ мужчинъ города, освободившая духъ свой хотя бы и этимъ неправымъ способомъ, выслушала слово Божію и не хотѣла отойти отъ ногъ Іисуса, Онъ сказалъ что она избрала лучшую часть....“

Во время французской революціи, продолжалъ Мицкевичъ, женщины вдругъ вырвались на свободу. Онѣ были во главѣ движенія, онѣ первыя взяли Версаль. Ихъ прозвали чудовищами, блудницами; но позднѣйшіе историки, особенно же Мишле, представили ихъ въ иномъ свѣтѣ. Женщины, ворвавшись въ Версаль, требовали отъ короля и королевы чтобъ они по-отцовски и по-матерински объяснились съ народомъ.... Разчитывая на увлекающуюся страстную натуру женщинъ, Мицкевичъ „просилъ Бога чтобъ Онъ далъ кружку товянцевъ *жрицу* (kapłankę).“

Въ рѣчи 9 марта Мицкевичъ говорилъ о *правѣ собственности*. „Трудно рѣшимый вынѣ вопросъ о собственности имѣлъ всегда исходною точкою и основаніемъ *землю*. Такъ было въ Израилѣ. Каждая семья имѣла свою полосу земли, которую не могла продать или заложить болѣе чѣмъ на 49 лѣтъ; на пятидесятый годъ долги ликвидировались, каждый возвращался на свою землю, и невольникъ снова получалъ свободу: оттого пятидесятый годъ назывался юбилейнымъ, годомъ милости. Каждый такимъ образомъ, послѣ надѣла земель, имѣлъ обезпеченное существованіе основанное на поземельномъ владѣніи.

„Въ Римѣ земля принадлежала божеству, и только патрици имѣли право пріобрѣтенія земли, на срокъ опредѣленный закономъ.

„Такое понятіе о раздѣленіи землевладѣнія исчезло уже во всей Европѣ; одно только славянство его сохранило. Тамъ каждый крестьянинъ имѣетъ свой участокъ земли, на которомъ сидитъ и съ котораго никто не имѣетъ права прогнать его. Въ Царствѣ Польскомъ навѣ сталъ уже собственникомъ крестьянской земли, а крестьянину предоставилъ свободу покинуть землю и деревню. Еслибы революціонныя понятія Запада перешли къ намъ, то были бы для насъ гибельны,

потому что наши ланы поступили бы съ крестьяниномъ какъ англійскіе помѣщики, которые, разчитавъ что разведение овецъ приноситъ бѣольшую пользу чѣмъ содержаніе земледѣльцевъ, принудили древнихъ обитателей Шотландіи, Кельтовъ, къ переселенію въ Америку. Такъ погибъ бы и крестьянинъ польскій, славянскій.

„Во Франціи домогаются нынѣ правъ землевадѣнія; но не знаютъ какимъ образомъ можно было бы придти къ тому положенію этого вопроса въ которомъ онъ находится у Славянъ, потому что здѣсь произошла уже страшная разниа въ цѣнности земли, смотря по ея отношенію къ промышленности и торговлѣ. На Западѣ развилася совершенно иная порядокъ вещей. Провидѣніе быть-можетъ ведетъ Западъ къ чему-нибудь иному, лучшему. Но чѣмъ кончится этотъ вопросъ, неизвѣстно. Пока здѣсь только хаосъ. А какое счастье имѣть готовую идею и порядокъ землевадѣнія существующій въ славянствѣ!

„Времена чреваты неожиданными политическими переворотами, но для насъ будетъ обязательно только то движеніе въ которомъ мы найдемъ наше направленіе.“

Бурный 1848 годъ вызвалъ Мицкевича и Товянскаго къ боле практической дѣятельности.

Посланіемъ къ парижскому кружку изъ Бивингена отъ 21 марта Товянскій возвѣстилъ что наступила пора реализаціи, что за „жизнью духа“ слѣдуетъ „жизнь человѣка“, что настало время примѣненія къ практикѣ „свѣта эпохи высшей, христіанской“. Послѣ такихъ заявленій слѣдовало бы ожидать программы новой дѣятельности товянцевъ; но мистическій „учитель“ ограничился слѣдующими словами: „Французъ долженъ слѣшить спастись угнетенныхъ братьевъ, а Полякъ долженъ первый залагать долгъ любви христіанской брату-Французу.“

Не такихъ либеральныхъ пророчаній и совѣтовъ ожидали въ это время товянцы отъ своего „учителя“. Захваченные врасплохъ мартовскими событіями въ Парижѣ, они совершенно потеряли голову, тѣмъ болѣе что между ними не было Мицкевича, мѣсто котораго временно занялъ Феликсъ Вротловскій. Эмиграція устраивала шумныя демонстраціи, провозгласила „польскую республику“, созывала якобы народные собранія, наломившія бурные и безтолковыя польскіе сеймы, бѣсилась, неистовствовала. Французская молодежь,

увлеченная профессорами Мишле и Кюве, громко заявляла свои симпатіи къ Полякамъ.. Была полнѣйшая анархія. *

Въ это время Мицкевичъ формировалъ въ Италіи Польскій легионъ, вопреки Товянскому. Онъ окружилъ себя, по числу алостоловъ, двѣнадцатю эмигрантами, и вмѣстѣ съ ними издалъ въ Римѣ 29 марта основанія новой польской конституціи въ формѣ манифеста. ** Она состоитъ изъ пятнадцати параграфовъ. Наиболѣе для насъ любопытны слѣдующіе:

„5. Духъ польскій—слуга Евангелія, земля польская со своимъ обществомъ—тѣло. Польша встаетъ изъ мертвыхъ въ тѣлѣ въ которомъ была положена во гробъ сто лѣтъ тому назадъ. Польша встаетъ свободною и независимою и протягиваетъ руку Славянству.“

„10. Старшему брату Израилю почтеніе, братство, помощь на пути къ вѣчному и временному благу, равноправность политическая и гражданская.

„11. Слутницѣ жизни, женщинѣ—братство, гражданство, равноправность во всемъ.

„12. Каждому Славянину живущему въ Польшѣ братство, гражданство, полная равноправность.“

„15. Помощь политическая и семейная отъ Польши брату-Чеху и родственному Чешскому племени, брату-Русу и народу Русскому. Помощь христіанская всякому народу какъ ближнему.“

Этотъ манифестъ былъ напечатанъ на италіянскомъ языкѣ подъ цензурой отца Вентуры. Польскіе ксендзы, не зная что онъ былъ разрѣшенъ духовною цензурой, писали и говорили противъ него, какъ писалъ объ этомъ Мицкевичъ Юлію Лонцкому 3го апрѣля. *** Изъ этого письма извлекаемъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о дѣятельности Мицкевича въ Римѣ.

„Въ Римѣ моя служба кончена, насколько это зависѣло отъ меня“, писалъ Мицкевичъ. „Дѣла находятся въ такомъ состояніи что учитель, если прибудетъ сюда, развяжетъ главный узелъ и тѣмъ облегчитъ дорогу милліонамъ Славявъ. Есть на это обѣщаніе свыше въ словѣ пророческомъ: проро-

* *Korrespondencja A. Mickiewicza t. II (Paryż 1872), str. 226—30.*

** *Współudział. II, 106—6.*

*** *Ibid. 106—7.*

чество изъ устъ особы не знающей учителя, не вѣдающей о дѣлѣ и предубѣжденной противъ учителя. Это слово позже сообщу вамъ. Я имѣлъ здѣсь тяжелую борьбу: все на что рассчитывалъ стало противъ меня, все соединилось съ ксендзами. Были собранія на которыхъ я долженъ былъ биться противъ криковъ, злословія, насмѣшекъ, клеветъ. Я вырвалъ изъ ихъ ласти молодежь, которая въ числѣ 14ти составила кружокъ на основаніяхъ учителя, — зародышъ полка. Они пошли на исповѣдь, на которой давно не были, пошли къ нашимъ ксендзамъ съ умиленіемъ, со слезами, и это ксендзовъ не смачило. Вскорѣ, можетъ-быть чрезъ нѣсколько дней, какъ только достанемъ средствъ на дорогу, выступимъ отсюда. Наше общество будетъ называться Первымъ польскимъ легиономъ (*Zastęp pierwszy Polski*), какъ часть легиона Господня. Мы пойдемъ съ бѣлымъ орломъ (гербъ Польши), а хоругвь Господню (знамя товянцевъ) возьмемъ не иначе какъ съ разрѣшенія учителя.“

Далѣе Мицкевичъ увѣщаетъ чтобы парижскіе товянцы готовились къ походу, высказываетъ надежду что Французское правительство дастъ имъ жалованье и сообщаетъ что онъ пошлетъ воззваніе къ эмиграціоннымъ властямъ, что онъ былъ два раза на аудіенціи у папы и что разошлась вѣсть будто Товянскій въ Римѣ.

1го мая Мицкевичъ былъ уже въ Миланѣ, откуда намѣревался въ непродолжительномъ времени ѣхать въ Швейцарію на свиданіе съ Товянскимъ, алатіей котораго былъ очень недоволенъ. Тамъ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Карломъ Ружицкимъ и уладить происшедшія между ними несогласія.

Позже, 3го іюня, Мицкевичъ писалъ Товянскому что „надѣется вскорѣ предстать предъ нимъ“. Неизвѣстно состоялось ли это свиданіе и когда именно. Достоверно только что съ нѣкотораго времени между Мицкевичемъ и Товянскимъ возникли весьма натянутыя отношенія и что главными виновниками этого были лица окружавшія Товянскаго.

Между тѣмъ парижскій кружокъ, остававшійся по отъѣздѣ Мицкевича безъ надежнаго руководителя, ропталъ на него за его отсутствіе въ то время когда въ Парижѣ совершались важныя событія. Онъ оправдывался тѣмъ что его присутствіе было нужнее въ Италіи чѣмъ во Франціи.

„Служба наша во Франціи апостольская, писалъ онъ Лодькому, а въ Италии мы ищемъ перваго пункта на землѣ. На службу во Франціи насъ не требуется много, а въ случаѣ нужды можно было бы призвать нужныхъ. Политическое подготовленіе умовъ, просьбы, домогательства, уличныя демонстраціи—все это во Франціи пойдетъ само собою.“ Въ другомъ письмѣ Мицкевича читаемъ: „Что Франція—центръ нашей дѣятельности, объ этомъ я всегда говорилъ вамъ и писалъ; но безъ вызова изъ Швейцаріи и Италии до сихъ поръ дѣло тянулось бы, и теперь снова нужно изъ Италии призвать Польшу къ единству, собрать въ одинъ лагерь.“

Когда именно возвратился Мицкевичъ въ Парижъ, неизвестно, но 2го августа онъ писалъ Товянскому ужъ изъ Парижа: „Твое положеніе таково что ты можешь самымъ удобнымъ образомъ дать слово Франціи... Франція желаетъ знать чѣмъ была послѣдняя июньская буря, какія ея причины и слѣдствія. Ты одинъ можешь указать ея настоящую причину. Разъясненіе послѣдней революціи есть въ то же время разъясненіе прошлаго и будущаго Франціи... Съ отвѣтомъ Франціи соединяется будущность Польши, интересъ духа христіанскаго, славянскаго, польскаго, который чрезъ твое посредство говоритъ, дѣйствуетъ. Съ польскою же эмиграціей долгъ нашъ окончателно разчитаться...“

Изъ деклараціи 17 апрѣля, на французскомъ языкѣ, подписанной Яковомъ Мальвезеномъ (Malvesin) и Доминикомъ Ивановскимъ, отъ имени французскаго и польскаго кружковъ товянцевъ, узнаемъ что подписавшіяся на ней лица были отправлены депутатами отъ обоихъ кружковъ къ Товянскому съ просьбой чтобъ онъ возвратился въ Парижъ: „Избранные братьями нашими, Французами и Полаками, мы представили ихъ желаніе, чтобы человекъ Божій, человекъ этой христіанской эпохи возвратился во Францію изъ мѣста своего изгнанія, дабы онъ, предназначенный возвѣстить народамъ волю Божию, путь спасенія, руководилъ слугами народовъ въ исполненіи ихъ миссіи. Мы изложили ему что Франція сильно нуждается въ познаніи этого пути, что искра Христова пылаетъ въ этой націи, но что легко можетъ угаснуть эта искра, надежда на спасеніе Франціи.“

„Человекъ Божій“ отвѣчалъ что его первый долгъ, первое желаніе быть поближе къ братьямъ-сослуживцамъ, что онъ являеть дѣлать „христіанскую любовь“ братьевъ отпра-

вѣвшихъ къ нему депутатовъ, но что онъ жалѣеть ихъ трудовъ, ихъ времени и денегъ потраченныхъ на путешествіе; онъ прямо называетъ своихъ послѣдователей „алостолами слова Божія“ и приказываетъ имъ усердно распространять его ученіе, обѣщая явиться между ними когда они исполнятъ свой долгъ; наконецъ указываетъ на великое призваніе Франціи.

Товянскій общается вести Францію по пути спасенія и преуспѣванія; онъ общается до тѣхъ поръ не покинуть Франціи пока не совершитъ своей миссіи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того онъ писалъ Карлу Ружицкому что „настало время, когда онъ долженъ лично послужить брату-Французу“; а 18го мая онъ уже былъ въ Парижѣ, гдѣ поселился въ Avenue des Champs Elysées № 108. Тамъ онъ прожилъ почти безвыходно во время июньской революціи, ограничиваясь прогулками въ окрестностяхъ Триумфальной Арки; никому не дѣлалъ онъ визитовъ, ни Полякамъ, ни Французамъ, и принималъ у себя только своихъ старыхъ знакомыхъ и друзей, изъ которыхъ ни одинъ не былъ замѣшанъ въ июньскія событія. Ни съ кѣмъ изъ бунтовщиковъ онъ не былъ знакомъ и самъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ июньской революціи. Тамъ не менѣе 11го іюля онъ былъ арестованъ въ своей квартирѣ, заключенъ въ тюрьму Conciergerie, и его имя фигурировало въ первомъ спискѣ лицъ обреченныхъ на изгнаніе.

За два дня до его арестованія былъ произведенъ у него полицейскій обыскъ, причемъ было захвачено и опечатано лять связокъ бумагъ. По поводу этого обыска, полицейскій чиновникъ Геберъ доносилъ: „Товянскій имѣетъ видъ почетный. Это—родъ аллюмината. Онъ проповѣдуетъ братство по началамъ Христа и считаетъ себя посломъ Божиимъ избраннымъ для спасенія рода человѣческаго. Товянскій и Гуттъ принимаютъ у себя людей порядочныхъ и въ то же время—нищихъ. Ихъ ученіе клонится къ виспроверженію общественнаго порядка. Они говорятъ что имѣющій лять франковъ долженъ отдать половину своему сосѣду, что имѣющій зимой холодную комнату имѣетъ право на половину теплой комнаты своего сосѣда и иныя подобныя глупости.“

Въ тюрьмѣ Товянскій просидѣлъ до послѣднихъ чиселъ августа, несмотря на всѣ усилія Мицкевича, жены Товянскаго и его самого. Мицкевицъ совѣтовалъ гдѣ Товянской

обратиться къ матери генерала Каваньяка, президента республики, чтобы она повлияла на своего сына и посодѣйствовала освобожденію Товянскаго. Самъ Товянский просилъ аудіенціи у своего судьи, генерала Бертрана, чтобы разъяснить ему лично свое ученіе и содержаніе захваченныхъ у него бумагъ, „ловяныхъ только ему одному“, и въ то же время обратился съ просьбой въ народное собраніе чтобы ему было позволено публично защищаться отъ взведенныхъ на него обвиненій. Наконецъ Мицкевичъ подалъ генералу Каваньяку записку о личности и дѣятельности Товянскаго.

Въ сентябрѣ Товянский былъ уже на свободѣ, и 26го числа этого мѣсяца онъ приглашалъ своихъ учениковъ „присутствовать вмѣстѣ къ пріятію св. причащенія въ слѣдующій день, какъ это было за семь лѣтъ передъ тѣмъ. 7го октября онъ раздавалъ медали „дѣла Божія“ брату Карлу и сестрѣ Евфиміи, причемъ сказалъ длинную рѣчь, въ которой упомянулъ о „духѣ Косцюшки, который не перестаетъ служить Польшѣ“, но 21го числа того же мѣсяца долженъ былъ удалиться изъ Парижа, не простившись даже со своими учениками. Въ началѣ декабря онъ былъ въ Авиньонѣ, гдѣ намѣревался провести нѣкоторое время. Оттуда онъ предполагалъ отправиться въ Марсель и потомъ въ Римъ на свиданіе съ папой.

Въ Авиньонѣ Товянский получилъ письмо Мицкевича, совѣтовавшаго ему обратиться съ воззваніемъ къ Французамъ, между тѣмъ какъ онъ самъ будетъ стараться склонить на свою сторону принца Иеронима Бонапарта. „Приходить время“, пишетъ онъ 28 декабря, „подвинуть далѣе, публичнымъ дѣйствіемъ, долгую нашу духовную работу въ интересѣ идеи Наполеона и христіанской связи ея съ судьбами народовъ. Одинъ изъ членовъ семейства Наполеона, Иеронимъ, ясно указанъ какъ посредникъ между нами и правительствомъ. Иеронимъ теперь начальникъ Дома Инвалидовъ. Онъ поставленъ *au-dessus des agitations humaines* (слова Монитѣра). Я съ нимъ давно знакомъ. Предъ революціей я ему до подробностей предсказалъ грядущія событія и государственныя перевороты. Намъ легко теперь изложить предъ нимъ съ полною свободой наше дѣло. Мы намѣрены вмѣстѣ отправиться къ нему, изложить ему все дѣло и представить ему выписки изъ разныхъ твоихъ писаній о Наполеонѣ, какъ сокровище для Франціи и ея правительства. Это первый шагъ. Братъ Карлъ въ этомъ исполнѣ со мной согласенъ.

Приближается также время тебѣ самому обратиться съ званіемъ ко Франціи, обнародовать письмо къ этимъ милліонамъ избирателей. Въ ихъ собственно рукахъ *la souveraineté*. Палата вскорѣ будетъ распущена или будутъ произведены новые выборы. Мнѣ кажется что это письмо твое должно быть обнародовано отъ имени кружка, а не твоего; а тебѣ слѣдуетъ отозваться живымъ голосомъ предъ палатой или правительствомъ.“

Товянскій не раздвлялъ мнѣній и воззрѣній Мицкевича, и считалъ не своевременнымъ предлагаемый имъ шагъ. „Съ мая по октябрь прошлаго года“, пишетъ онъ Мицкевичу изъ Авиньона, 2 января 1849 года, „былъ исполненъ предназначенный мнѣ кругъ службы для Франціи, исполненъ только въ духъ, такъ какъ всякая реализація не была мнѣ дозволена. Наступилъ затѣмъ чередъ дѣйствовать съ палой, и по исполненіи этой обязанности я имѣю снова дѣйствовать съ Франціей. До сихъ поръ я держусь этого порядка“... Публичное обращеніе къ Французамъ и къ принцу Герониму Товянскій считаетъ несвоевременнымъ и приказываетъ Мицкевичу выжидать пока выяснится его положеніе. Товянскій разчитываетъ на содѣйствіе полковника Дюмулена, бывшаго адъютанта Наполеона, посѣщавшаго его въ тюрьмѣ и въ концѣ объявляетъ что приближается время писать палѣ.

Письмо къ палѣ Товянскій намѣревался послать съ ксендзомъ Эдуардомъ Дунскимъ, собиравшимся ѣхать въ Римъ въ февралѣ мѣсяцѣ; но это намѣреніе не привелъ въ исполненіе, кажется потому что Дунскій отложилъ свою поѣздку въ Италію.

Между тѣмъ Мицкевичъ успѣлъ убѣдиться что не настало еще время дѣйствовать рѣшительно во Франціи. „Политическій духъ правящей Франціей“, писалъ онъ Товянскому 25 февраля, „поколебленъ и ослабленъ, но государственная машина двигается своею колеей. Еще не близка минута когда можно будетъ задержать ее или дать ей иное направленіе.“ Надежды его на Геронима не оправдались: онъ былъ слишкомъ занятъ государственными дѣлами и не имѣлъ ни времени, ни охоты толковать съ Мицкевичемъ о тованизмѣ. Вѣроятно также что ему были известны отзывы генерала Кавальяка о Товянскомъ: онъ считалъ его достойнымъ галера и въ освобожденіи его по просьбѣ жены Мицкевича сильно раскаивался. Быть-можетъ что самъ Кавальякъ или

по его вліянню правительство приняло какія-нибудь мѣры противъ Товянскаго, ибо онъ въ концѣ іюня почувствовалъ невозможность дальнѣйшаго пребыванія во Франціи и выѣхалъ въ Швейцарію. Въ первыхъ числахъ іюля онъ былъ уже въ Биннингенѣ, откуда отправилъ длинное письмо къ ксендзу Дунскому. Въ этомъ письмѣ онъ такъ объясняетъ свою миссію:

„На откровеніи основана моя миссія. Открытая мнѣ воля Божія руководитъ всѣми моими дѣйствіями. Темный по себѣ прахъ и среди мрака въ который погружена земля, какъ могъ бы я безъ этого свѣточа достигнуть предназначенной цѣли? Съ юности я носилъ въ себѣ мысль Божію, почиющую на мнѣ, но видя свою негодность, я долго не смѣлъ обнаружить тѣломъ и дѣйствіемъ то что духъ мой чувствовалъ, что носилъ въ себѣ. Возрѣвъ Господь въ милосердіи Своемъ на слугу Своего, и воля Божія открытая духу открылась человеку“....

Товянскій проситъ Дунскаго такъ объяснить его миссію архіеписколу парижскому и довести до его свѣдѣнія что онъ, Товянскій, намѣренъ въ скоромъ времени представить свое ученіе на судъ палы.

Товянскій сблизился съ ксендзомъ Дунскимъ въ началѣ 1849 года, какъ видно изъ письма его къ Мицкевичу отъ 11го февраля: „Ксендзъ Дунскій постоянно возрастаетъ въ духѣ ревности къ нашему дѣлу. Въ интересъ этого дѣла, онъ вознамѣрился ѣхать въ Римъ. Онъ очевидно избранъ Богомъ для облегченія насъ“.

О немъ извѣстно что онъ принадлежалъ къ ордену „Змарт-выхвстанцевъ“ съ самаго его основанія. Благодаря своему характеру, онъ пользовался любовью, уваженіемъ и довѣріемъ своихъ братьевъ. Какъ только начало распространяться ученіе Товянскаго, онъ былъ отправленъ изъ Рима, тотчасъ по посвященіи, въ Парижъ для защиты католицизма. Мягкій и чистосердечный въ обращеніи, онъ смѣло и неуклонно защищалъ ученіе церкви въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не задолго до 1848 года онъ впалъ въ болѣзнь и съ тѣхъ поръ сталъ склоняться къ товянизму. Событія 1848 года еще сильнѣе потрясли его организмъ; онъ потерялъ рассудокъ и окончательно *упрочалъ* въ Товянскаго. * Тревожимый совѣстью, какъ онъ самъ выражается

* *Przegl. Pozn.* XXV, 185.

въ письмѣ къ парижекому архіепископу, * онъ отправился въ июнѣ мѣсяцѣ въ Авиньонъ чтобы поближе познакомиться съ Товянскимъ и его учениемъ, и послѣ нѣсколькихъ конференцій написалъ донесеніе великимъ генераль-викаріямъ Бюке и Равине. Въ этомъ донесеніи ** онъ говорить: 1) объ *откровеніи* полученномъ Товянскимъ; 2) о *неизданныхъ* его сочиненіяхъ и 3) о его *особѣ* и дѣйствіяхъ.

„Что касается самаго *откровенія*, то о содержаніи его Товянской никому еще не сообщалъ“, но какъ только наступитъ „удобная минута“, онъ представитъ апостольскому престолу „самое обстоятельное“ письменное изложеніе.

Далѣе Дунскій вкратцѣ передаетъ ученіе Товянскаго на основаніи конференцій съ нимъ, не находитъ въ немъ ничего противнаго ученію церкви и замѣчаетъ что совершенно невѣрно смѣшиваютъ ученіе Товянскаго съ „революціей и доктриной“ Пьерръ-Мишеля Вентраса.

О самомъ Товянскомъ Дунскій пишетъ: „Я видѣлъ въ немъ настоящее смиреніе, съ соблюденіемъ свободы и достоинства христіанскаго, великую любовь ко Христу и ко всякой правдѣ, *неслышанную ученость* и практическое откровеніе сокровищъ Божіихъ положенныхъ въ „камнѣ Петровомъ“. Въ разговорѣ и въ каждомъ дѣйствіи — тонъ чистый, христіанскій, тонъ проистекающій изъ любви къ Богу и къ ближнему, тонъ совсѣмъ уже утраченный на землѣ. Онъ не обращаетъ никакаго вниманія на личность. Онъ указываетъ только путь христіанскаго самоотверженія, съ нимъ все связывается, въ немъ постоянно живетъ...“

Наконецъ Дунскій говоритъ: „Изъ всего чтò я видѣлъ и слышалъ заключаю что это настоящій слуга Христовъ ищущій только торжества Господа и Его церкви, слуга эпохи, какъ онъ самъ себя называетъ.... Я искренне убѣжденъ что это единственный человекъ способный подать каждому слово и идею животворящую, показать практическую дорогу христіанскую. Послѣ каждой бесѣды я выходилъ отъ него съ самымъ горячимъ желаніемъ стать лучшимъ предъ Богомъ и людьми въ великомъ и святомъ призваніи священника. И это главный результатъ который я вынесъ изъ многихъ бесѣдъ съ нимъ...“

* *Współudział A. Mick.* II, 139.

** *Przegl. Pozn.* XXV, 185—7.

Въ началѣ 1850 года ксендзь Дунскій, „снова тревожимый совѣстью“, вторично отправился къ Товянскому „чтобы поближе присмотрѣться къ его жизни и дѣяніямъ, чтобы получить нѣкоторыя необходимыя разъясненія и чтобы окончить начатую работу въ дѣлѣ столь обширномъ и важномъ.“ Вслѣдствіе этого втораго посѣщенія Товянскаго Дунскій написалъ письмо къ архіепископу парижскому изъ Цюриха отъ 8го декабря 1850 года. * Познакомившись поближе съ Товянскимъ и его ученіемъ, Дунскій призналъ въ немъ „новаго Моисея, который соединяя право религиозное съ правомъ политическимъ, подчиняетъ всю жизнь человѣка одному праву слова Божія, вводитъ единство и гармонию въ жизнь человѣка, научаетъ самоотверженію словомъ, жизнью, примѣромъ.“ Въ доказательство ревности Товянскаго къ служенію церкви Дунскій приводитъ видѣнные имъ самимъ примѣры обращенія въ католицизмъ протестантовъ и въ заключеніе заявляетъ: „Голосъ моей совѣсти говорить мнѣ что миссія этого мужа происходитъ отъ Бога“.

Открытый переходъ ксендза Дунскаго на сторону товянцевъ далъ имъ новую силу. Возобновилась усиленная пропаганда товянизма между молодыми эмигрантами прибывшими въ большомъ числѣ во Францію. ** Для противо-дѣйствія этой пропагандѣ и для защиты католицизма, ксендзь Семененко издалъ брошюру *Towianski et sa doctrine jugés par l'enseignement de l'Eglise*. По прочтеніи этой брошюры Дунскій отвѣчалъ Семененку: *** „Не сомнѣваюсь что ты хорошо разъяснилъ догматы католической церкви; но сильно сомнѣваюсь чтобы судъ твой о мало извѣстномъ тебѣ ученіи Товянскаго былъ справедливый и безошибочный.“ А нѣсколько поз-же Дунскій писалъ Семененку что онъ, Семененко, преднамѣренно подыскивалъ противорѣчія между догматами церкви и словами приписываемыми Товянскому, что онъ вовсе не знаетъ ученія Товянскаго, о которомъ берется судить, что его злобная и живая брошюра не достойна католика: такъ могутъ писать только протестанты. ****

* *Współudzial.* II, 138—147.

** *Przeegl. Pozn.* XXV, 187—8.

*** *Ibid.* 203. 204.

**** *Ibid.*

Дунскій защищалъ Товянскаго съ увлеченіемъ. „Ты ошибаешься,“ писалъ онъ Семенову * „что Товянскій приноситъ какую-то новую доктрину или систему имъ созданную, и вслѣдствіе этой ошибки ты самъ создалъ для него систему, въ которой нѣтъ правды отъ начала до конца... Ты отвѣчаешь смѣхомъ на то чего не понимаешь... Пусть ксендзъ Петръ (Семеновъ) побольше сблизится въ любви съ такъ называемыми учениками Товянскаго; тогда онъ узнаетъ о чемъ идетъ у нихъ дѣло, о богословскихъ ли трактатахъ, или объ исполненіи Евангельскаго закона, закона церкви, путемъ указаннымъ Христомъ... Его (Товянскаго) укоряли уже во всемъ, укоряли что онъ *шпіонъ и слуга Москвы*, потому только что онъ показалъ что милосердіе Божіе простирается и на Россію, говорили что онъ *магнетизеръ*—потому что иначе не могли объяснить себѣ дары Божіи которыми онъ такъ щедро надѣляетъ, что онъ *демократъ, социалистъ, бунтуетъ народъ*, потому что онъ открылъ духовныя сокровища нашего крестьянина и проповѣдуетъ братство съ нимъ; оставалось только присоединить обвиненіе со стороны священника что онъ *еретикъ, богохульцъ*, что онъ подрываетъ основанія церкви“..

Результатомъ полемики Дунскаго съ Семеновомъ было то что архіепископъ парижскій въ мартѣ 1851 года, пожелавъ имѣть отъ *Змартвыхъстанцевъ* болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о *сектѣ* Товянскаго. *Змартвыхъстанцы* послали ему короткое объясненіе, при которомъ приложили списокъ Поляковъ (около ста человекъ) открыто заявляющихъ себя сторонниками Товянскаго. Въ то же время, по вліянію *Змартвыхъстанцевъ* одинъ изъ епископовъ Швейцаріи, къ епархіи котораго принадлежалъ Цюрихъ, гдѣ жилъ тогда Дунскій, воспретилъ ему отправленіе всякихъ церковныхъ требъ **.

Въ это время Товянскій проживалъ въ Цюрицѣ, окруженный постоянно значительнымъ числомъ своихъ учениковъ: туда посылали вновь поступающихъ въ его кружокъ; туда навѣзжалъ Мицкевичъ; тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ пребывали ксендзъ Дунскій и Карлъ Ружицкій. Товянскій по своему

* Ibid 204—6. Перепуска Дунскаго съ Семеновомъ напечатана въ брошюрѣ *Dunski, prêtre zélé et zélé serviteur de l'œuvre de Dieu*, Paris, 1857 года).

** Ibid. 209—10.

обычаю говорилъ проповѣди при всякомъ удобномъ случаѣ, вербовалъ сторонниковъ, крестилъ Евреевъ *.

Между тѣмъ произошелъ расколъ въ кружкѣ товянцевъ: Мицкевичъ, опираясь на личныя свои отношенія къ принцу Героиму и лицамъ высоко поставленнымъ во французскомъ обществѣ, чаялъ спасенія Польши отъ Европы и преимущественно отъ Франціи; а Товянскій со своими приближенными, во главѣ которыхъ стояли Дунскій и Ружицкій, обращалъ свои взоры къ Россіи. Отсюда между Товянскимъ и Мицкевичемъ возникло охлажденіе, но до окончательнаго разрыва дѣло не дошло. Сторонники того и другаго перебрашивались взаимными упреками. Дунскій и Ружицкій ревностно защищали Товянскаго отъ всякихъ обвиненій. Мицкевичъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Наполеономъ III. Началась Крымская кампанія, и вслѣдъ за тѣмъ Мицкевичъ былъ отправленъ Французскимъ правительствомъ въ Турцію съ враждебною намъ миссіей, но прежде чѣмъ услѣлъ что-нибудь сдѣлать умеръ въ Константинополь (1855 года). Черезъ годъ послѣ него скончался въ Парижѣ епископъ Дунскій, бывший до послѣднихъ дней своихъ самымъ ревностнымъ приверженцемъ Товянскаго и усердно распространявшій товянизмъ въ Сѣверной Италіи. Олорой товянизма осталася Ружицкій; но это была опора ненадежная: мало-по-малу товянцы разбрелись въ разныя стороны, новыхъ адептовъ не появлялось, и Товянскій былъ обреченъ кончить жизнь свою въ Цюрихѣ въми забытый **...

В. МАКУШЕВЪ.

* Ibid. 210—3. *Współudział* II, 136—7.

** *Przeegl. Pozn.* XXV, 210—227. *Współudz.* II, 147—62, 271—85.

ВОЛОСТИ ПЕРВАГО МОЕГО УЧАСТКА *

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

VIII.

Мѣстечко Добейки, куда предстояло мнѣ теперь перебраться, находилось отъ Солдъ въ 20 или въ 22 верстахъ.

Отъ самыхъ Солдъ половину пути надо было сдѣлать по тому же шоссе по которому я уже вѣхалъ, а затѣмъ какъ переезжали чрезъ бугоръ, отдѣлявшій Свядосцьскую волость отъ прекрасной Солдской долины, по обѣ стороны потянулись обработанныя поля уже съ порядочною почвой: то начиналась Добейская волость.

Мѣстечко Добейки оказалось преплохенькимъ, даже хуже и меньше чѣмъ Куркле и Скумяны. Какъ украсилось пышнымъ названіемъ мѣстечка селеніе это находившееся только въ семи верстахъ отъ порядочнаго мѣстечка Вижуны и въ 15 — 18 верстахъ отъ большаго торговаго мѣстечка Уцяны, право, не знаю, даже не могу объяснить этого лавскою лыхой, такъ какъ Добейками владѣлъ не одинъ лавъ, а нѣсколько лановъ.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 8 и 9.

Проѣхавъ чрезъ все мѣстечко, мимо деревяннаго, самой простой постройки костела, мимо низенькой старообразной племени, добрался я до волостнаго правленія. Оно стояло на отлетѣ, совсѣмъ почти въ полѣ (что и не осталось безъ доказательства, какъ видно будетъ далѣе). Наружнымъ и внутреннимъ видомъ своимъ оно было подѣлано стать плохенькому мѣстечку: хоть и довольно просторное, выстроено было оно весьма неуклюже: потолки низенькіе, окна несоразмѣрно малыя, полы перекосившіеся; а притомъ все такъ не улажено, грязно.

Я пріѣхалъ далеко еще до ночи. Схода заказаннаго на завтра, конечно, еще не было, но волостной старшина находился налицо. Какъ видно, онъ не очень озабочивался моимъ первымъ пріѣздомъ къ нему въ волость: отъ него сильно несло водкой, онъ былъ пьянъ, такъ что даже пошатывался. То былъ Литвинъ очень крупный по росту и по породству; но лицо его обладало что это человѣкъ если и не совсѣмъ тупоумный, то съ крайне тугимъ смысломъ. Лицо это, темноцвѣтное, съ рѣзкими и жесткими чертами, съ глазами чрезвычайно мрачно выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ на лобъ волосъ, было сурово и неподвижно, и никогда я не видалъ чтобы на немъ промелькнула улыбка или появилось хоть какое-нибудь оживленіе. Словомъ, этотъ старшина, выраженіемъ своей физиономіи, всею своею осанкой, даже неуклюжимъ костюмомъ своимъ, какъ-то напоминалъ стараго волка.

Но старшина Ковалюнасъ былъ еще такъ себѣ ничего, къ нему можно было приглядѣться и привыкнуть; а вотъ волостной писарь Домбровскій, такъ этотъ еще больше мнѣ не понравился.

Я засталъ его за дѣломъ; онъ рылся въ дѣлахъ, въ бумагахъ, какъ видно приводилъ все въ порядокъ къ моему пріѣзду. Отъ него не пахло водкой, онъ былъ совершенно трезвъ. Но что за лицо, что за выраженіе лица! Особенно же эти вращающіеся, сѣро-зеленоватыя глаза его, съ искоса подглядывающимъ взоромъ, да эти необыкновенно рѣзкія, быстрыя движенія, они-то всего больше и очень явственно обнаруживали и какую-то трусливость, и чрезвычайную дерзость.

Впрочемъ дѣлопроизводство, за осмотръ котораго я принялся на досугъ со всѣмъ усердіемъ, оказалось въ довольнономъ порядкѣ.

Предъ закатомъ солнца я побродилъ около мѣстечка и лабави, а возвращаясь съ прогулки, вдругъ замѣтилъ что возаъ волостнаго правленія, не болѣе какъ въ десяти саженьяхъ, находится очень нехорошее зданіе. То была корчма, недавно выстроенная, а принадлежала она одному изъ помѣщиковъ Добейской волости. Конечно, съ большимъ неудовольствіемъ я увидалъ такое сосѣдство у крестьянскаго общественнаго учрежденія. Впрочемъ, при мѣѣ она простояла не долго; мѣѣ довелось видѣть эту корчму закрытою.

Я не рѣшился ночевать въ волостномъ правленіи, такъ оно было грязно, а придумалъ улечься въ своей бричкѣ, благо ночь была свѣтлая и теплая. Предъ тѣмъ же какъ ложиться припомнилось мѣѣ что здѣшнее волостное правленіе было ограблено мятежниками; я сталъ разспрашивать старшину и писаря, какъ это случилось, но оба они сообщили саишкомъ мало подробностей объ этомъ: „ограбили, молъ, да и только“. А между тѣмъ грабежъ былъ значительный: повстанцы забрали болѣе пяти тысячъ рублей. Впрочемъ тутъ я узналъ одно обстоятельство, довольно-таки интересное въ ту минуту для меня: старшина, ужъ не знаю почему, вздумалъ сказать мѣѣ что „вотъ, молъ, и этотъ Опаньскій—изъ нашей, Добейской волости, бывший дворовый человѣкъ здѣшняго помѣщика Барановскаго“... Однако, несмотря ни на воспоминаніе о повстанскомъ грабежѣ, ни на разъясненіе откуда родомъ повстанецъ Опаньскій, по слухамъ все еще бродящій въ окрестныхъ мѣстахъ, я заснулъ преспокойно, хотя, по правдѣ сказать, подумалъ что могу проснуться уже въ лѣвну у повстанцевъ.

На другой день сходъ началъ собираться медленно: должно-быть меня ожидали изъ Солдъ не рано. Но сходъ и не собрался еще вполнѣ, какъ вдругъ явилось обстоятельство заставившее меня скорѣхонько перебраться въ сосѣднюю Вижунскую волость. Я получилъ чрезъ нарочнаго бумагу отъ ковенскаго губернатора, извѣщавшую что вижунскій волостной старшина Рафаилъ Шалака долженъ быть немедленно устраненъ отъ должности, такъ какъ по прикосновенности къ событіямъ мятежа онъ удаляется куда-то (но куда, и административнымъ ли путемъ, или же по суду, о томъ не помню); причемъ предлагалось мѣѣ теперь же распорядиться о выборахъ новаго старшины на мѣсто Шалаки.

Стало-быть нельзя было оставаться въ Добейской волости даже на недолгое время. Я объявилъ сходу что вслѣдствіе важной бумаги отъ губернатора, только-что мною полученной, я долженъ сейчасъ же уѣхать въ Вижуны, гдѣ вѣроятно пробуду дня два или три; а такъ какъ Вижуны недалеко отъ Добеекъ, то имѣющіе ко мнѣ жалобы могутъ подать ихъ тамъ. Но несмотря на это мое объявленіе, мнѣ успѣли — таки подать нѣсколько прошеній. Я заглянулъ наскоро въ нихъ, благо ихъ было немного, всѣ они касались до скасованій съ участковъ. Разумѣется, опять пришлось объявлять что разбирательство по жалобамъ на скасованія можетъ посаждать только при дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи, которая по всей вѣроятности будетъ въ Добейской волости въ концѣ лѣта. Но я не ограничился однимъ этими объявленіями сходу: мнѣ еще предстояло переговорить съ нимъ объ одномъ важномъ предметѣ, о которомъ чуть ли не прежде всего я долженъ былъ говорить тогда въ каждой волости, гдѣ еще не была повѣрочная комиссія. Этотъ важный предметъ—оброчныя недоимки, ихъ по Добейской волости было накоплено очень много. Я сказалъ Добейцамъ что буду постоянно и слѣдить за уплатой ими оброковъ по уставнымъ грамотамъ, и понуждать ихъ къ тому, и строго взыскивать со старшины и сельскихъ старостъ въ случаѣ ихъ недѣятельности въ этомъ отношеніи.

Послѣ этого первого посѣщенія мнѣ случилось еще два раза быть на короткое время на сходахъ въ Добейкахъ. Но въ срединѣ лѣта мнѣ довелось быть въ Добейкахъ и почевать тамъ уже по особенному случаю, и тогда-то чуть ли не повстрѣчался я очень близко съ кѣмъ-то изъ шайки послѣдняго повстанца Оланьскаго.

Я ѣхалъ изъ Вижульской волости въ мѣстечко Овикшты на Добейки, куда нужно было завернуть зачѣмъ-то, но лишь на нѣсколько минутъ. Дѣло было къ вечеру, незадолго до заката солнца; но я надѣялся хорошо добраться до Овикшты, хоть бы и пришлось прихватить ночи. На бѣду подводчикъ попался плохой; мы очень медленно подвигались. Между тѣмъ воздухъ сталъ чрезвычайно душенъ: надвигались и клубились тучи какого-то страннаго изжелта-сизаго цвѣта; кругомъ все замѣтно потемнѣло.

— Буря будетъ, навѣрное. Въ это время всегда буря.... Опасно, какъ въ лѣсу застанеть.... Можетъ въ Добей-

какъ прикажете оставаться? проговорилъ письмоводитель У—скій.

— Не ночевать же въ Добейкахъ: тамъ негдѣ. А гроза начнется, верхъ подымежь у брички, отвѣчалъ я спокойно: бури здѣшнія мнѣ еще не были знакомы даже по слуху.

Однако я невольно огааянулся: мнѣ показалось что темнота какъ-то неестественно быстро увеличивается. И вдругъ я увидалъ въ лѣвой сторонѣ, можетъ-быть въ полуверстѣ отъ дороги, сначала одного всадника, потомъ другаго. Одинъ стоялъ на самомъ гребнѣ довольно высокаго холма, другой же держался поодаль у подошвы холма, такъ что и мало былъ замѣтенъ, по крайней мѣрѣ для меня близорукаго.

— А вѣдь они какъ будто слѣдятъ за нами.... Да и одинъ мнѣ кажется вооруженъ: вонъ у него за плечами будто ружье торчитъ, замѣтилъ мой русскій писмоводитель З—нъ.

Последнее обстоятельство, если только хорошо присмотрѣлся къ нему З—нъ, было подозрительно: въ тогдашнее время во всемъ сѣверо-западномъ краѣ нельзя было встрѣтить людей съ ружьями, кромѣ развѣ Русскихъ. Но Русскіе не могли держаться тамъ, на холмѣ, въ сторонѣ отъ дороги,—вѣдь не охотники же это. Притомъ самое положеніе этихъ всадниковъ въ отношеніи насъ дѣйствительно походило на выслѣживаніе, на поджиданіе. Правда, между нами была равнина вся засѣянная рожью уже высоко поднявшеюся, черезъ которую доскакать до насъ было очень неудобно; но вѣдь намъ могли перерѣзать дорогу по какой-нибудь полевой тропинкѣ. А между тѣмъ до мѣстечка Добеекъ оставалось еще версты двѣ, пожалуй и болѣе. Окрестность была глуха: на дорогѣ никого, кромѣ насъ. Я приказалъ подводчику ѣхать скорѣе.

И оно кстати было же для того лишь чтобъ избавиться отъ предполагаемаго преслѣдованія какихъ-то всадниковъ. Вѣтеръ сталъ дуть стремительно. Тучи еще болѣе заклаунились и почернѣли; кругомъ стемнѣло, какъ будто совсѣмъ настала ночь.

Письмоводитель З—нъ проворно перебрался изъ брички на передокъ къ неловкому подводчику и сталъ шибко погонять лошадей. Мы летѣли саома голову, оттого больше что лошади были испуганы вихремъ и начавшеюся грозой.

Мы домчались до мѣстечка очень скоро, но не могли добраться до волостнаго правленія. Стало такъ темно что

рѣшительно ни зги не было видно. Вихорь же чуть не опрокидывалъ нашу брчку. Лошади наши вдругъ круто повернули куда-то къ освѣщенному дому и мы неожиданно-негаданно очутились у дверей Добейской плебаніи, у которой тогда съ большими усиліями закрывались ставни.

Ксендзъ К—скій, человекъ среднихъ лѣтъ, съ замѣчательно-холоднымъ, тяжелымъ и даже не совсѣмъ приятнымъ взглядомъ, но весьма образованный, судя по множеству книгъ которыя я видѣлъ у него въ нѣсколькихъ комнатахъ, принялъ насъ вѣжливо и пригласилъ ночевать у него непременно. И въ самомъ дѣлѣ, хотя буря бушевала не долго, нельзя было вѣхать далѣе: дождь лилъ какъ изъ ведра; темъ стояла страшная. Такъ мы и заночевали у ксендза. А на другой день, отправившись рано утромъ въ Оникшты, я только къ обѣду добрался туда: такъ завалило дорогу, шедшую въ нѣсколькихъ мѣстахъ по лѣсу, огромными съ корнемъ вырванными соснами. Не удѣлать бы намъ еслибы вчерашній вихорь засталъ насъ въ лѣсу.

Но можетъ-быть этому вихрю обязанъ я избавленіемъ отъ другой оласности. Конечно, навѣрное нельзя сказать кто были тѣ всадники которыхъ мы вчера видѣли; но, судя по тому что они замѣтно садили, какъ-будто поджидали насъ, особенно и по тому что одинъ изъ нихъ былъ вооруженъ, можно не безъ основанія подумать что это были личности очень подозрительныя.

Недѣли чрезъ три послѣ того, въ августѣ 1865 года, я познакомился близко съ Добейскою волостью, съ людьми въ ней живущими, и съ землей на которой они жили. Повѣрочная коммиссія, дѣйствовавшая подъ предсѣдательствомъ г. Высоцкаго, покончивъ свои работы въ Свядосцьской волости только по одному имѣнію, вдругъ почему-то переѣхала въ Добейскую волость, гдѣ и пробыла недѣли двѣ. Какъ членъ коммиссіи на время ея дѣйствій въ моемъ участкѣ, я конечно долженъ былъ оставаться при ней, и изрѣдка, лишь на короткое время, могъ отлучаться въ ближайшія волости.

Мы всѣ со своими лисьмоводителями и съ землемѣрами помѣстившись въ имѣніи Оникшты, окончательно конфискованномъ въ казну (за весьма дѣятельное участіе владѣльца его, Еленскаго, въ послѣднемъ мятежѣ: говорили что этотъ молодой человекъ, сынъ помѣщика, извѣстнаго во всемъ

краѣ изъ-за своей *старей вудки*, былъ членомъ Виленскаго революціоннаго „жонда“). Въ Окнистахъ намъ было удобно: въ полномъ нашемъ распоряженіи былъ цѣлый довольно просторный домъ. Но по правдѣ сказать мы жили тутъ не безъ тревоги: въ темныя августовскія ночи, бывало, все какъ-то чудилось что вотъ-вотъ нагрянутъ къ намъ вояки изъ шайки Олавьскаго, хотя въ это самое время человекъ пять или шесть изъ этой шайки были уже пойманы, а остальные и самъ Олавьскій, по слухамъ, совсѣмъ покинули Вилкомирскій уѣздъ.

Къ этому невольному страху настраивалъ насъ, пожалуй, и лавскій домъ въ Окнистахъ. Его стоить описать съ нѣкоторою подробностью.

Начну впрочемъ не съ него, а съ усадьбы.

Она представляла всѣмъ своимъ видомъ нѣчто въ высшей степени хаотическое. Ни малѣйшаго порядка въ расположеніи довольно многочисленныхъ построекъ не замѣчалось, всѣ онѣ были не подъ рукою; а притомъ, въ короткое время конфискаціи, обвалились онѣ просто на удивленье...

Въ Окнистскій усадьбѣ было два помѣщичьихъ дома: одинъ, деревянный, старый и большой, гдѣ жилъ еще не такъ давно обладатель пресловутой вудки, — былъ наглухо заколоченъ, ужъ не знаю почему: по совершенной ли негодности къ житью въ немъ, или потому что тамъ находились какія-нибудь особенныя конфискованныя вещи; другой, въ которомъ мы тогда помѣстились, былъ каменный, двухъ-этажный, недавней постройки, гораздо меньше перваго, деревяннаго. Къ нему примыкалъ большой плодовый садъ. Онъ былъ густъ и тѣнистъ. Во всю ширину его протекала быстрая, свѣтлая рѣчка. Но въ какомъ залуценіи онъ былъ! Всѣ дорожки такъ заросли что стада почти непримѣтны; земляная насыпь и изгородь вокругъ всего сада во многихъ мѣстахъ разорены совершенно; много плодовыхъ деревьевъ, яблонь и грушъ-*санъжанокъ*, или засохли совсѣмъ, или стояли съ обломанными вѣтвями, съ попорченными стволами. Несомнѣнно что этотъ обширный, долго возвращаемый и береженный садъ еще недавно былъ прекрасенъ. Мы въ было очень жаль смотрѣть на него: добро бы онъ одичалъ только; нѣтъ, тутъ просто разореніе.

Каменный домъ главнымъ фасадомъ своимъ былъ обращенъ прямо въ садъ. Въ нижнемъ этажѣ его помѣщались

какіе-то подвалы, и вряд ли для склада чисто домашних привадежностей. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть эти подвалы, но нельзя было: они были залерты. Войдя чрезъ углое, полуразвалившееся, безъ перилъ, крыльцо въ небольшія стѣны, вы уже нѣсколько подготовлялись къ чему-то особенному,— всѣ стѣны были украшены рыцарскою арматурой, изображенною *аль-фреско*. Затѣмъ первая, какъ-разъ за стѣнами, комната, не передняя, а какъ бы задя, совершенно поражала всѣмъ своимъ видомъ. Вопервыхъ, при входѣ въ нее нельзя было не подивиться уже тому что она, повидимому, не имѣла никакого сообщенія съ остальною внутренностью втораго этажа, между тѣмъ какъ очевидно было что пространствомъ своимъ она не могла занимать болѣе какой-нибудь четвертой части этажа: кромѣ двери изъ стѣней, другихъ дверей въ эту первую комнату нигдѣ не замѣчалось, да и другаго входа въ домъ нигдѣ тоже не было; вовторыхъ, три стѣны первой комнаты были украшены картинами, написанными тоже *аль-фреско*, но только гораздо лучше чѣмъ въ стѣнахъ. Всего было шесть картинъ, по двѣ на каждой стѣнѣ, по бокамъ двухъ шкаловъ наполовинныхъ до половины книгами. Чрезъ эти-то шкалы и было сообщеніе со внутренностью втораго этажа: приподнявъ отъ полу,—на что требовалось нѣкоторое усиліе,—нижній край каждаго шкала, можно было открыть входъ въ остальныя три комнаты, по величинѣ своей почти равныя первой.

Картины были замѣчательны, однако не въ равной степени. Двѣ, что прямо протавъ входа, изображали простые виды: на одной картинѣ—Замковая гора, въ Вильнѣ; на другой—видъ какой-то красивой мѣстности, можетъ-быть долины Мицкевича, въ Ковно, не въ теперешнемъ ея состояніи. За то остальныя четыре картины были очень тенденціозны.

Слѣва отъ входа изъ стѣней картина представляла бѣдную крестьянскую хатку. На лавочкѣ у хатки—хозяинъ ея, пожилой человекъ, въ одеждѣ польскаго крестьянина; къ нему подходят два ангела: то—миѣчесткій король Польши, Пастъ, котораго небесныя посланники извѣщаютъ объ избраніи на престолѣ. Справа, по другую сторону отъ входной двери, на картинѣ—могила съ простою плитой, на которой высѣчена буква N; у чугунной рѣшетки окружающей могилу двѣ фигуры, въ польскихъ кунтушахъ, коѣвно-преклоненныя, со сложеными молитвенно руками: то—могила

Наполеона I, на островѣ Св. Елены; а фигуры, разумѣется, Поляки, обоготворившіе этого *благодѣтеля* Польши. На третьей стѣнѣ первая картина изображаетъ стѣны огромнаго, укрѣпленнаго города, съ башнями, съ бойницами, но съ отворенными настежь воротами; у воротъ толпы борзодатыхъ людей, которые, стоя на козлахъ, увиженно просятъ о пощаду подскакивающаго къ нимъ на борзомъ конѣ рыцаря со свитой изъ крылатыхъ латниковъ: то — побѣжденные Кіевляне и польскій король Болеславъ Храбрый. Другая картина представляетъ знаменитое свиданіе короля Польскаго Яна Собіесскаго съ императоромъ Леопольдомъ, но не согласно преданіямъ исторіи и разказу самого короля, столь скромнаго въ торжествѣ своемъ, а какъ подсказывала ланская пыха: на картинѣ императоръ привѣтствуетъ избавителя Вѣны приложеніемъ руки къ шляпѣ, польскій же король въ отвѣтъ на это привѣтствіе надменно покручиваетъ свой огромный усь.

Въ слѣдующей по главному фасу дома комнатѣ не было ничего замѣчательнаго. Но въ третьей опять были шкалы съ книгами (уже настоящіе шкалы, а не потайныя двери) и опять картины: два портрета Наполеонъ Перваго и портретъ какого-то польскаго удана.

Портретъ изображалъ ловидимому не какого-нибудь знаменитаго Поляка, а простаго ланца служившаго въ Наполеоновыхъ войскахъ и недалеко въ чинахъ ушедшаго, — можетъ быть самого обладателя пресловутой старой вудки. Въ художественномъ отношеніи картина была весьма плохаго достоинства, но — страшно, лицо удана чрезвычайно ярко выдавалось на картинѣ. И что за лицо! Какое жесткое, нахальное выраженіе! какіе жестокіе, злые глаза! Художникъ ни мало не польстилъ своему оригиналу.

Книжные шкалы были залпты и за казенными печатами. Впрочемъ можетъ — быть тамъ не было ничего замѣчательнаго: по крайней мѣрѣ сквозь верхнюю, со стеклами, половину шкаловъ видѣлись все лишь романы на польскомъ и на французскомъ языкахъ. Но вотъ какъ-то я замѣтилъ что съ одного шкала торчатъ бумага и книги въ старыхъ кожаныхъ переплестахъ. Подмостившись, я досталъ съ этого шкала много такого чѣмъ дорожилъ бы всякій археологъ: тутъ старыя инвентари королевщизны и множество старыхъ юридическихъ и другихъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи

документовъ: и многое изъ всего этого было писано на старорусскомъ языкѣ, что для мѣстности какова Ковенская губернія было по истинѣ замѣчательно. По дальнѣйшимъ моимъ разысканіямъ и на другихъ шкалахъ оказались такіа же бумаги и книги.

Конечно, я только поверхностно переглядывалъ мою находку; разбирать ее въ подробности и нѣкогда было, да и незачѣмъ, такъ какъ я былъ не записной археологъ, а мировой посредникъ. Я сдѣлалъ только одно: въ первую же поездку мою въ Вильну передалъ кому свидѣуетъ о случайной моей находкѣ въ Окнистахъ, и отъ учебнаго округа скорехонько былъ командированъ П. А. Гильдебрантъ, для пріема всего тамошняго книжнаго и рукописнаго запаса *.

Во время нашего пребыванія въ имѣніи Окнистахъ я навѣщалъ Добейское волостное правленіе очень часто, чуть не ежедневно и, конечно, надоѣлъ этимъ довольно и старшинѣ, и писарю. Но и они не угодили мнѣ, первый своею совершенною тупостью, а второй тѣмъ что возбуждалъ во мнѣ невольныя подозрѣнія. Впрочемъ по внимательной повѣркѣ,

* Кстати скажу: случай доставилъ мнѣ возможность и еще два раза сослужить службу для русско-литовской археологіи: въ 1866 году, поселись въ усадьбѣ конфискованнаго имѣнія Езеры, помѣщика Вауцкаго, я увидалъ, въ разныхъ мѣстахъ, сваленными въ кучи, массы книгъ, рукописей и бумагъ, въ которыхъ многое, и по поверхностному обзору, оказывалось весьма интереснымъ; при первомъ же случаѣ, я разказалъ объ этомъ попечителю Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилову; въ слѣдующемъ году я съ радостью увидалъ что и эта моя находка не погибнетъ: за нею былъ присланъ А. В. Рачинскій; отъ него, какъ знатока дѣла, я слышалъ что собраніе книгъ, рукописей и бумагъ принятое имъ изъ усадьбы Вауцкаго чрезвычайно цѣнно, потому что оно происходитъ несомнѣнно изъ бібліотеки и архива знаменитаго литовскаго канцлера Яна Сапѣги и заключаетъ въ себѣ весьма важныя историческія документы, разъясняющіе жизнь русско-литовскаго края съ половины XIV и до конца XVII столѣтій. Затѣмъ, въ 1868 году, мнѣ удалось открыть въ мѣстечкѣ Лысковѣ, Волковскаго уѣзда, въ нежилой комнатѣ дома отведеннаго подъ помѣщеніе церковнаго причта и сельской школы, огромный складъ книгъ, принадлежавшихъ упраздненному Лысковскому Базиліанскому монастырю. Складъ этотъ, по указанію моему на него, тоже былъ взятъ въ Виленскую публичную бібліотеку. О достоинствахъ его я ничего не слышалъ и не знаю.

все оказывалось исправнымъ и я считалъ несправедливымъ не только смѣстить писаря съ должности, но даже и перевести въ другую волость.

Впрочемъ, въ концѣ сентября, я чуть-было не удалилъ его, сильно заподозривъ что онъ имѣетъ вредное вліяніе на наставника С—на.

Этотъ наставникъ, человѣкъ въ высшей степени добрый и кроткій, отличался большимъ усердіемъ къ своему школьному дѣлу. Но грѣха таить нечего, онъ былъ нѣсколько склоненъ къ выливкѣ.

Кстати сказать, эта наклонность къ при тѣхъ условіяхъ жизни въ какихъ находились тогда наставники сельскихъ школъ сѣверо-западнаго края, особенно же Ковенской губерніи, на мои глаза, была до нѣкоторой степени извинительна. Въ самомъ дѣлѣ, каково было человѣку, весьма молодому, далеко еще неокрѣпшему характеромъ, а притомъ оторванному разомъ отъ всей своей прежней обстановки, жить постоянно посреди людей по всему для него чуждыхъ: по вѣрѣ, языку, обычаямъ, даже по костюму и обличью, людей враждебно къ нему расположенныхъ и вражды своей предъ нимъ даже не скрывающихъ? Съ такими людьми бѣдный наставникъ не могъ и самъ сблизиться, да и они не пошли бы на сблизеніе. Наставнику тутъ не съ кѣмъ было и перемолвиться словомъ по душѣ. Правда, предъ нимъ было дѣло серьезное, достойное того чтобы прилѣпиться къ нему всѣмъ сердцемъ; но этимъ дѣломъ можно было заниматься далеко не весь годъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ ученье по сельскимъ школамъ начинается, обыкновенно, съ конца сентября, да и то съ грѣхомъ пополамъ, потому что мальчики еще нужны тогда отцамъ-хозяевамъ для пастьбы скота; оканчивается же ученье всегда къ половинѣ марта, то-есть, къ началу пастьбы скота; стало-быть, сельскіе наставники остаются болѣе полугода при своихъ школахъ безо всякаго занятія. Чѣмъ же существенно интереснымъ для нихъ могли бы они наполнить свое досужное время? Инспекторы народныхъ школъ предлагаютъ наставникамъ собирать, на досугъ, статистическія свѣдѣнія, народныя лѣсни, пословицы, сказки, преданія, а также описывать народныя обычаи, черты крестьянскаго быта. Все это было бы прекрасно; но для такихъ занятій, хоть бы и по толково составленнымъ программамъ, требуется большая подготовленность, нужно хорошо уметь и собирать отовсюду факты и

разбираться въ ихъ разнообразіи, нужно также уметь и обходиться съ людьми отъ которыхъ можно получить свѣдѣнія, нужно наконецъ имѣть нѣкоторый навыкъ къ литературному изложенію. Словомъ, мало ли что желательно, да неисполнимо. Кстату: я видалъ не разъ труды наставниковъ по собиранію разныхъ вышеуказанныхъ свѣдѣній; все это было весьма плохо, просто ни на что не годилось и, конечно, не недостатокъ усердія наставниковъ тутъ виною. Я тоже старался наполнить чѣмъ-нибудь дѣльнымъ праздное время этихъ молодыхъ людей; такъ, если открывалось вакантное мѣсто писаря въ волости, я не слѣдилъ замѣтить его со стороны, а всегда приглашалъ наставника заняться покуда дѣлопроизводствомъ въ волостномъ правленіи; но разумѣется, такіе случаи бывали рѣдко. Затѣмъ, въ тѣхъ же видахъ помощи наставникамъ, я убѣждалъ волостные сходы выписывать педагогическіе журналы и хотъ *Виленскій Вѣстникъ*, и кромѣ того, при каждомъ объѣздѣ волостей, развозилъ свои историческія книги для чтенія. А все-таки, и у меня въ участкѣ, изъ-за празднаго времени у наставниковъ выходили непріятные случаи: такъ въ Вижунской волости, несчастный молодой человекъ спился до бѣлой горячки.

Добейскаго наставника, за его добрыя качества, за его несомнѣнное усердіе къ своему дѣлу, я очень любилъ. И вотъ, съ горькимъ чувствомъ, я увидалъ что и этотъ молодой человекъ какъ-будто начинаетъ сбиваться съ пути. Мнѣ показалось что это не даромъ, что его должно-быть кто-нибудь да соблазняетъ. Подозрѣнія мои опять-таки пали на писаря, хотя и никогда не подмѣчалъ я въ немъ наклонности къ выпивкѣ. Но если самъ писарь былъ воздерженъ и трезвъ, а человека живущаго съ нимъ подъ одной крышей соблазнялъ къ невоздержности, то это выходило уже совсѣмъ дурно и отзывалось злоумышленіемъ. Однако явнаго ничего замѣтно не было и мнѣ пришлось остаться при подозрѣніяхъ. Новое обстоятельство отвлекло мое вниманіе въ другую сторону.

Осенью 1865 года, вышія въ краѣ и въ Ковенской губерніи начальства отнеслись къ мировымъ посредникамъ съ требованіемъ о наблюденіи чтобы въ народныхъ школахъ римско-католическій катихизисъ преподавался на русскомъ языкѣ (почему и были разсланы всюду такіе катихизисы); По правдѣ сказать, обязанность эта для мировыхъ посредни-

ковъ была трудна и непріятна. Приказывать ксендзамъ, законоучителямъ въ народныхъ школахъ, конечно, было нельзя; а убѣждать ихъ, оказывалось совершенно безплоднымъ. Начать съ того что ксендзы отличные діалектики; у нихъ есть свои доказательства которыми они орудуютъ чрезвычайно ловко. Мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось убѣдить ни одного ксендза къ преподаванію римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ. Особенно же неудачными были мои убѣжденія въ Добейской волости.

Сначала ксендзъ К—скій, настоятель Добейскаго костела, отдѣлялся одними уклончивыми отзывами въ родѣ того что онъ не знаетъ какъ тутъ и быть, ибо не имѣетъ будто бы на счетъ этого предмета никакого разрѣшенія со стороны ковскаго католическаго епископа Волончевскаго; а потомъ онъ сталъ увѣрять что дѣло даже и не относится къ нему, такъ какъ преподаваніе катихизиса въ школахъ возложено епархіальнымъ начальствомъ на викарія П—ча; наконецъ мнѣ уже и не удалось вовсе переговорить съ ксендзомъ настоятелемъ: пріѣзжая, бывало, въ Добейку, я все какъ-то не заставалъ его дома. А между тѣмъ наставникъ С—нъ сообщилъ мнѣ однажды въ Виакомірѣ что оба ксендза, съ нимъ болѣе чѣмъ со мною откровенные, на прямки ему заявляли что они отнюдь не станутъ преподавать катихизисъ на русскомъ языкѣ, и если на томъ будетъ настаивать русское начальство, то лучше совсѣмъ откажутся отъ сельской школы.

Вскорѣ послѣ того, пріѣхавъ въ Добейку и какъ водится посѣтивъ со сходомъ школу, я услышалъ отъ наставника что ксендзы уже недѣли двѣ-три вовсе не заглядываютъ въ нее. Поэтому я рѣшился захватить въ плебанію и серьезно переговорить съ настоятелемъ К—скимъ насчетъ этого уклоненія отъ школы. Но К—скаго опять не было дома. За то ксендзъ-викарій П—чъ находился налицо. Онъ принялъ меня съ необыкновенною учтивостью и собрался было угощать „гербатой“; но мнѣ было не до „гербаты“. Я тотчасъ же высказалъ ему изъ-за чего собственно захватилъ я теперь въ плебанію.

Викарій чуть-чуть и какъ-будто робко улыбаясь проговорилъ что точно ему покуда поручено преподавать катихизисъ въ Добейской школѣ.

— Но не объ этомъ рѣчь, а вотъ о чемъ, замѣтилъ я:—я

слышалъ что вы рѣшительно отказываетесь посѣщать школу; позвольте узнать, почему это такъ?

— Господинъ полковникъ, отвѣчалъ онъ все съ тою же улыбочкой (кстати: Поляки никакъ не могутъ отказаться отъ удовольствія поведичать своихъ собесѣдниковъ какими-нибудь титулами),—господинъ полковникъ мѣже самъ размыслить что никакъ тѣго не можно...

— Да почему же? Я не понимаю...

— А такъ, не можно... Катихизисъ на языкѣ польскомъ... На то есть правила...

— Но позвольте, позвольте...

И увлекшись желаніемъ убѣдить окончательно молодого викарія, который, какъ мнѣ показалось по его несвязнымъ выраженіямъ, самъ не имѣлъ строго-опредѣленной мысли о предметѣ нашего разговора, я пустился доказывать ему что, вопервыхъ, преподаваніе катихизиса на русскомъ языкѣ нисколько не противно римско-католической религіи, а вовторыхъ, чрезъ таковое преподаваніе литовскіе мальчики гораздо скорѣе выучатся русскому языку, на которомъ писаны законы освободившіе и здѣшній народъ отъ крѣпостной зависимости, законы опредѣляющіе всѣ его права и обязанности при новой его гражданской жизни, а этому, оиъ-то, викарій П—чь, долженъ бы особенно сочувствовать.

— Чтѣ панъ полковникъ хочеть сказать этимъ? произнесъ уже на чистомъ польскомъ языкѣ викарій, лицо котораго вдругъ ярко вспыхнуло, а голосъ явственно дрогнулъ и изъ чрезвычайно мягкаго, льстиваго, сдѣлался жесткимъ и почти грубымъ.

— Но мнѣ извѣстно, господинъ викарій, отвѣчалъ я,—что вы сами происходите изъ литовскаго народа; а поѣтому я и полагаю что вы должны бы сочувствовать такому направленію народнаго образованія, при котеромъ народъ, или по крайней мѣрѣ ближайшее къ намъ поколѣніе его, можетъ ознакомиться съ языкомъ нашего общаго русскаго отечества.

Онъ не сразу отвѣчалъ. Онъ видимо хотѣлъ сдержать свое волненіе. Однако, судя по отвѣту, все-таки не сдержался.

— Панъ полковникъ хочеть оскорбить меня... А, такъ!.. глухо проговорилъ онъ олять по-польски.

Явно стало для меня что продолжать разговоръ уже нѣтъ никакой возможности. Я сказалъ викарію что, напомнивъ кстати о его происхожденіи, я конечно, ни малѣй-

ше не думалъ задѣть его чѣмъ-нибудь, и тотчасъ же оставилъ лѣбаню, въ которую послѣ того уже никогда не рѣшался заглянуть.

Перехожу теперь къ разказу о чрезвычайно-непріятномъ происшествіи въ которомъ Добейскіе писарь и старшина оказались, — хотя кажется и не въ одинаковой степени, — людьми весьма вредными для волости.

Дѣло было въ самомъ началѣ 1866 года. 2 или 3 января я пріѣхалъ въ Добейское волостное правленіе для провѣрки рекрутскихъ назначеній. Весь день прошелъ въ тяжелой работѣ и я окончилъ ее уже около полудни. Куда жъ еще было ѣхать въ такую позднюю пору, да и ночь была очень холодная; метель тоже разыгрывалась. Но и ночевать въ Добейскомъ волостномъ правленіи было жутко: какъ свалилъ народъ, сборная горница вдругъ совсѣмъ остыла, а смрадъ чрезвычайный все-таки въ ней остался. Я велѣлъ было моему Адольфу осмотрѣть комнату писаря — нельзя ли тамъ примоститься для ночлега; однако оказалось что никакъ нельзя: тамъ гнѣздилося многое-множество клоповъ, было гораздо грязнѣе чѣмъ въ сборной горницѣ послѣ многолюднаго схода. Приходилось расположиться въ сборной. И вотъ придвинули къ лѣчи огромный канцелярскій столъ, и на немъ Адольфъ началъ мнѣ готовить походную постель. Между тѣмъ чтобы посогрѣться нѣсколько я сталъ быстро ходить по горницѣ, и тутъ вдругъ замѣтилъ, во-первыхъ, что двойныхъ рамъ въ окнахъ нѣтъ, хотя я нѣсколько разъ приказывалъ старшинѣ изготовить ихъ непременно, а вовторыхъ, что какой-то сундукъ стоитъ въ углу какъ разъ между входною изъ сѣней дверью и окномъ прямо выходящимъ въ поле. Сдѣлавъ выговоръ старшинѣ за неисполненіе моего приказанія на счетъ рамъ, я спросилъ его: что это за сундукъ стоитъ тамъ въ углу?

— А денежный сундукъ, отвѣчалъ онъ.

— Да развѣ мѣсто ему тамъ? Его такъ украдутъ пожалуй отсюда и чрезъ дверь, и чрезъ окно въ которомъ нѣтъ двойной рамы, возразилъ я.

— Какъ можно; сторожъ есть при волостномъ правленіи; писарь тоже подѣвъ слить...

— Сторожъ гдѣ слить?

— Въ кухнѣ... не то—въ школѣ...

— Стало-быть денежный сундукъ у васъ далеко не въ без-

опасномъ положеніи; и сторожъ, и писарь могутъ такъ разоспаться, что и не услышатъ какъ вѣзуть сюда за сундукомъ...

— Не извольте беспокоиться, вдругъ прервалъ меня писарь:—въ денежномъ сундукѣ самыя малыя деньги.

— А какъ малыя?

— Сто восемьдесятъ три рубля съ копейками... только-съ...

— Это для васъ можетъ-быть малыя деньги, а для меня такъ и очень большія... Завтра же перенести денежный сундукъ въ безопасное мѣсто, на примѣръ хоть въ вашу комнату, въ которой окно, какъ я замѣтилъ, съ двойною рамой; да пусть и сторожъ-то спать всегда поближе къ сундуку. Въ вашемъ волостномъ правленіи надо имѣть особенныя предосторожности въ отношеніи общественныхъ денегъ: какъ-таки не помнить что отсюда однажды уже похитили большую сумму?..

Уѣзжая на другой день изъ Добеекъ я даже повторилъ приказаніе на счетъ денежнаго сундука. Но предусмотрительность моя чуть ли не ускорила преступленіе.

11го или 12го января урянскій волостной писарь Лакида, пріѣхавъ въ Вилюкомірь по рекрутскимъ дѣламъ, сообщилъ мнѣ между прочимъ что въ Добейкахъ, дескать, неблагополучно: обокрали волостное правленіе.

— Да когда жь это было? Вѣдь я самъ недавно оттуда, сказалъ я.

— А вотъ какъ вы уѣхали, отвѣчалъ Лакида, — тамошнее волостное правленіе тотчасъ же опять созвало сходъ и стало собирать на слѣхъ оброки, подушныя, мірскія деньги. Слышно, крестьянъ очень принуждали... Да такъ-то за одинъ день насобирали слѣшкомъ двѣ тысячи рублей. А въ ночь эти самыя деньги и покрадены...

Я не хотѣлъ вѣрить такой новости. Изъ Добейскаго волостнаго правленія я никакого донесенія не имѣлъ; а между тѣмъ, судя по разказу Лакиды, покража денегъ случилась назадъ тому съ недѣлю: уже по этому новость казалась мнѣ крайне сомнительною. Но Лакида разказалъ мнѣ далѣе такія подробности что уже приходилось поневолѣ повѣрить. По этимъ подробностямъ происшествіе сложилось въ слѣдующемъ видѣ: кража совершилась не въ позднее время ночи, а съ вечера, когда писарь и старшина уѣхали куда-то на мѣстечко, въ баню что ли, а въ волостномъ правленіи на ту пору оставались только сестра писаря,

жившая всегда въ кухнѣ, да крестьянинъ-батракъ, въ ожиданіи разбирательства на волостномъ судѣ о какомъ-то его проступкѣ находившійся тутъ на такъ-называемомъ „вольномъ арестѣ“; сундукъ съ прежними и только-что собранными деньгами былъ вытащенъ прямо въ дверь и разбитъ въ полѣ, сзади лабани и не подалеку отъ нея; какъ видно, тутъ слышали почему-то распорядиться съ сундукомъ: на другой день между разсыпанными по сѣту бумагами, что хранились въ сундукѣ, нашли двѣ пачки кредитныхъ билетовъ въ двѣсти рублей. Происшествіе, по разказу Лакиды, сопровождалось весьма замѣчательными обстоятельствами. Волостное правленіе заподозрило въ кражѣ сундука именно того батрака, „вольнаго арестанта“, да и распорядилось съ нимъ поистинѣ варварски: чтобы вынудить отъ него признаніе въ преступленіи, несчастнаго, связавъ за руки и за ноги, *подвѣшивали* будто бы къ потолку въ сборной горницѣ; и мало того: старшина будто бы хотѣлъ пытать его огнемъ, но раздумалъ, такъ какъ подобная мѣра могла оставить слѣды...

Изъ всего этого выходило, очевидно, дѣло чрезвычайно важное. Я тотчасъ же кинулся къ военному начальнику, къ исправнику, въ мировой сѣздъ. Немедленно командированы были съ разныхъ сторонъ чиновники для дознанія и разслѣдованій, и въ эту же ночь они выѣхали на мѣсто. Можетъ-быть эти быстро принятыя мѣры и поправили нѣсколько бѣду: по крайней мѣрѣ несчастный батракъ избавленъ былъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, да и часть денегъ была найдена, въ закрытой корчмѣ лава Гротковского. Она составляла ровно третью долю изъ всей похищенной суммы, почему можно предполагать что въ похищеніи участвовало трое. Что раскрылось собственно о покражѣ денежнаго сундука изъ Добейскаго волостнаго правленія, а также подтвердилось ли по слѣдствію про истязанія батрака—я не знаю, потому что слѣдствіе почему-то очень затянулось, и я уѣхалъ изъ Вилкомирскаго уѣзда (въ іюнь 1866 года), а оно все еще не было окончено; впрочемъ, хоть и не знаю навѣрное, а какъ-то думается что писарь вышелъ цѣлехонекъ изъ этой исторіи... Но вотъ что хорошо мнѣ извѣстно: исторія съ сундукомъ послужила какъ бы воровскою закваской въ Добейской волости: мѣсяца чрезъ два послѣ того сторожъ при волостномъ правленіи вздумалъ собирать съ крестьянъ подушныя, но къ счастью повелъ дѣло неловко и скорехонько пошелъ.

Заканчивая разказъ о Добейской волости, я долженъ консуиться класса народонаселенія въ сѣверо-западномъ краѣ заслуживающаго особаго вниманія. Классъ этотъ—пришлые сюда люди, русскіе старообрядцы.

Въ моемъ участкѣ ихъ было немного, всего двѣсти съ чѣмъ-то душъ. Они проживали во всѣхъ волостяхъ, но большей части держались въ Овантской, Уцянской, Овикштинской и особенно въ Добейской. Кстати замѣчу что въ этой послѣдней волости изстари жилъ ихъ главный уставщикъ, человѣкъ очень хорошій, но кажется не пользовавшійся среди нихъ большимъ вліяніемъ, можетъ-быть потому именно что недалеко оттуда имѣлъ постоянное мѣстожителство въ своемъ имѣніи тотъ богатый купецъ Холстовъ о которомъ я уже много говорилъ.

Извѣстно сколько претерпѣли старообрядцы во время послѣдняго польскаго мятежа за то что повсюду и всегда оставались истинно вѣрными, твердыми русскими людьми. Къ счастью имъ удалось сохранить за собою къ тому времени какъ смута начала замирать въ краѣ тѣ мѣста гдѣ они жили до мятежа. Фактъ объясняется особенною твердостью этихъ людей, ни за что не хотѣвшихъ покинуть свою осѣдлость созданную постояннымъ, тяжелымъ трудомъ. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, они сами помогли себѣ; но и предусмотрительное вниманіе тогдашняго высшаго управленія въ краѣ пришло къ нимъ на помощь тоже вовремя. Въ 1864 году издано было отъ главнаго начальника краѣ М. Н. Муравьева распоряженіе которымъ рѣшительно воспрещалось польскимъ помѣщикамъ прогонять старообрядцевъ съ земель на которыхъ жили они у нихъ до мятежа, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволялось возвышать и прежней арендной платы съ тѣхъ земель. Съ тѣхъ поръ положеніе старообрядцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ если и не улучшилось значительно, то по крайней мѣрѣ должно было признаваться существенно прочнымъ. На бѣду вышеупомянутое распоряженіе оказывалось на практикѣ неопредѣленнымъ во многомъ.

Такъ, на примѣръ, въ немъ не указывалось: должны ли быть заключаемы, и на какихъ именно основаніяхъ, письменныя условія на наемъ земель старообрядцами у помѣщиковъ; при какихъ тоже случаяхъ возможны нѣкоторыя льготы въ уплатѣ арендныхъ денегъ; наконецъ какія послѣдствія могли воз-

никать для сторонъ изъ-за нарушеній условій о наймѣ земель, если налримеръ наематель станетъ вовсе уклоняться отъ уплаты аренды.

Надо думать что эта неопредѣленность въ столь важномъ распоряженіи зависѣла отнюдь не отъ послѣдственности въ принятіи мѣръ къ обезпеченію быта старообрядцевъ въ краѣ: такой администраторъ, каковъ былъ генералъ Муравьевъ, конечно не на слѣхъ, не безъ обдуманной предусмотрительности, распоряжался въ этомъ отношеніи; а это зависѣло отъ того что, вопервыхъ, по всей вѣроятности, тогда были уже въ виду общія широкія мѣры по водворенію во всемъ сѣверо-западномъ краѣ русскаго землевадѣнія, причемъ предполагалось сдѣлать что-нибудь и для старообрядцевъ; а вовторыхъ можетъ-быть и то что на счетъ этихъ русскихъ людей имѣлись у тогдашней администраціи свѣдѣнія лишь о ихъ испытанной въ опасные моменты преданности правительству, о ихъ готовности жертвовать изъ-за этой преданности не только своимъ достоинствомъ, но и жизнью, но не было хорошо извѣстно ихъ гражданское и экономическое положеніе въ краѣ, именно: на какихъ условіяхъ арендуются ими помѣщичьи земли, какъ успѣли и живутъ они на этихъ земляхъ; да и собрать въ скоромъ времени такіа свѣдѣнія было бы крайне затруднительно. Впрочемъ, думается тоже что принятію рѣшительныхъ, во всемъ опредѣленныхъ мѣръ къ обезпеченію быта старообрядцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ до нѣкоторой степени препятствовали тогда, пожалуй, и тѣ соображенія что старообрядцы явившіеся сюда въ качествѣ добровольныхъ изъ Россіи изгнанниковъ—не ослѣпый, а бродячій людъ въ краѣ; что ихъ не слѣдуетъ считать земледѣльческимъ классомъ мѣстнаго населенія, ибо всѣ они числятся мѣщанами разныхъ отдаленныхъ городовъ, по большей части прибалтійскаго края. Однако, рѣшаясь такимъ образомъ объяснять неопредѣленность вышеупомянутаго распоряженія, я говорю только предположительно, и на предположеніяхъ моихъ отнюдь не настаиваю.

Мнѣ неизвѣстно положительно какъ выразилась на практикѣ, во время управленія генералъ-губернатора Муравьева, эта неопредѣленность его распоряженія. Впрочемъ можетъ-быть на первыхъ порахъ она не замѣчалась даже ни съ чьей стороны; а можетъ тогда было достаточно и того дабы повсюду польскіе помѣщички знали что они уже не могутъ про-

извольничать съ русскими арендаторами своихъ земель. Но въ промежутокъ между выбитіемъ изъ края генерала Муравьева и прибытіемъ туда новаго генералъ-губернатора, оказались неожиданныя послѣдствія: слышно было что вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ польскихъ помѣщиковъ на старообрядцевъ распоряженіе Муравьева было приостановлено будто бы въ своемъ дѣйствицѣ, и что въ этотъ довольно короткій промежутокъ времени нѣкоторые старообрядцы лишились своихъ земельныхъ участковъ. Къ счастью, вскорѣ все пришло въ прежній порядокъ: новый начальникъ сѣверо-западнаго края уже въ началѣ мая 1865 года вполнѣ подтвердилъ распоряженіе своего предшественника, безо всякихъ, впрочемъ, къ нему разъясненій, и такимъ образомъ прежняя его неопредѣленность ничуть не была устранена.

Дѣла по жалобамъ помѣщиковъ на старообрядцевъ, а также по жалобамъ послѣднихъ на первыхъ были предоставляемы разбирательству мировыхъ посредниковъ. Надо правду сказать, обязанность эта была весьма не легкая и главнымъ образомъ благодаря старообрядцамъ. Почувствовавъ на дѣлѣ что въ настоящее время они состоятъ уже подъ сильнымъ покровительствомъ высшаго въ край начальства, вникнувъ тоже, по всей вѣроятности, и въ самую неопредѣленность новыхъ своихъ отношеній къ помѣщикамъ, они часто стали уклоняться не только отъ своевременнаго взноса арендныхъ денегъ, но даже и совсѣмъ отъ уплаты аренды. Конечно, такіа уклоненія отзывались самоуправствомъ, хотя нельзя не признать и тутъ нѣкоторыхъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Вопервыхъ, несомнѣнно что старообрядцы ушлись первоначально на земляхъ здѣшнихъ помѣщиковъ при крайне стѣснительныхъ условіяхъ. Почти всегда имъ отводились для поселенія самыя худшія земли въ имѣніяхъ, именно тѣ дырванныя, о которыхъ мнѣ случилось уломивать. Выкорчевать дырванныя земли, сдѣлать ихъ удобными для земледѣльческаго воздѣлыванія, это была работа по истинѣ египетская. Только крайняя нужда въ какой-нибудь осядлости, только великая сила терпѣливаго русскаго человѣка могли браться за такой трудъ. Оцѣнка же этого труда, при первоначальной отдачѣ дырвановъ на выработку и подъ поселеніе на нихъ, со стороны польскихъ помѣщиковъ была постоянно производна и несправедлива; да притомъ земли сдавались всегда безъ построекъ. Конечно, старообрядцы твердо помнили во что имъ

обошлись и обработка земли, и возведенныя постройки; свою собственную оцѣнку всего этого они никакъ не могли согласить съ оцѣнкой помѣщицъ; конечно, еще тверже они помнили и про всѣ вытерпѣнныя ими утѣсненія; когда же стало имъ гораздо полегче, когда они увидали что русское въ край начальство дѣйствительно хочетъ имъ покровительствовать, — воспоминанія о прежнемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ должны были пробудиться въ нихъ съ особенною силой: мнѣ думается что именно ото всего этого и стали они уклоняться отъ платежа аренды помѣщикамъ.

Ковенское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе по дѣламъ старообрядцевъ съ помѣщиками сначала строго придерживалось прямаго смысла вышеупомянутыхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій, то-есть ни въ какомъ случаѣ оно не допускало чтобы старообрядцы за неплатежъ аренды были смѣщаемы съ занимаемыхъ ими земель, но довольно скоро взглядъ его на эти дѣла существенно измѣнился: въ августѣ 1865 года оно издало общее постановленіе въ которомъ проводилась уже та мысль что старообрядцы упорно уклоняющіеся отъ платежа аренды могутъ быть удаляемы съ земель ими арендуемыхъ (разумеется, по разборѣ дѣла и по постановленію мировыхъ посредниковъ). Должно-быть такое постановленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія послѣдовало въ виду чрезвычайнаго накопленія помѣщичьихъ жалобъ, а пожалуй также и представленій отъ мировыхъ посредниковъ о томъ что они, посредники, не знаютъ какъ и быть со старообрядцами въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Ужь не знаю до какой степени было въ правѣ губернское по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіе дѣлать вышеозначенныя свои дополненія къ распоряженіямъ высшей власти въ край касающимся до обезпеченія быта цѣлаго класса народонаселенія; неизвѣстно мнѣ и то какъ практиковалось постановленіе Ковенскаго губернскаго присутствія въ разныхъ уѣздахъ этой губерніи, но врядъ ли оно послѣдствовало къ установкѣ правильныхъ отношеній между старообрядцами и помѣщиками.

У меня въ участкѣ по дѣламъ старообрядческимъ все обстояло благополучно. Правда, довольно много жалобъ отъ помѣщиковъ постуало и ко мнѣ, но все какъ-то скоро улаживалось. Только въ двухъ или трехъ случаяхъ я былъ въ нема-

ломъ затрудненіи, но подъ конецъ и они разрѣшились удачно. Кстати замѣчу, всего болѣе дѣлъ по жалобамъ помѣщиковъ на старообрядцевъ я встрѣчалъ именно въ Добейской волости; тутъ одинъ помѣщикъ (бывшій предводитель дворянства въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, о чемъ онъ никогда не забывалъ упоминуть въ своихъ прошеніяхъ) давалъ мнѣ особенно много работы.

Живо помню, въ одномъ официальномъ собраніи бывшемъ въ Вилкомирѣ въ ноябрѣ 1865 года, лицо занимавшее значительный административный постъ въ Ковенской губерніи высказалось чрезвычайно рѣзко о старообрядцахъ всего сѣверо-западнаго края. Губераскій сановникъ самыми яркими красками обрисовалъ вредныя будто бы для общественнаго спокойствія свойства этихъ людей: ихъ сообщничество съ опасными бродягами же, которыхъ они принимаютъ и укрываютъ у себя съ большою охотой, ихъ постоянное стремленіе уклоняться во что бы то ни стало отъ исполненія своихъ обязательствъ, ихъ часто дерзкое ослушаніе по отношенію къ требованіямъ и распоряженіямъ мѣстнаго начальства. Конечно тутъ было крайнее преувеличеніе во всемъ, а въ одномъ отношеніи и совершенная несправедливость: странно было въ высшей степени, напримѣръ, обвиненіе будто старообрядцы наклонны къ бродяжничеству; ужъ въ чемъ нельзя было обвинять ихъ, такъ именно въ этомъ: напротивъ, они всегда чрезвычайно и во что бы то ни стало добивались имѣть осѣдлость; на дорого пріобрѣтенной и столь вѣрочной осѣдлости они всегда же держались изо всѣхъ силъ своихъ. Но губераскій сановникъ хотѣлъ построить всѣ свои обвиненія противъ старообрядцевъ главнымъ образомъ именно на склонности ихъ къ бродяжничеству. (Надо замѣтить что сановникъ этотъ былъ сильно предубѣжденъ противъ старообрядцевъ вслѣдствіе такого случая, о которомъ мнѣ разказывали: однажды толпа этихъ русскихъ людей, выждавъ сановника у подъѣзда его квартиры, подали ему какую-то просьбу, но онъ не пріялъ ея; тогда просители довольно крупно поговорили съ нимъ: „какъ же дескать это вотъ вы, русскій наибольшій чиновникъ въ губерніи, а приходимъ мы къ вамъ съ жалобой на обиды намъ великія, вы же ни выслушать насъ, ни пріяты нашей просьбы не хотите...“ Сановникъ до крайности разгнѣвался и даже распорядился о немедленномъ призваніи воинской команды къ себѣ на помощь. Съ тѣхъ-то поръ онъ и не влюбилъ этихъ рѣчныхъ людей.)

Мнѣ непріятно было слышать такой отзывъ о старообрядцахъ. Чрезвычайно хотѣлось возразить противъ него, хотя никакого права на то я не имѣлъ. Но вдругъ, къ удивленію моему, меня спросили: „какъ я думаю о старообрядцахъ сѣверо-западнаго края?“ И вотъ невзначай я сталъ въ положеніе защитника цѣлаго класса народонаселенія.

Я говорилъ довольно долго, горячо и, кажется, очень неосторожно. Но тутъ я уже не могъ не возразить противъ жестокаго отзыва о русскихъ людяхъ, которые еще такъ недавно много пострадали за свою вѣрность и преданность русскому дѣлу. А отзывъ былъ истинно жестокъ, и тѣмъ жесточе что въ немъ была-таки доля правды. Да! эти русскіе люди, съ великимъ горемъ переселившіеся въ край чужой имъ по всему, эти люди столь долго терпѣвшіе на чужбинѣ всяческое утѣсненіе, дѣйствительно иной разъ давали чувствовать что они озаоблены, ожесточены... Да развѣ можно было ждать отъ нихъ что они останутся всегда терпѣливыми, что бы съ ними ни творили, когда даже тѣ власти отъ которыхъ они могли надѣяться защиты будутъ чуть не травить ихъ на каждомъ шагѣ (например, за перемѣну мѣстожительствъ для самыхъ мирныхъ цѣлей)?

На другой день, меня похвалили за горячую мою алологію. А не надо бы этихъ похвалъ. И безъ того было видно что я обмолвился...

Въ іюнѣ 1866 года я уже былъ переведенъ въ Гродненскую губернію. А незадолго до отъѣзда моего изъ Вилкомира пріѣзжалъ туда опять главный начальникъ края К. П. фонъ-Кауфманъ. О пріѣздѣ его было у насъ извѣстно еще заранее, и вотъ старообрядцы моего бывшего Вилкомирскаго участка попросили меня написать прошеніе для подачи генералъ-губернатору. Я, конечно, не уклонился отъ этого и постарался выразить, сколь возможно сжатѣе, все что надобилось для этихъ людей.

Привожу здѣсь цѣликомъ это прошеніе, благо оно коротко и достаточно ясно указываетъ на положеніе старообрядцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

„Въ послѣдній мятежъ, писалъ я, многіе изъ старообрядцевъ, издавна живущихъ въ здѣшнемъ краѣ, пострадали всѣчески: польскіе мятежники, признавая въ нихъ русскихъ людей искренно и твердо преданныхъ великому государю и всероссійскому отечеству, преслѣдовали ихъ жестоко—разо-

рали, мучили, умерщвляли. Призналъ въ старообрядцахъ цѣлыхъ русскихъ людей здѣсь полезныхъ и предвѣстникъ вашъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и защитивъ положилъ начало обезпеченію ихъ положенія. Ваше высокопревосходительство тоже благосклонно взглянула на старообрядцевъ и въ распоряженіи вашемъ 7го мая прошлаго года указали мѣры оставающія ихъ на тѣхъ земляхъ которыя или отцами ихъ или же ими самими сбрачены изъ неудобныхъ, влустѣ лежавшихъ, въ удобныя, приносящія хорошій доходъ. Эту милость высоко дѣлать старообрядцы: она обезпечиваетъ въ настоящее время ихъ бытъ, ихъ земледѣльческій и сельско-промышленный трудъ.

„Но можно сказать что старообрядцы не угодны здѣшнимъ помѣщикамъ польскаго происхожденія. Подъ разными предлогами они стараются всегда, особенно же при всякомъ наступленіи новаго экономическаго года (23 апрѣля), отдѣлываться отъ старообрядцевъ вовсе или же отягощать ихъ теперешнее положеніе. Вообще нельзя ожидать чтобъ эти помѣщики стали смотрѣть на нихъ благопріятно какъ на арендаторовъ трудомъ своимъ улучшающихъ земли ихъ и приносящихъ имъ возможную пользу.

„Обращаясь мыслію ко всему положенію своему, старообрядцы невольно предаются опасеніямъ что безъ особеннаго покровительства имъ со стороны правительственныхъ въ крайъ властей положеніе это съ теченіемъ времени ухудшится, и это тѣмъ легче можетъ быть что привыкшіе къ жизни, къ труду и промысламъ въ здѣшнемъ край, они приписаны по большей части къ отдаленнымъ городамъ прибалтійскихъ губерній, куда могутъ высылать ихъ полицейскими мѣрами и гдѣ по разнымъ причинамъ невозможно будетъ имъ найти себѣ обезпеченный пріютъ.

„Все это побуждаетъ насъ нижеподписавшихся просить убѣдительно ваше высокопревосходительство объ особомъ вниманіи вашемъ къ нашему положенію и о возможномъ обезпеченіи этого положенія въ будущемъ: во первыхъ, припискою насъ къ сельскимъ обществамъ крестьянъ-собственникововъ, чрезъ что войдя въ составъ здѣшняго сельскаго населенія, какъ и подобаетъ вамъ по условіямъ нашей жизни и труда, мы будемъ пользоваться уже вполнѣ покровительствомъ властей для сельскаго населенія установленныхъ; а во вторыхъ, точнѣйшимъ опредѣленіемъ отноше-

ній къ помѣщикамъ по арендованію у нихъ земель, каковое опредѣленіе устранить отъ насъ всякій ихъ произволъ, указавъ и намъ самимъ чего имѣло можемъ мы ожидать для совершеннаго нашего здѣсь обезпеченія.“

Дальвѣйшая судьба этого прошенія мнѣ не извѣстна. Не знаю даже было ли оно подано.

IX.

Отъ Добеекъ до мѣстечка Вижуль не болѣе восьми верстъ; разстояніе вовсе недалекое, особенно же по хорошей дорогѣ, но оно показалось мнѣ тогда дивнымъ и утомительнымъ. Я слышалъ чрезвычайно оттого что былъ взволнованъ. Съ чего-то вздумалось мнѣ что по поводу удаленія отъ должности и сылки старшины Рафаила Шалаки должны произойти большіе безпорядки въ Вижунской волости. Теперь даже не пріятно вспомнить объ этомъ и сознаться самому себѣ, какъ мало я еще зналъ въ то время крестьянъ моего участка. Я не хочу извинить свое тогдашнее малодушіе и тѣмъ соображеніемъ что, дескать, вдали всякій признакъ опасности легко можетъ представиться не въ надлежащемъ видѣ.

Пріѣхавъ въ мѣстечко Вижуны, я даже не нашелъ волостнаго схода; онъ долженъ былъ собраться только на завтрашній день. Условною подвѣствовало на меня и то что въ волостномъ правленіи никого не было, кромѣ писаря Гринцевича. Впрочемъ скорехонько откуда-то явился столь уже хорошо мнѣ знакомый Лудвигъ Нарбутисъ, заклятый врагъ Рафаила Шалаки. Разговоръ мой съ нимъ окончательно меня успокоилъ.

Отъ Нарбутиса, а также и отъ мѣстнаго писаря я узналъ что распоряженіе насчетъ Шалаки уже извѣстно по всей волости, что крестьяне не только не взволнованы имъ, но даже очень рады такому событію. Я не совсѣмъ-то повѣрилъ этому: прежде съ разныхъ сторонъ мнѣ говорили что Шалака имѣетъ чрезвычайно сильное вліяніе на Вижунецъ.

Нарбутисъ все-таки не хотѣлъ оставить своей борьбы съ бывшимъ старшиной: у него, къ моему пріѣзду, уже была готова новая жалоба на Шалаку. Я объявилъ ему что теперь, когда Шалака уже не старшина, когда онъ дажесылается въ Сибирь, жалобы на него собственно безцѣльны, не-

нужны; но что впрочемъ если онъ, Нарбутисъ, настаиваетъ на подачѣ жалобы, то я разберу ее, а главное—растоакую волостному сходу какъ надо будетъ ему самому повѣрить правильнымъ учетомъ дѣйствія своего волостнаго начальства по сбору съ крестьянъ всякихъ суммъ и по употребленію ихъ. Однако, Нарбутисъ, повидимому, остался недоволенъ моимъ объявленіемъ. Онъ все твердилъ что ему никакъ нельзя не жаловаться, что ему волость довѣрила хлопотать о раскрытіи всякихъ злоупотребленій: ему очень хотѣлось показать мнѣ что онъ пользуется особымъ довѣріемъ крестьянъ.

Отпустивъ говорливаго волостнаго ходатая, я принялся на досугъ за осмотръ дѣлопроизводства. Оно было въ большомъ безпорядкѣ. По всему замѣчалось что писарь не только неопытенъ и малограмотенъ, но и несообразителенъ, а притомъ очень лѣнивъ. Впрочемъ, писарь этотъ,—какъ водится, шляхтичъ польскаго происхожденія,—имѣлъ физіономію пресмирную и добродушную. Что онъ точно былъ смиренъ и простодушенъ, я вполне удостовѣрился въ послѣдствіи, почему и терпѣлъ его малограмотность, его плохую сообразительность. Да и то сказать, если онъ,—уже отнюдь не новичокъ между писарями—былъ неопытенъ по своей должности, то тутъ, конечно, причиной было малое наблюденіе за нимъ какъ за писаремъ.

Вижунокское волостное правленіе, расположенное посреди мѣстечка, подлѣ еврейскихъ хатокъ, весьма походило на корчму, да еще и плохую. Комнатокъ въ немъ было не мало, но крайне тѣсныхъ и темныхъ. Вижунокская волость была довольно большая, а горница для схода едва могла вмѣщать человекъ двадцать пять или тридцать. Горница же для школы и совсѣмъ была не годна: въ ней съ трудомъ помѣщалось 15 — 20 учениковъ. Кстати о Вижунокской сельской школѣ. Въ послѣдствіи, съ большимъ удовольствіемъ, я видѣлъ что въ ней учатся трое еврейскихъ мальчиковъ. Это былъ, впрочемъ, единственный примѣръ не только въ моемъ участкѣ, но и во всемъ Видакомірскомъ уѣздѣ.

Мѣстечко Вижуны, по величинѣ своей, пожалуй, имѣло право на названіе мѣстечка; за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оно въ высшей степени было неприглядно. По срединѣ его тѣсно жались одна къ другой еврейскія хатки, выстроенныя изъ самаго плохаго дерева, по виду чрезвычайно неуклюжія

и грязныя, а внутри темныя и тѣсныя; по окраинамъ же мѣстечка тянулись хаты крестьянъ-домохозяевъ, нѣсколько лучше еврейскихъ, но тоже дурно выстроенныя, а главное, опять-таки тѣсныя и темныя. Все мѣстечко представлялось селеніемъ довольно большимъ, и чрезвычайно бѣднымъ. Но заключать по виду мѣстечка о бѣдности его населенія отнюдь не слѣдовало. Послѣ я узналъ что между крестьянами жившими собственно въ Вижунахъ, какъ и между мѣстными Евреями, было не мало людей очень зажиточныхъ. Конечно, они могли бы размѣститься, выстроиться и обзавестись на своихъ усадьбахъ гораздо шире, удобнѣе, лучше. Но причина по которой была такъ дурна и бѣдна вся внѣшняя обстановка жилыхъ и не жилыхъ помѣщеній у Вижуновъ заключалась именно въ томъ, какъ объясняли мнѣ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, что слишкомъ близко отъ мѣстечка жилъ богатый и „бардо“ сильный панъ. И въ самомъ дѣлѣ, менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ Вижуновъ находилась широко раскинутая панская усадьба. То была усадьба бывшего Вижунскаго помѣщика, графа Эдуарда Ч—скаго, сосланнаго въ Сибирь за слишкомъ-дѣятельное участіе въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ. Но объ этой замѣчательной усадьбѣ я еще буду говорить подробно.

На другой день вижунскій волостной сходъ собрался рано и я рано же занялся дѣломъ. На ту пору я былъ уже совершенно спокойнѣе; пустая тревога моя изъ-за опасеній какихъ-то безпорядковъ исчезла, какъ-будто ея и не было; я даже радовался что устраненіе Рафаила Шалаки отъ должности старшины разомъ прекращаетъ всѣ затрудненія по волости, а главное, уничтожаетъ особое вліяніе этого чело-вѣка на крестьянъ, про которое мнѣ что-то таинственно намекали. Однако, понапрасну я такъ радовался. Вижунская волость на самыхъ же первыхъ порахъ представила мнѣ не мало затрудненій. Вижуновы, собравшіеся на первый при мнѣ сходъ въ большомъ числѣ, чуть ли не поголовно, какъ разъ показали что у нихъ есть какая-то закваска къ тому что-бы дѣла по волости не улаживались добрымъ порядкомъ.

Начать съ того что въ этой Вижунской волости, находившейся отъ шоссе всего только въ десяти верстахъ, оказывалось не очень-то много и говорящихъ по-русски, и помнящихъ русскую рѣчь. Такое обстоятельство противорѣчило моему заключенію, что чѣмъ ближе волость къ шоссе,

тѣмъ больше въ ней понимающихъ и говорящихъ по-русски. Въ послѣдствіи, причина этого мнѣ уяснилась: тутъ опять-таки отразилось вліяніе слишкомъ близкаго сосѣдства богатой лавской усадьбы. И вотъ изъ-за этого-то именно проявились, на первыхъ же порахъ, оппозиціонныя отношенія ко мнѣ Вижуновъ, которыя и остались такими вплоть до моего выѣзда изъ Вилюмскіекаго уѣзда.

Я разъяснилъ Вижуновъ подробно какъ нужно для нихъ выбрать себѣ новымъ старшиной человека не только вполне преданнаго правительству, не только добросовѣстнаго, разумнаго и твердаго характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понимающаго русскую рѣчь и могущаго свободно объясняться по-русски. А они какъ нарочно выбрали крестьянина ни слова по-русски не разумѣющаго. Притомъ этотъ новый старшина (по прозвищу Антоновичъ) съ виду былъ очень простоватъ, да и въ послѣдствіи онъ оказался чрезвычайно важнымъ, не пользующимся никакимъ уваженіемъ у своихъ волостявъ, хотя надо правду сказать что онъ былъ вполне честный человекъ. Но дѣлать было нечего: какъ ни досадовалъ я про себя на такой оппозиціонный выборъ, я тутъ же утвердилъ крестьянина Антоновича въ званіи волостнаго старшины.

Но и волостянами вижуновскими я не могъ быть доволенъ, какъ и они должно-быть были недовольны мною; савомъ, ладу между нами не было. Вижуновы постоянно и вастойчиво уклонялись отъ всего что могло водворить у нихъ лучшіе порядки, большую справедливость въ отношеніяхъ между ними. Такъ съ весьма малымъ трудомъ удалось мнѣ заставить вижуновскій волостной сходъ произвести хоть одинъ учетъ въ употребленіи всякихъ мірскихъ сборовъ. То же было относительно составленія и провѣрки семейнаго списка. Еще сильнѣйшее противодѣйствіе оказали они предложенію облегчить батраковъ въ нѣкоторыхъ повинностяхъ; а на предложеніе обезлечить быть отставныхъ солдатъ проживавшихъ у нихъ въ волости отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Впрочемъ въ одномъ отношеніи Вижуновы какъ-будто съ охотой исполнили мое требованіе: то было по поводу присылки дѣтей въ сельскую школу; но и тутъ сговорчивость ихъ зависѣла кажется отъ того болѣе что школа-то была ужъ слишкомъ мала, могла вмѣщать въ себѣ только 15—20 учениковъ. Подмѣтилъ я тоже у Вижуновъ еще одно обстоя-

тельство, которое мнѣ особенно не нравилось: они какъ-будто были недовольны своимъ земельнымъ надѣломъ, несмотря на то что этотъ надѣлъ произведемъ широко и выгодно для нихъ, но крайней мѣрѣ такъ было въ конфискованномъ имѣніи графа Эдуарда Ч—скаго. *

Такое направленіе крестьянъ Вижуновской волости заставляло меня невольно думать что они мнѣе всѣхъ прочихъ въ моемъ участкѣ склонны къ принятію русскихъ порядковъ и, мало того, что они можетъ-быть вслѣдствіе прежнихъ на нихъ ваіаній наименѣе способны понимать что сдѣлано для нихъ русскимъ закономъ.... Но мнѣ отрядно вспомнить что и тутъ я вполнѣ ошибся. Подъ конецъ моего пребыванія въ Вилюмскомъ уѣздѣ, одинъ случай съ разительною силой убѣдилъ меня что эти упрямые Вижуновцы—истинно добрые крестьяне, что всѣ они совершенно преданы Русскому правительству, живо помнятъ всѣ благодѣянія получаемыя отъ него народомъ, что преданность свою готовы они доказать даже пожертвованіемъ жизни. Объ этомъ случаѣ разкажу въ концѣ главы.

Думается мнѣ и теперь что упорная оппозиція Вижуновцевъ въ отношеніи собственно ко мнѣ зависѣла въ большей части отъ какихъ-то постороннихъ ваіаній, и въ особенности повидимому отъ темныхъ продѣлокъ бывшего старшины.

Съ Вижуновскою волостью я ознакомился гораздо ближе чѣмъ съ какою-нибудь другою изъ волостей моего участка. Мнѣ довелось прожить въ ней около трехъ мѣсяцевъ, и вотъ по какому случаю.

Высшее управленіе въ сѣверо-западномъ краѣ всегда желало чтобы русскіе мировые посредники жили какъ можно ближе къ крестьянамъ своихъ участковъ; поэтому дозволялось посредникамъ поселяться въ конфискованныхъ имѣніяхъ, и даже иногда требовалось это; а въ началѣ 1866 года, конечно съ тою же цѣлю, было предложено членамъ повѣрочныхъ комиссій, мировымъ посредникамъ и еще нѣкоторымъ русскимъ чиновникамъ арендовать конфискованныя и секвестрованные имѣнія за исчисленный вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ ежегодный доходъ съ тѣхъ имѣній. Арендваніе это не было обязательнымъ, но, сколько мнѣ

* Въ конфискованныхъ имѣніяхъ надѣлы и вообще дѣлались съ наибольшою выгодой для крестьянъ.

известно, всё выше названные чиновники не уклонились от него. Не уклонился и я. И говорю по совести, не уклонился не потому что рассчитывал получить выгоду от моего арендаторства, а в тех именно видах что таким образом действительно я еще лучше узнаю быть крестьян литовских, а притом, ознакомившись на собственной сельскохозяйственной практикѣ со всеми приемами дѣйствующаго земледѣлія, хорошо подготавлиюсь къ постоянной деревенской жизни въ краѣ, о чемъ я уже серьезно тогда задумалъ. И вотъ я заарендовалъ изъ имѣнія графа Эдуарда Ч—скаго два отдѣльные фольварка: Вижуны, при которомъ находилась панская усадьба, и Добра-Волю. Въ обоихъ этихъ фольваркахъ было шестьсотъ съ чѣмъ-то десятинъ; арендный платежъ за нихъ опредѣлялся въ полторы тысячи рублей, такъ что на каждую десятину обрабатываемой и необрабатываемой земли приходилось аренднаго платежа около двухъ рублей пятидесяти копѣекъ: конечно, уже поэтому нельзя было рассчитывать на получение выгодъ отъ моей аренды.

Принявъ отъ чиновника завѣдывавшаго конфискованными имѣніями заарендованные мною фольварки, я въ концѣ марта 1866 года переселился на житье въ Вижунскую панскую усадьбу.

Усадьба графа Эдуарда Ч—скаго, какъ я уже замѣтилъ мелькомъ, была построена на широкую ногу. Въ самомъ расположеніи ея крутыми чертами выражались тѣ характеристическія особенности какія почти вездѣ можно замѣтить въ панскихъ усадьбахъ: и раскиданность всѣхъ построекъ, и общая странная безпорядочность. Но Вижунская помѣщицья усадьба имѣла и свои характерныя особенности, а именно—панскій домъ и зданіе для колченья окороковъ и колбасъ. Впрочемъ я не правъ, поставивъ на второмъ планѣ последнее зданіе: не столь обширное какъ панскій палацъ, оно было гораздо выше и величественнѣе его; оно имѣло въ себѣ нѣчто такъ сказать монументальное. Бывало дивился я глядя на это зданіе, выстроенное такъ затѣливо для такой простой цѣли: право, оно походило на какой-то замокъ. Какъ видно, графъ былъ большой охотникъ до колченой ветчины.

Но и панскій палацъ представлялъ изъ себя во всемъ замѣчательное зданіе. Длинно, длинно тянулся онъ по высокому берегу, довольно круто скатывавшемуся отъ самаго

фундамента прямо къ рѣкѣ Вижункѣ, и въ своей продольной линіи шелъ то широко и въ двѣ комнаты, то узко и лишь въ одну комнату, отчего весь наружный фасадъ былъ очень страненъ, даже безобразенъ. Затѣмъ и высота палата совершенно не соответствовала его длине: она была столь незначительна что все зданіе казалось чрезвычайно низкимъ, имѣло видъ простаго и крайне безпорядочно выстроеннаго сарая. Впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ этотъ странный палацъ, какъ говорили мнѣ, возникъ изъ конюшни; графъ Ч—скій будто бы не захотѣлъ тратиться на выстройку себѣ особаго дома, а обратилъ въ домъ свои конюшни: приспособивъ зданіе сколь возможно удобнѣе къ жилью. Но мнѣ не вѣрилось чтобы тутъ дѣйствовалъ именно денежный расчетъ: графъ былъ богатъ и очень торопался, что замѣчалось напримѣръ внутри палата по дорогимъ обоямъ во всѣхъ комнатахъ, по паркетнымъ поламъ, по другимъ тоже принадлежностямъ, какія тогда оставались еще въ домѣ, не говоря уже о монументальномъ зданіи для конченна око-роковъ. Не думаю тоже чтобы и при пышной обстановкѣ внутри палата графу было удобно жить въ немъ. Уже одно то что всѣ комнаты, счетомъ помнится до тридцати, кромѣ трехъ или четырехъ, были проходныя, не представляло никакой возможности покойно размѣститься. Наконецъ, и опять-таки странность: полы въ комнатахъ во многихъ мѣстахъ были неровныя; двѣ-три комнаты, и это въ самой срединѣ зданія, имѣли полы одинаково ровной поверхности, и вдругъ приходилось слускаться по ступенямъ, а тамъ и опять ступени ведущія въ комнаты съ болѣе высокимъ поломъ. Почему именно угодно было графу Ч—скому устроиться такъ странно внутри своего палата, я и догадаться никакъ не могъ. Полагаю что прежнее назначеніе зданія, превращеннаго въ палацъ, отнюдь не обусловливало напримѣръ этой неровности половъ. Итакъ, можетъ-быть тутъ сказалась просто-на-просто ланская „фацеція“.

Я засталъ Вижунскій палацъ въ совершенно неприбранномъ видѣ. На малѣйшей мебели въ немъ уже не было; многія двери едва держались на петляхъ; во многихъ комнатахъ стекла въ окнахъ были разбиты; вездѣ почти дорогіе обои или отстали отъ стѣнъ, или висѣли каочьями; полы тоже были испорчены. Я занялъ четыре комнаты, очень большія, очень мрачныя, но удобныя для жилья, потому что въ нихъ

были цѣлы оконницы, стекла, двери и печи, и обмелировалъ ихъ кое-какъ, конечно, ужь никакъ не соответственно прежнему ихъ великолѣлію.

И какъ тяжело, даже жутко было мнѣ жить въ этомъ полуразрушенномъ домѣ. Право, иногда казалось, вѣчто таинственное ютится въ его лустыхъ, темныхъ углахъ и по ночамъ двигается, жалобно стонетъ. Нерѣдко цѣлыми ночи я просиживалъ предъ едва тлѣющимъ каминномъ, все прислушивался; постоянный шумъ въ нежилыхъ комнатахъ, отъ бѣготни ли крысъ, отъ стука ли разбитыхъ оконницъ и стеколъ, широкими, странными гулами перекатывался по дому, достигая до меня въ звукахъ чрезвычайно рѣзкихъ, поражающихъ слухъ и волновавшихъ воображеніе.

Со мною людей въ домѣ было очень мало: жена моего сына, переведенная уже тогда въ Тельшевскій уѣздъ, маленькій внукъ мой съ нянькой при немъ, да еще лакей, недавно навязавшійся ко мнѣ отъ польскаго помѣщика; писмоводитель же У—скій и вся остальная прислуга размѣщались въ другихъ жилыхъ строеніяхъ обширной усадьбы.

Но я отнюдь не желалъ чтобы сторожъ находился при домѣ, чтобы лишніе люди были со мною, и не изъ-за того дабы не подумали что я опасуюсь жить здѣсь, а какъ-то нравилось мнѣ проводить одинокія, бессонныя ночи среди этого ланскаго дома, гдѣ еще такъ недавно килѣла широкая, пышная жизнь и гдѣ все вдругъ смѣнилось пустотой и разрушеніемъ: такъ былъ настроенъ я въ то время, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, тяжело сжимавшихъ меня съ разныхъ сторонъ. Впрочемъ, кромѣ частыхъ разъѣздовъ по волостямъ и служебныхъ занятій, кромѣ также и заботъ о хозяйствѣ по арендѣ, были у меня и развлеченія, благодаря сѣсѣдству съ мѣстечкомъ Уданами, гдѣ стояла тогда батарея подполковника П. Я. Лемана. А то представился случай, сильно меня заинтересовавшій, познакомившій съ нѣкоторыми тайнами графскаго лааца.

На правой сторонѣ лааца было нѣсколько комнатъ, гдѣ обыкновенно жилъ самъ графъ Ч—скій, гдѣ находился и его кабинетъ. И вотъ мнѣ сказали что гдѣ-то въ этихъ комнатахъ есть тайникъ въ стѣнѣ, въ которомъ будто бы хранятся какія-то драгоценности, принадлежавшія какъ самому графу, такъ и еще какимъ-то лицамъ изъ его друзей, что весь складъ этихъ драгоценностей, находившійся еще въ

домъ при его конфискаціи, въ послѣдствіи исчезъ куда то и попалъ опять-таки въ польскія руки, и что будто бы при этомъ случаѣ оказывалъ какое-то содѣйствіе бывшій вижувскій старшина Рафаилъ Шалака. Въ бытность мою на мировомъ сѣздѣ въ Виаконірѣ я передалъ о дошедшихъ до меня слухахъ относительно тайника завѣдывавшему конфискованными и секвестрованными имѣніями чиновнику Ждановскому. Чиновникъ этотъ счелъ нужнымъ удостовѣриться на мѣстѣ о тайникѣ. Вскорѣ послѣ того, пріѣхавъ въ имѣніе Вижуны, онъ хотѣлъ было немедленно же приступить къ разслѣдованіямъ. Но я настойчиво посоветовалъ ему не производить ихъ единолично, или только въ моемъ присутствіи, но пригласить для того и повятыхъ, и мѣстаго становаго пристава, или же за отсутствіемъ его жандармскаго утеръ-офицера, проживавшаго постоянно въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Удянахъ. Г. Ждановскій послушался меня, и при повятыхъ, а также при жандармскомъ утеръ-офицерѣ приступлено было къ разысканіямъ.

И точно, оказалось что слухъ о тайникѣ былъ вѣренъ. Въ правой стѣнѣ комнаты служившей графу кабинетомъ (а надо еще замѣтить что каменные стѣны палаца были значительной толщины) находилось квадратное отверстіе, шириною, помнится, до аршина; оно было задѣлано деревянными дощечками и закрыто обоями. Разумѣется, въ немъ ровно ничего не оказалось, хотя конечно тайникъ этотъ существовалъ не даромъ и по всей вѣроятности въ немъ хранились когда-то цѣнныя вещи. Но поиски г. Ждановскаго не ограничились открытіемъ тайника въ стѣнѣ кабинета. Ужь не помню кому именно, самому ли г. Ждановскому, или жандарму, вздумалось попробовать вѣтъ ли тутъ гдѣ-нибудь и еще тайниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, по особенному звуку въ одной стѣнѣ сосѣдней съ кабинетомъ комнаты можно было догадываться что и тутъ есть пустота, стало-быть опять тайникъ. Г. Ждановскій приказалъ снять съ подозрительной стѣны кусокъ обоевъ; но подъ нимъ не было никакой задѣлки, подобной въ стѣнѣ кабинета; пришлось пробовать стѣну въ томъ мѣстѣ гдѣ слышалась пустота. Стѣну проломали, пустое пространство въ ней, узкое и небольшое, обнаружилось, но и въ немъ ничего не было найдено, да кажется и нельзя было найти: должно-быть то былъ не тайникъ, а просто случайно выдававшаяся пустота между

камнями (а не кирпичами), изъ которыхъ сложены стѣны этой части палата.

Носились тоже слухи, скрывать не стаю и ихъ, что гдѣ-то въ Вижуновской помѣщицѣй усадьбѣ зарыты будто-бы склады оружія. Дѣло возможное. Но конечно не мнѣ же, мировому посреднику, слѣдовало лускаться тутъ въ розысканія.

Закачивая мои воспоминанія о Вижуновской волости, разкажу теперь о чрезвычайно-знаменательномъ фактѣ, который доказалъ мнѣ окончательно что вижуновскіе крестьяне, эти самые упрямые изъ вѣхъ Жмогусовъ моего участка, наиболѣе и при всякомъ случаѣ выбивавшіеся изъ-подъ моего вліянія, были людьми глубоко и истинно преданными правительству, Русскому великому Государю, даровавшему имъ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Дѣло было въ апрѣлѣ 1866 года.

Я пріѣхалъ изъ Вилкомира марочно въ Вижуновскую волость. Полный сходъ былъ собранъ въ волостномъ правленіи. Онъ долженъ былъ идти въ костелъ къ обѣднѣ и на молебствіе. Но до молебствія оставалось еще довольно много времени. Я успѣлъ поразговориться съ Вижуновцами. Они горячо меня разспрашивали. По всему было замѣтно что ихъ чрезвычайно интересовалъ случай по поводу котораго назначалось молебствіе. На разспросы я не могъ сообщить никакихъ подробностей уже и потому что онѣ еще нигдѣ не были извѣстны. А любопытство Вижуновцевъ было крайне-настойчиво: оно даже нѣсколько безпокоило меня, и чтобы прекратить его, я сказалъ крестьянамъ что теперь-то именно я желалъ бы знать повѣрнѣе: до какой степени они разумѣютъ чѣмъ обязаны великому Государю, насколько преданы ему. И вотъ на перерывъ другъ предъ другомъ, слѣшно и чрезвычайно горячо, эти истинно-добрые, простые люди выразили мнѣ что они твердо помнятъ какъ благодѣтельствованы Государемъ чрезъ освобожденіе отъ панской неволи, что всегда были преданы они Государю, что готовы пожертвовать за него всѣмъ, даже самою жизнью.

И вскорѣ затѣмъ я услышалъ совершенно достовѣрный разказъ о случаѣ въ которомъ искренная преданность вижуновскихъ крестьянъ выразилась не въ однихъ добрыхъ словахъ, а на дѣлѣ.

Предъ самымъ разгаромъ послѣдняго польскаго мятежа, тогдашній писарь Вижуновскаго волостнаго правленія, поль-

скій шляхтичъ, а притомъ официалистъ во дворѣ графа Эдуарда Ч—скаго, въ послѣдствіи, сколько мнѣ извѣстно, за дѣятельное участіе въ мятежѣ сосланный въ Сибирь,—однажды долго толковалъ крестьянамъ находившимся тогда въ волостномъ правленіи въ числѣ до тридцати человекъ о польской офцивнѣ замученной Москалями, о предстоящей неминуемой борьбѣ съ „москевскимъ жондомъ“, о непрѣмливой необходимости и обязанности всѣмъ поголовно идти „до брони“, и вдругъ въ неистовой ярости своей схватилъ со стѣны портретъ на который крестьяне всегда смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ, кинулъ его на полъ и разбилъ въ дребезги.

Крестьяне не успѣли опомниться отъ такого поступка какъ явился посланный съ лавскаго двора съ приказаніемъ чтобы лавъ писарь шелъ до лана графа немедленно. Лавъ писарь проворно ушелъ. Крестьяне остались.

И тотчасъ же между ними возникла мысль что надо спасти драгоценные остатки,—клячья изорванной бумаги, обломки деревянной рамки, куски разбитаго стекла. Порѣшено было тутъ же бросить жеребій: кому собрать эти остатки, кому сохранить ихъ.

Тогда вдругъ выступилъ впередъ пожилой крестьянинъ Шаркисъ и сказалъ товарищамъ что оиъ безъ жеребья беретъ на себя это дѣло, хоть можетъ-статься придется пострадать за него; что если и убьютъ его—Господь Богъ вознаградитъ его самого на томъ свѣтѣ и семью его спасетъ и помилуетъ.

Всѣ молча одобрили намѣреніе Шаркиса, всѣ сочли его поступокъ простымъ, естественнымъ, необходимымъ. Шаркисъ бережно собралъ остатки разбитаго предмета въ чистый платокъ, унесъ ихъ къ себѣ домой и свято сохранилъ.

Разумѣется, изъ людей бывшихъ при той сценѣ не нашлось, не могло найтись измѣнника, который выдалъ бы Шаркиса на жертву мятежникамъ.

Вслѣдъ за выборомъ старшины Антоновича мнѣ уже нечего было дѣлать въ Вижунахъ и я хотѣлъ отправиться на ночь въ сосѣднюю Судейскую волость, чтобы въ ожиданіи схода, долженствовавшаго тамъ собраться на другой день, заблаговременно, на досугъ, обозрѣть дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи, и сообразиться на счетъ всякихъ тамшнихъ дѣлъ. Однако пришлось ночевать все-таки въ Вижунахъ.

Предъ самымъ выѣздомъ въ мѣстечко Судейки (находящееся отъ Вижуль въ 14-ти верстахъ) явилось ко мнѣ нѣсколько судейскихъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и тамошній волостной старшина, съ пренебрежительнымъ, тревожнымъ извѣстіемъ. Крестьяне Судейскіе, собравшись самовольно на волостной сходъ, смѣнили старшину и выбрали на мѣсто его другаго. Все это совершенно было съ крайнимъ самоуправствомъ. Надо удивляться какъ еще уцѣлѣлъ старшина. Ему грозила явная опасность отъ буйства крестьянъ. Онъ едва успѣлъ скрыться со схода въ свою деревню. Но и тамъ его не оставили въ покоѣ: къ нему явилась большая толпа, вошла въ домъ и отобрала отъ него должностной его знакъ и печать.

Выслушавъ несвязный разказъ старшины про всю эту исторію, я немедленно же хотѣлъ ѣхать въ Судейки для должныхъ распоряженій. Но писмоводитель У—скій сталъ уславно уговаривать меня отложить поѣздку, хотъ только до завтра, такъ-какъ днемъ быть въ Судейкахъ гораздо безопаснѣе чѣмъ ночью.

Собразивъ что во всякомъ случаѣ я могу увидеть Судейскій волостной сходъ не ранѣе завтрашняго дня, я остался ночевать въ Вижунахъ.

Х.

На Судейскую волость предмѣстникъ мой, а также и мои товарищи, мировые дѣатели, указывали мнѣ какъ на самую безлокойную изъ всѣхъ волостей въ Виаломірокомъ уѣздѣ. Но указанія эти были весьма неопредѣленнаго свойства: ни какихъ фактовъ не выставляли, а говорили только что Судейскіе крестьяне, самый непослушный и даже буйный народъ. По правдѣ сказать и съ самаго начала я не очень вѣрилъ подобнымъ слухомъ общимъ и смутнымъ отзывамъ о характерѣ крестьянъ въ волостяхъ моего участка; иной разъ даже невольно думалось: ужъ не хотятъ ли нѣсколько мистифицировать меня, не хотятъ ли, какъ новичка, полугать, дабы потомъ потѣшиться на мой счетъ. Затѣмъ, побывавъ въ восьми волостяхъ, я не встрѣтилъ ничего что подтверждало бы отзывъ о безлокойномъ характерѣ Жмогусовъ. Правда, на Овантскомъ волостномъ сходѣ представилось нѣчто тревожное, но въ самой слабой степени, и лишь у

ничтожнаго меньшинства „міра“. Пожалуй, еще Олихтинцевъ нашелъ я черезчуръ пасмурными, но очевидна была и причина пасмурнаго ихъ настроенія. Наконецъ, самые Вижунцы, столь рѣзко, на первыхъ же порахъ, не послушавшіе меня при выборѣ новаго старшины, показали тогда не столько упрямыми сколько недоувѣрчивыми ко мнѣ, какъ мировому посреднику для нихъ еще совершенно незнакомому.

Но постулокъ Судейскихъ крестьянъ со старшиной и разказы о нихъ писмоводителя У-скаго удостовѣрили положительно что крестьяне эти дѣйствительно народъ крайне нехорошій.

Во время рекрутскаго набора предвѣстникъ мой, находя нужнымъ ускорить назначеніе рекрутъ по Судейской волости, но не рѣшаясь отлравиться для этого лично на мѣсто, послалъ туда У—скаго. Писмоводитель объявилъ крестьянамъ на сходѣ за чѣмъ онъ приславъ отъ мирового посредника, но они выслушали его не охотно, безтолково и дерзко шумѣли и нисколько не обѣщались исполнить чтѣ имъ приказывалось. Когда же У—скій сталъ собираться въ обратный путь, ему не дали даже подводы до слѣдующей волости, и онъ принужденъ былъ, въ холодное зимнее время, въ почную пору, лѣшкомъ пробираться до мѣстечка Вижунъ, которое, какъ я уже упоминалъ, находится отъ Судеекъ въ 14-ти верстахъ.

Итакъ, несомнѣнно было что на завтрашній день предстоитъ мнѣ трудъ значительный: разслѣдовать дѣло о самовольной смѣнѣ старшины, разузнать въ точности причины побудившія крестьянъ къ подобному постулку, приваить мѣры къ немедленному прекращенію безпорядковъ, и наконецъ, если можно, навсегда услокоить Судейцевъ. Крѣпко раздумался было я обо всемъ этомъ, но хорошо что пришлось думать одному. Я скоро пришелъ къ тому простому заключенію что въ настоящемъ дѣлѣ нельзя предусмотрѣть всякихъ случайностей и слѣдуетъ къ нимъ подготовиться лишь твердою рѣшимостью быть какъ можно спокойнѣе среди безпорядочныхъ людей. И, слава Богу, я былъ на мѣстѣ въ самомъ спокойномъ, даже веселомъ расположеніи духа.

У волостнаго правленія (чрезвычайно плохаго: то была просто избушка, не ухотенная снаружи, не прибранная внутри, ветхая, тѣсная и темная) встрѣтилъ меня сходъ весьма многочисленный, хотя волость была и небольшая, въ ней счи-

талося только до тысячи душ: очевидно было что на сходъ собрались чуть ли не всѣ Судейцы, и домохозяева полныхъ участковъ, и трехдесятники, и огородаики, и можетъ-быть даже батраки.

Слышеть объясненіями съ крестьянами не слѣдовало, и сначала я прошель прямо въ волостное правленіе. Сходъ я не позвадь, а велѣлъ только войти за собою старшинѣ, сельскимъ старостамъ и волостному писарю. Послѣдній, Полякъ, и самый жалкій писарекъ изо всѣхъ что я видѣлъ до сихъ поръ, когда я сталъ ревизовать дѣлопроизводство, съ чего-то лишился всякой способности отвѣчать.

Дѣлопроизводство было въ крайнемъ запущеніи и безпорядкѣ. Въ волостномъ правленіи все дѣлалось кое-какъ, или лучше сказать, ровно ничего не дѣлалось.

Черезъ часъ я вышелъ къ сходу и началъ говорить съ нимъ довольно строго.

Я сказалъ что на первыхъ же порахъ, мнѣ, новому мировому посреднику, обязанному твердо охранять вездѣ по участку законные порядки, приходится видѣть только въ одной Судейской волости чрезвычайный беспорядокъ, чуть не бунтъ; что о Судейцахъ я уже слышалъ отъ моего прадѣдства, отъ моихъ товарищей по службѣ, самые дурные отзывы, какъ о людяхъ непослушныхъ начальству, безлокойныхъ, даже буйныхъ; что послѣдній ихъ поступокъ со старшиной въ высшей степени незаконенъ: ибо если старшина виновенъ въ чемъ-нибудь по отправленію своей должности, то они, крестьяне, не имѣютъ все-таки ни малѣйшаго права смѣнить его самовольно, а должны о своихъ на него претензіяхъ обратиться съ жалобой прежде всего къ мировому посреднику, а потомъ могутъ, пожалуй, жаловаться и дадѣе; что ни въ какомъ случаѣ я не дозволю имъ совершать подобныя безпорядки по волости; что, наконецъ, всегда легко найду средства усмирить ихъ, а о томъ кто изъ нихъ особенно виновенъ въ самоуправствѣ со старшиной разслѣдую и предамъ виновныхъ суду. Я зналъ что въ Судейской волости, какъ очень близкой къ шоссе, чуть ли не всѣ крестьяне понимаютъ русскую рѣчь и говорятъ по-русски: стало-быть они должны были хорошо помать все что я говорилъ имъ. Я спросилъ ихъ, помаяли ли они меня? Но они ничего не отвѣтили.

Тогда я вызвалъ крестьянина Араминаса, самоуправствомъ

крестьянъ избраннаго въ старшины. Онъ проворно выдвинулся изъ толпы, и, по правдѣ сказать, съ перваго же взгляда очень понравился мнѣ: то былъ Литвинъ съ лицомъ умнымъ, спокойнымъ и красивымъ, а притомъ онъ былъ и одѣтъ съ какою-то особенною щеголеватостью.

— Ну, какъ же, Араминасъ, спросилъ я:—ты тоже считаешь себя старшиной?

— Нѣтъ, ихняго гаулаго выбора я не признаю, отвѣчалъ онъ спокойно и твердо:—да я жь и не взялъ отъ нихъ ни медали, ни печати старшинскихъ... Мнѣ и въ голову не приходило добиваться старшинства. А вотъ есть у насъ гагане что мутать по волости...

Я обратился опять къ сходу.

— Вотъ, видите сами, сказалъ я:—человѣкъ вами выбранный въ старшины отнюдь не хочетъ принять вашего выбора, и конечно потому что хорошо понимаетъ всю незаконность самовольной смѣны прежняго старшины и самовольнаго выбора на его мѣсто. Скажите же теперь что именно заставило васъ произвести такой беспорядокъ? По какимъ, напримѣръ, причинамъ не захотѣли вы имѣть старшиной человѣка вами же и законно избраннаго?

Но несмотря на то что я два раза повторилъ эти вопросы, Судейцы опять-таки ничего не отвѣтили. Я спросилъ Араминаса: не можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, сказать мнѣ, съ полною откровенностью, за что надумались крестьяне смѣнить прежняго старшину.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ Араминасъ:—старшина-то, може, смиренъ очень... А и то, такъ не захотѣли, а захотѣли побуйвить... Да и гагане есть...

Затѣмъ, объявивъ сходу что даю ему нѣсколько времени на то чтобы подумать хорошенько обо всѣхъ моихъ разъясненіяхъ насчетъ ихъ поступка, даю и для того чтобъ они сами указали потомъ на зачинщиковъ беспорядка, о которыхъ мнѣ надо непременно узнать, я опять ушелъ въ волостное правленіе.

Слышю было мнѣ: крестьяне, съ большимъ жаромъ, во много голосовъ, толкуютъ промежь себя, но не безчинно и даже безо всякой раздражительности. Впрочемъ и съ самаго начала, ужь право не знаю почему, я не сомнѣвался что все обойдется благополучно. Такъ оно и вышло.

Когда я воротился къ сходу, крестьяне прямо объявили

что они сами теперь сознают какъ не хорошо поступили и что никогда больше ничего подобнаго себѣ не дозволятъ. Затѣмъ легко обозначились тѣ люди которые наиболѣе сбивали съ толку Судейскихъ волостякъ и побудили ихъ къ беспорядку. Ихъ было, однако, немного, всего четверо.

Эти зачинщики попали подъ слѣдствіе, но дѣло обошлось для нихъ безъ особенныхъ неприяностей: по дознанію все объяснилось недоразумѣніями крестьянъ, тѣмъ именно что они весьма слабо понимали о своей подчиненности волостному начальству.

Но въ послѣдствіи я увѣрился что тутъ были не одни недоразумѣнія. Впрочемъ, напередъ, одно ужъ къ одному, надо будетъ разказать еще о двухъ случаяхъ въ которыхъ не хорошо выразился характеръ Судейцевъ.

Наклонность къ самоуправству, къ дерзости у этихъ крестьянъ была несомнѣнно. Такъ чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ описаннаго происшествія, они опять провинились немаловажно, хотя и не дѣлою волостью.

Какъ только настала пора уборки хлѣбовъ, пятеро крестьянъ-дворохозяевъ, и въ томъ числѣ волостной судья, открыто отправились на озимое поле своего бывшего помѣщика Д—скаго, сжали всю рожь его и свезли ее въ свои гумна. Г. Д—скій обратился ко мнѣ съ жалобой. Дѣло это по сущности своей не подлежало моему разбирательству: по настоящему я долженъ былъ объявить г. Д—скому что ему слѣдуетъ принести жалобу на поступокъ крестьянъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Но помѣщикъ этотъ настойчиво просилъ моего распоряженія, да и мнѣ самому, по правдѣ сказать, очень не хотѣлось чтобъ изъ-за этой исторіи виновные крестьяне подверглись продолжительнымъ мытарствамъ. Я тотчасъ же отправился на мѣсто. Жалоба г. Д—скаго оказалась совершенно справедливою. Крестьяне сразу повинились въ своемъ самоуправномъ поступкѣ, и, по настоящему моему, немедленно возвратили помѣщику весь его хлѣбъ. Помѣщикъ счелъ себя вполне удовлетвореннымъ, а крестьяне были наказаны и тѣмъ уже что ихъ трудъ по уборкѣ хлѣба, по свозкѣ его въ свои гумна, а затѣмъ по возвращенію его въ гумно помѣщичье, конечно, остался безъ вознагражденія. Мнѣ оставалось распорядиться съ волостнымъ судьей, участвовавшимъ въ самовольномъ поступкѣ оныхъ односельчанъ. Я очень задумывался насчетъ того, не слѣдуетъ ли

передать его суду, какъ лицо должностное, подобнымъ своимъ дѣйствіемъ оказывавшее вредный примѣръ для крестьянъ всей волости. Но преданіе суду виновнаго должно было бы дать новый ходъ дѣлу, прекращенному уже самимъ г. Д—скимъ; да притомъ Шимонеласъ, человекъ догадливый, во время спохватился и еще до моихъ распоряженій самъ съезъ къ помѣщику доставшійся на его долю хлѣбъ. Я и порѣшилъ ограничиться въ отношеніи волостнаго судьи однимъ денежнымъ оштрафованіемъ его въ высшемъ размѣрѣ.

Случай осенью 1865 года коснулся уже и меня самого.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія предложеніе, во первыхъ, потребовать отъ шестидесяти семи трехдесятиниковъ Судейской волости, все недовольныхъ своимъ земельнымъ надѣломъ и уклонявшихся отъ взноса за него выкупныхъ платежей, рѣшительнаго заявленія, принимаютъ ли они окончательно свой надѣлъ и будутъ ли вносить за него установленные платежи, или же совсѣмъ отъ надѣла отказываются; а во вторыхъ, въ случаѣ отказа этихъ людей, распорядиться насчетъ передачи надѣленной имъ земли въ сельскія общества.

Я пріѣхалъ въ мѣстечко Судейки довольно рано и при полномъ волостномъ сходѣ предъявлялъ всѣмъ трехдесятиникамъ требованіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Долго и много я разъяснялъ имъ что дѣло о надѣленной имъ повѣрочною комиссіею земель уже рассмотрѣно во всѣхъ учрежденіяхъ и надѣлъ этотъ окончательно утверждёнъ; что затѣмъ никакого измѣненія въ надѣлъ уже не будетъ, и что если теперь, на рѣшительное требованіе отъ нихъ отвѣта они отвѣтять отказомъ, то, разумѣется, надѣленную имъ землю отберутъ отъ нихъ и она поступитъ въ сельскія общества, а они, трехдесятиники, останутся попрежнему безземельными и бездомными батраками. Но мои разъясненія, уговариванія нисколько не подѣйствовали на этихъ несчастныхъ упрямцевъ. Они даже не хотѣли никакъ отозваться: желаютъ или не желаютъ принять свой трехдесятиновый надѣлъ.

Такъ протянулось время до самыхъ сумерокъ. Я рассчитывалъ было еще засвѣтае уѣхать въ имѣніе Вижуны, гдѣ я долженъ былъ присутствовать въ особой комиссіи по раздѣлу этого имѣнія между казеннымъ вѣдомствомъ и женой

графа Эдуарда Ч—скаго; а приходилось луститься въ дорогу уже при наступленіи осенней темной ночи. Скрѣпя сердце, я распустилъ волостной сходъ, объявивъ тридцативидицамъ что болѣе уже не могу говорить съ вами, такъ какъ долженъ сейчасъ же уѣхать, но что, пожалуй, дамъ имъ еще малый срокъ обдумать про свое дѣло, окончательно сообразиться насчетъ требованія губернскаго присутствія, и при томъ предупреждаю ихъ что если по прошествіи даннаго имъ срока они все-таки, какъ и въ вывѣшній разъ, не дадутъ положительнаго отвѣта, то я представляю уже прямо о нежеланіи ихъ принять назначенный для нихъ надѣлъ.

Сходъ началъ расходиться; двинулись толпою и тридцативидицы, и вдругъ человѣка два изъ нихъ, а можетъ и поболѣе, въ сумятицѣ нельзя было разобрать, обратились въ мою сторону и съ явною по тому рѣчи угрозой что-то крикнули по-литовски.

— Что такое кричать они? спросилъ я старшину.

Онъ сначала позамылся въ отвѣтъ, но по настоятельному моему требованію сказалъ откровенно что эти люди крѣпко выругали меня.

— А не замѣтили ли кто именно выругалъ? олять спросилъ я.

— Нѣтъ, не замѣтилъ, только слышалъ, отвѣчалъ онъ.

И проворно онъ кинулся въ толпу расходившихся крестьянъ, все спрашивая: кто это обругалъ мирового посредника? Но всѣ отвѣтили что брань слышали, а ругателей не замѣтили.

Случай выходилъ, пожалуй, и забавный, но по соображенію обстановки при которой онъ произошелъ весьма неприятный. Я тотчасъ же рѣшился остаться на ночлегъ въ Судейскомъ волостномъ правленіи, о чемъ и приказалъ объявить крестьянамъ, которые еще не успѣли разойтись; затѣмъ я велѣлъ старшинѣ чтобы на завтра, съ раннего же утра, полный волостной сходъ олять былъ собранъ, чтобы на сходѣ находились непременно и всѣ тридцативидицы.

Такого случая я не могъ оставить безо всякихъ послѣдствій. Конечно, я отнюдь не оскорбился тѣмъ что какіе-то безтолковые упрямцы выругали меня на незнакомомъ мнѣ языкѣ, но нельзя же было допустить чтобы ругатели эти, дозволившіе себѣ свой поступокъ при цѣломъ сходѣ, остались и неоткрытыми и безо всякаго взысканія: я считалъ

совершенно необходимымъ строго охранять достоинство моего званія, при уваженіи къ которому только и можно было имѣть вліяніе на народъ, получившій при крѣпостной зависимости извѣстнаго рода воспитаніе; я считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ именно въ Судейской волости, гдѣ уже было столько проявленій безлокойнаго характера тамошнихъ крестьянъ.

На другой день ранымъ-рано волостной сходъ и всѣ трехдесятичники были уже въ сборѣ. Я тоже очень рано былъ готовъ заняться дѣломъ: плохо спалось мнѣ въ эту ночь.

Я вышелъ со сходомъ предъ волостное правленіе. Утро было прекрасное, а мысли тяжелыя, печальныя смущали и тревожили меня. Богъ знаетъ какъ неприятно было думать что эти горемычные трехдесятичники, о которыхъ я много хлопоталъ, которымъ я истинно желалъ всяческаго добра, безтолково ожесточились противъ меня, а можетъ-статься послѣ розысковъ о вчерашнихъ ручателяхъ, и еще больше ожесточатся.

Впрочемъ я началъ говорить сходу спокойно, хотя и съ довольною строгостью. Я старался какъ можно лучше объяснить что вотъ до чего дошло наконецъ въ Судейской волости. Вчера я пріѣхалъ въ Судейки по порученію губернскаго присутствія, для того чтобы объявить трехдесятиникамъ распоряженіе присутствія, и распоряженіе совершенно необходимое: ибо если трехдесятичники не хотятъ вносить выкупныхъ платежей за назначенный имъ надѣлъ, за который правительство уже заплатило помѣщикамъ, то значитъ они вовсе не хотятъ имѣть его, а въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть переданъ сельскимъ обществамъ, которыя уже конечно не станутъ уклоняться отъ выкупа его установленнымъ порядкомъ; стало-быть, я ли тутъ причиной что дѣло трехдесятичниковъ приняло такой оборотъ? Да и всякій разъ я пріѣзжаю въ Судейскую волость не для удовольствія моего, а по обязанностямъ службы: разбираю тутъ на основаніи предоставленной мнѣ закономъ власти дѣла касающіяся до крестьянъ, стараюсь установить въ волостныхъ правленіяхъ и въ сельскихъ обществахъ законные порядки, стараюсь удовлетворить правильнымъ потребностямъ крестьянъ; а ѣзжу я всегда только съ письмоводителемъ, да иногда съ однимъ служителемъ и, разумѣется, надо мною очень

легко совершить всякое самоуправство и насилие, но я вѣзю повсюду безбоязненно именно потому что вполнѣ надѣюсь на охрану меня закономъ, на уваженіе народа къ моему званію, на то наконецъ что всѣ знаютъ хорошо что если приключится со мною бѣда отъ самоуправства и насилія, то виновные въ этомъ подвергнутся строжайшему наказанію. Въ заключеніе я сказалъ сходу что вотъ вчера, какъ стали расходиться крестьяне по домамъ, кто-то изъ трехдесятиниковъ выругалъ меня, а такъ-какъ тогда ругателей никто не запримѣтилъ, то я поручаю цѣлой волости разыскать ихъ.

По общему движенію на сходѣ было видно что рѣчь мою всѣ поняли хорошо, что поступкомъ дерзкихъ ругателей сходъ сильно возмущенъ.

Затѣмъ я отправился въ мѣстечко Вижуны. И на другой же день депутація отъ Судейскаго схода привезла ко мнѣ двухъ трехдесятиниковъ обругавшихъ меня. Бѣдваки были очень перелугавы, очень жалки. Слезно просили они прощенія. Но я не считалъ возможнымъ простить и отдалъ ихъ на волостной судъ за произведенный на сходѣ беспорядокъ. Судъ присудилъ ихъ къ тѣлесному наказанію.

Съ этихъ поръ Судейская волость была въ числѣ самыхъ спокойныхъ по всему моему участку.

Уцянская волость, въ которой приходилось мнѣ побывать напоследокъ, сосѣдняя съ Судейскою. Мѣстечко Уцяны отъ Судеекъ въ сорокъ четыре версты, а отъ Вилюма ровно въ шестьдесятъ верстахъ.

Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю объ Уцянской волости, между прочимъ и о первомъ моемъ посѣщеніи ея.

Начать съ того что дорога отъ Судеекъ до Уцяны замѣчательно хороша по видамъ на каждомъ шагу появляющимся: небольшіе живописные холмы, небольшіе, какъ-то стройно расположенные лѣса, свѣтлая рѣчка, яркая зелень луговъ чрезвычайно оживляли всю эту мѣстность. Да и весело было мнѣ вѣхать тогда, послѣ благополучнаго окончанія беспорядковъ изъ-за смѣны старшины Ковалелеса.

Уцяны—довольно большое и торговое мѣстечко. Обстроенно очень недурно, по крайней мѣрѣ гораздо лучше чѣмъ гдѣ-нибудь въ моемъ участкѣ. Замѣтно было по всему что жители его, и крестьяне, и Евреи, были зажиточны и не опасались что по ихъ житью-бытью замѣтатъ ихъ зажиточность.

Но Уцянское волостное правленіе совсѣмъ не соответ-

ствовадо торговому, довольно красивому мѣстечку, да и волости самой большой въ моемъ участкѣ: оно помѣщалось въ весьма ветхомъ, тѣсномъ и темномъ строеніи, которое, очевидно, было когда-то корчмою. Но такъ распорядился бывшій мировой посредникъ, графъ Эдуардъ Ч—скій. Во всѣхъ волостяхъ его участка волостныя правленія какъ нарочно были совершенно негодны.

Встрѣча мнѣ отъ Удайскаго волостнаго схода была весьма привѣтливая. Да и то было пріятно что почти всѣ крестьяне могли свободно объясняться со мною по-русски. Въ Удаиской волости уже совершенно подтверждалось мое заключеніе о вліаніи шоссе на обрусеніе Литовцевъ.

Волостной старшина, волостной писарь (какъ водится, польскій шляхтичъ) показали мнѣ людьми хорошими, умными и довольно твердо знающими дѣло. Особенно понравилась мнѣ старшина. На всѣ мои вопросы о положеніи волости онъ не только отвѣчалъ обстоятельно, но, повидимому, ему даже пріятно было отвѣчать объ этомъ. У писаря дѣлопроизводство оказывалось въ порядкѣ; только рѣшенія волостнаго суда были не хороши; но это и вездѣ замѣчалось,—тутъ ужъ нельзя было винить писаря.

Еще одно обстоятельство порадовало меня: крестьяне Удаиской волости, куда еще не появлялась повѣрочная коммиссія, платили оброкъ опредѣленный по уставнымъ грамотамъ довольно исправно и недоимки у нихъ особенно не накоплялись.

Однимъ словомъ, Удайска волость во всѣхъ отношеніяхъ (за исключеніемъ только зданія гдѣ помѣщалось волостное правленіе) представлялась на первыхъ же порахъ въ самомъ хорошемъ видѣ. Но и въ послѣдствіи она ничѣмъ не потревожила меня. Удаискіе крестьяне на разу напримѣръ не нарушили помѣщичью собственность ни лорубками, ни лотравами. Правда, владѣлецъ Удаиъ жаловался что крестьяне принадлежавшіе къ его имѣнію неправильно присваиваютъ себѣ нѣкоторыя луговныя и ластбицныя пространства въ дѣсу; но то былъ споръ о правахъ на владѣніе, который могъ разрѣшиться окончатально только при дѣйствіяхъ повѣрочной коммиссії. Онъ и разрѣшился тогда безъ особенныхъ затрудненій. Кстати замѣчу что повѣрочная коммиссія (подъ предсѣдательствомъ полковника Носовича) нигдѣ не дѣйствовала такъ успѣшно какъ именно въ Удаиской волости, и эта успѣшность во многомъ зависѣла отъ спокойствія и разсудительности здѣшнихъ крестьянъ.

XI.

Собственно о волостях моего первого участка я уже все рассказал. Но мнѣ не хочется кончить на этомъ. Я желалъ бы на послѣдокъ еще добромъ помянуть и природу сѣверо-западнаго края, и тамошній простой народъ.

Я полюбилъ прекрасныя литовскія мѣста. Часто я вспоминаю о той, далекой теперь отъ меня странѣ, можетъ-быть, изстари мнѣ не чужой *. Живописные холмы ея, свѣтлыя рѣки и озера, еще и нынѣ во многихъ мѣстахъ густые лѣса, яркозеленыя луговыя пространства, нивы превосходно воздѣланной земли, даже извилистыя, узкоколейныя дорожки, даже малыя и непримечательныя деревушки, отражаются прекрасными образами въ моемъ воображеніи. По истинѣ говорю что чрезвычайно хотѣлось бы и отдохнуть тамъ, и умереть.

Но еще болѣе полюбилъ я тамошній народъ, этихъ пасмурныхъ, суровыхъ Жмогусовъ.

Право, мнѣ думается что ни одинъ народъ не любитъ такъ своей родины какъ именно Литовцы, всѣ Литовцы, и старики, и молодежь, и мушкетеры, и женщины, и зажиточные люди и бѣдняки. Литовецъ никогда и ни за что не рѣшается и не рѣшится покинуть свою родную сторону. Онъ непоколебимо убѣжденъ что привольнѣе, краше ея нѣтъ нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ. Какъ-бы ни тѣсно, какъ бы ни мучительно жилось ему на родинѣ, онъ ничего дурнаго не думаетъ, не вспоминаетъ собственно о ней: у него есть свое простое пониманіе тѣхъ условій по которымъ живетъ здѣсь тѣсно и мучительно, но оно ни чуть не задѣваетъ родины.

И какъ трудится Литовецъ на здѣшней почвѣ, не рѣдко весьма скудной, почти всегда крайне тяжелой для воздѣлыванія! По большей части она взята съ величайшими усиліями изъ-подъ болотъ, изъ-подъ срубленныхъ лѣсовъ, и даже теперь еще берется все съ такими же усиліями; вездѣ она камени-

* При разборѣ А. В. Рачинскимъ Вицлаповской, въ бывшемъ имѣніи Ваццкаго, библіотеки, я нашелъ нѣсколько документовъ относящихся къ XV столѣтію, въ которыхъ упоминаются два землевладельца съ родовыми прозвищами очень близко подходящими къ моему фамиліи.

ста, отчего нерѣдко у влахивающихъ, боронящихъ и зашвающихся ее людей образуются и расширеніе жилъ на ногахъ, и незбѣжныя затѣмъ раны; безъ удобренія, и очень обильнаго, она не можетъ давать хоть сколько-нибудь вознаграждающихъ трудъ урожаевъ; поля же, по пересѣченности ихъ, раскиданы на далекихъ отъ жилья пространствахъ, отчего еще труднѣе обработка и удобреніе „загоновъ“: но Литовецъ вездѣ и всегда, на своей и на чужой полосѣ, трудится такъ какъ нигдѣ въ Россіи не трудятся, и это не по принужденію, а именно по страстной любви къ своей землѣ и по чувству инстинктивнаго, но глубокаго уваженія къ излюбленному своему труду.

Литовецъ ободряетъ себя въ тяжкомъ трудѣ своемъ чрезвычайно силой повѣстическихъ представленій. Нѣтъ лѣса, дуга, поля, озера, рѣки, ручья, болота, даже большаго камня, нѣтъ деревушки, односелья, придорожнаго креста, о которыхъ плодovitое воображеніе его не создало бы преданій, то мрачныхъ и печальныхъ, то заключающихъ въ себѣ какую-нибудь практически жизненную и строгую мысль, то (и это гораздо рѣже) свѣтаыхъ и радостныхъ, все такихъ преданій въ которыхъ проявляется преимущественно любовь къ родной землѣ. Но и все окружающее его, все попадающее ему на глаза повседневно, какъ-бы нарочно говоритъ ему о родинѣ и о любимомъ его трудѣ. Не только трудолюбивая пчела, а и мрачный жукъ и безлечная, суetaивая муха подаютъ ему странно-своеобразные жизненные уроки. Считаю что будетъ кстати разказать здѣсь литовскія преданія о жукѣ, о мухѣ, о пчелѣ: они чрезвычайно характеристичны.

„Чернаго, рогатаго, шумно-гудящаго жука литовскіе люди очень дичились и не любили. Да и было за что: часто залѣзалъ онъ въ хаты, залпятавался въ разныя кушанья и оттого выходили большія бѣды: кому бывало попадетъ жукъ ненарокомъ на зубы, тотъ ужъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, немедленно же умираетъ. Вотъ за это именно не любили жука литовскіе люди, а онъ и самъ не взялюбилъ ихъ за то что они всегда его дичились.

„Но ему было мало того что онъ портитъ кушанье, даже причинялъ легко смерть: онъ захотѣлъ ненавистью своею нанести всѣмъ людямъ еще большее зло.

„Разъ забрался онъ къ какому-то господарису. Но тамъ были осторожны и никакъ не допустили чтобъ онъ заля-

таася въ кушанье. Тогда, подобравъ крошки отъ хлѣба, оброчевныя на полѣ семейными малолѣтками, злющій жукъ отправился къ Господу Богу показать Ему эти крошки, дабы видѣлъ Господь Богъ какъ пренебрегаютъ люди даромъ Его, хлѣбомъ, что родить родная земля: на полѣ его роняютъ всякій разъ за обѣдомъ и за ужиномъ.

„Но дорога была дальняя. Несъ-несъ крошки злющій жукъ и захотѣлъ отдохнуть, а отдыхая заснулъ, такъ и остались онъ во рту у него. А тѣмъ временемъ налетѣла суетливая муха, отобрала крошки у спящаго жука и отвесла ихъ къ престолу Божію, ничего не оказавъ про то какъ обходятся иной разъ простые люди съ даромъ Божіимъ, хлѣбомъ.

„И съ тѣхъ поръ злющій жукъ утратилъ свою прежнюю силу вредить людямъ и люди перестали его бояться; а суетливой мухѣ дано Господомъ Богомъ быть всегда между людей и подбирать сколько хочетъ крошекъ отъ лица человѣческой; а за то что она подбираетъ ихъ и чрезъ то не допускаетъ чтобы даръ Божій валялся на полу подъ ногами, муха не околеваетъ въ концѣ своей жизни, а умираетъ.“

„Безъ плода трудовъ работающей пчелы ксендзъ обѣдни не служить, безъ плода трудовъ пчелы не обходится человѣкъ и при кончинѣ своей: восковыя свѣчи горятъ и при служеніи обѣдни, и при одрѣ покойника, покуда еще не скоропили его. Возгордилась всѣмъ этимъ работающая пчела и стала считать себя выше всѣхъ тварей земныхъ. А притомъ вздумалось ей что человѣкъ, всегда работающій на землѣ, плохо, слишкомъ мало почитаетъ ея, пчелу.

„И вотъ летить она ко Господу Богу и молить Его, дабы далъ ей такую силу что какъ ужалишь она человѣка тотчасъ же прикаючалась бы ему неминуемая смерть.

„Нѣтъ, сказалъ въ отвѣтъ пчелѣ Господь Богъ: а такъ будетъ: какъ ужалишь человѣка, онъ не умретъ, а ты сама околевешь.

„Съ того времени, такъ и бываетъ всегда: пчела, работающая трудолюбивая, но не могущая по праву своему осилить свою злобу, не умираетъ, а околеваетъ.“

Но и кромѣ этой сильной любви къ родной землѣ, кромѣ постоянно дѣйствующаго расположенія къ земледѣльческому узорному труду, кромѣ, наконецъ, столь замѣчательной способности подкрѣплять себя для жизни лѣгоческими представленіями, у народа литовскаго есть и еще истинно доб-

рыя качества, которыя можно и должно признать основными чертами въ его характерѣ.

Литвины глубоко и искренно религіозны. Литвины способны сдѣлаться даже фанатикомъ въ религіозномъ отношеніи. Живю помню какъ шелохнулись вдругъ Жмогусы въ Виленскомъ уѣздѣ, да и вездѣ въ Ковенской губерніи, вслѣдствіе зловредно раслущенныхъ слуховъ будто русское начальство сѣверо-западнаго края хочетъ непременно обращаться въ православіе всѣхъ тѣхъ католиковъ которые еще не „биржмованы“ (то-есть не получили еще епископскаго миропомазанія). Мнѣ разказывали что тогда являлись въ Ковно огромныя народныя толпы, ежедневно тысячи по двѣ, по три и болѣе, и епископъ Волочевскій едва успѣвалъ „биржмовать“ всѣхъ къ нему обращавшихся. То было народное движеніе, которое могло привести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Но благодаря спокойствію въ распоряженіяхъ тогдашней администраціи все обошлось тихо и благополучно... Заговоривъ о религіозности Литвиновъ, припомню сцены которыя всегда производили на меня глубокое впечатлѣніе. Бывало, пробирался литовскими узко-извивающимися между холмовъ дорожками, позднимъ вечеромъ, по прекращеніи работъ въ полѣ, я уже непременно наѣзжалъ гдѣ-нибудь на толпу мушкетъ и женщинъ, колѣнопреклоненно окружающую высокій крестъ у дорожнаго перекрестка и тихо, стройно поющую молитвы. Общепародная эта молитва, подъ открытымъ небомъ, при закатѣ солнечномъ, среди тишины полей, чрезвычайно умиляла мнѣ душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушала высокое понятіе о народѣ такъ заканчивающемъ свой дневной трудъ.

Религіозностью Литвиновъ обуславливаются еще два его качества, конечно хорошія, хотя и далеко не въ одинаковой степени.

Литвины, столь охотно сторожащіеся со своимъ жильемъ не только отъ чужихъ людей, но и отъ земляковъ, а тѣмъ несомнѣнно обнаруживающій особенную скрытность своего характера, тѣмъ не менѣе вполне правдивый человѣкъ. Эта правдивость такъ вкоренена въ него что я напримѣръ не помню ни одного случая въ которомъ литовскій крестьянинъ о чемъ-нибудь спрощенный, хотя бы то касалось его собственнаго дурнаго поступка, сказалъ бы неправду. Такое уваженіе къ истинѣ не можетъ не возвышать народнаго характера.

Другое качество Литвина обуславливаемое его религиозностью,—та особенная его серьезность, которая выражается во всех жизненных отношеніях какъ-то черезчур угловато, чтобы быть вполне хорошимъ качествомъ. Серьезность эта почти во всемъ доведена до чрезвычайно преувеличенной суровости, и оттого крайне сумрачна жизнь Литвина, какимъ-то мутнымъ потокомъ она течетъ: есть тутъ вѣчто неладное, какъ бы неестественно сложившееся, даже какъ бы противорѣчащее правдивости народнаго характера.

Замѣчу и еще хорошее качество, — чрезвычайную умеренность во всемъ домашнемъ бытѣ Литвиновъ (впрочемъ часто переходящую въ крайнюю же скупость). Литвины, вольно котораго живетъ и безпрестанно суетится Еврей-корчмарь, такой великій мастеръ соблазнять водкой, трезвъ замѣчательно. Онъ, безо всякаго сравненія, трезвѣе Бѣлорусса, а также Поляка мелкаго шляхтича, Поляка мѣщанина и ремесленника. И оттого что литовскій крестьянинъ не поддается въ этомъ отношеніи еврейскимъ соблазнамъ, Евреи, проживающіе по мѣстечкамъ и по деревнямъ въ Ковенской губерніи, гораздо бѣднѣе, даже умственно неразвитѣ чѣмъ тѣ ихъ единоплеменники которые живутъ и промышленяютъ по другимъ губерніямъ сѣверо-западнаго края. Я помню, говорили и писали будто трезвость Литвиновъ проявилась очень недавно, что она плодъ ксендзовской проповѣди, предъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа. Проловѣдь о трезвости точно была, да затѣяна-то она вовсе не съ цѣлю обратити народъ къ воздержанію: она просто-на-просто служила прикрытіемъ прямой мятежнической пропаганды.

Я перебралъ всѣ главнѣйшія хорошія черты въ характерѣ литовскаго крестьянина, и можетъ-быть не съ должною подробностью и ясностью указалъ на нихъ: но мнѣ пора кончить и весь мой разказъ; поэтому слегка же укажу теперь на цѣны стороны ихъ характера, стороны, по правдѣ сказать, крайне не симпатичныя.

Уже много говорилъ я о поземельныхъ отношеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ и о томъ вліяніи какое имѣютъ они на жизнь тамошнихъ крестьянъ въ семьѣ и на „міру“; но приходится и опять вести рѣчь объ этомъ. Несомнѣнно что литовскій крестьянинъ, именно господарись, тутъ-то и про-

являетъ дурныя черты своего характера: чрезвычайную эгоистичность, доходящую до такой жестокости что при ней забываются всѣ родовыя связи и всякая справедливость, и лояльнѣшюю, въ высшей степени неразумную не-предусмотрительность насчетъ положенія въ родной семьѣ и себя самого, и своего потомства. Литовскій крестьянинъ, какъ я уже приводилъ примѣры тому, нисколько не жалѣетъ самыхъ близкихъ своихъ родичей, прихотливо и произвольно выгоняя ихъ изъ дому, лишая ихъ всякаго участія въ родовомъ достояннн; столь мало уважаетъ отца роднаго, уступающаго ему добровольно свое господство что и его выживаетъ изъ дому, да еще за дрянную хатку съ крошечнымъ огородомъ облагаетъ барщиной; не хочетъ предусматривать чтѣ станется съ прочими его дѣтьми, даже съ нимъ самимъ, по передачѣ одному сыну господскихъ своихъ правъ, не предусматриваетъ насколько черезъ все это семья его утрачиваетъ вообще силы и нравственной, и матеріальной. Такимъ образомъ лоятіе о родѣ, о семьѣ, какъ единицѣ для совмѣстной жизни и общаго труда, у литовскаго крестьянина уничтожилось совершенно или, пожалуй, замѣнилось чѣмъ-то крайне неопредѣленнымъ и, скажу прямо, безтолковымъ.

Но несомнѣнно и то что все это развилось не изъ природнаго характера Литвиновъ; тутъ выразились лостороннія вліянія, то особенное воспитаніе какое дала народу крѣпостная практика. Говорятъ, и я готовъ съ этимъ согласиться, что крестьянинъ, дѣятельность котораго всегда односторонняя, а лоятія объ обязанностяхъ къ обществу, къ близкому мало развиты, и вообще самшкомъ склоненъ къ эгоизму самому узкому и жесткому; но я увѣренъ въ томъ что никогда природенный эгоизмъ литовскаго крестьянина не достигъ бы той степени жестокости и неразумія, на какой онъ теперь стоитъ, еслибы не была ему навязана при крѣпостномъ правѣ система участковаго пользованія землею, еслибы характеръ его не сложился подъ вліяніемъ ласкаго производа...

Заговоривъ объ этомъ, не могу не перейти олатъ къ литовскому батрачеству.

Положеніе батраковъ сѣверо-западнаго края, особенно же въ Ковенской губерніи, гдѣ батрачество наиболѣе развито, повторяю и готовъ повторять безпрестанно, въ выс-

шей степени тяжело и безотраднo для нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вредно, даже опасно для общества и государства.

И вотъ что надо твердо замѣтить: батрачество, порожденное прежними условіями жизни здѣшняго народа, должно будетъ неминуемо развиваться и усиливаться все болѣе и болѣе, если народная жизнь не получитъ здѣсь иного направленія.

Объ этомъ одно время много думали. Но не вышло тутъ результатовъ какихъ слѣдовало бы ожидать.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ телерешнаго моего разказа я упоминалъ мелькомъ о томъ что когда я былъ мировымъ посредникомъ въ Ковенской губерніи, вопросъ объ обезпеченіи быта здѣшнихъ батраковъ обсуждался сначала въ Ковнѣ, потомъ въ Виленѣ, и что въ оба эти раза меня призывали къ участію въ трудахъ особыхъ комиссій занимавшихся этимъ важнымъ дѣломъ. И первоначальный ходъ его былъ чрезвычайно интересенъ; но подробный разказъ о немъ, думается, еще неудобенъ для телерешнаго времени. Я рѣшаюсь только привести здѣсь записку поданную мною въ началѣ ноября 1865 года тогдашнему генералъ-губернатору сѣверо-западнаго края, вслѣдствіе которой и была образована вторая комиссія по вопросу о батракахъ.

Вотъ что писалъ я:

„Положенія 19 февраля 1861 года и послѣдовавшія затѣмъ правительственныя распоряженія изданныя въ облегченіе и обезпеченіе быта крѣпостныхъ крестьянъ имѣли въ сѣверо-западномъ краѣ примѣненіе только къ лицамъ крестьянскаго сословія пользовавшимся отъ помѣщиковъ какими-либо земельными участками, и къ тѣмъ еще которые были обезземелены въ извѣстный періодъ времени (отъ составленія инвентарей или послѣ 1857 года). Но многочисленный классъ здѣшняго народа, батраки, не воспользовался благотвіями крестьянской реформы во всемъ ея размѣрѣ. Быть батраковъ остается попрежнему крайне стѣсненнымъ и безотраднымъ: они въ той же въ какой были прежде зависимости отъ помѣщиковъ и отъ крестьянъ-дворохозяевъ (господарей), а эта зависимость особенно тяжела, потому что батраки-земледѣльцы по преимуществу и инымъ трудомъ, кромѣ земледѣльческаго, по многимъ причинамъ обуславливающимъ все экономическое положеніе здѣшняго края, заниматься не могутъ. Правда, законъ 19 февраля 1861 года даровалъ батра-

какъ общія гражданскія права, стало-быть даровалъ имъ и нравственныя средства для борьбы съ эксплуатаціей помѣщиковъ и господарей, и, конечно, въ полную крѣпостную зависимость на всѣхъ прежнихъ ея основаніяхъ они не владутъ; но все-таки по неимѣнію вообще нравственныхъ силъ, зависящему отъ матеріальнаго ихъ состоянія, они не могутъ идти самостоятельно къ какому-либо улучшенію, а тѣмъ мѣнѣе къ обезпеченію своего быта, и въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ изъ себя полный пролетаріатъ, вредный для края въ экономическомъ отношеніи и не безопасный для государства въ отношеніи политическомъ.

„Можно утвердительно сказать что если не будутъ приняты мѣры къ тому чтобы теперешнее положеніе батраковъ измѣнилось существенно и именно на основаніяхъ какія были указаны при крестьянской реформѣ Высочайшею волею для всего народа Русскаго, то положеніе это представится совершенно безысходнымъ. Посему вопросъ объ улучшеніи и обезпеченіи быта батраковъ стоитъ на очереди для разрѣшенія, безъ котораго была бы и неполна крестьянская реформа въ здѣшнемъ краѣ.

„Мѣстное высшее начальство уже обратило вниманіе на батраковъ; въ виду его имѣются многіе факты о теперешнемъ ихъ положеніи; но можно сомнѣваться чтобы для вѣрнаго разрѣшенія вопроса достаточно было этихъ фактовъ: они слишкомъ отрывочны, слишкомъ неполны, не обнимаютъ собою всѣхъ жизненныхъ отношеній отъ которыхъ зависитъ батрачество со всѣми его послѣдствіями.

„Въ прежнее время ряды батраковъ пополнялись преимущественно произволомъ помѣщиковъ; но вынѣ нѣтъ уже ему мѣста, а число батраковъ можетъ расти нескончаемо: сама народная жизнь казнить язвой батрачества младшихъ членовъ семействъ, лишая ихъ незаконно наследственныхъ правъ на общее родовое достояніе и уничтожая тѣмъ силу и значеніе семьи какъ общественной единицы. Такъ дѣйствовала народная жизнь постоянно и въ прежнее время при произволѣ помѣщичьемъ какъ бы помогая ему; но изъ-за него ея дѣйствія оставались незамѣтными. При крестьянской реформѣ для здѣшняго края какъ и для всей Россіи принималась въ расчетъ крѣпостная зависимость крестьянъ только отъ помѣщиковъ; другая же причина обуславливавшая крѣпостную зависимость значительной части народонасе-

ня не отъ помѣщиковъ, а отъ господрей, вовсе была упущена изъ виду: оттого батраки, да и всѣ младшіе члены семействъ не воспользовались благодѣяніями реформы 19 февраля 1861 года; оттого же всякія мѣры къ облегченію положенія батраковъ останутся неэффективными для настоящаго и особенно для будущаго времени, если только не будутъ онѣ основаны на твердомъ изученіи батрачества по отношенію къ дѣйствительной жизни.

„Позволю себѣ думать что предварительно рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта батраковъ надо было бы изслѣдовать этотъ бытъ во всѣхъ его отношеніяхъ, чрезъ особо для сего назначенную комиссію.

„Трудъ принадлежащій этой комиссіи чрезвычайно важенъ: она должна изслѣдовать съ величайшею подробностью всѣ причины произведшія и производящія батрачество и затѣмъ всю жизнь батрака отъ начала и до конца со всѣми ея условіями. Тогда можетъ раскрыться въ цѣльной и ясной картинѣ, насколько и какъ зависитъ батракъ отъ наемателя пользующагося его трудомъ,—помѣщика и крестьянина-господаря; что даетъ ему постоянный земледѣльческій трудъ; насколько возможенъ для него самостоятельный выходъ вслѣдствіе усерднаго труда и бережливаго образа жизни изъ бездомнаго, безземельнаго и безсемейнаго батрачества въ иное, лучшее положеніе; насколько въ дѣйствительности улучшается его бытъ при такомъ выходѣ; возможна ли для него хоть сколько-нибудь обезпеченная семейная жизнь, и наконецъ, что такое вообще батракъ какъ членъ крестьянскаго общества и каковы размѣры его физическихъ и нравственныхъ силъ.

„Тогда только, мнѣ кажется, можно будетъ найти вѣрные способы къ рациональному улучшенію и обезпеченію быта батраковъ и младшихъ членовъ крестьянскихъ семействъ,—чѣмъ и довершится великое дѣло крестьянской реформы въ здѣшнемъ краѣ.“

На этомъ я и оканчиваю.

С. СЛАВУТИНСКІЙ.

22 апрѣля 1879 года.
Острогожскъ.

НАВОЖДЕНИЕ

ПОВѢСТЬ

I.

И вотъ я опять здѣсь, въ Лозаннѣ, въ томъ же самомъ домикѣ... Все на своемъ мѣстѣ, какъ было тогда,—каждый стулъ, каждая вещьца... И еслибы кто зналъ только какъ это мучительно, что все неизмѣнно и на своемъ мѣстѣ!...

Я пріѣхалъ сюда прямо изъ Парижа—зачѣмъ? самъ не знаю, только мнѣ показалось и продолжаетъ казаться что нужно было ѣхать именно сюда и здѣсь дожидаться... пока все не кончится... И въ первую же минуту, какъ я вчера вошелъ въ эти комнаты, я почувалъ что скоро конецъ... Да, скоро—я чувствую, я знаю навѣрное что скоро!

Но прежде чѣмъ кончится я еще разъ долженъ все вспомнить, все повторить—весь этотъ ужасъ, эти сны на яву... все что было... Вѣдь пройдутъ еще дни, недѣли, а время стало такъ отвратительно тянуться!... Мнѣ лишь бы только забиться. Стану писать, можетъ-быть уйду назадъ; мнѣ непремѣнно нужно отойти отъ себя, отъ этого ожиданія, чтобы та минута подкралась незамѣтно и сразу овладѣла мною.

Вотъ проснулось опять все, живое, въ мельчайшихъ подробностяхъ...

II.

Этому около десяти лѣтъ. Мы тогда жили еще въ Москвѣ, всё вмѣстѣ, въ своемъ домѣ близъ Каретнаго Ряда. Домъ нашъ былъ старый, большой, одноэтажный, съ мезониномъ. Дворъ на которомъ лѣтомъ выростала густая трава. Изъ столовой дверь на балконъ, а тамъ садъ съ цвѣтникомъ, тепличками, бесѣдами. Комнаты въ домѣ Богъ знаетъ сколько, и у каждой свое, иногда совсѣмъ неизвѣстно почему данное ей названіе—„угольная“, „диванная“, „средняя“, „вторая“... Была и „бабушкина“ комната, и „тети Сашина“, хотя и бабушка и тетя Саша прожили въ нихъ недѣли съ двѣ какъ-то проѣздомъ, лѣтъ двадцать тому назадъ.

Домъ нашъ далеко не отличался чистотою. Закоптыямы лотожки, потрескавшійся паркетъ, тускляя и мѣстами облупившіяся рамы темныхъ картинъ, поцарапаныя портьеры. Мебель была старинная, тяжелая, обитая совсѣмъ даже и неизвѣстною теперь матеріей. Ничего не прикуралось, не передѣлывалось, не обновлялось, и все стояло такъ какъ было еще устроено къ бабушкиной свадьбѣ. Да что я—къ бабушкиной! было много и прабабушкиной мебели, напримѣръ цѣлая большая комната изъ желтой карельской березы. Удивительная комната, моя любимая! Кресла съ мѣста не сдвинуть, а про столы ужъ и говорить нечего. Подзеркальный столъ представлялъ собою цѣлый замокъ, только съ плоскою крышей. Тутъ были и башенки, и ворота, и лѣстницы, и даже часовни. Въ маленькихъ нишахъ стояли бронзовыя статуетки, а у главнаго входа, то-есть по срединѣ стола, лежали два бронзовыхъ сфинкса, въ поларшина величиною. Такими же сфинксами оканчивались ручки креселъ и дивановъ, а ножки были сдѣланы въ видѣ косматыхъ звѣриныхъ лапъ съ когтями. По всѣмъ комнатамъ была наставлена бронза стила Louis XVI и Empire, вазы, фигурки, старинный фарфоръ. Но, Боже, въ какомъ все это было видѣ! Пылъ сметалась собственно говоря только два раза въ годъ, къ Рождеству и къ Пасхѣ, а прислуга и мы, дѣти, испортили и перебили все что только можно было перебить и испортить. Къ тому же и до насъ уже многое было перебито...

Прислуги въ послѣднѣе годы конечно значительно убавилось; но все же въ передней безсмысленно торчало два не совсѣмъ опрятныхъ лакея и совсѣмъ уже грязный мальчишка; въ буфетѣ вѣчно возилась старуха и лязвый Семенъ и колотилъ посуду, а по безчисленнымъ корридорамъ съ утра до вечера свозили горничныя и няньки.

Дѣтей и подростковъ жило въ домѣ никогда не меньше дюжины, а взрослыхъ, не считая отца и матери, набиралось человѣкъ до пятнадцати. Только въ послѣднее время когда ужъ наши переселились въ деревню, все старое разбрелось въ разныя стороны, да и самый домъ нашъ продавъ, я сообразилъ и ловилъ какое это было безобразіе, но тогда мнѣ казалось что всѣ такъ живутъ и что иначе и жить невозможно. У отца всегда было пропасть дѣлъ и хлопотъ, онъ уѣзжалъ иной разъ изъ Москвы на нѣсколько мѣсяцевъ и вообще считался у насъ гостемъ. Мама всю жизнь свою была и есть воплощеніе доброты, беспорядочности и широкаго неизмѣннаго радушія. И чего-чего не вынесла она изъ-за этого радушія. Дяденьки, тетеньки и кузины—да вѣдь какіе еще!—пятнюродные, шестнюродные, откуда-то прѣѣзжали прямо къ намъ, выбирали себѣ комнату, поселялись и спокойно жили у насъ цѣлые годы. Другіе привозили въ Москву своихъ дѣтей, помѣщали въ учебныя заведенія и поручали мама заботиться объ нихъ и брать къ себѣ на праздникъ. По воскресеньямъ, на Рождество и на Святую у насъ всегда набиралось столько разныхъ кузеновъ и кузинъ что несмотря на безчисленность нашихъ комнатъ приходилось стоять постели даже въ гостиныхъ. Можно себѣ представить какая поднималась возня и какіе иной разъ выходили исторіи! Между нами разыгрывались водевили, комедіи и драмы, мы дружились, ссорились, враждовали, а по мѣрѣ того какъ нѣкоторые изъ насъ вырастали, являлась и вѣжливость, и поцѣлуи въ угодакъ, и планы будущихъ супружествъ. Конечно, все выходило на свѣжую воду, раздувалось, дополнялось всевозможными сплетнями нянекъ и тетенекъ. Начинались сажадствія и сообразные съ обстоятельствами дѣла приговоры. Бѣдная мама иной разъ доходила до полного изнеможенія, надсаживала себѣ грудь въ роли верховнаго судьи и съ отчаянными фразами запиралась въ свою комнату.

III.

Въ такой-то Ноевъ ковчегъ суждено было попасть и Зинѣ. Ея мать была большимъ другомъ мама и предъ смертью написала ей письмо, въ которомъ поручала „ея золотому сердцу“ свою бѣдную дѣвочку. Отца Зина и не помнила—онъ умеръ чуть ли не въ самый годъ ея рожденія, а олекуны были очень рады пристроить ее въ нашемъ семействѣ.

Это было раннею осенью, мы только-что вернулись съ дачи. Я, помню, сидѣлъ въ своей комнатѣ весь залачканный красками предъ начатымъ мною пейзажемъ, когда ко мнѣ влетѣла сестра Катя.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! едва выговорила она переводя духъ.—Знаешь, Зину привезли, она тамъ съ мама въ гостиной...

— Ты ее видѣла?

— Да, видѣла, она хорошенькая... вся въ черномъ... только не плачетъ... пойдемъ же скорѣе!

— Я-то зачѣмъ пойду? Слава Богу еще услѣю разглядѣть... видишь—рисую... и пожалуста не мѣшайте мнѣ до обѣда...

— Чтò это ты? кажется, интересничать вздумалъ... ну такъ сиди... ты думаешь ты такой важный баринъ что къ тебѣ въ комнату ее приведутъ представляться... какъ же! жди!

И Катя убѣжала.

Я нисколько не „интересничалъ“, по крайней мѣрѣ вовсе не думалъ интересничать. Я зналъ что этой Зинѣ всего лѣтъ тринадцать, самое большее четырнадцать, и ея появленіе у насъ въ домѣ нисколько меня не занимало. Я тогда только-что начиналъ считать себя взрослымъ молодымъ человѣкомъ, я уже заѣзжалъ къ Огюсту брить воображаемые усы и заказалъ себѣ первый фракъ у Циммермана. Я былъ влюбленъ въ молодецкую танцовщицу, съ которой меня даже обѣщали познакомить—и какое же мнѣ дѣло было до какой-нибудь маленькой дѣвочки!...

Я преспокойно остался предъ мольбертомъ и продолжалъ работать. Но чрезъ нѣсколько минутъ недалеко въ корридорѣ послышались голоса, двери распахнулись, и ко мнѣ вошла Катя ведя лодъ руку нашу новую гостью, а за ними вся ватага дѣтей.

— Вотъ это нашъ старшій братъ André, который теперь что-то очень заважничалъ и считаетъ себя большимъ человекомъ.... только мы не очень-то его боимся! объявила Катя, смѣясь и дѣлая мнѣ гримасы.

За нею и дѣти разразились хохотомъ и принялись прыгать кругомъ меня и бить въ ладоши.

Въ первую секунду я хотѣлъ было раскричаться и пугнуть ихъ хорошенько; но сразу при этой Зинѣ все же было неловко, да и сама она меня неожиданно поразила. Я почему-то ожидалъ увидѣть какую-нибудь маленькую дикарку, а между тѣмъ предо мной стояла и глядѣла на меня большими темными глазами изящная высокая дѣвочка съ удивительно-нѣжнымъ и блѣднымъ лицомъ, еще болѣе нѣжнымъ и блѣднымъ отъ чернаго траурнаго платья.

Я даже сконфузился и смущенно поднялся со стула. Она мнѣ присѣла, внимательно меня разглядывая.

— Pardon, ne vous saluez pas! чувствуя что краснѣю сказалъ я и протянулъ ей руку.

— Ну вотъ, ну вотъ! ну какже не важничаетъ!... даже извиняется.... Сейчасъ онъ тебя назоветъ „Mademoiselle“ и начнетъ говорить комплименты.... а ты знаешь чтò?...

Катя нагнулась къ Зинѣ и прошептала ей на ухо, но такъ что я все слышалъ:

— Ты прямо возьми его за вихоръ да и поцѣлуй!...

Зина покраснѣла и улыбулась; но совѣту Катю не послѣдовала.

Я рѣшительно не зналъ къ мнѣ держать себя, не зналъ о чемъ говорить, и вдругъ бросился вынимать и показывать Зинѣ мои эскизы и рисунки. Она внимательно ихъ разсматривала и все повторяла:

— Ахъ, какъ вы хорошо рисуете!.. какъ это мило!...

Показалъ я ей и сдѣланный мною портретъ Катю.

— Очень, очень похоже!... а вотъ у меня совсѣмъ нѣтъ моего портрета — мама никогда не хотѣла снять, какъ я ни просила... Правда, у нея былъ одинъ, когда я была совсѣмъ маленькою дѣвочкой, тоже красками, съ какою-то собачкой, которой на самомъ дѣлѣ никогда и не было.... только такой противный портретъ, совсѣмъ не похоже.... я его терпѣть не могла и сейчасъ послѣ маминой смерти разрѣзала на кусочки.... Вы снимете съ меня портретъ? да? скажите!..

— Хорошо, сниму, отвѣтилъ я всматриваясь въ ея нѣжное, красивое лицо. Теперь оно оживилось, хоть на щечкахъ

все же не было никакого признака румянца. Только глаза оживились и съ умильною, ласковой улыбкой она твердила:

— Пожадуста же снимите!... непременно.... я сколько хотите буду сидѣть и не шевелиться.... только чтобы было похоже...

IV.

Послѣ обѣда мама объяла Зину и увела ее въ свою спальню. Я тоже пошелъ за ними. Спальня мама была небольшая комната съ такою же старою мебелью какъ и во всемъ домѣ. Въ углу стоялъ высокій киотъ, гдѣ неугасимая лампадка освѣщала массивныя ризы старинныхъ иконъ переходившихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. По стѣнамъ были развѣшаны семейные портреты.

Мама усадила Зину на свой маленькій диванчикъ, когда-то прежде стоявшій въ гостиной и замѣчательный тѣмъ что на немъ лапа сдѣлалъ предложеніе. Объ этомъ я узналъ еще въ дѣтствѣ и съ тѣхъ поръ меня очень часто преслѣдовалъ вопросъ: какъ это лапа дѣлалъ предложеніе и отчего именно на этомъ диванчикѣ? Мнѣ почему-то тогда казалось что онъ непременно встрѣтилъ мама посрединѣ залы, взялъ ее за руку, провелъ во вторую гостиную, посадилъ на этотъ диванчикъ и сдѣлалъ ей предложеніе. Но какимъ образомъ, въ какихъ выраженіяхъ онъ его дѣлалъ—этого я никогда не могъ себѣ представить...

Ну, такъ вотъ на этотъ-то самый изученный мною до мельчайшихъ подробностей диванчикъ мама и усадила Зину рядомъ съ собою, объяла ее и стала расспрашивать объ ея покойной матери. Я сѣлъ въ углу на большое кресло и закурилъ папиросу (тогда мнѣ только-что было официально разрѣшено куренье послѣ долгихъ упрековъ и колебаній).

Зина разказывала очень охотно. Она подробно говорила о послѣднихъ дняхъ своей матери, о томъ какъ она ужасно страдала, о томъ какъ бредила, чего желала и о чемъ просила предъ смертью.

Мама едва успѣвала вытирать слезы и наконецъ, не выдержавъ, закрыла лицо платкомъ и тихо, горько зарыдала. Зина опустила глаза; но ея лицо оставалось совершенно спокойнымъ. Вообще во все продолженіе ея разказа я съ удивленіемъ замѣтилъ что она передавала самыя тяжелыя подробности какъ будто простыя и нисколько не касавшіяся до нея вещи.

— Я любила твою мать какъ сестру родную и тебя буду любить какъ дочь, проговорила мама прерывающимся голосомъ.—А ты, Зина, скажи.... ты молишься объ ней?..

Зина молчала.

— Ты никогда не должна забывать ее... вѣдь ты любила ее? да? любила?

— Нѣтъ, я ее никогда особенно не любила, тихо и спокойно отвѣтила Зина.

Мама была поражена. Она изумленно и испуганно взглянула на нее своими прекрасными, глубокими и теперь покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

— Боже мой! да за что же?... она была такая добрая.... ты была единственное дитя ея...

— Не знаю.... просто не любила.

Бѣдная мама не нашла что и возразить на это. Она только опять залакала и сквозь слезы прошептала:

— Не думала я, Зина, что ты такъ огорчишь меня...

— Я совсѣмъ не хотѣла огорчать васъ.... мнѣ показалось что хуже будетъ если солгу и скажу не-то что въ самомъ дѣлѣ было...

И тутъ она сама зарыдала.

Мама привлекла ее къ себѣ, а я вышелъ изъ комнаты

V.

Мѣсяца чрезъ два Зина уже окончательно освоилась у насъ въ домѣ. Она вошла въ нашу жизнь и наши интересы, узнала всѣ наши воспоминанія, исторіи, отношенія къ старшимъ и другъ къ другу. Она раздѣляла съ нами нашу ненависть и вражду къ старой дѣвѣ—шестиродной тетюшкѣ Софьѣ Ивановнѣ и старшей нянькѣ, прозванной нами „Бабелиной“...

Рѣшено было что Зину въ институтъ не отдадутъ, какъ это сначала предполагалось, а будетъ она жить у насъ и учиться съ сестрами и двумя кузинами. Всѣ наши, разумѣется кромѣ Софьи Ивановны и Бабелины, ее сразу полюбили. Она оказалась далеко не шалуницей, не затѣвала крику и визгу, ни съ кѣмъ не ссорилась и была довольно послушна. Сдружилась съ Катей, очень мило лѣла всевозможные романсы и малороссійскія лѣсни. Одно что ей окончательно не удавалось—это ученье. Бывало битыхъ два часа ходить по залѣ

и учить географію... только и слышно: „Ислаганъ, Тегеранъ... Тегеранъ, Ислаганъ“... и все-таки никогда не знала урока. Никакой памяти и удивительная разсѣянность. Она ни за что не могла углубиться въ книгу и ловить смыслъ того что учила. Вотъ раздался звонокъ въ передней—она заглядываетъ кто позвонилъ, вотъ подошла къ окошку и смотритъ на улицу, вотъ идетъ изъ угла въ уголъ и глядитъ себѣ подъ ноги—считаетъ квадратики паркета, прислушивается къ бою часовъ, къ жужжанію мухи за стекломъ, дуется предъ собой пушилку... а губы совсѣмъ бессознательно шелчутъ: „Ислаганъ, Тегеранъ... Тегеранъ, Ислаганъ“...

Ко маѣ она привязалась съ первыхъ же дней и кажется чрезъ недѣлю по ея пріѣздѣ мы были уже на „ты“ и искали глазами другъ друга. Я вдругъ разлюбилъ мою танцовщицу, отказался даже отъ знакомства съ нею и все больше сидѣлъ дома. Тогда я готовился къ университетскому экзамену, бралъ уроки у приходящихъ учителей, а въ свободное время занимался живописью. Окончивъ свой пейзажъ, я принялся за Зининъ портретъ. Мама противъ этого ничего не имѣла и Зина каждый день въ назначенный мною часъ являлась ко маѣ въ комнату. Она садилась предо мною въ кресло, принимала граціозную позу и начинала не отрываясь глядѣть на меня своими черными не мигавшими глазами.

Мнѣ иногда даже какъ-то жутко становилось отъ этого взгляда. У нея были странные глаза—они всегда молчали. Ея ротъ говорилъ, улыбался, выражалъ ласку, боль, нетерпѣніе, радость и страхъ, а глаза оставались неподвижными, безучастными. Они умѣли только пристально, загадочно смотрѣть съ какимъ-то смущающимъ вопросомъ. Если изрѣдка и вспыхивало въ нихъ какое-нибудь чувство, то всегда только мгновенно; едва успеешь уловить его какъ глаза уже молчать полпрежнему.

Зина произвела на меня сразу, съ первой же минуты, неотразимое впечатлѣніе. Я началъ смотрѣть на нее не какъ на четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, а какъ на существо совсѣмъ особенное. И странное дѣло, я наблюдалъ за нею и подмѣчалъ въ ней многое дурное, чего никто не видѣлъ, и въ томъ числѣ какую-то непонятную, отвратительную жестокость. Ея любимымъ занятіемъ было вслѣдски мучить жившихъ у насъ собакъ и кошекъ, и я никакъ не могъ ее отучить отъ этого. Конечно, я возмущался всѣмъ этимъ, но

не на долго. Стоило ей ласково взглянуть на меня, и все забывалось. Гдѣ бы я ни былъ и что бы ни дѣлалъ, меня тянуло къ ней неустойчиво.

Я старался скрывать это ото всѣхъ, и отъ нея самой, и своимъ отношеніямъ съ нею придавалъ оттѣнокъ покровительственнаго вниманія и шаловливой свисходительности. „Андрюшинъ капризъ“, вотъ какое названіе для Зины придумала Катя и оно, какъ и всѣ наши прозвища, пришло очень скоро.

А между тѣмъ этотъ „капризъ“ не проходилъ, а съ каждымъ днемъ забиралъ надо мною все больше и больше власти. Я самъ не замѣтилъ какъ совершилась полная перемѣна въ моей жизни. Знакомые, товарищи, тѣнцы, театръ для меня ужъ больше не существовали. Мои учителя удивлялись отчего я такъ разсѣянъ; если бы они знали, что я едва заглядываю въ книги предъ ихъ приходомъ, то стали бы удивляться только моею дѣйствительно въ то время огромной памяти.

Одно чѣмъ я занимался съ наслажденіемъ, былъ Зининъ портретъ. Я проводилъ надъ нимъ цѣлые часы, и всѣ увѣряли что онъ становится очень похожимъ. Но самому мнѣ онъ казался ужаснымъ: я хотѣлъ чтобъ это вышло живое лицо и долженъ былъ справляться съ такими трудностями какія мнѣ тогда были не подъ силу. Наконецъ я какъ-то вдругъ отыскалъ настоящее сочетаніе красокъ—нѣсколько штриховъ, тѣней, и вдругъ лицо оживилось, съ полотна галнуда на меня Зина съ ея странною бѣлизной, съ молчаливыми, неподвижными глазами.

Я весь дрожалъ, я задыхался отъ восторга, я чувствовалъ въ себѣ наитіе новой силы и боялся что вотъ-вотъ она сейчасъ исчезнетъ, а я не успею ничего сдѣлать. Но мнѣ нуженъ былъ оригиналъ для продолженія работы. Я выбѣжалъ изъ комнаты и сталъ звать Зину.

Ея нигдѣ не было и никто даже не могъ сказать мнѣ куда это она пропала. Я подумалъ что она нарочно отъ меня прячется, поручилъ дѣтамъ искать ее и самъ обѣгалъ всѣ углы и закоулки.

— Зина! Зина! раздалось по всему дому.

— Ну чего кричите, не услышитъ, въ кухню она пробѣжала... видно чистыхъ комнатъ мало показалось....

Это говорила, высунувшись изъ двичьей, наша грубая Бабелина.

Я бросился черезъ длинный темный корридоръ въ кухню.

VI.

Кухня у насъ была величины необъятной и перегородками раздѣлялась на нѣсколько комнатъ. Тутъ жили поваръ съ поваренкомъ, кухарка и прачки, кромѣ того вѣчно проживалъ какой-то пришлый людъ, какіе-то кумовья и сваты нашей прислуги, находящіеся безъ мѣстъ и пристанища. Я убѣжденъ что между ними не разъ попадались и безлеспортные. Никто изъ господъ никогда въ кухню не заглядывалъ и тамъ могло происходить всякое безобразіе, особенно при системѣ взаимнаго укрывательства. Я помню что одинъ разъ въ теченіе полугода нашъ поваръ непробудно съ утра пьянствовалъ, а за него готовилъ какой-то его братъ, получавшій за это даровое помѣщеніе, харчи, а по вечерамъ и водку. Обо всемъ этомъ мама довела только тогда, когда ужъ оба брата впади въ залой, было перепорчено нѣсколько обѣдовъ и мама рѣшилась взять новаго повара.

Въ кухню носился чадъ и невыносимый запахъ махорки. Сквозь этотъ чадъ я едва разглядѣлъ Зину. Она стояла у окошка и что-то внимательно разсматривала. Поваръ возившійся у плиты замѣтилъ меня и снялъ свой колпакъ, вѣроятно въ знакъ особенной почтительности.

— Ну ладноте, барышня, что вы тутъ.... оставьте.... забасилъ онъ обращаясь къ Зинѣ,—только ручки залачкаете.... вотъ и Андрей Николаевичъ идетъ за вами!..

— Зина, что ты тутъ дѣлаешь? удивленно спросилъ я подходя къ ней.

— Погоди, я сейчасъ, сейчасъ.... я только хочу посмотрѣть что съ нимъ теперь будетъ!..

Она на мгновеніе обернула въ мою сторону оживленное лицо, блеснула глазами, а затѣмъ опять нагнулась къ окошку.

На окнѣ лежалъ черныи, живой ракъ и медленно поводилъ клещами. Я не зналъ что и подумать, не понималъ что она особеннаго видитъ въ этомъ ракѣ. Поваръ послѣдилъ объяснить мнѣ.

— Да вотъ-съ, играютъ.... танцовать его заставляютъ, а не слушается, такъ онъ у него лалку-съ за это выдернули.... право-съ.... вотъ и лалка.

— Зина! au nom du Ciel.. Comment n'as'tu pas honte... et quelle cruauté! смущенно проговорилъ я, стараясь за руку отвести ее отъ окошка.

Но она упиралась, она не могла оторваться отъ рака.

— Нѣтъ, какво, какво! онъ хотѣлъ ущипнуть меня за палецъ!.. ну, такъ лстой, лстой, будешь же ты у меня тцццовать... тра-та-та, тра-та-та!.

Она схватила рака за клещи, подвела, стала вертѣть его во всѣ стороны и шлепать имъ ло окну. Ракъ судорожно поджималъ хвостъ и вздрагивалъ лапами.

— Ай! онъ опять ущипнулъ меня!.. вотъ же тебѣ, вотъ!..

Что-то хрустнуло и оторванный клещъ улялъ на полъ.

— Ну вотъ видишь, вотъ и наказанье!.. Ахъ, какой онъ смѣшной телеръ!.. Бѣденевскій цваландъ... ну, ничего, ничего, дай я тебя поглажу... цци нѣтъ... такъ право не красиво...

Я не успѣлъ оттащить ее отъ окошка какъ ужъ въ ея рукѣ оказался и другой клещъ. Она смѣялась, она глубоко дышала въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи...

Я почти силой увелъ ее изъ кухни. Я сжималъ ея руку все сильнѣе и сильнѣе. Она ничего не говорила и послушно шла въ мою комнату; наконецъ у самой уже двери шелкнула:

— Ты совсѣмъ раздавишь мнѣ пальцы!

— Слѣдовало бы! задыхаясь отвѣтилъ я почти бросая ее въ кресло предъ мольбертомъ.

Я чувствовалъ что уже не могу рисовать, что мое настроеніе, моя сила исчезли. Я со злобой смотрѣлъ на блѣдную Зину. Вдругъ она прыгнула съ кресла, кинулась ко мнѣ на колѣни и обвила меня своими тонкими руками.

— Ну, не сердись, Андрюшечка душечка... ну, не сердись на меня пожалуйста!..

Она стала меня цццловать, а глаза ея все также молчаливо и жутко блестяли.

VII.

Я не оттолкнулъ Зину и ничѣмъ больше не выразилъ ей негодованія возбужденнаго во мнѣ ея отвратительною жестокостію. Я даже совсѣмъ позабылъ и объ ея поступкѣ, и о своемъ негодованіи.

— Да ну, поццлуй же меня... не дуйся... я такъ люблю тебя, Андрюша...

Она откинула назад свои черные волосы, взяла обѣими руками мою голову и тихонько приближала ко мнѣ губы.

Я хотѣлъ подняться, хотѣлъ убѣжать,—и обнялъ ее, и отвѣтилъ ей крѣпкимъ поцѣлуемъ.

Что-то мгновенное, что-то зное и въ то же время торжествующее блеснуло въ глазахъ ея и вдругъ она осторожно встала съ кофѣи моихъ и спокойно, оправая платье, сѣла предо мною въ свое кресло. Лицо ея было блѣдно и глаза ничего не выражали.

— Что же ты сегодня будешь рисовать или мнѣ уйти можно? проговорила она скучающимъ голосомъ.

Я глядѣлъ на нее изумленный, растерянный.

— Знаю, что съ тобою? отчего ты вдругъ такая?.. развѣ я тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?..

— Что такое? ничего со мною... только скучно—позвалъ меня, а самъ не рисуетъ!.. и вотъ рука болитъ, вы мнѣ чуть пальцы не сломали... оставьте меня въ покоѣ!..

Она зло и презрительно сжала губы и отвернулась.

Нежданная, никогда еще неиспытанная мною тоска схватила меня за сердце и самъ не знаю какъ я бросился предъ нею на кофѣи, поймалъ ея руку, ту самую руку за которую велъ ее по корридору, и покрывалъ ее поцѣлуями.

— Пожалуйста... пожалуйста!.. вотъ еще какія нѣжности, цѣловать руку у такой дѣвченки какъ я!.. оставь меня, оставь!..

Она вырвалась и убѣжала хлопнувъ дверью.

Я остался одинъ на полу предъ кресломъ. Я вскочилъ и не знаю для чего хотѣлъ кинуться за нею; но вдругъ остановился и долго стоялъ неподвижно, безо всякой мысли, только сердце громко стучало.

Я помню, мнѣ сдѣлалось тяжело, неловко, стыдно. Я смутно сознавалъ что унизилъ себя, олозорилъ. Она злая, капризная, жестокая дѣвченка и ничего больше, а я вмѣсто того чтобы строго отвѣстись къ ея мостулку, я цѣловалъ ея руку, я сталъ предъ нею на кофѣи, и она же еще, доведя меня до этого, разыграла обиженную и разсерженную... „Она дѣвченка, дѣвченка, дѣвченка!“ бѣшено повторялъ я себѣ и въ то же время мнѣ безумно хотѣлось чтобъ она снова вошла ко мнѣ, чтобъ опять сказала: „да ну поцѣлуй же меня.... не дулся.... я такъ люблю тебя, Андрыша...“

А еслибъ она вошла опять съ презрительною и злою миной, я снова бы пожалуй сталъ на кофѣи и умолялъ бы ее

не сердиться.... Но вѣдь это невозможно, невозможно! Я не хочу, я не долженъ допускать себя до этого.... да и что скажетъ мама если узнаетъ про все что сейчасъ было?

Однако я рѣшилъ внутренне и почти безсознательно что мама ничего не узнаетъ.... только этого уже никогда больше не будетъ, я стану держать себя совсѣмъ иначе...

Мною овладѣла неизмѣнная рѣшимость и я скоро успокоился.

VIII

— Обѣдать, обѣдать! кричали дѣти, пробѣгая мимо моей комнаты.

Когда я вошелъ въ столовую, всѣ уже были въ сборѣ. Отца второй мѣсяцъ не было въ Москвѣ, а потому нашъ Ноевъ ковчегъ чувствовалъ себя очень свободно. Мама съ разувательною ложкой въ рукѣ сидѣла предъ огромною миской супу и безуслѣшно призывала всѣхъ занять мѣста и успокоиться. Наконецъ кое-какъ размѣстились. Навѣки подвизали дѣтямъ салфетки и остались за ихъ стульями. Мнѣ ужасно не хотѣлось садиться на свое мѣсто рядомъ съ Зиной, но я боялся обратить на себя вниманіе, а потому и сѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало. Я только старался не замѣчать ея присутствія.

Между тѣмъ все шло своимъ порядкомъ. Дѣти шалили и калризначали. Катя опрокинула на скатерть цѣлый стаканъ съ квасомъ и стала по обыкновенію размазывать ладонемъ лужу. Никто не обращалъ на это вниманія и обѣдъ мирно продолжался.

Мнѣ было неловко. Я старался не смотрѣть на Зину, но все же чувствовалъ ее возлѣ себя, слышалъ ея дыханіе и замѣчалъ что она время отъ времени на меня поглядываетъ. Мнѣ казалось что Катя тоже замѣтила что-то происшедшее между нами, да и тетюшки какъ будто косились.

Однако я рѣшилъ во что бы то ни стало не заговаривать съ Зиной, я нарочно началъ болтать всякій вздоръ, обращаясь ко всѣмъ, только не къ ней.

Обѣдъ уже подходилъ къ концу, когда Зина меня толкнула ногой; я смолчалъ. Но вотъ она еще разъ и еще разъ толкнула. Я отодвинулъ ногу. Прошло минуты двѣ и олять толчокъ. Это меня раздражило. Вдругъ Зина обернулась въ мою сторону и громко на весь столъ сказала:

— André, зачѣмъ ты толкаешься?

Всѣ взглянули на насъ. Мама изумленно пожала плечами. Я вспыхнулъ. Я никакъ не ожидалъ ничего подобнаго.

— Какъ! Ты меня сама все толкаешь, а говоришь что это я тебя, прошептавъ я наконецъ опять-таки не смотря на нее.

— Что же это вы, точно маленькія дѣти! замѣтила мама,— что за глупости такіа, André... право васъ скоро рассадить придется!

Конецъ обѣда прошелъ для меня въ большомъ волненіи. Мнѣ очевидно было что Зина не намѣрена оставить меня въ покоѣ, и съ другой стороны я чувствовалъ что самъ не буду въ силахъ забыть про нее и заняться своимъ дѣломъ.

Сейчасъ же послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ и залерся. Я обдумывалъ свое положеніе: мнѣ хотѣлось идти къ мама, разказать всю утреннюю сцену, разказать все что со мной происходитъ и просить ея совѣта, хотѣлось просто поплакать предъ нею, потому что не знаю съ чего меня душили слезы.

Но я тотчасъ же и оставилъ это намѣреніе и опять, какъ и предъ обѣдомъ, рѣшилъ что ничего не скажу мама, что она ничего не узнаетъ.

Я боялся что она не пойметъ меня, что она обратитъ въ глупость и вздоръ такое дѣло которое для меня было чрезвычайно важнымъ. Но что же мнѣ дѣлать? какъ обращаться теперь съ Зиной? какъ уничтожить все что уже сдѣлано?

Я думалъ, думалъ и не находилъ отвѣта, а между тѣмъ я слышалъ какъ ручка моей двери нѣсколько разъ повернулась. Я не сомнѣвался что это была Зина, но она не сказала ни слова и отошла отъ двери.

Я пробовалъ заняться, сталъ читать, но ничего не выходило. Незамѣтно подошло время и вечерняго чая. Мнѣ хотѣлось сказаться больнымъ и не выходить къ чаю, но я подумалъ что это будетъ малодушіе, что мнѣ нужно не избѣгать Зины, не бояться ея, а напротивъ того заставить ее уважать себя, смотрѣть на меня какъ на старшаго.

Я пошелъ въ столовую, но самоваръ еще не подавали. Дѣти бѣгали по комнатамъ, какъ всегда это бывало у насъ предъ чаемъ. Катя что то бреччала на рояли. Зины не было видно. Я прошелъ въ залу и остановился возлѣ Кати. Она обернулась ко мнѣ и сказала:

— Что это у васъ произошло съ Зимой?

— Ничего, отвѣтила я.

— Какъ ничего? посмотри она сидитъ въ классной и плачетъ, молчитъ, ни слова отъ нея невозможно добиться и ни за что идти сюда не хочетъ. Если ты обидѣлъ ее чѣмъ-нибудь, такъ поди, успокой... не хорошо!

Я ужасно изумился: Зима плачетъ!... мнѣ вдругъ стало ее жалко и я пошелъ въ классную, гдѣ дѣйствительно, въ уголкѣ, на старомъ креслѣ, сидѣла Зина и, дѣйствительно, плакала.

При моемъ входѣ она закрыла лицо платкомъ и плечи ея поднимались отъ сдавливаемыхъ рыданій. Была секунда когда я подумалъ что она притворяется, но подойдя къ ней ближе убѣдился что ошибаюсь: платокъ который она держала у лица былъ совсѣмъ мокрымъ.

— Зина, что съ тобой, спросилъ я,— о чемъ ты плачешь?

Она ничего не отвѣтила, наклонивъ голову почти къ колѣнямъ и громко уже зарыдала.

Я остановился предъ нею не зная что дѣлать и стоялъ молча, прислушиваясь къ ея рыданіямъ.

Вотъ она наконецъ подняла голову, опустила руки съ платкомъ и, при свѣтѣ лампы, горѣвшей на рабочемъ дѣтскомъ столѣ, я увидѣлъ совершенно раскрасившееся лицо ея, съ опухшими отъ слезъ глазами.

Она глядѣла на меня такимъ жалкимъ, несчастнымъ и обиженнымъ ребенкомъ, такъ горько и совсѣмъ лодѣтски двигались кончики ея губъ что мнѣ стало еще больнѣе. Я наклонился къ ней, взялъ ее за руку и поцѣловалъ.

— Зина, скажи мнѣ, отчего ты плачешь? Просту тебя, скажи...

Она обвила одною рукой мою шею, прижала ко мнѣ свое мокрое лицо и прерывающимся отъ рыданій голосомъ прошептала:

— Я гадкая, я виновата... я тебя обидѣла, André...

Боже мой! какъ вдругъ мнѣ стало хорошо и даже весело. Такъ она сама все понимаетъ! Она сознается, она не то чѣмъ была весь этотъ день... Что же это такое, что все это значитъ?

А Зина плакала и ея крупныя, неудержимыя слезы мочили мою щеку.

— Прости меня! сквозь рыданія снова шепнула она надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я могъ отвѣтить ей опять-таки одними поцѣлуями.

— Ну, а теперь пойдемъ чай пить, сказалъ я:—вытри глаза, умойся, успокойся пожаауста, а то мама замѣтитъ.

— Хорошо, покорно отвѣтила она, и я вышелъ изъ классной.

IX.

Когда она появилась въ столовой и сѣла за столъ, уже спокойная и блѣдая по обыкновенію, я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Она снова казалась мнѣ тою Зиной какою была въ первыя минуты своего пріѣзда, такою же загадочною и волшебною, какъ я самъ себя тогда ее называлъ, и я зналъ наконецъ что у нея есть сердце. Одно только испортило за часомъ мое настроеніе—косые взгляды и перешептывающія шестипородной тетушки Софьи Ивановны съ Катериной гувернанткой. Я чувствовалъ и понималъ что онѣ шепчутся про Зину и про меня конечно, и зналъ что ничего путнаго изъ этого шептальи не можетъ выйти.

Я весь вечеръ не подходилъ къ Зинѣ, не говорилъ съ нею и только смотрѣлъ на нее, и съ меня этого было совершенно довольно. Но вернувшись къ себѣ я опять остался съ моимъ нерешеннымъ вопросомъ: чего я такъ обрадовался? развѣ и прежде не бывало подобнаго, развѣ я не видалъ какъ Зина плачетъ, просить прощенья и сейчасъ же принимается за старое? Можно ли ей вѣрить? И какъ быть съ нею?...

Такъ я и заснулъ, ничего не рѣшивъ и въ сильномъ раздраженіи. Я хорошо помню эту ночь, потому что тогда мнѣ приснился одинъ изъ тѣхъ странныхъ сновъ, которые потомъ не разъ повторялись.

Сонъ... но мнѣ странно назвать сномъ то что было со мною, такъ оно было ярко, такъ походило на дѣйствительность... Я спалъ и вдругъ проснулся и увидѣлъ всю свою комнату, и различалъ каждый предметъ. Я сѣлъ на кровати, и почему-то вдругъ явилось у меня сознаніе что мнѣ нужно куда-то идти, но куда—я еще не зналъ. И я всталъ и пошелъ, и вдругъ очутился въ такомъ мѣстѣ которое хорошо мнѣ было знакомо. Недалеко отъ Москвы, въ двухъ, трехъ верстахъ отъ нашего Петровскаго, есть прекрасное, забытое и

залущенное имѣнiе, принадлежавшее одной старинной русской фамилии и, кажется, по какому-то чуду до сихъ поръ не перешедшее въ кулеческія руки. Въ этомъ имѣнiи густой, залущенный садъ, полуразрушенная оранжерея, большой домъ старинной постройки и съ безчисленнымъ количествомъ комнатъ. Мы часто ѣздили туда всѣмъ семействомъ гулять и завтракать. Намъ отпирали домъ и я любилъ бродить по лабиринту пустыхъ его комнатъ. Очевидно, владѣльцы покинули его давно уже и все мало-по-малу приходило въ ветхость. Но обстановка дома была прекрасна: дорогая старинная мебель, всѣ стѣны увѣшаны фамильными портретами, прекрасными картинами, а главное—комнатъ такъ много, такъ много что заблудиться въ нихъ можно...

Этотъ домъ съ дѣтства производилъ на меня впечатлѣніе сказочнаго замка и я ужасно всегда фантазировалъ въ его пустыхъ комнатахъ. Здѣсь разыгрывались въ моемъ воображеніи самыя удивительныя исторіи изъ прошедшаго времени и изъ будущаго. Я рѣшилъ однажды и твердо вѣрилъ что такъ оно и будетъ, что этотъ домъ когда-нибудь станетъ моимъ домомъ, что я буду жить здѣсь въ волшебномъ счастьи...

Ну, такъ вотъ и теперь, въ моемъ снѣ, я вдругъ очутился среди этой знакомой обстановки. Все было такъ ясно, такъ поразительно живо, и я до сихъ поръ помню всякую мельчайшую подробность... Мнѣ грезилось какъ будто слабое лѣтнее утро, раннее утро, такъ что въ открытыя окна навалилась душистая свѣжесть. Я шелъ черезъ длинную залу кому-то на встрѣчу, и этотъ кто-то уже былъ близко, это была Зина. Вотъ я уже ее вижу, она снѣшитъ ко мнѣ вся въ бѣлой, почти воздушной одеждѣ, сіяющая и свѣжая, она протягиваетъ мнѣ руки, я ее обнимаю и мы выходимъ изъ залы. Вотъ балконъ. Мы спускаемся въ садъ, идемъ по старой липовой аллеѣ къ пруду.

Я еще помню впечатлѣніями вчерашняго дня, знаю что нѣсколько минутъ тому назадъ былъ въ своей комнатѣ на кровати; но въ то же время чувствую что теперь не сплю, что все это творится наяву со мною, и это нисколько меня не удивляетъ. Необычайное, никогда еще неизвѣданное мною счастье охватываетъ меня; я скорѣй лечу чѣмъ иду, и Зина летитъ со мною, и мы ясно слышимъ и видимъ все что кругомъ насъ творится. Вотъ залѣли птицы; вотъ лчелы

Жужжать гдѣ-то далеко въ синевѣ небесной, а солнце поднимается выше и выше, и мало-по-малу сохнутъ росинки на листьяхъ. Я гляжу на Зину и вижу что это какая-то новая Зина. Это Зина которой я вѣрю, которая ничѣмъ меня не смущаетъ, не задаетъ душѣ моей никакихъ вопросовъ: въ ней все чисто и ясно, она вся открыта предо мною. И вдругъ я вспоминаю вчерашнюю Зину, вдругъ вспоминаю ея жестокость—и изумляюсь. Я спрашиваю ее, что это значитъ, какъ могла она съ наслажденіемъ мучить несчастное животное, а потомъ и меня? Она качаетъ головой и, глядя мнѣ въ глаза уже не загадочными, не молчащими своими глазами, а добрыми и свѣтлыми, говоритъ мнѣ:

„Развѣ ты не понимаешь? какой ты смѣшной право!“

Но я все же ничего не понимаю.

„Это такъ нужно было, шепчетъ она,—для тебя нужно, и не я въ этомъ виновата... Вѣдь я заколдована... уничтожь это колдовство, если можешь, тогда я всегда буду такая какъ теперь...“

И я проснулся.

X.

Съ этого дня и съ этой ночи жизнь моя совсѣмъ стала запутываться. Сонъ произвелъ на меня необыкновенное впечатлѣніе и я долго находился подъ его сбавленіемъ.

Предо мною очутилось двѣ Зины, и въ Зинѣ настоящей я искалъ жадно и постоянно Зину моего сна, которую я такъ хорошо помнилъ, которая давала мнѣ такое счастье. Но поиски мои были тщетны. Зинины слезы и ея раскаяніе не оставили въ ней и слѣда на другое утро. Она какъ будто совсѣмъ забыла о вчерашнемъ, встрѣтила меня смѣхомъ и сейчасъ же спросила:

— Что же, будешь ты рисовать сегодня?

— Да, приходи, сказалъ я.

Она пришла. Я жадно принялся за работу. Я не потерялъ своего открытія и портретъ начиналъ удаваться. Зашедшая ко мнѣ мама долго стояла предъ нимъ, смотрѣла и вдругъ крѣпко обняла меня, а на глазахъ ея я замѣтилъ слезы. Она такъ радовалась всегда моимъ успѣхамъ и навѣрно, выйдя отъ меня, уже представляла себѣ своего сына великимъ художникомъ. Я самъ былъ радъ, рисовалъ съ восторгомъ и

трелетомъ, даже совсѣмъ забылъ о живомъ моемъ оригиналѣ. Но Зина скоро о себѣ напомнила.

— Ты знаешь, я сегодня не спала почти всю ночь, сказала она мнѣ,—все о тебѣ думала. Какой ты странный, изъ-за чего ты такъ на меня вчера разсердился?

— Оставь, не говори пожалуста! почти закричалъ я.

Она засмѣялась.

— А я спалъ и тебя во снѣ видѣлъ, продолжалъ я,—но совсѣмъ не такую какая ты есть на самомъ дѣлѣ.

— Какою же ты меня видѣлъ—хуже, лучше?

— Гораздо лучше...

— Я думала что я для тебя и такая хороша, что ты меня такую любишь какъ я есть.

— Нѣтъ, я не люблю тебя такую,—да и къ тому же я тебя совсѣмъ не знаю.

— Ты меня не знаешь? вотъ пустяки! Я самая простая... я даже гаулая... вѣдь я ужъ слышала что говорятъ это...

Мнѣ сдѣлалось тяжело, олять тоска захватила меня, хотя я и самъ не зналъ ея настоящей причины. Я грустно смотрѣлъ на Зину. Она встала, подошла ко мнѣ и, глядя мнѣ прямо въ глаза, сказала:

— Какой ты странный! ты иногда такъ на меня смотришь что мнѣ становится страшно... мнѣ кажется что или ты когда-нибудь убьешь меня, или я убью тебя.

На лицѣ ея дѣйствительно скользяло выраженіе испуга. Она слабо вскрикнула и выбѣжала изъ комнаты.

„Сумашедшая!“ подумалъ я. И вдругъ весь вздрогнулъ и похолодѣлъ; ея безумный страхъ сообщился и мнѣ на мгновеніе,—я хорошо это помню.

Время шло, я совсѣмъ позабывалъ о своихъ занятіяхъ, забывалъ о томъ что скоро должны начаться мои университетскіе экзамены. Я весь уходилъ въ свою фантастическую жизнь и строилъ самые нелѣпые планы, и работалъ надъ портретомъ. Пришелъ май, начались экзамены. Я понялъ наконецъ что рѣшается для меня серьезный вопросъ и сдѣлалъ надъ собою послѣднее усиліе,—не спалъ ночей, сидѣлъ надъ книгами и первые экзамены пропалъ удачно. Я только усталъ ужасно.

Какъ-то поздно вечеромъ, часу уже въ первомъ, работалъ я въ своей комнатѣ. Всѣ наши спали, кругомъ было совершенно тихо. На завтра предстоялъ трудный экзаменъ, я

погрузилась въ работу и ничего не слышала. Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулася—Зина. Она была полурасдѣта, съ распуценными волосами.

— Чего тебѣ нужно? Зачѣмъ ты пришла? спросилъ я.

— Я хотѣла посмотрѣть что ты дѣлаешь,—все учишься, какъ тебѣ не надошло...

— Такъ зачѣмъ же ты приходишь мѣшать мнѣ? И потому развѣ это возможно! Ты почему знала что я еще не раздѣтъ? Тебѣ только непріятности будутъ, да и мнѣ тоже.

— Никто не видѣлъ какъ я прошла: всѣ спятъ, отвѣтила Зина.

— Тѣмъ хуже, сказала я,—ради Бога уходи скорѣй!

Но она не уходила.

Я пришелъ въ ужасъ, я совершенно понималъ всю невозможность и неприличность ея появленія и, главное, не видѣлъ никакой ему причины. Да и сама она не могла сказать зачѣмъ пришла ко мнѣ. Я почти насильно вывелъ ее изъ комнаты. Она упиралась, подвигалась къ двери шагъ за шагомъ и все время смотрѣла на меня, но такъ смотрѣла что мнѣ становилось жутко.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты меня гонишь, сказала она уже у самой двери;—если всѣ заснули такъ рано, то развѣ я виновата что мнѣ спать не хочется, и неужели я не могу на пять минутъ зайти къ тебѣ?

Но я ужъ залерь за нею дверь и вернулся къ своей работѣ.

Минуты шли за минутами, а я никакъ не могъ сообразить того чтѣ читаю. Наконецъ я увидѣлъ что и продолжать бесполезно: все равно ничего не буду помнить.

Прославъ всего часа три-четыре, я проснулся съ тяжелою головой и во время экзамена мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Однако все сошло благополучно и я возвращался домой въ хорошемъ настроеніи духа. По обыкновенію сейчасъ же я кинулся къ мамѣ, которая каждый разъ со страхомъ и трепетомъ дожидалась моего возвращенія.

Объявивъ ей о „пятеркѣ“ и объявъ ее, я вдругъ замѣтилъ что она какъ-то странно на меня смотритъ. Она какъ-будто даже совсѣмъ не обрадовалась и тотчасъ же вышла изъ комнаты, сказавъ что ей некогда. Встрѣтившаяся мнѣ въ корридорѣ Софья Ивановна тоже весьма странно на меня взглянула. Мнѣ стало вдругъ неловко, какъ провинившемуся, хотя я и не зналъ вины за собою. Я начиналъ смутно догады-

ваться въ чемъ дѣло. Вывести какую-нибудь сплетню и подвѣять исторію было величайшимъ наслажденіемъ для большей части нашихъ домочадцевъ. Вѣроятно кто-нибудь видѣлъ Зину возаъ моей комнаты, да я даже почти и зналъ кто ее видѣлъ—конечно Бабелина—и вотъ теперь началось у насъ Богъ знаетъ что.

Разъясненіе дѣла явилось очень скоро. Предъ обѣдомъ мама вошла ко мнѣ, заперла за собою дверь и сѣла на диванъ съ грустнымъ и озабоченнымъ лицомъ, со знакомою мнѣ миной, которая обыкновенно являлась у нея во время различныхъ домашнихъ несприятностей.

— Скажи мнѣ пожалуйста, André, не гадда на меня спросила она,—вчера поздно вечеромъ не приходила къ тебѣ Зина?

— Да, приходила, отвѣтилъ я, и съ ужасомъ почувствовалъ что краснѣю.

„Мама сейчасъ замѣтитъ эту краску и что она обо мнѣ подумаетъ!“ пришло мнѣ въ голову и я покраснѣлъ еще сильнѣе.

— Зачѣмъ же она къ тебѣ приходила?

— А спроси ее! Я самъ удивился и сейчасъ же ее вывелъ и залеръ двери.

Мама недовѣрчиво на меня взглянула.

Да, я не вообразилъ себя, а дѣйствительно замѣтилъ недовѣрчивость въ ея взглядѣ. Мнѣ стало обидно и больно.

— Мама! Отчего ты такъ странно глядишь на меня? Я говорю тебѣ что сразу счелъ совершенно неприличною эту Зинину выходку и строго ей выговорилъ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь что это я позвалъ ее, когда всѣ спали, да и она сама была почти раздѣта? Неужели ты считаешь меня или такимъ еще ребенкомъ что я не понимаю что прилично и что неприлично, или ужъ я и не знаю кѣмъ ты меня считаешь!...

Мама глядѣла на меня не отрываясь, очевидно желая увидѣть изъ лица моего правду ли я говорю ей или что-нибудь скрываю.

— Ну, если это такъ, наконецъ проговорила она,—то я тебѣ конечно вѣрю; но меня не могло не поразить, когда Софья Ивановна разказала мнѣ...

— А, такъ это Софья Ивановна! и конечно съ прикрасами и прибавленіями!... Рады олятъ были сдѣлать исторію, а ты и разстроилась. Что жъ, спрашивала ты Зину?

— Нѣтъ, я ей ничего не сказала, я хотѣла прежде поговорить съ тобою... Не обижайся, Андгѣ, я тебѣ вѣрю, я знаю, мой милый, что ты не ребенокъ и все понимаешь, но давно я ужь хотѣла сказать тебѣ чтобы ты былъ осторожнѣе съ Зиной.

— Развѣ ты находишь что-нибудь неприличное въ моемъ поведеніи? спросилъ я опять краснѣя.

— Нѣтъ, ничего, я увѣрена что ты смотришь на Зину какъ на сестру; но вѣдь ты знаешь какъ подозрительны люди. Я ужасно боюсь чтобы чего-нибудь не выдумали. Вспомни, голубчикъ, что Зину беречь надо; она бѣдная сиротка, безъ отца и матери, поручена мнѣ и я должна отвѣчать за нее предъ Богомъ...

На глазахъ мама навернулись слезы.

— Зачѣмъ же ты говоришь мнѣ все это? въ волненіи и смущеніи прошептала я,—развѣ я самъ не знаю. И въ твоихъ словахъ я вижу опять ко мнѣ недовѣріе,—такъ говори лучше прямо!

— Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, вѣрю, послѣшшо отвѣтила мама, и наконецъ я узналъ отъ нея въ чемъ все дѣло.

Оказалось что утромъ Софья Ивановна, со словъ Бабелины, рассказала ей цѣлую длинную исторію. Бабелина увѣряла что я и Зина ведемъ себя совсѣмъ неприлично, что она давно уже замѣчаетъ за нами и даже подсмотрѣла одинъ разъ въ щелку какъ я во время сеанса за портретомъ стоялъ предъ Зиной на колѣнахъ и цѣловалъ ея руки; что Зина уже не въ первый разъ вечеромъ бродитъ по корридолу и приходитъ въ мою комнату.

При этомъ разказѣ мнѣ сдѣлалось душно и скверно. Бабелина агала, но далеко не все... Я терзался и залутовывался больше и больше. Моя совѣсть была совершенно чиста, а между тѣмъ отвергать многія подробности этого разказа я не былъ въ состояніи. Дѣйствительно, я слишкомъ часто встрѣчался съ Зиной и всюду искалъ ее; дѣйствительно, вѣдь одинъ разъ, въ тотъ памятный мнѣ день, я стоялъ предъ ней на колѣнахъ и цѣловалъ ея руки. Я былъ увѣренъ что Бабелина не видала этого, что она это выдумала, но въ то же время она сказала правду, она угадала.

Теперь, именно теперь мнѣ нужно все разказать мама, открыть ей всю свою душу! Но опять-таки меня что-то останавливало. Къ тому же изъ нѣкоторыхъ ея словъ я ясно видѣлъ что она не приметъ меня; то что было момѣ

мученьемъ и моимъ несчастіемъ, то въ чемъ я не былъ виновать, она поставитъ мнѣ въ вину. Невыносимое, измучившее меня чувство сейчасъ же явится въ невозможной, уродливой оболочкѣ, и я зналъ что не вынесу этого и что выйдетъ еще хуже.

Я такъ-таки ничего и не сказалъ мама и она ушла отъ меня. И я понималъ, несмотря на всѣ ея увѣренія въ томъ что она мнѣ вѣритъ, я понималъ что она подозреваетъ меня въ чемъ-то дурномъ и мучается этими подозрѣніями.

XI.

Наконецъ мои экзамены благополучно окончились. Еще недавно я съ замираніемъ сердца думалъ о томъ времени когда сдѣлаюсь студентомъ. Теперь наступило это время, а я не чувствовалъ никакой радости,—не тѣмъ совсѣмъ былъ занятъ. Наши переѣхали, по обыкновенію, на дачу, а меня отецъ отпустилъ немного попутешествовать. Я былъ этимъ очень доволенъ, съ жадностью ухватился за поѣздку и возлагалъ на нее большія надежды. Наединѣ съ самимъ собою, далеко отъ Зины, отъ всей этой измучившей меня жизни я можетъ-быть сумѣю отрезвиться, лучше повать себя, и вернусь другимъ человѣкомъ; а это мнѣ такъ было нужно.

Я уѣхалъ, какъ-то необыкновенно торопясь, стараясь думать о предстоящей дорогѣ. Сначала располагалъ я ѣхать за границу, но потомъ передумалъ и отправился по Волгѣ. Нашлись и попутчики, два молодыхъ человѣка, наши старые знакомые.

Путешествіе началось очень весело, но уже перебравшись на пароходъ въ Нижнемъ-Новгородѣ я почувствовалъ припадокъ тоски: мнѣ хотѣлось вернуться назадъ и предстоящая поѣздка потеряла для меня въ одинъ мигъ всю прежнюю прелесть.

Однако я старался преодолѣть себя, старался развлекать-ся окружающимъ. Иногда мнѣ это удавалось, но не надолго. Мы ѣхали медленно, останавливаясь гдѣ только возможно, осматривая все хоть чѣмъ-нибудь достойное примѣчанія. Подъѣзжая къ Самарѣ я ужь совсѣмъ не зналъ что дѣлать отъ тоски и, сойдя на берегъ, какъ сумасшедшій кинулся на почту, надѣясь что тамъ дожидается меня письмо изъ дома.

Письмо действительно дожидалось и даже не одно, а два. Писала мнѣ и Зина. Она писала, по своему обыкновенію, очень безграмотно, жаловалась на скуку, говорила что тоскуетъ обо мнѣ и просила меня вернуться какъ можно скорѣе.

Если я до сихъ поръ еще кое-какъ крѣпился, то теперь, по прочтеніи этого письма, меня охватило полное безсудіе: я чувствовалъ что дальше ѣхать не могу и рѣшился, пробывъ два дня въ Самарѣ, вернуться обратно. Никакихъ вопросовъ я не рѣшалъ, ни отъ чего не избавился и возвращался домой такимъ же какимъ и уѣхалъ.

Съ замирающимъ сердцемъ подѣвжалъ я къ Петровскому. Меня не ожидали такъ скоро. Былъ вечеръ и всѣ наши гуляли въ это время. Я утомился съ дороги и сѣлъ на балконъ, поджидая ихъ; мнѣ сказали что должны всѣ сейчасъ вернуться. Прошло нѣскольکو минутъ. Я уже хотѣлъ идти разыскивать Зину; но въ это время скрипнула калитка сада и я увидѣлъ ее бѣгущую къ балкону. Мнѣ показалось что она еще выросла и похорошѣла въ этотъ мѣсяцъ; она уже носила почти длинныя платья и казалась совсѣмъ взрослою.

Зина очень изумилась увидя меня на балконѣ. Она крикнула и радостно бросилась ко мнѣ на шею. Ея глаза блестѣли, она смѣялась, цѣловала меня, кричала, звала всѣхъ скорѣе и я видѣлъ только одно что никто мнѣ такъ не обрадовался и что эта радость была искренняя. Я сдѣлался глупо счастливъ и забылъ все что меня мучило. Послѣ чаю мы пошли гулять и я шелъ подъ руку съ Зиной.

— Ну что вы тутъ безъ меня подѣлывали? спросилъ я ее.

— Да ничего, все шло своимъ порядкомъ, какъ одинъ день, такъ и другой. Противная Софья Ивановна все косится на меня и дуется, все на меня наговариваетъ. Ахъ, да! вдругъ оживленно вскрикнула она, — мы познакомились съ сосѣдами и иногда очень веселимся. Ты знаешь, къ нимъ пріѣхалъ сынъ изъ Петербурга, лицеистъ, очень хорошенькій, очень хорошенькій, monsieur Jean, и такой славный, я съ нимъ уже подружилась.

Я почувствовалъ что блѣднѣю. Я сознавалъ какъ это глупо, сердился на себя, но ничего не могъ съ собою подѣлать. Я никогда не слышалъ объ этомъ monsieur Jean, но теперь, съ первой же минуты, его возненавидѣлъ.

Зина пристально на меня смотрѣла и это смущало меня еще больше. Я не хотѣлъ подать ей, конечно, вида что обратилъ особенное вниманіе на слова ея, а между тѣмъ для меня очевидно было что она меня понимаетъ.

— И часто выдаетесь вы съ сосѣдями? спросилъ я, стараясь сдѣлать этотъ вопросъ какъ можно спокойнѣе.

— Да, часто, особенно я. Катя, ты знаешь, ужасная домо-сѣдка: ея никакъ не вытацишь; такъ я одна къ нимъ бѣгаю; иногда гуляю съ monsieur Jean. Онъ такой добрый и воистину меня забавляетъ...

Она, конечно, говорила все это нарочно чтобы дразнить меня и достигала своей цѣли. Я понималъ что ничего не сдѣлаю съ отвратительнымъ родившимся во мнѣ чувствомъ.

А она продолжала пристально глядѣть на меня и, крѣпко опираясь мнѣ на руку, болтала:

— Да, и представь, третьяго дня я гуляла съ нимъ въ паркѣ, и вдругъ, какая глупость! вдругъ онъ мнѣ признался въ любви!

— Какой вздоръ ты говоришь, прошепталъ я.

— Разумѣется вздоръ, только это правда.

— Ну и что же ты отвѣтила ему?

— А можетъ-быть я тебѣ вовсе не хочу сказать того что я ему отвѣчала...

— Сдѣлай одолженіе, не говори, да и совѣмъ мнѣ не говори этихъ глупостей.

— Ай, ай, ай! засмѣялась она, — вотъ ты ужъ и старымъ дѣдушкой становишься; для тебя ужъ это глупости... Ну, а я тебѣ все-таки же скажу какъ было дѣло. Видишь вонъ ту скамейку, вонъ тамъ все и случилось, — только нѣтъ, нѣтъ, я ни за что тебѣ не разкажу, ни за что въ мірѣ!... А теперь можешь пойти къ мамѣ и пожаловаться ей на меня что я занимаюсь такими глупостями!

Она выдернула свою руку и убѣжала.

XII.

Я сѣлъ на скамейку и мнѣ показалось что со мной случилось громадное несчастье. Я не зналъ: вѣрить мнѣ Зинѣ или нѣтъ. Можетъ-быть она и солгала все, а можетъ-быть сказала и правду; но если даже и солгала, такъ вѣдь уже и ложь эта мучительна и ужасна! Значитъ если и

не было, такъ могло быть, можетъ-быть, пожалуй будетъ! Мнѣ олять вдругъ стыдно стало за себя. Я ненавидѣлъ Зину; а еслабъ этотъ Жеан полагалъ мнѣ теперь, то я, кажется, уложилъ бы его на мѣстѣ!

И вотъ мнѣ припомнилась Зина моего сна. То свѣтлое, отрадное чувство, которое она во мнѣ возбудила, а готовъ былъ бѣжать за этимъ чувствомъ на край свѣта, а тутъ на яву былъ такой мракъ, такое мученье!

Я началъ бродить въ паркѣ, нѣ замѣчая дороги, и скоро встрѣтился съ нашими. Тутъ были и сосѣди. Я еще издали увидалъ длинную, тонкую фигуру лицеиста. Рядомъ съ нимъ шла Зина. Мнѣ хотѣлось убѣжать, а Богъ знаетъ что далъ бы чтобы не встрѣтиться теперь съ этимъ monsieur Жеан, а между тѣмъ бѣгство было невозможно: меня уже замѣтили. Черезъ минуту я долженъ былъ протягивать руку лицеисту, съ нимъ знакомиться. Я собралъ всѣ силы чтобы сдѣлать это по возможности любезно, и въ то же время сознавалъ что веду себя гауло. Мнѣ казалось что всѣ видятъ и понимаютъ отчасти мое душевное состояніе и смѣются надо мной.

Monsieur Жеан былъ вовсе не такъ красивъ, какъ описывала его Зина, но мнѣ онъ тогда показался удивительнымъ красавцемъ. Онъ велъ себя непринужденно, съ аллобомъ маленькаго фата, и я сразу замѣтилъ что онъ ухаживается за Зиной. Мы шли съ нимъ рядомъ и онъ что-то говорилъ мнѣ, чего я почти не слышалъ. Вдругъ къ нему подошла Зина и взяла его подъ руку. Она улыбалась ему, а онъ таялъ отъ этой улыбки.

Еще минута, и я навѣрно сдѣлалъ бы какую-нибудь глупость. Впрочемъ я ужъ и теперь сдѣлалъ глупости: я вдругъ, не говоря ни слова, свернулъ въ сторону, на лервую попавшуюся дорожку, и ушелъ отъ нихъ, почти убѣжалъ, и въ безсильной злобѣ на нѣскольکو кусковъ сломалъ свою трость и готовъ былъ рыдать на весь паркъ и кусать деревья. Никогда еще не испытывалъ я такого бѣшенства и такой внутренней боли.

Вернулся я домой раньше нашихъ и забрался на верхъ, къ себѣ.

Вотъ въ открытыя окна слышны голоса: наши возвращаются. Вотъ дѣти съ шумомъ и гамомъ бѣгутъ по лѣстницѣ. Моя дверь скрипуча и тихонько, на цыпочкахъ, вошла

Зина. Она осторожно залезла за собою дверь, подошла ко мнѣ и сѣла на диванъ, рядомъ со мною.

— André, зачѣмъ ты ушелъ? я потому любѣжала за тобою, но не могла догнать тебя: а мнѣ тебя очень нужно было... André, послушай, я должна сказать тебѣ одну вещь, только покайся мнѣ что ты никогда и никому объ этомъ не скажешь, покайся!..

Я не отвѣтилъ ей ни слова и сидѣлъ неподвижно.

— Такъ ты не хочешь? Ради Бога, умоляю тебя, покайся мнѣ, милый, голубчикъ!

— Ну, клянусь. Чтò тебѣ?

— Такъ слушай, тихо шелнула Зина, — слушай! Скажи мнѣ, отчего ты такъ скоро вернулся? Ты получилъ мое письмо?

— Да, получилъ.

— Ты оттого вернулся что я звала тебя? Вѣдь да, вѣдь правда, вѣдь я угадала?

Я молчалъ, но ей вѣрно и не нужно было моего отвѣта; ея лицо вдругъ измѣнилось: съ него ушло все чтò было въ немъ дѣтскаго; я въ первый разъ увидѣлъ предъ собою въ ней взрослую дѣвушку. Она взяла мои руки и крѣпко ихъ сжала. Она спрятала свое лицо на плечѣ моемъ и, задыхаясь и волнуясь, быстро шелнула:

— André, еслибы ты зналъ какъ я ждала тебя; я думала о тебѣ каждую минуту. André, я люблю тебя, понимаю... я влюблена въ тебя... Я безъ тебя не могу жить, я на всю жизнь люблю тебя...

Мнѣ казалось что я сошелъ съ ума, что все это сонъ и вотъ я сейчасъ проснусь и все будетъ совсѣмъ другое.

Но Зина продолжала шептать и повторяла:

— Я люблю тебя, André, не смѣйся надо мною; вѣдь я ужь не маленькая, я не виновата что люблю тебя... Что же ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? развѣ ты самъ меня не любишь?.. Зачѣмъ ты молчишь? Чего ты боишься? говори, говори, ради Бога!..

Она повернула къ себѣ мое лицо, ея руки дрожали на плечахъ моихъ; на глазахъ ея блистали слезы. Лицо было какое-то вдохновенное, какое-то до того странное что она сама на себя не была похожа.

Я хотѣлъ говорить и не могъ. Моя голова кружилась, въ виски стучало и вдругъ я зарыдалъ.

XIII.

Всю эту ночь я не сомкнулъ глазъ и пролежалъ въ лихорадкѣ, ловя обрывки мыслей приходившихъ мнѣ въ голову, разбираясь въ нахлынувшихъ на меня ощущеніяхъ.

Никогда не могъ я ожидать ничего подобнаго. Конечно, ужъ давно я понималъ что люблю Зину особенно, но все же не опредѣлялъ этой любви, не придавалъ ей извѣстную форму. Мнѣ кажется что я скажу совершенно искренно что самъ никогда не допустилъ бы этого признанія: до самой послѣдней секунды я не зналъ что такое скажетъ мнѣ Зина, и то что она мнѣ сказала поразило меня необычайно. „Развѣ это можетъ быть? развѣ это есть?“ повторялъ я себѣ и ужасался, и радовался. Но что же будетъ дальше—страшно подумать! Я только-что поступилъ въ университетъ, мнѣ восемнадцатый годъ, а ей нѣтъ еще и лятнадцати.

Я понималъ что если до сихъ поръ еще могъ скрывать свое чувство отъ постороннихъ, то теперь, послѣ Зинина признанія, мы не сумѣемъ скрыться. И къ тому же несмотря на все счастье охватившее меня я не могъ отвязаться отъ сознанія что есть во всемъ этомъ что-то темное, что-то смущающее совѣсть. Вѣдь еслибъ этого не было, я бы давно признался во всемъ мама, а теперь не могу и ни за что не признаюсь. Мое чувство, какъ мнѣ казалось, было высоко, было свято само по себѣ, но что-то дурное заключалось именно въ томъ что предметомъ этого чувства была Зина; однимъ словомъ, тутъ являлось какое-то неразрѣшимое противорѣчіе. Была минута, когда я подумалъ что узналъ какъ надо мнѣ поступить, и что именно такъ и поступаю непремѣнно. Я рѣшилъ что завтра же переговорю съ Зиной, скажу ей что мы можемъ продолжать любить другъ друга, но не должны никогда говорить объ этомъ, должны теперь какъ можно дальше держаться другъ отъ друга, какъ будто мы въ разлукѣ. А потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда будетъ можно, все начнется снова, и что только такъ намъ и возможно быть теперь.

Я рѣшилъ это, но чрезъ минуту самъ хорошо понималъ что ничего этого не будетъ и быть не можетъ. Я понималъ что самъ первый нарушу свое обѣщаніе.

— Ты совсѣмъ боленъ, на тебѣ лица нѣтъ; ты вѣрно простудился дорогой! замѣтила мнѣ утромъ мама.

— Нѣтъ, ничего, я здоровъ, отвѣтилъ я не смотря на нее и прошелъ въ садъ: я зналъ что тамъ Зина.

Какъ встрѣчусь я съ нею?

Зина тихо ходила по садовой дорожкѣ съ книгой въ рукахъ; она учила какой-то урокъ. Я пошелъ рядомъ съ нею. Сначала она дѣлала видъ что продолжаетъ учиться, но скоро положила книгу свою на полувшуюся скамейку и взяла меня за руку.

Я взглянулъ на нее и изумился: опять это была не прежняя Зина. Ея молчаливѣе глаза, ея блѣдное лицо и странная легкая улыбка говорили что это совсѣмъ не ребенокъ, и мнѣ почему-то становилось страшно. Мнѣ хотѣлось бы чтобъ у нея было другое лицо, мнѣ хотѣлось бы чтобъ она была настоящимъ ребенкомъ, какъ были тѣ хорошенькія дѣвочки въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ съ которыми я танцевалъ на нашихъ маленькихъ вечерахъ и которымъ признавался въ любви, нося еще курточку, и которыя сами отвѣчали мнѣ что очень меня любятъ. Мнѣ хотѣлось бы чтобы вся наша исторія была только дѣтскою исторіей,—милою, смѣшною и мимолетною, оставляющею на всю жизнь смѣшное и милое воспоминаніе. Но я хорошо зналъ что наша исторія не дѣтская, не смѣшная и не мимолетная. Я предчувствовалъ что это что-то совсѣмъ новое и опять-таки страшное.

— Зина, зачѣмъ это было все что вчера случилось? Зачѣмъ ты мнѣ сказала! невольно выговорилъ я грустно смотря на нее.

Она изумилась.

— Развѣ лучше было бы еслибъ я молчала? Если хочешь я буду молчать; я скажу тебѣ что солгала, да вѣдь ты мнѣ самъ теперь не повѣришь.

— А monsieur Jean? спросилъ я.

Она засмѣялась на весь садъ, стала кругомъ меня прыгать и бить въ ладоши.

— Ахъ, Андрюшечка—душечка, какой ты вчера былъ забавный! какой гаупелькии! Развѣ можно было такъ смотрѣть какъ ты смотрѣлъ на monsieur Jean? Вѣдь онъ навѣрно тебя теперь дурачкомъ считаетъ!

— Зачѣмъ же ты меня дразнила?

— Потому что это было очень весело.

— Такъ ты все сочила, ничего не было?

— Нѣтъ, было, но вѣдь это безъ тебя, такъ какое тебѣ дѣло? Телерь ты со мною! А я со вчерашняго вечера даже и забыла совсѣмъ что есть на свѣтѣ monsieur Jean,—ты мнѣ только телерь напомнилъ. Ахъ какая досада что этотъ урокъ у меня противный, ну да ничего, чрезъ часъ я буду свободна и пойдемъ пожалуста гулять вмѣстѣ.

Она опять взяла свою книгу и стала учиться.

Я сѣлъ на скамейку, смотрѣлъ какъ она ходитъ, какъ она закрываетъ глаза и что-то шелчетъ, очевидно учить наизусть, какъ будто можно было телерь что-нибудь выучить.

Чрезъ часъ Зина подбѣжала ко мнѣ въ шляпкѣ и немного принараженная, взяла меня подъ руку и мы вышли изъ нашего сада.

XIV.

Я хотѣлъ идти въ паркъ ближнею дорогою, черезъ огороды; но она повела меня улицей, мимо дачи гдѣ жилъ лицеистъ. Я сообразилъ это тогда только когда увидѣлъ его длинную фигуру у калитки.

Зина вѣжливо оперлась на мою руку и начала болтать мнѣ всякій вздоръ, кокетливо ко мнѣ наклоняясь и не обращая никакого вниманія на лицеиста. Онъ покачался; она едва кивнула ему головой и сейчасъ же опять мнѣ заговорила.

Въ другое время можетъ-быть мнѣ и пріятно было бы все это, особенно посаѣ гаулой роли которую я сыгралъ наканунѣ, но телерь мнѣ вовсе было недо самолюбія. Напротивъ, я смутился, мнѣ стало тяжело.

— Зачѣмъ ты меня повела мимо этой дачи? сказалъ я Зинѣ.

— Ахъ, я право не обратила вниманія какъ мы идемъ, отвѣтила она.

— Нѣтъ, ты лжешь, ты повела нарочно, ты хотѣла чтобы насъ съ тобой увидалъ этотъ твой лицеистъ. Какъ вчера меня имъ дразнила, такъ телерь его мною дразнишь: я это навѣрное знаю и вижу.

— Совсѣмъ нѣтъ; и это глупости, проговорила она, пожавъ плечами.

Но я зналъ что правъ и меня это раздражало.

Наканувъ вечеромъ, во время этого неожиданнаго и волшебнаго объясненія, потому въ долгіе часы моей бессонной ночи, Зина для меня опять была свѣтлою Зимой моего сна, а вотъ теперь этотъ сонъ снова разаетъ. Опять та же вѣчная мучительная, невозможная Зина: вотъ она идетъ и жетъ. Теперь лицеистъ насъ не видитъ, она говоритъ иначе, совершенно иначе себя держать, не кокетничаетъ. А есаубъ оныъ показался гдѣ-нибудь, есаубъ оныъ могъ насъ видѣть, она опять начала бы гримасничать.

Это было для меня такъ ужасно что я готовъ былъ ее ненавидѣть. На минуту она стала мнѣ противна. Я шелъ по-нуря голову, и хотѣлось мнѣ чтобы какая-нибудь невѣдомая сила навсегда раздѣлила насъ; чтобы никогда не видать мнѣ ея, чтобы не знать о ней и не думать.

Мы вошли въ паркъ, забрались въ самую глубь его, свернули съ дорожки. Зина стала искать землянику, а я безцѣльно бродилъ между деревьями. Она привнесла мнѣ слѣзлыя большія ягоды на вѣточкахъ, она вколола въ мою шляпу какіе-то цвѣты и наконецъ объявила что ей хочется отдохнуть, что мы можемъ отлично посидѣть подъ этими деревьями. Было жарко, я снялъ шляпу и прилегъ на мягкой травѣ подъ огромною сосной, надъ которою медленно лыли легкія облака. Со всѣхъ сторонъ дышала лѣтняя жизнь, раздавались тысячи тихихъ лѣсныхъ звуковъ. Зина тоже сняла свою шляпку и положила голову ко мнѣ на колѣни. Я забылъ свою ненависть, свое негодованіе; опять любилъ ее безумно и мучительно, и не могъ на нее наглядѣться...

Потомъ много разъ сидѣли мы съ нею подъ деревьями этого парка, много разъ ея голова лежала на моихъ колѣняхъ; ея тонкія руки обнимали меня, а я разбиралъ и гладилъ ея волосы, и каждый разъ то же самое мучительное, невыносимое чувство овлаждывало мною. Это были минуты величайшей силы моей любви, но самая-то любовь заключала въ себѣ столько тоски и мученья! Несмотря на вѣжность Зины и ея признаніе, я съ перваго дня любилъ ее *безнадежно*, безо всякой вѣры въ настоящее и будущее.

Если вспомнить день за день все что было со мною въ это лѣто, то вышелъ бы однообразный разказъ о постоянно возроставшемъ моемъ мученьи, да и развѣ можно разказать все это? Рѣдкій день проходилъ безъ того чтобы Зина не довела меня до отчаянія. Она играла и забавлялась мною, а

сознавалъ это и проклиналъ ее, ненавидѣлъ, а при первой ея ласкѣ снова къ ней возвращался, снова какъ-то ладилъ съ собою. Если мнѣ прежде казалось что та жизнь какую я велъ до моей поѣздки по Волгѣ не могла продолжаться, то теперешняя уже дѣйствительно становилась невозможною и я предчувствовалъ что скоро настанетъ всему конецъ, что все это порвется такъ или иначе.

И конецъ пришелъ скоро, даже скорѣй чѣмъ я думалъ.

Наши прогулки, наши волеянія замѣчались всѣми. Мама была очень занята это дѣло своими дѣлами по имѣнію, постоянно вела серіозную и неприятную переписку, часто уѣзжала въ городъ и долго ни о чемъ не догадывалась. Что же касается до разныхъ тетусекъ и Бабелинъ, онѣ слѣдили за нами по латамъ, очевидно желая собрать побольше матеріала и доложить мама длинную и по возможности грязную исторію. Конечно, всего проще бы было запретить наши уединенныя прогулки, строго внушить Зинѣ чтобъ она держала себя иначе и отъ меня отдалялась; но никто этого не рѣшился сдѣлать. Мое положеніе было совсѣмъ особенное въ домѣ. Я считался любимцемъ родителей и пользовался всеобщей ели не ненавистью, то по крайней мѣрѣ нелюбовью домочадцевъ. Тетуски хорошо знали что если я захочу чего-нибудь, такъ поставлю на своемъ, могу надѣлать имъ много неприяностей, могу въ крайнемъ случаѣ вредно для нихъ повалять на мама, а потому всѣ онѣ боялись мнѣ перечесть и только меня *ловили*.

XV.

Уже прошелъ августъ; недѣли черезъ двѣ мы должны были перебраться въ Москву. Я былъ почти какъ помѣшанный. Зина меня совершенно замучила своими выходками. Въ теченіе перваго мѣсяца она какъ будто забыла думать о лицезрѣніи, но вотъ онъ опять ей понадобился какъ вѣрное средство дразнить меня. Она стала съ нимъ кокетничать, и когда я лаялъ ей, самымъ безсовѣстнымъ образомъ казалась что все это мнѣ только кажется, что все я выдумываю. Между нами часто происходили бурныя объясненія. Зина способна была довести меня до страшной злобы, до изступленія. Мысли мои подъ конецъ совсѣмъ слутались, я ужъ не боролся съ собою и жилъ только настоящею минутой. Нако-

нецъ я даже пересталъ сдерживаться предъ домашними. Не объясняя никому причины моего гнѣва на Зину, я сердился на нее при всѣхъ открыто. Зажмуривъ глаза, заткнувъ уши, я какъ будто летѣлъ въ какую-то пропасть и находилъ мучительное наслажденіе въ этомъ отчаянномъ полетѣ.

Вдругъ Зина выдумала новость: она стала отъ меня отдаляться, она отказывалась гулять со мною, и когда я съ ней заговаривалъ, иногда просто мнѣ ничего не отвѣчала. Я раздражался этимъ, требовалъ у нея отвѣта что все это значитъ и, не получая его, окончательно выходилъ изъ себя, бѣсновался, рвалъ на себѣ волосы. Мои невозможныя отношенія къ Зинѣ превратились просто въ какіе-то болѣзненные припадки.

Какъ-то разъ, въ первыхъ числахъ августа, она промучила меня все утро. Я убѣжалъ въ садъ, въ бесѣдку, и лежалъ тамъ съ горящею головою, ни о чемъ не думая и ничего не понимая. Потомъ вдругъ мои мысли какъ будто просвѣтѣли; я нѣсколько очнулся, я понялъ наконецъ все свое безуміе. Зина была безнадѣжна! Мой союзъ оставался сломъ и ушелъ далеко, и никогда наяву ему не повторится. Тотъ свѣтлый и чистый образъ снова сталъ предо мною. Я зналъ что мнѣ нужно наконецъ бѣжать отъ живой Зины, я не могъ любить ее, потому что такая любовь была только позоромъ, а между тѣмъ я все же любилъ ее до сумашествія...

Вотъ она вошла въ бесѣдку и обняла меня. Я поднялся въ негодованіи и оттолкнулъ ее.

— Уйди отъ меня и не прикасайся ко мнѣ! закричалъ я.— Я ненавижу тебя, ты дьяволъ, ты только хочешь измучить меня и уморить! Ты только умѣешь лгать, притворяться!.. Уйди отъ меня и не смѣй мнѣ говорить ни слова, я не хочу тебя знать, не хочу тебя видѣть....

Она потянулась было опять ко мнѣ и я опять оттолкнулъ ее такъ что она запнулась. Она прислонилась къ стѣнкѣ бесѣдки и громко зарыдала. Я никогда не могъ выносить ея слезъ и рыданій. Я кинулся къ ней, но въ эту самую минуту въ бесѣдку вошла мама. Она остановилась предъ нами съ любящимъ лицомъ; ея добрые глаза взглянули на меня съ невыносимымъ упрекомъ, даже какъ будто съ презрѣніемъ.

— Зина, тихо проговорила она,—уйди отсюда, услокойся поужауста и иди въ свою комнату.

Зина вышла. Мама стояла предо мной все такая же блѣдная и также невыносимо на меня глядѣла.

— Я никакого объясненія не прошу у тебя, сказала она мнѣ.—Я не знаю и знать не хочу что тутъ у васъ, но все это такъ дико, такъ невозможно, что я должна положить этому предѣлъ. Стыдно тебѣ, André, я считала тебя за порядочнаго юношу!

Слезы брызнули изъ ея глазъ и она, удерживая рыданія, быстро вышла изъ бесѣдки...

Я не знаю какъ это устроили, но только въ тотъ день я не видѣлъ Зины, да и никого не видѣлъ.

На слѣдующее утро, когда я сошелъ внизъ, не было ни мама, ни Зины. Катя мнѣ сказала что Зину увезли въ Москву, что ее отдадутъ въ институтъ. Я убѣжалъ къ себѣ, я рыдалъ, хохоталъ, бился головой объ стѣну, ломалъ все что попадалось подъ руку и наконецъ упалъ на кровать въ полномъ изнеможеніи.

XVI.

Я написалъ все это не вставая съ мѣста, писалъ весь вчерашній день, всю ночь. Madame Brochet принесла мнѣ обѣдъ въ комнату; но я до него и не дотронулся, вотъ онъ такъ и стоитъ въ углу на столѣ. Я не замѣтилъ какъ прошли сутки—я жилъ опять прежнею жизнью, и какое это было счастье чувствовать себя такъ далеко отъ того ужаса который теперь меня окружаетъ.

Я очнулся когда солнце было уже высоко и заглянуло въ мои открытыя окна, ударило мнѣ прямо въ глаза, разогнало всѣ яркіе, будто снова только сейчасъ пережитые годы.

Я подошелъ къ окошку: на меня пахнуло свѣжестью и ароматомъ ясное весеннее утро. Кругомъ знакомыя горы, а впереди синева озера. И вотъ явственно и звонко прошептала надо мной Зининъ голосъ. Я закрылъ глаза и увидѣлъ ее, но уже не дѣвочкой, а такою какой она была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь, въ этой же комнатѣ, у этого открытаго окошка.

Тоска давить стала; но утомленіе взяло верхъ и надъ тоской, я упалъ въ кресло и заснулъ не раздѣваясь.

Только сейчасъ стукъ въ дверь разбудилъ меня. Это Madame Brochet спрашиваетъ что со мной и предлагаетъ завтракать.

Нужно поскорѣе куда-нибудь спрятать вчерашній обѣдъ: Madame Brochet такъ подозрительно на меня смотритъ съ тѣхъ поръ какъ я къ ней вернулся, боюсь—а вдругъ какъ она возьметъ да и попроситъ меня подѣ какимъ-нибудь предлогомъ выѣхать изъ ея домика.

Нѣтъ, во что бы то ни стало нужно разогнать ея подозрѣнія. Спрячу обѣдъ, выйду къ ней и буду веселѣть....

Все сошло благополучно, я опять могу приняться за работу.

Зина исчезла изъ нашего дома: она была въ институтѣ. Я даль мама слово не стараться видать ее и сдержалъ свое обѣщаніе. Мало-по-малу я пришелъ въ себя: и Зина, и вся эта безумная исторія стали мнѣ казаться далекимъ бредомъ. Я ни разу не былъ въ институтѣ, а Зину къ намъ не привозили; къ тому же чрезъ годъ въ ея жизни произошла перемѣна: изъ-за границы пріѣхала ея тетка и мама ей передала всѣ права надъ нею. Она взяла Зину изъ института, такъ какъ та ничему тамъ не училась, и увезла ее съ собою. Зина пріѣзжала къ намъ прощаться; но меня не было дома, да я и не грустилъ объ этомъ...

Прошло шесть лѣтъ и прошли эти года невѣроятно скоро. А теперь такъ я совсѣмъ даже не могу ихъ и вспомнить; мнѣ кажется что совсѣмъ ихъ и не было. Наши продали московскій домъ и переселились въ деревню; я окончилъ курсъ, жилъ въ Петербургѣ одинъ, писалъ свою магистерскую диссертацию и собирался жениться.

Да, жениться. У меня была невѣста, Лиза Горицкая, наша сосѣдка по имѣнію. Мама давно уже грезила объ этой свадьбѣ, и въ послѣднюю поѣздку въ деревню я сдѣлалъ Лизѣ предложеніе. Мнѣ помнится что я тогда былъ счастливъ, мнѣ казалось что я любилъ Лизу. Она была славная и хорошенькая дѣвушка, вѣчно розовая и счастливая, заражавшая всякаго своимъ смѣхомъ и весельемъ. Она была единственная дочь у матери-вдовы, которая ее боготворила. По пріѣздѣ въ деревню я сталъ къ нимъ забираться, благо близко это было, чуть не каждый день, и наконецъ замѣтилъ что мнѣ безъ Лизы просто скучно. Между тѣмъ недѣли черезъ двѣ мнѣ предстояло возвратиться въ Петербургъ. Сначала это меня очень мало тревожило; но вотъ, какъ-то вернувшись домой отъ Горицкихъ, я вдругъ чрезвычайно смутился при мысли о томъ что какъ же это я останусь одинъ, что

какъ же это все опять кончится — не будетъ предо мною ни свѣтлаго лица Лизы, ни смѣшной, добродушной фигуры ея матери, Софьи Николаевны, ни всѣхъ этихъ прошивочекъ, сткляночекъ, шкатулочекъ, которыми такъ любила заниматься Лиза. Понявъ я что какъ хорошо было бы еслибы все это навсегда со мной осталось.

На слѣдующій день мы гуляли съ Лизой въ лѣсу. Вечеръ былъ удивительный, да и мѣстность прелестная. Мы шли и долго молчали, и я съ каждою минутой убѣждался что все это такъ хорошо, такъ мило для меня только потому что идти со мной Лиза и что непременно нужно чтобы Лиза всегда шла со мною.

— О чемъ вы думаете? спросила она меня.

Я такъ прямо и сказалъ ей о чемъ думаю. Еслибы зналъ только кто какъ растерялась бѣдная Лиза. Она остановилась, раскрыла на меня свои большіе сѣрые глаза, но не отняла у меня руку.

— Андрей Николаевичъ, что же это вы такое сказали? растерянно прошептала она, — развѣ можно говорить такіа вещи!..

— Конечно нельзя, если ихъ не думаешь. Но вѣдь вы спросили меня что я думаю, и я откровенно сказалъ вамъ, и теперь опять это повторяю и хочу чтобы и вы такъ же откровенно сказали мнѣ то что вы думаете.

Быстро, быстро разгораясь залилъ румянецъ все лицо Лизы. Я смотрѣлъ, не отрываясь, на это лицо; я видѣлъ эти быстрыя измѣненія въ его выраженіи; я замѣчалъ какъ безконечно хорошеетъ Лиза съ каждою новою секундой.

— Ахъ, неволью сорвалось у нея,—что же это такое?! Ну да что жъ, я не стану лгать, Андрей Николаевичъ: эти два мѣсяца мнѣ показались не то минутой, не то двумя годами... Мнѣ кажется что я всегда васъ знала и никогда я не была такъ счастлива какъ въ это время. Еще сейчасъ я не знала что такъ счастлива, и теперь, только сію минуту поняла это,—вотъ что я могу вамъ сказать...

На ея глазахъ блестяли слезы.

Я крѣпко сжалъ ей руки, я молча смотрѣлъ на нее. Невольное движеніе влекло меня обнять и прижать къ своей груди эту милую, раскраснѣвшуюся, такъ дѣтски и въ то же время серьезно смотрящую на меня дѣвушку; но я удержался.

Мы пошли дальше и все время молчали. Мы не знали какъ вышли изъ лѣсу, не помнили какъ вернулись домой, къ Софьѣ Николаевнѣ.

Она сидѣла на обрешетѣ лющемъ балконѣ и хотѣла что-то сказать намъ, но вдругъ взглянула на Лизу и оставилась.

— Матюшка, что съ тобой, что это у тебя за лицо? проговорила она наконецъ.

Лиза бросилась къ ней на шею и заплакала.

— Да что такое, что? повторяла Софья Николаевна, тоже вся всхливая и нѣсколько лукаво смотря на меня.

— Нѣтъ, я не могу, не могу. Его спроси, пусть онъ скажетъ, захлебываясь слезами шелтаала Лиза.

Я хотѣлъ говорить, но у меня пересохло въ горлѣ и слова не давались.

— Да не нужно, не нужно, поняла я васъ! тихо сказала Софья Николаевна, протягивая мнѣ руку...

Вотъ этотъ вечеръ я вижу ясно предъ собою, а потомъ все опять въ туманѣ. Скоро я уѣхалъ въ Петербургъ работать надъ диссертацией. Свадьбу, по настоянью Софьи Николаевны, отложили до весны. Къ Рождеству ждали меня въ деревню...

XVII.

По утрамъ я часто ходилъ въ Эрмитажъ и проводилъ тамъ нѣсколько часовъ предъ своими любимыми картинами. Какъ-то, въ срединѣ декабря, стоялъ я у Тициановской Магдалены и вдругъ замѣтилъ въ ней одно поразившее меня сходство, не въ чертахъ лица, нѣтъ, но что-то въ выраженіи напомнило мнѣ Зину въ цвѣтъ ея минуты.

Измученная, вдохновенная, раскаивающаяся, облита слезами женщина, созданная Тицианомъ, и Зина!—кажется что могло быть общаго?.. А между тѣмъ сходство дѣйствительно поражало. Точно съ такимъ же выраженіемъ я помню Зину въ двѣ, три минуты, когда она блѣдная, вся въ слезахъ, являлась предо мною и оплакивала свои поступки, и раскаивалась, и просила у меня прощенья.

Въ подобныя минуты она была всегда искренна и со всѣмъ не походила на ребенка. Теперь я очень рѣдко думаю о Зинѣ, но это внезапно найденою мною сходство вернуло къ ней мои мысли и я сталъ о ней думать. Мнѣ хо-

тѣлось увидать ее, такъ, мелькомъ, чтобы только посмотреѣть что съ ней теперь сталося...

И вдругъ я ее увидѣлъ.

Высокая, стройная женщина подошла ко мнѣ и положила мнѣ на ладно свою руку. Я съ изумленіемъ обернуся, растерянно взглянувъ на нее и сразу узнавъ въ ней Зину.

Она очень мало измѣнилася; пятнадцатилѣтняя дѣвочка была не похожа на ребенка, а теперь въ двадцать одинъ годъ она осталась такою же. Еще за минуту предъ тѣмъ, когда я уже о ней думалъ и во всѣхъ подробностяхъ вспоминалъ лицо ея, мнѣ не было ни страшно, ни больно отъ этихъ воспоминаній: я оставался спокойнымъ; все это такъ давно прошло и ничего общаго не могло быть между тѣмъ временемъ и моею теперешнею жизнью. А тутъ, только-что живая Зина подошла ко мнѣ, только-что взглянула она на меня и я взялъ ее за руку, какъ разомъ уничтожилось все пространство времени въ шесть лѣтъ, прошедшее съ послѣдняго нашего свиданія. Прежде еще чѣмъ я созналъ это, я уже былъ тѣмъ же самымъ несчастнымъ человѣкомъ какимъ бывалъ всегда въ ея присутствіи. Она опять владѣла мною; прежній воздухъ дохнулъ на меня и я опять былъ счастливъ, и опять мучился.

— Ты знаешь, André, заговорила Зина прежде чѣмъ я могъ произнести слово,—я здѣсь не случайно, я была у тебя. Мнѣ сказали что ты въ Эрмитажѣ и я отправилась искать тебя. Ты мало измѣнился,—ну а я какъ?

— Да и ты мало измѣнилася. Скажи, какъ ты здѣсь, на долго ли? Что ты дѣлаешь, что съ тобою? Все скорѣе расскажи мнѣ.

И она стала мнѣ рассказывать. Ея тетка умерла, она опять одна съ очень маленькими средствами. Она еще не знаетъ что будетъ дѣлать, гдѣ будетъ жить. А теперь остановилась въ домѣ своего бывшего опекуна, одного стараго генерала.

— Можно къ тебѣ? спросилъ я.

— Конечно, разумѣется, пойдемъ сейчасъ! Ты увидишь моего генерала, отличный старикашка, страшно богатъ и влюбленъ въ меня.

Мы поѣхали.

Генералъ былъ дома. Зина меня ему сейчасъ представила какъ родственника и стараго друга дѣтства. Впрочемъ онъ зналъ мою мать и встрѣтилъ меня необыкновенно любезно.

Зина пріѣхала въ Петербургъ два дня тому назадъ, прямо къ генералу, съ которымъ заранѣе списалась.

Кажется тутъ не было ничего страннаго и непонятнаго: пожилой человекъ, товарищъ и даже родственникъ ея отца, ея бывший олекулъ, конечно она имѣла полное основаніе у него остановиться; но мнѣ сразу показалось въ домѣ этомъ что-то странное. Самъ генералъ не представлялъ ничего интереснаго: ему на видъ казалось лѣтъ за пятьдесятъ пять, когда-то вѣрно онъ былъ очень красивъ и теперь еще на его старомъ лицѣ оставались слѣды этой красоты. Къ тому же онъ тщательно собою занимался. Его сѣдые порѣдѣвшіе волосы были необыкновенно аккуратно расчесаны, усы надуты, одежда изыскана.

Онъ называлъ Зину своею дорогой дѣвочкой и обращался съ нею какъ вѣжливый отецъ; она же относилась къ нему довольно презрительно и почти въ глаза надъ нимъ смѣялась.

Я узналъ что генералъ еще прежде, раза два, проводилъ лѣто у Зикиной тетки. Зина сказала мнѣ что онъ влюбленъ въ нее, и черезъ четверть часа я ужъ отлично понялъ что она сказала правду: подъ отеческой вѣжливостью старика видно было другое чувство.

Мнѣ все это показалось очень безобразно, мнѣ захотѣлось чтобы Зина поскорѣй куда-нибудь отсюда уѣхала—все равно куда, только подальше бы отъ этого генерала.

Наконецъ мы остались съ ней вдвоемъ.

— Ну, какъ тебѣ понравилась старикашка? спросила она меня.

— Чтò жь въ немъ особеннаго? Ничего.... только это кажется правду ты сказала что онъ влюбленъ въ тебя, и это мнѣ очень не нравится.

Она засмѣялась.

— Чтò же тутъ такого? Совершенно въ порядкѣ вещей! Еще бы онъ въ меня не влюбился!... давно ужъ вздыхаетъ! Еще третьяго года, лѣтомъ, въ деревнѣ.... И еслибы ты зналъ какъ все это смѣшно!... У меня вѣдь тамъ, что ни день, то новый женихъ являлся, и старикъ ко всякому ревновалъ меня. Еслибы не онъ, такъ я, кажется, умерла бы отъ скуки!

— Такъ у тебя много было жениховъ, сказалъ я;— отчего же ты до сихъ поръ не вышла замужъ?

Она взглянула на меня и лицо ея вдругъ стало серьезно.

— Да сама не знаю, проговорила она.

— Неужели тебѣ никто не нравился?

— Какъ не нравился, многіе нравились, даже влюблялась. Одинъ разъ совсѣмъ была готова выйти замужъ, но только что этотъ господинъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, какъ вдругъ, въ одну минуту, онъ мнѣ опротивѣлъ. Просто тошно было мнѣ смотрѣть на него! Да еслибы тогда и вышла замужъ, такъ можетъ-быть единственно только для того чтобы подразнить генерала.

Это была прежняя, не измѣнившаяся Зина.

Намъ было о чемъ поговорить съ ней, и мы говорили много, но оба тщательно избѣгали возвращаться къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Кромѣ Зининаго признанія объ ея отношеніямъ къ женихамъ между нами не было сказано ни одного настоящаго, искренняго слова. Говорили обо всемъ, но не говорили о самомъ важномъ.

— А знаешь, вѣдь мнѣ сказали что ты собираешься жениться, правда ли это? спросила у меня Зина.

— Кто же тебѣ могъ сказать?

— Это все равно, только сказали. Правда ли это?

— Нѣтъ, не правда, отвѣтилъ я и отвѣтилъ искренно: я теперь зналъ что не женюсь, я зналъ что моя жизнь опять разрушена и опять началось новое.

— А я такъ можетъ-быть очень скоро выйду замужъ, шепнула Зина прощаясь со мною.

— За кого? спросилъ я.

— За генерала.

Она смѣялась, но какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ, отъ котораго у меня прошелъ морозъ по кожѣ.

Я вышелъ отъ нея опять въ туманѣ, опять измученный и недоумѣвающимъ.

XVIII.

Прошло два дня и эти два дня я не выходилъ изъ дома. Я бродилъ по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ въ совершенномъ оцѣлѣтвіи, не знаю даже думалъ ли я что-нибудь. Я только понималъ что снова началась старая болѣзнь и все чѣмъ жилъ я до сихъ поръ, чѣмъ жилъ еще нѣсколько часовъ тому назадъ, ушло отъ меня, потеряло для меня всякій смыслъ.

Я не могъ дотронуться до моей диссертации, не могъ никого видѣть, предо мной была только Зина.

Но я не шелъ къ ней, я чувствовалъ что мнѣ до новаго свиданія съ нею предстоитъ еще одно тяжелое дѣло. Мнѣ страшно было приступить къ этому дѣлу, и не зная я какъ приступаю къ нему, и тянулъ часъ за часомъ.

Но на второй день вечеромъ я вдругъ и неожиданно для самого себя написалъ письмо моей невѣстѣ. Не помню что именно писалъ я ей, только она конечно не могла обмануться въ значеніи письма этого: я навсегда прощаюсь съ нею.

Какъ въ туманѣ вышелъ я изъ дома, самъ опустилъ письмо въ ящикъ и потомъ долго бродилъ по улицамъ, не зная куда дѣваться отъ тоски которая меня душила...

Что такое я сдѣлалъ? Развѣ возможенъ подобный поступокъ и развѣ нуженъ онъ? Можетъ-быть все это ни что иное какъ безуміе минуты, и вотъ минута пройдетъ, я очнусь, вернусь къ дѣйствительной жизни, а между тѣмъ все ужъ будетъ кончено.

Было даже мгновение когда я хотѣлъ писать Лизѣ другое письмо, умолять ее простить бредъ мой, но сейчасъ же, и уже сознательно, понялъ я что все между нами кончено. Предо мной выросли и освѣтились двѣ фигуры: какъ живыя стояли онѣ—и Лиза и Зина, и ясно и отчетливо я видѣлъ всю разницу между ними; я понималъ до какой степени чище и прекраснѣе Лиза. Я увидѣлъ все то зло, весь тотъ мракъ и ужасъ которые дышали отъ другаго образа стоявшаго предо мной. И между тѣмъ этотъ образъ едва появившись ужъ увлекалъ меня, отрывалъ отъ того въ чемъ я могъ бы найти свое счастье.

Лиза и Зина! Боже мой!.. Но дѣло въ томъ что я бѣжалъ не къ Зинѣ, а къ призраку моего воображенія, почему-то связанному съ Зиной.

И снова безумно любилъ я этотъ призракъ, и сила любви моей была такова что скоро заставила замолчать совѣсть и выгнала изъ меня все тихое счастливое чувство которыми жилъ я въ послѣдніе мѣсяцы...

Все больше и больше залутывающійся въ своихъ мысляхъ и чувствахъ незамѣтно заснулъ я, но и во снѣ со мной была опять Зина, только она ужъ не двоилась: она была одна—та самая какую я видѣлъ ее въ давно прошедшіе годы. Опять мы были съ нею въ старомъ волшебномъ домѣ, опять

выходили въ садъ залитый солнечнымъ свѣтомъ и олять радость разливалась въ душѣ моей, и олять ловилась я это прекрасное созданіе которое было рядомъ со мною. Мы снова неслись впередъ среди ликующей природы, подытые одной мыслью, однимъ чувствомъ. Мы не задавали другъ другу никакихъ вопросовъ, и всакій вопросъ становившійся предъ нами разрѣшали вмѣстѣ: и какое наслажденіе было въ этой общей работѣ!

Я помню что снова явилось въ мельчайшихъ подробностяхъ все что когда-либо волновало меня въ жизни, что неясно жило во мнѣ: и все это было понятно сразу моей спутницѣ. На все она откликнулась, и въ ней самой, въ ея недоговоренныхъ мысляхъ, невыраженныхъ чувствахъ я тоже все позналъ и разъяснилъ ей...

Проснулся я безъ тоски и страха. Меня ужъ не страшили трудности: я долженъ найти все; я долженъ сорвать съ души ея эту уродливую оболочку, въ которую она прячется; я долженъ разбить колдовство и чары, долженъ освободить изъ неволи, вырвать изъ грязи эту прекрасную душу. Тяжелая, трудная задача! Но награда которую получу я, награда, показанная мнѣ въ чудныхъ пророческихъ снахъ, такъ высока что было бы безумствомъ отказаться отъ этой задачи; да и развѣ это возможно?...

XIX.

Итакъ, я былъ снова свободенъ; мнѣ казалось что новая жизнь началась. Я отправился къ Зинѣ. „А вдругъ даже и борьбы никакой не надо, безумно думалось мнѣ; вдругъ это волшебное счастье уже готово и только ждетъ меня? и я не разглядѣлъ его при встрѣчѣ съ нею только потому что помнилъ страшное, большое время моей юности.“

Зина была одна въ квартирѣ генерала. Она встрѣтила меня какъ любимого брата, сказала мнѣ что давно ждетъ меня и что еслибъ я не пришелъ она сама ко мнѣ отправилась бы. Я смотрѣлъ на нее и съ каждою минутой росла во мнѣ увѣренность что сонъ мой начинаетъ сбываться. Я забылъ о генералѣ, о дикой ея фразѣ, да и какъ было не забыть мнѣ. Зина не напоминала.

Я разглядѣлъ ее теперь хорошенько. Я увидѣлъ ее скромною, ласковою дѣвухкой. Во мнѣ осталось отъ нея впечатлѣ-

такие чего-то ужаснаго, мучительнаго, а вотъ она предо мною, и столько въ ней простоты и искренности! На этотъ разъ она много говорила: разказывала мнѣ всю свою жизнь за эти шесть лѣтъ, вспомнила свою тетку. На глазахъ ея показались слезы когда она говорила объ ея смерти. Она тоже спрашивала меня про нашихъ, съ такою любовью припоминала мама, Катю, всѣ свѣтлые дни въ нашемъ домѣ.

Еслибъ я могъ забыть прошлое, еслибъ могъ забыть весь тотъ мракъ и ужасъ, я былъ бы вполне счастливъ. Но вѣдь я не могъ забыть этого. Это воспоминаніе отражало всю прелесть нашего свиданія; съ нимъ нужно было покончить. Мнѣ было тяжело начать, но я рѣшился.

— Зина, сказалъ я,—мы вспоминаемъ все хорошее; но вѣдь столько было дурнаго. Забыть его невозможно. Я не забылъ, и ты вѣдь не забыла?

Зина подняла на меня свои молчалие и теперь совсѣмъ тихіе глаза и протянула мнѣ руки.

— Его можно забыть, André, и должно. Это была дѣтская и глупая исторія.

И мнѣ показалось что дѣйствительно это была дѣтская и глупая исторія, что такъ на нее и смотрѣть нужно и что только я, одинъ я виноватъ въ ней. Должно-быть я тогда просто выдумалъ эту страшную Зину, напрасно измучилъ себя и ее, омрачилъ ея дѣтскіе дни и безобразно былъ виноватъ предъ нею.

Я искренно и горячо сталъ просить у ней прощенья.

— Если ты былъ виноватъ предо мною, то я давно, давно ужъ тебя простила, сказала мнѣ Зина. — Еслибъ я не простила тебя, развѣ бы такъ встрѣтилась я съ тобою? Я помню только одно хорошее, я помню моего милаго Андришу. Поди ко мнѣ, поцѣлуй меня, будь моимъ другомъ; мнѣ очень нужно друзей, у меня ихъ нѣтъ...

Она наклонилась ко мнѣ, она обняла меня и спрятала свою голову на груди моей. Отъ нея вѣяло грустью и тихой лаской.

„Вотъ какъ все это разрѣшилось, радостно думалъ я; какимъ же былъ я всегда безумнымъ и какое бесконечное счастье что она теперь пріѣхала.“

Но, странное дѣло, мысль о томъ что можетъ-быть эта настоящая, новая Зина, Зина души моей, меня не любить и не полюбить такъ какъ я ее, не приходила мнѣ въ голову.

Мы говорили съ нею какъ братья съ сестрой, мы признавали ту старую, страшную исторію прошедшею и оконченною. Все придетъ, все теперь сбудется, все ужъ близко, чувствовалъ я, и все уходило въ настоящую минуту.

— Такъ ты не женишься? вдругъ спросила Зина.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ я.

— Однако это странно! Я все знаю изъ вѣрнаго источника, изъ писемъ твоей сестры Кати къ одной моей пріятельницѣ. Расскажи же мнѣ все.

Я сказалъ ей что точно былъ женихомъ, но что дѣло разстроилось.

— Давно?

— Недавно.

— Можетъ-быть вчера?

— Можетъ-быть и вчера, опять спокойно повторилъ я.

Въ это время я сидѣлъ въ креслѣ, а Зина ходила по комнате. Она сзади подошла ко мнѣ, старымъ, памятнымъ мнѣ движеніемъ спутала мои волосы и наклонившись прижалась къ моему лбу важными, горячими губами.

Я быстро подвѣлъ голову. Надо мной мелькнула знакомая, злая, мучительная улыбка, но я подумалъ что мнѣ она почудилась только, тѣмъ болѣе что въ лицѣ Зины чрезъ секунду ужъ ничего не осталось отъ этой улыбки.

— Обѣдай сегодня со мною, сказала мнѣ Зина:—я одна весь день, генералъ въ своемъ клубѣ. Отъ многаго я его ужъ отучила, но отъ клуба отучить никакъ не могу, даже меня одну сегодня рѣшился оставить, а это для него много.

— Что жь, когда же твоя свадьба съ генераломъ? смѣясь спросилъ я (я искренно смѣялся).

— Когда тебѣ угодно, тоже засмѣялась Зина.

— Такъ это вздоръ?

— Господи, конечно вздоръ, и не будемъ пожалуста говорить объ этихъ гаупостахъ!

— Зачѣмъ же ты тогда мнѣ сказала? Знаешь, вѣдь ты меня испугала...

— Вольно же тебѣ лгаться. Мало ли что я болтаю. Если будешь вѣрить всякому моему слову, такъ я пожалуй залугаю тебя до смерти...

XX.

Весь день мнѣ пришлось знакомиться съ Зиной; все въ ней было ново, поражаало меня и радовало.

Когда мы рѣшили что я остаюсь обѣдать, она повела меня въ свои комнаты, которыя были почти ужь устроены. Она показала мнѣ всѣ свои работы и наконецъ развернула предо мною большой альбомъ съ рисунками.

— Кто это рисовалъ? спросилъ я.

— Я, улыбаясь отвѣтила она.—Видишь, кое-что хорошее осталось отъ того времени. Это ты заставлялъ меня любить живопись. Таланта Богъ мнѣ не далъ особеннаго, но посмотри, увидишь что все что могла я сдѣлать—сдѣлала.

Я жадно принялся разсматривать рисунки. Еслибъ я могъ быть тогда хладнокровнымъ, то замѣтилъ бы что она далеко не сдѣлала всего что могла сдѣлать, потому что рѣдкій рисунокъ былъ оконченъ. Иной разъ отдѣльныя части были не только что дорисованы, но даже перерисованы, а остальное совсемъ брошено. Вообще это была коллекція самыхъ безалаберныхъ рисунковъ; но тогда я не могъ этого замѣтить. Я разсматривалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ бросился мнѣ въ глаза между ними набросокъ мужской головы, въ которой я нашелъ сходство съ собою.

— Это ты меня? спросилъ я.

— А ты узналъ? Вотъ лучшая похвала мнѣ!.. только нѣтъ, не смотри, ужасно плохо... Знаешь, я часто тебя вспоминала, но рѣдко могла хорошенько вспомнить лицо твое. Одишь только разъ оно представилось мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, и вотъ тогда принялась я за этотъ рисунокъ...

Послѣ альбома я подошелъ къ этажеркѣ съ книгами. Бывшая лѣнивая, никогда не учившаяся и ничѣмъ не интересовавшаяся Зина привезла съ собою лучшія произведенія художественной литературы, серіозныя историческія сочиненія, нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ.

— И ты прочла все это? спросилъ я.

— Даже не разъ, отвѣтила она совершенно просто,—это все мои любимыя книги.

— Такъ ты любишь чтеніе?

— Ужасно. Только училась я мало, такъ какъ-то вся жизнь до сихъ поръ безалаберно вышла. Ну да теперь, если оста-

вусь здѣсь, ты мнѣ во многомъ поможешь. Ахъ, какъ много мнѣ еще нужно! Но чтѣ жь говорить обо мнѣ, еще наговоримся; ты про себя мало говоришь, а мнѣ такъ интересно знать твои планы.

Я сталъ ей разказывать; она жадно меня слушала, она интересовалась всѣмъ, каждою моею мыслію. Заговорила она и о своей живописи: оказалось что она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, осматрѣла тамъ все достойное вниманія. Съ жаромъ говорила она о многихъ видѣнныхъ ею картинахъ. Потомъ разказала, какъ тайкомъ уѣхала отъ тетки изъ Мюнхена въ Дрезденъ, чтобы только взглянуть на Сикстинскую Мадонну.

— И знаешь, я три дня прожила предъ этою картиною. Приходила рано утромъ и уходила только когда запирали галерею. И сначала она мнѣ не понравилась, ничего я не нашла въ ней, но за то потомъ ужь не могла оторваться. Это были чудные дни какой-то новой жизни, я неслась куда-то... Вѣдь помнишь... знаешь,—она на воздухѣ, вверхъ несется и поднимаетъ съ собою всякаго кто умѣетъ смотрѣть на нее и понимать ее. Но чтобы понять, нужно превратиться въ ребенка; я такъ и сдѣлала, и можетъ-быть никогда я не была такимъ ребенкомъ какъ тогда, когда смотрѣла на эту картину!

Она стала подробно, передавать мнѣ свои ощущенія, и я жадно ловилъ ихъ и наслаждался тѣмъ что она повторяла мои собственныя мысли.

И это говорила она, та самая Зина которую когда-то у насъ многіе считали глупенькою. Она поняла тайну прекраснаго и высокаго, поняла что для того чтобы восхититься Мадонной и постичь ее, нужно превратиться въ ребенка, то-есть очиститься сердцемъ.

— Я не замѣчалъ какъ шло время. Я пробылъ у нея до поздняго вечера.

Генераль вернулся, звалъ насъ въ театръ съ собою, но мы отказались, и онъ отправился одинъ. Я сталъ было искать въ немъ, въ выраженіи лица его неудовольствія, ревности, но ничего не замѣтилъ. На этотъ разъ это былъ только добродушный старикъ. Значить все мнѣ пригрезнулось и только сегодня я проснулся. Зина ни однимъ словомъ, на одною минуой не нарушала моего впечатлѣнія, и я наконецъ ушелъ отъ нея совсѣмъ успокоенный, ни въ чемъ

не сомнѣвающейся. На душѣ у меня было свѣтло и весело; мнѣ казалось что все кругомъ меня прекрасно, даже свѣрый петербургскій вечеръ съ грязью и оттепелью.

XXI.

Madame Brochet рѣшительно меня пресѣдуетъ. Я не могу спокойно прожить нѣсколько часовъ за моею работою. Едва забудусь, едва уйду въ свои воспоминаванія, едва замолчить эта невыносимая тоска, тоска ожиданія, какъ уже раздается стукъ въ двери и вкрадчивый голосъ шепчетъ:

— Monsieur, que faites vous toujours dans votre chambre, l'air est si doux ce soir... allez donc, faites une petite promenade dans les montagnes...

И я чувствую въ то же время что зоркій глазъ наблюдаетъ за мною въ замочную скважину.

Я заглянулъ въ скважину воскомъ, и это не помогаетъ. Madame Brochet стала подсматривать за мною черезъ окна. Теперь цѣлый день у меня слущены занавѣски, такъ она пустилась на новую хитрость,—подослала ко мнѣ свою Алису. Вотъ она только что ушла отъ меня.

Она явилась такая свѣженькая, хорошенькая, въ только что выглаженномъ платицѣ, съ вѣчною черною бархаткой на шеѣ.

Она привнесла мнѣ букетъ первыхъ цвѣтовъ, и я не въ силахъ былъ отъ нея отдѣлаться...

Мнѣ еще невыносимѣе стало при взглядѣ на Алису: эта свѣжесть, здоровый румянецъ, эта жизнь, полудѣтскія улыбки... здѣсь, рядомъ со мною, въ этой комнатѣ, гдѣ все... смерти!... Я совсѣмъ растерялся.

Алиса сейчасъ же стала допытываться: чѣмъ я такимъ занятъ, что такое пишу...

Я отвѣтилъ ей что пишу романъ и тороплюсь ужасно. Она посмотрѣла мою рукопись, выразила сожалѣнiе что не понимаетъ по-русски и кажется удовлетворилась моимъ объясненiемъ. Я уже думалъ что все сошло благополучно, но мнѣ предстояло большое испытанiе: Алиса вдругъ пристально посмотрѣла на меня, вся вспыхнула и заломъ проговорила:

— Et que fait Madame? Où est elle maintenant?... Est ce que nous ne reverrons pas Madame?..

Вотъ къ чему клонился букетъ первыхъ дѣтвотъ! При словѣ: „Madame“ я невольно вздрогнулъ и не могъ справиться съ собою. А хитрая дѣвочка такъ и влилась въ меня глазами.

— Madame est à Paris.... je vien de la quitter, прошептавъ я, едва ворочая сухимъ языкомъ.

Вѣрно Алиса поняла что больше отъ меня ничего не добьется или испугалась что ли моего лица; только не стала меня мучить и удалилась... Боже мой, что жь тутъ такого, что меня про нее спросили?! а вотъ будто новый страшный ударъ разразился надъ мною... Скорѣе, скорѣе олять за работу!...

Счастливымъ и безумнымъ, не имѣвшимъ даже времени думать и мечтать о будущемъ въ этомъ нахлынувшемъ на меня счастьи, я бросилъ мои работы и проводилъ почти всѣ дни съ Зиной и у Зины. Ея генералъ пересталъ смущать меня; я теперь началъ находить его очень милымъ старикомъ и необыкновенно радушимъ хозяиномъ.

Но мое счастье было непродолжительно. Какъ-то, на святкахъ, прѣдя къ Зинѣ, я засталъ у нея нѣсколько новыхъ лицъ, присутствіе которыхъ сразу отравило всю мою радость.

Это были именно такіе люди которыхъ мнѣ невыносимо было видѣть рядомъ съ Зиной. Впервыхъ, бывшая Сашенька, теперь Александра Александровна, одна изъ воспитаницъ мама, существо лютоты необыкновенной, приобрѣтшее себѣ въ Петербургѣ самую плохую репутацію и самаго непристойнаго мужа. Потомъ эти такъ-называемые Кoko и Мими, два моихъ университетскихъ товарища, не кончившіе курса студента, износившіеся и истрелавшіеся шалопаи. Они оба были въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ генераломъ.

Но хуже и отвратительнѣе всего было то что за ними, изъ полутемнаго угла Зининаго будуара, на меня глянуло слишкомъ знакомое лицо съ гладко причесанными черными волосами, выдѣвшими бакенбардами и зеленоватыми кошачьими глазами, прачущимися лодъ блестящими стеклами pinse-nez.

Это былъ Рамзаевъ.

Рамзаевъ!... Нѣтъ, я во что бы то ни стало долженъ успокоиться, долженъ хладнокровно припомнить этого человѣка съ самаго начала. Вѣдь онъ прошелъ черезъ всю жизнь мою...

XXII.

Появленіе Вани Рамзаева въ нашемъ домѣ—одно изъ первыхъ воспоминаній моего дѣтства.

Я помню, его привезли въ Москву изъ какой-то деревенской глуши, привезла мать, залымавшая жиромъ женщина въ чепцѣ съ удивительными лентами. Она приходилась мама какою-то кумой, была мелкопомѣстная дворянка, получала послѣ смерти мужа маленькую пенсію и имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей. Старшихъ дочерей пристроила по сосѣдству, а вотъ Ваню, своего единственнаго сына, намѣревалась отдать въ столичное учебное заведеніе. Являлась она тогда къ намъ, по давнему обычаю всѣхъ нашихъ отдаленныхъ родственниковъ и деревенскихъ сосѣдей, совершенно неожиданно, не освѣдомившись согласна ли будетъ мама принять подъ свое покровительство ея сына. Впрочемъ къ чему ей было и освѣдомляться объ этомъ: всѣ знали мама, знали что еще никогда, никому въ жизни она ни въ чемъ не отказывала. Помню, этой неожиданной гостьѣ немедленно же отвели комнату въ нашемъ домѣ, приставили къ ней горничную; помню какъ въ тотъ же день мама куда-то уѣхала и вернулась со всевозможными покупками для пріѣзжихъ. Въ дѣвичьей стали шить и кроить всякое бѣлье и костюмчики для Вани.

Ему тогда было лѣтъ ужъ двѣнадцать, а мнѣ лѣтъ пять. Я его очень не взлюбилъ въ первое время: онъ ужасно солѣлъ, и это почему-то особенно мнѣ въ немъ не нравилось. Отлично я помню это солѣнье, но затѣмъ на нѣсколько лѣтъ воспоминанія мои какъ-то прекращаются. Я помню его опять ужъ гимназистомъ старшихъ классовъ. Онъ былъ пансіонеромъ, являлся къ намъ по праздникамъ и часто все лѣто проживалъ у насъ въ Петровскомъ: не ѣздилъ въ далекую деревню къ матери.

Онъ ужъ больше не солѣлъ и мой взглядъ на него совершенно измѣнился. Теперь онъ мнѣ казался самымъ лучшимъ, самымъ привлекательнымъ существомъ во всемъ мірѣ. Я считалъ его своимъ закадычнымъ другомъ и эта дружба мнѣ необыкновенно льстила, такъ какъ я все же былъ еще маленькимъ мальчишкой, носилъ еще широкіе панталончики, обшитые кружевами, а онъ былъ длинненькимъ, тоненькимъ юношей въ гимназическомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ.

Его появленіе каждую субботу производило восторгъ не въ одномъ мѣѣ; и все остальное дѣтское населеніе нашего дома встрѣчало его съ распростертыми объятіями. Съ субботы и до поведѣльника, благодаря ему, у насъ обыкновенно начиналось самое волшебное времяпровожденіе. Онъ каждый разъ приносилъ съ собою какія-нибудь вещицы необыкновенной важности, какъ мѣѣ тогда казалось: то хитро сдѣланную коробочку, то чудесно разрисованную картинку, то резинку доведенную до такого состоянія что она, будучи какъ-то особенно сложена и затѣмъ надавлена, очень громко щелкала. Всѣ эти удивительныя вещи приносились имъ мѣѣ въ даръ и въ концѣ концовъ составляли въ моемъ шкалу огромный складъ.

Бывало, насладившись новою принесенною имъ вещью мы ожидали отъ него какой-нибудь игры или забавы, и онъ всегда удовлетворялъ нашимъ требованіямъ: то дѣлалъ намъ изъ фольги орденъ и звѣзды, мастерилъ изъ чего попало военные костюмы, ставилъ насъ въ шеренги, начиналъ нами командовать, и мы бѣгали по залу, хоромъ расплывая:

Какъ-то разъ передъ теплою
Соламенныхъ горъ...

Особенный азартъ и восторгъ начинался со словъ:

Вьютъ бѣлые сутааны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уаны,
Поднимаа пыль.

И мы мчались и мчались изъ комнаты въ комнату, поднимая такой гвалтъ и пыль что подъ конецъ даже долготерпѣливая мама заставляла насъ переимѣнить игру.

Я начиналъ, конечно, возражать, а дѣвочки принимались плакать, но Ваня всегда умѣлъ подслужиться и намъ, и маме. Онъ объявлялъ что дѣйствительно нужно кончить и что онъ придумаетъ что-нибудь новое и еще болѣе интересное. Мы ему вѣрили, снимали съ себя бранные дослѣхи и ждали что такое будетъ.

- Хотите я вамъ разкажу сказку? спрашивалъ онъ.
- Хорошо, хорошо!

Мы усаживались вокругъ него въ диванной на широкихъ низкихъ подушкахъ, объѣпляли его со всѣхъ сторонъ и жадно принимались слушать.

Зимніе сумерки незаметно надвигались; по большимъ нашимъ комнатамъ стояла тишина; только издали, въ столовой, слышались приготовления къ обѣду: тамъ стучали ножами и вилами, тамъ непременно летѣла на полъ и разбивалась тарелка. Но мы не обращали ни на что вниманія и только слушали нашего друга.

Ваня разказывалъ намъ удивительныя сказки; онъ въ то время прочелъ всю Шехеразату и бралъ свои сюжеты обыкновенно изъ *Тысячи и одной ночи*. Подъ конецъ онъ всегда начиналъ черезчуръ увлекаться, вдавался въ подробности имъ самимъ выдуманныя и иногда до того ни съ чѣмъ несообразныя что я долженъ былъ его останавливать и требовать всякихъ объясненій. Эти остановки нарушали гармонию въ нашемъ кружкѣ: дѣвочки на меня накидывались и обвиняли въ томъ что я только мѣшаю.

Онъ больше любилъ самый процессъ разказа, страшныя сцены, и имъ не было ровно никакого дѣла до послѣдовательности; онъ умѣлъ слушать, особенно Катя, съ разинутымъ ртомъ, съ остановившимися и впившимися въ разказчика глазами; онъ никогда не прерывалъ и только по временамъ вздыхалъ и даже вздрагивалъ отъ полноты чувства.

Я тоже слушалъ очень внимательно и, можетъ-быть, тоже съ разинутымъ ртомъ, я всецѣло уходилъ въ фантастическій міръ изображаемый краснорѣчивымъ Ваней, но могъ оставаться въ этомъ мірѣ и находиться подъ его обаяніемъ только тогда когда въ разказѣ не было никакихъ несообразностей. Малѣйшая фальшивая нота меня выводила изъ очарованія, я возмущался и конечно молчать не могъ.

Какъ бы то ни было, съ перерывами или безъ переры вовъ, но сказка продолжалась. Вотъ сумерки совсемъ уже ступились, вотъ въ гостиной и залѣ раздаются шаги скрипящихъ сапогъ; лакеи зажигаютъ лампы. Вотъ буфетчикъ входитъ наконецъ въ нашу диванную и охрипшимъ отъ вѣчнаго пьянства голосомъ объявляетъ:

— Пожалуйте въ столовую, кушать подаю!

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчаемъ мы въ одинъ голосъ и начинаемъ упрашивать Ваню докончить поскорѣй. Мы знаемъ что минутъ пять, а можетъ-быть даже и десять, въ нашемъ распорядкѣ, что можно дожидаться вторичнаго зова. Мы въ такомъ возбужденіи, мы такъ хотимъ узнать скорѣе конецъ! Но Ваня намъ не внемлетъ: онъ лучше всего боится получить выговоръ.

— Послѣ объѣда доскажу, а теперь ни за что! твердо отвѣчаешь оу намъ на всѣ наши умаливанія и направляется въ столовую.

Мы поневолѣ слѣдуемъ за нимъ, и долго, сидя ужъ за тарелками супа, не можемъ еще придти въ себя, и даже тетушка Софья Ивановна представляется намъ нѣсколько похожею на какого-нибудь Синдбада-морехода.

XXIII.

Вотъ этими-то сказками, играми, всевозможнѣйшими забавами Ваня и заложилъ наши сердца. Мы всѣ, какъ одинъ человекъ, были за него горой, были окончательно увѣрены въ его необыкновенной любви къ намъ и дружбѣ, въ его баснословныхъ достоинствахъ.

И долго находились мы подъ этимъ обаяніемъ, и никогда бы изъ него можетъ-быть не вышли, еслибы наконецъ я не сталъ замѣчать что оу вовсе не такой ужъ намъ другъ, какими мы его считали. Роста и начиная наблюдать окружающее, я замѣчалъ что каждый разъ послѣ удаленія Вани въ гимназію у насъ непременно выходили какія-нибудь исторіи, открывались какія-нибудь шалости, кого-нибудь наказывали и наказывали обыкновенно за то что было совершенно шито и крыто и чего нельзя было узнать никакимъ способомъ,—это знали только мы и одинъ Ваня. Но долго я еще не могъ подозрѣвать его, пока наконецъ одинъ разъ, совершенно невольно, я подслушалъ какъ оу тихонько и съ таинственнымъ видомъ передавалъ, да еще со всевозможными прибавленіями, одну нашу исторію тетушкѣ Софьѣ Ивановнѣ.

Какъ теперь помню я эту минуту. Это была чуть ли не первая минута разочарованія въ моей жизни, и она поразила меня необычайно. Я до такой степени растерялся что машинально пошелъ на верхъ, забился за сундукъ, въ углу верхней дѣвичьей, и принялся плакать. А тогда мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, и я вообще былъ не изъ плаксивыхъ. И долго я сидѣлъ за сундукомъ и плакалъ. Я слышалъ какъ вверху кричали мое имя, очевидно меня искали, но я не могъ выйти изъ своей засады.

Я вовсе не боялся того что наша исторія открыта, да и исторія-то была самая лустая. Эта исторія заключалась въ

томъ что я написалъ маленькій разказъ по поводу губернантки, которую мы всѣ ненавидѣли и которая была ужаснымъ уродомъ. Разказъ этотъ назывался: „Происхожденіе Авдотьи Петровны“ и весь состоялъ изъ нѣсколькихъ строчекъ, которыя я теперь наизусть даже помню:

„Маленькій чортъ провинился предъ большимъ чортомъ, да такъ провинился что его рѣшено было повѣсить. Черты ужъ приготовили висѣлицу и подвели къ ней осужденнаго. Тогда бѣдный чертенокъ началъ громко кричать и плакать, и такъ кричалъ и плакалъ что разжалобилъ большаго чорта. „Хорошо, сказалъ ему большой чортъ,—я тебя прощу, но только съ однимъ уговоромъ: ступай ты теперь на землю, или куда хочешь, и не показывайся мнѣ на глаза до тѣхъ поръ пока не придумаешь такой гадости которой еще никогда не бывало на всемъ свѣтѣ.“ Маленькій чертенокъ отправился на землю, сѣлъ въ помойную яму и сталъ думать. Три года думалъ онъ и наконецъ придумалъ Авдотью Петровну. Придумавъ ее онъ самъ догадался что за такую выдумку непременно получить прощенье, помчался къ большому чорту, показалъ ему Авдотью Петровну. Весь адъ сталъ хлопать въ ладоши, и маленький чертенокъ не только что получилъ прощенье, но даже былъ повышенъ въ чинѣ.“

Вотъ этотъ-то разказъ я написалъ и передалъ Катѣ. Онъ немедленно обошелъ всю нашу компанію, былъ переписанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и произвелъ фуроръ необычайный. Конечно, въ первую же субботу мы его прочли Ванѣ. Ваня смѣялся вмѣстѣ съ нами, а черезъ два часа обо всемъ этомъ донесъ Софья Ивановна и представилъ ей экземпляръ моего разказа.

Ну, такъ вотъ я очень хорошо зналъ что ничего особенно дурнаго выйти не можетъ; конечно, меня станутъ сильно бранить, можетъ-быть накажутъ, но я никогда не боялся наказаній. Мнѣ было тяжело и страшно совѣсть отъ другаго: я не зналъ какъ теперь встрѣчусь съ Ваней и какъ взгляну на него. Мысль о томъ что я непременно долженъ его встрѣтить и взглянуть на него была мнѣ невыносима. Я и сидѣлъ за сундукомъ. Наконецъ меня отыскали. И кто же отыскалъ? самъ Ваня.

— А, такъ вотъ ты гдѣ! А тебя по всему дому ищутъ, мама тебя спрашиваетъ, сказалъ онъ мнѣ спокойнымъ голосомъ, наклоняясь въ полутьмѣ надо мною.

Я вышелъ изъ-за сундука и остановился предъ Ваней. Въ это время въ верхней дѣвичьей никого не было. Въ углу на швейномъ столѣ горѣла залывшая салъная свѣчка и неясно освѣщала фигуру Вани. Я стоялъ не шевелясь и не говоря ни слова. Наконецъ я подвѣлъ глаза и взглянулъ на него; право мнѣ показалось что я его не узнаю, что это не овъ. Еще такъ недавно овъ представлялся мнѣ такимъ прекраснымъ, я такъ любилъ его голосъ, его лицо и то ощущеніе которое находило на меня всегда въ его присутствіи. Теперь вѣтъ, это былъ не овъ: и лицо у него совсѣмъ было другое, и овъ казался такимъ страшнымъ, маленькимъ, жалкимъ.

— Чтò съ тобой? Отчего ты такъ молчишь и такъ дико смотришь? спросилъ овъ.

Но я олять-таки не отвѣтилъ ему ни слова и пошелъ внизъ къ мама.

Тамъ ужъ исторія была въ полномъ разгарѣ. Катя сидѣла въ спальнѣ у мама и плакала. Оказалось что она начала было съ того что приняла на себя авторство знаменитаго разказа, но конечно ей никто не повѣрилъ. Никто ни на минуту не могъ усомниться что все это выдумалъ и написалъ я. Тутъ я узналъ что Ваня не ограничился одною Софьей Ивановой, что овъ поднесъ экземпляръ и самой Авдотѣ Петровнѣ. Предо мною выстроилась цѣлая полкъ обвинителей.

Авдотья Петровна, свирѣло выкатывая бездѣльные свои глаза и такъ противно дрожа дряблымъ лицомъ покрытымъ угрями, объявила мама что ни минуты не можетъ больше оставаться въ нашемъ домѣ, что она нигдѣ не видала такихъ оскорбленій какія испытала здѣсь отъ меня, двѣнадцатилѣтняго мальчишки, что я самое испорченное и развращенное существо во всей Москвѣ и т. д. Тетушка Софья Ивановна съ наслажденіемъ подтверждала каждый пунктъ этихъ обвиненій.

— Такъ вы отъ насъ уходите, Авдотья Петровна? обратился я къ гувернанткѣ.

— Я съ вами вовсе не говорю, у меня съ вами ничего не можетъ быть общаго, отвѣтила „чортова выдумка“.

— Такъ вы уходите? Желаю вамъ всякаго счастья, ужъ прокричалъ я;—только знайте, знайте, Авдотья Петровна, что дѣйствительно васъ чортъ выдумалъ, а не ваши родители!

Я съ нервнымъ хохотомъ выбѣжалъ изъ спальни, прибѣжалъ къ себѣ, зарылся въ постель и весь вечеръ рыдалъ и

мѣтался. И опять-таки рыдалъ я вовсе не изъ за-этой исторіи: я забылъ и свой разказъ, и Авдотью Петровну, и гнѣвъ мама, забылъ все, я помнилъ только новое лицо Ваня, его новую, жалкую, ничтожную фигурку.

Меня не позвали къ чаю; мнѣ не привесли чаю въ мою комнату. На другой день мама отдернула свою руку, когда я хотѣлъ поцѣловать ее, но я оставался ко всему безучастнымъ; теперь вся моя цѣль заключалась единственно въ томъ чтобъ избѣгать встрѣчъ съ Ваней.

Я такъ-таки и не объяснился съ нимъ, ни въ чемъ не упрекнулъ его, только весь волшебный міръ, который до сихъ поръ приносилъ онъ съ собою въ мою дѣтскую жизнь, исчезъ навсегда.

Долго потомъ, цѣлый годъ, меня преслѣдовала его жалкая фигура, и я все грустилъ о прежнемъ Ванѣ, о своемъ дорогомъ другѣ. Но черезъ годъ я съ нимъ помирился, то-есть я забылъ прошлое. Онъ сумѣлъ какъ-то изгладить во всѣхъ насъ это воспоминаніе. Конечно, теперь онъ не былъ больше волшебнымъ Ваней, но все же былъ нашимъ забавникомъ, нашимъ желаннымъ гостемъ. Онъ ужъ поступилъ въ университетъ и совсѣмъ у насъ поселился, въ комнату наверху.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

ГЛАВА XIV.

I.

Вся осень 1817 года и зима 1818 года по случаю пребыванія императорской фамиліи въ Москвѣ прошли въ большихъ веселостяхъ: балы, собранія, праздники не прерывались и всѣ московскіе вельможи-хлѣбосоды наперерывъ одинъ предъ другимъ старались забавлять и тѣшить высочайшихъ гостей. Въ эту зиму много было издержано на бальные наряды. Я для обѣихъ дочерей заранѣе приготовила хорошенькія платья, потому что мнѣ еще лѣтомъ говорилъ Апраксинъ: „Въ Москву ждуть дворъ къ осени и на всю зиму, вы это имѣйте въ виду и приготовьте не слѣша хорошенькіе туалеты для вашихъ барышень, потому что будутъ большія увеселенія.“

Такъ я и распорядилась: засадила своихъ швей за ляльцы и для каждой дочери приготовила по два бѣлыхъ платья, серебромъ шитыхъ по шелковому тюлю; два платья были

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4, 5, 7 и 8ъ 1878 года и № 7ъ 1879 года.

вышиты мелкими мушками или горошкомъ серебряною битью черезъ рядъ матовою и блестящею, а другія два платья съ большими букетами по бѣлой дымкѣ, что было очень нарядно, богато и легко. Когда осенью мы возвратились въ Москву, я велѣла шить платья и показывала ихъ Апраксину, большому знатоку въ дамскихъ туалетахъ, и онъ ими восхитился.

— Тюлевые платья, говорилъ онъ,—я посоветовалъ бы вашимъ барышнямъ надѣть на балъ въ Благородномъ Собраніи, гдѣ будетъ много лублики и туалеты не такъ замѣтны, а дымковыя платья поберегите для моего бала, ежели царская фамилія меня осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ.

Такъ мы и сдѣлали. Объ этомъ балѣ я ужъ говорила разказывая объ Апраксинскихъ праздникахъ.

Въ тотъ годъ и балы въ Собраніи были очень нарядны и многолюдны; всѣ имѣвшіе въ Москвѣ собственные дома, ежели хотѣли ѣздить въ Благородное Собраніе, должны были записываться какъ члены, а посѣдательскихъ билетовъ не могли имѣть. Не помню какой нумеръ билета былъ у меня въ тотъ годъ, но у которой-то изъ моихъ дочерей былъ № 1.000 для двѣицъ; потому можно себя представить по скольку персонъ бывало на большихъ балахъ въ Благородномъ Собраніи.

II.

Сверстницами моихъ дочерей были мои племянницы Неклюдовы и Дмитріевы-Мамоновы, которыя цѣлѣмъ со мной выѣзжали и о которыхъ я уже говорила; моя двоюродная сестра Машенька Толстая, княжны Шаховскія, Вѣра, которая потомъ вышла за Жихарева, и княжны Ирина и Софья, дочери князя Павла Петровича; Львовы: Авдотья, Дарья и Варвара Михайловны; старшая изъ нихъ была потомъ за Шидловскимъ, а меньшая, вышедшая въ немолодыхъ лѣтахъ за Головина, овдовѣвъ пошла въ монастырь и была игуменьей въ Хотьковскомъ монастырѣ и въ Никитскомъ; въ монашествѣ она была названа (вмѣсто Варвары) Вѣрою. *

* Варвара Михайловна Львова, замужемъ за полковникомъ Василиемъ Ивановичемъ Головинымъ (родилась 2 января 1802, † 11 марта 1841), имѣла дочь, умершую въ малолѣтствѣ, послѣ кончины которой, по совѣту митрополита Филарета, она вступила въ мо-

Со Львовой я была коротко знакома и мои дѣвочки съ ея дочерьми учились тацовать; домъ Львовыхъ былъ на Пречистенскомъ бульварѣ, на высокой сторонѣ. * Старшія двѣ дочери были изъ себя очень невзрачны, съ носами какъ у попугаевъ, но преумныя и преученныя и всѣ три превеликія рукодѣльницы и *доточницы* въ разныхъ работахъ, а въ особенноти въ рисованіи и въ живописи. Меньшая, Варвара Михайловна, была очень недурна собой, полная, румяная, съ сѣрыми глазами, и очень она нравилась Симонову Александру Андреевичу, сыну Марьи Хрисанѣовны, сестры Обольяникова. Очень увивался около нея Симоновъ и наконецъ сдѣлалъ ей предложеніе. Мать Львова отказала наотрѣзъ: „могу ли я отдать меньшую, когда старшія двѣ сестры ея не замужемъ; выбирайте любую, вы мнѣ нравитесь и я отдамъ за васъ дочь, но не меньшую“.

Онъ говоритъ Львовой: „мнѣ Варвара Михайловна нравится, а не ея сестры.“

— Нѣтъ, батюшка мой, не отдамъ, куда же мнѣ старшихъ дѣвать, въ соль что ли, въ прокъ беречь?

Такъ этотъ бракъ и не состоялся. **

У Львовой были еще сыновья: Дмитрій Михайловичъ, видный и красивый изъ себя, онъ умеръ въ концѣ 1830 годовъ, не будучи женатъ, и Андрей Михайловичъ, очень хорошенькій въ молодости, но послѣ того обезображенный отъ ослы.

каштество въ Зачатіевскій московскій монастырь, гдѣ построила себѣ келью съ церковью и въ нижнемъ этажѣ устроила богадѣльню для старухъ. Искусная въ живописи она сама писала всѣ иконы устроенной ею церкви. Въ 1856 году она была посвящена во игуменьи въ Хотьковъ монастырь; въ 1858 переведена въ московскій Никитскій, а въ 1861 въ Новодѣвичій, гдѣ и находилась до 1867 года до марта мѣсяца. Чувствуя слабость здоровья она отпросилась на покой и нѣсколько лѣтъ прожила въ Зачатіевскомъ монастырѣ въ устроенной ею кельи, занимаясь вышиваніемъ церковныхъ одеждъ и облачений. Скончалась въ 1875 году, цѣля около 80 лѣтъ отъ рожденія, погребена въ устроенной ею церкви.

* Нынѣ этого дома уже нѣтъ; на томъ мѣстѣ гдѣ онъ былъ, теперь домъ московскаго городского головы г. Третьякова.

** Александръ Андреевичъ Симоновъ былъ въ послѣдствіи женатъ на Марьѣ Сергѣевнѣ Кожиной, родной племянницѣ князя Петра Михайловича Волконскаго, сестра котораго княжна Екатерина Михайловна была за генераль-адъютантомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Кожинымъ.

Онъ былъ женатъ на Наумовой и при князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицинѣ былъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Послѣ смерти Дмитрія Михайловича, Львовы свой домъ продали и стали гдѣ-то навимать; а потомъ, когда Варвара вышла замужъ за Головина, Дарья Михайловна уѣхала за границу и все больше тамъ жила; такъ я ихъ и потеряла изъ виду.

Иногда со мною выѣзжали Титовы — Надежда Васильевна и Вѣра Васильевна, а когда Вѣра Васильевна вышла замужъ за Загоскина, то одна Надежда Васильевна, которая была уже зрѣлая дѣвица. О ней разкажу подробнѣе.

III.

Надеждѣ Васильевнѣ Титовой было далеко за 30 лѣтъ когда послѣ долгаго времени ее мать дала наконецъ свое согласіе на ее замужество съ Павломъ Михайловичемъ Бадкѣ. Это цѣлый романъ, которому трудно повѣрить, но такъ какъ все это происходило на моихъ глазахъ, то я и могу лучше кого-либо другаго знать что это не выдумка и не преувеличеніе: она была невестой безъ малаго почти двадцать лѣтъ... Титовы жили тогда въ нашемъ сосѣдствѣ въ ихъ имѣніи, Сокольниковыхъ; это было въ началѣ 1800хъ годовъ. Надежда Васильевна была стройна, высока ростомъ, свѣжа лицомъ, словомъ сказать во всей красотѣ: было ей лѣтъ около 20ти. Очень она нравилась Балку, Павлу Михайловичу, лѣтъ 30ти съ чѣмъ-нибудь, высокаго роста, пріятной наружности, и можно было бы назвать его совершеннымъ красавцемъ ежели бы онъ не былъ кося. Онъ служилъ въ Москвѣ въ гражданской палатѣ совѣтникомъ, жилъ со своею матерью, небогатою вдовой, и двумя сестрами дѣвицами, очень уже не молодыми, и имѣлъ весьма посредственное состояніе. Для Титовой онъ совсѣмъ не былъ подходящею партіей, но ей онъ нравился, и хотя къ ней сваталось много знатныхъ и богатыхъ жениховъ, она всѣмъ для него отказывала. Очень часто въ лѣтнее время Бадкѣ отправится бывало изъ Москвы въ субботу съ вечера въ легонькой телѣжкѣ въ одну лошадь и на разсвѣтѣ пріѣдетъ къ Титовымъ въ Сокольники; цѣлый день проведетъ у нихъ или съ ними у Апраксиныхъ въ Ольговѣ, у Шелашниковыхъ въ Коченовѣ, у насъ или у кого-нибудь изъ сосѣдей, и опять вечеромъ отправится въ путь, всю ночь ѣдетъ и къ разсвѣту опять въ Москвѣ.

Титова Анна Васильевна очень благоволила къ Балку, но какъ только онъ станетъ свататься, такъ она и скажетъ ему: „Полю, мой батюшка, слѣштить; вѣдь время еще не ушло: вѣди къ намъ, ты видишь я тебя принимаю охотно, ну такъ чего же еще тебѣ... услѣшь, слѣштить нечего.“ Тотъ опять вѣдить, вздыхаетъ; Надежда Васильевна въ него влюблена по уши, мать это видитъ, а не даетъ своего согласія...

Просятъ меня и моего мужа оба, и Титова и Балкъ, чтобы мы поговорили за нихъ Аннѣ Васильевнѣ. Мы какъ-то улучили удобное время, говоримъ ей: „Зачѣмъ вы томите и вашу дочь, и Балка? отчего вы не дадите своего согласія?“

Ну, уломали наконецъ старуху, согласилась, приняла предложеніе, дала слово, помолвила, начали приданое дѣлать — и что же? вдругъ опять на полатный дворъ. „Не хочу этого замужества.“

Да такъ и тянулось дѣло до 1822 года, пока наконецъ въ самомъ дѣлѣ не обвѣнчали помолвленныхъ!

Никогда я не могла понять для чего Анна Васильевна такъ тянула это дѣло и терзала и дочь свою, и ея жениха; и никогда ни Надежда Васильевна, ни Балкъ не позволили себѣ пороптать на мать или пугнуть ее что такъ какъ да но слово, то можно обойтись и безъ согласія, какъ иной разъ теперь разсуждаютъ молодые люди.

У Павла Михайловича Балка былъ старшій братъ Захарій, о которомъ я только слыхала, но никогда его не видывала, и двѣ сестры, Аграфена и Анна Михайловны. Послѣ смерти своей матери онѣ переселились изъ Москвы въ Воскресенскъ, что возлѣ Новаго Иерусалима, и тамъ жили до своей кончины. Аграфена Михайловна умерла послѣдняя. У нея былъ собственный домъ, не очень большой, но съ огромнымъ фангелемъ, въ которомъ она давала пріютъ богомольцамъ приходившимъ въ монастырь. Лѣтомъ она любила сидѣть на балконѣ или въ палисадникѣ и сама, говорятъ, закликала къ себѣ странницъ, которымъ давали ночлегъ и пропитаніе. Она считала такое страннопріимство дѣломъ богоугоднымъ и очень печалилась когда случалось что не бывало странниковъ или бывало немного. Будучи очень преклонныхъ лѣтъ она не могла работать ничего другаго кромѣ чулокъ, которыхъ у ней было начато по нѣскольку паръ, положенныхъ въ большую корзину. Вотъ она вяжетъ, вяжетъ, и вдругъ спустить летяю; сама поднять не можетъ, она и

перестаетъ вязать этотъ чулокъ и принимается за другой, пока опять не спуститъ петли, а поутру пошлетъ къ сосѣдкѣ, у которой молоденькія дочери, и заставитъ всю свою вчерашнюю работу поправлять. Эти чулки она продавала и деньги употребляла на свой страннопріимный домъ, а иногда и чулки бѣднымъ раздавала.

Она была очень благочестивая старуха, богомольная, премудрая и говорятъ прелютная въ разговорѣ. Павелъ Михайловичъ * очень ее уважалъ, каждый годъ два ѣзжалъ съ своею женой ее навѣщать.

IV.

Въ 1818 году мой новый домъ на Пречистенкѣ, начатый еще при жизни Дмитрія Александровича, былъ совершенно готовъ и я могла туда наконецъ переѣхать на житье.

И радость мнѣ это было, и грустно; потому что не было уже въ живыхъ добраго моего друга.

Сестра Анна Петровна подарила мнѣ на новоселье мебель краснаго дерева на всю гостиную и рояль моимъ дочерямъ.

Въ тѣ шесть лѣтъ которыя прошли послѣ непріятельскаго нашествія, Пречистенка опять застроилась, но оставались еще слѣды пожара. Напротивъ самаго нашего дома, черезъ улицу, на углу переулка ведущаго на Остоженку, былъ домъ Шаховскихъ, не нашихъ, а другихъ (князя Михаила Александровича, женатаго на графинѣ Головиной); до 1812 года домъ былъ по улицѣ; онъ сгорѣлъ, его разобрали и надстроили потомъ верхъ надъ бывшими конюшнями. Этотъ домъ послѣ того принадлежалъ Новосильцеву, вице-губернатору, а у него купили Толмачевы.

Домъ Всеволожскихъ, въ свое время одинъ изъ самыхъ большихъ барскихъ домовъ въ Москвѣ, тоже сгорѣлъ и оставался съ тѣхъ поръ развалиной, а рядомъ небольшой домикъ уцѣлѣлъ.

Всеволожскіе весело любили жить, и такъ какъ были очень богаты, имѣя золотые пріиски (жена Всеволожскаго была, кажется, Бекетова или Мясникова, навѣрно не помню), то и давали большіе праздники; это все было до Двѣнадцатаго года.

* Надежда Васильевна скончалась 12 февраля 1852, а Павелъ Михайловичъ года два спустя; оба они погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ южной стороны теплой трапезной церкви.

По лѣвую сторону отъ насъ черезъ переулочъ бывшій дѣмъ Архаровыхъ кутила Нарышкины, Иванъ Александровичъ, женатый на Екатериѣ Александровнѣ Строгановой, родной племянницѣ княгини Анны Николаевны Долгоруковой. Нарышкины и мы были прихожане къ Пятацѣ Божedomской и незнакомые домами были знакомы по церкви, или когда встрѣчались гдѣ-нибудь въ обществѣ, или у Долгоруковыхъ.

Ивану Александровичу было лѣтъ за пятьдесятъ; онъ былъ небольшого роста, худенькій и милостивый человѣчекъ, очень учтивый въ обращеніи и большой шаркунъ. Волосы у него были очень рѣдки, онъ стригъ ихъ коротко и какъ-то особеннымъ манеромъ, что очень къ нему шло; былъ большой охотникъ до перстней и носилъ прекрупные брилліанты. Онъ былъ камергеромъ и оберъ-церемоніейстеромъ.

Жена его, Екатерина Александровна, была довольно большого роста, видная изъ себя, но въ противоположность со своимъ мужемъ мало общительная. По своему отцу она приходилась троюродною сестрой князю Сергію Михайловичу Голицыну и этимъ очень кичилась.

Нарышкины имѣли трехъ сыновей и двухъ дочерей: Елизавету Ивановну, фрейлину, оставшуюся въ дѣвцахъ, и Варвару Ивановну, вышедшую за двоюроднаго брата нашего Некаюдова (Сергія Васильевича), тоже Некаюдова, Сергія Петровича.

Старшій изъ сыновей Нарышкиныхъ, Александръ Ивановичъ, былъ видный и красивый молодой офицеръ, подававшій большія надежды своимъ родителямъ, живаго и вслыльчиваго характера; у него вышла ссора съ графомъ Теодоромъ Ивановичемъ Толстымъ, который вызвалъ его на поединокъ и убилъ его. Это было года за два или за три до Двѣнадцатаго года.

Этотъ графъ Толстой былъ въ свое время кутила и человекъ очень извѣстный по своей разгульной и разсыянной жизни. Убивъ Нарышкина онъ скрылся, долго путешествовалъ, былъ въ Сибири, пробрался въ Америку, гдѣ имѣлъ много приключеній, и возвратившись оттуда былъ названъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ графовъ Толстыхъ: *Американецъ Толстой*.

Онъ былъ очень видный и красивый мужчина въ своей молодости, а по возвращеніи изъ своихъ путешествій, когда

немного позабыли про его дуэль съ Нарышкинымъ и про другіе грѣшки его молодости, онъ былъ нѣкоторое время въ большой модѣ и дамы за нимъ бѣгали. Онъ былъ высокаго роста, совершенно смуглый, отчего впрочемъ нисколько не терялъ. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, приходился дядюшкѣ графу Степану Феодоровичу Толстому двоюроднымъ братомъ, а самъ онъ былъ двоюроднымъ братомъ графу Феодору Петровичу, который подолгу гащивалъ у Никофора Ивановича Жукова, съ нимъ часто бывалъ у насъ и сватался за Грушеньку.

Другіе два сына Ивана Александровича оба были женаты: старшій, Григорій, на вдовѣ Алексѣя Ивановича Муханова, Аннѣ Васильевнѣ, которая сама по себѣ была княжна Мещерская. Они имѣли сына и нѣсколькихъ дочерей: двѣ вышли за иностранныхъ графовъ, а одна перешла въ католичество, и вступила гдѣ-то въ чужихъ краяхъ въ монастырь.

Меньшой сынъ Ивана Александровича Алексѣй Ивановичъ былъ женатъ на дочери нашихъ сосѣдей Хрущовыхъ, Елизаветѣ Александровнѣ; онъ былъ, сказывали, большой оригиналъ; дѣтей кажется у нихъ не было.

Гораздо старше моихъ дочерей, обѣ Нарышкины стали выѣзжать до 1812 года. Варвара Ивановна, вышедшая за Некалюдова, хотя имѣла крупныя черты, но собою была очень хороша, у нея былъ прекрасный профиль, а Елизавета Ивановна потому очень расподѣла и осталась старою дѣвой и за свое дородство заслужила названіе *la grosse Lison*.

Навѣрно не помню, но думается мнѣ что она была пожалована фрейлиной въ 1818 году, въ одно время съ Марьей Аполлоновной Волковой и съ Александрой Ивановной Пашковой. Всѣ три имѣли двойной шифръ *E. M.*; всѣ онѣ были далеко не красивы, но очень горды и не находили для себя достойныхъ жениховъ. Ихъ прозвали *les trois graces de Moscou*; а злые языки называли *les trois Parques* *. Черезъ домъ отъ Нарышкиныхъ и черезъ переулочекъ на самомъ углу, напротивъ дома Всеволожскихъ, жили въ своемъ домѣ Хрущовы...

* Въ 1856 году, когда предъ коронованіемъ Государя Императора нынѣ благополучно царствующаго, былъ торжественный въѣздъ въ Москву, въ одной изъ старинныхъ волоочельхъ каретъ (именно въ той которую графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій поднесъ въ даръ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, заплативъ за карету въ Парижѣ очень большія деньги, потому что на дверкахъ

V.

По другую сторону нашего дома, рядомъ съ нами, былъ домъ князя Хованскаго, во время пожара Москвы также обгорѣвшій. Рядомъ съ этимъ домомъ на обширномъ дворѣ въ углубленіи стоялъ деревянный ветхій домъ графини Елизаветы Ѳедоровны Орловой, рожденной Ртищевой, жены самаго старшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ, графа Ивана Григорьевича, который умеръ задолго до того времени какъ мы стали жить на Пречистенкѣ, и я его не знала. Съ графиней Елизаветой Ѳедоровной Орловой мы были знакомы домами въ Москвѣ, а въ деревнѣ считались сосѣдками, потому что ея имѣніе, село Андреевское, было въ пяти верстахъ отъ Ольгова и въ пятнадцать отъ насъ, и пока графиня была въ силахъ мы все-таки разъ или два бывали другъ у друга во время лѣта. Двоюродныя сестры Орловой—Ртищевы, Марья Михайловна и Татьяна Михайловна, были съ нами дружны и бывая у нихъ въ деревнѣ, я иногда встрѣчалась и съ Елизаветой Ѳедоровной. Она была гораздо старѣе меня: женщина ласковая и пріятливая, не большаго ума, но до того ко всѣмъ добрая что ея очень простое обращеніе и не мудренныя рѣчи были болѣе каждому по сердцу чѣмъ самыя умныя бесѣды. Она много дѣлала добра и пока имѣла средства тайно благотворила; послѣ ей пришлось распродавать по частямъ свои золотыя вещи и жемчуги, а когда она умерла въ 1834 году, все ея имущество было продано съ молотка для покрытія ея долговъ. Она по прежнему обыкновенію содержала большую дворню, совершенно ей ненужную, но которую ей не хотѣлось распустить, а дворня ее объѣдала и обкрадывала. Между прочимъ у нея была дура, по имени Матрешка, которая была преумная и претонкая штука, да только прикидывалась дурой и иногда очень рѣзко и даже дерзко высказывала правду. Такъ она говаривала графинѣ:

кареты были нарисованы *алюры и гирлянды цвѣтовъ* знаменитымъ художникомъ Ватто, сидѣли четыре фрейляны, теперь уже умершія, Е. И. Нарышкина, М. А. Воикова, А. И. Пашкова и не припомню кто была четвертая. Графиня Ев. П. Раstopчина, извѣстная по своему живому, игривому уму, смотрѣвшая откуда-то на въздъ, воскликнула при видѣ этой кареты: *Voilà une véritable voiture aux amours.*

— Лизанька, а Лизанька, хочешь я тебѣ правду скажу? Ты думаешь что ты барыня, оттого что ты сложа ручки сидишь да гостей привимаешь?

— Такъ что же я по твоему? со смѣхомъ спрашиваетъ графиня.

— А вотъ что: ты наша работница, а мы твои господа. Ну куда ты безъ насъ годишься? Мы господа: ты съ мужичковъ соберешь оброкъ, да намъ и раздашь его, а себя шить оставишь.

Эта дура очень любила рядиться въ разные поношенные и никому негодные наряды: надѣнетъ на голову какой-нибудь токъ съ лерьями и цвѣтами, превратившійся въ совершенный бливъ; платье бальное, декольте, изъ-подъ котораго торчитъ претолстая и грязная рубашка и видна загорѣлая черная шея; насурмить себѣ брови, разрумянятся елико возможно и въ этомъ видѣ усядется у рѣшетчатого забора выходившаго на Пречистенку и предъ всѣми проходящими и проезжающими присѣдаетъ, кланяется и посылаетъ рукой поцѣлуи. Всѣхъ ѣзжавшихъ къ Орловой ея дура всегда встрѣчала и провожала, и всегда просила: „прини миѣ цвѣточковъ, виточекъ, дай башмаковъ бальныхъ, дай румянь...“ Въ то время, хотя и не вездѣ у вельможъ и богатыхъ господъ, какъ прежде, но водились еще шуты и дуры, и были люди которые находили ихъ шутки и дерзости забавными. Въ Москвѣ на моей памяти было нѣсколько извѣстныхъ такихъ шутовъ: Орловская дура Матрешка, у князя Хованскаго, нашего сосѣда, дуракъ Иванъ Савельичъ, карликъ и карлица у Настасьи Николаевны Хитровой. Въ 1817 и 1818 годахъ по Пречистенкѣ то и дѣло что ѣздили лица царской фамилии и разные принцы на Воробьевы Горы смотреть на приготовления къ предлагававшемуся храму Христа Спасителя. Вотъ однажды покойный императоръ Александръ Павловичъ ѣхалъ по Пречистенкѣ и, когда поравнялся съ домомъ Орловой, слышитъ чей-то голосъ громко кричить ему: „Bonjour mon cher!“ Онъ взглянулъ направо и видитъ за заборомъ у Орловой сидитъ разряженное чучело въ лерьяхъ, въ цвѣтахъ, наярмяненная, набѣденая женщина, кривляется и посылаетъ ему рукой поцѣлуи. Это его очень позабавило, онъ остановился и послалъ своего адъютанта узнать, что это такая за фигура? „Я Орловская дура Матрешка“, отвѣчаетъ она. Государь посмѣялся и послалъ при-

сладь ей сто рублей на румяна. Матрешка эта была пресмѣшная: если кто изъ проходящихъ по тротуару ей понравится, схватить за рукавъ или за платье и тащить къ себѣ, изволь съ нею черезъ рѣшетку цѣловаться, а того кто ей не полюбится щиплетъ или ударить.

Смутно помнится мнѣ что я слышала будто бы о какомъ-то романѣ этой Матрешки, что въ молодости ей хотѣлось выдти за кого-то изъ Орловской прислуги, но что господа не позволили и что послѣ того она была долго больна и когда выздорѣла, то стала дурачиться.

Дуракъ Хованскихъ, Иванъ Савельичъ, былъ на самомъ-то дѣлѣ преумный, и онъ иногда такъ умно шутилъ что не всякому остроумному человѣку удалось бы придумать такіа забавныя и смѣшныя шутки.

Хованскіе его очень любили и баловали. Для него была устроена особая одноконка и лошадь дана въ его распоряженіе, и онъ пользовался этимъ экипажемъ и ѣзжалъ на гулянья, которыя бывали на масляницѣ и на Святой недѣлѣ. Въ чемъ онъ катался зимой, не помню, а въ лѣтнее время онъ отправлялся на гулянья подъ Новинскимъ въ своей одноконкѣ: лошадь вся въ бантахъ, въ шорахъ, съ перьями, а самъ Савельичъ во французскомъ кафтанѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, съ пучкомъ и съ кошелькомъ и въ розовомъ вѣнкѣ; сидитъ онъ въ своемъ экипажѣ, разѣзжаетъ между рядами каретъ и во все горло поетъ: „Выду ль я на рѣченьку“ или „По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой“. И все эти вздоры забавляли и тѣшили тогдашнюю публику!

Тогда любили и каретныя гулянья, которыя были прекрасныя и премноголюдныя. Нить каретъ начиналась отъ Новинскаго, тянулась въ два ряда по обѣимъ сторонамъ, шла по Поварской, Арбату, по Пречисткѣ отъ Знаменки и по Зубовскому и Смоленскому бульвару олатъ выходила на гулянье. Въ четвертокъ на Святой недѣлѣ я обыкновенно приглашала къ себѣ близкихъ знакомыхъ обѣдать, и послѣ того молодежь садилась къ окнамъ и смотрѣла на катающихся въ каретахъ; нѣкоторые, проѣхавшись по гулянью, пріѣзжали къ намъ и оканчивали у насъ вечеръ; другіе, отобѣдавъ у меня, ѣхали на гулянье, пріѣзжали къ Хрущовымъ, къ Нарышкинымъ или къ Хитровой Настасьѣ Николаевнѣ, объ которой къ слову разкажу подробно.

VI.

Домъ Хитровой въ Москвѣ былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ въ теченіе можетъ-быть сорока лѣтъ, и хотя Настасья Николаевна была не особенно богата, знатна и чиновна, не было въ московскомъ дворянскомъ кружкѣ отъ мала до велика никого кто бы не зналъ Настасью Николаевну Хитровой. Кого она не обладала или привала не привѣтливо? Домъ Хитровой былъ всегда открытъ для всѣхъ и утромъ, и вечеромъ, и каждый пріѣхавшій былъ принять такъ что можно было подумать что именно онъ-то и есть самый дорогой и желанный гость. Я прожила на Пречистенкѣ около двадцати лѣтъ и у меня остались въ памяти о Хитровой только одни самыя пріятныя воспоминанія.

Домъ въ которомъ жила эта московская старожила, какъ я только стала себя помнить, значить съ 1780 годовъ, принадлежалъ уже Хитровымъ, и батюшка, тоже родившійся въ Москвѣ въ 1730 году, засталъ этотъ домъ уже Хитровскимъ. Свекоръ Настасьи Николаевны, Петръ Никитичъ, былъ очень чиновный человекъ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ егермейстеромъ, но я его уже не заломлю, а жена его, Ирина Ѳедоровна, почтенная и милая старушка, была лѣтъ около восьмидесяти, а можетъ-быть и болѣе, когда она скончалась, не задолго до Девятнадцатаго года. Она была сама по себѣ княжна Голицина, дочь князя Ѳедора Алексѣевича. Хорошенькая и субтильная старушка, слегка налудренная, въ кругомъ челпѣ, то что называли старушечьимъ челцомъ (*à la vielle*), съ большимъ бантомъ; въ робондѣ, но со шлейфомъ; на высокихъ красныхъ каблучкахъ и нарумяненная во всю щеку; въ приемахъ, въ обращеніи въ полномъ смыслѣ большая барыня; до послѣдняго времени все ѣздила цугомъ и въ золоченой каретѣ съ двумя лакеями. Ея мать была Лобанова, а бабушка, отцова мать, княжна Хилкова и тоже Ирина Ѳедоровна, въ честь которой вѣрно и она была названа Ириною, а ей въ честь дочь Никиты Петровича Ирина Никитична, что была за княземъ Урусовымъ.

Я еще не родилась, а Хитрова Ирина Федоровна была уже вдовой и жила въ Зубовѣ, гдѣ былъ домъ и у тетюшки Анны Васильевны Кретовой, бабушкиной двоюродной сестры, къ которой мы часто ѣзжали.

Настасья Николаевна, сама по себѣ Каковинская, была дочерью московскаго оберъ-коменданта Николаа Никитича, женатаго на Марьѣ Михайловнѣ Сушковой, и была постарше меня не болѣе какъ лѣтъ на пять. Она была отменно мала ростомъ, но до того мила, пропорціональна и лицомъ пріятна что и въ мое время, когда было очень много хорошихъ и красавицъ что называется лисавыхъ, ни вокругъ кого на балахъ не вертѣлось столько мотыльковъ какъ около этого *розанчика*. Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ и не въ молодыхъ уже лѣтахъ, дважды вдовецъ и отецъ большой семьи, со вздохомъ все вспоминалъ и разказывалъ какъ хороша и мила была Каковинская и какъ онъ былъ въ нее влюбленъ. Слыхала я (но правда ли или нѣтъ не ручаюсь) что когда сваталася Хитровъ за Каковинскую и ожидали на *смотринѣ* будущую свекровь, то опасаясь чтобы невеста не показалась слишкомъ мала ростомъ ее и поставили на скамейку и дали въ руки держать подносъ съ чѣмъ-то и не велѣли ей сходить съ мѣста, а только кланяться и *просить*, то-есть подчивать. Никита Петровичъ, мужъ Настасьи Николаевны, былъ красивый и видный мужчина; гдѣ онъ служилъ, я что-то не знаю, но имѣлъ онъ генеральскій чинъ, и въ какое время скончался, теперь не могу припомнить, думаю что до 1812 года.

Хитрову всѣ знали въ Москвѣ и всѣ знавшіе ее любили, потому что она была одна изъ самыхъ милыхъ и ласковыхъ старушекъ живавшихъ въ Москвѣ и долго ея память не умереть пока еще живы знавшіе ее въ своемъ дѣтствѣ. Вотъ почти двѣ современницы, Офросимова и Хитрова, подобныхъ которымъ не было и не будетъ болѣе: одну всѣ боялись за ея грубое и дерзкое обращеніе, и хотя ей оказывали уваженіе, но болѣе изъ страха, а другую всѣ любили, уважали чисто-сердечно и непритворно. Много странностей имѣла Хитрова, но и всѣ эти особенности и прихоти были такъ милы что смѣшныя можетъ-быть въ другой, въ ней нравились и были ей къ лицу.

Одѣвалась она на свой ладъ: и платье и чепецъ у ней были по особому фасону. Чепецъ тюлевыи съ широкимъ

рюшемъ и съ прѣвысокою тульей, которая торчала на маковкѣ, на вискахъ по лучку буклей мелкими колечками (*poucle en grappes de raisin*), платье капотомъ съ поясомъ и маленькимъ шлейфомъ, и высокіе каблуки чтобы казаться какъ можно выше. Лицо ея и въ преклонныхъ лѣтахъ было очень миловидно и живые глазки такъ и бѣгади. Она была очень мнительна и при малѣйшемъ нездоровьѣ тотчасъ ложилась въ постель, клала себѣ компрессы на голову и привязывала укусыныя трапички къ лущу и такъ лежала въ постелѣ пока не пріѣдетъ къ ней кто-нибудь въ гости. Поутру она принимала у себя въ спальнѣ лежа въ постелѣ часовъ до трехъ; потомъ она вставала и иногда кушала за общимъ столомъ, а то и одна у себя въ спальнѣ. Вечеромъ она выходила въ гостиную и любила играть въ карты, и чѣмъ больше было гостей тѣмъ она была веселѣе и чувствовала себя лучше, а когда вечеромъ никого не было гостей, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, она скучала, хандрила, ей нездоровилось, она лежала въ постелѣ, обкладывалась разными компрессами, посылала за своею карлицей или Натальей Захаровной, которая пользовалась ея особою милостью и съ ея плеча носила обносочки и донашивала старые чепцы.

— Ну, садись, скажетъ она ей,—разказывай; и Захаровна начинаетъ высыпать все что она слышала и что можетъ интересовать ея госпожу.

Если Захаровна разказываетъ не занятное что-нибудь, Хитрова только лежитъ и слушаетъ и скажетъ: „Ну хорошо, довольно, пошли ко мнѣ... такого-то“, иногда позоветъ карлика,—не помню какъ его звали. Если же Захаровна затронетъ какую-нибудь живую струну и *потрафитъ* барынь, та вскочитъ и усядется на постелѣ, вожки кренделькомъ, и станетъ разспрашивать: „Кто же тебѣ сказалъ? отъ кого ты узнала?.. ты мнѣ только скажи, а другимъ не сказывай, а я никому не скажу“...

Она была любопытна, любила все знать, но была очень скромна, и умѣла хранить тайну, такъ что никто и не догадается знаетъ ли она или нѣтъ.

Она не любила слышать о покойникахъ и о томъ что кто-нибудь боленъ, и потому домашніе отъ нея всегда скрывали ежели кто изъ родныхъ и знакомыхъ заболѣетъ и молчатъ когда кто умретъ. Захаровна прослышитъ что умеръ кто-

нибудь и придетъ въ спальню къ ней и шепчетъ ей: „Сударыня, отъ васъ скрываютъ что вотъ такая-то или такой-то умеръ, боятся васъ разстроить“.

Хитрова значительно мигнетъ, кивнетъ головой и скажетъ шепотомъ Захаровнѣ: „Молчи что я знаю; ты мнѣ не говорила, слышишь“...

Пройдетъ дѣнь десять, недѣли двѣ, Хитрова и скажетъ кому-нибудь изъ своихъ:

„Что это я давно не вижу такого-то, ужь здоровъ ли онъ?“

Вотъ тутъ-то обыкновенно ей и отвѣтятъ:

— Да развѣ вы не слышали что его давно уже и въ живыхъ нѣтъ...

— Ахъ, ахъ... да давно ли же это? спроситъ она.

— Недѣли двѣ, или три, должно-быть.

— А мнѣ-то и не скажетъ никто, говоритъ она.

И тѣмъ дѣло и кончится, и объ умершемъ больше нѣтъ и помину.

Жило у Хитровой семейство Крымовыхъ—старушка мать и съ нею нѣсколько дочерей дѣвицъ. До 1812 года Крымова имѣла свой домъ въ Москвѣ, который во время непріятельскаго вѣшествія сгорѣлъ и она лишилась всего состоянія. Хитрова пріютила безпріютныхъ у себя въ мезонинѣ и онѣ жили у нея нѣсколько лѣтъ. Одна изъ барышень Крымовыхъ была прекрасная собою, и ее очень полюбила графиня Анна Алексѣевна Орлова и помѣстила въ какой-то институтъ, а потомъ взяла къ себѣ, веселила ее, и молодая дѣвушка имѣла успѣхъ по своей красотѣ и по своему замѣчательному голосу. Но несмотря на всѣ услажденія свѣтской жизни и на жизнь въ богатомъ домѣ, она пожелала вступить въ монашество. Графиня, хотя и сама была благочестива, отговаривала однако молодую дѣвушку отъ ея намѣренія, не доверяя быть-можетъ ея молодости и считая это увлеченіемъ; но по простствіи двухъ-трехъ лѣтъ молодая дѣвица оставила на своемъ и отказавшись отъ всего пошла въ монахини. Потомъ она была казначеей въ петербургскомъ дѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, при игуменьѣ Теофаніи Готовцевой; она была названа въ монашествѣ Варсанофіей. Ея сестра жившая у Хитровой вдругъ занемогла, все хуже, хуже ей и наконецъ умерла въ мезонинѣ, гдѣ жила почти надъ самою спальней Настасьи Николаевны. Сказать ей боятся, а выносить покойницу нужно и приходится

нести черезъ ту комнату которая между спальней Хитровой и передней. Княгиня Урусова Ирина Никитична и Екатерина Θεодоровна Хитрова шепчутся между собою, не знаютъ что имъ дѣлать: сказать боятся, а не сказать нельзя. Выручила изъ бѣды Наталья Захаровна: „Прикажите только пораньше сдѣлать выносъ, а я ужъ знаю что сказать, ничего не услышитъ и не спроситъ.“

По совѣту Захаровны пригласили придти священника съ причтомъ и равно-радеховько какъ можно тише старались свести сверху и пронести въ переднюю. Княгиня и Екатерина Θεодоровна ни живы, ни мертвы — боятся что Настасья Николаевна услышитъ. А Наталья Захаровна между тѣмъ ужъ лобывала у своей барыни: вошла въ комнату на цыпочкахъ; барыня не спитъ; подошла къ ней, оглянулась чтобы посмотрѣть вѣтъ ли кого за ней въ дверяхъ. Хитрова должно-быть смекнула въ чемъ дѣло, спрашиваетъ шепотомъ: „Что?“ — „Умерла“, шепчетъ ей Захаровна, указывая пальцемъ наверхъ. Хитрова кивнула головой: „Ну и молчи“, шепчетъ она. Покойницу вынесли, схоронили, а Настасья Николаевна даже и не ломанула объ ней, не спросила—жива ли она, гдѣ она, какъ будто никогда ея и не бывало!

Кто была старушка Крымова, родня ли Хитровымъ, или Урусовымъ—не знаю, или только изъ пріязни и по добротѣ своей пріютила эту семью Настасья Николаевна, этого сказать не умѣю. Потомъ я потеряла ихъ изъ виду и больше про нихъ не слыхала; это было въ 1830хъ годахъ.

Иногда Настасья Николаевна ночью не спитъ, вотъ и позоветъ она дѣвushку.

— Поддай-ка мнѣ *шкатуночку*.

Примесутъ ей сундучокъ; она отолпчетъ его и начнетъ вынимать оттуда мѣшечки: въ одномъ изумруды, въ другомъ яхонты, въ третьемъ солитеры...

На другой день и рассказываетъ кому-нибудь:

— Мнѣ ночью что-то не послалось, и я перебирала все свои солитерчики, которые для Настеньки готовлю.

Это была ея внучка, дочь княгини Ирины Никитичны Урусовой, княжна Настасья Николаевна, вышедшая за Ивана Сергѣевича Мальцова, которую она очень любила.

У Настасьи Николаевны Хитровой было двѣ дочери. Ирина Никитична, за княземъ Николаемъ Юрьевичемъ Урусовымъ, и дѣвица Екатерина Никитична. Урусова въ молодомъ

сти своей была очень приятной наружности, довольно художавая и съ дѣтства имѣвшая отвращеніе ко всякой мясной пищѣ, отчего не могла обѣдать съ другими, потому что даже и самый запахъ всего мяснаго ей былъ противенъ. Это объясняли тѣмъ что она страдала отъ солитера, а другіе думали, думаю и я такъ, что по своему благочестію она не желала вкушать мясной пищи, но по своему христіанскому смиренію скрывала это подъ предлогомъ отвращенія. Княгиня была особенно добра и свисходительна и не только никогда сама ни про кого не отзывалась дурно, но не могла терпѣть чтобы при ней и другіе про кого-нибудь злословили, и всегда при первомъ словѣ бывало остановиться. Эта душевная доброта княгини выражалась на ея лицѣ, которое и въ немолодыхъ лѣтахъ имѣло совершенно ангельское выраженіе. Оставшись послѣ кончины своего мужа очень еще молодою вдовой, она посвятила себя воспитанію своихъ троихъ дѣтей (двухъ сыновей, князя Сергія Николаевича, князя Дмитрія Николаевича, и княжны Настасьи Николаевны) и ухаживая за матерью-старушкой. Она была истинная христіанка, благочестивая, богомольная, сострадательная и живя въ мірѣ вела жизнь не только монахини, но я думаю что не погрѣшу ежели скажу что она была праведница. Подъ каждое воскресенье и подъ каждый праздникъ у Хитровыхъ непремѣнно была на дому всеобщая.

Если у кого изъ знакомыхъ было горе или семейная потеря — поѣзжай въ этотъ домъ и навѣрно или встрѣтишь княгиню Ирину Никитичну, или услышишь что она уже была. Выдавъ свою дочь за Мальцева, она перестала ѣздить въ свѣтъ и дома принимала только до кончины своей матери, а послѣ того стала вести жизнь самую уединенную. Господь видимо награждалъ ее въ этой еще жизни: дочь она построила какъ нельзя лучше, сынъ женился по ея мысли и она про свою неѣстку говаривала съ восхищеніемъ и называла ее *ангеломъ*, а другой ея сынъ князь Дмитрій вступилъ было въ монастырь, но слабый здоровьемъ, не могши вынести строгости монашеской жизни, возвратился домой и, чуждый всего суетнаго, мірскаго, посѣщая церковь, продолжалъ жить у себя дома какъ въ кельи.

Меньшую дочь Хитровой, дѣвицу Екатерину Никитичну, никогда никто изъ постороннихъ не видывалъ: кто говорилъ что она родилась слабоумною, а кто сказывалъ что она саѣло-

рожденная, но жила она не мало и умерла (въ годъ Клеопатриной кончины) въ 1848 году, имѣя лѣтъ 60 отъ рожденія.

Въ домѣ у Хитровой жила ея двоюродная племянница Екатерина Федоровна Хитрова, пожилая дѣвица, дочь Федора Александровича и внука Александра Никитича, то-есть дядя Никиты Петровича. Она имѣла собственный домъ напротивъ дома Урусовыхъ, но въ немъ помѣщалась аптека Бляхшмидта, а сама Екатерина Федоровна жила у тетки и послѣ ея кончины осталась жить съ княгиней Урусовой и въ ея домѣ окончила жизнь. Ея братъ Николай Федоровичъ былъ женатъ на дочери князя Кутузова-Смоленскаго, былъ гдѣ-то посланникомъ и умеръ въ чужихъ краяхъ.

Пока не была еще замужемъ княжна Урусова у Хитровой бывали балы и танцевальныя вечера; роскоши въ домѣ не было: зала была не велика, однако для полъ-Москвы доставало мѣста и всѣ веселились больше можетъ-быть чѣмъ теперь веселится молодежь, потому что и гости менѣе требовали отъ хозяйекъ и хозяйки были такъ пріятливы и внимательно радушны, какъ теперь, я думаю, немногія умѣютъ быть со своими гостями.

Вотъ еще особенность въ характерѣ Настасьи Николаевны Хитровой. Она была не то что малодушна, а очень вещь-любива, любила когда ей привозятъ въ именины и въ рожденье или въ Новый Годъ какую-нибудь вещьцу или бездѣлушку. Она не смотрѣла дорогая ли вещь или бездѣлка, и трудно было угадать что ей больше понравится. Для всѣхъ этихъ вещей у ней было нѣсколько шкаловъ во второй гостиной и тамъ за стекломъ были разставлены тысячи разныхъ мелочей дорогихъ и грошевыхъ. Она любила и сама смотрѣть на нихъ и показывать другимъ, и ей это доставляло большое удовольствіе когда хвалили ея вещицы.

Вообще обо всемъ семействѣ Хитровыхъ и Урусовыхъ слѣдуетъ сказать что это было истинно благочестивое и христіанское семейство, гостепріимное, радушное, гдѣ никто изъ гостей не былъ стѣсненъ, каждый чувствовалъ себя какъ бы дома, но никто не смѣлъ дозволить себѣ ни малѣйшаго двусмысленнаго слова и, Боже избави, злословія на счетъ ближняго. Всѣ только и помышляли о томъ какъ бы угодить почтенной старушкѣ, умѣвшей заслужить всеобщее уваженіе московскаго общества, которая родилась, жила весь

вѣкъ въ Москвѣ, умерла будучи почти 80 лѣтъ * и никого никогда не обидѣла, никому не сказала жесткаго слова и потому никто не помянетъ ее лихомъ, но всѣ съ сожалѣніемъ вздохнуть о ней и помянуть добромъ.

VII

Сестра Анна Петровна, давно собиравшаяся вступить въ монастырь и подготавливавшая все къ своему выходу изъ міра, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ испытанія рѣшилась наконецъ исполнить свое давнишнее намѣреніе. Послѣдніе годы она больше все жила у брата Николая Петровича въ Москвѣ, въ его домѣ на Знаменкѣ, а лѣтомъ въ селѣ Покровскомъ, въ маленькомъ лѣтнемъ домикѣ, и частію гостила и у насъ. Свою костромскую деревню, по смежности съ деревнею брата, сестра отдала ему, а себѣ выговорила пожизненную плату по скольку - то въ годъ; серебро свое частью отдала мнѣ, сестрѣ Вяземской и Комаровой; также раздала и деньги. Во время стройки дома я заняла у сестры 18 тысячъ ассигнаціями; она отдала ихъ Грушенкѣ и Анночкѣ и оставила себѣ только на пріобрѣтеніе кельи и на самонужнѣйшіе расходы.

Изъ всѣхъ московскихъ монастырей ближайшіе отъ всѣхъ насъ были два: Алексѣевскій у Пречистевскихъ воротъ и Зачатіевскій за Остоженкой. Оба монастыря были прекрасные, но первый былъ совсѣмъ на юру и на шумномъ мѣстѣ, а Зачатіевскій, и теперь въ глухомъ мѣстѣ, въ то время былъ почти и совсѣмъ за городомъ и кромѣ того тамъ была церковь строенная нашими Римскими-Корсаковыми, и дѣдушка, батюшкинъ отецъ, Михаилъ Андреевичъ, тамъ погребенъ вмѣстѣ со своими родителями. По этой причинѣ сестра и облюбовала этотъ монастырь.

Мы всегда часто ѣзжали въ этотъ монастырь и очень къ нему привыкли. Когда у батюшки былъ еще старый домъ у Ильи Обыденнаго, откуда я шла замужъ, мы зачастую бывали тамъ по воскресеньямъ и праздникамъ, знали игуменью и многихъ монаховъ и были тамъ точно у себя. Въ дѣтствѣ моемъ тамъ была игуменья Амфилохія, а въ скоромъ времени послѣ моего замужества туда постулила Доримедонта,

* Родилась въ 1764 году; скончалась 1го января 1840.

изъ рода Протопоповыхъ, и скончалась въ 1817 году въ преклонныхъ лѣтахъ. Сестра при ней еще устроилась насчетъ кельи, но не суждено ей было ложить при ней.

Бывшая игуменья Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря (который послѣ 1812 года былъ упраздненъ), старица Митрополія, поступила въ 1818 году въ Зачатіевскій монастырь. Она была добрая и простая старуха, но ужь очень безтолкова, и при ней-то пришлось моей сестрѣ быть въ монастырѣ, а казначея была мать Палладія, преумная, престогаая, которая очень понравилась сестрѣ и она избрала ее себѣ матерью-наставницей. Очень было мнѣ грустно разставаться съ сестрой предъ ея поступленіемъ въ монастырь и въ первое время ея тамъ пребыванія она просила всѣхъ насъ своихъ знакомыхъ и родныхъ чтобы мы ее не посѣщали и дали ей привыкнуть къ своей кельи.

Отказываясь отъ всѣхъ суевъ житейскихъ сестра устроилась въ своей кельи какъ возможно проще и кромѣ полулюжины серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ ложекъ ничего цѣннаго и дорогаго съ собой не взяла. Три небольшихъ комнаты и кухнюшка, въ которой помѣстилась Спиридоновна-стряпуха, благочестивая вдова-солдатка, жена одного солдата убитаго въ 1812 году,—вотъ келья въ которую переехала сестра Анна Петровна. Она вела самую уединенную и монашескую жизнь: ходила въ церковь постоянно ко всѣмъ службамъ, келій чужихъ не посѣщала, у себя занималась рукодѣліемъ, работала что-нибудь для церкви, и такъ какъ хорошо вышивала золотомъ, то вышила много для церкви по картѣ. Къ себѣ она принимала всѣхъ кто приходилъ, и сказала разъ навсегда Спиридоновнѣ чтобы тѣмъ изъ монахинь которыя придуть полпросить чего-нибудь: муки, крупы, маслаца и т. л., ни въ чемъ никогда не отказывать, и каждый день, хотя нѣсколько колѣекъ, положила себѣ всегда подавать нищимъ, которые стоятъ при выходѣ изъ церкви, а тогда ихъ бывало очень много.

Въ числѣ прочихъ нищихъ которые прихаживали въ Зачатіевскій монастырь была одна нищенка съ дѣвочкою лѣтъ пяти или шести; мать нерѣдко испивала и бѣдную дѣвочку холодную и голодную нерѣдко спьяна бивала. Монашенки изъ жалости иногда отнимали бѣдняжку у льявой матери, приводили къ себѣ въ келью, отогрѣвали, отмывали, кормили досыта и, продержавъ у себя нѣсколько часовъ, а кто день

и два, опять отдавали матери. Дѣвочка была очень неприглядная лицомъ, немного рабовата, но преживая, преумная. Кто-то изъ монахинь говорить однажды сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, это было еще въ 1808 или въ 1809 году: „сдѣлали бы вы доброе дѣло и взяли бы къ себѣ бѣдную дѣвочку, она когда-нибудь или съ голода помретъ, или мать погубить ее.“

Сестра была очень добра, ее разжалобили и она рѣшилась дѣвочку взять,—звали ее Аленушкой. Когда стали говорить объ этомъ лядной нищенкѣ, она вмѣсто того чтобы благодарить Бога что къ хорошему мѣсту пристраиваетъ своего ребенка, начала ломаться: „не выгодно мнѣ, меньше будутъ подавать“. Однако нищенку уговорили, сунули ей въ руку сколько-то денегъ и дѣвочку выручили, и въ скоромъ времени нищая умерла, а дѣвочку взяла къ себѣ сестра Анна Петровна. Когда братъ Николай Петровичъ женился, сестра въ скоромъ времени стала больше жить у брата и невестка Марья Петровна расположилась къ Аленушкѣ и взяла ее на свое поличеніе. Дѣвочка оказалась преумная и преспособная, ей дали хорошее воспитаніе и всему чему слѣдуетъ учили. Въ особенности она имѣла расположеніе къ рисованію и очень хорошо въ послѣдствіи рисовала и писала масляными красками, и когда Настенька, дочь брата, стала подрастать и учиться, Аленушка, будучи гораздо старше чѣмъ она, была для невестки моей большою подмогой: она слѣдила за уроками и была правою рукой въ домѣ. Когда Елевѣ Давидовнѣ было около сорока лѣтъ напелся очень хорошій человекъ, отставной полковникъ Александръ Андреевичъ Протасовъ, за котораго она вышла замужъ; братъ прилично награждалъ ее, они купили себѣ имѣніеazole въ Черни и тамъ жили; дѣтей у нихъ не было. Елена Давидовна была очень хорошая, умная и разсудительная женщина, всею душой преданная семейству брата и вознаградила за тѣ поличенія которыя о ней имѣли въ ея дѣтствѣ и молодости.

Мать Палладія, строгая и опытная въ жизни монашеской, принявъ подъ свое руководство сестру Анну Петровну, вела ее какъ слѣдуетъ путемъ не легкимъ и была къ ней очень взыскательна, а по нашему по мірскому даже и слишкомъ сурова. Иногда прїдемъ мы къ сестрѣ на цѣлый день, она и скажетъ намъ: „вы говорите, а я буду молчать“. И весь день, а иногда и нѣсколько дней сряду она молчитъ: значитъ что мать Палладія запретила ей говорить. Иногда она цѣлый

день оставалась безъ лица и литья или ей вѣрно было лежать. Все что мать Палладія говорила ей дѣлать или не дѣлать она исполняла безпрекословно и никогда ни мало не пороптала. Я всегда удивлялась ея терпѣнью и не рѣдко осуждала за то что ее слишкомъ строго испытывали.

Сестра ходила въ церковь и тамъ читала по очереди Псалтирь и Синодикъ.

Въ непродолжительномъ времени ее постригли въ рясу и нѣсколько спустя она пожелала и настоящаго постриженія, то-есть въ мантию; объ этомъ скажу послѣ.

Г Л А В А XV.

I.

Въ 1819 году, въ первыхъ числахъ марта, преставился архіепископъ Августинъ, управлявшій Московскою епархіею болѣе лятнадцати лѣтъ. Онъ еще при жизни покойнаго митрополита Платона сталъ завѣдывать дѣлами, когда тотъ по старости лѣтъ и по болѣзненности своей отказался отъ управленія. Москва привыкла къ нему, и хотя его и не особенно любили, но всѣ о немъ очень жалѣли. Покойный Дмитрій Александровичъ и я, мы не были съ нимъ коротко знакомы и бывали у него только тогда, когда имѣли какую нуду по нашей церкви: но часто съ нимъ встрѣчались у Обольянинова, видались у Апраксиныхъ, у сестры Неклюдовой и у другихъ нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ. Въ то время вообще какъ-то не часто ѣзжали къ архіереямъ: сами ли они были черезчуръ недоступны или свѣтскіе люди не очень домогались вторгаться въ домъ къ архіереямъ, только къ нимъ мало ѣзжали и не докучали имъ, какъ потомъ это завелось въ Москвѣ, разумѣется, кромѣ особыхъ случаевъ знакомства, какъ вотъ напримѣръ дядюшка графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Толстой, который былъ друженъ съ преосвященнымъ Тихономъ Задонскимъ и велъ съ нимъ переписку. Да и архіереи мало посѣщали нашу братію, за исключеніемъ городскихъ должностныхъ сановниковъ или какихъ-нибудь особенно сановныхъ особъ. Но въ губерніяхъ архіереи больше имѣли общенія съ дворянствомъ и у батюшки въ Бобровѣ преосвященные бывали и онъ ихъ утѣщалъ съ подобающимъ приличіемъ.

Преосвященному Августину, когда онъ преставился, было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь, не болѣе.

Онъ былъ изъ себя хорошъ, саровитъ и важенъ, въ служеніи величественъ, несмотря на то что былъ не великъ ростомъ и не по росту тученъ. Цвѣтъ лица у него былъ отменно ярокъ, былъ и румянецъ во всю щеку; взглядъ имѣлъ пріятный, но внушающій уваженіе. Проловѣди онъ сказывалъ мастерски и всегда приличныя обстоятельствамъ; въ этомъ онъ имѣлъ большую сноровку и въ Двѣнадцатомъ году имѣлъ много случаевъ выказать свое краснорѣчіе, потому что обстоятельства были потрясающія. Тогда онъ составилъ молитву на изгнаніе супостатовъ, сочинилъ пастырокое увѣщаніе и говорили что и въ составленіи манифеста государя онъ принималъ участіе.

Митрополитъ Платонъ къ нему особенно благовоилъ и просилъ государя чтобъ Августина у него не брали и нигде не переводили; потому-то онъ съ 1804 года и до своей кончины въ 1819 году все въ Москвѣ и находилася, а то бы его давно куда-нибудь въ губернію непременно вывели.

Государь его очень жаловалъ и оказывалъ ему довѣріе и награждалъ не маловажно: онъ былъ еще дмитровскимъ епископомъ, когда получилъ Александровскую ленту, а потомъ имѣлъ эту кавалерію украшенную алмазами, алмазный крестъ на клобукъ и очень цѣнную панагію, пожалованную отъ государя. Въ 1818 году онъ былъ переименованъ изъ дмитровскаго епископа въ архіепископа московскаго и коломенскаго, и поживи онъ еще годъ или два, мы увидѣли бы его московскимъ митрополитомъ, но Господь въку ему не яродилъ. И отчего онъ умеръ? Не знаю многимъ ли это извѣстно. Вообще говорили что онъ скончалася отъ тяжкой болѣзни и даже будто бы отъ чахотки. Это вздоръ: онъ былъ прелютный изъ себя, а ему придумали смерть отъ чахотки! Онъ умеръ просто-на-просто отъ икры. Но какъ было сказать что кончила архіерея послѣдоваала отъ икры. Неприлично. Какъ будто и святые не умирали съѣденные отъ зѣрей, когда Господь попускаалъ; мало ли какой случай можетъ выдти; тутъ конфузнаго ничего нѣтъ для святителя. Вотъ какъ это случилось.

Преосвященному прислалъ кто-то въ гостинецъ предъ маляницей большую банку зернистой икры, которую онъ любилъ кушать каждый день. Въ субботу либо въ воскресенье

ему подали къ столу мало ли икры или вовсе не подали, только онъ сѣда уже за столомъ потребовалъ чтобы привели. Келейникъ бросился на погребъ опрометью и отъ послѣдственности поскользнулся, упалъ и разбилъ банку. Зная горячій и вслыщливый нравъ владыки, келейникъ не рѣшился доложить ему о томъ что случилось. Страхъ ради служба наскоро выбралъ самые крупные осколки стекла и подалъ икру на тарелкѣ. Преосвященный кушалъ торопливо, а тутъ онъ былъ еще и въ сердцахъ что заставили его дожидаться, стало-быть тѣмъ не замѣчая что глотаетъ мелкіе кусочки стекла... Къ вечеру онъ сталъ чувствовать спазмы въ желудкѣ, страшную рѣзь; тотчасъ послали за его докторомъ Мудровымъ. Сдѣлалось воспаление, и въ нѣсколько дней такъ его свернуло что на первой недѣлѣ пришлось лѣтъ надъ нимъ „со святыми упокой“.

Погребеніе было торжественное, и въ Кремлѣ, гдѣ отлѣзали, собралось народу множество; но мнѣ не пришлось, не помню почему, быть самой на погребеніи. Потомъ тѣло повезли въ Троицкую Лавру и тамъ положили въ Успенскомъ соборѣ, на томъ мѣстѣ которое онъ для себя облюбовалъ. Разказывали мнѣ что года еще за два или за три до своей кончины, будучи однажды въ Лаврѣ, онъ вошелъ въ Успенскій соборъ и ни съ того ни съ сего остановился съ лѣвой стороны собора, гдѣ положенъ какой-то рязанскій архіерей *, и посмотрѣвъ сказалъ: „Здѣсь престорно, здѣсь и для меня мѣсто будетъ.“ Такъ по его желанію его и схоронили у западной стѣны, напротивъ южныхъ дверей.

Отецъ преосвященнаго Августина былъ сперва въ Москвѣ дьячкомъ, а потомъ священникомъ, звали его Васильемъ. Онъ занимался иконописаніемъ и когда былъ причетникомъ при церкви Большаго Вознесенія, что на Никитской, имѣлъ случай сдѣлаться лично извѣстнымъ князю Потемкину, который жилъ въ его приходѣ, и заслужилъ его милостивое къ себѣ расположеніе; по прозвищу онъ былъ Виноградскій. Будучи искуснымъ въ иконописаніи онъ участвовалъ въ числѣ трудившихся мастеровъ надъ лововленіемъ стѣнной иконописи московскаго Успенскаго собора, при императрицѣ Екатеринѣ, въ 1770хъ годахъ, и преосвященный Авгу-

* Моисей, архіепископъ рязанскій, † въ 1651 году, жива на покой въ Троицкой лаврѣ.

стинь, говорятъ, всегда съ умиленіемъ взирала на стѣнные изображенія святыхъ въ этомъ соборѣ, почитая память своего родителя, и старалась угадывать что было дѣломъ его кисти, а можетъ - статья и знала по насмѣлкѣ что именно его трудомъ. Послѣ Двѣнадцатаго года, когда послѣ непріятельскаго разоренія обновили кремль и всѣ соборы и храмы подъ наблюденіемъ преосвященнаго Августина, онъ въ особенноти заботился о томъ чтобъ Успенскій соборъ былъ приведенъ совершенно въ прежній видъ, не столько можетъ-статья потому чтобъ имѣлъ полеченіе о сохраненіи старины сколько желалъ чтобъ уцѣлѣли труды его отца.

II.

Мудровъ, который былъ врачомъ преосвященнаго Августина, въ свое время имѣлъ большую извѣстность и почитался весьма искуснымъ и опытнымъ. Онъ былъ хорошій человекъ и добрый старикъ, но горячъ нравомъ и потому у него не разъ выходили съ преосвященнымъ разговоры и ссоры, такъ что они подогу другъ съ другомъ не видались. Разъ какъ-то они о чемъ-то поспорили, сперва шутя, по-дружески покалывали другъ друга; но преосвященный, какъ это съ нимъ иногда бывало, разгорячился вдругъ въ заправду, и Мудрова задѣлъ какимъ-то словомъ за живое. Тотъ тоже былъ самолюбивъ и самонаравенъ, какъ ни крѣпился, а вспылалъ.

— Вы, я вижу, владыко, начинаете сердиться; при вашемъ сложеніи вамъ это вредно и потому я васъ оставляю.

— Сдѣлай милость, уходи, давно бы пора, ты мнѣ надоелъ своимъ споромъ.

— А, я вамъ надоелъ, благодарю покорно... Такъ прощайте же, я вамъ больше не слуга, ищите себѣ другаго врача, я васъ лѣчить не стану...

— И не нужно, убирайся вонъ... кричалъ вскочивъ Августинъ, — кланяться вашему брату не буду...

На дѣйствицѣ Мудровъ повстрѣчался съ секретаремъ преосвященнаго Малиновскимъ, который, услышавъ что владыка кричитъ и топаетъ ногами, бѣжалъ снизу узнать что такое приключилось.

— Что владыка? спрашиваетъ онъ.

— Что? съ досадою передразнилъ его Мудровъ, — чего тебѣ спрашивать, развѣ ты его не знаешь? Развирѣлъ... Вотъ помани ты мое слово что хватить его когда-нибудь ударъ наваломъ, такъ что и не ликветъ.

Такъ они и разсорились и перестали видаться. Преосвященный сталъ бранить Мудрова и встрѣчному, и поперечному, и по своему, не стѣсняясь въ словахъ, и это доходило до Мудрова съ разныхъ концовъ и пожалуй еще съ добавленіемъ.

— Ну, ладно, брани меня и ругай, а ужъ нога моя у него не будетъ; умирать станетъ и тогда не поѣду я къ нему.

Прошло послѣ этого нѣсколько времени. Преосвященный плотно покушалъ и занемогъ не на шутку. Домашніе видятъ что безъ доктора не обойтись.

— За кѣмъ послать? спрашиваютъ экономъ и секретарь.

— Кого хочешь, хоть съ торгу бери, только не Мудрова, про него никто и не заикайся: не хочу его, вздорнаго старичишку.

Взяли какого-то другаго лѣкаря, который, не зная привычекъ преосвященнаго, не поваялъ въ чемъ дѣло и сталъ лѣчить его не влопадъ, такъ что вмѣсто облегченія усилилъ болѣзнь. Больной лучше раздражается и всѣми лѣкарствами недоволенъ. Экономъ и Малиновскій шелчутся:

— Не послать ли за Мудровымъ?

— Прогоните вы отъ меня этого негодяя, говоритъ преосвященный.

— Не довольны вы имъ, прикажите послать за Мудровымъ предлагаетъ секретарь...

— Разъ что я сказалъ что не хочу его и прогналъ его отъ себя, сдержу слово, не позову.

Малиновскій зналъ характеръ преосвященнаго, не сталъ настаивать, чтобъ еще лучше не раздосадовать его, а взялъ да отъ себя и послалъ извѣстить Мудрова что владыка боленъ.

Прошло довольно времени послѣ ссоры. Мудровъ былъ не злопамятенъ и душевно привязанъ къ преосвященному Августину. Узнавъ что оазъ нездоровъ, старикъ не вытерпѣлъ и по старой дружбѣ тотчасъ явился на зовъ. Малиновскій прямо безъ доклада повелъ его къ больному.

— Что, владыко, говоритъ Мудровъ, — должно-быть старый другъ лучше новыхъ двухъ?

Преосвященный обрадовался.

— Ты на меня сердиться? спрашивает оль.

— Видите, я пришалъ, стало-быть не сержусь.... а вы сердитесь?...

— Ну, ну, полно, я тебя радъ и давно бы послаалъ, да изъ упрямства хотѣлъ на своемъ поставить.... Пришалъ, ну и слаибо.

— Что же такое съ вами приключилось, чѣмъ вы нездоровы? Покажите-ка языкъ? Да, говоритъ Мудровъ, — языкомъ вамъ хвалиться нельзя, у васъ, *ладыко*, прескверный языкъ.

Оба расохотались, опять поладили. Мудровъ попрежнему сталъ ѣздить каждый день и преосвященный скорехонько выздоравливалъ.

III.

Преосвященный Августинъ имѣлъ много прекрасныхъ свойствъ: оль былъ весьма строгъ, но справедливъ; консисторію держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и бѣлое духовенство, въ то время по большей части грубое и раслущенное, его трепетало. Оль иногда по-отечески бивалъ своею тростью, а не то и руками, кто его прогнѣваетъ, но никого не дѣлалъ несчастнымъ. Когда просились на мѣсто изъ его родственниковъ и были чужіе достойные люди, оль всегда оказывалъ предпочтеніе чужимъ, а своихъ заставлялъ ждать, иногда и по догаду:

— Свои люди, не взыщутъ, сочтемся.

Оль не былъ ни пристрастенъ, ни корыстолюбивъ и главный его недостатокъ состоялъ въ чрезмѣрной запальчивости; но ежели оль кого во время гнѣва обидѣлъ, послѣ того всегда старался утѣшить — когда деньгами, когда давъ лучшее мѣсто.

При своей природной остротѣ ума оль былъ очень скоръ на отвѣты и находчивъ, и не взирая ни на какое лицо не обинуясь говорилъ правду, даже и въ глаза. Однажды послѣ служенія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (въ 1814 или 1815 году) оль произнесъ поучительное слово о томъ что слѣдуетъ обуздывать свои страсти и удаляться отъ вредныхъ ученій западныхъ безбожниковъ.

При этомъ словѣ присутствовалъ одинъ изъ московскихъ сановниковъ, очень дерскій на языкъ и извѣстный по своему

беснравственному образу жизни. Во время проповѣди преосвященный часто и приставно на него поглядывалъ; вельможа коробило, онъ баѣдывалъ, багровѣлъ и волей-неволей долженъ былъ выслушивать и молчать. Когда обѣда отошла и преосвященный, надѣвъ мантию, вышелъ изъ олтара на амвонъ чтобы благословяеть народъ, этотъ недовольный вельможа нарочно сталъ у самаго амвона, громко разговаривая со своимъ сосѣдомъ; тотъ его толкнулъ локтемъ и сказалъ въ неголоаса:

— Потиме, архіерей.

— Ну что же что архіерей, онъ и самъ мнѣ нынче всѣ уши прокричалъ...

Полуобернувшись къ этому дерзкому преосвященный черезъ плечо сказалъ ему во всеуслышанье присутствующихъ:

— Что же дѣлать, ваше сіятельство, слово Божіе одно для всѣхъ, а такъ какъ въ толлѣ много бываетъ и глухихъ, то ихъ ради и приходится намъ говорить громко, чтобъ и они услышали слово истины; глухимъ кричать вѣдь и на ухо, не взыщете...

Тотъ прикусилъ себѣ языкъ: онъ хотѣлъ окомфузить архіерея и вмѣсто того самъ себя одурачилъ.

Люди не расположенные къ преосвященному сложили про него стихи, которые ходили по рукамъ и мнѣ кто-то ихъ далъ:

Всѣмъ Москвичамъ намъ звать не худо
 Какія мы имѣемъ чуда:
 Въ кремль стоитъ большой Валушка
 И пребольшущая царь-пушка...
 А чудо третье—Августинъ кадушка
 И кроткая ханжа Марешка.

Эта Марешка была извѣстная въ свое время Марса Яковлевна К—ва.

IV.

К—выхъ я стала звать еще въ молодости. Къ намъ ѣздила одна немолодая дѣвица Арина Степановна, прелестная и прелестная. Ей было лѣтъ сорокъ или сорокъ пять; нехороша собой, сутуловата, но премилая и прелестная. Батюшка очень къ ней благоволилъ: какъ узнаеть что она у насъ ужъ непременно придетъ.

— Ну что новенькаго да хорошенькаго ты намъ привезла, чай по вѣстамъ поѣхала?

Сидить часа два она у насъ и не увидишь какъ время идетъ; ни на минуту не умолкнетъ, все говорить, все говорить, и не то чтобы вздоръ какой-нибудь, а все очень умное и складное.

И батюшка все сидитъ, не отойдетъ ни на минуту; находилъ удовольствіе ее слушать.

— Экая вѣдь умница, скажетъ онъ бывало, какъ она отъ насъ уѣдетъ.

Мы даже подшучивали промежь себя что Арина ѣздитъ къ намъ чтобы въ себя влюбить батюшку и сдѣлаться нашею мачихой.

Она была самая старшая изъ дѣтей Степана Егоровича К—ва. Эти К—вы татарскаго происхожденія, какъ и многіе наши дворянскіе роды, происшедшіе отъ князьковъ выѣхавшихъ изъ Орды. Они искоми бѣ гнѣздились гдѣ-то въ Симбирской губерніи. Отецъ Арины Степановны былъ небогатый помѣщикъ, жившій въ своемъ имѣньцѣ въ Симбирской губерніи; онъ былъ женатъ, имѣлъ саишкомъ двадцать человѣкъ дѣтей, мало-мало сводилъ концы съ концами и жилъ въ великой скудости.

Когда злодѣй Пугачевъ сталъ свирѣлствовать въ той мѣстности, грабя и убивая богатыхъ помѣщиковъ, награвнулъ онъ и къ К—ву. Все въ домѣ переломалось.

— Подай какія у тебя есть деньги, требуетъ онъ,—выкладывай все свое серебро.

— Какія деньги, говоритъ К—въ: что получу, то и проживу, а серебра у меня и въ заводѣ не бывало.

Облюбовалъ Пугачевъ К—вское имѣньце и началъ строить тамъ разные сараи да вышки для складки грабежомъ добытыхъ имуществъ и наѣздами тамъ жила съ своею ватагой. К—въ не участвовалъ ни въ какихъ Пугачевскихъ нападеніяхъ, а только страха ради сторожилъ все что къ нему привозили. Но когда Пугачеву стало жутко отъ посланныхъ противъ него отъ императрицы, онъ почему-то захватилъ съ собою и К—ва, опасаясь можетъ-статься чтобы тотъ какъ-нибудь его не выдалъ. К—въ видитъ что дѣло плохо, что вотъ-вотъ не вычѣ-завтра схватятъ злодѣя, и что тогда пожалуй и его сочтутъ за укрывателя

и прилутаютъ къ дѣлу, и будетъ ему очень худо; онъ уличилъ удобное время и далъ тягу.

Когда Пугачева схватили и К—въ увѣрился что ему уже опасаться больше нечего и Пугачевъ къ нему не возвратится, онъ и началъ все оставшееся разбирать и разсматривать. Тогда оловѣщено было отъ правительства, что все что оставлено бунтовщикомъ въ тѣхъ имѣніяхъ въ которыхъ онъ имѣлъ притоны со своею шайкой или склады, все поступаетъ въ пользу владѣльцевъ. Пошелъ К—въ по сараямъ да по клѣтушкамъ и вышкамъ и нашелъ тамъ боченки съ золотомъ и съ серебромъ, серебряную посуду, мѣха, оружіе, иконы въ дорогихъ окладахъ и множество церковной утвари, похищенной по разнымъ церквамъ и монастырямъ. Въ обвинной амѣ золото было насыпано ворохомъ протѣ на цыновкѣ; серебряной посуды оказалось десятки лудовъ.

Касательно церковной утвари К—въ старался разузнать гдѣ что было похищено, въ какомъ монастырѣ или изъ какой церкви, и все по принадлежности возвратилъ, а все прочее оставилъ въ свою пользу и объявилъ онъ что ему досталось тысячъ на триста, что по тогдашнему было очень много, а кто говорилъ что онъ только въ половину сказалъ сколько ему досталось.

Началъ онъ покупать себѣ имѣнія и въ одномъ выстроилъ церковь и пожертвовалъ въ нее все у него оставшееся въ числѣ Пугачевскаго наслѣдства церковное имущество, утварь, облаченія и прочее неизвѣстно откуда захваченное и потому не возвращенное куда бы слѣдовало. Стало-быть онъ не попользовался ничѣмъ церковнымъ.

Но не въ прокъ пошло богатство доставшееся такъ неожиданно. У К—ва было нѣсколько сыновей, сколько именно — не сумѣю сказать, но знаю только что они были лихіе молодцы и ловко спускали съ рукъ Пугачевскіе золотенькіе и ни въ чемъ себѣ не отказывали. Въ особенности который-то изъ нихъ былъ гораздъ на всякія проказы и ни предъ чѣмъ не останавливался, когда что задумаетъ, все ему было ни почемъ, лишь бы на своемъ поставить.

Степанъ Егоровичъ былъ вправомъ крутенецъ, а на денежку скуленецъ и очень нехота давалъ денегъ своимъ молодцамъ на мотовство, а этого-то сына, говорятъ, зачастую бивалъ, и напослѣдокъ, наскучивъ его мотовствомъ и шалостями, чуть ли не велѣлъ конюхамъ выпороть на конюшнѣ. Это

водилось въ наше время и не считалось безчестіемъ: не отъ чужаго лобомъ, а отъ родителя.

Сынъ однако разобидѣлся на отца и задумалъ отмстить ему.

Отецъ прогналъ его отъ себя.

Что жъ онъ придумалъ? Безъ вѣдома отца взялъ да и продалъ одно изъ лучшихъ его имѣній и въ число крестьянъ велѣлъ вписать и отца—Стелана Егорова.

Можно себя представить удивленіе старика: онъ и знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ и вдругъ оказывается что его имѣніе продано, да еще въ добавокъ проданъ и онъ самъ и изъ дворянина попалъ на старости лѣтъ въ подушный списокъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Это дѣло было очень гласно въ свое время, и какъ ни протото въ ту пору было продать и купить имѣніе, старикъ едва выпутался изъ бѣды, и ежели бы онъ не взмалоуался надъ своимъ сыномъ, тому не миловать бы осылки за подлогъ и ужасный свой поступокъ съ отцомъ. Сначала старикъ и слышать не хотѣлъ о прощеніи сына, такъ онъ былъ на него раздраженъ.

— Издыхай онъ окаленный въ кандалахъ, Иуда продавший отца роднаго. Однако потомъ сестры уломили старика и склонили его выручить брата изъ бѣды. Старикъ это дѣло дорого стоило; онъ выгородилъ сына, но видѣть его не хотѣлъ и сравнительно съ братьями далъ ему самую ничтожную часть изъ своего имѣнія. Всѣ братья были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Стелана Степановича, который почему-то участія въ немъ не принималъ и потому въ послѣдствіи времени отъ этого очень выигралъ.

Чтобы наказать своихъ сыновей за ихъ продерзость и чтобъ они не выжидали корысти ради отцовской смерти, старикъ задумалъ жениться и женился на молодой дѣвушкѣ, дворянкѣ, но бѣдной, на Марѣѣ Яковлевнѣ. Чьихъ была она сама по себѣ—не приложно; жила она въ одномъ знатномъ домѣ, была собою очень недурна и прелюбопытная и пребогомольная. Вотъ Господь и поискалъ ее счастьемъ: вдругъ сватается за нее богатый и старый вдовецъ. Женившись на ней, старикъ укрѣпилъ за женой всѣ свои самыя лучшія и богатые имѣнія; и не ошибся: Марѣя Яковлевна оказалась очень хорошею женой, мужа-старика уважала и поклонила до его колыбели, была ко всѣмъ несчастнымъ очень сострадательна и много дѣлала добра.

Она была набожна и очень потому расположена къ духовенству, и въ особенноти она питала уваженіе къ пресвященному Августину. Изъ этого и составили цѣлую славою. К—ву заословили, называли ханжей и на пресвященнаго взводили разныя напраслики, и на нихъ клеветали. Не мудрено что и сновья К—вы тутъ принимали участіе и въ *отлестку* своей мачихѣ не щадил ея репутаціи. Очень вероятно что будучи молодою, благочестивою и бездѣтною вдовою и располагая большими средствами, она много жертвовала на храмы и монастыри и что чрезъ это она снискала особое благоволеніе пресвященнаго Августина, но изъ этого выводили совсѣмъ цыны заключенія.

Изъ всѣхъ пасынковъ лучше другихъ съ Мареею Яковлевною былъ Степанъ Степановичъ, за то и она ему оставила прекрасный каменный домъ въ Москвѣ на Басманной, съ пространнымъ садомъ, въ которомъ были пруды вымощенные бѣлымъ камнемъ. Жену его я знала еще молодою дѣвушкой, когда у отца ея, оставшаго генералъ-майора, было имѣніе верстахъ въ сорока отъ нашихъ Янковыхъ, у которыхъ въ Петровѣ я и познакомилась съ нею, а потомъ мы всегда были хороши.

Они долго жили у себя въ деревнѣ, въ Самбирскѣ, и пріѣзжали въ Москву на короткое время.

Степанъ Степановичъ былъ добрый, хороший и прямой человекъ, но очень не обтекалъ въ обращеніи. Жена его была добрейшая и благочестивая женщина, очень умная, разсудительная и характеръ имѣла вполнѣ кроткій. Мужъ былъ ей во многомъ обязанъ и вполнѣ это чувствовалъ и не разъ мнѣ со слезами говаривалъ: „Это, матушка, моя благодѣтельница, мой ангелъ-хранитель; не будь она моею женою а бы совсѣмъ пропалъ и погибъ, а бы съ круга спиделъ и былъ бы нищимъ.“

Изъ сестеръ его я больше всѣхъ знавала Арифу Степановну, которая умерла незамужняя, и Варвару Степановну, которая была за Шалимовымъ, и когда они были нашими соседями и жили въ Пескахъ, а часто съ ними видалась. Шалимовъ лѣчилъ меня электрическою машиной отъ ревматизма въ рукѣ и мнѣ помогъ. Онъ былъ очень умный и ученый человекъ, служилъ секретаремъ въ московскомъ депутатскомъ собраніи и пока былъ здоровъ глазами занимался химіей и былъ членомъ масонской ложи. Потомъ совершенно ослѣплъ. Пески они продали и я ихъ потеряла изъ виду.

Еще одна изъ сестеръ, Александра Степановна, была за Порошинымъ, братомъ того который находился при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ преподавателемъ, и ему было пожаловано имѣніе въ 300 душъ за братиныя заслуги.

V.

Въ 1820 году октября 2го я лишилась дочери Софьи; ей пошелъ четырнадцатый годъ и болѣе уже года была она больна сухоткою. Въ послѣдніе мѣсяцы ея болѣзни было три страшныхъ случая съ нею, о которыхъ доктора не мало разсуждали,—она имѣла даръ *ясновидѣнія*.

Однажды Авдотья Федоровна Барыковой портниха принесла платье, лиловое, прекраснаго цвѣта, и она за двѣ комнаты отъ той въ которой лежала больная стала примѣривать это платье.

Вдругъ Союшка говоритъ дѣвухѣ:

— Поди и попроси Авдотью Федоровну чтобъ она платья не снимала и пришла бы въ немъ мнѣ показаться; цвѣтъ платья очень хорошъ.

Спрашиваютъ у больной: „да почему же вы знаете что Авдотья Федоровна примѣряетъ платье; развѣ кто вамъ сказывалъ?“

— Нѣтъ, мнѣ никто не говорилъ, а и не знала что ей сшили новое платье, а я вижу что цвѣтъ очень хорошъ.

Въ другой разъ ночью она говоритъ сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, которая, отпросившись у игуменя побыть у меня нѣсколько дней, слала въ Союшкиной комнать.

— Тетелька, вы не бойтесь меня разбудить; можете повернуться, а не сплю.

А сестра, проснувшись, хотѣла повернуться на другой бокъ, но изъ боязни разбудить больную лежитъ и не шевелится, и та вдругъ угадала ея мысли.

— Да почему же ты знаешь что я проснулась? спрашиваетъ сестра.

— Я сама не знаю почему, только я чувствовала что вы не поживаете, и знала что вы думаете.

Для за три до кончины Союшки я стала собирать разныя мелочи, которыя хотѣла отправить при случаѣ въ деревню, и между прочимъ попались мнѣ два Союшкиныхъ

подносика и завернувъ ихъ въ бумагу я хотѣла было тоже положить въ ящикъ: это было внизу.

Въ эту минуту сверху отъ Союшки идетъ дѣвушка и говоритъ мнѣ:

— Софья Дмитриевна приказала вамъ сказать, сударыня, что вы напрасно хотите отправить ея два подносика, они можетъ-быть еще понадобятся.

Доктора объясняли тогда эти три случая и называли ихъ *природнымъ ясновидѣниемъ* и приписывали *магнетизму*, который иногда примѣчается у слабыхъ большихъ отъ особенной чувствительности нервовъ и отъ ихъ возбужденія при упадкѣ тѣлесныхъ силъ.

Союшку отпѣвали въ нашемъ приходѣ у Пятницы Божьей, а хорошить повезли въ Горки и положили въ церкви у придѣла Пророка Давида, возаѣ южныхъ дверей.

Мадамъ Рево неутѣшно плакала по Союшкѣ и, чувствуя что она уже больше не нужна въ домѣ, такъ какъ Клеопатрѣ было уже 20 лѣтъ, пришла ко мнѣ и отказавшись отъ жадованья которое получала, просила остаться жить въ домѣ, предлагая даже платить за себя. Я очень ее любила, какъ добрую и хорошую старуху, съ удовольствіемъ согласился ее у себя оставить и конечно не дозволила ей за себя платить. Она была мнѣ большою подмогой и часто съ моими барышнями выѣзжала въ городъ, дѣлала визиты и такъ прожила у меня въ домѣ до своей кончины, которая послѣдовала два года спустя, въ то время какъ мы были въ Петербургѣ, въ 1822 году.

VI.

Сестра княгиня Александра Вяземская болѣе года жила уже въ Петербургѣ со своими двумя мальчиками, Андрюшей и Сашей, которые были записаны юнкерами и готовились поступить въ службу въ полкъ. Она писала ко мнѣ и звала меня пріѣхать въ Петербургъ пожить съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ потѣшить дѣтей, которые очень все грустили и объ отцѣ, и послѣ кончины Союшки. Въ Петербургѣ я никогда не бывала и мнѣ любопытно было и самой побывать въ этомъ пресловутомъ городѣ и хотѣлось показать его дочерямъ. Братъ князь Николай Семеновичъ былъ въ Москвѣ зачѣмъ-то, онъ и уговорилъ меня ѣхать.

Такъ я и собралась въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Князь Николай Семеновичъ поѣхалъ въ своей коляскѣ, а я въ четырехмѣстной каретѣ: я, три мои дочери, Авдотья Ѳедоровна Барыкова и горничная; изъ людей я взяла Фоку да Ѳедора.

Ѳхали по старой Петербургской дорогѣ, которую ѳздили когда еще не было шоссе. Дорога была, какъ всѣ большія трактовныя дороги, мѣстами хороша, но были и очень дурныя мѣста; мосты каменные, построенныя при покойной государынѣ Екатеринѣ, и каменные пирамиды вмѣсто верстовыхъ столбовъ. Такъ какъ мы ѳхали на наемныхъ лошадахъ, то останавливались гдѣ и когда хотѣли и по нѣскольку часовъ лишняго проводили въ городахъ на которые лежалъ намъ путь.

Первый большой городъ былъ Тверь; останавливались не надолго, однако кое-что видѣли; городъ очень чистенькій и его очень красить Волга. Покойная государыня очень къ Твери благоволила, и когда городъ сгорѣлъ, въ концѣ 1760хъ годовъ, она послала большое денежное пособіе, говорятъ будто бы миллионъ, и что поэтому де и главная улица называется *Миллионная*; такъ я слышала. Въ особенности Тверь украсилась съ тѣхъ поръ какъ въ ней прожила великая княжна Екатерина Павловна, въ 1811—1812 годахъ, сестра покойнаго государя Александра Павловича, бывшая сперва за принцемъ Ольденбургскимъ, который и былъ генералъ-губернаторомъ въ Твери. Городъ очень возвысило то что онъ былъ подъ управленіемъ государева зятя. Для нихъ тогда былъ выстроенъ прекрасный дворецъ съ двумя церквами, православною и лютеранскою, въ двухъ зданіяхъ соединенныхъ съ дворцомъ двѣнадцатью галлерейми. Дворецъ почти рядомъ съ соборомъ, очень древнимъ. Великая княгиня овдовѣла въ концѣ 1812 года, и говорятъ была неутѣшна, такъ что опасались тогда за ея жизнь, а въ 1816 году она вышла вторымъ бракомъ за короля Виртембергскаго и скончалась въ 1819 году. Вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, въ особенности любившая Екатерину Павловну, очень горевала о ея кончинѣ и государь былъ очень тронутъ этою потерей. Въ Твери за Волгой Отрочъ монастырь, въ которомъ жилъ въ заточеніи Филиппъ митрополитъ, гдѣ онъ и пріимъ мученичeskій конецъ и тутъ же нѣкоторое время былъ настоятелемъ преосвященный Тихонъ Задонскій, прежде своего епископ-

ства. Версты четыре отъ города Желтиковъ монастырь, гдѣ мощи святителя Арсенія. Дорога лесками и сословымъ боромъ монастырь старинный.

Версть 60 за Тверью Торжокъ, хорошеыйкій и чистеыйкій городокъ; тамъ монастырь мужской построенный преподобнымъ Ефремомъ Новоторжекимъ; мощи его на вскрытіи, и подъ слудомъ мощи келейника его, преподобнаго Авраамія.

Станціи три за Торжкомъ начинаются Валдайскія горы и тянутся версть на 60, такъ что приходилось болѣе для ѣхать этимъ горами. Эта часть луты очень утомительна. На одной изъ станцій валдайскія дѣвки пристають къ проѣзжимъ со своими баранками и кренделями. Князь Николай Семеновичъ былъ очень туго на денежки и когда къ нему стали приставать Валдайки со своими кренделями, онъ все съ ними бравился и ничего не хотѣлъ покупать; вдругъ одна какаля-то поудалѣе говорить ему: „купи у меня, баринъ, а я тебя поцѣлую“. Чтò жь, вѣдь растаялъ, и накупила множество этихъ баранокъ, прислалъ намъ въ карету нѣсколько связокъ и потомъ съ досады что изтратилъ какой-нибудь рубль или два нѣсколько ставцій былъ не въ духѣ, и на всѣхъ насъ дулся, а ямщику всю слуху простучалъ тростью за то что тотъ тихо его везетъ...

На другой ставціи торгуютъ валдайскими колокольчиками, которые особенно звонки.

Въ Новгородѣ мы останавливались долѣе и лобывали въ соборѣ и монастыряхъ, гдѣ много мощей и святыхъ. Были въ Юрьевѣ монастырь, который не подалеку отъ города. Въ то время онъ былъ древній монастырь, очень не важный по своимъ постройкамъ, показавшимся мнѣ даже очень обветшавшими, и совсѣмъ не таковымъ какъ сдѣлался въ послѣдствіи, когда благочестивая и богатая графиня Орлова стала ему благотворить изъ желанія угодить отцу Фотію, котораго тогда тамъ еще не было.

Пожелала я помянуть и несчастнаго князя Долгорукова казеннаго при императрицѣ Аннѣ, мужа извѣстной Натальи Борисовны, дочери фельдмаршала Шереметева, и отца князя Михаила Ивановича; нашли ту церковь гдѣ онъ погребенъ и поминали.

При нашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ погода стояла прекрасная и мы на первыхъ же порахъ могли многое осмотрѣть. Я сговорила съ сестрой Вяземской и мы нашли себѣ

домъ, въ которомъ мы могли жить вѣсть, гдѣ-то около Офицерской улицы.

Первые мои выѣзды были въ домикъ Петра Великаго чтобы приложиться къ иконѣ Спасителя которая тамъ находится, въ Казанскій соборъ и въ Невскую Лавру.

Казанскій соборъ былъ отдѣланъ вновь съ серебряными иконостасомъ, сдѣланнымъ изъ серебра отбитаго у Французовъ, и все восхищались его великолѣпьемъ. Икона Казанской Божіей Матери въ богатѣйшей ризѣ изъ чистаго золота украшена очень крупными брилліантами и жемчугомъ, частью изъ пожертвованныхъ обѣими императрицами; все это было тогда недавно сдѣлано и объ этомъ много было разговоровъ. Показывали одинъ очень крупный цвѣтной камень—изумрудъ ли или синій ахонтъ—не припомню, принесенный въ даръ покойною великою княгиней Екатериной Павловной и который цѣнилъ очень дорого, а всю ризу оцѣнили тысячь въ четыреста ассигнаціями, какъ тогда считали. По стѣнамъ развѣшено множество иностранныхъ знаменъ, ключей отъ крѣпостей взятыхъ нашими войсками и нѣсколько фельдмаршальскихъ жезловъ взятыхъ въ послѣднюю войну съ Французами, разорителями Москвы.

Въ Невской Лаврѣ мнѣ хотѣлось побывать, во первыхъ, потому что тамъ мощи благовѣрнаго князя Александра Невскаго, а потомъ и потому что тамъ подъ Благовѣщенскою церковью былъ положенъ дѣдъ Дмитрія Александровича Давида Ивановичъ Янковъ и мнѣ хотѣлось отслужить по немъ лавниху. Онъ скончался въ 1788 году, живя въ Петербургѣ, потому тамъ и скоропечень, а жена его въ московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Мы отыскали его могилу и служили по немъ лавниху; потомъ, говорятъ, эту церковь перестраивали и можетъ-статься теперь и могилы его не найдешь; надъ нимъ была плита отлитая изъ чугуна. Меня очень удивило что рака съ мощами Благовѣрнаго Князя не открыта, я просила приложиться и мнѣ сказали что рака никогда не открывается, потому что Петръ Первый, положивъ тамъ мощи, заблагоразсудилъ раку залереть и ключи бросилъ въ Неву. Очень это страннымъ показалось мнѣ. Монашествующихъ тамъ что-то не много, все больше среднихъ лѣтъ и молодые послушники, старичковъ три или четыре. Про одного изъ нихъ мнѣ разказывали очень трогательную и извѣстную исторію.

Онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, фамиліи его я имени не помню. Служилъ онъ при императорѣ Павлѣ. Вмѣстѣ съ нимъ находился въ томъ же полку его родственникъ съ которымъ онъ былъ однихъ почти лѣтъ и очень друженъ. Этотъ пріятель его былъ очень разсыянной жизни, ужасно влюбчивъ и полюбивъ одну молодую дѣвушку задумалъ ее увезти. Но дѣвушка хотя и любила молодца, будучи строгихъ правилъ, хотѣла сперва обвиняться и потомъ готова была бѣжать, а не иначе, а влюбленный офицеръ былъ уже женатъ, только жилъ съ женой не вмѣстѣ, стало-быть ему вѣнчаться было невозможно. Что дѣлать въ такомъ затрудненіи? Онъ открылся своему другу. Тотъ и придумалъ сыграть комедію, обвинять пріятеля своего на дому, одѣвшись въ священническую ризу. Предложили молодой дѣвицѣ вѣнчаться по секрету дома, подъ предлогомъ что тайный бракъ въ церкви священникъ вѣнчать не ставеть. По неопытности своей молодая дѣвушка не поняла что тутъ обманъ, согласилась и въ извѣстный день обвинявшись со своимъ мнимымъ мужемъ бѣжала. Онъ лежалъ съ нею сколько-то времени, она родила дочь, и потомъ онъ ее бросилъ. Не знаю примирилась ли она со своими родными, только нашлись люди которые ей помогали выласть на слѣдъ ея мужа и она узнала что онъ уже женатый и отъ живой жены на ней женился. Она подала прошеніе на высочайшее имя императора Павла, объясняя ему свое горестное положеніе. Императоръ вошелъ въ положеніе несчастной молодой дѣвушки которую обманули и положилъ замѣчательное рѣшеніе: похитителя ея велѣлъ разжаловать и ослѣпить, молодую женщину признать имѣющею право на фамилію соблазнителя и дочь ихъ законою, а вѣнчавшаго офицера постричь въ монахи. Въ резолюціи было сказано что „такъ какъ онъ имѣеть склонность къ духовной жизни, то и послать его въ монастырь и постричь въ монахи“. Сперва молодой человекъ былъ, говорятъ, въ отчаяніи, но съ именнымъ повелѣніемъ спорить не ставешъ. Раба Божія отвезли куда-то далеко и постригаи. Онъ былъ вѣтъ себя отъ такой неожиданной развязки своего легкомысленнаго поступка, и жилъ совсѣмъ не по-монашески, но потомъ благодать Божія коснулась его сердца, онъ раскаялся, пришелъ въ себя, и когда мнѣ его показывали, онъ былъ уже не молодой и велъ жизнь самую строгую, такъ что многіе къ нему приходили за совѣтами и онъ считался опытнымъ и весьма

хорошимъ старцемъ. Сперва онъ былъ гдѣ-то въ дальнемъ монастырѣ, а такъ какъ о немъ просили, то и перевели его потомъ въ Невскую Лавру. Такъ Господь разными путями къ Себѣ призываетъ, не рѣдко и безразсудства наши обращаетъ намъ во спасеніе.

Смоленскій монастырь, устроенный при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ то время былъ уже упраздненъ, и со времени императрицы Екатерины обращенъ въ институтъ, который однако продолжалъ называться Смоленскимъ Монастыремъ, и я застала еще двухъ старушекъ монахинь, которымъ дозволено было тамъ доживать свой вѣкъ. У насъ была родственница Стажкевичъ, воспитывавшаяся въ этомъ институтѣ и вышедшая оттуда въ 1810 или 1809 году; при ней было еще шесть монахинь, которыя участвовали въ воспитаніи дѣвицъ.

VII.

Въ Петербургѣ у меня нашлись родные и знакомые съ которыми давно я не видалась и которые мнѣ очень обрадовались. Самая близкая мнѣ и по родству и по сердечному чувству была сестра Екатерина Александровна Архарова. Мужа ея, Ивана Петровича, не было уже въ живыхъ, онъ скончался за годъ до кончины Дмитрія Александровича, и она переселилась жить въ Петербургъ со своими дочерьми Софьей и Александрой. Онѣ тамъ вышли замужъ. Софья Ивановна была за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубъ. Его мать была по себѣ Нарышкина, звали ее Наталья Львовна, родная сестра Дмитрія Львовича, женатаго на прекрасной собою и весьма известной тогда Марьѣ Антоновнѣ, урожденной княжнѣ Четвертинской. Графу Александру Ивановичу на видъ было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ весьма пріятной наружности и самый привѣтливый и ласковый человекъ какихъ я видала: войдетъ онъ въ гостиную и никого не позабудетъ, всемъ найдетъ что сказать пріятное, и старику и ребенку, каждому улыбается, каждого приласкаетъ, а жена его, очень милая женщина, была мало общительна и имѣла какое-то *пренебрежительное* выраженіе лица, не очень къ ней располагавшее. Тогда у нихъ было два мальчика: Левушка, лѣтъ девяти или десяти, и Волода, лѣтъ семи.

Александра Ивановна была замужемъ за Алексѣемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, лѣтъ пятидесяти или болѣе. Этотъ былъ очень не общителенъ, холодеетъ въ обществѣ, высокаго роста, красивый лицомъ и съ волосами очень рѣдкими на головѣ. Его мать звали Анной Кирилловной, она была урожденная графиня Разумовская, родная племянница известнаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который былъ тайно обвиняемъ съ императрицей Елисаветой Петровной. Анна Кирилловна Васильчикова была потомъ монахиней въ которомъ-то изъ московскихъ монастырей.

Родной дядя Алексѣя Васильевича Васильчикова, Александръ Семеновичъ, говорятъ, весьма видный изъ себя мужчина и очень привлекательный по наружности, былъ въ некоторое время въ особой милости императрицы Екатерины.

Екатерина Александровна Архарова жила по лѣтамъ въ Павловскомъ, и покойный государь Александръ Павловичъ къ ней очень благоволилъ и иногда запросто приходилъ къ ней и у ней кушивалъ. Однажды съ ней былъ пресмѣшной случай, и будь это съ другою, то можетъ-статься та бы и перекофузилась; а Екатерина Александровна показала присутствие духа: былъ у нея государь, и какъ обыкновенно, когда кушивалъ у ней, велъ ее къ столу; вдругъ она чувствуетъ что съ нея спускается одна изъ юбокъ; она приоставилась, дала ей время упасть, перешагнула и какъ будто не замѣчая что случилось съ нею, продолжала идти къ обѣду и не подавая виду что замѣтила, и во все время обѣда была такъ же весела и спокойна какъ и обыкновенно. Она была кавалерственной дамой меньшаго креста, а Александра Ивановна фрейлиной. Она была высока ростомъ, имѣла прекрасный цвѣтъ лица и въ первой своей молодости была очень привлекательна лицомъ и пріятлива и ласкова.

Екатерина Александровна очень мнѣ обрадовалась, пришла по-родственному и ей мы были обязаны что многое видѣли по ея протекціи чего бы иначе можетъ-статься и не видали.

Въ то время жили въ Петербургѣ и наши сосѣды по деревнѣ—Голоцины, князь Сергій Сергѣевичъ, женатый на Натальѣ Степановнѣ Апраксиной, и будучи егермейстеромъ овъ тоже отворялъ намъ многія двери, которыя остались бы для насъ заключенными.

Павловское было любимым загороднымъ мѣстопребываніемъ вдовствующей императрицы и я много объ немъ слыжала отъ покойнаго брата князя Дмитрія Михайловича Волковскаго, который тамъ былъ директоромъ. Сперва это было небольшое помѣстье, но когда императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, облюбывалъ это мѣсто, онъ сталъ тамъ строиться, начали сажать паркъ и садъ, чтобъ осушить мѣстность очень сырую. Это вышло царское жилище.

Разказывали мнѣ люди достовѣрные, и которые могли знать что дѣлалось при дворѣ Екатерины и помнили то время что императрица, которая, какъ извѣстно, была не слишкомъ нѣжная мать, не старалась никогда приблизить къ себѣ сына, сначала поощряла его строиться въ Павловскомъ, которое только въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села, гдѣ она по дѣтамъ всегда изволила жить; но потомъ нашла что это все еще слишкомъ близко. Многие изъ вельможъ Екатерины, хотя и вертѣлись предъ нею своими лисими хвостами, помышляли однако что придетъ время когда Екатерины не станетъ и что плохо тогда имъ будетъ отъ ея наследника; они чтобы заранѣе заручиться въ тихомолку жажали и въ Павловское. Кто-то императрицѣ объ этомъ шепнулъ и она купила тогда у любимца своего Григорія Орлова его имѣніе Гатчину и пожаловала всю Гатчинскую волость своему сыну. Это было гораздо подальше отъ Царскаго Села, а отъ Петербурга очень не близко, верстъ сорокъ или болѣе.

Названіе Гатчины, говорятъ, отъ того произошло что тамъ много *затей* отъ толкости мѣстности. Строенія тамъ были уже и при Орловѣ очень достаточныя, но великій князь строился еще и расширялъ дворецъ и сдѣлалъ для себя тамъ жилище вполнѣ царское.

(Продолженіе будетъ.)

ЛѢСЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ*

А) ФИЗИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЛѢСА (ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Количество влаги испаряемой растеніями.—Разныя наблюденія и опытка омыхъ.—Дѣйствительно ли лѣсъ сушитъ почву?—Вопросъ о заболачиваніи почвы вслѣдствіе порубки лѣса.

XVII.

Израсходованіе растеніями выпадающей изъ атмосферы влаги происходитъ какъ отъ *поглощенія*, такъ и отъ *испаренія*, и если последнее не всегда происходитъ равномерно и наибольшаго своего напряженія достигаетъ въ теплое время года, то первое происходитъ непрерывно, даже въ то время когда испареніе прекращается. Это потому, что влага есть не только элементъ необходимый для прозябанія растеній, есть не только проводникъ посредствомъ котораго питательныя вещества вступаютъ изъ почвы въ растительную ткань, но и составляетъ главную составную часть самаго дерева; древесина и всѣ отлагающіяся въ растеніи твердыя органическія вещества, какъ напримѣръ: крахмалъ, хлорофиллъ и пр., проникнуты влагой. Въ теплое время года дерево представляетъ собою вертикальный каналъ, по которому почвенная влага постоянно движется снизу вверхъ и

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1878 № 2 и 1879 №№ 1, 2, 5 и 8.

снова въ парообразномъ состояніи переходитъ въ атмосферу. Зимомъ же, когда испареніе листовъ прекращается, всосавшаяся влага остается внутри древесной массы и послѣдняя становится какъ бы резервуаромъ, откуда дерево олять можетъ заимствовать влагу въ тѣ періоды теплаго времени, когда, вслѣдствіе продолжительнаго бездождя, травы засыхаютъ.

Такъ какъ процессъ поглощенія влаги растеніями, а равно и процессъ испаренія происходятъ большею частію одновременно и при наблюденіяхъ весьма трудно отдѣлать эти процессы, съ цѣлью узнать какая доля почвенной влаги расходуется при каждомъ изъ нихъ, то относительно поглощенія воды деревьями мы имѣемъ мало данныхъ. Что же касается вопроса о количествѣ испаренія, то, какъ увидимъ ниже, произведенные опыты относятся большею частію къ травянистымъ растеніямъ и, кромѣ того, оставляютъ желать весьма многого.

Хотя покрытая обильною растительностью почва вслѣдствіе отѣненія теряетъ отъ испаренія менѣе влаги чѣмъ непокрытая, однако разность эта далеко не столь значительна чтобы вознаграждать убыль почвенной влаги происходящую вслѣдствіе поглощенія и испаренія растеніями. Поэтому, чѣмъ гуще насажены растенія, тѣмъ почва теряетъ болѣе влаги, а слѣдовательно становится суше. На равнинахъ Венгріи, страдающихъ малымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ, замѣчается, что на тѣхъ поляхъ гдѣ маисъ посѣянъ густо, сухость почвы обнаруживается скорѣе чѣмъ тамъ, гдѣ посѣвы рѣдкіе и растенія на столько другъ отъ друга удалены, что инсоляція почвы можетъ имѣть мѣсто.* Это обстоятельство, обуславливая затверденіе почвы на поверхности, также способствуетъ задержанію влаги въ слояхъ почвы глубже лежащихъ. Подробно изслѣдовалъ это мюнхенскій профессоръ Вольни (Wollny). На равновеликихъ площадяхъ имъ посѣяны были: картофель, рѣпа, горохъ, маисъ, гречиха, клеверъ, ячмень и ленъ, причемъ посѣвы производились полеремѣнно то густо, то рѣдко. Оказалось что почва несомнѣнно теряетъ болѣе влаги при большей густотѣ посѣвовъ, хотя впрочемъ высыханіе не пропорціонально густотѣ посадки растеній, но происходитъ въ меньшемъ размѣрѣ, то-есть нельзя сказать,

* Lorenz, *Wald, Klima und Wasser*, 1878, pg. 63.

напримѣръ, что при удвоенной или утроенной густотѣ посѣвовъ почва теряетъ вдвое или втрое болѣе влаги. *

Первый вопросъ который представляется при изслѣдованіи поглощенія и испаренія растеніями, есть, конечно, слѣдующій: достаточно ли количество проникающей въ землю атмосферной влаги на поддержаніе жизни растенія, на удовлетвореніе его питанія и испаренія? Мы видѣли уже что далеко не все количество влаги выпадающей на данной поверхности почвы проникаетъ въ глубину; видѣли также что дѣлской почвы достигаетъ лишь 74% влаги сравнительно съ тѣмъ количествомъ какое выпадаетъ на открытомъ полѣ. А между тѣмъ, именно на площади занятой лѣсомъ израсходование почвенной влаги огромное: тутъ и количество влаги идущее на питаніе деревьевъ громадно, и испареніе листвою происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ. Въ какомъ же отношеніи находятся между собою годовое количество выпадающей атмосферной влаги и количество расходуемое растеніями?

По вычисленіямъ Гелльригеля (Hellriegel) для производства одного фунта зеренъ ячменя потребно около 575 фунтовъ воды, считая вмѣстѣ съ испареніемъ и, какъ показываютъ изслѣдованія Ильенкова и Вольки, столько же почти требуютъ и другіе хлѣба (по новѣйшимъ наблюденіямъ Маріе Дави (Marie Davy) 525 частей воды). Если урожай съ одной десятины принять въ 160 пудовъ, то окажется что во время произрастанія хлѣбныхъ растеній необходимо для одной десятины 3.680.000 фунтовъ воды, а такъ какъ одинъ дюймъ дождя на десятину приноситъ около 731.000 фунтовъ воды, то для ячменя во время его роста потребно около 5 дюймовъ дождя. ** По опытамъ Галеса (Hales) клеверъ, растеніе весьма сочное и наиболѣе испаряющее воду, потребляетъ въ 120 дней своего произрастанія 7.831.000 фунт. воды на десятину, а слѣдовательно требуетъ 10,7 дюймовъ дождя. *** Сравнивая это количество

* E. Wollny, *der Einfluss der Pflanzendecke und Beschattung auf die physikalischen Eigenschaften und die Fruchtbarkeit des Bodens.* Berlin, 1877.

** Krockers landw. Centralblatt XIX Jahrg., Heft 9, pg. 194, *Oekonom. Fortschritte*, 3 Jahrg. pg. 19; *Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства*, 1876, № 6, pg 54.

*** Schumacher, *Physik der Pflanze*, pg. 199.

съ количествомъ дожда дѣйствительно выпадающимъ въ средней Европѣ, увидимъ что послѣдняго съ избыткомъ достаточно, такъ какъ годовое количество дожда выпадающее въ Германіи — 24", въ Пруссіи (подъ одинаковою широтой съ Самарскою губерніей)—19",4; столько же выпадаетъ въ Екатеринославѣ, Кишиневѣ, Нижнетагильскѣ и Самарѣ и даже въ лѣтніе мѣсяцы (іюнь, іюль, августъ) въ Екатеринославѣ выпадаетъ 6",07, а въ Самарѣ 7",97 дюймовъ дожда. * Если предположимъ что изъ всей выпадающей въ году атмосферной влаги проникаетъ въ почву лишь третья доля, то и этого колич ства, по вышесдѣланному вычисленію, вполнѣ для ячменя достаточно.

Относительная водоѣмкость различныхъ деревьевъ, по Гартигу, выражается слѣдующими цифрами: если водоѣмкость простаго бука и ольхи (между всѣми лиственными деревьями поглощающихъ наибольшее количество влаги) обозначимъ чрезъ 1, то водоѣмкость другихъ деревьевъ выразится: лихты и краснаго бука— $\frac{1}{2}$, тополя и березы— $\frac{2}{3}$, дуба— $\frac{1}{3}$, лиственныхъ ицы— $\frac{1}{4}$ и сосны— $\frac{1}{7}$. **

Изъ олытовъ Рислера оказывается, что если на одной и той же почвѣ растутъ молодыя растенія, органы коихъ еще не довольно развиты, и старыя растенія, въ коихъ испареніе происходитъ весьма сильно, то послѣднія вытягиваютъ влагу изъ почвы сильнѣе чѣмъ первыя, такъ что если въ почвѣ влаги будетъ недостаточно, то молодыя растенія погибаютъ, такъ какъ вмѣстѣ съ влагой старыя растенія лишаютъ ихъ и питательныхъ соковъ. Этимъ объясняется вредное вліяніе великорослыхъ растеній на растущія между ними молодыя поросли и травы. Въ той мѣрѣ какъ влага высасывается корнями, почва высыхаетъ кругомъ, а это доказываетъ что въ частицы земли непосредственно лишеныя влаги корнями постукаетъ влага изъ частицъ ее окружающихъ, и такъ продолжается до извѣстнаго предѣла, по законамъ диффузіи. ***

* Веселовскій, *О климатѣ Россіи*, стр. 311; изъ числа пятидесяти трехъ мѣстъ Европейской Россіи, приводимыхъ авторомъ, лишь въ шести мѣстахъ ежегодное количество дожда менѣе 10".

** Hartig, *Lehrbuch für Forster*, Stuttg. 1861, pgg. 316—317.

*** Biedermann, *Centralblatt für Agriculturchemie*, 1872, März; Ebermayer, *die physik. Einwirk. der Wälder auf Luft und Boden*, 1873, pgg. 263—264.

Что дѣйствительно количество влаги испаряемое растеніями громадно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и въ этомъ обстоятельствѣ многіе ищутъ подтвержденія мнѣнія о вредѣ будто бы навосимомъ лѣсомъ окружающимъ полямъ. Такъ, между прочимъ, многіе приводятъ разказы путешественниковъ по тропическимъ странамъ, изъ коихъ явствуетъ громадное количество испаряемой тамъ растеніями влаги. По словамъ Гумбольдта, испареніе густыми тропическими лѣсами у береговъ Ориноко такъ велико, что даже при жгучемъ солнечномъ освѣщеніи постоянно имѣетъ мѣсто осажденіе влаги изъ атмосферы, на подобіе мельчайшаго дождя. Буссенго разказываетъ что въ южно-американскихъ степяхъ, во время засухъ, ночное лучеиспусканіе древесныхъ растеній столь сильно, что на листьяхъ постоянно осаждается обильная роса, такъ что въ свѣтлыя ночи или при искусственномъ освѣщеніи можно видѣть какъ вода постоянно стекаетъ по стволамъ и сучьямъ деревьевъ.

Не трудно убѣдиться что сказанное явленіе не только не приложимо къ нашимъ широтамъ, но доказываетъ прямо противоположное тому что этимъ предполагалось доказать. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сравнить испареніе въ тропическихъ странахъ съ тѣмъ что происходитъ у насъ? Иная тамъ температура, иное и количество атмосферной влаги, уже не говоря о томъ, что именно громадность тропическихъ лѣсовъ и плодородность ихъ окрестностей служить доказательствомъ тому, что лѣса не истощаютъ почву. Далѣе, обратное осажденіе на листьяхъ испарившейся воды наглядно доказываетъ что, говоря объ усиленномъ испареніи древесной листвы вслѣдствіе обширной занимаемой ею поверхности, нужно обращать вниманіе и на сильное ея охлажденіе вслѣдствіе лучеиспусканія. Лѣсъ самъ готовитъ для себя тотъ излишекъ влаги который онъ долженъ терять вслѣдствіе испаренія; она и осаждается обильно на его листву и, какъ мы уже говорили, сберегается лучше лѣсною почвой и расходуется какъ на питаніе и испареніе растеній, такъ и на питаніе ключей.

Любопытно и весьма поучительно прослѣдить опыты произведенныя для измѣренія количества влаги испаряемой растеніями. Эти опыты показываютъ намъ какъ должно быть осмотрительнымъ при изслѣдованіи явленій природы. Если мы при опытѣ заставляемъ физическія силы производить

данное явленіе въ маломъ видѣ, то это должно быть при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ бываетъ въ природѣ; въ противномъ случаѣ опытъ будетъ неудаченъ и полученный отъ него результатъ можетъ подать поводъ къ совершенно неправильному заключенію. Еще больше предосторожности слѣдуетъ соблюдать въ томъ случаѣ, когда опытъ надъ извѣстнымъ явленіемъ производится въ микроскопическихъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ какъ бываетъ это въ природѣ: такъ какъ полученную числовую величину придется значительно увеличить, для полученія, на примѣръ, величины соответствующей большой площади, то повятыо что малѣйшая ошибка въ первоначально полученной нами числовой величинѣ, будучи умножена, поведетъ къ совершенно ошибочному и странному окончательному результату.

Опыты надъ испареніемъ растеній (или просто листьевъ) производились большею частію посредствомъ смачиванія находящейся въ сосудѣ земли, въ которой посажено было данное растеніе. Зная вѣсъ сосуда, земли, растенія и приливаемой жидкости, мы, посредствомъ взвѣшиванія по истеченіи извѣстнаго періода времени, узнаемъ какое количество жидкости израсходовано было растеніемъ за это время на его питаніе и на испареніе (количество испаренія землей опредѣляется предварительно). Изъ опытовъ Шюблера оказалось что почва покрытая дерномъ испаряетъ вдвое, даже втрое болѣе влаги, чѣмъ равная ей свободная поверхность жидкости; голая же почва испаряетъ въ 0,6 разъ, а лѣсъ вчетверо меньше. Лиственные деревья въ теченіи 24 часовъ испаряютъ, по Шюблеру, влаги среднимъ числомъ 50% вѣса листьевъ; по мнѣнію Шлейдена испареніе лѣса по меньшей мѣрѣ втрое превосходитъ испареніе водной поверхности. * Результатъ этотъ, какъ увидимъ ниже, во многомъ отличается отъ количества испаренія листьевъ найденнаго Пфафомъ. Изъ наблюденій Унгера въ 1861 году слѣдуетъ что испареніе свободной поверхности воды въ три раза сильнѣе, чѣмъ испареніе поверхности листьевъ той же величины; по опытамъ же Сакса—въ 2,5 до трехъ разъ **; но такъ

* Eberm. l. c. pg. 184; Krutach, *Ueber den Einfluss der Waldungen auf die Regenverhältnisse in der gemässigten Zone*, Jahrbuch der Acad. zu Tharandi, Bd. XI, 1855, pg. 125; Schleiden, *Für Baum und Wald*, 1870, pg. 46.

** *Sitzungsber. der Wiener Akad.* 1861, Bd XLIV, pg. 207; Sachs, *Handb. der Experimental-Physiologie der Pflanzen*, pg. 231. Google

какъ поверхность всѣхъ листьевъ растеній гораздо болѣе поверхности занимаемой самимъ растеніемъ (по изсѣдovanіямъ Вернера и Горена у хлѣбныхъ растеній и кормовыхъ травъ въ 30—85 разъ болѣе), то слѣдовало бы заключить что поле засѣянное этими растеніями въ 10—20 разъ болѣе испаряетъ, чѣмъ равная поверхность воды.

Наблюденія произведенныя Маріе Дави въ 1869 году (съ 20 по 28 іюля) надъ количествомъ испаренія показываютъ что поверхность покрытая дерномъ испаряетъ почти вдвое болѣе влаги чѣмъ почва голая; количество же испаренія соснового и букового дерева въ 1,2—1,3 разъ болѣе. * По опытамъ Брейтенловера покрытая травой почва испаряетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ почва непокрытая, а послѣдняя—втрое болѣе чѣмъ свободная поверхность жидкости. ** Эти результаты, хотя значительно разнятся отъ результатовъ Шюблера, но тѣмъ не менѣе показываютъ намъ что покрытая растеніями почва испаряетъ болѣе влаги чѣмъ почва голая и что стало-быть освѣщеніе предоставляемое почвѣ листвою далеко недостаточно для вознагражденія значительнаго испаренія лиственными покровомъ.

Чтобы узнать отношеніе между количествомъ выпадающей влаги и количествомъ потребнымъ для растеній, Маріе Дави на физической обсерваторіи въ Montsouris производилъ наблюденія надъ 54 пшеничными стеблями, посаженными въ землѣ содержащейся въ цинковомъ сосудѣ, куда ежедневно приливалось столько воды сколько убавлялось накануне вслѣдствіе испаренія и поглощенія. Оказалось, что на 54 стебля, доставившіе 20 колосьевъ съ 969 зернами, начиная съ конца мая до начала августа, пошло 26,6 килограммовъ воды. Чтобы выпало такое количество воды, надлежало бы ежедневно быть дождю вышиною въ 11 миллиметровъ, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ составляло бы 7 миллионныхъ килограммовъ на гектаръ (0,91 десятины), между тѣмъ какъ въ средней Европѣ въ означенный промежутокъ времени на гектаръ выпадаетъ лишь $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ миллионныхъ килограммовъ воды, стало-быть на литаніе и испареніе пшеницы идетъ влаги въ 3—5 разъ болѣе чѣмъ выпадаетъ дожда. Какъ ни поразителенъ съ пер-

* *Annuaire météorologique de l'observatoire physique centrale, pour l'an 1873, pgg. 284—287.*

** Lorenz, l. c. pg. 75.

ваго раза такой результатъ, но не трудно понять въ чемъ заключается ошибка. Дѣйствительно, если принять въ расчетъ поверхность земли занимаемую пшеничными стеблями въ цѣловомъ сосудѣ, то окажется что есабы такое же количество пшеницы уродилось на полѣ, то съ поверхности одного гектара во Франціи получалось бы 118 гектолитровъ пшеницы, между тѣмъ какъ при урожаѣ обыкновенномъ получается лишь 15—30 гектолитровъ, следовательно въ 4—8 разъ меньше чѣмъ при опытѣ Дави, а если такъ, то въ дѣйствительности пшеница требуетъ лишь отъ $\frac{5}{8}$ до $\frac{3}{4}$ количества выпадающей воды; но, какъ увидимъ посаѣ, и этотъ результатъ далеко выше дѣйствительнаго*.

На основаніи неточныхъ наблюденій и Шлейденъ полагаетъ что почва покрытая растеніями потребляетъ гораздо болѣе воды (въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 4, 5 разъ) чѣмъ то которое выпадаетъ въ видѣ дождя, снѣга и тумана. По мнѣнію Шлейдена, недостатокъ влаги восполняется поглощеніемъ содержащихся въ атмосферѣ водяныхъ паровъ. Этою способностью поглощенія, говоритъ онъ, въ весьма незначительной степени обладаютъ обыкновенныя неорганическія составныя части почвы, какъ напримѣръ камень, песокъ, известь; глина же поглощаетъ паровъ гораздо болѣе, но въ особенности же отаичается въ этомъ отношеніи легкая. Замѣтимъ, что по изслѣдованіямъ Кюола, почва посредствомъ сгущенія водяныхъ паровъ получаетъ болѣе воды чѣмъ отъ дождя, а изъ наблюденій Дюфура также оказывается что поглощаемое почвою этимъ процессомъ количество влаги весьма значительно.** Кромѣ того многія почвы имѣютъ способность въ сухое время года всасывать воду проникшую глубоко въ землю и заставляя ее подниматься снизу вверхъ вслѣдствіе капиллярности.

Для нашей цѣли особенную важность представляютъ наблюденія касательно испаренія влаги лѣсною растительностью. По опытамъ произведеннымъ Гартигомъ въ 1861 году оказывается что двадцатилѣтняя роща составленная изъ раз-

* Lorenz, l. c. pg 73. По изслѣдованіямъ Lawes, пшеница испаряетъ въ десять разъ болѣе влаги противъ собственнаго вѣса; *Zeitschr. f. Meteor.* Bd. VI. pg 178.

** Schleiden. l. c. pgg 46—47. *Landwirthschaftliche Versuchsstationen*, 1864. Bd. IV, pg 301; *Zeitschr. f. Meteorol.* Bd. VII, pg 114.

ныхъ деревьевъ лиственныхъ и хвойныхъ, числомъ 4.000 на одномъ гектарѣ, въ лѣтнее время ежедневно испаряетъ слой воды высотой въ 0,545 миллиметровъ. Принимая, по Шюблеру, испареніе водной поверхности въ это же время равнымъ 2,2 мм., оказывается что сравнительно лѣсъ испаряетъ четверо меньше чѣмъ свободная поверхность воды и въ 8—12 разъ менѣе чѣмъ лугъ—результатъ весьма близкій къ выводамъ Шюблера *. По вычисленіямъ Гартига, означенная роща въ продолженіе 180 дней потребляла слой воды въ 9,9 сантиметра; отдѣльно же на лиственные деревья приходится 13, а на хвойныя 5 сантиметровъ. Замѣчательно впрочемъ что по изслѣдованіямъ Гартига „дерево даже потерявшее листву испаряетъ весьма значительное количество влаги, что, въ свою очередь, обуславливаетъ дѣятельность корней“, между тѣмъ какъ вообще принято что испареніе дерева главнымъ образомъ происходитъ черезъ листву и что, сравнительно съ этою потерей влаги, испареніе черезъ стволъ и сучья совершенно ничтожно. Поэтому лиственные лѣса испаряютъ влагу только во время существованія лиственного покрова; хвойныя же деревья, хотя и испаряютъ влагу зимою, но это испареніе ничтожно сравнительно съ лѣтнимъ **.

По изслѣдованіямъ Фоглера, пшевица и ячмень потребляютъ гораздо болѣе влаги чѣмъ буковое дерево и лихта (четырёхлѣтняго возраста). Если количество испаренія площади поросшей лихтой обозначить черезъ 1, то, при равныхъ обстоятельствахъ, количество влаги испаряемой букомъ выразится величиною $1\frac{1}{4}$, ячменемъ—30, а пшевицей 33 (приблизительно). Кромѣ того, наблюденія Фоглера надъ почвами глинистою и известковою привели къ одинаковому результату, который впрочемъ надлежало предвидѣть; именно что почва незасыпанная испаряетъ менѣе влаги чѣмъ засыпанная ***. Замѣтимъ что отношеніе между количествомъ испаренія лихтой и букомъ довольно близко подходитъ къ результату полученному Marie Davu.

* Th. Hartig, *Lehrbuch für Förster*, 10 Aufl., 1861, pg 31.

** Colberg, *Die Bedeutung und Wichtigkeit des Waldes*, etc, 1872, pg 182.

*** Vogel, *Versuche über die Wasserverdunstung auf besätem und unbesätem Boden*. München 1867.

Весьма любопытны для насъ изслѣдованія Руслера, какъ примѣръ показывающій какъ одинъ и тотъ же наблюдатель доходить до совершенно иныхъ результатовъ, смотря по обстановкѣ его опытовъ. Изъ наблюденій сдѣланныхъ въ Salève (Швейцарія) 24—26 августа 1869 года Руслеръ вывелъ заключеніе что лѣсъ потребляетъ *болѣе* воды чѣмъ засѣянные поля и луга. Изслѣдовавъ содержаніе воды въ двухъ слояхъ почвы, лежащихъ одинъ на глубинѣ 6—8, а другой на 16—18 дюймовъ, Руслеръ нашелъ что разныя растенія высушиваютъ разные слои почвы различно, смотря по глубинѣ на которой распространяются ихъ корни. Такъ у пятилѣтняго дуба верхній почвенный слой оказался суше нижняго; напротивъ у 35—40-лѣтняго дуба, равно какъ и у 20ти-лѣтней ели оказалось обратное *. Основываясь на наблюденіяхъ доказавшихъ ему что потребление лѣсомъ атмосферной влаги болѣе чѣмъ потребление луговъ и полей, Руслеръ сомнѣвается даже чтобы лѣса могли способствовать ливанію ключей: „Деревья, говоритъ онъ, можно считать вертикальными дренажными трубами, утвержденными въ почвѣ и уводящими чрезъ свои стволы влагу въ листья, откуда она уже испаряется въ атмосферу. Къ общепринятому афоризму, по коему „лѣсъ есть родина источниковъ“, сдѣдало бы прибавить „если только онъ получаетъ притокъ воды со стороны“.

Такъ высказался Руслеръ въ 1870 году. Два года спустя онъ напечаталъ продолженіе своихъ изслѣдованій надъ испареніемъ воды разными кормовыми травами, хлѣбными и древесными растеніями. Изъ наблюденій этихъ Руслеръ вывести слѣдующее: одинъ гектаръ лѣса испаряетъ болѣе воды чѣмъ почва непокрытая растеніями, но *несравненно менѣе* чѣмъ гектаръ засѣянный кормовыми травами: луцерной, клеверомъ и травой. Лѣсъ испаряетъ менѣе половины проникшаго въ почву количества влаги; остальное остается въ почвѣ и этимъ самымъ высказывается польза лѣса. Для объясненія пользы лѣсовъ относительно регулированія водъ и устраненія наводненій нѣтъ надобности принимать что они поглощаютъ влажность изъ атмосферы или что они какимъ-либо инымъ образомъ способствуютъ осажденію нсящихся

* Stoeckhardt, *Chemischer Ackersmann*, 1870, № 3, pg. 138.

въ атмосферѣ водяныхъ паровъ въ капельножидкомъ видѣ. Лѣса не только сплетеніемъ своихъ корней предохраняютъ плодородную почву отъ увесенія ея потоками и не только замедляютъ стокъ дождевой воды, но, что главное, они выдыхаютъ менѣе влаги сравнительно съ лугомъ и полемъ *.

Приведенные нами результаты недостаточны для рѣшенія вопроса объ испареніи воды деревьями. Противъ метода уплотбленнаго изслѣдователями можно, по вашему мнѣнію, сдѣлать слѣдующія возраженія:

1) При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, количество испаряемой растеніями влаги зависитъ отъ количества оной содержащагося въ данное время въ почвѣ: чѣмъ болѣе будетъ ово тѣмъ и испаряемая влага также увеличится. А если такъ, то результаты полученные напримѣръ Дэви или Брейтеноверомъ показываютъ только какое огромное количество влаги могутъ испарять растенія, буде заимаемой ими почвѣ постоянно доставляемо будетъ обильное количество воды, а вовсе не то что происходитъ въ природѣ. Вспомнимъ что при опытахъ въ Montsouris постоянно въ почву приливалось столько воды, сколько ея испарилось накануне; наблюденія же Брейтенолора также производились надъ почвою постоянно насыщенною влажностію, покрытою травой и таковою же голою (es wurde eine auf voll imbibirten Boden vegetirende Grasdecke mit einer gleich grossen ebenfalls imbibirten nackten Bodenfläche verglichen). Это обстоятельство принято было во вниманіе при наблюденіяхъ Haberlandt'a въ Вѣнѣ; поэтому вслѣдствіи устраняемо было пресыщеніе почвы влагою, а слѣдовательно и усиленное испареніе растеніями. По этой причинѣ результаты Габерландта довольно близко подходят къ таковымъ же полученнымъ Рислеромъ: принимаемая испареніе (съ поглощеніемъ) ржи за 1, послѣдній получилъ для пшеицы 1,22, а для овса 2,13; Габерландтъ же для двухъ послѣднихъ даетъ величины 1,41 и 2,73 **. Замѣтимъ притомъ что по наблюденіямъ Габерландта испареніе (вмѣстѣ съ поглощеніемъ) пшеицы оказывается меньшимъ чѣмъ у ячменя, между тѣмъ какъ неточныя наблюденія Фогеля показываютъ обратное ***.

* Dr. Biedermann, *Centralblatt für Agriculturchemie*, 1872, März, pg 160. sqq; Eberm. l. c. pgg. 262—263.

** *Landw. Jahrbücher*, Berlin 1877, Lorenz l. c. pgg. 74—75.

*** Ebermayer, l. c. pg. 185.

2) При опытахъ Унгера, Вальяна, Пфафа, а также при пер-
выхъ опытахъ Рислера, произведенныхъ имъ въ 1869 году,
касательно испаренія растеніями, послѣднія были поставле-
ны въ совершенно другихъ условіяхъ чѣмъ это бываетъ въ
природѣ: вѣтки испытываемыхъ растеній срывались и
разность ихъ вѣса чрезъ извѣстные промежутки време-
ни указывала на количество испарившейся влаги, хотя
очевидно что это количество въ этомъ случаѣ не могло быть
одинаково съ тѣмъ какое бы испаряли эти же вѣтки, если-
бы составляли одно цѣлое съ деревомъ. Насколько ошибоч-
ны подобнаго рода опыты видно уже изъ того что изъ наблю-
деній Пфафа (въ 1870 году) оказалось, напримѣръ, что взрос-
лый дубъ, 700.000 листьевъ коего занимали каждый поверх-
ность въ 2.325 квадратныхъ миллиметровъ, въ продолженіе
времени съ 19го мая до 24го октября испарялъ будто бы 120.062
килограммовъ воды, $\$$ потому отдавалъ атмосферѣ въ $8\frac{1}{2}$
разъ болѣе влаги, чѣмъ та которая выпала на занимаемую
имъ поверхность въ это же время! Откуда же деревья берутъ
такое изумительное количество жидкости—Пфафъ оставляетъ
безъ отвѣта, видимо самъ удивляясь полученному имъ стран-
ному результату *. Вальянъ изъ подобныхъ же опытовъ вы-
водитъ что взрослый дубъ ежедневно испаряетъ 2.000 кило-
граммовъ воды, рсдствіе чего заключаетъ что деревья иссу-
шаютъ почву, а потому дѣтніе дожди мало споспобствуютъ
увеличенію вды въ рѣкахъ. Лѣсъ, говоритъ Вальянъ, обра-
зуетъ какъ бы зонтикъ для почвы, хотя во многихъ и мно-
гихъ мѣстахъ продураваенный, но тѣмъ не менѣе удержи-
вающей большое количество атмосферной влаги и препят-
ствующій ей достигнуть почвы. До тѣхъ поръ пока листья
совершенно не смочены дождемъ, послѣдній не можетъ до-
стигнуть земли, а потому слабый дождь для почвы совер-
шенно пролаждаетъ. А такъ какъ, благодаря листовенной защи-
тѣ, на лѣсной почвѣ росы тоже не образуется (?), то по-
этому, по мнѣнію Вальяна, занятая лѣсомъ почва, касательно
выпадающей изъ атмосферы влаги, поставлена въ менѣе благо-
приятныя условія, чѣмъ открытое поле. Вотъ къ какимъ опро-
метчивымъ заключеніямъ можетъ вести неточный опытъ!

* *Sitzungsbericht der Münchener Acad.* 1870 года, Bd. I; а также
Hann, *Ueber den Einfluss der Bäume auf die Feuchtigkeit der Ath-
mosphäre und des Bodens*, Zeitsch. f. Meteorol. Bd. VI, 1871 pgg. 10—12.

3) Опыты произведенныя надъ испареніемъ отдѣльными растеніями посаженными въ землю, хотя бы влажность почвы оставалась при тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ въ лѣсу, нельзя назвать точными потому что одиноко стоящее растеніе испаряетъ иное количество влаги, чѣмъ еслибы оно было защищено другими растеніями. Вспомнимъ что въ лѣсу инсоляція дѣйствуетъ гораздо меньше на растеніе; температура тамъ ниже, а относительная влажность больше, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ; притомъ же токи воздуха тамъ имѣютъ меньшее напращеніе, а потому испареніе выпавшей на листьяхъ влаги происходитъ гораздо медленнѣе. Поэтому Wollny совершенно справедливо не довѣряетъ своимъ опытамъ надъ отдѣльно-посажеными растеніями: тутъ испареніе влаги ненормальное и во всякомъ случаѣ значительнѣе, чѣмъ еслибы эти растенія защищаемы были другими вблизи ихъ свободно растущими деревьями.

4) Мы уже указали на то что малѣйшая ошибка наблюденія или вычисленія, если опытъ производится въ сравнительно весьма маломъ видѣ, будучи распространена на значительную поверхность, а потому весьма увеличена, можетъ совершенно исказить результатъ. Мы видѣли уже какъ ошибочны были заключенія Маріе Дави касательно лшеницы. Такъ точно и Шлейденъ, приложивъ результаты надъ испареніемъ, полученные Шиблеромъ въ маломъ видѣ, къ испаренію растеній съ огромною поверхностью листы, приходитъ къ заключенію что лѣсъ испаряетъ по меньшей мѣрѣ втрое болѣе чѣмъ равная ему свободная поверхность воды, а покрытая растеніями почва потребляетъ отъ четырехъ до пяти разъ болѣе влаги чѣмъ та которая выпадаетъ изъ атмосферы *. Въ другомъ случаѣ Шлейденъ допускаетъ что „лѣсъ испаряетъ въ десять разъ болѣе воды чѣмъ получаетъ изъ атмосферы и что выпадающая влага для растительности въ болыпомъ видѣ имѣетъ далеко не важное значеніе (ist für die Vegetation in Grossen von höchst untergeordneter Bedeutung). Это мнѣніе Денкельманъ справедливо считаетъ „болѣе чѣмъ гипотезой, такъ какъ результаты отдѣльныхъ, въ маломъ масштабѣ произведенныхъ опытовъ, будучи приложены къ существенно-различнымъ случаямъ, приводятъ къ весьма невѣрнымъ заключеніямъ. А что дѣйствительно атмо-

* Schleiden l. c. pg 46.

сферная влага для глубоко-вросшаго въ землю лѣса имѣетъ существенное значеніе, тому достаточнымъ доказательствомъ могутъ служить многочисленныя примѣры высыханія деревьевъ въ годы отаивающіеся сухостью, въ особенности же деревьевъ произрастающихъ на известковой и песчаной почвахъ“*.

Такимъ образомъ оказывается что бѣльшая часть опытовъ надъ испареніемъ растеній, въ особенности же деревьевъ, не заслуживаетъ довѣрія. Но кромѣ того нельзя не замѣтить односторонности въ которую впали изслѣдователи: ими улучшена была изъ виду тѣсная связь существующая между количествомъ почвенной влаги и количествомъ испареній растенійми. Опыты Ильенкова и Гельригеля показали что для нормальнаго испаренія растеніями почва не должна содержать менѣе 6% влаги (по вѣсу); въ противномъ случаѣ ростъ ослабляется, растенія бывають малорослы и сѣмянь отъ нихъ получается меньше. Но кромѣ того эти же опыты показали что растенія высасываютъ влагу изъ почвы тогда лишь, когда въ оной содержится по крайней мѣрѣ около 5% воды; если же менѣе, то растеніе перестаетъ высасывать влагу и увядаетъ. Стало-быть ростъ (а слѣдовательно лѣтаніе и испареніе) зависитъ отъ количества влаги предоставляемой растеніямъ почвою. Извѣстно также что ежегодный приростъ древесины сообразуется съ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ: лѣсоводы знаютъ что приростъ этотъ въ сырые и умеренно жаркіе годы больше, чѣмъ въ годы сухіе и жаркіе. ** Это доказываетъ что лѣсъ поглощаетъ лишь столько влаги сколько можетъ и тратитъ оную сообразуясь съ тѣмъ количествомъ которое у него заласено. Кромѣ того оказывается что при равной площади ежегодный приростъ древесины въ лѣсу почти равняется массѣ лѣбныхъ растеній ежегодно вырастающей на засѣянномъ полѣ. Такъ при хорошемъ урожаѣ пшевицы съ десятины получается около 100 лудовъ зерна и 200 лудовъ соломы, слѣдовательно всею м ассой около 300 лудовъ; ежегодный же приростъ древесной массы на одну десятину лѣса при благоприятныхъ обстоятельствахъ также около 300 лудовъ. ***

* Danckelmann, *Zeitschr. f. Forst und Jagdwesen*. 1871, Bd. III, pg. 244.

** Ebermayer l. c. pg. 182.

*** Костычевъ, *Способствуетъ ли разведеніе лѣсовъ уничтоженію засухъ; Отечественныя Записки*. 1876, № 3, Отдѣлъ II, стр. 29.

Говоря объ испареніи влаги лѣсомъ, мы должны обращать вниманіе на различіе оного отъ испаренія открытымъ полемъ. „Испареніе влаги лѣсомъ, говоритъ г. Големищевъ-Кутузовъ, гораздо постояннѣе и равномернѣе чѣмъ на поляхъ: лѣсъ до поздней осени, пока опадаетъ листь, не лишенъ способности испарять листовою; поля же, какъ хлѣбныя, такъ и сѣнокосныя, исполняютъ эту роль лишь до половины іюля, когда все скашивается и прибирается, послѣ чего поля въ рѣдкіе годы на югѣ покрываются тощею и ничтожною зеленью, а въ большинствѣ до зимы остаются желтыми. Испареніе листовою кромѣ того что постояннѣе, еще и равномернѣе въ лѣсу нежели на поляхъ, потому что листья древесная питаются изъ подпочвы, а полевая зелень вся въ зависимости отъ верхняго слоя, который то мокнетъ, то сохнетъ. Въ первомъ случаѣ полевая зелень можетъ много испарять, во второмъ страдаетъ настолько что сама готова раньше времени засохнуть; испареніе если и продолжается, то самое ничтожное. Поля въ дѣлѣ увлажненія воздуха почти кончаютъ свою роль съ половины іюля, а если край главнымъ образомъ состоитъ изъ открытыхъ площадей, то конецъ лѣта, осень и самая зима должны быть въ такой мѣстности мало влажны (конечно, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда влага навесится благопріятнымъ вѣтромъ). На самомъ дѣлѣ въ нашихъ степяхъ это оправдывается настолько что посѣвъ озимаго хлѣба, производимый осенью, считаютъ весьма ненадежнымъ вслѣдствіе сухости въ то время какъ воздуха, такъ и почвы. Озимый хлѣбъ сѣютъ въ степяхъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ, а между тѣмъ кто не согласится что озимый хлѣбъ, будь только хоть немного влаги осенью и снѣжной покрывкой зимой, способенъ давать вѣрный урожай, такъ какъ онъ уже съ весны отвѣляетъ почву и сохраняетъ влагу подъ собою. Вредъ осенней засухи въ степяхъ оказывается еще на скотѣ, который вмѣсто пищи глотаетъ пыль и нерѣдко заболѣваетъ. Степи по справедливости считаются гнѣздилищемъ скотскихъ болѣзней.“ *

* Г. Кутузовъ, *О полезномъ значеніи лѣсовъ и о мѣрамахъ сохраненія ихъ на югѣ Россіи*. Пренія и заключенія II всероссійскаго съѣзда лѣсохозяевъ въ Липецкѣ, 1875, стр. 46—47. Такой же взглядъ недавно высказанъ былъ и г. Воейковымъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, см. *Голосъ*, апрѣль, 1878, № 112.

XVIII.

„Лѣсъ не только не оказываетъ никакой пользы окрестнымъ полямъ, не только не способствуетъ питанію источниковъ; напротивъ, лѣсъ имѣетъ вредное вліяніе и на поля, и на проточныя воды, отнимая у нихъ огромное количество влаги, которое безъ него пошло бы имъ въ прокъ. Каждое дерево есть насосъ выкачивающій влагу изъ земли; какъ лійка высасываетъ оно потребныя полямъ соки, а потому ближнія къ лѣсу поля страдаютъ отъ засухи и хлѣбъ на нихъ родится плохо. Этого мало: высушивая почву, лѣсъ вмѣстѣ съ тѣмъ прелатствуетъ выпадающей атмосферной влагѣ просачиваться въ нее, благодаря лиственному своему покрову, въ особенности же благодаря улавливающимъ листьямъ, покрывающимъ лѣсную почву, поверхъ которыхъ несется дождевая вода, благодаря также древеснымъ корнямъ, до того уплотняющимъ почву что дожди не могутъ проникнуть въ землю. Какъ важно это вліяніе, видно уже изъ того что когда лѣсъ будетъ вырубленъ, то влага, не уносясь болѣе въ атмосферу, остается, и на мѣстѣ вырубленнаго лѣса почва заболачивается.“

Вотъ что говорятъ противники лѣса; по ихъ мнѣнію, лѣсъ не только не полезенъ, но положительно вреденъ, и даже покойный академикъ Бэръ отъ засухъ столь обычныхъ въ южной полосѣ Россіи искалъ единственнаго спасенія въ истребленіи громадныхъ лѣсовъ растущихъ въ сѣверной полосѣ, такъ какъ они виноваты въ томъ что холодныя и влажныя вѣтры не могутъ достигнуть нашихъ южныхъ степей!

Посмотримъ же дѣйствительно ли лѣса вредны тѣмъ что *сушатъ поля* и отнимаютъ воду у ключей.

Мы уже неоднократно говорили о вліяніи лѣса на атмосферныя осадки; мы видѣли различіе относительно влажности лѣсной почвы сравнительно съ открытымъ полемъ; доказали также что благотворное вліяніе лѣса на сохраненіе почвенной влаги всего болѣе обнаруживается именно въ лѣтнее время, когда это наиболѣе необходимо. Доводы наши основаны были на наблюденіяхъ, а не придуманы были а priori. Разсмотрѣніе какъ температуры, такъ и влажности лѣснаго воздуха и лѣсной почвы привело насъ къ тому что

лѣсъ оказываетъ весьма значительное вліяніе какъ на осажденіе атмосферной влаги, такъ и на сохраненіе оной, а потому наши читатели имѣютъ уже достаточный критерій для сужденія, насколько справедливо мнѣніе будто бы лѣсъ *сушитъ почву* и отнимаетъ у сосѣднихъ полей необходимую влагу.

Бергеръ, указывая на воздушные токи направляющіеся изъ лѣса въ поле днемъ и по обратному направленію ночью, приходитъ къ заключенію что ночью воздухъ испаряетъ влагу осѣвшую на поле и эту влагу онъ уноситъ въ лѣсъ, откуда она болѣе уже не возвращается, такъ какъ при испареніи ея въ лѣсу она встрѣчаетъ охладившуюся листву и опять осаждается въ капельно-жидкомъ видѣ. Поэтому, выводитъ Бергеръ, открытыя поля вблизи лѣса и даже на значительномъ отъ него разстояніи должны высыхать; влажность же лѣса чрезъ это увеличивается, что и обнаруживается благотворнымъ его вліяніемъ на рѣчныя и озерныя воды. Этимъ же объясняется, почему растительность у самыхъ окраинъ лѣса страдаетъ отъ сухости и почему въ Сѣверной Америкѣ, какъ свидѣтельствуютъ Дове и Дезоръ, такъ удивительно быстро высыхаетъ свѣже-испеченный хлѣбъ, обсыхаетъ и вымытое бѣлье, трескаются привезенныя изъ Европы фортелиано, а зимой на окнахъ не образуются красивыя ледяныя фигуры, похожія на растенія и цвѣты. *

Въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ мы уже подробно говорили о воздушныхъ теченіяхъ направленныхъ изъ поля въ лѣсъ и обратно, а потому считаемъ излишнимъ опять вернуться къ этому предмету. Признавая что днемъ (въ лѣтнее время) существуетъ токъ болѣе холоднаго и влажнаго воздуха направленный изъ лѣса въ поле, Бергеръ замѣчаетъ что токъ этотъ, достигнувъ поля, нагрѣвается, а потому относительная его влажность уменьшается. Но очевидно тутъ важно не процентное содержаніе заключающейся въ извѣстномъ объемѣ воздуха влаги, а количество самой влаги приносимое изъ лѣса въ поле въ продолженіе дня, когда поле всего болѣе въ этомъ нуждается, потому что днемъ оно отъ жара высыхаетъ, а лѣтомъ день гораздо продолжительнѣе ночи. Что температура лѣснаго воздуха при переходѣ днемъ въ поле увеличивается, а

* Berger, *Wald und Witterung*, Poggend. Ann. 1865, № 4, pg 546.

потому относительная его влажность уменьшается, это безспорно, но также безспорно и то что именно вслѣдствіе этого воздушнаго теченія поле охлаждается, а количество влаги покоящагося надъ нимъ столба воздуха увеличивается, а это не можетъ не способствовать увлажненію самаго поля. Въ этомъ совершенно согласны между собою и Циммерманъ, и Эбермайеръ, и Ганнъ. * Говоря о томъ, какъ способствуетъ лѣсъ осажденію водяныхъ паровъ изъ несущихся надъ нимъ облаковъ, Шумахеръ указываетъ на то что дождь никогда не ограничивается предѣлами лѣса, а всегда захватываетъ окрестныя поля, даже если лѣсъ занимаетъ незначительное пространство, такъ что относительно Германіи Шумахеръ описываетъ даже чтобы ближайшія къ лѣсу поля не получали отъ него слишкомъ уже большаго количества влаги. „Днемъ, говоритъ Эбермайеръ, болѣе холодный, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе влажный воздухъ долженъ изъ лѣса стекать въ поле.. Эти воздушныя теченія замѣчательны и въ климатическомъ отношеніи, потому что днемъ, благодаря этимъ теченіямъ, атмосфера на открытомъ полѣ до известнаго района становится влажнѣе и холоднѣе. Это благотворное вліяніе лѣса на растительность окрестныхъ полей будетъ обнаруживаться на тѣмъ болѣе пространствѣ, чѣмъ значительнѣе разность между температурой лѣса и поля.“ Изъ этихъ словъ Эбермайера слѣдуетъ заключить что чѣмъ значительнѣе площадь занимаетъ лѣсомъ, тѣмъ значительнѣе и вліяніе послѣдняго на растительность окрестныхъ полей, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Бергера, не столь важна обширность лѣса, какъ чередованіе между лѣсомъ и полемъ.

Еще менѣе мы можемъ согласиться со мнѣніемъ высказаннымъ Бергеромъ касательно сухости воздуха въ Сѣверной Америкѣ, такъ какъ причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ поглощеніи влаги лѣсомъ, а въ физическомъ свойствѣ вѣтровъ преобладающихъ въ лѣтнее и зимнее время въ Сѣверной Америкѣ, а также и въ направленіи горныхъ цѣпей. Изъ метеорологическихъ таблицъ оказывается что тамъ въ холодное время (осенью и зимой) преобладаютъ NW и NO

* Zimmermann, *Physik des Bodens*, pg. 316, sqq; Ebermayer, l. c. pgg. 111—112; Hann, *Wald und Regen*, Zeitschr. f. Meteor. Bd. II, № 6, pgg. 129—136.

холодные и сухіе вѣтры, въ теплое же время (весною и лѣтомъ) господствуютъ большею частію SW и SO, вѣтры теплыя и влажныя. Но вліяніе послѣднихъ уничтожается преградой представляемою ихъ теченію горвыми цѣлами, простирающимися въ западной части Соединенныхъ Штатовъ почти перпендикулярно ихъ направленію (Sierra Madre, отрасли Rocky Mountains, Apalaches, Alleganes) и отнимающими у нихъ присосимую вѣтрами влагу. *

Для доказательства того что хвойныя деревья оказываютъ на почву иссушающее дѣйствіе приводятъ слѣдующій фактъ: лѣсъ въ St. Amand, лежащій къ сѣверу отъ Valenciennes (Dep. du Nord) и занимающій 700 гектаровъ, представлялъ въ прежнее время группы захлѣвшихъ дубовыхъ и березовыхъ деревьевъ, отдѣленныхъ болотами, а потому мѣстность эта изобиловала бекасами. Въ 1843 году на мѣсто этихъ растений посажены были сосны, которыя принялись отлично и въ настоящее время представляютъ собою весьма красивыя деревья, служація украшеніемъ этой мѣстности. Но во время ихъ роста замѣчено было что болотистыя мѣста повысохли, бекасы болѣе не являлись, а два-три ключа, равно какъ и протекавшій по прежней роцѣ ручеекъ, вовсе исчезли. Для раскрытія причины этого явленія, близъ ключей прокопали рвы глубиной въ два метра, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выкопали ямы еще болѣе глубины. Во рвахъ не оказалось ни капли воды, но видно было что корни посаженныхъ сосенъ, а равно и прежде росшихъ дубовъ и березъ, сидѣли въ почвѣ на глубинѣ двухъ и даже болѣе метровъ. Выкопанныя ямы указали на два нижележація водяныя вѣстлица. Изъ этого вывели заключеніе что вода въ прежнее время достигавшая верхнихъ слоевъ почвы и питавшая потому ключи потеряла къ нимъ доступъ, но вопросъ въ какой

* Schmidt, *Lehrbuch der Meteorologie*, Leipzig 1860, pg. 504 (Табелле.) Указывая на вліяніе расположенія горныхъ цѣлъ касательно направленія вѣтровъ въ Европѣ, Дове говоритъ: „In Amerika aber ist die Westküste des Continents von dem östlich gelegenen Gebiete durch die mehr oder minder von Süd nach Nord laufenden Ketten der Felsgebirge getrennt; der mächtigen Wasserspiegel im Innern ungeachtet ist daher die Luft Amerika's relativ trockener.“ *Klimatologische Beiträge*, Erster Theil, 1857, pg. 17.

связи находится это съ выростаемъ сосенъ остался не разъясненнымъ. *

Фактъ этотъ (единственный впрочемъ полавшійся намъ среди многочисленныхъ лежащихъ предъ нами источниковъ), доказывающій повидимому что хвойныя деревья сушатъ землю, можетъ быть объясняемъ просто тѣмъ что подземная вода въ прежнее время съ бѣльшею легкостію могла подниматься на поверхность почвы, а потому могла лить каючи, ручей и образовать болота; но именно вслѣдствіе излишняго количества влаги прежняя растительность была чахлая; когда же вслѣдствіе какихъ-либо причинъ сообщеніе подземной воды съ наружною поверхностью почвы прекратилось, то исчезли каючи, прекратилось теченіе и ручья, исчезло и болото. Явленіе это могло случайно совпасть съ посадкой сосенъ, которыя, во время своего роста (какъ сказано выше), едва ли были бы въ состояніи, вслѣдствіе бѣльшого испаренія влаги сравнительно съ таковымъ же дубовъ и березъ, одновременно лишить воды каючи, ручей и болота. Вспомнимъ притомъ что, по изслѣдованіямъ Гартига, количества воды потребныя для дуба, березы и сосны (Wasserbedarf) относятся между собою какъ 7:14:3. Недавно умершій вюртембергскій главный лѣсничій Дитлевъ также сомнѣвается въ томъ чтобы хвойныя деревья оказывали на почву дѣйствіе противоположное лиственнымъ деревьямъ, хотя и увѣряютъ что на юго-западномъ берегу Франціи многія озера и болота были осушены посредствомъ насажденія сосенъ. **

Vallès, въ доказательство вреднаго вліянія лѣса на почву, приводитъ уплотненіе лѣсной почвы корнями деревьевъ; уплотненіе это, по его мнѣнію, препятствуетъ влагѣ проникать глубоко въ землю, а потому лѣсъ не только не служитъ предохраненіемъ отъ наводненій, а напротивъ способствуетъ имъ. *** Наблюденія же показываютъ иное: по изслѣдованіямъ Адольфа Броньяра, корни растений въ значительной степени увеличиваютъ проицаемость почвы для влаги, и съ этимъ вполнѣ согласенъ и Беккерель; по мнѣнію послѣдняго, влага падающая на лѣсную почву по наружной поверхности древесныхъ корней проникаетъ глубоко въ землю и

* Löffelholz-Colberg, l. c. pg. 130.

** Ibid. pg. 131.

*** Vallès, *Nouvelles études sur les inondations*, pg. 45.

скопляется въ ея разсѣлинахъ. * То же самое допускать и Маршъ: по его мнѣнію корни деревьевъ, глубоко проникая подъ верхній слой почвы, открываютъ туда путь влагѣ и такимъ образомъ осушаютъ верхній слой и удаляютъ влагу такъ глубоко отъ поверхности что она не подвергается процессу испаренія. „Что касается до вліянія корней на стокъ воды съ поверхности, говоритъ Маршъ, то я считаю несомнѣннымъ, что ихъ вліяніе не ограничивается только тѣмъ что они сами всасываютъ въ себя воду, но, кромѣ того, они механически содѣйствуютъ водѣ просачиваться внутрь земли. Мало этого: они не только служатъ проводниками для стока воды въ низшіе слои, но, проникая въ разсѣлины камней, по мѣрѣ своего роста, расширяютъ ихъ, а такъ какъ разсѣлины составляютъ отверстіе продольное, то малѣйшее ихъ расширеніе, даже на одну только линію, можетъ предоставлять водѣ новую вмѣстимость въ цѣлый кубическій футъ“ **.

Наблюденія Шюблера, Гартига, Фоглера и Рислера, какъ мы уже видѣли, показываютъ что площадь занятая подъ лѣсъ *испаряетъ меньше влаги* чѣмъ равная ей площадь засѣянная травами или хлѣбными растеніями. Если съ полученными ими числовыми данными, по изложеннымъ нами причинамъ, и нельзя согласиться, если даже и самые опыты надъ погашеніемъ и испареніемъ деревьевъ никогда не приведутъ насъ къ совершенно вѣрному результату, то, по крайней мѣрѣ, и теперь уже почти достоверно можно сказать что *лѣсъ если не меньше, то и не больше потребляетъ почвенной влаги, чѣмъ корложныя травы и хлѣбныя растенія*, а потому мнѣніе, будто бы лѣсъ иссушаетъ почву, слѣдуетъ считать недоказаннымъ. Если опыты Рислера показали что въ лѣтніе мѣсяцы почва занятая подъ дубомъ и елью, на той глубинѣ гдѣ простираются корни этихъ растеній, суше сравнительно съ почвой незасѣяною или занятою хлѣбами, то не слѣдуетъ забывать, что эта разность не въ пользу лѣса лишь временная (допуская что наблюденія Рислера безусловно вѣрны и для иныхъ мѣстностей) и что лѣсъ въ холодное время года самъ приготовляетъ для себя то количество влаги

* „Les racines des plantes et des arbres, en divisant la terre, facilitent la filtration et l'écoulement des eaux“. Becquerel, *Des climats* etc, 1853, pg. 275.

** Маршъ, *Человѣкъ и природа*, перев. Невѣдомскаго, ppg 241—242.

которое потребно для него въ лѣтнее время. Мы уже видѣли какъ много по отношенію къ поглощенію и расходованію воды происшедшей отъ таенія снѣговъ лѣсная почва отличается отъ открытаго поля.

Вотъ что показываютъ намъ наблюденія; но и простаго разсужденія достаточно чтобъ убѣдиться что лѣсъ вреднаго вліянія на почвенную влажность имѣть не можетъ. Если лѣсъ дѣйствительно высушиваетъ почву, то вблизи лѣса поля должны быть менѣе плодородны чѣмъ въ удаленіи отъ него и чѣмъ гуще лѣсъ и чѣмъ древесная масса больше, тѣмъ замѣтнѣе должно быть это явленіе. Въ многочисленныхъ лежащихъ предъ нами источникахъ мы встрѣчали множество фактовъ доказывающихъ что по мѣрѣ вырубки лѣсовъ плодородіе почвы уменьшается именно вслѣдствіе увеличившейся сухости; но мы не встрѣтили ни одного примѣра который показалъ бы противное, то-есть что именно истребленіе лѣса подѣйствовало благотворно на окрестныя поля, увеличивъ ихъ влажность; намъ также неизвѣстно ни одного примѣра, гдѣ бы большой лѣсъ дѣйствовалъ на близъ лежація поля вреднѣе лѣса незначительнаго по древесной массѣ. Наконецъ спросимъ себя: какъ можетъ лѣсъ достигнуть громадныхъ размѣровъ, если онъ такъ истощаетъ почву? Если на данной площади количество выпадающихъ ежегодно атмосферныхъ осадковъ не увеличивается (чему нѣтъ причинъ и нѣтъ примѣровъ, а напротивъ—есть факты какъ бы доказывающіе противное); если по мѣрѣ увеличенія древесной массы потребное для нея количество влаги несомнѣнно также возрастаетъ и почва должна болѣе и болѣе истощаться,—какъ ловимать что при такой неблагоприятной, съ года въ годъ ухудшающейся обстановкѣ, лѣсъ продолжаетъ расти, древесная его масса увеличивается и растительность съ теченіемъ времени все становится роскошнѣе? Не служить ли это доказательствомъ что лѣсъ въ самомъ себѣ заключаетъ факторъ постоянно способствующій увеличенію влаги и поддерживающій равновѣсіе между расходомъ ея и приходомъ? Лѣсъ не только не иссушиваетъ полей, но оказываетъ на нихъ благотворное вліяніе своею влагой, которая привозится изъ лѣса воздушными теченіями или же подземнымъ всасываніемъ. Какъ далеко простирается это вліяніе, мы въ настоящее время сказать не можемъ, хотя изъ наблю-

деней сдѣланныхъ въ Германіи и можно заключить что лѣсъ оказываетъ вліяніе на увеличеніе влажности полей на районѣ приблизительно равномъ третьей долѣ занимаемой лѣсомъ площади. По всѣмъ же вѣроятностямъ вліяніе это простирается на бѣльшее пространство, въ особенности въ случаѣ большихъ лѣсовъ.

XIX.

Дѣйствительно ли расходованіе лѣсомъ влаги столь велико что вырубка его сопровождается *заболачиваніемъ* находившагося подъ нимъ пространства, потому именно что влага, прежде поглощавшаяся древесною массой и уносившаяся бывало въ газообразномъ видѣ, остается послѣ вырубки лѣса на полѣ, причиняя избытокъ воды?

Уже самый фактъ заболачиванія, очевидно, предполагаетъ что на томъ мѣстѣ гдѣ прежде произрасталъ лѣсъ имѣлся *избытокъ* влаги, прежде нами незамѣченный, потому что онъ расходовался лѣсомъ. Если же въ данномъ мѣстѣ избытка воды не было и лѣсъ питался лишь влагой извлекаемою имъ изъ земли (черезъ что послѣдняя будто бы иссушивалась), то ясно что (по этой теоріи) и послѣ вырубки лѣса заболачиванія не должно быть, такъ какъ не усматривается причины почему вдругъ обнаружится избытку влага и образоваться болоту. Стало-быть, если дѣйствительно вырубка лѣса имѣетъ слѣдствіемъ заболачиваніе, то это случается далеко не всегда и не вездѣ. Посмотримъ же теперь въ какой мѣрѣ тутъ участвуетъ лѣсъ или, точнѣе сказать, громадность потребляемой имъ влаги, вслѣдствіе чего по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, наносится такой существенный ущербъ окрестнымъ полямъ.

Почва покрытая лѣсомъ можетъ быть или легко провидаема для влаги и покоиться на подпочвѣ не пропускающей воды, или же сама почва можетъ быть непроницаема для воды. Въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ корни деревьевъ извлекаютъ влагу изъ глубже лежащихъ слоевъ земли, то, благодаря этому обстоятельству, а также отъѣвненію верхней почвы листвою и малому испаренію влаги, въ лѣсу можетъ образоваться болото, которое послѣ вырубки его можетъ

исчезнуть; оно еще быстрее исчезнетъ, если на этомъ мѣстѣ насажены будутъ растенія корни которыхъ залегаютъ лишь въ поверхностномъ слое почвы и отсюда получаютъ потребную влагу. Въ этомъ случаѣ вырубка лѣса не повлечетъ за собою заболачиванія, а напротивъ будетъ способствовать осушенію почвы.

Если же лѣсная почва состоитъ изъ веществъ легко пропускающихъ влагу и притомъ покоится на непроницаемомъ слое, то могутъ быть два случая: если лѣсная почва не горизонтальна, а представляетъ уклонъ въ какую-либо сторону, то атмосферные осадки, просочившіеся чрезъ верхній слой и достигшіе непроницаемаго слоя, стекутъ по поверхности посядьяго до низменности и тамъ при удобномъ случаѣ лягутся наружу въ видѣ ключа. Въ этомъ случаѣ древесные корни получаютъ достаточно влаги снизу вслѣдствіе капиллярности, а потому вырубка лѣса едвали будетъ имѣть слѣдствіемъ заболачиваніе почвы. Если же непроницаемая подпочва не только горизонтальна, но еще представляетъ вогнутую поверхность на подобіе чаши, то вода, собираясь въ этомъ подземномъ бассейнѣ, все болѣе и болѣе подъ конецъ просочится вверхъ и можетъ образовать болота. Но и въ этомъ случаѣ необходимо чтобы количество ежегодно выпадающей на этотъ бассейнъ воды было болѣе того количества которое теряется вслѣдствіе испаренія и поглощенія растеніями. Поэтому въ южныхъ странахъ подобное заболачиваніе случается чрезвычайно рѣдко. Кромѣ того очевидно что вырубка лѣса растущаго на подобной почвѣ не всегда поведетъ къ ея заболачиванію; послѣдняго не воспослѣдуетъ, если количество потребляемой лѣсомъ воды меньше чѣмъ то количество которое испаряется на этомъ бассейнѣ вслѣдствіе свободнаго къ нему доступа солнечныхъ лучей и вѣтра. Если подножіе горъ заросшихъ лѣсомъ состоитъ изъ почвы непроницаемой для воды, то обезлѣсеніе горъ будетъ имѣть слѣдствіемъ заболачиваніе этого подножія, потому именно что атмосферные осадки, не задерживаясь лѣсомъ на высотѣ горы, стремятся книзу и тамъ заболачиваютъ почву. Примѣръ послѣдняго можно видѣть въ знаменитыхъ Понтійскихъ болотахъ: извѣстно что на занимаемой ими площади никогда не произрастала лѣсъ, а образовались они вслѣдствіе вырубки лѣса на Аппенинскихъ горахъ.

Изъ сказаннаго ясно что между заболачиваніемъ и обезлѣсеніемъ нѣтъ непосредственнаго соотношенія, а что главную роль играетъ тутъ свойство почвы. Можно привести множество примѣровъ доказывающихъ это, но достаточно указать на болота Скандинавіи, Финляндіи, Оловецкой и Архангельской губерніи, Шварцвальда, Тироля, Гарца, Лабрадора, Канады и другія. Въ означенныхъ мѣстахъ повсюду торфяныя болота лежатъ или на глинахъ и глинистыхъ сланцахъ, или же на породахъ первозданныхъ, для воды непроницаемыхъ. Профессоръ Бекетовъ указываетъ на тотъ интересный фактъ, что въ южной Россіи истребленіе лѣсовъ рѣшительно сушитъ почву; на сѣверѣ же, на примѣръ въ С.-Петербургской губерніи, оно способствуетъ часто распространенію болотъ.* Сказанное нами выше подтверждаетъ и Эбермайеръ: „многочисленные опыты, говоритъ онъ, показываютъ что послѣ сплошной вырубки лѣса или же вслѣдствіе обезлѣсенія почва богатая глиной (thonreicher Boden) дѣлается сырѣе и мало-по-малу заболачивается, но снова осушается по мѣрѣ произрастанія новыхъ растеній. Лѣсъ не только отнимаетъ влагу у почвы, но послѣдняя вслѣдствіе обезлѣсенія становится плотнѣе.“**

Шлейденъ, для доказательства происхожденія болотъ вслѣдствіе вырубки лѣсовъ, приводитъ свидѣтельство Тацита объ одномъ германскомъ большомъ торфяномъ болотѣ (Burganger Moor), на мѣстѣ котораго во время этого историка находилась лѣсъ, между тѣмъ какъ теперь мѣсто это совершенно безлѣсно. Далѣе Шлейденъ указываетъ на болота въ Моравіи, Баваріи и Франціи въ коихъ попадаются корни, древесные стволы и сучья, явно указывающіе на существованіе прежде въ этихъ мѣстахъ лѣсовъ; кромѣ того на послѣднее обстоятельство указываютъ самыя прозвища окрестныхъ селъ и мѣстечекъ. Кромѣ того изслѣдованія Креднера свидѣлствуютъ о томъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи болота произошли вслѣдствіе населенія прежнихъ лѣсовъ бобрами. Послѣдніе, какъ оказывается, неоднократно даже заруживали рѣки посредствомъ отгрызенныхъ ими сучьевъ и

* Докучаевъ, По вопросу объ осушеніи болотъ, Отеч. Зап. Т. ССХХII, отд. I, стр. 58, 59, 72.

** Ebermaeyer, l. c. pg. 181.

древесныхъ стволовъ, вслѣдствіе чего почва заболачивалась; а что дѣйствительно еще въ историческія времена тутъ хозяйничали бобры, свидѣлствуютъ и названія окрестностей, напримеръ *Viberbrück, Biberbach, Viberegg*. * Приводимыя Шлейденомъ доказательства, по нашему мнѣнію, не выдерживаютъ критики: правда что Тацитъ говорить о лѣсѣ, на мѣстѣ коего теперь мы видимъ болото; но дѣло въ томъ, что и въ то время, по словамъ же великаго историка, лѣсъ этотъ былъ болотистый и, стало-быть, почва уже тогда страдала отъ избытка влажности. Касательно другихъ заболоченныхъ мѣстностей Шлейденъ не приводитъ доказательства чтобы тамъ до истребленія лѣсовъ болото вовсе не было, а предполагаетъ что появились они вслѣдствіе обезлѣсенія. Что же касается остроумныхъ изслѣдованій Креднера, то и они, какъ доказательства заболачиванія, приводимы быть не могутъ: извѣстно что бобры охотно селятся около болотъ и озеръ находящихся въ лѣсахъ; стало-быть почва въ окрестностяхъ *Viberbrück, Biberbach* и проч. еще во время существованія лѣсовъ была болотиста или по крайней мѣрѣ изобиловала влагой, послѣ чего понятно что залуживаніе рѣки бобрами и остатки обгрызенныхъ ими для своихъ построекъ вѣтвей, стволовъ и проч., жадно поглощающихъ влагу, конечно не мало способствовали окончателъному заболачиванію. Поэтому въ приведенныхъ Шлейденомъ фактахъ мы не усматриваемъ прямого соотношенія между истребленіемъ лѣса и заболачиваніемъ почвы, какъ причины къ слѣдствію. Последнее совершенно основательно отвергаетъ и г. Воейковъ: „Если дѣйствительно лѣсъ и болото исключаютъ другъ друга, говорить оны, то почему мы видимъ столько болотъ въ сѣверной Россіи, притомъ на перевалахъ, гдѣ нѣтъ притока со стороны, а вода застаивается на мѣстѣ? Мы видимъ, что гдѣ кончается лѣсная полоса, тамъ кончаются и болота, по крайней мѣрѣ обширныя болота. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи болота существуютъ только тамъ, гдѣ подпочва непроницаема для воды и есть притокъ ея со стороны. Слѣдовательно, существо-

* *Schleiden*, l. c. pgg. 66—70; *Mördlinger* также полагаетъ обезлѣсеніе какъ причину заболачиванія, но никакихъ доказательствъ не приводитъ, см. *Kritische Blätter f. Forst-und Jagdwiss.*, Bd. 44, 1862, pg. 172.

ваніе болотъ въ сѣверной Россіи доказываетъ что тамъ испареніе менѣе чѣмъ количество выпадающей влаги, иначе даже при непроницаемой для воды почвѣ или подпочвѣ не можетъ быть болота, есаи нѣтъ притока со стороны. Напримѣръ, на крайнемъ юго-востокѣ, въ Арамо-Каспійскихъ степяхъ, гдѣ есть множество котловинъ безъ стока, съ непроницаемою глинистою почвой, однако не образуется болотъ, а большая часть этихъ котловинъ высыхаетъ лѣтомъ и наполняется водою на короткое время, послѣ сильныхъ дождей и таянія снѣга. Поэтому я признаю вліяніе лѣса на осушеніе болотъ главнымъ образомъ вслѣдствіе разрушенія корнями деревьевъ почвы и подпочвы. * Пуркинѣе также полагаетъ что болота образуются лишь въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ прежде были ключи, а докторъ Грѣбе на сѣвдѣ лѣсныхъ въ Эйзенбахѣ, бывшемъ въ 1876 году, приводитъ фактъ, что лѣтъ 200 тому назадъ окрестности этого города были лѣсистыя, самая жедолоина гдѣ онъ находится была обширнымъ болотомъ. Стало-быть лѣсъ не оказывалъ на почву иссушающаго дѣйствія, а истребленіе его не повлекло за собою заболачиванія почвы. **

Много доводовъ говорятъ въ пользу положенія, что истребленіе лѣса въ огромномъ большинствѣ случаевъ не обуславливаетъ заболачиванія почвы. Въ послѣдней главѣ мы уже видѣли что корни деревьевъ разрушаютъ почву, а потому облегчаютъ водѣ доступъ къ болѣе глубокимъ земнымъ слоямъ. „Относительно вліянія на стокъ воды съ поверхности, говоритъ D' Hericourt, корни растеній представляютъ совершенную аналогію съ тѣмъ способомъ для осушки полей который съ успѣхомъ употребляется въ Голландіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великобританіи. Способъ этотъ состоитъ

* Воейковъ, 1. с. *Голосъ*, апр. 1878, № 112.

** *Bericht über die V. Versammlung deutscher Forstmänner in Eisenach*, Berl. 1877, pgg. 118, 126.—Этого же мнѣнія держится и Бергеръ. Опровергая мнѣніе высказанное Нёрдлингеромъ касательно заболачиванія почвы вслѣдствіе лѣсоистребленія, онъ заключаетъ: „Die Erklärung von Nördlinger, dass nämlich die Kronen und Wurzeln der Bäume die Feuchtigkeit aufsaugen, ist, wie mir scheint, nicht zulässig; denn nach dieser müsste die Versauerung bei Blosslegung weit ausgedehnter Strecken, wobei alsdann die saugende Kraft der Bäume wegen der grösseren Entfernung nicht mehr wirken kann in viel grösserem Maasse stattfinden, was doch nicht der Fall seyn dürfte.“ Berger, 1. c. pg. 551.

въ томъ, что на пространствѣ одного гектара вколачиваютъ три или четыре тысячи кольевъ, по которымъ вода стекаетъ въ почву. Подобное осушеніе полей посредствомъ перпендикулярнаго спуска даетъ не менѣе хорошіе результаты, чѣмъ осушеніе посредствомъ горизонтальнаго спуска* *. Исторія неоднократно повѣствуетъ намъ что Европа въ прежнее время покрыта была лѣсами, но вмѣстѣ съ тѣмъ почва ея была болотистая и каиматъ былъ холодный и сырой, такъ свидѣтельствуется между прочимъ Тацитъ о Германіи. Послѣ же истребленія лѣсовъ, почва обсохла вслѣдствіе инсоляціи, повышенія температуры, усиленія испаренія и свободнаго доступа воздушныхъ теченій. Если послѣ вырубкі лѣса на мѣстѣ имъ занимаемомъ является болото, то въ иныхъ случаяхъ тому причиною вовсе не вырубка. Въ лѣсу существуютъ многія трясины и болота, которыя по причинѣ труднаго къ нимъ доступа въ лѣсу и темноты для насъ вовсе непримѣтны, но становятся видимыми, какъ скоро почва будетъ обнажена. Наконецъ, при вырубкѣ лѣса, по оплошности и нерадѣнію рабочихъ, много отрубковъ и вѣтвей обыкновенно остаются на мѣстѣ рубки и тамъ сгивають, претятствуютъ испаренію воды и вслѣдствіе своей гигроскопичности служатъ удобнымъ мѣстомъ укорененія и разрастанія мховъ, вслѣдствіе чего образуется моховое болото. На это обстоятельство обращено было вниманіе г. Турскимъ и Кнорре на сѣздѣ лѣсохозяевъ бывшемъ въ Лилецкѣ въ 1874 году. Г. Кнорре наблюдалъ подобное явленіе въ Швейцаріи и въ одной мѣстности въ Россіи, гдѣ велось весьма небрежное хозяйство: пользовались лѣсомъ неумѣренно, а вершины и сучья всѣ оставались при рубкѣ. Эти вершины гнили и мѣшали испаренію воды. Вслѣдствіе этого, по истеченіи десяти лѣтъ, на этомъ мѣстѣ, бывшемъ совершенно сухимъ, появилось моховое болото. По мнѣнію г. Кнорре, явленіе это обуславливается тѣмъ, что въ мѣстахъ гдѣ слой почвы непроницаемъ и гдѣ мѣстность состоитъ изъ скаловъ и котловинъ, вода задерживается при такой вырубкѣ лѣса и испаренію мѣшаетъ валежникъ. По наблюденіямъ г. Симатко, бѣлая часть болотъ Петербургской губерніи произошла такимъ же образомъ **. На это, повидимому, указываютъ и болота въ

* D' Hericourt *Annales Forestières*, 1857, pg. 312.

** *Пренія и заключенія втораго всероссійскаго сѣзда лѣсохозяевъ въ городѣ Лилецкѣ* С.-Пб. 1875 года, стр. 63.

Англіи, хотя! происхожденіе послѣднихъ Лейель склоненъ приписать вырубкѣ лѣсовъ. Указывая на то что въ Абердинѣ, Россширѣ, въ Дамфриширѣ и другихъ мѣстностяхъ площади бывшихъ тамъ прежде лѣсовъ въ настоящее время занимаютъ торфянистыя болота, Лейель говоритъ: „Такія измѣненія произошли отъ улавшихъ деревьевъ и отъ стоячей воды, причиненной тѣмъ что стволы деревьевъ и вѣтви преградили стокъ атмосфернымъ водамъ и положили начало образованію болота. Въ тепломъ климатѣ такой улавшій лѣсъ былъ бы немедленно устраненъ насекомыми или гниеніемъ; но при холодной температурѣ, господствующей теперь въ нашихъ широтахъ, извѣстно много примѣровъ образованія болотъ возникшихъ изъ этого источника“ **.

Беккерель, перечисляя всѣ случаи когда могутъ образоваться болота, не только не относитъ къ нимъ истребленія лѣсовъ, но, напротивъ, подробно разсматривая происхожденіе болотныхъ мѣстъ во Франціи (какъ на примѣръ: Sologne, Brenne, Bresse, Dombes и другія) указываетъ каждый разъ что образованіе болотъ обуславливалось непроницаемою для воды подпочвой. Послѣ вырубкі лѣсовъ, жители, пользуясь свойствомъ почвы, выкапывали озера для рыбной ловли, приносящей болѣе дохода, чѣмъ овощи; въ большей же части случаевъ образовались болота, оказавшія весьма вредное дѣйствіе въ гигиеническомъ отношеніи, пока, благодаря правительственнымъ мѣрамъ, они не были высушены. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, говоритъ Беккерель, истребленіе лѣсовъ и прокалываніе прудовъ достигло совершенной мономаніи; прудомъ пользовались для ловли рыбы два года, на третій годъ мѣсто это засѣвалось овсомъ. А между тѣмъ гигиеническія условія сдѣлались до такой степени неблагоприятными, что наконецъ обратили на себя вниманіе правительства. Въ 1839 году наряжена была особая коммиссія для изслѣдованія причины крайне нездороваго климата въ Bresse и Dombes (Depart. de l'Ain). Большинство допрошенныхъ лицъ указало на пруды, на свойство почвы легко заболочивающейся, а также на множество болотъ и трясинъ **. Во всѣхъ при-

* Основанія геологіи Лейеля, перев. А. Мура ч. II, стр. 448—449.

** Becquerel, *des climats et de l'influence qu'exercent les sols boisés et non boisés* 1853, pgg, 269—278.

водимыхъ Беккерелемъ примѣрахъ не встрѣчаемъ ни одного гдѣ бы истребленіе лѣсовъ обуславливало заболачиваніе почвы единственно вслѣдствіе уменьшенія испаренія и расхода влаги, потребной для питанія растеній.

Сказанное считаемъ достаточнымъ чтобъ убѣдиться въ неосновательности мнѣнія, приписывающаго заболачиваніе почвы истребленію лѣсовъ; все доказываетъ намъ что послѣднее, въ большинствѣ случаевъ, означеннаго явленія не производить.

(До слѣдующаго №)

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

КНИГА ОСЬМАЯ

М И Т Я

І Кузьма Самсоновъ.

А Дмитрій Федоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую жизнь, „велѣла“ передать свой послѣдній привѣтъ и заказала помнитъ на вѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не вѣдая о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи и хлопотахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невообразимомъ состояніи что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ не могъ разыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ же день не могъ устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квартирки въ которой онъ квартировалъ скрыли по его приказу сады его. Онъ же въ эти два дня буквально метался во всѣ стороны, „борясь со своею судьбой и спасая себя“, какъ онъ самъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слеталъ по одному горя-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5, 8 и 9.

чему дѣлу вонъ изъ города, несмотря на то что страшно было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку, безъ глаза надъ нею. Все это въ послѣдствіи выяснилось въ самомъ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы намѣтимъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ ужасныхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшной катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его.

Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, это правда, но и мучила же его въ то же время иной разъ дѣйствительно жестоко и безлощадно. Главное въ томъ что ничего-то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить же лаской или силой не было тоже возможности: не даясь бы ни за что, а только бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе, это онъ ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма вѣрно что она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то необычайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все рѣшиться не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ, замирая сердцемъ, что минутами она должна была просто ненавидѣть его съ его страстью. Такъ можетъ-быть и было, но объ чемъ именно тосковала Грушенька, того онъ все-таки не понималъ. Собственно для него весь вопросъ его мучившій складывался лишь въ два опредѣленія: „или онъ, Митя, или Федоръ Павловичъ“. Тутъ кстати нужно обозначить одинъ твердый фактъ: онъ вполнѣ былъ увѣренъ что Федоръ Павловичъ непременно предложитъ (если ужъ не предложилъ) Грушенькѣ законный бракъ, и не вѣрилъ ни минуты что старшій сластолюбецъ надѣется отдѣлаться лишь тремя тчасами. Это вывелъ Митя зная Грушеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло казаться временами что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость происходитъ тоже лишь отъ того что она не знаетъ кого изъ нихъ выбрать и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ же возвращеніи „офицера“, то-есть того роковаго чедовѣка въ жизни Грушеньки, прибытія котораго она ждала съ такимъ водненіемъ и страхомъ, онъ, странно это, въ тѣ дни даже и не думалъ думать. Правда что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни очень молчала. Однако ему было вполнѣ извѣстно отъ нея же самой о письмѣ полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого бывшего ея ободѣстителя, было извѣстно

отчасти и содержаніе письма. Тогда въ одну злою минутку Грушенька ему это письмо показала, но къ ея удивленію письму этому онъ не придавалъ почти никакой цѣны. И очень было бы трудно объяснить почему: можетъ-быть просто потому что самъ, фгветенный всѣмъ безобразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ за эту женщину, онъ уже и предположить не могъ для себя ничего страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ въ то время. Жениху же вдругъ выскочившему откуда-то послѣ лютальнаго исчезновенія онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому что тотъ скоро прійдетъ. Да и въ самомъ этомъ первомъ письмѣ „офицера“, которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ этого новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было очень туманное, очень высокопарное и наполнено лишь чувствительностью. Надо замѣтить что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ него послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣсколько опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому же Митенька вспоминалъ потомъ что въ ту минуту уловилъ какъ бы нѣкоторое невольное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири въ лицѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ уже ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало-по-малу онъ совсѣмъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ что чтѣ бы тамъ ни вышло и какъ бы дѣло ни обернулось, а надвигавшаяся окончательная ошибка его съ Федоромъ Павловичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего другаго. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Грушеньки и все вѣрилъ что оно произойдетъ какъ бы внезапно, по вдохновенію. Вдругъ она скажетъ ему: „Возьми меня, я на вѣки твоя“—и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край свѣта тотчасъ же. О, тотчасъ же увезетъ какъ можно, какъ можно дальше, если не на край свѣта, то куда-нибудь на край Россіи, женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ чтобъ ужъ никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ и нигдѣ. Тогда, о тогда начнется тотчасъ же совсѣмъ новая жизнь! Объ этой другой, обновленной и уже „добродѣтельной“ жизни („непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной“) онъ мечталъ поминутно и изстуженно. Онъ ждалъ этого воскресенія и обновленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своею волей, сласшкомъ тяготилъ его

и онъ, какъ и очень многіе въ такихъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только бы не эти люди, только бы не эти обстоятельства, только бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста и—все возродится, пойдетъ по новому! Вотъ во что онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, счастливаго рѣшенія вопроса. Было и другое рѣшеніе, представлялася и другая, но ужасный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: „ступай, я порѣшила сейчасъ съ Федоромъ Павловичемъ и выхожу за него замужъ, а тебя не надо“—и тогда... но тогда... Митя впрочемъ не зналъ что будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу не зналъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣленныхъ у него не было, преступленіе обдуманно не было. Онъ только сѣдѣлъ, шпіонилъ и мучился, но готовился все-таки лишь къ первому счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ всякую другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая мука, вставало одно совсѣмъ новое и постороннее, но тоже роковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ если она скажетъ ему: „я твоя, увези меня“, то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то средства, деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ до сихъ поръ не прерывавшіяся въ продолженіе столькихъ лѣтъ его доходы отъ подачекъ Федора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалась страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ ней новую жизнь на свои средства, а не на ея; онъ вообразить даже не могъ что возьметъ у нея ея деньги и страдалъ отъ этой мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь здѣсь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю: таковъ былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это происходить косвенно и какъ бы бессознательно даже отъ тайныхъ мукъ его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины Ивановны: „предъ одной подлець и предъ другой тотчасъ же выйду опять подлець“, думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ признавался; „да Грушенька коли узнаетъ, такъ и сама не захочетъ такого подлеца“. Итакъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадаетъ и ничего не состоится, „и единственно потому что не хватило денегъ, о позоръ!“

Забываю впередъ: то-то и есть что онъ можетъ-быть и зналъ гдѣ достать эти деньги, зналъ можетъ-быть гдѣ и

лежать онѣ. Подробности на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ все объяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда, и хотя не ясно, но я это выскажу; чтобы взять эти лежація гдѣ-то средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было предварительно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ—иначе „я карманный воръ, я подлецъ, а новую жизнь я не хочу начинать подлецомъ“, рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ перевернуть весь міръ, если надо, но непременно эти три тысячи отдать Катеринѣ Ивановнѣ во что бы то ни стало и *прежде всего*. Окончательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ такъ—сказать въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ послѣдняго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вечеромъ, на дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катерину Ивановну, а Митя, выслушавъ разказъ о томъ отъ Алеши, сознался что онъ подлецъ и велѣлъ передать это Катеринѣ Ивановнѣ, „если это можетъ сколько-нибудь ее облегчить“. Тогда же, въ ту ночь, разставшася съ братомъ, почувствовалъ онъ въ изступленіи своемъ что лучше ему даже „убить и ограбить кого-нибудь, но долгъ Катѣ возвратить“. „Пусть ужъ лучше я предъ тѣмъ, убитымъ и ограбленнымъ—убійцей и воромъ выйду и предъ всѣми людьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ будетъ сказать что я ей измѣнилъ и у нея же деньги укралъ, и на ея же деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную жизнь начинать! Этого не могу!“ Такъ со скрежетомъ зубовъ изрекъ Митя и дѣйствительно могъ представлять себѣ временами что кончитъ воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...

Странное дѣло: казалось бы что тутъ при такомъ рѣшеніи, кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось; ибо гдѣ взять вдругъ такія деньги, да еще такому голышу какъ онъ? А между тѣмъ онъ до конца все то время надѣялся что достанетъ эти три тысячи, что онѣ придутъ, саятять къ нему какъ-нибудь сами, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ тѣми которые, какъ и Дмитрій Федоровичъ, всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ какъ добываются деньги не имѣютъ никакаго понятія. Самый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его сейчасъ послѣ того какъ онъ третьяго дня разстался съ Алешей и спуталъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло что началъ онъ съ

самаго дикаго предпріятія. Да можетъ-быть именно въ этихъ положеніяхъ у такихъ людей самыя невозможныя и фантастическія предпріятія представляются первыми возможнѣйшими. Овъ вдругъ рѣшилъ пойти къ кулцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одивъ „плавъ“, достать отъ него подъ этотъ „плавъ“ разомъ всю искомую сумму; въ плавъ своемъ съ коммерческой стороны овъ не сомнѣвался нисколько, а сомнѣвался лишь въ томъ какъ посмотреть на его выходку самъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной только коммерческой стороны. Митя хотъ и зналъ этого кулца въ лицо, но знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не говорилъ съ нимъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основалось убѣжденіе, что этотъ старый развратитель, дышавшій теперь на ладонь, можетъ-быть вовсе не будетъ въ настоящую минуту противиться, если Грушенька устроитъ какъ-нибудь свою жизнь честно и выйдетъ за „благонадежнаго человѣка“ замужъ. И что не только не будетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, навѣрнись только случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ ли какимъ, или изъ какихъ-нибудь словъ Грушеньки, но овъ заключилъ тоже что старикъ можетъ-быть предпочелъ бы его для Грушеньки Федору Павловичу. Можетъ-быть многимъ изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ расчетъ на подобную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту такъ-сказать изъ рукъ ея покровителя слѣшкомъ ужъ грубымъ и небреглавымъ со стороны Дмитрія Федоровича. Могу замѣтить лишь то что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окончательно прошедшимъ. Овъ глядѣлъ на это прошлое съ безконечнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти что разъ Грушенька выговоритъ ему что его любить и за него и деть, то тотчасъ же и начнется совсѣмъ новая Грушенька, а вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Федоровичъ, безо всякихъ уже пороковъ, а лишь съ одними добродѣтелями: оба они другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совсѣмъ по новому. Что же до Кузумы Самсонова, то считалъ овъ его въ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки за человѣка въ жизни ея роковаго, котораго она однако никогда не любила и который, это главное, уже тоже „прошелъ“, кончился, такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому же Митя его даже и за человѣка теперь считать не могъ,

ибо извѣстно было всѣмъ и каждому въ городѣ что это лишь большая развалина, сохранившая отношенія съ Грушевской такъ-сказать лишь отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ какъ прежде, и что это уже давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. Во всякомъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны Мити, ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простодушный человекъ. Вслѣдствіе этого простодушія своего онъ между прочимъ былъ серьезно убѣжденъ что старый Кузьма, собираясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее раскаяніе за свое прошлое съ Грушевской, и что вѣтъ теперь у нея покровителя и друга болѣе преданнаго какъ этотъ безвредный уже старикъ.

На другой же день послѣ разговора своего съ Алешей въ полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ явился въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣлъ о себѣ доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обширный, двухэтажный, съ надворными строеніями и съ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами, престарѣлая сестра его и одна незамужняя дочь. Во флигелѣ же помѣщались два его прикащика, изъ которыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти и прикащики тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома занималъ старикъ одинъ и не пускалъ къ себѣ жить даже дочь, ухаживавшую за нимъ, и которая въ опредѣленные часы и въ неопредѣленные зовы его должна была каждый разъ взбѣгать къ нему на верхъ свизу, не смотря на давнишнюю одышку свою. Этотъ „верхъ“ состоялъ изъ множества большихъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ по кулеческой старинѣ, съ длинными скучными рядами неуклюжихъ креселъ и стульевъ краснаго дерева по стѣнамъ, съ хрустальными люстрами въ чехахъ, съ угрюмыми зеркалами въ простѣвкахъ. Всѣ эти комнаты стояли совсѣмъ пустыми и необитаемыми, потому что большой старикъ жался лишь въ одной комнаткѣ, въ отдаленной маленькой своей спаленкѣ, гдѣ прислуживала ему старуха-служанка, съ волосами въ платочкѣ, да „малый“, пребывавшій на залавкѣ въ передней. Ходить старикъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ почти совсѣмъ уже не могъ и только изрѣдка поднимался со своихъ кожаныхъ креселъ, и старуха, придерживая его подъ руки, проводила его разъ-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразговорчивъ даже съ этою стару-

хой. Когда доложили ему о приходѣ „капитана“, онъ тотчасъ же велѣлъ отказать. Но Митя настаивалъ и доложился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ подробно малаго: что дескать каковъ съ виду, не льявъ ли? Не буйвиту ли? И получилъ въ отвѣтъ что „тверезъ, но уходитъ не хочетъ“. Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все это предвидѣвшій и нарочно на сей случай захватившій съ собой бумагу и карандашъ, четко написалъ на клочкѣ бумаги одну строчку: „По самовольнѣшему дѣлу близко касающемуся Аграфены Александровны,“ и послалъ это старику. Подумавъ нѣсколько, старикъ велѣлъ малому ввести посетителя въ залу, а старуху послалъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну сейчасъ же явиться къ нему на верхъ. Этотъ младшій сынъ, мущина верхковъ двѣнадцати и силы неломѣрной, брившій лицо и одѣвавшійся по нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ кафтанѣ и съ бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ они предъ отцомъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца не то чтобъ изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ весьма неробкаго, а такъ лишь на всякій случай, болѣе чтобъ имѣть свидѣтеля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ руку, и малаго, онъ выплылъ наконецъ въ залу. Надо думать что ощущалъ онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство. Зала эта, въ которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со стѣнами „подъ мраморъ“ и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ нервномъ нетерпѣніи ждалъ своей участи. Когда старикъ появился у противоположнаго входа, сажень за десять отъ стула Мити, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими твердыми, фронтовыми, аршинными шагами лошелъ къ нему на встрѣчу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ круглою шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точь въ точь какъ былъ два три тому назадъ въ монастырѣ, у старца, на семейномъ свиданіи съ Федоромъ Павловичемъ и съ братьями. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя разомъ почувствовалъ что пока онъ подходилъ, тотъ его всего разсмотрѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно олухшее за послѣднее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась телеръ какою-то отвистею делешкой. Важно и молча

поклонился онъ гостю, указавъ ему на кресло подлѣ дивана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣзненно кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, вида болѣзненныя усилія его, немедленно почувствовалъ въ сердцѣ своею раскаяніе и деликатный стыдъ за свое телерешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпокоеннымъ лицомъ.

— Чтò вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ усѣвшійся наконецъ старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жестами, и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было что человекъ дошелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удастся, то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно помялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣннымъ и холоднымъ какъ у истукана.

„Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слышалъ уже не разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Федоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наследству послѣ родной моей матери.... такъ какъ весь городъ уже трещитъ объ этомъ.... потому что здѣсь всѣ трещать объ томъ чего не надо.... А кромѣ того могло дойти и отъ Грушеньки.... виноватъ: отъ Аграфены Александровны.... отъ многоуважаемой и многочтимой мною Аграфены Александровны....“ такъ началъ и оборвался съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло дескать заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца назадъ, нарочито совѣтовался (онъ именно проговорилъ „нарочито“, а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, „со знаменитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Павловичемъ Корнеелодовымъ, изволили вѣроятно слышать? Лобъ обширный, почти государственный умъ... васъ тоже знаетъ.... отзывался въ лучшемъ видѣ....“ оборвался въ другой разъ Митя. Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ же черезъ вихрь перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ де самый Корнеелодовъ, опросивъ подробно и рассмотрѣвъ документы какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выразился неясно и особенно слыша въ этомъ

мѣстѣ), отнесся что на счетъ деревни Чермашни, которая должна бы дескать была принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно можно бы было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огорошить... „потому что не всѣ же двери залпеты, а юстиція ужъ знаетъ куда пролѣзтъ“. Однимъ словомъ, можно бы было надѣяться даже де тысячъ на шесть додачи отъ Федора Павловича, на семь даже, такъ какъ Чермашня все же стоить не менѣе двадцати пяти тысячъ, то-есть навѣрно двадцати восьми,—тридцати, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ, и семнадцати отъ этого жестокаго человѣка не выбрааъ!...“ Такъ вотъ я, дескать, Митя, тогда это дѣло бросааъ, ибо не умѣю съ юстиціей, а прѣхавъ сюда поставленъ былъ въ столбнякъ встрѣчнымъ искомъ (здѣсь Митя опять залутался и опять круто перескочилъ): такъ вотъ дескать, не пожелаете ли вы, благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изверга, а сами мнѣ дайте три только тысячи... Вы на въ какомъ случаѣ проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честию, честию клянусь, а совсѣмъ напротивъ можете нажить тысячъ шесть или семь вмѣсто трехъ... А главное дѣло чтобъ это кончить „даже сегодня же“. „Я тамъ вамъ у нотариуса что ли или какъ тамъ... Однимъ словомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы какіе потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ же и совершили бы, и еслибы можно, еслибы только можно, то сегодня же бы утромъ... Вы бы мнѣ эти три тычачи выдали... такъ какъ кто же противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и тѣмъ спасли бы меня отъ... однимъ словомъ спасли бы мою бѣдную голову для благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннѣйшаго дѣла можно сказать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ извѣстной особѣ, которую саишкомъ знаете и о которой печетесь отечески. Иначе бы и не пришелъ еслибы не отечески. И, если хотите, тутъ трое состукнулись лбами, ибо судьба это—страшилице, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ я выразился, можетъ-быть не ловко, но я не литераторъ. То-есть одинъ лобъ мой, а другой—этого изверга. Итакъ: выбирайте; или я или извергъ? Все телерь въ вашихъ рукахъ—три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ что вы поняли... А если не поняли, то сегодня же въ воду, вотъ!“

Митя оборвалъ свою вельвую рѣчь этимъ „вотъ“, и вскочивъ съ мѣста ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Съ послѣднею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ что все кончилось, а главное что онъ нагородилъ страшную ахинею. „Страшное дѣло, пока шелъ сюда все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея!“ вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время пока онъ говорилъ старикъ сидѣлъ неподвижно и съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдержавъ его однако съ минутку въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ наконецъ самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Ивините-сь, мы эдакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ онъ блѣдно улыбаясь.—Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете?

— Ивините-сь...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ, и вдругъ замѣтилъ что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла несподручны, медленно промолвилъ старикъ,—суды пойдутъ, адвокаты, суцая бѣда! А если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему обратитесь...

— Боже мой, кто же это!... вы воскрешаете меня, Кузьма Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, прозвищемъ Лагавый. У Федора Павловича вотъ уже годъ какъ торгуетъ въ Чермашнѣ этой вашей роцу, да за цѣной расходятся, можетъ слышали. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ олять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верстѣ двѣнадцать что ли будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ сюда и ко мнѣ по этому самому дѣлу, то-есть на счетъ этой роци, совѣта просилъ. Федоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ еслибы вы Федора Павловича предупредили, да Лагавому предложили вотъ то самое чтѣ мнѣ говорили, то онъ можетъ-статься...

— Гениальная мысль! восторженно перебилъ Митя.—Именно онъ, именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого просять, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха! И Митя вдругъ захохоталъ своимъ короткимъ

деревяннымъ смѣхомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрогнулъ головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кипѣлъ Митя.

— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы же знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ предчувствіе.... Итакъ къ этому полу!

— Не стоить благодарности-съ.

— Слѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Въкъ не забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузьмичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тѣ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку чтобы потрясть ее, но что-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнял руку, но тотчасъ же упрекнулъ себя во мнительности. „Это онъ усталъ....“ мелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете что это для нея! рывкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поклонился, круто повернулся и тѣми же скорыми, аршиновыми шагами, не оборачиваясь, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга. „Все вѣдь ужъ погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ“, неслось въ умѣ его. „И ужъ если такой дѣлецъ какъ этотъ старикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ луть, то.... то ужъ конечно выигранъ луть. Сейчасъ и летѣть. До ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели же старикъ могъ надо мной насмѣяться?“ Такъ воскицалъ Митя, шагая въ свою квартиру, и ужъ конечно иначе и не могло представляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ такого-то дѣльца)—со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягавого (странная фамилія!) или—или старикъ надъ нимъ посмѣялся! Увы! послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ, уже долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, старикъ Самсоновъ самъ сознавался смѣясь что тогда осмѣялъ „капитана“. Это былъ злобный, холодный и насмѣшливый человѣкъ, къ тому же съ болѣзненными антипатіями. Восторженный ли видъ капитана, глупое ли убѣжденіе этого „мота и рачочителя“ что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую дичь какъ его „пламя“, ревнивое ли чувство на счетъ Грушеньки во имя которой „этотъ сорванецъ“ пришелъ къ нему съ какою-то дичью за деньгами,—не знаю что именно

побудило тогда старика, но въ ту минуту когда Мита стоялъ предъ нимъ, чувствуя что слабѣютъ его ноги и бессмысленно восклицая что онъ пропалъ,—въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ безконечною злобой и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда Мита вышелъ, Кузьма Кузьмичъ бѣдный отъ злобы обратился къ сыну и велѣлъ распорядиться чтобы впредь этого оборванца и духу не было, и на дворъ не влускать, не то...

Онъ не договорилъ того чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ, часто выдавшій его во гнѣвъ, вздрогнулъ отъ страха. Цѣлый часъ спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру заболѣлъ и послалъ за „лѣкаремъ“.

II. Лагавыѣ.

Итакъ, надо было „скакать“, а денегъ на лошадей все-таки не было ни копейки, то-есть были два двугривенныхъ, и это все, все что оставалось отъ столькихъ дѣтъ прежняго благосостоянія! Но у него лежали дома старые серебряные часы, давно уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и свесъ къ Еврею-часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ. Тотъ далъ за нихъ шесть рублей. „И того не ожидалъ!“ вскричалъ восхищенный Мита (онъ все продолжалъ быть въ восхищеніи), схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома онъ дополнилъ сумму, взявъ въ займы три рубля отъ хозяевъ, которые дали ему съ удовольствіемъ, несмотря на то что отдавали послѣднія свои деньги, до того любили его. Мита въ восторженномъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ же что рѣшается судьба его и разказалъ имъ, ужасно слѣша разумѣется, почти весь свой „планъ“, который только-что представилъ Самсонову, затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои и проч. и проч. Хозяева и долпрежъ сего были посвящены во многія его тайны, потому-то и смотрѣли на него какъ на *своего* человека, совсѣмъ не гордаго барина. Совокуливъ такимъ образомъ девять рублей, Мита послалъ за почтовыми лошадьми до Воловѣй станціи. Но такимъ образомъ заломился и обозначился фактъ что „наканунѣ нѣкотораго событія въ полдень у Миты не было ни копейки и что съ чтобы достать

денегъ, продалъ часы и занялъ три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ.“

Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится для чего такъ дѣлаю.

Поскакавъ на Воловью станцію, Митя хотъ и сіялъ отъ радостнаго предчувствія что наконецъ-то кончить и развяжетъ „всѣ эти дѣла“, тѣмъ не менѣе трелеталъ и отъ страху: что станется теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну какъ разъ сегодня-то и рѣшится наконецъ пойти къ Федору Павловичу? Вотъ почему онъ и увѣхалъ ей не сказавшись и заказавъ хозяевамъ отнюдь не открывать куда онъ дѣлся, если откуда-нибудь придутъ его спрашивать. „Непремѣнно, непременно сегодня къ вечеру надо вернуться“, повторилъ онъ, трясаясь въ телѣгѣ, „а этого Лягавога пожалуй и сюда притащить.... для совершенія этого акта....“ такъ замирая душою мечталъ Митя, но увы, мечтаніямъ его саишкомъ не суждено было совершиться по его „плану“.

Вопервыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьею станціи проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ восемнадцать верстъ. Вовторыхъ, Ильинскаго „батюшка“ онъ не засталъ дома, тотъ отлучился въ сосѣдную деревню. Пока розыскалъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣдную деревню все на тѣхъ же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти уже ночь. „Батюшка“, робкій и ласковый на видъ человѣчекъ, разъяснилъ ему немедленно что этотъ Лягавый, хотъ и остановился было у него съ первоначалу, но теперь находится въ Сухомъ Поселкѣ, тамъ у лѣснаго сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ, потому что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленные просьбы Митя сводить его къ Лягавому сейчасъ же и „тѣмъ такъ-сказать сласти его“, батюшка хотъ и заколебался въ началѣ, но согласился однако проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо почувствовавъ любопытство; но на грѣхъ посоветовалъ дойти „лѣшечкомъ“, такъ какъ тутъ всего кака-нибудь верста „съ небольшимъ излишкомъ“ будетъ. Митя разумѣется согласился и зашагалъ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка почти любѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осторожный человѣчекъ. Митя и съ нимъ тотчасъ же заговорилъ о своихъ планахъ, горячо, нервно требовалъ совѣтовъ насчетъ Лягавога и проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внима-

тельно, но посовѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: „не знаю, охъ, не знаю, гдѣ же мнѣ это знать“ и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ насчетъ наслѣдства, то батюшка даже испугался, потому что состоялъ съ Федоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ впрочемъ освѣдомился почему онъ называетъ этого торгующаго крестьянина Горсткіна Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно Митѣ, что хоть тотъ и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый потому что именовъ этимъ жестоко обижается, и что называть его надо непременно Горсткінымъ, „иначе ничего съ нимъ не совершите, да и слушать не станетъ“, заключилъ батюшка. Митя нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ что такъ называлъ его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство батюшка тотчасъ же этотъ разговоръ замыая, хотя и хорошо бы сдѣлалъ еслибы разъяснилъ тогда же Дмитрію Федоровичу догадку свою: что если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, какъ къ Лягавому, то не сдѣлалъ ли сего почему-либо на смѣхъ, и что вѣтъ ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было останавливаться „на такихъ мелочахъ“. Онъ слышалъ, шагаль, и только прийдя въ Сухой Поселокъ догадался что пропали они не версту и не подторы, а навѣрное три; это его раздосадовало, но онъ стерпѣвалъ. Вошли въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшки, помѣщался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой половинѣ, черезъ сѣни, расположился Горсткінь. Вошли въ эту чистую избу и засвѣтили салную свѣчку. Изба была сильно натоплена. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ же подносъ съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допитый штофъ водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ же пріѣзжій лежалъ протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одеженкой подъ головами вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ въ недоумѣніи. „Конечно надо будить: мое дѣло слишкомъ важное, я такъ слышалъ, я слышу сегодня же воротиться“, затревожился Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча не высказывая своего мнѣнія. Митя подошелъ и привялся будить самъ, привялся энергически, но слящій не пробуждался. „Онъ пьянъ, рѣшилъ Митя, но что же мнѣ дѣлать, Господи, что же мнѣ дѣлать!“ И вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи привяся дергать спящаго за руки, за ноги, раскачивать его за голову,

прилодымать и садить на лавку, и все-таки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь того что тотъ началъ неаѣло мычать и крѣпко, хотя и не ясно выговаривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше повремените, изрекъ наконецъ батюшка, — потому онъ видимо не въ состояніи.

— Весь день лилъ, отозвався сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя, — еслибы вы только знали какъ мнѣ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ ужъ лучше бы вамъ повременить до утра, повторилъ батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяніи онъ чуть было олатъ не бросился будить льяницу, но тотчасъ оставилъ, понавъ всю безполезность усилій. Батюшка молчалъ, заспавный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реаліямъ! проговорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ что хотя бы и удалось разбудить спящаго, но будучи пьянымъ онъ все же не способенъ ни къ какому разговору, „а у васъ дѣло важное, такъ ужъ вѣрнѣе бы оставить до утра...“ Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить мгновеніе. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ залпачу, обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь поминать Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не знаю теперь какъ быть: гдѣ же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужъ къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкъ и дожду, показалъ онъ на сторожа. — За симъ прощайте-съ, желаю вамъ подное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкъ, обрадованный что наконецъ отвязался, но все же сматенно покачивая головой и раздумывая: не надо ли будетъ завтра заблаговременно увѣдомить о семъ люболытномъ случаѣ благодѣтеля Ѳеодора Павловича, „а то неровенъ часъ узнаетъ, осердится и милости прекратитъ“. Сторожъ, почесавшись, молча отправился въ свою избу, а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выразился, мгновеніе. Глубокая тоска облегла какъ тяжелый туманъ его душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но обдумать ничего не могъ. Свѣчка нагорала, затрепалъ сверчокъ, въ натолленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему вдругъ представилася садъ

ходъ за садомъ, у отца въ домъ таинственно отворяется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушенька... Онъ вскочилъ съ лавки.

— Трагедія! проговорилъ онъ скрежеща зубами, машинально подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Это былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма продолговатымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоненькою рыжеватою бородкой, въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ жилетѣ, изъ кармана котораго выглядывала цѣлочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту физиономію со страшною ненавистью и ему почему-то особенно ненавистно было что онъ въ кудряхъ. Главное то было нестерпимо обидно что вотъ онъ, Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, столько пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ тунеядецъ, „отъ котораго зависитъ теперь вся судьба моя, хралитъ какъ ни въ чемъ ни бывало, точно съ другой планеты“. „О, пронія судьбы!“ воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣмъ потерявъ голову, бросился олять будить пьянаго мужика. Онъ будилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ, даже билъ, но провозившись минутъ пять и олять ничего не добившись въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку и сѣлъ.

— Гауло, гауло! восклицалъ Митя,—и... какъ это все безчестно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно начала болѣть голова: „бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ“ мелькнуло въ умѣ его. „Нѣтъ ужъ до утра. Вотъ нарочно же останусь, нарочно! Зачѣмъ же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать не на чемъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!“

— Голова его однако разбаивалась все больше и больше. Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не ломилъ какъ задремалъ и вдругъ сидя заснулъ. Повидимому онъ спалъ часа два или больше. Очнулся же отъ нестерпимой головной боли, нестерпимой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очнувшись онъ долго еще не могъ войти въ себя совершенно и осмыслить чтó съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то догадался что въ натолпленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ можетъ-быть могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и хралѣлъ; свѣчка олямаа и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бросился, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проснулся, но услыхавъ что въ другой

избѣ угарь, хотя и пошелъ распорядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушно, что обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... что тогда? восклицалъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя притащилъ изъ стѣны ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ, а затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и приложилъ къ головѣ Лагавана. Сторожъ же продолжалъ относиться ко всему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, произнесъ угрюмо: „ладно и такъ“, и пошелъ опять спать, оставивъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился съ угорѣвшимъ льянцемъ съ полчаса, все намачивая ему голову, и серьезно уже намѣревался не спать всю ночь, но измучившись присѣлъ какъ-то на одну минутку чтобы перевести духъ, и мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ же безсознательно протянулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было примѣрно уже часовъ девять утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избушки. Вчерашній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ поддевку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Старый вчерашній былъ уже допить, а новый опорожненъ болѣе чѣмъ на половину. Митя вскопчилъ и мигомъ догадался что проклятый мужикъ льянъ опять, льянъ гаубоко и невозвратно. Онъ глядѣлъ на него съ минуту вылучивъ глаза. Мужикъ же поглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ спокойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомеріемъ, какъ показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы вѣроятно слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, сынъ старика Карамазова, у котораго вы изволите роцу торговать...

— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Федора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Федора Павловича не изволю знать, какъ-то грузно ворочая языкомъ проговорилъ мужикъ.

— Роцу, роцу вы у него торгуете; да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ Самсонову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался Митя.

— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли ноги.

— Помилосердитесь, вѣдь это не шутка! Вы можетъ-быть хитѣльны. Вы можете же наконецъ говорить, ловимать... иначе... иначе я ничего не ловимаю!

— Ты красильщикъ!

— Помилосердитесь, а Карамазовъ, Дмитрій Карамазовъ, имѣю къ вамъ предложеніе... выгодное предложеніе... весьма выгодное... имѣваю по поводу ронци.

Мужикъ важно поглаживалъ бороду.

— Нѣтъ, ты подрядъ снималъ и подлецъ вышелъ. Ты подлецъ!

— Увѣраю же васъ что вы ошибаетесь! въ отчаяніи ломалъ руки Митя. Мужикъ все гладилъ бороду и вдругъ аукаво прищурилъ глаза.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что укажи: укажи ты мнѣ такой законъ чтобы позволено было пакости строить, слышишь ты! Ты подлецъ, понимаешь ты это?

Митя мрачно отступилъ и вдругъ его какъ бы „что-то ударило по лбу“, какъ онъ самъ потомъ выразился. Въ одинъ мигъ произошло какое-то озареніе въ умѣ его, „загорѣлся свѣточъ, и я все постигъ“. Въ остолебѣніи стоялъ онъ недоумѣвая какъ могъ онъ, человѣкъ все же умный, поддаться на такую гаулость, вторгнуться въ такое приключеніе и продолжать все это почти цѣлыя сутки, возиться съ этимъ Лягавымъ, мочить ему голову... „Ну, льянъ человѣкъ, льянъ до чертиковъ и будетъ лить залоемъ еще недѣлю,—чего же тутъ ждать? А что если Самсоновъ меня нарочно прислалъ сюда? А что если она.... О Боже, что я надѣлалъ!“...

Мужикъ сидѣлъ, гладилъ на него и посмѣивался. Будь другой случай и Митя можетъ-быть убилъ бы этого дурака со злости, но теперь онъ весь самъ ослабѣлъ какъ ребенокъ. Тихо подошелъ онъ къ лавкѣ, взялъ свое пальто, молча надѣлъ его и вышелъ изъ избы. Въ другой избѣ сторожа онъ не нашелъ, никого не было. Онъ вынулъ изъ кармана мелочью пятьдесятъ копѣекъ и положилъ на столъ, за вощегъ, за свѣчку и за безпокойство. Выйдя изъ избы онъ увидалъ что кругомъ только лѣсъ и ничего больше. Онъ пошелъ наугадъ, даже не помня куда поворотить изъ избы—направо или налѣво; вчера ночью, слѣдша сюда съ батюшкой, онъ дороги не замѣтилъ. Никакой мести ни къ кому не было въ душѣ его,

даже къ Самсонову. Онъ шагалъ по узенькой лѣсной дорожкѣ безсмысленно, потерянно, съ „потерянною идеей“ и совсѣмъ не заботясь о томъ куда идетъ. Его могъ побороть встрѣчный ребенокъ, до того онъ вдругъ обезсилялъ душой и тѣломъ. Кое-какъ онъ однако изъ лѣсу выбрался: предстали вдругъ сжатая обнаженныя поля на необозримомъ пространствѣ: „Какое отчаяніе, какая смерть кругомъ!“ повторялъ онъ все шагая впередъ и впередъ.

Его спасли проѣзжіе: извозчикъ везъ по проселку какого-то старичка-купца. Когда лоровнялись, Митя спросилъ про дорогу и оказалось что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Вступили въ переговоры и посадили Митю полупутчикомъ. Часа черезъ три доѣхали. На Воловьей станціи Митя тотчасъ же заказалъ почтовыхъ въ городъ, а самъ вдругъ догадался что до невозможности голордень. Пока впрягали лошадей, ему смастерили яичницу. Онъ мигомъ съѣлъ ее всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба, съѣлъ нашедшуюся колбасу и выпилъ три рюмки водки. Подкрѣпившись, онъ ободрился и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ лѣтѣлъ по дорогѣ, погонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и уже „непреложный“ планъ какъ достать еще сегодня же до вечера „эти проклятыя деньги“. „И подумать, только подумать что изъ-за этихъ ничтожныхъ трехъ тысячъ проладеетъ судьба человѣческая!“ воскликнулъ онъ презрительно. „Сегодня же порѣшу!“ И еслибы только не непрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ не случилось ли съ ней чего, то онъ сталъ бы можетъ-быть опять совсѣмъ веселъ. Но мысль о ней возалася въ его душу поминутно какъ острый ножъ. Наконецъ пріѣхали и Митя тотчасъ же любѣжалъ къ Грушенькѣ.

III. Золотые прииски.

Это было именно то посѣщеніе Мити про которое Грушенька съ такимъ страхомъ разказывала Ракитину. Она тогда ожидала своей „эстафеты“ и очень рада была что Митя ни вчера, ни сегодня не приходилъ, надѣялась что авось Богъ дастъ не придетъ до ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрязнулъ. Дальѣйшее намъ извѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила его проводить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто бы ей ужасно надо было идти „деньги т. слшп.

считать“, и когда Митя ее тотчасъ же проводилъ, то прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ него обѣщаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу чтобы проводить ее обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ радъ: „Просидитъ у Кузьмы, значитъ не пойдетъ къ Федору Павловичу... если только не лжетъ“, прибавилъ онъ тотчасъ же. Но на его глазъ кажется не лгала. Онъ былъ именно такого свойства ревнивецъ что въ разлукѣ съ любимою женщиной тотчасъ же навывдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ что съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ „измѣняетъ“, но приближавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный уже безвозвратно что она услѣла-таки ему измѣнить, съ перваго же взгляда на ея лицо, на смѣющееся, веселое и ласковое лицо этой женщины — тотчасъ же возраждался духомъ, тотчасъ же терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бранилъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросился къ себѣ домой. О, ему столько еще надо было услѣть сегодня сдѣлать! Но по крайней мѣрѣ отъ сердца отлегло. „Вотъ только надо бы поскорѣе узнать отъ Смердакова не было ли чего тамъ вчера вечеромъ, не приходила ли она, чего добраго, къ Федору Павловичу, ухъ!“ провеселось въ его головѣ. Такъ что не услѣлъ онъ еще добѣжать къ себѣ на квартиру какъ ревность уже опять закопошилась въ неутомномъ сердцѣ его.

Ревность! „Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ“, замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуеетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто разможжена душа и помутилось все мировоззрѣніе его, потому что *погибъ его идеаль*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонить, подгадывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, натакивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями чтобы онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истый ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего лозора и нравственнаго паденія съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызѣній совѣсти. И вѣдь не то чтобы это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ то же время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушанія. Отелло не могъ бы ни за что примириться съ

измѣнной, — не простить не могъ бы, а примириться, — хотя душа его незлобива и невинна какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется послѣ страшной сцены въ началѣ) можетъ и способенъ простить, на примѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцѣлуи, еслибы, на примѣръ, онъ въ то же время могъ какъ-нибудь увѣриться что это было „въ послѣдній разъ“ и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда ужъ больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе произойдетъ лишь на часъ, потому что еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра же онъ изобрѣтетъ другаго, новаго и приревнуеть къ новому. И казалось бы что въ той любви за которую надо такъ подсматривать, и чего стоить любовь которую надобно столь усиленно сторожить? Но вотъ этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а между тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ сердцами высокими. Замѣчательно еще то что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой-нибудь каморкѣ, подслушивая и шпиона, хоть и понимаютъ ясно „высокими сердцами своими“ весь срамъ, въ который они сами добровольно залязли, но однако въ ту минуту, по крайней мѣрѣ пока стоятъ въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызений совѣсти. У Мити при видѣ Грушеньки пропадала ревность и на мгновеніе онъ становился доврчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя за дурныя чувства. Но это значило только что въ любви его къ этой женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее чѣмъ онъ самъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь „изгибъ тѣла“, о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но за то, когда исчезала Грушенька, Митя тотчасъ же начиналъ опять подозрѣвать въ ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызений же совѣсти никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

Итакъ ревность закидывала въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ надо было слѣшнить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть капельку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять руб-

лей почти всё ушли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, куда шагу ступить нельзя. Но онъ вмѣстѣ съ новымъ планомъ своимъ обдумалъ гдѣ достать и на перехватку еще давеча на телѣгѣ. У него была лара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ патронами, и если до сихъ поръ онъ ея не задолжилъ, то потому что любилъ эту вещь больше всего что имѣлъ. Въ трактирѣ „Столичный городъ“ онъ уже давно слегка познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трактирѣ же что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ до страсти любить оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, кинжалы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ знакомымъ, хвалится, мастеръ растолковать систему револьвера, какъ его зарядить, какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая Митя тотчасъ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ закладъ пистолеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью сталъ уговаривать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился и тотъ выдалъ ему десять рублей, заявивъ что процентовъ не возьметъ ни за что. Разстались пріятелями. Митя слышалъ, онъ устремился къ Федору Павловичу на зады, въ свою бесѣдку, чтобы вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ опять получился фактъ что всего за три, за четыре часа до нѣкотораго приключенія, о которомъ будетъ мною говорено ниже, у Мити не было ни копѣйки денегъ и онъ за десять рублей заложилъ любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, оказались въ рукахъ его тысячи.... Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Федора Павловича) его ожидало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣстіе о болѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ погребъ, затѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Федора Павловича; съ любопытствомъ узналъ и о томъ что братъ Иванъ Федоровичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. „Должно-быть раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью“, подумалъ Дмитрій Федоровичъ, но Смердяковъ его безлокоилъ ужасно: „какъ же теперь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ?“ Съ жадностью началъ онъ спрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили ль онѣ чего вчера вечеромъ? Гѣ очень хорошо понимали о чемъ онъ разузнаетъ и разуверили его вполне: никого не было, ночевалъ Иванъ Федоровичъ, „все было въ совершенномъ порядкѣ“. Митя

задумался. Без сомнѣнія надо и сегодня караулить, но гдѣ: здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ что и здѣсь и тамъ, все по усмотрѣнью, а пока, пока.... Дѣло въ томъ что теперь стоялъ предъ нимъ этотъ „плавъ“, давешній, новый и уже вѣрный плавъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и откладывать исполненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ пожертвовать на это часъ: „въ часъ все порѣшу, все узнаю и тогда, тогда, вопервыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь тамъ ли Грушенька и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати часовъ здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову чтобы проводить ее обратно домой.“ Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ пометѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ платье, одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, „плавъ“ его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой дамы. И главное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность что она ему не откажетъ. Можетъ-быть подивится тому что если была такая увѣренность, то почему же онъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ-сказать въ свое общество, и направился къ Самсонову, челоуѣку склада чужаго, съ которымъ онъ даже и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ что съ Хахлаковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти разнакомился, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень зналъ что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то что онъ женихъ Катерины Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за „милаго, рыцарски образованнаго Ивана Федоровича, у котораго такія прекрасныя манеры“. Манеры же Мити она ненавидѣла. Митя даже смѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее что эта дама „настолько жива и развязна насколько не образована“. И вотъ давеча утромъ на телѣгѣ его озирала самая яркая мысль: „Да если ужъ она такъ не хочетъ чтобы я женился на Катеринѣ Ивановнѣ, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ что почти до истерики), то почему бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ трехъ тысячахъ, именно для того чтобы я на эти деньги могъ, оставивъ Катю, укатить на вѣки отсюда? „Эти избалованныя высшія дамы, если ужъ захотятъ чего до капризу, то ужъ ничего не щадятъ, чтобы вышло по ихнему. Она же къ тому такъ богата,“ раз-

суждалъ Митя. Что же касается собственно до „плана“, то было все то же самое что и прежде, то-есть предложеніе правъ своихъ на Чермашию,—но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ вчера Самсонову, не прельшая эту даму, какъ вчера Самсонова, возможностью стялать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ въ шесть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Развивая эту новою свою мысль Митя доходилъ до восторга, но такъ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, при всѣхъ его ввезалныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей онъ отдавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на крыльцо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на сливѣ своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ созналъ вполнѣ и уже математически ясно что тутъ вѣдь послѣдняя уже надежда его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если тутъ оборвется, „развѣ зарѣзать и ограбить кого-нибудь изъ-за трехъ тысячъ, а болѣе ничего....“ Было часовъ семь съ половиною, когда онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Сначала дѣло какъ бы увыбулось: только что онъ доложилъ, его тотчасъ же приняли съ необыкновенною быстротой. „Точно вѣдь ждала меня“, мелькнуло въ умѣ Мити, а затѣмъ вдругъ, только что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хозяйка и прямо объявила ему что ждала его....

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать что вы ко мнѣ придете, согласитесь сами, и однако я васъ ждала, лодивитесь моему инстинкту, Дмитрій Федоровичъ, я все утро была увѣрена что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, произвелъ Митя, мѣшковато усаживааясь,—но.... я пришелъ по чрезвычайно важному дѣлу.... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для меня то-есть, сударыня, для меня одного, и слѣшу....

— Знаю что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Федоровичъ, тутъ не предчувствія какія-нибудь, не ретроградныя попользованія на чудеса (слышали про старца Зосима?), тутъ, тутъ математика: вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все это съ Катериной Ивановной, вы не могли, не могли, это математика.

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ что это такое! Но позвольте однакожь изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Федоровичъ. Я теперь вся за реализмъ, я слишкомъ проучена на счетъ чудесъ. Вы слышали что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивился немного Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ только то что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы мнѣ не поможете, то все провалится, и я проваляюсь первый. Простите за тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не можете быть въ другомъ состояніи духа, и что бы вы ни сказали, я все знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ соображеніе, Дмитрій Федоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее.... О, повѣрьте что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Федоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я за то опытный больной, самобезвначалъ черезъ силу Митя,—и предчувствую что если вы ужъ такъ слѣдите за судьбой моею, то и поможете ей въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ наконецъ изложить предъ вами тотъ планъ съ которымъ я рискнулъ явиться.... и то чего отъ васъ ожидаю.... Я пришелъ, сударыня...

— Не излагайте, это второстепенность. А на счетъ помощи я не первому вамъ помогаю, Дмитрій Федоровичъ. Вы вѣроятно слышали о моей кузинѣ Вальмесовой, ея мужъ погибалъ, провалился, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Федоровичъ, и что же, я указала ему на коннозаводство и онъ теперь процвѣтаетъ. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Федоровичъ?

— Ни малѣйшаго, сударыня,—охъ, сударыня, ни малѣйшаго! вскричалъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было съ мѣста.—Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, дайте мнѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ сперва изложить вамъ все, весь проектъ съ которымъ пришелъ. Къ тому же мнѣ нужно время, а ужасно спѣшу!.... прокричалъ исторически Митя, почувствовавъ что она сейчасъ опять начнетъ говорить и въ надеждѣ перекричать ее:—Я пришелъ въ отчаяніи.... въ послѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ взаимны денегъ три тысячи, взаимны, но подъ вѣрнымъ, подъ вѣрнѣйшимъ залогъ, сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только изложить...

— Это вы все потому, потому! замахаая на него рукой въ свою очередь гжа Хохлакова,—да и все что бы вы ни сказали я знаю все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите какой-то суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, безмѣрно больше, я васъ спасу, Дмитрій Федоровичъ, но надо чтобы вы меня послушались!

Митя такъ и приваля опять съ мѣста.

— Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ.—Господи, вы спасли меня. Вы спасаете человѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ пистолета.... Вѣчная благодарность моя...

— Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше чѣмъ три тысячи! прокричала гжа Хохлакова съ сияющею улыбкаю смотря на восторгъ Мити.

— Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковыя для меня три тысячи, а я со своей стороны пришелъ гарантировать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью и жредагаю вамъ ланъ, который...

— Довольно, Дмитрій Федоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала гжа Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодарительницы.—Я обѣщала васъ спасти и спасу. Я васъ спасу какъ и Бельмесова. Что думаете вы о золотыхъ приискахъ, Дмитрій Федоровичъ?

— О золотыхъ приискахъ, сударыня! Я никогда ничего о нихъ не думалъ.

— А за то я за васъ думала! Думала и передумала! Я уже цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлю. Я сто разъ смотрѣла на васъ когда вы проходили и повторяла себѣ: вотъ энергическій человѣкъ которому надо на прииски. Я изучила даже походку вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много приисковъ.

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А что жь, и по походкѣ. Что же, неужели вы отрицаете что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Федоровичъ? Естественныя науки подтверждаютъ то же самое. О, я теперь реалистка, Дмитрій Федоровичъ. Я съ годовяшнаго дня, послѣ всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ разстроила, совершенная реалистка и хочу броситься въ практическую дѣятельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи которыми вы такъ великодушно меня общали осудить...

— Васъ не мнутъ, Дмитрій Федоровичъ, тотчасъ же перерѣзала гжа Хохлакова,—эти три тысячи все равно что у васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Федоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу идею: вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать направа къ добру. Неужели же все предоставить Жидамъ? Вы будете строить зданія и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ васъ благословлять. Нынче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Федоровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству финансовъ, которае теперь такъ нуждается. Паденіе нашего кредитнаго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Федоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ....

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ предчувствіи прервалъ опять Дмитрій Федоровичъ,—я весьма и весьма можетъ-быть послѣдую вашему совѣту — умному совѣту вашему, сударыня,—и отправляюсь можетъ-быть туда... на эти пріиски.... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ.... даже много разъ.... но теперь эти три тысячи которыя вы такъ великодушно.... О, онѣ бы развязали меня, и если можно сегодня.... То-есть видите ли у меня теперь ни часу, ни часу времени....

— Довольно, Дмитрій Федоровичъ, довольно! настойчиво прервала гжа Хохлакова;—вопросъ: ѣдете вы на пріиски или нѣтъ, рѣшились ли вы влопнѣ, отвѣчайте математически.

— Ёду, сударыня, потомъ.... Я поѣду куда хотите, сударыня... но теперь....

— Подождите же! крикнула гжа Хохлакова, вскочила и бросилась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящичками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то отыскивая и ужасно торопясь.

„Три тысячи!“ подумалъ замирая Митя, „и это сейчасъ, безо всякихъ бумагъ, безъ акта.... о, это по джентльменски! Великолѣпная женщина, и еслибы только не такъ разговорчива....“

— Вотъ! вскрикнула въ радости гжа Хохлакова возвращаясь къ Митѣ,—вотъ что я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ тѣхъ какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натальнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Федоровичъ, съ благоговѣніемъ продолжала она,—отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мнѣ самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она действительно накунула ему образокъ на шею и стала было вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи принагнулся и сталъ ей помогать и наконецъ вправилъ себѣ образокъ чрезъ галстукъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла гжа Хохлакова, торжественно садясь олять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронуть... и не знаю какъ даже благодарить... за такія чувства, но... еслибы вы знали какъ мнѣ дорого теперь время!... Эта сумма которую я столь жду отъ вашего великодушія.. О, сударыня, если ужъ вы такъ добры, такъ трогательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи Митя), то позвольте мнѣ вамъ открыть... что впрочемъ вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Я измѣнилъ Катю... Катеринѣ Ивановнѣ я хочу сказать. О, я былъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полюбилъ другую... одну женщину, сударыня, можетъ-быть презираемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Федоровичъ! самымъ рѣшительнымъ тономъ перебила гжа Хохлакова. — Оставьте, и особенно женщинъ. Ваша цѣль—пріиски, а женщинъ туда везать не везти. Потомъ, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы найдете себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предрасудковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь начавшійся женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... сложила было умоляя руки Дмитрій Федоровичъ.

— То самое, Дмитрій Федоровичъ, именно то что вамъ надо, чего вы жаждете сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ телерешающаго женскаго вопроса, Дмитрій Федоровичъ. Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ

ближайшемъ будущемъ—вотъ мой идеалъ. У меня у самой дочь, Дмитрій Федоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины что я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: „Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте.“ И подписалась: „мать“. Я хотѣла было подписаться „современная мать“, и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій Федоровичъ, да и слово „современная“ наломнило бы имъ *Современникъ*, — воспоминаніе для нихъ горькое въ виду вышедшей цензуры... Ахъ Боже мой, что съ вами?

— Сударыня, вскочилъ наконецъ Митя, складывая предъ ней руки ладонями въ безсиальной мольбѣ,—вы меня заставьте залакать, сударыня, если будете откадывать то что такъ великодушно...

— И поплачьте, Дмитрій Федоровичъ, поплачьте! Это прекрасныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы облегчатъ васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мнѣ изъ Сибири чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя,—въ послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ васъ сегодня эту обещанную сумму? Если же нѣтъ, то когда именно мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Федоровичъ?

— Обещанная вами три тысячи.. которая вы такъ великодушно..

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ трехъ тысячъ, съ какимъ-то слоконнымъ удивленіемъ произнесла гжа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какже вы.. сейчасъ.. вы сказали.. вы выразились даже что онъ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Федоровичъ. Если такъ, то вы не поняли меня. Я говорила про приски... Правда, я вамъ обещала больше, безкомечно больше чѣмъ три тысячи, я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни приски.

— А деньги? А три тысячи? вѣжливо воскликнулъ Дмитрій Федоровичъ.

— О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Федоровичъ, а какъ разъ воюю теперь съ моимъ управляющимъ и сама на дняхъ заняла пятьсотъ рублей у Мусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. И знаете, Дмитрій Федоровичъ, если бы у меня даже и были, я бы вамъ не дала. Во первыхъ, я никому не даю въ займы. Дать въ займы значитъ поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно бы не дала, любя васъ не дала бы, чтобы спасти васъ не дала бы, потому что вамъ нужно только одно: прииски, прииски и прииски!...

— О, чтобы чорты!... взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А, ай! закричала Хохлакова въ испугъ и отгаѣла въ другой конецъ гостиной.

Митя плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ дому, на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, ударяя себя по груди, по тому самому мѣсту груди по которому ударялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на дорогѣ. Что означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* и на что онъ тѣмъ хотѣлъ указать,—это была пока еще тайна, которую не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда даже Алешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ позоръ, заключались гибель и самоубійство, онъ такъ ужь рѣшилъ, если не доставить тѣхъ трехъ тысячъ чтобы уплатить Катеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, *«съ того мѣста груди»* позоръ, который онъ носилъ на ней и который такъ давилъ его совѣсть. Все это вполнѣ объяснится читателю въ послѣдствіи, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя надежда его, этотъ столь сильный физически человекъ, только-что прошелъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ залюлся слезами какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и въ забытій утиралъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ почувствовалъ что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался лискаивый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опрокинулъ.

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шагаешь, сорванецъ!

— Какъ, это вы? вскричала Митя разглядѣвъ въ темнотѣ старушонку. Это была та самая старая служанка которая прислуживала Кузьмѣ Самсонову и которую слишкомъ замятилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ другимъ голосомъ проговорила старушка, — не признавать мнѣ васъ въ темнотѣ-то.

— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорычу сбѣгала.... Да чтой-то я васъ все признавать не могу?

— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ теперь? вѣѣ себя отъ ожиданія произнесъ Митя:—Давеча я ее самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя:—Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла же, минутку только и побыла у насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну разказала, разсмѣшила его, да и убѣжала.

— Врешь проклятая! завопилъ Митя.

— А-ай! закричала старушонка, но Мити и слѣдъ простылъ; онъ любѣжалъ что было силы въ домъ Морозовой. Это именно было то время когда Грушенька укатила въ Мокрое, прошао не болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Оея сидѣла со своею бабушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжалъ „капитанъ“. Увидавъ его Оея закричала благимъ матомъ.

— Кричишь? завопилъ Митя:—Гдѣ она? Но не давъ отвѣтить еще слова обомлѣвшей отъ страху Оеи, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Оея, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Федоровичъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, заклалась забожилась Оея, — сами вы давеча съ ней пошли....

— Она назадъ пришла!..

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь не приходила!

— Врешь, вскричалъ Митя, — ужъ по одному твоему испугу знаю гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Оея рада была что дешево отдѣлалась, но очень хорошо поняла что ему было только некогда, а то бы ей можетъ не сдобровать. Но убѣгая онъ все же удивилъ и Оею, и старуху Матрену одною самою неожиданною выходкой: на столѣ стояла мѣдная стулка, а въ ней лестики, небольшой мѣдный лестикъ въ четверть аршина всего длиною. Митя, выбѣгая и уже отворивъ одну

рукой дверь, другою вдругъ на лету выхватилъ пестикъ изъ стулки и сунулъ себѣ въ боковой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ Господи, онъ убить кого хочетъ! всплеснула руками Оея.

IV. ВЪ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: „гдѣ же она могла быть какъ не у Федора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала къ нему, теперь-то ужь это ясно. Вся интрига, весь обманъ теперь очевидны“.... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его. На дворъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не побѣжалъ: „Туда не надо, отнюдь не надо.... чтобы ни малѣйшей тревоги.... тотчасъ передадутъ и предадутъ.... Марья Кондратьевна очевидно въ заговорѣ, Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены!“ У него создалось другое намѣреніе: онъ побѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ переулочъ, домъ Федора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединенный переулочъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный съ одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой крѣпкимъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ садъ Федора Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и кажется то самое, гдѣ, по преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла когда-то заборъ. „Если ужь та смогла перелѣзть“, Богъ знаетъ почему мелькнуло въ его головѣ,—то какже бы я-то не перелѣзъ?“ И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ своровилъ схватиться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподнялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборъ верхомъ. Тутъ вблизи въ саду стояла банька, но съ забора видны были и освѣщенныя окна дома. „Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено, она тамъ!“ и онъ сыркнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и зналъ что Григорій боленъ, а можетъ-быть и Смердяковъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинктивно притаился, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но всюду было мертвое молчаніе и какъ нарочно лояное затишье, ни малѣйшаго вѣтерка.

„И только шелчетъ тишина“, мелькнулъ почему-то этотъ стишокъ въ головѣ его,—„вотъ только не услышалъ бы кто какъ я перескочилъ; кажется нѣтъ.“ Постоявъ минутку онъ

тихонько лошелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и кусты, шелъ долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу своему самъ прислушиваясь. Минуть съ пять добирался онъ до освѣщеннаго окна. Онъ помнилъ что тамъ подъ самыми окнами есть нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ бузины и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой сторонѣ фасада была залерта, и онъ это нарочно и тщательнѣе высмотрѣлъ прохода. Наконецъ достигъ и кустовъ и притаился за ними. Онъ не дышалъ. „Переждать теперь надо, подумалъ онъ, если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то чтобы разуверились... какъ бы только не кашлянуть, не чихнуть“....

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось ужасно и мгновеніями онъ почти задыхался. „Нѣтъ, не пройдетъ сердцебіеніе, подумалъ онъ,—не могу дальше ждать.“ Онъ стоялъ за кустомъ въ тѣни; передняя половина куста была освѣщена изъ окна. „Калина, ягоды, какія красныя!“ прошепталъ онъ не зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными неслышными шагами подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спаленка Федора Павловича предстала предъ нимъ какъ на ладони. Это была небольшая комнатка вся раздѣленная полерекъ красными ширмочками, „китайскими“, какъ называлъ ихъ Федоръ Павловичъ. „Китайскія“, провеселось въ умѣ Мити, „а за ширмами Грушенька“. Онъ сталъ разглядывать Федора Павловича. Тотъ былъ въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, котораго никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясаннымъ шелковымъ же шарфомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выглядывало чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ золотыми залочками. На головѣ у Федора Павловича была та же красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. „Разодѣлся“, подумалъ Митя. Федоръ Павловичъ стоялъ близъ окна по видимому въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чуть-чуть прислушался и, ничего не услыжавъ, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина лодрюмочки коньячку и выпилъ. Затѣмъ вздохнулъ всюю грудью, опять постоялъ, раздѣльно подошелъ къ зеркалу въ простѣвкѣ, правой рукой приподнял немного красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои снѣжки и болячки, которые еще не прошли. „Онъ одинъ“, подумалъ Митя, „по всемъ вѣроятностямъ одинъ.“ Федоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся

къ окну и глянулъ въ него. Митя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

„Она можетъ-быть у него за ширмами, можетъ-быть уже спитъ“, колынуло его въ сердце. Федоръ Павловичъ отъ окна отошелъ. „Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало-быть ея вѣтъ: чего ему въ темноту смотреть?... ветерлѣвѣе значить пожара ть...“ Митя тотчасъ подскочилъ и олять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ видимо пригорюнившись. Наконецъ облокотился и приложилъ правую ладонь къ щекамъ. Митя жадно вглядывался.

„Одинъ, одинъ!“ твердилъ онъ олять. „Еслибъ она была тутъ, у него было другое лицо.“ Странное дѣло: въ его сердцѣ вдругъ закипѣла какая-то бессмысленная и чудная досада на то что ея тутъ вѣтъ. „Не на то что ея тутъ вѣтъ“, осмыслилъ и самъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ же, — „а на то что никакъ навѣрно узнать не могу, тутъ она или вѣтъ“. Митя припоминалъ потомъ самъ что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ необыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣшимости нарастала въ сердцѣ его съ быстротой непомерною. „Здѣсь она наконецъ или не здѣсь?“ злобно закипѣло у него въ сердцѣ. И онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и лотихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со Смердаковымъ: два первые раза лотше, а потомъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ,—знакъ обозначававшій что „Грушенька пришла“. Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Федоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты что ли? проговорилъ онъ какимъ-то дрожащамъ полуселотомъ.—Гдѣ ты маточка, ангелочикъ, гдѣ ты? Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

„Одинъ!“ рѣшилъ Митя.

— Гдѣ же ты? крикнулъ олять старикъ и высунулъ еще больше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ стороны, направо и налево;—иди сюда; я гостинчику приготавливалъ, иди, покажу!...

„Это онъ про пакетъ съ тремя тысячами“, мелькнуло у Мити.

— Да гдѣ же?... Али у дверей? Сейчасъ отворю..

И старикъ чуть не вылезъ изъ окна, заглядывая направо, въ сторону гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ темнотѣ. Черезъ секунду онъ непремѣнно побѣждалъ бы отпирать двери, не дождавшись отвѣта Грушевки. Митя смотрѣлъ съ боку и не шевелился. Весь столъ противный ему профили старика, весь отвѣснѣй кадыкъ его, носъ крючкомъ, улыбающійся въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко было освѣщено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Страшная, неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: „Вотъ онъ, его солерникъ, его мучитель, мучитель его жизни!“ Это была приливъ той самой врезалкой, мстительной и неистовой злобы про которую, какъ бы предчувствуя ее, возбѣстилъ онъ Алешѣ въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ, когда отвѣтилъ на вопросъ Алешу: „какъ можешь ты говорить что убьешь отца?“

„Я вѣдь не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; можетъ не убью, а можетъ убью. Боюсь что ненавиستنъ онъ вдругъ мнѣ станетъ *„своимъ лицомъ съ ту самую минуту“*. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь...“

Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный лезвѣй изъ кармана....

.....

Богъ, какъ самъ Митя говорилъ потомъ, сторожилъ меня тогда: какъ разъ въ то самое время проснулся на одрѣ своемъ больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того же дня онъ совершилъ надъ собою извѣстное дѣяніе, о которомъ Смердаковъ разказывалъ Ивану Федоровичу, то-есть вытерся весь съ помощью супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ крѣпчайшимъ настоемъ, а остальное выпилъ съ „нѣкоторою молитвой“, прошептанныю надъ нимъ супругой, и залегъ спать. Марья Игнатьевна вкусила тоже и какъ нелюбимая заснула подлѣ супруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно Григорій вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хотъ тотчасъ же олять почувствовалъ жгучую боль въ поясацѣ, но поднялся на постели. Затѣмъ олять что-то обдумалъ, всталъ и наскоро одѣлся. Можетъ-быть угрызение совѣсти кольнуло его за то что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа „въ такое опасное время“. Разбитый

ладучею Смердяковъ лежалъ въ другой каморкѣ безъ движенія. Марья Игнатьевна не шевелилась: „ослабѣла баба“, подумалъ глянувъ на нее Григорій Васильевичъ и крахтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ только глянуть съ крылечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль въ поясницѣ и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ вдругъ припомнилъ что калитку въ садъ онъ съ вечера на замокъ не заперъ. Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ. Хромая и корчась отъ боли сошелъ онъ съ крылечка и направился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ настѣжъ. Машинально ступилъ онъ въ садъ: можетъ-быть ему что померещилось, можетъ услышалъ какой-нибудь звукъ, но глянувъ налѣво увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже окошко, никто уже изъ него не выглядывалъ. „Почему отворено, теперь не лѣто!“ подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе прямо предъ нимъ въ саду замелькало что-то необычайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ бы пробѣгалъ въ темнотѣ человѣкъ; очень быстро двигалась какая-то тѣнь. „Господи!“ проговорилъ Григорій и, не помня себя, забывъ про свою боль въ поясницѣ, пустился на перерѣзъ бѣгущему. Онъ взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣ чѣмъ бѣгущему; тотъ же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, бросился къ стѣнѣ.... Григорій слѣдилъ его не теряя изъ виду и бѣжалъ не помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ ту минуту когда бѣглецъ уже перелезъ заборъ. Въ себя завопилъ Григорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его ногу.

Такъ и есть, предчувствіе не обмануло его; онъ узналъ его, это былъ онъ „извергъ-отцеубивецъ“!

— Отцеубивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность, но только это и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ какъ пораженный громомъ. Митя соскочилъ олять въ садъ и нагнулся надъ поверженнымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и онъ машинально отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Григорія, но не въ траву, а на тропинку, на самое видное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ лежащаго предъ нимъ. Голова старика была вся въ крови; Митя протянулъ руку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ потомъ ясно что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту „вполнѣ убѣдиться“ проломилъ онъ

черепъ старику или только „огорошил“ его пестикомъ по те-
мени? Но кровь лилась, лилась ужасно и мигомъ облила го-
рячею струей дрожащія пальцы Мити. Онъ ломилъ что вы-
хватилъ изъ кармана свой бѣлый новый платокъ, которымъ
запасся идя къ Хохлаковой, и приложилъ къ головѣ стари-
ка, бессмысленно стараясь оттереть кровь со лба и съ лица.
Но и платокъ мигомъ весь намокъ кровью. „Господи, да для
чего это я?“ очнулся вдругъ Митя, „коли ужъ проломилъ, то
какъ теперь узнать... Да и не все ли теперь равно!“ приба-
вилъ онъ вдругъ безнадежно, — „убилъ, такъ убилъ... Попался
старикъ и лежи!“ громко проговорилъ онъ, и вдругъ кинулся
на заборъ, перепрыгнувъ въ переулокъ и пустился бѣжать.
Намокшій кровью платокъ былъ скомканъ у него въ пра-
вомъ кулакъ и онъ на бѣгу сунулъ его въ задній карманъ
сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣсколько рѣдкихъ
прохожихъ, ловстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на улицахъ
города, запомнили потомъ какъ встрѣтили они въ ту ночь
неистово бѣгущаго человека. Летѣлъ онъ олять въ домъ
Морозовой. Давеча Оея, тотчасъ по уходѣ его, бросилась
къ старшему дворнику Назару Ивановичу и „Христомъ-Бо-
гомъ“ начала молить его чтобъ онъ „не впускалъ ужъ боль-
ше калитана ни сегодня, ни завтра“. Назаръ Ивановичъ, вы-
слушавъ, согласился, но на грѣхъ отлучился на верхъ къ ба-
рынѣ, куда его внезапно позвали, и на ходу, встрѣтивъ сво-
его племянника, ларя лѣтъ двадцати, недавно только при-
бывшаго изъ деревни, приказалъ ему побыть на дворѣ, но
забылъ приказать о калитанѣ. Добѣжавъ до воротъ Митя
постучался. Парень мигомъ узналъ его: Митя не разъ уже
давалъ ему на чай. Тотчасъ же отворилъ ему калитку, впу-
стилъ и, весело улыбаясь, предупредительно поспѣшилъ увѣ-
домить что „вѣдь Аграфены Александровны теперь дома-то
и нѣтъ-съ“.

— Гдѣ же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя.

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимофеемъ, въ
Мокрое.

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то, кто-то
ихъ позвалъ оттудова и лошадей прислали...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ Оеѣ.

ПРОРОКЪ*

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ

Полночь въ соборѣ.

Снова въ торжественно пышной процессіи явлется полъздъ
Къ площади главной Сіона, гдѣ Янъ, соблюдая обычай,
Ежедневно судилъ и разсматривалъ жалобы гражданъ.
Всѣ представители власти его окружаютъ. Дивара
И три жены короля, въ вѣнцахъ и въ роскошныхъ убо-

ражъ,
Также присутствуютъ тутъ: на бѣлыхъ коняхъ оны ѣдутъ,
Какъ мотыльки на цвѣтахъ граціозно качаясь на сѣдлахъ.
Коней ведетъ подъ устцы въ красивой одеждѣ прислуга.

Та же все пышность и блескъ окружаютъ безмолвнаго
Яна,

Съ тѣмъ же восторгомъ встрѣчаетъ народъ своего вѣнце-
носца;

Но уже самъ овъ не тотъ: его ликъ не сіяетъ какъ прежде;
Нѣтъ, на конѣ горделивомъ сидитъ овъ согбенный и мрач-
ный,

Только порою рука его, будто отъ судорги дрогауя,

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 4, 5, 6, 8 и 9й.

Стиснетъ меча рукоятъ, и взоръ, на толпу устремленный,
Вдругъ какъ зарница сверкнетъ; но лотомъ и угаснетъ
мгновенно,

Грустная дума чело омрачить, и безсилно подписнуть
Руки, подобно надломаемымъ крыльямъ орла молодого.

Взоры толпы привлекаютъ теперь три избранницы Яна,
Женщины съ завистью смотрятъ на нихъ, а мужчины тол-
куютъ:

„Имъ и не снилось, пожалуй, дожить до такого почета!“—
„Да, но не все что блеститъ, то и золото“,—судятъ другіе:
„Слышали ль вы, какъ король обращается съ вами порою?
Онъ ни одну вѣдь изъ нихъ не приблизилъ къ себѣ какъ
сулругу;

Больше же всѣхъ онъ изъ нихъ чуждается смуглой Дивары.“

Такъ говорили въ народѣ, а повѣздъ межъ тѣмъ при-
ближался

Бъ площади, гдѣ передъ ратушей тронъ былъ воздвигнутъ
для Яна,

Убранный пышно коврами. Поднявшись къ нему по сту-
пенкамъ,

Усталымъ краснымъ сукномъ, занялъ мѣсто король на
престола;

Подлѣ него размѣстились носители власти въ Сіонѣ,

Также и жены. И вотъ громогласно герольдъ объявляетъ,

Что засѣданье суда для народа открыто. Едва онъ

Это сказалъ, какъ стремительно бросились женщины къ
трону,

Каждой хотѣлось изъ нихъ заявить свою жалобу прежде;

Но маловенъемъ руки государь отстранилъ ихъ, желая

Выслушать прежде докладъ отъ старѣйшихъ Сіона, кото-
рымъ

Были даны въ управленье отдѣльныя города части.

Тотчасъ они подошли, и отъ каждаго поочередно

Выслушалъ Янъ доносеніе о томъ что творится въ Сіонѣ,

О безпорядкахъ, какіе возникли въ послѣднее время:

Тотъ занимается тайно продажей и куплей, а деньги

Прячетъ, вмѣсто того чтобъ сдавать ихъ всѣ въ общую
кассу;

Тотъ уличается въ томъ что кольцо утаивъ золотое,

Носить его на ногѣ; тѣ—противно уставу Сіона

Двери свои запираютъ; а тѣ, недовольные долей

Разныхъ припасовъ съѣстныхъ, отпускаемыхъ имъ по
раздачу,

Требуютъ больше себя, уменьшая тѣмъ долю согражданъ;
Тѣ обвиняются въ лѣни и въ томъ что, противно приказу,
Не исполняютъ работъ назначаемыхъ имъ комиссаромъ;
Но не молчали и тѣ кто навлекъ на себя обвиненье,—
Каждый старался себя оправдать; такъ одни говорили:

„Мы потому недовольны намъ данною долей припасовъ,
Что раздаватели саишкомъ пристрастны къ однимъ предъ
другими:

Тѣмъ, кто имъ больше пріятель, даютъ они бѣольшую долю;
Да' и потребности каждаго такъ же различны какъ люди
Между собой; что довольно однимъ, то другимъ мало-
вато.“

„Мы потому запираемъ дома,—говорили другіе,—
Что между гражданъ теперь появились нахальные люди
(Взглядомъ при этомъ они указали на смуглыхъ пришель-
цевъ),—

Эти бродяги, безсовѣстно къ намъ забираясь въ жилище,
Крадутъ съѣстные припасы, затѣмъ что въ послѣднее
время

Стала скуднѣе для всѣхъ ежедневная доля раздачу.“
„Чѣмъ же мы хуже другихъ?“—говорили въ свое оправ-
данье

Тѣ кто, противясь приказу, работъ исполнять не хотѣли:
„Мы не боимся труда, но гаушаемъ черной работой;
Площади чистить отъ грязи и съ улицъ свозить нечи-
стоты—

Эта работа для насъ, именитыхъ гражданъ, неприлична!“
Выслушавъ Янъ обвиняемыхъ и отвѣчалъ имъ, по-
думавъ:

„Мужи Сиона! межъ вами не вижу я духа единства.
Духа, котораго требуетъ новый уставъ сионитовъ;
Если же духъ этотъ лаяъ, то и самый уставъ вамъ не ну-
женъ;

А потому возвратитесь къ привычному образу жизни.
Общее право владѣнья лишь тамъ и возможно, гдѣ люди
Братской семьей живутъ и стремятся всѣ къ бѣли еди-
ной.“

Только онъ это сказалъ, какъ Крехтингъ насмѣшли-
во крикнулъ:

„Что говоришь ты? Ужь будто нѣтъ духа единства межъ нами?

Нѣтъ, онъ живетъ еще въ насъ, имъ сердца всѣхъ разумнѣйшихъ полны;

Общій нашъ лозунгъ: „впередъ!“ А ты хочешь назадъ обратитъ насъ!

Если кой-кто нарушаетъ уставъ, то можно ли въ этомъ Самый уставъ обвинять? Лучше ты накажи виноватыхъ!“

Такъ возразилъ ему Крехтингъ, и крикъ одобренья раздался

Съ разныхъ сторонъ изъ толпы.

Съ презрѣнiемъ Янъ улыбнулся,

Онъ обратился къ виновнымъ и судъ произнесъ свой надъ ними:

Тѣхъ кто не хочетъ работать—къ двойной присуждаетъ работѣ;

Тѣхъ кто считалъ для себя унизительнымъ улицъ метенье—

Онъ повелѣлъ приставлять къ исполненiю этой работы;

Кто не хотѣлъ быть доволенъ своей присужденною долей—

На половину за то уменьшалъ онъ ихъ прежнюю долю.

Всѣмъ раздающимъ приласы онъ строгое далъ повелѣнiе
Должность свою исполнять безпристрастно, правдиво и честно;

А старшинамъ повелѣлъ всѣмъ Цыганамъ назначить работу,

Чтобы отъ праздныхъ бродягъ не страдало спокойствiе гражданъ.

Тутъ изъ народной толпы раздался голоса недовольныхъ,

Большею частiю женщинъ: онъ ужъ давно порывались

Высказать все государю что въ сердцахъ у нихъ накопилось.

Всѣ окружили его и послѣшню одна предъ другою

Точно сороки щебечуть. Наскучило Яну ихъ слушать,

Онъ, недовольный и мрачный, отъ нихъ отвернулся; Ванъ Штратень,

Это замѣтивъ сказалъ: „Ты сегодня, я вижу, не въ духѣ,

Янъ дорогой, такъ позволь мнѣ тебя замѣнить передъ ними.

Женщинъ отлично я знаю и съ ними скорѣе поажду!“

Янъ улыбнулся и Лилсу отвѣтилъ: „Займи мое мѣсто,
Шутъ мой любезный, и будь имъ правдивымъ судьей.“—

„Съ охотой“,

Лилсъ отвѣчалъ. — „Ну, такъ слушайте, граждане, я называюсь

Шутомъ придворнымъ, дуракъ я: но Богъ намъ всегда посылаетъ

Съ должностью столько ума, сколько нужно для нашего дѣла.

Жены Сіона! у многихъ изъ васъ испараланы лица:

Это съ тѣхъ поръ какъ мужа ваши жены завели собою новыхъ,—

Это духъ времени, значить. Какъ общее право владѣнья

Можно узнать по заводу улицъ, по кучамъ навоза.

Такъ многоженство по вашимъ рубцами украшеннымъ лицамъ.

Ну-съ, я васъ слушать готовъ, изложите мнѣ жалобы ваши!“

Такъ онъ сказалъ, и къ нему приступила толпа недовольныхъ

Женщинъ Сіона и всѣ одна предъ другою слѣпили

Горе свое изложить: пожилая во всемъ обвиняла

Младшихъ соперницъ своихъ, а тѣ, возражая, вилили

Ихъ же самихъ въ клеветѣ и въ различныхъ придиркахъ обидныхъ.

Слезы, и крики, и брань ни на мигъ не смолкали межъ ними.

Вотъ привели предъ судью одну женщину, мрачную съ виду,

И обвинили ее что она задушила подругу;

Вотъ привели и другую, которая мужа убила...

Выступилъ потъ на лицѣ у судьи отъ разбора всѣхъ жалобъ.

Чтобъ устранить преступленья, рѣшилъ онъ что въ гражданствѣ каждый

Женъ въ своемъ домѣ держалъ завсегда въ помѣщеньяхъ отдѣльныхъ,

А, уходя со двора, запиралъ ихъ покрѣпче. Иные

Женъ обвиняли своихъ что онѣ некорны ихъ волю,

Не исполняютъ того что должны исполнять, а другіе

Прямо просили развода съ женой, выставляя причиною

То что она надѣла, и Лилсъ, приговоръ изрекая
 Каждому, всѣхъ удивляя имъ: такъ первыхъ за то пори-
 цалъ онъ

Что не умѣютъ они держать своихъ женъ въ подчиненъи,
 А потому и должны ихъ оставить и дать имъ свободу,
 А о разводѣ просящимъ онъ прямо отказывалъ въ просьбѣ:
 „Мало одной вамъ жены,—говорилъ онъ,—вы взяли вторую,
 Третью и третью еще, а теперь вотъ онъ надѣли!

Сами во всемъ виноваты, такъ сами за то и терпите!“

Тутъ же и жены иныя въ измѣнѣ мужьямъ обвинялись.
 Лилсъ, какъ судья справедливый, изслѣдовалъ каждое дѣло:
 Если онъ видѣлъ что мужъ, неразумно женѣ довѣряя,
 Часто въ широкъ уходилъ, оставляя ее съ молодежью,
 Или у себя на дому принималъ молодыхъ вертопраховъ,
 То всю вину возлагалъ на безлечнаго, глупаго мужа
 И привуждалъ его къ трудной подневной работѣ на шан-
 цахъ:

„Тутъ не жена виновата, не избранный ею любовникъ,—
 Такъ говорилъ онъ,—а мужъ, потому что былъ слишкомъ
 довѣрчивъ

И не сумѣлъ уберечь молодую жену отъ соблазна.“

Вотъ сквозь толпу протѣснились двѣ женщины съ жа-
 лобой къ Лилсу,—

Первая дѣтъ пожилыхъ, а вторая еще молодая.

Обѣ онѣ недовольны своими мужьями: у старшей
 Мужъ—человѣкъ пожилой и до крайности ей неприятель,—
 Ей бы хотѣлось другаго, который бы былъ помоложе,
 И потому прибѣгаетъ къ судѣ она съ просьбой покор-
 ной,

Чтобы король соизвоилъ назначить другаго ей мужа—
 Юношу, коего сердце еще о любви не мечтало.

„Сколько, скажи, тебѣ дѣтъ?“ спросилъ ее Лилсъ, улы-
 баясь.

„Тридцать!“ она прошептала.—„Ну, а жешь: тебѣ съ хвостикомъ сорокъ!

Это могу заключить я изъ просьбы твоей сумасбродной,
 Всѣ вы такія: вы съ дѣтства играть начинаете въ кулаки,
 А какъ вамъ за сорокъ стукнуть,—за нихъ привимаается
 снова.“

Такъ онъ сказалъ ей и къ младшей подругѣ ея обратился.
 Та заявила печально что мужъ ея слишкомъ ужъ молодъ,

Глуль и неопытенъ очень и къ ласкамъ ея равнодушенъ,
А потому она проситъ назначить ей мужа постарше.
Лилсъ обратился тогда къ безбородому ларю съ вопро-
сомъ:

„Ты почему такъ суровъ и неласковъ съ своею женою?“—
„Я не суровъ, но лишь робокъ,“—отвѣтилъ застѣнчиво
Лилсу

Парень и самъ покраснѣлъ,—„а она все бравится да пла-
четъ!“—

„Правду сказала она что неопытенъ ты и глуленекъ;
Ты для нея не годишься: ей нуженъ другой—поумнѣ.“
Онъ посмотрѣлъ на просительницу и, улыбаясь, примол-
вилъ:

„Вашему горю не трудно помочь: помѣняйтесь мужьями!“
Такъ онъ рѣшилъ и онъ подчинились охотно приказу.
Тутъ предъ судьей одна женщина съ наглостью дерзкой
предстала

И говоритъ ему такъ: „Вы, мушкетеры, имѣете право
Нѣсколько жевъ себѣ брать; почему же закономъ Сіона
Не разрѣшается это и намъ? Почему мы не можемъ
Многихъ мужей себѣ брать, чтобъ дѣлать съ ними брачное
ложе?“

Сильно разгнѣвался Лилсъ на такое безстыдство и крик-
нулъ:

„Вонъ эту тварь изъ Сіона! она оскверняетъ вашъ го-
родъ.

Въ лагерь ее прогоните къ лавскнехтамъ епископа-кня-
зя!“

Но, наконецъ, истощились всѣ жалобы, просьбы, вопросы.
Вдругъ изъ толпы провожавшей Дивару явился предъ
Лилсомъ

Червокудрявый Цыганъ съ блестящими дико глазами.
„Шутъ государя!“—вскричалъ онъ:—„ты кончалъ телерь
свое дѣло;

Мѣсто свое уступилъ королю: пусть онъ телерь судить!
Да, государь! ужъ не мирное дѣло рѣшить тебѣ нужно,
А преступленье, которое мечъ палача лишь караетъ.
Знай, повелитель Сіона: тебѣ нанесли оскорбленье!
Граждане! знайте что вашъ государь оскорбленъ, олозо-
рень!“

Янъ лобѣдѣвалъ и вскричалъ: „Говори, кто меня олозорилъ?“—

„Да, государь! твоя честь пострадала: тебѣ измѣнила Эльза Вандшереръ, недавно избранная въ жены тобою. Вотъ она въ пыльномъ уборѣ въ кругу твоихъ женъ возсѣдаетъ!“

Прошаю ночью она принимала любовника тайно:

Онъ въ ея спальню прошелъ и она ему дверь отворила,

А на зарѣ онъ сегодня тайкомъ отъ нея пробирается:

Я его тутъ подстерегъ и увидѣлъ своими глазами.

Вотъ онъ и самъ налицо — этотъ юный кудравый молодчикъ!

Вотъ онъ! возьмите его! и пускай онъ все самъ намъ разкажетъ!“

Стража схватила его и поставила предъ государемъ.

Онъ лобѣдѣвалъ и дрожалъ, но упорно во всемъ отрекался.

Янъ повелѣвалъ тогда Эльзѣ предстать передъ нимъ для допроса.

Съ полнымъ невинности видомъ она подошла и упорно

Также во всемъ отрекалась, увѣряя что долга супруги.

Не нарушала она, и взоръ ея такъ былъ невиненъ,

Такъ убѣдительно клятва, что всѣ были тронуты ею,—

Всѣ сожалѣли о ней, какъ о жертвѣ невинной доноса;

Только не Янъ: онъ, сурово схвативъ ея руку, поставилъ

Передъ собою ее и пытливо взглянулъ въ ея очи.

„Женщина! ты солгала!“ онъ сказалъ, и бѣдняжка въ смущеньи

Вывести взора его не могла: задроживъ и потулясь,

Пала къ ногамъ суди и рыдая во всемъ повинилась.

Тутъ ужъ и юноша болѣ не смѣлъ залпираться въ проступкѣ.

Онъ разказалъ откровенно что былъ онъ товарищемъ дѣтства

Эльзы Вандшереръ, что были они женихъ и невѣста,

Въ вѣрности вѣчной другъ другу поклявшись, и были готовы

Брачнымъ вѣнцомъ закрѣпить свой сердечный союзъ; но внезапно

Эльза, польщенная честию супругою быть государя,

Клятвѣ своей измѣнила. Тогда съ сокрушеньемъ сердеч-

Онъ навсегда отъ нея отказался; но вотъ къ нему тайно
 Посланный кѣмъ-то Цыганъ подошелъ и сказалъ ему тихо,
 Что его вечеромъ ждетъ на свиданіе Эльза Вандшереръ
 И что онъ самъ его къ ней проведетъ, когда станетъ тем-
 нѣе.

Вечеръ пришелъ, и вожатый самъ ввелъ его въ комнату
 Эльзы.

Страшно она испугалась: она не искала свиданья,
 Не посылала за нимъ и боится тутъ тайнаго кова.

Это страшило обоихъ; но прежнее чувство проснулось.

Онъ се къ сердцу прижалъ и остался у ней до разсвѣта.

Янъ его выслушалъ молча и къ Эльзѣ потомъ обра-
 тился.

„Ты поклялась ему нѣкогда въ вѣрности вѣчной?—сказалъ
 онъ,

Но измѣнила ему, а теперь измѣнила и мужу,—

И по уставу Сіона ты смертную казнь заслужила;

Да, ты должна умереть! Не за то что ты мнѣ измѣнила,

Нѣтъ, но за то что забыла ты прежнюю въ вѣрности
 клятву;

Не посрамленіе брачнаго ложа въ виду тебѣ ставлю,

Но нарушеніе клятвы въ любви неизмѣнной и вѣчной.

О, безсердечная кукла! что можешь ты смыслить о вѣч-
 номъ?

Беречь Квиллердоллингъ! исполни теперь приговоръ надъ
 виновной!⁶

Такъ повелѣлъ онъ, и стражи схватили несчастную
 Эльзу...

Янъ возвратился къ себѣ во дворецъ, но, взволнованный
 духомъ,

Тщето покоя искалъ онъ, бродя по обширнымъ черто-
 гамъ.

Солнце спускалось къ закату, и Янъ, чтобъ свой
 духъ успокоить,

Слова покинулъ дворецъ и шаги свои къ валу направилъ,
 Чтобъ совершить свой обычный обзоръ крѣпостныхъ
 укрѣпленій;

Лилсъ, Квиллердоллингъ и Крехтингъ, и Тиланъ его про-
 вожаютъ.

Вотъ, начиная отъ башни святаго Маврикія, тихо

Путь направляють они отъ востока на западъ вдоль вала.

Легче, свободнѣе дышется Яву въ душанаго града.
 Съ вала ему въ отдаленьи видѣется лагерь враждебный,
 Ставка отважнаго Вильке-фонъ-Штедингъ, который съ
 седьмою

Частию войска стоитъ близъ Маврикія стѣвъ монастыр-
 скихъ,

Нынѣ являющихъ взору печальную груду разваливъ.

А на валу сѣззоботно сидятъ и лежатъ въ круговую
 Граждане около лупекъ, жерломъ обращенныхъ на ла-
 геръ;

Въ кости играютъ одни, а другіе поютъ хоровую.

Лица ихъ тощи и блѣдны и видъ извуремъ; но лишь только
 Ява они увидали, какъ встрѣтили крикомъ привѣта.

Онъ разспросилъ ихъ о ходѣ осады и всѣ сожалѣли
 Что непріятель молчитъ и совсѣмъ не даетъ имъ работы,
 Что онъ зарылся лодъ земаю и высунуть носа не смѣетъ.
 „Право,—сказалъ тутъ одинъ,—еслибъ только не вылазки
 наши,

То онъ совсѣмъ бы уснулъ, позабывъ про войну и осаду.
 Точно какъ будто не мы, а они тутъ въ осадѣ: зарылись
 Въ земаю они какъ кроты и лопаты у нихъ вмѣсто ружей.“—
 „Что жь? тѣмъ и лучше!—замѣтилъ съ улыбкою Крех-
 тингъ,—тѣмъ больше

Ядеръ и пуль сбережется у насъ.“— „Что правда, то прав-
 да:

Ихъ маловато у насъ какъ въ Мюнстерѣ хлѣба,—промо-
 вилъ

Съ горькой улыбкой одинъ изъ толлы,—вмѣсто ядеръ мы
 камни

Въ лупки кладемъ иногда; а ужъ въ насъ-то они не стрѣ-
 ляютъ.“

„Что имъ стрѣлять лопалрасну?—замѣтилъ другой,—они
 знаютъ

Что наконецъ мы отъ голода сами имъ въ лалы сдадимся.

Да вѣдь оно такъ и будетъ: у насъ не хватаетъ и соли,

А ужъ о сырѣ и маслѣ давно позабыли и думать.

Старыхъ коней мы убили, затѣмъ что ужъ корму не стало:

Скоро мы будемъ жалѣть что ихъ трулы мы въ землю за-
 рыли.

Въ первое время ивые ролтали на волю пророка,

Чтобы всѣ двери въ домахъ оставались отворены настежь,

Такъ какъ порою къ нимъ въ домъ поросята и свиньи вбѣ-
гаи;

Ну, а теперь ужь навѣрное каждый радехонекъ былъ бы
Двери свои отворить чтобъ къ нему забѣжалъ поросенокъ!“—
„Вздоръ ты боатаешь! сердито сказалъ ему Крехтингъ гор-
батый,—

Только лишь трусы одни и боятся что мало приласовъ:
Есть у насъ сотни коровъ и въ садкахъ заласенная рыба;
Въ городѣ есть огороды, гдѣ много калусты и рѣпы,
Но, вѣроятно, до нихъ намъ добратся совсѣмъ не при-
дется:

Ибо я знаю что прежде чѣмъ выростеть все и созрѣть,—
Къ намъ подойдетъ подкрѣпленье и насъ отъ осады изба-
вить.

Вотъ тогда будетъ у насъ настоящее царство Сіона!
Къ намъ потекутъ отовсюду съ избыткомъ всѣ блага зем-
ныя,

И наградятъ сторицею наши труды и терпѣнье!
Пусть громъ небесный сразитъ того труса, кто думаетъ
сдаться!

Будемъ же драться, терпѣть и отважно бороться съ нуж-
дою:

Кто потерпѣлъ до конца, того ожидаетъ спасенье!“
Такъ ободрялъ онъ гражданъ, и у многихъ глаза засвер-
кали.

„О, мы готовы терпѣть! вскричали они,—мы готовы
Все перенести, лишь бы только достигнуть свободы и
счастья!

Тотъ негодяй и подлець, кто отъ насъ ко врагамъ отшат-
нется!“

Янъ продолжаетъ въ молчаливѣ обзоръ укрѣпленій вдоль
вала;

Вотъ миновалъ онъ ворота Серватія съ башней высокой
И подошелъ къ монастырской оградѣ обители Ницингъ,
Гдѣ онъ впервые увидѣлъ свою незабвенную Гиллу,
Гдѣ его сердце забилось любовью, какъ совъ улетѣвшей...
Дальше идетъ онъ къ воротамъ и храму святаго Людгера,
Съ башни котораго виденъ весь лагерь наемнаго войска,
Что подъ начальствомъ Корицера съ юга Сіонъ обложило.
Къ западу путь направляя, достигъ наконецъ Янъ до мѣ-
ста,

Гдѣ, по зеленымъ лугамъ протекая, оребристая Аа
Въ городъ вступала и дальше течетъ межъ его огородовъ.
Вдругъ его слухъ поражаетъ неистовый крикъ осажден-
ныхъ:

Онъ застаетъ ихъ въ пылу рукопашной вражды межъ со-
бою

Изъ-за боченка вина. Увидавъ предъ собой государя,
Вдругъ присмирѣли они, и на гнѣвный вопросъ отвѣчая,
Такъ доложили ему: „Мы удачное выбрали время
Отдыха въ станѣ врага и провѣдали къ нему за околы;
Тамъ послѣ схватки упорной мы взяли вотъ это въ до-
бычу

И прикатили сюда; мы хотѣли раслить эту бочку,
Но тутъ другіе изъ гражданъ, которые не были въ дѣлѣ,
Къ намъ приступили чтобъ мы подѣлились добычею съ
вами,

Такъ какъ у насъ установлено общее право владѣнья.
Но мы отвѣтили имъ: если долю имѣть вы хотите
Въ томъ что мы взяли мечомъ, такъ возьмите и долю по-
боевъ!

Вотъ мы за то и сдѣлились.“

Враждующихъ строгимъ укоромъ
Янъ усмирилъ и велѣлъ въ кладовую отправить боченковъ.
Дальше идетъ онъ по валу къ приходу тому что зо-
вется

„Что надъ водою“ и гдѣ надъ домами стоитъ возвышавшаяся
Церковь святой Богородицы. Тамъ, у воротъ Богород-
скихъ,

Валъ двойной возведенъ для болѣе крѣпкой защиты;
Съ этого вала вдали были видны шатры и околы
Части епископскихъ войскъ, порученной начальству Сит-
тарда.

Съ этого мѣста дорога, дугой изгибаясь, тянулась
Къ пятымъ воротамъ, носящимъ названье: „Съ жидовскаго
лода“.

Здѣсь возвышались двѣ башни, съ которыхъ огромныя
лушки

Были направлены къ латому стану, лежащему въ шат-
цахъ,

Коемъ начальствовалъ Эгбо фонъ-Девернъ. Отсюда на сѣ-
веръ

Путь направааа, доворъ до Крестовыхъ воротъ достигаетъ,
Гдѣ возвышается грозно надъ ними бойница, а дальше
Пугало-башня, въ которой гнѣздилась ватага Дивары.
Съ конвою ратью изъ Клеве расположился тутъ становъ
Рыцарь Лаврентій фонъ-Горстъ; но телеръ его пушки без-

моавны,
И тишина гробовая господствуетъ въ ставѣ палистовъ.
Но на валу передъ башней толпа осажденныхъ ликуеть:
Слышны веселые крики и звуки цимбаловъ и бубновъ;
Тамъ веселится и пляшетъ ватага Цыганъ беззаботно;
Граждане смотрятъ серіозно на дикій ихъ таець; ивые
Также пускаются въ плясъ, увлеченные общимъ весельемъ.
Съ хохотомъ жевщины скачутъ, ихъ черныя космы какъ

змѣи
Хлещутъ по смуглымъ плечамъ, и глаза, разгорѣвшись,
сверкаютъ;

Дѣвы, цѣлуясь съ мужчинами, бѣшено пляшутъ обнявшись.
Такъ забаваясь, они не замѣтили въ дикомъ разгулѣ,
Какъ подошелъ къ нимъ дезоръ. Янъ взглянулъ на нихъ
взоромъ презрѣнья

И, отвернувшись, хотѣлъ удалиться; но въ это мгновение
Громъ перестрѣлки раздался вдали въ сторонѣ осажда-

шихъ.
Даже и скачущихъ пары, стрѣльбу услышавъ, прекратили
Пляску свою и увидѣли вдругъ предъ собой государя:
Съ вала онъ въ поле глядѣлъ, гдѣ гремѣла вдали пер-

стрѣлка.
Что это было такое—одинъ изъ Цыганъ объяснилъ имъ:
„Чтобъ подразнить непріятеля,—такъ говорилъ онъ,—Ди-

вара
Вышла съ отрядомъ своимъ изъ воинственныхъ жевщинъ
Сіона,

Собраннымъ ею недавно; она ихъ сама научила
Всѣмъ упражненьямъ военнымъ, и нынче на вылазку съ
ними

Уговорила идти и подругу свою, Габриэль:
Ибо, сказала она, только мужествомъ духа героическимъ
Можно привлечь благосклонность и нѣжную ласку супру-

га.“
Пристально съ вала смотрѣли всѣ въ даль и увидѣли скоро
Скачущій въ облакѣ пыли къ нимъ конный отрядъ ама-

Выстрѣлы вслѣдъ имъ гремѣли; но городъ ужь близко и съ
вала

Янъ среди нихъ увидалъ на конѣ распростертое тѣло
Крышко привязанной всадницы къ стану коня, а Дивара
Мчалась предъ нимъ и за поводъ тащила его за собою:
Это былъ трупъ Габриэли, сраженной враждебною пулей...
Вотъ отворились ворота, и въ башнѣ отрядъ прискакав-
шій

Скрылся отъ взоровъ толпы. Погруженный въ тяжелую
думу,

Янъ стоялъ на валу; но другіе съ таинственнымъ видомъ
Между собою шептались. „Не даромъ глаза у Дивары
Такъ разгорались, когда ея взоръ устремлялся къ убитой!“
Кто-то изъ гражданъ сказалъ.—„Ну да это совсѣмъ и не
диво,“—

Мрачно замѣтилъ другой: „Что дороже и лучше добычи
Можетъ и быть для нея, какъ соперницы мертвое тѣло?
Да, это дѣло ея—этой бѣдной красавицы гибель!“

„Знаете ль,—третій шепнулъ—что доносчикъ на Эльзу въ
измѣнѣ

Брачному ложу подослалъ былъ этою хитрою Цыганкой,
Такъ же какъ вѣстникъ который провезъ во дворецъ на
свиданье

Юношу къ бывшей невѣстѣ, солгавъ что его ожидаютъ.“
Но Кииллердолингъ могучій шепнулъ имъ, кивнувъ голо-
вою:

„Адекая женщина эта одна изъ такихъ у которыхъ
Ночью душа изо-рта лаукомъ выползаетъ наружу.“
Такъ толковали въ народѣ; межъ тѣмъ становилось тем-
нѣе;

Дальше отправилась Янъ и дошелъ до воротъ надъ рѣкою,
Тамъ, гдѣ она подъ аркадами моста вливается въ городъ.
Здѣсь изъ-за мельницъ прибрежныхъ вдали развѣваются
флаги

Стана которыхъ начальствуетъ рыцарь Швергуземъ. От-
сюда

Янъ достигаетъ послѣднихъ Гекстерскихъ воротъ, гдѣ
уныло,

Въ кучку собравшись, сидятъ позабытые вынѣ Сиономъ
Люди, которыхъ привезъ Маттиссонъ, ихъ пророкъ вдох-
новенный.

Всѣ собрались они вкругъ Дузентшура сѣдаго, внимая
 Темнымъ вѣщаньямъ его о позорномъ паденьѣ Сіона.
 Вотъ наступила и ночь, и туманы покрыли поляны;
 Тускло мерцають огни въ осаждающемъ станѣ; беззвѣздная
 Ночь и угрюма,—и Янъ вспоминаетъ теперь съ сожалѣн-
 емъ

Первое время осады: съ какимъ онъ тогда наслажденьемъ,
 Въ лѣтнія вочи, по валу обычный обходъ совершая,
 Легкою грудью вдыхалъ въ себя воздухъ ночной и порою,
 Подный отрады, смотрѣлъ на лазурное звѣздное небо,
 На многобашенный городъ, лежащій внизу, на далекий
 Станъ, гдѣ укрывшись безмоавствуетъ врагъ, имъ недавно
 разбитый...

Какъ все теперь измѣнилось!... Какой-то сжимающій хо-
 лодъ

Сердце его охватилъ! Какъ въ немъ безотрадно и пусто!
 Рвы крѣпостные такъ мрачно зябуть предъ нимъ, такъ
 угрюмо

Высятся валъ городской, а шатры отдаленнаго стана
 Точно толпа мертвецовъ встають въ своихъ саванахъ
 бѣлыхъ.

Валъ, гдѣ теперь находилася дозоръ, опустѣлъ совершенно,
 Только два мальчика съ видомъ испуга предъ нимъ про-
 бѣжали,

Въ дальнее поле другъ другу они указавъ, прошептали:
 „Видишь, на черномъ конѣ тамъ несется мертвецъ безго-
 ловый!“

Это бываетъ всегда передъ боемъ. Уйдемъ поскорѣе!“

Янъ продолжаетъ въ молчаньи свой путь и молчитъ
 его свита,

Только лишь Тилянъ одинъ, податъ Яна шагая, бормочетъ
 Что-то какъ будто во снѣ: про далекіе темные годы,
 Про Витекинда, вождя и героя язычниковъ Саксовъ,
 П про могилу его, о которой онъ слышалъ преданье,
 Что на высокомъ курганѣ стоитъ его ликъ величавый
 Въ затканной золотомъ пышной пурпурной одеждѣ, и
 видѣлъ

Самъ этотъ ликъ, что на немъ сапоги были жемчугомъ
 шиты,

Что этотъ доблестный вождь не убитъ на сраженьѣ съ
 врагами,

Какъ утѣряють иныя, но спасся съ остаткомъ дружины
Въ темномъ лѣсу, гдѣ гора передъ нимъ растворилась
и скрыла

Всѣхъ отъ логови враговъ, и теперь еще слышны порою
Конское ржанье въ горѣ и трубные звуки, и витязь
Ночью съ дружиной своей по горамъ и лѣсамъ раз-
вѣжаетъ,—

Машетъ стальнымъ копьемъ и сверкаетъ оно, отражая
Мѣсяца лучъ серебристый. Но время настанетъ, что вый-
детъ

Витязь со всею своею дружиной чтобъ лично развѣдать,
Гдѣ его мечъ драгоценный, который отточенъ для боя,
Но, безъ работы оставленный, вновь потускнѣлъ и заржавѣлъ.
Коль молодые устали, такъ старцы лускай ихъ замѣняютъ!

Такъ бормоталъ великанъ, между тѣмъ какъ они под-
ходили

Къ башнѣ Маврикія, гдѣ, довершивъ свой обзоръ укрѣп-
леній,

Съ вала спускается Янъ и по улицамъ города тихимъ
Тихо идетъ ко дворцу. Здѣсь, желая свой духъ успокоить,
Онъ отпустилъ провожатыхъ, одинъ только шутъ съ нимъ
остался

И, утѣшая его, сказалъ ему: „Будь веселѣе,
Янъ, вѣдь ты слышалъ что нынче разказывалъ Тилакъ,
сновидѣцъ,

Про короля Витекинда, который придетъ къ намъ на по-
мощь?

Вотъ такъ раздолье тогда у насъ будетъ съ двумя ко-
ролями!

Я свою глупость тогда подѣлю между вами охотно!“

„Два государя въ Сіонѣ? Къ чему?“—улыбаясь отвѣтилъ
Янъ,—„для Сіона теперь и одинъ уже сдѣлался лишнимъ!“

„Я не согласенъ съ тобой,“—возразилъ ему Липсъ, ухмы-
лясь:

„Міру нужны короли и безъ нихъ обойтись неудобно:
Вотъ, напримѣръ, здѣсь у насъ хоть и общее право владѣнья,
Нуженъ однако такой человекъ для котораго можно
Лучшій кусокъ отдѣлать; вѣдь на всѣхъ бы его не хватило;
Нужно жъ имѣть человека который носилъ бы корону
Съ цѣннымъ алмазомъ, который нельзя же разбить на
кусочки

И раздѣлить на толпу, пусть одинъ хоть за всѣхъ цего-
ласть

Въ тѣхъ драгоценныхъ одеждахъ, которыхъ въ запасѣ
немного.

Видишь, какъ нуженъ ты намъ! И вотъ есаубъ ты былъ
лохитрѣ,

То поступалъ бы съ толпой какъ воробы со свиньями:
садуть

На спину къ нимъ и червей преслокойво себѣ обирають!“

Такъ балагурилъ лукавый шутникъ. Сохраная мол-
чанье,

Явъ удалилъ его знакомъ, во въ сердце глубоко залпало

Жало насмѣшки его. Погруженный въ тяжелыя думы,

Сталъ онъ бродить по дворцу и дошелъ до покоевъ Ди-
вара.

Тамъ онъ ее увидалъ: на роскошныхъ подушкахъ дивана

Въ легкой одеждѣ лежала она въ ободытительной нѣгѣ,

Точно невѣста, когда она ждетъ жениха дорогаго.

Взоръ ея веселъ и ясенъ; она съ торжествомъ вспоми-
наетъ

Гибель опасной соперницы. Яну она разказала

Какъ она пала въ бою. Онъ слушалъ ее равнодушно,

Занятый думой иною: рѣшеные судьбы его близки,—

Все что онъ слышалъ сегодня, что видѣлъ своими глазами

Въ этомъ его убѣдило. Картина ладеня Сіона

Ясно стоитъ передъ нимъ. Это зла торжество роковое,

Это людское безумство, тщеславіе, гордость и живость

Сердце его валоплавають и ужасомъ, и отвращеньемъ....

Взоромъ привѣта и ласки на юношу смотритъ Ди-
вара.

Нѣжно ко лбу его руку она приложила. „О, милый!

Что ты такъ блѣденъ вдругъ сталъ? отчего такъ виски
твои быются?

Что такъ пылаетъ твой взоръ и такое презрѣнье въ
улыбкѣ?

Или готова опять разразиться гроза надо мною?

Что разсердило тебя? Я готова тебя успокоить:

Пѣсю тебѣ я спю, иль сыграю тебѣ на теорбѣ.

Что ты желаешь? скажи! Вотъ не хочешь ли вылить изъ
кубка?“

Долго въ раздумьѣ молчалъ онъ, потомъ ей сказалъ:

„Ты самаааа аа

Что иногда во гробу заключенное мертвое тѣло

Такъ раслухаетъ что крышка, внезапно надъ нимъ при-
поднявшись,

Саванъ откроетъ его или часть его членовъ, и каждый

Думаетъ въ эту минуту, исполненный робкой надежды,

Что его другъ еще живъ и жаждетъ подняться изъ гроба;

Но, подойдя къ нему ближе, отправлетъ опять, поражен-
ный

Тяжкимъ зловоніемъ тѣлѣа!... Ахъ! то же случилось со
мною!

Я презираю людей, ненавижу весь родъ ихъ презрѣнный!

Живыя ихъ—лестрое тѣлѣа: въ ней все что блеститъ и
сверкаетъ—

Только гниенье и тла! Что пользы вскрывать крышу гроба,

Если въ немъ тѣлѣа мертвецъ? Къ чему человѣку ста-
раться

Работва оковы срывать, если самъ онъ испорченъ и га-
докъ?

„Время велико и сильно, но горе намъ, если не чисты

Наши сердца для борьбы исполинской“, сказалъ мнѣ од-
нажды

Вѣщій гарлемскій учитель,—увы! они были не чисты, ’

А потому и въ борьбѣ они пали съ позоромъ! Въ Сионѣ

Былъ я свободы рабомъ, былъ безумнымъ невольникомъ
клятвы,

Взятой Крехтингомъ дерскимъ съ меня въ роковое мгно-
венье...

О, для чего не хотѣа я быть деслотомъ здѣсь и тираномъ?

Да, я сумѣа бы имъ быть и сдержалъ бы бразды упра-
вленья

Крѣлко въ желѣзной рукѣ! И теперь я бы смогъ это
сдѣлать

Еслибы только хотѣа!“ —

„Почему жъ ты не хочешь?“ спросила

Яна съ улыбкой Дивара. „Зачѣмъ на людей негодуешь?

Люди не злы, но ничтожны и лоплы; они недостойны

Даже и гнѣва на нихъ. Неразумна толпа и бессильна;

Властвовать въ мирѣ она никогда не могла и не будетъ:

Если король не дурачить ее, то ее одурачить

Каждый крикунъ площадной, какъ теперь этотъ Крехтингъ
презрѣнный;

Да, ужь въ Сіонѣ давно ему сѣло во всемъ довѣряють...
Глухие! мнѣть себя вольными, не замѣчая что сами
Ходятъ въ его поводахъ!—

„А мы, сказалъ Язъ,—мы мечтали
Царство свободы создать, гдѣ царилъ бы правда и благо,
Безъ принудительныхъ мѣръ, гдѣ узды не нужна для на-
рода.

Но не сомыслись ожиданья! Сіонъ нашъ не можетъ, какъ древ-
ній,

Безъ поводовъ обойтись; но кому же держать ихъ и пра-
вить,

Если не мы? Это было моею завѣтной мечтою!

Если нужна для Сіона желѣзная воля тирана,

То я готовъ быть тираномъ! Да, лучше быть имъ чѣмъ
такою

Куклой ничтожной, какою содѣлался я, уступая

Честнымъ, но глупымъ стремленьямъ души благородной!...
Довольно!

Твердой, желѣзной рукою возьму я бразды управляема,
Я соберу вокругъ себя тѣхъ мужей у которыхъ осталася
Прежній возвышенный духъ, я смирю крикуна площаднаго,
Кѣмъ одураченъ народъ, и заставаю его подчиниться
Воли моей. О, я чувствую что у меня вырастають
Болѣе мощныя крылья, съ которыми легче достигну
Цѣли высокой и славной. И если я долженъ отречься
Отъ вождѣвнвой надежды—достигнуть того совершенства
Въ жизни собратій моихъ, о которомъ мечталъ я когда-то,
То я замѣну утраты найду въ своемъ собственномъ духѣ,
Чтобы насытить стременье къ великимъ, къ возвышен-
нымъ цѣлямъ.

Если Сіонъ и падеть, то я освою себя царство

И наложу на него печать моей собственной воли.

Власть и величіе манятъ меня, и въ пороки ль погрязнетъ
Падшій Сіонъ или нѣтъ,—все равно,—онъ работою моимъ
будетъ!“

Такъ самолюбія духъ омрачилъ благородный и свѣтлый
Юноши умъ, будто демонъ, осѣтившій граждавъ Сіона.
Ночь ли затмила совѣсть его чистую душу, или это
Лишь мимолетное облако, скрывшее солнце на время?

Онъ говорилъ, а Дивара внимала съ веселой улыбкой
 Рѣчи горячей его, лишь порою вставала словечко,
 Съ виду какъ-будто невинное, но оно адскою искрой
 Въ сердце его заладало. Потомъ нашла ему кубокъ
 И, улыбаясь, сказала: „О, Янъ! дорогой мой мечтатель!
 Сашкомъ испорченъ нашъ мѣръ и тверда его почва зем-
 ная,

Чтобъ добродѣтель и мудрость могли на ней цвѣтъ дать
 желанный;

Но за то радости цвѣтъ никогда ужъ на ней не заглох-
 нетъ,

И наслажденія кубокъ всегда для тебя будетъ половъ.

Мѣръ такъ ничтоженъ и пустъ, а люди и гаулы, и лошаы;
 Но виноградный напитокъ, но женщины страстной объ-
 ятъя—

Сердце твое усладятъ. Такъ покинь свои мрачныя думы!
 Ты до сихъ поръ лишь названье носилъ государя и мужа,
 Будь имъ на дѣлѣ теперь!“—Такъ ласкалась прелестница
 къ Яну.

„Выслушай, что я скажу, о, волшебница!“—Янъ ей от-
 вѣтилъ:

„Нынче хочу предъ тобою раскрыть мое сердце, навѣки
 Мостъ за собою разрушивъ, который былъ созданъ меч-
 тою,

И навсегда отказавшись отъ словъ моей юности давнихъ...

Знай же, бродячаго племени смуглая дочь, чаровница!

Цѣли твоей ты достигла: тебѣ удалось отуманить

Чарами душу мою, но тебя не люблю я: ты только

Духъ мой сумѣла ослѣпить, своею причудливой лаской

Мучить порою меня, волювать, возбуждать мои чувства;

Но не люблю я тебя, нѣтъ, скорѣе тебя ненавижу,—

Но не могу ужъ теперь, не хочу отъ тебя оторваться!

Нѣтъ, я теперь ужъ не тотъ: меня измѣнилъ совершенно

Нынѣшній день! Совъ любви! я навѣки съ тобой распро-
 стился

Какъ и со снами другими. Я былъ неразумный мечтатель!

Что представляла бъ намъ жизнь и все человечество въ
 мѣръ,

Еслибъ любовь была тѣмъ чѣмъ ее намъ рисуютъ поэты

И всѣ мечты и надежды восторженной юности нашей?

Вѣрно бъ тогда половина всего населения земнаго

Урны могли обнимала съ сердечной тоской объ утратѣ...
 Эти вотъ мысли меня пощипали въ бессонныя ночи,
 Я отгонялъ ихъ тогда, но отнынѣ готовъ ихъ лелѣять.
 Жаръ лихорадки стучить мнѣ въ виски... Разрѣши мнѣ
 сомнѣнье:

Что это — правда или сонъ, или горячечный бредъ, что
 волнуешь

Душу мою въ этотъ мигъ и родить эти мрачныя мысли?“

Но, улыбаясь, она подаетъ ему кубокъ и шепчетъ:

„Вотъ освѣжись этимъ, милый!“ И чѣмъ онъ угрюмѣе смо-
 трить,

Тѣмъ обольстительнѣй ласки ея и улыбка, и лепетъ,

Тѣмъ настоятельнѣй кубокъ ему предлагаетъ,—и пьетъ
 онъ,

Пьетъ, и по жиламъ его вдругъ огонь пробѣжалъ; въ олья-
 ненъи

Чувствуетъ онъ на груди своей жаркія перси прелестной,

Чувствуетъ сердца бѣенье и пламень ея пощипуевъ;

Крѣпко, какъ демонъ, она обвила его шею руками...

Близко ужъ полночь была, когда юноша Янъ, ольвянный
 Огненной влагой вина и лобзаньями женщины страстной,
 Будто отъ сна пробудясь, отъ нея оторвался. Стучало
 Страшно въ вискахъ у него: въ головѣ его жгучая тя-
 жость;

Все что онъ въ день пережилъ, что извѣдалъ онъ въ ве-
 черъ, глубоко

Душу его потрясао. Онъ въ волненіи бурномъ, шатаясь,

Вышелъ изъ комнатъ Дивары, дрожа, какъ больной въ ли-
 хорадкѣ;

Сонъ отлетѣлъ отъ него; бессознательно дико глядитъ онъ,
 Силась напрасно собрать, привести свои мысли въ поря-
 докъ...

Внутренній жаръ свой онъ хочетъ умѣрить ночью про-
 хладой

И отворяетъ окно, и глядитъ на окружныя зданья;

Свѣтъ серебристой луны облаиваетъ ихъ крыши и стѣны,

И величавый соборъ; и юноша вспомнилъ съ тоскою

О дорогомъ ему прахѣ, сокрытомъ подъ свѣтло собора...

Что это значитъ? Онъ видитъ: соборъ освѣщенъ! въ его
 окнахъ

Виденъ огонь. Не мерещится ль это ему въ лихорадкѣ?
Не отраженъ ли это луннаго свѣта на стеклахъ?

Нѣтъ, то не призракъ, а истина: вотъ со свѣчей по со-
бору

Бродить какъ тѣнь его кистеръ угрюмой, старикъ сума-
шедшій.

Онъ ломѣшался въ тотъ день, когда увидалъ предъ собою
Гнусный въ соборѣ разгулъ и святыхъ его оскверненъя.

Онъ не покинулъ собора и въ башнѣ его поселился

И по ночамъ иногда спускается внизъ, зажигаетъ

Лампы и свѣчи, бродя по его галлереймъ и хорамъ.

Слышны и звуки органа порой, какъ отчаянныя стоны,

И проходящія думаютъ — кистеръ умершій,

Вставъ изъ могилы, обходить дозоромъ соборъ опустѣлый

И на органѣ играетъ,—и въ страхѣ слѣшать удалиться.

Долго Янъ озиралъ освѣщенныя окна собора;

Что-то влечетъ его въ храмъ; онъ идетъ мимо стражи
уснувшей

И оставляетъ дворецъ; перейдя черезъ площадь собора,

Медленнымъ шагомъ идетъ безсознательно онъ, какъ лу-
натику;

Вотъ отпираетъ онъ дверь, и ея потемнѣвшіе створы

Съ визгомъ предъ нимъ распахнулись; вороны и гапки изъ
нишей

Съ карканьемъ стали слетаться и крыльями биться о своды;

Вотъ онъ вступаетъ въ соборъ, и при свѣтѣ лампадъ его
куполь.

Въ темную высь уходя, исчезаетъ въ дали безконечной;

Но ему кажется, будто онъ давитъ его какъ могила.

Вотъ въ глубинѣ, въ полумракѣ, мелькнулъ передъ нимъ
точно призракъ.

Кистеръ безумный и слова исчезъ, и по членамъ у Яна

Дрожь пробѣжала внезапно; но онъ отогвалъ, негодуя,

Чувство неволянаго страха и дальше пошелъ по собору.

Но одного только мѣста онъ все избѣгаетъ, какъ-будто

Страшно ему иль противно къ нему подойти.—Чу! на
башнѣ

Колоколъ мѣрно и глухо ударилъ двѣнадцать, и своды,

Будто отъ сна пробудившись, откачнулись этому звуку;

Лампы, мерцающія, готовы погаснуть; но вотъ раскатились

Дикіе воли органа по храму, и дрогнули своды

И загудѣли въ отвѣтъ... Съ возрастающимъ страхомъ внимаютъ
 Язъ этимъ звукамъ, и вдругъ показалось ему, что киваетъ
 Изъ-за органа ему головою сѣдою безумный
 Кистеръ, вперивъ въ него взоръ неподвижный и дикій. А
 звуки
 Лютя, грохочутъ и стонутъ, и ангеловъ лики со сводовъ,
 Трубы къ устамъ приложивъ, будто вторять гудѣнью ор-
 гана...
 Звуки по храму гремятъ какъ въ день судный архангеловъ
 трубы.
 Язъ пораженъ; онъ дрожитъ; его мысли смѣшались; со
 страхомъ
 Смотритъ онъ въ темную даль; какъ въ бреду предъ собою
 онъ видитъ
 Образы разныхъ устрашающъ. Вотъ съ грохотомъ что-то
 упало:
 Ужь не гробница ли Гиллы, распавшись на части, открыла
 Нѣдра свои передъ нимъ? Онъ взоры свои туда устремля-
 етъ,
 И ему чудится тамъ что изъ черной могилы восхотѣть
 Образъ лѣтвительной дѣвы, окутанный бѣлымъ туманомъ.
 Нѣтъ, то скорѣе дитя, но съ чертами дѣвицы... Надъ
 гробомъ
 Онъ поднимается вверхъ и несется подъ куполъ собора,
 Слова спускается внизъ и все приближается къ Язу...
 Вдругъ, какъ невидимый хоръ, понеслись надъ его головою
 Нѣжные звуки органа, и въ призракъ свѣтаомъ дитяти
 Онъ узнаеть дорогія черты имъ утраченной Гиллы...
 Сердце завывало его; но внезапно мелодія звуковъ
 Въ яростный вой перешла и лѣтвительный образъ дитяти
 Привалъ другія черты, и когда онъ приблизился къ Язу,—
 Съ ужасомъ онъ увидалъ предъ собой обольстительно стра-
 стный
 Образъ Дивары съ ея сатанинскою сладкою улыбкой...
 Вдругъ, то мая, то гроза, передъ нимъ онъ поднялся и тихо
 Вглубь къ алтарю полетѣлъ; и дико и страшно завывали
 Мѣдныя трубы органа, ихъ вой загудѣлъ по собору.
 Язъ, пораженный видѣньемъ, слѣшить отъ него удалиться
 Къ каедрѣ мраморной храма; но призракъ съ улыбкой
 презрѣнья

Всюду несется за нимъ. Вотъ къ кафедрѣ овъ прикоснулся—
И развалилась она съ оглушительнымъ трескомъ. Шата-

лось,
Тащится Явъ за алтарь. „Гдѣ ты, Явъ?“ ему слышится
голосъ;

Призракъ несется къ нему, и разрушась алтарь улаდება...
Яростный воютъ органныя трубы; гласа привидѣнья
Адскимъ пылають огнемъ, а кругомъ точно демоны шел-
чуть:

„Гилла—Дивара—Сіонъ—Вавилонъ!“ Его ноги трясутся,
Овъ въ темнотѣ натолкнулся на камень могилы, откуда
Призракъ возсталъ передъ нимъ, и какъ-будто летитъ въ
ея вѣдра;

Чувства его замирають; овъ слышитъ еще какъ ударилъ
Колоколъ часъ и мгновенно погасли лампады, замолкли
Звуки органа, и вдругъ при хохотѣ дикомъ и яромъ
Старого кустера крышка гробницы сомкнулась надъ Яномъ;
Черная мочь охватила его; безъ движенія лежитъ овъ
Межъ мертвецами, и дѣва, прилавъ къ его груди, прила-
вула

Къ ней какъ вампиръ гробовой...

Но на утро, когда отворили
Двери собора, нашли его тамъ: на полу распростертый
Овъ безъ сознанія лежалъ, пожираемый пыломъ горячки...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ө. МИЛЛЕРЪ.

О ПРЕПОДАВАНИИ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ *

II

Мы уже высказали свое мнѣніе о томъ какъ преподается русскій языкъ въ нашихъ школахъ, указали на нѣкоторые недостатки этого преподаванія, старались объяснить чего, какъ намъ кажется, не слѣдуетъ дѣлать. Люди интересующіеся этимъ вопросомъ, знакомые съ дѣломъ, болѣе или менѣе близко, не пропустили замѣчаній нашихъ безъ вниманія. Съ нами соглашались. Но что же слѣдуетъ дѣлать? спрашивали насъ. Положимъ, задача вѣрно опредѣлена, но какъ ее вылолнить? „Чтобъ ученикъ замѣтилъ каждую красоту выраженія и уразумѣлъ въ чемъ она состоитъ, было сказано нами, чтобы въ каждомъ словѣ удавливалъ онъ и звукъ, и образъ, и опредѣляемое понятіе, чтобы дѣйствовало слово и на его умъ, и на его чувство, и на его воображеніе, — вотъ чего должны мы добиваться; и если этого добьемся, мы лучше подготовимъ учениковъ нашихъ и къ серіозному мышленію и къ наслажденію искусствомъ нежели самими основательными и убѣдительными разсужденіями о значеніи поэзїи, объ отношеніи художника къ обществу, объ идеалахъ и его вліяніи на жизнь.“ Какимъ же способомъ этого добиться? Слособъ,

* См. *Русск. Вѣсти*. № 11 1877 года .

конечно, не одинъ. На разныхъ ступеняхъ преподаванія сѣдуютъ, очевидно, пользоваться разными средствами чтобы развить въ ученикѣ пониманіе языка и умѣніе владѣть имъ. Мы хотимъ остановить вниманіе на одномъ изъ нихъ, весьма дѣйствительномъ, и недостаточно, какъ намъ кажется, употребляемомъ въ нашихъ школахъ. Средство это—переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и съ русскаго на иностранныя. Собственнымъ опытомъ, долгою учительскою практикой, мы убѣдились что никакое, можетъ-быть, упражненіе не раскрываетъ полнѣе организмъ языка, не вводитъ глубже, если можно такъ выразиться, въ самый характеръ, въ самый духъ его, постепенно, шагъ за шагомъ, начиная съ того что видно съ перваго взгляда, поражающаго ухо, пошатывая само собою, и кончая тѣмъ что доступно только опытному глазу, тонкому слуху, уму созрѣвшему. Эта работа можетъ и, по нашему мнѣнію, должна вестись непрерывно отъ начала курса до конца. Преимущество важное. Весьма существенно въ педагогическомъ отношеніи чтобы ученикъ, подвигаясь впередъ, постоянно живо сознавалъ непрерывность проходящаго имъ пути, тѣсную, необходимую овязь того что дѣлается теперь съ тѣмъ что дѣлалось прежде. При перемѣнѣ рода замѣтій сознаніе это порядко ослабѣваетъ, иногда терается вовсе. Переходъ отъ этимологіи, преподаваемой въ четвертомъ классѣ, къ элементарной логикѣ, преподаваемой въ пятомъ, отъ изученія троповъ и фигуръ къ изученію стихосложенія, невольно представляется ученику скачкомъ. Переводы же могутъ и должны служить овязующею нитью отъ начала до конца. Другія упражненія имѣютъ каждое свое время и мѣсто. Излагать устно прочитанное, писать подъ диктовку или на память, разбирать составъ предложенія, заучивать грамматическія опредѣленія и правила полезно въ первомъ, во второмъ, въ третьемъ, можетъ-быть еще въ четвертомъ классѣ, но было бы потерей времени въ пятомъ, шестомъ или седьмомъ. Наоборотъ, составлять правильные періоды, логически развивать въ сочиненіи данную тему, изучать памятники древней литературы и лучшія произведенія новой—умѣстно, необходимо въ среднихъ и высшихъ классахъ, но невозможно въ низшихъ. Переводить же одинаково полезно, одинаково необходимо во всѣхъ классахъ. Отъ первой ступени школы до послѣдней эта работа, послѣдовательно развиваясь, осложняясь, должна сопровождать ученика, и,

прибавимъ, она можетъ идти успѣшно, привести всю желаемую пользу на высшихъ ступеняхъ только тогда, когда началась съ первой. У насъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, нерѣдко отягощаются нѣсколько небрежно къ низшимъ классамъ. Въ нихъ дозволяется преподавать лицамъ которыхъ не допускаются къ преподаванію въ высшихъ классахъ; въ нихъ уроки оплачиваются дешевле. Ошибка важная. „Нѣтъ ничего труднѣе какъ учить азбукѣ“, сказалъ когда-то знаменитый Араго. Не говоря о знаніи педагогическихъ приѣмовъ, необходимомъ особенно когда имѣешь дѣло съ дѣтьми, часто вывешенными изъ дома дурными привычки и наклонности; объ опытности какая нужна чтобы распознать и вызвать еще только пробуждающіяся способности, объ увѣренности въ себѣ, безъ которой не внушишь ученикамъ къ себѣ довѣрія—только тотъ кому хорошо известна конечная цѣль и путь ведущій къ ней можетъ поставить начинающаго на этотъ путь. Не заставляя ученика тратить даромъ время и силы, упражнять его только въ томъ что дѣйствительно пригодится, понадобится ему въ послѣдствіи, не облегчать чрезмерно и не затруднять безъ толку ученіе—такая задача съ которою могутъ справиться только лучшіе изъ учителей. Имъ-то и мѣсто въ первыхъ, низшихъ классахъ. У порога школы должны они встрѣтить ученика, чтобъ онъ бодро, охотно, безъ притупляющаго страха, безъ вялой скуки и разсѣянности вошелъ въ нее; должны руководить первыми шагами, первыми усиліями его, чтобъ эти шаги не уклонились въ сторону, чтобъ эти усилія не причинили вреда вмѣсто желаемой пользы. Кто уже крѣпится, кто преодолевъ начальныя трудности, приобрѣлъ хорошій навыкъ, тотъ и при менѣе бдительномъ, менѣе искусномъ руководствѣ не такъ легко собьется съ пути. Чтобы вести далѣе дѣло успѣшно начатое, разумно направленное, не требуется ни того умѣнія, ни той терпѣливой энергіи безъ которыхъ въ началѣ успѣхъ невозможенъ. Но трудно поправлять испорченное, наверстывать то что не сдѣлано вовремя. Если ученикъ изъ первыхъ лѣтъ школьной жизни вынесъ невѣрныя понятія, непригодныя свѣдѣнія, неправильныя приѣмы, можетъ-быть еще непривычку, неохоту къ труду, ему придется потомъ столько же отучаться сколько учиться—двойная, тяжелая, непроизводительная работа и для ученика, и для учителя. Она поглощаетъ едва ли не половину времени въ нашихъ средне-учебныхъ заве-

денякъ, времени дорогого, невознаграждаемаго, которое должно бы каждымъ часомъ подвигать впередъ ученика, но тратится слишкомъ часто на скучное, утомительное, сбивающее съ толку переучиваніе того чему не выучили какъ слѣдуетъ, когда было нужно; переучиваніе всегда по необходимости слѣдшое, отрывочное и потому все-таки не ведущее къ основательному знанію.

Въ преподаваніи языка, особенно роднаго языка, легче чѣмъ въ другихъ предметахъ могутъ быть сдѣланы въ самомъ началѣ такіа ошибки, которыя такъ отзвуются потомъ, и которыя не легко удастся исправить, а иногда пожалуй и вовсе не удастся. Языкъ не укладывается въ учебникъ, не сводится къ извѣстному количеству истинъ или фактовъ усваиваемыхъ разсудкомъ или памятью. Можно, пожалуй, въ старшихъ классахъ наверстать что было упущено въ преподаваніи географіи, исторіи, передѣлать сдѣланное неудовлетворительно. Въ языкѣ этого, часто, нельзя.

Языкъ затрагиваетъ не одну сторону духа, не одну какую-нибудь способность, а всѣ стороны, всѣ способности одновременно. Въ этомъ преимущество, образовательное значеніе, въ этомъ и трудность его преподаванія. Знаніе языка, умѣнье владѣть имъ предполагаетъ развитіе всѣхъ способностей. Извѣстно что въ Англійи весь экзаменъ для поступления въ университетъ заключается въ переводѣ отрывка изъ какого-нибудь труднаго древняго классика. Кто въ состояніи хорошо переводить Софокла, тотъ усвоилъ себѣ все что должна была дать ему средняя школа, тотъ обладаетъ достаточною для высшаго образованія степенью зрѣлости. Если недостаетъ ему какихъ-нибудь фактическихъ свѣдѣній, онъ безъ труда пріобрѣтетъ ихъ, когда понадобится. Но зрѣлость дается только временемъ. При опытности учителя, при трудолюбіи и способности ученика можно сжать преподаваніе другихъ предметовъ въ болѣе короткіи нежели предположено срокъ; пройти, какъ говорится у насъ, напимѣръ изъ исторіи и географіи, въ одинъ годъ то что назначалось на три года. Это будетъ утомительнѣе для ученика и для учителя, вмѣсто двухъ страницъ учебника придется заразъ заучивать шесть — но вотъ и вся разница; результатъ получится тотъ же. Языкъ такъ пройти нельзя. Какими бы блестящими дарованіями, какими бы рѣдкими преимуществами ни обладалъ ученикъ и учитель, какъ бы

усердно, усидчиво ни работаеъ и тотъ и другой — нельзя ускорить преподаваніе языка, сдать въ годъ что дѣлается въ три года. Нельзя по языку, какъ хорошо извѣстно учащимся и учащимъ, „приготовиться“ или „приготовить“ къ экзамену, если только экзаменъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ этого названія. Можно, конечно, вы зубрить грамматику, элементарную логику, теорію прозы и поэзіи, исторію литературы по учебнику, по тетрадкамъ или по запискамъ учителя, можно выучить наизусть нѣсколько стихотвореній, пожалуй вмѣстѣ съ объясненіями, съ комментариемъ къ нимъ, можно затвердить переводъ извѣстныхъ отрывковъ, извѣстнаго количества главъ — но, увы! все это ни на шагъ не подвигаетъ знаніе языка, все это приноситъ не пользу, а серьезный, существенный вредъ. Усвоеніе языка есть развитіе сознанія. Всѣ силы духа человѣческаго выражаются, воплощаются, такъ-сказать, въ языкѣ, и какъ лишь постепенно сказываются, крѣпнуть эти силы, такъ постепенно только можно овладѣвать языкомъ. Нарушите эту постепенность — вы произведете хаосъ въ умѣ и чувствахъ ученика, слугаете его понятія, собьете съ пути его способности. Начать дѣло правильно и вести последовательно всего важнѣе, всего необходимѣе въ изученіи языка. Въ живомъ языкѣ это труднѣе чѣмъ въ мертвомъ: Тамъ законченный строй, неизмѣняемыя формы, издавна установившіеся приемы; здѣсь измѣнчивое, непрестанно движущееся, не вмѣщающееся въ рамку разнообразіе жизни. Труднѣе чѣмъ гдѣ-либо въ родномъ языкѣ. Дѣти, вступая въ школу, уже знаютъ его. Съ чего тутъ начать? Нужно ли, возможно ли слѣдовать тѣмъ же приемамъ какіе выработаны для классическихъ языковъ? Нужно ли учить грамматику? Какъ учить ей? И гдѣ грамматика русскаго языка? Въ какой мѣрѣ необходимо объяснять читаемое? Какіе лучшіе для этого способы? Представляетъ ли дѣйствительно наша литература образцы родовъ и видовъ поэзіи и прозы, изъ которыхъ можетъ быть выведена общая теорія? Всѣ эти весьма важные вопросы, неизбежно съ самаго начала возникающіе, до сихъ поръ еще спорны, требуютъ серьезнаго, внимательнаго обсужденія. Но мы теперь не будемъ на нихъ останавливаться, а постараемся только объяснить значеніе какое придаемъ мы переводамъ съ иностраннаго языка на русскій и съ русскаго на иностранный, порядокъ и методъ, какого, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ держаться въ этомъ упражненіи.

Большинство дѣтей не приготовляемыхъ исключительно къ извѣстному ремеслу, получающихъ хотя какое-нибудь общее образованіе, въ школѣ или дома, учится по крайней мѣрѣ двумъ языкамъ, то-есть кромѣ роднаго еще одному чужому языку. Гдѣ изучаются два языка, тамъ сейчасъ же является возможность и необходимость перевода, и стало-быть могутъ до нѣкоторой степени быть примѣнены наши замѣчанія; но мы имѣемъ въ виду преимущественно средне-учебныя заведенія, въ которыхъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо можно ожидать и требовать правительнаго, послѣдовательнаго, систематическаго веденія дѣла. Начинается оно по необходимости съ того что незнакомыя ученику иностранныя слова переводятъ словами роднаго языка. Здѣсь сейчасъ же представляется великая и важная трудность, на которую часто, къ серіозному, трудно поправимому вреду, слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Слѣдуетъ непремѣнно давать ученику одао только основное, существенное значеніе иностраннаго слова, а никакъ не тѣ производныя метафорическія значенія въ какихъ оно можетъ-быть чаще употребляется. Только въ этомъ главномъ, точномъ смыслѣ своемъ должны встрѣчаться слова въ начальныхъ фразахъ, только его должны указывать начальныя вокабулы. Одно иностранное слово должно быть непремѣнно передано однимъ русскимъ словомъ какъ можно полнѣе и точнѣе ему соответствующимъ. Дать слову впервые встрѣчаемому сразу нѣсколько значеній, почти всегда вѣрное средство сбить съ толку начинающаго, поставить его въ недоумѣніе, подать поводъ къ грубымъ ошибкамъ. Переходъ словъ отъ одного первоначальнаго значенія къ другимъ производнымъ совершается по законамъ логики и ассоціаціи присутствующимъ уму и воображенію чловѣка, дѣйствующимъ стало-быть въ извѣстной степени, хотя и бессознательно, въ умѣ и воображеніи ученика. При опытномъ, искусномъ руководствѣ ученикъ долженъ идти тѣмъ же путемъ, повторить или по крайней мѣрѣ прослѣдить процессъ совершившійся въ исторіи языка. Не надо думать что это для него особенно трудно и утомительно. Трудъ тяжестью своею падаетъ на учителя. Приискать въ двухъ языкахъ достаточное количество словъ близко соответствующихъ другъ другу, оставить исключительно изъ нихъ короткія простыя предложенія и расположить эти предложенія такъ чтобы каждое слово встрѣчалось сначала въ своемъ основномъ значеніи, потомъ

постепенно въ другихъ значеніяхъ, болѣе и болѣе удаляющихся отъ основнаго—работа дѣйствительно не легкая, но, по нашему мнѣнію, необходимая. Нарушая сказавшуюся въ языкѣ естественную связь представленій и понятій, извращая послѣдовательный ходъ ихъ развитія, обнаруживающійся въ разныхъ значеніяхъ одного слова, мы затемняемъ, перелутовываемъ эти представленія и понятія въ сознаніи ученика, вносимъ въ дѣло разума причудливый произволъ. Если скажутъ начинающему что *verser* значить *наливать*, какъ объяснить онъ себѣ выраженіе *une voiture versée* (опрокинутая карета)? Какъ пойметъ слова *renverser* (испровергать), *conversion* (обращеніе), *revers* (оборотная сторона) и т. д.? Но исходя отъ основнаго значенія слова, онъ легко, при нѣкоторой только помощи, найдетъ самъ его производныя, переносныя значенія. Развивая логическую способность, подготавливая пониманіе отгѣнковъ наглядности и выразительности, которые составляютъ красоту языка, эта работа для ученика гораздо интереснѣе, гораздо веселѣе, если позволительно такъ выразиться, нежели механическое, бессмысленное заучиваніе, къ сожалѣнію, слишкомъ еще употребительное. Она пробуждаетъ самодѣятельность, поддерживаетъ вниманіе. Найденныя такимъ образомъ значенія словъ сами собой остаются въ памяти. Если такъ часто и скоро забываются усердно затверживаемыя вокабулы, то потому что представляютъ рядъ словъ не имѣющихъ для ученика никакой внутренней связи, не вызывающихъ въ памяти одно другое. Какъ въ самомъ дѣлѣ запомнить что *repandre* значить: *упрекать*, *заговорить*, *штопать*, *полнить*, *овладѣть снова*; *erstehen* — *воскресать* и *покупать* съ аукціона; *agitare*—*предпринимать*, *мучить*, *проводить* (время), *устраивать*, *колебаться*, *исправлять* (должность)? Не перелутовываются ли незвольно всѣ эти слова, всѣ эти не вяжущіяся другъ съ другомъ значенія въ головѣ ученика? Не перелутовываются ли со словами и понятія? Глубоко разумный, всецѣло прекрасный строй языка не представляется ли съ самаго начала бессмысленнымъ хаосомъ? Не является ли непонятною случайностью то что вытекаетъ изъ основныхъ законовъ сознанія? Чѣмъ далѣе идетъ ученикъ этимъ ложнымъ путемъ тѣмъ болѣе укореняется, усиливается первое впечатлѣніе. Путаница возрастаетъ, обширнѣе громоздится хаосъ. Если изъ такого ученія выносится наконецъ знаніе языка, то оно не что иное какъ механическая привычка

связывать съ извѣстными словами и сочетаніями словъ извѣстный смыслъ, часто имъ вовсе въ сущности не принадлежащій. Привычка не заслуживающая, очевидно, имени знанія. Если встрѣтится непривычное слово, незнакомое сочетаніе, оно представляется непонятнымъ, необъяснимымъ, уродливымъ. А такъ какъ нѣтъ возможности не только въ живомъ непрерывно мѣняющемся языкѣ, но даже и въ мертвомъ заучить наизусть всѣ могущія встрѣтиться слова и сочетанія словъ, то пониманію, чисто внѣшнему, условному, остается доступною лишь малая часть языка, богатство же, красота и сила его навсегда сокрыты.

Все это, однако, могутъ возразить мнѣ, относится только къ чужимъ, иностраннымъ языкамъ и непримѣнимо къ языку родному. Слова роднаго языка понятны начинающему учиться. Объяснять, находить значеніе ихъ не нужно. Необходимо, напротивъ, можетъ-быть еще болѣе нежели въ языкахъ иностранныхъ и, прибавимъ, можетъ-быть еще труднѣе. Иностранное слово въ первый разъ встрѣчающееся ученику не имѣетъ для него никакого смысла и получаетъ сразу тотъ какой даетъ ему учитель. Но русское слово для русскаго ученика имѣетъ давно усвоенный, привычный смыслъ, весьма часто вовсе не соотвѣтствующій его истинному основному значенію. Тутъ же которое при изученіи иностраннаго языка можетъ быть избѣгнуто знаніемъ, искусствомъ учителя, уже сдѣлаво жизни, и учителю приходится, по необходимости, бороться съ нимъ, исправлять его, не учить только, но и отучать. Въ обществѣ, въ разговорѣ мы рѣдко употребляемъ слова въ ихъ истинномъ, основномъ значеніи, а придаемъ имъ болѣею частью значеніе переносное, иногда условное, весьма далекое отъ первоначальной силы ихъ. Только оно и усваивается привычкою съ дѣтства. Если ученикъ остается при этой привычкѣ, наглядность, выразительность, логичность, красота и сила языка навсегда пропадутъ для него. Но какъ преодолѣть давнюю, укоренившуюся и постоянно поддерживаемую привычку? Какъ открыть русскому ученику истинный, новый для него смыслъ русскихъ словъ? Какъ добиться чтобы напримѣръ глаголь „вообразить“ значилъ для него не „думать ошибочно“, а „наглядно представлять себѣ невидимое“; глаголь „разсудить“, не „болтать попусту“, а „выдѣлать и сравнивать существенные признаки“: Толковать значеніе не

вѣрно понимаемаго слова другими тоже отчасти невѣрно понимаемыми словами, значить одно неясное объяснять другимъ также неяснымъ, и при этомъ почти неизбежна либо неточность, либо тавтологія. Если бы и можно было вдаваться съ начинающимъ въ этимологическій анализъ, то и это ни къ чему бы не повело, ибо при опредѣленіи значенія коренныхъ словъ встрѣтилось бы опять то же самое затрудненіе. Вотъ тутъ-то и является другой языкъ, переводъ весьма важнымъ, существеннымъ пособіемъ. Если ученикъ знаетъ что по-французски *image* значить картина или по-нѣмецки *Theil* значить часть, *theilen* дѣлить, то перевода существительное *imagination* существительнымъ *воображеніе*, глаголь *urtheilen* глаголомъ *разсуждать*, мы естественно, необходимо приводимъ его къ болѣе полному, точному уразумѣнію русскихъ словъ. Съ первыхъ шаговъ переводъ оказывается равно полезнымъ для изученія и чужаго, и роднаго языка, и того съ котораго переводишь, и того на который переводишь. Какъ всякій предметъ познаемъ мы вполнѣ только чрезъ сравненіе съ другими предметами, такъ и родной языкъ можемъ мы изучить основательно не иначе какъ сравнивая его по меньшей мѣрѣ съ однимъ иностраннымъ языкомъ. Переводъ представляетъ наиболее доступный для среднихъ учебныхъ заведеній, наиболее вразумительный способъ сравненія.

Съ первыхъ же шаговъ мы встрѣчаемся съ требованіемъ не всегда, къ сожалѣнію, исполняемымъ въ нашихъ школахъ, но безусловно необходимымъ для успѣшнаго хода дѣла: чтобъ учитель русскаго языка хорошо владѣлъ по крайней мѣрѣ однимъ, преподаваемымъ ученику, иностраннымъ языкомъ, а учитель иностраннаго языка хорошо владѣлъ русскимъ. Это условіе непрѣмьное; несоблюденіе его составляетъ существенный, весьма ощутительный недостатокъ преподаванія языковъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Не на высшихъ только ступеняхъ, въ старшихъ классахъ, гдѣ должны образцово переводиться образцовыя литературныя произведенія, но и на низшей ступени, въ первомъ классѣ, гдѣ приходится полно и точно передавать смыслъ иностраннаго слова русскимъ, или смыслъ русскаго слова иностраннымъ, основательное знаніе обоихъ языковъ необходимо, обязательно для учителя. Невѣрнымъ переводомъ онъ сбиваетъ съ толку начинающаго, прелятствуетъ

усвоенію и того и другаго языка, приносить серіозный вред. Въ затрудненіи ученикъ и учитель обыкновенно прибѣгаютъ къ словарю. Это рѣшительно не годится въ начальномъ преподаваніи. Словаремъ надо пользоваться съ умѣніемъ, съ великою осторожностію. Его вовсе не слѣдуетъ давать въ руки начинающему. Только тогда, когда уже усвоено значеніе большаго количества словъ указаннымъ выше способомъ, когда ученикъ свободно переводитъ съ иностраннаго языка на русскій и съ русскаго на иностранный нетрудную прозу, словарь можетъ-быть допущенъ какъ пособіе для отысканія рѣдкихъ, мало употребительныхъ или спеціальныхъ, техническихъ словъ. Помимо того что найденныя такимъ образомъ слова весьма легко и скоро забываются, кто работалъ серіозно надъ переводомъ, тому извѣстно какъ трудно найти въ словарь то именно значеніе слова какое нужно въ данномъ мѣстѣ, какъ часто его вовсе не находится. Кому не случилось встрѣчать забавныя, нелѣпыя ошибки причиненныя словаремъ? *Серебряные галуны* Валентштейновскихъ солдатъ превращаются у переводчика въ *серебряныя косички*. У Гёте кусты въ ночной темнотѣ *корчатъ рожи* (*schneiden Gesichter*), у переводчика они *царапаютъ лицо*. Въ *Пиковой Дамѣ* Тэмскій *взялъ трубку и затманулса*, во французскомъ переводѣ *Tomsky prit sa pipe et resserra son ceinturon* (взялъ трубку и ту же стянулъ свой поясъ). Такихъ примѣровъ можно привести множество. На этотъ ложный путь ставимъ мы ученика давая ему слишкомъ рано въ руки словарь.

Усвоивъ достаточное количество словъ удобопереводимыхъ однимъ соответствующимъ словомъ, ученикъ долженъ мало-помалу встрѣчать такія слова значеніе которыхъ нельзя передать однимъ словомъ. Если онъ привыкъ къ точности перевода, онъ самъ замѣтитъ эту трудность, не удовлетворится на примѣръ словомъ *требовать* чтобы передать французское *réclamer*. Это переходъ ко второй ступени. Не находя русскаго слова достаточно соответствующаго иностранному, ученикъ долженъ отыскивать тѣ сочетанія словъ, тѣ описательныя выраженія какими можно вѣрно передать смыслъ его по-русски. Упражненіе весьма полезное. Стараясь выразить описательно все что заключается въ извѣстномъ словѣ, ученикъ уясняетъ себѣ полнѣе обозначаемое имъ понятіе, отличаетъ его отъ другихъ, родственныхъ, близкихъ понятій, привыкаетъ обращать вниманіе на образъ вызываемый сло-

вомъ, на живописную, такъ-сказать, силу языка. Нельзя, на-примѣръ, слова *terrasser, renverser, abattre* переводить одинаково словомъ *опрокинуть*. Почему? Потому что въ первомъ долженъ преобладать оттѣнокъ *повергнуть на землю*; во второмъ *поставить вверхъ дномъ*, въ третьемъ *повалить съ высоты* (*On ne terrassa pas une doctrine, on ne renversa pas un arbre, on n'abat pas une tasse*). Такъ болѣе и болѣе приходитъ въ сознаніе ученика не одно лишь отвлеченное, но и наглядное значеніе словъ, дѣйствіе ихъ не только на умъ, но и на воображеніе.

До сихъ поръ вниманіе было сосредоточено на отдѣльныхъ словахъ, теперь надо обратить его на расположеніе словъ. Это третья ступень. Въ переводившихся до сихъ поръ предложеніяхъ слова должны были всегда стоять въ простѣйшемъ, логическомъ порядкѣ. Теперь надо показать какъ можетъ измѣняться этотъ порядокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самый смыслъ предложенія. Надо объяснить, какую силу имѣетъ первое слово, какую последнее и какую слова стояція въ срединѣ. На этой ступени должно быть взято за правило не измѣнять въ переводѣ порядокъ словъ подлинника, не только важнѣйшихъ, но по возможности и второстепенныхъ. Переводить слѣдуетъ предложенія уже болѣе распространенныя, болѣе сложныя, но только такія въ которыхъ это возможно. Какъ въ началѣ учитель подбиралъ слова удобопереводимыя однимъ соответствующимъ словомъ, такъ теперь онъ долженъ тщательно подбирать обороты рѣчи удобопереводимые соответствующимъ оборотомъ. Ученикъ долженъ видѣть ясно что располагая въ своемъ переводѣ слова не такъ какъ расположены они въ подлинникѣ, онъ скажетъ часто совсѣмъ не то что говоритъ подлинникъ. Если мы на-примѣръ извѣстную фразу Саллюстія: „*Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur*“ переведемъ такъ: „Малое возрастаетъ чрезъ согласіе, великое рушится отъ раздора“, переводъ, повидимому, будетъ вѣренъ, но въ сущности мы выразимъ вовсе не ту мысль какую выражаетъ Саллюстія. Въ латинскомъ текстѣ все вниманіе устремлено на два главные противопологаемые понятія: *согласіе* и *раздоръ*; въ русскомъ они отодвигаются на второй планъ, заслоняются, такъ-сказать, понятіями *малое* и *великое*. Подлинникъ говоритъ о вліяніи согласія и раздора на дѣла человѣческія; переводъ говоритъ о судьбѣ малаго и великаго на свѣтѣ. Если раз-

вить полнѣе мысль заключающуюся въ этомъ переводѣ, она выразится такъ: „малое возрастаетъ потому что въ малыхъ дѣлахъ люди дѣйствуютъ въ согласіи другъ съ другомъ, великое же рушится потому что въ великихъ дѣлахъ между людьми поселяется раздоръ.“ А Саллюстій говоритъ: „При согласіи растутъ малыя силы, при раздорѣ и великія сокрушаются.“ Очевидно что несмотря на кажущуюся близость перевода выраженные мысли весьма далеки одна отъ другой. Но не одни только отѣнки мысли выражаются расположеніемъ словъ; имъ выражаются и отѣнки чувства. И въ нихъ также долженъ внимательно всматриваться, вникать ученикъ. Читая напримѣръ фразу Ливія: „sed, ut plerumque fit, pars major meliorem vicis,“ „но, какъ зачастую бываетъ, большая часть побѣдила лучшую“, онъ долженъ замѣтить сожалѣніе, неудовольствіе выраженное выдвинутымъ на первое мѣсто вставочнымъ предложеніемъ и сохрानить въ своемъ переводѣ этотъ отѣнокъ, который сгладится вовсе если переставимъ предложенія и переведемъ: „но большая часть побѣдила лучшую, какъ зачастую бываетъ“. Въ первомъ оборотѣ рѣчи слышится досада на проявляющееся слишкомъ часто неразуміе человеческое; во второмъ покорность существующему, неустранимому факту. Точно также слова Цицерона: (Lael. d.) „Quia natura mutari non potest, idcirco verae amicitiae sempiternae sunt“ потеряютъ всю свою силу если мы измѣнимъ ихъ порядокъ и переведемъ: „истинныя дружбы вѣчны, потому что природа измѣниться не можетъ“. Теплое выраженіе живой увѣренности мы превратимъ такимъ переводомъ въ холодный и блѣдный афоризмъ. И безо всякой нужды, ибо ничто не мѣшаетъ сказать по-русски какъ сказано по-латыни. „Такъ какъ природа измѣниться не можетъ, то поэтому-то истинныя дружбы вѣчны.“ На это необходимое условіе хорошаго перевода, на это важное значеніе расположенія словъ и предложеній у насъ почти вовсе не обращаютъ вниманія. Не только отъ ученика не требуютъ чтобъ онъ вѣрно передалъ по-русски построеніе иностранной фразы, а стало-быть и характеръ и силу ея, ему съ самаго начала втолковываютъ что это не нужно, невозможно, что по-русски нельзя и не должно говорить такъ какъ говорятъ по-французски, по-нѣмецки или по-латыни; вдаются нерѣдко въ неловкыя разсужденія о различномъ духѣ языка. Ошибка великая, возводящая неумѣніе въ правило.

Основные законы логики, общія средства выразительности одинаковы для всехъ языковъ. Не правда что русскій языкъ требуетъ непременно другаго размѣщенія словъ и предложеній нежели латинскій, французскій или немецкій. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ хорошо сказанное на иностранномъ языкѣ можетъ быть точно также сказано по-русски съ весьма лишь ничтожными отступленіями, и выйдетъ также хорошо. Есть множество формъ и оборотовъ рѣчи, троловъ и фигуръ одинаково свойственныхъ разнымъ языкамъ. Ихъ-то и долженъ усвоить ученикъ прежде нежели всматриваться въ особенности каждаго. Только тогда, когда онъ навывкаетъ вѣрно и точно переводить удобопереводимое, слѣдуетъ перейти къ тому что не можетъ по-русски быть выражено такимъ же способомъ какъ на иностранномъ языкѣ, къ такимъ оборотамъ рѣчи которымъ по-русски вѣтъ прямо соответствующихъ, къ расчлененіямъ словъ несвойственнымъ русскому языку. Это четвертая, послѣдняя ступень.

Какъ прежде для нереводимыхъ иностранныхъ словъ ученикъ прискивалъ описательныя выраженія, такъ теперь онъ долженъ замѣнять несуществующіе по-русски обороты рѣчи другими выражающими тотъ же оттѣнокъ мысли и чувства. Здѣсь уже главнымъ требованіемъ, непрѣмнымъ правиломъ должно быть поставлено чтобы переводъ не только говорилъ то же самое что говорить подлинникъ, но и производилъ бы то же впечатлѣніе. Не берусь рѣшать можетъ ли въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе иностранныхъ языковъ быть доведено до этой ступени. Едва ли ему не придется остановиться на предыдущей, довольствоваться вѣрностью перевода, не добиваясь его красоты; но еслибы мы довольствовались этимъ и для роднаго языка, дѣло было бы сдѣлано лишь на половину. Кромѣ выбора и размѣщенія словъ впечатлѣніе производимое рѣчью обуславливается въ значительной степени ея ритмомъ. Языкъ не только выражаетъ понятія, не только вызываетъ образы, но и дѣйствуетъ на слухъ. На эту музыкальную силу его, на значеніе удареній въ рѣчи, на сочетанія повышеній съ пониженіями нужно теперь обратить вниманіе ученика; нужно показать ему какъ съ перемѣною ритма мѣняется оставляемое рѣчью впечатлѣніе. Возьмемъ отрывокъ изъ Лабрюера (*De la cour*). *Je vois un homme entouré et suivi, mais il est en place; j'en vois un*

autre que tout le monde aborde, mais il est en faveur; celui ci est embrassé et caressé même des grands, mais il est riche; celui là est regardé de tous avec curiosité, on le montre du doigt; mais il est savant et éloquent.“ „Вотъ человекъ чтимый и уважаемый—онъ въ должности; вотъ другой, за которымъ всё ухаживаютъ — онъ въ милости; этого привѣтствуютъ, ласкаютъ даже вельможи—онъ богатъ; на того смотрятъ всё съ любопытствомъ, указываютъ пальцемъ — онъ ученъ и краснорѣчивъ.“ Мѣняю ритмъ перевода. „Вотъ человекъ чтимый и уважаемый, потому что занимаетъ должность; вотъ другой за которымъ всё ухаживаютъ въ виду милости какою онъ пользуется; этого даже вельможи привѣтствуютъ и ласкаютъ за его богатство; на того всё смотрятъ съ любопытствомъ, указываютъ пальцемъ какъ на человека ученаго и краснорѣчиваго.“ Слова остались почти тѣ же, самый порядокъ ихъ почти вовсе не измѣнился, а между тѣмъ эти два вѣрные и близкіе другъ къ другу перевода производятъ далеко не одно и то же впечатлѣніе. Сила французской фразы заключается въ удареніяхъ, рѣзко отдѣляющихъ первую часть предложеній отъ второй, или, говоря языкомъ техническимъ, повышение отъ пониженія. Въ первомъ обращеніи перевода ударенія эти сохранены и тѣмъ удержана вся наглядность, вся выразительность подлинника; во второмъ ударенія сглажены, и вмѣсто явленія слова и слова бросающагося вамъ въ глаза, поражающаго васъ куда ни обернетесь, предъ вами только отвѣченное разсужденіе. Можно бы привести много еще болѣе разительныхъ примѣровъ изъ древнихъ языковъ, еслибы насъ не удерживало ослесеніе слишкомъ утомить читателя неспеціалиста. Мы потому предпочтительно обращаемся къ французскому языку что онъ у насъ употребительнѣе, общеизвѣстнѣе и преподается тамъ гдѣ не преподаются ни древніе языки, ни нѣмецкій ни англійскій.

Сводя вмѣстѣ все сказанное, мы полагаемъ что упражненіе въ переводахъ, одинаково полезное, одинаково необходимое для изученія какъ иностраннаго, такъ и роднаго языка, должно имѣть на разныхъ ступеняхъ слѣдующія цѣли:

1. Полное, точное пониманіе и умѣстное употребленіе отдѣльныхъ словъ.

2. Полное, точное пониманіе и умѣстное употребленіе оборотовъ рѣчи, троповъ, фигуръ и ритма.

Примѣняясь къ курсу средне-учебныхъ заведеній первое должно, какъ намъ кажется, составить задачу трехъ высшихъ классовъ, второе задачу четвертаго, пятаго, шестаго и седьмаго класса. Въ частности работа распредѣлилась бы такъ:

Въ первомъ и во второмъ классѣ переводить предложенія состоящія исключительно изъ такихъ словъ которыми есть по-русски достаточно соответствующія.

Въ третьемъ классѣ упражнять въ переводѣ такихъ словъ значеніе которыхъ можетъ быть передано по-русски не иначе какъ описательно.

Въ четвертомъ и пятомъ классѣ переводить исключительно такіе обороты рѣчи которые могутъ быть въ точности воспроизведены на русскомъ языкѣ, приучать къ сохраненію въ переводѣ порядка словъ и предложеній подлинника.

Въ шестомъ и седьмомъ классахъ замѣнять несуществующіе по-русски обороты другими, наружно не похожими, но соответствующими по внутренней силѣ, требовать чтобы сохраненъ былъ въ переводѣ характеръ подлинника, чтобы переводъ производилъ то же впечатлѣніе какъ подлинникъ.

Что эти требованія исполнимы, что указанный путь не труднѣе, а легче для ученика нежели тотъ какимъ теперь обыкновенно ведутъ его, если только учитель хорошо владѣетъ и иностраннымъ и русскимъ языкомъ, въ этомъ мы убѣдились не только теоретически, но и неоднократно опытомъ.

Мы не думаемъ утверждать что переводы — единственное необходимое для изученія языка упражненіе, что ничего другаго не нужно дѣлать. Многое, конечно, нужно и другое. Но нужно и это. Нужное чѣмъ полагаютъ большею частію. Воспроизвести данное содержаніе въ данной формѣ, умѣние весьма важное и притомъ такое, которое всякій, въ большей или меньшей, конечно, степени, можетъ усвоить. Только исключительно неспособныхъ, невосприимчивыхъ учениковъ не удастся довести указаннымъ способомъ до вѣрнаго пониманія и точнаго пересказа чужой рѣчи. Еслибы даже выраженные въ ней мысли и чувства были недоступны имъ, передавая въ точности выраженія они передадутъ и смыслъ въ нихъ заключающійся, и силу ихъ. Ума, таланта, поэтическаго чувства школа не въ правѣ требовать и не въ состояніи дать. Если она научить тѣмъ способамъ, тѣмъ техническимъ приемамъ помощію которыхъ высказывается

умъ, талантъ, поэтическое чувство, она исполнить въ преподаваніи языка все чего можно ожидать отъ нея, сдѣлаетъ все что въ силахъ сдѣлать. И сдѣлаетъ не мало. Языкъ такъ тѣсно, такъ неразрывно связанъ съ сознаниемъ, съ мышленіемъ, что научая хорошо говорить, мы уясняемъ и сознание, научаемъ и хорошо думать. Производительной силы никакое ученіе не вложитъ, конечно, въ того кто лишенъ ея, но умѣніе пользоваться готовымъ, произведеннымъ другими дается ученіемъ. Кто не можетъ сказать своего по-своему, для того предѣлъ развитія—способность передавать чужое такъ какъ оно сказано. Способность полезная, драгоценная, на которую не сдѣдуетъ смотрѣть свысока. Много выиграла бы наша образованность, все настроеніе нашего общества было бы можетъ-быть иное, еслибы ходящія у насъ по рукамъ переводы большею частію не искажали подлинниковъ до неузнаваемости. Переводчикъ выбрасываетъ верѣдко цѣлыя фразы, находя ихъ должно-быть или себѣ не по силамъ, или ненужными, заставляетъ весьма часто, можетъ-быть неумышленно, писателя пользующагося заслуженнымъ авторитетомъ говорить вовсе не то что говорить онъ въ дѣйствительности, и никогда почти не передаетъ тона какимъ онъ говоритъ. А вѣдь въ тонѣ иногда вся сущность дѣла. Множество замѣчательныхъ, великихъ произведеній, въ особенности художественной литературы, или вовсе недоступны незнающему иностранныхъ языковъ, или доступны лишь въ такой искаженной формѣ что гораздо лучше было бы знать объ нихъ только по наслышкѣ. Мало того что безъ сѣда пропадаеть художественная красота, она смѣняется верѣдко положительною уродливостью. Тяжелый, веряшливый, вялый языкъ превращаетъ увлекательное чтеніе въ скучный трудъ. Удивительно ли что эти произведенія теряютъ свою благотворную силу, что любовь къ нимъ, уваженіе къ именамъ ихъ авторовъ представляется страннымъ, вѣдлымъ предразсудкомъ? Мы далеки отъ мысли ставить задачей школы приготовленіе хорошихъ переводчиковъ, но не можемъ не замѣтить что общество наше выиграло бы много, еслибы ихъ было у насъ побольше. Для того кто одаренъ производительною силой, кто можетъ сказать свое, воспроизведеніе чужаго есть лучшая подготовка къ самостоятельной литературной дѣятельности. Писателю недостаточно ума, таланта, позволяній—ему нужно умѣніе, нуженъ навыкъ. Не слыхкомъ ли

часто это у насъ забывается? Не слишкомъ ли часто приходится сожалѣть что природному дарованію недостаетъ тѣхъ средствъ которыя даются школой? Кто избираетъ языкъ своимъ орудіемъ, тотъ долженъ свободно, искусно владѣть имъ. Владѣть же языкомъ ничто по нашему мнѣнію не научаетъ лучше нежели разумно веденное упражненіе въ переводѣ. Весьма желательно чтобы въ нашихъ школахъ было обращено на это упражненіе болѣе серьезное, болѣе настойчивое вниманіе.

И. ПАВЛОВЪ.

ОТЪ ГОРЪ КАВКАЗА

ДО ФОРТОВЪ ЭРЗЕРУМА *

ВОСПОМИНАНІЯ О ДѢЙСТВІЯХЪ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА
КАВКАЗСКОЙ АРМІИ ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877—78
ГОДА

VII.

13 апрѣля всѣ войска были уже въ сборѣ и ожидали прибытія начальника отряда, который долженъ былъ объѣзжать войска и поздравить съ объявленіемъ войны. Но самъ Тергукасовъ почему-то не пріѣхалъ и вмѣсто него объѣхалъ весь отрядный лагерь князь Амилохвари, начальникъ кавалеріи нашего отряда. Въ теплыхъ, душевныхъ словахъ князь высказалъ войскамъ ихъ назначеніе и объявилъ что выступленіе назначено на 15 апрѣля, въ 3 часа полудни. Такъ поздно потому что наше интендантство, несмотря на ежеминутное ожиданіе объявленія войны, а слѣдовательно похода, еще пребывало въ Эривани и не успѣло снабдить войска необходимымъ провіантомъ для походнаго движенія. Разумѣется, началась горячка, полетѣли къ интенданту телеграммы о необходимости скорѣйшаго доставленія сахарей, соли, фуража и другихъ принадлежностей похода. Только

* См. *Русск. Вѣсти.* № 9.

утромъ 15го получилоеь все необходимое. Обѣдъ въ виду выступленія былъ сваренъ заранее. Къ 12 часамъ всѣ поѣдали, начали укладываться обозы, снимались палатки.

Нашъ отрядъ долженъ былъ выступить двумя колоннами: одна, меньшая, состоявшая изъ баталіона пѣхоты, четырехъ орудій и двухъ казачьихъ полковъ, по Каравансарайскому перевалу. Роль этой колонны была скорѣе развѣдочная; ей дано было приказаніе, перейдя границу, остановиться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Другая колонна, бѣльшая, была раздѣлена на три части: авангардъ подъ начальствомъ князя Амилохвари, изъ стрѣльцоваго баталіона (гдѣ былъ я), конной казачьей батареи, роты саперъ и двухъ полковъ кавалеріи, то-есть драгунъ и казаковъ, затѣмъ главные силы подъ начальствомъ генерала Б.: 6 баталіоновъ пѣхоты, 3 батареи и 3 полка кавалеріи, и наконецъ арріергардъ, подъ начальствомъ майора Г., то-есть Сергѣя Петровича: баталіонъ пѣхоты и двѣ сотни казаковъ для охраненія обоза, лазарета, парковъ и интендантскихъ транспортовъ. Авангарду велѣно было выступить 15 апрѣля, въ 3 часа дня. Поэтому мы приготавливались еще съ 12 часовъ къ походу.

Около двухъ часовъ дня все бывшее мѣсто лагеря имѣло запыльный видъ послѣ снятія палатокъ. Группами стояли солдаты въ полной походной формѣ, группами же расположились и офицеры.

Вдругъ послышался сигналъ къ сбору. Все встрепенулось и бросилось къ своимъ мѣстамъ. Черезъ пять минутъ баталіонъ двинулся.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ 12ти верстахъ на нашемъ пограничномъ Орговскомъ лѣсу, расположенномъ у подножія Арарата.

Имѣя въ виду выступленіе за границу, Тергукасовъ еще ранѣе объявленія войны предлисалъ находившимся при немъ офицерамъ генеральнаго штаба осмотрѣть дороги по которымъ приходилось производить наступательное движеніе до границы.

Офицеры явились съ доносеніями что влооть до границы (25 верстъ) дорога влоавѣ удобная какъ для артилеріи, такъ и для всѣхъ тяжестей. Не знаю какъ понимали господа посланные удобство дороги. Насколько оказалась она удобною для колеснаго обоза можно видѣть изъ того что на 12 верстъ луги отрядъ употребилъ 10 часовъ, осо-

бежно долго шелъ обозъ. Хотя войска пришли на Орговскій постъ часовъ въ 8 вечера, обоза и транспортовъ дожидались до часу ночи.

Описываемая дорога идетъ все въ гору и проложена среди груды каменьевъ; въкоторыя изъ нихъ пришлось поднимать и выкалывать съ дороги ротъ саперъ; иначе движеніе всего колеснаго обоза было невозможно.

Переночевавъ кое-какъ на Орговскомъ посту на открытомъ воздухѣ, безъ лалатокъ, войска на другой день были собраны всѣ на одну площадку для совершенія молебна. Войска построились въ карѣ, поставленъ былъ походный аналой съ крестомъ и Евангеліемъ. Старикъ-священникъ началъ молебенъ, послѣ котораго сказалъ теплое напутственное слово, окропилъ всѣхъ святою водою и пожелалъ всякаго успѣха. Солдаты набожно крестились. У многихъ навернулись слезы. Затѣмъ части выстроились въ походномъ порядкѣ, и авангардъ двинулся. Рѣшено было пройти до вечера только 13 верстъ, такъ какъ дорога шла въ страшную крутизну. Начинался Чингильскій подъемъ. Въ 13 верстахъ была уже турецкая граница. Страшныхъ трудовъ стоило бѣдной лѣхотѣ на своихъ плечахъ вывозить тяжелыя девятифунтовыя батареи. Обливаясь потомъ, задыхаясь отъ мелкой пыли, лишенные капли воды, бѣдные солдатики изнемогали отъ безсилія, но все еще балагурили.

— Ну, ну, бабушка, трогайся! говорили они ухватившись что было силы за лафеты орудія, стараясь стронуть его съ мѣста и помочь обезсилѣвшимъ лошадямъ.—Вѣдь ты намъ службу сослужишь, матушка.

И дѣйствительно, они уважали „бабушку“ и вѣрили въ ея силу. На четырехфунтовыя они какъ-то презрительно смотрѣли, какъ будто не доверяя имъ. Отрядъ нашъ растянулся неимоверно. Кавалерія ускакала впередъ и уже была на отдыхъ, а послѣднія повозки еще не выходили изъ Орговскаго поста. И на всемъ протяженіи 13 верстъ весь обозъ оставался безъ прикрытія! Но ничего, Богъ спасалъ. А не трудно было двумъ-тремъ сотнямъ Куртовъ налетѣть и произвести переполохъ: кромѣ фурштатовъ въ обозѣ, невооруженной прислуги при артиллеріи, да уже массы больныхъ въ лазаретныхъ фурахъ, никого въ арріергардѣ не было. Единственный баталіонъ лѣхоты, стрѣлковый, былъ двинуть сейчасъ же вслѣдъ за кавалеріей, такъ что и артиллерія, и обозъ оставались безъ защиты.

Съ неимоверными трудами достигъ наконецъ хвостъ колонны нашего бивуака къ 12 часамъ ночи, да и то не весь. Большинство повозокъ такъ и осталось ночевать на пути.

На бивуакѣ все расположилось безъ палатокъ, на высотѣ 7.000 футовъ, при страшномъ холодѣ. Гдѣ же было думать о палаткахъ, когда полковые и баталіонный обозы еще едва двинулись отъ Орговскаго поста. Жалко было смотрѣть на этихъ несчастныхъ, исключительно для военнаго времени кулешныхъ лошадей. Не знаю за какую цѣну покупались эти клячи, но глядя на нихъ трудно было представить на какую работу пригодны эти изможденные животныя съ оголившимися ребрами и съ разбитыми, большими ногами.

Съ трудомъ отыскавъ свой баталіонъ (я по дорогѣ отсталъ и вѣхалъ при лазаретной фурѣ), я вздумалъ было заснуть. Но судьбѣ не угодно было даровать мнѣ отдыхъ. Сначала пошелъ снѣгъ, который затѣмъ смѣнился крупнымъ дождемъ. Я съ отчаяніемъ кидалъ кругомъ взоры, отыскивая хоть какое-нибудь закрытіе.

Вдругъ вдали я увидѣлъ бѣлящую, единственную почти разбитую гдѣ-то палатку. Я вскоцилъ и наугадъ пошелъ къ ней. Оказалось что палатка была командира одного изъ казачьихъ полковъ, моего знакомаго, который принялъ меня подъ свое покровительство и защиту отъ бурной непогоды. Закусивъ кое-какъ (а въ цѣлый день не пришлось особенно лакомить желудка) мы разостлали бурки, ковры и кое-какъ устроили нагасъ. Раю утромъ, чуть свѣтало, началось движеніе въ лагерь. Сегодняшній день важный день перехода черезъ границу.

Нашъ бивуакъ былъ на самой высшей точкѣ Чивгильскаго перевала. Мы расположились въ небольшой долинѣ окруженной со всѣхъ сторонъ горами составляющими границу. На пограничной линіи расположены были казацкія пикеты оберегавшіе лагерь.

VIII.

Въ 6 часовъ утра отрядъ двинулся. Съ вершины пограничной линіи начинается продолжительный слускъ уже по турецкой территоріи въ Баязетскую долину. Когда двинулся нашъ баталіонъ, я остался въ крайне затруднительномъ положеніи; мнѣ почему-то казалось что переступая границу, мы немедленно встрѣтимъ турецкія войска и завяжется бой. Между тѣмъ ни моя лазаретная фура, ни аптека со всевозможными перевязочными средствами еще не догнали колонны, а всю ночь провели гдѣ-то на пути отъ Орговскаго поста. Чтѣ было дѣлать? Идти за баталіономъ, не имѣя у себя подъ руками ничего необходимаго для помощи, я считалъ бесполезнымъ. Не идти и остаться ждать фуры было невозможно. Я обратился за разъясненіемъ вопроса къ командиру баталіона, и онъ успокоилъ меня, сообщивъ что на слѣдующемъ привалѣ обозъ догонитъ войска, такъ какъ на подыатіе его послано уже двѣ роты пѣхоты. Такъ я и тронулся вслѣдъ за баталіономъ и, признаться, сердце у меня сильно забилось когда мы перешли границу; я пристально сталъ вглядываться въ открывшуюся съ пограничной линіи даль, усиленно отыскивая какіе-либо признаки движенія или расположенія непріятельскихъ войскъ. Но ничего подобнаго не было видно. Обширная, пустынная равнина, совершенно безлѣсная, мѣстами усыпанная болотцами, кряжи небольшихъ горъ, маленькій, пустой аульчикъ расположенный у слуска съ Чингильскихъ горъ,—вотъ все чтѣ представилось взору. Пока-всѣ мы съ любопытствомъ вглядывались въ туманную, точно застланную прозрачною синею пеленой даль, пріѣхалъ Тергукасовъ, нагнавшій авангардъ. Съ нимъ была огромная свита, изъ начальника штаба, ординарцевъ и адъютантовъ, въ самой разнообразной формѣ, при конвоѣ состоявшемъ изъ сотни казакѣвъ и около сотни Куртовъ, призванныхъ къ намъ на службу за большія деньги.

Куртъ принадлежитъ къ такъ-называемому Куртинскому племени, населяющему преимущественно Курдистанъ, принадлежащій Турціи и лежащій на границѣ Баязетскаго санджака, и отчасти предѣламъ Эриванской губерніи. Осѣлости этотъ народъ не знаетъ, онъ живетъ разбоями и грабежами

т. сѣлш.

зимомъ въ зимовкахъ, а лѣтомъ шатаюсь по различнымъ мѣстностямъ. Это бичь Армянь и Татаръ населяющихъ пограничные пункты русскихъ и турецкихъ владѣній. Для того чтобы въ смутное военное время нѣскольکو отвлечь Куртовъ отъ грабежей и набѣговъ въ предѣлахъ русскихъ владѣній, имъ предложено было вступить въ нашу армию въ обязательную службу на очень выгодныхъ условіяхъ, доставлявшихъ имъ возможность жить безъ грабежей. Многие охотно согласились, и составилъ цѣлый полкъ очень оригинально и красиво убранный въ чалмы, сдѣланныя изъ ковровыхъ платковъ, въ штыря серебромъ и золотомъ куртки, съ двумя пистолетами за широкимъ ковровымъ же поясомъ, и съ высокими острыми ликами (какъ у Донскихъ казаковъ). Тергукасовъ зачислилъ ихъ къ себѣ въ конвой и для различныхъ посылокъ. Они знаютъ всякую тропинку и поэтому какъ переносчики приказаній незамѣнимы. Многие изъ нихъ говорятъ домашнимъ русскимъ языкомъ и всѣ говорятъ по-армянски.

Съ прибытіемъ начальника отряда, послѣ отданія войска ми ему чести, начался внимательный обзоръ турецкихъ владѣній. Появились бинокли, подзорныя трубы. Присутствія какихъ-либо войскъ обнаружено не было. Въ нынѣшнюю кампанію Турки допустили безпрелатственно вступить русскія войска на свою территорию, вѣроятно хорошо помня какъ дорого имъ обошлось прошлый разъ сопротивление на Чингильскихъ высотахъ. Послѣ обзора начальникъ отряда далъ приказаніе войскамъ двигаться дальше.

— Гдѣ же Баязеть? спросилъ я у одного изъ офицеровъ бывшихъ въ Турціи въ прошлую кампанію. — Мнѣ казалось что онъ виденъ съ перевала.

— Нѣтъ, онъ закрытъ туманомъ и плохо виденъ отсюда. А вотъ спустимся въ долину къ Карабулаху (селеніе у подножія Чингильскихъ горъ), тамъ увидите его во всей красѣ.

Я сталъ ждать прихода въ Карабулахъ. Къ вечеру мы достигли этого селенія. Обозъ нашъ нагналъ и авангардъ въ полномъ составѣ расположился на ночлегъ. Началось разбиваніе палатокъ, варка лица; закипѣла въ лагерѣ дѣятельность. Въ ожиданіи самовара я прилежъ на сочную душистую траву и съ любопытствомъ оглядывалъ окрестности. Обширная Баязетская равнина вся открывалась взору. Солнце

уже начало заходить и освѣтило краи далекіихъ горъ пурпуровымъ свѣтомъ. Вдругъ я замѣтилъ въ уступѣ сѣроватыхъ горъ далеко на горизонтѣ бѣлѣющееся лянно. Я схватилъ бинокль и навелъ на эту точку. Не было сомнѣнія что то былъ Баязетъ. Но и въ бинокль трудно было что-нибудь разобрать. Видны были постройки, изъ которыхъ особенно выдавалась только одна съ высокою башней. За разъясненіями я обратился къ тому же старому офицеру и онъ объявилъ что это выдающееся строеніе и есть цитадель съ минаретомъ. Но все было видно тускло, все подернуто сѣрою пеленой тумана. Осмотромъ я не удовлетворился. Я сталъ спрашивать стараго служаку о всѣхъ особенностяхъ этого перваго встрѣтившагося на пути непріятельскаго вооруженнаго пункта.

— Вотъ можетъ завтра придется не мало потрудиться, прибавилъ офицеръ. — Штурмовать эту крѣпость трудно: позиція убійственная; подступы самые невозможные, а обходныхъ колоннъ при нашемъ маленькомъ отрядѣ устроить нельзя. Гдѣ же, помилуйте? Хоть даже и подойдутъ главныя силы, мало, батюшка, все-таки очень мало. Въдь въ этой крѣпости какіе-нибудь два баталіона могутъ продержаться мѣсяцы, лишь бы провіанту хватило. А штурмовать невозможно, вновь появивъ старикъ, — весь отрядъ положимъ.

— А не слышно, много войска въ Баязетѣ? спросилъ я.

— Да ничего неизвѣстно. Вотъ въ два часа ночи начальникъ штаба ѣдетъ къ Баязету на рекогносцировку; что онъ тамъ найдетъ — не знаю.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ. За мной прислалъ нашъ отрядный врачъ.

— Много у васъ перевязочныхъ средствъ приготовлено на завтра? спросилъ онъ меня, поздоровавшись. — Въдь вамъ придется впереди идти съ баталіономъ. Въ случаѣ мало, займите въ другихъ частяхъ, да пожалуста чтобы санитары и фельдшера были на своихъ мѣстахъ.

— А развѣ завтра ожидается бой? не безъ волненія спросилъ я.

— Ничего еще не извѣстно. Очень можетъ-быть что Турки не захотятъ отдать даромъ крѣпость, если у нихъ тамъ достаточно войска. Завтра утромъ все узнаемъ. На всякій случай будьте готовы.

Признаюсь, я ушелъ отъ своего начальника съ тяжелымъ чувствомъ. Мысль что мнѣ первому изъ нашихъ врачей придется знакомиться съ ужасами и послѣдствіями боя, и быть вѣроятно и самому не въ безопасности, очень меня мучила. Но дѣлать было нечего. Я приготовилъ и себя и своихъ фельдшеровъ къ завтрашнему дню. Часовъ въ десять меня попросилъ къ себѣ командиръ баталіона и также предупредилъ объ ожидаемомъ штурмѣ. У него сидѣлъ начальникъ штаба. Завязался разговоръ о томъ что можетъ насъ ожидать завтра.

— Странно устроена натура челоѣка, сказалъ начальникъ штаба.—Вѣдь вотъ въ два часа ночи ѣду съ казачьимъ полкомъ на рекогносцировку къ Баязету и право, откровенно говорю, я совершенно покоенъ. Можетъ-быть завтра меня на свѣтъ не будетъ, но я какъ-то объ этомъ и не думаю. Богъ знаетъ на какія силы я тамъ наткнуся. Можетъ-быть и отступить не успѣю.

Такъ мы проговорили часовъ до двѣнадцати. Начальникъ штаба простился и пошелъ готовиться къ рекогносцировкѣ. Усталость взяла свое и я, уйдя отъ командира, вскорѣ заснулъ. Проснувшись на другой день я узналъ радостную новость: Баязетъ сдался, покинутый турецкими войсками, успѣвшими въ эту ночь уйти изъ Баязетской цитадели къ Вану. Гарнизонъ говорить состоялъ изъ двухъ тысячъ пѣхоты и нѣсколькихъ орудій. Почему они рѣшились сдать безъ боя крѣпость и городъ—осталось загадкой. Вѣроятно они сильно испугались нашего обоза, цѣлый день слускавшагося съ Чингальскаго перевала и который Турки, наблюдая наше движеніе съ башни минарета, приняла за войска. Въ такомъ случаѣ ислугъ ихъ понятенъ. Обозъ у насъ растягивался на нѣсколько верстъ. Воображаю какво было бы ихъ изумленіе еслибы они узнали что нашъ атакующій отрядъ состоялъ всего изъ восьми баталіоновъ пѣхоты. Тѣмъ не менѣе наше смѣлое шествіе оказало результаты и жители Баязета въ знакъ покорности выѣхали на встрѣчу Тергукасову и принесли въ даръ жирнаго барана. Съ пѣснями, музыкой и развернутыми знаменами вошли мы въ городъ, такъ легко намъ доставшійся, но стоившій въ послѣдствіи громадныхъ жертвъ и усилій прежде чѣмъ русское знамя во второй разъ за эту кампанію водрузилось на Баязетской цитадели.

IX.

По занятіи Баязета (18 апрѣля 1877 года) авангардъ войскъ сталъ близь него лагеремъ. Самый городъ, грязный, тѣсный и некрасивый, расположенъ на высокой горѣ и дороги къ городу, кромѣ верховой, никакой нѣтъ. Войска расположились на долинахъ, у подножія горы, на которой разбросанъ городъ. Самая же цитадель была занята немедленно войсками, то-есть баталіономъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, двумя или тремя сотнями казаковъ и двумя орудіями. Начальникомъ или комендантомъ крѣпости назначенъ былъ полковникъ Ставропольскаго полка А. В. Ковалевскій. Мы простояли въ Баязетѣ шесть дней; въ то же время наши главныя силы подъ начальствомъ генерала Б. стояли у селенія Арзанъ, въ 18ти верстахъ отъ Баязета. Гарнизонъ занятой цитадели необходимо было снабдить провіантомъ въ достаточномъ количествѣ, а на это требовалось время, въ теченіе котораго мы и стояли въ бездѣйствіи.

Пользуясь свободнымъ временемъ нѣкоторые изъ насъ отправились осматривать городъ и цитадель. Когда мы верхами вѣхали въ городъ, то насъ поразила узость и кривизна улицъ. Насколько Баязетъ казался красивымъ издали, раскинутый по уступамъ и отрогамъ горъ, настолько грязенъ и некрасивъ онъ вблизи. Ни одного порядочнаго зданія, ни одной посредственной лавки. Торговля по занятіи нами города впрочемъ открылась. Мы даже нашли какую-то кофейню, гдѣ вмѣстѣ съ продажей крѣпкаго, до приторности наслащеннаго кофе въ миниатюрныхъ чашечкахъ, производилось бритье и стрижка по азіатскому обычаю, съ умываньемъ лица и всей головы. Изъ кофейни мы отправились въ цитадель.

Знаменитая Баязетская цитадель построена на еще болѣе высокой горѣ чѣмъ весь городъ. Влѣво отъ нея видны развалины старой цитадели, уже не имѣющей теперь никакого значенія. Постройка и архитектура крѣпости съ мечетью и минаретомъ прекрасны. Огромныя желѣзныя ворота были растворены и на просторномъ дворѣ была масса нашихъ солдатъ, съ любопытствомъ осматривавшая брошенная турецкимъ гарнизонемъ ружья (почти всѣ системы Снейдера) и патроны въ громадномъ количествѣ.

Посреди хорошо уложеннаго каменными плитами двора устроенъ обширный фонтанъ съ бассейномъ, наполненный свѣжею вкусною водою. Въ стѣнахъ крѣпости множество крановъ съ проведенною изъ горъ водою. Смотра на такую крѣпкую защиту какъ природную, такъ и искусственную, мы еще болѣе дивились, почему Турки такъ дешево уступили крѣпость. По разпросамъ жителей оказалось что они вчера весь день съ минарета наблюдали движеніе отряда и испугались его величавы. Кромѣ того, они опасались какъ бы мы не отвели воду изъ крѣпости, что было дѣйствительно весьма легко.

Войдя во внутренность цитадели мы увидѣли прекрасныя, роскошно отдѣланныя, высокія комнаты назначенныя для баязетскаго вали, то-есть губернатора. Въ противоположной сторонѣ отъ помѣщенія паши была красивая мечеть съ рѣзною и дѣльною работою на стѣнахъ и оттуда ходъ на минареть. Мы поднимались по каменнымъ узенькимъ ступенямъ очень долго, пока наконецъ достигли самой высшей точки башни. Здѣсь устроенъ круглый балконъ, кругомъ обнесенный крѣпкою каменною стѣною. Съ этой-то точки и наблюдалъ турецкій комендантъ приближеніе нашего отряда.

Съ этой высоты открывается широкій видъ. Чивгильскій перевалъ виденъ ясно, но кругозоръ вездѣ замыкается цѣлью безконечныхъ горъ.

Мы осмотрѣли затѣмъ крѣпостныя стѣны, люветы для орудій продѣланныя въ стѣнахъ, гробницы баязетскихъ пашей, и возвратились въ лагерь подъ впечатлѣніями знакомства съ совершенно иною, мало понятною для насъ жизнью.

Черезъ недѣлю мы оставили Баязетъ, продолжая дальнѣйшее наступательное движеніе. Въ городѣ мы оставили, подъ прикрытіемъ незначительнаго гарнизона, военно-временный № 11 госпиталь, куда и сдали наканунѣ выступленія всѣхъ больныхъ отряда. Слѣдующій пунктъ былъ куртинское селеніе Діадинъ, съ разореннымъ замкомъ того же имени, гдѣ жила когда-то куртинскіе родоначальники. Маленькое пустынное селеніе Діадинъ расположено у верховьевъ рѣки Евфрата, берущей здѣсь неподалеку свое начало изъ снѣговыхъ вершинъ Алла-Дагскаго хребта, у подножія котораго и пріютилось это почти залуствое селеніе. Нечего и говорить что жители Діадина волей или неволей изъявили локорность при нашемъ вступленіи и наградили себя за это

вынужденное смиреніе по крайней мѣрѣ невозможными цѣнами на продукты которые вывезли на продажу. Было приказано платить что пожелаютъ жители. Дѣлать нечего, платили. Селеніе Діадивъ разбросано по небольшой долинкѣ рѣки Евфрата и особенностей никакихъ не представляетъ, за исключеніемъ развѣ многихъ минеральныхъ источниковъ у верховьевъ Евфрата, да разореннаго куртинскаго замка, который впрочемъ и осмотрѣть не пришлось. Въ Діадивѣ главныя силы соединились съ авангардомъ и весь отрядъ былъ въ сборѣ. Даже и та маленькая колонна, которая съ начала нашего выступленія была послана по Каравансарайскому перевалу, присоединилась къ намъ въ Діадивѣ. Но съ этою колонной случилось непріятное приключеніе. Дѣло въ томъ что въ штабѣ состоялось распоряженіе о движеніи этой колонны, послѣ перехода ея чрезъ границу, въ селеніе Корумъ, отстоящее отъ расположенія главныхъ силъ отряда въ семи верстахъ. Между тѣмъ кѣмъ-то изъ перелисывавшихъ приказаніе, а кѣмъ именно такъ и осталось неизвѣстнымъ, сдѣлана была грубая ошибка, едва не сгубившая колонну. Было сказано о движеніи, вмѣсто Корума, на Хамуръ. Какъ ни былъ удивленъ начальникъ колонны зачѣмъ его съ горстью людей посылаютъ за 100 верстъ впередъ (онъ увидѣлъ это развернувъ карту Азіатской Турціи), но послушаться не могъ, а разъяснять вопросъ не имѣлось времени. Колонна двинулась. Въ отрядномъ штабѣ слыхватились и ужаснулись ошибкѣ. Между тѣмъ колонна дойда до Хамура наткнулась на турецкій отрядъ, и положеніе нашихъ было самое опасное. Къ счастью Турки, принявъ эту колонну за авангардъ нашего отряда, сочли за лучшее отступить. Къ общей радости колонна возвратилась цѣлою и невредимою, и не мало было послѣ толковъ объ этомъ событіи.

Когда весь отрядъ соединился, лагерь нашъ по вечерамъ сталъ очень походитъ на только-что лѣстроенный городъ. Тысячи огней мелькали тамъ и сямъ. Оживленіе, говоръ, всюду движеніе. Въ 9 часовъ вечера раздавался лучечный выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ въ разныхъ концахъ лагеря раздавались хоры музыки игравшіе обычную зорю и *Боже Царя храни*. Въ день нашего прихода въ Діадивъ часовъ въ 11 вечера я впервые узналъ по опыту что такое землетрясеніе. Я возвращался изъ лагеря Крымцевъ, отъ Сергѣя Петровича, въ свой, и по дорогѣ почувствовалъ что зашатался и чуть

не улажь. Въ то же мгновение услышалъ какой-то странный, глухой гулъ, какъ бы лодь землей. Не зная какъ себѣ объяснить случившееся, я въ испугѣ прибѣжалъ въ лагерь, и тутъ мнѣ объяснили что это было землетрясеніе. Въ тотъ же вечеръ пришло приказаніе на завтра выступить въ монастырь Сурль-Оганесъ, отстоящій отъ Діадына въ 13 верстахъ. Авангардъ опять отдѣлился отъ отряда.

Х.

Авангардъ занялъ уже третій пунктъ въ Азіатской Турціи безъ выстрѣла. Взвѣсивая силы нашего незначительнаго отряда мы все становились что называется въ туликъ предъ поведеніемъ Турокъ. Что руководило ими когда они дозволяли такъ безпрепятственно двигаться нашему отряду все дальше и дальше въ глубь Турціи: трусость ли или желаніе отвлечь насъ какъ можно дальше отъ границы и затѣмъ налечь на насъ всею массой своихъ войскъ, которыхъ по разнымъ, хотя отрывочнымъ, свѣдѣніямъ насчитывалось порядочное количество? Эти вопросы мучили не мало каждаго изъ насъ и такое безпрепятственное шествіе, не связанное съ приключеніями, безъ всякой хотя бы незначительной стычки, очень многимъ не нравилось. Заявъ Сурль-Оганесъ, начальникъ авангарда рѣшилъ предпринять рекогносцировку по дорогѣ по которой предстояло дальнѣйшее наступательное движеніе къ селенію Кара-Килиссы, по той же Эрзерумско-Баязетской транзитной дорогѣ. Главныя силы нашего отряда чрезъ день по занятіи нами монастыря и близъ лежащаго селенія Сурль-Оганесъ передвинулись сюда и лагерь расположился въ полномъ составѣ. Авангарду не давали покоя. Безпрестанныя тревоги, смутныя извѣстія доставлявшіяся лазутчиками, что не вдалекѣ отъ Сурль-Оганеса появляются турецкіе разѣзды, заставляла какъ кавалерію, такъ и стрѣлковый баталіонъ безпрестанно быть готовыми къ нападенію и быть постоянно въ боевой амуниціи.

Скоро впрочемъ слухи, сначала бывшіе столь грозными, стали утихать, такъ какъ нѣсколько рекогносцировокъ предпринятыхъ начальникомъ авангарда не обнаружили присутствія вблизи нашего лагеря какихъ бы то ни было непріа-

тевскихъ отрядовъ. Мы уже начали было мечтать объ отдыхѣ и спокойномъ созерцаніи дикихъ красотъ Турецкой Арменіи, какъ вдругъ въ одну ночь предъ разсвѣтомъ я услышалъ какъ кто-то подошелъ къ моей лодкѣ и приподнял ея лопы.

— Докторъ! Вы спите? спросилъ меня кто-то.

Я услышалъ голосъ баталіоннаго адъютанта.

— Нѣтъ, проснулся, отвѣтилъ я.—А что такое?

— Вставайте да распорядитесь чтобы къ четыремъ часамъ утра все было готово у васъ къ выступленію, то-есть по вашей части, прибавилъ онъ.

— Развѣ выступаемъ? Куда?

— Неизвѣстно, говорятъ въ Баязетъ назадъ, а потомъ, говорятъ, пойдемъ къ Вану. Впрочемъ, за достовѣрность свѣдѣній не ручаюсь. Въ приказаніи не сказано куда идти.

И съ этими словами онъ скрылся.

Пока всѣ сборы мои кончились, уже начало свѣтать. Желая узнать что-либо болѣе определенное относительно предстоящаго похода, я подошелъ къ группѣ нашихъ офицеровъ, уже возставшихъ отъ сна, изъ которыхъ нѣкоторые впрочемъ и не ложились, а только возвратились съ веселаго ужина у товарищей другихъ лодковъ. Я подошелъ къ нимъ и предложилъ вопросъ: куда именно, зачѣмъ и надолго ли мы идемъ?

Узналъ я немногое. Говорили что вечеромъ пришло къ начальнику отряда извѣстіе что на Баязетъ и оставшійся тамъ ничтожный гарнизонъ имѣютъ намѣреніе произвести нападеніе Турки и блокировать Баязетскую цитадель, вслѣдствіе чего являлась надобность какъ усилить самый гарнизонъ (для чего посылаются туда еще двѣ роты пѣхоты и нѣсколько сотенъ казаковъ), такъ и послать авангардъ къ Баязету, чтобы въ случаѣ дѣйствительно начавшейся блокады крѣпости придти на выручку. Главныя же силы оставались пока въ Сурль-Оганесѣ, въ составѣ 4¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи и 26 орудій. Маленькій отрядъ нашъ волей или неволей долженъ былъ дробиться до безконечности. Сообщенія офицеровъ были справедливы отчасти. Мы дѣйствительно двинулись форсированнымъ маршемъ къ Баязету въ составѣ стрѣлковаго и 4го Крымскаго баталіоновъ пѣхоты, 10 сотенъ казаковъ и конной казачьей батареи, подъ общимъ начальствомъ князя Амилохвари. Выступили ровно въ 4 часа утра и къ вечеру подошли

къ Баязету, сдѣлавъ 60 верстъ въ день (60 верстъ сдѣлава также и лѣхота) и застали Баязетъ въ мирномъ и покойнномъ отдыхѣ. Оказалось что дѣйствительно за послѣднее время появились вблизи Баязета шайки Куртовъ, но серьезнаго нападенія никогда не было. Между тѣмъ тогдашній комендантъ крѣпости подполковникъ Ставропольскаго полка Ковалевскій, опасаясь за послѣдствія, просилъ себѣ подкрѣпленій, и въ силу его просьбы было назначено ему въ помощь изъ нашего отряда еще двѣ роты лѣхоты и нѣсколько сотенъ казаковъ. Общее начальство надъ всеми войсками Баязетскаго округа принялъ подполковникъ Крымскаго полка Пацевичъ, храбрый, опытный служака, бывшій въ Эриванскомъ отрядѣ въ прошлую кампанію. Въ Баязетѣ присоединился къ намъ небольшой отрядъ, посланный въ началѣ общаго выстуленія изъ Игдыря къ сторонѣ селенія Куальъ, на обязанности котораго лежало произвести наступательное движеніе къ турецкому городу Кагызману. Отрядъ этотъ (подъ названіемъ летучій) состоялъ изъ одного (2го) баталіона Крымскаго полка и Холерскаго казачьяго полка, подъ общимъ командованіемъ полковника графа Граббе, убитаго въ послѣдствіи при штурмѣ Карса. Отрядъ этотъ походилъ, походилъ, перевесъ невозможныя мученія при движеніи по непроходимымъ кручамъ, занялъ безъ бою Кагызманъ и долженъ былъ вернуться назадъ для соединенія съ общимъ Эриванскимъ отрядомъ. Графъ Граббе былъ отозванъ въ главный отрядъ въ корпусный штабъ.

Съ присоединеніемъ въ Баязетѣ этого летучаго отряда къ нашему авангарду у насъ образовалось три баталіона лѣхоты, четыре полка кавалеріи и восемь орудій. Съ этимъ отрядомъ отправились мы къ озеру Ванъ, нагонять тотъ турецкій гарнизонъ который двѣ недѣли тому назадъ удалился изъ Баязета. Что сказать объ этомъ походѣ? Да очень мало утѣшительнаго. Взявшись съ неимоверными усиліями на вершины Алла-Дагскаго перевала, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было дорогъ, дрожа и ежась отъ холода у лодножія свѣжвой вершины Гюре, гдѣ былъ нашъ первый ночлегъ, лишенные самыхъ необходимыхъ принадлежностей похода, какъ-то достаточнаго количества сухарей, палатокъ и топлива (не говоря уже о горячей пищѣ), прокладывая на пути дорога черезъ непроходимыя горы и ущелья, мы прошли верстъ 70 до рѣчки Соукъ-су и наткнулись наконецъ на нѣсколько со-

тевь Куртожь. Завязалась кавалерійская перестрѣлка, и подъ этотъ шумокъ лѣхотѣ и артиллеріи дано было приказаніе немедленно и послѣшью отступать по направленію къ Баязету въ боевомъ порядкѣ. Измученные, усталые, голодные возвратились мы назадъ въ Сурль-Оганесъ на девятый день похода и тутъ узнали о взятіи крѣпости Ардагана. Громогласное ура гремѣло по лагерю; приказъ въ которомъ описывался штурмъ Ардагана ходилъ изъ роты въ роту, изъ батареи въ батарею. А наши солдаты, слушая о подвигахъ своихъ собратьевъ въ другихъ отрядахъ, не скрывая, высказывали: „а мы должно долго еще будемъ ходить по горамъ да по трупобамъ.“

Послѣ похода къ Вану военно-временный № 16 госпиталь въ Сурль-Оганесъ, бывшій до сего времени почти пустой, наполнился больными, да кромѣ того въ Баязетѣ при нашемъ возвращеніи мы оставили въ № 11мъ госпиталь тоже немного мѣсте сотни измученныхъ, обезсилѣвшихъ людей.

По возвращеніи изъ Баязета и Вана отрядъ расположился, повидимому, на долгое время въ Сурль-Оганесъ. Велено было въ строгомъ порядкѣ расположить лагерь, открыла свою дѣятельность полевая почта, выписались телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій на Дунай, раскинулась обширный наметъ для отряднаго штаба. Лагерь принялъ видъ довольно обширнаго дѣятельнаго городка, приступилъ къ которому былъ не легко. Грозныя жерла орудій ясно выглядывали по направленію охранительной линіи лагеря, готовы встрѣтить своимъ грохотомъ непрошенныхъ гостей.

Телерь какъ всѣ были въ сборѣ, начались взаимныя знакомства и визиты изъ одного полка въ другой, изъ одной батареи въ другую.

Въ Крымскій полкъ прибыло много молодежи изъ юнкерскаго училища. Съ особеннымъ удовольствіемъ и любовью останавливаюсь я въ моихъ воспоминаніяхъ на этихъ свѣтлыхъ юношескихъ образахъ. Своею неполадчивою веселостью, искренностью и беззаботностью они оживили нашъ кружокъ и внесли въ него много разнообразія, столь необходимаго въ нашей лагерной жизни; и какъ прекрасно, стройно лѣтали они бывало хоромъ гдѣ-нибудь вблизи палатки въ свободное вечернее время, когда обычная лагерная дѣятельность начинала утихать. И говоръ, и веселье, и смѣхъ такъ и раскатывались во всѣ стороны лагеря, и видно

было что здѣсь веселится безпечная, всѣмъ довольная, со всѣмъ примиряющаяся беззаботная юность. Невольно самому какъ-то легче, отраднѣе дѣлалось въ кругу этой неиспорченной, вѣчно веселой и счастливой молодежи. Гдѣ-то вы теперь, мои дорогіе, юные друзья?

Не проходило дня чтобы мы не сходились, не устраивали доморощеннаго концерта на свѣжемъ тепломъ воздухѣ весенняго благоуханнаго вечера и тѣмъ не коротали бы нашей однообразной лагерной жизни. Сергій Петровичъ также пристаѣлъ къ намъ и у насъ образовался теплый, искренній кружокъ, въ которомъ никто не стѣснялся разности положеній и табелью о рангахъ. Майоръ сидѣлъ со своимъ адъютантомъ, прапорщикомъ, какъ равный съ равнымъ, и солидное положеніе старшаго врача полка не терпало ничего отъ общества юныхъ офицериковъ. Для меня по крайней мѣрѣ на всю жизнь останутся въ памяти оживленныя, свѣтлыя минуты нашего общаго времякоротанія.

Послѣ вечерней зори все стихало. Натрудившіеся и набѣгавшіеся солдаты быстро засыпали послѣ обильнаго сравнительно ужина. Общій покой нарушаютъ лишь мѣрные шаги ночныхъ, однообразно гуляющихъ по линейкѣ, да безпрерывное движеніе различныхъ членовъ общей лагерной семьи близъ палатки начальника отряда. А у послѣдняго до поздней ночи горитъ въ тѣсной ставкѣ огонекъ, и что тамъ дѣлается, что рѣшается, никому неизвѣстно. Не разъ приходилось подмѣчать что часу въ первомъ ночи выйдетъ генералъ Тергукасовъ изъ палатки и ходить взадъ и впередъ предъ нею съ сумрачнымъ и грустнымъ лицомъ. Ночной караулъ при этомъ, конечно, встрепенется, но по знаку его руки все опять приходитъ въ прежній порядокъ, и нашъ генералъ въ архаичкѣ съ трубкой ходитъ и ходитъ и думаетъ свою думу.

XI.

Долго простояли мы въ Сурль-Оганевѣ. Многіе начали сильно роптать на медленность движенія, объясняя ее каждый по-своему. Часто приходилось слышать недовольные возгласы, что даромъ кажется прошаемся, нигдѣ ни одного Турка и не увидимъ, что это не кампанія, а какое-то безцѣльное шатаваніе и т. д. Даже и въ средѣ солдатъ слышались полусушутливые, полусерьіозные разговоры на эту же тему.

„И странно это, братецъ мой, какъ аготь Турокъ насъ боится“, слышалось у какой-нибудь солдатской палатки; „мы за нимъ, а онъ отъ насъ. Ужь какъ бы кажется прынулъ его, только бы встрѣться.“

Вскорѣ по лагерю разнесся слухъ что въ Кара-Килиссахъ, верстахъ въ сорока, собрались Турки въ довольно большомъ числѣ, укрѣпились и для болѣе труднаго до нихъ доступа прорвали латины и затопили почти всю и безъ того болотистую и обильную водой мѣстность. Кара-Килиссы довольно красивая деревня лежащая у слиянія пяти горныхъ рѣчекъ, такъ что называется иначе Пятирѣчье. Слухи эти имѣли нѣкоторое основаніе, и подтвердились еще болѣе тѣмъ что въ одинъ изъ вечеровъ адъютанты были внезапно собраны въ отрядный штабъ и скорѣ сдѣлаась извѣстною программа завтрашняго дальнѣйшаго наступленія.

Наконецъ-то! вырвалось у многихъ. Рано утромъ поднялась обычная при выступленіи суматоха: укладываніе обоза, снятіе палатокъ. Въ 9 часовъ отрядъ двинулся. Почевка предстояла на лодовинѣ пути къ Кара-Килиссамъ, въ мѣстечкѣ Зиро. Мы пришли туда уже довольно поздно, помню погода какъ нарочно испортилась и кропалъ мелкій дождь. Усталые, голодные пришли мы на кочлеги и съ грустью узнали что обозъ нашъ остался далеко назадъ. Предстояло провести ночь на открытомъ воздухѣ. Къ счастью я встрѣтился со знакомыми артиллеристами и у нихъ нашелъ себѣ пріютъ, сравнительно комфортабельный. Появились палатки (онѣ везлись на запасномъ лафетѣ), самоваръ, уживъ и всѣ остальные удобства похода.

На утро вѣдно было выступить въ строгомъ порядкѣ, снять дульные покрывки съ ружей и соединиться съ выступившимъ наканунѣ нѣсколько ранѣ авангардомъ князя Амилохвари. Когда мы достигли авангарда, стало извѣстно что въ эту ночь Турки покинули свои позиціи у Кара-Килиссы и отступили на Драмъ-Дагъ.

Опять разочарованіе для многихъ изъ страстно желавшихъ боя. Мы подошли къ Кара-Килиссамъ часа въ два полудни. Это было первое красивое и живописное мѣсто встрѣченное нами въ Турціи. На берегу быстрой бурной рѣчки раскинулось довольно обширное селеніе, почти все утонувшее въ мелкой, но частой зелени. Постройки довольно красивы;

въ среднѣхъ селеніяхъ обширное казенное зданіе, служившее, во первыхъ, интендантскимъ складомъ для войскъ турецкой арміи и во вторыхъ, помѣщеніемъ полевого телеграфа. Доступъ къ Кара-Килиссамъ былъ въ бродъ. На противоположномъ берегу насъ ожидала депутація Армявъ съ обычнымъ изъясненіемъ покорности. Армянскіе священники съ причтомъ и иконами размѣстились по сторонамъ идущаго отряда, и наше торжественное шествіе совершилось въ полномъ порядкѣ съ подобающею этому случаю торжественностью. Встрѣчающіеся Армяне домашнимъ русскимъ языкомъ, понятнымъ лишь русскому солдату, объявили что Турки только въ эту ночь покинули свои грозныя позиціи и отступили къ Драмъ-Дагу.

И дѣйствительно, за селеніемъ верстахъ въ трехъ мы увидѣли какъ будто нарочно природою устроенную высокую скалу, сплошь обнесенную каменною траншеей. Подступъ къ этой позиціи былъ весьма трудный. Кругомъ болото и соединеніе пяти горныхъ рѣчекъ, разливавшихъ свои воды на дальшее пространство. Чтò заставило Турокъ покинуть эти выгодныя позиціи—казалось весьма загадочнымъ. Очевидно, если они бросили подобную позицію, то имѣютъ въ виду что-либо еще болѣе неприступное. Но они вѣскольکو ошиблись въ расчетѣ, какъ увидимъ даальше.

Простояли мы три дня въ Кара-Килиссахъ; на четвертый пришло приказаніе двигаться отряду даальше двумя колоннами: одна (авангардная) на Алашкертъ, другая (главная) на Зейдеканъ. Въ Зейдеканѣ предполагалось общее соединеніе. 28го мая 1877 года рано утромъ колонны двинулись. Я былъ въ первой авангардной колоннѣ.

Въ Алашкертѣ мы только переночевали и рано утромъ на другой день двинулись къ Зейдекану. Зейдеканъ небольшая деревушка въ двѣнадцати верстахъ отъ Алашкерта, носящаго громкое названіе города, хотя по виду ничто не давало этому грязному аулу право на такое наименованіе. Здѣсь когда-то, зачѣмъ-то проживалъ турецкій паша, и вса мѣстность вблизи Алашкерта называлась санджакомъ, то-есть губерніей. По пути къ Зейдекану въ половинѣ разстоянія отъ Алашкерта пріютился небольшой аульчикъ Молаа-Судейманъ, населенный армяво-католиками. Здѣсь былъ у насъ привалъ. Пока мы всѣ предавались столь необходимому въ томашій зной отдыху, на густой и сочной травѣ, мы за-

мѣтили что изъ солдатъ образовался тѣсный кругъ и въ срединѣ его кто-то ломанымъ русскимъ языкомъ дѣлалъ сообщенія объ этомъ краѣ, о численности турецкой арміи и ея дѣйствіяхъ. Невольно каждый изъ насъ поинтересовался узнать кто этотъ столь интересный въ данную минуту сообщитель. Мы подошли къ группѣ солдатъ и увидели въ срединѣ ея немолодаго человѣка съ совершенно русскимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ говорилъ громко, вполне правильно по-русски, хотя съ сильнымъ армянскимъ оттѣнкомъ и по выправкѣ и манерамъ смахивалъ на бывшаго солдата.

— Кто это? спросилъ одинъ изъ офицеровъ съ любопытствомъ слушавшихъ солдатъ.

— Да вѣдь это Русскій, ваше благородіе, бѣглецъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, прибавилъ разкащикъ, — остался здѣсь въ прошлую компанію. Въ Кавказской гренадерской артиллеріи служилъ бомбардиромъ, да бѣжалъ-съ, прибавилъ разкащикъ довольно нахально. — Теперь вотъ ужъ 20 лѣтъ здѣсь; женатъ, дѣтей имѣю и совсѣмъ обармячился. Могу многое сообщить ихъ сіятельству князю Амилохвари, если они захотятъ меня слушать. Хотя я и турецкій подданный, а какъ завидѣлъ православное русское воинство, всею душой ему преданъ. Соблагодолите къ князю меня провести.

Говорилъ онъ бойко, смѣло, даже нахально. Свѣдѣнія о турецкой арміи и ея движеніи обѣщавъ подробно довести князю Амилохвари. Подъ конвоемъ провели его къ князю. Боялись все какъ-то ему вѣрить, хотя несомнѣнно было что онъ Русскій и бѣглецъ. Много ли сообщилъ онъ князю, неизвѣстно. Вѣрно было только то что по его сообщеніямъ Турки въ большомъ числѣ ожидаютъ насъ на Драмъ-Дагѣ (верстахъ въ 12ти) и что скоро должно произойти сраженіе. Цѣль ихъ постояннаго отступленія — заманить насъ въ глубь Турціи и на недоступныхъ позиціяхъ принять бой. Въ общемъ сообщенія его были вѣрны. Но расчеты Турокъ не удалось, какъ оказалось. Занявъ Зейдеканъ и простоявъ тамъ три дня, намъ стало извѣстно уже положительно что на Драмъ-Дагѣ Турки укрѣпились и ожидаютъ сраженія. 2го іюня мы двинулись, на пути имѣли еще ночлегъ и 3го іюня стали взбираться на Драмъ-Дагскій перевалъ.

XI.

При выступленіи изъ Зейдекана по всему отряду разнесся слухъ что дѣло близко. Шепотомъ передавались разные сообщенія якобы выходяція изъ отряднаго штаба, прикрашивались и облакались въ самыя разнообразныя формы. Въ сущности никто ничего навѣрно не зналъ, а только всѣ смутно догадывались что въ теченіи этихъ дней должно совершиться нѣчто такое что всѣми ожидалось какъ неизбежное, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло томительно сжиматься сердце.

Рано утромъ 3го іюня съ бивуака у подножія Драмъ-Дагскаго перевала, авангардъ нашъ двинулся къ самому перевалу; съ неимоверными усиліями втаскивали нашу даже легкую артиллерію по невообразимо крутой и каменистой дорогѣ на высоту въ 9 тысячъ футовъ. 10 верстъ пути по подъему пришлось совершать отъ 4хъ часовъ утра до 12 полудни. Когда наконецъ достигли желаемой высоты, мы волею - неволею должны были остановиться. Съ послѣдней высшей точки перевала предъ нами какъ въ панорамѣ открылась укрѣпленная турецкая позиція и вся неприятельская армія ожидающая боя.

Естественно что нашъ маленькій авангардъ не могъ начинать боя. Отдано было приказаніе сваять ранцы, орудія поставить на позицію, и стрелгавъ полетѣлъ нарочный казакъ къ генералу Тергукасову, оставшемуся съ главными силами на вчерашнемъ бивуакѣ.

Гребень горъ за прикрытіемъ которыхъ расположился нашъ авангардъ представляетъ высшую точку Драмъ-Дагскаго перевала. Наша сторона горъ возвышалась надъ турецкою позиціей и командовала всею мѣстностью. Осталось непонятнымъ сначала для всѣхъ насъ какъ странно выбрана была со стороны Турокъ подобная мѣстность, дававшая полную возможность нашей артиллеріи обстрѣливать всѣ ихъ батареи, очень искусно укрѣпленные, сколько было можно разглядѣть въ бинокль. Высшая точка холмовъ на нашей сторонѣ была выбрана позиціей для артиллеріи, и орудія были установлены.

Отсюда начинается слухъ по направленію къ турецкой позиціи; дорога тянется между рядами отдѣльных холмовъ

справа и слева окружающихъ путь наступленія нашихъ войскъ. Холмы эти давали занимавшей ихъ турецкой пѣхотѣ полную возможность обстрѣливать наступающій отрядъ. Такимъ образомъ позиція эта была настолько же выгодна для турецкой пѣхоты насколько проигрывала въ артиллерійскомъ отношеніи. Кругомъ разбросанные, особенно по нашу правую руку, холмы обнесены были сплошь каменными траншеями, за прикрытіемъ которыхъ собралась вся непріятельская пѣхота. Далѣе дорога выходитъ на совершенно открытую долину, въ послѣдствіи стоившую намъ много жертвъ въ бою, такъ какъ здѣсь не было ни малѣйшаго прикрытія и войска должны были перебивать ее подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ.

Осматривая въ бинокль мѣстность мы не могли не замѣтить что какъ только наша артиллерія стала на позицію, въ турецкомъ лагерѣ поднялась сильная суега. Начали вытягиваться длинныя густыя колонны пѣхоты, направляясь на свои позиціи. Войскъ повидимому было очень много. Но наши солдаты этимъ не смущались. Слышались разные толки и даже насмѣшки.

— Ишь финтить окаянный, хочеть наругать. Вотъ, что завтра противъ нашей бабунки скажешь?

Князь Амилохвари со своею свитой съ любопытствомъ осматривалъ мѣстность. Солдаты массами устремились на поиски воды и топлива, раскладывали уже костры и начинали варить себѣ незатѣпливую пищу.

Нѣсколько офицеровъ нашего баталіона собрались въ кружокъ и пригласили меня съ ними позавтракать. Обыкновенно въ походѣ я раздѣлялъ хлѣбъ-соль съ командиромъ баталіона, но на этотъ разъ онъ отказался принимать какую-либо пищу, а поддерживалъ свои силы незавиднымъ кавказскимъ виномъ бывшимъ у него въ запасѣ. Мы усѣлись за небольшимъ пригоркомъ вблизи выставленной батареи, у которой князь Амилохвари расположился со своимъ штабомъ. Привыкли за скромное угощеніе. Разговоръ началъ было принимать довольно оживленный характеръ, какъ вдругъ мы всѣ невольно вскочили: раздался какой-то гулъ, затѣмъ шипящій, пронзительный свистъ гдѣ-то надъ нашими головами, затѣмъ рѣзкій трескъ чего-то тяжелаго, невидимаго. Шагахъ въ 50ти отъ нашей батареи разорвалась турецкая граната. Вслѣдъ за первую взрвалась въ землю почти на томъ

т. слыш.

же мѣстѣ вторая. Я помню все это какъ во снѣ. Не давая себѣ подваго отчета въ томъ что происходитъ я двинулся впередъ, какъ вдругъ огаушительный ударъ какъ разъ предо мною заставилъ меня остановиться. Густое облако бѣлаго дыма закрыло отъ меня всю нашу батарею, и тутъ только смутно появляя я что наши отвѣчаютъ. Что же это, неужели начало боя! какъ же мы будемъ сражаться съ такою горстью противъ такой силы? разомъ пролетѣло у меня въ головѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній съ нашей батареи раздался крикъ: „не долетѣла!“ Разсѣявшійся дымъ открылъ взору вновь турецкую позицію, не вдалекѣ отъ которой видѣлось ясно маленькое облачко дыма—результатъ разрыва нашей пущеной гранаты. Съ этой минуты началась взаимный обмѣнъ выстрѣлами. Очевидно та и другая сторона пристрѣливались къ мѣстности. Впрочемъ ни одна изъ турецкихъ гранатъ вреда не причинила. Онѣ разрывались или взрывались въ землю не долетая до батареи, не говоря уже о войскахъ, расположенныхъ за гребнемъ холмовъ и скрытыхъ отъ глазъ непріятеля.

Такъ продолжалось до трехъ часовъ, когда вдали на слухъ съзади насъ мы увидѣли движеніе главныхъ силъ съ генераломъ Тергукасовымъ во главѣ. Съ приходомъ главныхъ силъ все какъ-то оживилось. Хотя все-таки сравнительно войска у насъ было очень немного, но оно было бодро, энергично и рвалось въ бой. Этого было достаточно чтобы даже съ меньшими силами открыть бой. Да и наконецъ что же было дѣлать?

Съ приходомъ всего отряда велѣно было расположиться на бивуакѣ, безъ палатокъ, и начать варку пищи. Найти дровъ для всего отряда въ пустынной, глухой, безлѣсной мѣстности какъ Драмъ-Дагъ, ближайшее селеніе отъ котораго отстояло верстѣ на девять, было дѣломъ большой трудности. Кое-какъ набрали хворосту, сухой травы, и костры задымались. Безпечно, беззаботно сидѣлъ каждый изъ солдатъ надъ своею манеркой (котелокъ который носится при рацѣ) и наблюдалъ шипѣніе и бурленіе своей незатѣливой кашицы. Физическое чувство голода взяло верхъ надъ размышленіемъ о завтрашнемъ днѣ и единственнымъ пока желаніемъ было утолить голодъ и подкрѣпить свои измученныя силы.

Я постарался поскорѣе найти Сергія Петровича, который прибылъ съ главными силами, и подѣлиться съ нимъ впечатлѣніемъ сегоднешняго дня, а также поговорить о томъ что предстоитъ намъ завтра. Вскорѣ я нашелъ его лежащимъ на буркѣ, на землѣ, въ большой компаніи той же молодежи съ которою пришлось намъ такъ сойтись въ Сурль-Оганестъ, окруженнаго закусками, разными бутылками и самоваромъ. Картина была соблазнительная. Я вспомнилъ что мнѣ не удалось, благодаря гранатамъ, закусить. Теперь же почему-то Турки уже перестали стрѣлять, а наши батареи и подавно молчали, не желая напрасно тратить снаряды, столь необходимые на завтра.

Мы всѣ усадились на буркахъ; у меня, какъ у бывшаго въ авангардѣ, всѣ начали спрашивать, какъ затѣялась перестрѣлка, не было ли раненыхъ, хорошо ли Турки стрѣляютъ, и такъ далѣе. Насколько могъ, я удовлетворялъ ихъ любопытство. Къ разказу моему о значительности турецкихъ силъ Сергій Петровичъ отнесся довольно скептически.

— Не знаю почему, но я болѣе чѣмъ спокоемъ, прибавилъ оны; — скажу болѣе, мнѣ все это кажется простою стычкой, не болѣе. Посмотрите на нашу артиллерійскую позицію; вѣдь отсюда мы разнесемъ ихъ въ пухъ и прахъ. Странно, они улестили изъ виду что наша батарея командуетъ надъ ихними. Посмотрите, какъ завтра погонимъ ихъ.

— А я буду убитъ, ровно, покойно и тихо прибавилъ одинъ изъ нашей компаніи, майоръ С—цкій, извѣстный за человека храбраго, боеваго и уже обтрѣпаннаго.

Мы всѣ невольно на него взглянули.

— Я буду см ртельно равенъ или убитъ, подтвердилъ оны. — Вы это господа увидите, я это инстинктивно чувствую; но не думайте что я трушу. Я говорю вамъ это увѣренно; завтра увидите дѣйствительно ли можно вѣрить предчувствіямъ.

Мы постарались замать этотъ разговоръ. Началось чаепитіе, незаметно перешли къ вину и въ концѣ концовъ раздался хоръ. Пѣли изъ *Жизни за Царя* „Въ бурю, во грозу“. Когда дошло до словъ: „Страха не страшусь, смерти не боюсь“, энтузіазмъ былъ полный. Странно было представить себѣ что далеко, далеко, на высотѣ девятитысячнаго перевала, почти въ глазахъ турецкой арміи, раздаются звуки безсмертной Глинкавской музыки, и поютъ не артисты, при руколаеска-

нѣхъ тысячи зрителей въ обширной залѣ театра, а люди для которыхъ слова „ягу за Царя, за Русь“ имѣютъ всю силу дѣйствительности, которые завтра идутъ на отважный подвигъ. Звуки вечерней зари напомнили намъ о необходимости разойтись и успокоиться въ ожиданіи завтрашняго сраженія.

Добираясь до мѣста расположенія своего баталіона я въ темнотѣ наткнулся по дорогѣ на какія-то двѣ фигуры, сидящія на буркахъ вблизи разставленныхъ на позиціи орудій. Сидѣвшіе между собою разговаривали шепотомъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, я узналъ генерала Тергукасова и его начальника штаба. Не желая быть замѣченнымъ ими, я быстро повернулъ въ другую сторону и, проходя мимо батарей, нѣсколько разъ долженъ былъ отзывать на оклики часовыхъ.

Въ четыре часа утра войска уже были готовы.

Еще съ вечера сдѣлалось извѣстнымъ расположеніе войскъ въ завтрашнемъ бою. Наступающіе баталіоны были распределены такимъ образомъ: въ первой линіи наступалъ нашъ стрѣлковый баталіонъ, дѣйствія котораго должны были быть съ цѣвтра и праваго фланга. Въ помощь ему данъ былъ 4й баталіонъ Крымскаго полка. На лѣвомъ флангѣ оперировали два баталіона Ставропольскаго полка и одинъ 3й Крымскаго. 1й баталіонъ Крымцевъ оставался въ резервѣ вмѣстѣ съ драгунскимъ и однимъ казачьимъ полкомъ. Нѣсколько сотенъ казаковъ охраняли наши оба фланга, не допуская обходнаго движенія Турокъ.

Итакъ первымъ шелъ въ бой тотъ баталіонъ въ которомъ былъ я врачомъ. Приходилось сдѣловательно вслѣдъ за своею частью двигаться и мѣ. Относительно обязанностей врачей во время боя въ приказѣ ничего не говорилось. Упомянулось только что при пособіи Общества Краснаго Креста долженъ быть устроенъ перевязочный пунктъ внѣ выстрѣловъ, за прикрытіемъ холмистаго гребня, откуда начнется наступательное движеніе войскъ. Главная 9тифунтовая батарея оставалась на той возвышенности откуда еще вчера началась перестрѣлка, а остальные легкія батареи должны двинуться съ пѣхотой впередъ.

Отъ 4 до 6 часовъ войска обѣдали: идти въ бой необходимо было подкрѣпившись. Офицеры принялись за чай, хотя приготовленіе его было довольно затруднительно; по близости нигдѣ не было воды, а пользовались свѣгомъ, лежав-

шимъ несмотря на 4е іюня еще въ довольно большомъ количествѣ на вершинахъ горъ, на которыхъ мы провели эту ночь.

Въ 6 часовъ утра прискакала адъютантъ съ извѣщеніемъ что генералъ Тергукасовъ съ бригаднымъ командиромъ (съ начальникомъ пѣхоты) и начальникомъ кавалеріи будутъ сейчасъ объѣзжать войска. Все встрепелудось, выстроилось.

Тергукасовъ пріѣхалъ со своимъ штабомъ, крикнувъ привѣтствіе войскамъ; войска отвѣтила „рады стараться ваше—ство“; скомандовали „ружьа вольно, шагомъ маршъ“; обнажились солдатскія головы, каждый осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и войска двинулось на встрѣчу врагу. Все это видѣлъ я какъ во снѣ, и только тогда очулся когда за баталіономъ двинулась ваша лазаретная фура. Я снялъ шалку, перекрестился и вскочилъ на лошадь. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ за баталіономъ, какъ наткнулся на отряднаго врача, старшее лицо нашего медицинскаго персонала. Старикъ сдѣлалъ мнѣ знакъ подѣхать къ нему.

— Куда вы? спросилъ онъ меня. — Вы должны быть на перевязочномъ пунктѣ. Съ баталіономъ отправьте вашихъ фельдшеровъ, а сами оставайтесь.

Не скрою что я не безъ удовольствія подчинился приказанію отряднаго врача. Снабдивъ фельдшеровъ инструкціями и необходимыми принадлежностями первоначальной перевязки, я остался на перевязочномъ пунктѣ.

Бодро, смѣло и увѣренно двинулись войска по слуску, точно на ларадѣ. Смотрѣть было отраднo, съ какимъ мужествомъ и стойкостью двигалась эта чернящая масса. Не успѣли пройти и четверти версты, какъ со средней турецкой батареи появился дымокъ, затѣмъ отдаленный гулъ и, прозвительно свиста и разрыва въ воздухъ, взрѣзавшись первая граната въ самую средину отряжковаго баталіона. Видно было хорошо какъ нѣсколько человекъ упало и ихъ обдало пылью отъ взрытой гранатой земли.

Невольнo ужасъ охватилъ насъ, но баталіонъ также ровно, покойно и бодро шелъ впередъ, ни на секунду не остановившись. Вслѣдъ за первой пуцена была вторая, третья, и гранаты посылались. Минуту спустя заговорила и наша 9тифунтовая батарея. Выпало первое орудіе, и съ тревожнымъ, напряженнымъ вниманіемъ привадились мы смотрѣть въ бинокли на результатъ выстрѣла. Вдругъ на нашей батарее раз-

дался радостный крикъ. Въ самомъ центрѣ турецкой главной батареи плыло облако бѣлаго дыма и давало понять что наводчикъ въ расчетѣ не ошибся. Съ этой минуты началась артиллерійская перестрѣлка съ неутомимую энергій. Артиллерія подготавливая атаку пѣхоты, которая должна была все ближе и ближе подвигаться къ непріятельскимъ позиціямъ, подъ выстрѣлами нашей 9тифумтовки.

Прошло болѣе двухъ часовъ съ момента начала боя, а ружейнаго огня еще не было слышно. Раненые также еще не прибывали на перевязочный пунктъ и мы всѣ оставшіеся въ тылу войскъ, то-есть врачи и офицеры резервныхъ частей, собрались на пригоркѣ и какъ въ лаворамъ наблюдали медленное, но твердое наступленіе нашихъ баталіоновъ, рассылавшихся въ довольно рѣдкую цѣль. Орудія гремѣли непрерывно. Съ турецкихъ батарей огонь былъ несоразненно чаще, но почти неэффектителенъ. Всѣ ихъ старанія сбить нашу главную батарею оказались тщетными. Снаряды далеко не долетали до батареи. Между тѣмъ каждая лущенная нами граната достигала несомнѣннаго результата, что видно было хорошо въ бинокль по той суетѣ и волненію которыми сопровождался въ турецкихъ ложементахъ всякій разрывъ нашей гранаты.

— Настоящая-то музыка начнется еще не такъ скоро, замѣтилъ одинъ изъ стоявшихъ здѣсь офицеровъ.—Вѣдь пѣхотная атака—самое главное. Вотъ когда вамъ достанется работы-то, обратися оны къ нашей группѣ врачей.—Теперь пока можете собираться съ силами.

И дѣйствительно, несмотря на двухчасовое продолженіе боя не было еще ни одного раненаго. Это намъ давало возможность слѣдить за ходомъ сраженія съ напряженнымъ вниманіемъ. Хорошо видно было какъ рѣдкою цѣлью рассылавшіеся стрѣлки все болѣе приближались къ турецкимъ траншеямъ; какъ съ дальнѣйшимъ наступленіемъ все ближе и ближе подвигались наши легкія батареи, и отрадно становилось на душѣ, что ходъ дѣла до сихъ поръ былъ вполне удачный.

Турецкіе стрѣлки, усѣвшись за траншеями, видимо выжидали болѣе близкаго подступленія нашихъ баталіоновъ, почему огня еще не открывали. Наши шли также безъ выстрѣла и только двигающаяся за пѣхотой артиллерія без-

преставно мѣняла позиціи и энергично обстрѣливала турецкіе ложементы. Увлеченные ходомъ сраженія мы довольно далеко удалились отъ перевязочнаго пункта, когда вспомнили что еще многое надо приготовить въ ожиданіи прибытія раненыхъ. Послѣшили возвратиться къ мѣсту нашего назначенія.

Оказалось что несмотря на двухчасовое продолженіе боя, еще почти ровно ничего не было приготовлено къ подавію необходимой помощи. Ни воды, ни лаватокъ, ни перевязочныхъ средствъ и въ поминѣ не было. Только нѣсколько линеекъ подвижнаго дивизионнаго лазарета, составленныя въ одномъ мѣстѣ, свидѣтельствовали что именно здѣсь раненые должны искать помощи; да благодаря распоряженію начальника резервовъ былъ выставленъ на видномъ мѣстѣ флагъ съ краснымъ крестомъ. Мы стали разыскивать главнаго врача дивизионнаго лазарета, какъ главнаго хозяина перевязочнаго пункта. Каково же было наше изумленіе когда мы узнали что главный врачъ сегодня чуть свѣтъ зачѣмъ-то отправился назадъ въ Зейдеканъ, взявъ съ собою въ конвой всю роту носильщиковъ. Въ Зейдеканѣ оставался № 15 военно-временный госпиталь, который въ послѣдствіи долженъ былъ взять на себя трудъ дальнѣйшей транспортировки раненыхъ прибывающихъ съ поля сраженія, то-есть съ перевязочнаго пункта, въ дальнѣйшіе госпитали. Зачѣмъ главному врачу понадобилось во время боя присутствовать въ отдаленномъ госпиталѣ, такъ и осталось для всѣхъ загадкой.

Когда отрядный врачъ прибылъ на перевязочный пунктъ, ему доложили что главнаго врача лазарета здѣсь нѣтъ, и потому всѣ врачи въ невѣдѣніи кто будетъ распорядителемъ и начальствующимъ лицомъ.

Старика это крайне смутило. Въ виду того что на перевязочномъ пунктѣ должно быть лицо съ правами главнаго его хозяина, отъ котораго зависѣла бы вся гигиеническая и діететическая обстановка раненаго, отрядный врачъ послѣшилъ назначить на время боя исправлять эту должность одного изъ младшихъ врачей. Этотъ новый распорядитель обладалъ весьма игривымъ характеромъ. Несмотря на важность минуты онъ вздумалъ подшутить, но подшутить почти офиціально.

Зная мѣстопребываніе главнаго врача онъ написалъ ему записку слѣдующаго содержанія, которую и отправилъ съ казакомъ въ Зейдеканъ:

„И. д. главнаго врача подвижнаго дивизионнаго лазарета 19й пѣхотной дивизіи просить васъ немедленно пожаловать на перевязочный пунктъ устроенный отъ вѣреннаго вашему высокоблагородію лазарета. И. д. главнаго врача Г*.“

Что было дѣлать дѣйствительному главному врачу? Приходилось или оскорбиться, или явиться немедленно. Оскорбляться было невозможно, ибо писавшій официально былъ правъ. Главный врачъ избралъ второе и избралъ счастливо, такъ какъ явился на перевязочный пунктъ спустя нѣсколько времени, когда сдѣлалось извѣстнымъ что полная лобда за нами и Турки бѣжали.

Между тѣмъ бой разгорался. Мы слышали трескъ, сначала довольно умѣренный, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе и наконецъ превратившійся въ общую непрерывную ружейную стрельбу. Свистающая пронзительная трескотня нѣсколькихъ тысячъ турецкихъ ружей смѣшивалась съ глухимъ, точно деревяннымъ звукомъ нашихъ Берданокъ и Крынокъ. Все это перемѣшивалось съ шипѣніемъ поочередно бросаемыхъ и разрывающихся гранатъ и впечатлѣніе производило поражающее.

Наблюдая издали можно было хорошо видѣть какъ наша правая колонна, то-есть стрѣлковыи и 4й Крымскій баталіоны, разсылавшись на далекое пространство, все ближе и ближе, подъ непріятельскимъ огнемъ, достигали поляны которую имъ предстояло перебѣжать подъ перекрестными выстрѣлами. Но на этой-то полянкѣ и была страшная гибель. Не имѣя ни малѣйшаго закрытія, поражаемые со всѣхъ сторонъ, наши два баталіона въ теченіе не болѣе минуты потеряли около семидесяти чловѣкъ.

На перевязочный пунктъ начали прибывать раненые. Первымъ пришелъ молодой унтеръ-офицеръ стрѣлковаго баталіона, раненый въ правое плечо на вылетъ. На полѣ сраженія ему сдѣлана была фельдшеромъ перевязка и онъ самъ безъ посторонней помощи добрелъ до перевязочнаго пункта молодцомъ. Разумѣется, всѣ бросались къ нему съ разспросами о сраженіи; онъ, какъ очевидецъ, могъ разказать въ подробности.

— И сюда же ихъ, ваше благородіе, повѣствоваль унтеръ-офицеръ, пока я вновь перевязывалъ ему рану.— Тамъ какъ пустили въ насъ, когда мы до ложементовъ-то ихнихъ подобрались, все равно горохъ пуди-то сыпается. Я, признаться, въ

сердца вошелъ: иду это впередъ, да впередъ, и не чувствую что кровь уже течеть, и не слышалъ какъ она, проклятая, задѣла!

— Что же, много ранено? спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.—Офицеры какъ, не видалъ?

— Нѣтъ, изъ офицеровъ раненыхъ пока не было, отвѣтилъ онъ.—Это какъ мы стали спускаться, хватъ, а граната прямо въ средину баталіона; два нашихъ солдатика упали; мы думали тутъ и конецъ имъ, глядимъ, а ихъ только земаей осыпало, а граната такъ въ землю вся и ушла. Да мы гранатъ-то не больно пугаемся. Вотъ ружейный огонь, страсть какой; вѣдь ни на минуту антихристы не остановятся. Мы патроны жаледемъ, а они ни капельки. Хорошо что зря стрѣляютъ, не цѣлятся!

— Такъ изъ офицеровъ-то еще нѣтъ раненыхъ? снова повторилъ я вопросъ.

— Нѣтъ, слава Богу, наши ротные командиры такъ впередъ и лѣзутъ. Любо съ такими-то и въ бой идти. Вотъ только одинъ (онъ называлъ по имени), такъ того и не видалъ никто. Назадъ гдѣ-то отсталъ, говорить идти не могу, задыхаюсь.

Я перевязалъ очень лютно рану. Унтеръ-офицеръ осматрѣлъ и видимо остался доволенъ.

— Ваше благородіе, дозволейте въ бой идти. Ужъ очевидно сердце расходилось.

— Да что ты, братецъ? тебѣ лежать нужно, а ты опять въ бой! И думать не смѣй. Иди скорѣе въ лалатку.

Унтеръ-офицеръ нехота побрелъ къ назначенному мѣсту.

Съ этой минуты работа началась изрядная. Раненые прибивали или въ фургонахъ, или на носилакахъ. Нѣкоторые брели сами, поддерживаемые всегда торчащими здѣсь санитарями. Выбранные для этого рода дѣятельности изъ ротъ всѣ почти безъ исключенія оказались трусами. Естественно что каждый ротный командиръ, на обязанности котораго лежало извѣстное число людей своей роты опредѣлять въ санитары, выдѣляя для этой цѣли людей ни къ чему не способныхъ. Въ результатѣ вышло то что санитары въ бою не показывались и пользы не приносили, за весьма немногими исключеніями.

• Раненія были всѣ по преимуществу легкія, въ мягкія части рукъ или ногъ, безъ поврежденій костей, такъ что не пред-

стояло надобности ни въ одной серьёзной операціи. Благодаря труду и стараніямъ сестеръ милосердія и другихъ лицъ находившихся на перевязочномъ пунктѣ, какъ-то: священниковъ, чиновъ почтоваго и судебного вѣдомства при отрядѣ, мы, врачи, еще успѣвали справляться съ прибывающими транспортными. Между тѣмъ фуры подвозили все большее количество раненыхъ и убитыхъ. Самое тяжелое впечатлѣніе осталось у меня въ тотъ моментъ когда равнодушный, сонный фурштатъ, сидя на козлахъ своей фуры, самымъ безразличнымъ тономъ спрашивалъ у лазаретной прислуги, куда дѣвать убитыхъ офицеровъ которыхъ онъ привезъ.

Сердце у меня застучало и тоскливо забилось. Я судорожно бросился къ фурѣ, во лодыжь кожаный фартукъ, которымъ она была закрыта, я не рѣшился. Я приближалъ какъ полотно, голова у меня закружилась. Мысль что въ этой фурѣ лежатъ дорогіе для меня люди лишила меня силъ и я на минуту забылся. Очнувшись вижу что фура стоитъ на томъ же мѣстѣ не двигаясь. Я пересилилъ себя и подошелъ къ ней. Отдернулъ фартукъ. Мнѣ представилась картина поражающая: раскрывъ широко помутнѣвшіе, угаснувшіе глаза, мертво-блѣдное, красивое молодое лицо безразлично смотрѣло на меня. У правого виска зал клась кровь и закрыла собой просвѣтъ маленькой ранки. Спокойно, тихо и даже красиво было лицо убитого молодецкаго казацкаго офицера. Рядомъ съ нимъ, съ признаками мучительнаго страданія на лицѣ въ послѣдній моментъ жизни, лежалъ офицеръ Ставропольскаго полка. Видимо здоровый молодой организмъ долго боролся со смертью и не пересиливъ ея, погасъ съ выраженіемъ мучительныхъ влещекъ жизни. Я задернулъ вновь фургонъ и велѣлъ отвезти его дальше, гдѣ было приготовлено мѣсто для убитыхъ. А ружейная пальба все раздавалась тамъ за пригорками и наполняла теплый лѣтній воздухъ удушавыми, смрадными парами. Уже солнце склонялось къ западу, а конца сраженія еще не предвидѣлось. По отрывочнымъ сообщеніямъ раненыхъ извѣстно было лишь то что правый нашъ флагъ добился своей цѣли и, потерявъ при перебѣжкѣ черезъ знаменитую поляну около 70 человекъ, достигъ чуть не до самыхъ непріятельскихъ траншей, а лѣвый флагъ, то-есть Ставропольскій полкъ и одинъ Крымскій баталіонъ, которыми командовалъ Сергѣй Петровичъ, двинулись въ атаку на непріятельскую правую батарею. Въ такомъ мучительномъ ожиданіи находились мы еще

въ некоторое время, когда прибыли вновь раненные, преимущественно стрѣлковаго и 4го Крымскаго баталіоновъ. Я подошелъ къ первому раненому, какъ оказалось Крымцу, и спросилъ, какъ дѣло?

— Да, слава Богу, ничего, теперь наши небось уже близко подошли. Ужъ больно жарко было перебѣгать поляну-то; огонь и справа-то, и слева-то. И баталіоннаго командира-то нашего не то убили, не то ранили.

— Какъ? почти крикнулъ я, — майора С—цкаго?

— Такъ точно. Все время былъ впереди. Ужъ и ранили его когда, то онъ сердечный улазъ, а рукой все махаетъ: впередъ, говорить, братцы, впередъ; теперь скоро все кончится.

Волосы встали у меня дыбомъ при этомъ извѣстіи. И такъ С—цкій справедливо предчувствовалъ вчера что въ этомъ бою его не станетъ. Жаль мнѣ стало его глубоко. Хорошій, честный былъ человекъ. Слустя въ несколько минутъ издали показались печальная процессія. Четыре носильщика несли вчера еще здороваго, крѣпкаго, полнаго силъ и молодости, а теперь смертельно раненаго майора С—цкаго. Я бросился къ нему. Несмотря на жару дѣтнаго вечера майоръ былъ укутанъ плащомъ и нервно вздрагивалъ. Я нагнулся къ нему и въ ужасъ отшатнулся. Близость смерти положила ясный отлѣчатокъ на это страдальческое мертво-блѣдное лицо. Потухшіе глаза смотрѣли съ выраженіемъ страшнаго страданія, а воспаленныя губы едва слышно шептали „воды“. Я подалъ ему воды съ виномъ. Онъ жадно выпилъ и приободрился.

— Докторъ, дорогой, перевяжите меня, я страдаю ужасно... скоро смерть... я чувствую... но хоть на время облегчите мои муки.

Я снялъ съ него плащъ, и широкая зіяющая рана съ кусками свернувшейся крови въ срединѣ живота разомъ уяснилась мнѣ дѣло. Я понялъ что предчувствіе его вчера не обмануло. Я перевязалъ тщательно рану, и переложивъ его на приготовленную койку, вернулся къ своимъ занятіямъ.

Къ вечеру, часовъ уже въ восемь, дѣло было окончено и окончено блестяще для насъ. Въ ту минуту какъ правая наша колонна подобралась на близкое разстояніе къ турецкимъ траншеямъ, въ лѣвой колоннѣ командиръ Ставропольскаго полка крикнулъ ура, и командуемые имъ баталіоны, какъ одинъ человекъ, бросились прямо на бата-

реи. Какъ разъ въ это мгновеіе мѣткій выстрѣлъ нашей 9тифунтовки поладаетъ въ главнокомандующаго турецкой арміи Махметъ-пашу и тотъ безъ признаковъ жизни сваливается со своей арабской лошади. Паника и переломъ въ турецкомъ лагерѣ полные, и подъ звуки неумолкаемаго, громоваго ура наступающихъ баталіоновъ, турецкая армія въ безпорядкѣ бѣжитъ, бросая ружья, патроны, сумки и даже фески со своихъ бритыхъ головъ. Кавалерія мчится за нами въ преслѣдованіе, и грозная непріятельская позиція въ нашихъ рукахъ. И сумрачныя, угрюмыя возвышенности Драмъ-Дага до глубокой ночи оглашаются радостными и счастливыми криками вѣчно неугомоннаго героя-солдата. Съ занятіемъ непріятельской позиціи наши войска расположились на ней впредь до особыхъ распоряженій.

4 юля у насъ вышло изъ строя до 150 человекъ нижнихъ чиновъ. Наибольшую потерю понесъ баталіонъ Крымцевъ. Потеря Турокъ была очень большая. Они не подобрали болѣе 80 тѣлъ, массы же арбъ съ ранеными и убитыми, какъ говорятъ, во время боя отправлены были въ расположенное по близости селеніе. Кромѣ главнокомандующаго, Махметъ-паши, у нихъ убитъ англійскій инженеръ, распоряжавшійся укрѣпленіями позицій и ходомъ боя. Въ общемъ впечатлѣніе вынесенное изъ боя было то что турецкая пѣхота вооружена несравненно лучше нашей; съ интересомъ и досадой смотрѣли многіе на доставшіяся намъ ружья системъ Винчестера, Пибоди и Снайдера; большинство видѣло ихъ впервые и восхищалось, особенно ружьями Пибоди; простота ихъ конструкціи, скорость и удобство заряжанія, прочность возбуждали зависть къ Туркамъ. Досадно и обидно!

Касательно артиллеріи выводъ совсѣмъ другой. Мы превосходили непріятеля не только числомъ орудій, но и качествомъ. Въ турецкихъ окопахъ, какъ оказалось, дѣйствовало всего 7 орудій, изъ которыхъ 3 дальнобойныя, равняющіяся нашимъ 9тифунтовымъ, остальные 4 горныя. Хотя необходимо признать что Турки стрѣляли очень мѣтко, но снаряды ихъ не приносили намъ никакого вреда. Наша артиллерія совсѣмъ другое дѣло. Обходя вечеромъ и на другой день турецкія траншеи мы видѣли много труповъ обезображенныхъ артиллерійскимъ огнемъ; по наружнымъ краямъ околовъ замѣтны были слѣды гранатъ: слѣдовательно онѣ попадали прямо въ цѣль. Не будь у насъ такой хоро-

шей артиллеріи, едвали намъ удалось бы съ такими сравнительно ничтожными потерями взять твердую непріятельскую позицію.

На другой день послѣ боя генералъ Тергукасовъ объѣхалъ войска и благодарилъ весь отрядъ за мужество, храбрость и стойкость. Затѣмъ назначенъ былъ парадъ, которымъ командовалъ генералъ Б—скій, для похоронъ убитыхъ воиновъ. На вершинѣ пригорка, гдѣ расположена была право-фланговая турецкая батарея и завалы взятые Ставропольцами, вырыта была глубокая общая могила, на дно которой при грустныхъ звукахъ похороннаго марша и орудійной пальбѣ опущены были тѣла положившихъ животъ свой на лобъ брави. Отдавъ послѣдній христіанскій долгъ убитымъ собратамъ члены общей отрядной семьи рѣшили сообща отпраздновать побѣду и отмѣтить этотъ знаменитый день въ своей до сихъ поръ однообразно томительной военно-походной жизни. Свѣтло и радостно смотрѣли лица всѣхъ участвовавшихъ въ бою. Точно гора съ плечъ свалилась и неумолима изъ одной палатки въ другую передавался разговоръ о подробностяхъ вчерашняго боя и все имѣло какой-то праздничный и веселый видъ.

Для вторичной перевязки я долженъ былъ утромъ вновь отправиться на перевязочный пунктъ, который остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, т.-е. въ четырехъ съ половиной верстахъ отъ телерешнаго нашего бивуака. Начальникъ отряда долженъ былъ посѣтить раненыхъ, и мы, врачи, должны были тамъ его ожидать.

Пріѣхавъ на перевязочный пунктъ, я сейчасъ же отправился къ раненому С—цкому. Тотъ лежалъ въ забытіи и изрѣдка тихо стоналъ. Я не сталъ его беспокоить, а только обратилъ вниманіе на общее его состояніе и температуру. Вообще онъ страшно ослабѣлъ, а зловѣщія приладки травматической лихорадки не предвѣщали ничего добраго. Съ глубокимъ сожалѣніемъ вышелъ я изъ его палатки и принялся за перевязку раненыхъ. Вскорѣ прибылъ и начальникъ отряда въ сопровожденіи своей свиты.

По пріѣздѣ своемъ на перевязочный пунктъ генералъ Тергукасовъ немедленно освѣдомился какъ здоровье майора С—цкаго, о смертельной ранѣ котораго ему доложили сейчасъ же послѣ сраженія, и направился къ его палаткѣ въ сопровожденіи отряднаго врача. С—цкій пришелъ въ себя, и страдальческое лицо его освѣтилось удовольствіемъ при входѣ генерала.

— Здравствуйте, майоръ, слышался голосъ Тергукасова. — Не трудитесь отвѣчать, вамъ вредно волнение. Я пришелъ навѣстить васъ и отъ души, отъ полного сердца благодарить васъ. Имя ваше навсегда останется свято въ рядахъ вашего храбраго баталіона.

Голосъ генерала дрогнулъ.

— Повѣрьте что ваши услуги будутъ оцѣнены. Богъ милостивъ.... вы поправитесь и явитесь вновь предъ своими солдатами георгиевскимъ кавалеромъ. Въ этомъ вамъ порукой мое слово. Я васъ перваго представляю къ Георгію. Вы достойны этого вполнѣ.

И генералъ взялъ С—цкаго за горячую дрожащую руку. С—цкій глубоко вздохнулъ, сядясь что-то сказать.... но несчастный былъ слишкомъ слабъ. Изъ воспламененныхъ глазъ его покатались крупныя слезы.

— Не для меня... для жены это будетъ важно.... прерываясь шепталъ онъ.—Мнѣ уже все равно.

И голова его склонилась къ подушкѣ.

Выходя изъ лазатки генералъ Тергукасовъ вытиралъ свои глаза. Доброе сердце полководца отзывалось чутко до боли на всѣ страданія его подчиненныхъ. Затѣмъ начальникъ отряда обошелъ всѣхъ раненыхъ, у каждаго что-либо спросилъ и каждаго лично благодарилъ за геройскую службу. Потомъ, собравъ всѣхъ насъ, врачей, онъ также обратился къ намъ съ благодарственнымъ словомъ, не забывъ упомянуть и о сестрахъ милосердія; благодарилъ искренно, отъ души.

Вообще видъ генерала былъ довольный, счастливый. Какъ было не радоваться ему, представителю немногочисленнаго отряда, сумѣвшему втрое сильнѣйшаго непріятеля блистательно свергнуть съ крѣпкой позиціи, укрѣпившись на которой тотъ мечталъ истребить нашъ наступающій отрядъ, ничтожный по своей численности, но крѣпкій бодростію духа....

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Л—СКІЙ.

О ВЗАИМОДѢЙСТВІИ ВЕЩЕЙ

ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРКЪ *

Философія имѣетъ между прочимъ ту особенность что находитъ часто затрудненія тамъ, гдѣ для обыкновеннаго взгляда дѣло представляется яснымъ. Это зависитъ отъ того что обыкновенный взглядъ не долго останавливается на вопросахъ о причинахъ и способахъ происхожденія явленій, но явленія которыя часто встрѣчаются и которыя поэтому привычны для него по тому самому кажутся ему понятными.

Къ числу постоянно встрѣчающихся явленій относятся явленія дѣйствія вещей одной на другую. (Мы сами постоянно испытываемъ дѣйствіе вѣшнихъ предметовъ на наши чувства; мы приводимъ въ движеніе члены своего тѣла и тѣла окружающія насъ. Эти послѣднія постоянно приводятъ въ движеніе другъ друга, или по крайней мѣрѣ оказываютъ давленіе другъ на друга посредствомъ столкновенія, тяжести, упругости и такъ далѣе.) Эти явленія такъ привычны для насъ что обыкновенно не возбуждаютъ въ насъ недо-

* Читано на годичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1го октября сего года.

умѣній. Но можно ли сказать что они понятны съ перваго взгляда?

Дѣйствіе вещи на другую можно различать двоякое: дѣйствіе чрезъ соприкосновеніе и дѣйствіе на разстояніи. Последнее въ особенности трудно объяснить. Самый общій примѣръ такого дѣйствія есть тяжесть. Не только на землѣ каждое тѣло, оставленное безъ опоры, падаетъ на землю, но мы знаемъ изъ астрономіи что и сама земля притягивается солнцемъ, и что небесныя тѣла притягиваютъ другъ друга на разстояніи сотенъ и тысячъ милліоновъ верстъ. Но какъ объяснить подобнаго рода дѣйствіе? Какъ можетъ дѣйствовать вещь тамъ, гдѣ ея нѣтъ? Какъ можетъ, на примѣръ, солнце тянуть къ себѣ землю, находясь отъ нея на разстояніи около 140 милліоновъ верстъ. Нельзя же допустить что дѣйствіе, какъ будто какая-нибудь вещь, переносится по пространству отъ одного тѣла на другое.

Подобнаго рода затрудненіе, хотя и въ меньшей степени, является и тогда, когда вещь дѣйствуетъ на другую соприкасаясь съ нею: потому что и при этомъ вещь выходитъ своими дѣйствіями изъ самой себя, дѣйствуетъ внѣ себя, тамъ гдѣ ея нѣтъ.*

Вопросъ о дѣйствіи вещей одной на другую занималъ философовъ еще съ самыхъ древнихъ временъ. Уже первый изъ греческихъ философовъ Фалесъ обратилъ на него вниманіе. Онъ утверждалъ что магнитъ имѣетъ душу, на томъ основаніи что онъ движетъ желѣзо: соображеніе неудачное уже потому что изъ одушевленности магнита скорѣе можно было бы вывести движеніе его самого, а не другаго тѣла—желѣза.

Эмпедоклъ, основатель ученія о четырехъ стихіяхъ, и атомистъ Демокритъ объясняли дѣйствіе вещей тѣмъ что отъ дѣйствующаго тѣла отдѣляются невидимыя частицы и входятъ въ скважины того тѣла на которое оно дѣйствуетъ. Такое объясненіе при настоящемъ состояніи науки можетъ быть приложено только къ немногимъ случаямъ, на примѣръ

* Дѣйствіе чрезъ прикосновеніе мы видимъ на примѣръ въ сѣпленіи между частицами твердыхъ тѣлъ. Это сѣпленіе обыкновенно представляютъ какъ взаимное притяженіе частицъ. Но непонятно, какими средствами одна частица можетъ удерживать податъ себя другую. Изъ смежности ихъ нисколько не слѣдуетъ чтобъ онѣ не могли также легко удалиться одна отъ другой, какъ теперь онѣ смежны.

къ дѣйствию залаховъ на обояніе. Но и по отношенію къ этимъ случаямъ объясненіе недостаточное, потому что спрашивается, что заставляетъ частицы отдѣляться отъ однихъ тѣлъ и переходить къ другимъ? По мнѣнію Эмпедокла, общая причина соединенія веществъ въ мірѣ есть любовь, а раздѣленія — вражда. Но эти силы онъ представлялъ существующими самостоятельно, отдѣльно отъ вещей: представленіе фантастическое, которое не можетъ быть допущено.

Аристотель считалъ необходимымъ для всякаго дѣйствія одной вещи на другую прикосновеніе; даже первый двигатель, или Богъ, по мнѣнію Аристотеля, движетъ крайнюю сферу міра, то-есть сферу неподвижныхъ звѣздъ, находясь въ соприкосновеніи съ нею. Но какимъ образомъ возможно дѣйствіе чрезъ прикосновеніе, и какъ объяснить дѣйствіе предметовъ отдаленныхъ другъ на друга, на эти вопросы мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта у Аристотеля.

Стоики обратили вниманіе на вопросъ о дѣйствию отдаленныхъ предметовъ одного на другой; особенно ихъ занимало соответствіе между небесными и земными явленіями; почему напримѣръ во время новолунія и полнолунія морскіе приливы бываютъ больше обыкновеннаго? Подобныя соответствія они думали объяснить симпатіей. Вся части міра, по ихъ мнѣнію, имѣютъ между собою симпатію: потому что онѣ такъ тѣсно соединены между собою, какъ члены живаго тѣла, въ которомъ, при страданіи одного члена, измѣняется и состояніе всего тѣла. Начало сообщающее это единство міру есть Богъ, который имѣетъ тѣлесную природу, природу воздухообразнаго тѣла, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ умъ и душа міра. (Въ мірѣ не было бы согласія, говорили они, еслибы все въ немъ не было объято однимъ непрерывно простирающимся божественнымъ духомъ.)

По примѣру стоиковъ Платонъ ввелъ въ свою систему ученіе о симпатіи между частями міра. Этою симпатіей онъ объяснялъ напримѣръ то вліяніе которое имѣетъ молитва на небесныя свѣтила. Небесныя свѣтила, которыя Платонъ считалъ божествами, такъ погружены, по его мнѣнію, въ зеркаліе высшаго міра, что не обращаютъ вниманія на земныя событія, и если исполняютъ наши прошенія, то не сознательно дѣлаютъ это, а подъ магическимъ вліяніемъ симпатіи между небесными и земаыми предметами. Эту симпатію Платонъ, подобно стоикамъ, производилъ отъ того что міру

сообщаетъ единство всеобъемлющая душа міра, но эту душу Платонъ, въ отаичіе отъ стоиковъ, считалъ безтѣлесною (и признавалъ не верховнымъ началомъ, а происходящемъ отъ ума, какъ умъ въ свою очередь происходитъ отъ верховнаго начала).

Можно ли сказать что предположеніе единой души міра рѣшаетъ вопросъ о взаимодействіи вещей. Оно не уничтожаетъ трудностей этого вопроса, а только переноситъ ихъ съ частей міра на душу міра. Если представлять ее вмѣстѣ со стоиками матеріальною, сдѣловательно состоящую изъ частей, то возникаетъ вопросъ, какъ можетъ передаваться дѣйствіе отъ однихъ частей ея другимъ? Если представлять ее вмѣстѣ съ Платономъ нематеріальною, то является еще большее затрудненіе, какимъ образомъ эта нематеріальная сущность можетъ дѣйствовать на матеріальные предметы. Если намъ укажутъ на то что душу міра Платонъ считалъ божественною и всемогущею, а всемогущему существу достаточно только захотѣть для того чтобы исполнилась воля его, мы можемъ отвѣчать что для всемогущей души міра не могла бы имѣть никакаго значенія ни масса тѣла, ни разстояніе ихъ между собою; между тѣмъ мы знаемъ что дѣйствіе вещей увеличивается и уменьшается соотвѣтственно массѣ и разстоянію ихъ между собой. А это показываетъ что въ обыкновенномъ порядкѣ природы дѣйствуетъ сила не всемогущая, а ограниченная.

Изъ этого затрудненія можно повидимому выпутаться если предположить что всемогущая сила, хотя сама по себѣ и не ограничивается разстояніемъ, массою и другими отношеніями вещей, но *напрямно* производитъ въ вещахъ такіа дѣйствія которыя соотвѣтствуютъ ихъ отношеніямъ между собою. Такое предположеніе было сдѣлано въ новой философіи Гейлинксомъ и Мальбраншемъ. Они находили невозможнымъ не только взаимодействіе души и тѣла, какъ субстанцій вполнѣ разнородныхъ, но и дѣйствіе тѣла на тѣла, вообще всякое взаимодействіе конечныхъ существъ. Возможность дѣйствовать на что-нибудь другое казалась имъ до такой степени превышающею природу конечныхъ существъ, что они считали дозволительнымъ усвоить ее только Безконечному Существу, и поэтому утверждали что конечныя существа не дѣйствуютъ другъ друга, но на нихъ дѣйствуетъ Самъ Богъ, производя по опредѣленнымъ законамъ измѣненія

въ однихъ существахъ по поводу измѣненій совершающихся въ другихъ.

Невозможность взаимодействія конечныхъ существъ признавалъ и Лейбницъ; но ему не хотѣлось допустить постоянное дѣйствіе Божіе на конечныя существа, потому что это было бы постоянное чудо. Въмѣсто этого онъ придумалъ гипотезу такъ-называемой предустановленной гармоніи; по этой гипотезѣ все что совершается въ конечныхъ существахъ зависитъ не отъ вѣншихъ причинъ, а отъ ихъ собственной природы, но эта природа такъ устроена Богомъ что измѣненія разлчныхъ существъ соотвѣтствуютъ, гармонируютъ между собою; это соотвѣтствіе и есть, по мнѣнію Лейбница, то что обыкновенно считаютъ дѣйствіемъ одного существа на другое.

Это предположеніе, также какъ и предположеніе Гейлксса и Мальбранша, приписываетъ Богу такую дѣятельность по отношенію къ міру которая несообразна съ понятіемъ о Богѣ. Если каждое существо въ мірѣ существуетъ само по себѣ, не подвергается никакому вліанію отъ другихъ, то со стороны Бога было бы безцѣльно производить перемѣны въ каждомъ изъ нихъ приспособительно къ перемѣнамъ другихъ существъ. Если напримѣръ солнце не имѣетъ никакого значенія для органической природы, то къ чему было бы производить въ соотвѣтствіе перемѣны происходящія съ растеніями и животными лѣтомъ и зимою съ измѣненіемъ положенія солнца относительно земной оси? Еслибы существо міра не была между собою въ такомъ отношеніи что посредствомъ однихъ достигается что-нибудь въ другихъ, то было бы совершенно излишнею фантазмагоріей производить только кажущееся такого рода отношеніе между ними.

Лейбницъ, хотя неудача, старался замѣнить взаимодействіе вещей предустановленною гармоніей, но своимъ ученіемъ о сущности тѣлеснаго міра онъ далъ возможность иначе рѣшить вопросъ о взаимодействіи вещей. Онъ училъ что матерія состоитъ изъ недрѣлимыхъ существъ или монадъ, которыя онъ признавалъ самодѣйствующими силами, подобными душѣ, то-есть имѣющими воспріятія и желанія. Эти предположенія, которыя у Лейбница основываются преимущественно на общихъ соображеніяхъ о томъ какъ должно мыслить существо, субстанцію, въ послѣдствіи получили подтвержденіе въ открытіяхъ естествознанія. Химія показала

что вещества дѣлають выборъ между другими веществами и стремятся къ соединенію съ извѣстными веществами преимущественно предъ другими. Для объясненія химическихъ соединеній, также твердаго, жидкаго и воздухообразнаго состоянія тѣлъ, распространенія свѣта, теплоты и такъ даже, оказалось болѣе удобнымъ принять что матерія не есть однообразная масса, но состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, изъ атомовъ и изъ молекулъ, то-есть соединеній нѣсколькихъ атомовъ.

Попробуемъ, положивъ въ основаніе въ общихъ чертахъ взглядъ Лейбница на сущность природы, примѣнить его къ рѣшенію вопроса о дѣйствіи вещей одной на другую.

Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій этого дѣйствія есть приведеніе въ движеніе одного тѣла другимъ. Затрудненіе которое представляется здѣсь состоитъ въ томъ что вещь дѣйствуетъ внѣ самой себя, движеть то что находится за предѣлами ея. Избѣжать этого затрудненія можно, если принять что вещи не движуть одна другую, но что каждый атомъ, какъ имѣющій внутреннее начало дѣятельности, движеть самъ себя, такъ что нѣтъ движеній насильственно сообщаемыхъ, или страдательно принимаемыхъ отвѣтъ, но всѣ движенія самостоятельны. вмѣсто того чтобы сказать напримѣръ: земля притягиваетъ падающее на нее тѣло, правильнѣе будетъ сказать: оно само стремится къ землѣ; вмѣсто: одно тѣло отталкиваетъ другое, правильнѣе сказать что послѣднее само удаляется отъ него.

Если каждый атомъ движеть самъ себя, то ближайшая причина его движенія должна содержаться въ немъ самомъ, въ его внутреннемъ состояніи. Это внутреннее состояніе, отъ котораго происходитъ движеніе, обыкновенно называютъ стремленіемъ. Оно существуетъ и въ то время когда нѣтъ движенія вслѣдствіе какихъ-нибудь препятствій и обнаруживается въ этомъ случаѣ давленіемъ. Напримѣръ, наше тѣло продолжаетъ стремиться къ землѣ и въ то время когда находится въ спокойномъ положеніи, и если отнять препятствіе, это стремленіе тотчасъ обнаружится въ движеніи. Какъ внутренняя причина движенія, стремленіе не иначе можетъ быть понято, какъ однородное съ хотѣніемъ. Напримѣръ; стремленіе нашего тѣла внизъ есть какъ бы хотѣніе приближаться къ землѣ, хотѣніе нашего тѣла, а не души, общее у него съ другими матеріальными предметами.

Что каждый атомъ движеть самъ себя, это еще не значить что движеніе его не имѣеть никакого отношенія къ другимъ атомамъ. Опытъ показываетъ что движенія тѣлъ и ихъ частицъ бываютъ такіа или иныя, смотря по тому какое положеніе въ пространствѣ по отношенію къ нимъ имѣютъ другія тѣла. Чтобы объяснить это нужно принять что тѣ атомы къ которымъ имѣеть отношеніе движеніе какого-нибудь атома *существуютъ для него* какимъ-нибудь образомъ. Но какимъ образомъ одинъ предметъ можетъ существовать для другаго? Для насъ предметы существуютъ въ ощущеніи, представленіи, мышленіи, знаніи. Такъ какъ въ атомахъ мы можемъ предполагать внутреннія состоянія только самой высшей степени, то мы можемъ приписать имъ только высшую форму бытія одного для другаго, то-есть ощущеніе, тѣмъ болѣе что это слово примѣняется не только къ яснымъ, но и къ самымъ неяснымъ душевнымъ состояніямъ. Такимъ образомъ мы можемъ предположить что движеніе атомовъ основывается на стремленіи, а стремленіе на ощущеніи относящемся къ другимъ атомамъ.

Но какимъ образомъ одно существо можетъ стать предметомъ ощущенія для другаго? Если мы анализируемъ наши ощущенія, то найдемъ 1) что мы ощущаемъ вѣчто другое отличающееся отъ насъ, 2) что это другое находится въ насъ самихъ, въ области нашей ощущающей дѣятельности. Отсюда мы можемъ вывести что существенное условіе ощущенія есть присутствіе ощущаемаго предмета въ ощущающемъ. Подъ именемъ предмета я разумѣю здѣсь не тѣ предметы къ которымъ мы относимъ наши ощущенія, а тѣ состоянія тѣла которыя ощущаются. Въ ощущеніи мы уже не встречаемъ того затрудненія которое представлялось намъ въ дѣйствіи чрезъ прикосновеніе и на разстояніи. Это дѣйствіе мы находимъ неопытнымъ потому что въ немъ вещь дѣйствуетъ вѣ самой себя. Но при ощущеніи ощущаемый предметъ находится не вѣ ощущающаго, а въ немъ самомъ; вслѣдствіе этого становится предметомъ его ощущающей дѣятельности, ощущается имъ, и уже чрезъ то бываетъ причиною или лучше сказать условіемъ различныхъ состояній и дѣйствій ощущающаго. Итакъ, если мы предположимъ что вѣчто подобное нашему ощущенію свойственно вѣмъ существамъ, то это предположеніе дастъ намъ возможность объяснить дѣйствіе ихъ одного на другое. Когда атомы на

столько сближаются между собою что вступаютъ въ сферу ощущенія другъ друга, то въ нихъ происходитъ ощущеніе, оно возбуждаетъ стремленіе такое или иное, а уже отъ стремленія происходитъ движеніе, такъ что отъ движенія одного тѣла не прямо происходитъ движеніе другаго, но сначала происходитъ измѣненіе во внутреннихъ состояніяхъ атомовъ входящихъ въ составъ другаго тѣла, а уже вслѣдствіе этихъ внутреннихъ состояній оно движеть себя собственною силою.

Если ощущающая дѣятельность свойственна всѣмъ атомамъ, то отсюда слѣдуетъ что подобно тому какъ мы ощущаемъ состояніе своего тѣла, такъ и атомы, входящіе въ составъ его, могутъ ощущать наши состоянія; изъ этого объясняется, почему наши аффекты выражаются въ измѣненіяхъ тѣла и почему рѣшенія нашей воли приводятся въ исполненіе нашимъ тѣломъ.

Если движеніе и даже внутреннее состояніе можетъ передаваться отъ одного атома другому, отъ другаго третьему и такъ далѣе, то это можетъ служить къ объясненію такъ-называемаго дѣйствія на разстояніи. Нѣтъ надобности принимать дѣйствіе на разстояніи въ собственномъ смыслѣ, т.-е. будто одна вещь дѣйствуетъ на другую безъ посредства вещей находящихся въ промежуткѣ между ними. Законы распространенія свѣта и тепла заставляютъ принять что пространство между міровыми тѣлами не пусто, но наполнено особаго рода матеріей, которую называютъ эфиромъ. Эта матерія и можетъ быть средою чрезъ которую передаются такъ-называемыя дѣйствія на разстояніи, въ тѣхъ случаяхъ когда мы не имѣемъ основанія полагать что дѣйствіе передается посредствомъ какой-нибудь другой матеріи, напримѣръ: звукъ чрезъ воздухъ. Распространеніе свѣта и тепла принято объяснять посредствомъ колебаній эвира. Но подобное объясненіе повидимому недостаточно по отношенію къ явленіямъ тяготѣнія: изъ однихъ колебаній эвира едва ли можно вывести приближеніе тѣлъ другъ къ другу. Если же мы допустимъ въ атомахъ внутреннія состоянія, то объяснить притяженіе отдаленныхъ предметовъ не будетъ особенно трудно. Притяженіе тѣлъ по этому взгляду есть стремленіе ихъ ко взаимному сближенію. Это стремленіе не могло бы произойти въ нихъ, еслибъ они не существовали нѣкоторымъ образомъ другъ для друга, не ощущали себя взаимно.

Когда отдаленныя тѣла стремятся другъ къ другу, здѣсь затрудненіе состоитъ въ томъ какимъ образомъ можетъ быть ощущаемо то что находится вдали, внѣ области ощущенія. Но это можетъ быть объяснено такъ же, какъ то что предметы находящіеся вдали отъ нашего тѣла ощущаются нами, то-есть посредствомъ передачи движенія отъ однихъ частицъ матеріи другимъ. Если мы допустимъ что всѣ тѣла распространяютъ вокругъ себя дѣйствіе эфира, то этимъ объяснится какимъ образомъ они могутъ быть ощущаемы на далекихъ разстояніяхъ; разумѣется, чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе, такъ что и стремленіе къ сближенію или, что то же, сила тяжести съ увеличеніемъ разстоянія ослабѣваетъ.

Считаю нужнымъ прибавить, что изложеннымъ взглядамъ я не придаю значенія несомнѣнной истины. Но надобно по крайней мѣрѣ согласиться, что предположить въ матеріи внутреннія состоянія есть для насъ единственное средство въ вѣкоторой степени понять многія изъ явленій взаимодействия вещей. Механическая теорія, не признающая внутреннихъ состояній матеріи, можетъ отчасти уяснить только сообщеніе движенія посредствомъ толчка, а множество другихъ видовъ взаимодействия остаются для нея необъяснимыми. Если мы будемъ отвергать или не принимать во вниманіе внутреннія состоянія матеріи, то должны будемъ вмѣстѣ съ позитивистами ограничиться однимъ сопоставленіемъ явленій, безъ уразумѣнія ихъ внутреннихъ отношеній.

В. ПОТАПОВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Соч. П. Полеваго.
Первый выпускъ.

Книга г. Полеваго должна несомнѣнно заинтересовать нашу образованную публику. Авторъ ея поставилъ себѣ задачей изобразить исторію Русскаго народа по вещественнымъ памятникамъ его быта, для чего въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ сдѣлаво очень много усиліями частныхъ лицъ и ученыхъ нашихъ обществъ. Но авторъ справедливо замѣчаетъ что изученіе отечественной старины по спеціальнымъ археологическимъ трудамъ оказывается у насъ дѣломъ весьма труднымъ даже для человѣка имѣющаго хорошую научную подготовку и обладающаго значительными матеріальными средствами, такъ какъ археологическія сочиненія печатаются въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ становятся библіографическою рѣдкостью. Собрать все что разсыяно во множествѣ изданій и резюмировать результаты произведенныхъ доселѣ изслѣдованій значитъ оказать большую услугу нашей публикѣ, если подобное предпріятіе будетъ исполнено добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, а этими качествами вполне отличается появившійся нынѣ первый выпускъ книги г. Полеваго. Не довѣряя собственнымъ силамъ, авторъ обратился за содѣйствіемъ и совѣтомъ ко многимъ изъ на-

шихъ ученыхъ, изъ которыхъ, между прочимъ, одинъ—профессоръ С.-Петербургскаго университета г. Замысловскій принималъ большое участіе въ задуманномъ имъ трудѣ.

Всѣхъ выпусковъ будетъ четыре. Первый изъ нихъ содержитъ слѣдующія главы: I. Каменный вѣкъ.—II Свайныя постройки.—III Бронзовый вѣкъ,—IV Скифы.—V Славяне.—VI Хозары, Болгары и Біармія. „Для изученія быта древнѣйшихъ обитателей Европы, говоритъ авторъ мы должны мысленно перенестись въ отдаленную глубь вѣковъ, въ мракъ того періода когда развитіе человѣчества шло очень медленнымъ путемъ, не ограничиваемое хронологически опредѣленными эпохами, не стѣсняемое рѣзко выдѣляющимися этнографическими данными. Въ этомъ періодѣ бытъ древнѣйшихъ обитателей Европы какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ являе не только въ существенныхъ чертахъ своихъ, но и въ подробностяхъ представляетъ множество сходныхъ (можно почти сказать *общихъ*) чертъ. Вотъ почему, излагая въ первыхъ главахъ нашей книги факты касающіеся древнѣйшаго быта обитателей восточной Европы, мы должны будемъ постоянно обращаться къ главнѣйшимъ выводамъ и даннымъ добытымъ учеными западно-европейскими.“ На основаніи этого авторъ придерживается такого порядка: говоря, напримѣръ, о каменномъ вѣкѣ, свайныхъ постройкахъ, бронзовомъ вѣкѣ, онъ предлагаетъ на основаніи хорошо изученной имъ иностранной литературы сжатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельный очеркъ изысканій сдѣланныхъ въ западной Европѣ, а затѣмъ переходитъ къ Россіи, что даетъ ему нѣрѣдко поводъ къ весьма любопытнымъ сопоставленіямъ. Такъ какъ читателю трудно было бы по одному описанію составить себѣ ясное понятіе о вещественныхъ памятникахъ о которыхъ упоминается въ книгѣ, то въ самомъ текстѣ или отдѣльно отъ него помѣщены рисунки. „На художественную сторону нашего изданія, говоритъ г. Полевой, было нами обращено особенное вниманіе. Сначала былъ составленъ подробнѣйшій списокъ всего что уже сдѣлано въ нашей археологической литературѣ по части снимковъ съ важнѣйшихъ памятниковъ; затѣмъ эти памятники сличены между собой и въ изданіе допущены только тѣ изъ нихъ которые могли выдержать критику какъ со стороны вѣрности оригиналамъ, такъ и со стороны художественности воспроизведенія.“ Но кромѣ рисунковъ заимствованныхъ изъ другихъ изданій, въ книгѣ

г. Полеваго находится нѣсколько такихъ которые впервые появляются въ печати. Всѣхъ изображеній мелкихъ и большихъ помѣщено 114. Сдѣланы они изящно; особенно сдѣдуетъ это сказать о снимкахъ со знаменитой николапольской вазы, составляющей одно изъ лучшихъ украшеній Императорскаго Эрмитажа.

Книга читается съ большимъ интересомъ отъ начала до конца. Особенно удачною считаемъ мы главу посвященную Скиеамъ. Въ краткомъ очеркѣ излагаетъ авторъ свѣдѣнія сообщенныя о нихъ Геродотомъ, свѣдѣнія объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, о погребеніи ихъ царей. Приводимъ здѣсь изъ разбираемой нами книги одно мѣсто въ которомъ идетъ рѣчь о томъ какъ блистательно подтвердились археологическими раскопками свѣдѣнія сообщенныя „отцомъ исторіи“.

„Прошли тысячелѣтія послѣ того какъ Геродотовъ разказъ былъ написанъ. Изчезли давнымъ давно не только свѣды посвященныхъ имъ богатѣйшихъ греческихъ коловій, но и свѣды тѣхъ могущественныхъ народовъ которые стрѣли ихъ съ лица земли. Имя Скиеовъ начало позабываться и давало поводъ только къ географическимъ спорамъ; правдивымъ разказамъ о бытѣ Скиеовъ, о ихъ нравахъ, о несметныхъ богатствахъ которыми они обладали, о торжественныхъ погребеніяхъ скиескихъ царей начинали не доврять, отбоясь ихъ къ области басень.... И вдругъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, совершенно неожиданное открытіе дало возможность на мгновеніе заглянуть въ это отдаленное прошлое и блистательно подтвердило разказы Геродота: одному изъ археологовъ-любителей представился случай (съ тѣхъ поръ, увѣ! не повторявшійся болѣе) увидѣть въ одномъ изъ кургановъ южной Россіи полную, дивно сохранившуюся картину погребенія скиескихъ владыкъ во всемъ ея высокоторжественномъ великолѣвіи. Это случилось въ окрестностяхъ Керчи, вообще богатыхъ курганами и доставившихъ Императорскому Эрмитажу драгоценный музей, извѣстный подъ названіемъ Отдѣленія Керченскихъ Древностей. Въ сентябрѣ 1831 года, по распоряженію начальства, назначено было доставить въ Керчь для постройки казармъ нѣсколько сотъ сажень теснаго камня, а такъ какъ этотъ камень жители Керчи обыкновенно добывали въ ту пору изъ кургановъ, ни мало не тревожась тѣмъ что это служить къ разрушенію историческихъ памятниковъ, то и на этотъ разъ за тесаннымъ камнемъ отправились за шесть верстъ отъ города къ нетроутому еще кургану, прозванному татарами Куль-Оба (т.-е. земля пелаа). Добывая изъ него камни, открыли 21 сентября внутри его могильный склепъ, входъ котораго былъ тѣпательно заложемъ. Сдѣлавъ сверху отверстіе открыватель вошелъ въ склепъ, и вотъ что представилось его глазамъ: подъ

балдахиномъ, на возвышенномъ дощѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ лежали царь и царица. Митра царя была украшена двумя золотыми повязками; на шеѣ находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота; много золотыхъ колецъ покрывали его руки. Возлѣ него лежало царское оружіе: мечъ съ золотою рукоятью, золотой скипетръ, безцвѣтный щитъ изъ массивнаго золота и золотое надушье. Голова царицы была украшена точно такою же митрой съ превосходными повязками. Шея ея была украшена золотыми обручами и лентою золотыми медальонами. На обоихъ, на царѣ и царицѣ, одежда была украшена золотыми бляхами. Оба саркофага были окружены множествомъ драгоценныхъ сосудовъ изъ золота и серебра; въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ драгоценный по изображеніямъ сценъ изъ домашняго быта Скивовъ, музыкальный инструментъ превосходнѣйшей работы съ гравированными на немъ фигурами, электрова статуэтки и т. д. Пока открыватель съ археологическою точностью описывалъ положеніе каждаго предмета, въ Керчи разнеслась вѣсть о сокровищахъ открытыхъ въ курганѣ Куль-Оба. Утомленный трехдневными трудами, простодушный открыватель покинулъ склепъ, оставивъ его подъ присмотромъ полицейскаго чиновника съ двумя служителями. Произошло вѣчто неслыханное: ночью шайка грабителей, оттолкнувъ часовыхъ, проникла въ склепъ, пренебрегая всеми опасностями, грозившими жизни дерзковедныхъ, такъ какъ потрясенный каменный сводъ ежеминутно грозилъ рухнуть внутрь гробницы. Началась страшная сцена грабежа: похитители безжалостно ломали тѣ предметы за которые хваталось вѣсколько человекъ и лоровну дѣлили ихъ между собой. Но этого мало! Въ самомъ разгарѣ грабежа грабители услышали что каменный полъ, находившійся подъ ногами ихъ, издаетъ глухой гулъ. Тотчасъ подняты были каменные плиты, и подъ верхнимъ склепомъ открытъ нижній, въ которомъ былъ схороненъ отецъ или прадѣдъ скивскаго царя. Говорятъ что находки того склепа были еще богаче. Когда открыватель на другое утро явился на мѣсто своей находки, онъ увидѣлъ что склепъ совершенно расхищенъ; только кое-гдѣ на полу валялись забытыя и растеряныя бляхи отъ одежды“...

Между вещами которыя скулали потомъ на вѣсь золота у разныхъ лицъ оказалась между прочимъ превосходная кульобская ваза, сдѣланная изъ электрова (особаго сплава золота и серебра). На ней изображены въ высшей степени любопытныя сцены изъ домашняго быта Скивовъ. Общій видъ этой вазы, а также украшающихъ ея изображеній помѣщены въ книгѣ г. Полеваго.

II.

Театральная Библиотека. Ежемѣсячный журналъ по драматургiи и сценическому искусству. Москва №№ 1 и 2.

Съ сентября мѣсяца въ Москвѣ выходитъ подъ редакціей г. Шаловалова новый журналъ посвященный драматургiи и сценическому искусству. Это очень интересное событіе въ нашей литературѣ и мы полагаемъ что оно заслуживаетъ чтобъ остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. „Было время“, говоритъ редація въ своей программѣ, „когда театръ и сценическое искусство давали у насъ матеріалъ для специальныхъ изданій. Не больше какъ двадцать пять лѣтъ назадъ выходили *толстые* журналы исключительно посвященные театру и драмѣ. Съ тѣхъ поръ, кромѣ одной попытки въ началѣ 60хъ годовъ, не являлось ни одного ежемѣсячнаго театрального журнала.“ Какая же причина вызвала такое явленіе? Почему перестали выходить *толстые* театральные журналы? Причина этому, по мнѣнію редакціи *Театральной Библиотеки*, заключается не въ равнодушіи публики къ сценѣ, а напротивъ въ чрезмѣрномъ развитіи интереса къ театру. „Безъ театра невысима теперь жизнь сколько-нибудь сноснаго провинціального города. Сценическое искусство развилось такъ что у насъ насчитывается до двухсотъ частныхъ и клубныхъ театровъ платящихъ послектакльный гонораръ авторамъ. Все что касается театра интересуетъ публику чрезвычайно. Прежде не было въ газетахъ особыхъ театральныхъ рубрикъ, а въ послѣднее время большія газеты занимаютъ театромъ изо дня въ день, и каждый редакторъ знаетъ, какъ новости сцены жадно читаются. Эта-то ежедневная *газетная хроника* и заставляетъ забывать о возможности болѣе специальныхъ изданій. Публика пріучилась къ скорымъ отчетамъ о бенефисахъ и мелкимъ репортерскимъ извѣстіямъ.“

Намъ кажется что почтенная редакція *Театральной Библиотеки* впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе, утверждая съ одной стороны что „все касающееся театра интересуетъ публику чрезвычайно“, съ другой стороны—что „газетная хроника заставляетъ забывать о возможности болѣе специальныхъ изданій.“ Которое-нибудь изъ этихъ двухъ положеній

ошибочно. Намъ думается—первое. Совершенно справедливо что публика чрезвычайно интересуется театромъ: доказательствомъ этому служить то что при посредственномъ, иногда даже плохомъ исполненіи театры бываютъ полны. Не вѣрно только положеніе будто бы *все* касающееся театра въ такой же степени возбуждаетъ этотъ интересъ. По самому существу дѣла публика прежде всего интересуется пьесой и ея содержаніемъ; публика желаетъ прежде всего прочитать отчетъ который знакомилъ бы ее съ этимъ содержаніемъ, помочь бы путемъ спокойнаго литературнаго и художественнаго разбора установленію сознательнаго сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ пьесы, о томъ *почему* было хорошо или неудовлетворительно ея выполненіе на сценѣ. Такого рода отчетъ будетъ одинаковъ въ ежедневной газетѣ и въ *толстомъ* журналѣ, одинаковъ по приемамъ, по серьезности отношенія къ дѣлу, по литературной формѣ, даже по объему. Теперь для газетъ уже прошло то время когда всѣ театральныя рецензіи заключались въ расточеніи похвалъ или порицаній, ничѣмъ не мотивированныхъ, не приведенныхъ къ ясной и сознательной исходной точкѣ сужденія. Причина неуспѣха спеціально-театральныхъ журналовъ между большинствомъ заключается именно въ томъ что не *все* относящееся къ театру имѣетъ право на одинаковое вниманіе и интересъ. Люди сдѣлавшіе себѣ спеціальность изъ занятія театромъ и драматургіей едва ли найдутъ въ русскомъ *толстомъ* театральномъ журналѣ что-либо такое что уже не было бы имъ извѣстно ранѣе; для остальной публики спеціальныя статьи не представляютъ и не могутъ представлять интереса; мы можемъ очень интересоваться сценическою мимикой и пластикой, и оставаться совершенно равнодушными къ подробнѣйшему и добросовѣстнѣйшему изложенію тѣхъ приемовъ и упражненій которыми достигается то и другое. Все это очень полезно и интересно, но не для публики. Если оставить въ сторонѣ совершенно спеціальныя статьи и обратиться къ статьямъ представляющимъ болѣе общій интересъ, то и въ этомъ случаѣ *толстый* театральный журналъ едва ли можетъ разчитывать на большой кругъ читателей. Очевидно что этими читателями будутъ люди образованные, люди знающіе иностранныя языки; кто не предпочтетъ въ этомъ случаѣ „оригиналы спискамъ“? Остается область собственно русской драматургіи, исторія русскаго

театра, русской драмы, русскаго театральнаго искусства, жизнеописанія, архивныя и историческія матеріалы. Область эта такъ мало разработана, такъ тѣсно связана съ вопросами историко-литературными и культурными, что каждый новый трудъ въ этомъ направленіи очевидно долженъ будетъ разчитывать на болѣе широкій кругъ читателей нежели тотъ который имѣетъ специально-театральный журналъ, даже еслибы онъ былъ *толстымъ*. Такого рода статьи очевидно появятся въ журналахъ научно-литературныхъ. Мы вовсе не хотимъ вывести изъ всего сказаннаго заключеніе въ излишество русскаго спеціальнаго журнала по драматургіи и сценическому искусству. Мы только желали выяснить нѣкоторое недоразумѣніе, которое, какъ намъ кажется, вкралось въ воззрѣнія почтенной редакціи *Театральной Библиотеки* на причины неуспѣха въ Россіи спеціальнаго-театральныхъ журналовъ. Нельзя не сочувствовать всякому изданію какому-либо столь заброшенной у насъ области искусства, нельзя не приветствовать самаго факта появленія такого спеціальнаго журнала какъ отраднаго доказательства того что у насъ опять зараждается серьезный интересъ къ этой столь важной области духовной и національной жизни. Но именно поэтому мы полагаемъ что для действительнаго успѣха такого предпріятія, для успѣха его между публикою, журналъ въ родѣ *Театральной Библиотеки* долженъ былъ бы поставить свою программу нѣсколько иначе нежели сдѣлала это редакція разбираемаго нами большаго ежемѣсячнаго изданія. Редакція смотритъ на предпринятый ею журналъ какъ на „скромный опытъ, который покажетъ въ какой степени теперешній *общій уровень публики* способенъ отразиться и на интересѣ къ органу сдѣланному изъ театра предметъ своего особаго служенія“. Для того чтобы сужденіе о результатахъ *опыта*, хотя бы и скромнаго, не было ошибочнымъ, необходимо заранѣе опредѣлить какого рода доказательствъ ожидаемъ мы отъ опыта. Допустимъ что теперешній *общій уровень публики* „отразится“ отсутствіемъ интереса къ *Театральной Библиотецѣ*. Что будетъ изъ этого слѣдовать? Критика имѣетъ горькую обязанность говорить по болѣе части неприятныя вещи. Мы думаемъ что если „опытъ“ будетъ неуспѣшенъ, то изъ этого можно будетъ вывести только одно заключеніе: заключеніе о томъ что редакція неправильно поставила свою программу. Въ чемъ состоитъ эта программа?

„Театръ“, говоритъ редація, „и все что работаетъ для него видимо растетъ, развивается и требуетъ особыхъ организовъ печатнаго слова.“ Слѣдуютъ доказательства и подтвержденія:

„Въ средѣ русскихъ драматурговъ замѣтно движеніе въ сторону большей солидарности. Они образовали цѣлое общество съ цѣлю отстаивать свои авторскія права, помогать людямъ своей среды и, когда средства Общества увеличатся, способствовать успѣхамъ театральнаго дѣла. И теперь уже учреждена ими премія по репертуару, а въ послѣдствіи, вѣроятно, организуется и правильная самопомощь для всѣхъ русскихъ сценическихъ писателей.

„Точно также и въ средѣ актеровъ давно уже идетъ рѣчь объ обществѣ которое сплотило бы ихъ въ одну семью и обезпечило каждому изъ нихъ матеріальную и нравственную поддержку.“

Это такъ-сказать общія доказательства въ подтвержденіе необходимости въ спеціальному журналу по драматургіи и сценическому искусству. Редація переходитъ къ изложенію спеціальныхъ причинъ по которымъ предпринятый ею журналъ издается въ Москвѣ. Признаемся что цѣлый рядъ этихъ причинъ остается для насъ лишеннымъ неотразимой убѣдительности: „Въ Москвѣ сложилась и продолжаетъ дѣйствовать лучшая русская драматическая сцена; здѣсь былъ первый опытъ Народнаго театра; здѣсь потребность въ преподаваніи сценическаго искусства раньше чѣмъ въ Петербургѣ занесена была(?) въ программу Консерваторіи; здѣсь мѣстопробываніе Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей; въ Москвѣ живетъ и работаетъ нѣсколько писателей по исторіи театра и по теоріи сценическаго искусства, спеціально изучающихъ эти вопросы: имена ихъ извѣстны и намъ нѣтъ надобности перечислять ихъ.“ Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться чтобы ради этихъ причинъ редакторъ-издатель переселился бы въ Москву, положимъ хотя бы изъ Петербурга, съ тѣмъ чтобы издавать свой журналъ именно здѣсь. Гораздо убѣдительнѣе дѣйствуютъ уже на насъ дальнѣйшія основанія приводимыя въ пользу Москвы какъ мѣста изданія спеціально-театральнаго журнала:

„Въ Москвѣ естественный центръ всего актерскаго міра. Сюда отовсюду изъ провинціи стекаются актеры, актрисы, авторскіе деятели, всѣ кто живетъ театромъ и для театра. Въ

Москва заключаетъ большинство ангажементовъ и по окончаніи зимняго сезона происходитъ *родъ биржи*, гдѣ, увы! эксплуатация актерскаго труда идетъ рука объ руку съ малою подготовкой артистовъ къ ихъ поприщу.“

Остановимся на этихъ соображеніяхъ прежде нежели идти далѣе въ разборъ программы. Если редація, какъ это можно читать между строкъ, будетъ органомъ спеціальнаго общества драматическихъ писателей задавагося цѣлью „отстаивать свои авторскія права“, и предполагаемаго общества драматическихъ артистовъ, поставившаго себѣ задачей обезпечивать членамъ матеріальную и нравственную поддержку; если на рѣшимость издавать журналъ именно въ Москвѣ подействовало между прочимъ и нахожденіе здѣсь *рода биржи* для ангажемента актеровъ, то *Театральная Библиотека* прежде всего пополнить недостатокъ спеціальнаго листка который служилъ бы, подобно множеству заграничныхъ театральныхъ листковъ, такъ-сказать хозяйственнымъ справочнымъ цѣлямъ извѣстнаго спеціальнаго рода учрежденій и предпріятій. Теперешній „общій уровень лубаки“ не „отразится въ интересѣ“ къ такого рода свѣдѣніямъ, и это необходимо имѣть въ виду при сужденіи о результатахъ „опыта“.

„Съ каждымъ годомъ“, продолжаетъ программа, „на сцену стремится множество молодыхъ людей, больше все съ любительскихъ и клубныхъ сценъ. *Имъ до сихъ поръ почти негдѣ учиться*. Кто изъ нихъ и хотѣлъ бы дополнить недостатокъ школы чтеніемъ, не находитъ ни въ книгахъ, ни въ журналахъ *такихъ трудовъ* которые бы давали *имъ спеціальное сценическое развитіе*. А на потребности этой молодой лубаки мы должны откликаться *всего сильнѣе*. Она будетъ находить въ нашемъ журналѣ разработку всѣхъ вопросовъ сценическаго дѣла.“

То-есть, говоря проще: *Театральная Библиотека* будетъ *всего сильнѣе* стараться о томъ чтобы путемъ *журнальныхъ статей* содѣйствовать *спеціальному сценическому развитію* множества молодыхъ людей „стремящихся“ на сцену, но нигдѣ не учившихся. Мы думаемъ что это будетъ весьма безплоднымъ трудомъ. Для такого рода молодыхъ людей необходимы двѣ вещи: хорошіе спеціальные учебники и хорошая практическая школа. Ихъ бѣдѣ не помочь журнальными статьями. Но такъ какъ мы прежде всего задались цѣлью

Установить правильную точку зрѣнія относительно того насколько отсутствіе въ публицѣ интереса къ органу, „сдѣлавшему изъ театра предметъ своего особаго служенія“ можетъ давать право на сужденіе о теперешнемъ *общемъ уровнѣ* этой публицы, то замѣтимъ что этотъ „учебный“ отдѣлъ будетъ совершенно не интереснымъ для читателей спеціалистовъ.

Театральная Библиотека будетъ въ первой половинѣ каждой своей книги заключать театральныя піесы. Піесы эти будутъ нѣсколько особаго рода, и редація заранѣе слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за впечатлѣніе ихъ на читателя. Это прежде всего не будетъ отдѣлъ *редакціонный*. Это будетъ отдѣлъ вещей „*которыя съ чтеніемъ теряютъ почти всю свои достоинства, а на сценѣ мовутъ держаться съ большимъ успѣхомъ,*“ отдѣлъ піесъ которыя „*не печатаютъ* (за отсутствіемъ вышеозначенныхъ достоинствъ) *редакторы литературныхъ журналовъ.*“ Коротче сказать, отдѣтъ піесъ съ воображаемыми достоинствами. „Такимъ піесамъ“, говоритъ редація, „нуженъ доступъ въ особые органы. Наша Библиотека и будетъ печатать ихъ, дѣлая, конечно, изъ которой выборъ, но: *вѣсть съ тѣмъ не принимая на себя отвѣтственности за каждую вещь которая въ чтеніи покажется не тѣмъ тѣмъ на сценѣ.*“ Публика не будетъ читать этого отдѣла, въ которомъ повидямому умываетъ руки и сама редація.

„Остальные отдѣлы“ остаются редакціей въ нѣкоторомъ туманѣ. „Остальные отдѣлы журнала, кромѣ мамуаровъ и литературныхъ очерковъ личнаго характера, будутъ *составлены* редакціей въ *опредѣленномъ* направленіи, съ *единствомъ взглядовъ* на дѣло, безъ рѣкой полемики, въ объективномъ тонѣ, но и безъ *неуужнаго послабленія* тому что отжило свой вѣкъ, безъ своекорыстныхъ уступокъ учрежденіямъ, артистамъ, критикѣ, публицѣ. На первыхъ порахъ намъ хотѣлось бы *разчистить* ту почву на которой мы желаемъ дѣйствовать, заняться общими вопросами, напомнимъ что сдѣлаано на Западѣ по театру и искусству актера.“ Такова программа. Посмотримъ какъ она осуществляется.

Предъ нами лежатъ двѣ большія книжки *Театральной Библиотеки* за сентябрь и октябрь мѣсяцы, почти въ 400 страницъ каждая. Въ первомъ, *редакціонномъ* отдѣлѣ, читатели найдутъ драмы: *Симеонъ Гордый, Преступница*

и *Рокоссе Умеленіе*, драматическую комедію (?): *Окалтыль путале на большую доросу*, комедію: *Изъ семейной хроники*, *Съ овнежъ не играй*, *Граздани*, шутку-водевилъ *Геркулесъ*. Не будемъ говорить пока объ этомъ отдѣлѣ піесъ „утрачивающихъ“, но собственному признанію редакціи, „почти всѣ свои достоинства въ чтеніи“, и замѣтимъ только что шутка *Геркулесъ*, исполненная на Маломъ Театрѣ, также нескладна и груба на сценѣ какъ и въ чтеніи. Остальныя статьи первыхъ двухъ книжекъ заключаютъ въ себѣ: биографическій очеркъ Г. Н. Новосельскаго, характеристику Золá какъ драматическаго критика и писателя, нѣсколько небольшихъ замѣтокъ по текущему репертуару московскаго и парижскихъ театровъ. Записки актера (*е. Стружкина*), Воспоминаніе Русской о заграничной школѣ, и двѣ переводныя статьи: *Искусство чтенія*, *Легуве*, и *Талантъ и школа въ драматическомъ искусствѣ*, Гутмана. Лучшая статья обѣихъ книжекъ—это *Воспоминанія Русской*, чрезвычайно интересный разказъ очевидицы о практическомъ изученіи драматическаго искусства въ Парижѣ. Отъ *Записокъ актера* можно было бы ожидать чего хотите, только не того что представляетъ въ нихъ авторъ. Г. Стружкинъ игралъ въ Москвѣ на сценѣ Артистическаго Клуба и показавъ себя опытнымъ и даровитымъ артистомъ на роли такъ-называемыхъ „реконбровъ“; онъ долго жилъ и игралъ въ провинціяхъ; мы полагаемъ встрѣтить въ его *Запискахъ* рядъ интересныхъ фактовъ. Въмѣсто этого авторъ пускается въ длиннѣйшее разсужденіе о положеніи и судьбѣ актера со временъ „глубокой“ древности, о значеніи театра и вліяніи его на общество, о взглядѣ на театръ государственными людьми и „передовыхъ умовъ“ и т. д. Цитуются безпрестанно Прудонъ, Кублицкій, Карьеръ, Баженовъ, Лессингъ, Луизъ, Милль, Шиллеръ, Гете: все это очень лестро, очень извѣстно,—невообразимо скучно и ни мало не похоже на *Записки*. Остаются двѣ переводныя статьи: Гутмана и Легуве. Онѣ обѣ очень хороши и заключаютъ въ себѣ рядъ дѣльныхъ и вѣрныхъ мыслей, въ особенноти переводъ цѣлой книжки Легуве: *Искусство чтенія*. Но представьте себѣ молодого человѣка „стремящагося съ клубной сцены“, молодого человѣка какимъ представляетъ его себѣ программа журнала, то-есть такого *которому почти негодъ было учиться*, молодого человѣка плохо, а можетъ быть и совсѣмъ не знающаго французскаго языка, и вообра-

зите его положеніе когда онъ, съ жадностью бросившись учиться „спеціальному сценическому развитію“ по статьямъ *Театральной Библиотеки*, вдругъ читаетъ:

„У Италианцевъ нѣтъ нѣмага *e*. Они выговариваютъ наше и (*Легуве говоритъ о французскомъ языкѣ*) какъ *oi*; нашего *ei* у нихъ не существуетъ; кромѣ того наши *a*, *o* и особенно *e* имѣютъ средній звукъ, который невозможно характеризовать никакимъ знакомъ. Какъ внушить иностранкѣ что *e* въ *cette* выговаривается не такъ открыто какъ въ *tête*, не такъ внятно какъ въ *colère*, и не такъ остро какъ въ *détail*!“

Неправда ли что „стремящійся“ молодой человекъ извлечь чрезвычайно мало пользы изъ только-что прочитаннаго? Бѣда вся въ томъ что книга *Легуве* написана исключительно для Французовъ. Для практическихъ учебныхъ цѣлей русскаго чтенія ее нельзя переводить; она поддается въ этомъ случаѣ только извлеченію и обработкѣ, но не переводу.

Подведемъ итоги. Нельзя и не слѣдуетъ смѣшивать задачъ. *Спеціальное сценическое развитіе* молодыхъ людей не прошедшихъ никакой школы, и художественно-литературный журналъ предназначенный для публки—двѣ вещи совершенно различныя. Для ученія служатъ учебники, а не журналы; въ особенности не соответствуетъ учебнымъ цѣлямъ форма статей переходящихъ изъ книги въ книгу, обрывающихся, не представляющихъ съ перваго раза предметъ во всемъ объемѣ. Журналъ который на половину будетъ состоять изъ драматическихъ піесъ „утрачивающихъ всякое достоинство въ чтеніи“, а въ другой половинѣ будетъ помѣщать спеціально-учебные трактаты, такой журналъ не принесетъ пользы недоучившимся юношамъ и не возбудитъ интереса публки. Пусть г. Шаловаловъ дастъ намъ, взрослымъ людямъ, статьи подписанныя тѣми писателями пребываніе которыхъ въ Москвѣ выставляется имъ какъ одна изъ причинъ изданія его журнала именно въ Москвѣ; пусть онъ печатаетъ въ своемъ журналѣ піесы имѣвшія успѣхъ, лучшія піесы текущаго репертуара, образцовые переводы старыхъ и новыхъ иностранныхъ драматическихъ произведеній; пусть онъ дастъ намъ рисунки образцовой постановки піесъ, портреты актеровъ и писателей, музыкальные отрывки, проекты образцовыхъ декорацій; пусть его журналъ будетъ дѣйствительнымъ литературнымъ и художественнымъ изданіемъ, дѣйствительною *библиотекой* литератур-

ныхъ и художественныхъ произведеній по извѣстному спеціальному отдѣлу, и оны дѣйствительно окажутъ тогда засаугу русской публикѣ. Какъ ни странно можетъ это казаться, но наши художники почти не имѣютъ теперь никакого отношенія къ театру. Привлечь ихъ къ участію въ поднятій художественной стороны театральнаго дѣла можетъ только спеціальныи журналъ. Придавъ своему изданію этотъ характеръ, редакция *Театральной Библиотеки* въ правѣ будетъ выводить какіе-либо результаты изъ того какъ „теперешній общій уровень публики способенъ отразиться на интересѣ къ органу сдѣлавшему изъ театра предметъ своего особаго служенія“.

III.

Бесѣды съ Тьеромъ, Гизо и другими замѣчательными лицами въ эпоху Второй Имперіи. Вильяма Сеніора. (Conversations with M. Thiers, M. Guizot and other distinguished persons during the Second Empire, by the late Nassau William Senior. London. 1878.)

Эта любопытная книга составляетъ часть громаднаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго умершимъ Сеніоромъ, англійскимъ ученымъ, има коего пользовалось извѣстностью въ ученыхъ и общественныхъ кружкахъ Лондона и Парижа. Онъ былъ когда-то профессоромъ политической экономіи и издалъ при жизни нѣсколько сочиненій извѣстныхъ въ литературѣ. Онъ проживалъ большею частью въ Парижѣ: его образованіе, характеръ, вкусъ и достаточное состояніе давали ему возможность поддерживать живыя дружескія отношенія съ главными представителями политическаго и литературнаго міра въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Едва ли кто изъ современниковъ пользовался, при такихъ условіяхъ, равнымъ преимуществомъ и могъ имѣть столь полныя и вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ политическихъ дѣлъ, о состояніи общества и о личныхъ обстоятельствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ дѣятелей. Сеніоръ велъ довольно обширную переписку; но кромѣ того онъ имѣлъ привычку записывать ежедневно свои бесѣды съ людьми почему-нибудь замѣчательными, и записанное сообщалъ имъ самимъ, для исправленія ошибокъ и неточностей. Итакъ, не мудрено что по смерти его остался громадный запасъ любопытнѣйшихъ

писемъ и записокъ. Этотъ запасъ хранить и разрабатываетъ дочь его мистрисъ Симпсонъ и издаетъ въ лубдику по частямъ, наблюдая чтобы въ каждой части помѣщались рассказы касающіеся только до умершихъ, а не до живыхъ еще современниковъ. По мѣрѣ того какъ сходятъ нѣкоторые изъ нихъ со сцены, появляется и новая серія воспоминаній до нихъ относящихся. Вскорѣ послѣ смерти отца мистрисъ Симпсонъ издала дневникъ его пребыванія во Франціи и въ Италиі (*Journals in France and Italy*. Lond. 1871) наполненный любопытнѣйшими разказами и замѣтками. Въ тѣхъ затѣмъ появилась книга ея исполненная живѣйшаго интереса: *Переписка и бесѣды съ Токилетъ*. Въ 1878 году напечатаны два тома означенные въ заглавіи, а нынѣ появилось уже въ англійскихъ журналахъ объявленіе о предстоящемъ выходѣ еще двухъ томовъ заключающихъ въ себѣ бесѣды Сеніора съ новыми лицами съ 1860 по 1863 годъ. Настоящее изданіе относится къ десятилѣтію съ 1850 по 1860 годъ, слѣдовательно къ тому періоду въ которомъ появилась Вторая Имперія и достигла крайняго своего развитія, къ періоду Крымской войны и Италіанской кампаніи. Главнымъ собесѣдникомъ Сеніора является Тьеръ: онъ разказываетъ любопытнѣйшія вещи о прежней своей дѣятельности, о Лудовикѣ-Филиппѣ и своихъ къ нему отношеніяхъ, о томъ какъ совершалась Февральская революція (жалостная и поучительная повѣсть) и какъ совершался другой переворотъ—начало Второй Имперіи. По разказамъ Тьера и другихъ современниковъ можно слѣдить такъ-сказать день за днемъ развитіе президентской интриги и распознавать орудія которыми она дѣйствовала: можно видѣть какъ подвѣялась Крымская война и какими путями разжигалась брань Наполеона съ Россіей, причемъ самъ Тьеръ со своею всегда анти-русскою политикою игралъ немаловажную роль. За Тьеромъ слѣдуетъ въ первомъ ряду бесѣды Кузенъ, Вильменъ, Монтатамберъ; далѣе де-Сиркуръ, одивъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ Французовъ, мужъ обворожительной женщины, гжи де-Сиркуръ, русской по происхожденію (Хлюстина), собиравшей въ своемъ салонѣ цвѣтъ тогдашней парижской интеллигенціи, Даніель Манивъ, Мериме, со своими разказами о придворной жизни Наполеона III, Ламартивъ, Дюмовъ, Кетле, Леонъ Фоше, король Леопольдъ Бельгійскій. Последнія страницы книги заняты описаніемъ жизни и обстановки Гизо въ извѣстномъ его имѣніи

Валь Рима, гдѣ гостилъ у него Сеніоръ; и любопытными бесѣдами съ хозяиномъ. Кромѣ известныхъ именъ, въ бесѣдахъ Сеніора встрѣчается много другихъ столь же разнообразныхъ какъ самые предметы бесѣды. Всякому образованному читателю любопытно слѣдить на примѣръ за бесѣдою съ Ламорисіеромъ объ Алжирѣ, съ Орасомъ Съ о спѣхахъ происходившихъ въ Парижской Ратушѣ (Hotel de Ville) въ февралѣ 1848 года, съ де-Бомономъ о сельскомъ бытѣ во Франціи, съ графомъ Флаго о Ваграмѣ, съ Ламартиноу о Французской Академіи, съ Миселемъ Шеваляе о торговомъ трактатѣ, съ Ристори о драматическомъ искусствѣ, съ Н. Тургеневымъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и т. п.

Вотъ нѣкоторыя выдержки могущія дати помяте читателю о содержаніи этой любопытной книги.

Терьъ разказываетъ исторію паденія французскаго министерства Барро въ 1849 году: причиною его послужила дипломатическій слоръ съ Россіей о выдачѣ Кошута. Императоръ Николай I, находившійся въ то время на высотѣ могущества, написалъ султану письмо съ требованіемъ выдачи Кошута. Порта весьма неблагоразумно и непримично преоставила рѣшеніе этого вопроса Франціи и Англіи. Лордъ Пальмерстонъ увидѣлъ въ этомъ случаѣ удобный предлогъ завлечь Францію въ войну съ Россіей, и очень лукаво и искусно имъ воспользовался; лордъ Норменби былъ тогда въ большой милости въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ убѣдилъ президента и Барро дѣйствовать заодно съ Англіей, то-есть уговорить султана къ рѣшительному отказу и обещать что онъ будетъ поддержанъ присылкою союзнаго флота въ Дарданеллы. Моле, узнавъ объ этомъ, прибѣжалъ ко мнѣ въ большой тревогѣ. „Да вѣдь это война,—говорилъ онъ,—война безо всякаго интереса для Франціи, только въ угоду вѣчной страсти Пальмерстона мѣшаться во все. Вы должны сейчасъ лѣхать къ президенту и остановить его“. — „Зачѣмъ мнѣ, отвѣчалъ я,—ступайте вы сами. Это дѣло очень щекотливое. Разумѣется, Кошутъ не стоить войны; но когда насъ спрашиваютъ, нельзя же совѣтовать и Портѣ чтобы выдала Кошута.“

„Какъ бы то ни было однако, въ трудныхъ случаяхъ дѣла всегда взваливали на меня. Я зашелъ къ Токвиллю и засталъ его въ такой же тревогѣ. Повидимому даны уже были при-

казанія флоту и трудно было отгнать ихъ. Самое удобное, по моему мнѣнію, было—укрѣпить бѣглецовъ; послать скорѣе пароходъ въ Константинополь, взять ихъ оттуда, привезти во Францію и затѣмъ отвѣчать императору Николаю что мы признали это лучшимъ способомъ избѣжать прамата отвѣта. Онъ самъ, конечно, будетъ доволенъ выйти изъ неволькаго положенія.

„Токвилъ согласился со мною, и чрезъ нѣсколько минутъ полетѣла въ Туловъ телеграмма разводить пары, а черезъ два часа пароходъ получилъ инструкціи и вышелъ въ море. Однако на этотъ способъ еще нельзя было полагаться вполнѣ. Кошутъ могъ отказаться, султаны могъ не рѣшиться выслатъ его силою, императоръ могъ принять это за оскорбленіе себя. А требовалось непременно сдѣлать такъ чтобъ онъ взялъ свое требованіе назадъ.

„Я обѣдалъ въ этотъ день у президента и встрѣтилъ тамъ Норменби; имъ обшлись очевидно хотѣлось усамнать отъ меня одобреніе, но это дѣло было противно мнѣ, и я избѣгалъ разговора. Но послѣ обѣда они все-таки завели рѣчь объ этомъ предметѣ, что было совсѣмъ небалагоразумно, такъ какъ они видѣли что я не въ духѣ. Я не утерпѣлъ и разразился на тему, до какой степени безумно затѣвать войну изъ-за такихъ предлоговъ. „Когда бы, говорилъ я, дѣло шло о томъ чтобы вытѣснить Австрію изъ Италіи или Русскихъ изъ Венгріи,—пожалуй, въ добрый часъ, но когда говорить о войнѣ изъ-за какого-нибудь молодца въ родѣ Кошута, это похоже на то какъ будто просто Англіи хочется зажечь пожаръ на материкѣ Европы. И дѣль безумная, и средства ваши безумныя. Вашъ флотъ не помѣшаетъ Россіи перейти Балканы и взять Константинополь. Для этого вамъ надобно послать армию не менѣе 80.000 человекъ. А флотъ вашъ будетъ только пустою угрозою и оскорбленіемъ.“

„Я оставилъ президента не въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ жаловался что никто еще не обходился съ нимъ такъ безцеремонно. Одно разѣ утѣшеніе, прибавилъ, что Норменби еще больше досталось отъ Тьера. Но хоть онъ и разосердился, но не могъ не убѣдиться и сталъ просить чтобъ я помогъ ему выбраться изъ затрудненія.

„Надо было устроить такъ чтобъ императоръ взялъ назадъ свое требованіе, разумѣется не Пальмерстонскимъ слово-

бомъ, который навѣрное не удава бы, а обращеніемъ къ его великодушію. Киселевъ согласился со мною, написалъ убедительное письмо къ Нессельроде, а Ламорисіеръ въ Петербургѣ отлично поддержалъ его. Фуадъ-эффенди, котораго Турки отправили въ Петербургъ, велъ себя съ большимъ тактомъ и осторожностью, обращаясь къ милости и великодушію царя и не поминалъ ни слова о вѣншательства Англіи и Франціи. Для черезъ два императоръ сдѣлся на эти убѣжденія и отказался отъ своего требованія. Черезъ день послѣ того въ *Петербургскіихъ Вѣдомостяхъ* появилось извѣстіе объ отплытіи флота. Приди оно двумя днями раньше—все бы пропало. Императоръ Николай не могъ бы уже вернуть свое слово давное Турціи. Онъ вымѣстилъ свой гнѣвъ на Англіи, послалъ ей ноту (а намъ копию) самую оскорбительную какую когда-либо я встрѣчалъ въ дипломатіи. Она не напечатана, да и нельзя было ее напечатать.

„Вотъ настоящая причина паденія министерства. „Подумайте, сказалъ мнѣ президентъ, этотъ болякъ Барро едва не втянулъ меня въ осору съ Россіей, и въ какую же минуту? Когда въ первый разъ со времяемъ Карла X появилась возможность у насъ союза съ Россіей; когда стала заживать старая рана, личное непріязненное чувство императора Николая противъ Лудовика-Филиппа, и мы могли бы сдѣлаться тѣсными друзьями.“

Дружба эта однако не состоялась, и чрезъ нѣсколько лѣтъ открылась Восточная война. Пальмерстонъ добился-таки своей цѣли, и на этотъ разъ Тьеръ явился уже не разстраивать его лукавые замыслы, а помогать имъ. Хотя въ эту пору онъ уже не былъ совѣтникомъ новаго императора, чуждался его и не вѣдиль въ Елисейскій дворецъ, но вліяніе его на дѣла было сильное. Союзъ Франціи съ Англіей и война противъ Россіи были всегда мечтою Тьера, и потому онъ радовался возникшему пожару и разжигалъ его. По запискамъ Сеніора можно слѣдить, такъ-сказать, изо дня въ день, картину волненія въ умахъ предъ войною и во время Крымской кампаніи. Сеніоръ заботливо записывалъ все сужденія и разговоры по этому предмету умныхъ людей того кружка къ которому онъ принадлежалъ — Тьера, Гизо, Кузена, Ламартина, и многихъ другихъ. Особенно пространны и любопытны бесѣды Сеніора о Крымской войнѣ съ генераламъ Хржоновскимъ, имѣвшимъ немаловажное значеніе въ совѣтахъ предъ войною. Хржонов-

скій. промелъ тридцать лѣтъ въ войнѣ съ Россіей иди за Россію. Онъ началъ свою военную карьеру въ 1811 году въ Наполеоновской арміи, потомъ служилъ въ польской арміи при великомъ князѣ Константинѣ; потомъ, перейдя въ русскую армію, служилъ въ 1828 и 1829 годахъ въ Турецкую кампанію въ штабѣ у Витгенштейна и Дибича; въ 1830 году участвовалъ въ польскомъ возстаніи, а затѣмъ, бѣжавъ изъ Россіи, служилъ врагамъ ея противъ нея. Въ книгѣ Сеніора множество любопытныхъ его разсужденій о ходѣ военныхъ операцій въ Крымскую кампанію и о главныхъ ея дѣятеляхъ съ обѣихъ сторонъ. Россію Хржоновскій ненавидѣлъ, и этимъ чувствомъ окрашены всѣ его сужденія. Во время войны его много разспрашивали о нашей странѣ и разказы его принимались на вѣру. Хржоновскій утверждалъ между прочимъ что всѣ Малороссы—раскольники и считаютъ царя за антихриста. Но Хржоновскій былъ человекъ безспорно умный и опытный въ военномъ дѣлѣ. Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ его отзывовъ по поводу войны въ 1855 году: „Россія всегда выигрываетъ отъ времени, отъ продолженія; страна варварская: потеря людей, трата денегъ для нея значать совсѣмъ не то что для цивилизованнаго края. Въ Россіи покоряются податямъ, конскрипціямъ, реквизиціямъ, опустошеніямъ точно такъ же какъ морову и снѣгу. Грубый капиталъ ея очень скоро возмѣщается и наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, ресурсомъ можетъ служить банкротство. Россію можно ослабить въ дѣйствительности не инымъ чѣмъ какъ раздробленіемъ, а на это средствъ у насъ не хватитъ, не хватитъ мужества, даже не хватитъ духа поставить себѣ такую цѣль.“ Вотъ интересныя рѣчи Хржоновскаго въ опроверженіе Тьерова мнѣнія что походъ Наполеона въ Россію въ самомъ началѣ былъ ошибкой и не могъ имѣть успѣха. „Цѣлю всего похода было у Наполеона не завоеваніе, а устраненіе: это была скорѣе демонстрація нежели серьезная война. Когда Наполеонъ перешелъ Неманъ, русская армія была раздѣлена на два корпуса—Багратиона и Барклая, въ разстояніи отъ миль другъ отъ друга. Задачею ихъ было соединиться; задачею Наполеона—настигнуть ихъ и разбить по одиночкѣ. Что же онъ дѣлаетъ? Посылаетъ Жерома и двѣ только дивизіи съ Даву—загородить дорогу Багратиону, идетъ самъ въ Вильну, оставляемую Барклаемъ, достигаетъ туда въ четыре дня съ открытія кампаніи и сидитъ въ Вильнѣ восемнадцать дней,

ожидавъ отвѣта на предложенія посланныя Александру чрезъ Балашова. Предполагали что это промедленіе было съ цѣлью собрать лошадей, ждать подкрѣпленій, снабдиться провіантомъ. Но силы его въ кавалеріи и въ пѣхотѣ были такъ превосходны что въ четыре дня трудно было ослабить ихъ потерями. Да и не могъ онъ въ восемнадцать дней ремонтировать кавалерію. Въ томъ краю неоткуда было и достать лошадей. А снабжаться провіантомъ армія можетъ всего удобнѣе на ходу, въ странѣ еще не опустошенной, нежели стоя на мѣстѣ. Предложенія были отвергнуты, и Наполеону предстояло обратить демонстрацію въ серьезную войну; но, какъ всегда случается, фальшь первоначальнаго плана отразилась на цѣлой кампаніи. Барклай и Ваграціонъ успѣли соединиться. Наполеонъ, имѣя предъ собою такую армію, не рѣшился расположиться на зимнія квартиры въ Смоленскѣ. Онъ сталъ ихъ преслѣдовать, въ надеждѣ разбить ихъ. Подъ Бородинымъ онъ одержалъ побѣду, но не полную, и не знаю успѣлъ ли бы сдѣлать ее болѣе рѣшительною, когда бы пустилъ въ дѣло гвардію и можетъ-быть лишилъ бы себя резерва. И хотъ съ побѣдою, онъ такъ былъ искалеченъ кровавою битвой, что не могъ продолжать наступленіе со всюю энергіей.

„Пожаръ Москвы не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на судьбу войны, развѣ только въ томъ что возбудилъ національное чувство въ Русскихъ. Когда французская армія расположилась въ Москвѣ, она уже совсѣмъ измѣнила свой характеръ. Изъ дѣйствующей арміи она превратилась въ гарнизонъ и, подобно всякому гарнизону, имѣла предъ собою только три выхода: или покинуть городъ, или получить подкрѣпленіе, или погибнуть отъ голода. Еслибъ она и была обезпечена отъ нападений, она потеряла бы всѣхъ лошадей зимой отъ недостатка корма и на весну оказалась бы совсѣмъ безпомощною. Предположенія Наполеона—зимовать здѣсь или въ Калузь, или идти на Петербургъ въ началѣ зимы съ истощенными войсками, имѣла позади себя Кутузова—вельзя считать серьезными. И онъ очень хорошо зналъ что они не исполнимы. Онъ только имѣлъ въ виду налугать или Русскихъ. Онъ видѣлъ что если Русскіе станутъ держаться, ему придется отступить за Дняпръ и даже за Нѣманъ, а сколько людей онъ выведетъ съ собою за Нѣманъ, 50,000 или никого, это не имѣло для него значенія. Онъ давно привыкъ поа-

гаться на благоприятные сюрпризы судьбы и въ томъ числѣ рассчитывать на примиреніе съ Александромъ. Ему казалось что наружное, притворное упорство его въ концѣ концовъ испугаетъ Русскихъ. Когда нападеніе Кутузова на Мюрата показало ему несбыточность этой надежды, и онъ увидѣлъ что нельзя далѣе пребывать въ бездѣйствіи,—первая мысль его была вступить въ рѣшительную битву съ Кутузовымъ. Но упадокъ духа въ войскахъ и громадность багажа заставили его усомниться въ исходѣ битвы, и онъ рѣшился отступить чрезъ Малоярославецъ къ Смоленску по краю еще не опустошенному. Но ему не удалось укрыться. Кутузовъ встрѣтилъ его, далъ ему яростную битву, онъ былъ разбитъ и принужденъ занять въ тылу оборонительное положеніе.

„Я расположенъ думать что предположенная 'инія отступленія была еще возможна; такъ думалъ и Даву, которому предстояло командовать тыломъ. Но самъ даже Наполеонъ упалъ духомъ. Всѣ надежды какія только возникали въ эту несчастную кампанію оказались ложными. Съ каждымъ усиленіемъ положеніе становилось хуже. Страшное побоище подъ Малоярославецемъ показало намъ какое сопротивленіе придется преодолевать; самого его едва не захватили казаки; онъ потерялъ силу воли; спрашивалъ совѣтовъ вмѣсто того чтобъ отдавать приказанія, и допустилъ быть по мнѣнію большинства, то-есть повергнуть армию въ бездну по той же дорогѣ по которой она вступала. Еслибы Наполеонъ, вмѣсто демонстраціи, имѣлъ въ виду дѣйствительно войну, развѣ бы онъ не употребилъ превосходную громаду силъ съ которую перешелъ Нѣманъ съ одной стороны на Багратиона, для чего онъ могъ располагать четвертымъ, пятымъ, шестымъ, седьмымъ и восьмымъ корпусами, въ 150.000 человекъ; съ другой стороны на Барклай, который непременно былъ бы разбитъ, еслибы двинулся изъ укрѣпленнаго лагеря подъ Дрисою, или былъ бы захваченъ какъ Макъ подъ Ульмомъ, еслибы остался на мѣстѣ? Я не сомнѣваюсь что такъ бы и поступилъ Наполеонъ, еслибы руководствовался чисто военными побужденіями, и думаю вопреки Тьеру что онъ имѣлъ бы успѣхъ. Какъ скоро главныя русскія армии были бы уничтожены, предположивъ даже что собственныя его силы уменьшились бы съ четырехъ сотъ до трехъ сотъ тысячъ, онъ могъ бы со ста тысячами отбросить Тормасова и Чичагова на югъ и съ восьмьюдесятью тысячами

прогнать Витгенштейна на сѣверъ, а съ остальными сто двадцатью тысячами, когда бы счелъ нужнымъ, могъ бы утвердиться въ Москвѣ, предписать оттуда миръ или отступить до зимы за Днѣпръ. Если численное превосходство, искусство и дисциплина, превосходство въ военачальникахъ не могутъ обезпечить успѣха, тогда война становится дѣломъ случая и удачи, а не расчета. На слѣдующую весну Наполеонъ могъ бы двинуться на Петербургъ, или еще того лучше, могъ бы возстановить Польшу. Съ 50.000 французскаго войска и съ лятьюдесятью милліонами субсидіи Польша могла бы противостать Россіи. Польша не была бы для него Исламіей; вся нація поддержала бы его.“

Сеніоръ спрашивалъ, какъ случилось что Багратионъ и Барклай разошлись на сто миль между собою? Неужели разошлись они для того чтобы съ великими усиліями вновь сдѣлаться?

„Отъ того что оба не знали что дѣлали, отвѣчаетъ Хржановскій. Армія на квартирахъ должна расположиться чтобъ облегчить себѣ способы содержанія, но различныя корпуса ея должны быть не далее какъ на день разстоянія отъ общаго центра. Первоначальный планъ Русскихъ былъ нехитрый, имъ сѣдовало не подходить къ границѣ; и думать нечего было устанавливаться въ Дриссѣ. Чѣмъ дальше отъ границы, тѣмъ удобнѣе было избѣгать битвъ и истощать противника, но раздѣливъ свои силы и подступая къ своей границѣ они давали Наполеону способъ разбить ихъ навѣрное. Не дѣлаалъ бы онъ это, когда бъ велъ серьезную войну. Въ Вильнѣ онъ пропустилъ время, а потомъ какъ ни старался поправить ошибку, не могъ уже ничего сдѣлать безъ особенной удачи, которой фортуна ему не представила. Есть въ одной только Россіи обстоятельства которыя придаютъ войнѣ съ этою державой особливый характеръ. Великія силы которыми располагаетъ Россія требуютъ отъ нападающаго противника силы громадной. Суровый климатъ по необходимости прерываетъ военныя операціи и удваиваетъ продолжительность войны, а огромная пространства и недостатокъ путей сообщенія затрудняютъ до крайности содержаніе войска. Въ такихъ обстоятельствахъ можетъ имѣть успѣхъ наладеніе ограниченное известнымъ райономъ, но лишь въ томъ случаѣ когда Русское правительство расположено сдѣлать уступки. А вторженіе полное можетъ разчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если можетъ создать себѣ вспомогательную силу на самой почвѣ Рос-

си. Наполеонъ, по первому вдохновенію своего генія, предположилъ возстановить Польшу и возложить на нее, съ пособіемъ отъ себя, совершеніе того дѣла которое не могъ бы совершить одинъ своими силами; но изъ-за послѣдующихъ политическихъ соображеній онъ впалъ въ ошибки и навлекъ на себя всѣ случившіяся бѣдствія.

„Наполеонъ былъ именно такимъ врагомъ противъ котораго всего услышавъ можно было употребить планъ Кутузова: при Наполеоновской системѣ войны люди его должны были растаять какъ снѣгъ. Онъ постоянно твердилъ что война должна питать войну; одѣвалъ и кормилъ людей своихъ посредствомъ реквизиціи и грабежа; не тратилъ ни копейки на заготовленіе для нихъ провіанта. При такой системѣ только французская армія могла держаться два мѣсяца: всякая другая давно бы разбѣжалась.“

Главное лицо около котораго вращаются разговоры собесѣдниковъ Сеніора—Наполеонъ III: постоянно идетъ рѣчь у людей близко къ нему стоявшихъ о его характерѣ, объ исторіи его, о его политикѣ и домашнихъ отношеніяхъ, о ничтожествѣ выведенныхъ имъ людей. Любопытныя подробности о дѣтствѣ его, о привычкахъ и взглядахъ, о прежней его жизни, рассказываетъ гжа Корню, взрослая при матери своей бывшей *dame de compagnie* у матери Наполеона Гортензійи и потому знавшая его съ дѣтства близко и по дружески.

Самую интересную часть книги составляютъ бесѣды съ Тьеромъ, который постоянно рассказываетъ о дѣлахъ въ коихъ принималъ участіе, описываетъ характеры, высказываетъ мнѣнія о людяхъ и о началахъ управленія. Призваніемъ Тьера была администрація; неутомимая дѣятельность его изумительна. Въ одномъ мѣстѣ, разсуждая о неудачахъ Крымской кампаніи, онъ говоритъ: „Лудовикъ - Наполеонъ страшно запоздалъ и приготовленіями, и распоряженіями. Какъ генерала, его нечего и сравнивать съ Наполеономъ I: еще того менѣе какъ администратора. И самому Наполеону административныя силы измѣнили еще раньше нежели военныя. Въ 1814 году онъ еще бился съ тѣмъ же искусствомъ какъ прежде; но пересталъ управлять попрежнему еще съ 1810 года. Онъ отдавалъ приказанія, но отдавалъ ихъ разъ, уже не слѣдилъ самъ за исполненіемъ. А въ администраціи, давъ приказъ, надобно слѣдить его *à la piste*,—какъ гов-

чая идти по сабду. Приказъ—это рикшетная пуля: сила ея поддерживается отъ прикосновенія прежде чѣмъ она дойдетъ до цѣли. Не недостатокъ въ распоряженіяхъ, а небрежное исполненіе распоряженій,—вотъ что было причиною бѣдствій Испанской и Русской войны. Лудовикъ-Наполеонъ тревожно заботивъ и въ то же время ваялъ (ещуе): будь онъ настоящій администраторъ, не былъ бы ни тѣмъ ни другимъ. Настоящій администраторъ думаетъ исключительно только о дѣлѣ: онъ влюбленъ въ него какъ праздный человѣкъ въ свою любовницу. Тотъ кто, повернувъ ключъ въ своей конторкѣ, говоритъ: я кончилъ сегодня свое дѣло,—тотъ не администраторъ; но и такой человѣкъ еще лучше многихъ присваивающихъ себѣ званіе администратора: есть не мало такихъ что запираютъ конторку не кончивъ на тотъ день своего дѣла. Въ 1840 году, когда у меня на рукахъ были заодно и иностранная дѣла, и приготовленія къ войнѣ, герцогъ Орлеанскій вошелъ однажды ко мнѣ въ комнату и говоритъ: вы думаете что отецъ не любитъ васъ; а вотъ что онъ сказалъ объ васъ сегодня: я въ такой тревогѣ что не могу глазъ сомкнуть, беру двѣ теплыя ванны въ день чтобъ успокоить нервы, а этотъ человѣкъ изумляетъ меня: вся Европа противъ него, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало.“

„Да и я точно также бы боялся какъ онъ, отвѣчалъ я, еслибы было у меня время для этого.“ Именно эта необходимость и неизбежность напряженной дѣятельности даютъ спокойствіе генералу въ то время какъ солдаты въ тревогѣ: ему некогда остановиться чтобы подумать объ опасности. Одинъ мой пріятель Полакъ былъ въ главной квартирѣ у Наполеона въ первый день Лейпцигскаго сраженія. Онъ засталъ его на колыняхъ предъ барабанами на которыхъ разложены были карты; около него солдаты старой гвардіи чистили ружья; отъ времени до времени вокругъ и надъ головами летали пули и ядра; но ни Наполеонъ, ни солдаты не обращали на нихъ вниманія.“

Эти поучительныя слова дополняются слѣдующею картиною дѣятельности Тьера въ 1840 году.

„Когда я былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ въ 1840 году, мнѣ приходилось сидѣть ежедневно по восьми часовъ съ министрами: военнымъ, морскимъ и внутреннимъ дѣлѣ. Я начиналъ всегда съ того что удостовѣрялся въ исполненіи нашихъ послѣднихъ распоряженій: никогда не довѣрялъ однимъ увѣреніямъ въ томъ что все исполнено, если была возможность самому удостовѣриться. Когда говорили что бумаги

отправлены, я требовал расписки от чиновника сдававшего их на почту или курьеру. Когда получались ответы, я требовал их налицо. Выскивалъ безъ милосердія за всякое небреженіе, даже за промедленіе. Я держалъ своихъ товарищей и чиновниковъ за дѣломъ весь день и почти всю ночь. Всѣ мы были совсѣмъ какъ разбитые. Такое напряженіе умственныхъ силъ истощаетъ больше чѣмъ самая тяжелая физическая работа. Ночью прислуга раздѣвала меня, брали меня за плечи и за ноги, клали въ постель, и я лежалъ какъ трутъ до утра. И сны мои, когда случалось, были объ администраціи. Для всего этого человѣку надобно имѣть желѣзную волю, желѣзное тѣло, а главное, и что рѣже всего встречается, надо имѣть совершенное равнодушіе къ тому какъ что кому покажется и что кто будетъ думать: такого человѣка навѣрное возненавидятъ. Есть только одно исключеніе изъ этого правила для военачальника. Хорошаго военного администратора обожаютъ въ войскахъ: люди чувствуютъ что ихъ благосостояніе и самая безопасность зависятъ отъ его попеченія и энергіи: онъ для нихъ живое провидѣніе; но трудъ гражданскаго дѣятеля не виденъ тѣмъ кому приносить пользу. Матросы въ Тулонѣ ничего не знали о томъ что благодаря мнѣ суда были снабжены всѣмъ нужнымъ. Подчиненные не могли не уважать меня, можетъ-быть изумлялись мнѣ, но смотрѣли на меня какъ на суроваго пристава, котораго ничѣмъ не удовлетворишь."

Возвѣтъ этого портрета Тьера какъ администратора можно привести слѣдующій разказъ объ администраціи Ламартина. „Когда Ламартинъ былъ во власти, у него постоянно мѣшались мысли и предположенія относительно задуманныхъ имъ поэмъ и сочиненій съ мыслями и предположеніями по администраціи. Однажды возвращена была отъ него бумага содержащая въ себѣ списокъ новыхъ назначеній въ префекты, и на ней оказалось приписаннымъ рукой Ламартина имя: Давидъ. Въслѣдствіе того чиновники распорядились на другой день опубликовать въ *Мониторъ*, въ числѣ другихъ назначеній, и г. Давида префектомъ. Секретарь Ламартина является къ нему спросить объ адресѣ г. Давида. Ламартинъ пришелъ въ крайнее смущеніе. Дѣйствительно, имя Давида стояло на бумагѣ, но кто такой этотъ Давидъ, въ первую минуту онъ не могъ вспомнить. Наконецъ припомнилъ что просматривая листъ, думалъ объ одной изъ своихъ

Meditations, и ему пришло на мысль вставить въ нее картину относящуюся до царя израильскаго Давида. Пришлось исправлять ошибку, и на слѣдующій день появилось въ *Moniteur* извѣщеніе что такой-то N. N. назначается префектомъ на мѣсто г. Давида, получившаго другое назначеніе (*appelé à d'autres fonctions*).“

Не менѣе любопытны и черты характера Тьера какъ политическаго дѣятеля. Предъ интересомъ національнымъ отступали у него и уничтожались всѣ прочіе интересы, а мысль о національномъ интересѣ соединилась въ его понятіи неразрывно съ мыслью о могуществѣ и преобладаніи. „Франція, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, имѣетъ предъ собою еще цѣлые вѣка, можетъ-быть тысячелѣтія будущности. Если она откажется отъ своего честолюбія, если станетъ думать только о мирѣ и обогащеніи, если уступитъ другимъ первое мѣсто по вліянію и по силѣ оружія и захочетъ только стоять во главѣ литературы, искусства, цивилизаціи, — въ такомъ случаѣ не долго удержитъ за собою и это преимущество. Съ военнымъ и политическимъ преобладаніемъ неразрывно связано и преобладаніе всякаго иного рода. За триста лѣтъ первую державой въ Европѣ была Испанія. Слѣдствіемъ того было что ея литература, обычаи, языкъ—были распространены повсюду и повсюду служили предметомъ подражанія. Она утратила политическое свое могущество, а вмѣстѣ съ нимъ пало всякое иное. Венеція, пока оставалась великою морскою державой, была царицею искусствъ въ Италіи. Переставъ владычествовать на Адриатикѣ, она перестала уже производить Таціановъ. Когда перестанутъ боятся Франціи, перестанутъ и чтить ее и за всю слѣдовать. Когда Парижъ перестанетъ быть адскимъ городомъ (*ville diabolique*), изъ котораго разливаются на всю Европу изверженія всяческаго добра съ еще бо́льшими можетъ-быть изверженіями всяческаго зла, мидамъ Баренкъ уже не въ состояніи будетъ брать съ гжи Сеніоръ и съ гжи Тьеръ тройную цѣну за какой-нибудь уборъ. Мода отлетитъ въ другой уголь, туда гдѣ будетъ власть, и совсѣмъ не на берега Темзы (потому что вы, Англичане, никакъ не будете нашими наследниками), а—на берега Невы.“ Все что служило къ возвеличенію Франціи было въ глазахъ Тьера свято, несмотря ни на какія иныя соображенія. Вотъ что онъ говоритъ Сеніору только что вернувшемуся изъ Рима, въ оправданіе занятія Рима французскими

войскажи. „Не вѣрю ни въ одномъ словѣ тому что вамъ разказывали тамъ въ Римѣ. Ни одному Италіяицу нельзя вѣрить и всего менѣе италіявскому либералу. Неужели вы думаете мы пошли въ Римъ ради Римскаго народа, ради папы, ради католицизма? Ничуть не бывало. Мы пошли — ради Франціи, для того чтобы водрузить французскій флагъ на замкѣ Св. Ангела; для того чтобы поддержать свое право на одну половину Италіи, если Австрія захватила другую. Потерпѣть чтобъ австрійскій орелъ развивался на флагѣ на берегахъ Тибра, развѣ это возможно? Да для того только чтобы помѣшать этому я не задумался бы разорвать сотню конституцій и сотню религій разрушить. Нѣтъ, повторяю вамъ, мы, задумавшіе римскую экспедицію, дѣйствовали какъ государственные люди.“ Выше французскаго онъ не хотѣлъ ничего признавать ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ. „Уступлю вамъ развѣ живопись, говоритъ онъ Сениору: въ живописи мы ничего не значимъ. Но развѣ есть гдѣ готическая архитектура подобная нашей? Гдѣ вы найдете классическій стиль зданія равный нашему фасаду Лувра? Вы мнѣ говорите про фасадъ храма въ Пестумѣ. О, это славный памятникъ, но нельзя ему сравняться съ Лувромъ. А въ литературѣ! Развѣ есть гдѣ краснорѣчіе подобное тому что мы имѣемъ въ Боссюэтѣ? Гдѣ вы найдете такую глубину мысли какъ у Мольера? Какую поэзію вы мнѣ сравните съ Расиновскою? Хоры въ *Эсцири* и въ *Говелии* въ сравненіи со всѣми остальными это все равно что Мадонна Рафаэля въ сравненіи съ Гверчино или Гвидо. Вы понимаете Шекспира. Я не могу сравнивать Расида съ Шекспиромъ, котораго знаю только въ переводѣ; но я ставлю его выше Гомера выше Виргилія, съ которыми онъ имѣетъ много схожаго, — словомъ сказать выше всего что мнѣ извѣстно.“

Эта исключительность національнаго чувства, придававшая такую силу уму и дѣятельности Тьера и въ администраціи, и въ политикѣ, имѣетъ и свою оборотную сторону. Она вовлекла и Тьера въ самоувѣренность, которая была причиною многихъ роковыхъ ошибокъ въ лицахъ правившихъ судьбами Франціи. Съ какою горечью въ 1870 году долженъ былъ Тьеръ вспоминать слова свои записанныя въ 1860 году: „Я не могу понять прусскую систему. Съ 18ти-миліоннаго населенія они берутъ 500.000 солдатъ. Это все равно какъ бы мы стали брать милліонъ со своихъ 36ти милліоновъ. Они

губятъ свои финансы, губятъ промышленность,—и все-таки получаютъ великую, во всякую не годную армію. Я боюсь что Пруссія наканунѣ великаго погрома. Мы же сдѣлали важныя улучшенія въ своей военной системѣ: у насъ каждое дело снабжено амуницией, одеждою, башмаками въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и этотъ запасъ постоянно пополняется и содержится въ готовности.“

Въ заключеніе выписокъ приведемъ еще не лишенный интереса отзывъ восточнаго человѣка о жизни въ цивилизованной средѣ большого города. Говоритъ Ахмедъ-Вефикъ, турецкій посолъ въ Парижѣ: „Не жалуясь на климатъ: я только три мѣсяца живу здѣсь и не успѣлъ вполнѣ испытать его. Но не могу не пожаловаться на здѣшній образъ жизни. Меня тяготятъ не официальные дѣла моей должности—они не трудны, у Турціи дѣлъ не много, — но тяжелы повинности общественныя. Сегодня поутру я долженъ былъ написать пятнадцать записокъ все о пустякахъ. Въ Турціи жизнь непринужденная—sans gêne; приходитъ къ вамъ кто-нибудь—не оставляетъ визитной карточки; присылаютъ вамъ букетъ—не ожидаютъ письменнаго отвѣта съ благодарностью; приглашаютъ васъ — тоже не ждутъ отвѣта. Нѣтъ такихъ приглашеній и обѣщаній которыя надо помнить и соблюдать за двѣ недѣли впередъ. Хотите видѣться съ пріятелемъ—вы знаете что онъ обѣдаетъ на закатѣ солнца; вы садитесь въ кайкъ и тихо лывете къ нему, любясь прелестьѣйшими въ свѣтѣ видами. Находите его въ саду, берете чубукъ, курите, хотите говорить, хотите — нѣтъ; обѣдаете съ нимъ и возвращаетесь домой. Хотите видѣть министра — идете къ нему въ присутствіе; никто васъ не останавливаетъ, никто не докладываетъ; вы поднимаете занавѣсъ, входите къ нему въ кабинетъ, садитесь возле него на диванѣ, закуриваете трубку, говорите что вамъ нужно, получаете отвѣтъ и оканчиваете дѣло въ половину того времени которое здѣсь приходится ждать въ приемной. Нѣтъ одѣванья ни къ обѣду, ни на вечера, да вечернихъ приглашеній и не бываетъ совсѣмъ. Писемъ не приходится получать, ни отвѣчать на письма. Нечего помнить о почтовомъ часѣ, да и почты никакой нѣтъ. Жизнь дѣтся тихо, скользятъ безо всякаго замѣшательства. А здѣсь все смущается, всѣ мѣшаетъ. Всякое наслажденіе уничтожается формами, церемоніями, хитрыми и сложными правилами, а должно-быть ихъ и придумывали для того чтобъ усилить или сохранить наслажденіе.“

IV.

Жизнь и эпоха Штейна, или Германия и Пруссия при Наполеоне, соч. Силли (*Life and Times of Stein*, by Seeley. Cambridge. 1878. 3. vis).

Появившаяся подъ этимъ заглавіемъ книга принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній англійской литературы въ прошломъ году и встрѣчена похвалами не только въ Англіи, но и въ Германіи. Для русскаго читателя она весьма интересна, какъ живой разказъ объ эпохѣ столь знаменательной въ русской исторіи. Извѣстно что имя Штейна неразрывно связано съ исторіей Отечественнаго войны и съ именемъ императора Александра I.

Для Англичанъ многое въ этой книгѣ было новостью, ибо въ Англіи не многое было извѣстно о фактахъ внутренней исторіи Прусскаго государства въ годину Наполеоновскаго владычества. Германская литература богата сочиненіями объ этомъ предметѣ. Жизнь Штейна давно уже написана Пертцемъ, но громадное сочиненіе Пертца въ одиннадцати томахъ составлено все изъ матеріаловъ и съ трудомъ читается. То же отчасти сѣдуетъ сказать и о недавно появившихся запискахъ Горденберга, въ изданіи Ранке. Такимъ образомъ книга Силли для самихъ Нѣмцевъ весьма интересна, потому что представляетъ въ первый разъ связанный и цѣльный разказъ о Штейнѣ и прусской исторіи его времени въ изящномъ изложеніи художника.

Дѣйствительно, характеръ Штейна таковъ что требуетъ мастерской руки для анализа и описанія: въ немъ есть нѣчто античное, цѣльное: а въ виду современныхъ событій личность Штейна пріобрѣтаетъ особый интересъ, такъ какъ Штейнъ былъ по истинѣ *камень* на которомъ воздвигнуто зданіе единой Германіи. Онъ былъ лоборникомъ идеи германскаго единства въ ту пору когда идея эта таилась еще въ смутномъ сознаніи лучшихъ людей, когда никто не смѣлъ явно признать себя въ общественной дѣятельности германскимъ патріотомъ. Во имя этой идеи боролся Штейнъ и со внѣшними и со внутренними ея врагами, тѣми князьями и принцами германскихъ государствъ и тѣми правителями страны своей, которые позорили себя служеніемъ врагу страны

своей, ради узкихъ интересовъ или ради матеріальнаго покая и вѣга.

Исторія этой борьбы крайне поучительна, и авторъ мастерски обрисовалъ ее. Въ особенности любопытна въ разказѣ его картина первой борьбы Штейна съ министерствомъ короля Фридриха-Вильгельма III въ 1804 году и съ самимъ королемъ, человекомъ добрымъ, честнымъ, благонамѣреннымъ, но слабымъ, робкимъ, безхарактернымъ, неспособнымъ выбиться изъ старой рутины спокойнаго управленія. Государственная машина давно была въ полномъ разладѣ и бездѣйствіи, и Штейнъ ясно предвидѣлъ приближавшуюся катастрофу Прусской монархіи въ ту пору когда его въ первый разъ назначили министромъ въ 1804 году. Можно было отворотить бѣду только яснымъ сознаніемъ причинъ ея, реформою управленія, рѣшительною перемѣною людей. Но король не хотѣлъ ни на что рѣшиться. Министры его сами по себѣ были люди ничтожныя, но и въ ихъ дѣятельности не было ни малѣйшаго единства; они были только исполнителями разнорѣчивыхъ приказаній, исходившихъ изъ тѣснаго кружка людей составлявшихъ придворный совѣтъ короля и дружескую его компанію: ихъ однихъ король видѣлъ, ихъ однихъ слушалъ, а они продавали первые интересы государства. Штейнъ не могъ править съ помощью такихъ людей, и прямо объявилъ это въ *Запискѣ*, содержавшей характеристику королевскихъ любимцевъ и которую онъ представлялъ королю.

Въ этой *Запискѣ*, которая въ первый разъ была напечатана у Ранке, въ вышедшихъ недавно мемуарахъ Гарденберга, Штейнъ разбираетъ основное зло тогдашняго прусскаго управленія. Великій организаторъ прусскаго управленія, король Фридрихъ-Вильгельмъ I, учредилъ генеральную директорію, въ которой сосредоточивалось управленіе внутренними дѣлами, и кабинетъ составленный изъ довѣренныхъ при королѣ лицъ и занимавшій преимущественно дѣлами вѣдшей политики. Фридрихъ Великій, неутомимый воитель и администраторъ, самъ руководилъ всѣмъ, и хотя центръ правленія находился по тогдашнему времени въ области вѣдшей политики, члены кабинета не могли однако имѣть преобладающаго вліянія на дѣла. При Фридрихъ-Вильгельмѣ III, честномъ, но слабомъ государѣ, члены кабинета получили преобладающее значеніе; министры остались безо всѣхъ

каго значенія въ совѣтъ короля и между собою не составляли совѣта, такъ что направленіе дѣлъ отъ нихъ не зависѣло и не было единства воли и рѣшенія. На это именно зло Штейнъ и указывалъ въ своей знаменитой *Запискѣ*, со всею рѣшительностью и смѣлостью честнаго гражданина. „Молчать невозможно, писалъ онъ, въ такую пору когда угрожаетъ опасность самой національной независимости и источникамъ народнаго богатства, когда вся нація проникнута горькимъ чувствомъ униженія.“ На министрахъ лежало исполненіе, но въ рѣшеніи они почти вовсе не имѣли участія, а къ обсужденію принимаемыхъ мѣръ ихъ не призывали. Оно находилось въ рукахъ у членовъ кабинета, не имѣвшихъ вовсе практическаго знанія дѣлъ: и когда они совѣщались, то безо всякаго сознанія ответственности за исполненіе, которое не на нихъ лежало. Притомъ, составляя изъ себя придворную партію, дѣйствовавшую и разсуждавшую въ тайнѣ, они поступали самовадно, прикрывая себя королевою волей. Кабинетъ состоялъ изъ двухъ членовъ—Бейна и Ломбарда, въ соединеніи съ ними и въ зависимости отъ нихъ были — министръ графъ Гаугвицъ и другъ короля генералъ Бекерлицъ. Характеристика этихъ лицъ, помѣщенная въ той же *Запискѣ* Штейна, поразительна. Кромѣ благонамѣреннаго, но безхарактернаго, самоувѣреннаго и невѣжественнаго Бейна, всѣ остальные были пустые или вовсе распутные люди: Ломбардъ, легкаго французскаго образованія, человѣкъ разслабленный физически и нравственно, логрязшій въ оргіяхъ и въ интригахъ. Гаугвицъ, начавшій свою карьеру въ кружкѣ теософовъ и спиритуалистовъ школы Лафатера и довершившій ее въ распутныхъ придворныхъ обществахъ мнущаго царствованія, безстыдный лжецъ и хвастунъ. Бекерлицъ—невѣжественный и пошлый болтушъ и лустомель. Вотъ въ какихъ рукахъ были судьбы Пруссіи наканунѣ Іевской катастрофы. Удивительно ли что всѣ благоразумные патріоты были въ страхѣ и отчаяніи. Дѣло доходило до того что три принца, братья короля Вильгельма, совокуливъ съ извѣстными генералами Рюхелемъ и Фулемъ и со Штейномъ, представили королю общую записку, въ которой умоляли его, въ виду всеобщаго недовольства и страшноты опасности, переимѣнить своихъ совѣтниковъ и прежде всего уволить Гаугвица, Бейна и Ломбарда. Но эта записка возбудила въ королѣ только гнѣвъ и осталась безъ послѣдствій. Позднѣе,

когда, въ виду надвигавшейся грозы, король предложил Штейну мѣсто въ министерствѣ, Штейнъ счелъ невозможнымъ дѣйствовать въ соединеніи съ людьми отъ которыхъ не могъ ждать ничего добраго, и это повело къ его паденію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обстоятельства вынудили короля вновь призвать Штейна и облечь его властью перваго министра. Къ этому періоду относятся знаменательныя для Пруссіи внутреннія реформы проведенныя Штейномъ. Этотъ періодъ закончился изгнаніемъ Штейна изъ Пруссіи по волю всепильнаго Наполеона. Затѣмъ, съ переѣздомъ Штейна въ Россію, въ началѣ Отечественной войны, начинается третій, важнѣйшій періодъ его дѣятельности, когда онъ вопреки слабой волѣ короля, вопреки малодушію государей и принцевъ Германіи, оставшихъ слугами Наполеона и отъ него члавшихъ себѣ милости и власти,—сталъ освобождать Германію изъ Россіи, съ помощью Русскаго императора, при коемъ состоялъ, одушевляя его и отъ него одушевляясь. О германскихъ принцахъ Штейнъ былъ не высокаго мнѣнія; они лаяли ему ненавистью. Въ книгѣ Силаи приведенъ со словъ Уварова слѣдующій разказъ. Въ Петербургѣ, на правдикѣ по случаю изгнанія Французовъ изъ Россіи, вдовствующая императрица оказала: „Теперь, если хоть одному французскому солдату удастся спастись за границу Германіи, мнѣ стыдно будетъ за своихъ соотечественниковъ по крови, Нѣмцевъ.“ При этихъ словахъ Штейнъ весь вспыхнулъ и не вытерпѣлъ. „Ваше величество, сказалъ онъ,—справедливо ли такъ выражаться о великомъ, вѣрномъ, храбромъ народѣ, къ которому вы принадлежите по рожденію? Не вѣрнѣ ли было бы сказать: мнѣ стыдно будетъ не за Германскій народъ, а за моихъ братьевъ, за германскихъ принцевъ. Я видѣлъ какъ все дѣло было: народъ не за что укорять, но вы не умѣли какъ обращаться съ народомъ. Когда бы германскіе короли и принцы исполнили свой долгъ, ни одинъ Французъ не перешелъ бы за Эльбу, за Одеръ и за Вислу, тѣмъ менѣе за Нѣманъ.“ Императрица, прибавляетъ Уваровъ, отозвалась такъ: „Можетъ-быть вы и правы, баронъ; а за урокъ благодарю васъ.“

Насколько вооруженъ онъ былъ противъ принцевъ разединенной и униженной Германіи, за ихъ своекорыстіе въ виду общаго врага цѣлой націи, настолько любилъ и уважалъ императора Александра, котораго узнавалъ близко въ періодъ

великой борьбы; въ немъ одномъ находилъ онъ опору для своихъ патриотическихъ цѣлей и твердое сознаніе долга посреди борьбы. Имя Александра выставлялъ онъ всегда впередъ, когда обращался къ Германіи въ эту эпоху, и когда узналъ въ своемъ удивленіи о кончинѣ его, плакалъ горько, что рѣдко съ нимъ случалось. Но и ему онъ не уступалъ ни въ чемъ что касалось германскихъ интересовъ. Отъ имени Александра вступилъ онъ изъ предѣловъ Россіи на германскую почву, и въ то время когда Пруссія не рѣшалась еще объявить себя союзницей Русскаго государя противъ бѣжавшаго изъ Россіи Наполеона, Штейнъ, не справляясь съ волею Прусскаго короля, принялъ отъ имени Александра въ свое управленіе Восточную Пруссію и подавалъ весь край противъ Французовъ. Этого не могло забыть Прусское правительство и по освобожденіи Германіи. По окончаніи войны Штейну, хотя окруженному общимъ уваженіемъ, не хотѣли дать важнаго назначенія въ государственномъ управленіи.

Князь и вельможи германскіе привыкли соединять понятіе о консерватизмѣ съ подчиненіемъ власти Наполеона, поборовшаго гидру революціи. Велѣдствіе того и Штейна причисляли къ революціонерамъ, къ борборникамъ демократическихъ началъ. Но въ сущности никто болѣе Штейна не имѣлъ правъ на званіе охранителя. Онъ ненавидѣлъ французскую революцію и считалъ начала ея ложными и губельными. Но видя всю неаѣлость внутренняго управленія своей страны, ничтожество правителей, господство своекорыстія и лощаости, отсутствіе всякаго патриотизма и сознанія долга въ князьяхъ земан своей, онъ не могъ пожертвовать ихъ личнымъ интересамъ интересами страны и народа и громко вопіялъ предъ самими правителями о ихъ беззаконіи. Онъ видѣлъ что нельзя бороться за независимость страны и за единство Германіи, не имѣя внутренней силы, а сила эта вся погибала отъ дурнаго управленія, отъ дурныхъ порядковъ, отъ сословной исключительности. Онъ требовалъ реформъ въ учрежденіяхъ, отмены крѣпостнаго права, лучшаго устройства администраціи и войска, уничтоженія лишнихъ сословныхъ привилегій,—и его реформамъ Пруссія обязана тѣмъ что выросла въ нынѣшнюю силу свою.

Въ парламентаризмъ Штейнъ не имѣлъ вѣры и если стремился ввести въ Пруссіи представительныя учрежденія, это

происходило отъ того что онъ видѣлъ въ нихъ единственное средство избѣжать азвы бюрократическаго управленія, утвердить законодательство на почвѣ жизни и практики и установить единство котораго не было въ правленіи. Штейнъ не могъ видѣть безъ скорби и негодованія что правленіе страны его находится въ рукахъ неспособныхъ бюрократовъ, не знающихъ потребностей страны. Въ удаленіи отъ двѣхъ послѣ 1815 года онъ скорбѣлъ о продолженіи той же системы. „Что сказать вамъ о современныхъ событіяхъ? писалъ онъ въ 1821 году Гагерну. Скажу только что я мало имѣю довѣрія къ тѣмъ кто управляетъ ими и вѣрю только въ пути Провидѣнія. Ничего не ожидаю даже отъ конституціи, пока дѣйствию реформъ будутъ мѣшать придворные совѣтники, и пока нами управлять будутъ чиновники на жалованьи, книжные мудрецы безъ прямого интереса и безъ собственности. *На жалованьи*: это означаетъ стремленіе поддерживать и увеличивать число людей получающихъ содержаніе отъ государства; *книжные мудрецы*,—значитъ люди живущіе въ мірѣ словъ и фразъ, а не въ мірѣ дѣйствительности; *безъ живыхъ интересовъ*,—ибо нѣтъ у нихъ живой связи ни съ однимъ изъ сословій составляющихъ государство, но сами они составляютъ касту,—касту бумагописателей; *безъ собственности*,—это значитъ что ихъ не трогаетъ, не касается до нихъ всякое видоизмѣненіе въ собственности: имъ нѣтъ дѣла до того, дождь идетъ или солнце свѣтитъ, прибавляются подати или уменьшаются, остаются въ силѣ вѣковыя старыя права, или уничтожаются, нѣтъ дѣла до того что крестьяне превращаются въ силу теоріи въ наемныхъ работниковъ и вмѣсто крѣпостнаго права владѣльцевъ устанавливается крѣпостное право Жидовъ и ростовщиковъ. Все это для нихъ не имѣетъ значенія, покуда они тянутъ свои оклады изъ казны, сидятъ и продолжаютъ писать, писать и писать, воспитывая дѣтей своихъ къ тому же званію пишущей машины!“

Изъ Русскихъ людей особенно близки были къ Штейну и пользовались любовью его и уваженіемъ—князь Кочубей и Н. Тургеневъ. Обоихъ онъ цѣнилъ высоко. У Пертца есть разказъ о встрѣчѣ Штейна въ Нассау съ графомъ Головкинымъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи послѣ суда надъ декабристами. Люба Тургенева, Штейнъ интересовался особенно вопросомъ объ участіи его въ заговорѣ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ Тургеневъ виноватъ? спрашивалъ Штейнъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Головкинъ, — этого нельзя сказать чтобъ онъ былъ преступникомъ: онъ принадлежалъ только къ числу недовольныхъ.

— Въ такомъ случаѣ какъ же могло случиться что вы при судили его?

— Я долженъ сказать, отвѣчалъ Головкинъ, — что мы не придавали этому серьезнаго значенія, такъ какъ Тургеневъ былъ за границей и въ безопасности.

Штейнъ былъ пораженъ такимъ отвѣтомъ; онъ нахмурился, заложилъ руки за спину, посмотрѣвъ Головкину прямо въ глаза, и заговоривъ: „фу! фу! — графъ, фу! фу!“ принялся ходить по комнатѣ большими шагами.

Любопытная книга о Штейнѣ, дорого стоющая въ Лондонскомъ изданіи, появилась недавно въ дешевомъ Лейпцигскомъ изданіи Таухница.

V.

Къ литературѣ о Мольерѣ. Съ апрѣля настоящаго года архивариусъ парижскаго *Théâtre Français*, Жоржъ Монваль, издаетъ особое обозрѣніе *Le Moliériste* (Paris, 1879) исключительно посвященное Мольеру. Изданіе это имѣетъ цѣлю собирать всѣ матеріалы касающіеся Мольера, соединять въ себѣ всѣ свѣдѣнія необходимыя для ученыхъ, для собирателей, для библиографовъ и т. д., перепечатывать важные и трудно доступные документы, сообщать разъясненія о различныхъ вопросахъ касающихся біографіи Мольера и близкихъ къ нему лицъ, вести хронику французской и иностранной литературы о Мольерѣ. Въ настоящее время вышло уже нѣсколько тетрадей этого изданія, печатаемаго такъ называемымъ „эльзевировскимъ“ шрифтомъ на особой бумагѣ. Съ появленіемъ этого спеціальнаго сборника удастся, быть-можетъ, найти наконецъ хотя бы нѣсколько строкъ написанныхъ рукою Мольера: должны же гдѣ-нибудь отыскаться подлинныя рукописи великаго французскаго писателя, по крайней мѣрѣ хотя бы какаѣ-нибудь изъ нихъ. Какъ извѣстно, Мольеръ находился въ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ наиболее извѣстнымъ и знаменитымъ людямъ

своего времени, къ Буало, Лафонтену, Ламуаньону, Нивонѣ де-Ланкло и т. д.; онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дворомъ, съ придворными, съ артистами; очевидно, сѣдовѣтельно, что ему приходилось вести дѣятельную и большую переписку, а между тѣмъ не сохранилось ни одной строки какого-либо его письма, ни одной строки какой-либо его рукописи. До насъ дошли лишь нѣсколько подписей его фамиліи, которыя разыскали въ старыхъ актахъ и церковныхъ книгахъ. Вопросу объ автографахъ Мольера и объ ихъ розысканіи посвящена книга: *Molière et les registres civils*, par Moulin; Арсеній Гуссъ издалъ сочиненіе объ актрисахъ Мольера (Arsène Houssaye: *Les comédiennes de Molière*, Paris, 1879, Dentu); къ книгѣ этой въ первый разъ приложены портреты артистокъ Мольеровской труппы. Другую новость въ литературѣ о Мольерѣ составляетъ книга *Molière en Province*, par Benjamin Pifteau, Paris, 1879.

Въ смыслѣ куріоза заслуживаетъ еще упоминанія появившееся во Франціи (въ Лиможѣ) особое изданіе Мольера для ювоншества, *Molière corrigé pour jeunes gens*, par Baji. Въ изданіе это вошли: *Le Medecin malgré lui*, *Le Mariage forcé*, *Le Malade imaginaire*, *L'Amour medecin*, *Le Bourgeois gentilhomme*, *L'Avare*, *Les Fourberies de Scapin* и *M. de Pourceaugnac*. Мы встрѣчаемъ во французскихъ журналахъ куріозныя подробности объ искаженіяхъ совершенныхъ здѣсь надъ текстомъ Мольера. Всѣ женскія роли вылущены, и женщины вездѣ замѣнены мушкетерами. Такъ, напримѣръ, въ *Мнимомъ Больномъ* Анжелина превращена въ Анжело; Белдина, жена Аргана, становится господиномъ Белдиномъ, „управляющимъ“ Аргана; служанка Гуанетта дѣлается слугою Гуанэ. Такимъ же образомъ въ остальныхъ пьесахъ Юлія дѣлается Юліемъ, Нерина—Нериномъ и т. д. Повсемѣстная замѣна женщинъ мушкетерами очевидно должна была повлечь за собою значительныя измѣненія въ самыхъ пьесахъ. Пурсоньякъ становится, на примѣръ, *управителемъ* который долженъ поступить къ Орвату вмѣсто Эраста, желающаго, также занять эту должность; въ комедіи *Скупой* Гарпагонъ ссорится со своимъ сыномъ Клеавтомъ изъ-за того что послѣдній не хочетъ поступить аптекаремъ къ доктору Диафорусу; въ *Мнимомъ Больномъ* Арганъ точно также принуждаетъ своего сына Анжело сдѣлаться аптекаремъ; въ комедіи *Le Medecin malgré lui* „Люсьель“ притворяется нѣмымъ, потому что махиха *застав-*

даетъ его поступить въ военную службу. Заглавіе *L'Amour medecin* пзмѣнено въ *l'Amitié medecin*; *Le Mariage forcé* называется *La Candidature forcée* (!); Станарель разказываетъ своему другу Джеронимо что онъ хочетъ выступить кандидатомъ при выборахъ, и т. д., и т. д.

Интересующіеся знать сужденіе Англичанъ о Мольерѣ могутъ найти отзывы наиболее выдающихся англійскихъ писателей собранными въ книгѣ Гумберта: *England's Urtheil über Molière*. Отзывъ ихъ оказывается въ пользу Мольера, котораго Англичане сравниваютъ съ Шекспиромъ. „Мольеръ,“ писалъ Шелли, „обладалъ тѣмъ энтузіазмомъ къ искусству который характеризуетъ истинныхъ гениевъ. Подобно Шекспиру Мольеръ держалъ зеркало предъ лицомъ природы; едва ли найдется въ какомъ-либо изъ его произведеній какая-либо черта или какое-либо слово которыя не восхищали бы насъ какъ отзывъ дѣйствительной жизни. Сочиненія его составляютъ сокровище для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ.“ Вальтеръ-Скоттъ напечаталъ въ 1828 году „опытъ“ о жизни и сочиненіяхъ Мольера, котораго онъ считаетъ „даремъ всѣхъ комическихъ поэтовъ“. Булверъ называетъ Мольера „поэтомъ всѣхъ временъ и народовъ“; Уатсонъ, профессоръ Кембриджскаго университета, ставитъ на одинъ уровень Гомера, Шекспира и Мольера; Свинбурнъ, говоря о Конгревѣ (его называютъ *англійскимъ Теренціемъ*), утверждаетъ что одной пьесы Конгрева достаточно было бы чтобы создать Шеридана, а одной пьесы Мольера достаточно чтобы создать самого Конгрева; Исаакъ Дизраэли, отецъ англійскаго министра, называетъ Мольера „могущественнымъ, творческимъ, изумительнымъ гениемъ“ и т. д.

Русскія былины разказанныя на нѣмецкомъ языкѣ. (Wilhelm Wolener *Untersuchungen ueber die Volksepik der Russen*, Leipzig, Engelmann, 1879 года). Сколько намъ извѣстно, книга Вольера представляетъ первый опытъ передачи на нѣмецкомъ языкѣ содержанія цѣлаго ряда русскихъ былинъ въ связномъ разказѣ. Нѣмецкіе читатели, давно уже знакомые по образцовому переводу съ эпическихкими произведеніями всѣхъ народовъ и эпохъ, должны,

какъ намъ кажется, съ особеннымъ интересомъ встрѣтять разказанныя имъ теперь русскія быльи объ Иавѣ Муромцѣ, Алешѣ Половичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Ставрѣ Годировичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ и другихъ русскихъ богатыряхъ, быльи занимающія въ видѣ приложения большую половину всей книги Вольвера. Съ немальшимъ любопытствомъ прочитается вѣроятно въ Германіи *введение* предпосланное авторомъ своему изслѣдованію и заключающее очень живо написанную исторію собранія русскихъ быливъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, изложеніе характеристическихъ особенностей этихъ быливъ (эпитеты, параллелизмъ), обзоръ иностранныхъ сочиненій о русскихъ былинахъ, изложеніе взглядовъ и мнѣній русскихъ ученыхъ на происхожденіе русскаго героическаго эпоса. Между этимъ *введеніемъ* и пересказомъ памятниковъ авторъ помѣщаетъ четыре главы изслѣдованія о *матеріалѣ великорусскаго народнаго эпоса*. Предоставляя специалистамъ сужденіе о правильности доказательствъ и выводовъ Вольвера, мы только укажемъ здѣсь въ немногихъ словахъ содержаніе тѣхъ главъ къ которымъ приходитъ вѣнецкій авторъ.

„Большинство русскихъ ученыхъ занимавшихся изслѣдованіемъ быливъ,“ говоритъ Вольверъ, „видитъ въ нихъ историческія глѣсны въ которыхъ Русскій народъ воспѣвалъ отдѣльныя формы своего развитія, насколько онѣ становились доступными его сознанію. Такой взглядъ совершенно правиленъ по отношенію къ былинамъ касающимся Ивана Грознаго и послѣдующихъ русскихъ правителей до Петра Великаго и даже Александра I; онъ ложенъ по отношенію къ былинамъ Киевскаго и Новгородскаго цикла. Эти послѣднія быльи, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящей формѣ, не имѣютъ ничего историческаго. Ихъ собственно даже нельзя назвать эпосами. Форма ихъ, точно такъ же какъ и у позднѣйшихъ быливъ, совершенно эпическая, но содержаніе ихъ есть не что иное какъ сказка, дѣйствующія лица которой носятъ болѣе или менѣе историческія имена.“ Подтвердивъ это положеніе анализомъ трехъ глѣсекъ о *Добрынь Никитичѣ*, авторъ переходитъ къ сказаніямъ о „старшихъ богатыряхъ“ и выводитъ изъ разсмотрѣнія ихъ слѣдующее заключеніе: „*Старшіе богатыри* представляютъ совершенно произвольно составленный отдѣлъ быливъ, фактически не существующій въ народномъ сознаніи.“

Изложение содержания бывших сделано Вольнеромъ по сборникамъ Рыбникова, Кирѣевского и Гильфердинга. Авторъ знакомитъ своихъ читателей съ лучшими русскими источниками по занимающей его специальности и цитуетъ по страницамъ сочиненія гг. Буслаева, Безсонова, Аванасьева, Ореста Миллера, Пылина, Тихомирова, Веселовскаго, Соловьева, Матѣева, Кирличникова. Въ числѣ иностранныхъ сочиненій о русскомъ языкѣ Вольнеръ упоминаетъ, между прочимъ, метрической нѣмецкой переводъ двухъ русскихъ языковъ сдѣланный гжой Евреиновой (въ Гейдельбергѣ) и помѣщенный въ *Архивъ* Геррига. Какъ образецъ неточности этого перевода, авторъ приводитъ слѣдующее курioзное мѣсто:

Илья разказалъ имъ,
Какъ приходили калѣки перекожие,
Попали его питьемъ медвянымъ.

Гжа Евреинова переводитъ по-нѣмецки:

Und da erzählte Ija
Dass bei ihm waren Krüppel zwei
Die ihm gereicht ein Bär-Getränk.

„Слѣдуетъ сказать: tränkten ihn mit *honig-wissem Getränk*, ибо слово *медвяный* происходитъ отъ *меда*, а не отъ *медведя*,” совершенно основательно поправляетъ *Вильгельмъ Вольнеръ* гжу *Евреинкову*.

Новое иллюстрированное изданіе сочиненій Шиллера (*Schillers Werke*, mit 600 Illustrationen, herausgegeben von Prof. Dr. I. G. Fischer. Stuttgart und Leipzig. Hallberger. Томы I, II, III). Невольная досада и грусть овлаждаетъ русскимъ читателемъ когда онъ, глядя на роскошные изданія сочиненій иностранныхъ писателей, вспоминаетъ о полномъ отсутствіи чего-либо подобнаго по отношенію къ русскимъ авторамъ. За исключеніемъ отдѣльных рисунковъ графа Толстаго къ *Душенькѣ* Богдановича, нѣсколькихъ [выпусковъ рисунковъ къ повѣстямъ Гоголя (изданіе Голяшкина), весьма неудачнаго по мысли иллюстрированнаго изданія басней Крымова, и нѣсколькихъ томовъ роскошнаго Гротовскаго изданія Державина мы не могли бы указать ни на одну серьезную попытку иллюстрированнаго изданія полного собранія сочиненій какого-

либо изъ лучшихъ нашихъ писателей. Мы не только не имѣемъ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданій Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, Жуковскаго, Тургенева, Толстаго, но даже находимся иногда въ невозможности или затрудненіи получить хотя бы какое-нибудь изданіе тѣхъ произведеній которыя должны бы находиться въ библіотекѣ каждаго русскаго человѣка. А между тѣмъ за примѣрами во всѣхъ отношеніяхъ образцовыхъ изданій знаменитыхъ иностранныхъ писателей вѣтъ недостатка, особенно за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ. Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ иллюстрированныхъ сочиненій Шиллера въ изданіи Гальбергеръ, и мы пользуемся случаемъ чтобъ обратить вниманіе читателей на это превосходное предпріятіе, имѣющее громадныя успѣхъ въ Германіи.

Гальбергеръ, извѣстный издатель иллюстрированнаго журнала *Ueber Land und Meer*; цѣлаго ряда другихъ иллюстрированныхъ изданій и даже музыкальныхъ сочиненій (его собраніе сочиненій Бетховена, Моцарта, Гайдна и Клементи пользуется большою популярностію), предпринялъ въ концѣ 1877 года иллюстрированное изданіе сочиненій Шиллера, такъ-называемое *édition de luxe*. Огромное количество всевозможныхъ изданій Шиллера, съ рисунками и безъ рисунковъ, всѣхъ форматовъ и всѣхъ цѣвъ, по видимому не должно было представлять благоприятныхъ условій для успѣха новаго предпріятія. случилось наоборотъ. Не уменьшая значенія и достоинства существующихъ уже изданій, Гальбергеръ сумѣлъ создать нѣчто совершенно новое, нѣчто стоящее въ всякой конкуренціи со всѣмъ остальнымъ, и каждый любитель литературы, каждый охотникъ до изящныхъ изданій, каждый собиратель гравюръ и рисунковъ невольно становится пріобрѣтателемъ этой книги. При сравнительно чрезвычайно умѣренной цѣвѣ (даже при курсовой цѣвѣ 60 коп. сер. за одну нѣмецкую марку каждый томъ въ роскошномъ переплетѣ стѣитъ только *шесть рублей* на наши деньги), новое изданіе Шиллера представляетъ такую роскошь въ отношеніи къ бумагѣ, печати, типографскимъ украшеніямъ и иллюстраціямъ, какую мы привыкли до настоящаго времени встрѣчать лишь въ книгахъ совершенно недоступныхъ для огромнаго большинства людей со скромными средствами. Но этого мало. Чтобъ еще болѣе облегчить пріобрѣтеніе, издатель допускаетъ отдѣльную покупку каждаго

тома и, кромѣ того, полученіе издавія выпусками. Въ составъ перваго тома вошли *стихотворенія* и три драмы: *Разбойники*, *Заговоръ Фіаске*, *Коварство и Любовь*; число иллюстрацій простирается до *трехсотъ*. Во второмъ помѣщены: *Донъ-Карлосъ*, *Мизантропъ*, *Валленштейнъ*, *Марія Стюартъ*, *Орлеанская Дѣва*, *Мессинская Невѣста*; соответственно большей серіозности содержанія рисунки представляютъ здѣсь характеръ большихъ законченныхъ картинъ и сценъ; число ихъ *свыше полтора ста*. Наконецъ третій, только что вышедшій томъ, заключаетъ въ себѣ: *Вильгельма Телля*, *Ифигенію въ Авлидѣ*, *Сцены изъ Финикійнокъ Еврипида*, *Макбета*, *Принцессу Турандотъ*, *Племянника въ роли дяди*, *Федру*, *неоконченныя драматическія сочиненія* и *нѣкоторыя изъ прозаическіихъ сочиненій Шиллера*; число рисунковъ—около *двухсотъ*. Рисунки принадлежатъ карандашу лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ; достаточно назвать въ числѣ ихъ имена: *Пилоти*, *Макса*, *Фольца*, *Германа Каульбаха*, *Кампеаузена*, *Доссова* и т. д.

Когда же мы дождемся чего-нибудь подобающаго по отношенію къ нашимъ роднымъ писателямъ?

Къ *литературѣ о Рихардѣ Вагнерѣ*. Кому неизвѣстно что знаменитый нѣмецкій композиторъ Рихардъ Вагнеръ является реформаторомъ не только въ области оперы, но и въ области драмы вообще? Онъ не только сочиняетъ музыку, но самъ пишетъ тексты къ своимъ музыкальнымъ драмамъ, и тексты эти представляютъ такъ много своеобразнаго и страннаго въ языкѣ что почитатели нѣмецкаго маэстро считаютъ необходимымъ издавать на нихъ толкованія. Литература о Вагнерѣ разрослась уже въ настоящее время до весьма почтенныхъ размѣровъ. Одно изъ новѣйшихъ ея явленій составляетъ книга Эдмунда фонъ-Гагена озаглавленная: „Рихардъ Вагнеръ какъ поэтъ во второй сценѣ драмы *Рейнское Золото* (Edmund von Hagen: *Richard Wagner als Dichter in der zweiten Scene des Rheingold*. München, 1879, Kaiser.) На эту тему автору повидимому 266 страницъ и три года работы: разборъ *первой* сцены того же *Рейнскаго Золота* появился въ 1876 году. Мы воспользуемся рецензіей извѣстнаго нѣмецкаго критика Павла Линдау чтобы дать читателямъ понятіе о томъ до какой степени доходить въ своей одво-

сторонности и преувеличеніи культъ Вагнера въ средѣ его почитателей.

Линдау сознается что у него закружилась голова, когда оны приступилъ къ чтенію этой книги. На первой же страницѣ Гагенъ заявляетъ что „міровая воля послѣ многихъ тысячелѣтій сна стала сво-звучно-словомъ (*Traum-Wort-Ton*), видимымъ представленіемъ (*Schau-Vorstellung*)“ „Вагнеръ сдѣлалъ прозрачною внутренность земной планеты.“ „Подобно солнцу Вагнеръ воссѣдаетъ въ древнемъ совѣтѣ боговъ и прислушивается къ танственному росту вещей, окруженный звѣздами міроваго дерева которыя показываетъ ему богиня красоты.“ Съ необыкновенною тщательностью разбираетъ Гагенъ звуковую, стилистическую и синтаксическую стороны этой второй сцены *Рейнскаго Золота*. Мы узнаемъ что звукъ *r* есть выраженіе „силы и ропота“ (разумѣется, говоритъ Линдау. Напримѣръ, извѣстная пѣсенка Гете: *Röslein, Röslein, Röslein roth*); буквы *e* и *ö* характеризуютъ робкую и ласкающую природу женщины; *l* выражаетъ льстивость, легкость, изворотливость; *o* служитъ для обозначенія всего величественнаго (напримѣръ: *bloch*, замѣчаетъ Линдау); *ß* обозначаетъ въ именахъ собственныхъ особую нравственную и физическую твердость ихъ носителей (отсюда *каравандши* Фабера № 4, говоритъ Линдау) и т. д. Авторъ перечисляетъ сколько разъ встрѣчаются въ этой сценѣ различные виды предложеній, сколько здѣсь словъ односложныхъ, двусложныхъ, трехсложныхъ и т. д. „Изъ своей чистой ясности и свѣтлости, локоущейся на отрицательномъ моментѣ въ правильности языка какъ на свободѣ отъ неправильностей, Вагнеръ поднимается къ положительному моменту блестящаго нагляднаго выраженія, поднимается возвышеннымъ и свободнымъ отъ всякаго лишняго украшенія.“

Не будемъ далѣе продолжать цитаты. Приведеннаго достаточно чтобъ оправдать заключеніе къ которому приходитъ Линдау въ своей рецензіи: „Неволью становится грустно когда подумаешь сколько часовъ уторнаго и напряженнаго труда долженъ былъ употребить образованный и талантливый человѣкъ для того чтобы произвести на свѣтъ такую объемистую бесполезность.“

Къ исторіи эпохи Возрожденія. (Herman Hettner: *Italische Studien. Zur Geschichte des Renaissance. Mit 7 Tafeln in Holzschnitt.* Braunschweig. VIII u 312 стр.). Это собраніе этюдовъ, такъ-называемыхъ *Essays*, соединенныхъ въ одно цѣлое строгимъ внутреннимъ единствомъ. Содержаніемъ ихъ служатъ духовная жизнь Италіи съ XIII до конца XVI столѣтія, въ ея литературныхъ и художественныхъ проявленіяхъ. Занимаясь исторіей литературы и искусства, Геттнеръ поставилъ себѣ задачей изучить духовную связь послѣдняго съ остальными духовными интересами известнаго народа известной эпохи. Въ этюдѣ „*къ спорному вопросу о Николо Пизано*“ авторъ подробно анализируетъ главное произведеніе этого художника, каедру Пизанскаго Балтистеріума, и разбираетъ вопросъ о мнимомъ южно-италіянскомъ происхожденіи его стіла. Этюдъ: *Доминиканцы въ исторіи искусства XIV и XV столѣтій* посвященъ объясненію аллегорическихъ картинъ на стѣнахъ испанской калеллы во Флоренціи, причеиъ Геттнеръ приводитъ въ параллель къ нимъ знаменитое *Торжество Смерти* въ Пизанскомъ Кампо Савто; нѣкоторыя группы послѣдняго получаютъ вслѣдствіе этого совершенно новое значеніе. Этюдъ этотъ, равно какъ и два литературно-историческіе очерка: *Петрарка и Боккаччио, Тассъ и антиреформація*, нѣмецкая критика называетъ наиболее замѣчательными во всей книгѣ. Остальные очерки посвящены вопросу „о значеніи монументальнаго въ искусствѣ“ (*Die Monumentalität der Kunst*), „о борьбѣ за технику и формальное выраженіе“ (*Der Kampf um Formsprache und Technik*) и спеціальнымъ этюдамъ касающимся Рафаеля и Микель-Анджело.

Семейство Андре Шенье. (*Lettres grecques de Mme. Chénier. Sa vie, par R. de Bonnières.* Paris, 1879). Книга эта содержитъ нѣсколько писемъ матери Андре Шенье „о греческихъ танцахъ“ и „о погребеніи въ древней и современной Греціи“. Письма эти, даже по отзывамъ французскихъ журналовъ, представляютъ „умѣренный“ интересъ. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ за то введеніе, второе превосходящее своимъ объемомъ самыя письма. Мы знако-

мился здѣсь съ семействомъ Андре Шенье и узнаемъ любопытныя подробности объ его матери.

Она была Гречанка, родомъ съ острова Кипра, и называлась Елизавета Савди Ломака. Отецъ ея находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейскою колоніей; онъ былъ на половину купецъ, на половину переводчикъ и дипломатическій агентъ; домъ его представлялъ одинъ изъ тѣхъ греческихъ домовъ гдѣ, сохраняя мѣстные обычаи, въ то же время пріучались къ западнымъ нравамъ. Двадцати шести лѣтъ молодая дѣвушка вышла замужъ за Луи Шенье; она „вѣроятно“ оставила греческую вѣру, но не перешла въ католичество. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Шенье переселилось въ Парижъ; Луи Шенье, *un sollicitateur infatigable*, получилъ мѣсто генеральнаго консула при Мароккскомъ султанѣ, уѣхалъ, и семнадцать лѣтъ жилъ врозь со своею семьей которая продолжала оставаться въ Парижѣ. Въ салонѣ гжи Шенье собиравались по преимуществу артисты и литераторы: Палиссо, Свартъ, Давидъ, графъ Алфіери, Лебренъ-Пиндартъ, эллинистъ Брукъ, сентиментальный Флоріанъ. Она собиравла вѣстампы и древнія монеты, любила вступать въ переписку со знаменитыми людьми, издала въ свѣтъ „небольшое сочиненіе, обнаруживавшее деликатную и въ то же время элликурейскую ея натуру,“ любила удовольствія, шумъ, „всѣ проявленія жизни“. Наконецъ возвратилась Луи Шенье, безъ средствъ и больной. Назначенная ему при отставкѣ пенсія въ шесть тысячъ франковъ оказывалась недостаточною, и въ теченіе семи лѣтъ, отъ 1782 по 1789 годъ, онъ не переставалъ приставать къ королю съ разнаго рода прошеніями и увѣреніями въ своей преданности. „Неуспѣхъ этихъ ходатайствъ раздражилъ всю семью; ваша мать, писала Луи Шенье своей дочери, совершенно предалась демагогіи: *votre mère a renoncé à toute son aristocratie et est entièrement démagogue*“. Быть-можетъ такому настроенію содѣйствовало тайное предпочтеніе которое она всегда питала къ своему другому сыну, Иосифу. Когда въ концѣ 1793 оба брата примирились, гжа Шенье стала „умѣренною“; она энергически протестовала противъ казеты будто бы Иосифъ былъ виновникомъ казни своего брата Андре. Въ продолженіи четырнадцати лѣтъ послѣ смерти поэта, гжа Шенье раздѣляла бурное существованіе своего любимаго сына, увѣрявшаго что ему нужны „для того чтобы забыться“ сильныя ощущенія, игра

и шумъ свѣтской жизни. Во время имперіи мать и сынъ находились въ нищетѣ; Иосифъ Шенье принужденъ былъ закамдывать свои книги; гжу Шенье всё забыли; она очень хорошо чувствовала это, и когда въ 1805 году какой-то журналъ напечаталъ ея „письма о погребеніи у Грековъ“, она подлисалась подъ ними: *Feu Mme Chénier*. Скоро затѣмъ она умерла.

Къ исторіи народныхъ сказаній, обычаевъ и вѣрованій. (Felix Liebrecht: *Zur Volkskunde, alte und neue Aufsätze*, Heilbronn 1879.) Нѣмецкіе критики затрудняются въ оцѣнкѣ этой книги. Книга Либрехта, говорятъ они, прежде всего предназначена для специалистовъ; но въ то же время содержаніе ея такъ обильно и разнообразно что трудно представить себѣ како-либо образованнаго человѣка который не прочелъ бы ее съ величайшимъ интересомъ. Книга заключаетъ 54 очерка большаго или меньшаго объема; очерки эти раздѣлены на семь группъ: 1) легенды (14 статей); 2) сказки и басни (2); 3) разказы и фарсы (3); 4) народные лѣски (3); 5) мифологія, вѣрованія, нравы и обычаи (18); 6) всеобщая исторія литературы (6); 7) языкъ и пословицы (8). Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ авторъ касается древнихъ и новѣйшихъ временъ народовъ востока и запада, сѣвера и юга.

Источники балладъ Уланда. (Paul Fichholz: *Quellenstudien zu Uhland's Balladen*. Berlin, 1879, Weidmann.) Почти всѣ баллады Уланда переведены на русскій языкъ, и это служить лучшимъ доказательствомъ того что эти поэтическія произведенія встрѣчаютъ симпатію и пониманіе и въ средѣ русской публики. Нѣтъ ничего интереснѣе какъ ознакомиться съ тѣми источниками изъ которыхъ поэты почерпаютъ вдохновеніе и матеріалы для своихъ эпическихъ произведеній. Съ этими источниками знакомить насъ по отношенію къ балладамъ Уланда книга заглавіе которой приведено выше.

Руководство къ пониманію художественныхъ памятниковъ Италіи. (Burckhardt: *Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens.* 4 Auflage, bearbeitet von Wilhelm Bode. I Theil, Leipzig, Seemann, 1879.) Сочиненіе Буркгардта давно уже считается классическимъ руководствомъ для каждаго кто отправляясь въ Италію желаетъ глубже выкнутъ въ ея художественныя сокровища, уяснить себѣ объединяющую ихъ связь, подробнѣе ознакомиться съ ними и вывести дѣйствительную пользу изъ такого знакомства. Въ настоящее время лейпцигскій книгопродавецъ-издатель Земякъ, полезная дѣятельность котораго хорошо извѣстна всѣмъ интересующимся вопросами искусства, предпринялъ четвертое, совершенно переработанное изданіе книги Буркгардта. Въ нее введены всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій и всѣ перемѣны происшедшія въ расположеніи и помѣщеніи художественныхъ сокровищъ Италіи. Въмѣсто прежняго дѣленія на три части: архитектуру, скульптуру, живопись, новое изданіе раздѣлено на двѣ половины: античное искусство, и искусство христіанское до конца XVIII столѣтія. Для удобства употребленія на самомъ мѣстѣ первый томъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣльных частей: Помпея, Пестумъ, Капутоліи, Ватиканъ, Museo Borbonico и т. д.

Къ столѣтнему юбилею оспопрививанія. Въ прошедшемъ 1878 году минуло сто лѣтъ съ той поры какъ Дженнеръ научнымъ образомъ доказалъ значеніе и необходимость оспопрививанія. По поводу этого столѣтняго юбилея докторъ Беккеръ издалъ книгу *Handbuch der Vaccinationslehre, zum hundertjährigen Gedachtniss ihrer wissenschaftlichen Erforschung durch Edward Jenner*, Stuttgart, Enke, 1879. Книга эта залоздала на цѣлый годъ своимъ появленіемъ, такъ какъ авторъ ея долженъ былъ въ качествѣ военного врача отправиться въ Боснію. Въ виду часто возникающихъ въ послѣднее время сомнѣній и слоровъ о необходимости и пользѣ искусственнаго привитія ослы, сочиненіе доктора Беккера получаетъ особый интересъ. Авторъ не только изучилъ всю громадную литературу своего предмета, — въ книгѣ находятсѣ ссылки на *шестьсотъ* источниковъ, — но съ помощію про-

фессоровъ Лудвига (въ Прагѣ), Карабачека и Нейманна (въ Вѣнѣ) прославилъ даже въ оригиналѣ египетскія, семитическія и санскритскія рукописи. Докторъ Беккеръ подробно изслѣдуетъ ослепныя элидами Среднихъ Вѣковъ и новѣйшаго времени, излагаетъ исторію ослепрививанія, разбираетъ различные методы его, подробно занимается разсмотрѣніемъ всѣхъ законовъ касающихся ослепрививанія, вопросовъ о сохраненіи ослепной матеріи и т. д. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ которые считаютъ ослепрививаніе необходимымъ, и высказывается въ пользу „гуманизованной лимфы“ предпочтительно предъ тѣхъ-называемою „телячьей оспой“. Къ книгѣ приложены графическія таблицы. По отзыву нѣмецкихъ рецензентовъ книга Беккера написана такъ ясно и удобопонятно что должна возбудить интересъ въ каждомъ читателѣ, хотя бы онъ далеко не былъ специалистомъ въ медицинѣ.

Содержаніе и устройство прудовъ какъ отрасль сельскаго хозяйства. Вопросъ о разведеніи и содержаніи рыбы подвергается теперь въ Германіи и Франціи очень серіозной и всесторонней разработкѣ. Подъ названіемъ *Учебникъ прудоводства* (*Handbuch der Teichwirtschaft*, von Carl Niclas, Stettin, Expedition der Deutschen Fischerei-Zeitung) въ Германіи начало выходить иллюстрированное руководство къ устройству прудовъ, содержанію и разведенію въ нихъ рыбы. Въ первомъ выпускѣ заключается обзоръ рыбоводства вообще, ученіе о прудовыхъ растеніяхъ и о животныхъ лозевыхъ или вредныхъ для рыбоводства. Въ послѣдующіе выпуски войдетъ ученіе объ устройствѣ прудовъ, о содержаніи и эксплуатаціи ихъ, и т. д. Всѣхъ выпусковъ предполагается пять.

Римская такса отпущенія грѣховъ. (*Taxes de la Pénitencerie apostolique*, d'après l'édition publiée à Paris en 1520, avec une introduction, des notes et une photographie du titre de l'édition de 1520, par A. Dupin de Saint-André. Paris, Fischbacher, 1879). А. Дюленъ де-Сентъ-Андре случайно открылъ въ библиотекѣ города Тура экземпляръ такъ-называемыхъ *Taxes*

отпущенія грѣховъ. Тевтоническіе законы допускали денежны выкупъ за преступленія; принявъ христіанство, Франки пытались ввести этотъ обычай, въ католической церкви, но первоначально встрѣтили сильное противодѣйствіе. Соборъ въ Кловесгенѣ (747) выразилъ осужденіе „распространяющагося мнѣнію“ о томъ что посредствомъ раздачи милостыни можно уменьшить мѣру наказанія назначеннаго виновнымъ. На соборѣ въ Шалонѣ (813) было осуждено то же самое „заблужденіе“, но епископамъ уже предоставлялось право рѣшать во всякомъ отдѣльномъ случаѣ: можетъ ли преступникъ быть допущенъ къ искупленію своего грѣха посредствомъ денегъ. Въ десятомъ вѣкѣ виновному былъ предоставленъ выборъ между наказаніемъ и уплатой известной суммы, и уже начали выдаваться отпущенія за деньги. Соборъ въ Лиллеборнѣ (1080) составилъ списокъ тѣмъ преступленіямъ виновные въ которыхъ допускались къ денежной платѣ чтобы получить отпущеніе. Наконецъ папа Іоаннъ XXII обнародовалъ *Таксы* въ которыхъ на все было опредѣленъ извѣстный тарифъ, а папа Левъ X увеличилъ цѣны за отпущеніе и расширилъ списокъ тѣхъ преступленій за которыя отпущеніе это могло быть выдаваемо. Въ „таксахъ“ упоминаются такіа чудовищныя преступленія что французскій переводчикъ часто не рѣшается приводить ихъ иначе какъ подлинными выраженіями латинскаго текста.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Самое усердное стараніе избѣжать въ политической хроникѣ повтореній не можетъ не остаться тщетнымъ. Главнѣйшій интересъ вертится нынѣ на восточныхъ дѣлахъ, на отношеніяхъ къ нимъ другихъ державъ, особенно Англій и Австро-Венгріи, вообще на всемъ что находится съ этимъ роковымъ вопросомъ въ очевидной связи. И какъ ни мѣняются декорации, самая сцена дѣйствія, даже актеры этой многоактной драмы, сюжетъ остается все тотъ же, и нѣтъ возможности говорить о ходѣ представленія безъ повтореній, безъ возвращенія ко много разъ уже сказанному. Это въ особенности неизбѣжно въ хроникѣ, имѣющей цѣлью хоть вкратцѣ резюмировать происшествія въ области политики за цѣлый мѣсяць. Въ сущности ежедневныя изданія уже сообщили вѣдь обо всемъ, и въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ дней пока мѣсячное обозрѣніе будетъ напечатано и появится на свѣтъ, читатель изъ газетъ услѣдетъ узнать еще не мало новѣйшихъ извѣстій; было бы поэтому неосновательно ожидать чего-нибудь новаго отъ обозрѣнія въ журналѣ; оно можетъ только сгруппировать главнѣйшее, уже быть-можетъ исчезнувшее изъ памяти читателей и, по возможности, освѣтить значеніе фактовъ, дать нѣкоторымъ образомъ руководство къ лучшему ихъ пониманію, основываясь преимущественно на аналогіи и сопоставленіи мнѣній и взглядовъ разнородныхъ органовъ печати.

И въ этотъ разъ намъ приходится удѣлать бѣольшую часть мѣста въ нашемъ обзорѣнн обстоятельству о которомъ говорено уже многократно и на страницахъ этого изданія и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени возникновенія первыхъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Обстоятельство это—закаятая вражда, не знающая мѣры, не брезгающая никакими средствами, проявляемая къ Россіи Англійскимъ правительствомъ.

Въ прошломъ мѣсцѣ мы уломинали что въ Англіи вздумали приписывать Кабульскую катастрофу русскимъ интригамъ и выразили *сожалѣніе* что это явная ложь, хотя было бы вполне основательно съ нашей стороны наносить закаятому врагу гдѣ только можно вредъ. Каковъ былъ нейтралитетъ Англіи во время нашей войны съ Турціей — всѣмъ памятно. Наконецъ въ Берлинѣ представители ея, по собственному сознанію, достигли полнаго торжества надъ Россіей и обезпечили Европѣ миръ, скрѣпивъ трогательно дружественныя отношенія между всѣми державами, какъ объ этомъ заявлялъ президентъ конгресса князь Бисмаркъ. Казалось бы послѣ этого, для явно враждебныхъ дѣйствій Англіи противъ Россіи уже не было поводовъ, а между тѣмъ изъ корреспонденціи Англійчанина сопровождающаго наши войска въ Ахалъ-Текинской экспедиціи мы знаемъ что неуспѣхомъ заготовленія въ Персіи продовольствія для отряда мы обязаны англійскимъ интригамъ, назначенію британскаго консула въ Астрабадъ, гдѣ его прежде никогда не было. Этотъ добросовѣстный корреспондентъ не можетъ не признавать что подобныя дѣйствія *quasi-дружественной* намъ державы крайне неблаговидны, что если подобныя мѣры были необходимы, то ихъ слѣдовало приять болѣе открытымъ образомъ, чтобъ онѣ не имѣли характера заговора, что упреки которые ему приходилось слышать отъ русскихъ офицеровъ основательны... „Что сказала бы Англія, спрашивали его, еслибы во время ея войны съ Зулумами русская дипломатія была направлена на то чтобы помѣшатель въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ закупкѣ мундоловъ назначенныхъ для экспедиціи противъ Сетевай?“ Англійскій корреспондентъ былъ такъ деликатенъ что ничего не отвѣчалъ на эти наивные вопросы русскихъ офицеровъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, подумалъ при этомъ: „въ томъ-то и дѣло, что вы, Русскіе, ни въ Испанію мѣшатель пріобрѣте-

вію мудоу не пошлете, ни въ Индію распространять возмутительныя прокламаціи, ни въ Афганистанъ учить военному искусству... Тогда можетъ-быть и противъ васъ бы не съ такою наглостію дѣйствовали.“

При первомъ серіозномъ столкновеніи нашихъ войскъ съ Ахаль-Текинцами, 28 августа, оказалось что Туркмены вооружены ударными ружьями новѣйшихъ системъ, умѣютъ оказываться и вообще знакомы отчасти со способами веденія войны. Откуда это все? Калитанъ Бѣтаеръ, по порученію Британскаго правительства, весьма таинственно пробрался въ Туркменію и подготовивъ ихъ, снабдилъ оружіемъ... Узнали мы объ этомъ только благодаря возникшему между Бѣтаеромъ и Англійскимъ правительствомъ неудовольствію изъ-за награды или вообще неисполненнаго обѣщанія. Очень бы хотѣлось намъ знать: можетъ ли и съ русской стороны быть указанъ такой Бѣтаеръ, но дѣйствительный, не вымышленный разными руссоѣдами, въ родѣ Вамбери и прочихъ?

Мы привели эти два примѣра, какъ ближайшіе къ современнымъ событіямъ, умалчивая о никогда не прекращавшихся козняхъ Англичанъ противъ насъ во время Кавказской войны, когда они снабжали Черкесовъ средствами борьбы, подсылали туда Поляковъ для возбужденія и т. д., да и во многихъ другихъ случаяхъ. Но всего этого еще мало: настоящій кабинетъ ея британскаго величества, отбросивъ въ сторону ни къ чему не ведущія дипломатическія приличія, требующія не говорить ничего открыто враждебнаго и оскорбительнаго для другаго государства, съ которымъ находятся въ мирѣ, на дняхъ въ Манчестерѣ, устами своего министра иностранныхъ дѣлъ маркиза Солсбери, возвѣстивъ всему міру о крайней враждебности своей политики въ отношеніи къ Россіи, о всѣхъ ходахъ сдѣланныхъ съ дѣяіемъ противодѣйствія якобы исключительно завоевательнымъ стремленіямъ ея и наконецъ о великой радости и ликованіяхъ Англій по поводу состоявшагося въ Вѣнѣ германско-австрійскаго союза, направленнаго дѣисключительно противъ Россіи, теперь окончательно устраненной ото всякой возможности даже вліять на Балканскій полуостровъ, а не то чтобы захватить себѣ тамъ что-нибудь. Не Турція де, оказавшаяся ни къ чему не годною, уже будетъ защищать теперь Балканы, а сильная Австрія, поддерживаемая Германіей. Константинополь же съ

Босфоромъ и Азіатскую Турцію защитить уже сама Англія, только съ этою цѣлью захватившая Кипръ. Маркизь Солсбери съ грубою откровенностью выяснилъ, такъ сказать, закулисную сторону Берлинскаго конгресса. То что тогда облекалось въ разныя дипломатическія хитросплетенія и туманныя фразы теперь высказано съ достаточною ясностью. Чтобы устроить вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ нужно было вбить кливъ между Черногоріей и Сербіей, вогнавъ его поглубже, до прикосновенія съ Болгаріей. Для этого, съ согласія Англіи, Германія втокнула Австрію въ операцію занятія Босно-Герцеговины, подъ видомъ временной мѣры для водворенія порядка. Теперь съ занятіемъ Новаго Базара, кливъ уже такъ вбитъ что Россія ничего не подѣлаетъ. Предоставить Балканскій полуостровъ во власть естественныхъ его хозяевъ невозможно, потому что нѣтъ однородныхъ національностей, а есть Греки, мусульмане, Болгары, перемѣшанные между собою неразрывно; наконецъ, всѣ онѣ не способны бороться со средствами коими располагаетъ большое военное государство; онѣ не болѣе какъ дѣти или зародыши, и не способны противиться монархіи вступавшей въ четвертый вѣкъ своихъ завоеваній. Въ примѣръ ораторъ привелъ Румынію, которая по слабости своей не могла воспротивиться проходу русскихъ войскъ чрезъ нее и *вынуждена* (!) была даже явиться Россіи на помощь въ критическую минуту. Поэтому-то Англія, во избѣжаніе угрозы независимости Константинополя и береговъ Чернаго Моря, или возможности возникновенія славянскаго государства, растянувшагося отъ Чернаго до Адриатическаго моря, употребила Турокъ, которые дрались какъ герои, не взирая на всѣ недостатки командованія и пр.; а когда это средство оказалось недостаточнымъ, пустила въ ходъ Австрію, достаточно могущественную чтобы стоя въ Новомъ Базарѣ, то-есть на высотѣ Балканъ, защищать входъ въ Задунайскія земли, тѣмъ болѣе что въ случаѣ надобности она не останется одна.

Въ этомъ заключается сущность рѣчи лорда Солсбери, закончившаго ее самовосхваленіемъ, что всѣ эти результаты—плоды дѣятельности нынѣшняго кабинета, заботливости ко-ею Англія обязана охраненіемъ и обереженіемъ ея важныхъ интересовъ и позицій. Что же касается Афганскаго вопроса, то онъ не можетъ высказаться вполне, въ противномъ

случай доказалъ бы что Британскому правительству не оставалось другаго выбора дѣйствій, что обстоятельства не измѣнились и до сихъ поръ, и что оно *не преслѣдуетъ завоевательныхъ цѣлей*.

Рѣчь эта, произнесенная 5го (17го) октября, обратила на себя всеобщее вниманіе, ею полны всѣ газеты, ее комментируютъ на всѣ лады. Тонъ преобладающій — удовольствіе по поводу открытій враждебности къ Россіи и Славянству. Въ Вѣдѣхъ офиціозные органы стараются смягчить и умалить ея значеніе, даже обижались ролью часовыхъ у турецкой крѣпости, когда они и не думаютъ быть часовыми; въ Берлинѣ пока молчатъ, а во Франціи проиически отзываются о самохвальствѣ британскихъ министровъ. Многие думаютъ что вся рѣчь есть только маневръ министерства въ борьбѣ съ оппозиціей, что будто это должно поддержать правительство на предстоящихъ выборахъ и т. п. Понятно что всѣ министерскія рѣчи въ Англіи имѣютъ главнѣйшую цѣль подѣйствовать на общественное мнѣніе. Но Россіи-то какое дѣло до этого? Развѣ та или другая цѣль ослабляетъ значеніе грубаго нахальства съ которымъ позволилъ себѣ говорить о ней ораторъ? Развѣ цѣль измѣняетъ оскорбительно презрительный тонъ рѣчи, и развѣ высказанная въ ней традиціонная политика вражды противъ Россіи отъ этого становится выдумкой?

По поводу выходовъ какія позволилъ себѣ англійскій министръ нашъ французскій офиціозный органъ выказалъ нѣкоторое геройство, рѣшившись съ легкою проницательностью что рѣчь была сказана послѣ обѣда съ тонкими винами... Съ этимъ нельзя согласиться, потому что говорилъ не частный человекъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи двухъ другихъ министровъ, и говорилъ не экспромптъ, а приговоренную, обсужденную и, безъ сомнѣнія, самимъ премьеромъ одобренную рѣчь. Наши господа Французы это конечно и сами хорошо знаютъ, но заговорить другимъ тономъ не осмѣливаются.

Что касается самой рѣчи, то она есть смѣсь самохвальства, избитыхъ фальшивыхъ фразъ и натянутыхъ доводовъ. Что сказать, напримѣръ, на такія слова: „мы не можемъ выдавать стратегическія позиціи такой державѣ, наступательныя дѣйствія коей угрожаютъ благу или интересамъ всего свѣта?“ Это говорить представитель государства которое захватало

Гибралтаръ и Мальту, Суэзскій Каналъ и сильнѣйшіе пункты во всѣхъ моряхъ, которое безо всякаго предлога уничтожило датскій флотъ вмѣстѣ со столицей, которое повсюду подкуплами, силой, разными коварными подвохами придавало всякій признакъ зараждавшейся морской силы! Этого мало: это говорится въ ту минуту когда, провозглашая принципъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи, у нея захватываютъ Кипръ, запускаютъ заgreбистыя лапы во всю Арменію, присваиваютъ себѣ фактическое господство надъ Египтомъ, а чтобы зажать ротъ другимъ, предоставляютъ имъ захватить значительную часть этой *цѣлой и независимой* имперіи, господамъ Англичанамъ менѣе нужную! Еще лучше: въ той же рѣчи въ коей Россія называется государствомъ вступающимъ въ четвертый вѣкъ своихъ завоеваній и угрожающимъ благу, независимости и т. д. Европы, ораторъ съ самодовольствомъ напоминаемъ какъ Англія, подъ шумокъ борьбы которая велась въ Испаніи, заняла Гибралтаръ; захватила Мальту, когда интересъ Европы перешелъ къ борьбѣ въ Италіи, а теперь, когда предвидится борьба въ Малой Азіи, захватываетъ Кипръ. И все это для блага Европы!

Изъ всей пресловутой манчестерской рѣчи мы можемъ вполнѣ согласиться только со слѣдующими словами: „Правительство ея величества не претендуетъ на то что сдѣлало въ политикѣ что-нибудь новое, но оно вѣрно слѣдовало традиціи завѣщанной ему длиннымъ рядомъ государственныхъ людей.“ Дѣйствительно: быть противникомъ Россіи, не звать предѣла вражды къ ней, не пренебрегать никакими средствами для нанесенія ей всевозможнаго вреда, стремиться къ преобладанію, давая все что можетъ этому помѣшать, захватывая по дорогѣ что можно захватить, но въ то же время съ искусствомъ Тартюфа складывать руки къ молитвѣ и не краснѣя произносить слова: „защита свободы, цивилизаціи, независимости, справедливости и т. п.“, все это традиціи, коимъ британскіе правители слѣдуютъ съ похвальнымъ умѣніемъ и таковою же энергіей, традиціи, коимъ едва ли и измѣнять когда-либо въ Лондонѣ безъ наступленія такихъ обстоятельствъ когда полени-воленъ пришлось бы сказать *паста...*

Однако, какъ ни разбирать, какъ ни судить рѣчь маркиза Солсбери, намъ не слѣдуетъ забывать что она есть продуктъ правительственныхъ воззрѣній и что ея сущность тѣмъ и другимъ путемъ, большею частью, реализуется, что противъ Рос-

сіи дѣйствуютъ настойчиво и готовятъ правильному разрѣшенію ея важнѣйшихъ внѣшнихъ (со внутренними тѣсно связанными) задачъ тяжкіе удары. Не критикой же и полемикой можно ограничиваться въ такомъ случаѣ? Не пассивнымъ же отношеніемъ къ открыто высказываемой враждебной дѣятельности? Да даже и не одною обороной противъ нападена можно обходиться, потому что нападеніе есть большею частью наилучшая оборона.

Ахалъ-Текинскую экспедицію можно было считать нѣкоторымъ образомъ частичкою противодѣйствія. Мы полагаемъ что неограниченный оптимизмъ, фальшивое восхваленіе и скрываніе неудачъ или ошибокъ не достойно нашего положенія и можетъ только вредить дѣлу; мы поэтому, руководясь свѣдѣніями сообщенными безпристрастными англійскими и своими корреспондентами, да и отрывочными официальными извѣстіями, должны откровенно сознаться, что считаемъ результаты этой экспедиціи, сравнительно съ затраченными жертвами, неуспѣшными и быть-можетъ даже отрицательнаго свойства... Уже въ срединѣ лѣта можно было видѣть что дѣло идетъ не ладно, что опыты Хивинской экспедиціи и предшествовавшихъ движеній въ степи не послужили достаточными указаніями. Лучшее время года для движенія — апрѣль, май, до половины іюня, или съ конца августа до ноября; въ остальные мѣсяцы войска должны бы уже стоять на благопріятныхъ, всѣмъ необходимымъ снабженныхъ мѣстахъ, изобилующихъ хорошею водою. Если же къ апрѣлю оказалось невозможнымъ заготовить продовольствіе, перевозочныя средства и проч. въ потребномъ количествѣ, то зачѣмъ же было перевозить весь отрядъ въ Чекшларѣ, гдѣ онъ на песчаномъ пустынномъ берегу, при плохой водѣ, подъ палящими лучами солнца, поѣдалъ съ такимъ трудомъ добытый дорогой провіантъ и, не принося дѣлу никакой пользы, только изнурялся, наполняя лазареты больными цынгой и дисентеріей? Не лучше ли было большинству баталіоновъ оставаться на здоровомъ побережьи у Петровска, или Баку, набираясь силъ для осенняго похода, къ которому въ Чекшларѣ могли быть собраны всѣ запасы и транспорты? А для охраненія этого складочнаго пункта достаточно было вѣдь десятой части общаго числа войскъ. Затѣмъ, самая встрѣча съ непріателемъ 28 августа, стоившая намъ 25 офицеровъ и до 400 человекъ солдатъ убитыми и ранеными.

Вѣдь это для войны съ азіатскими кочевниками потеря слишкомъ значительная и, очевидно, повеселая потому что начальники войскъ, забывъ о свѣжихъ примѣрахъ Зивани, Плевны, и проч., бросились на штурмъ земляныхъ окоповъ безъ достаточной подготовки, съ малыми силами, безъ резервовъ, безъ угрожающей отступленію непріателя конницы и проч. Въ результатъ такой торопливости или удалаго нетерпѣнія — необходимость отступить и собраться съ новыми бѣльшими силами для довершенія дѣла; а между тѣмъ непріатель ободренъ нравственно и имѣетъ время получить отъ агентовъ *дружественной* намъ державы новые запасы оружія, снарядовъ и совѣтовъ какъ дѣйствовать... Наше отступление и вынужденное бездѣйствіе до будущей весны въ чрезвычайной степени облегчаетъ Англіи задачу въ Афганистанѣ, населеніе коего, зная о нахожденіи русскаго отряда въ Мервскомъ оазисѣ, въ пунктѣ съ котораго достиженіе Герата сравнительно далеко не трудное предпріятіе, безъ сомнѣнія было бы ободрено къ болѣе энергическому сопротивленію; теперь же напротивъ, видя свои надежды обманутыми, очевидно должно было уласть духомъ. Въ Азіи, какъ извѣстно, слухи передаются съ быстротой замѣчательною и при наклонности Азіатцевъ къ *политикованію* отношенія между Россіей и Англіей принимаются ими серьезно въ соображеніе. А все что полезно нашему противнику есть чистѣйшій вредъ намъ, если не увлекаться идеальными мечтами о дружественномъ соглашеніи съ Англіей...

Не слѣдуетъ ни смущаться, ни ослаблять въ настойчивости достигнуть цѣли, то-есть дойти до тѣхъ позицій съ коихъ можно на рѣчи британскихъ лордовъ отвѣчать не одною лишь полемикой или кисло-сладкими французскими фразами; такая не особенно важная неудача, какъ отбитый штурмъ 28 августа, конечно, не оставитъ хода предпріятія; но все же скрывать неуспѣхъ, или умалать вину распорядителей, увеселяющихся удалью и беззаветнымъ мужествомъ нашего войска, нѣтъ никакого резона. Напротивъ, было бы чистымъ вредомъ молчать тамъ гдѣ откровенное слово можетъ вызвать полезныя разъясненія, внушенія и предупрежденія....

Однако одной Ахаль-Текинской экспедиціи едва ли можно придавать такое значеніе которое уравнивало бы шансы борьбы и служило эквивалентомъ всему предприняемому противъ насъ. Имѣются, безъ сомнѣнія, въ виду и

другіе способы, для дѣйствительности коихъ нужны заблаговременныя распоряженія, въ томъ числѣ важнѣйшія, напиримѣръ обезпеченіе быстрыми путями сообщенія съ окраинами. А между тѣмъ не видно, дѣлается ли что-нибудь для связи съ Каспійскимъ моремъ и Закавказьемъ; почему затихъ вопросъ о заосчастной Бакинско-Тифлисской дорогѣ?... Заключено ли дѣло перевооруженія и доведенія огнестрѣльных запасовъ до желательныхъ размѣровъ? Есть ли надежды на устраненіе тѣхъ безпорядковъ въ иттендавской сферѣ и тѣхъ недостатковъ въ санитарной, свидѣтелями коихъ мы были такъ недавно?... Остановимся на этихъ немногихъ вопросахъ, хотя рядъ ихъ могъ бы протянуться на добрую страницу, и заключаемъ однимъ: будемъ ли мы сильны въ приближающуюся критическую минуту?...

Маркизъ Солсбери, возвѣщая радость велию по поводу заключенія союза между Германіей и Австріей, прибавилъ однако что онъ въ этомъ случаѣ полагается на газетныя извѣстія. Повидно что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣеть средства пользоваться болѣе солидными свѣдѣніями чѣмъ газетныя слухи, не рѣдко бывающіе *утками*, и по однимъ такимъ слухамъ не сталъ бы выражать великой радости....

Мѣсяцъ тому назадъ можно еще было сомнѣваться состоялся ли въ дѣйствительности *писанный* союзъ между Берлиномъ и Вѣной и въ чемъ онъ заключается; но „въ наше время, когда благодѣтельный телеграфъ“ и т. д. теперь мы уже можемъ почти съ полною достовѣрностью сказать что союзъ заключенъ, внесенъ въ протоколъ и утвержденъ высочайшими подписями; мало того, мы можемъ даже съ нѣкоторою вѣрностью сказать въ чемъ главная суть заключеннаго договора. Спорнымъ остается пока только вопросъ: заключенъ ли оборонительно-наступательный или только оборонительный союзъ? Но это есть въ сущности пустая игра словами: гдѣ есть оборона, тамъ неизбежно наступленіе; одно безъ другаго въ наши времена невысказано. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ что Австрія и Германія не заключила союза чтобы, соединивъ свои силы, объявить Россіи войну и открытъ наступленіе съ цѣлью, положимъ, захвата у нея части Привислинскаго края и Прибалтійской окраины. Можно смѣло утверждать, что ничего подобнаго ни „честный маклеръ“ ни даже „мститель за Виллаготъ“ и не обсуждали; но

союзъ оборонительный самъ-по-себѣ не исключаетъ возможности, смотря по ходу обстоятельствъ, часто вовсе непредвидѣнныхъ, превратиться въ наступательный.

Въ чемъ же состоитъ сущность заключаемаго въ Вѣнѣ договора? Разные официозные органы Вѣны и Берлина стремятся ограничить дѣло экономическими и лишь отчасти политическими основаніями: нѣкоторыя большія газеты, печерлающія свѣдѣнія изъ компетентныхъ сферъ, менѣе церемонятся и называютъ союзъ взаимною обороною противъ двухъ сосѣдей,—одного честолюбиваго завоевательнаго, другаго пылающаго мстью за погромъ 1870 года, угрожающихъ миру Европы; нѣкоторыя, не поклоняющіяся современному нѣмецкому идолу, прямо говорятъ что союзъ есть дѣло безпкойныхъ государственныхъ людей, ввергающихъ Европу въ кровопролитіа и смуты. Наконецъ извѣстный Dr. Бушъ, „человѣкъ князя Бисмарка“, специалистъ по части повѣданія міру всего относящагося до этого великаго государственнаго дѣяателя, разказываетъ слѣдующее: „Мы представляемъ себѣ мнѣніе имперскаго канцлера относительно вѣшняго вопроса выступившаго въ послѣднее время на первый планъ приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ заключенія мира, въ Россіи опять приступили къ вооруженіямъ *съ большими размѣрами* (?). Приняты мѣры къ увеличенію арміи приблизительно на 400 тысячъ человекъ (?), то-есть до цифры соответствующей цифрѣ вооруженныхъ силъ Германіи въ мирное время. Въ случаѣ новой войны, съ тѣхъ поръ какъ посредствомъ 75.000 челов. образованы были кадры, Россія въ состояніи будетъ выставить *24 новыя дивизіи* (?). Затѣмъ не далеко отъ западной границы расположены *массы кавалеріи* (?), которыя въ какіе-нибудь три дня могутъ очутиться въ нашихъ (прусскихъ) предѣлахъ. Противъ кого направлены эти вооруженія? Въ Россіи говорятъ (въ газетахъ) что завоеванія Константинополя обуславливается завоеваніемъ Берлина (?); другіе, правда, указываютъ на Вѣну, съ тѣмъ однакожъ что дорога туда ведетъ чрезъ Берлинъ (?). Если это такъ, то намъ необходимо приискать точку опоры, тѣмъ болѣе что Франція хотя повидимому настроена въ настоящее время миролюбиво, не представляетъ все-таки гарантіи насчетъ невозможности нападенія съ ея стороны, въ случаѣ представятся виды на успѣхъ. Всякій здравомыслящій и безпристрастный судья изъ 42 милліоновъ жителей Германіи,

продолжаетъ г. Бушъ, предпочелъ бы конечно лучше всего поддерживать одинаково хорошія отношенія съ Россіей и Австріей; но коль скоро мы принуждены сдѣлать выборъ между сосѣдями, то для всякаго не ослѣпленнаго глаза не можетъ быть сомнѣнія насчетъ окончательнаго рѣшенія. Не только національные мотивы указываютъ на Австрію, гдѣ живутъ 10 милліоновъ Нѣмцевъ, но и Мадыяры всѣ на нашей сторонѣ, подобно тому какъ и Поляки давно уже не думаютъ сдѣлаться Русскими (а Познанцы думаютъ сдѣлаться Прусаками?) даже Чехамъ вичего подобнаго не приходится въ голову, если не считать дюжину непримиримыхъ, не имѣющихъ никакаго значенія. Но даже еслибъ Австро - Венгрія была исключительно славянскимъ государствомъ, то и въ такомъ случаѣ ей слѣдовало бы отдать предпочтеніе. Она слабѣе Россіи, не нуждающейся въ нашемъ союзѣ, хотя достаточно сильна какъ союзникъ при оборонѣ, и мы (то-есть Германія) можемъ ей привести много пользы. Она можетъ служить намъ опорой при политикѣ, *первая и высшая цѣль коей— поддержаніе общественнаго мира.* (Вѣрно съ этою цѣлю Австрія и занимаетъ турецкія провинціи?) Если Австрія и Германія заключать между собою союзъ съ этою цѣлью и затѣмъ въ глазахъ тѣхъ кто помышляютъ о нарушеніи этого мира обернутся съ ихъ двумя милліонами солдатъ сливой другъ ко другу, подобно громадному каре по срединѣ европейскаго материка, тогда вигилистическіе (?) политики высшаго полета въ Московіи едва ли осмѣлятся приступить къ осуществленію своихъ проектовъ (?). Вотъ приблизительно мнѣніе имперскаго канцлера, мнѣніе раздѣляемое громаднымъ большинствомъ Нѣмецкаго народа и вѣроятно также второстепенными нѣмецкими государями. “ Мы привели эту выписку изъ статьи почтеннаго Dr. Буша потому что почти убѣждены что она писана подъ диктовку князя Бисмарка *для публики* которую нужно обрабатывать и готовить въ желательномъ смыслѣ, для которой истинныя цѣли и мотивы политика остаются сокрытыми, которую наконецъ нужно подогрѣть въ чувствахъ враждебности къ Россіи. (Это, впрочемъ, лишнее: насъ и безъ того достаточно не любятъ.) Мы позволимъ себѣ въ pendant къ этому изложить какъ мы представляемъ себѣ мнѣніе германскаго имперскаго канцлера относительно вѣдшихъ вопросовъ

т. сѣлп.

послужившихъ основаніемъ къ заключенію союза въ Вѣнѣ. Намъ, конечно, никто не диктуетъ и мнѣніе наше не можетъ имѣть никакого значенія; но мы рѣшаемся думать что въ числѣ русскихъ людей, слѣдящихъ за ходомъ и развитіемъ дѣлъ и близко принимающихъ къ сердцу все имѣющее отношеніе къ отечеству, его достоинству, его интересамъ, его будущасти, найдется не мало согласныхъ съ нашимъ мнѣніемъ.

Князь Бисмаркъ, конечно, очень хорошо знаетъ что никакихъ новыхъ 400 тысячъ человѣкъ солдатъ въ Россіи не вооружено, что никакой массы кавалеріи на западной границѣ не собрано, онъ даже знаетъ что у насъ регулярной кавалеріи вообще весьма недостаточно, что едва ли оборонительныя наши сооруженія и заласы соответствуютъ такому же прусскимъ, что однимъ словомъ ни Германіи, ни Австріи Россія не угрожаетъ. Такія розказни сквозь сѣтъ пускаются въ народъ въ качествѣ брандеровъ, и намъ нечего на нихъ долѣе останавливаться. За то онъ знаетъ очень хорошо что съ одной стороны Франція въ теченіе восьми лѣтъ послѣ ея разгрома достигла небывалаго благосостоянія и развила свои военныя силы до такихъ почтенныхъ размѣровъ что даже „das Volk in Waffen“, какъ самодовольные Нѣмцы себя называютъ, должно призадуматься и уже не съ такимъ легкимъ сердцемъ помышлять о новой борьбѣ съ „галльскимъ лѣтухомъ“, какъ это было еще въ 1875 году, когда Россія удержала за полу сюртука уже бывшаго на ходу желѣзнаго канцлера. Знаетъ онъ также что Французы никакимъ сладкимъ фразамъ о забвеніи, дружбѣ и пр. до сихъ поръ не поддаются и помышляютъ о реваншѣ. Съ другой стороны этотъ провицательный государственный человѣкъ не можетъ не сознавать что всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, что Россія освободившая Пруссію отъ Наполеона I, помогшая ей уничтожить Наполеона III, дозволившая обогнуть маленькую Дакію и выгнать изъ Германіи большую Австрію, оказавшаяся наконецъ главною пособницей созданія единой Германской имперіи (что всеторжественно было признано самимъ ея императоромъ) и забывавшая азбучное правило высшей политики, требующее не радоваться усилению сосѣда,—что эта Россія, разбуженная тсачками полученными на Берлинскомъ конгрессѣ, наконецъ перестанетъ идти на буксирѣ чужей политики и будетъ во всемъ слѣдовать лишь

указаніямъ своихъ національныхъ интересовъ... Впрочемъ, еслибы Россія и на будущее время согласилась безкорыстно связать себя, то ей бы съ большимъ удовольствіемъ представили быть *третьимъ въ союзѣ*.

Въ то же самое время (таково уже свойство дипломатовъ) у каждаго есть свои *aggrégées*. Создатель единой великой Германіи мечтаетъ о вѣнчаніи своего званія присоединеніемъ къ ней и Вѣны съ восьмью милліонами Нѣмцевъ, и съ окончательнымъ переводомъ Габсбурговъ въ Пешть въ качествѣ сильной восточной державы, а руководитель австрійской политики (въ сущности самъ императоръ Францъ-Иосифъ) отъ восточнаго государства не прочь, но и отъ Вѣны, этой колыбели величія цесарскаго дома, ни за что не откажется. Одинъ думаетъ: можетъ-быть обстоятельства благопріятно сложатся и я ими воспользуюсь еще, не будемъ форсировать дѣла; а другой думаетъ: напрасно вы разчитываете на это, и никакія обстоятельства вамъ въ этомъ не помогутъ...

Въ массѣ газетныхъ толковъ объ этомъ союзѣ встрѣчаются самыя разнообразныя варіаціи. Нѣкій Италіанецъ доказываетъ что все дѣло идетъ объ искорененіи социалистическихъ агитацій; но само собою это или шутка, или наивность; другіе увѣряютъ что утвержденный обоими императорами протоколъ есть только рамка, въ которую, когда представится надобность, будетъ включенъ подробный договоръ; но въ рамкѣ этой въ 21 пунктѣхъ изложены принципы политическихъ, военныхъ и торговыхъ отношеній обихъ имперій въ томъ видѣ какъ они устанавлены обоими канцлерами, главныя положенія коихъ слѣдующія: *соединенное сопротивление* всякому нападению извнѣ; соглашеніе тарифовъ обоихъ государствъ и *status quo* въ дѣлахъ Востока. Мы готовы повѣрить такому извѣстію какъ вовсе не противорѣчающему нашимъ представленіямъ, исключая развѣ третьяго пункта на счетъ *status quo* на Востокѣ, потому что вѣдь движеніе Австріи въ Салоники будетъ уже *не status quo*; а движеніе это, хоть и не сейчасъ, но въ недалекомъ будущемъ, для насъ также несомнѣнно, какъ то что занятіе Босніи, Герцеговины и Новаго Базара Австріей, а Крита Англіей не есть временное, а простой окончательный захватъ у того за цѣлость и независимость коего обнажились мечи... Официозныя же толкованія на счетъ желанія высокихъ договаривающихся сторонъ, послѣ *событій прошлыхъ лѣтъ* (какихъ?), вступить въ періодъ спокойствія,

внутренней работы и экономического пользования приобретенными позиціями, безо всякой мысли составлять коалиціи и вызывать контръ-коалиціи,—все это, еще разъ повторяемъ, туманныя фразы, коимъ можно придавать смыслъ какой угодно, только не тотъ какой заключается въ дѣйствительности.

Англичане заняли Кабуль. Движенію ихъ жалкія нестройныя толпы афганскаго войска, не взирая на гористую мѣстность и нѣсколько десятковъ хорошихъ орудій, воспрепятствовать не сумѣли. Генераль Робертсъ имѣлъ торжественный вѣздъ, среди выстроившихъ шлаерами англійскихъ войскъ, при звукахъ *God save the Queen*, и съ балкона эмирскаго дворца произнесъ грозный слѣдъ объ ожидающемъ Кабульцевъ наказаніи за избіеніе британскаго посольства. Между тѣмъ Якубъ-ханъ отказался отъ власти; назначено кажется регентство и англійскій военный губернаторъ, прощя—страна поступаетъ въ вѣдѣніе Англии.

Такимъ образомъ, повидимому, Англичане достигли блестятельнаго успѣха и сравнительно съ незначительными жертвами. Мы говоримъ *повидимому*, потому что вслѣдъ за занятіемъ Кабула случилось нѣсколько происшествій заставляющихъ предполагать что не все благополучно, и что населеніе Афганистана еще не смиряется. Въ цитадели произошли два взрыва, стоившіе жизни нѣсколькимъ десяткамъ англійскихъ солдатъ и истребившіе громадныя запасы пороха и другихъ снарядовъ. Затѣмъ, между перевалами показались скопища враждебныхъ горцевъ угрожающихъ сообщеніямъ войскъ занимающихъ Кабуль, вслѣдствіе чего двинуты изъ Индіи подкрѣпленія, которыхъ однако не пролустили Гильзаи. То же будто бы произошло и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ двигавшіяся отдѣльныя колонны вынуждались отступать. Насколько во всемъ этомъ правды и насколько преувеличены или уменьшены опасности угрожающія корпусу Робертса—сказать нельзя. Мы склоняемся скорѣе къ мысли что положеніе Англичанъ вовсе не такъ дурно какъ стараются рисовать нѣкоторыя наши газеты, не жалія черной краски. Все дѣйствія афганской сволочи до Гандамаккаго мира и теперь оказываются далеко не такого свойства чтобы можно было ожидать отъ нихъ особенно блестятельныхъ подвиговъ. Было бы ужъ слишкомъ оскорбительно для Англии допустить

что она забыла урокъ 1842 года и можетъ попасться въ такую же ловушку вторично. Разныхъ мелкихъ неудачныхъ эпизодовъ, временныхъ затрудненій при движеніи отдѣльныхъ колоннъ и транспортовъ, безпокойныхъ, тревожныхъ извѣстій и проч. имъ придется безъ сомнѣнія испытать немало, но это сопряжено со всякою войною, а тѣмъ болѣе въ далекой дикой странѣ. Афганистанской независимости отъ этого ничего не прибудетъ: самостоятельность его слѣдуетъ считать утраченною, и Англія къ безкомечному слиску своихъ вассаловъ можетъ приписать еще одного—Кабульскаго, или Кандагарскаго вассала, такъ какъ они намѣрены перевести резиденцію изъ Кабула въ Кандагаръ.

Спрашивается только: что же дальше, что скажутъ бюджеты обременяемые громадными новыми расходами на содержаніе войскъ въ Афганистанѣ, въ числѣ по крайней мѣрѣ 20 тысячъ человекъ? Какъ разрѣшатся отношенія возникающія чрезъ это занятіе къ Россіи? Останутся ли Англичане на извѣстной афганской подосѣ, или „возбудивъ апетитъ“, захватятъ кстатѣ Герать? Какъ отнесутся ко всему Персія и два солерничашія въ столицѣ шаха вліянія?

Говорятъ, между Петербургомъ и Лондономъ ведутся дѣятельные переговоры. Но послѣ рѣчи маркиза Солсбери въ Манчестерѣ развѣ еще возможны даже какіе-нибудь разговоры, не то что переговоры! Съ другой стороны, говорятъ что на весну готовятся сильныя экспедиціи къ Афганистану изъ Туркестана и съ Кавказа. Но мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ „говорахъ“ въ виду ихъ крайне сомнительной вѣрности. Въ свое время обстоятельства уяснятся настолько что можно будетъ сказать о нихъ нѣчто болѣе положительное. А пока для Англіи достаточно предстоить работы обезопасить пребываніе своихъ войскъ въ Афганскомъ краѣ отъ всякихъ случайностей и водворить нѣкоторый порядокъ для взволновавшаго населенія,— работы этой на всю зиму доставать.

Слѣдуетъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ для насъ не безынтересныхъ явленіяхъ.

Святость постановленій Берлинскаго конгресса и точное ихъ исполненіе, о чемъ съ такою серіозною важностью и настойчивостью разглагольствовала Европа, имѣли очевидно значеніе только въ отношеніи къ Россіи, и когда она исполнила все отъ нея требовавшееся, объ остальныхъ пунктахъ того

же священнаго акта уже мало кто заботится. Турція, напри-
мѣръ, до сихъ поръ не передала двухъ присужденныхъ Чер-
вогоріи округовъ и ведетъ объ этомъ съ представителемъ
князя Николая переговоры какъ будто о чемъ-нибудь еще
подлежащемъ обсужденію. Между тѣмъ Албанцы, Турками
же подстрекаемые, доводятъ дѣло до кровопролитія и выну-
дили Черногорцевъ сосредоточить на границѣ значительный
отрядъ. Если Порта потеряла власть надъ Албанцами и не
можетъ заставить ихъ повиноваться (въ чемъ мы рѣшительно
сомнѣваемся), то должна бы объявить объ этомъ, и тогда
державы подписавшія Берлинскій трактатъ обязаны принять
мѣры чтобы постановленія его были исполнены, или же пред-
оставить самимъ Черногорцамъ распорядиться, но съ при-
личнымъ за новыя жертвы вознагражденіемъ насчетъ упор-
ствующихъ Албанцевъ. Что, казалось бы, справедливѣ это-
го? Но теперь дѣло уже идетъ о причиненіи новой неприя-
тельности Россіи: имѣнно *неисполненіемъ* постановленій, такъ же
какъ до этого важно было настаивать на ихъ *исполненіи*;
черезъ Черногорію косвенно дѣйствуютъ во вредъ намъ, по-
казывая славянскимъ княжествамъ что наша защита и пред-
стательство ничтожны. Система, какъ видите, не изъ очень
благовидныхъ, могущая производить вліяніе, впрочемъ до из-
вѣстной степени, и только: никакими силами не удастся
нашимъ противникамъ окончателно вытѣснить нравствен-
ное вліяніе Россіи на освобожденные ею народы, и если
у этихъ послѣднихъ достанетъ мудрости и характера спло-
титься въ тѣсный союзъ, забывъ наконецъ свои мелкіе раз-
доры и соперничества, рѣшительно сопротивляясь всякимъ
навязываемымъ *благодѣяніямъ* и опираясь на покровительство
Россіи, то ничего имъ не сдѣлаютъ не только Швабо-Мадья-
ры, но даже и въ соединеніи съ Англо-Турками.

Въ Константинополѣ опять перемѣнилось министерство...
Великимъ визиремъ назначенъ Саадъ-паша, а министромъ
внутреннихъ дѣлъ Махмудъ-Недимъ-паша, савущій руссо-
филомъ или по крайней мѣрѣ сторонникомъ дружбы съ Рос-
сіей, бывший самъ великимъ визиремъ и лавшій вмѣстѣ со
своимъ повелителемъ Абдуль-Азизомъ. При томъ критиче-
скомъ положеніи въ которомъ находится въ настоящую ми-
нуту царство Османовъ, обязанное всѣми своими несчастіями
сердечной дружбѣ ревнителей ея дѣлности и независи-
мости съ одной стороны, ненавистной алчности и фанатиз-

му своихъ лашей съ другой, вообще трудно придавать тому или другому министерству особое значеніе, ибо даже при самомъ искреннемъ желаніи и достаточныхъ способностяхъ нѣтъ почти возможности преодолѣть роковую силу обстоятельствъ внутреннихъ и вѣшнихъ, противящихся хоть нѣкоторому усложненію и устройству расшатанной государственной машины. Тѣмъ не менѣе, новое министерство, не враждебное Россіи, постарается, безъ сомнѣнія, избѣжать всего что могло бы возбуждать ея неудовольствіе и потому бросить всякую мысль о занятіи Балканъ, смѣнивъ южно-болгарскаго генералъ-губернатора Алеко-пашу или насильственной дезорганизациі болгарскихъ дружинъ, вообще откажется всему такъ желательному австро-англійскимъ мутителямъ спокойствія въ недавней имъ южной Болгаріи. И въ собственныхъ своихъ интересахъ Порты ничего лучше не можетъ сдѣлать. Но до какой степени малѣйшій тонъ къ выгодѣ Россіи и Славянъ выводитъ изъ себя лордовъ правителей Британской имперіи, можно судить по тому что составъ новаго министерства вызвалъ протесты, угрозы отозвать опекуна Лейарда, даже сдѣлать морскую демонстрацію къ Константинополю и т. п. Это называется охраненіемъ *независимости* Турціи! Не знаешь въ самомъ дѣлѣ чему больше удивляться: наглою ли безцеремонности, презрѣнію ли къ самонамѣншему уваженію правды, презрительному ли игнорированію у европейскаго общества хоть слабыхъ умственныхъ способностей для пониманія происходящаго предъ его глазами, совершенному ли неумѣнію краснѣть, наконецъ, за свои слова и поступки? До такихъ размѣровъ беззастѣнчивости кажется однако еще не доходило ни одно министерство въ Англіи. Ему пророчатъ скорое паденіе. Отъ души желаемъ этого; и хотя мы не думаемъ чтобы съ какимъ бы то ни было другимъ англійскимъ министерствомъ возможно было устроить *искреннія* добрыя отношенія, во все же можно бы по крайней мѣрѣ сговариваться и обсуждать взаимныя дѣла безъ опасности быть вдругъ грубо оскорбленными или самымъ предательскимъ образомъ обманеными.

Во Франціи, этой всеми дарами природы такъ щедро надѣленной, богатой странѣ, пользующейся сравнительно съ другими странами высокимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, обиліемъ капиталовъ, развитою промышленностью, всеми

средствами для полнаго развитія духовныхъ и матеріальныхъ силъ, никакъ не можетъ установиться внутренній миръ и спокойствіе. Борьба партій, стремящихся ко власти, не обрезающихъ никакими интригами и подвохами, безумная агитация приверженцевъ крайнихъ социалистическихъ ученій, уже забывшихъ ужасныя происшествія 1871 года, опять начинающихъ славословить коммуу, — въ послѣдніе дни заявили себя въ Парижѣ, благодаря возвращенію части сосланныхъ изъ Каледоніа, съ такою силой что приходится усомниться въ продолжительной прочности настоящаго республиканскаго правительства. Такое внутреннее положеніе Франціи очевидно дѣлаетъ ее слабою для дѣятельной внѣшней политики, что не можетъ не радовать князя Бисмарка, вмѣстѣ съ тѣмъ и Италія ставится въ положеніе затруднительное на случай если бы ей предстояло серьезное вмѣшательство въ осложненія могущія возникнуть вскорѣ на почвѣ Восточнаго вопроса: при одновременномъ дѣйствіи съ Франціей, она, Италія, гораздо свободнѣе и увѣреннѣе выступила бы на сцену; безъ Франціи же дѣло принимаетъ другой видъ и представляетъ больше риска, на который Италіяны весьма благоразумно не охотники.

Всѣ такія соображенія и приводятъ насъ къ заключенію что убаюкивать себя надеждами на союзы было бы крайнею оплошностью. Единственный союзникъ Россіи, самою силою обстоятельствъ назначенной къ этой роли, это—сами христіанскіе народы Востока; но еще болѣе вѣрный, надежный, неизмѣнный и крѣпкій союзникъ—самъ Русскій народъ; нужно только повѣргичивѣе взяться за облегченіе его матеріальныхъ тяготъ, освободивъ отъ непосильныхъ повинностей, учредивъ наконецъ дѣйствительный, строгій контроль, дабы ни единая копейка государственной казны не тратилась безъ надобности и не служила нахально-возмутительнымъ средствомъ обогащенія нѣсколькихъ безцеремонныхъ личностей; нужно не откладывать разрѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ упраздненіе солоннаго налога, какъ реформа подушной подати, устройство дешеваго кредита для пріобрѣтенія крестьянами земель, вообще введенія всего что можетъ облегчить положеніе земледѣльческаго населенія и служить къ улучшенію и усиленію земледѣлія и скотоводства, этихъ самонаивнѣйшихъ отраслей нашего экономическаго благосостоянія.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О ПОДПИСКЪ НА 1880 ГОДЪ

на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, наукъ и искусствъ

„ОГОНЕКЪ“,

съ бесплатными художественными приложениями.

52 НУМЕРА ВЪ ГОДЪ.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА“:

1. Романы, повѣсти, разказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).2. Историческіе очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.).4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ	области всѣхъ наукъ: естествознанія, археологіи, географіи, медицины, механики и т. д., и искусствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. л.6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.7. Тиражи выигрышей 1го и 2го внутреннихъ займовъ.8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія дѣлаетъ лишними всякія лишныя обѣщанія. Успѣху этому „ОГОНЕКЪ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ *счетомъ*. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ „ОГОНЬКЪ“ принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Авсеенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій (псевд.), К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, гр. Е. А. Салиасъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Феть и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 году съ первыхъ номеровъ редація начнетъ печатать: *МАСОНЫ*, романъ въ 5 частяхъ, А. Э. Писемскаго и *ЛИХО*, историческая повѣсть, Д. В. Аверкіева.

Годовая цѣна „ОГОНЬКА“: безъ доставки 4 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЬКЪ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, домъ Коровина, № 16.

Редакторъ журнала *Огонекъ*
Н. П. Аловертъ.

Издатель журнала *Огонекъ*
Герм. Дмитр. Гоппе.

●● Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностран-
ные журналы и газеты. ●●

К. 9.090.—3.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

на

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДШЕВЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Съ 1 января 1880 года „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнетъ XIII
годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею
со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутрен-
нихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1880 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, то-есть четыре
numera въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать
въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 2.000 полнотипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій
въ тексѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и
выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ
работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для Iго изданія) модныхъ раскрашенныхъ па-
рижскихъ картинокъ для 2го изданія, исполненныхъ лучшими
иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ па-
рижскихъ картинъ для 3го изданія.

Новѣйшія музыкальныя лісы (ноты) любимыхъ компози-
торовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго
времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, порт-
реты, тилы и пр.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложения и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣеть гораздо болѣе подписчиковъ чѣмъ всѣ модныя журналы издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1880 годъ:

Iму изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ—5 руб. 50 коп.; съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 6 руб.

IIму изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп.; съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 7 руб.

IIIму изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками, 12 раскрашенными акварельными картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: Iму изданію—5 руб.; IIму изданію—6 р. 50 к.; IIIму изданію—8 р. 50 к.; съ пересылкой: Iму изданію—6 р.; IIму изданію—7 р.; IIIму изданію—9 руб.

Издатель *Моднаго Свѣта* Германъ Гоппе.

Главная контора редакціи „МОДНАГО СВѢТА“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

●● Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подлску и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты. ●●

К. 9.091.—3.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

на

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1 января 1880 года журналъ *Всемирная Иллюстрація* начнетъ XII годъ (то-есть томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (то-есть 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумага, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Всемирная Иллюстрація, благодаря своей аккуратности и строгому выполнению программы, приобрѣла въ теченіе одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редація *Всемирной Иллюстраціи* стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная что въ теченіе своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редація считаетъ излишними всякія пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ НА 1880 ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ 13 р. — к.		Съ доставкой въ С.-Петербургъ 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ..... 14 „ 50 „		Съ пересылкой въ другіе города 16 „ — „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляет политическія событія, войну, изящная искусство, исторію, изящную словесность, географию, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусство, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ *Всемирной Иллюстраціи* представляет собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библиотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„Всемирной Иллюстраціи“

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 руб. 75 коп., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Цѣна первыхъ 20 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 годъ (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англійскомъ коленкор. перепл. 14 руб.; 1870 годъ (томы III и IV), 1871 годъ (томы V и VI), 1872 годъ (томы VII и VIII) и 1873 годъ (томы IX и X)—по 8 руб. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тиснен. золотомъ переплотахъ, каждый годъ стоитъ по 12 руб. безъ пересылки. 1874 годъ (томы XI и XII), 1875 годъ (томы XIII и XIV), 1876 годъ (томы XV и XVI), 1877 годъ (томы XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 годъ (томы XIX и XX) (безъ приложеній)—по 9 руб. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплотахъ безъ пересылки по 13 руб.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. сер.

Главная контора редакціи *Всемирной Иллюстраціи* въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, домъ № 16.

Редакторъ-издатель *Всемирной Иллюстраціи* Германъ Гоппе.

●● Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты. ●●
К. 9.092.—3.

Ахъ нѣтъ усады мнѣ иной какъ только
 Взирать на дорогое существо! *(Взглянувъ на небо:)*
 Часы жары Сакунтала проводить
 У рѣчки Малики, на берегу,
 Гдѣ кущи вьющихся растений; тамъ
 Сидитъ она съ подругами своими.
 Да, рѣшено, посажду за ней. *(Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ
 и осмотрѣвшись:)*

Сдается мнѣ что только-что прошаа
 Здѣсь по аллеѣ молодыхъ деревьевъ
 Моя Сакунтала со стройнымъ станомъ:
 Еще открыты углубленья въ стебляхъ
 Изъ коихъ сорвала она цвѣты
 И влаженъ сокъ надломленныхъ побѣговъ. *(Съ наслажде-
 ніемъ:)*

О какъ отраденъ воздухъ въ этомъ мѣстѣ!
 Здѣсь тѣломъ пламенѣющимъ любовью
 Прохладный вѣтеръ я могу обнять
 Несущій брызги свѣжіе рѣки
 И лотоса благоуханный запахъ. *(Осмотрѣвшись:)*
 Вотъ вѣрво здѣсь Сакунтала сидитъ
 Въ бесѣдкѣ изъ лѣня и камышей..
 При входѣ, что лескомъ усыпанъ желтымъ,
 Я замѣчаю свѣжій рядъ слѣдовъ:
 Носки приподняты, а лямки вглубь,
 Въ лесокъ вошла, подъ тяжестью тѣла.
 Чтѣ, если я взгляну туда сквозь вѣтви? *(Сдѣлавъ это, съ
 радостью:)*

Здѣсь высшее блаженство созерцанья!
 О чудная картина! На цвѣтахъ
 Разбросанныхъ по каменной скамейкѣ
 Лежитъ моя возлюбленная дѣва
 И съ ней подруги... Подойду поближе
 Подслушаю, о чемъ онѣ толкуютъ. *(Становится и наблю-
 даетъ:)*

Появляется САКУНТАЛА и съ нею обѣ ПОДРУГИ*.

* Подобныя появленія производились вѣроятно посредствомъ отдѣрживанія занавѣса.

ПОДРУГИ (*жакая опаздала*).

Сакунтала, о милая подруга!
 Пріятель ли тебѣ отъ опаздалъ
 Изъ листьевъ лотоса пахучій вѣтеръ?

САКУНТАЛА (*вяло и утомленно*).

Какъ?... Развѣ машете вы на меня,
 Подруги?

(Обѣ подруги съ безпокойствомъ смотрятъ одна на другую.)

ЦАРЬ.

Неужель она хвораетъ?

Но что жь причиною ея разстройства:
 Жара—иль то, въ чемъ вся надежда сердца?

(Подумавъ:)

Но нѣтъ! Возможно ли еще сомнѣнье?
 Страдаетъ дѣвушка: она усиря
 Пахучей мастью освѣжаетъ грудь;
 Сплетенное изъ лотоса залястье
 Ниспало на локоть отъ самыхъ плечъ,
 И вмѣстѣ съ этимъ какъ она прелестна!
 Конечно, и любовь, и лѣтній жаръ
 Страданье причиняютъ въ равной мѣрѣ:
 Но все жь тѣ дѣвы, коихъ зной томить,
 Далеко не бываютъ столь прекрасны!

ПРІЯМВАДА (*къ подругѣ*).

Сакунтала разстройство началось
 Съ тѣхъ поръ какъ познакомилась она
 Съ тѣмъ мудрецомъ изъ царственнаго рода.
 Иной не быть причинѣ, Анасуя!

АНАСУЯ.

Я и сама подозрѣваю это.
 Спрошу ее. Сакунтала, мой другъ!
 Я отъ тебя кой-что узнать желаю...
 Однако, какъ сильна ея горячка!

ЦАРЬ.

Дѣйствительно: изъ лотоса залястье,
 Что близкой равняется лунѣ,
 Все почервѣло, чѣмъ и проявляетъ
 Сколь жаръ ея невыносимъ.

САКУНТАЛА (*слегка приподнявшись съ лѣжа*);

Такъ что же

Спросить ты хочешь у меня, подруга?

АНАСУЯ.

Понять не можемъ мы той перемѣны
 Которая въ тебѣ произошла.
 Однако именно какъ въ твоихъ разказахъ,
 Что для забавы намъ сочинены,
 Описаны страданія влюбленныхъ—
 Такъ, кажется, и ты теперь страдаешь.
 Поэтому скажи намъ: что за недугъ
 Тебя объялъ? Вѣдь не узнавъ причины
 Возможно ль къ врачеванью приступить?

ЦАРЬ.

Мои сказала мысли Анасуя.

САКУНТАЛА.

О, слишкомъ велики мои мученья
 Чтобъ вамъ, подруги, ихъ пересказать.

ПРІЯМВАДА.

И я вполнѣ съ подругою согласна:
 Къ чему скрываешь ты свою болѣзнь?
 Твое здоровье таетъ съ каждымъ днемъ,
 Отъ красоты твоей лишь тѣнь остаась.

ЦАРЬ.

А вѣдь Пріямвада права: у ней
 Ланиты влади и упругость перси
 Свою утратили; чрезмерно тонокъ
 Сталъ гибкій станъ ея, и плечи словно
 Внизъ опустились; блѣдень цвѣтъ лица...
 Какую жалость видъ ея внушаетъ,
 И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ лѣняетъ духъ:
 Вѣдь отъ любви бѣднѣжка захворала!
 Она похожа на лиану, коей
 Весною листья вѣтеръ изсушилъ.

САКУНТАЛА (со вздохомъ.)

Кому жъ охотнѣе бы я открылась
 Чѣмъ вамъ? Но что жъ мнѣ даромъ васъ печалить!

ОБЪ.

Тѣмъ больше ты должна такъ поступить:
 Бываетъ легче коль раздѣлишь горе.

ЦАРЬ.

Подругой спрошенная, что печаль
 И радость каждую съ ней раздѣляетъ,
 Причину скорби выскажетъ она.

Хоть видѣлъ хорошо я, какъ глядѣла
Она мнѣ вслѣдъ, съ любовью озираясь,
А все-таки съ какимъ-то тайнымъ страхомъ
Готоваюсь я отвѣтъ ей услышать.

САКУНТАЛА.

Съ тѣхъ поръ какъ царственный мудрецъ, подруга,
Тотъ что хранитъ священные лѣса,
Мнѣ встрѣтился...

(Застыдившись прерываетъ свою рѣчь.)

ОБЪ.

Ну дальше, дальше что же?

САКУНТАЛА.

Ахъ, съ той поры почувствовала склонность
Я непреодолимую къ нему:
Она и вызвала мое разстройство.

ОБЪ.

Что жь? Выборъ твой счастливъ: коль ты нашла
Того кто красотой съ тобою равенъ.
Могучая рѣка вѣдь только можетъ
И течь что въ океанъ.

ЦАРЬ *(радостно)*.

О наконецъ-то

Услышалъ я что такъ хотѣлось слышать!
Досель терзавшій духъ мнѣ богъ любви
Теперь усладу самъ мнѣ доставляетъ
Не меньше облачнаго дня, который,
По минованьи тягостной жары,
Всѣ существа земныя освѣжаетъ.

САКУНТАЛА.

Коль вы сочувствуете мнѣ, подруги,
То постарайтесь чтобы тотъ мудрецъ,
Потомокъ царской крови, состраданье
Ко мнѣ явилъ свое, иль обо мнѣ
Какъ объ умершей послѣ вспоминайте!

ЦАРЬ.

Смыслъ словъ ея сомнѣнье разрѣшаетъ.

ПРІЯМВАДА *(тихо подругѣ)*:

Послушай, Анасуя! Далеко
Зашла любовь ея: она отсрочки
Теперь не въ силахъ перенестъ.

АНАСУЯ.

Конечно,

Но какъ исполнимъ мы ея желанье
Немедленно, и тайно вмѣстѣ съ тѣмъ?

ПРИЯМВАДА.

Исполнить тайно—будемъ мы стараться,
Исполнить скоро—намъ легко.

АНАСУЯ.

Но какъ?

ПРИЯМВАДА.

Вѣдь самъ же царственный мудрецъ, который
Влюбленными глазами обнаружилъ
Къ подругѣ нашей вѣжную любовь,
Весь исхудалъ за эти дни отъ бѣдъныя.

ЦАРЬ.

И въ самомъ дѣлѣ я таковъ: отъ слезъ
Горячихъ, что изъ глазъ моихъ стекали,
Цвѣтные камни потеряли блескъ
Въ залястьи на рукѣ, которой ночью
Я голову въ лечали подпиралъ.
И самое залястье, что рубцами
Отъ тревья стрѣлъ не сдержано уже,
Спадаетъ часто съ локтя, и я долженъ
Не разъ его на мѣсто надвигать.

ПРИЯМВАДА (*подумавъ*):

Тогда пусть тотчасъ же она напишетъ
Къ нему любовное письмо; а я
Въ букетѣ изъ цвѣтовъ его запрятавъ
Царю какъ даръ лочетный отнесу.

АНАСУЯ.

Такое средство вѣжное по мнѣ;
Но что Сакунтала на это скажетъ?

САКУНТАЛА.

Могу ль я разсуждать о приказаньи?

ПРИЯМВАДА.

Такъ сочини же лѣсенку, и въ ней
Въ изящныхъ, но прикрытыхъ выраженьяхъ
Все состоянье олиши свое.

САКУНТАЛА.

Что жъ? сочину. А все боится сердце
Быть имъ отвергнутой...

ЦАРЬ.

Но здѣсь стоитъ

Тотъ, кѣмъ ты быть отвергнутой боишься,
 И жаждетъ самъ свиданія съ тобой.
 Женихъ своей достигнуть можетъ милой
 И не достигнуть; если же она
 Сама къ нему стремится, то помѣхи
 Ужъ нѣтъ для нихъ. Не жемчугъ вѣдь насъ ищеть
 А мы его отыскивать должны.

ОБЪ ПОДРУГИ.

Зачѣмъ сама ты цѣну умаляешь
 Своимъ достоинствамъ? Ну кто же станетъ
 Отъ мѣсяца осеняго лучей,
 Конецъ жаровъ отрадныхъ приносящихъ,
 Зонтомъ себя безъ цѣли защищать?

САКУНТАЛА (со смѣхомъ)

Ужъ я, подруги, за работой! (Думаетъ.)

ЦАРЬ.

Правда!

Я съ милой не свожу своихъ очей
 Которыя моргать забыли: вижу
 Какъ бровь ея, подобная ланѣ,
 Слегка приподнялась, пока стихи
 Она задумчивая сочиняетъ.
 А на лицѣ примѣтное волненье
 Невольно выдаетъ ея любовь.

САКУНТАЛА.

Ужъ лѣсенка готова; только чѣмъ,
 Подруги, написать ее не знаю.

ПРДЯМВАДА.

А здѣсь вотъ, на цвѣточномъ лепесткѣ,
 Что вѣженъ словно грудка полугая,
 Ее ногтемъ ты можешь начертать.

САКУНТАЛА.

Послушайте жь, удачны ли стихи?

ОБЪ.

Мы слушаемъ внимательно, подруга.

САКУНТАЛА (читаетъ):

Сердца твоего не знаю;
 Но въ любви я какъ въ огнѣ
 Днемъ и ночью вся пылаю,
 О жестокий, ло тебѣ.

Къ одному тебѣ стремятся
 Всѣ души моей мечты,
 Всѣхъ желаній служишь цѣлью
 Дая меня одинъ лишь ты!

ЦАРЬ. *(Внезапно выходитъ изъ-за дѣре-
 ревьсы.)*

Любовь, о дѣвушка, воспламенила
 Твое маадое тѣло; а меня?..
 Меня, повѣрь, она въ конецъ сжигаетъ:
 Сильнѣе солнце изжуряетъ мѣсяць
 Чѣмъ лотоса цвѣтокъ. *

ОБЪ ПОДРУГИ *(увидя царя съ радостью
 встають со своихъ мѣстъ):*

О, государь!

Добро пожаловать тебѣ, въ которомъ
 Стремленья наши всѣ воллощевы.
(Сакунтала хочетъ тоже встать.)

ЦАРЬ.

О не трудись, красавица, вставать!
 Не думай о приличьи: члены твои,
 Простерты на ложѣ изъ цвѣтовъ,
 Жарой томительной удручены.
 Смотри, какъ быстро на твоей рукѣ
 Изъ лотоса залястье увядаетъ.

САКУНТАЛА *(шепотомъ къ себѣ):*

О сердце! Неужели ты, сробѣвъ,
 Олять ему ни слова не промолвишь?

АНАСУЯ.

Пусть здѣсь, на камнѣ, сядетъ мощный царь!
(Сакунтала немного отодвигается.)

ЦАРЬ *(садясь):*

Пріямвада! какъ видно очень мучить
 Подругу вашу милую болѣзнь?

* Бѣлый лотосъ (съ которымъ царь сравниваетъ Сакунталу) отъ дѣйствія солнечныхъ лучей закрываетъ свои цвѣтки и вянетъ, но распускается ночью. Себя же самого царь сравниваетъ съ мѣсяцемъ, который, по мнѣнію Индусовъ, тоже терпитъ отъ солнца.

ПРІЯМВАДА (со смѣхомъ):

Теперь ужь скоро все пройдетъ! Лѣкарство
Вѣдь налицо! О царь! Мы замѣчаемъ
Въ обоихъ васъ взаимную любовь.
Но нѣжная привязанность къ подругѣ
Сказать еще разъ мнѣ повелѣваетъ
Что было уже сказано.

ЦАРЬ.

Не должно
Скрывать того что высказать желаешь:
Не то потомъ раскаянье придетъ.

ПРІЯМВАДА.

Такъ слушай, долговѣчный!

ЦАРЬ.

Я внимаю.

ПРІЯМВАДА.

Вѣдь долгъ царя отшельниковъ хранить,
И защищать отъ всяческихъ напастей?

ЦАРЬ.

Кикой же долгъ священныѣ чѣмъ этотъ?

ПРІЯМВАДА.

Ты видишь: нашу милую подругу
Блаженный богъ любви такъ изнуряетъ,
Въ ней склонность пробудивъ къ тебѣ; ей жизнь
Младую сохрани своимъ участиемъ.

ЦАРЬ.

Здѣсь склонность обоюдна: я вполнѣ,
Повѣрь, ея избраньемъ осчастливленъ...

САКУНТАЛА (со волненіемъ переходящимъ
въ смѣхъ):

Довольно царственного мудреца
Вамъ здѣсь задерживать, подруги! Онъ,
Въ разлукѣ будучи съ своимъ гаремомъ,
Въ душѣ къ нему стремится.

ЦАРЬ.

Если мнѣ,
Красавица, не вѣришь ты, что въ сердцахъ
Моемъ одна ты, милая, живешь,
То въ пораженнаго меня вторично
Свою стрѣлу пускаетъ богъ любви.

АНАСУЯ.

Мы слышали что у царей бываетъ
Помвогу женъ; такъ сдѣлай чтобъ она
Отъ новыхъ родственницъ не потеряла.

ЦАРЬ.

Не стану, дѣва, тратить даромъ словъ:
Хоть женъ и много у меня, но двѣ лишь
Опоры дому моему: земля *
Что олоясава шумящимъ моремъ,
Да милая подруга ваша.

ОБЪ.

Мы

Слокойвы.

*(Сакунтала выражаетъ радость.)*ПРІЯМВАДА *(къ Анасуй):*

Анасуй, посмотри

Какъ юная подруга постепенно
Все оживляется, подобно лавъ,
Когда во время лѣта освѣжить
Ее отъ облака прохладный вѣтеръ.

САКУНТАЛА.

Намъ не мѣшаетъ попросить царя
Насъ извинить что мы перестулили
Предѣлъ почтительности, полагаясь
На одиночество...

ОБЪ *(со смѣхомъ):*

Кто говорилъ

Тотъ пусть и проситъ извиненья; кто же
Еще виновенъ?

САКУНТАЛА.

Государь великій

Пусть свисходительно проститъ насъ, если
Въ его присутствіи мы что сказали...
Вѣдь мало ль что заглазно говорить!...

ЦАРЬ.

Я съ тѣмъ условьемъ лишь прощу твой промахъ,
Коль ты любезно съестъ позволишь мнѣ
На ложъ изъ цвѣтовъ что чашны
Твои сейчасъ покинули, и отдохнуть...

ПРІЯМВАДА *(смѣсь):*

О, этому ль она не будетъ рада!

* Подвластная царю земля почитается какъ бы одною изъ его
супругъ.

САКУНТАЛА (съ досадою):

Ахъ перестань, болтушка! Надо мной,
 Къ такому состоянію пришедшей,
 Еще смѣешься ты! (Царь садится возлѣ Сакунталы.)

АНАСУЯ.

Пріямвада!

Вотъ видишь, тамъ, козленокъ аяилолы,
 Отшельникамъ принадлежащій, бродить
 И озирается кругомъ. Онъ мать
 Свою изъ виду потерялъ и ищетъ.
 Мнѣ хочется его къ ней отвести.

ПРІЯМВАДА.

Онъ быстро бѣгаетъ, тебѣ не сладить,
 Подруга, съ нимъ одвой; а потому
 И я пойду тебѣ на помощь. (Собираются уйти.)

САКУНТАЛА.

Нѣтъ,

Я не позволю вамъ уйти отсюда!
 Тогда я буду беззащитна.

ОБВ (смѣясь):

Какъ?!

Ты ль будешь беззащитна, коль съ тобою
 Сидитъ защитникъ царства? (Уходятъ.)

САКУНТАЛА.

Неужели

Меня оставили мои подруги?

ЦАРЬ (осмотрѣвшись во все стороны):

О, перестань, красавица, бояться:
 На мѣсто удалившихся подругъ
 Я буду утишать твои страданья.
 Скажи: не вѣять ли мнѣ на тебя,
 Чтобъ побѣдить усталость, опухлою
 Изъ влажныхъ листьевъ лотоса и пальмъ?
 Иль долженъ я, къ себѣ взявъ на колѣна
 Твои стулны, что красны какъ цвѣтокъ,
 Ихъ гладить, чтобъ тебѣ пріятно было?

САКУНТАЛА.

Дозволивъ это я бы погрѣшила

Противу тѣхъ что должно почитать:

(Вставъ, насколько позволяютъ ей силы, собирается
 уйти.)

ЦАРЬ (*удерживая Сакунталу*):

Красавица! Вѣдь день не миновалъ,
Разстройство же твое еще такъ сильно!
Тебѣ ль, покинувъ ложе изъ цвѣтовъ,
Со слоемъ мягкихъ листьевъ на груди,
Идти по такой жарѣ и члены
Свои усталостию извурать?

(*Продолжаетъ держать ее.*)

САКУНТАЛА.

Пусти, пусти! Ты видишь, я сама
Собою не владѣю. Вся защита
Моя была въ подругахъ, а теперь,
Когда ихъ нѣтъ здѣсь, я боюсь остаться.

ЦАРЬ.

Увы, я пристыженъ...

САКУНТАЛА.

Но разумѣю

Я не царя.. Судьбу я укоряю.

ЦАРЬ.

А если намъ судьба благопріятна,
За что же лоричать ес, скажи?

САКУНТАЛА.

О! нѣтъ, я полное имѣю право
Судьбу бранить, когда, мнѣ показавъ
Всю полноту достоинствъ въ человѣкѣ,
Она страсть пылкую во мнѣ зажгла...
А силы нѣтъ чтобы владѣть собою...

ЦАРЬ (*къ себѣ*):

И въ сильномъ даже возбужденіи дѣввы
Противятся желаньямъ жениховъ.
Онѣ упрямятся, хотъ сласть союза
Любовнаго предошущають сами.
Не богъ любви ихъ мучить, а онѣ
Его терзають, улуская время. (*Сакунтала уходитъ.*)
Какъ? Неужель я такъ и откажусь
Свое желаніе исполнить?

(*Подходитъ къ ней и держитъ ее
за платье.*)

САКУНТАЛА

Стои!

Потомокъ Пуру! Не нарушь закона:
Отшельники здѣсь ходять лостоанно...

ЦАРЬ.

Наставниковъ напрасно ты боишься:
 Почтенный Канва, вѣдая обычай,
 Изъ-за тебя не будетъ огорчень.
 Вѣдь дочери отшельниковъ не разъ ужь
 Съ согласія родителей вступалаи,
 Влеченью ловиуясь, въ вольный бракъ.*

(Оглядывается во все стороны.)

Неужли я ужь вышелъ на просторъ?

*(Выпустивъ Сакунталу, возвращается
 тою же дорогой обратно.)*САКУНТАЛА *(сдѣлавъ шагъ, возвращается
 тоже съ истоной въ тѣль.)*

Потомокъ Пуру! Твоего желанья
 Я не исполнила, и хотъ меня
 Ты знаешь лишъ изъ разговора, все же
 Не должень ты Сакунталу забыть!

ЦАРЬ.

Уйдя далеко даже не оставишь,
 Красавица, ты сердца моего,
 Какъ стволъ древесный тѣнь не покидаетъ
 Чтò вечеромъ ложится на востокъ.

САКУНТАЛА *(пройдя немного дальше къ себѣ.)*

Ахъ, не ступаютъ дальше ноги
 Когда я это слышу. Пусть такъ будетъ!
 Я спрячусь здѣсь за этими кустами,
 Взгляну, къ чему придетъ его любовь? *(прячется.)*

ЦАРЬ.

Зачѣмъ ты, милая, меня, одной
 Любви лишъ преданнаго, покидаешь,
 Ни разу даже не взглянувъ назадъ?
 Зачѣмъ въ твоёмъ прелестномъ тѣлѣ, коимъ
 Лишь издали я смѣю любоваться,
 Живетъ душа сириши стебля тверже?

САКУНТАЛА.

Возможно ли уйти улашавъ это?

* То-есть „въ бракъ по образу Гондарвовъ“. Это самая свободная изъ восьми формъ индѣйскаго брачнаго союза, единственнымъ условіемъ которой была взаимная склонность жениха и невесты (законы Ману, III, 32).

ЦАРЬ.

Что жь дѣлать мнѣ въ бесѣдкѣ опустѣлой,
Съ тѣхъ поръ какъ милая ушла? *(смотритъ предъ собой:)*

Вотъ что

Мнѣшаетъ мнѣ отсюда удаиться:
Улавшее съ руки ея залястье
Съ оставшимся на немъ слѣдомъ *усирги*,
Передо мной оковою лежитъ
Для сердца. *(Почтительно поднимаетъ его.)*

САКУНТАЛА *(взглянувъ на свою руку):*

Ахъ! оно съ руки моей
Разслабленной скользнуло незамѣтно.

ЦАРЬ *(прибавъ залястье къ груди):*

Какое чудное прикосновенье!
Уборъ твой, милая, съ твоей руки
Сюда испавшій хотъ лишень разсудка,
Но утѣщаетъ бѣдноваго меня;
А отъ тебя мнѣ нѣтъ, мнѣ нѣтъ улады!

САКУНТАЛА.

Ахъ! дольше медлить я уже не въ силахъ.
Пусть! это мнѣ предлогъ къ нему явиться. *(Идетъ къ царю.)*

ЦАРЬ *(увидя ее, радостно):*

О, неужель царица дней моихъ
Идетъ сама ко мнѣ... Едва успѣвъ я
Произвести лишь жалобу свою,
Какъ награжденъ судьбою милосердой.
Воды просила птица, у которой
Отъ жажды горло высохло, и что жь?—
Внезапно въ небѣ облако явилось,
И калями ей оросило клювъ.

САКУНТАЛА *(приблизившись къ царю):*

Блаженный! Вспомнила на лодорогѣ
Я про свое цвѣточное залястье,
Что было на рукѣ моей, и вотъ
Пришла за нимъ. Мнѣ сердце лодсказало
Что у тебя оно, и потому
Отдай пожалуста его обратно,
Иначе насъ ты выдашь мудрецамъ.

ЦАРЬ.

Я возвращу его съ однимъ условьемъ...

САКУНТУЛА.

Съ какимъ же?

ЦАРЬ.

Чтобъ я самъ его надѣлъ

Тебѣ на руку..

САКУНТАЛА (съ стороны):

Есть ли тутъ исходъ? (Подходитъ къ нему.)

ЦАРЬ.

Пойдемъ отсюда къ каменной скамейкѣ!

(Пройдя по сценѣ, оба садятся.)

ЦАРЬ (взявъ Сакунталу за руку):

О, чудно-сладкое прикосновенье...

Навѣрно дереву тому любви

Что сожжено огнемъ благаго Сивы,

Свой дождь нектарный ниспославъ, судьба

Отростокъ новый возродила....

САКУНТАЛА.

О, послѣши, о, послѣши, супругъ!..

ЦАРЬ (съ радостью, къ себѣ):

Теперь я ободренъ ея словами:

Она меня супругомъ назвала. (Громко:)

Слаба завязка твоего запястья,

Красавица; коль ты на то согласна

Я иначе его тебѣ свяжу.

САКУНТАЛА (со смѣхомъ):

Что жь!.. Какъ тебѣ угодно.

ЦАРЬ (съ умышленною медленностью
завязывая запястье):

Посмотри:

Сомель къ тебѣ на руку новый мѣсяцъ!

Чтобъ стать прекраснѣе, оставя небо,

Онъ въ видѣ лотоса соединилъ

Свои рога вокругъ твоей руки,

Что льяну затемняетъ красотой.

САКУНТАЛА.

Его не вижу я... Ахъ, вѣрно пылью

Мнѣ засорило глазъ, что отъ нимфеи

У уха моего сдулъ вѣтеръ....

ЦАРЬ (со смѣхомъ):

Дай,

Его прочищу я своимъ дыханьемъ.

САКУНТАЛА.

О, будь же сострадательнѣе ко мнѣ...
Тебѣ не доверяю я...

ЦАРЬ.

О, вѣтъ,
Не говори такъ, дѣва! Новый рабъ
Идти не можетъ дальше приказанья
Своихъ господъ.

САКУНТАЛА.

Но именно твоя
Чрезмѣрная услужливость рождаетъ
Во мнѣ сомнѣнїе, великій царь!

ЦАРЬ (*къ себѣ*):

А все-таки не долженъ пропустить
Я случай удовлетворить желанью.

*(Старается приподнять ей лицо;
она сначала противится, но по-
томъ уступаетъ.)*

Ахъ, перестань же, милая, бояться
Что я лютеея грая переступлю.

*(Сакунтала смотритъ на него не-
сколько боязливо; царь, приподнявъ
ей лицо двумя пальцами, говоритъ
самъ себѣ:)*

Своимъ очаровательнымъ дрожаньемъ
Нетронутая, вѣжняя уста
Почти даютъ мнѣ, жаждущему, право
Прикосновеньемъ муку утолить.

САКУНТАЛА.

Сулругъ забылъ должно-быть обѣщанье...

ЦАРЬ.

Красавица! Я запахомъ нимфеи
У уха твоего былъ такъ смущенъ,
Что даже глазъ твой принялъ за нимфею...

(Дуновеньемъ прочищаетъ ей глаза.)

САКУНТАЛА.

Довольно! Глазъ теперь мой снова чистъ.
Но стыдно мнѣ, что милому сулругу,
Угодное мнѣ сдѣлавшему, я
Не возвращаю тѣмъ же.

ЦАРЬ.

Но зачѣмъ,

Красавица, обратное? Награда
Ужь въ томъ что вѣтеръ я выдыхалъ изъ усть
Твоихъ благоуханныхъ. Вѣдь довольна
Бываетъ пчелка коль удастся ей
Хоть залахъ лотоса вкусить!

САКУНТАЛА.

Но если

Она довольною не будетъ, то
Что сдѣлаетъ она?

ЦАРЬ.

Вотъ что! Вотъ что!..

*(Съ рѣшимостью приближается
къ ней, желая ее поцѣловать.)*

ЗА СЦЕНОЙ.

О, самка чакраваки! * Ужь лора,
Простись съ супругомъ: ниспадаетъ ночь.

САКУНТАЛА *(прислушавшись, съ тревогой):*

То вѣрно Каввина сестра родная,
Почтенная Гаутами, здоровье
Мое пришедшая провѣдать. О, скорѣе,
Супругъ, скорѣе спрячься за деревья!

ЦАРЬ.

Я такъ и сдѣлаю.

ГАУТАМИ *(выходитъ съ сосудомъ въ ру-
кахъ.)*

О, дочь моя!

Тебѣ воды священной принесла я.

(Посмотрѣвъ на Сакунталу и приподнявъ ее.)

* Индійскіе inseparables, anas Casaraca. Самецъ и самка этой породы сидятъ въ теченіе дня постоянно вмѣстѣ, но на ночь, по мнѣнію Индусовъ, въ силу какого-то произнесеннаго надъ ними проклятія, они должны разлучаться, и тогда начинаются съ обѣихъ сторонъ жалобные стоны. По толкованію одного изъ нѣмецкихъ переводчиковъ *Сакунталы*, Фритце, эти загадочныя слова произносить одна изъ подругъ Сакунталы, дабы предупредить ее о приходѣ Гаутами. Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ къ нему не подходятъ сѣдующія затѣмъ слова Сакунталы. Гораздо естественнѣе предположить, что сама Гаутами дѣлаетъ это обращеніе къ настоящимъ птицамъ, вичуть не подразумѣвая подъ ними Сакунталы и царя. Съ этимъ толкованіемъ согласно и непосредственное появленіе Гаутами на сцену, и слова Сакунталы, которая узнала по голосу свою названную мать.

Ты нездорова, а сидишь одна здѣсь,
Среди своихъ заступниковъ-божествъ.

САКУНТАЛА.

О вѣтъ, сейчасъ лишь къ берегу рѣки
Ушли Пріямвада и Амасуя...

ГАУТАМИ *(окропивъ Сакунталу священною водою.)*

Живи же долго, о, дитя, здоровой!
Ну, что, уменьшилась твоя горячка?

САКУНТАЛА.

Да, матушка, ужъ разнища видна.

ГАУТАМИ.

Клонится день, пора идти въ шалаашъ намъ.

САКУНТАЛА *(нѣсколько приставъ, къ себѣ.)*

Когда, о, сердце, прежде можно было
Тебѣ безмѣрно радость ощущать,
Ты бесполезно время пропускало;
Теперь плодъ дѣла своего вкуси!.

(Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и обернувшись, громко.)

Прощай, бесѣдка! Прекратила ты
Мои страданія; прощай на время,
Прощай до будущаго наслажденья...

(Объ уходитъ.)

ЦАРЬ *(вернувшись на свое прежнее мѣсто, со вздохомъ.)*

Ахъ, сколько достиженіе желаній
Встрѣчаетъ на пути своемъ преломъ!
Преестный ротикъ дѣвушки, который
Она, слова отказа повторяя
И глазки повернувъ свои къ плечу,
Такъ часто пальчиками прикрывала,—
О этотъ ротикъ удалось подвять мнѣ,
Не удалось его поцѣловать!..
Куда жь пойду я?.. Здѣсь, въ бесѣдкѣ этой
Изъ выющихся растеній, что служила
Моей возлюбленной, еще побуду...

(Посмотрѣвъ во всѣ стороны.)

Вотъ ложе сдѣланное изъ цвѣтовъ
Разбросанныхъ по камню: ея тѣло
Къ нимъ прикасалось; вотъ любви тѣ строки

Которыя на лотоса листѣ
 Своимъ ногтемъ она мнѣ начертала;
 Вотъ украшеніе съ ея руки
 Сплетенное изъ лотоса волоконъ.
 Любуясь этими вещами, я
 Не въ силахъ сразу выйти изъ бесѣдки
 Хоть и лустой...

(Подумавъ:)

Увы, какъ неразумно
 Я поступала, достигнувъ милой
 И даромъ время упустивъ... О, вѣтъ,
 Теперь когда красавица опять
 Придетъ одна ко мнѣ, не стану я
 Безъ толку время проводить! Что трудно
 Достигнуть радости и что къ свиданью
 Съ любезной на пути лежатъ преграды,
 То знаетъ сердце глупое мое,
 А какъ-то все оно тогда робѣеть...

ЗА СЦЕНОЙ.

О царь, о царь! Лишь только совершать
 Мы подъ вечеръ начнемъ свои обряды,
 Вкругъ алтаря съ пылающимъ огнемъ
 Летаютъ тѣни демоновъ толпою, *
 И повергаютъ насъ въ невольный ужасъ:
 Блгровымъ отблескомъ своимъ подобны
 Они клубамъ вечернихъ облаковъ.

ЦАРЬ (прислушавшись съ ртшижностью)

Не бойтесь, о отшельники, не бойтесь,
 Я здѣсь еще, я къ вамъ иду, пду...

(уходитъ).

* По вѣрованію Индусовъ въ воздухѣ обитають добрые и злые духи, которымъ они придаютъ разныя отащительныя названія. Послѣдніе находятъ особое удовольствіе дѣлать людямъ зло и между прочимъ стараются жѣшать жертвоприношеніямъ; иные изъ нихъ вампиры, другіе ѣдятъ человѣческое мясо. Души преступниковъ послѣ ихъ смерти переходятъ въ демоновъ, но только на время, послѣ чего для нихъ настаетъ новый рядъ воплощеній и возможность снова очиститься и стремиться къ совершенствованію.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРОЛОГЪ.

(Входятъ ОБЪ ПОДРУГИ, собирая цвѣты).

АНАСУЯ

Хотя Сакунталѣ, подругѣ нашей,
И выпало на долю счастье, въ бракѣ
Вступитъ свободный съ подходящимъ мужемъ,
Я все жь, Пріямвада, въ душѣ тревожусь.

ПРІЯМВАДА.

Какъ такъ?

АНАСУЯ.

Сегодня царственный мудрецъ

По окончаньи жертвоприношеній
Отпущенъ былъ отшельниками въ городъ;
Теперь вопросъ: увидя женъ въ гаремѣ
Сакунтаду вспоминаеть ли онъ тамъ?

ПРІЯМВАДА.

О вѣтъ, не сомнѣвайся! Благородство
Сродно, повѣрь, такимъ красивымъ людямъ.
А вотъ о чемъ намъ слѣдуетъ подумать:
Когда отецъ вернется нашъ домой
Изъ странствія къ священному куланью,
Узнавъ о всемъ что здѣсь произошло,
Какъ онъ тогда поступитъ?

АНАСУЯ.

Если ты

Мое желаешь знать объ этомъ мнѣнью,
То вотъ оно: отецъ нашъ все одобритъ.

ПРІЯМВАДА.

Ты думаешь?

АНАСУЯ.

Иначе быть не можетъ.

Вѣдь выдать замужъ онъ всегда хотѣлъ
Ее за подходящаго супруга:
Такого ей судьба теперь послала,
И будь увѣрена, что это дѣло
Порадуетъ лишь нашего отца.

ПРИЯМВАДА.

Да, ты права.

(Посмотрѣвъ на корзину съ цвѣтами.)

Послушай! здѣсь цвѣтовъ

Достаточно для жертвоприношенья.

АНАСУЯ.

Но подобаесть намъ еще почтить

И защитительныя божества

Подруги нашей! Посбираемъ больше!

ПРИЯМВАДА.

Совѣтъ твой справедливъ.

(Объ продолжаютъ свое занятіе.)

ЗА СЦЕНОЙ.

Эй, это я!

АНАСУЯ *(прислушавшись):*

Какъ-будто гость приходъ свой возвѣщаетъ...

ПРИЯМВАДА.

Сакунтала вѣдь вѣрно въ шалашъ?

(Подумавъ:)

Да, только сердце-то ея далеко!

А потому оставимъ-ка цвѣты.

(Встаютъ.)

ЗА СЦЕНОЙ.

Ты мной-то, гостемъ, такъ пренебрегаешь?.

Такъ пусть за это тотъ, о комъ въ душѣ

Ты такъ задумалась что незамѣтень

Тебѣ приходъ отшельника благаго,

Въ комъ глубина пустынной жизни, пусть

И тотъ не вспомнить о тебѣ, хоть будутъ

Ему тебя валоминать, какъ пьяный,

Что прежнія слова свои забылъ...

(Объ услышавъ это пораженъ.)

ПРИЯМВАДА.

Увы, несчастіе какое! Вѣрно

Подруга, коей сердце занято,

Кого-нибудь достойнаго почтенья

Обидѣла, не встрѣтивши какъ должно.

АНАСУЯ *(посмотрѣвъ впередъ):*

Подруга, хуже! потому что это

Не кто-нибудь простой, а всемъ извѣстный

Своей глѣзливостью аскетъ Дурваса.

О, страхъ! Широкимъ и послѣднимъ шагомъ

Онъ ужъ уходитъ отъ нея...

ПРИЯМВАДА.

Конечно,

Кому жь горѣть-то коли не огню?
 Вотъ что: лобди, и лавши въ ноги
 Проси его усердно возвратиться;
 А я въ то время приготавливаю воду
 И даръ почетный, съ чѣмъ его принять.

АНАСУЯ.

Да, да, прекрасно! *(Уходитъ.)*ПРИЯМВАДА *(пройдя нѣсколько шаговъ
слотыкается):*

Ахъ! недоставало

Чтобъ у меня слоткнувшейся отъ страха
 Цвѣтовъ корзина выпала изъ рукъ!.. *(Подбираетъ цвѣты.)*
(Анасуя возвращается.)

АНАСУЯ.

Чьи просьбы слушалъ этотъ человекъ,
 Который гавву служить воплощенемъ?
 И все-таки онъ нѣсколько смягченъ.

ПРИЯМВАДА.

Ужь это много отъ него. Скажи
 Какъ было все?

АНАСУЯ.

Вернуться не хотѣлъ онъ;

Тогда, улавъ къ ногамъ его, я стала
 Его молить въ такихъ словахъ: блаженный!
 О, вспомни какъ тебя дочь прежде чтила,
 И первую ошибку ей прости,
 Забывшей о могуществѣ твоёмъ...

ПРИЯМВАДА.

Ну, ну, что жь дальше было?

АНАСУЯ.

Онъ тогда:

„Что я сказалъ—не можетъ измѣниться;
 Проклятье будетъ лишь отвращено
 Уборомъ, что послужитъ къ обознанью“.
 И съ этими словами онъ исчезъ.

ПРИЯМВАДА.

Теперь мы можемъ духъ перевести.
 Ты помнишь что Сакунталъ на лалецъ
 При разставаньи царственный мудрецъ

Надѣвъ кольцо на коемъ вензель,
Сказавъ при томъ: „даю тебѣ на ламать“.
Располагая имъ, ей можно будетъ
Свою судьбу тяжелую смягчить.

АНАСУЯ.

Итакъ, пойдемъ; исполнимъ для нея
Что долгъ священный намъ повелѣваетъ.
(*Проходятъ по сценѣ.*)

ПРИЯМВАДА (*взвѣсивъ*):

О, Анасуя! погляди: подруга,
Лицомъ на лѣвую ладонь поникнувъ,
Сидитъ какъ на картинѣ, безъ движенья.
Она самой себя не замѣчаетъ,
Не то чтобъ гостя повстрѣчать!

АНАСУЯ.

Послушай!

Все то что здѣсь сейчасъ произошло
Нашъ долгъ въ сердцахъ сокрытъ. Должны беречь
Мы отъ природы вѣжную подругу.

ПРИЯМВАДА.

О, да! Иначе значило бы лить
Водой горячей на цвѣты жасмина...

Выходитъ УЧЕНИКЪ Каввы, только-что вставшій отъ сна.

УЧЕНИКЪ.

Вернувшійся изъ страстнаго дома,
Почтенный Кавва далъ мнѣ приказанье
Узнать какое время, и я вышелъ
Чтобъ посмотрѣть на чистомъ мѣстѣ, много ль
Еще осталось ночи.

(*Пройдя и посмотрѣвъ*)

А! заря!

Съ той стороны къ горѣ заката мѣсяцъ,
Властитель травъ *, приближился уже.
А съ этой—свой восходъ намъ возвѣщаетъ
Зарю алою свѣтило дня.
Два эти свѣточа опредѣляютъ

* По понятіямъ Индусовъ мѣсяцъ способствуетъ росту травъ особенно цѣлебныхъ и считается ихъ царемъ.

Своимъ движенъемъ всѣ условия жизни,
 И перемѣны въ мѣрѣ. Лишь зайдетъ
 Луна—и лотоса цвѣтокъ ужь больше
 Не радуется меня своей красой,
 Слѣды которой лишь въ воспоминаньи;
 Чрезмѣрно горе дѣвы тяжело
 Когда возлюбленный ее покинетъ. *
 Зара росу на стебелькахъ юобы **
 Подернула всю розовымъ отливомъ;
 Травянистую крышу шалаша
 Паваясь проснувшійся ужь покидаетъ,
 И съ края жертвеннаго мѣста лань,
 Всю землю вкругъ колытомъ исцаралавъ,
 Свой задъ съ усиленъемъ быстрымъ поднимаетъ,
 Встаетъ и таетъ. Вотъ мѣсяцъ, что
 Царицу горъ подвожіемъ избралъ ***
 И достигалъ какъ мрака поборитель
 Предѣловъ внутреннихъ чертога Вишну—
 Нисходитъ съ неба съ блѣдными лучами
 Еще оставшимися у него:
 Подъемъ чрезмѣрный даже у великихъ
 Кончается ладеніемъ всегда.

(Постыпно входитъ Анасуя.)

АНАСУЯ *(пре себя.)*

И мнѣ, не понимающей совѣмъ
 Дѣла мірекія, ясно что поступокъ
 Царя съ Сакунталой неблагороденъ.

УЧЕНИКЪ.

Я возвѣщу учителю что жертвы
 Теперь пора привести. *(Уходитъ.)*

АНАСУЯ.

Ночь миновала.

Я ложе сна покинула съ тревогой...
 Но только дѣлать что теперь начну я?
 Увы! къ обычнымъ утренимъ дѣламъ

* Цвѣтущій ночью, а днемъ закрытый, лотосъ уподобляется дѣвухѣ грустящей объ отсутствіи возлюбленнаго (то-есть мѣсяца).

** Zizurhus jujuba.

*** То-есть гору Сумеру—мифологическую золотую гору, вкругъ которой вращаются де сѣтила.

Не поднимаются сегодня руки.
 Да! Богъ любви телерь собой доволенъ:
 Имъ, сердцемъ чистая, подруга наша
 Невѣрному на волю отдана.
 Но вѣтъ, не царственный мудрецъ виновенъ,
 Здѣсь слышится проклятіе Дурвасы:
 Вѣдь иначе не могъ бы государь,
 Такія высказавъ слова, столь долго
 Ни строчкой о себѣ не извѣстить.

(Раздумывая.)

Послать бы намъ завѣтное кольцо....
 Но вотъ вопросъ: кто это порученье
 Намъ выолнить? Отшельники—народъ
 Холодный даже къ собственнымъ страданьямъ...
 Хотя мы знаемъ, что подругу нашу
 Царь оскорбилъ, однако невозможно
 Намъ старцу Канвѣ все пересказать,
 Что выйдя замужъ за царя Духманту
 Сакунтала уже восприняла
 Залогъ любви его. Какъ поступить намъ
 Средь этихъ обстоятельствъ?...

(Выходитъ Прямвада.)

ПРЯМВАДА.

Анасуя!

Слѣши, слѣши скорѣй, сейчасъ начнутъ
 Ужъ надъ Сакунталой обрядъ прощанья!

АНАСУЯ *(удивленно)*:

Неужели возможно?

ПРЯМВАДА.

Да, послушай!

Я только что къ Сакунталѣ ходила
 Спросить, пріятно ли она слала....

АНАСУЯ.

Ну, ну, затѣмъ...

ПРЯМВАДА.

И вдругъ я вижу Канву

Который вѣжно обнялъ дочь свою
 (Она жь стыдливо взоръ свой опустила)

И такъ привѣтствовалъ ее: дитя!
 Тебѣ да будетъ благо! Жертва прямо
 Въ лицо огню упала, хоть глаза

Мнѣ дымъ темнилъ при жертвоприношеньѣ.
 Когда къ достойному ученику
 Наука переходитъ, вѣтъ причины
 Ее жалѣть, такъ точно и тебя;
 А потому-то я еще сегодня
 Тебя къ царю-супругу отошлю,
 Отправляя въ путь отшельниковъ съ тобою.

АНАСУЯ.

Однако кто же разказалъ отцу
 Про это все событіе, подруга?

ПРИЯМВАДА.

Когда вошелъ онъ въ храмъ огня, то былъ
 Ему какой-то безтѣлесный голосъ
 Открывшій все въ торжественныхъ стихахъ.

АНАСУЯ.

Неужли такъ?

ПРИЯМВАДА.

Да именно: „Внимай,“

Вѣщалъ онъ, „о браминя! Ужь носить въ чревѣ
 „Землѣ на благо отъ царя Духшанты
 „Плодъ славный названная дочь твоя,
 „Какъ древо *Сами* * что огнемъ чревато.“

АНАСУЯ (*облаивъ Приямваду*):

Я этимъ очень счастлива, подруга.
 Однако что сегодня жь насъ покинетъ
 Сакунтала, о этимъ въ радость мою
 Вливается тяжелая печаль!

ПРИЯМВАДА.

Да что до насъ! Ужь какъ-нибудь проговоримъ
 Тоску свою. Лишь только бы она,
 Несчастливая, была довольна.

АНАСУЯ.

Такъ,

Такъ разумѣется.... Для этой цѣли
 Въ кокосовой штакулкѣ, что виситъ
 На манговомъ суку, и приласла я
 Изъ *кесары* ** слетенныя гарлянды,
 Онѣ не скоро вянутъ; ты возьми ихъ,

* Родъ акаціи, древесина которой, очень твердая, скоро воспламеняется отъ тренія.

** Благовонное растеніе *Mimusops Elenqi*.

А я тѣмъ временемъ составлю мазь
Изъ почекъ *дурсы* * смѣшанныхъ съ землею
Доставленной съ священныхъ береговъ:
Такая мазь приноситъ людямъ счастье.

(Анасуя уходитъ.)

ЗА СЦЕНОЙ.

О Гаутами! Отдай-ка приказанье
Саргаравъ и прочимъ, чтобъ идти
Съ Сакунталой они готовы были.

ПРИЯМВАДА (прислушавшись).

Слѣши, о Анасуя! Тамъ зовутъ
Ужъ тѣхъ которые пойдутъ въ столицу **.

АНАСУЯ (выходитъ съ мазью изъ рукъ):

Пойдемъ, пойдемъ, подруга!

ПРИЯМВАДА (посмотрѣвъ).

Вотъ она,

Сакунтала, на солнечномъ восходѣ
Свершивши омовенье, ужъ стоитъ
И принимаетъ поздравленье женщинъ,
Печенье подносящихъ ей и рисъ.
Пойдемъ къ ней!

(подходятъ.)

САКУНТАЛА (выходитъ окруженная фек-
цинами, съ нею Гаутами).

Васъ, благочестивыхъ женъ,

Привѣтствую я съ искреннимъ почтеньемъ.

ПЕРВАЯ ОТШЕЛЬНИЦА.

Названіе царицы прими

Какъ знакъ почтенія царя-сулруга!

ВТОРАЯ ОТШЕЛЬНИЦА.

Будь славной матерью героя, дочь!

ТРЕТЬЯ ОТШЕЛЬНИЦА.

О дочь моя! Пустьъ чтить тебя сулругъ!

(Отшельницы уло-
дять, кромя Гау-
тами).

* Цѣлебное растеніе особенно отличающееся своимъ красивымъ
видомъ, цвѣты котораго сравниваютъ съ кустью мелкихъ рубиновъ
и изумрудовъ.

** Столица царства Духшанты называлась Гастималпура, нынѣш-
нее Делу.

ОБЪ ПОДРУГИ *(подойдя)*

Пріятно ль выкулаалась ты подруга?

САКУНТАЛА.

Привѣтъ вамъ мой, о милыя! Садитесь!

*(ОБЪ закрываетъ мѣсто). •*Сядь попрямыѣй, подруга, мы свершимъ
Помазанье чтобъ ты была счастлива.

САКУНТАЛА.

Хотя услуги дружескія ваши

Привычны мнѣ, однако я должна

Теперь особенно цѣнить ихъ: послѣ

Не будутъ убирать меня подруги!

(Проливаетъ слезы.)

ОБЪ

Не слѣдуетъ, подруга, въ счастьеѣ плакать.

(Сакунтала утираетъ слезы; подруги украшаютъ ее.)

ПРІЯМВАДА.

Ахъ! эти украшенья, что въ лѣсу

Достать легко, тебя лишь искажаютъ:

Уборовъ драгоценныхъ ты достойна!

ОТШЕЛЬНИЧЕСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Вотъ драгоценности: украсьте ими

Царицу молодую.

(Всѣ удивлены увидя драгоценныя уборы.)

ГАУТАМИ.

Сынъ Харита!

Скажи: откуда эти украшенья?

ХАРИТА.

Отъ силы Канвы, нашего отца.

ГАУТАМИ.

Неужли ихъ своимъ онъ создалъ духомъ?

ХАРИТА.

Нѣтъ, вотъ какъ было дѣло: старецъ Канва

Сказалъ намъ: „чтобъ Сакунталу украсить

Съ деревьевъ вы нарвите-ка цвѣтовъ.“

Идемъ, и вдругъ намъ дерево одно

Даетъ льняное платье, цвѣтомъ словно

Лучи луны, что предвѣщаетъ счастье;

Другое изливаетъ намъ бальзамъ

Которымъ такъ пріятно мазать ноги...
 Съ другихъ деревь лѣсныхъ божества,
 Руками выступавшими до локтя,
 И цвѣтомъ какъ ростки, намъ протянули
 Иныя драгоцѣнности...

ГАУТАМИ.

Дитя!

Такая благосклонность предрекаетъ
 Что ты достигнешь въ мужиномъ дворцѣ
 Всѣхъ услажденій царственнаго счастья.

*(Сакунтала обна-
 руживаетъ стыд-
 ливость).*

ХАРИТА.

Пойду благому Канвѣ разкажу
 Про этотъ знакъ пріязни отъ деревьевъ.
 На берегъ Маливи сошелъ телерь онъ,
 Чтобъ омовенье должное свершить. *(Уходитъ.)*

АНАСУЯ.

Ахъ, мы не свидуци въ такихъ убранствахъ!
 Какъ въ вихъ нарядимъ мы тебя?

*(Подумавъ и разсмо-
 трѣвъ драгоцѣнности).*

Пособить

Намъ можетъ-быть знакомство съ рисованьемъ,
 Чтобъ на тебя надѣтъ твои уборы.

САКУНТАЛА.

Искусство ваше мнѣ давно извѣстно.

*(Подруги украшаютъ ее;
 входитъ Канва, возвра-
 щаясь съ купанья.)*

КАНВА.

Увидеть Сакунтала сегодня! Сердце
 Печалію мое удручено,
 И рѣчь моя какъ будто онѣмѣла...
 Подъ бременемъ подавленной слезы...
 Недвиженъ взоръ очей моихъ отъ горя...
 Какое малодушіе! Увы!

Любовь его невольно вызываетъ...

А вмѣстѣ съ тѣмъ, что я? пустынный только!

Какъ мучиться-жъ должны отцы семейства, .

Которымъ разставанье съ дочерями

Печалью свѣжею терзаетъ духъ? *(Проходитъ по сценѣ.)*

ОБЪ ПОДРУГИ *(взглянув на Сакунталу).*

Всѣ украшенья на тебѣ, подруга.
Теперь осталось лишь еще надѣть
Двойное одѣянье пестрой ткани.

*(Сакунтала остается и
надѣваетъ платье.)*

ГУАТАМИ.

Вонъ, дочь, идетъ твой названный отецъ
Съ лицомъ что умиленье выражаетъ,
Съ желаньемъ, кажется, тебя обнять:
Пойди и встрѣть его какъ подобаетъ.

*(Сакунтала почти-
тельно и застычиво
привѣтствуетъ его.)*

КАНВА.

Дитя мое! Да будешь ты супругомъ
Какъ Ятьемъ Сармишта * почтена,
И какъ она родила сына Пуру,
Такъ ты роди великаго царя.

ГАУТАМИ.

О это даръ, не просто пожеланье!

КАНВА.

Теперь, дитя мое, начавши справа
Ты жертвенные обойди огни.

(Всѣ проходятъ по сценѣ).

КАНВА.

Пусть священныя эти огни
Что вокругъ алтаря здѣсь пылаютъ
И обильно дрова сожигаютъ
Средь насыпанной дарбы-травы —
Пусть же они, что людскіе грѣхи
Однимъ залахомъ жертвъ очищаютъ,
Надъ тобою, дитя, простираютъ
Для защиты покровы свои!

(Сакунтала обходитъ вокругъ огней).

КАНВА.

Теперь ступай, дитя мое!

(Обведя присутствующихъ глазами)

А гдѣ же

Сарнгаравы и тѣ что съ нимъ пойдутъ?

(Входятъ два ученика.)

* Яти и супруга его Сармишта были предками царя Духшакты.

ОБА УЧЕНИКА.

Мы здѣсь, блаженный.

КАНВА.

Покажи дорогу,

Мой сынъ Сарнгарава, своей сестрѣ.

УЧЕНИКЪ.

Сюда, царица!

(*Всѣ проходятъ.*)

КАНВА.

О, внимайте вы,

Деревья рощъ священныхъ, на которыхъ

Присутствуютъ дѣсныя божества:

Сакунтала, которая напиться

Не соглашалась прежде чѣмъ водою

Не увлажнить она кореньевъ вашихъ,

Что хоть и любить украшать себя,

Однако изъ любви къ вамъ никогда

Съ васъ не срывала маляго росточка,

Для коей праздникъ былъ когда замѣтить

На васъ вскрывающіеся цвѣты —

Она теперь въ супруга домъ уходитъ,

Такъ отпустите съ дружбою ея!

САРНГАРАВА.

(*Смѣшенъ голосъ кукушки.*)

Учитель! этимъ голосомъ кукушки*,

Что сладко такъ поетъ тебѣ въ отвѣтъ,

Сакунтала дается разрѣшенье

Ея дѣсными родственниками,

Деревьями, мѣста сіи покинуть.

ВЪ ВОЗДУХЪ.

Пусть твой путь разнообразить

Зелень лотоса у водъ

И отъ зноя защищаетъ

Рощъ тебя тѣнистый сводъ...

Пылью пусть тебѣ лишь будетъ

Пыль летучая цвѣтовъ,

Пусть пріятный вѣтеръ дуетъ

Вдоль стези твоихъ шаговъ!...

(*Всѣ слушаютъ съ удивленьемъ.*)

* Кокила—индійская кукушка поетъ не хуже нашего соловья и также въ славу у поетовъ.

ГАУТАМИ.

Лѣсныя божества съ такой любовью
Тебя, дитя, отсюда отяускаютъ
Какъ будто ты и вправду имъ родная.
Такъ прекломи главу свою предъ ними!

САКУНТАЛА (*пройдя съ поклономъ, къ подругѣ.*)

Пріямвада! хоть сердце полно
Желанія увидѣться съ супругомъ,
Однако, покидая этотъ лѣсъ,
Отъ скорби я едва переступаю.

ПРИЯМВАДА.

Не ты одна смущаешься, подруга,
Бросая эти тихія мѣста.
Взгляни, какъ выражаетъ горе
Весь этотъ лѣсъ съ тобою разлучаясь:
Изъ рта траву роняютъ атилопы;
И лавы пласку прекратили; льявы
Поблекшія листь какъ руки олускаютъ...

САКУНТАЛА (*вспомнивъ.*)

Отецъ! Хочу еще я попроситься
Съ своей сестрою, вьющейся *мадави*.

КАНВА.

Я знаю, дочь моя, твою любовь
Къ растенью этому. Смотри: вотъ здѣсь
Стоитъ она наравно отъ тебя.

САКУНТАЛА (*подойдя, обнявъ растеніе.*)

Сестра-ліана! Обними и ты
Меня своими гибкими вѣтвями
Что замѣняютъ тебѣ руки. Я
Отнынѣ буду отъ тебя далеко!
Отецъ! Смотри теперь ты на діану
Такъ точно какъ смотрѣлъ ты на меня.

КАНВА.

Ты удостоилась найти супруга
Подобнаго тебѣ, какъ я желала:
Теперь, когда заботы прекратились
Мои о счастья твоёмъ, я буду
Заботиться о ней, и дамъ въ супруги
Ей этотъ близъ стоящій *сахакаръ*.
Такъ будь спокойна, и пойдемъ отсюда.

САКУНТАЛА *(подойдя къ подругамъ.)*

Подруги! Пусть залогомъ на рукахъ
Она у васъ останется.

ОБЪ ПОДРУГИ.

А насъ-то,

А насъ, въ залогъ кому ты оставляешь? *(Проливаютъ слезы.)*

КАНВА.

Пріямвада и Анасуя! Полао,
Довольно плакать! Вы должны напротивъ
Сакунталу сколько можно ободрять.

(Всѣ проходятъ по сценѣ.)

САКУНТАЛА.

Отецъ, глады! Вонъ тамъ, вкругъ шалаша
Газели самка медленно блуждаетъ,
Ей время скоро маленькихъ родить.
Когда случится это, вы-ко мнѣ
Кого-либо пришлите чтобъ повѣдать
Отрадное извѣстье. Не забудьте!

КАНВА.

О, вѣтъ, твоей я не забуду просьбы.

САКУНТАЛА *(останавливается).*

Кто это, словно сѣдуя за мною,
Цѣпляется за край моей одежды?

(Оборачивается и смотритъ.)

КАНВА.

Пріемышъ твой, козленокъ антилопы,
Которому ты нѣкогда на ротъ
Пораненый колючею травю
Цѣлебнымъ масломъ лодивала; онъ
И выросъ оттого что ты кормила
Его щелотками травы. Вотъ кто
Солутствуетъ тебѣ и не отходить.

САКУНТАЛА.

Сынокъ мой! Чтò ты сѣдуешь за мною,
За мною покидающей родныхъ?
Не бойся, козликъ мой! Какъ я вскормила
Тебя по смерти матери твоей,
Чтò умерла лишь только ты родился,
Такъ будетъ лечься о тебѣ отецъ.
Ступай, мой милый, и домой вернися! *(Плача, идетъ дальне.)*

КАНВА.

Не плачь, дитя, будь твердой, и смотри
Внимательнѣе на дорогу. Надо
Тебѣ сдержать потокъ горячихъ слезъ.
Нависнувъ на приподнятыхъ рѣсницахъ
Онъ твоимъ мѣшаютъ видѣть глазкамъ.
Не то еще, по гладкому пути
Гдѣ не видать неровностей, ты можешь
Споткнуться отъ нетвердости шаговъ.

САРНГАРАВА.

Друзей, учитель, провожать вѣдь можно
До перваго лишь берега воды.
Здѣсь берегъ озера: благоволитъ
Дать наставленье намъ и возвратися.

КАНВА.

Тогда войдемъ подъ эту тѣнь, что пышно
Вкругъ фиговаго дерева легла. *(Всѣ такъ и поступаютъ.)*

КАНВА.

Что жь слѣдуетъ сказать царю Духшантѣ? *(Обдумываетъ.)*

АНАСУЯ.

Сакунтала! Во всемъ лѣсу не сыщешь
Ни одного живаго существа
Не опечаленнаго тѣмъ что ты
Насъ покидаешь: посмотри, не слышитъ
Своей подруги чакравака, онъ
На зовъ ея, средь лотосовъ сокрытъ,
Не отъѣзжаетъ, корешки изъ клюва
Роняетъ онъ и взоры отъ тебя
Не отрываешь.

КАНВА.

Слушай! вотъ что скажешь,
Мой сынъ Сарнгаравъ, царю Духшантѣ
Ты именемъ моимъ, когда представишь
Предъ нимъ Сакунталу. „О, государь!
Размысли ты о томъ, что мы богаты
Трудами благочестія, а ты
Высокой славой рода своего;
И помни то, что склонности къ тебѣ
Отнюдь не вызывали въ ней родные.
Все это взвѣсивъ, ты ее держи
Какъ прочихъ женъ, въ такомъ же уваженъи,

А что сверхъ этого, то отъ судьбы,
Не смѣютъ и просить о томъ родные.“

УЧЕНИКЪ.

Я появля твой приказъ, учитель.

КАНВА (*посмотрѣвъ на Сакунталу*):

Ну,

Теперь тебя, дитя, наставить должно.
Хоть и въ лѣсу мы жизнь свою проводимъ,
Однако знаемъ и людей и свѣтъ.

УЧЕНИКЪ.

Конечно! Вѣдь никто изъ мудрецовъ
Не новичокъ въ дѣлахъ житейскихъ.

КАНВА.

Дочь!

Прійдя отсюда во дворецъ супруга
Ты повинуйся тамъ учителямъ,
Какъ добрая подруга обращайся
Съ соженами своими, а супругу,
Хотя бѣ и былъ съ тобой несправедливъ онъ,
Ты не противься. Особливо будь
Съ прислугою добра, а также, помни!
Средь счастья не гордись своей судьбой.
Вѣдь только этимъ молодыя жены
И могутъ достигать тѣхъ степеней
На коихъ ихъ хозяйками зовутъ.
Которыя жь иначе поступаютъ,
Тѣ дѣлаются мукою семьи.
Иль какъ объ этомъ думаетъ Гаутамья?

ГАУТАМИ.

Конечно, въ этомъ состоятъ должны
Законы для замужнихъ женщинъ. Дочь,
Не забывай ты этихъ наставленій!

КАНВА.

Такъ отправляйся же, мое дитя.
Стой, обними меня и сверстницъ.

САКУНТАЛА.

Какъ? Развѣ имъ отсюда воротиться?

КАНВА.

Я, милая, ихъ тоже выдамъ замужъ,
Солутствовать тебѣ имъ неприлично.
Съ тобою Гаутами пойдетъ въ столицу.

САКУНТАЛА (*обнимая отца*).

Какъ буду жить теперь я на чужбинѣ,
 Покинувъ домо милаго отца,
 Какъ деревцо сандаальное, что съ корнемъ
 Съ горъ вырвано на Малайѣ *.

(Плачетъ).

КАНВА.

Дитя!

Что такъ грустна ты и полна сомнѣній?
 Ставь уважаемой хозяйкой дома
 У знатнаго по роду мужа, ты,
 Блюдя обязанности коихъ важность
 Въ согласіи съ могуществомъ его,
 И скорѣ подаривъ супругу сына,
 Какъ солнце, что рождаетъ намъ востокъ—
 Повѣрь не будешь ощущать печали
 Отъ мысли что со мной разлучена.

САКУНТАЛА (*падаетъ предъ нимъ на ко-
лѣна*).

Прими отецъ знакъ моего почтенья.

КАНВА.

О да исполнятся мои желанья!

САКУНТАЛА (*подойдя къ подружкамъ*).

Сюда, мои подруги! Обвините
 Вы вмѣстѣ предъ разлукою меня!

ОБЪ ПОДРУГИ (*обнимая ее*).

Послушай, милая! На случай еслибъ
 Не тотчасъ царь тебя узналъ, ты только
 Вотъ это покажи ему кольцо:
 На немъ его вѣдь вырѣзано имя.

САКУНТАЛА.

Я трепещу отъ вашихъ оласеній...

ОБЪ ПОДРУГИ.

Не бойся: вѣдь чрезмѣрная любовь
 Всегда готова ожидать несчастья.

САРНГАРАВА.

Учитель! Солнце у втораго круга:
 Не послѣшится ли намъ?

САКУНТАЛА (*еще разъ обнимая отца*).

Отецъ! Скажи:

Когда узрю я снова эти рощи?

* Горный хребетъ Малайя родина сандаальнаго дерева.

КАНВА.

А вотъ процарствовавши надъ странюю,
 Граница коей самъ предѣлъ земли,
 И сына мужу породивъ, героя,
 Который съ коесницею своей
 Прославится какъ первый на войнѣ—
 Тогда съ супругомъ, сыну сдавшимъ царство
 (То, разумѣется, не скоро будетъ),
 Ты, для споконствія своей души,
 Въ пустыню эту ступишь снова.

ГУАТАМИ.

Дочь!

Пора намъ въ луть, не будемъ время тратить!
 Проси отца чтобъ онъ домой вернуся!
 Да ты не скоро съ этимъ соберешься;
 Ужь лучше я скажу: вернись хозяйнѣ!

КАНВА.

Я правила пустыни нарушаю,
 Мое дитя; пора мнѣ удавиться.

САКУНТАЛА.

Да, ты отецъ слокоевъ коль законы
 Въ строжайшей точности всѣ соблюдаешь;
 А я теперь въ печаль погружена...

КАНВА.

Зачѣмъ ты думаешь что я безчувственъ? (*Вздохнувъ.*)
 Могу ль я позабыть свою тоску
 Когда, дитя, такъ часто буду видѣть
 Въ дверяхъ у хижины тотъ ризъ для жертвы
 Который ты бывало собирала?..
 Иди же дочь! Пусть счастливъ будетъ луть твой!

(*Сакунтала съ Гаутами,
 Сарнгаравою и прочіе
 уходятъ.*)

ОБЪ ПОДРУГИ (*долго посмотрѣвъ иль еяльде
 печально*).

Увы! о горе! милая подруга,
 Сакунтала, ужъ скрылась за кустами!

КАНВА.

Да, милая, ушла подруга ваша...
 Сдержите скорбь свою! Пойдемъ отсюда.

(*Всѣ собираются
 уйти.*)

ОБЪ

Не правда ли, что дѣсь, съ тѣхъ поръ какъ только
Сакунтала оставила его,
Какъ будто опустѣлъ?

КАНВА.

Любовь такъ смотреть! (*Пройдя въ
размышленіи.*)

Теперь лишь успокоился мой духъ
Когда Сакунталу я въ путь отправилъ,
Появляю: дочь—чужое вѣдь добро,
Ее отправивъ къ мужу, я невольно
Возрадовался въ глубинѣ души,
Какъ будто человѣкъ который долго
Сокровище чужое сберегалъ,
И наконецъ вручилъ его владѣльцу.
(*Всѣ уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ V.

(Выходитъ СПАЛЬНИКЪ.)

СПАЛЬНИКЪ (*вздыхнувъ*).

А какъ я старъ однако! Этотъ жезлъ
Я вѣкогда держалъ лишь какъ отличье,
Присвоенное саму моему
Въ гаремѣ царскомъ... Протекли года,
И ногъ моихъ шаги нетверды стали;
И что жь? о лорой сдѣлался мнѣ жезлъ!
Однако что я! Надо мнѣ слѣзнуть
И доложить царю о важномъ дѣлѣ,
Что требуетъ рѣшенія его;
Оно не терлитъ проволочки (*пройдя немного*)
Да!

Постой! Въ чемъ суть-то тамъ была?.. (*Припоминаетъ*)
А! вспомнилъ!

Ученики пришли благого Канвы,
Отшельники: царя желаютъ видѣть.
Вѣдь удивительное это дѣло!
Какъ память-то подъ старость измѣняетъ:

То вспыхнетъ, то опять затмится вдругъ,
Точь въ точь какъ потухающій свѣтальникъ...

(Пройдя по сценѣ и увидя царя.)

Вотъ царь! Онъ отъ трудовъ по управленью
Своими подданными, какъ дѣтymi,
Слокействія въ удивеньи ищетъ;
Какъ предводитель стада, словъ, къ мѣстамъ
Прохладнымъ средь жары дневной стремится.
Поэтому я, право, затрудненъ:

Теперь, когда онъ только-что оставилъ
Судейскій стулъ, какъ возвѣститъ ему
Приходъ отшельниковъ отъ старца Каввы?
Но гдѣ жь правителямъ и отдыхать?
Разъ навсегда запретъ коней богъ солнца;
И днемъ и ночью вѣчно дуетъ вѣтръ;
Князь змѣй * всегда поддерживаетъ землю
И такъ же непрерывенъ долгъ царей.

(Выходятъ: царь, Видушака и царская свита.)

ЦАРЬ *(показывая что его тѣлѣтъ власть.)*

О, счастливъ тотъ кто цѣли достигаетъ.
Но у царей такое достиженіе
Всегда съ печалію сопряжено:
Высокій санъ прельщаетъ лишь желанье,
Трудящій его, имѣя, сохранить.
Не столько отдыха сколь утомаенья
Даетъ намъ зонтъ, коль носишь самъ его.

ДВА ПЪВЦА ЗА СЦЕНОЙ. **

Пусть побѣдитъ, пусть побѣдитъ властитель!
ПЕРВЫЙ ПЪВЕЦЪ.

Заботь ты не питаешь о себѣ:
О подданныхъ ты вѣчно лишь печешься.
Въ природѣ есть примѣръ тебѣ: листвою
Вывоситъ дерево тяжелый жаръ,
Но тѣнь его отъ зноя защищаетъ
Спасенья ищущихъ подъ нимъ людей.

* Землю, по повѣртію Индусовъ, поддерживаетъ одинъ змѣеобразный демонъ.

** Обязанность этихъ пѣвцовъ состояла въ томъ чтобы возвѣщать часы дня.

ВТОРОЙ.

Жезломъ своимъ, о царь, ты направляешь
 Всѣхъ тѣхъ что уклонилися съ пути;
 Смиряешь брань, приносишь всѣмъ защиту;
 Бегатые и знатные родни
 Имѣютъ много; ты же исполняешь
 Долгъ родственника въ отношенъи всѣхъ.

ЦАРЬ *(выслушавъ)*.

Какъ странно: я былъ утомленъ судомъ.
 А этой лѣснью я перераждаюсь...

ВИДУШАКА.

И у быка усталость пропадаетъ
 Лишь назовутъ его „главою стадъ“.

ЦАРЬ *(улыбнувшись)*:

Однако, садемъ! *(Оба садятся; свита продолжаетъ стоять, каждый на своемъ мѣстѣ. За сценой играютъ на лютнѣ.)*

ВИДУШАКА *(прислушавшись)*:

Чу! послушай, другъ,

Что въ музыкальномъ залѣ происходитъ:
 Аккорды раздаются тамъ на лютнѣ,
 И въ тактъ, какъ слѣдуетъ, должно-быть то
 Гансавати царица разыгралась.

ЦАРЬ.

Такъ замолчи жь, и дай мнѣ тоже слушать!

СПАЛЬНИКЪ *(посмотрѣвъ на царя)*:

Знать о другомъ задумался властитель:

Удобнаго мгновенья буду ждать.

(Продолжаетъ стоять въ отдаленіи.)

ЗА СЦЕНОЙ ПОЮТЪ:

Меда свѣжаго желала
 Ты вкусить, моя пчела,
 И мангового лобзада
 Почку юную цвѣтка.
 Такъ за что же ты забыла
 Пчелка милая ее,
 Бѣлый лотосъ полюбила
 Сдѣлавъ въ немъ свое жильё?..

ЦАРЬ.

Какую страстью дышетъ эта лѣснь!

ВИДУШАКА.

А смыслъ, скажи, ты развѣ понимаешь?

ЦАРЬ *(съ улыбкой)*.

Я вѣкогда любилъ ее, царицу
Гансавати, и вотъ теперь она
Мнѣ дѣлаетъ упрекъ въ непостояствѣ.
Мадавья другъ! скажи ей отъ меня
Что заслужилъ я это порицанье.

ВИДУШАКА.

Какъ царь прикажетъ *(встаетъ со своего мѣста)*

Но послушай, другъ!

Что ежели она, въ замѣнъ другаго,
Руками вѣплится мнѣ въ волоса,
И бить начнетъ: тогда вѣдь я спасенъ.
Найду не больше чѣмъ лустынякъ нищій
Боль на него алсара нападетъ?

ЦАРЬ.

А ты съ ней полюбезвѣй говори!

ВИДУШАКА.

Ну что мнѣ дѣлать въ этомъ затрудненъ? *(уходитъ.)*

ЦАРЬ *(къ себѣ)*:

Какъ объяснить, что послѣ этой лѣсни
Внезапно я такъ грустенъ сталъ, хотя
Мнѣ ни съ какимъ любимымъ существомъ
Не предстоитъ разлуки? Но извѣстно:
Тоскуеть и веселый человѣкъ,
Когда ему случится вдругъ увидѣть
Предметъ прекрасный, или услышать
Рядъ сладкихъ звуковъ: это оттого лишь,
Что безсознательно онъ вспоминаетъ
Про связи дружества давно бывша,
Что въ немъ могущественно вкоренились
Еще изъ прошлаго существованья.

(Погружается въ раздумье.)

СПАЛЬНИКЪ *(подойдя къ царю)*:

О, побѣди, властитель! Изъ лѣсовъ
Растущихъ на подошвѣ Гималая
Пришли отшельники: они несутъ
Приказъ отъ Кяввы; ихъ сопровождаютъ
И женщины. Узнавъ объ этомъ, царь,
Какъ ты распорядиться соизволишь?

ЦАРЬ *(удивленно)*.

Ты говоришь отшельники? Отъ Кяввы?
И съ ними женщины пришли?

СПАЛЬНИКЪ

Такъ точно.

ЦАРЬ.

Тогда скажи ты именовъ моимъ
Учителю Сомаратъ, чтобъ привалъ
Пустынниковъ оныхъ этихъ какъ гостей,
Согласно съ предписаніемъ закона;
Затѣмъ чтобъ лично ввелъ ихъ во дворецъ,
А я приму ихъ тамъ, гдѣ мы обычно
Отшельниковъ встречаемъ.

СПАЛЬНИКЪ.

Какъ прикажешь.

ЦАРЬ.

Ветравати! указывай дорогу
Мнѣ къ мѣсту гдѣ горитъ святой огонь.

ПРИВРАТНИЦА.

Пусть государь послѣдуетъ за мною.

(Пройдя по сценѣ:)

Вотъ возвышенье для огня. Оно
Недавно вычищено, о властитель,
И потому такъ сдѣлалось красиво.
По близости пасется и корова
Отъ коей масло мы беремъ для жертвъ.
Взойди на возвышенье, государь.

ЦАРЬ *(дѣлаетъ видъ что всходитъ и
стоитъ, опираясь на плечи окру-
жающихъ):*

Зачѣмъ, Ветравати, ты полагаешь
Отправилъ Канва посланныхъ ко мнѣ?
Не терпится ли препятствій локаanye,
Которое отшельники несутъ?
Не совершилъ ли кто тамъ злыхъ дѣяній
Надъ звѣрями что наполняютъ лѣсъ?
Иль, можетъ-быть, грѣхи мои мѣшаютъ,
Растеньямъ раскрывать свои цвѣты?..
Теряюсь я въ такихъ предположеньяхъ
И не могу сомнѣній разрѣшить.

ПРИВРАТНИЦА.

Осыпанные милостью твоею,
Мнѣ кажется, они сюда пришли
Чтобъ выразить тебѣ свое почтенье.

(Выходятъ два ученика Каввы, Сарнгаравъ и Сарадвата, съ Гаутами и Сакунталой. Имъ предшествуютъ должный обрѣзъ и спальникъ.)

СПАЛЬНИКЪ.

Сюда, почтенные!

САРНГАРАВА.

Сарадвата!

Сей князь хоть всѣхъ другихъ и превосходитъ,
И добродѣтельной идетъ стезёю,
И всякой касть, даже отверженной,
Препятствуетъ вступать на путь грѣха,
Но все жь, къ удивенію привыкнувъ,
Себѣ я представляю сей чертогъ
Налопивный людьми какъ домъ который
Огнемъ охваченъ...

САРАДВАТА.

Ты былъ правъ, когда

Пришелъ въ такое сильное волненье,
Вступая въ этотъ городъ. Даже я,
Давно влодѣ владѣющій собою,
На чувственности преданныхъзираю
Какъ бодрый на поверженнаго въ сонъ.

САКУНТАЛА *(замѣчаетъ дурное предзнаменованіе):*

Что это?... Какъ мой правый глазъ дрожить!

ГАУТАМИ.

Да отвратится отъ тебя несчастье,
И радость, пусть, дитя, къ тебѣ сойдетъ.

ДОМАШНІЙ ЖРЕЦЬ *(указывая на царя):*

Нашъ царь, отшельники, что защищаетъ
И касты и пустынные мѣста,
Готовъ принять васъ, хоть сейчасъ покинуть
Онъ стулъ судьи. Привѣтствуйте его.

САРНГАРАВА.

Хоть и заслуживаетъ похвалы
Такой поступокъ государя, онъ
Для насъ является обыкновеннымъ.
Склоняются деревья отъ плодовъ,
И облака со свѣжею водою
Изъ глубины спадаетъ; людямъ добрымъ
И въ счастья гордиться не къ лицу.
Такъ поступать назначено природой
Всѣмъ тѣмъ кто пользы ищетъ для другихъ.

ПРИВРАТНИЦА.

У нихъ все, царь, привѣтливья лица:
Они пріятное намъ возвѣстать.

ЦАРЬ (*всматриваясь въ Сакунталу*):

Кто это тамъ стоитъ подъ покрываломъ?
Хоть не вполнѣ видна ея краса,
Но межъ отшельниковъ она какъ будто
Младой побѣгъ средь высохшихъ листовъ.

ПРИВРАТНИЦА.

Она чудесно сложена, я вижу...

ЦАРЬ.

Однако полно. Пристально смотрѣть
Вѣдь не пристойно на жену другаго.

САКУНТАЛА (*приблизивъ свою руку къ груди*):

Зачѣмъ ты, сердце, трепетно забилось?
О всломни нѣжную любовь супруга
И ободрись...

ДОМАШНІЙ ЖРЕЦЬ (*подходитъ*):

Привѣтъ царю

Великому! Согласно указаньямъ
Священныхъ книгъ отшельниковъ я принявъ
И ихъ привелъ къ тебѣ. Приказъ имѣть
Отъ ихъ учителя одинъ изъ нихъ.
Пусть ухо преклонить къ нему властитель.

ЦАРЬ (*почтительно*):

Я слушаю его.

УЧЕНИКИ (*поднявъ руку*):

Царь, побѣждай!

ЦАРЬ (*съ поклономъ*):

Всѣмъ вамъ привѣтъ мой.

УЧЕНИКИ.

Счастливы будь властитель!

ЦАРЬ.

Свободно ль отъ прелестей покаянья?

УЧЕНИКИ.

Возможно ли смущеніе обрядовъ
Пока благочестивыхъ ты хранишь?
Какъ можетъ воцариться темнота
Пока блескъ солнца свѣтитъ въ небесахъ?

ЦАРЬ (къ себѣ):

Не даромъ значить я царемъ зовусь. *

(Гролко.)

Благополученъ ли почтенный Каява?

САРНГАВА.

О царь! Благополучье мудрецовъ
Отъ нихъ самихъ зависитъ. Онъ велѣлъ
Спросить намъ прежде о твоёмъ здоровьѣ
И возвѣтитъ тебѣ...

ЦАРЬ.

Что приказалъ онъ?

САРНГАВА.

Намъ такъ велѣлъ сказать почтенный Каява:

„Что по взаимному согласью взялъ
Ты дочь мою въ супруги—разрѣшаю
Я это вамъ и радуюсь тому.
Что ты достойнѣй всѣхъ, я это зналъ,
Сакунтала жь—всѣхъ качествъ полнота.
Въ лицѣ обоихъ васъ Творецъ составилъ
Другъ къ другу подходящую чету.
Она теперь чревата; чтобы исполнить.
Вашъ общій долгъ—возьми ее къ себѣ.“

ГАУТАМИ.

О, царь! Желала бь нѣчто я сказать,
Но случая къ тому не нахожу.

ЦАРЬ.

Почтенная! Ты можешь говорить.

ГАУТАМИ.

На старцевъ ты не обратилъ вниманья,
Она жь не спрашивалась у родни;
Коль межъ собой вы дѣло порѣшили,
То что жь другъ другу скажете теперь?

САКУНТАЛА.

О, что-то молвить мой супругъ?..

* Духанта дѣлаетъ здѣсь каламбуръ: слово царь (гṛāṇ) по санскритски образовано отъ глагольнаго корня гṛ, что значитъ блуцать, сѣять.

ЦАРЬ (*пораженный изъ словами со стра-
хомъ*):

Однако,

Что разумѣете подѣ этимъ вы?

САКУНТАЛА (*къ себѣ*):

Ахъ! Рѣчь звучитъ такъ гордо, такъ жестоко!

САРНГАРАВА.

Что разумѣемъ мы подѣ этимъ, царь,
Ты такъ спросилъ? Но самъ же ты отащю

Вѣдь знаешь какъ все въ мѣрѣ обстоитъ:

Жену, живущую въ своемъ семействѣ,

Хотя бѣ и невольницу ни въ чемъ,

Невольно держать люди въ подозрѣннѣи.

А потому родные и хотятъ

Чтобъ съ мужемъ бы супруга проживала,

Люба ль она ему или не любя.

ЦАРЬ.

Какъ? Развѣ я на ней женатъ?!..

САКУНТАЛА (*пораженная къ себѣ*):

О сердце!

Случилось то чего ты такъ боялся!

САРНГАРАВА.

Прилично ль долгъ царю свой забывать,

Достигнувъ цѣли собственныхъ желаній?

ЦАРЬ.

Но какъ же можешь ты меня винить

Въ поступкѣ вовсе мной не совершенномъ?

САРНГАРАВА (*съ гнѣвомъ*):

Въ тѣхъ копъ властію ольганы

Такія перемѣны лишь возможны...

ЦАРЬ.

Я оскорбленъ, и не легко!

ГАУТАМИ (*къ Сакунталѣ*):

Дитя!

Намъ нечего стыдиться; покрывало

Съ тебя сниму я, пусть тогда узнаетъ

Тебя супругъ твой, (*Снимаетъ съ нея покрывало.*)

ЦАРЬ (*взвѣсивъ на Сакунталу, къ себѣ*):

Разбирая въ мысляхъ

Женатъ я или нѣтъ на этой дѣвѣ

Безукоризненной красы, что мнѣ

Приведена, я похожу на пчелку,

Которая поутру на цвѣткѣ
Росу находить: насладиться ею
Я не могу—и силъ ее вѣтъ бросить.

САРНГАРАВА.

Что жь ты сидишь телерь въ такомъ молчаньи!

ЦАРЬ.

Я размышляю, но не въ силахъ вспомнить
Чтобъ съ ней когда-нибудь я сочтася.
Поэтому возможно ль мнѣ ее
(Которая, какъ видно, ужь чревата)
Принять къ себѣ, не зная кто ей мужь?

ПРИВРАТНИЦА (*къ себѣ*):

Ну кто другой тутъ сталъ бы колебаться
Увида этотъ жемчугъ между женъ
Счастливою судьбою приведенный?

САКУНТАЛА (*къ себѣ*):

Какъ можетъ мой супругъ питать сомнѣнье
Въ дѣйствительности нашей свадьбы?.. Ахъ!
Надломлена лоза моей надежды
Что было выросла такъ высоко!

САРНГАРАВА.

О, царь, не оскорбляй благаго старца,
Не ставящаго то тебѣ въ вину,
Что дочь его ты обнялъ, и который
Дарить тебѣ добро что залатвалъ ты:
Разбойнику подобнаго, тебя,
Онъ снова въ честь возводитъ.

САРАДВАТА.

Мы сказали

Все то что высказать намъ было должно.
Сакунтала слышала рѣчь царя:
Пускай телерь она ему отвѣтитъ.

САКУНТАЛА (*къ себѣ*):

Ахъ! стоить ли ему наломивать
Когда столь вѣжная любовь такъ скоро
Угасла въ немъ! Но оправдать себя
Мнѣ должно. Пусть. Супругъ! Но вѣтъ! Еще
За мной ослариваютъ право
Тебя такъ называть; а лотому
Вотъ какъ я обращаюсь: лотомокъ Пурю!

Похвальво ли жестокими словами
Оттаакивать ту дѣвушку что ты
Самъ обольстиа въ отшельнической роцѣ?
Чью простодушную довѣрчивость
Ты на согласіе склониа!

ЦАРЬ *(затыкая себѣ уши):*

Молчи!

Молчи! Ты хочешь озорить родъ мой
И самого меня ввести въ логибель,
Какъ грязною водою лотокъ ненастный
Рѣки поверхность свѣтлую мутить
Въ нее вливаясь и деревья ломить
Растущія на берегу...

САКУНТАЛА.

Коль правда

Что ты такъ поступаешь изъ боязни
Что я жена другаго, я могу
Твои сомнѣнья разрѣшить одною
Вещицею которую ты знаешь.

ЦАРЬ.

Что жь, это средство славное...

САКУНТАЛА *(ощупавъ тѣсто гдѣ должно
быть былъ перстень).*

Увы!

На пальцѣ на моемъ ужь нѣтъ кольца...

*(Съ отчаяньемъ смотритъ на
Гаутами.)*

ГАУТАМИ.

Дитя! Его ты вѣрно оброчила
Когда на Сакраватарѣ была
Для поклоненья водамъ Саччитирта. *

ЦАРЬ.

А право, какъ пословица вѣрна:
„У женщины умъ всегда готовъ на хитрость.“

САКУНТАЛА.

Въ событѣ въ этомъ виденъ перстъ судьбы.
Скажу тебѣ иное.

ЦАРЬ.

Слушать—долгъ мой.

* Священное куланье, посвященное богинѣ Саччи, супругѣ Индры.

САКУНТАЛА.

Ты помнишь разъ въ бесѣдѣ изъ жасмина
Держалъ въ рукѣ ты воду что вапта
Была въ сосудѣ изъ лотосовыхъ листьевъ?

ЦАРЬ.

Ну дальше, я внимаю

САКУНТАЛА.

Вотъ пришелъ

Приемышъ мой, козленокъ антилопы,
И въ состраданьи ты тогда сказала:
„Пусть онъ сначала выпьетъ“ и махнулъ
Его водой; но онъ, тебя не зная,
Не подходилъ чтобъ пить изъ рукъ твоихъ:
Лишь я когда взяла сосудъ съ водою
Онъ сталъ доверчивѣй, и ты, смѣясь,
Замѣтилъ: „каждый своему лишь вѣритъ,
И оба вы, живя въ лѣсу, сдружились.“

ЦАРЬ.

Такою ложью, что звучитъ пріятно
И выгодно разказчику, провестъ
Возможно тѣхъ лишь что свой долгъ забыли.

ГАУТАМИ.

О, лѣтъ, не говори такъ, государь,
Въ лѣсахъ отшельничества воспитавшись,
Она еще не научилась лгать.

ЦАРЬ.

Ахъ, старая отшельница! Не знаетъ
Ты развѣ то, что даже у животныхъ
Замѣтна хитрость самокъ, а тѣмъ больше
У женщинъ, что умомъ одарены.
Извѣстно что лтенцовъ своихъ кукушка
Покуда не научатся летать
Другимъ кладетъ для прокормленья птицамъ.

САКУНТАЛА (съ гнѣвомъ):

Безчестный!.. Ты по собственному сердцу
Объ этомъ судишь. Кто жь, скажи, тебѣ
Уподобиться можетъ, коль одежду
Ты носишь добродѣтели одну,
А самъ въ душѣ лоходишь на колодезь,
Дно коего травой заросло? *

* То-есть на такой, который, не имѣя воды, обманываетъ жаждущаго путешественника.

ЦАРЬ *(про себя).*

Меня ея въ сомнѣнныя вводитъ гавѣ:
 Онъ не искусственный, насколько видно.
 Когда я ей сурово отвѣчалъ,
 Не помня ничего про эту склонность
 Которую я будто къ ней питалъ.
 Она своими красными глазами
 Съ бровями сдвинувшимися дугой
 Лукъ бога Смары словно надюмила *. *(Громко.)*
 Дѣла Духшакты поданнымъ извѣстны,
 Но этихъ дѣлъ не вѣдаетъ никто.

САКУНТАЛА.

Итакъ, я истинно тогда была
 Увлечена лишь собственнымъ желаньемъ,
 Коль довѣряясь поколѣнью Пуру
 Я отдала себя во власть тому
 Кто медь имѣетъ на устахъ, но въ коемъ
 Какъ камень сердце жесткое!

*(Закрываетъ лицо полсой своей оде-
 жды и плачетъ.)*

САРНГАРАВА.

Вотъ такъ!

Вотъ такъ всегда неосторожность жжетъ
 Къ которой насъ никто не принуждалъ.
 Поэтому въ союзъ вступая тайно
 Должно напередъ подумать хорошо;
 Вѣдь дружба къ тѣмъ которыхъ мы не знаемъ
 Такъ часто переходитъ во вражду!

ЦАРЬ.

Меня неслыханно здѣсь оскорбляютъ,
 Во многихъ преступленьяхъ обвиняя
 Лишь изъ довѣрія къ ея словамъ!

САРНГАРАВА *(съ нежной попой):*

Вы слышали и рѣчь, и возраженье.
 Словамъ той дѣвушки, что съ юныхъ лѣтъ
 Не научилась лгать—никто не вѣритъ;
 А тѣмъ которые другихъ въ сбманъ
 Вводятъ считаютъ за свою науку,
 Тѣмъ довѣряютъ здѣсь во всемя.

* То-есть насулила брови. Смага значить по санскритски воспоминае и служить однимъ изъ именъ бога любви.

ЦАРЬ.

Ну, прямодушный человек! Положимъ,
Я вправду обманулъ ее: что будетъ
За это мнѣ?

САРНГАРАВА *(гнѣвно)*:

Паденіе, вотъ что!

ЦАРЬ.

Паденіе потомковъ Пуру? Что?
Но это, другъ, совсѣмъ невѣроятно!

САРНГАРАВА.

Исполниви учителя приказъ,
Намъ нечего, о царь, еще здѣсь медлить.
Она жена тебѣ: ты можешь взять
Ее иль оттолкнуть; власть надъ супругой
Неограниченно цвѣтъ мужъ.
Итакъ, о Гаутами, иди впередъ!

(Собираются идти.)

САКУНТАЛА.

Измѣнникомъ обманутую, тоже
И вы меня бросаете? увы!...

(Идетъ за ними.)

ГАУТАМИ.

Сарнгаравъ, мой сынъ! Идетъ за нами
Сакунтала и жалобно рыдаетъ,
И правда вѣдь: что дѣлать ей
У отвергающаго ее мужа?

САРНГАРАВА *(гнѣвно обернувшись)*:

Назобливая! Неужель ты хочешь
По своей волѣ поступать?...

(Сакунтала дрожитъ отъ страха.)

Такъ слушай:

Боль правда то что говоритъ властитель,
Что дѣлать съ олозоренной тобой
Начнетъ отецъ? А коли сознаешь ты
Себя невинною, то въ домѣ мужа
И рабство будетъ сносно для тебя!
Итакъ оставайся; мы теперь уходимъ.

ЦАРЬ.

За что, отшельникъ, ты ее бранишь?
Луна ночнаго лотоса цвѣтокъ
Будить слособна, а дневнаго—солнце.
Кто твердо помнить долгъ свой, уклонится
Жену чужую заключить въ объятія.

САРНГАВА.

О, царь! Что вѣкогда мы совершили
 Въ разсѣянности—можно позабыть;
 Но смѣетъ ли жена бросать супруга
 Что такъ боится преступить законъ?

ЦАРЬ (*обращаясь къ домашнему жрецу*):

Скажи, что въ этомъ случаѣ мнѣ дѣлать?
 Я ль осѣбляю или она все ажетъ?
 Вотъ въ чемъ сомнѣяе... Отпустить ее,
 Иль, прикасаясь къ чужой супругѣ,
 Себя поступкомъ этимъ запятать?

ЖРЕЦЬ (*подумавъ*):

Что если такъ бы сдѣлать...

ЦАРЬ.

Научи!

ЖРЕЦЬ.

Пусть въ нашемъ домѣ проживетъ она
 Хоть до родовъ. Коль спросишь, почему такъ,
 Отвѣчу я: когда-то предсказали
 Тебѣ вѣщатели что будетъ первый
 Твой сынъ владѣть обоими мірами.
 Коль сына дочь отшельника родитъ
 Который на себѣ всѣ знаки явитъ
 Такой судьбы, то ридоство введешь
 Ее въ гаремъ ты; если жъ вѣтъ, къ отцу,
 Какъ сказано уже, она вернется.

ЦАРЬ.

Я поступаю какъ ты считаешь правымъ.

ЖРЕЦЬ (*вставая*):

Пойдемъ со мной, пойдемъ, мое дитя!

САКУНТАЛА.

Разверзались подо мной, земля святая!

(Она уходитъ, плача, со жрецомъ, отшельниками и Гаутами. Царь въ волненіи, но съ памятью все еще омраченною проклятіемъ Дурвасы, погружается въ раздумье.)

ЗА СЦЕНОЙ.

О чудо. чудо!

ЦАРЬ (*прислушиваясь*):

Что такое тамъ?

(Входитъ домашній жрецъ.)

ЖРЕЦЪ.

О, государы! чудесное свершилось!

ЦАРЬ.

Скажи!

ЖРЕЦЪ.

Лишь Кавианы ученики
 Пошли домой, какъ женщина мадая
 Свою судьбу укорами покрываа
 И плакать начала, домая руки...

ЦАРЬ.

И послѣ что жь?

ЖРЕЦЪ.

У мѣста, что зовется
 Кулакиемъ алсарь, внезапно лучъ
 Имѣвшій образъ женщины схватилъ
 Ее и быстро вмѣстѣ съ нею скрылся.

ЦАРЬ.

(Всѣ пораженны.)

Учитель! Это дѣло рѣшено:
 Къ чему жь еще о немъ догадки строить?
 Оставимъ!

ЖРЕЦЪ.

О, властитель побѣди!

ЦАРЬ.

(Выходитъ.)

Ветравати! Всѣмъ этимъ я разстроюю.
 Веди меня въ домъ отдыха теперь.

ПРИВРАТНИЦА.

• Сюда, властитель!

ЦАРЬ *(проядя по сценѣ къ себѣ):*

Правда, я не помню
 Чтобъ взялъ когда-нибудь женой себѣ
 Я дочь отшельника что оттолкнулъ.
 Но сердце этимъ такъ потрясено,
 Какъ будто измѣнило мнѣ оно...

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ШЕСТОЕ.

ПРОЛОГЪ.

(Выходятъ: полицейскій начальникъ и два полицейскихъ служителя, посажденные токаютъ предъ собой связаннаго рыбака.)

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ *(бьетъ связаннаго.)*

Ну, ты мошенникъ! говори сейчасъ,
Какой судьбою царское кольцо
Съ большимъ, блестящимъ, драгоценнымъ камнемъ
И съ вырѣзаннымъ вензелемъ на немъ
Къ тебѣ попало?

РЫБАКЪ *(съ испугомъ):*

Милостивы будьте

О, господа мои! Я не таковъ
Чтобъ совершать столь злыя преступленья!

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ужъ не далъ ли самъ царь тебѣ его
За то что, дескать, ты браминъ достойный?

РЫБАКЪ.

Такъ выслушайте, господа: рыбакъ я
И въ Сакраватарѣ живу...

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ахъ воръ!

Мы развѣ спрашиваемъ у тебя,
Кто ты таковъ и гдѣ ты проживаешь?

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Стой, пусть оня, Сушака, расскажетъ намъ
Все по порядку: не перебивайте!

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Какъ господинъ ведешь. Ну, говори ты!

РЫБАКЪ.

Я тѣмъ лишь содержу свое семейство
Что рыбъ ловлю различными снастями,
То сътью, то удой, а то инымъ чѣмъ...

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ *(со смѣхомъ):*

Заняты чистенькое, ничего!

РЫБАКЪ.

О, нѣтъ, не говори такъ. Ремесло
 Что съ самаго рожденья намъ досталось
 Не слѣдуетъ бросать, хоть у людей
 Оно и было бь въ нехорошей славы.
 Жестоко поступаетъ тоже жрецъ
 Животныхъ убивая, а межъ тѣмъ
 Не можетъ развѣ быть онъ милосердымъ?

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Разказывай-ка дальше, ты!

РЫБАКЪ.

Вотъ разъ

Началъ я карла потрошить, и вижу
 Вдругъ въ животѣ его вотъ этотъ перстень,
 Въ которомъ такъ блеститъ большой алмазь.
 Когда его показывать я началъ,
 Съ намѣреньемъ продать, тогда-то вами
 И былъ я схваченъ, господя мои.
 Вотъ какъ, клянусь, досталось мнѣ кольцо.
 Теперь меня казните или бейте!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Что перстень, Джанука, былъ въ рыбьемъ брюхѣ
 Сомнѣнью ничуть не подлежитъ:
 Онъ пахнетъ залахомъ сыраго мяса.
 Намъ слѣдуетъ лишь разузнать, какъ могъ онъ
 Попасть туда. Вотъ что: сходить не дурно бь
 Намъ во дворецъ царя.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ну, маршь, впередъ,

Впередъ пошелъ, вориска кошельковъ!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

У входа, здѣсь, постерегите вы
 Его старательно, пока вернусь
 Увидѣвшись съ царемъ.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Пусть, господня,

Тебя съ отивной милостью царь встрѣтитъ.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Пусть такъ и будетъ (*уходитъ*).

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Джанука!

Начальникъ что-то медлитъ возвратиться къ намъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Да нужно выждать добрую минуту,
Когда къ царямъ желаешь подойти.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ахъ! такъ и чешутся вотъ руки
Желаньемъ негодая придашить!

РЫБАКЪ.

О, господивъ! Не будь ты безъ причины
Моимъ убійцею!

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Смотри, начальникъ

Идетъ уже съ приказомъ отъ царя, *(рыбаку:)*
Теперь, иль снова ты увидишь лица
Своихъ родныхъ, иль въ лицу обратишься
Для коршуновъ и для шакаловъ.

(Входитъ полицейскій начальникъ.)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Эй!

Скорѣй! скорѣй!

РЫБАКЪ.

Увы мнѣ! я погибъ!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Пустите на свободу рыбака!
Все что сказалъ онъ про находку перстня
За истину влодавъ призналъ нашъ царь.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Какъ ты прикажешь господивъ. Въ домъ смерти
Чуть-чуть онъ не вошелъ и воротился! *(Освобождаетъ рыбака.)*

РЫБАКЪ *(падалъ предъ полицейскимъ начальникомъ на колѣни):*

О, милосердый господивъ! Обязанъ
Тебѣ я жизнью моею...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Вставай!

Царь въ милости прислалъ тебѣ подарокъ
Что по цвѣтѣ равняется кольцу:
Возьми его *(передаетъ рыбаку злѣпастъ).*

РЫБАКЪ *(съ радостью).*

О, какъ теперь я счастливъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Да, милость царская сняла его
 Съ кода, на коемъ было ужь сядѣль онь,
 И посадила на плечи слову.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Почетный даръ доказываетъ ясно
 Какъ было дорого царю кольцо
 Съ алмазомъ многоцѣннымъ.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ, нашъ царь
 Не потому такъ радъ находкѣ перстня
 Чтобъ камнемъ онь такъ сильно дорожилъ;
 Скорѣе жь потому...

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ну, ну, скажи!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Я вотъ какъ разсуждаю: видъ кольца .
 Напоминалъ кажется ему кого-то,
 Кто сердцу милъ. Лишь увидалъ онь
 Найденный перстень, какъ вдругъ грустееъ сталъ;
 Хотя обыкновенно онь скрываетъ
 Всѣ ощущенія своей души.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Итакъ, ты оказалъ ему услугу?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Сказать по правдѣ, это все случилось
 По милости вотъ рыбаго врага! *(Указываетъ съ завистью
 на рыбака.)*

РЫБАКЪ.

Послушайте! пусть половина будетъ
 Наградой вамъ за вашу добродѣтель.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

Ты рыбачокъ, телерь куда милѣи мнѣ!
 Но знаешь, мы должны напрель всего
 Отпраздновать за пиромъ нашу дружбу:
 А потому, пойдемъ-ка другъ въ питейный! *(Всѣ уходятъ.)*

На сцену вступает Мисракеси, спустившаяся из воздуха.

МИСРАКЕСИ.

Обязанность исповиала я стражи
 Что по порядку мы должны держать
 Вблизи купанія апсаръ. Теперь
 Хочу увидѣть что здѣсь съ мудрецомъ
 Изъ царственнаго рода совершилось.
 Сакунтала, дочь Менаки, родня мнѣ,
 И мать ея особенно дала
 Мнѣ это порученье. *(Осматривается кругомъ)*

Почему же

Въ день праздника, сегодня, я не вижу
 Въ жилищѣ царственномъ приготовленій
 Для торжества? Конечно, я могу
 Извѣдать все чрезъ самоуглубленье,
 Но порученіе подруги я
 Все жь тѣмъ не менѣе должна исповить.
 Чтобъ все увидѣть что творится здѣсь
 Близъ этихъ помѣщуся я садовницъ:
 Чрезъ покрывало сдѣлавшись незримой
 Я незамѣтно разузнаю все.

(Входятъ двѣ садовницы)

1-я САДОВНИЦА *(останавливается предъ
 манговымъ деревомъ и
 смотритъ на него:)*

Ростокъ манговыи съ желто-краснымъ стеблемъ,
 Ты добрымъ знакомъ служишь празднеству:
 Тебя я снова вижу и съ тобою
 Вдыхаю дуновение весны.

2-я САДОВНИЦА.

Что говоришь ты тамъ сама съ собою?

1-я САДОВНИЦА.

Ты знаешь, милая подруга, я
 Увижу лишь ростокъ манговыи, тотчасъ
 Сама себя не помню.

2-я САДОВНИЦА.

Какъ! Весна

Пришла ужь развѣ?

1-я САДОВНИЦА.

Да, и для тебя

Настало тоже время удовольствій,
 И лѣсенъ и любви.

2-я САДОВНИЦА.

Тогда, подруга,

Ты поддержи меня, я на носки
Приподвинусь, и тѣмъ цвѣткомъ почтенье
Воздамъ любви властительному богу.

1-я САДОВНИЦА.

Согласна, если только половина
Награды за молитву будетъ мнѣ.

2-я САДОВНИЦА.

Она досталась бы тебѣ, подруга,
Хотя бѣ ты не сказала ничего:
Вѣдь мы съ тобой что двое въ общемъ тѣлѣ
(*Опирается на подругу и поднявшись на носки срываетъ
цвѣтокъ:*)

Ай, ай! Цвѣтокъ еще не распустился!
И все-таки надломанный сучокъ
Пріятнымъ залахомъ благоухаетъ.

(Складываетъ руки)

О, богъ любви! прими мое почтенье!
Тебя, цвѣтокъ манговый, подношу
Я Камѣ, взявшему уже лукъ свой.
Изъ пяти стрѣлъ, которыя онъ носить,
Ты сдѣлайся прекраснѣйшей; тебя
Пусть мечетъ онъ въ двѣцѣ которыхъ избралъ!

*(Бросаетъ цвѣтокъ кверху.)**(Входитъ царскій спальникъ.)*

СПАЛЬНИКЪ.

Что дѣлаешь ты, глупая? Властитель
Не разрѣшилъ вѣдь праздника весны!
Какъ смѣешь ты поэтому срывать
Цвѣты съ манговаго растенья? Что? ..

1-я САДОВНИЦА.

О, милосердуйся, почтенный! Мы
Не знаемъ ничего про запрещенье!...

СПАЛЬНИКЪ

Какъ? Вы не слышали? Я удивленъ!
Деревья даже вняли царской волѣ:
Ужъ выстуливъ давно, цвѣтокъ манговый
Еще не показадъ своей пыльцы;
И *курувака* остается въ лочкахъ,
Хоть былъ совсѣмъ готовъ онъ распуститься;
И лѣсья кукушки въ горлѣ замираеть.

А между тѣмъ давно прошая зима;
 Мнѣ даже кажется что, испугавшись,
 Въ кочанъ обратно богъ любви стѣла,
 На половину вытянувъ, влагаетъ.

МИСРАКЕСИ.

Сомнѣнья нѣтъ, сей царственный мудрецъ
 Весьма могущественъ!

2-я САДОВНИЦА.

О, господицъ!

Насъ царскій тестъ, Митравасу, недавно
 Послалъ къ властителю, чтобъ этотъ садъ
 Бюсти въ порядкѣ намъ и въ чистомъ видѣ;
 Поэтому и не слыхали мы
 О томъ что здѣсь произошло.

СПАЛЬНИКЪ.

Впередъ

Не поступайте такъ.

2-я САДОВНИЦА.

Ахъ! любольство

Охватываетъ насъ; коль это можно,
 То разкажи намъ, почему властитель
 Не разрѣшаетъ праздника весмы?

МИСРАКЕСИ.

Цари охотники большіе до торжествъ;
 Знать у него есть важныя причины.

СПАЛЬНИКЪ (*про себя*):

Вѣдь можно разказать что всеиъ извѣстно?

(*Садовницамъ*.)

Слыхалъ ль вы что господинъ нашъ
 Сакунтаду отвергъ?

1-я САДОВНИЦА.

Мы знаемъ все

Отъ тестя, и до той поры какъ перстень
 Увидѣлъ царь.

СПАЛЬНИКЪ.

Мнѣ значить вамъ не много
 Разказывать осталось. Вотъ, когда
 Узрѣвъ кольцо, царь все припомнилъ снова,
 Онъ самъ себѣ сказалъ: да, правда, я
 Дѣйствительно съ Сакунтамою тайно
 Въ супружество вступилъ, и ослѣпленный
 Ее отвергъ! Такъ кается нашъ царь.

Онъ развлеченія возненавидѣлъ,
 И восхваляетъ подданныхъ теперь
 Не принимаетъ онъ, какъ ежедневно
 Бывало прежде дѣлалъ; по ночамъ
 Не спитъ и мечется на краѣ ложа,
 А кода станетъ женамъ говорить
 Обычныя привѣтствія, нерѣдко
 Ихъ перелутываетъ имена,
 И послѣ самъ стыдится.

МИСРАКЕСИ.

Это все

Пріятно мнѣ услышать.

СПАЛЬНИКЪ.

Потому - то

Отъ непомятой горести царя
 И праздникъ запрещенъ.

ВТОРАЯ САДОВНИЦА.

И справедливо.

(Голосъ за сценой:)

О, пусть идетъ властитель!

СПАЛЬНИКЪ (прислушиваясь):

Тс... тамъ царь!

Молчите и займитесь дѣломъ.

(Объ садовницы уходятъ.)

Входитъ царь одѣтый какъ человекъ подавленный горемъ, Виду-
 така и привратница.

СПАЛЬНИКЪ (про себя):

Какъ въ каждомъ состояніи души
 Прекрасны люди благородныхъ качествъ!
 Царя хотя и подавляетъ грусть,
 Онъ видъ красивый все же сохраняетъ.
 Уборы драгоценныя онъ презрѣлъ
 И лишь одно залястье золотое
 Не твердо держится на дѣвомъ локтѣ.
 Отъ вздоховъ губы потеряли цвѣтъ,
 Онъ бдѣнья же тревожнаго глаза
 Покрылись яркой краснотой. Однако,
 Какъ камень драгоценный отъ шафровки
 Не кажется намъ тонкимъ, такъ и онъ
 Отъ дѣйствія возвышенной природы
 Не проявляетъ всей своей истомы.

МИСРАКЕСИ.

Телерь я понимаю почему
Сакунтала, отвергнутая даже,
По немъ такъ изнываетъ!

ЦАРЬ.

(прохаживаясь въ задумчивости.)

Ахъ! сперва
Какъ сномъ убитое лежало сердце!
Хоть и будила милая его,
Та милая съ очами дикой серны...
Телерь оно проснулось, но затѣмъ лишь
Чтобъ чувствовать раскаянья печаль.

МИСРАКЕСИ.

Таковъ же жеребій былъ супруги бѣдной!

ВИДУШАКА *(про себя):*

Опять его какъ словно лихорадкой
Сакунталой схватило! Ужь не знаю
Какими средствами его лѣчить!

СПАЛЬНИКЪ *(подходить къ царю):*

О, побѣди властитель! Осмотрѣвъ
Я все пространство сада. Коль угодно
Тебѣ, то посѣти мѣста забавъ!

ЦАРЬ *(привратнику):*

Ветравати! Ты именемъ моимъ
Вотъ какъ министру Пипунѣ повѣдай:
Отъ бѣднѣя долгаго я не могу телерь
Занять сегодня стулъ судейскій. Все
Что ты въ дѣлахъ гражданскихъ постановишь,
Ты залиши и листъ пришли ко мнѣ.

ПРИВРАТНИЦА.

Какъ царь прикажешь. *(Уходитъ.)*

ЦАРЬ *(спальнику):*

Парватайяна!

И ты отправься къ дѣлу своему.

СПАЛЬНИКЪ.

Иду, властитель. *(Уходитъ.)*

ВИДУШАКА.

Улетѣли мухи!

Телерь ты можешь душу отвести,
Въ саду прекрасномъ этомъ, что такъ чуденъ
По мированію зимы.

ЦАРЬ.

Гдѣ щель,

Туда несчастіе и налпраетъ...
 То вѣрная пословица, мой другъ.
 Едва лишь мракъ меня покинулъ,
 Чтò мнѣ мѣшало хранить воспоминанье
 О склонности къ отшельнической дѣвѣ,
 Какъ ужъ кладеть на лукъ свой богъ любви,
 Чтòбъ поразить меня, стрѣлу изъ манго...
 Теперь, о другъ, я все припоминаю,
 И чувствую раскаяніе въ томъ
 Чтò безъ причины милаю отвергнулъ!
 Съ томленьемъ я оплакиваю радость
 Чтò лѣтній мѣсяцъ слова намъ принесъ!

ВИДУШАКА.

Постой чуть-чуть: клюкою деревянной
 Сейчасъ перешибу стрѣлу любви!

*(Поднимаетъ палку и хочетъ ею
 сбить манговые ростки.)*

ЦАРЬ (со слѣзю):

Достадочно! мнѣ ясно ужъ теперь
 Чего браминъ достигнуть въ состояньи,
 Но гдѣ жъ мнѣ сѣсть, чтòбъ взоръ свой утолить
 На вьющихся растеньяхъ, чтò немного
 Походятъ на красавицу мою?

ВИДУШАКА.

Да самъ вѣдь, повстрѣчавшись, ты сказалъ
 Прислужницѣ искусной въ рисованьи
 Чтò этотъ часъ ты проведешь въ бесѣдкѣ
 Изъ мадави ланъ, и приказалъ
 Собственноручную свою картину,
 Портретъ Сакунталы, туда привести.

ЦАРЬ,

Да, это лишь слособно утѣшенье
 Доставить мнѣ, а потому въ бесѣдку
 Веди меня, мой другъ.

ВИДУШАКА.

Сюда, сюда.

Вотъ куца изъ ланъ, въ ней есть изъ камня
 Осыпанная жемчугомъ скамья,
 Она уединенностью своею

Привѣтствуетъ тебя какъ бы словами:
„Добро пожаловать!“ Войди, здѣсь сядемъ (*садится*).

МИСРАКЕСИ.

Сокрывшись въ зелени увижу я
Портретъ Сакунталы и разкажу ей
Какъ любить пламенно ее супругъ!
(*Приближается къ нимъ.*)

ЦАРЬ (*вздыхаетъ.*)

Я все теперь, мой другъ, припоминаю!
Ужь разказалъ я вѣкогда тебѣ
Какъ въ первый разъ Сакунталу я встрѣтилъ:
Но не было со мной тебя въ ту пору,
Когда я отъ себя ее отвергъ.
Быть-можетъ, какъ я самъ, ее забылъ ты,
Хоть имя я тебѣ ея назвалъ?

МИСРАКЕСИ.

Поэтому друзьямъ не подобаетъ
Ни на минуту покидать царя.

ВИДУШАКА.

Нѣтъ, я не позабылъ; но только ты
Все разказавъ, прибавилъ въ заключенье:
Я это лишь для шутки изобрѣлъ,
Серіознаго жъ здѣсь нѣтъ; и я, простякъ,
За шутку привалъ все; но что тамъ думать?
Я вижу здѣсь могущество судьбы!

МИСРАКЕСИ.

О, да! конечно...

ЦАРЬ (*погружается въ глубокую думу
и потомъ съ отчаяніемъ.*)

Другъ! защити меня!

ВИДУШАКА.

Что это? Позволительно ль тебѣ
Такъ говорить? Мужъ доблестный не долженъ
Склонять главу подъ тяжестью бѣды.
Стоять и въ бурю недвижимо горы...

ЦАРЬ.

Ахъ другъ! Лишь вспомяю я про состоянье
Возлюбленной моей, когда она
Въ отчаянье отвергнутая вела,
Тогда безпомощемъ я становлюсь!...
Что изгнавшая отъ меня рѣшилась
Она за родственниками идти,

Остановившись вдругъ, когда суровой рѣчью
 Какъ будто бѣ самъ учитель, ученикъ
 Ей приказалъ остаться. Что глаза,
 Которыхъ блескъ потоки слезъ темнили,
 Ко мнѣ, жестокому, она опять
 Еще невольнo обращала, — ахъ!
 Меня сжигаетъ это какъ стрѣла,
 Конецъ которой вымочень былъ въ адъ!

МИСРАКЕСИ.

О, какъ мучительно должна терзать
 Такая ненависть къ своимъ поступкамъ!

ВИДУШАКА.

И ты подозрѣваешь что ее
 Унесъ какой-нибудь воздушный гений?

ЦАРЬ.

Конечно, другъ! Посмѣлъ бы кто иной
 Къ жемъ, супругу вѣрной, прикоснуться?
 Я слышалъ отъ подругъ ея, что мать ея
 Алсара Менака, и голосъ сердца
 Мнѣ говорить, что унесла ее
 Какая-либо слутница богини,
 А можетъ-быть и Менака сама.

МИСРАКЕСИ.

Мнѣ кажется, страннѣе осмѣлаеье
 Чѣмъ пробужденіе его души?

ВИДУШАКА.

Коль это такъ, то можешь ты вздохнуть:
 Ты съ ней соединишься непремѣнно!

ЦАРЬ.

Ты думаешь?

ВИДУШАКА.

Конечно. Вѣдь отецъ

И тотъ не можетъ видѣть, чтобъ въ разлуку
 Съ супругомъ долго оставалась дочь,
 А мать тѣмъ болѣе!

ЦАРЬ.

Мой другъ! Не знаю

Быль сонъ ли то, иль только осмѣлаеье,
 Смущеніе разсудка? Иль безсильна
 Сокровищница подвиговъ моихъ?
 Нѣтъ, чувствую: обрушился въ бездну
 И не воспрянуть вновь мой мечты!

ВИДУШАКА.

Не говори! Кольцо намъ доказало
 Что неожиданно свершиться можетъ
 Чему настать предречено судьбой.

ЦАРЬ (смотря на перстень):

Достоенъ состраданья этотъ перстень!
 Твоя сокровищница видно столь же
 Бѣдна дѣлами, перстень, какъ моя,
 Коль ты свалился, разъ попавши, съ пальцевъ
 Краса которыхъ въ красненькихъ * ногтяхъ.

МИСРАКЕСИ.

Онъ вправду былъ бы жалости достоинъ
 Когда бъ лопалъ къ кому-нибудь цвѣту.
 Ахъ! милая подруга, далека ты
 И радуясь одна я, это слыша!

ВИДУШАКА.

Съ какими же словами ты надѣлъ
 Свой перстень именно на руку милой?

МИСРАКЕСИ.

Мнѣ кажется, какъ будто любопытствомъ
 Моимъ онъ побужденъ о томъ спросить.

ЦАРЬ.

Вотъ слушай, другъ: когда изъ лѣса въ городъ
 Я возвратиться собирался, то въ слезахъ
 Меня красавица спросила: скоро ль
 Супругъ вспоминаетъ снова про меня?

ВИДУШАКА.

Ну, дальше, дальше...

ЦАРЬ.

Вотъ тогда надѣлъ я
 На палецъ ей свой перстень именно
 И отвѣчалъ...

ВИДУШАКА.

Что жъ именно?

ЦАРЬ.

„Считай,

О милая, по буквѣ каждый день,
 Ты въ имени моемъ, и ты не кончишь

* Одна изъ главныхъ принадлежностей туалета Индианки заключается въ красной краскѣ (сапдалѣ), которыми онѣ покрываютъ свои ногти.

Какъ за тобой придетъ уже савонникъ
Изъ женской половины во дворцѣ.
То я сказала, а послѣ, ослабленный,
Я самъ съ ней такъ жестоко поступилъ!

МИСРАКЕСИ.

Твое намѣренье прекрасно было;
Судьба ему свершиться не дала.

ВИДУШАКА.

Однако какъ могло попасть кольцо
Въ ротъ рыбы, словно удочка?

ЦАРЬ.

Упало

Оно, когда священнымъ водамъ Саччи
Подруга почестъ воздавала.

ВИДУШАКА.

Вотъ какъ!

МИСРАКЕСИ.

Потому-то царственный мудрецъ
Боясь неправды и литаъ сомнѣнье:
Вступилъ ли онъ съ Сакунталою въ бракъ
Злосчастный, или нѣтъ? Но неужели
И такой любви необходимъ
Для обознанья вѣтшнйй признакъ?

ЦАРЬ.

Стой-ка!

Я буду укорять теперь кольцо.

ВИДУШАКА (смѣется):

А я начну корить свой посохъ: „ты!
Какъ смѣешь быть кривымъ, когда я прямъ?“

ЦАРЬ (съ раздумьи не слушая его):

Зачѣмъ ты, перстень, скоро въ воду такъ
Упалъ съ ея руки, на коей пальцы
Такъ нѣжны, такъ красивы? Ахъ, понятна:
Прекраснаго не можетъ оцѣнить
То что безъ разума. Вотъ я зачѣмъ
Любимую мной женщину отвергнулъ!

МИСРАКЕСИ.

Онъ говоритъ что я сказать хотѣла.

ЦАРЬ.

Какъ мнѣ мучительно что оттолкнулъ
Я безъ причины, милая, тебя!

О, жалься надо мной и дай еще
Хотя разокъ одишь тебя увидѣть!

*(Входитъ прислужница и
несетъ картину.)*

ПРИСЛУЖНИЦА.

Вонъ, царь, изображеніе царицы.

(Ставитъ картину.)

ЦАРЬ *(созерцая картину):*

О, какъ она прелестна на картинѣ!

Два длинныхъ глазка на ея лицѣ

Далеко протянулись, а сверху

Какъ льяны, прихотливою дугой

Нависли брови; нижняя губа

Блестаетъ словно лунными лучами

И носится улыбкой вокругъ зубовъ;

А верхняя, отливомъ блѣдно-алымъ

Цвѣткамъ угодобляется юбю.

Все это личико, что озаряетъ

Такое оживленіе любви,

Какой красой лѣвнительно дышетъ!

И на картинѣ словно говоритъ!

ВИДУШАКА *(глядя на картину):*

Изображеніе природѣ вѣрно

И потому прелестно. Глазъ споткнулся

Готовъ на выступахъ и углубленьяхъ

Твоей картины. Выражалась просто:

Живыхъ людей я вижу предъ собою.

МИСРАКЕСИ.

А какъ изящно царственный мудрецъ

Владѣетъ кистью! а готова думать

Что предо мной сама стоитъ подруга.

ЦАРЬ.

Что на картинѣ, другъ, не хорошо,

То отстываетъ отъ оригинала.

Но отдаленно все жь передана

Ея очаровательная прелесть!

МИСРАКЕСИ.

Такъ говоритъ любовь что укрѣпилась

Черезъ раскаянье.

ЦАРЬ.

Мой другъ! ахъ, бросилъ

Я милую свою, когда она
 Ко мнѣ въ действительности подходила!
 А нынѣ на картинѣ ей люблюсь!
 Источникъ пропустилъ я на пути
 Водой котораго могъ насладиться,
 Теперь меня влечетъ къ себѣ миражъ,
 Обманчиво рисуемый пустыней!

ВИДУШАКА.

Я три фигуры различаю здѣсь:
 Всѣ одинаково онѣ прелестны.
 Которая жь Сакунтала изъ нихъ?

МИСРАКЕСИ.

Несчастный! Видно что не знаетъ онъ
 Подругиною красы; она еще
 Его глазамъ смущеннымъ не являлась.

ЦАРЬ.

По твоему, которая она?

ВИДУШАКА.

Я полагаю та, что оперлася
 О вѣтвь асоки, коего ростки
 Не утерали влаги отъ лоливки.
 Потъ въ капляхъ покрываетъ ей лицо,
 На головѣ цвѣтокъ грозитъ ладеньемъ
 Изъ раслущившейся косы, а руки
 Подобныя лианамъ опустились,
 И съ пышныхъ бедръ скользятъ ея одежды.
 По-моему—Сакунтала она,
 А двѣ другія, тѣ ея подруги.

ЦАРЬ.

Да, ты знатокъ! Смотри, вотъ на картинѣ
 И тутъ остался слѣдъ моей любви:
 На краѣ видны лянга, гдѣ касался
 Я важнымъ отъ волненія перстомъ;
 И бугорокъ изъ краски накопился
 Отъ слезъ что падали съ моей щеки. (*Прислужникъ:*)
 Я лишь до лодовины написалъ
 Ландшафтъ, Чатурика, а потому
 Мнѣ кисти принеси сюда.

ПРИСЛУЖНИЦА (*Видушакъ*):

Почтенный

Мадавыя, поддержи пока картину,
А я схожу.

ЦАРЬ.

Я самъ ее возьму.

ВИДУШАКА.

Что жь сдѣлаетъ еще нарисовать здѣсь?

МИСРАКЕСИ.

Онъ каждое мѣстечко радъ представить
Что дорого подруженькѣ моей.

ЦАРЬ.

Такъ слушай: долженъ я изобразить
Еще ту рѣчку Малики, близъ коей,
На берегу песчанистомъ, сидятъ
Собравшись въ пары лебеди, а дальше
Хребетъ холмовъ священныхъ, кои служатъ
Подожвой Гималаю, на которыхъ
Стадами размѣстилися быки.
Подъ деревомъ, на коего вѣтвяхъ
Висятъ рогожныя одежды, я бы
Нарисовалъ газель, что лотираетъ
Свой лѣвый глазъ о рогъ самца.

ВИДУШАКА (*про себя*):

Я вижу

Что онъ готовъ картину нагрузить
Толпой отшельниковъ даянобородыхъ...

ЦАРЬ.

Да, я позабылъ еще представить
Одинъ уборъ Сакунталой любимый.

ВИДУШАКА.

А именно?

МИСРАКЕСИ.

Навѣрное то будетъ
Предметъ къ лицу идущій для дѣвицы,
Что жизнь свою проводитъ средь лѣсовъ.

ЦАРЬ.

Цвѣтокъ *сирини* не нарисовалъ я
Что стебелькомъ держался на ушахъ,
Тычички коего до щекъ сладали,
А также лотосовыхъ волоконъ,
Столь важныхъ сколь лучи луны осенней
Я не представилъ на ея груди.

ВИДУШАКА.

Однако, почему жь она стоитъ
Съ такимъ испугомъ и лицо скрываетъ
Ковцами лальчиковъ, которыхъ цвѣтъ
Напоминаетъ алмый цвѣтъ нимфеи?

(Велѣдывается съ картину.)

А! а! я вижу! Дерзкій шмель, что крадетъ
Цвѣточный сокъ, летитъ къ ея лицу,
Навѣрное принявъ его за лотосъ.

ЦАРЬ.

Такъ накажи же дерзкаго врага.

ВИДУШАКА.

Но ты одивъ, о царь! имѣешь власть
Карать невѣжды дерзновеенья.

ЦАРЬ.

Эй!

Эй ты! любимый гость лѣвъ цвѣточныхъ!
Къ чему порханьемъ мучишь ты себя?
Въ цвѣткѣ давно сидитъ твоя подруга,
Отъ жажды хотъ и мучится она,
Все жь, вѣрная тебѣ, не хочетъ сока
Вкушать одна, супруга поджидая.

МИСРАКЕСИ.

Какъ мило произнесъ онъ свой запретъ!

ВИДУШАКА.

Порода эта, другъ мой, своекравна!

ЦАРЬ.

Но онъ не слушаетъ меня! Такъ знай же;
Коль ты ужалишь губку моей милой,
Что какъ молоденькаго деревца
Ростокъ лѣвнительна, къ которой самъ я
Въ любви лишь осторожно прикасался,
Тебя запрю я въ чашечку цвѣтка.

ВИДУШАКА.

Конечно! какъ ему не испугаться
Предъ строгимъ наказаніемъ твоимъ. *(Въ сторону.)*
Онъ помѣшался! да и я съ нимъ вмѣстѣ!

ЦАРЬ.

Что? Я гоню его, а онъ ни съ мѣста?

ВИДУШАКА *(съ сторону):*

Страсть можетъ съ толку сбить и мудреца! *(Къ царю:)*
Вѣдь это лишь картина, другъ!

МИСРАКЕСИ.

Картина?

И я сама теперь лишь возвратилась
 Къ сознанию истины. Тѣмъ больше ояъ,
 Что въ осаѣвленіи на все взираетъ.

ЦАРЬ.

О, другъ! Ты поступилъ со мной жестоко!
 Я сердцемъ преданнымъ лишь ей одной
 Ужь ощущаю всю радость лицезрѣнья,
 Какъ будто то была она сама;
 А ты опять призвалъ мое сознание!
 И милую въ картину обратилъ! *(Плачетъ.)*

ВИДУШАКА.

Примѣра нѣтъ ни въ прошломъ, ни въ грядущемъ
 Такому дѣйствию судьбы.

ЦАРЬ.

Ахъ, другъ мой!

За что терплю я вѣчно эти муки?
 Во снѣ возлюбленную увидать
 Бессомница надежду разрушаетъ!
 А на картинѣ ею любоваться —
 Отъ слезъ нависнувшихъ не можетъ глазъ!

МИСРАКЕСИ.

О, этимъ, государь, ты омываешь
 Сакунталы отвергнутой страданье
 Передъ лицомъ подруги.

(Входитъ прислужница Чатурика)

ЧАТУРИКА.

Господишь!

Ужь я взяла шкатулочку съ кистями
 И собиралася сюда идти...

ЦАРЬ.

Что жь дальше?

ЧАТУРИКА.

Вдругъ, Васумати царица

(Пинагалика за нею шла) ее

Изъ рукъ моихъ мгновенно вырываетъ
 И говорить: сама снесу супругу!

ВИДУШАКА.

А какъ же ты-то отъ нея ушла?

ЧАТУРИКА.

Задѣвъ подолаъ царициного платья
 За вѣтку дерева, и вотъ, пока

Его прислужницы освобождали,
Тѣмъ временемъ я скрылась отъ нея.

(Голось за сценой.)

О лусть владычица идеть!

ВИДУШАКА (прислуживаясь):

Ты слышишь?

Грядеть сюда гаремная тигрица,
Готовая художницу пожрать
Какъ будто серну.

ЦАРЬ.

Другъ, близка супруга

Что такъ горда почтеніемъ моимъ!
Такъ защити-ка отъ нея картину.

ВИДУШАКА.

Скажи: и самого себя въ придачу! (береть картину)
Освободившись отъ сѣтей гаремныхъ
Меня ты кликви съ башни Тучекрышки,
Запрячу тамъ картину я твою,
Гдѣ голуби одни ее увидать.

МИСРАКЕСИ.

Хоть сердце отдаю оны свое другой,
Однакоже какъ прежде почитаетъ
Васумати, которую любилъ:
Оны въ дружбѣ проявляетъ постоянство.

(Входитъ привратница съ листомъ въ рукахъ.)

ПРИВРАТНИЦА.

О, псбѣди властитель!

ЦАРЬ.

Не видала ль

Ты на луту Васумати царицу?

ПРИВРАТНИЦА.

Видала, царь. Замѣтивъ, этотъ листъ
Въ моихъ рукахъ она пошла обратно.

ЦАРЬ.

Распредѣленіе моихъ часовъ
Извѣство ей: она не захотѣла
Моихъ обязанностей прерывать.

ПРИВРАТНИЦА.

О, царь! Тебѣ министръ вѣщаетъ:
Изъ множества процессовъ я рѣшилъ
Пока одинъ: оны на листѣ изложенъ
Его лусть прочитаетъ государь.

ЦАРЬ.

Такъ покажи мнѣ листъ. *(беретъ и читаетъ.)*

Да вѣдаетъ

Его величество, что Данавриди,
Купецъ, который велъ торговлю моремъ,
При кораблекрушеніи погибъ:
Онъ былъ бездѣтень. Все его имѣнье,
Что превосходитъ многіе мильоны,
Должно теперь въ казну царя вступить.
Узнавъ въ чемъ дѣло, пусть рѣшитъ властитель.

ЦАРЬ *(озабоченно):*

Не весело бездѣтвымъ быть. Но вѣрно
Онъ какъ богачъ имѣлъ не мало жемъ?
Поэтому, Ватравати, пусть спросятъ,
Нѣтъ ли кого беременной изъ нихъ?

ПРИВРАТНИЦА.

Властитель! говорятъ еще недавно
Дочь одного начальника надъ цехомъ
Изъ города Сакеты, что была
Ему женой, обряды совершила
Въ надеждѣ сына произвестъ на свѣтъ.

ЦАРЬ.

И не родившися имѣть право
Онъ получить наслѣдство отъ отца.
Пойди и возвѣсти о томъ министру.

ПРИВРАТНИЦА.

Какъ царь прикажетъ.

(Идетъ)

ЦАРЬ.

Стой, вернись.

ПРИВРАТНИЦА.

Я здѣсь.

ЦАРЬ.

Къ чему же разница такая:

Есть ли потомство или нѣтъ его?
Пусть возвѣстятъ народу что отнынѣ
Кто бы изъ подданныхъ ни потерялъ
Возлюбленнаго родственника, имъ
Духшанта будетъ для него, лишь тоаько бѣ
То не былъ недостойный человекъ.

ПРИВРАТНИЦА.

Я этими словами и скажу.

*(Идетъ и чрезъ некоторое время
возвращается)*

ПРИВРАТНИЦА.

Какъ дождь упавшій вовремя, народъ
Твое, царь, повелѣнья восхваляетъ.

ЦАРЬ (*вздыхая жалобно*):

Увы! Кою вѣтъ наслѣдниковъ, къ другому
Семейное богатство переходитъ
По смерти человека что потомству
Служить бы долженъ корнемъ. Такъ и я
Собой закончу славу Пурувассовъ...

ПРИВРАТНИЦА.

Да отвратится, царь, несчастье это!

ЦАРЬ.

Да, горе мнѣ! отвергнувъ я безумно
То счастье что мнѣ выпало на долю!

МИСРАКЕСИ.

Сомнѣнья вѣтъ, подругу оу одну,
Вина себя, имѣеть въ помышленьи.

ЦАРЬ.

Я породилъ въ ней самого себя
И все-таки отвергъ! хоть роду Пуру
Она, законная супруга, стала
Опорой вѣрной. Много мнѣ судила
Она благополучья, какъ земля
Засыпанная въ добрую минуту!

МИСРАКЕСИ.

Она съ тобою будетъ снова.

(*Прислужница Чатурика, привратниця.*)

Слушай,

Душевное страданье господина
Лишь возрасло отъ чтенія листа
Что приславъ былъ министромъ; потому
Сходи на башню и пошли Мадавью:
Она знаетъ какъ владыку развлекать.

ПРИВРАТНИЦА.

Да ты права. (*Уходитъ.*)

ЦАРЬ.

Увы! Душманты твои
Въ заботѣ вопрошаютъ: кто же послѣ
За родъ нашъ будетъ жертвы приносить,
Какъ требуютъ священныя законы?
Средь этихъ мыслей воду пьютъ отцы

Которую извѣлъ я имъ бездѣтнѣй,
Но только то вѣдь не вода—а слезы! *

МИСРАКЕСИ.

Хоть есть свѣтильникъ тутъ, но онъ сокрытъ
Отъ царственнаго мудреца, и онъ
Лишь видитъ темноту.

ПРИСЛУЖНИЦА ЧАТУРИКА.

О, перестань,

Властитель, такъ себя терзать жестоко!
Ты человекъ въ двѣтущей, юной силѣ,
Еще родишь ты славныхъ сыновей
Отъ женъ иныхъ, и тѣни твоихъ предковъ,
Повѣрь, тебя виновнымъ не сочтутъ. *(Про себя)*
Не внемаетъ царь словамъ моимъ, но впрочемъ,
Лѣкарство подходящее болѣзнь
Сумѣетъ облегчить.

ЦАРЬ.

Потомство Пуру,

Что съ самаго начала отличалось
Достойнымъ поколѣніемъ, теперь
Со мной, бездѣтнымъ, близится къ паденью.
Такъ и рѣка Сарасвати течетъ
Въ края гдѣ арии не проживаютъ! *(Падаеть съ обморокъ.)*

ПРИСЛУЖНИЦА *(пораженная)*:

Приди въ себя! приди въ себя, властитель!

МИСРАКЕСИ.

Не успокоить ли его?... Но нѣтъ:
Я слышала отъ матери боговъ,
Когда къ Сакунталѣ она ходила,
Что жертвы дороги богамъ, и скоро
Устроить такъ они, чтобъ сей властитель
Ее призналъ законною супругой;
Поэтому тутъ медлить мнѣ не должно;

* Одно изъ коренныхъ вѣрованій Индусовъ заключается въ томъ что души усопшихъ, продолжая свое существованіе за гробомъ, должны постоянно получать отъ потомковъ въ прямомъ нисходящемъ мужскомъ колѣнѣ различныя жертвы, въ родѣ масла, хлѣба, плодовъ. Эти предметы клались на моголау. Отсутствіе ихъ влекло за собою страданіе душъ. Вотъ почему каждый Индусъ такъ и заботился о томъ чтобы имѣть мужское потомство.

А лучше, тѣмъ что здѣсь произошло
Сокунтау, подругу, я утѣшу. (*Улетаетъ.*)

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ:

Предательство! убійство и разбой!

ЦАРЬ (*приходитъ въ себя*):

Что тамъ? Мадавья кажется взываетъ

О помощи?

ПРИСЛУЖНИЦА ЧАТУРИКА.

Я боюсь ужасно,

О государь, что бѣднѣйшій браминъ
Пивгаликъ и тѣмъ что съ нею были
Съ картивою попался на рукахъ.

ЦАРЬ (*прислужницу*):

Чатурика, стулай-ка ты къ царицѣ
И имеемъ моимъ упрекъ ей сдѣлай
Что слугъ своихъ она такъ распустила.

ПРИСЛУЖНИЦА ЧАТУРИКА.

Какъ повелить.

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ:

Разбой, разбой!

ЦАРЬ.

Да, то браминъ! хотя и измѣнился
Его отъ страха голосъ. Эй! кто тамъ?

(*Входитъ Спальникъ.*)

СПАЛЬНИКЪ.

Что соизволишь приказать, властитель?

ЦАРЬ.

Узнай-ка, отчего браминъ Мадавья
Такъ раскричался?

СПАЛЬНИКЪ.

Я взгляну сейчасъ.

(*Уходитъ и возвращается пораженный ужасомъ*)

ЦАРЬ.

Надѣюсь, Парватаяни, что нѣтъ
Несчастья тамъ какого?

СПАЛЬНИКЪ.

Есть, напротивъ.

ЦАРЬ.

Но что жъ ты такъ дрожишь? Бывало старость
Лишь вызывала въ членахъ твоихъ дрожь,
Теперь же ты колеблешься всѣмъ тѣломъ
Какъ фиговая пальма въ непогоду.

СПАЛЬНИКЪ.

Царь! защити ты друга своего!

ЦАРЬ.

Но отъ чего жь мнѣ защитить его?

СПАЛЬНИКЪ.

Отъ страшной, царь, опасности.

ЦАРЬ.

Скажи же!

СПАЛЬНИКЪ.

На башнѣ Тучекрышкѣ, съ коей видъ

Повсюду открывается свободно...

ЦАРЬ.

Что жь тамъ случилось?

СПАЛЬНИКЪ.

Съ самой высоты,

Съ зубцовъ, куда домашніе лавины

Лишь достигаютъ, всякій разъ какъ тамъ

Захочется имъ отдохнуть, оттуда

Какимъ-то безтѣлеснымъ существомъ

Быль унесеть твой другъ.

ЦАРЬ (*поспѣшно всталъ*):

Такъ въ моемъ домѣ

Ужь видно демоны расположились

И властвуютъ? Нѣтъ, тяжело правленье!

И сосчитать нельзя, что каждый день

Небрежность улущеній причиняетъ!

И можетъ ли кто въ точности сказать

Какимъ лутемъ изъ гражданъ кто ступаетъ?

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ.

О помогите! помогите мнѣ!

ЦАРЬ (*прислушиваясь*):

Не бойся, другъ, не бойся!

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ

Какъ же! да!

Возможно ль не бояться коль меня

За шею кто-то сзади взялъ и хочетъ

Ее сломать какъ сахарный тростникъ!

ЦАРЬ.

Эй! лукъ мнѣ! лукъ скорѣй! (*Входитъ служитель съ лукомъ.*)

СЛУЖИТЕЛЬ.

Вотъ стрѣлы, лукъ,

И щитъ твой, поведитель! (*Царь беретъ лукъ и стрѣлы.*)

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ.

Жажду я

Изъ горла свѣжей крови, и убью
Тебя дрожащаго, какъ тигръ скотину!
Тебѣ на помощь лустъ идетъ Духшанта,
Схвативъ свой лукъ, защиту угнетенныхъ,
Пусть пробуетъ тебя спасти!

ЦАРЬ (съ смѣломъ):

Онъ смѣетъ

Здѣсь имя называть мое? Постою же!
Тебя, отвергнутаго даже тѣми
Чтò пожираютъ мертвыя тѣла,
Я скоро докаваю. (*Натягиваетъ лукъ*). Покажи
Путь къ лѣствицѣ мнѣ, Парватайни.

СПАЛЬНИКЪ.

Сюда, сюда! (*Всѣ поспѣшно встаютъ и слѣдуютъ за царемъ.*)

ЦАРЬ.

Чтò это? здѣсь все пусто!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ.

О, защиты! Тебя я вижу, царь!
А ты меня неужели не видишь?
Отчаиваюсь въ жизни я какъмышь
Которую сейчасъ поймала кошка.

ЦАРЬ.

Эй! возгордился ты своимъ плащомъ
Чтò невидимкою отъ глазъ скрываетъ.
Ты полагаешь что мои ужь стрѣлы
Тебя не разглядятъ? Но погоди!
Ты не надѣйся и на то что съ другомъ
Мной защищаемымъ сцѣлился ты;
Такую я стрѣлу ужь налагаю
Чтò по заслугамъ поразить тебя
Не тронувъ неловивнаго брамина:
Какъ гусь чтò выливаетъ молоко,
Съ нимъ смѣшавшую воду оставляя. (*Налагаетъ стрѣлу.*)

(*Входятъ Матали и Видушака.*)

МАТАЛИ.

О, долговѣчный! Цѣлью твоихъ стрѣлъ
Тебѣ злыхъ демоновъ содѣлалъ Индра,
Ты противъ нихъ натягивай свой лукъ.

А въ друга люди добрыя брасають
 Лишь взоръ пріязми и благоволенья,
 Никакъ не остріе стрѣлы.

ЦАРЬ.

Неужто

Я вижу Матали предъ собой?
 Добро пожаловать возницѣ Индрѣ!

ВИДУШАКА.

Овъ чуть меня какъ звѣря не убилъ,
 А ты привѣтствуешь его какъ друга?

МАТАЛИ.

Познай, о долголѣтчимъ, почему
 Къ тебѣ прислалъ меня блестящій Индра!

ЦАРЬ.

Я внемлю.

МАТАЛИ.

Родъ есть демоновъ могучихъ,
 Имъ Кааменія родоначальникъ,
 „Дурджая“ прозываются они...

ЦАРЬ.

Отъ Нарады я это уже слышалъ.

МАТАЛИ.

Ихъ Индра, другъ твой, побѣдить не можетъ;
 Тебя избралъ овъ чтобы въ состязаньи
 Ихъ истребить. Ночная темнота
 Которую прогнать не въ силахъ солнце
 Вѣдь побѣждается луной. Возьми
 Свой лукъ, вступи на колесницу Индры
 И на побѣду, государь, слѣши!

ЦАРЬ.

Я очастливленъ почестью что Индра
 Оказываетъ мнѣ. За что жь съ Малавѣей,
 Скажи, ты такъ жестоко поступилъ?

МАТАЛИ.

Я объясню тебѣ. Ты показался
 Мнѣ, царь, изнывшимъ отъ душевной муки,
 Какая бы ей ни была причина;
 И вотъ, чтобы разгнѣвить тебя, придумалъ
 Я то что мной сдѣлано сейчасъ.
 Огонь горитъ когда дрова жьшуютъ,
 И гребень поднимаетъ свой змѣя

Когда ее раздражать: такъ всегда
Могучее могущество являетъ
Коль изъ локоя вызовешь его.

ЦАРЬ (*Видушакъ*):

Я долженъ, другъ, исполнять приказанье
Мнѣ данное царемъ боговъ. Пойди
Потому ты къ Пѣшунѣ министру
И объяви такъ именемъ моимъ:
Одно теперь твое благоразумье
Пусть гражданъ защищаетъ; этотъ лукъ
Съ натянутою тетивой иное
Обязанъ нынѣ дѣло совершить.

ВИДУШАКА.

Исполню все какъ ты повелѣваешь.

МАТАЛИ.

Вступилъ же въ колесницу, долговѣчный.

ДѢЙСТВІЕ СЕДЬМОЕ.

(Въ воздухѣ на колесницѣ Царь и Матали.)

ЦАРЬ.

Я Индры порученіе исполнилъ,
Но онъ меня такъ высоко почиталъ
Что я себѣ кажуся недостойнымъ.

МАТАЛИ.

Увѣренъ будь, о долговѣчный, оба
Остались въ этомъ недозволены вы:
Ты Индрѣ услуживъ, считаешь подвиговъ
Свой незначительнымъ лишь потому
Что смотришь на оказанную почесть;
А онъ свою награду полагаетъ
Стоящей ниже подвиговъ твоихъ.

ЦАРЬ.

Не говори такъ, Матали, о нѣтъ!
Почетъ оказанный мнѣ при разлукѣ
Далеко превзошелъ мои желанья.
Вѣдь возсѣдалъ предъ сонмищемъ боговъ

Я на престолѣ съ нимъ, и овъ съ улыбкой
 Взглянувъ на сына своего Джаяпantu,
 Стоявшаго отъ насъ не вдалекѣ
 Съ мечтой о той же почести, вѣнокъ
 Изъ мандары, который на груди
 Его лежалъ, савдаломъ умащенннй,
 На голову мнѣ возложилъ.

МАТАЛИ.

Нѣтъ почести

Которой ты не былъ бы достоинъ
 Отъ друга и влвстителя боговъ
 Чтѣ любить радость. Вѣдь до сей поры
 Чертогъ его небесный, удрученннй
 Злыхъ демоновъ тяжелою враждой,
 Спасенъ былъ лишь двумя: твоей стрѣлою
 И прежде нѣкогда когтями Вишну,
 Чтѣ сплзшелъ на землю и явился
 Какъ полу-левъ и полу-человѣкъ.

ЦАРЬ.

Въ моихъ дѣлахъ видна лишь сила Индры:
 И слуги могутъ подвиги являть,
 Но отражается въ нихъ совершенство
 Лишь ихъ господъ, свершать чтѣ доврляютъ
 Имъ эти подвиги. Могла ли бы заря
 Разсвѣять мракъ, когда бъ предъ колесницею
 Своей тысячелучный солнца богъ
 Предвѣстницею не посылалъ ее?

МАТАЛИ.

Твои слова въ согласи, государь,
 Со всей твоей природой. *(Протъжавъ дальше продолжаетъ:)*
 Долговѣчный,

Отсюда созерцать тебѣ доступно
 Величье твоей славы, чтѣ къ вершиѣ
 Небесъ дошла. Остатками румянъ
 Красавицъ женъ живущихъ въ небесахъ,
 Размѣренныя подобравъ слова,
 Удобныя для лѣвнн, лишутъ боги
 Про подвигъ твой на листьяхъ Чудо-древа!

ЦАРЬ.

Вчера я, Матали, здѣсь протъзжая,
 Былъ полонъ жажды встрѣтиться съ врагомъ

И мѣстности не разсмотрѣлъ. Скажи мнѣ:
Въ стезѣ какого вѣтра мы теперъ?

МАТАЛИ.

То вѣтра Праваха стезей зовется:
По ней, свободной отъ ларовъ, самъ Вишну
Второй свой шагъ когда-то совершилъ,
И тѣмъ ее очистилъ; сообщаетъ
Она движенье звѣздамъ круговое
И Гаггъ небесный въ токъ его вгоняеть.

ЦАРЬ.

Вотъ почему возрадовался вдругъ
Во мнѣ мой дѣхъ и съ нимъ всѣ чувства тѣла!

*(Немного погодя, всматривается
въ путь по которому слѣдуетъ ко-
лесница, продолжаетъ:)*

Спускаемся теперъ какъ будто мы
Къ тому пути гдѣ ходять облака?

МАТАЛИ.

Ты почему такъ думаешь, властитель?

ЦАРЬ.

Что мы летимъ средь тучъ по влажнымъ облакамъ?
Доказываютъ ступицы колесъ,
На коихъ видны дождевыя капли.
Вотъ чайки пролетаютъ между спицъ
И лошадей блескъ молній освѣщаетъ.

МАТАЛИ.

Ты правъ; и я скажу тебѣ еще
Что не пройдетъ и одного мгновенья
Какъ въ царствѣ ты очутишься своемъ.

ЦАРЬ.

Мы, Матаали, спускаемся такъ быстро,
Что внизъ, на землю, страшно посмотрѣть:
Вершины горъ какъ-будто бы всплываютъ
И опускаются отъ нихъ поля;
Не скрыты ужъ деревья за листвою,
Стволы и вѣтви ясно видны мнѣ.
Вонъ въ ширину расходятся ужъ рѣки:
Ихъ воды, скрывшіяся отъ очей
(Лишь узкія полоски были видны),
Теперъ становятся замѣтны; вотъ
Земля ужъ выступаетъ по бокамъ
Какъ будто кто-нибудь ее приподнялъ.

МАТАЛИ.

Такъ, государь. *(Оглядывается во все стороны съ трепетомъ.)*

О! какъ земля прекрасна!

ЦАРЬ.

Скажи мнѣ, Матаали: какъ называютъ
Вотъ гору ту? Съ заката и съ востока
Она склонилась къ морю, и потокъ
Расплавленного золота съ себя
Какъ облако вечернее спускаетъ?

МАТАЛИ.

Ту гору называютъ Гемакута;
Она въ хребтѣ Кимпуруша стоитъ,
И служить для отшельниковъ тѣмъ мѣстомъ
Гдѣ достигаютъ святости они.
Родившійся отъ Маричи, что сыномъ
Былъ Брамь самосуцаго, Марича,
Боговъ и демоновъ наставникъ, здѣсь
Свершаетъ подвиги съ своей супругой.

ЦАРЬ.

Мнѣ счастья, другъ, не должно упускать:
Отшельнику хочу я поклониться,
А послѣ въ путь я даѣе отправлюсь.

МАТАЛИ.

Прекрасное рѣшенье, долговѣчный! *(Направляетъ колесницу внизъ.)*

Вотъ мы спустились.

ЦАРЬ *(съ удивленіемъ):*

Ни единый звукъ

Не поднимается отъ колесницы,
Ни лыли не замѣтно, ни толчковъ.
Спустились мы и все-таки колеса
Какъ будто не касаются земли.

МАТАЛИ.

Столь превосходнѣй колесница Индры
Той что тебѣ принадлежитъ.

ЦАРЬ.

Скажи,
Гдѣ здѣсь находится шалашь Маричи?

МАТАЛИ.

Тамъ гдѣ мудрецъ какъ столбъ недвижно стоя

Взоръ къ кругу солнечному обратилъ.
 Подъ-тѣла закопалъ онъ въ муравейникъ
 И рамена какъ поясомъ обвилъ
 Змѣиной шкурой; тяжко его шею
 Терзаетъ вервье что спелось изъ льявъ.
 Въ вѣнокъ завязанные ниспадають
 До самыхъ плечъ власы его широко
 И птицы гнѣзда въ нихъ свои свили!

ЦАРЬ

Почтеніе ему, что покаявше
 Столь тяжкое несетъ.

МАТАЛИ.

Вотъ мы вступили
 Въ священный лѣсъ отшельника Маричи,
 Гдѣ Адити деревья возрастила.

ЦАРЬ.

О, въ этомъ мѣстѣ царствуетъ покой!
 Оно и небо даже превосходить:
 Мнѣ кажется что тѣломъ погруженъ
 Я въ море нектара!

МАТАЛИ (*останавливаетъ колесницу*)

Сойди, о, царь.

ЦАРЬ.

Ты, Матали, теперь что будешь дѣлать?

МАТАЛИ.

Недвижна колесница; я съ тобой
 Сойду съ нею. (*Сходитъ съ колесницы.*)

Взгляни на эти рощи.

Здѣсь чистые отшельники живутъ!

ЦАРЬ.

Всегда я созерцаю съ удивленьемъ
 Жиллица мудрецовъ и ихъ самихъ:
 Въ садахъ гдѣ много такъ плодовъ чудесныхъ
 Они привыкли воздухомъ питаться;
 Водю побурѣвшей отъ лыльцы
 Златаго лотоса они свершаютъ,
 Какъ требуютъ законы, омовенья;
 Живутъ въ домахъ изъ драгоценныхъ камней
 И размышленію лишь преданы;
 Окружены толпой небесныхъ жень
 И цѣломудріе хранятъ! Все то

Они уже имѣютъ въ покаяннѣ
Къ чему чрезъ покаяннѣ придти
Другіе пламенно желаютъ.

МАТАЛИ.

Ди,

Возвышенны стремленія великихъ!

*(Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и осмо-
трѣвшись, обращается къ лицу
находящемуся за сценой.)*

Что дѣлаетъ теперь, Бриддасакья,
Почтенный нашъ Марича? Что? Спросила,
Ты говоришь Дакшайани его
Въ чемъ состоитъ обязанность супруги
Супругу преданной? и онъ теперь
Ей наставленіе даетъ? Такъ должно
Намъ выждать время чтобъ къ нему пойти. *(Къ царю:)*
Подъ тѣнью дерева ты здѣсь присядь;
А я отправлюсь возвѣстить приходъ твой
Наставнику боговъ.

ЦАРЬ.

Какъ ты желаешь. *(Матали уходитъ.)*

ЦАРЬ *(У него дрожитъ рука и онъ въ
этомъ видитъ счастливое предѣ-
жаніе.)*

Надежды сладкой я ужъ не питаю
Увидѣть исполненіе желанья,
Такъ что же ты дрожишь моя рука?
Отвергнутое нами въ жизни счастье
Съ трудомъ лишь возвращается опять!

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ.

Смотри! не поступаай же безразсудно!
Свой нравъ ты проявляешь каждый день!

ЦАРЬ *(прислушиваясь):*

Не мѣсто здѣсь кичливому дѣянью:
Къ кому жь относится такой запретъ?

(Смотритъ за сцену съ улыбкой.)

А! а! то мальчикъ этотъ, за которымъ
Двѣ дѣвушки-отшельницы идутъ.
Но онъ на мальчика и не походитъ:
Вдѣлившись въ гриву молодаго льва,
Что мать лишь высосалъ до половины,

Онъ бьетъ его рукою и волочить,
И не взираетъ на сопротивленье!

(На сцену выходитъ маленькій мальчикъ и тащитъ за собой львенка, за нимъ идутъ два двѣушки-отшельницы.)

МАЛЬЧИКЪ.

Открой свой зѣвъ! сейчасъ открой, мой львенокъ!
Хочу твои я зубы сосчитать.

ПЕРВАЯ ДВѢУШКА.

Шалунъ! зачѣмъ ты мучаешь звѣрей
Которыхъ здѣсь ничѣмъ не отащачуть
Отшельники отъ собственныхъ малятокъ?
Высокомеріе твое привоситъ
Повсюду брань, и правы мудрецы
„Всепокорителемъ“ прозвавъ тебя!

ЦАРЬ.

Зачѣмъ любовь такую ощущаетъ
Къ дитяти этому моя душа,
Какъ будто онъ мнѣ сынъ? *(Задумывается.)*

Ахъ, вѣроятно

Такую нѣжность пробуждаетъ въ сердцѣ
Моимъ мое бездѣтство!

ВТОРАЯ ДВѢУШКА.

Погоди!

Тебя ужь схватить львица, коли ты
Сынка ея въ локофъ не оставишь!

МАЛЬЧИКЪ.

Скажите! Какъ я этимъ перепуганъ!

ЦАРЬ.

Зачатокъ мощнаго героя носить
Въ себѣ дитя. Онъ на огонь походить
Что скрытой искрой тѣлится лока,
И не пылаетъ лишь по недостатку дровъ.

ПЕРВАЯ ДВѢУШКА.

Дитя, оставь же львенка! Я другую
Тебѣ игрушку дамъ.

МАЛЬЧИКЪ *(протягиваетъ руку):*

Ну, дай скорѣй!

ЦАРЬ.

Какъ странно! мальчикъ этотъ проявляетъ
Всѣ признаки всемірнаго господства.

На ручкѣ, что ояъ страстно протануль,
 Надѣясь получить игрушку, пальцы
 Всѣ перепонкой соединены,
 Точь въ точь какъ лотоса цвѣтокъ, въ которомъ
 Не видно промежутковъ межъ листовъ,
 Когда ояъ распускается въ сѣнѣ
 Багряной утренней зари.

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

Подруга!

Одними, Суврата, словами съ нимъ
 Не справишься, а лотому пойди
 И принеси изъ хижины моей
 Павлаина глинянаго, что такъ лестро
 Раскрашенъ красками. Манганакъ
 Принадлежитъ ояъ, сыну мудреца.

ПЕРВАЯ ДВВУШКА.

Я такъ и сдѣлаю.

МАЛЬЧИКЪ.

А я лѣка

Со львенкомъ поиграю.

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

Брось его!

ЦАРЬ.

Влечетъ меня къ ребенку шалуу!
 Счастливъ кто можетъ собственныхъ малятокъ
 Носить табущихся къ нему на грудь.
 Смѣясь, что безъ причины происходитъ,
 Они показываютъ вмѣсто зубъ
 Лишь почечки, и мило такъ лепечуть
 Не ясно выговаривая рѣчь!

ВТОРАЯ ДВВУШКА (*грозитъ мальчику*):

Такъ ты никакъ меня не хочешь слушать?

(*Смотритъ въ сторону.*)

Нѣтъ ли изъ нашихъ юношей кого? (*Видитъ царя.*)
 Ты, съ облакомъ что счастье приносить,
 Почтенный господишь, приди на помощь,
 Освободи ты львенка; видишь, мучить
 Его дитя, у коего такъ не легко
 Отнять что разъ ему попало въ руки.

ЦАРЬ.

Иду, иду сейчасъ. *(Подходитъ къ мальчику.)*

Эй, ты! сыночекъ

Великаго отшельника! Зачѣмъ,
 Какъ дерево сандаловое змѣнешь,
 Пятаешь ты постулками своими
 (Что не согласно съ жизнью въ лѣсахъ)
 Отца, который всѣхъ животныхъ
 Подъ свой покровъ радушно принимаетъ,
 Благочестиво радуясь тому
 Что имъ пріютъ даруетъ безопасный?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Не сынъ отшельника ребенокъ этотъ.

ЦАРЬ.

То ясно выдають его постулки,
 Съ которыми весь видъ его согласенъ;
 Но думая въ какихъ мы здѣсь мѣстахъ,
 Я въ заключеніи своемъ ошибся.

(Онъ подходитъ къ мальчику и освобождаетъ изъ рукъ его львенка: мальчикъ покорно повинуется и потомъ слѣдуетъ за нимъ.)

Хотя мнѣ неизвѣстно чей онъ сынъ,
 Однако я его прикосновенье
 Съ блаженной радостію ощутилъ;
 Какое жъ наслажденье онъ готовить
 Тому счастливцу, чрезъ кого дыханье
 И жизнь онъ получилъ!

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

О, чудо! чудо!

ЦАРЬ.

Скажи, въ чемъ видишь чудо ты, дѣвица?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Въ томъ что лицо ребенка такъ походить,
 Хоть и чужой ты, на твое лицо,
 И что онъ повинуется тебѣ
 Не зная кто ты, а съ другими гордымъ
 Себя являетъ онъ и непокорнымъ.

ЦАРЬ.

Коль онъ не отъ отшельника родился,
 То отъ какого жъ рода онъ ведетъ
 Свое происхожденіе?

ВТОРАЯ ДВВУШКА. †

Отъ Пуру.

ЦАРЬ (*про себя*).

Какъ? Одного со мной онъ поколѣнья?..
Вотъ почему похожъ онъ на меня
И сѣдуетъ за мной.

(Гролко)

Да! знаю я

Таковъ обѣтъ семейный Пуравасовъ:
Сперва они въ дворцахъ проводятъ дни
Исполненные чувственныхъ уладъ
И въ то же время царство охраняютъ;
А послѣ имъ единственнымъ пріютомъ
Деревьевъ служатъ корни, гдѣ они
Тяжелые обѣты исполняютъ.
Но достигать священныхъ этихъ мѣстъ
По волѣ собственной не въ силахъ люди.

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

О да, ты правъ. Дитя то мать
Родила въ этой роцѣ покаянья
Учителя боговъ; одной алсарѣ
Она родня.

ЦАРЬ (*про себя*):

Еще къ надеждѣ поводи!

(Дввущикъ:)

Но какъ зовется царственный мудрецъ
Что былъ супругомъ матери ребенка?

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

Кто станетъ имя называть того
Кто оттолкнулъ законную супругу?

ЦАРЬ (*про себя*):

Какъ? Это тожь относится ко мнѣ!
А не спросить ли мнѣ про имя той
Что матерью была ребенку? Нѣтъ!
Чужой женой не должно заниматься.

ПЕРВАЯ ДВВУШКА (*несетъ глинянаго пав-
лина*):

А ну-ка, посмотри сюда, какую
Сакунта-ласточку * тебѣ я дамъ!

* Здѣсь каламбуръ. По-санскритски сказано: „взгляни на красоту сакунты—птицы (раса сакунта-лавануам). Созвучіе словъ маводитъ

МАЛЬЧИКЪ (*озирается кругомъ*):

Гдѣ мать моя?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ахъ, сходство словъ его,
 Любимца матери, ввело въ обманъ.
 Я говорю тебѣ: взгляни на птичку!

ЦАРЬ (*про себя*):

Какъ? Мать его Сакунталой зовется?
 Но вѣдь не рѣдкость тожество именъ;
 Лишь только бы не кончился печалью
 Мнѣ этотъ случай, какъ миражъ степей.

МАЛЬЧИКЪ.

Мнѣ нравится, сестрица, эта птичка,
 Она хорошенькая. (*Беретъ игрушку.*)

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА (*пораженная смотритъ на руку мальчика*):

Ахъ, не вижу

Я у него на локтѣ талисмана!

ЦАРЬ.

Не безпокойся: онъ уладъ въ то время
 Какъ мальчикъ забавлялся съ юнымъ львомъ.
 Вотъ онъ. (*Хочетъ поднять запястье.*)

ОВЪ ДѢВУШКИ.

Оставь, оставь! не тронь его!

(*Царь поднимаетъ запястье; дѣвушки смотрятъ другъ на друга пораженныя изумленіемъ и сложивъ руки на груди:*)

И все-таки онъ поднялъ!

ЦАРЬ.

Отчего

Мнѣ взять его вы запрещали?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Слушай;

О господивъ! Онъ изъ травы чудесной,
 Что силою цѣлебной обладаетъ,
 Зовутъ „неповѣдимою“ ее;
 И вотъ новорожденному дитяти
 Въ день посвященія сей талисманъ
 И подарилъ Марича нашъ почтенный;
 Никто другой какъ лишь отецъ иль мать,
 Иль самъ дитя, его поднять не долженъ
 Когда печально онъ уладеть.

мальчика на вопросъ о матери. Дабы сохранить каламбуръ, мы птицу *сакунту* назвали ласточкой.

ЦАРЬ.

А если кто другой его подниметъ?

ПЕРВАЯ ДВВУШКА.

Въ змѣю онъ обратится и ужалитъ.

ЦАРЬ.

А вы видали это обращенье?

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

О да! мы видѣли то много разъ.

ЦАРЬ (съ восторгомъ):

Такъ почему же мнѣ не насладиться

Всей радостью моею, когда желанья

Мои исполняются наконецъ?

(Обнимаетъ и цѣлуетъ мальчика.)

ВТОРАЯ ДВВУШКА.

Пойдемъ, Сакунталъ, подруга, скажемъ

Про то что здѣсь сейчасъ произошло.

Она теперь обряды исполняетъ.

(Уходятъ; царь ласкаетъ ребенка.)

МАЛЬЧИКЪ (вырываясь):

Пусти меня! я къ матери хочу.

ЦАРЬ.

Ты, сынъ мой, мать со мною вмѣстѣ встрѣтишь.

МАЛЬЧИКЪ.

Но мой отецъ Духшанта, а не ты!

ЦАРЬ (смѣется):

Слова твои себѣ противорѣчатъ

И служить подтвержденьемъ для меня!

(Входитъ Сакунтала, волосы ея заплетены въ одну косу.)

САКУНТАЛА (разсуждая про себя):

Сказали мнѣ что сына талисманъ

Свой видъ обычный сохранилъ, хоть случай

Для превращенья былъ. Но все же я

Еще надежды не могу питать

На измѣненіе моей судьбы.

Хоть по словамъ подруги Мисракеси

Оно и было бы вполнѣ возможно.

(Ходитъ по сценѣ и останавливается въ раздумьѣ.)

ЦАРЬ (увидавъ Сакунталу, съ радостью и съ грустью):

О, то она, Сакунтала моя!

Облечена въ одежды сѣрой ткани,
 Съ лицомъ что исхудало отъ пощеній,
 Съ слетевшими въ одну косу власами!
 Такъ перевозить чистая душа
 Со мной жестокихъ долгую разлуку!

САКУНТАЛА *(не узнаетъ царя, который
 измѣнился отъ угрызений со-
 съести):*

Нѣтъ, нѣтъ! то не супругъ! Но кто овъ, что дитя
 Мое дерзнулъ объятьемъ осквернить,
 Хотя на немъ былъ таисманъ?

МАЛЬЧИКЪ *(подходитъ къ матери):*
 Меня

Зоветь, мать, чужестранецъ этотъ сыномъ.

ЦАРЬ.

О, милая! Моя къ тебѣ жестокость
 Теперь къ концу желанному пришла!
 И жажду я чтобъ наконецъ меня
 Узнала ты.

САКУНТАЛА *(про себя):*

Вздохни жь теперь, о сердце!
 Вздохни еще! Судьба, что такъ жестоко
 Изъ зависти меня гнала, теперь
 Надъ мною сжалась! то мой супругъ!

ЦАРЬ.

Прекрасная! Стоишь ты предо мною
 И спала съ глазъ завѣса ослѣпленья
 И память снова возвратилась мнѣ!
 Такъ Рохини * сливается съ луной
 Когда окончится ея затменье.

САКУНТАЛА.

О, побѣди, властитель, побѣди!...

(Заливается слезами.)

ЦАРЬ.

О, милая! хотя слезами было
 Заглушено желаніе побѣдъ,
 Я все же побѣдилъ: вѣдь снова вижу
 Я ликъ твой съ ало-блѣдными губами.
 На коихъ нѣтъ искусственной красы!

* Одно изъ созвѣздій проходимыхъ луною въ ея движеніи.

МАЛЬЧИКЪ.

Кто это, мать?

САКУНТАЛА.

Спроси свою судьбу!

ЦАРЬ.

Изъ сердца удали былаю горестъ,
 Что я тебя, прекрасная, отвергъ!
 Какая-то ужасная царя
 Тогда въ душѣ моей смущенной тьма.
 Не такъ ли поступаютъ даже въ счастьи
 Тѣ кои въ мракѣ жить осуждены:
 Съ главы своей свѣдецъ вѣнокъ стряхаетъ
 Боясь что это можетъ-быть змѣя.

*(Падаетъ предъ ней на
 колыни.)*

САКУНТАЛА.

О, встань супругъ! Какимъ-нибудь поступкомъ,
 Что счастью прелятствиемъ могъ быть,
 Сгубила я въ тѣ дни свою судьбу,
 Когда супругъ, всегда столь мягкосердый,
 Жестоко такъ со мною поступилъ.

(Царь встаетъ.)

Но какъ ты вспомнилъ о супругѣ бѣдной?

ЦАРЬ.

Я разкажу; пусть прежде удалится
 Стрѣла печали изъ твоей груди.
 Дай, милая, мнѣ осушить слезу
 Что на красиво согнутыхъ рѣсницахъ
 Твоихъ повисла и которой я
 Средь ослѣпленья пренебрегъ въ тотъ часъ
 Когда она на губку ниспадала
 Твою, и мы ее прогнать старались!
 Тогда лишь только я освобожусь
 Отъ мукъ раскаянья! *(Оттираетъ съ глазъ ея слезы.)*

САКУНТАЛА *(видитъ на рукѣ его перстень)*

Супругъ! Скажи мнѣ:

Не то ли на тебѣ теперь кольцо?

ЦАРЬ.

Да, милая, и память возвратилась
 Ко мнѣ опять, когда оно нашлось
 Чудеснымъ образомъ.

САКУНТАЛА.

Увы! могло же

Оно пропасть въ то именно мгновенье,
 Когда оно полезно было бѣ мнѣ
 Чтобъ убѣдить супруга!

ЦАРЬ (*хочетъ отдать ей кольцо*).

Потому-то

Пусть свой цвѣтокъ обратно приметъ лъавя
 Въ знакъ возвращенія весны.

САКУНТАЛА.

О, нѣтъ!

Кольцу теперь не довѣряю я,
 Пусть носить на себѣ его супругъ. (*Входитъ Матали.*)

МАТАЛИ.

О, пусть же, долговѣчный, обратится
 Сей день въ источникъ счастья для тебя,
 Когда обрѣлъ ты вновь свою супругу
 И образъ сына своего узрѣлъ.

ЦАРЬ (*указывая на Матали*).

Мнѣ другъ содѣйствовалъ достигнуть
 Плода моихъ желаній, и мнѣ слаще онъ!
 А Индрѣ, Матали, скажи, извѣстно
 Все то что здѣсь произошло?

МАТАЛИ (*со смѣхомъ*):

Да развѣ

Бываетъ отъ боговъ что-либо скрыто?
 Маричи уважаемый тебя
 Желаетъ увидать, пойдя къ нему.

ЦАРЬ.

Возьми же сына, милая супруга,
 Маричу я благого навѣститъ
 Хочу. Иди впередъ.

САКУНТАЛА.

Но я стыжусь

Предстать съ супругомъ предъ того, кому
 Почтенье воздавать должна.

ЦАРЬ.

Обычай

Веать такъ поступать, когда судьба

Опять благопріятна вамъ. Пойдемъ.

(Проходятъ по сценѣ. Появляется Марича и супруга его Адити, они сидятъ рядомъ на почетномъ стульяхъ.)

МАРИЧА *(при видѣ царя обращаясь къ Адити):*

Дахшаянти, ты видишь предъ собой
Царя Духшанту. Въ боевомъ строю
У Индры, сына твоего, властитель
Земли, бойцомъ онъ первымъ выступаетъ,
И лукъ его содѣлалъ то что нынѣ
Лишь украшеньемъ сталъ для бога Индры
Имъ упряденный боевой перунь.

АДИТИ.

Сама уже наружность проявляетъ
Всю силу и могущество его.

МАТАЛИ.

О, царь земли! родители боговъ,
Глазами выражающими радость
Взирають на тебя, какъ-будто ты
Имъ сынъ. Такъ подойди, земли властитель.

ЦАРЬ.

О, Матали, такъ это та чета,
Рожденная отъ Дакши и Маричи
*(Видъ ихъ одно зверо лишь отдѣляетъ
Отъ Брамь),* тѣ Марича и Адити
Что родили, какъ мудрецы насъ учать,
И Индру, властелина трехъ вселенныхъ,
Царя боговъ, и солнца божество,
Которыхъ чтобы воплотиться избралъ
Тотъ кто превыше Брамь, Вишну славный!

МАТАЛИ.

Какъ ты сказалъ.

ЦАРЬ *(падаетъ ницъ предъ ними):*

Служитель Индры, вамъ

Обоимъ воздаеть поклонъ Духшанта!

МАРИЧИ.

О, сынъ мой! долго царствуй надъ землей!

АДИТИ.

Въ бояхъ не знай соперника, мой сынъ!

(Сакунтала съ сыномъ падаютъ предъ ними на колѣни.)

МАРИЧА (*Сакунтала*):

Подобевъ Индрѣ твой супругъ, а сынъ твой
 Индры сыну,—потому,
 О дочь моя, вѣтъ для тебя инаго
 Желанія, какъ чтобъ сравнялась ты
 Въ благополучіи съ супругой Индры,
 Съ Паудоміей.

. АДТИ.

Пусть чтить тебя супругъ,
 Дитя, а сынъ да будетъ долговѣченъ!
 И высоко пусть славу вознесетъ
 Родительскаго дома! Такъ, садитесь. (*Они садятся.*)

МАРИЧА (*смотритъ поочередно на Царя
и на Сакунталу*):

Благословеніе вамъ! Сакунтала,
 О ты, что вѣрно исполняешь долгъ свой,
 И ты, о царь, отростокъ добрый рода!
 Сошлась въ васъ тройственная добродѣтель:
 То вѣрность, сила и законъ.

ЦАРЬ.

Блаженный!

Исполнили сначала вы желанья
 Мои, лишь послѣ ликъ я вашъ узрѣлъ!
 Такъ безпримѣрна ваша благостыня.
 Въ природѣ прежде возникаетъ цвѣтъ,
 Потомъ уже плоды, и прежде тучи
 А послѣ дождь; такъ дѣйствию всегда
 Предшествуетъ причина; а твоей
 Предшествовало счастье добротъ.

МАТАЛИ.

Столь милосердыми себя являютъ
 Вселенныя отцы.

ЦАРЬ.

Внемли, блаженный:

Вотъ съ этою рабыней вашей въ бракъ
 Вступилъ я по закону что Гандарвамъ
 Предписанъ отъ боговъ; когда жь родными
 Она потомъ была приведена
 Въ мой домъ, ее отвергнулъ я; въ ту пору
 Моя логасла память. Противъ Каввы
 (*Она къ роду вашему принадлежитъ*),

Благаго старца, тѣмъ я погрѣшилъ.
 Лишь послѣ вспомнилъ я, когда увидѣлъ
 Одно кольцо, что заключилъ союзъ
 Супружескій съ сей дочерью его.
 Мнѣ кажется все это какъ бы чудомъ.
 Какъ будто человекъ, что видитъ ясно
 Какъ слонъ проходить близъ него, но только
 Рѣшить не можетъ: подлинно ль то словъ?
 И лишь тогда сомнѣнье удаляетъ,
 Когда найдетъ слововые слѣды:
 Такъ точно было и со мной въ то время
 Когда разсудокъ былъ во мнѣ смущенъ.

МАРИЧА.

Мой сынъ, боязню себя не мучь,
 Что ты виновенъ; ослѣпленъ
 Тебѣ на долю выпало. Послушай.

ЦАРЬ.

Вземлю твоей я рѣчи, о блаженный!

МАРИЧА.

Во время то какъ Менака спустилась
 Къ купанію алсарь, чтобъ унести
 Сакунталу злосчастную, печалью
 Глубокой удрученную, съ тѣхъ поръ
 Какъ ты ее отвергъ, и увлекла
 Ее къ Адити,—мышленія силой
 Проникъ я въ суть всего что совершилось
 И повялъ: горемычную покинулъ
 Ты оттого что произнесъ свой судъ
 Дурваса. Видъ кольца смягчилъ проклятье.

ЦАРЬ (*про себя съ радостью*):

Итакъ я отъ вины своей свободенъ!

САКУНТАЛА (*про себя*):

О радость!.. Вижу я, что мой супругъ
 Не по своей меня покинулъ волю!
 И потому нельзя сказать теперь
 Чтобы меня онъ вспомнилъ; онъ меня
 Не забывалъ!

МАРИЧА.

Дитя, ты слышала
 Какъ все произошло, и на супруга
 Отнынѣ гнѣва не должна питать.

Лишь чрезъ проклятіе случилось то
 Что ты отвергнута была въ то время
 Когда супругъ твой, въ памяти смущенный,
 Къ тебѣ свою жестокость проявилъ.
 Но нынѣ снова мракъ его разсѣявъ,
 И власть твоя теперь спавна надъ нимъ.
 Когда падетъ на зеркало слои пыли
 Не отражается въ немъ ясный образъ,
 Но возникнетъ вновь, лишь только чисто.

ЦАРЬ.

Какъ ты сказаалъ, блаженный.

МАРИЧА.

Ты на сына

Порадовался ли, что родила
 Тебѣ Сакунтала? Надъ нимъ свершилъ я,
 Какъ это подобаеть, посвященье
 И прочіе обряды.

ЦАРЬ.

Почіетъ

На немъ надежда рода моего.

МАРИЧА.

Внемли: твой сынъ властитель будетъ міра,
 Героя духъ вселенъ въ него рожденьемъ.
 На колесницѣ что толчковъ не знаетъ
 Спокойно онъ чрезъ море переступитъ,
 И для земли, въ составъ которой входятъ
 Семь острововъ, защитникомъ представетъ.
 И въ битвахъ равнаго не встрѣтитъ онъ.
 „Вселокорителемъ“ его прозвали,
 За то что укрощаетъ онъ зверей.
 Придетъ пора когда, земли хранитель,
 Онъ имя Бараты * получить отъ людей.

ЦАРЬ.

Его, блаженный, ты благословилъ:
 Всего отъ сына ожидать дерзаю.

АДИТИ.

Что дочерью достигнуть ладъ желаній
 Познать ея отецъ то долженъ Канва;
 Мать Менака ея свое служенье
 Мнѣ посвящаетъ, и живетъ здѣсь близко.

* Bharata значитъ воинъ, герой.

САКУНТАЛА.

Чего желала я, то изрекла

Блаженная.

МАРИЧА.

Ужь силой покаянья

Почтенный Каява знает все. (*Размысливъ:*)

Но нынѣ

Встрѣчаетъ дочь его и съ вею сына

Супругъ съ почтеньемъ. Радостную вѣсть

Пусть внемлетъ онъ отъ насъ. Эй! кто тамъ есть?

(*Входитъ ученикъ*)

УЧЕНИКЪ.

Я здѣсь, блаженный.

МАРИЧА.

Глава, сейчасъ же

По воздуху перенесися къ Каявѣ

Почтенному, и именемъ моимъ

Ему угодное повѣдай: дочь

Твоя Сакунтала, что родила

Царю Духшантѣ сына, принята

Супругомъ, къ коему вернулось нынѣ

Воспоминаніе, когда проклятье

Дурвасы счастливо пришло къ концу.

УЧЕНИКЪ.

Какъ ты приказываешь передать,

Блаженный (*Уходитъ.*)

МАРИЧА.

Ты, мой сынъ, вступи теперь

На колесницу бога Индры съ сыномъ,

Съ супругою и съ другомъ, и въ столицу

Свою слѣвши.

ЦАРЬ.

Блаженный, ловинуюсь.

МАРИЧА.

Да проліетъ для подданныхъ твоихъ

Богъ Индра щедрыми струями дождь свой!

А ты мой сынъ, чрезъ жертвоприношенья

Угоденъ богу будь громовъ. Въ услугахъ

Пусть обоюдныхъ время протекаетъ

Для васъ, о благодѣтели вселенной,

И сто пятидесятилѣтій дается.

ЦАРЬ.

По силѣ я къ добру стремиться буду.

МАРИЧА.

Еще угодваго что совершу я,
Тебѣ, мой сынъ?

ЦАРЬ.

Блаженный, невозможно

Чтобъ выше было счастье того
Какимъ ты одарилъ меня; но пусть же
Исполнится тобой сіе желанье:
Да благу подданныхъ предамъ себя,
Земли властитель; пусть въ почтеньи будетъ
Сарасвати * въ кругу людей ученыхъ,
И пусть дозволить самосуцій Сива
Для жизни больше не рождаться мнѣ...

К О Н Е Ц Ъ.

* Священная рѣка, по имени которой называлась вся страна на сѣверо-западъ отъ Дели.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО СОРОКЪ ТРЕТЬЯГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	<i>Стр.</i>
Мальтійскій орденъ и отношенія его къ Россіи. <i>Р.....</i>	5
Водости перваго моего участка. Изъ отрывочныхъ воспоминаній. Гл. VI—VII. <i>С. Т. Славутинскаго.....</i>	36
Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума. Воспоминанія о дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда Кавказской арміи въ Русско-Турецкую войну 1877—78 года. Гл. I—IV. <i>С. В. Л-скаго.....</i>	66 ✓
О русской народной лѣснѣ. <i>Р. Г. Вестфала.....</i>	111 ✓
Мои воспоминанія о Фракіи. Гл. VII—VII. <i>К. Н. Леонтьева</i>	155
Змѣивый дѣвѣ. Разказъ. <i>В. В. Крестовскаго.....</i>	183 ✓
На Горахъ. Разказъ. Гл. XCIII—XCIX. <i>Андрея Печерскаго</i>	198 ✓
Пророкъ. Поэма въ десяти лѣсняхъ Роберта Гамерлингга. Пѣсни седьмая и восьмая. Переводъ <i>Θ. Б. Миллера.....</i>	267 ✓
Братья Карамазовы. Романъ. Книга седьмая. Гл. I—IV. <i>Θ. М. Достоевскаго.....</i>	310 ✓
Могаръ младшій. Романъ Андрея Тѳіе. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе).....	354 ✓
Новости литературы: I. <i>Мировичъ</i> , историческій романъ въ трехъ частяхъ. Григорія Данилевскаго.—II. <i>Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки.</i> И. Гончарова.—III. Новости иностранной литературы.....	398
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана.....</i>	438

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Сакуятада. Индійская драма Калидасы. Переводъ съ санскритскаго. *Алексѣя Путамя.*

О К Т Я Б Р Ъ.

	Стр.
✓ Андрей Тоявскій, его жизнь, учение и послѣдователи по новымъ источникамъ. Гл. III. <i>В. В. Макушева</i>	453
Волости перваго моего участка. Изъ отрывочныхъ возпоминаній. Окончаніе. <i>С. Т. Славутинскаго</i>	494
✓ Навожденіе. Повѣсть Гл. I—XIII. <i>Вс. С. Соловьева</i> ...	548
Разказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній записанные и собранные ея внукомъ. Гл. XIV—XV.	608
✓ Лѣсъ и значеніе его въ природѣ. Гл. XVII—XIX. <i>Я. И. Вейнберга</i>	644
✓ Братья Карамазовы. Романъ. Книга осьмая. Гл. I—IV. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	674
Пророкъ. Поэма въ десяти лѣсахъ Роберта Гамерлингга. Песнь девятая. Переводъ <i>Ф. Б. Миллера</i> ...	712
О преподаваніи русскаго языка и словесности. <i>И. Н. Паслова</i>	736
✓ Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума. Воспоминанія о дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда Кавказской арміи въ Русско-Турецкую войну 1877—78 года. Гл. VII—XI. <i>С. В. Д—скаго</i>	753
О взаимодействіи вещей. Философскій очеркъ. <i>В. Н. Потапова</i>	786
Новости литературы: I. <i>Очерки русской исторіи съ памятниками быта</i> . Соч. П. Полеваго. Первый выпускъ.—II. <i>Театральная Библиотека</i> . Ежемѣсячный журналъ по драматургіи и сценическому искусству. Москва. №№ 1 и 2.—III. <i>Бесѣды съ Тьеромъ, Гизо и другими замѣчательными лицами Второй Имперіи</i> . Вильяма Сеніора.—IV. <i>Жизнь и эпоха Штейна</i> , соч. Сили.—V. Библиографическія замѣтки.....	796
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	843

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Сакувтала. Индійская драма Калидасы. Переводъ съ санскритскаго. Окончаніе. *Алексъя Путьмы*.

NOV 14 1949

